ČASOPIS PRO

SLOVANSKOU FILOLOGII

SLAVIA

VOLUME 3

1924/25

SLAVIA

ČASOPIS PRO SLOVANSKOU FILOLOGII

S podporou

ministerstva školství a národní osvěty

vydávají

O. HUJER a M. MURKO

Ročník III.

TISKEM A NÁKLADEM

ČESKÉ GRAFICKÉ UNIE A. S. V PRAZE.

1924—1925

Reprinted with the permission of the Original Publishers

JOHNSON REPRINT CORPORATION
111 Fifth Avenue, New York, N.Y. 10003

JOHNSON REPRINT COMPANY LTD
Berkeley Square House, London, W1X6BA

First Reprinting 1970, Johnson Reprint Corporation

Printed in the United States of America

Obsah ročníku třetího.

Články:

Strana

А. Абеле: Къ вопросу о слогѣ . . . . 1— 34
R. Ekblom: Zur čechischen und serbischen Akzentuation . . . . . 35— 44
Г. Ильинскій: Одинъ эпизодъ изъ корсунскаго періода жизни Константина Философа . . . . 45— 64
Arne Novák: Politické myšlenky v Kollárově spise »O literární vzájemnosti mezi kmeny a nářečími slovanskými« . . . . 65— 74
B. J. Jarho: Srok i aliteracija u tužbalicama dužega stiha 75— 93; 352—363
М. В. Алпатов: К вопросу о западном влиянии в древне-русском искусстве . . . . 94—113
A. Brückner: Wzory etymologji i krytyki źródłowej . . . . 193—224
Н. Дурново: Спорные вопросы о.-сл. фонетики. . . . . 225 - 271
Р. Якобсон: Старочешские стихотворения однорифменными четверостишиями (8а·4) . . . . 272—315
А. Седельников: Древняя киевская легенда об апостоле Андрее 316—335
В Перетц: Описи монастырских библиотек XVII в. и спорные вопросы истории древней-русской литературы . . . . 336—351
Л. Барбаръ: Къмъ въпроса за борбата на Петко Р. Славейковъ за правдини въ съчиненията му . . . . 364—369
Milko Kos: Slovanski teksti v kodeksu 95 mestne biblioteke v Toursu 370—391
Josef Strzygowski: Der vorromanische Kirchenbau der Westslawen 392—446
V. Machek: Slov. *jьgъla . . . . 593—597
А. П. Стоиловъ: Редукция на гласнитѣ звукове *а, е, о* въ заровсковисочкия говоръ . . . . 598—600
П. Бузук: Замітки з української мови . . . . 601—605
А. Седельников: Эпическая традиция о Мануиле Комнине . . 606—618
В. Чернобаев: Западно-европейские источники Д. Обрадовича 619—654
M. Gavazzi: Slavenske mjere za predivo i tkivo prema seksagezimalnom sistemu . . . . 655—672

Kritiky a referáty:

Des rapports linguistiques slavo-roumains. I. P. Cancel: Despre »Român« și despre unele probleme vechi slavo-romane. — II. P. Cancel: Termenii slavi de *plug* in daco-romana. (P. Skok) 114—121
Dr. K. Titz: Franc. *coche*, špaň. *coche*, ital. *cocchio* = stč. *kotčí, kočí (vůz)*. — Ohlasy husitského válečnictví v Evropě. (P. Skok) . . 121—124
R. Ekblom: Zur Physiologie der Akzentuation langer Silben im Slavo-Baltischen. (N. van Wijk) . . . . 124—127
Tore Torbiörnsson: De litauiska akcentförskjutningarna och den litauiska verbalakcenten. (Autoreferát) . . . . 127—138
С. Северьянов: Синайская Псалтырь. (Николай Дурново) . . 138—139
Акад. Ол. Шахматов — Акад. Аг. Кримський: Нариси з історії української мови та хрестоматія з пам'ятників письменської старо-українщини XI—XVIII вв. (П. Бузук) . . . . 139—141
А. Теодоров-Балан: Към тъй наречените панонски жития. (Fr. Pastrnek) . . . . 141—144
M. Weingart: Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. Přehled a rozbor filologický. Část I. (В. Розовъ, Г. Вернадскій) . . . . 145—161; 474—486

Strana

Старинный театр в России XVII - XVIII вв. (П. Богатырев) . . 161--16
Historja Literatury Polskiej. (Przegląd wydawnictw i opracowań naukowych, 1918—1921). Część piąta. (Ign. Chrzanowski) . . 165—17
J. Bogdan: Cronica lui Constantin Manasses. (N. Cartojan) . . . 17
N. Jokl: Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. (K. Treimer) . . . . 447—45
Tore Torbiörnsson: De litauiska akcentförskjutningarna och den litauiska verbalakcenten. (N. van Wijk). . . . . 457—45
T. Lehr-Spławiński: Zarys gramatyki języka staro-cerkiewnosłowiańskiego. (С. Кульбакинъ) . . . . 459—46
В. Ганцов: Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку. — Діялектологічна класифікація україн. говорів. (Др. С. Смаль-Стоцький) . . . . 462—470, 695-70
Řecká předloha staroslověnského překladu evangelního (J. Vajs). 470--47
История древней русской литературы в работах русских ученых 1917—1923 гг. (В. Перетц) . . . . 486--505; 706—72
В. Марковић: Православно монаштво и монастири у средњевековној Србији. (Владимиръ Розовъ) 505--52
F. Kidrič: Bartholomaeus Georgijević. (Václav Burian) . . . . . 521—53
Historja literatury polskiej. (Ign. Chrzanowski). . . . . 533—54
S. Pigoń: Głosy z przed wieku. Szkice z dziejów procesu filareckiego. (Mir. Zelenka) . . . . 542—54
G. Gesemann: Das goldene Zeitalter. Ein Kapitel über Dostojewski. (А. Бемъ). . . . . 546—54
N. Bănescu: Changements politiques dans les Balkans après la conquête de l'Empire Bulgare de Samuel (1018). (Г. Вернадскій) 549—55
Serbisch-byzantinische Urkunden des Meteoronklosters herausgegeben v. N. A. Bees. (Г. Вернадскій). . . . . 550—55
Франко-тюрская теорія происхожденія Руси. (Ант. Флоровскій) . . . . 551—559; 739—74
R. Trautmann: Baltisch-Slavisches Wörterbuch. (A. Meillet). . . . 673—67
A. Meillet et M-me H. de Willman-Grabowska: Grammaire de la langue polonaise. (S. Szober). . . . . 676—68
С. М. Кульбакинъ: Украинскій языкъ. Краткій очеркъ исторической фонетики и морфологіи. (Б. Ляпуновъ) . . . . 681—69
История новой русской литературы за годы 1917—1924. (С. Балухатый) . . . . 724—73

Diskusse:

Zur ungarischen Endbetonung. (H. Sköld, N. van Wijk) . . . . . 173—17

Zprávy:

В. В. Стасовъ. (С. Кондаковъ) . . . . 181—18
И. П. Кондаковъ, къ его восьмидесятилѣтію. (Г. Вернадскій) . . 560—56
J. J. Mikkola, K etymologii slova kъńiga 56
G. Il'jinskij Moskva. 56
Neznámý auktor slovanského komentáře žaltářního. (Jos. Vajs) . . 564—56
Московская Диалектологическая Комиссия (1904—1924). (И. Голанов, Н. Дурново) . . . . 749—75
К 40-летию „Очерков" А. И. Соболевского. (Н Дурново) . . . 757—75
První sjezd slovanských geografů a ethnografů. (M. Zelenka) . . . 766-77

Bibliografické zprávy:

K. Buga, Litevský slovník (178). — H. H. Bender, A lithuanian etymologic index (178—179). — K. Mühlenbach, Lotyšský slovník (179). - Архив з арбанаску старину, језик и етнологију (179 180). -- А. П. Геор гіевскій, Старославянскій языкъ (180). — Słownik języka polskieg (180). — A. Brückner, Średniowieczna pieśń religijna (180 -181). — R. Dybosk O lektuře Goethova Fausta (181). — Slavnostní sborník Národního divadl

v Praze 1883—1923 (181). — Folklor v Polsku (181). — В. Л. Комарович, Юность Достоевского (184—185). — H. Hesse, Blick ins Chaos. (185—186). — Из воспоминаний А. Г. Достоевской (186—188). — Ю. Г. Оксман, Судьба одной пародии Достоевского (188—189). — А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки и легенды (189). — Fr. Ramovš, Historična gramatika slovenskega jezika, II: Konzonantizem (563). — S. Musulin, Česká mluvnice pro Srby a Chorvaty (564). — Искусство. Журнал Российской Академии Художественных Наук № 1. (565—567). — Научные Известия, II. (567—569). — Архивное дѣло. 1. (569). — С. А. Жебелевъ, Введеніе въ археологію, Ч. I. (570). — Revue des études hongroises et finno-ougriennes (571). — Fototypické vydání kodexu Assemanova (571). — Трудове изъ областьта на българското езикознание (758—765). — Silviu Dragomir. Romànii din Serbia în sec. XII—XV. (770—771). — Tache Papahagi, Antologie aromânească (771). — Leca Morariu. Războiul Troadei după codicele C. Popovici (771—772). — С. Поповић, Философија и религија Ф. М. Достојевскога (772—774). — Толстой. Памятники творчества и жизни. 4. Ред. В. И. Срезневского (774—775).

Nekrology:

Д. И. Анучинъ (572—573). — Памяти графини Прасковіи Сергѣевны Уваровой (574—575). — Памяти Филипа Федоровича Фортунатова. 1848—1914. (776—786). — Вѣчная память славянскому витязю науки Никодиму Павловичу Кондакову (787—789).

Výtahy z časopisů:

Listy filologické L. (190—191). — Wörter und Sachen VIII. (191—192). — Русскій филологическій вѣстникъ. Томъ LXXII—LXXVIII. (576—585). — Časopis pro moderní filologii a literatury X. (585—586). — Filologu biedrības raksti IV. (586—588). — Časopis Musea král. českého XCVI. (588—589). Časopis Národního musea XCVII (589—591). — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher I—III; IV. (797—798; 591—592). — Revue des études slaves III. (790—793). — Јужнословенски Филолог II, 3—4; III. (793—797).

Oprava 592

Rejstříky . . . . 799—816

IIIᵉ Année — Table des matières.

Articl.. Page

A. **Abele**: Contribution à l'étude de la syllabe . . . . 1— 34
R. Ekblom: Zur čechischen und serbischen Akzentuation . . . . . 35— 44
G. Il'jinskij: Un épisode de la période taurique de la vie de Constantin le Philosophe . . . . 45 — 64
Arne Novák: Des pensées politiques dans l'opuscule de Kollár »De la solidarité littéraire des peuples et des dialectes slaves« . . . 65— 74
B. J. Jarho: Césure et allitération dans l'élégie au vers long . . . . 75— 93; 352— 363
M. V. Alpatov: Le problème de l'influence occidentale dans l'ancien art russe . . . . 94—113
A. Brückner: Modèles d'étymologie et de critique des sources . . 193—222
N. Durnovo: Quelques problèmes de phonétique du slave commun . 225—271
R. Jakobson: Poèmes vieux tchèques composés de quatrains à rime unique . . . . 272—315
A. Sedel'nikov: Une vieille légende kiévienne de l'apôtre St. André 316—335
V. Peretc: Inventaires de bibliothèques de monastères du 17 s. et questions controversées de l'histoire de la littérature vieux-russe 336—351
L. Barbar: La lutte pour le droit dans les œuvres de Petko R. Slavejkov . . . . 364—369
M. Kos: Textes slaves dans le manuscrit 95 de la Bibliothèque municipale de Tours . . . . 370—391
J. Strzygowski: Der vorromanische Kirchenbau der Westslawen 392—446
V. **Machek**: Slav. *jьgъla . . . . 593—597
A. P. Stoilov: Réduction des voyelles *a*, *e*, *o* dans le parler de Zarovo et Visoka (Macédoine) . . . . 598—600
P. Buzuk: Remarques sur la langue ukraïnienne . . . . 601—605
A. Sedel'nikov: Manuel Comnène, dans la tradition épique . . . 606—618
V. Černobaev: Sources occidentales de D. Obradović . . . . . . 619—654
M. Gavazzi: Mesures slaves pour le filage et le tissage d'après le système sexagésimal . . . . 655—672

Critiques et comptes-rendus:

Des rapports linguistiques slavo-roumains. I. P. Cancel: Despre »Rumân« și despre unele probleme vechi slavo-romane. — II. P. Cancel: Termenii slavi de *plug* in daco-romana (P. Skok) 114—121
Dr. Karel Titz: Fr. *coche*, esp. *coche*, ital. *cocchio* = vx. tchèque ***kotčí***, ***kočí (vůz)***. — Echos des guerres hussites en Europe. (P. Skok) 121—124
R. Ekblom: Zur Physiologie der Akzentuation langer Silben im Slavo-Baltischen. (N. van **Wijk**) . . . . 124—127
Tore Torbiörnsson: De litauiska akcentförskjutningarna och den litauiska verbalakcenten. (Tore Torbiörnsson) . . . . 127—138
S. Sever'janov: Le Psautier du Sinaï. (Nicolas Durnovo) . . . 138—139
O. Šachmatov — A. Krymśkyj: Études d'histoire de la langue ukraïnienne et chrestomathie du vieux ukraïnien du 11 au 18 s. (P. **Buzuk**) . . . . 139—141
A. Teodorov-Balan: Remarques sur le texte des légendes dites pannoniennes (Fr. **Pastrnek**) . . . . 114—144

Page

M. Weingart: Les chroniques byzantines dans la littérature vieux slave. 1ère partie. (V. Rozov, G. Vernadskij) . . 145—161; 474—486
L'ancien théâtre russe (XVII et XVIII s.) (P. Bogatyrev) . . . . 161—165
Histoire de la littérature polonaise. (Compte-rendu des publications et travaux parus de 1918 à 1921). 5e partie. (I. Chrzanowski) 165—172
J. Bogdan: Cronica lui Constantin Manasses. (N. Cartojan) . . . 172
N. Jokl: Linguistisch-kulturhistorische Untersuchung aus dem Bereiche des Albanischen. (K. Treimer) . . . . 447—456
Tore Torbiörnsson: De litauiska akcentförskjutningarna och den litauiska verbalakcenten. (N. van Wijk) . . . . 457—459
T. Lehr-Spławiński: Esquisse d'une grammaire du vieux slave. (S. Kulbakin) . . . . 459—462
V. Hancov: Caractéristique des diphtongues des parlers ukraïniens de Polésie et traces de leur développement phonétique. — Classement dialectologique des parlers ukraïniens. (Dr. S. Smal-Stočkyj) . . . . 462—470; 695—706
L'original grec de la traduction de l'Evangile en vieux slave. (J. Vajs) 470—474
L'histoire de la littérature vieux-russe dans les travaux des savants russe de 1917 à 1923. (V. Peretc) . . . . 486—505; 706—724
V. Marković: Moines et monastères orthodoxes dans la Serbie du Moyen Age. (V. Rozov) . . . . 505—521
F. Kidrič: Bartholomaeus Georgijević (V. Burian) . . . . 521—533
Histoire de la littérature polonaise. (I. Chrzanowski) . . . . . . 533—542
S. Pigoń: Voix d'il y a 100 ans. Croquis relatifs à l'histoire du procès des »Philarèthes« (M. Zelenka) . . . . 542—546
G. Gesemann: Das goldene Zeitalter. Ein Kapitel über Dostojewski. (A. Bem) . . . . 546—549
N. Bănescu: Changements politiques dans les Balkans après la conquête de l'Empire Bulgare de Samuel (1018). (G. Vernadskij) 549—550
Serbisch-byzantinische Urkunden des Meteoronklosters hrsg. v. N. A. Bees. (G. Vernadskij) . . . . 550—551
Une théorie qui attribue à la Russie des origines franques et turques. (A. Florovskij) . . . . 551—559; 739—748
R. Trautmann: Baltisch-Slavisches Wörterbuch. (A. Meillet) . . . 673—676
A. Meillet et Mme H. de Willman-Grabowska: Grammaire de la langue polonaise. (S. Szober) . . . . 676—684
S. M. Kulbakin: La langue ukraïnienne. Courte esquisse de phonétique et de morphologie historiques. (B. Ljapunov) . . . . 684—694
L'histoire de la littérature russe moderne. Publications parues de 1917 à 1924. (S. Baluchatyj) . . . . 724—739

Discussion:

Zur ungarischen Endbetonung. (H Sköld, N. van Wijk) . . . . . 173—177

Notes et informations:

V. V. Stasov. (S. Kondakov) . . . . 181—183
N. P. Kondakov: A l'occasion de son 80e anniversaire de naissance (G. Vernadskij) . . . . 560—563
J. J. Mikkola: Contribution à l'étymologie du mot kъńiga . . . 563
G. Il'jinskij: Moskva 564
L'auteur inconnu d'un commentaire slave des psaumes. (J. Vajs) . 564—565
La Commission de dialectologie de Moscou (1904—1924). (I. Golanov, N. Durnovo) . . . . 749—757
A l'occasion du 40e anniversaire des »Esquisses« de A. J. Sobolevskij. (N. Durnovo) . . . . 757—758
Le premier congrès des géographes et des ethnographes slaves. (M. Zelenka) . . . . 766—770

Renseignements bibliographiques:

K. Buga: Dictionnaire lithuanien (178). — H. H. Bender: A lithuanian etymological index (178—179). — K. Mühlenbach: Dictionnaire letton (179). — »Arhiv za arbanasku starinu, jezik i etnologiju« (179—180). — A. P. Georgievskij: Le vieux slave (180). — Dictionnaire de la langue polonaise (180). — A. Brückner: Le chant religieux du moyen âge (180—181). — R. Dyboski: De la lecture de »Faust« de Goethe (181). — Recueil solennel du Théâtre national à Prague 1883—1923 (181). — Le folklore dans la Polonie (181). — V. L. Komarovič: La jeunesse de Dostoïevskij (184—185). — H. Hesse: Blick ins Chaos (185—186). — Les souvenirs de A. G. Dostoïevskaja (186—188). — J. G. Oksman: La destinée d'une parodie de Dostoïevskij (188—189). — A. N. Afanasïev: Contes populaires et légendes russes (189). — F. Ramovš: Grammaire historique du slovène II: Consonantisme (563). — S. Musulin: Grammaire tchèque à l'usage des Serbes et des Croates (564). — Iskusstvo. Revue de l'Académie russe des Beaux-Arts N° 1. (565—567). — Naučnyje Izvěstija, II (567—569). — S. A. Žebelev: Introduction à l'étude de l'archéologie. 1e p. (570). — Revue des études hongroises et finno-ougriennes (571). — Edition phototypique de l'Assemanianus (571). — Traveaux de linguistique bulgares (758—765). — Silviu Dragomir: Românii din Serbia în sec. XII—XV. (770—771). — Tache Papahagi: Antologie aromânească (771). — Leca Monariu: Războiul Troadei după codicele C. Popovici (771—772). — S. Popović: La philosophie et la religion de Th. M. Dostoïevskij (772—774). — Tolstoï. Documents concernant son œuvre et sa vie. 4. S. l. rédaction de V. I. Sreznevskij (774—775).

Nécrologies :

D. N. Anučin (572—575). — A la mémoire de la comtesse Praskovija Sergějevna Uvarov (574—575). — A la mémoire de Philippe Fedorovič Fortunatov 1848—1914. (776—786). — A Nicodème Pavlovič Kondakov, héros slave de la science. Eternel souvenir (787—789).

Revue des périodiques:

Listy filologické L. (190—191). — Wörter und Sachen VIII. (191—192). — Russkij filologičeskij věstnik. Tome LXXII—LXXVIII. (576—585). — Časopis pro moderní filologii a literatury X. (585—586). — Filologu biedrības raksti IV. (586—588). — Časopis Musea král. českého XCVI. (588—589). — Časopis Národního musea XCVII. (589—591). — Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher I—III; IV. (797—798; 591—592). — Revue des études slaves III. (790—793). — Južnoslovenski Filolog II, 3—4; III. (793—797).

Rectification 592

Index . . . . 799—816

Къ вопросу о слогѣ.

(Изъ кабинета экспериментальной фонетики при Петроградскомъ Университетѣ.[1])

1. Настоящая работа возникла при изученіи акцентуаціи дифтонгическихъ сочетаній въ современномъ латышскомъ языкѣ. При подобномъ изслѣдованіи мнѣ неизбѣжно приходилось оперировать съ тѣми понятіями, которыя обыкновенно принято называть терминами: слогъ, слоговой или слогообразующій, неслоговой, слоговая граница. Между тѣмъ понятія эти оказались въ наукѣ не вполнѣ установленными, такъ что мнѣ пришлось, работая надъ акцентуаціей латышскихъ дифтонговъ, попутно пересмотрѣть и весь большой и трудный вопросъ о слогообразованіи. Нѣкоторые результаты этого пересмотра и сообщаются ниже.

2. Наблюденіе надъ живыми языками показало, что тѣ или другія слоговыя отношенія, во-первыхъ, рѣдко бываютъ семасіологизованы или морфологизованы,[2]) и во-вторыхъ, что именно они прежде всего подвержены дѣйствію всевозможныхъ факторовъ, какъ физическаго, такъ и психологическаго характера, дѣйствующихъ въ живой рѣчи. Этимъ и объясняется то, что одинъ и тотъ же комплексъ фонемъ, ассоціированный даже съ однимъ и тѣмъ же смысловымъ представленіемъ, можетъ

---

[1]) Предлагаемое ниже изслѣдованіе написано было мною еще въ 1917 году, въ бытность мою въ Петроградѣ въ качествѣ ассистентки при каѳедрѣ сравнительнаго языкознанія историко-филологическаго факультета Петроградскаго университета. Уѣзжая весною 1918 г. изъ Петрограда въ Ригу, я оставила свою работу тамъ, намѣреваясь, по возвращеніи въ Петроградъ, ее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще дополнить. Но такъ какъ возвращеніе въ Россію къ началу учебнаго года оказалось невозможнымъ, то моя статья и осталась тамъ непереработанной, и только недавно мнѣ удалось достать ее изъ Петрограда. Не имѣя сейчасъ досуга, необходимаго для дальнѣйшихъ экспериментальныхъ изслѣдованій, рѣшаюсь предложить настоящую работу читателю почти въ томъ же видѣ, какъ она была первоначально написана. Позволяю себѣ выразить при этомъ искреннюю признательность своему учителю, руководителю кабинетомъ экспериментальной фонетики при Петроградскомъ университетѣ, проф. Л. В. Щербѣ, подъ руководствомъ котораго работа была произведена.

[2]) Термины, принадлежащіе И. А. Бодуэну де Куртэнэ; о нихъ см. Encyklopedya polska tom II, dział III. (część I.) 177 сл.

произноситься въ отношенiи слогообразованiя и слогодѣленiя разными способами въ разныхъ индивидуальныхъ случаяхъ.

3. Задача изслѣдователя современнаго состоянiя какого-нибудь языка сводится прежде всего къ выдѣленiю всего типичнаго изъ всей массы наблюдаемыхъ имъ индивидуальныхъ фактовъ, при изученiи явленiй слога — типичныхъ формъ слогообразованiя и слогодѣленiя, характерныхъ для изучаемой стадiи языка. Но конечно, кромѣ установленiя болѣе или менѣе устойчивыхъ для даннаго состоянiя языка типовъ, не меньшiй лингвистическiй интересъ представляютъ и сами колебанiя какъ таковыя, вообще всякiя отклоненiя отъ нормы, поскольку они въ свою очередь становятся типичными, такъ какъ именно они даютъ намъ возможность судить о тѣхъ фонетическихъ факторахъ, дѣятельностью которыхъ обусловливается дальнѣйшая стадiя въ эволюцiи языка и ея направленiе (ср. Л. В. Щерба, Восточнолужицкое нарѣчiе, Петроградъ 1915 г. — т. I. гл. V.).

Для примѣра приведу нѣкоторые факты изъ современнаго латышскаго языка. Напр. слова, которыя въ общепринятой латышской орѳографiи пишутся: *lauva* „левъ“, *kaija* „чайка“, *kanna* нѣм. „Kanne“, *čamma* „охапка“, *pilla* (дiал. вм. *pilna*) „полная“, *pļẹrra*[1]) (дiал.) „болтунъ“, *asa* „острая“, *aka* „колодезь“, *lapa* „листъ“, *mati* „волосы“ и. т. п. можно произносить либо двусложно: *laũ-a*,[2]) *kaĩ-a*, *kañ-a*, *čam̃-a*, *pil̃-a*, *pļẹr̃-a*, *a-sa*, *a-ka*, *la-pa*, *ma-ti* или, при нѣкоторомъ подчеркиванiи слова: *laũ-u̯a*, *kaĩ-i̯a*, *kañ-na*, *čam̃-ma*, *pil̃-la*, *pļẹr̃-ra*, *as-sa*, *ak-ka*, *lap-pa*, *mat-ti* со слоговой границей въ „сонантѣ“ или согласномъ, либо односложно: *laũa̯*, *kaĩa̯*, *kaña̯*, *čam̃a̯*, *pil̃a̯*, *pļẹr̃a̯*, *as̄a̯*,[3]) *ak̄a̯*, *lap̄a̯*, *mat̄i̯* съ неслоговымъ конечнымъ *a*.[4])

Хотя нормальнымъ произношенiемъ говорящими на литературномъ нарѣчiи признается двусложное, однако наблюденiя показываютъ, что въ средне-латышскихъ говорахъ, къ которымъ принадлежитъ и говоръ, лежащiй въ основѣ моихъ изслѣдованiй, въ быстрой рѣчи эти слова произносятся односложно: *laũa̯*, *kaĩa̯* и т. д.[5]) Такое односложное произношенiе легко ведетъ къ совершенному исчезновенiю конечнаго гласнаго

---

[1]) *ẹ* — широкое *e*.

[2]) ˜ знакъ длительной интонацiи (Dehnton).

[3]) Горизонтальная черта (—) надъ знакомъ согласнаго обозначаетъ долготу согласнаго.

[4]) Подробный разборъ этихъ случаевъ см. въ гл. III. § 31.

[5]) Ср. J. Endzelin, Lettische Grammatik, Riga 1922, §§ 8, 10.

(и въ сознаніи говорящихъ), что и наблюдаемъ въ западныхъ (ливонскихъ) говорахъ латышскаго языка.[1])

4. Подобныя наблюденія показываютъ, что измѣненія въ области слоговыхъ отношеній, какъ напр. передвиженіе слогового центра и слоговой границы, измѣненіе характера слогового ударенія и т. п. являются однимъ изъ самыхъ важныхъ и постоянно дѣйствующихъ въ жизни языка факторовъ. Тѣ или другія измѣненія въ звуковой системѣ нерѣдко могутъ быть слѣдствіемъ измѣненія общей формы слогового типа или той или другой формы слогового ударенія.[2]) Сюда, несомнѣнно, относятся такія явленія какъ монофтонгизація дифтонговъ, исчезновеніе закрытыхъ слоговъ и появленіе ихъ вновь, сохраненіе или потеря звонкости конечными согласными, какъ въ абсолютномъ исходѣ, такъ и въ закрытыхъ слогахъ вообще (независимо отъ качества слѣдующей фонемы.[3]) Для надлежащаго пониманія всѣхъ этихъ почти неизслѣдованныхъ до сихъ поръ явленій необходимо основательное знакомство съ тѣми физическими и психофизіологическими факторами, которые участвуютъ въ образованіи слога вообще и того или другого слогового типа въ частности.

5. Знакомясь съ литературой о слогѣ, убѣждаемся, что вопросы, касающіеся слоговыхъ отношеній, изслѣдованы далеко не достаточно.[4]) Всѣ наиболѣе разработанныя слоговыя теоріи прежде всего построены главнымъ образомъ на фактахъ всего лишь трехъ новыхъ западно-европейскихъ языковъ и дѣлаютъ часто обобщающіе выводы на основаніи фактовъ, не имѣющихъ всеобщаго значенія, не будучи въ состояніи объяснить факты, чуждые этимъ языкамъ.[5]) Кромѣ

---

[1]) Ср. J. Endzelin, Lettische Grammatik, § 38b.

[2]) Ср. мою статью въ Filologu Biedrības Raksti III стр. 40 и сл.

[3]) О понятіи „фонема" см. Щерба, Русскіе гласные съ качественной и количественной стороны, Петроградъ 1911, Введеніе.

[4]) Ср. также E. Hermann, Silbenbildung im Griechischen, стр. 1 и сл.

[5]) У Sievers'а въ Grundzüge der Phonetik (5. Aufl., Leipzig 1901) встрѣчаемъ, напр. слѣдующіе выводы, противорѣчащіе конкретнымъ фактамъ: 1. Въ слогѣ, каковъ бы ни былъ его составъ, только одна изъ составляющихъ его фонемъ можетъ быть слоговой, всѣ остальныя — неслоговыя (410, 525); 2. двѣ фонемы, отдѣленныя другъ отъ друга менѣе сонорною по природѣ, напр. въ сочетаніяхъ *aia*, *asa* (522) или въ сочетаніяхъ *aml*, *amr*, *lma*, *rma* (531), никоимъ образомъ не могутъ быть произнесены односложно; 3. въ односложныхъ сочетаніяхъ вродѣ *al*, *la* слогообразующимъ можетъ быть только *a*, какъ болѣе сонорное по природѣ, но никогда *l* (539). Подобныя положенія, встрѣчаемыя во всѣхъ почти руководствахъ по фонетикѣ, противорѣчатъ (какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго) конкретнымъ фактамъ и являются слѣдствіемъ односторонняго

того онѣ страдаютъ еще неопредѣленностью и неясностью въ самомъ пноиманіи слога, какъ фонетическаго цѣлаго, ровно какъ и тѣхъ психофизіологическихъ факторовъ, которыми обусловливается его существованіе.

Ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ слоговыхъ теорій не даетъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта на самые принципіальные вопросы, какъ: что такое собственно слогъ?[1]) чѣмъ регулируются отношенія рядомъ стоящихъ фонемъ, ихъ тавтосиллабизмъ или гетеросиллабизмъ? въ чемъ выражается слоговой или неслоговой характеръ фонемы?

Основной задачей настоящаго изслѣдованія является попытка генетическаго опредѣленія слога, какъ фонетическаго цѣлаго, и изученіе законовъ, управляющихъ взаимоотношеніемъ фонемъ объединенныхъ въ слогѣ. Здѣсь, слѣдовательно, будутъ разсматриваться главнымъ образомъ вопросы общаго характера, которыхъ мнѣ такъ или иначе приходилось касаться при изученіи факторовъ, дѣйствующихъ въ области слогообразованія въ современномъ латышскомъ языкѣ (вопросы спеціально касающіеся опредѣленія латышскаго слогового типа составляютъ предметъ другой моей работы, цѣль которой изученіе природы латышскихъ дифтонговъ въ зависимости отъ способовъ ихъ слоговой акцентуаціи.[2])

До нѣкоторой степени случайнымъ характеромъ возникновенія настоящаго изслѣдованія объясняется неравномѣрность разработки отдѣльныхъ вопросовъ. Такъ, напр., несравненно подробнѣе другихъ вопросовъ разработанъ вопросъ о дифтонгическомъ слоговомъ центрѣ (гл. II.).

I. Слогообразованіе.

7. Разсматриваемый со стороны субъективной слогъ, несомнѣнно, представляетъ нѣкое обособленное цѣлое, извѣстную

толкованія слоговыхъ отношеній, какъ результата дѣйствія или исключительно физическаго начала — природной сонорности (Jespersen, Viëtor, Lloyd, Trautmann), или по крайней мѣрѣ, ея преобладанія надъ другими факторами (Sievers, Techmer, Passy).

[1]) Sievers прямо говоритъ (l. c. 515): „eine einheitliche genetische Definition des Begriffs »Silbe« lässt sich nicht geben“.

[2]) Результаты этого изслѣдованія въ сокращенномъ видѣ изложены въ Filologu Biedrības Raksti I, стр. 39—44.

фонетическую единицу, болѣе или менѣе однако сложную по составу. Если передъ нами сложное цѣлое, то, очевидно, долженъ существовать и нѣкоторый объединяющій факторъ, придающій сложному явленію извѣстную цѣльность и единство.

Чтобы найти это объединяющее начало въ слогѣ съ болѣе или менѣе сложнымъ составомъ, выяснимъ сначала, чѣмъ характеризуется образованіе слоговъ однородныхъ по составу. Возьмемъ какую-нибудь сонорную или вообще длительную фонему, напр. *a*, *m*, *s* и т. п. Мы можемъ произносить ее односложно и можемъ произносить ее въ нѣсколько слоговъ, не прерывая голоса и выдыха. Сравнивая полученныя отъ того и другого случая кривыя,[1]) мы замѣчаемъ съ одной стороны недѣлимость впечатлѣнія, обнаруживающуюся и въ однородности кривыхъ *V* и *S* (фиг. 1), съ другой стороны яркую дѣлимость, зависящую, по свидѣтельству данныхъ кривыхъ (фиг. 2), отъ дѣйствія трехъ факторовъ,[2]) функціонально связанныхъ между собою: 1. силы голоса, 2. высоты его и 3. измѣненій давленія выдыхаемаго воздуха. Детальное изученіе кривыхъ показываетъ, что каждый слогъ, при однородномъ составѣ его, характеризуется: 1. усиленіемъ голоса по направленію къ центру слога (увеличеніе амплитуры колебаній на кривой *V*) и ослабленіемъ его передъ переходомъ въ слѣдующій слогъ (уменьшеніе амплитуды колебаній на кривой *V*), который начинается съ новаго усиленія; 2. повышеніемъ голоса по направленію къ центру слога (сокращеніе періодовъ) и пониженіемъ его передъ переходомъ въ слѣдующій слогъ (удлиненіе періодовъ); 3. увеличеніемъ давленія выдыхаемаго воздуха по направленію къ центру слога и уменьшеніемъ его въ переходѣ къ новому слогу (увеличеніе и уменьшеніе высоты подъема кривой *S*).

8. Наряду съ этими объективными данными имѣемъ непосредственныя, субъективныя показанія мускульнаго чувства, свидѣтельствующія объ измѣненіяхъ физіологическаго характера, вполнѣ соотвѣтствующихъ показаніямъ кривыхъ. И тѣ

[1]) Всѣ предлагаемыя ниже кривыя получены на кимографѣ при очень малой скорости. Записывались обыкновенно двѣ синхронистическія кривыя, изъ которыхъ одна (кривая *V*) показываетъ голосовыя вибраціи, другая (кривая *S*) токъ выходящаго воздуха. (О фиг. 4 см. ниже.).

[2]) Детальное изученіе кривыхъ обнаруживаетъ кромѣ того и нѣкоторыя измѣненія въ тембрѣ голоса, которыхъ однако не буду здѣсь разсматривать въ виду того, что измѣненіе тембра само по себѣ не обусловливаетъ слогодѣленія, какъ показываетъ фиг. 3, № 1.

и другія показанія одинаково говорятъ объ увеличеніи мускульнаго напряженія по направленію къ центру, называемому обыкновенно вершиною слога,[1]) и объ уменьшеніи его по направленію къ границѣ со слѣдующимъ слогомъ, начинающимся съ новаго усиленія. — Такимъ образомъ съ физіологической стороны границей слоговъ является моментъ ослабленія мускульной работы[2]) передъ слѣдующимъ усиленіемъ, характеризующимъ всегда начало новаго слога; центромъ же или вершиной слога — моментъ наибольшаго мускульнаго напряженія; т. е. каждый слогъ произносится съ отдѣльнымъ, болѣе или менѣе сильнымъ импульсомъ мышечной энергіи.

Фиг. 1. Односложное длительное ā.

9. Тутъ кстати сказать нѣсколько словъ относительно такъ называемой прерывистой интонаціи, имѣющей мѣсто въ латышскомъ и датскомъ языкахъ.[3]) Интереснымъ является вопросъ, почему гласные съ прерывистой интонаціей, несмотря на присутствіе иногда довольно значительной паузы, всетаки воспринимаются какъ нѣчто цѣльное, какъ одинъ слогъ.[4])

[1]) Вершину слога не слѣдуетъ понимать какъ опредѣленную точку, по достиженіи которой должно сразу наступить ослабленіе. Изученіе разныхъ типовъ слоговыхъ интонацій показываетъ, что моментъ наибольшаго мускульнаго напряженія, какъ и сопровождающія его (напряженіе) проявленія акустическаго характера, бываетъ, смотря по типу интонаціи, болѣе или менѣе продолжительнымъ (ср. мою статью: Объ акцентуаціи ударенныхъ простыхъ гласныхъ въ латышскомъ языкѣ въ Изв. Имп. Ак. Наукъ т. XX, кн. 2, стр. 151 и сл.).

[2]) Само собой разумѣется, что этотъ minimum мускульной работы можетъ быть доведенъ до нуля, и тогда слоговой границей будетъ пауза (ср. мнѣніе проф. Богородицкаго въ Замѣткахъ по экспериментальной фонетикѣ, 1896 г., стр. 12). Но, какъ показываютъ кривыя, такая пауза отнюдь не обязательна, какъ необходимое условіе слогодѣленія; равнымъ образомъ одно присутствіе паузы само по себѣ еще не даетъ права говорить о двусложности, какъ показываетъ изученіе прерывистой интонаціи.

[3]) Относительно природы латышскаго прерывистаго типа см. Извѣстія XX, кн. 2, стр. 175—191.

[4]) Прерывистое слоговое удареніе разсматривается и Зиверсомъ (Grundzüge 585 sq.). Онъ, исходя изъ признаваемаго имъ «Sonoritätsprincip'a» какъ

Со стороны произносительной тутъ, повидимому, все дѣло въ мускульномъ напряженіи: при перерывѣ нѣтъ только что упомянутаго, характернаго для слогораздѣла ослабленія работы мускуловъ; наоборотъ, моментъ перерыва (сжатія) характеризуется сильнымъ напряженіемъ мускуловъ; и самая пауза, поскольку она наблюдается, является лишь невольнымъ слѣдствіемъ чрезмѣрнаго напряженія (ср. Изв. XX, 2, стр. 185 и сл.): голосъ внезапно обрывается въ моментъ наибольшей силы, и вторая половина гласнаго произносится не съ новымъ импульсомъ мускульной энергіи, а является лишь ослабленнымъ продолженіемъ дѣйствія задержаннаго первоначальнаго импульса. Это единство двигательнаго импульса является, очевидно, причиною того, что со стороны мускульнаго чувства гласные съ прерывистымъ удареніемъ, въ извѣстномъ мнѣ произношеніи, никогда не воспринимаются какъ два слога. Акустическое впечатлѣніе оказывается иногда нѣсколько колеблющимся — разумѣется только для человѣка незнакомаго съ произносительной стороной и слѣдовательно руководствующагося однимъ слухомъ.[1])

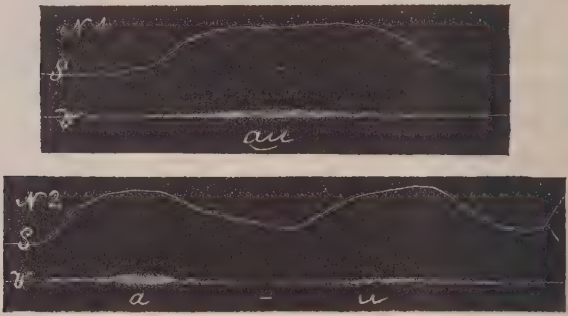
Фиг. 2. Трехсложное длигельное ā [a-a-a].

основного принципа слогодѣленія (ср. сказанное выше въ § 5), приходитъ къ той же двойственности во взглядѣ на число слоговъ, которой характеризуется вся его слоговая теорія (ср. l. c. 522 sq). Въ Grundzüge (587) онъ говоритъ: Streng genommen haben wir es übrigens hier stets mit einer Verbindung einer Vollsilbe mit einer Nebensilbe in dem 534 festgestellten Sinne zu tun, da der Glottisschluss die Schallbildung völlig hemmt, also eine Schallgrenze bedingt. Indess ist doch der Gesammteindruck ein sehr einheitlicher, daher man denn wohl Silben mit Stosston als Analoga der zweigipfligen Silben betrachten darf...

[1]) Все сказанное относится только къ латышскому прерывистому типу; произношенія датскаго »Stosston'a« мнѣ не приходилось слышать.

Такимъ образомъ какъ разъ на примѣрѣ латышской прерывистой интонаціи лишній разъ убѣждаемся въ справедливости высказаннаго ниже положенія объ исключительной роли мускульной энергіи, какъ слогообразующаго фактора.

10. Возьмемъ двѣ длительныя фонемы, напр. *a, u* (или *a, r*; *a, s* и т. п.) произнесенныя 1. односложно *au (ar, as)*, 2. двусложно *a — u (a — r̥, a — s̥)*. Картина получается аналогичная предыдущей: въ первомъ случаѣ (фиг. 3, № 1) имѣемъ непрерывный переходъ отъ *a* къ *u*; вершина слога занимаетъ приблизительно[1]) конецъ первой и начало второй фонемы; ослабленіе замѣтно лишь въ концѣ всего сочетанія. Во второмъ



Фиг. 3. № 1. *au* (односложное), № 2. *a - u* (двусложпое).

случаѣ находимъ двѣ самостоятельныя вершины на *a* и на *u* (фиг. 3, № 2), отдѣленныя другъ отъ друга значительнымъ ослабленіемъ какъ голоса такъ и струи выдыхаемаго воздуха. И тутъ каждый слогъ характеризуется тѣми же совершающимися въ предѣлахъ его колебаніями акустическаго и физіологическаго характера, что и въ случаѣ его однороднаго состава (ср. § 7).

11. Итакъ изъ анализа простѣйшихъ случаевъ слѣдуетъ, что слогообразующимъ факторомъ является нѣкоторая непрерывность въ послѣдовательномъ усиленіи и ослабленіи работы

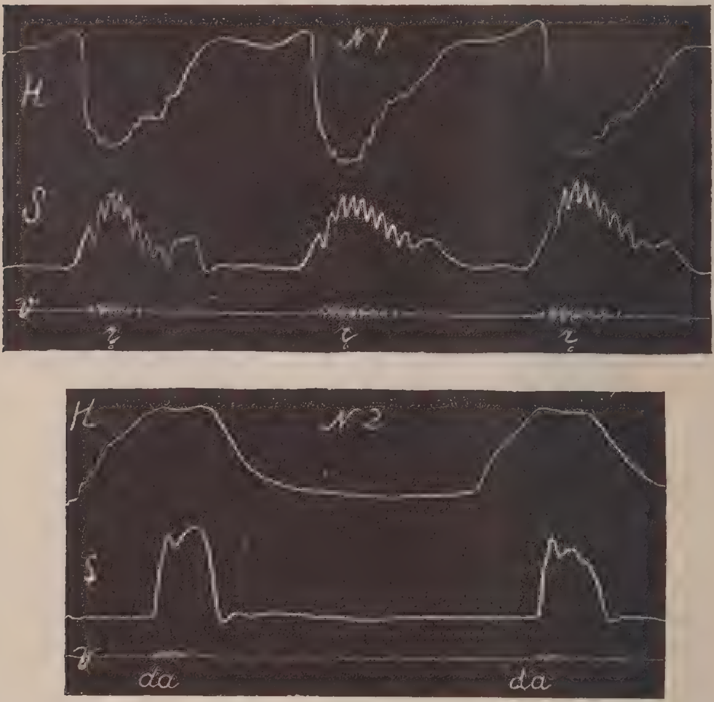
[1]) По данной кривой нельзя точно опредѣлить границу между *a* и *u* при односложномъ ихъ произношеніи, но приблизительно переходъ этотъ можно установить путемъ сравненія съ записями того же сочетанія другими способами, напр. съ участіемъ лабіографа, или же изученіемъ фонографическихъ кривыхъ, показывающихъ измѣненія тембра.

опредѣленныхъ мускуловъ,[1]) съ одной стороны, вызывающей соотвѣтствующія колебанія въ области выдыха, съ другой стороны, обусловливающей опредѣленныя измѣненія (нѣкоторую градацію) въ относительной высотѣ и силѣ произносимаго. Всякое нарушеніе непрерывности вызываетъ впечатлѣніе новаго слога. Такимъ образомъ слогообразующимъ факторомъ является то, что обыкновенно принято называть слоговымъ удареніемъ, слоговымъ акцентомъ или интонаціей (ср. Sievers, Grundzüge 568 и сл.).

---

[1]) Участвуетъ ли въ этомъ какая-нибудь специальная группа мускуловъ и какая именно, остается, насколько мнѣ извѣстно, пока не выясненнымъ. Попытка рѣшить этотъ вопросъ была произведена недавно Л. Н. Скородумовымъ въ его статьяхъ: „Новый методъ экспериментальнаго изслѣдованія рѣчевой функціи и его приложенія къ психологіи“ въ журналѣ „Обозрѣніе психіатріи“ № 1, 1913 г. и „Сущность и происхожденіе удареній и ритма рѣчи“ въ Вѣстникѣ Психологіи № 2, 1914 г. Авторъ считаетъ факторомъ, обусловливающимъ измѣненія въ интенсивности рѣчи, дѣятельность особой нервно-мышечной группы, управляющей движеніями подъязычной кости (os hyoideum); центры инерваціи этой нервно-мышечной группы обособлены въ топографическомъ отношеніи отъ звукообразовательныхъ центровъ и находятся въ спинномъ мозгу. Однако опыты, произведенные при помощи изобрѣтеннаго Скородумовымъ прибора (описаніе его см. въ Вѣстникѣ Психологіи № 2), регистрирующаго движенія os hyoideum, опровергаютъ основное положеніе автора, (выведенное имъ, повидимому, изъ опытовъ же?), что 1. любому изолированному звуку человѣческаго голоса соотвѣтствуетъ одиночное движеніе этой кости въ передне-нижнемъ направлении и 2. величина этого движенія является функціей исключительно интенсивности, съ которой былъ произнесенъ данный звукъ, независимо отъ его качества (стр. 5. отдѣльнаго оттиска). Именно оказалось, что движеніе os hyoideum не при всѣхъ звукахъ происходитъ въ передне-нижнемъ направленіи и что величина этого движенія не является функціей исключительно интенсивности, а зависитъ именно отъ качества произносимыхъ звуковъ (курсивы мои), такъ какъ различно артикулируемые звуки, произносимые съ приблизительно одинаковой интенсивностью, даютъ не одинаковые размахи кривой. Изъ изученія кривыхъ выясняется, что движенія os hyoideum, повидимому, тѣсно связаны съ опредѣленнымъ положеніемъ языка и степенью напряженности его: при всѣхъ переднеязычныхъ смычныхъ, гдѣ конецъ языка упирается въ верхніе зубы, обнаруживается рѣзкое движеніе подъязычной кости внизъ, при спирантахъ же это движеніе ничтожно. Но при звукахъ, произносимыхъ съ приподнятымъ концомъ языка, какъ напр. при переднеязычномъ дрожащемъ *r*, при *ž* и *š* (корональныхъ), движенія os hyoideum совершаются въ прямо противоположномъ направленіи, т. е. снизу вверхъ (Ср. № 1 и № 2 фиг. 4, гдѣ кривая *H* передаетъ движеніе подъязычной кости: движенію въ передне-нижнемъ направленіи отвѣчаетъ подъемъ кривой *H* (№ 2), противоположному направленію — опусканіе ея ниже нулевой линіи — № 1) и притомъ, чѣмъ интенсивнѣе произношеніе, тѣмъ сильнѣе движеніе подъязычной кости кверху. Констатированіе подобныхъ фактовъ заставляетъ сомнѣваться относительно непреложности нѣкоторыхъ высказанныхъ авторомъ предположеній. Поэтому, если движенія подъязычной кости и можно было бы использовать при изученіи динамическаго ударенія и ритма рѣчи, то только послѣ тщательнаго изслѣдованія зависимости этихъ движеній отъ природы того или другого звука, что пока, насколько мнѣ извѣстно, не сдѣлано.

12. Взглядъ на слоговое удареніе, какъ на слогообразующій факторъ, требуетъ нѣкотораго разъясненія понятій, выражаемыхъ терминомъ „удареніе“. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе генезиса самого понятія, укажу прежде всего на употребленіе этого термина въ лингвистической литературѣ. Подъ удареніемъ или акцентомъ, безъ дальнѣйшихъ огово-



Фиг. 4. № 1. движеніе подъязычной кости (*H*) при *r̥*, № 2. при *da*.

рокъ, обыкновенно принято подразумѣвать удареніе слова (Wortakzent), т. е. тотъ или иной способъ выдѣленія опредѣленнаго слога въ изолированномъ словѣ или въ группѣ словъ, составляющихъ фонетическое цѣлое. При подобномъ словоупотребленіи съ понятіемъ объ удареніи ассоціируется въ нашемъ сознаніи обыкновенно представленіе лишь о его мѣстѣ. Когда же рѣчь идетъ о с л о г о в о м ъ у д а р е н і и какъ такововомъ, то часто для его обозначенія употребляютъ терминъ

,,интонація". Но этотъ терминъ не вполнѣ подходящій для обозначенія слогового ударенія вообще. Когда говорятъ объ интонаціяхъ, то чаще всего подразумѣваютъ колебанія тона (высоты голоса), какъ самостоятельный элементъ рѣчи, но о такихъ слоговыхъ интонаціяхъ говорится лишь въ тѣхъ языкахъ, гдѣ слоговое удареніе какъ таковое, являясь въ нѣсколькихъ разновидностяхъ, семасіологизуется или морфологизуется какъ, напр., въ языкахъ литовскомъ, латышскомъ, сербскомъ, словинскомъ, норвежскомъ, шведскомъ и многихъ не индоевропейскихъ. Кромѣ термина ,,интонація" въ томъ же значеніи употребляются еще названія: съ одной стороны, ,,музыкальное или тоническое слоговое удареніе (акцентъ)", съ другой стороны, ,,экспираторное или динамическое слоговое удареніе (акцентъ)". И въ томъ и въ другомъ случаѣ имѣется ввиду лишь семасіологическая роль слогового ударенія. Но кромѣ этой семасіологической функціи, исполняемой слоговымъ удареніемъ лишь въ нѣкоторыхъ языкахъ, оно исполняетъ во всѣхъ языкахъ безъ исключенія чисто фонетическую роль, являясь, какъ видно изъ предыдущаго, слогообразующимъ факторомъ. Въ этомъ болѣе широкомъ значеніи чисто фонетическаго начала и будетъ здѣсь употребляться терминъ ,,слоговое удареніе", терминъ же ,,интонація"[1]) — въ болѣе узкомъ значеніи семасіологической разновидности слогового ударенія.

13. Что касается элементовъ, конституирующихъ слоговое удареніе въ широкомъ смыслѣ слова, то къ таковымъ приходится относить, безусловно, колебанія интенсивности[2]) и ихъ физіологическую основу — колебанія мускульнаго напряженія. Хотя эти колебанія обыкновенно сопровождаются болѣе или менѣе замѣтными колебаніями тона, но на послѣднія приходится смотрѣть какъ на явленіе не самостоятельное, а лишь

---

[1]) Кромѣ указаннаго употребленія терминъ „интонація" имѣетъ широкое примѣненіе во фразѣ, для обозначенія разныхъ видовъ т. н. фразовой интонаціи, которая служитъ, съ одной стороны, семасіологически-синтаксическимъ средствомъ (intonation logique по Roudet), съ другой стороны, средствомъ для выраженія эмоцій рѣчью (intonation émotionnelle). Наконецъ, рядомъ съ этими видами „интернаціональной интонаціи" имѣемъ еще третій видъ фразовой интонаціи, называемый нѣкоторыми фонетиками „національной интонаціей". Это тотъ специальный способъ интонировать рѣчь свободную отъ аффектовъ, который составляетъ отличительную черту того или другого языка или группы языковъ (ср. Klinghardt und de Fourmestraux, Französische Intonationsübungen стр. 15 sq.).

[2]) Ср. Sievers, Grundzüge 519 сл., а также Storm, Englische Philologie 91.

функціонально связанное съ колебаніями интенсивности.[1]) Тамъ же, гдѣ колебанія высоты являются самостоятельнымъ элементомъ, они служатъ, какъ указанно было выше, уже другимъ цѣлямъ, а именно, цѣлямъ смысловой диференціаціи.

14. Обратимся теперь къ анализу слоговъ болѣе сложнага состава. Возьмемъ, напр., такія параллели какъ односложныя польскія слова *krwi*, *brwi* (g. s. отъ *krew*, *brew*) съ одной стороны, и двусложныя сербскія *кр̏ви*, *бр̏ви* (g. s. отъ *кр̑в*, *бр̑в*) съ другой стороны. Спрашивается, чѣмъ достигается въ данномъ случаѣ единство или раздвоенность впечатлѣнія при одномъ и томъ же комплексѣ фонемъ? Польскія *krwi*, *brwi* произносятся съ непрерывнымъ, постепенно возрастающимъ мускульнымъ напряженіемъ (ослабленіе только въ концѣ всего сочетанія), которому соотвѣтствуетъ непрерывность, а отсюда и единство акустическаго впечатлѣнія. Центральной фонемой является конечное *i*: оно можетъ варіировать въ количественномъ отношеніи и имѣть тотъ или другой характеръ движенія тона и интенсивности; всѣ же предшествующія фонемы *k*, *r*, *v* отличаются сравнительной краткостью и не могутъ быть продлены независимо отъ конечнаго *i*; движеніе тона и степень интенсивности каждой изъ нихъ зависитъ отъ движенія тона и интенсивности конечнаго *i* и отъ близости къ нему, т. е. отъ мѣста занимаемаго каждой изъ данныхъ фонемъ въ ряду послѣдовательно восходящихъ ступеней, начинающихся съ *k* и оканчивающихся конечнымъ *i*. И тутъ, слѣдовательно, мы наблюдаемъ, что все входящее въ составъ одного слога подчиняется дѣйствію одного слогового ударенія, характернымъ признакомъ котораго является непрерывность усиленія и ослабленія. Въ данномъ случаѣ слово *krwi* воспринимается какъ односложное, потому что весь комплексъ [*k r v i*] подчиняется дѣйствію одной волны интенсивности.

15. Что же касается двусложныхъ сербскихъ словъ *кр̏ви*, *бр̏ви* [*kr̥ — vi*, *br̥ — vi*], то здѣсь находимъ двѣ самостоятельныя группы фонемъ *kr̥ — vi*, изъ которыхъ каждая, обладая от-

[1]) Мы можемъ при желаніи произнести рядъ слоговъ, не мѣняя высоты голоса, не только внутри каждаго изъ нихъ, но даже въ продолженіе всего ряда, но мы никоимъ образомъ не можемъ произнести рядъ слоговъ (каковъ бы ни былъ ихъ составъ и относительная высота каждаго), не измѣняя мускульнаго напряженія (и слѣдовательно интенсивности) при переходѣ отъ одного слога къ другому.

дѣльнымъ слоговымъ удареніемъ, составляетъ обособленное фонетическое цѣлое (ср. фиг. 5 и 6).[1]) Центромъ первой группы служитъ *r̥*, центромъ второй — *i*: фиг. 6 показываетъ въ концѣ *r̥*, произнесеннаго въ данномъ случаѣ съ нисходящей, по тону и интенсивности, интонаціей, значительное ослабленіе, какъ голосовыхъ вибрацій (кривая *V*), такъ и выдыха (кривая *S*), обозначающее конецъ перваго слога *kr̥*-, а слѣдующее за нимъ новое усиленіе при переходѣ къ *v*, является началомъ второго слога -*vi*. Здѣсь количественно самостоятельное *r̥* произносится съ большимъ мускульнымъ усиліемъ, чѣмъ слѣдующее за нимъ *v*, вслѣдствіе чего оно замѣтно выдѣляется изъ окружающей среды, образуя отдѣльный самостоятельный центръ, къ которому примыкаетъ и предшествующее *k*, тогда какъ *v*, отдѣленное отъ него ослабленіемъ, присоединяется къ слѣдующему центру, образуемому фонемой *i*. Внутри каждой изъ этихъ группъ совершается та же объединяющая работа слогового ударенія, какую мы видѣли при анализѣ предыдущаго случая (*krvi*).

Фиг. 6. *kr̥-vi* (двусложно).

Фиг. 5. *krvi* (односложно).

16. Говоря о непрерывности и единствѣ при столь разнородномъ составѣ слога, какъ въ польскихъ словахъ *krwi*, *brwi*, гдѣ каждый составной элементъ по своей природѣ требуетъ для произношенія различной степени мускульнаго напряженія, нельзя обойти молчаніемъ замѣчаній Roudet (Eléments de phonétique générale p. 184) относительно степени мускульнаго усилія при разныхъ категоріяхъ фонемъ. Roudet утверждаетъ, что произношеніе фонемы *k* сопровождается большимъ мускульнымъ усиліемъ (effort arti-

[1]) Фиг. 5 и 6 не даютъ собственно ни польскаго слова *krwi*, ни сербскаго кр̑ви, т. к. представляютъ эти слова въ моемъ произношеніи, которое могло отличаться отъ настоящаго польскаго и сербскаго, но этого и не требуется. Цѣль ихъ иллюстрировать лишь односложное и двусложное произношеніе даннаго комплекса, что вполнѣ достигнуто.

culatoire), чѣмъ произношеніе *r*, *v* — большимъ, чѣмъ *i* (независимо отъ ихъ положенія въ слогѣ). Однако мускульное чувство говоритъ, что при односложномъ сочетаніи *krvi* (krwi) мускульное напряженіе возрастаетъ по направленію къ концу слога. То же самое подтверждается и объективными данными. Фиг. 5 показываетъ, что въ односложномъ *krvi*, какъ выдыхъ (кривая *S*), такъ и интенсивность голоса (кривая *V*) усиливается постепенно по направленію къ концу слова.

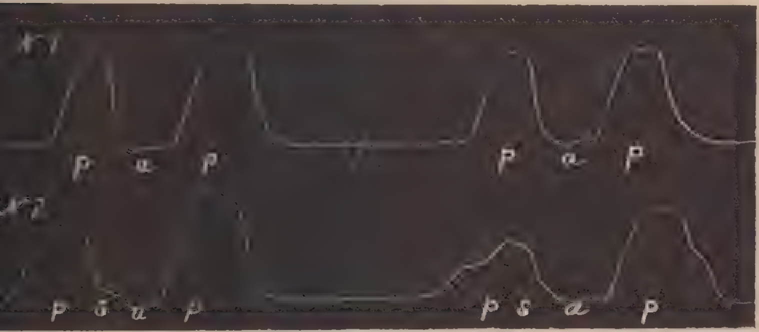
Простые опыты показываютъ намъ, что тѣ нормы, затрачиваемой на произношеніе той или другой фонемы, мускульной работы, которыя мы устанавливаемъ для изолированныхъ фонемъ, не могутъ быть сохранены въ слогѣ. Въ этомъ мы достаточно убѣждаемся хотя бы изученіемъ работы губъ или языка въ такихъ сочетаніяхъ какъ *ta*, *pa*, *sa* съ одной стороны, гдѣ *t*, *p*, *s* непосредственно примыкаютъ къ центру слога, и сочетаній вродѣ *tva*, *tma*, *psa*, *pta*, *sla*, *sta* и т. п. съ другой стороны, гдѣ *t*, *p*, *s* нѣсколько отдалены отъ центра. Фиг. 7 показываетъ, что губная работа[1]) при *p*, непосредственно предшествующемъ слоговому *a*, значительно сильнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда *p* отдѣлено отъ центра слога еще какой-нибудь неслоговой фонемой. (Ср. относительную высоту подъема кривой въ слогѣ *pap* (№ 1) и *psap* (№ 2). Отсюда заключаемъ, что чѣмъ ближе къ центру слога стоитъ та или другая фонема, тѣмъ съ большимъ мускульнымъ усиліемъ она произносится и наоборотъ (ср. Sievers, Grundzüge 26). При малѣйшемъ нарушеніи этого соотношенія нарушается фонетическое единство слога.

17. На основаніи этихъ данныхъ приходится допустить опредѣленную зависимость между той степенью мускульнаго напряженія, которой требуетъ извѣстная фонема по свой природѣ (при извѣстныхъ условіяхъ въ изолированномъ исполненіи) и той степенью напряженія, которая требуется ея ролью въ слогѣ (въ зависимости отъ мѣста, т. е. разстоянія данной фонемы отъ центра слога, отъ степени интенсивности центральной фонемы, характера слогового ударенія и т. п. условій). Назовемъ условно усиліе перваго рода непроизвольнымъ, второго — произвольнымъ мускульнымъ усиліемъ. Изуче-

[1]) Для изслѣдованія губной работы (силы сжатія губъ) употреблялась маленькая эластичная резиновая ампулла, соединенная съ очень чувствительнымъ барабанчикомъ.

іе взаимодѣйствія этихъ двухъ факторовъ показываетъ, что тепень мускульнаго напряженія, требуемая какой-либо фоне- ой въ опредѣленномъ положеніи въ слогѣ, составляетъ про- зводную изъ этихъ двухъ величинъ — непроизвольнаго и про- звольнаго мускульнаго усилія, причемъ: чѣмъ больше не- роизвольное усиліе, котораго требуетъ исполненіе какой-ни- удь фонемы сравнительно съ окружающими, тѣмъ меньше олжно быть произвольное усиліе, цѣль котораго приспосо- ить ее къ этому окружающему, съ которымъ она должна бразовать фонетическое цѣлое.

18. На практикѣ въ большинствѣ языковъ соблюдается ринципъ наименьшей траты мускульной энергіи, почему въ



Фиг. 7.

ентрѣ слога помѣщаются самыя сонорныя по своей природѣ онемы, требующія при томъ небольшой затраты мускульной аботы. Таковы „собственно гласныя“[1]) фонемы *a*, *e*, *i*, *u* и др., ъ которымъ и приспособляются остальныя тавтосиллабическія ь ними фонемы. Но возможно однако и нарушеніе этого равила, что подтверждается фактами многихъ живыхъ язы- овъ. Такъ въ языкахъ нѣмецкомъ и англійскомъ распро- транено употребленіе въ качествѣ слогообразующихъ „сонор- ыхъ“ *l̥*, *n̥*, *m̥* (ср. Jespersen, Lehrbuch der Phonetik[2] § 13. 21); ь чешскомъ находимъ слоговые *r̥* и *l̥*, въ сербохорват- комъ и словинскомъ — слоговое *r̥*, въ языкахъ латышскомъ литовскомъ встрѣчаемъ всѣ „сонорныя“ въ качествѣ сло-

[1]) Голосовой тонъ, модифицированный резонаторомъ, но безъ опре- ѣленныхъ мѣстныхъ шумовъ.

говыхъ въ дифтонгахъ (ср. относительно латышскихъ дифтонговъ Filologu Biedribas Raksti I, 39—44). Разумѣется, что для произнесенія слога съ малосонорной слоговой фонемой требуется большая затрата мускульной работы, чѣмъ для произнесенія того же комплекса съ болѣе сонорнымъ слоговымъ центромъ. Напр. въ слогѣ *tr̥t* не только слоговое *r̥*, но и физіологически приспособляющіяся къ нему неслоговыя *t* требуютъ большаго мускульнаго усилія, чѣмъ, напр. соотвѣтствующіе элементы въ слогѣ *tat*, съ центральнымъ *a*, не требующимъ сильнаго мускульнаго напряженія.

19. Что касается количественныхъ взаимоотношеній между составными элементами слога, то какъ мы видѣли выше, количественно самостоятельной является только центральная фонема. Длительность ея опредѣляется какъ постоянными количественными нормами, свойственными тому или другому языку, вообще, такъ и темпомъ рѣчи, ударяемостью или неударяемостью слога и тому подобными частными условіями. Всѣ остальныя фонемы, входящія въ составъ слога, зависимы въ количественномъ отношеніи отъ центральной фонемы и извѣстнымъ образомъ приспособляются къ ней, причемъ, чѣмъ дальше отстоитъ какая нибудь фонема отъ центра слога или, вообще, чѣмъ съ меньшимъ произвольнымъ мускульнымъ усиліемъ она произносится, тѣмъ больше она проигрываетъ въ количественномъ отношеніи.[1])

20. Въ урегулированіи всѣхъ этихъ взаимоотношеній, при разнородномъ составѣ слога, заключается объединительная роль слогового ударенія. Изъ какихъ бы разнородныхъ элементовъ не состоялъ данный комплексъ фонемъ, если всѣ эти элементы подчинены дѣйствію одного ударенія,[2]) весь комплексъ воспринимается какъ одинъ слогъ. Но коль скоро одинъ изъ элементовъ подобнаго фонетическаго цѣлаго, при какихъ либо условіяхъ, (напр. вслѣдствіе усиленія или удлиненія его) перестаетъ подчиняться опредѣленной градаціи, требуемой слоговымъ удареніемъ, онъ теряетъ свою тѣсную связь съ осталь-

---

[1]) О взаимной связи силы и длительности свидѣтельствуетъ и исторія развитія понятія „акцентъ", на протяженіи которой не разъ встрѣчаемъ случаи идентификаціи понятій силы и длительности (ср. Saran, Deutsche Verslehre 11).

[2]) Другой вопросъ, конечно, поскольку такой комплексъ разнородныхъ элементовъ можетъ подчиняться дѣйствію одного ударенія.

ными элементами, пріобрѣтаетъ отдѣльное слоговое удареніе и, слѣдовательно, образуетъ новый самостоятельный слогъ.

21. Современные фонетики допускаютъ крупную методологическую ошибку, отдѣляя ученіе о слогѣ отъ ученія о слоговомъ удареніи и разсматривая ихъ независимо другъ отъ друга, какъ это находимъ во всѣхъ руководствахъ по фонетикѣ, въ которыхъ эти вопросы разсматриваются вообще сколько-нибудь подробно. Наиболѣе яркимъ примѣромъ такого разграниченія и почти полнаго игнорированія роли слогового ударенія въ процессѣ слогообразованія являются выводы Roudet, который (l. c. 184) говоритъ: „Il faut donc dire que la voyelle, centre de la syllabe, correspond à un minimum de pression dans la trachée et à un minimum d'effort articulatoire, tandis que les consonnes, limites de la syllabe, correspondent à un maximum de pression et à un maximum d'effort articulatoire". Какъ видно изъ этой цитаты, Roudet цѣликомъ переноситъ свойства изолированныхъ фонемъ на фонемы, объединенныя въ слогѣ. Въ этомъ отношеніи мои выводы, какъ мы видѣли выше, принципіально расходятся съ выводами Roudet. Sievers признаетъ значеніе ударенія какъ объединяющаго фактора[1]) (l. c. 568 сл.), но говоритъ объ этой роли слогового ударенія только потомъ, когда имъ уже построена слоговая теорія независимо отъ ударенія, и въ силу этого наталкивается на противорѣчія. Къ такимъ противорѣчіямъ приходится относить, напр., ту двойственность въ пониманіи слога и опредѣленіи слоговой границы, которая характеризуетъ слоговую теорію Зиверса и его послѣдователей. Я имѣю ввиду его дѣленіе слоговъ на „Drucksilben" и „Schallsilben", которыя могутъ и не совпадать (l. c. 524). Съ одной стороны онъ говоритъ: „Als eine Silbe wird empfunden alles, was mit einem selbständigen und zugleich continuirlichen Druckstoss hervorgebracht wird" (521); съ другой стороны: „Auch bei gleichbleibender oder sonst continuirlicher Druckstärke kann der blosse Durchgang durch Laute geringerer Schallfülle den Eindruck der Mehrsilbigkeit eines Lautkomplexes hervorrufen" (522). Въ виду этого одинъ и тотъ же комплексъ фонемъ, напр. *aia*, *asa*, можетъ быть односложнымъ какъ „Drucksilbe", но долженъ быть всегда двусложнымъ какъ „Schall-

[1]) Большинство же фонетиковъ, говоря о слоговомъ удареніи, имѣютъ въ виду лишь его семасіологическую роль (ср. выше § 12).

silbe". Такую двойственность въ пониманіи слога можно объ-
яснить пожалуй только недостаточнымъ сознаніемъ того, что
слогообразованіе какъ таковое совершается прежде всего въ
области произносительной.[1]) Какой нибудь комплексъ фонемъ
будетъ односложнымъ или двусложнымъ не потому только,
что въ немъ столько-то вершинъ относительной природной
сонорности (Sonoritätsgipfel), а потому, что при опредѣлен-
ныхъ условіяхъ въ нашемъ сознаніи возникаетъ при во-
спріятіи даннаго комплекса фонемъ представленіе привычнаго
числа произносительно слуховыхъ центровъ, и въ силу этого
мы объединяемъ или разъединяемъ этотъ комплексъ въ области
произносительной при помощи тѣхъ средствъ, которыя соста-
вляютъ физіологическую основу слогового ударенія. Даже
если возьмемъ любой рядъ фонемъ, съ которымъ у насъ не
ассоціировано никакихъ смысловыхъ представленій, напр.
rtapastla, то и тутъ, при дѣленіи его на слоги, мы будемъ
сообразоваться не только съ расположеніемъ въ данномъ ряду
вершинъ относительной природной сонорности, но произведемъ
слогодѣленіе, руководствуясь имѣющимися въ нашемъ сознаніи
привычными пріемами слогообразованія, т. е. произведемъ
слогообразованіе и слогодѣленіе по опредѣленному, привыч-
ному намъ слоговому типу. Напр. носитель русскаго языко-
ваго мышленія раздѣлитъ этотъ рядъ фонемъ на такія группы

---

[1]) Въ фонетикахъ часто приводится слѣдующій простой опытъ, иллю-
стрирующій процессъ слогообразованія: если ударять ладонью по губамъ
во время произношенія какого-нибудь длительнаго звука, напр. $\bar{a}$, то каждое
новое усиленіе звука, при удаленіи ладони будетъ восприниматься какъ
новый слогъ. Зиверсъ ссылается на этотъ фактъ, какъ на доказатель-
ство того, что слогодѣленіе можетъ быть обусловлено однимъ измѣне-
ніемъ сонорности (Schallfülle) при отсутствіи какихъ либо измѣненій въ
»Druckstärke« (523). Однако Зиверсъ упускаетъ тутъ изъ виду, что по-
добные случаи слогообразованія представляютъ искусственное подражаніе
дѣйствію естественнаго физіологическаго процесса (усиленія и ослабле-
нія), приводящее къ тѣмъ же акустическимъ результатамъ, какъ и дѣй-
ствіе послѣдняго, ибо какимъ бы способомъ мы ни достигали ослабле-
нія звука, оно для слуха и будетъ ослабленіемъ, долженствующимъ въ
сознаніи слушающаго отожествляться съ тѣмъ естественнымъ ослабленіемъ,
емъ, которое вызывается дѣйствіемъ физіологическихъ факторовъ. Здѣсь
происходитъ просто психическій процесъ уподобленія слуховыхъ впечат-
лѣній, иногда столь живой, что мы склонны приписывать этимъ впечатлѣ-
ніямъ и соотвѣтствующую физіологическую основу. Мои личныя наблюденія
убѣдили меня въ томъ, что такой искусственный способъ слогообразованія
можетъ сопровождаться и обыкновенно даже сопровождается ложнымъ
ощущеніемъ физіологическаго процесса усиленія и ослабленія мускульной
работы: мнѣ неоднократно приходилось провѣрять себя при этомъ опытѣ
(удаляя ладонь), чтобы убѣдиться, что я дѣйствительно не мѣняю мускуль-
наго напряженія.

ta-pa-stla, носитель другого языковаго мышленія можетъ раздѣлить его хотя бы на r̥-ta-pas-tla или r̥-tap-ast-la и т. п.

22. Фонемы съ ихъ физико-акустическими свойствами служатъ при слогообразованіи не болѣе, какъ строительнымъ матеріаломъ, со свойствами и особенностями котораго хотя и приходится считаться при расположеніи его, но которыя сами по себѣ еще не могутъ опредѣлить окончательнаго характера фонетическаго цѣлаго. И какъ при постройкѣ зданія каждый отдѣльный брусокъ приходится обтесывать и обдѣлывать для того, чтобы онъ могъ занять соотвѣтствующее мѣсто, такъ и отдѣльныя фонемы, входя въ составъ слога, приспособляются другъ къ другу, теряя при этомъ нерѣдко часть своихъ природныхъ свойствъ, а иногда измѣняясь даже до неузнаваемости. Напр. сонорная фонема, будучи отдѣлена отъ центра слога менѣе сонорными по природѣ фонемами, значительно проигрываетъ въ своей сонорности, а присутствіе глухой между неслоговой сонорной и центромъ слога ведетъ даже къ потерѣ звонкости, какъ, напр. въ русскихъ *министр*, *рта* и т. п. или въ польскихъ *kl̂nąć*, *tr̂wala* (см. Broch, Slavische Phonetik 248).

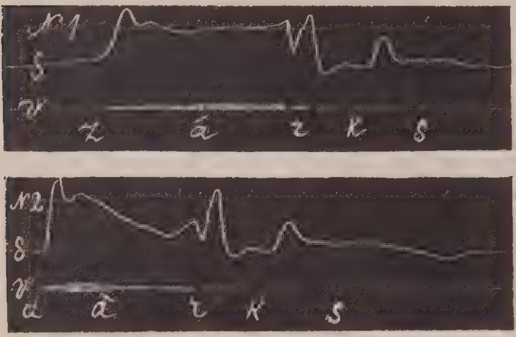
Подобныя данныя показываютъ, что слогъ немыслимъ вообще безъ того объединяющаго начала, которое мы называемъ слоговымъ удареніемъ, такъ же, какъ немыслимо удареніе какъ объединяющее начало, безъ объединяемаго имъ конкретнаго содержанія. И сколько бы мы ни изучали свойства отдѣльныхъ фонемъ, пока мы будемъ изучать ихъ независимо отъ дѣйствія слогового ударенія, мы не получимъ опредѣленнаго представленія о слогѣ какъ цѣломъ.

II. Фонемы слоговыя и неслоговыя. Способы образованія слогового центра.

23. Хотя дѣйствію слогового ударенія подчиняются всѣ безъ исключенія составные элементы слога, но не всѣ они, какъ мы уже видѣли, играютъ одинаковую роль въ процессѣ слогообразованія. На функціональномъ различіи между составными элементами слога основывается дѣленіе ихъ на слоговые или слогообразующіе и неслоговые. Названіе слогообразующей или слоговой носитъ обыкновенно центральная фонема въ слогѣ, которая, какъ мы видѣли выше, является един-

ственнымъ количественно свободнымъ элементомъ и главной носительницей слогового ударенія. Всѣ неслоговыя фонемы функціонально подчинены слоговой. Принципіальное различіе между тѣми и другими обнаруживается яснѣе всего при сравненіи разныхъ типовъ слогового ударенія (интонацій).

Въ большинствѣ случаевъ лишь одна фонема является въ слогѣ слогообразующей;[1]) въ такомъ случаѣ она одна бываетъ носительницей опредѣленныхъ типичныхъ свойствъ слогового ударенія, всѣ же остальныя только подчиняются дѣйствію этого ударенія, но сами активно не участвуютъ въ опредѣленіи его типа. Такой случай слогообразованія видимъ на фиг. 8, гдѣ гласная фонема *ã* въ латышскомъ словѣ *zãrks* „гробъ“ и *à* въ словѣ *dàrgs* „дорогой“ одна вполнѣ опредѣляетъ характеръ интонаціи, въ первомъ случаѣ восходящій (называемый обыкновенно длительнымъ, Dehnton, см. Endzelin, Lettische Grammatik стр. 22), во второмъ — падающій. Остальныя фонемы (*rks*) присоединяются къ гласной лишь тогда, когда характеръ интонаціи уже вполнѣ опредѣлился, почему свободно могутъ быть опущены безъ нарушенія ясности и опредѣленности типа интонаціи.



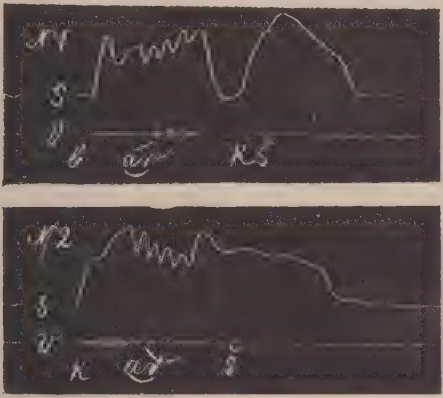
Фиг. 8. № 1. *zãrks* (восходящее слоговое ударееіе), № 2. *dàrgs* (нисходящее слоговое удареніе).

Но возможны и такіе случаи, гдѣ наиболѣе сонорная фонема одна не опредѣляетъ слогового типа, а къ слоговой функціи привлекается и непосредственно слѣдующая за ней фонема. Этотъ случай слогообразованія распространенъ въ современномъ латышскомъ языкѣ въ сочетаніяхъ краткой гласной со слѣдующимъ „сонантомъ“, напр. *ai*, *au*, *ar*, *a*... *am* и т. п. (ср. Filologu Biedrības Raksti I, стр. 39—44)

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ языкахъ, какъ напр. въ романскихъ и славянскихъ это нормально, кажется, единственно возможный способъ слогообразованія (ср. Jespersen Lehrbuch § 13. 63 и Broch, Slav. Phonetik § 204).

Сравнимъ здѣсь такія односложныя слова какъ латышскія *barks̃* ,,гремитъ" и *kàr̃š* ,,война", гдѣ характеръ интонаціи опредѣляетъ лишь сочетаніе *ar* (*ar̃* или *àr*). Сравнивая кривыя (№ 1 и № 2, фиг. 9) мы видимъ, что здѣсь гласная фонема одна не выражаетъ вполнѣ различія между восходящимъ и нисходящимъ типомъ интонаціи;[1]) главная дифференціація начинается обыкновенно при переходѣ къ *r*, гдѣ при восходящей интонаціи (№ 1) продолжается повышеніе и усиленіе голоса, при нисходящей начинается замѣтное пониженіе и ослабленіе. То же самое показываетъ и кривая *S* относительно выдыха.



Фиг. 9. № 1. *bar̃kš* (восходящее удареніе), № 2. *kàr̃š* (нисходящее удареніе).

24. Назовемъ тотъ случай, когда въ центрѣ слога находится только одна слогообразующая фонема, монофтонгическимъ слоговымъ центромъ, случай же, гдѣ въ роли слогообразующихъ (въ одномъ слогѣ) выступаютъ двѣ сосѣднія фонемы — дифтонгическимъ слоговымъ центромъ. Характерную черту такого дифтонгическаго слогового центра составляетъ то, что обѣ входящія въ составъ его фонемы относительно свободны и самостоятельны въ количественномъ отношеніи (ср. выше § 19). Эту относительную количественную свободу нужно понимать въ томъ смыслѣ, что удлиненіе или усиленіе одного изъ составныхъ элементовъ дифтонгическаго слогового центра не влечетъ за собой нарушенія слогового единства, какъ это бываетъ при усиленіи или удлиненіи неслоговой фонемы (ср. § 16 и сл.); оно можетъ повлечь за собою лишь измѣненіе характера интонаціи или, при чрезмѣрномъ количественномъ преобладаніи

[1]) Иногда первые компоненты такого сочетанія не обнаруживаютъ никакого принципіальнаго различія, являясь въ томъ и въ другомъ случаѣ слегка восходящими по тону и интенсивности.

одного элемента, потерю слогового характера другимъ элементомъ.[1])

Можно однако въ значительной степени продлить обѣ фонемы, сохраняя при этомъ, какъ дифтонгическій центръ, такъ и характеръ интонаціи (ср. Filologu Biedrības Raksti I стр. 42 сл.).

Въ дифтонгическомъ слоговомъ центрѣ вершина слога, т. е. моментъ наибольшаго напряженія мускульной работы, а слѣдовательно и наибольшей интенсивности акустическаго впечатлѣнія, можетъ колебаться, въ зависимости отъ типа слогового ударенія, въ сторону то одного, то другого компонента.[2]) Во всякомъ случаѣ характернымъ является то обстоятельство, что до момента перехода слогообразовательная работа не закончена, и потому характеръ слогового ударенія не опредѣленъ вполнѣ. Самый моментъ перехода часто является моментомъ наибольшаго мускульнаго напряженія, въ чемъ легко убѣдиться быстро оборвавъ голосъ послѣ произнесенія перваго компонента.

25. Слогообразующей можетъ быть любая фонема, какъ въ монофтонгическомъ слоговомъ центрѣ, напр. въ сочетаніяхъ вродѣ *tr̥t*, *tl̥t*, *ps̥t* и т. п. (ср. Jespersen l. c. § 13. 21) такъ и въ роли второго компонента дифтонгическаго слогового центра, напр. *ar̯ta*, *al̯ta*, *as̯ta* или *ar̯a*, *al̯a*, *as̯a*, *at̯a*, *ap̯a* и т. п. случаяхъ. Первый изъ этихъ случаевъ не вызываетъ недоумѣній. Что касается второго случая, то онъ требуетъ нѣкоторыхъ поясненій, такъ какъ изложенное здѣсь пониманіе слоговыхъ отношеній между фонемами нѣсколько расходится съ общепринятымъ, почему и употребляемая мною терминологія не всегда соотвѣтствуетъ ходячей терминологіи.

26. Опредѣляя дифтонгъ, какъ односложное сочетаніе двухъ слогообразующихъ фонемъ (ср. выше § 24), мы

---

[1]) Ср. съ одной стороны, такія параллели, какъ латышскія слова *laĩme* „счастье“, *aũkle* „няня“, *pil̃ns* „полный“, *til̃ts* „мостъ“, *ir̃t* „распускаться, распадаться“ и т. п. рядомъ съ литовскими *láimė*, *áuklė*, *pìlnas*, *tìltas*, *ìrti* (съ падющей интонаціей), или лат. *kàist* „становиться горячимъ“, *sàuss* „сухой“, *cìrvis* „топоръ“, *vìlks* „волкъ“, *sìmts* „сто“ и др. рядомъ съ лит. *kaĩsti*, *saũsas*, *kir̃vis*, *vil̃kas*, *šim̃tas* (съ восходящей интонаціей), съ другой стороны, лат. *dàr̯zs* „садъ“, *kàr̯ta* „очередь“, *vèr̯pt* „прясть“, *vèr̯sis* „волъ“ и др. (гдѣ вслѣдствіе удлиненія перваго компонента произошла монофтонгизанія дуфтонгическаго центра) рядомъ съ лит. *dar̃žas*, *kar̃ta*, *ver̃pti*, *ver̃šis* „теленокъ“ (съ дифтонгическимъ слоговымъ центромъ).

[2]) Отсюда вѣроятно въ нѣмецкой фонетической литературѣ названіе »schwebende Diphthonge« для подобныхъ дифтонговъ, чуждыхъ большинству западно-европейскихъ языковъ (ср. Jespersen l. c. 208).

относимъ къ числу существенныхъ признаковъ этого понятія функціональныя особенности составляющихъ его элементовъ, а не особенности ихъ природныхъ физико-акустическихъ свойствъ и не особенности артикуляціонныя, какъ это общепринято. При такомъ опредѣленіи дифтонга я основывалась на слѣдующихъ соображеніяхъ. Изучая природу разныхъ категорій фонемъ, мы находимъ принципіальное различіе, во-первыхъ, между фонемами звонкими и глухими, во-вторыхъ, — между длительными и мгновенными (смычными); изучая же ихъ финкціональныя особенности — между слоговыми или слогообразующими и неслоговыми. Что касается подраздѣленіе фонемъ на „гласныя“ и „согласныя“ или „сонанты“ и „консонанты“, то оно, очевидно, возникло на почвѣ смѣшенія функціональныхъ различій съ различіями артикуляціонными (ср. также Jespersen l. c. 13. 23). Дѣленіе на гласныя и согласныя, возникшее первоначально, повидимому, на почвѣ функціональнаго различія между фонемами,[1]) въ современной фонетической литературѣ обыкновенно производится на основаніи артикуляціонныхъ особенностей и различій въ природныхъ свойствахъ фонемъ, независимо отъ ихъ роли въ слогѣ, ибо въ большинствѣ современныхъ европейскихъ языковъ слогообразующими могутъ быть и многія такъ называемыя „согласныя“ фонемы (ср. выше § 18).

Но что касается этого различія въ природныхъ свойствахъ и артикуляціонныхъ особенностяхъ фонемъ, то здѣсь мы вообще не находимъ основанія для строгаго разграниченія „гласныхъ“ и „согласныхъ“. Всѣ звонкія фонемы, начиная отъ наиболѣе открытыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе сонорныхъ, представляютъ болѣе или менѣе непрерывный рядъ ступеней, въ которомъ, рядомъ съ постепеннымъ уменьшеніемъ сонорности, наблюдаемъ постепенное сближеніе артикулирующихъ органовъ и отсюда постепенное увеличеніе мѣстныхъ шумовъ. Въ этомъ ряду мы можемъ отличать фонемы, обладающія большей или меньшей степенью сонорности сравнительно съ другими, можемъ говорить о большей или меньшей примѣси специфическихъ мѣстныхъ шумовъ къ чистому голосовому тону, но не можемъ провести строгой границы хотя бы между фонемами, дающими чистый голосовой тонъ, и фонемами, дающими

[1]) Напр. индійскіе грамматики относили къ категоріи „гласныхъ“ … и *l*, какъ могущія быть слогообразующими.

голосовой тонъ съ примѣсью мѣстныхъ шумовъ, напр. между *i* и *j* или между *u* и *w* (*v* билабіальнымъ). Поэтому дѣленіе на „гласныя“ и „согласныя“ съ этой точки зрѣнія недостаточно обосновано.

Этими-то неопредѣленными понятіями о „гласныхъ“ и „согласныхъ“ обыкновенно пользуются при опредѣленіи дифтонга, почему и представленіе о дифтонгѣ является крайне неяснымъ и колеблющимся. Для примѣра приведу опредѣленіе дифтонга у Зиверса: „Unter einem Diphthong im weitesten Sinne des Wortes versteht man eine einsilbige Verbindung zweier einfacher Vocale, von denen mithin nach den allgemeinen Gesetzen der Silbenbildung der eine silbisch oder Sonant, der andere unsilbisch oder Consonant ist“ (Grundzüge 410). А нѣсколько дальше Зиверсъ говоритъ: „Dass wir Gruppen wie *ar*, *al*, *am*, *an* . . . nicht auch als Diphthonge auffassen, liegt grossentheils bloss an der Gewohnheit *r*, *l*, *m*, *n* . . . als „Consonanten“[1]) zu bezeichnen, die mit einem „Vocal“ nicht eine derartig homogene Verbindung eingehen können, wie zwei „Vocale“ unter einander“ (l. c. 426).

27. Что съ функціональной стороны нѣтъ принципіальнаго различія между такими сочетаніями какъ *a͜i*, *a͜u* и т. п., съ одной стороны, и *a͜r*, *a͜l*, *a͜m*, *a͜n* и т. п., съ другой стороны, это фактъ общепризнанный въ новѣйшей лингвистической литературѣ. И тѣ и другія сочетанія принято теперь называть дифтонгами. Но если сравнимъ такія сочетанія какъ *ar*, *al*, *am*, *an* и т. п. съ такими какъ *aj*, *av*, *az*, *až* и т. п. (со второй длительной, звонкой фонемой), то и тутъ не найдемъ съ фонетической точки зрѣнія другого общаго различія между ними, какъ нѣкоторую разницу въ степени сонорности второго компонента. Съ функціональной же стороны можетъ и вовсе не быть принципіальнаго различія между ними, такъ какъ и послѣднія сочетанія, какъ и первыя можно произносить и съ монофтонгическимъ (*ar̯*, *al̯*; *az̯*, *až̯* и т. п.) слоговымъ центромъ и съ дифтонгическимъ (*a͜r*, *a͜l*: *a͜z*, *a͜ž* и т. п.). Такое дифтонгическое произношеніе послѣднихъ сочетаній слышимъ, напр., въ среднелатышскихъ говорахъ подъ сильнымъ

---

[1]) Здѣсь терминъ „согласная“ (Consonant) употреблено въ первомъ случаѣ для обозначенія неслоговой фонемы, во второмъ — для обозначенія извѣстной категоріи фонемъ, независимо отъ роли этихъ фонемъ въ слогѣ.

удареніемъ, гдѣ возможно произношеніе *kaz-za* „коза“, *ež-ža* „межа“ и т. п. со слоговыми *z* и *ž*. Однако сочетанія *aj*, *av*, *az*, *až* и т. п. не принято называть дифтонгами, во-первыхъ, вѣроятно потому, что дифтонгическое произношеніе ихъ наблюдается гораздо рѣже (по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ мнѣ языкахъ только въ опредѣленныхъ условіяхъ), а во-вторыхъ, повидимому, и на томъ основаніи, что они, вслѣдствіе меньшей сонорности второго компонента, не такъ легко поддаются дифференційрующему дѣйствію слоговыхъ интонацій, какъ сочетанія съ болѣе сонорнымъ вторымъ компонентомъ, и потому не могутъ быть удобно использованы (въ извѣстныхъ языкахъ, семасіологизующихъ слоговое удареніе) въ цѣляхъ смысловой дифференціаціи. Но это, однако, не значитъ, что произношеніе подобныхъ сочетаній вообще не допускаетъ отчетливыхъ интонаціонныхъ различій и что они вообще не могли бы служить семасіологическимъ цѣлямъ: при достаточной затратѣ мускульной энергіи можно достигнуть вполнѣ яснаго различія, напр., между *až* съ восходящей интонаціей и *àz* съ падающей.

28. И не только длительныя звонкія, но вообще любая фонема можетъ въ извѣстныхъ условіяхъ, находясь за гласной, образовать такой дифтонгическій слоговой центръ: именно, когда, вслѣдствіе относительной краткости гласной фонемы, центръ мускульнаго напряженія переходитъ на согласную, которая въ такихъ случаяхъ обыкновенно удлиняется. Я тутъ имѣю въ виду тотъ типъ слогообразованія, которой въ нѣмецкой фонетической литературѣ извѣстенъ подъ названіями „fester Anschulss des Konsonanten“ (Jespersen, Lehrbuch² 202) или „stark geschnittener Akzent“ (Sievers, Grundzüge 589), а въ англійской — подъ названіемъ „close stress“ (Sweet, A primer of phonetics³ 159). Это такія сочетанія какъ *at-a* (съ сильной имплозіей, а слабой эксплозіей *t*) или *at-ta* (съ сильной имплозіей и сильной эксплозіей *t*), *ad-a* или *ad-da* и т. п., гдѣ центръ мускульнаго напряженія переносится на согласную, и которыя съ функціональной стороны вполнѣ соотвѣтствуютъ сочетаніямъ *ar-a* или *ar-ra*, *al-a* или *al-la* и т. п., или передъ слѣдующимъ согласнымъ *at-na*, *ap-na*, и т. п., соотвѣтствующія *ar-na*, *al-na* и т. п.[1])

[1]) Объ условіяхъ существованія подобнаго слогового типа въ древнегреческомъ и въ другихъ индоевропейскихъ яазыкахъ см. Hermann l. c.

Такимъ образомъ, если условимся называть дифтонгомъ односложное сочетаніе всякихъ двухъ слогообразующихъ фонемъ, то должны отнести къ дифтонгамъ и только что разсмотрѣнныя сочетанія, въ которыхъ второй компонентъ также является количественно свободной,[1]) т. е. слоговой фонемой. Для иллюстраціи сказаннаго приведу нѣкоторые факты изъ области латышскаго языка. Въ западно-латышскихъ (ливонскихъ) говорахъ (см. Endzelin, Lettische Grammatik, стр. 56), утрачивающихъ краткіе конечные гласные, обнаруживается такъ называемое замѣнительное растяженіе предшествующаго слога (Ersatzdehnung), причемъ, если слогъ этотъ оканчивается звонкой согласной фонемой, то удлиненію подвергается предшествующая ей гласная, если же удлиняющійся слогъ оканчивается глухой согласной, то удлиняется эта глухая согласная фонема, напр., *kaza* ,,коза" > *kāz*, а *kasa* ,,чешетъ, сгребаетъ" > *kas̄* (съ долгимъ *s*), *daba* ,,природа" > *dab*, а *lapa* ,,листъ" > *lap̄* (съ долгимъ *p*) и т. п. Очевидно, что удлиненіе слога происходитъ здѣсь, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, спрашивается только, чѣмъ обусловливается удлиненіе въ одномъ случаѣ гласной, въ другомъ согласной фонемы этого слога. Извѣстно, что передъ звонкими согласными гласныя произносятся обыкновенно нѣсколько протяжнѣе, чѣмъ передъ глухими (см. Jespersen, Lehrbuch², 182 а также Hermann l. c. 224). Въ западно-латышскихъ говорахъ эта разница въ длительности гласной фонемы передъ слѣдующей звонкой или глухой согласной, очевидно, настолько велика, что мы имѣемъ тутъ два разныхъ типа слогообразованія: въ первомъ случаѣ монофтонгическій, во второмъ — дифтонгическій. Другими словами, передъ слѣдующей звонкой длительность краткой гласной фонемы здѣсь достаточна, для того чтобы она одна могла исполнять слогообразовательную функцію, т. е. быть центральной фонемой въ слогѣ. Ясно, что при удлиненіи такого слога, должна удлиняться именно эта гласная, какъ единственная слоговая фонема въ данномъ слогѣ. Напротивъ того, передъ слѣдующей глухой длительность гласной, очевидно, не достигаетъ привычной въ данномъ языкѣ нормы длительности для слоговой фонемы, и поэтому слогообразовательная функція (центръ мускуль-

---

[1]) Конечно посколько природа (артикуляціонныя особенности) той или другой согласной фонемы допускаетъ количественныя варіаціи.

наго напряженія) переносится и на слѣдующую согласную,[1]) т. е. образуется дифтонгическій слоговой центръ. Изслѣдованія же количественныхъ взаимоотношеній между компонентами дифтонгическихъ сочетаній показываютъ, что, при удлиненіи дифтонгическаго слога, удлиняется обыкновенно его акустически болѣе слабый компонентъ (см. Filologu Biedrības Raksti I, 41 и сл.); въ данномъ случаѣ таковымъ является глухая согласная фонема. Отсюда ясно, почему *ka-za*, *da-ba* и т. п. двусложныя слова при отпаденіи конечной гласной даютъ односложныя *kāz*, *dāb* (съ долгой гласной), а *ka͜sa*, *la͜pa* и т. п. даютъ *ka͜s̄*, *la͜p̄* (съ долгой согласной). Эти случаи совершенно параллельны случаямъ съ монофтонгическимъ или дифтонгическимъ слоговымъ центромъ въ сочетаніяхъ гласной со слѣдующимъ „сонантомъ", гдѣ, напр., *ma-la* „край" (съ монофтонгомъ *a* въ центрѣ перваго слога) при отпаденіи конечной гласной даетъ *māl* (съ долгимъ ā), а *pil-la* < *pilna* „полная" (съ дифтонгомъ *i͜l* въ центрѣ слога) даетъ *pi͜l̄* (съ долгимъ слоговымъ *l̄*). Такимъ образомъ и эти факты показываютъ, что съ функціональной стороны нѣтъ основанія смотрѣть на сочетанія вродѣ *ăt*, *ăp*, *ăs* и т. п. иначе, чѣмъ на сочетанія *ăr*, *ăl*, *ăn* и т. п.: какъ тѣ, такъ и другія могутъ при извѣстныхъ условіяхъ образовать и монофтонгическіе и дифтонгическіе слоги, а кромѣ того эти факты еще разъ подтверждаютъ, что слогъ нужно разсматривать прежде всего со стороны физіологической, ибо слогообразовательная работа совершается именно въ этой области.

29. Слѣдовательно, изучая слогъ и взаимоотношенія фонемъ въ слогѣ съ физіологической и функціональной стороны, приходится различать два противоположныхъ типа слогообразованія: типъ монофтонгическій съ одной лишь слоговой фонемой и типъ дифтонгическій съ двумя слоговыми фонемами въ центрѣ слога. Къ первому типу приходится такимъ образомъ относить всякое соединеніе одной слогообразующей фонемы съ одной или нѣсколькими неслоговыми, независимо отъ того, будутъ ли эти неслоговыя фонемы гласными или согласными (въ общепринятомъ зна-

[1]) Къ сожаленію не могу дать цифровыхъ данныхъ для этого говора; ср. прочемъ у Hermann'a (стр. 311 и сл.) результаты измѣреній Poirot въ Acta soc. scient. Fenn. XLV, № 4 (работа эта мнѣ сейчасъ недоступна); измѣренія же E. A. Meyer'a (у Hermann'a 312 и сл.) относятся къ говору, представляющему, повидимому, иной слоговой типъ.

ченіи). Сюда, значитъ, отнесемъ не только такія сочетанія какъ *ā̆p, ā̆t, ā̆s, ā̆r, ā̆l* или *pā̆, tā̆, sā̆, rā̆, lā̆* и т. п. (съ неслоговой согласной), но и такія какъ *ā̆i̯, ē̆i̯, ē̆u̯, ā̆u̯, i̯ā̆, u̯ā̆* и т. п., которыя вообще принято называть дифтонгами.[1]) Ко второму же типу приходится относить *односложное сочетаніе всякихъ двухъ слогообразующихъ фонемъ*, независимо отъ ихъ природныхъ и артикуляціонныхъ особенностей.[2]) Слѣдовательно сюда отнесемъ не только сочетанія двухъ гласныхъ вродѣ *a͜i, a͜u, e͜i, i͜a, u͜a* и т. п., но и сочетанія гласной и согласной (звонкой или глухой), поскольку эта согласная въ данномъ сочетаніи является въ роли слогообразующей, напр. *a͜r, a͜l, a͜m, a͜n, a͜z, a͜s, a͜d, a͜k* и т. п.

Экскурсъ. Вліяніе функціональныхъ особенностей фонемы на относительную ея сонорность. Выше уже указывалось, что фонемы, входя въ составъ слога въ качествѣ неслоговыхъ, могутъ терять часть тѣхъ своихъ природныхъ свойствъ, которыми онѣ обладаютъ въ изолированномъ произношеніи. Особенно это нужно сказать относительно потери природной сонорности въ зависимости отъ сосѣдства и отдаленности отъ центра слога. Поэтому тѣ соотношенія сонорности, которыя устанавливаются для изолированныхъ фонемъ, отнюдь не могутъ быть перенесены на фонемы, объединенныя въ слогѣ. Но говоря о потерѣ природной сонорности неслоговой фонемой, нельзя не отмѣтить, что, наоборотъ, въ положеніи слогообразующей всякая фонема настолько выигрываетъ въ сонорности, что можетъ не только стоять на одной ступени съ болѣе сонорною по природѣ, но иногда и превосходить послѣднюю, если та находится не въ центрѣ слога.[3]) Напр. изолированное *a*, обла-

---

[1]) Можно съ нѣкоторой вѣроятностью предполагать, что первоначально терминомъ дифтонгъ обозначалось односложное сочетаніе двухъ слогообразующихъ сонорныхъ (ср. *Коршъ* „Двоегласныя въ древне-греческомъ языкѣ съ физіологической точки зрѣнія" Руск. Филол. Вѣстн. 49, стр. 41 и сл. Только потомъ, съ теченіемъ времени, при постепенной монофтонгизаціи дифтонгическихъ сочетаній въ большинствѣ позднѣйшихъ потомковъ индоевропейскихъ языковъ (ср. *Hermann*, Silbenbildung im Griech. 350), первоначальное значеніе термина „дифтонгъ" могло быть утрачено, а съ оставшимся въ литературѣ терминомъ естественно стало соединяться представленіе о тѣхъ сочетаніяхъ, которыя явились на мѣстѣ прежнихъ дифтонговъ, въ результатѣ измѣненія слогового типа.

[2]) Разумѣется, поскольку природныя и артикуляціонныя особенности тѣхъ или другихъ фонемъ при опредѣленныхъ условіяхъ, такую дифтонгизацію вообще допускаютъ.

[3]) Приведу нѣкорыя цифровыя данныя: мною опредѣлялось, съ одной стороны, разстояніе, на которомъ отчетливо воспринимается слухомъ

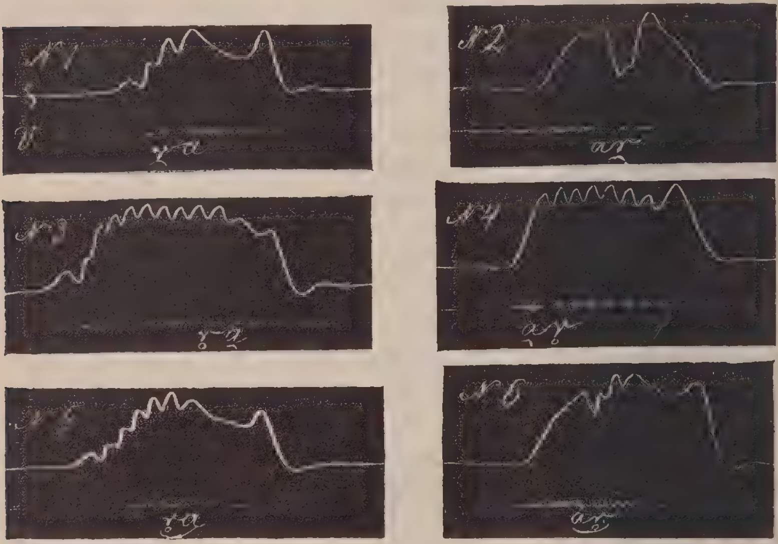
дающее, какъ извѣстно, наибольшей природной сонорностью сравнительно съ другими фонемами, слышится, по крайней мѣрѣ, на вдвое большемъ разстояніи, чѣмъ изолированное *l* или *n*, произнесенныя съ приблизительно одинаковымъ мускульнымъ усиліемъ. Но въ дифтонгахъ *al*, *an*, т. е. въ роли слоговыхъ, оба компонента перестаютъ быть слышимыми почти одновременно (незначительное преобладаніе того или другого зависитъ отъ типа интонаціи). Если въ сочетаніяхъ со сравнительно мало сонорнымъ или даже глухимъ вторымъ компонентомъ, напр. въ дифтонгическихъ *as*, *at* и т. п., второй компонентъ и перестаетъ быть слышимымъ раньше перваго, то все же вслѣдъ за *a* слышатся звонкіе переходные звуки (занимающіе въ подобныхъ дифтонгическихъ слогахъ самую вершину слога) и озвонченное начало второго компонента, по которымъ легко отгадывается все сочетаніе даже и на такомъ разстояніи, на которомъ изолированное *s* или *t* уже не воспринимаются.

30. Хотя въ фонетикѣ глубоко укоренился предразсудокъ, будто „гласныя" вообще, а *a*, какъ наиболѣе сонорная изъ нихъ, въ особенности, могутъ въ сочетаніяхъ съ менѣе сонорными встрѣчаться исключительно въ роли слоговыхъ (ср. Sievers, Grundzüge 531, 540, Jespersen, Lehrbuch[2] § 13. 31,

---

та или другая изолированная фонема, съ другой стороны — разстояніе, на которомъ воспринимается тотъ или другой компонентъ слога. Хотя опыты производились съ нѣкоторыми предосторожностями (наблюденія производились въ открытой степи, вечеромъ, въ возможно тихую погоду и при отсутствіи дневного шума, опредѣленныя фонемы произносились съ одинаковымъ, по возможности, напряженіемъ голоса и т. д.) все же полученныя при такого рода опытахъ цифры не могутъ претендовать на абсолютную точность. Но въ данномъ случаѣ такая абсолютная точность и не имѣетъ большого значенія, такъ какъ важно получить лишь общую картину соотношеній. Въ результатѣ моихъ наблюденій, повторенныхъ по нѣсколько разъ, обнаружились слѣдующія соотношенія въ сонорности произнесенныхъ мною изолированныхъ фонемъ: наименьшей слышимостью обладаютъ 1. глухія смычныя *p*, *t*, *k*, и щелинная *f* (слышны были на разстояніи приблизительно около 50 аршинъ), 2. глухая переднеязычная щелинная *s* и аффиката *c* (около 80 арш.), 3. звонкія смычныя *b*, *d*, *g*, (около 120 арш.), 4. звонкая щелинная *z*, африката *ʒ*, и губно-зубное *v*, (около 135 арш.), 5 глухая щелинная *š* (дорсальнаго образованія) и африката *č* (около 150 арш.), 6. носовыя *m* и *n* (около 155 арш.), 7. *l* (около 160 арш.), 8. *ž* (дорсальное) и *ǯ* (около 170 арш.), 9. дрожащее переднеязычное *r* (около 240 арш.). Для гласныхъ не могу, къ сожалѣнію, привести сейчасъ даже и приблизительныхъ цифровыхъ данныхъ, такъ какъ они мною случайно утрачены, а повторить эти опыты сейчась въ городѣ болѣе чѣмъ затруднительно. Могу только отмѣтить, что слышимость узкихъ *i* и *u* въ моемъ произношеній оказалась меньше слышимости моего *r* (ср. и Jespersen, Lehrbuch[2] стр. 191).

стр. 195), однако факты показываютъ, что такое положенiе гласныхъ оказывается, правда, преобладающимъ, но не исключительнымъ и отнюдь не единственно возможнымъ. Какъ любая фонема можетъ являться въ роли слогообразующей (ср. § 25), такъ же всякая, даже самая сонорная по природѣ фонема, можетъ при опредѣленныхъ условiяхъ оказаться въ роли неслоговой (ср. также Hermann l. c. стр. 4). Опыты показываютъ, что мы можемъ произносить какъ *i̯a*, *r̯a*, *l̯a*; *ai̯*, *ar̯*, *al̯*



Фиг. 10.

и т. п. со слоговымъ *ā*, и неслоговыми *i, r, l,* такъ и *i̥a̯*, *r̥a̯*, *l̥a̯*; *a̯i̥*, *a̯r̥*, *a̯l̥* съ неслоговымъ *a* и слоговыми *i*, *r*, *l* и, наконецъ, дифтонги *ia*, *ra*, *la*; *ai*, *ar*, *al* съ обоими слоговыми компонентами. Иллюстрацiей сказаннаго можетъ служить фиг. 10.[1]) № 1 и 2 показываютъ сочетанiе слогового *a* съ неслоговымъ *r* (*r̯a*, *ar̯*); въ № 3 и 4 *r* настолько преобладаетъ количественно (по длительности и силѣ) надъ *a*, что оно одно занимаетъ центръ слога и опредѣляетъ слоговой типъ, *a* же оказывается

[1]) Для иллюстрацiи взяты сочетанiя съ *r* какъ наиболѣе наглядныя, такъ какъ кривую звука *a* легко отличить отъ зубчатой кривой дрожащаго *r*.

лишь въ функціи неслоговой (*r̥a̯*, *a̯r̥*)[1]); наконецъ, № 5 и 6 показываютъ болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе центра тяжести между обоими компонентами при сохраненіи непрерывности (физіологической и акустической) между ними и, слѣдовательно, единства слога (*r͜a*, *a͜r*).[2])

III. Слогодѣленіе.

31. При пониманіи слога какъ комплекса фонемъ, объединенныхъ слоговымъ удареніемъ, вопросъ о слогодѣленіи оказывается принципіально уже рѣшеннымъ. Если все, подчиняющееся дѣйствію одного ударенія, составляетъ одинъ слогъ, то ясно, что граница двухъ сосѣднихъ слоговъ будетъ между сферой дѣйствія двухъ слоговыхъ удареній, а слоговъ окажется въ словѣ столько, сколько въ немъ будетъ отдѣльныхъ группъ фонемъ, имѣющихъ самостоятельное слоговое удареніе. Поэтому для говорящаго, руководящагося показаніями мускульнаго чувства, не можетъ быть сомнѣнія, какъ относительно числа слоговъ, такъ и относительно слоговой границы въ томъ или другомъ индивидуальномъ случаѣ[3]) (ср. выше § 8).

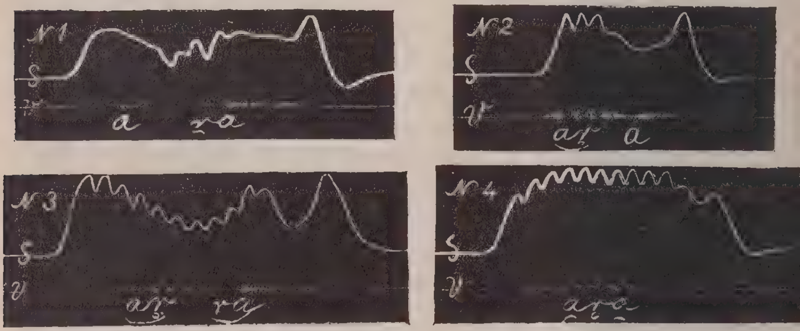
---

[1]) Сочетанія типа *a͜r̥͜a* встрѣчаемъ въ латышскомъ языкѣ (ср. выше § 3). Относительно гласныхъ въ роли неслоговыхъ въ славянскихъ языкахъ ср. Broch, Slavische Phonetik §§ 205 и 206.

[2]) О типѣ *a͜r*, см. выше § 23; насчетъ *r͜a* ср. Hermann l. c. § 12.

[3]) Въ этомъ пунктѣ яснѣе всего обнаруживается безпомощность акустическихъ слоговыхъ теорій. Такъ Jespersen (Lehrbuch[2] стр. 205) говоритъ: Dagegen kann die Schallfülle uns nicht im mindesten helfen, einen Punkt ausfindig zu machen, wo die eine Silbe aufhört und wo die nächste beginnt: sie zeigt nur die Gipfel, aber nicht wo in den Tälern die Scheiden zwischen den Gipfeln liegen. Въ такомъ же затруднительномъ положеніи оказываются эти теоріи при опредѣленіи числа слоговъ (ср. Jespersen l. c. 198 и Sievers, Grundzüge 522 и сл.). При разсматриваніи же слога съ физіологической и функціональной стороны эти затрудненія устраняются сами собою. Такъ, напр. оказывается совершенно лишнимъ говорить о какихъ-нибудь „побочныхъ“ слогахъ (Nebensilben — по Зиверсу) въ такихъ односложныхъ словахъ, какъ *мгла*, g. s. *лба, рта* и т. п. (ср. Broch, Slavische Phonetik стр. 244). Если по произнесеніи болѣе сонорной начальной фонемы (въ данномъ случаѣ *m, l. r*) нѣтъ ослабленія мускульнаго напряженія (и, слѣдовательно, непрерывность не нарушена), то передъ нами всего одинъ слогъ; если же къ концу такой сонорной наступаетъ ослабленіе, нарушающее непрерывность мускульнаго напряженія (что бываетъ при нѣкоторомъ удлиненіи ея), то такая сонорная пріобрѣтаетъ самостоятельное слоговое удареніе и конечно образуетъ отдѣльный, самостоятельный слогъ (ср. више § 11). Слѣдовательно, можемъ имѣть либо односложныя формы *мгла, лба, рта* съ неслоговой сонорной, либо двусложныя *м̥-гла, л̥-ба, р̥-та* со слоговой сонорной. Нѣчто среднее между ними я, по крайней мѣрѣ, не представляю себѣ. Другое дѣло, если само произношеніе

Довольно поучительными въ этомъ отношенiи являются и результаты объективныхъ изслѣдованiй. На фиг. 11 видимъ четыре различныхъ случая слогодѣленiя одного и того же комплекса фонемъ (*ara*). № 1 представляетъ двусложное сочетанiе *a-r̭a* со слоговой границей послѣ *a* (ср. уменьшенiе амплитуды колебанiй на кривой *V* и паденiе кривой *S*, свидѣтельствующiя объ ослабленiи мускульной работы). Оба слоговыхъ центра въ данномъ случаѣ монофтонгическiе. № 2 представляетъ двусложное сочетанiе *ar-a* со слоговой границей послѣ *r*; первый слогъ въ данномъ случаѣ дифтонгическiй, т. е. *r* является здѣсь слоговымъ, такъ какъ ослабленiе мускульной работы, какъ показываютъ кривыя, наступаетъ только къ концу *r*. № 3 представляетъ двусложное *ar-ra* со слоговой границей на *r*. Въ данномъ случаѣ, судя по кривымъ, приходится считать оба слога дифтонгическими. Наконецъ, № 4 представляетъ односложное сочетанiе всѣхъ элементовъ *ara*. Здѣсь *r* настолько преобладаетъ по силѣ и длительности надъ начальнымъ и конечнымъ *a*, что оно одно образуетъ центръ слога и вполнѣ опредѣляетъ характеръ слога. Начальная и конечная неслоговыя гласныя могутъ быть въ подобномъ односложномъ сочетанiи настолько слабы, что о присутствiи того или другого гласнаго элемента на слухъ приходится судить лишь по тембру начала и конца *r* (напр. въ сочетанiяхъ *uru*, *ari*, *iru* и т. п.).



Фиг. 11.

начинаетъ колебаться между односложнымъ и двусложнымъ; въ такомъ случаѣ можетъ иногда оказаться затруднительнымъ опредѣлить, что въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ является типичнымъ, а что случайнымъ.

Разумѣется, что разсмотрѣнные здѣсь четыре случая слого-
цѣленія являются не единственно возможными для подобнаго
очетанія. Среди моихъ кривыхъ перваго типа, гдѣ оба слога
юнофтонгическіе, попадаются случаи со слоговой границей
іа *r (ar̯-r̯a)*. Въ моемъ произношеніи часто слышится нѣчто
реднее между случаями вторымъ и третьимъ, т. е. случаи съ
цифтонгомъ въ первомъ слогѣ и съ присутствіемъ неслогового *r*
зо второмъ (*a͜r-r̯a*). Четвертый (односложный типъ) можетъ
імѣть дифтонгическій слоговой центръ (*a͜r-a̯*) при слоговомъ
арактерѣ первыхъ двухъ компонентовъ и не слоговомъ ха-
рактерѣ третьяго¹) (ср. § 3).

32. На практикѣ расположеніе неслоговыхъ элементовъ
коло слоговыхъ и свойственные отдѣльнымъ языкамъ ти-
ичные пріемы слогодѣленія зависятъ, повидимому, въ зна-
ительной степени отъ свойственныхъ тому или другому языку
ривычныхъ способовъ образованія слогового центра. Чѣмъ
ольше какой-либо группѣ языковъ свойственно стремленіе
ъ дифтонгизаціи слогового центра (напр. языкамъ герман-
кимъ), тѣмъ больше неслоговыхъ элементовъ присоединяется
ъ концу слога, а чѣмъ строже въ какомъ нибудь языкѣ
ли группѣ языковъ соблюдается монофтонгическій слоговой
ипъ (напр. въ языкахъ романскихъ), тѣмъ тщательнѣе из-
ѣгается скопленіе неслоговыхъ элементовъ послѣ слогового
ср. Jespersen, Lehrbuch² стр. 204; относительно славян-
кихъ языковъ см. Broch, Slavische Phonetik 263 и сл., а отно-
ительно латышскаго языка — Endzelin, Lettische Grammatik
тр. 16 и сл.).²)

* * *

¹) Разумѣется, что не при всякой интервокальной фонемѣ всѣ эти
лучаи слогодѣленія могутъ быть представлены сполна: чѣмъ сонорнѣе
акая интервокальная фонема, тѣмъ больше свободы и разнообразія мо-
кемъ себѣ представить въ области слогообразованія и слогодѣленія по-
обнаго комплекса фонемъ и наоборотъ. Напр. при глухой интервокаль-
ой (въ сочетаніяхъ вродѣ *asa, ata* и т. п.) послѣдній случай *as̯a̯, a͜ta̯* во-
моженъ только при потерѣ звонкости послѣднимъ неслоговымъ (ср. Endzelin, Lettische Grammatik § 8).

²) Разумѣется, что указаніе точныхъ, непреложныхъ законовъ слого-
ѣленія въ томъ или другомъ языкѣ затрудняется тѣмъ, что само про-
зношеніе наше является на практикѣ непостояннымъ и колеблющимся,
очему установка вполнѣ точныхъ нормъ слогодѣленія, особенно при
руппахъ согласныхъ, оказывается почти невозможнымъ. Здѣсь можно
онстатировать лишь опредѣленную тенденцію того или другого языка
акъ или иначе группировать неслоговые элементы около слоговыхъ, т. е.
ожно указать лишь тѣ рамки, внутри которыхъ колеблется индивидуаль-
ое произношеніе въ томъ или другомъ языкѣ.

Кор. примѣчаніе. Настоящая статья была уже отдана въ редакцію, когда я познакомилась съ книгою E. Hermann'a: Silbenbildung im Griechischen und in den anderen indogermanischen Sprachen (Göttingen 1923). Книга эта посвящена историческому изслѣдованію вопроса, посколько въ древнегреческомъ, а также и въ другихъ иде. языкахъ, согласная фонема, находясъ за краткой гласной, являласъ количественно самостоятельной (einmorig — по Hermann'y), образуя съ предшествующей краткой гласной долгій слогъ (Positionslänge), вопроса, который съ фонетической стороны разсматривается и въ настоящей работѣ (гл. II). Не имѣя возможности раздвигать уже рамки своей работы, мнѣ пришлось воздержаться тутъ отъ подробнаго разсмотрѣнія нѣкоторыхъ, занимающихъ меня въ данномъ трудѣ, вопросовъ и ограничиться лишь немногими корректурными ссылками и примѣчаніями.

Прага, 1924.

А. Абеле.

Zur čechischen und serbischen Akzentuation.

Die in meiner Studie Zur Physiologie der Akzentuation langer Silben im Slavo-baltischen[1]) gegebenen Ausführungen über die Intonationsverhältnisse in den modernen baltischen und slavischen Sprachen gründen sich auf vorzugsweise experimentell erbrachtes Material. So liegen meinen Angaben über das Litauische und Serbische zum grössten Teil recht umfangsreiche experimentelle Untersuchungen zugrunde, die ich selbst ausgeführt habe. Für das Lettische und Čechische war ich dagegen genötigt, mich ausschliesslich auf Untersuchungen zu stützen, die von anderen herrührten. Hierbei ist zu betonen, dass das Material, das für die letztgenannte Sprache zu Gebote stand, von verhältnismässig geringem Umfang war. Zusammengestellt mit anderen auf auskultativem Wege gemachten Beobachtungen über die Intonations- und Quantitätsverhältnisse des Čechischen, schien es mir indessen hinreichend, um bei der prinzipiellen Erörterung, die meine obenerwähnte Studie zu bieten bezweckte, auch diese Sprache in den Kreis der Behandlung zu ziehen.

Seitdem habe ich Gelegenheit gehabt, selbst auf experimentellem Wege systematische Untersuchungen über das Čechische anzustellen.[2]) Da indessen eine eingehendere Erörterung und eine möglichst klare Beleuchtung der gegenwärtigen čechischen Intonationsverhältnisse von Interesse sein dürfte, habe ich es für angezeigt erachtet, die Hauptresultate dieser meiner Untersuchung zu veröffentlichen. Es erschien mir dabei zweckmässig, meine Ergebnisse mit den Resultaten zu verknüpfen, zu denen ich in meiner früheren Untersuchung entsprechender Fragen im Serbischen[3]) gekommen bin, da diese beiden

---

[1]) Veröffentlicht in Skrifter utg. av K. Hum. Vetenskaps-Samf. XXII.

[2]) Diese Untersuchungen wurden mit Dr. E. A. Meyers bereitwilligem Beistand während des Frühlings 1923 in dem unter Leitung Prof. J. E. Johanssons stehenden physiologischen Institut in Stockholm ausgeführt. Als Versuchsperson diente Legationssekretär A. Walter, geboren in Prag 1890 und in derselben Stadt aufgewachsen.

[3]) Die Untersuchungen über das Serbische wurden in demselben Institut wie die oben erwähnten im Sommer 1916 ausgeführt. Das Material rührte in diesem Falle von einem serbischen Studenten M. Mladenović aus Belgrad, geboren 1895, her; vgl. hierüber meine Arbeit Beitr. zur Phon. d. serb. Sprache (Le Monde oriental XI), S. 1.

Sprachen bezüglich der Intonation in so intimem Zusammenhang miteinander stehen.

In meiner obenerwähnten Arbeit vertrat ich die Auffassung, dass, wenn man für das moderne Serbische das Vorhandensein zweier primärer[1]) Intonationsarten feststellen zu müssen glaubt, ungefähr ebenso starke Gründe vorliegen, auch für das Čechische an zwei voneinander verschiedenen Intonationen festzuhalten.[2]) Die Verschiedenheit der Tonbewegung, die, neben dem Quantitätsunterschiede, seit alters betonten langen, bzw. kurzen Vokal im Serbischen kennzeichnet, tritt nämlich in ungefähr gleich ausgeprägtem Grade im Čechischen hervor. Im Serbischen zeigt kurzer primär betonter Vokal, wie ich nachgewiesen habe, ungefähr ebene Tonbewegung, während langem Vokal eine Tonkurve eigen ist, die zunächst eben oder geradezu schwach ansteigend verläuft, um dann in immer stärkeren Fall überzugehen. Für das Čechische habe ich mich damit begnügt festzustellen, dass die Intonation des kurzen Tonvokals den für Kurzvokal in anderen Sprachen kennzeichnenden Verlauf aufweist, d. h. bogenförmig fallenden von ungefähr demselben Typus wie der oben beschriebene serbische lange Intonationstypus, während die langen Vokale eine Intonation von verhältnismässig ebenem Hauptverlauf besitzen. Sieht man von der Quantität ab, so könnte man also sagen, dass der ursprüngliche Akzent I (Zirkumflex) in beiden Sprachen von einer bogenförmig immer stärker fallenden Natur ist, während der ursprüngliche Akzent II (Akut) durch nahezu ebenen Tonverlauf gekennzeichnet ist.

Ich lege hier Intonationskurven vor, die mittelst des E. A. Meyer'schen Tonhöhenmessers nach auf kymographischem Wege registrierten Stimmbandvibrationen gewonnen worden sind.[3]) Des besseren Vergleichs wegen sind Wortpaare von möglichst gleichartiger Struktur gewählt worden. Ich gebe zunächst (Fig. 1—4) Wortpaare mit Intonationen genetisch gesehen der gleichen Natur,[4]) wobei Fig. 1 und

[1]) Die sekundären Intonationen ʼ und ʻ bieten für diese Untersuchung nichts von Interesse dar.

[2]) Vgl. Zur Phys. d. Akz. langer Silben, S. 29 f.

[3]) Die Abbildungen sind im Massstabe 1 : 6 ausgeführt. Der Raumersparnis wegen sind die Kurven für *to je*, die bei den Aufnahmen vor jedem einzelnen Wort ausgesprochen wurden, weggelassen worden.

[4]) In Wirklichkeit gehen nicht alle im Nachstehenden gegebenen Einzelintonationen auf urslavischen Akzent I (Zirkumflex) bzw. Akzent II (Akut) zurück; verschiedene Faktoren (Zusammenziehung, spätere Längung, Akzentversetzung usw.) sind in mehreren Fällen störend dazwischengetreten. Dies hat jedoch keine Bedeutung, da innerhalb der hier behandelten Sprachen in ihrer gegenwärtigen Form die Intonationen ihren gegebenen Typus ohne Rück-

2 Wörter mit urslavischem Akzent I (Zirkumflex), Fig. 3 und 4 solche mit ursprünglichem Akzent II (Akut) darstellen.

Fig. 1.

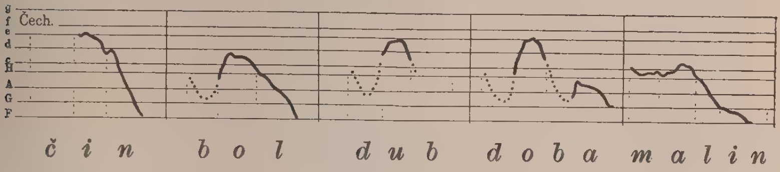


Fig. 2.

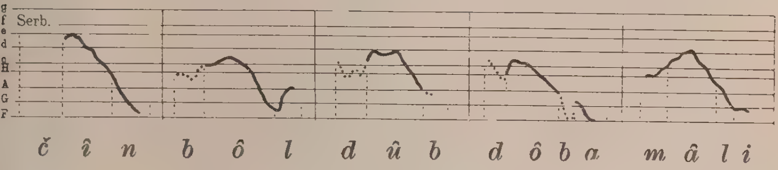


Fig. 3.

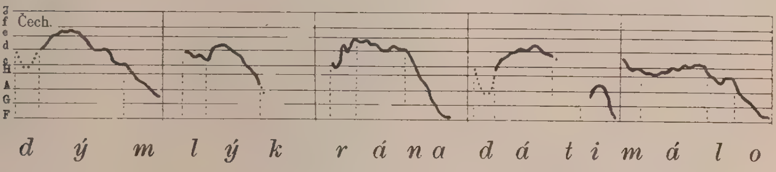
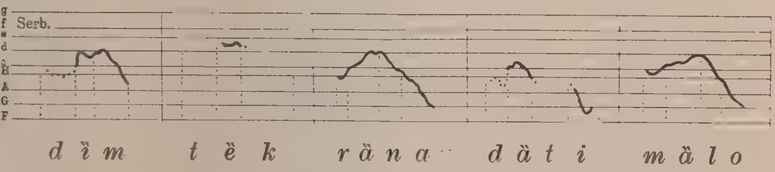


Fig. 4.

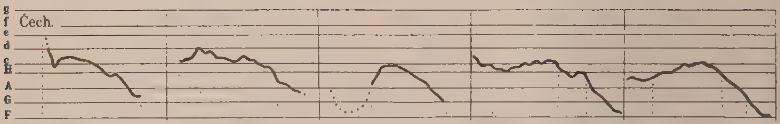


Nachstehend hat eine Umstellung insofern stattgefunden, als die Wortpaare nunmehr gleiche Quantität aufweisen; Fig. 5 und 6 geben Wörter mit langem, Fig. 7 und 8 solche mit kurzem Vokal wieder.

---

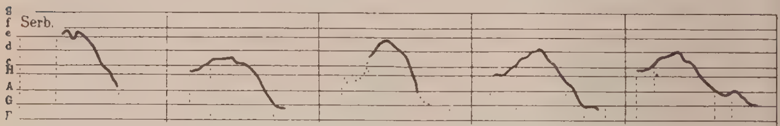
sicht auf den Ursprung haben. Die Hauptsache ist für mich gewesen, mit möglichst homonymen Wortpaaren arbeiten zu könen. — In den wenigen Fällen, wo dasselbe Wort als Beispiel zweimal vorkommt, werden, wo dies möglich gewesen ist, Kurven von verschiedenen Registrierungen her wiedergegeben (so in *tȅk*, Fig. 4 und 8). Ferner sind für das Serbische soweit möglich als Illustrationen andere Kurven verwendet worden als die, welche in Beitr. zur Phon. d. serb. Sprache enthalten sind; vgl. *tȅk* und *mȁlo* (Fig. 4), *pȑsa* (Fig. 8) und *dȉnâr* (Fig. 10).

Fig. 5.



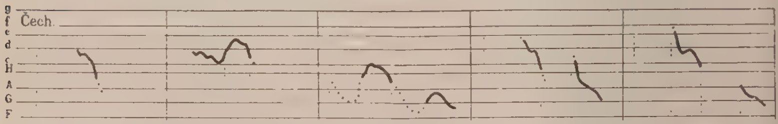
p á s m í r b ů h m á l o n á m i

Fig. 6.



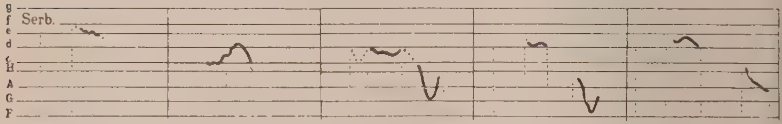
p â s m î r b ô g m â l i n ê m a

Fig. 7.



t e p l y k b a b a p a p a p r s a

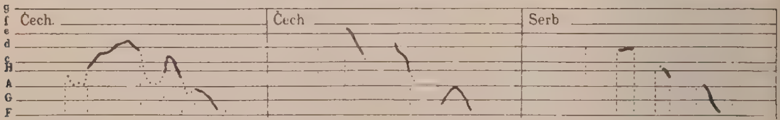
Fig. 8.



t ȅ k l ȁ k b ȁ b a p ȁ p a p ȓ s a

Ich füge drei Abbildungen von Kurven für dreisilbige Wörter hinzu (leider ist in dem serbischen Material die Intonation ⌒ innerhalb dieses Worttypus nicht vertreten). Sämtliche Kurven zeigen Intonationsformen, die sich im grossen und ganzen an die im vorhergehenden behandelten anschliessen.[1])

Fig. 9.

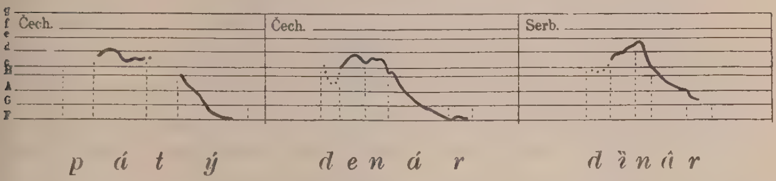


z á bava kupi t i k ȕpi t i

[1]) Das Wort *zábava* scheint jedoch für den Tonvokal eine in unerwartetem Grade steigende Kurve zu haben.

Ferner seien noch einige für zweisilbige Wörter wiedergegeben, in welchen der Vokal der zweiten Silbe lang ist. Auch in diesem Falle fehlt die Kurve für ein serbisches Wort mit der Intonation ⌒ auf dem Vokal der ersten Silbe; das serbische Material war nicht auf diese Vergleiche eingestellt.

Fig. 10.



Es zeigt sich hier, dass der in der zweiten Silbe stehende lange Vokal einen ziemlich ebenen, aber stark fallenden Tonverlauf aufweist und zwar sowohl in den čechischen Beispielen als in dem serbischen. Die Kurve des ersten Vokals ist von einem Typus, ungefähr gleich den entsprechenden im vorhergehenden abgebildeten Kurven, mit dem Unterschied jedoch, dass er durchgehends eine etwas mehr steigende Tendenz hat, aus erklärlichen Gründen sich der Tonbewegung nähernd, welche die unten behandelten Wortkombinationen aufweisen.

Bei einem näheren Studium der hier gegebenen Abbildungen findet man, ausser dem regelmässigen Wechsel der Quantitätsverhältnisse, der seit alters beobachtet worden ist, dass die Intonationskurven so gut wie durchweg die Eigentümlichkeiten darbieten, wie ich sie oben (S. 36) angedeutet habe. In der ersten Gruppe zeigen die Kurven in Fig. 1 und 2 einen ungefähr gleichartigen, bogenförmig stark fallenden Verlauf, während Fig. 3 und 4 Kurven von ganz anderer, verhältnismässig ebener Struktur, von untereinander ziemlich gleichartigem Typus, aufweisen, und wendet man sich der zweiten Gruppe zu, so zeigt des sich, dass Fig. 7 und 6 in ähnlicher Weise sich gegenüber Fig. 5 und 8 zusammenschliessen.

Bei der Beurteilung des oben abgebildeten Materials ist es indessen notwendig, gewisse störende Einflüsse zu berücksichtigen. So muss man hier, wie stets, damit rechnen, dass stimmhafte Verschlusslaute, die dem Tonvokal unmittelbar vorhergehen oder folgen, im allgemeinen herabziehend auf den ihnen benachbarten Teil der Tonkurve dieses Vokals wirken. Stimmlose Verschlusslaute üben

gewöhnlich eine entgegengesetzte Wirkung aus.[1]) Am meisten neutral im Verhältnis zum Verlauf der Kurve des Tonvokals scheinen sich die Sonorlaute *(m, n, l, r)* zu stellen, und die Durchschnittsrichtung der Kurve wird hier vielleicht am sichersten nach Wörtern wie *malin, mâli, malo, mȁlo, rána, rȁna, námi, nêma, mír, mîr* beurteilt.[2])

Ich kam bei meiner frühesten Behandlung des Serbischen zu dem Ergebnis, dass die Intonation ̏, die seit alters als fallend betrachtet worden ist, am ehesten als s c h w a c h fallend zu bezeichnen ist, wobei jedoch betont wurde, dass wie immer umgebende Konsonanten einen deviierenden Einfluss ausüben können.[3]) Bei einem näheren Studium von Kurven, welche die Intonation ̏ darstellen, habe ich indessen später[4]) zu finden geglaubt, dass sie eher als eben zu betrachten ist. Ich habe nun auf ein und dasselbe Papierblatt sämtliche von mir registrierten Kurven für Intonation ̏ übertragen, wobei ich alle Tonkurven von einem und demselben Anfangspunkt habe ausgehen lassen. An drei verschiedenen Stellen des Verlaufs der Kurven habe ich dann durch Messung den mittleren Wert der jeweiligen Höhe sämtlicher Kurven festgestellt, und auf diese Weise habe ich eine Durchschnittskurve erhalten, die als wagerecht (in Wirklichkeit ein wenig steigend, vgl. Fig. 13) bezeichnet werden kann. Es ist klar, dass auch mittelst dieses Auswegs ein völlig exakter Durchschnittswert nicht erlangt werden kann. Es lässt sich nicht erreichen, dass die verschiedenen Arten von Konsonantismus mit ihrer speziellen Einwirkung (vgl. oben) in absolut befriedigender Weise gleichmässig vertreten sind, und die Proportion zwischen ein- und mehrsilbigen Wörtern, die bei der Berechnung in Frage kommen müssen, hinreichend abzuwägen, ist nicht möglich. Indessen dürfte die in Fig. 13 wiedergegebene generelle Kurve für Intonation ̏ dem Durchschnittswert sehr nahe kommen.[5])

---

[1]) Vgl. hierüber E. A. M e y e r, Ein neues Verfahren zur graph. Bestimm. d. mus. Akz. (Monatsschr. f. d. ges. Sprachheilkunde. 1911); vgl. auch meinen Aufsatz Beitr. zur Phon. d. serb. Sprache, S. 41 f.

[2]) Was das erste dieser Wörter betrifft, so erscheint es jedoch fraglich, ob die Tonkurve, besonders soweit sie für den Tonvokal gilt, völlig zuverlässig ist. Leider wurde dieses Wort nur einmal registriert. In gewissem Grade eigentümliche Kurven bieten im übrigen *dȁti* (Fig. 4) und *lȁk* (Fig. 8) dar.

[3]) Vgl. Beitr. zur Phon. d. serb. Sprache, S. 43. 54.

[4]) Zur Phys. d. Akz. langer Silben, S. 26.

[5]) Ich sehe hier, gleichwie im Folgenden, von Fällen ab, wo auf den Tonvokal Silbe mit langem Vokal folgt. — In *mâli* (Fig. 2 und 6) war das *i* in der Aussprache meiner Versuchsperson kurz; vgl. hierüber Beitr. zur Phys. d. serb. Sprache, S. 24.

Der hier fraglichen Durchschnittskurve liegen 30 registrierte Fälle zugrunde.

Im Zusammenhang hiermit habe ich ähnliche Durchschnittszeichnungen auch für die serbische Intonation ⌒ sowie auch für die čechischen Intonationsverhältnisse angefertigt und habe dabei die Durchschnittskurven erhalten, die in Fig. 13 wiedergegeben sind. Die Durchschnittskurve für die serbische Intonation ⌒ beruht auf 59, die für den čechischen kurzen und langen Intonationstypus auf 45 bzw. 48 Einzelbeispielen. Es zeigt sich, dass diese drei Intonationsformen nahezu mit den in Fig. 12 dargestellten zusammenfallen, welche Figur eine Kopie der für das Čechische und Serbische in meiner früheren akzentologischen Studie[1]) gegebenen Figur ist, die sich zunächst auf die genannten Sprachen in ihrer ältesten Form bezieht. Die einzige mehr hervortretende Abweichung ist die, dass ich für das frühe Čechische eine so tiefe Lage der Tonkurven im Register vorausgesetzt habe, dass bei Vokal mit ursprünglichem Akzent I (Zirkumflex) mit seiner stark fallenden Tendenz der Endteil infolge ungenügender Luftzufuhr nur mit Schwierigkeit hat hervorgebracht werden können, was zur Folge gehabt hat, dass derartiger Vokal nach und nach verkürzt worden ist.[2]) Damit ist natürlich nicht gesagt, dass die gegenwärtige Tonlage im Čechischen im allgemeinen niedriger ist als im Serbischen, wenngleich ich das Gefühl habe, dass es andauernd der Fall ist.

Was die serbische Intonation ˵ betrifft, so bin ich der Ansicht, dass sie, soweit sie von altem Akzent II (Akut) ausgegangen ist, in einer frühen Periode einen so starken Anstieg gehabt hat, dass sie die obere Grenze des Registers erreichte und infolgedessen Kürzung erfuhr,[3]) wonach sie allmählich ihre gegenwärtige, verhältnismässig hoch gelegene Tonbewegung und ihren kräftigen Druck erhalten hat.

Nur bei Anlegung dieser Gesichtspunkte an die Intonation im modernen Čechischen und Serbischen kann meines Erachtens die slavische (und baltische) Intonationsentwicklung eine befriedigende Erklärung erhalten. Die nachstehenden Figuren sollen die Entwicklungsserie, wie ich sie mir denke, veranschaulichen. Ausgefüllte Kurven gelten für Akzent I (Zirkumflex), umrissene Kurven für Akzent II (Akut).

---

[1]) Zur Phys. d. Akz. langer Silben, S. 32.
[2]) Vgl. hierüber Zur Phys. d. Akz. langer Silben, S. 10 f., 30 f.
[3]) Vgl. Zur Phys. d. Akz. langer Silben, S. 10.

Fig. 11.

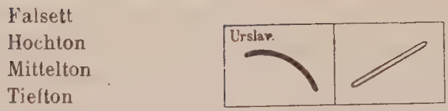


Fig. 12.

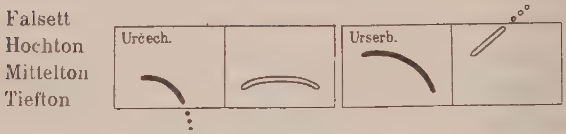
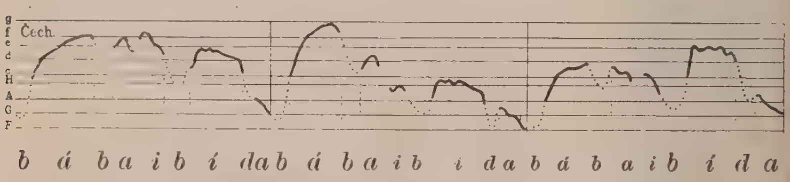


Fig. 13.

Ich erwähnte in meiner früheren Arbeit über die slavische und baltische Intonation, dass unter besonders starkem Druck die Intonation `` einen deutlich steigenden Charakter annehmen kann.[1]) Meine experimentellen Untersuchungen des Serbischen umfassten nämlich auch Wortpaare, die durch die Konjunktion *i* miteinander verbunden waren, und die mit verschiedener Lagerung des Drucks ausgesprochen wurden. Diese Untersuchungen sind bisher nicht veröffentlicht worden. Die aufgestellten Kombinationen für die hier fraglichen primären Intonationen waren *dôba i bêdan* und *bȁba i dȅda*. Des Vergleichs wegen habe ich eine Untersuchung gleichartiger Wörter im Čechischen ausgeführt, wobei die Kombinationen *doba i duby* und *bába i bída* gewählt worden sind. Die fraglichen Wortzusammenstellungen sind ausgesprochen worden 1. mit möglichst gleichem, starkem Druck auf den beiden durch *i* verbundenen Wörtern, 2. mit starkem Druck nur auf dem ersten Wort und 3. mit starkem Druck nur auf dem letzten Wort. Ich lege hier die Resultate vor:

Fig. 14.



1) Zur Phys. d. Akz. langer Silben, S. 27.

Fig. 15.

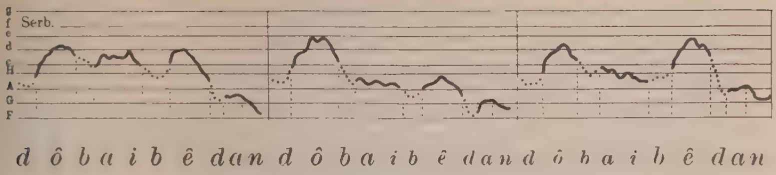


Fig. 16.

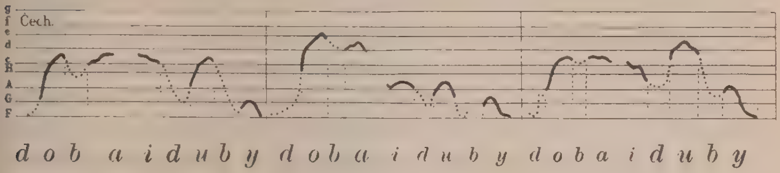
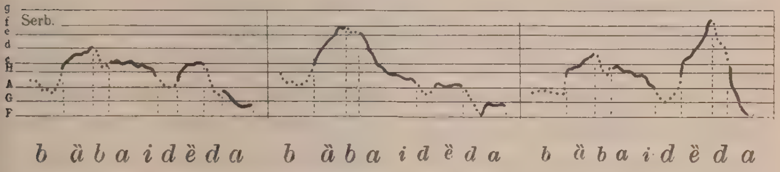


Fig. 17.



Was hier besonders interessiert, ist die Tatsache, dass in der Verbindung *bàba i dèda* (Fig. 17) in den Fällen, wo das eine Wort starkem Druck ausgesetzt ist, der Tonvokal desselben eine besonders stark steigende Intonation zeigt. Vor allem scheint mir der Unterschied zwischen den Tonkurven für *duby* und *dèda* in dem letzten Beispiel von Fig. 16 bzw. 17 bezeichnend. Es scheint wirklich, als dürfte man die Vermutung wagen, dass wir hier eine Erinnerung an den ursprünglichen Charakter der serbischen Intonation vor uns haben.

Im übrigen bieten alle diese Kurven einige Eigentümlichkeiten von gewissem Interesse dar, in erster Linie die, dass zu Beginn der Wortkombinationen eine allgemein steigende Tendenz sich geltend macht, am wenigsten, wie natürlich ist, bei denjenigen, die durch ihrer eigentlichen Natur nach fallende Tendenz gekennzeichnet werden. Man hat hier in erster Linie mit einer Deviation zu rechnen, hervorgerufen durch die Richtung der idealen Satztonkurve.[1])

[1]) Vgl. Zur Phys. d. Akz. langer Silben, S. 38.

Die hier oben behandelten Tonkurven rühren von nur je einem Repräsentanten der fraglichen Sprachen her. Beide eigneten sich indessen sehr für ihre Aufgabe. Beide machten den Eindruck, zuverlässige Vertreter der hauptstädtischen Aussprache der betreffenden Länder zu sein. Eine störende Einwirkung der Apparate liess sich bei ihnen in keiner Weise verspüren. Indessen hatte ich, was das Serbische betrifft, Gelegenheit, gleichzeitig eine Person aus Požarevac, also eine östlichere Aussprache repräsentierend, zu untersuchen. Bezüglich der sekundären Intonationen ′ und ` weist die Aussprache dieser Person einige Eigentümlichkeiten auf, die Tonkurven der Wörter mit den Intonationen ⌒ und `` scheinen dagegen keine nennenswerten Abweichungen von denen darzubieten, die von seinem Landsmann herrühren. Die für diese Versuchsperson gewonnenen Resultate scheinen jedoch in mehreren Punkten weniger befriedigend, und das Material ist gering.

Was das Čechische betrifft, so habe ich schon früher Gelegenheit gehabt, Kurven zu studieren, die von einer Versuchsperson aus Prag und zweien aus Pilsen herrühren. Das Material ist von E. A. Meyer aufgenommen worden und ist, was die Intonationsverhältnisse betrifft, noch nicht veröffentlicht worden. Auch diese bieten keine nennenswerten Abweichungen von denen dar, die ich als Unterlage für meine Studie benutzt habe.

Upsala.

R. Ekblom.

Одинъ эпизодъ изъ корсунскаго періода жизни Константина Философа.

I.

Къ числу наиболѣе трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ кирилло-меѳодьевской науки принадлежитъ загадочное извѣстіе Пространнаго Житія Константина Философа, что онъ нашелъ въ Корсуни „евангеліе и псалтырь, написанныя русскими письменами, и человѣка нашелъ говорившаго русскимъ языкомъ, и говорилъ съ нимъ; и усвоивъ этотъ новый языкъ, сравнивалъ его письмена, гласныя и согласныя, и скоро началъ читать на новомъ языкѣ и объяснять прочитанное“ (гл. VII).[1]) Конечно, въ этомъ свидѣтельствѣ удивительно не то, что Константинъ, при своихъ извѣстныхъ лингвистическихъ дарованіяхъ, сравнительно скоро овладѣлъ новымъ языкомъ, а то, что въ Корсуни (Херсонесѣ Таврическомъ) нашлись русскія (и по языку и по письму) рукописи Евангелія и Псалтыри — въ 860 или 861 г., т. е. въ то время, когда предки русскаго народа не только пребывали въ состояніи полнаго язычества, но и не носили еще имени Русь.

Какъ же слѣдуетъ понимать это извѣстіе?

II.

Его крайняя неожиданность и пародоксальность были причиной того, что первый изслѣдователь „Пространнаго Житія“ Горскій, при всей своей проницательности, сталъ передъ нимъ втупикъ и, не смотря на то, что наше извѣстіе повторяется почти безо всякихъ измѣненій во всѣхъ спискахъ Легенды, могъ высказать только догадку, что оно представляетъ позднѣйшую вставку (Кирилло-Меѳ. Сб. 9). Какъ на нѣкоторое фактическое подтвержденіе этой догадки, Горскій сослался на приписку въ концѣ одного списка Житія: „Се же буди вѣдано всѣми языки и всѣми

[1]) Цитируемъ это мѣсто Житія въ русскомъ переводѣ Лаврова Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ II 148; въ оригиналѣ оно читается такъ: обрѣтъ же тоу евангеліе и ѱалтырь росьскы писмены пьсано и человѣка обрѣтъ глаголѭшта тоѭ бесѣдоѭ и бесѣдовавъ съ нимь и силѫ рѣчи примъ, своіеи бесѣдѣ прикладаьа, разлѫчи писмена, гласьнаꙗ и съгласьнаꙗ и къ богоу молитвѫ дрьжѧ въскорѣ начѧтъ чисти и съказати“ (Pastrnek, Dějiny 174).

людьми, яко русскій языкъ ниоткоудоу же пріа вѣры сеа святыа, и грамота русская никомоуже явлена, но только самымъ Богомъ Вседержителемъ“ и пр. Но, во-первыхъ, эта цитата представляетъ чисто-внѣшнюю прибавку, заимствованную изъ одного Хронографа XV в. и притомъ лишь къ одной изъ многихъ рукописей Житія; во-вторыхъ, нельзя быть увѣреннымъ, что сама хронографическая статейка не возникла на основѣ интересующаго насъ мѣста Житія, какъ наивная попытка его осмыслить, какъ своеобразный опытъ его комментарія.

Такимъ образомъ, гипотеза Горскаго далека была отъ того, что называется „неуязвимостью“. Тѣмъ не менѣе она очень скоро нашла себѣ поддержку какъ за границей (ср. Wattenbach Beiträge 35), такъ и на Руси. Здѣсь ее взялъ подъ защиту прежде всѣхъ Бодянскій (О времени происх. слав. письм. 99 sq.). Не соглашаясь ни съ мнѣніемъ Шафарика, что русскія письмена суть готскія (о чемъ см. ниже), ни съ мнѣніемъ Григоровича, что эти письмена-глаголическія (о чемъ также будетъ рѣчь ниже), Бодянскій считаетъ это извѣстіе позднѣйшей вставкой, сдѣланной съ цѣлью объяснить, откуда взялось въ Константинѣ знаніе славянскаго (т. е. въ представленіи жизнеописателя) русскаго языка. Если бы наше извѣстіе находилось въ подлинникѣ, то оно, по мнѣнію Бодянскаго, противорѣчило бы разсказу Житія объ изобрѣтеніи славянской азбуки, какъ результатѣ посольства Ростислава въ Царьградъ (стр. 101). Впослѣдствіи краткое сообщеніе Житія составитель Палеи (а не Хронографа, — поправляетъ Бодянскій Горскаго) распространилъ въ цѣлый разсказъ о томъ, какъ русская грамота ꙗвила сѧ бг҃омъ дана в҃ Корсоуне Роусиноу, ѿ неꙗ же наоучнсѧ философъ Константинъ, и ѿтоудоу сложивъ и написалъ книгы роускимъ гласомъ, тъи же моужь роусинъ бѣ благовѣренъ, помъ и добродѣтелью, въ чтѣи вѣрѣ, единъ оуединивъ сѧ и тъ единъ ѿ роуска ꙗзыка ꙗви сѧ преже кртьꙗнъ, и невѣдомъ никымъ же, ѿкоудоу є быль.“ Но если этотъ разсказъ выросъ изъ свидѣтельства Житія, то тѣмъ самымъ онъ теряетъ всякое значеніе для рѣшенія вопроса, какой смыслъ преслѣдовала вставка. Поэтому не совсѣмъ логичнымъ представляется намъ общее заключеніе Бодянскаго, что взглядъ на славянскую азбуку какъ на русскую, „если бы онъ былъ дѣйствительно общимъ нашимъ предкамъ, не мѣшаетъ вставкѣ этого сказанія ни въ Житіе Кирилла, ни изъ него въ спутанное ска-

заніе Палеи“ (стр. 104): вѣдь этотъ взглядъ могъ самъ быть порожденъ разбираемымъ мѣстомъ Житія!

Такимъ образомъ, гипотеза интерполяціи и въ редакціи Бодянскаго ничего, въ сущности, не разъяснила, а лишь скорѣе еще болѣе запутала и затемнила вопросъ, и поэтому понятно, что въ дальнѣйшей разработкѣ проблемы она сравнительно рѣдко заставляла о себѣ вспоминать. Въ качествѣ ея сторонниковъ мы можемъ назвать только Куника (О запискѣ готск. топ. 104, 136, Дорновъ Каспій 632), Ягича (ASPh. I 143) и С. (Прав. Обозр. 1885 I 284), но изъ нихъ только первый попытался подкрѣпить ее новымъ аргументомъ, — ссылкой на преданіе о проповѣднической дѣятельности Константина у македонскихъ славянъ на Брѣгальницѣ. Однако, нынѣ недостовѣрность этого преданія почти никѣмъ не отрицается.

III.

Между тѣмъ очень скоро послѣ появленія въ свѣтъ знаменитой статьи Горскаго была сдѣлана попытка истолковать сказаніе о русскихъ письменахъ въ буквальномъ смыслѣ, не прибѣгая къ гипотезѣ объ интерполяціи. Именно Григоровичъ въ этюдѣ „О древней письменности славянъ“ (Статьи, кас. др. слов. яз. Каз. 1852, 62) утверждалъ, что Кириллъ нашелъ въ Корсуни „русскія письмена“, и что упомянутыя „русскія письмена“ суть глаголическія. И на славянскомъ Западѣ это мнѣніе не было одинокимъ: его поддерживали Štulc (Život sv. Methoda 34), Rieger (Živ. Met. 14) и Jeran (Zlati vek 61), но скорѣе какъ простую догадку, чѣмъ какъ строго-обоснованную гипотезу. Впослѣдствіи Григоровичъ (въ статьѣ „Замѣтки о Солунѣ и Корсунѣ“ Од. 1872 14 = Собр. соч. Од. 1916, 253) еще разъ повторилъ свою мысль о достовѣрности извѣстія Житія Кирилла о корсунскомъ евангеліи, но и на этотъ разъ совершенно голословно.

Тѣмъ не менѣе, еще раньше, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ того же Григоровича, М. Погодинъ утверждалъ, что исконно-русской грамотой была глаголица; что ею было писано евангеліе, переведенное на славянорусскій языкъ, и что именно въ Корсуни Константинъ увлекся идеей изобрѣсти славянскую грамоту по греческому образцу, распространить ее и перевести Св. Писаніе и книги, необходимыя для богослуженія“ (Кир.-Меѳ. Сб. 127). Это глаголическое письмо возникло будто бы изъ древняго руническаго (т. е. „чертъ и рѣзовъ“ Храбра), а русскимъ письмомъ

оно якобы было названо потому, что въ концѣ IX в., когда было написано Житіе, имя Руси уже прогремѣло на югѣ (l. c. 128). А доказательства? Ихъ, конечно, и не ищите у московскаго историка, пустившаго поводья коню своей богатой фантазіи.

Однако авторитетъ Григоровича и Погодина былъ такъ высокъ, что и послѣ нихъ идея о русскихъ письменахъ какъ глаголическихъ не переставала находить прозелитовъ. Напр., въ пользу ея высказался не только ультра-некритическій еп. Порфирій (Труды Кіев. Дух. Ак. 1877, окт., 95), но въ 80-хъ г. г. прошлаго столѣтія цѣлый рядъ ученыхъ, привыкшихъ говорить и учить ex cathedra!

Такъ, Кочубинскій въ 1885 г. писалъ: „Если славянская глаголица есть систематизированное, курсивное, т. е. домашнее, обиходное письмо грековъ VIII—IX вв., то русское письмо, найденное въ употребленіи Константиномъ въ Херсонѣ (Корсуни), получаетъ особый интересъ. Гдѣ, какъ не въ Херсонесѣ, ведшемъ живыя торговыя сношенія съ приднѣпровской Русью, греческій курсивъ могъ быть впервые примѣненъ къ славянской рѣчи, напр., въ торговыхъ сдѣлкахъ, записяхъ. Первую докирилловскую глаголицу можно было бы назвать торговымъ, коммерческимъ письмомъ кіевской и прочей приднѣпровской Руси“ (Ист. Вѣст. 1885 г. VI 614).

И Барсовъ въ томъ же году въ своей „Рѣчи“ о Кириллѣ и Меѳодіи, не касаясь вопроса о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсива, утверждаетъ, что послѣдняя входила въ качествѣ составного элемента въ открытыя Константиномъ „русскія письмена“. Этотъ фактъ, т. е. находку евангелія и псалтыри, писанныхъ русскими буквами, московскій ученый считалъ совершенно безспорнымъ и затруднялся лишь вопросомъ объ ихъ характерѣ. По всей вѣроятности, въ основѣ ихъ лежалъ греческій алфавитъ, дополненный глаголическими буквами. „Если греческій алфавитъ, разсуждаетъ далѣе Барсовъ 15 sq., по сказанію Храбра, употреблялся между славянами, то на побережьѣ Чернаго моря, среди греческаго населенія всего естественнѣе было пользоваться этимъ алфавитомъ, какъ основнымъ для своей грамоты, но такъ какъ, по словамъ Житія Константина, онъ не могъ читать найденныхъ имъ книгъ и искалъ ключа для ихъ пониманія, то въ нихъ, по всей вѣроятности, этотъ алфавитъ перемѣшивался съ неизвѣстными ему древними глаголическими начертаніями славянскихъ, которыя нельзя было выразить греческимъ

письмомъ: такого рода смѣшанное письмо встрѣчается и въ позднѣйшихъ рукописяхъ. Иначе сказать, это была та самая азбука, которую затѣмъ усовершенствовалъ Константинъ, сблизивъ кругловидныя начертанія глаголическихъ славянскихъ знаковъ съ квадратнымъ греческимъ письмомъ.“

Мысль о глаголическомъ характерѣ „русскихъ письменъ“ поддерживалъ такъ же мимоходомъ Маркевичъ въ книжкѣ „Кириллъ и Меѳодій“ (Од. 1885, 9), но скорѣе въ духѣ Григоровича и Кочубинскаго, чѣмъ Барсова. На славянскомъ Западѣ, кромѣ прославившагося своею некритичностью Sasinka (Sborník Velehradský III 53, Život sv. Cyr. a Meth. Trnava 1885. 12), то же мнѣніе особенно энергично отстаивалъ Procházka. Именно онъ доказывалъ, что корсунскія евангелія и псалтырь были написаны на русскомъ языкѣ глаголицей, и что Константинъ, познакомившись съ ней въ Тавридѣ, впослѣдствіи утилизировалъ ее для составленной имъ „кириллицы“ (Sb. Velehr. IV 92, ср. также Život sv. Meth.[2] 142).

IV.

Однако, всѣ эти гаданія до такой степени противорѣчатъ нашему обычному представленію о путяхъ распространенія глаголицы съ моравскаго сѣвера на болгарскій югъ и съ болгарскаго юга на русскій сѣверо-востокъ, что нужно было бы обладать совершенно-антиисторическимъ умомъ, чтобы увѣровать въ ихъ хотя минимальное правдоподобіе. Поэтому совершенно естественно, что большинство ученыхъ предпочитаетъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ не касаться глаголической проблемы, но это не мѣшаетъ многимъ изъ нихъ толковать извѣстіе о таврическихъ священныхъ книгахъ болѣе или менѣе буквально, т. е. какъ русскія. Такого мнѣнія держится, напр. Ламанскій въ своей диссертаціи „О славянахъ въ М. Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи“ (Спб. 1859). „Совершенно независимо пришедши, говоритъ онъ здѣсь (стр. 42), къ предположенію весьма вѣроятному о томъ, что на полуостровѣ таврическомъ могли проживать славяне русскіе и христіане въ X и даже въ IX в., мы находимъ извѣстіе о томъ, что въ первой половинѣ IX в. Константинъ Философъ нашелъ въ Херсонѣ одного русскаго славянина“. Осторожно и, кажется, даже намѣренно неясно намекалъ на возможность русскаго происхожденія корсунскихъ евангелія и псалтыри Срезневскій въ „Трудахъ I Археологич. Съѣзда“ (I, стр. CXV, ср. также Изв. I 296) и вслѣдъ за

нимъ, Сухомлиновъ въ статьѣ „О языкознаніи въ древней Россіи“ (= Изслѣдованія 427), а изъ историковъ въ томъ же приблизительно духѣ выражался Осокинъ (Исторія ср. вѣковъ I 349). Къ сожалѣнію, и эти изслѣдователи также мало подкрѣпляли свои соображенія позитивными доказательствами, какъ и создатель теоріи „греко-славянскаго культурно-историческаго міра“.

V.

Гораздо болѣе оригинальную, хотя также не во всѣхъ частяхъ ясную гипотезу предложилъ въ 1878 г. Макушевъ ЖМНП. CXCVII 99. Прежде всего онъ предполагаетъ, что въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ Кириллова Житія произошла описка: вмѣсто прилаг. роумьскыи оригинала писецъ написалъ роушьскыи или роушкыи. А, какъ извѣстно, у восточныхъ народовъ Византія слыла подъ именемъ Роумъ (Roma). Слѣдовательно, роумьскыи есть тоже, что византійскій. греческій. Такое названіе отъ хазаръ, по всей вѣроятности, перешло къ ихъ славянскимъ подданнымъ, которые и назвали заимствованную изъ Византіи греческую азбуку „румьскою“, тѣмъ болѣе, что эта азбука подъ перомъ ихъ писцовъ могла сильно измѣниться.

Въ этомъ изложеніи не все ясно. Изъ него не видно, считалъ-ли Макушевъ „румьскую азбуку“ чисто-греческой или тѣмъ, что мы называемъ теперь „кириллицей“: ни слова не говорится о самихъ корсунскихъ евангеліи и псалтыри, ни о томъ, какъ слѣдуетъ понимать ихъ языкъ: какъ славянскій (въ частности, русскій) или какъ греческій? Но какъ бы мы ни расшифровывали гипотезу Макушева, — одно ясно, что она представляетъ собой лишь игру остроумнаго ума, — не болѣе. И тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ ниже, самый подходъ къ вопросу былъ совершенно правильнымъ въ методологическомъ отношеніи.

VI.

Еще болѣе обособленное положеніе въ исторіи интересующаго насъ вопроса занимаетъ руническая гипотеза „русскихъ“ письменъ. Мимоходомъ ее высказывалъ, — если не считать мнѣнія, что глаголица есть славянскія руны, — еще Гедеоновъ въ книгѣ „Варяги и Русь“ (II, стр. 282. CXI), но обосновать ее сколько-нибудь раціональными соображеніями попытался одинъ лишь Архангельскій въ книгѣ „Кириллъ и Меѳодій и совершенный

ими переводъ Св. Писанія“ (Каз. 1885, 89). „Не есть-ли, спрашиваетъ онъ, русскія письмена — руническія, черты и рѣзы, о которыхъ говоритъ Храбръ? . . . Кто знаетъ, можетъ быть, какой-нибудь русинъ, жившій въ Корсуни, исповѣдывавшій христіанство и знавшій греческій языкъ, сдѣлалъ попытку лишь для себя перевести съ греческаго нѣсколько отрывковъ Евангелія и Псалтыри (переводъ отрывковъ легко могъ быть принять авторомъ Житія за полный переводъ книгъ), — переложилъ ихъ на свою родную русскую рѣчь и написалъ переводъ извѣстными ему и употреблявшимися тогда у славянъ руническими „чертами и рѣзами“, при встрѣчѣ съ ученымъ миссіонеромъ, можетъ быть, уже извѣстнымъ своею проповѣдью среди македонскихъ славянъ, русинъ могъ показать ему свой опытъ? . . .“ Уже вопросительная форма изложенія показываетъ, что самъ почтенный авторъ смотрѣлъ на свои соображенія не болѣе какъ на простыя предположенія!

VII.

И вотъ почему онъ не могъ встрѣтить сочувствія даже у тѣхъ ученыхъ, которые, какъ Будиловичъ („Нѣсколько мыслей о греко-слав. характерѣ дѣятельности Кир. и Меѳ., Меѳ. Сб. 29, ср. также РФВ. XXIV 264), Н. Лавровскій („Кириллъ и Меѳ. и начало христ. въ Россіи“ ib. 13), М. Соколовъ (Кир. и Меѳ. Изв. Слав. Благотв. Общ. II т., 1885 г., 176, 178), Ѳ. Успенскій (На память тысячелѣтней годовщины слав. просвѣтителей ib. 235 = Кіев. Стар. XII 1885 г., 124) и Первольфъ (Словѣнскій яз. и его судьбы Меѳ. сб. 26), склонны были толковать извѣстіе буквально. Но изъ нихъ только послѣдній славистъ далъ себѣ трудъ развить эту мысль сравнительно подробно. „Эти русскіе письменные памятники, говоритъ онъ (l. c.), могли быть дѣйствительно русскіе, т. е. писанные на языкѣ кіевской Руси (полянъ), хотя и греческимъ письмомъ еще „безъ устроенія“, равнымъ образомъ, какъ, напр., еще недавно написаны нѣкоторые письменные памятники на языкѣ семиградскихъ славянъ латиницей“. Такимъ образомъ Первольфъ возвращается здѣсь въ принципѣ къ точкѣ зрѣнія Макушева и отчасти Барсова, но безъ всякихъ новыхъ аргументовъ.

Но то же самое, впрочемъ, слѣдуетъ сказать и о Пальмовѣ, который въ своей рецензіи труда Малышевскаго о Кир. и Меѳ. (Христ. Чт. 1888, 221) не считаетъ необходимымъ отказываться отъ буквальнаго пониманія спорнаго мѣста.

Если Первольфъ видѣлъ въ херсонскомъ русинѣ кіевскаго полянина, то Пархоменко въ своей талантливой, но, къ сожалѣнію, не всегда взвѣшивающей свои положенія книжкѣ „Начало христіанства Руси“ (Полтава 1913, 52 sq.), не сомнѣвается, что Константинъ, во время своей миссіонерской поѣздки, „не могъ не столкнуться съ тмутороканскими руссами, ибо онъ шелъ, между прочимъ, дорогою „Козарьскою на меотьское озеро и Каспійская врата Кавказійскихъ горъ“. Одинъ изъ этихъ руссовъ и оказался владѣтелемъ евангелія и псалтыри, которыя представляли первый, мало еще удачный опытъ передачи Св. Писанія „на языкъ южноприморской, близкой по мѣсту жительства къ Херсонесу Руси, къ этому времени уже успѣвшей нѣсколько христіанизоваться“. Что касается письменъ, которыми были написаны обѣ священныя книги, то, по мнѣнію Пархоменко, это были если не „черты и рѣзы“ Храбра, то тѣ письмена, остатки которыхъ открыты недавно въ Болгаріи въ Абобѣ! Однако вся теорія тмутороканскаго русско-славянскаго государства, независимаго отъ Кіева уже въ IX в. и дѣлавшаго нападенія не только на южный берегъ Крыма, но и на самый Царьградъ (какъ напр. въ 860 г.), представляетъ лишь одинъ „zamek na liodzie“. Это прекрасно выяснили Приселковъ и Шахматовъ въ своихъ рецензіяхъ на книгу Пархоменко (Изв. XIX, 1, 360 sq. и ЖМНПр., LII, 350 sq.).

VIII.

Итакъ, и при буквальномъ пониманіи интересующаго насъ мѣста VII гл. Житія Константина мы ничего не выигрываемъ, и загадка, какимъ образомъ у черноморскихъ русскихъ въ серединѣ IX в. могли появиться евангеліе и псалтырь на русскомъ языкѣ, остается загадкой. Поэтому гораздо болѣе критическаго чутья обнаружили тѣ ученые, которые, отказываясь отъ дословнаго объясненія мѣста, полагаютъ, что въ основѣ извѣстія лежитъ смутный слухъ о переводѣ Константиномъ обѣихъ свящ. книгъ на славяноболгарскій языкъ. И вся трудность истолкованія и заключалась въ томъ, чтобы объяснить, какимъ образомъ этотъ послѣдній языкъ подъ перомъ составителя Житія могъ превратиться въ „русскій“.

Къ сожалѣнію, именно на этотъ вопросъ и не отвѣчалъ Ѳ. Лебединцевъ въ своей статьѣ „О жизни и трудахъ св. Кирилла и Меѳодія, первоучителей слав.“ (Кіев. Еп. Вѣд. II 1862.

№ 16, 546), говоря, что „въ разсказѣ о русскомъ евангеліи и псалтыри, можетъ быть, скрывается дошедшій до жизнеописателя извращенный слухъ о томъ, что Кириллъ привезъ изъ Херсона какую-либо изъ книгъ Св. Писанія въ переводѣ на славянскій языкъ, совершенный передъ тѣмъ имъ самимъ. Иначе — это чистый вымыселъ біографа, жившаго въ позднѣйшее время и притомъ вдали отъ Херсонеса — въ Моравіи“.

И Гильфердингъ (Кирилло-Меѳ. Сб. 162 sg., Собр. соч. I 309) не вѣритъ, чтобы моравскій біографъ могъ имѣть точныя свѣдѣнія о дѣятельности Константина на далекомъ востокѣ. Указывая, что все вообще мѣсто, гдѣ находится разбираемое извѣстіе. окружено другими столь же чудесными извѣстіями (быстрое изученіе книгъ жидовскихъ и самарянскихъ, переводъ 8 частей еврейской грамматики, обрѣтеніе мощей Климента), нашъ блестящій славистъ заключалъ изъ этого, что въ сознаніи біографа Кирилла херсонскій періодъ его дѣятельности уже покрылся флеромъ легенды. А если такъ, то и извѣстіе о русскихъ евангеліи и псалтыри можетъ, по его мнѣнію, представлять простой отголосокъ распространеннаго среди славянскихъ книжниковъ преданія, что „Кириллъ, встрѣтившись, по прибытіи изъ Константинополя въ Крымъ, съ русскимъ славяниномъ и готовясь къ поѣздкѣ въ хазарскія владѣнія, — старался въ это время примѣнить свое нарѣчіе и свой переводъ священныхъ книгъ къ языку подвластныхъ хазарамъ славянъ“. Другими словами, это значитъ, что въ загадочномъ мѣстѣ легенды „выражается спутавшееся подъ вліяніемъ позднѣйшихъ событій воспоминаніе о миссіи Кирилла и Меѳодія въ черноморскія страны, и о томъ, что отъ нихъ тогда получили славяне въ нашемъ отечествѣ первые начатки грамотности и христіанства“ (l. c. 165). Какъ ни остроумны эти соображенія, они мало помогаютъ дѣлу, пока мы почти навѣрное знаемъ, что до 863 г., т. е. до прибытія моравскаго посольства въ Царьградъ, Константинъ едва-ли могъ приступить къ переводу Св. Писанія на славянскій языкъ. Слѣдовательно, т. н. petitio principii является главнымъ недостаткомъ аргументаціи и Лебединцева и Гильфердинга.

Можетъ быть, поэтому на нѣсколько другую плоскость перенесъ вопросъ Иловайскій. Увѣренный, въ согласіи со своей теоріей, что кочевавшіе въ IX в. по степямъ южной Россіи и, въ

частности, въ Крыму болгарскія орды были не урало-алтайскаго происхожденія, а чисто-славянскаго, онъ признаетъ въ русскихъ книгахъ церковно-славянскій, т. е. болгарскій переводъ Св. Писанія. „Если бы подобный переводъ, говоритъ онъ, существовалъ въ IX в. собственно на русскомъ языкѣ, то естественно представляется вопросъ: зачѣмъ же Кіевская Русь, принявшая христіанство въ X в., не воспользовалась переводомъ на своемъ родномъ нарѣчіи, а приняла церковныя книги на языкѣ болгарскомъ? Если существовалъ русскій переводъ, то куда же онъ пропалъ? Затѣмъ: есть-ли вѣроятность, чтобы около IX в. былъ уже русскій переводъ, когда мы не имѣемъ указаній на христіанство русскаго народа до этого времени? Между тѣмъ, если обратимся къ болгарамъ, то увидимъ всѣ данныя на ихъ сторонѣ . . . Если часть болгаръ уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій исповѣдывала христіанство, то, слѣдовательно, имѣла и богослуженіе на своемъ языкѣ. Греческая проповѣдь, какъ мы знаемъ, отличалась отъ латинской тѣмъ, что первая почти вездѣ новообращеннымъ народамъ давала богослуженіе на родномъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ языки переводилось и Св. Писаніе. Если бы у болгаръ VII, VIII и первой половины IX в. было богослуженіе на греческомъ языкѣ, то оно успѣло бы настолько укорениться, что едва-ли уступило бы потомъ безъ борьбы свое мѣсто славянскому языку. Между тѣмъ никакой борьбы, никакихъ слѣдовъ этого перевода мы не видимъ. Но если существовали болгарскіе переводы, то были и болгарскія, т. е. славянскія письмена до Кирилла“ (ЖМНП. CLXVII, 353 sq., Разысканія 139 sq.). Вполнѣ признавая весьма меткими удары, нанесенные въ этой тирадѣ „русской гипотезѣ“ корсунскихъ письменъ, мы тѣмъ болѣе рѣшительно должны отвергнуть всю положительную часть аргументаціи русскаго историка; вѣдь, во-первыхъ, славизмъ южнорусскихъ болгаръ IX в. представляетъ теорему, которую слѣдуетъ еще доказать, но то, что Иловайскій привелъ въ ея защиту, носитъ на себѣ всѣ признаки самаго наивнаго дилеттантизма; во-вторыхъ, если бы даже совершилось чудо, — и какимъ-нибудь образомъ удалось доказать славянское происхожденіе болгаръ, то отсюда еще было бы далеко до утвержденія, что въ эпоху Константина на ихъ языкѣ существовалъ переводъ хотя бы нѣкоторыхъ только книгъ Св. Писанія. Въ виду всего этого, и понятно, что, за единственнымъ исключеніемъ Яцковскаго (въ статьѣ „Хазарская миссія Кирилла и Меѳодія“ Вѣра и Раз. 1893,

13, 64), гипотеза Иловайскаго встрѣтила въ научной литературѣ холодный пріемъ.

Тѣмъ болѣе неожиданно на оборону болгаро-славянской оріи, хотя и совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, всталъ Лаанскій (Слав. житіе Кирилла 181). Въ противоположность ому, что онъ училъ раньше (см. выше), онъ считаетъ данное ѣсто Житія Кирилла испорченнымъ. По его мнѣнію, оно означаетъ лишь, что „Константинъ Философъ ѣхалъ въ позднѣйшую усь или въ тогдашнюю Хазарію, или вѣрнѣе въ Gardhariki съ усскими посланцами. Узнавъ, что одинъ изъ нихъ хорошо знаетъ о-славянски, Константинъ Философъ, взявшій съ собою свои славнскіе переводы (уже приготовленные въ 855 г.), сталъ прочиывать нѣкоторыя мѣста своего перевода евангелія и псалтыри. онстантину Философу, конечно, было желательно знать, наолько македонское нарѣчіе близко къ русско-славянскому, чѣмъ они между собой разнятся“.

Какъ видитъ читатель, это объясненіе близко напоминаетъ ышеприведенное толкованіе Лебединцева и Гильфердинга, его крайняя искусственность и натянутость слишкомъ очедны, чтобы его стоило здѣсь опровергать.

IX.

Гораздо болѣе оригинально, но едва-ли болѣе убѣдительно рактуетъ вопросъ Соболевскій въ своихъ весьма поучительихъ „Кирилло-меѳодьевскихъ вопросахъ“ (Кiев. Унив. Изв. XXV, 301). Онъ догадывается, что языкъ, на которомъ были написны корсунскія евангелія и псалтырь, былъ русско-скандиавскій. Соболевскій ссылается, между прочимъ, на то ѣсто защитительной рѣчи Константина въ Венеціи, въ которомъ числѣ народовъ, славящихъ Бога на своихъ языкахъ, упомяты наряду съ армянами, персами, грузинами, готами, обрами, озарами, арабами, египтянами и руссы. „Если бы упомянутые ѣсь руссы были славяне, то не было-ли бы Кириллу всего тественнѣе, вмѣсто ссылокъ на армянъ, египтянъ и пр., укать пилатникамъ, что славяне уже давно славятъ Бога на родомъ языкѣ? Ясно, что Кириллъ и авторъ его Житія отличали авянъ отъ Руси и ставили Русь въ одинъ рядъ съ армянами, рабами, вообще съ неславянскими народами, и что корсунскій усскій принадлежалъ къ тому же племени, которому обязаны роисхожденіемъ „русскія“ названія днѣпровскихъ пороговъ

и многія собственныя имена въ договорахъ Олега и Игоря: въ скандинавизмѣ ихъ лингвистъ, кажется, не можетъ сомнѣваться." Но, во-первыхъ, исторія ничего не знаетъ о скандинавскомъ переводѣ Св. Писанія. Это разъ. А, во-вторыхъ, — и это главное, — самое чтеніе роуси — спорное: въ большинствѣ списковъ читается загадочное тиръси. И вотъ почему съ полнымъ правомъ Шахматовъ l. c. 347 пользуется тѣмъ же самымъ мѣстомъ Житія Кирилла какъ доказательствомъ, что именно скандинавы, въ противоположность готамъ, не знали богослуженія на родномъ языкѣ.

X.

Итакъ, если оставить въ сторонѣ слишкомъ одиноко стоящую скандинавскую гипотезу Соболевскаго, и если не придать значенія брошенной вскользь и абсолютно ничѣмъ не мотивированной мысли Спицына (ср. его „Историко-археологическія разысканія" ЖМНПр. XIX 77), что „русскіе, ставшіе извѣстными въ Херсонесѣ Константину Философу и имѣвшіе написанное на своемъ языкѣ евангеліе, были аланы, и скорѣе донскіе или таврическіе, чѣмъ днѣпровскіе" (!), — то окажется, что наибольшей популярностью пользуется славянская гипотеза о происхожденіи херсонскихъ священныхъ книгъ: она и сейчасъ продолжаетъ находить себѣ убѣжденныхъ сторонниковъ. Однако, въ какую бы одежду они ее ни облекали: въ русско-руническую-ли (Гедеоновъ, Архангельскій), или русско-глаголическую (Григоровичъ, Štulc, Rieger, Jeran, Погодинъ, Sasinek, Кочубинскій, Маркевичъ, Procházka, отчасти Барсовъ), или русско-тмутороканскую (Пархоменко), или вообще русскую (Будиловичъ, М. Соколовъ, Ѳ. Успенскій), или, наконецъ, въ славяно-болгарскую (Лебединцевъ, Гильфердингъ, Иловайскій, Яцковскій, Ламанскій), необходимо сознаться, что она вдохновлялась скорѣе патріотическими мотивами, чѣмъ строго-научными основаніями. Вотъ почему мы считаемъ, что гораздо ближе къ истинѣ подошелъ Šafařik, утверждая, что Константинъ нашелъ не русскія евангелія и псалтырь, а готскія, и на томъ же языкѣ бесѣдовалъ съ варяго-руссомъ. Такъ какъ въ IX в. готскія поселенія въ Тавридѣ находились еще въ полномъ цвѣту, то указанныя книги Св. Писанія могли легко попасть въ руки какого-нибудь христіанина-варяга, а отъ него — къ Константину (Památky jihoslov. písemnictví, p. XXIV).

Мнѣніе Шафарика получило широкую популярность въ научной литературѣ, чему особенно способствовала поддержка, оказанная ему высокоавторитетнымъ Miklosich'емъ. Въ своемъ изданіи „Legenda Cyrilli“ (S. 47) онъ писалъ слѣдующее: „Первоначальная, согласная съ гр. 'Ρῶς форма росьскъ сохранилась въ сербо-славянскихъ рукописяхъ, въ другихъ — роусьскыи, роушькыи. Названіемъ рось отмѣчаются, согласно значенію слова, германскіе варяги, но никогда — славянскіе русскіе“. Изъ другихъ западноевропейскихъ ученыхъ къ этому мнѣнію присоединились Tkalčić (Na uspomenu Zagr. 1863, 8), Leger (Cyr. et Meth. 67), Rettel (Cyr. i Met. 57) и др.

Но и на Руси гипотеза Шафарика нашла очень рано сторонниковъ. Такъ, уже арх. Макарій въ своей Исторіи христіанства въ Россіи до св. Владим. (2 изд. 1868, 157 sq.) догадывается, что „одинъ изъ руссовъ, случайно находившійся въ Корсуни или постоянно тамъ жившій . . . могъ имѣть у себя готскія евангелія и псалтырь и называть ихъ, какъ совершенно ему понятныя, своими русскими книгами“. Очевидно, продолжаетъ онъ (ib. 152), и то, что св. Кириллъ сначала не понималъ ни этихъ русскихъ письменъ, ни русскихъ книгъ, какъ прежде не понималъ книгъ самарянскихъ, что онъ сталъ понимать русскія письмена и читать русскія книги только при помощи человѣка, говорившаго русскою бесѣдою и объяснявшаго ему силу рѣчи . . . Уже это обстоятельство, что Кириллъ, знатокъ славянскаго языка, не понималъ ни русскихъ письменъ, ни русскихъ книгъ, приводитъ къ сомнѣнію, точно-ли онѣ были славянскія“.

Въ такомъ же приблизительно духѣ толковали извѣстіе большинство другихъ русскихъ знатоковъ кирилло-меѳодьевскаго вопроса, въ томъ числѣ Платоновъ Жизнь и подвиги 15) и Невоструевъ (Кирилло-Меѳ. Сб. 221 sq.). Нѣкоторыя болѣе или менѣе легкія модификаціи внесли въ гипотезу Шафарика только два русскихъ ученыхъ: Брунъ и Васильевскій.

XI.

Первый въ статьѣ „Черноморскіе готы и слѣды ихъ долговременнаго пребыванія на югѣ Россіи (Спб. 1874 — Черноморье II, Од. 1880, 224) не находилъ никакой необходимости считать мѣсто о русскихъ письменахъ вставкой: „Около половины IX в., говоритъ онъ (Черноморье l. c.), святой мужъ засталъ бы тамъ если не россовъ, то, по крайней мѣрѣ, готовъ, ближе къ нимъ

подходившихъ своими нравами и языкомъ, тогда какъ въ алфавитѣ готскомъ находятъ ... письмена (руны), сходныя съ бывшими издавна въ употребленіи въ Скандинавіи и съ которыми св. Кириллъ познакомился въ Херсонѣ". Слѣдовательно, Брунъ не считаетъ необходимымъ предполагать, вмѣстѣ съ Шафарикомъ, что херсонскій знакомецъ Константина долженъ былъ быть непремѣнно варягъ, имъ могъ быть и чистокровный готъ.

Съ другого конца къ тому же мнѣнію подошелъ и Васильевскій. Во второмъ выпускѣ своихъ замѣчательныхъ „Русско-византійскихъ изслѣдованій", посвященномъ Житію Георгія Амастридскаго, стр. CCXCIX (= Труды III CCLXXXI), онъ утверждаетъ, что „подъ русскими письменами, найденными въ Корсуни св. Кирилломъ, слѣдуетъ разумѣть готскія письмена, евангеліе и псалтырь въ переводѣ Ульфилы. Если справедливо, что Паннонскія Житія были первоначально написаны на греческомъ языкѣ ..., то можно предполагать, что въ подлинникѣ стояло собственно выраженіе „тавроскиѳскій", означавшее или безразлично готовъ, смѣшавшихся съ древнимъ населеніемъ, и русскихъ, либо сначала готовъ, а съ IX в. русскихъ". Но думать такъ не значитъ-ли укладывать факты въ прокрустово ложе излюбленной теоріи, и не значитъ-ли производить своего рода палеографическія и лингвистическія salto mortale, стараясь quand même вывести русскій изъ тавроскиѳскій?

XII.

Ни мнѣніе Бруна, ни мнѣніе Васильевскаго не вызвало никакого эха въ научной литературѣ, и біографы Константина какъ русскіе (Петрушевичъ Кр. изв. 74, Лингв.-истор. разсужд. I 9, Голубинскій Конст. и Меѳ. 17, 58, Ист. русс. церкв. I, 1², 49, Д-й Чт. въ Общ. Дух. Просв. 1885, V 220), такъ и инославянскіе (Gromnicki Rozpr. XI 350, Kos Spomenica 131) продолжали толковать загадочное мѣсто Житія Константина въ точномъ смыслѣ шафариковской гипотезы. Только въ 1886 г. нѣкоторыя новыя соображенія въ ея защиту привелъ Малышевскій, въ своей извѣстной монографіи о Кириллѣ и Меѳодіи (стр. 45 sq.). Приведя цѣлый рядъ цѣнныхъ историческихъ справокъ о томъ, что во второй половинѣ IX в. русскіе скандинавы находились въ частыхъ военныхъ и культурныхъ отношеніяхъ со своими крымскими родичами-готами, Малышевскій (49 sq.) продолжаетъ: „Естественно, что и нѣкоторые изъ руссовъ при-

нимали христіанство подъ вліяніемъ единоплеменныхъ готовъ, и что были и другіе случаи обращенія ихъ къ христіанству, какъ тотъ, о которомъ говорится въ Житіи св. Стефана Сурожскаго. Для такихъ русскихъ готское богослуженіе, готское евангеліе было какъ свое русское. Готъ или руссъ-христіанинъ принесъ Константину евангеліе, это безразлично по тожеству названія готское и русское. Такъ понимая свидѣтельство Житія о русскомъ человѣкѣ и русскомъ евангеліи, можемъ идти далѣе и предполагать, что встрѣча Константина съ этимъ человѣкомъ была не случайна, что онъ самъ „обрѣлъ“ сперва евангеліе, а потомъ „обрѣлъ“ и „человѣка, глаголющаго тою бесѣдою“. Обрѣлъ потому, что искалъ, разспрашивалъ, а искалъ, разспрашивалъ потому, что начитанный въ твореніяхъ Іоанна Златоустаго о готскомъ переводѣ Св. Писанія и готскомъ богослуженіи и въ чувствѣ своего миссіонерскаго, народоучительскаго призванія хотѣлъ отыскать остатки этого перевода и богослуженія, чтобы воспользоваться ими для цѣлей своего призванія“. Не смотря на весьма вѣскія возраженія противъ этихъ домысловъ Будиловича (ср. ЖМНПр. CCLI 381), они произвели сильное впечатлѣніе на ученый міръ, и, кажется, именно съ этихъ поръ готская гипотеза стала повторяться въ научныхъ изслѣдованіяхъ почти какъ locus communis: ср. Недѣльскій, Хазарская миссія Кир. и Меѳ. (Русс. Бес. 1895 I 22), Pastrnek Dějiny 52, Лавровъ Книга для чтенія 46 sq., Brückner, Przegl. Polski CXLIX 440, Шахматовъ ЖМНП. LII 347 и пр.

XIII.

Болѣе самостоятельный подходъ къ вопросу сдѣлалъ не такъ давно одинъ лишь Marquart въ своемъ капитальномъ трудѣ „Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge“ (Leipz. 1903, 389 sq.). И онъ полагаетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ крымско-готскими рукописями, и что южные славяне, должно быть, смѣшивали русскій и готскій языки. Но смѣшеніе, обнаруживающееся въ нынѣшнемъ текстѣ легенды, легче объяснимо, если первоначально рѣчь шла о томъ, что Константинъ изучалъ крымско-готскій языкъ въ Корсуни по книгѣ („лекціонарію“), что и дало ему возможность впослѣдствіи бесѣдовать на росскомъ языкѣ съ лицомъ, для котораго этотъ языкъ былъ роднымъ. „Это разъясняетъ дѣло, замѣчаетъ по этому поводу Шестаковъ (Памятники христ. Херсонеса III 54), и намъ представляется суще-

ственнымъ, если мы признаемъ, что подъ „росьскою бесѣдою“ въ Житіи Константина разумѣется языкъ того же народа, какой обычно означается въ византійскихъ памятникахъ именемъ Русь и ясно отличается отъ славянскаго у Константина Багрянороднаго. Изученіе Константиномъ готскаго языка было необходимо для дѣятельности въ Крыму, какъ это и обнаруживается въ Житіи въ эпизодѣ въ г. Фуллахъ“.

XIV.

Передъ нами прошла длинная фаланга ученыхъ, изъ которыхъ каждый болѣе или менѣе по своему старался разрѣшить загадку, которая вотъ уже около 100 лѣтъ дразнитъ ученое любопытство. И какъ мы видѣли, изъ всей массы изложенныхъ мнѣній и гипотезъ наименѣе противорѣчитъ началамъ здравой исторической критики и наиболѣе согласна съ нашими представленіями объ этнографической картѣ Таврическаго полуострова въ IX в. готско-скандинавская гипотеза. Существованіе въ Крыму готовъ въ эту эпоху есть фактъ, который смѣшно было бы даже оспаривать; болѣе, чѣмъ вѣроятно пребываніе въ Херсонѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ представителей скандинавскаго племени, разъ мы знаемъ, что какъ разъ около этого времени было сдѣлано нашествіе Аскольдовой Руси на Царьградъ. Съ другой стороны, общеизвѣстны лингвистическія дарованія, которыми въ исключительной степени былъ одаренъ Константинъ. Что же удивительнаго, при такихъ условіяхъ, въ томъ, что Константинъ, найдя случаино въ Корсуни рукопись готскихъ евангелія и псалтыри, вздумалъ попробовать свои силы въ изученіи готскаго языка, а въ качествѣ помощника въ этомъ, все-таки, очень нелегкомъ для него дѣлѣ пригласилъ какого-нибудь христіанина-варяга, знакомаго хотя бы поверхностно какъ съ греческимъ языкомъ, такъ и съ готскимъ?

Все это такъ, но есть и въ этой наиболѣе вѣроятной редакціи готской гипотезы, — къ которой наиболѣе приближается, какъ мы сейчасъ замѣтили, теорія Marquart'а, — одинъ камень преткновенія, одна „ахиллесова пята“, которая нарушаетъ гармонію фактовъ и, оставляя почти во всякомъ изслѣдователѣ неудовлетворенное чувство, принуждаетъ его обращаться къ новымъ и новымъ, но всегда одинаково безплоднымъ достройкамъ и перестройкамъ. Дѣло въ слѣдующемъ.

Если дѣйствительно „русскія“, „рушскія“ или „росскія“ письмена суть готскія, то почему же авторъ Кириллова жизнеописанія

е назвалъ ихъ этимъ именемъ? Намъ говорятъ, что это про-
зошло потому, что онъ смѣшивалъ готовъ со скандинавскими
усскими. Однако, ни въ византійской, ни въ славянской лите-
атурѣ мы не знаемъ другихъ подобныхъ случаевъ смѣ-
іенія обоихъ народовъ, да этого не могло и быть, такъ какъ
авно сжившіеся съ христіанской цивилизаціей готы отличались
тъ своихъ скандинавскихъ собратій, какъ небо отъ земли: до-
таточно вспомнить знаменитое своею картинностью описаніе
Фотія свирѣпости россовъ (въ его „бесѣдахъ“), чтобы убѣ-
иться въ томъ, что даже avis rarissima того времени варягъ-
ристіанинъ не только по языку, но и по внѣшнему облику имѣлъ
ало общаго съ готомъ. Въ частности же, смѣшеніе обѣихъ
ацій особенно невѣроятно именно для автора Житія Константина.
Кого бы мы ни видѣли въ немъ, Меѳодія-ли, или Климента, или
ого либо другого изъ близкихъ учениковъ солунскихъ братьевъ, —
дно несомнѣнно, что онъ принадлежалъ къ числу наиболѣе про-
вѣщенныхъ и образованныхъ людей своего времени, и притомъ
рекрасно знакомыхъ со всѣми подробностями жизни своего ве-
икаго героя. Вотъ почему его произведеніе отличается большою
очностью, — даже въ такихъ мелочахъ, какъ названія римскихъ
церквей, въ которыхъ пѣлась въ 868 г. славянская литургія. Но
сли такъ, если авторъ обнаруживаетъ такую поразительную
крибію въ мелкихъ деталяхъ, то вѣроятно-ли, чтобы онъ могъ
путать двѣ столь непохожія народности, какими были въ его
ремя готы и скандинавы?

Впрочемъ, на наше счастье, самъ біографъ Константина далъ
оложительное доказательство, что такое смѣшеніе въ его
стахъ было невозможно. Въ разборѣ гипотезы Соболевскаго
ы видѣли, что въ другомъ мѣстѣ своего произведенія (правда,
чень и очень спорномъ) онъ самъ строго отличаетъ готовъ отъ
русскихъ (см. выше). А если такъ, то какимъ же способомъ онъ
югъ ихъ смѣшать по поводу событія, гораздо болѣе бьющаго
ъ глаза, чѣмъ академическій споръ о правѣ народовъ слушать
вященные глаголы на родномъ языкѣ?

Таковы соображенія, которыя, по нашему мнѣнію, самымъ
грожающимъ способомъ подрываютъ кредитъ готской теоріи, въ
бщемъ, все-таки, — повторяемъ, — сравнительно самой научной.

Но не слѣдуетъ, впрочемъ, отчаиваться. По нашему мнѣнію,
сть одно средство спасти эту гипотезу отъ полнаго краха, если
ринять во вниманіе слѣдующее.

Какъ извѣстно, многочисленные дошедшіе до насъ списі
Житія Константина не могутъ похвалиться глубокою древность
XV в. есть самая ранняя дата лучшихъ изъ нихъ (Сп. львовс
мон. св. Онуфрія, ркпси Владислава Грам. 1469 и 1479 г.). Слѣд
вательно, по крайней мѣрѣ, пять вѣковъ отдѣляютъ ихъ отъ орі
гинала. При такихъ обстоятельствахъ, критическій изслѣдовател
не можетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что чтеніе росьскыи, роус
скыи или роушьскыи существовало еще въ протографѣ, а не пред
ставляетъ очень стараго искаженія какого-нибудь другого названі
И дѣйствительно, мысль эта уже не въ первый разъ высказы
вается въ научной литературѣ, и мы видѣли выше, что, напр
Макушевъ старался объяснить роушьскый изъ роумьскы
подлинника, а Васильевскій — даже изъ тавроскиѳскі
Однако, ни та, ни другая коньектура не оправдывается ни палео
графическими, ни лингвистическими, ни историческими сообра
женіями. Напротивъ, всѣ трудности исчезнутъ сами собой, есл
мы допустимъ, что въ глаголическомъ оригиналѣ Легенды стоял
слова: ⰵⰲⰰⱀⰳⰵⰾⰹⰵ ⰹ ⱂⱄⰰⰾⱅⰹⱃ ⱂⱃⱆⱎⱐⱄⰽⱏⰹⰿⰹ ⱂⰹⱄⰿⰵⱀⱏⰹ ⱂⰹⱄⰰⱀⱁ (= ева
гелие и псалтир проушьскыми писмены писано), гдѣ проушьскым
передаетъ фонетически болѣе древнюю форму фроужьскыми (из
фрѫжьскыми), т. е. франкскими. При кирилловской транскри
ціи протографа Легенды, писецъ могъ легко или чисто-механи
чески пропустить букву ⱂ (п) въ словѣ проужьскыми, или вполн
сознательно передѣлать начальное п не вполнѣ понятнаго ем
слова въ ь и приставить его къ конечному р предшествующа
псалтир: такъ и получилось чтеніе роушскыми, которое писцам
позднѣйшихъ копій было осмыслено какъ роуськыми и даже ка
росьскыми.

Такимъ образомъ, реконструируемое чтеніе превосходно по
водитъ къ одному знаменателю всѣ три варіанта и, въ частност
дѣлаетъ понятнымъ появленіе ш на мѣстѣ ожидаемаго с въ форм
роушскыми. Для увѣнчанія нашей гипотезы намъ остается вы
яснить, какой же народъ авторъ житія имѣлъ въ виду, опредѣля
письмена прилагательнымъ фружьскый. Отвѣтъ напрашивает
самъ собой. Какъ извѣстно у византійцевъ, литературную школ
которыхъ прошелъ біографъ Константина, имя франкъ (*φράγγο*
обозначало германцевъ вообще (ср. Шахматовъ Древнѣйш
судьбы русскаго племени 14), не исключая и скандинавовъ, с
роусь дромиты изъ рода франковъ у Продолжателя Ѳеофан
Сим. Маг. (Успенскій Русь и Виз. 10), ѿт рода Варѧжска со

нимъ = *οἱ ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίσταται* Хроника Георгія Амартола (Истринъ II 289). Но такъ какъ ни въ IX в., ни позже мы не вправѣ предполагать у скандинавовъ евангелія на ихъ собственномъ языкѣ, то намъ не остается ничего другого, какъ допустить, что „фружскія“ письмена суть готскія письмена, что человѣкъ, говорившій тою же бесѣдою, былъ готинъ. Авторъ Легенды употребилъ родовое названіе націи вмѣсто видового, вѣроятно, потому, что имя готъ, точнѣе гътъ было сравнительно мало извѣстно на славянскомъ западѣ: желая сдѣлать свое произведеніе возможно болѣе доступнымъ для моравянъ по языку и стилю, онъ замѣнилъ его словомъ фружскій, какъ болѣе употребительнымъ въ его литературной и общественной средѣ.

Но, быть можетъ, и это предположеніе не нужно, — возможно, что имя франкскій было употреблено въ значеніи „готскій“ уже въ одномъ изъ греческихъ источниковъ Житія Кирилла. До извѣстной степени эта догадка подтверждается наблюденіями Соболевскаго. Въ своихъ статьяхъ (Изборникъ Кіев. 3, Мат. и изсл. 111) онъ указалъ, что въ двухъ старославянскихъ памятникахъ, несомнѣнно связанныхъ съ Моравіей, — въ Римскомъ Патерикѣ и т. н. „Сербской легендѣ“ о Кириллѣ и Меѳодіи, — употребляются имена спроуци, спрюци и съпроуци (ср. прилаг. съпржчьскъ) въ значеніи греч. *Φράγγοι*. „Слѣдовательно, съпржкъ, говоритъ онъ, — не что иное, какъ нѣм. frank., осмысленное при помощи префикса съ. Это слово принадлежитъ языку тѣхъ славянъ, которые сосѣдили съ франками, во всякомъ случаѣ, западныхъ, а не южныхъ“ (стр. 111—112).

Однако, послѣ цѣннаго изслѣдованія Лаврова „Варіантъ въ передачѣ имени francus въ грекославянскихъ памятникахъ“ (Сборникъ въ честь Брауна Пгдъ 1915, стр. 332—338), нельзя сомнѣваться, что имя спржкъ есть не что иное, какъ гр. *σφράγγος*, которое встрѣчается, между прочимъ, въ Охридскомъ спискѣ Болгарской легенды, и которое представляетъ собою плодъ ошибочнаго морфологическаго переразложенія сочетанія *ἑνὰς φράγγος*, т. е. „одинъ франкъ“. А такъ какъ изслѣдованія Туницкаго (Климентъ, еп. слов. 28 sq.) доказали, что однимъ изъ главныхъ источниковъ Болгарской Легенды было т. н. греческое „Хиландарское Сказаніе“, то надо думать, что чтенія *φράγγος*, resp. *σφράγγος* находились уже въ этомъ памятникѣ: изъ него-то они проникли, съ одной стороны, въ „Паннонскую“ легенду, а, съ другой сто-

роны, въ „Сербскую“. А если такъ, то не будетъ смѣлостью предположить, что въ оригиналѣ Житія Кирилла интересующее насъ мѣсто читалось какъ спржжьскыми писмены. Въ устахъ южнославянскихъ писцовъ XII и XIII в. первое имя неизбѣжно должно было принять видъ спроушскыми. Но въ такой формѣ оно еще меньше могло напоминать первоначальное фржжьскыми, чѣмъ возстановленное выше *проушскыми. И потому было совершенно естественно какому-нибудь южнославянскому книжнику, при перепискѣ текста съ глаголическаго оригинала, вообразить, что въ формѣ спроушскыми двѣ первыя буквы сп = съ, а роушскыми = роусьскыми.

Маленькія причины вызываютъ большія послѣдствія, — и въ данномъ случаѣ ничтожное само по себѣ орѳографическое недоразумѣніе явилось причиной возникновенія цѣлой легенды о русскихъ евангеліи и псалтыри въ Херсонесѣ Таврическомъ въ самой серединѣ IX в.!

Саратовъ.

Г. Ильинскій.

Politické myšlenky v Kollárově spise „O literární vzájemnosti mezi kmeny a nářečími slovanskými“.

Monografická pojednání i skladné úvahy, které před třiceti lety vzbudila stá ročnice narození Jana Kollára v míře tak rozsáhlé, přiřkly vedle Kázní a řečí také spisku »O literární vzájemnosti mezi kmeny a nářečími slovanskými« důstojné místo uprostřed Kollárových děl, ano po stránce myšlenkové postavily jej i nad samou Slávy dceru, kde dílem mladistvá citovost, dílem básnická konvence, dílem emfase řečníkova zastírají určitost názoru: na tomto zařazení a hodnocení patrně věda literárně dějepisná již nic nepozmění. V díle samém, jež vzbudilo v době předbřeznové mocný ohlas v celém Slovanstvu, ale později namnoze upadlo v zapomenutí, pověděli badatelé za této příležitosti skoro všecko podstatné. M. Murko s Alex. Kočubinským stanovili ve vídeňském sborníku Kollárově postavení, jež programní úvaha Kollárova zaujímá ve vývoji slovanské otázky a vědeckého panslavismu a přihlédli v důmyslném rozboru i k virtuálním zdrojům Kollárových názorů; T. G. Masaryk ve Slovanských studiích a pak souvisleji v České otázce zařadil knihu do vývojového obrazu národního obrození a to s hlediska filosofického, kdežto A. Denis učinil později totéž s vlastní sobě kritičností a jistotou spíše metodou historikovou; Jan Jakubec shrnul v monografii zařazené do druhého svazku Literatury české devatenáctého století tyto výzkumy v stručnou, přehlednou stať.

Jenom jedné, nikterak podružné složce Kollárova významného spisu se nedostalo doposud náležitého povšimnutí — jeho stránce politické. Souvisí to zřejmě s tím, že politické dějiny národního obrození českého jsou — přes krásný podnět a vzor daný Arn. Denisem — vůbec zanedbávány, nedocházejíce ani zdaleka pozornosti, jaké se těší filologická, literární a ideologická náplň našeho probuzení: jest to nedostatek velice vážný, jenž by věru zasloužil metodické úvahy. Bylo by omylem domnívati se, že se české politické myšlení nové doby počíná teprve rokem 1848 a vystoupením Palackého i Havlíčkovým. Závažné průpravné kroky byly uči-

něny dojista již před březnem r. 1848, třebaže pro pravý politický život nebylo ani veřejného, ani tiskového fora, a ač se nikdo nemohl politice soustavně věnovati; ale v rámci absolutistického Rakouska Františkova a Ferdinandova, které se s úspěchem bránilo státoprávním a autonomistickým požadavkům feudálních stavů, nabývaly vlastenecké, slavofilské a dějinně filosofické projevy vůdců obrozenských znamenitého dosahu politického, byť se k tomu z přirozené opatrnosti ani samy nebyly odvážily přiznati. K nim vedle hlasu Jungmannova a Šafaříkova náleží především slovo Kollárovo, a pod tímto zorným úhlem chceme spisek O literární vzájemnosti rozebrati znovu.

Dokumentární hodnota Kollárovy Slovanské vzájemnosti záleží především v tom, že jsou tu shrnuty, zdůvodněny a formulovány slavofilské názory Kollárovy mužné zralosti na rozdíl od Slávy dcery, která hlavně v nejzdařilejším a nejzaokrouhlenějším vydání z r. 1824 obráží slovanské city a myšlenky básníkova mládí; v tom dlužno spis přiřaditi k oběma svazkům Kázní a řečí, kde také mluví již muž zocelený životem, vyzbrojený zkušenostmi, podřizující citové vzrušení rozumové úvaze a rozvaze. Dávno již doznělo vášnivé rozhorlení citově překypujícího národovce, který na troskách starobylého Slovanstva polabského se dal unášeti nacionalistickým nadšením německých studentů, stále žijících v okruhu válek napoleonských a povzbuzujících se k odvaze, k činu, k odboji. Kollárův katechismus literárního slavofilství vznikal stranou politického ruchu středoevropského, na kulturní periferii za patriarchálně policejního režimu Františkova a Ferdinandova, jemuž kníže Metternich s hrabětem Kolovratem dodávali politického rázu: první náběhy ke spisku nacházíme r. 1830 v Rozpravách o jmenách, počátkách i starožitnostech národu slavského a jeho kmenů; prvotní skizza O literárnej vzájemnosti mezi kmeny a nářečími slávskými vychází r. 1836 v Hronce; konečnou formulací, jenom nepatrně změněnou druhým vydáním z r. 1844 v Lipsku, jest peštský německý text z r. 1837 Über die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slavischen Nation. Dusné a zaražené ovzduší třicátých let v Rakousku a v Uhřích, kam nezalehly myšlenky společenské a politické emancipace, rozechvívající západní Evropu v l. 1830—1848, rozestřeno jest nad spisem, neseným úplně tendencemi františkovského legitimismu a poddanské loyality. S opatrnou mírností vyhýbá se Jan Kollár každé myšlence, jež by mohla míti důsledkem sebe menší změnu daného politického útvaru, zamítá

možný odboj nejen proti panovníku, ale i proti vládě, hledá v ideích slovanské vzájemnosti jenom ty složky, které jsou s to upevniti říši, soužití jednotlivých národů v ní, spokojenost s danými řády. Snad mluví zde především opatrnost osočovaného kazatele slovenské diaspory v moři maďarském, jenž znovu musil zakoušeti ústrky pro své nadšení slovanské, snad se zde již připravovalo Kollárovo protirevoluční stanovisko, které plně propuklo v Peštbudíně r. 1848, ale snad se také Kollár sám zděsil nad tajným poznáním, jehož nikdy a nikde se neodvážil vysloviti, že jeho myšlenky o slovanské vzájemnosti přece jenom obsahují nebezpečné důsledky politické — a proto sám napřed chtěl ulomiti ostří podobnému tvrzení . . . pak by politické stanovisko spisu o slovanské vzájemnosti nebylo bez bolestné tragiky.

Možno říci, že Jan Kollár sice politicky cítil, ale že důslednějšího politického myšlení nebyl schopen. Za jenské mladosti byl uchvácen velikostí své doby a v jejím duchu rozhorleně, s mravním patosem, prorockou naléhavostí rozsuzoval křivdy v minulosti i v přítomnosti, dovolávaje se dějinné spravedlnosti a etického zákona božího, ale jakým způsobem by mohly býti tyto křivdy odčiněny, nenaznačil nikde, nechávaje čtenáře na rozpacích, zda se to má státi mocí velkého slovanského imperia, na němž slavjanofilové ruští zakládali své naděje, zda brannou revolucí, o níž snili polští messianisté, či obnovením starých národních států na místě nových absolutistických říší, jak si to představovali politicky nejbystřejší, ale zároveň nejkonservativnější hlavy v našem národním obrození, jmenovitě ve vrstvách šlechtických; odpověď opravdu politickou na tyto otázky hledáme marně jak v Slávy dceři samé, tak v jejím závažném předzpěvu. Nyní přistupuje — s rozvahou a opatrností — nikoliv ke křivdám minulosti, nýbrž k živým problémům přítomnosti a stojí před nimi bezradně. Především proto, že nemá k potřebám a snahám své doby skutečného poměru, jsa příliš obrácen nazpět do historie, z níž si vyložil několik apriorních formulí, jimiž míní vystačiti i pro přítomnost, především utkvělé představy o ustálené povaze jednotlivých národů. I činí ze své dějinné filosofie závěry zcela abstraktní bez důsledků politických, ukazující, že utkvěl nadobro v humanitních ideálech období klasického a romantického, jež léta 30. a 40. velice promyšleně rozkládala a přehodnocovala — jinak se utíká zcela do oblasti drobné kulturní prakse, kde sám byl zdomácnělý. Odtud dvojakost spisu O slovanské vzájemnosti: v oboru literárně a filologicky kulturní propagandy plno konkretních, život-

ných, věcných návrhů a podnětů, v okruhu politickém matná a po-všechná abstraktnost, nedostatek vztahu ke skutečnosti, úzkostlivá obava před opravdovou veřejnou koncepcí. Jest to povážlivou vadou knihy, jejíž předmět byl přece po výtce politický. Ze slovanské vzájemnosti, která pro všecky myslitele — a v podstatě také pro Kollára — měla význam obrodného hnutí národního a lidového vyjímá se v násilném aristokratismu učeneckém zcela nepatrný úsek platný jenom pro elitu duchů odborně vzdělaných, pro filo-logy, historiky, literáty, snad také pro obec jejich ochotných, ale ovšem velice vzdělaných stoupenců. Toť ostatně postup slavofilství Kollárova vůbec, jehož cesta od Slávy dcery a jejího mohutného předzpěvu vedla pohříchu až k Staroitaliji slavjanské a ke Götter von Rhetra!

Ideový rozdíl, ano rozpor mezi filosofií dějin Kollára mladistvého obsaženou ve Slávy dceři, a mezi jeho názory vyslovenými o pří-buzných otázkách ve spise O slovanské vzájemnosti, bylo by lze vyjádřiti jakožto postup od Herdera k Hegelovi čili od koncepce národnosti jako prvku konstitutivního k idei o supremacii státu myšlenka národnostní kapituluje před principem státním. Kollár probíhá takto stejnou drahou jako německé státovědecké a veřejné myšlení v období klasicko-romantickém: na prahu periody herderov-ský revoluční kult národa, jímž se vyjadřuje přirozený řád a vůle božská a kterému se průběhem vývoje nebude moci nepodříditi i sám stát, takže vzniknou státy vesměs národní, kdežto umělé útvary států různonárodních pravděpodobně postupně zaniknou; na sklonku období legitimistický kult státu, obnovující vlastně absolutismus XVIII. věku, jemuž Hegel, oficiální myslitel pruský, dal filosofické prohloubení, vzhlíží ke státu jako nejvyššímu útvaru, před nímž musí ostatní principy kapitulovati. Kollárova závislost na Herderovi jest obecně známa a po Murkovi i Masarykovi netřeba ji znovu dovozovati. Že se projevuje také ve spise O slovanské vzájemnosti, jest na bíledni: dějinně filosofickým východiskem spisu jest myšlenka o postupném vystřídávání se národů na dějišti světovém i názor, že právě v přítom-nosti kulturně historické vůdcovství v Evropě přechází na Slovany; celé dílo pak prodšeno herderovským nazíráním, že národnost není pouze principem ethnicko jazykovým, nýbrž především kulturně mravním; Masaryk v České otázce správně poznamenal, že mladistvý Kollár — ale právě jenom Kollár mladistvý — ve Slávy dceři z nauky Herderovy zdůrazňoval prvek národnostní namnoze na úkor humanity. Že by Jan Kollár se ideově stýkal s filosofií Hegelovou,

nevěděl asi sám a nebyl by toho při své nechuti k pokantovskému myšlení německému ani připustil. Doposud ho nikdo nepřiřadil k četným hegelovcům českým, k nimž vedle J. I. Hanuše, F. M. Klácela a Aug. Smetany náleží do jisté míry také Fr. Palacký; bylť Kollárovo hegelství spíše jenom neuvědomělou závislostí na ideách rozptýlených v časovém ovzduší. Nebudeme však o něm pochybovati, zamyslíme-li se nad úhelnými § 13 a § 14 spisu O vzájemnosti slovanské, kde Kollár uvažuje o dějinném poslání Slovanstva.

Vývoj člověčenstva se zde jeví Janu Kollárovi dialektickým procesem dějinným, na jaký právě Hegel převáděl veškeré rozumné dění na zemi. Kultura antická čili řecko-římská a vzdělanost germánsko-románská stojí po stránce filosofické, vědecké, umělecké, náboženské, ale i jazykové, ba dokonce prosodické v zaostřeném poměru kladu a protikladu (tése a antitése); zdárný pokrok jest možný jenom tehdy, vyskytne-li se syntésa, živel skladný, který by recipoval všecky znepřátelené složky obou předchozích principů a sjednal mezi nimi vyšší soulad a jednotu. Tímto skladným, syntetickým principem jest právě Slovanstvo, které svou přirozenou universalitou, podmíněnou již jeho sídly, předurčeno jest k tomu, aby nad protiklad antiky a romantiky, světa starověkého a středověce moderního povýšilo zásadu humanity a tak popohnalo vývoj, někdy povzbuzujíc, někdy zastavujíc, někdy zprostředkujíc. Jan Kollár vynakládá veškeru učenost i výmluvnost k tomu, aby doložil schopnost a předurčení Slovanstva pro toto syntetické universalisující poslání Slovanstva: ukazuje, jak se k tomu hodí slovanská jednota myšlení a citu, slovanské porozumění pro všecky formy křesťanského náboženství, slovanský karakter jazykový a prosodický; tu se opět v podivnou směsici pojí mnohé bystré pozorování obecně vzdělaného učence s hojnějšími aprioristickými domněnkami a závěry teoretisujícího ideologa. Celek však — a jest to myšlenkové jádro celého spisu — služno označiti jako projev rozhodného, třebaže neuvědomělého hegelismu, stejně jako do Hegelovy školy náleží podobné, tehdy módní syntése slavjanofilů, zvláště Kirějevského, s nimiž již M. Murko uvedl Kollárovy skladné a universalisující koncepce v obdobu.

Vykonal-li Kollár takto krok od Herdera k Hegelovi ve filosofii dějinné, není divu, že pruského myslitele následoval též v pojetí politickém. Míním především ideové pozadí přísně legitimistického a úzkostlivě loyálního § 3, odpovídajícího na otázku, čím slovanská vzájemnost není; zde se ohrazuje věrný rakouský poddaný z doby Františkovy a Ferdinandovy proti podezření, jako by slovanská vzá-

jemnost obsahovala prvky revoluční a demagogické, nebezpečné státu, zvláště císařství rakouskému. Úplně v duchu hegelovskem jest Kollárovi nejvyšší a svrchovanou skutečností stát, jejž definuje přímo protiherderovsky slovy, jejichž časovou přízračnost nejúplněji vycítíme ze znění německého originálu: »Der Staat ist ein Verein mehrerer Länder und verschiedener Völker unter einem gemeinschaftlichen Oberhaupte; sein Zweck ist: Schutz, Gerechtigkeit und Beförderung der Kultur unter den ihm anvertrauten Völkern. Darum Liebe unserer Nation und Sprache: aber Treue und Gehorsam den Regenten, sie mögen auch von einer andern Nation sein.« Zde se národnosti — a slovanství jest Kollárovi především principem národnostním — upírá právo státotvorné, které se naopak přisuzuje hotovým útvarům mocenským, dodatečně ověřovaným ideou mravně kulturní, dočista v duchu právní filosofie Hegelovy a politické prakse Metternichovy; co se příčí této legitimistické koncepci monarchistické, odsuzuje Kollár přímo jako demagogii a revolučnost, spokojuje se sám v skromné pokoře onou pověstnou »tichou, nevinnou ovečkou, která sice náleží k velikému stádu, ale pase se na vlastní louce«. Ideologie Hegelova dodala zde myšlenkovou výzbroj politické náladě doby, která se řídila osudným heslem kvietistickým: »Die Ruhe ist die erste Bürgerspflicht.«

Když se pak v poslední části své knihy Kollár pokouší (§ 16) vytknouti politický prospěch plynoucí ze slovanské vzájemnosti, rozpřádá tyto myšlenky určitěji a důsledněji, vycházeje z legitimistického přesvědčení, že kulturní, literární, vědecká a jazyková vzájemnost národů slovanských bude oporou míru a pořádku, nikoliv snad jiskrou revoluční. Libuje si sice i nadále v opatrnické neurčitosti, která neuvádí jménem příslušných příkladů, ale zřejmě mluví o politických poměrech v Rakousku. Slovanská vzájemnost prý uspokojí Slovany do té míry, že nebudou již toužiti po spojení se svými slovanskými bratry za hranicemi, »majíce doma totéž, čeho by mohli dosáhnouti u sousedů«; proto vezmou prý za své vzbouření a vzpoury Slovanů proti panovníkům z jiného národa (t. j. proti habsburské vládě v Rakousku a hohenzollernské v Prusku, snad i romanovské v Rusku, kde Poláci se snažili nejrozhodněji svrhnouti cizí jařmo). Se zřejmým hrotem proti českému rusofilství dovozuje pak legitimista Kollár dokonce, že malým a slabým národům slovanským kyne jistší ochrana a pevnější záruka samostatnosti od panovníků cizí krve než od pokrevních vládců z mocnějšího slovanského kmene, jenž nadán mohutnou přitažlivostí hrozí

menším národům ohrožením jejich samostatnosti — proto doporoučí vládám vlídné pěštění slovanské vzájemnosti, tohoto znamenitého prostředku k zachování pořádku a pokoje. S těmito pochybnými důsledky, jichž ani psychologicky ani logicky odůvodniti nelze, octl se Jan Kollár v příkrém rozporu jak s obecným cítěním v Čechách i na Slovensku, tak s celým duchem národního obrození a mimoděk, avšak správně mu odpověděl po šedesáti letech jeho nejvýznamnější český žák, na míle vzdálený slabošského legitimismu a živě pociťující revoluční kořeny domácího nacionalismu. Míním ostře protirakouskou VI. Píseň otroka od Sv. Čecha, vyznívající vzdorným refrénem: »Všech nejtrpčí my pijem' kvas — všech nesem' horší muku — nám cizí jařmo hněte vaz — a cizí pouto ruku.«

S tohoto stanoviště se nám přímo nabízí přehled po Kollárově poměru k hlavním politickým koncepcím jeho doby vůbec a národního obrození českého zvláště.

Celý spis jest především abdikací revolučních idei, z nichž stejně jako moderní demokratismus a konstitucionalismus, vychází také moderní nacionalismus, přisuzující národu právo tvořiti si stát a dávati mu ústavu; v mladosti, za vlivu německého hnutí studentského, vyznával je sám horlivě a tlumočil ve Slávy dceři. Nyní v duchu obecné reakce, ovládající státy Svaté aliance, staví proti nim zásadu monarchistického a dynastického legitimismu, jemuž podřizuje princip národní. Nehledíme-li k myšlenkově bezvýznamnému táboru reakce v r. 1848 a po něm, nesetkáváme se v národním obrození českém nikde do té míry jako u Kollára se zřeknutím revolučních ideí, tvořících vlastně myšlenkový předpoklad všech požadavků znovuzrození českého od humanity a svobodného myšlení až po svobodu národní a jazykovou. Česká politika r. 1848, vedená Palackým a Havlíčkem, začíná se právě tím, že přímo pokračuje v ideích revoluce francouzské, rozvíjí je a přenáší na půdu českou — naproti tomu úzkostlivý legitimista Kollár podřezával větev, na níž sám seděl.

Avšak Kollár, kterému při všem jeho přebytku zálib dějepisných a starožitnických nadobro chyběl pravý smysl historický, nemá porozumění ani pro předrevoluční koncepce politické rázu tradicionalistického. Nejenom že nenalezl v celém spise příležitosti, aby projevil sebe slabší sympatii české státoprávní politice, kterou od XVIII. věku prováděla důsledně a leckdy i důmyslně naše šlechta feudální a bez niž by se národní obrození sotva bylo uskutečnilo, ale odmítá dokonce její mravní východisko. Rozhorlený § 9. stavě-

jící proti národnosti v příkrý kontrast vlastenectví čili proti vědomí sounáležitosti kmenové, duchové a jazykové příslušnost k rodné zemi, zavrhuje s upřílišenou jednostranností lásku k otčině jako cosi nižšího, co se naskýtá i v říši živočišné a co náleží též do oblasti smyslové a dojmové, nikoliv však rozumové; zde se ozývá racionalistická ideologie ve formě nejkrajnější, jaké bychom se u příslušníka herderovského romantismu ani nenadáli. Jan Kollár omylem přisuzuje nesnášenlivé, panovačné, nenávistné vlastenectví hlavně světu antickému a konstruuje proto umělý protiklad vlastenectví a humanity, neváhaje kosmopolitismus stavěti nad vlastenecký egoismus; není pak divu, že bez porozumění míjí ony snahy českého politického obrození, jež státoprávní požadavky zakládaly na lásce k otčině, na věrnosti k jejímu historickému území, na poznatku, že stát jest přirozeným výsledkem útvaru sídel národa. I v té věci Fr. Palacký, který se dlouho přiznával k názorům přirozenoprávním a princip národnostní stavěl nad zásadu historického státu, daleko vyniká nad Kollára, jak ostatně přirozeno u učence, znajícího důkladně podmínky dějinného vývoje.

Vedle tradičních snah státoprávních a vedle důsledného provedení konstitučního principu národního, nacházíme v našem obrození ještě jednu významnou koncepci politickou, myšlenku austroslavismu, jejíž útlé kořínky možno shledávati již v proslulé promluvě Josefa Dobrovského před císařem Leopoldem r. 1791, vyvrcholení pak v Palackého poslání sněmu frankfurtskému r. 1848 a v jeho slovesné fixaci z r. 1865 Idea státu rakouského. Byla-li státoprávní politika česká výrazem oněch snah v probuzenském hnutí, které se připínaly k starší, předjosefinské tradici domácí, byl-li revoluční nacionalismus založený na teorii přirozenoprávní a promyšlený posléze jako federace národů v Rakousku, jedním z plodů přilnutí našeho obrození k západoevropské revoluční a romantické ideologii, možno v austroslavismu spatřovati veřejný důsledek slovanských prvků v procesu obrodném; proto také odborní slavisté promluvili zde slovo nejdůraznější. I očekávali bychom přirozeně, že se z d e ozve důtklivý a vřelý souhlas pěvce Slávy dcery, jmenovitě když austroslavismus bylo snadno možno uvésti ve shodu s legitimismem nejloyálnějším, s rakušanstvím nejoddanějším. Ani toho se úzkostlivý Jan Kollár neodvažuje, cítě patrně i v tendenci austroslavské nebezpečné símě vzpoury a revoluce, a odmítá austroslavismus polemikou proti citátu ze Slovince Linhardta, který se domáhá poslovanštění Rakouska vzhledem k po-

četnosti a vnitřní moci jeho slovanských obyvatelů. Aby se nezdál snad entusiastou, fanatikem, vzbouřencem a nepřítelem státu, uvádí proti uvědomělému politickému austroslavismu dva malicherné a pošetilé příklady vděčnosti Slovanů k rakouským panovníkům za přízeň a kulturní podporu. Pochvaluje-li si Slovany v Rakousku za to, že vděčně vzhlížejí k císaři Františkovi, který P. Stulliho odměnil za ilyrský slovník zvláštní ochranou, a k císaři Ferdinandovi, jenž obdařil Jungmanna diamantovým prstenem, projevuje tím mimoděk ono podlízavé smýšlení, které prý nepřátelé neprávem Slovanům přisuzují; jsou to trapné výstřelky předbřeznové loyality, která, nemajíc ani dostatek hrdosti ani nejskrovnější míru smyslu pro právo, sama se zbavuje možnosti politicky mysliti. Proto také analogie Němců, žijících v 38 státech domácích a 11 mimoněmeckých útvarech státních a přece ke všem vládám loyálních, nemá nejmenší síly průkazné a přesvědčivé. Na rozdíl od svých přátel Palackého a Šafaříka, kteří prozíravě tušili politické důsledky idei slovanských, zastávaných ostatně i Kollárem a tudíž nebyli překvapeni rokem 1848, jejž vlastně připravili, nerozuměl opatrný a bojácný kazatel peštbudínský své době a její politické náplni; bylo netoliko trapnou shodou okolností, ale i symbolickou událostí, že Jan Kollár se nezúčastnil Slovanského sjezdu pražského r. 1848.

Ještě jedna politická možnost, kterou nazveme spíše utopií než programem, zaměstnávala fantasii našich obroditelů, zabývali-li se budoucností svého národu. Mluvili o ní ovšem jenom šeptmo, ani nevyslovujíce jmen ani si neujasňujíce prostředků k dosažení vábného přeludu; nebylo jinak možno ve státě policejním, který velezradu trestal doživotním vězením nebo smrtí. Ani Kollár se neodvažoval označiti přímo koncepci, kterou se občas opájeli Jungmann, Antonín Marek, Hanka a Čelakovský, a již teprve střízlivá kritičnost Havlíčkova připravila konec, byť jenom dočasný. Míním naději, že se Čechové někdy stanou součástkou carského státu ruského, což se alespoň v představách našich buditelů shodovalo s cíli ruského imperialismu v první polovici 19. věku. Kollár se v § 3 zmiňuje jenom o jazykové stránce této politické eventuality, kterou zavrhuje. Nemůže býti pak pochybnosti o tom, kam bije, zamítá-li universalisaci neb násilné smíšení všech slovanských nářečí v jedinou hlavní řeč slovanskou. Správně oceňuje příčiny, proč každý národ lpí tak neústupně na své samostatnosti a svébytnosti; a snad právě zde jest hledati hlavní politickou cenu spisku. Kollár případně ukázal, že slovanská vzájemnost nemusí a nemá znamenati odstranění národních indivi-

dualit, nýbrž naopak vystupňování toho, co jest ve slovanském duchu svérázného; není utopistou, nýbrž realistou horlí-li proti splynutí jednotlivých kmenových monad a v tom postoupil nad Jungmanna. Na věci nic nemění, nazývá-li pouhými nářečími to, co se nám dnes jeví samostatnými slovanskými řečmi a mluví-li o jediném slovanském národě, rozděleném v kmeny; pro pojmy tak ztěžka přesně vymezitelné nabízejí se vždy slova smyslu poněkud kolísavého.

A zde připíná Jan Kollár své známé výklady o praktických prostředcích k dosažení pravé slovanské vzájemnosti, jichž věru netřeba znovu rozbírati. Projevil v nich mnohem více praktické rozvahy a organisačního důmyslu, než bychom čekali u muže v politice tak bezradného a v literatuře do té míry ulpívajícího na minulosti beze smyslu pro to, co jest v přítomnosti opravdu velikého. Kollárovy návrhy cest k dosažení skutečné slovanské vzájemnosti zůstávají v okruhu filologie teoretické i praktické, týkají se organisace vysokých škol a knihoven, časopisů a učených společností a mají tedy výhradní význam pro odborné vrstvy vědecké a literární. Že duch, nadobro pohřešující veřejného smyslu, naprosto zanedbal slovanskou vzájemnost obchodní a průmyslovou, naplňuje nás menším podivem než to, že právě on, muž výborně znalý potřeb školských a pracující veřejně i promyšleně k reformě ústavů vyučovacích, vůbec nepromyslil otázku slovanské vzájemnosti v osnovách středních škol. Můžeme si tyto nedostatky Kollárova spisu o slovanské vzájemnosti vysvětliti opět tím, co psychologicky a dobově podmiňovalo politické jeho názory: měl patrně úzkostlivou obavu, aby nerušil v ničem státního pořádku, jemuž jeho předbřeznový legitimismus tak horlivě přisvědčoval a tak ochotně přisluhoval. Jan Kollár, básník politického posvěcení, nebyl politickým myslitelem, ba ani politicky statečným mužem, alespoň ne již v době, kdy přemýšlel a pojednává o literární vzájemnosti mezi kmeny a nářečími slovanskými. Aby ulomil hrot podezření, že jeho myšlenky jsou nebezpečné, ba vlastizrádné, pronášel je způsobem, důstojným loyálního poddaného z období Metternichova, neuvědomuje si ani, že se myšlenkou i přednesem odcizuje svým ideálům z času mladosti, politicky odvážné a básnicky úrodné.

Brno.

Arne Novák.

Srok i aliteracija u tužbalicama dužega stiha.

A. Uvod. Osnove dvocesurnog dvanaesterca.

§ 1. Psihološke osnove dvanaesterca.

Ova skromna bilješka, koja zbog oskudice u materijalu[1]) ne može pretendovati na samostalnu važnost, traži samo da svrati pažnju istraživalaca narodnog pjesništva na jednu oblast srpske narodne metrike, koja stoji odvojena od ostale metričke građe. Mi govorimo o »tužbalicama« dužega stiha (od 12 slogova), koje se razlikuju od svih drugih lirskih vrsta *a)* ne samo po dvocesurnoj strukturi stiha, *b)* ne samo po obilatom i originalno namještenom sroku, *c)* ne samo po stalnoj upotrebi aliteracije, *d)* nego po sasvim osobitom principu građenja i vezivanja stihova, principu, koji je vezan za tu vrstu i potiče iz osobitih uslova njezina postanka.[2])

---

[1]) Radeći u veoma nepovljnim prilikama, imali smo pri ruci samo Vukovu zbirku Srpske narodne pjesme kn. u Biogradu, 70—119, t. j. 21 pjesma, (brojevi pjesama u ovom članku odnose se na tu Zbirku) i »Gorski Vijenac (Г. В.) Petra Petrovića Njegoša 1 pjesma (u Cetinjskom izd. 1913 g. Knjižara Rajnvajn) stihovi (1913—1960). Svega 625 stihova.

[2]) Treba ipak spomenuti, da u V. knjizi »Srpskih narodnih pjesama« Vuka Karadžića, beogradskog izdanja nisu preštampane sve tužbalice, koje se nalaze u Vukovoj posmrtnoj knjizi »Život i običaji naroda srpskoga«, str. 154—210 (nisu preštampane tamo str. 154—162.) Valjalo bi i nešto kazati o tužbalicama kod Srba i Hrvata u opće, osobito radi toga, što u Vukovoj zbirci Narodnih pjesama nije preštampan i onaj kratki tekst, kojim je sakupljač propratio pjesme, a ovo je ipak važno za psihološko tumačenje dvanaesteraca u tužbalicama. Tome se može dodati, što piše P. A. Rovinskij: Černogorija II. 2., str. 316—320, Сборникъ отд. русскаго языка и словесности Академіи наукъ Томъ 69, Petrograd 1901), o crnogorskim tužbalicama, ako se već ne obaziremo i na noviju literaturu o tužbalicama; na pr.: Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena Jugoslavenske Akademije I 70, 202 (iz Slavonije), 205 (Kotari u Dalmaciji), 207 (Koprivnica u Hrvatskoj), 211 (Hrvatska), II 32—40 (Otok u Slavoniji), V 296 Zaplańe u Srbiji), X 91 (Poljica u Dalmaciji), XIII 68—71 (Prigorje u Hrvatskoj), XV 248 (Hrvatska). U njima ima raznih stihova od 5—12 slogova, ali najviše deseteraca i osmeraca, kojih nalazimo i u Vukovim Narodnim pjesmama knj V, deseterac u 10 pjesama, osmerac u 5, među nepreštampanima u »Život i običaji« još 6 pjesama u osmercu i 4 u desetercu. Važno je da iste pjevačice pjevaju na grobu 8+4 stihova, na putu deseterac i kod kuće osmerac (N. pj. V № 144—146 = Život i običaji str. 188—190) ili razne pjevačice, kad dođu na grob, 8+4 i osmerac, deseterac i 8+4 (№ 150—152 = Živ. i ob. str. 195—197). U Vukovom »Život i običaji« je od 21 pjesme, koje služe našemu piscu za temelj rasprave, samo 7 pjesama štampano u obliku dvanaesterca u jednom redu str. 179—184, 187—189) ali i ove su naštampane

Tih uslova ima, u glavnome, dva. 1. Tužbalica se mora svaki put improvizovati, t. j. ponovo kombinovati iz tradicionih izraza, više ili manje prilagođenih individualnome slučaju.

2. Tužbalice se većinom stvaraju u afektu, koji sprečava logički tećaj misli, te zato se narikaća mora rukovoditi slučajnom, ponajviše formalnom asociacijom.

Prvi uzrok povlači za sobom ono, što je osobina skoro svih improvizovanih pjesama, naime retardaciju. Zaista, zadaća improvizatora često se olakšava alternativnim naricanjem, koje daje glavnoj tužarici vrijeme da se predomisli. Ali, pored toga, svaki stih sadrži stalni retardativni elemenat, a to je njegov treći dio (u zbirkama se štampa kao posebni kratki stih), koji nikako ne sudjeluje u razvitku sadržaja pjesme, nego se sastoji iz retardativne formule i to obično: *a)* Alokucije (граде брате, соко роде, крило наше), *b)* apozicije |(kapetane) соколове, (Turke) невјернике|, *c)* tužnog uzvika (зло ми јутро, иншла у јад, пукло срце), *d)* neutralne rečenice (знаш ти, доме; молим ти се; то знам дивно).

e) Pokatkad tu se nalazi dodatak, koji opet nije neophodno potrebit za smisao rečenice.

Г. В. stit. 1946: Да целивам [1]) мртву главу, мјесто брата
N. 123, 3: Љуто си ме убољела од жалости
3: Да ти кукаш срећу твоју од напретка.

Sasvim izuzetnu osobinu nekih umjetnički izrađenih tužbalica predstavljaju sljedeći slučajevi:

f) direktni govor:

153, 20: Лелек чују, припитују: „Што је јутрос?"
95: Свак те плаче, сваки вели: „Куку, брате".
Мртва љуби, свак говори: „Рај ти души".

g) neophodni dio rečenice:

156, 17: Наши момци са ускоци четоваће
91: Злобно пјеме, Турско племе да нестане
95: Српском сину нек поврате [2]) ђедовину

---

u beogradskom izdanju (N° 136—144) u dva stiha od 8+4 slogova. Čudnovato je da stoji i u Životu i običajima (str. 184—186) jedna pjesma od 8+4 stihova u dva reda među dvanaestercima. Ne krije li se u svemu tome ipak nekakva dublje osnovana osobina?

Svakako je imala dioba u dva stiha po 8+4 sloga utjecaja na shvaćanje L. Zime i T. Maretića, koje se veoma razlikuje od shvaćanja našeg pisca (v. § 2). Treba spomenuti, da B. M. Sokolov nalazi također u ruskim bilinama aliteracije i asonance. Slavia I., 458.

Priznajem, da me pisac nije sasvim uvjerio, ali svakako treba istraživati u njegovom pravcu i naše narodne pjesme. *M. Murko.*

[1]) U Rešetarovu izdanju: Да пољубим мртву главу мјесто брата,

[2]) Rešetar: Нека врате. Navodim samo ova dva primjera, da obratim pažnju na razlike teksta. M. M.

Да пријеклад, Ђедов заклад он ужива,
А ти, брате, Божје плате у Божи дом.

Od 625 dugih stihova dakle samo 8 (pod *f* i *g*) ne služe se svojim 3-im dijelom za retardaciju. Jasno je da dodavanje ovog parazitnog elementa, koji pretvara obični osmerac u dvocesurni dvanaesterac, stvara cijelu silabičku i ritmičku originalnost stiha tužbalicâ.

Drugi gorenavedeni faktor (afekat i vezana za njega formalna asociacija) djeluje na fonetičku stranu građenja i vezivanja stihova Asociacija po obliku može biti ili stilistička, ili akustička, ili obadva momenta mogu djelovati zajedno.

U 1-me slučaju dobijamo raznovrstne gramatičke figure (paralelizam, isokolon i t. d.), koje nas u ovome članku ne interesuju; u 2-me — podudaranje glasova (srok, asonanca, aliteracija); u 3-m — različite fonetičke figure (anafora, paregmenon i t. d., v. § 12). Afekat sprečava da se ta fonetička veza gradi na jedinoj bazi, nego misao po volji slučaja slobodno leti od jedne vrste asociacije do druge, tako da je nemoguće predvidjeti, po kojemu će se principu upravljati idući stih, i još manje, kako će biti vezan sa prvim.

Razlika između tužbalica i drugih vrsta narodnog pjesništva nije u slučajnosti glasovnih podudaranja, nego u mnogobrojnosti akustičkih i akustičko-logičkih asociacija, koja stvara utisak s t a l n o s t i s r o k o v a n j a, ali takvog srokovanja, čiji princip uho nije kadro uhvatiti. Da se što jasnije predoči, kako se čisto kalejdoskopski ređaju glasovna podudaranja, navešćemo Vukovu tužbalicu N. 124, jednu od najjednostavnijih u tome pogledu:

I.:	II..	III.:
1. Не могу се	начудити,	брате, тебе,
2. Ђе одуста	мајку твоју,	много јадну.
3. И одуста	дом и кућу,	дому куку!
4. И жалосну	владу твоју,	с јадом влада!
5. У највише	невријеме,	била јадна!
6. Ђе остаде	много млада,	прекукала!
7. И с нејаком	ђецом твојом,	рано јака!
8. Ко ће ђецу	подигнути,	била јадна?
9. Ко ли ће их	подранити,	рано љута?
10. Ко ли школи	научити,	много јадна?
11. Сиротиња	често плаче,	прекукала!
12. Често плаче	брзо расте;	то мој јаде.

Da ispišemo sada sve vrste fonetičke veze u stihovima i između stihova, kako idu po redu:

1. Aliteracija (I-II); unutrašnji srok (III), srok I-III; 2. srok (II-III), unutr. sr. (II), aliteracija (II-III); 2—3. epifora, srok (A I-II-III : B I-II-III); 3. sr. II-III, unutr. sr. (III), poliptoton (II-III); 3—4. anafora, srok (AII-BII); 4. sr. I-II, un. sr. II, poliptoton (II-III); 4—5.

paregmenon (III-III); 5. alit. I-II, sr. I-II; 5—6. sr. (I-I, III-III); 6. sr. II-III, unutr. aliteracija (II); 6—7. sr. III-III; 7. sr. I-II, alit. I-III; 7—8. sr. III-III s asonancom, alit. III-III; 8. alit. (? v. § 7), unutr. sr. III; 8—9. sr. (II-II-II, III-III-III) anafora; 9. alit. II-III; 10. sr. I-II, un. sr. I; 10—11. sr. III-III; 11. sr. I-III; 11—12. anadiplosa (II-I), sr. s ason. II-II; 12. sr. s ason. I-II-III, unutr. srok abab (I-II).

Ova haotička slika, u kojoj je svaki člančić vezan za ostale sa skoro 3 alčice podstiče svakoga, ko se interesuje za metrička pitanja, da se taj šareni đerdan jednom razbere, da se odvoji biser od merdžana i da se po mogućnosti nađe morfološki zakou te bujne vegetacije srokova.

Zato se zadaća naše bilješke sastoji u:

α) klasifikaciji građe po vrstama glasovnih podudaranja,

β) sistematizaciji različitih kombinacija glasova u svrhu da se epizodičke pojave odvoje od stalnih elemenata narodnog estetičkog ukusa, i

γ) istraživanju odnošaja između stilističkog i fonetičkog momenta pri građenju i vezivanju stihova.

§ 2. Ritmičke osnove dvanaesterca.

Ritam stihova tužbalica svakome je poznat, i mi posvećujemo njemu nekoliko redaka samo zato da se dogovorimo sa čitaocima o terminologiji. Mi shvaćamo takvu jednu ritmičku cjelinu : 147, 6 : Од свакога разговора, роде брате ...., kao jedan stih od 12 slogova sa 2 cesure, koje ga dijele na III člana po 4 sloga:

I II III

— — — — | — — — — || — — — —

Mi smo već istakli u § 1, da sintaktička pauza između II i III uvijek je mnogo jača, nego ona između I i II, te zato druga cesura mora da bude trajnija od prve.

Slučajevi navedeni pod »g« (v. § 1) mogu se smatrati kao anomalni. Ali ipak nama se čini nezgodno da upotrebimo naziv »stih« za III-ći član, i to zato što je taj III-ći član u 610 stihova od 625 fonetički vezan sa I ili II (odn. sa obadva) na isti način, na koji su oni vezani između sebe.[1]) Ne može se III naravno

[1]) Uporedi s tim, na primjer, tročlani staro-skandinavski »ljóđaháttr«, gdje III-ći član (t. zv. Vollvers) ima posebni srok. Naziv »samostalan stih za III[1] člen nalazimo Kod. L. Zime: Rad. 49, 29.

smatrati ni kao refren (»pripijev«) jer se u njemu mijenjaju riječi i to zavisno od glasovnog oblika I i II.[1])

Što se tiče 1-e cesure, ona je obavezna i u sadašnjoj recitaciji (barem u Crnoj Gori) dosta dugotrajna (skoro kao 2-a), ali sintaktički može biti veoma slaba; na primjer:

123, 1: Не могу се / начудити

Obično razdvaja podređene i priređene riječi:

130, 35: И земаљске / капетане
45: Што сам јадна / изгубила
49: Попа Вука / и Николу.

Osim tih stalnih odmora ima još sporednih, i to u sredini svakoga stiha. Te pauze nijesu nikako obavezne: ima stihova bez ijedne takve pauze: 148, 9: И оружјем свијетлијем, мој соколе. U dikciji one se jedva čuju: 156, 31: Свецу слико, брацка дико, дични брате!

— —, — — | — —, — - ‖ — —, — —.

Uporedna jačina ražličitih odmora može se doznati po srokovima. Srok zavisi od pauze: čim je ona jača, tim se jasnije osjeća srok, tim češće se pjesnik služi njom za srokovanje. Niže navedena tablica pokazuje broj srokova, koji vezuju članove stiha:

Одточ	1-i unutr. odmor	2-i unutr. odmor	3-ij unutr. odmor	mala cesura	velika cesura
Broj srokova	46	50	41	352	372

Iz ovoga se vidi odnosna važnost sporednih pauza:

$$\frac{\text{Unutr. odmor}}{\text{mala cesura}} = \text{ca. } \frac{1}{8}, \text{ dok } \frac{\text{mala ces.}}{\text{velika ces.}} = \text{ca. } \frac{1}{1{,}05}.$$

Iz toga slijedi da: *a)* M a l a c e s u r a, i a k o v j e š t a č k a (sa sintaktičkog gledišta), j e s k o r o j e d n a k a v e l i k o j; *b)* unutrašnje pauze su sve jednake i veoma slabe.

To su jedini ritmički podaci, koji su potrebiti za našu svrhu. S tim već možemo pristupiti proučavanju srokovanja u tažbalicama.

§ 3. F o n e t i č k e o s n o v e d v a n a e s t e r c a.

Glasovna podudaranja u tužbalicama dužega stiha moraju se smatrati kao s t a l n a i o b a v e z n a za spajanje članova stiha i ve-

[1]) Uporedi tužbalicu No. 157 u osmercu sa stalnim refrenom: Бијах сестра од три брата, аох! Zato a naročito zbog j a č i n e 1e c e s u r e (vidi dole), ne přidružujemo se T. Maretiću [Rad, 168, 21]. Koji smatra stih tužbalica, kao osmerac (4+4) sa pripijevom [Isto tako i L. Zima: Rad 93, 204].

zivanje stihova. Sem toga, prikrajni srok[1]) i aliteracija upotrebljavaju se kao unutrašnji ures pojedinih članova (Млада, влада; Пеик, Перо). Od 625 stihova naše građe samo 30 nijesu fonetički okićeni unutra članova i između njih. Dakle 95% stihova sagrađeni su po principu fonetičke veze. Ali i od tih 30 stihova, 29 sadrže glasove, koji služe za vezivanje sa susjednim stihom:

141, 7: Да ти ђецу не остави, куку мене!
Да ти темељ не упушти, ох је мене.

Pod pitanjem ostaje samo: 155,75 (Да се мајци вратит' нећеш, куку леле), koji nije vezan sa drugim stihovima, a unutra je veza između II i III napravljena samo od dvosložne asonance. Nećemo dakle pogriješiti, ako ustvrdimo, da 100% stihova potpadaju pod zakon fonetičke asociacije.

Pored stalnosti moramo još istaknuti obilje podudaranja. Vidjećemo u toku ovoga prematranja da 574 st. Vukove zbirke ne sadrže manje od 2800 riječi, koje fonetički vezuju članove i stihove. To znači da od 12 slogova svakoga stiha barem 4 služe za akustičko-estetičku svrhu. Nijedna druga vrsta narodnog pjesništva ne može se pohvaliti tolikom zvučnošću.

Mi ćemo promatrati posebno podudaranja za građenje i ona za vezivanje stihova.

B. Građenje stiha.

I. Srok.

§ 4. Način srokovanja.

Glasovna podudaranja u svim pjesmama su bezbrojna. Ali ne dopire svako od njih do uha slušalaca i do svijesti pjesnikove.

Na Kosovu ja sam bio
a a i o
baš na Vidov dan
a a i o

Moguće da ponavljanje ovog niza samoglasnika nekako potpomaže estetsko djelovanje Zmajeva stiha, ali sigurno je, da se on nije svjesno služio ovom asonancom. Ima izvjesna granica, iza koje pjesnik nije više gospodar svojih srokova a istraživalac ne može više da ga prati i da sistematizuje njegov rad. Naročito onaj zadnji

---

[1]) Mi ćemo se služiti u daljem izlaganju terminom »Srok« samo u užem smislu (= prikrajni srok).

nora uvijek paziti da ne naturi pjesniku svojih teoretski izvedenih rokova, koje ne osjećaju niti on, niti čitaoci.

Razumije se da ta granica nije jednaka ni za pojedince, kanoli za različite narode i epohe. Žongleri sve do XIII v. osnivali u cijelu svoju verzifikaciju na asonanci, koja u sadašnjem francuskom pjesništvu ne igra nikakve uloge. Minezingeri nijesu nikad rokovali dugi samoglasnik sa kratkim, dok su njihovi potomci potpuno izgubili tu finoću akustičkog osjećanja. Zato tu granicu, do koje može dopirati istraživanje, treba određivati za svaki pojedini lučaj posebno.

Nama valja prije svega zauzeti određenu poziciju prema središnjim (ili nečistim) srokovima. Mogu li se ti srokovi smatrati, kao svjesno umjetničko srestvo. Skaldi su, na primjer, osjećali središnji srok (hending) mnogo jače nego prikrajni, koji je kod njih bio samo jedna vrsta onog prvog te se dosta rijetko kod njih nalazi. Naš materijal pokazuje obratnu pojavu. Središnji srokovi se osjećaju samo kad su u velikoj količini i još obuhvataju nekoliko glasova

155, 63: **Рсом срзни, руком врзи, људски рсу.**

li kad se oslanjaju na jaku paúzu:

139,11: **Не би рати убоите . . .,**

li kad su na veoma malom razmaku:

124, 8: **С јадом влада.**

Ta se podudaranja dosta jasno osjećaju. Ali takvih primjera ima vrlo malo, a pošto zadaća metričara nije u kolekcionisanju rariteta, nego u izvedenju opštih zakona, mi lako možemo isključiti e slučajeve iz naših obračuna. Opasno bi bilo stvoriti od takvog srokovanja jedan princip, jer bismo onda morali računati sa takvim podudaranjima, kao: 144, 11: **Сломи браћи радоване,** ili čak: 147, 26: **Свашто иде са земаном.**

Sa takvim principima lako bismo mogli napisati metriku dućanskog šilda ili opštinskog oglasa. Zato mi uzimamo u obzir samo čiste srokove, t. j. one, koji se neposredno oslanjaju na pauzu, cesuru ili kraj stiha. Prema tome razlikujemo u stihu 2 vrste srokova:

a) pauzalni (iliti unutrašnji): 141, 39 I У дому ти, II млада влада.

b) cesurni (za spajanje članova): 124, 23 I Често плаче, II брзорасте, III то мој јаде.

Razumije se, da nije ni ovaj princip bez greške. S jedne strane moramo isključiti iz kalkulacije čak i dvosložne asonance, koje se, vjerovatno, osjećaju, kao:

140,91: I Да му кажеш II наше јаде
115: I А Васиља II на муштулук III сестри куку.
150,15: I Добро мудар, II и разуман
156,81: I Како Боже, II трпјет' можеш?

Ali takvih stihova ima samo 7. — S druge strane ima i prikrajnih srokova, koji nijesu sasvim sigurni (većinom zbog slabost pauze):

153,9: I Кроз сву Будву
130,27: I Што си ми се II ти понио, III мој поносе

Ali neznatni broj takvih slučajeva ne može jako uticati na rezultate našeg promatranja. Računajući po ovome principu, dobil smo sljedeći broj srokovanih stihova

Cesurni srok	Pauzalni srok	Svega
384	137	521 (od pril. 1080 riječi)

A to znači da su 83% svih stihova sagrađeni pomoću sroka.

Uz to dolazi pitanje o stilističkoj prirodi tih srokova: grade li se oni slobodno ili s obzirom na homojoteleuton?[1] Pošto je mnogo lakše stvoriti srok od jednakih gramatičkih nastavaka, mogli bismo očekivati veliki broj homojoteleuta i u tome slučaju, ako bi ona bila nesvjesno (t. j. bez stilističke namjere) uvedena. Ali od cijele naše građe samo 533 riječi (= 49%) pokazuju homojoteleuton u sroku. Možemo dakle ustvrditi da u građenju stiha pomoću srokova vlada, u glavnome, akustički princip, a ne stilistički.

§ 5. Veličina srokova.

Cijela ova količina srokova dijeli se po njihovoj dimenziji na sljedeće grupe:

α) Konsonanca.

149,33: Под пусатом и оружјем
150,23: Да те молим и закунем
155,3: Да те зовем и призивљем
154,55: Дивно видим и познајем
87: Ја те жалим, а не корим
153,23: Нити караш, нит' милујеш
150,31: Да нам кажеш и наредиш
155,39: Да их бираш и вијераш
213,40: Биранијех соколовах
153, 7: Тебе видјећ', лелек чујућ'.

Svi su ti srokovi homogeni: Konsonanca između I. i II. poduprta sa homojoteleuton. To je dakle jedan tip spajanja članova.

[1] Ali ćemo i dalje razumjeti »homojoteleuton« u užem smislu, samo kao »srokovanje jednakih gramatičkih oblika« tako ga shvaća i Norden. »Antike Kunstprosa«).

To se odmah vidi, ako uporedimo taj tip sa takvom slučajnom pojavom, kao što je 147, 16 (I. Доста ће на*м* II. на ум панут'. III. пала с јадо*м*), gdje se slabi srok na velikom razmaku nikako ne osjeća.

β) Obični jednosložni srok.

147,22: Ти заклетва наша бјеше, биле јадне.
155,79: Него кукам и кукаћу, жива док сам.

Takvi srokovi, razumije se imaju većinu. — Zatim idu pojačani srokovi.

γ) Suglasnik (consonne d'appui) i samoglasnik [cons. + a]:

156,11: На превару и на вјеру

δ) Asonanca i jednosložni srok [ass. + a]:

156,43: Језик диван, Богу приман
155,65: Отреси се од земљице.

I, o e i e II, o e i e [3 ass. + a]

ε) Dvosložni srok:

213,2: Од дивнога јата твога.

ζ) Protegnuti srok:

a) [cons. + 2a] **134,11: Нове дворе самотворе**
b) [oss. + 2a] **156,53: Наш јаворе на саборе**
c) [3a] **156,57: Изданице на границе** (samo 1 slučaj).

Odnosna uloga tih tipova srokovanja vidi se iz sljedeće sheme, gdje su pobrojene srokovane riječi

α	β	Pojačani srokovi					Svega srokov. riječi
		γ	δ	ε	ζ	svega	
20 1,8 %	circa 660 61.2 %	83	321	54	32	400 37 %	circa 1080

Iz ovoga se vidi da srokovi za građenje stiha, i ako mnogobrojni, nijesu umjetnički izrađeni Izuzetak predstavljaju pjesme 153 i 156 Vukove Zbirke, kojim pripada većina protegnutih srokova [ε, ζ] (v. § 14).

§ 6. Dispozicija srokova.

a) Cesurni srokovi.

Ali smo već kazali (v. § 4), da od naših 625 stihova 384 (dakle 61 %) imaju cesurni srok, koji vezuje članove. Ima 4 tipa te fonetičke veze.

1. I-II. — 138,9: Рај је **један**, друго **диван**, мој делија!
2. I-III. — 213,5: Мој **свијете** изгубљени, сунце **брате**.
3. II-III. — 130,1: Што си ми се **оборио**, мој **делијо**?
4. I-II-III. — 130,69: Кроз **градове** тамо **туђе**, тужној **мене**.

Ti tipovi nijesu nikako ravnopravni pri građenju stiha: 384 tako spojenih stihova dijele se po grupama kao što slijedi.

I-II : 197, I-III : 62, II-III : 78, I-II-III : 47.

Srokovanje I-II predstavlja dakle najglavniji tip, jer zauzima više mjesta nego svi ostali skupa. Tip I-II-III može se smatrati kao pojačana variacija I-II.

Ali ne mogu se niti I-III, niti II-III računati kao slučajna pojava.

b) Unutrašnji srokovi.

Pod ovim nazivom mi razumijemo pauzalnu vezu između polovica jednoga člana. Svjesna upotreba tih srokova stoji izvan sumnje: za to jamči broj stihova, u kojima se ta pojava nalazi, naime 137. Taj broj je skoro podjednako podijeljen među tri člana:

I—46, II—50, III—41. (v. § 2.)

Zbog malog razmaka ti se srokovi vrlo jako osjećaju. — Primjeri:

I. 153,13: **Просу росу** мјесто суза, аох! леле!
II. 213,13: Што не чува **младу главу**, људска вило?
III. 142,63: Што с' учини, што с' огради, **граде брате**?

Prosuti tamo i amo u svakoj pjesmi ti srokovi predstavljaju jedan luksuz, koji znatno povećava akustičko bogatstvo tužbalica. Često su oni vezani sa cesurnim srokom, naročito u »Gorskome Vijencu«.

213,2: Од дивнога јата твога.
32: И са мртвом твојом главом.

Ima i još zvučnijih kombinacija:

213,48: Просте твоје љуте ране.
140,37: Главе носе, робље воде, роде брађо.

Posebice stoje sljedeći stihovi, koji imaju p r e k r š t e n i unutrašnji srok (*abab*).

134,47: Често плачу, споро расту, чест мој јаде!
155,63: Рсом срзни, руком врзи, људски рсу.
156,27: Мудра главо, сједа брадо, звјезда брате.
39: Твоје очи, свјете моћи, дуовниче.
83: Скутом тресни, земљом стресни рајски цару.
91: Злобно шјеме, турско племе да нестане.

Oslabljeni tip (*abac*): 148,11: Своје носит', твоје глати.
213,45: Двоје ђеце, твоје лудо, сирочади.

Uz to nastaje pitanje, u koliko uopšte sporedna pauza jednoga člana može biti srokovana sa drugim članom. Čuju li se takvi srokovi?

140,17: А Мићуна првијенца, прва брађо.
213,39: Ти ћеш многе браће наћи, куку нама!
141,1: Моја муњо с ведра неба, Андро брате.

Mi ih nijesmo brojali računajući ih kao sumnjive. Kad su na većem razmaku, o njima ne može biti ni govora

(148,25: Него сину о рамену, рано синко.)

c) Srokovna potencija pojedinih članova.

Kad uzmemo cjelokupni broj sigurnih srokova, dobijamo sljedeću tablicu.

Cesurni				Pauzalni			Svega
I-II	I-II	II-III	I-II-III	I	II	III	
197	62	78	47	46	50	41	521

Iz ovoga lako je izvesti podjelu srokova među članovima.

I—352, II—372, III—228.

Prema tome, je II-gi član najomileniji nosilac sroka i to zato što je srednji, stoji dakle na najmanjem razmaku, kako od I, tako i od III.

U početku izgleda čudnovato, da III, kojemu pripada najjača pauza (kraj stiha) ima manje srokova, nego I. Ali vidjećemo kasnije, da je mnogo čvršće vezan za svoje drugove aliteracijom, a da se njegova srokovna potencija pojavljuje najviše u vezivanju stihova (v. § 13).

II. Aliteracija.

§ 7. Način aliteriranja.

Sad prelazimo na najoriginalniju i najinteresantniju osobinu tužbalica, na aliteraciju.

Nema skoro nijednog pjesništva, koje se pokatkad ne bi služilo aliteracijom. Ali do stanja jednog obaveznog elementa ona dopire samo u jezicima, koji imaju naglasak na prvome slogu, kao što su stari germanski jezici i finski. Rozumije se, da u srpsko-hrvatskom (i ako je zbog svoga povučenoga naglaska pored češkoga najpodesniji od slovenskih jezika za upotrebu početnog sroka) aliteracija ne može igrati tolike uloge, kao u gorenavedenim jezicima. Ale ipak je čudnovato, da se razvitak aliteracije zaustavio na jednome žanru (na ime na našim tužbalicama) i nije pošao dalje.

Zbilja, u epskom desetercu neće se, vjerovatno, naći ni 5% aliteriranih stihova, dok ovdje na 625 stt. ima 545 slučajeva upotrebe aliteracije unutra stiha (ne računajući one za vezivanje stihova, v. § 12), dakle, od prilike, 87% aliteriranih stihova, još više nego srokovanih — U taj broj ulaze samo sigurni slučajevi:

α) Aliteracija apsolutnog početka riječi:

140,95: **Но ти главу уграбише, гласни брате.**
124,11: **Ђе остаде много млада, прекукала;**

β) Aliteracija početnih glasova osnove (tako da se prefiks ne broji).

Ova pojava, koja je dobro poznata svakome germanisti, u koliko znamo, dosad nije bila opažena u slovenskim jezicima (u ruskom i poljskom od nje nema ni traga). Ali u tužbalicama ona je izvan sumnje.

124,13: И с нејаком ђецом твојом, рано јака.
130,59: И нејаку ђецу своју, јаок мене!
134,9: Е си дворе саградио, граде доме.
140,19: Ја вас не бих искитила, китна браћо.
А камо ли пребројила, бојна браћо.
39: И везира доведоше, сестри леле!
95: Но ти главу уграбише, гласни брате.
142,21: Ђе ми идеш без оружја, ружо Перко.
144,47: Глајућ' тебе под оружјем, ружо моја . . . i t. sl.

Svega *98* sigurnih aliteracija, skoro $^1/_5$ cjelokupnog njihovog broja, $15^0/_0$ stihova. Razlika između ove aliteracije i staro-germanske sastoji se u tome, što prefiks u tužbalicama može nositi aliteraciju i ako je nenaglašen:

144,37: Што их можеш упазити, ук је нама.

Pokatkad prefiks i osnova aliteriraju posebno.

139,17: А земље се замутише, љуцка мујо!

Suvišno je napominjati da od samoglasnika aliteriraju samo jednaki, t. j. da spiritus lenis ne stvara aliteracije, kao u germanskim jezicima.

Kao građu za povijest te aliteracije moramo navesti sljedeće stihove.

124,15: Ко ће ђецу подигнути . . .
130,63: Те се ђеца подигоше . . .
134,29: Луду ђецу подизати . . .
134,41: Е су ђеца мила тебе, дико мила!
154,59: Дивну киту ђеце твоје.
154,5: Што л' с' ођелом наресио, дивни боре?
130,7: У ођелу делијнскоме, мој делијо.
155,13: Ођедох те, оружах те, мој делијо.
37: Ал' у коло мећ' ђевојке, мој делијо?
143,9: Ђе ти браћа дворе граде.
148,13: Ђе ти тамни у дворове.
148,23: Ђе му тамни у дворове
150,37: Ђе си дворе саградио.
213,45: Двоје ђеце, твоје лудо.

Samo ovoliko primjera (14), ali oni prestavljaju većinu aliteracija sa »đ«. Svi, osim 213,45, izgledaju kao tradicione formule, koje prelaze iz roda u rod i sigurno se odnose na ono doba, kad se južni govor (kojemu pripadaju sve Vukove tužbalice) nije još odijelio od ostale ijekavštine.[1]) To su bili aliteracije »dj«: »d«.

Mi, polazeći od toga stanja materijala, u kojemu je zapisan, nijesmo uzimuli te aliteracije u obzir.

[1]) Vjerovatno, nijesu se tužbalice mnogo promijenile ni od Busbekova doba.

Gorenavedeni primjeri pokazuju, da se aliteracija često oslanja na figure, i to na:

homojarkton:[1] 155 19: Брзо мајку заборави; зашто, синко?
paregmenon: 137,1: Нисмо много говорили, мој говоре.
polyptoton: 138,19: Све кнезове и кметове, ставни кмете.

Zato je sasvim umjesno pitanje, nije li početni sŕok uopšte samo slučajni rezultat te figuracije. Ali obračun brzo demantiše tu pretpostavku. Od svih aliteracija, koje se nalaze unutra stihova, samo 183 oslanjaju se na jednakost korijena. Prema tome, te figure zauzimaju u aliteraciji još manje mjesta nego homojoteleuton u sroku, na ime samo 29% [v. § 4].

$$\frac{\text{slobodni srok}}{\text{homojoteleuton}} = \frac{51}{49} \qquad \frac{\text{slobodna alit.}}{\text{homojarkton etc.}} = \frac{71}{29}$$

Iz ovoga jasno slijedi, da nije težnja za figuracijom porodila početne srokove, nego da je težnja za aliteracijom prouzrokovala postanak tih figura. S tim je utvrđen akustički princip građenja stihova za aliteraciju, kao i za srok.

§ 8. Dispozicija aliteracije.

a) Spajanje članova.

Od naših 625 stihova 463 su spojeni aliteracijom. To su 74%, dakle na 13% više, nego što je opšta količina cesurnih srokova. Što se tiče namještaja aliteracija, on je isto tako raznovrstan, kao i dispozicija srokova.

1. I-II. — 130,13: За ђевера уз ђевојку; за тебе је.
2. I-III. — 130,85: Е су куће затрнули, у дом куку!
3. II-III. — 134,17: Како ти је у тамнилу, тамној мени!
4. I-II-III. — 154,45: На биране побратиме, ах до Бога!

Neki stihovi sadrže dvije vrste aliteracije.

140,7: Мој Андрија и Голубе, мој два града. [I-III i II-III].
141,17: И то браћи дика бјеше, брате дико. [I-II-III i II-III].

Drugi idu po jednoj vrsti, ali imaju duplu aliteraciju.

141,11: А то сестри дика бјеше, дико браћо.
143,13: И саломи крила браћи, куку брате!

Stihovi su podijeljeni između tih vrsta na drugi način, nego kod srokova [v. § 6a].

I-II: 45, I-III: 116, II-III: 278, I-II-III: 34.

Vidi se da aliteracija služi najprije za spajanje III-ga člana sa ostalim tijelom stiha,[2]) naročito sa II (zbog

[1]) Homojarkton mi razumijemo, kao gore homojoteleuton, samo u užem smislu, t. j. kao podudaranje jednakih prefiksa.

[2]) Isto kao u st.-germanskom aliterativnom stihu (Langvers, fornyrdislag): u I-me dijelu može biti 1 ili 2 aliterirane riječi, po želji, ali između I i II dijela aliteracija je obavezna.

manjeg razmaka). Tip II-III je najglavniji, jer zauzima odnosno još više mjesta nego I-II u sroku. Tip I-II-III je njegova pojačana variacija. Tip I-II može se smatrati kao luksuzni ukras: njemu pripada razmjerno 2 puta manje mjesta nego najslabijem srokovnom tipu I-III (v. § 6 a).

Mjesto aliterativnog slova u članu nije određeno: ono može stajati i u početku člana, i u sredini.

144,21: А племенска узданица, ук ти мајци!
143,61: Што извади мајци очи? Куку мајци!

9. Unutrašnja aliteracija.

Aliteracija unutra pojedinih članova je isto takav luksuz kao pauzalni srok. Broj takvih aliteracija veoma je neznatan: svega 72 stiha.

I—21, II—19, III—32.

Izgleda kao da je III najomilenije mjesto za tu aliteraciju, ali to se ne može pouzdano tvrditi, dok ne budemo imali većeg materijala.

Primjeri: I. 141,1: Моја муњо с ведра неба, Андро брате.
II. 140,79: Сестри куку гологлавој, леле брате!
III. 140,105: Ти си мудар и розуман, дивна дико.

Pokatkad unutrašnja aliteracija podupire glavnu (v. dole § 10).

b) Aliterativna potencija pojedinih članova.

Između članova				Unutrašnja aliteracija			Svega
I-II	I-III	II-III	I-II-III	I	II	III	
45	116	278	34	21	19	32	545

Prema tome uporedna potencija članova izgledaće ovako:

I : 216, II : 376, III : 460

III je dakle pravi nosilac aliteracije: na njega padaju $^5/_6$ cjelokupnog aliterativnog materijala; može se kazati da aliteracija postoji samo zbog njega, da ga veže sa I i II. Pošto je njegov sadržaj malo važan za smisao pjesme i u izvjesnim granicama (v. § 1) slobodno se mijenja, građenje III je potpuno zavisno od početnih glasova riječi I ili II, ako III ne služi za vezivanje stihova (v. § 13).

III. Stih.

§ 9. Srok i aliteracija.

Prelazimo na pitanje o tome, kako se od sroka i aliteracije sačinjava harmonija stiha i kakvi su principi te harmonije. Ali prije

nego što počnemo sa promatranjem različitih kombinacija, moramo se zaustaviti na upoređenju uloga sroka i aliteracije u spajanju članova stiha. Zato treba prije svega sastaviti rezultate obračuna dviju vrsta podudaranja.

Tipovi veze	I-II	I-III	II-III	I-II-III	Svega
Srok	197	62	78	47	384
Aliteracija	45	116	278	34	473
Svega	242	178	356	81	857

Iz ovoga slijedi:

a) aliteracije su mnogobrojnije nego srokovi;

b) aliteracija jače se osječa nego srok, jer:

α) lakše prelazi preko najjačeg odmora (između II i III ima više aliteracija nego srokova),

β) može savladati veći razmak (između I i III ima više aliteracija nego srokova).

c) Aliteracija, kako smo vidjeli u § 7, više se osniva na akustičkom principu i još manje nego srok zavisi od stilističkih asociacija.

Zato možemo sasvim pouzdano tvrditi, da je aliteracija glavna veza između članova i da je naš d v a n a e s t e r a c u p r v o m r e d u a l i t e r a t i v n i s t i h, dakle jedna vrsta bijelog gavrana u cijelome slovenskom pjesništvu.

Fonetička potencija pojedinih članova javlja se u sasvim normalnom obliku (I : 501, II : 679, III : 615), koji upravo ne potrebuje nikakvih komentarija: II je središte, koje vezuje dijelove stiha; III mora imati jaču fonetičku vezu, nego I, jer je stilistički više odvojen.

§ 10. U n u t r a š n j a p o d u d a r a n j a g l a s o v a.

Da dobijemo jasnu sliku fonetičkih tipova stiha, treba prvo da budemo načisto sa ulogom unutrašnjih podudaranja. — Pošto je cjelokupni broj podudaranja (v. §§ 6 i 8) skoro duplo veći nego broj stihova (na ime 1066 = 521 sr. + 545 alit), morao bi normalni stih imati i srok i aliteraciju. Ali u stvari nije tako, jer neki su stihovi opterećeni sa srokovima, dok su drugi u fonetičkom pogledu oslabljeni (v. § 11).

Zato se unutrašnja podudaranja mogu upotrebljavati:

a) Za normalizaciju stiha. Tada ona:

1[i] tip: Podupiru defektne stihove, koji nemaju ni sroka, ni aliteracije.

α) Srok: $a+bb+c$: 143,30: Што привати добра наша, Бог те клео.
$a+b+cc$: 142,39: Колико те браћа зову, синко Перко.
β) Alit: $a^{11}+b+c$: 156,25: Мој без мита пријатељу, сестри леле!
$a+b+c^{1,1}$: 140,105: Ти си мудар и паметан, дивна дико.
γ) Sr. i alit: $a+bb+c^{11}$: 153,37: Прекрстио гојне руке, дивна дико.

2[i] tip: Dopunjuju do norme stihove, koji imaju samo srok ili samo aliteraciju.

α) Srok: a^1+b^1+cc: За Јокицу за нашега, Андро рано.
β) Alit: $a+a+b^{11}$: Од душмана Никшићана, за то знаће.

b) Pleonastički, t. j.

3[i] tip: Pojačavaju glavni srok ili glavnu aliteraciju podudaranjem istih glasova.

α) Srok: $aa+a+aa$: 130,51: Пона Сима и Комнена, оба добра.
β) Alit: $a^{1,1}+b+c^1$: 143,71: Кад ћеш коју загрлити, кам да им је!
$a+b^{11}+c^1$: 143,57: И осталог добра доста, куку добро!
γ) Sr. i alit: $aa+a^1+a^1a^1$: 150,29: Ал'те ране оборшие, боре брате.

4[i] tip: Dodavaju glavnom sroku ili glavnoj aliteraciji neko novo podudaranje.

α) Srok: $a+aa+bb$: 142,37: О делијо синко Перко, мене леле!
β) Alit: $a^1+b^{22}+c^1$: 148,39: Најпрвог те вазда вику, први јаде
$a^1+b^{22}+c^{11}$: 144,15: Ти пеливан братски бјеше, пеик Перо.
$a^1+b^1+a^{12}$: 155,47: Моја вила над вилама, дивна дико.

Ovi primjeri ne obuhvataju sve kombinacije, koje se u tužbalicama nalaze, pa i suvišno bi bilo navađati ih sve. Za nas je dosta da uhvatimo karakter tipova.

Iz naše sheme se vidi, da u tipovima 1 i 2 unutrašnja podudaranja potpomažu građenje stiha; u 3 i 4 ona ga samo kite: Tipovi 1 i 2 spadaju u arhitekturu, 3 i 4 — u ornamenat. Brojni odnošaj između tih grupa pokazaće u koliko su ta podudaranja neophodna.

Tipovi	Normalizacioni			Pleonastički		
	1	2	Svega	3	4	Svega
Srok	17	29	46	63	20	83
Aliteracija	11	9	20	32	9	41
Svega	28	38	66	95	29	124

Sad vidimo, da smo imali pravo, kad smo shvatali unutrašnja podudaranja kao jedan luksuz: $65^0/_0$ od njih su ornamentalna.

Od 190[1]) tačno polovica (95) spada u 3-ći tip: $50^0/_0$ tih podudaranja nijesu samostalna nego zavise od glavnoga sroka ili glavne aliteracije. Zato možemo pristupiti klasifikaciji stihova bez obzira na taj sporedni ures.

[1]) Opšti broj ne poklapa se sa tablicama u §§ 6 i 8, jer počesto na jedan stih padaju 2 podudaranja iste vrste, (v. tip 3 *α*), što se tamo broji kao 2, a ovdje kao 1.

§ 11. Tipovi stiha.

Analiza stihovnih vrsta mora ne samo da predoči različite kombinacije sroka i aliteracije, nego još da jasno pokaže, zašto tužbalice čine na nas utisak jedne neprekidne zveke srokova, u kojoj uho uzalud traži sistem.

Posebno promotranje sroka i aliteracije pruži nam neke podatke, koji nam mogu služiti, kao polazna tačka za proučavanje harmonizacije stiha tužbalica.

Tako smo opazili (v. §§ 6 i 8), da od sviju vrsta podudaranja dvije su najomiljenije

a) Srok I-II (197, dva puta više nego srok II-III, ne govoreći o ostalim)

b) Alit. II-III (278, dva puta više nego alit. I-III).

Narodni ukus se češće i radije služi njima nego drugim fonetičkim elementima, te zato oni stvaraju jednu vrstu lajtmotiva u različitim variacijama i modulacijama stiha. — Oni stihovi, koji sadrže samo te elemente mogu se dakle smatrati kao tobože »pravilni«, t. j. n a j u g o d n i j i. One, koji su drukčije spojeni, možemo uslovno nazvati »nepravilni«, one, koji su sastavljeni od omiljenih i sporednih kombinacija — »mješoviti«.

Prema tome možemo podijeliti naše 625 stihova, izuzevši samo 14 sumujivih

	Broj stihova	
A. Pravilni.		
a) Potpuni, koji imaju srok i aliteraciju, oba pravilna, predstavljaju dakle idealni tip:		
1. aa^1b^1: 130.31: Од твог рода гласитога, гласит брате.	77	
b) Oslabljeni, koji imaju samo pravilni srok ili pravilnu aliteraciju:		
2. a a b: 123,15: А срчана лијек нема, вила у јад!		
a a a: 130,35: И земаљске капетане, соколове.	66	
3. $a\,b^1c^1$: 134.5: И да питам јадна тебе, много јадна.		
$a^1b^1c^1$: 142,17: Па се јесу препанули, пеик Перко.		
c) Pojačani, koji pravilnim elementima dodaju još srok ili aliteraciju, koji ne kvare sistema.	125	
4. $a\,a^1a^1$: 142.8: Ће се земља узнијела, ук је нама.		
$a^1a^2a^{1\cdot2}$: 142.57: Јер за мајке добар бјеше, добро моје.	16	
5. $a^1a^1b^1$: 142 59: А за браће уздан бјеше, брате рано.		
$a^1a^2b^{1\cdot2}$: 149,21: Па се браћа потежила, брате Перо.	20	
B. Mješoviti.		304
6. Sa nepravilnom aliteracijom.		
a^1a^1b: 139,23: Да у тебе тјестив бјеше, мудра главо.		
$a^1a\,b^1$: 124.13: И с нејаком ђецом твојом, рано јака.	48	

	Broj stihova	
7. Sa nepravilnim srokom.		
a b^1b^1: 130,11: Како ли ћеш у сватове, дивни свате.		
a b^1a^1: 130,57: Што остави своју кућу, куку кући.		
$a^1b^1a^1$: 139,9: Не би сабље од посјека, сабљо Спале.	74	
C. Nepravilni.		122
a) Potpuni, t. j. sa srokom i aliteracijom (oba nepravilna)		
8. a^1b^1b: 139,5: Ће се рати заратише, мудри бане.		
$a^1b\ b^1$: 123,5: Јер си ово дочекала, много јадна.		
a^1b^1a: 138,1: Није ми се начудити, мој путниче.		
$a^1b\ a^1$: 213,5: Мој свијете изгубљени, сунце брате.	30	
b) Oslabljeni, t. j. sa nepravilnim srokom (odn. aliteracijom.		
9. a b b: 143,1: Што си ми се положио, мој делијо?		
a b a: 147,26: Свашто иде са земаном, куку мене!	37	
10. a^1b^1c: 140.93: Ал' не даше два џелата, Бог их клео!		
$a^1b\ c^1$: 154.21: Круту снагу оборио, снажни куме.	60	
D. Невезани.		
11. abc: 155,75: Да се мајци вратит' нећеш, куку леле!	58	127
E. Сумњиви.		
12.? Na primjer: 156.15: Како, Боже, трпјет' можеш воља Твоја?	14	
	625	

Ova shema pokazuje, otkud potiče ono bujno šarenilo srokova, koje osjećamo u tužbalicama. Uzrok je jasan: nema norme.

Zbilja, nijedan od gorenavedenih tipova ne može se smatrati, kao »normalni« najjači, 3-ći ne obuhvata više od 20% stihova.

Pravilnost stiha isto tako ne može biti uzeta za »normu«, jer pravilnih stihova ima manje nego ostalih. Aliterativni dvanaesterac nalazi se u haotičkom stanju baš zato što pripada jednome žanru, koji nije kadar da utvrdi svoju formu, da uvede u normu ono, što se najviše dopada.[1])

Ima više umjetnički izrađenih tužbalica (NN 138, 143, 149, 150, 156), koje dovode broj pravilnih stihova čak do 80% (149), a broj potpunih (i pojačanih) pravilnih do 45% (138), ali to su izuzeci.

Zato moramo uzeti za normu šire granice. Prije svega valja priznati, da namiještanje srokova je sasvim nezavisno od mjesta aliteracije i obratno.

Stihove treba podijeliti ne po dispoziciji nego samo po karakteru podudaranja. Onda dobijamo:

[1]) Uporedi s tim, na prim., »dróttkvaet« kod skalda, gdje je mjesto sroka (hending) i aliteracije tačno određeno i nikad se ne mijenja. — Naš idealni stih (tip 1.) odnosi se na realni stih tužbalica, kao teoretički »fornyrđislag« kod Snoria na faktički stih Ede.

1. Potpune stihove (sr. i. alit)	265 =	43,37%
2. Aliterirane stihove	185 =	30,28%
3. Srokovane „	103 =	16,85%
4. Nevezane (»bijele«) stihove	58 =	9,5%

Iz ovoga slijedi da je normalni stih onaj, koji ima aliteraciju (naročito u III članu); ako ima samo srok, onda je defektan; po mogućnosti zahtijeva se i jedno i drugo podudaranje. Upravo anormalan je samo »bijeli« stih, osobito ako uzmemo u obzir da su 28 od tih stihova poduprti unutrašnjim podudaranjima (v. § 10), tako da ostaje samo 30 (4,9%) pravih nevezanih stihova.

(Svršiće se.)

B. J. Jarho.

К вопросу о западном влиянии в древне-русском искусстве.[1])

Когда в 1489 г. рыцарь Н. Поппель явился к в. кн. Ивану III в качестве императорскаго посла с заманчивым предложением королевскаго титула и брака дочери великаго князя с императорским племянником маркграфом баденским, московский государь гордо отверг эти предложения, ссылаясь на то, что поставлен на царство он Богом и ни от кого не желает принять поставления. В ответе, который своей самоуверенностью произвел сильное впечатление в Европе, он указывал также в виде аргумента на дружбу своих предков с византийскими императорами. Предложенный брак он счел для своей дочери унизительным и недостойным.[2])

Нам известно, что как раз при Иване III на Руси работает особенно много художников, приглашенных из Зап. Европы: архитекторов, литейщиков, золотых дел мастеров и т. п.[3]) Из за границы привозятся на Русь в большом количестве произведения искусства.

Перед нами встает вопрос: как встретили русские мастера западное искусство? насколько понятно оно было им? Если Москва, опасаясь лишиться самостоятельности, оказалась стойкой перед всеми обещаниями императорскаго посла, то не выражает ли ответ и аргументация московской дипломатии своеобразнаго взгляда древней Руси на Зап. Европу, не соответствует ли стойкость великаго князя, неприступности древне-русскаго искусства для западно-европейских новшеств, известных на Руси еще задолго до Ивана III благодаря торговым сношениям и мастерам, которых выписывали из Италии, Германии и др. стран?

Чтобы решить этот вопрос, чтобы выяснить отношение древне-русскаго искусства к западному, недостаточно простого констатирования отдельных случаев западнаго влияния.

---

[1]) Печатается с соблюдением орфографии авторской рукописи. *Ред.*
[2]) Прѣсняковъ, А. Е. Московское царство, СПб. 1919, стр. 1 и слл.
[3]) Забѣлинъ. И. Е. О металлическомъ производствѣ въ Россіи до XVII в. „Зап. Имп. Арх. Общ.“ V. стр. 29.

По этой причине предлагаемая статья и не ставит себе задачей учесть все подобные факты с древнейших времен до Петра В. Для нашей цели важнее рассмотреть отдельные характерные примеры, в которых особенно рельефно раскрывается психология русских художников, вставших лицом к лицу с памятниками западнаго искусства. Но при этом необходимо будет иметь ввиду общую картину эволюции древне-русскаго искусства — чтобы выяснить насколько плодотворным было западное влияние, насколько органически оно входило в эволюцию русскаго искусства.

Изучение этой проблемы особенно важно вот по какой причине: последние двадцать лет можно без преувеличения считать эпохой открытия древне-русской живописи.[1]) Когда одно за другим были лишены слоев копоти, потемневшей олифы и позднейших записей иконы и фрески, перед глазами людей XX в. предстал целый новый мир древне-русской иконописи, чарующий всех своим ни с чем несравнимым колоритом, поразительной композицией и религиозным настроением. После первых восторгов встала задача научнаго изучения новаго материала: проблема западнаго влияния занимает здесь не последнее место. В самом деле, если древне-русское искусство кажется нам наделенным своим художественным миросозерцанием[2]) и рисуется как особый своеобразный мир, замкнутый в себе и недоступный ничему чуждому, то какой большой интерес должны представлять те сравнительно редкие случаи соприкосновения древнерусскаго искусства с западным, когда перед нашими глазами сталкиваются два различных художественных мировоззрения, чувствуется скрытая борьба, в которой особенно ясно выступают характеры противников. Изучая эту проблему, мы как бы испытываем русских мастеров, мы ставим эксперимент, который должен раскрыть загадочное явление древне-русскаго искусства или во всяком случае представить его в новом свете.

Среди памятников д р е в н е - р у с с к о й с к у л ь п т у р ы случаи западнаго влияния наблюдаются чаще, чем в живописи. По этой причине скульптура и должна привлечь наше внимание в первую очередь, хотя не пользовалась до сих пор такой популярностью, как живопись. Развитие древне-русской скульптуры было почти

[1]) О результатах расчисток за 1918—20 гг. см. Н. Сычов „Новые открытия в области древне-русской живописи“ в „Наука и ея работники“ № 4. 1921 г. стр. 25—28.

[2]) См. Кн. Е. Н Трубецкой „Умозрѣніе въ краскахъ“ М. 1916 и „Два міра въ древнерусской иконописи“ 1916.

лишено того единства традиции, благодаря которому живопись уверенно и твердо шла по одному пути. В скульптуре и не могло быть твердой традиционной линии, т. к. в древней Руси она была менее распространена, чем иконопись. Часто нарушалась преемственность школ и мастерских, и мастер, получив заказ, стоял перед трудной задачей: ему приходилось самому выбирать себе образцы, прокладывать новые пути. Естественно, что западные изделия в таких случаях скорее могли привлечь его внимание,[1]) чем при работе иконописцев, которые, начиная с XIV в., из поколенья в поколенье передавали свои образцы и технические приемы, правда подвергая их беспрерывно деформации. Наконец важно, что произведения мелкой скульптуры, обладавшие большой портативностью, легко переходили из рук в руки, — тем более, что в средние века обычай делать подарки в монастыри и храмы был распространен; таким образом местная традиция нарушалась.[2]) Все это делает для нас скульптуру особенно ценным материалом.

Прежде всего западное влияние находим в обронных украшениях („прилепах") Владимиро-Суздальских храмов. Д. В. Айналов еще в Чернигове в плетенке одной капители видит черты романскаго стиля.[3]) В Владимиро-Суздальской области согласно показаниям летописи работали несомненно западные мастера.[4]) Доказательством оживленных сношений с западными странами служат также находки во Владимире и Суздале произведений рейнской эмали, из которых самое замечательное это так наз. наплечник Андрея Боголюбскаго („Воскресение" во Влад. Музее, pendant — „Распятие" собр. Боткина).[5]) Наконец особенно важно, что самые памятники Сузд.-Влад. скульптуры отмечены чертами западнаго влияния:[6]) отдельные мотивы гри-

---

[1]) Повидимому некоторые технические усовершенствования в западных изделиях из металла вызывали внимание к ним русских.

[2]) См. о зап. среднев. иск. Humann, Zur Beurteilung mittelalt. Kunstwerke in Beziehung auf ihre zeitliche und örtliche Entstehung, Rep. f. Kunst. 1902, p. 9 . . .

[3]) Грабарь, Ист. русскаго иск. т. I. стр. 161.

[4]) Ипат. лѣт. 6669; ср. также Лавр. 6702.

[5]) Воскр.: Филимоновъ „Древн. зап. эмали въ Россіи I. Эм. в. кн. Андр. Бог.", „Вѣст. О-ва др. р. иск." 1874. № 4—5 с 3 рис.; Толст. & Конд. „Русскія древности въ памятникахъ иск." т. VI стр. 89; Труды VIII Арх. Съѣзда таб. 48. Расп.: Филимоновъ op. cit.; „Коллекція Боткина" 101 цветн. табл. Другие эмали: Baye »Quelques emaux occidenteaux . . .« Mem. de la Soc. des antiquares de France 1906 LXIV.

[6]) Издание самых прилепов см. у А. А. Бобринскаго „Рѣзной камень въ Россіи" Москва 1916 г. Западное влияние см. Бережковъ „О храмахъ

фонов, кентавров, барсов, львов и т. п. крайне напоминают то, что мы находим в ломбардских, южно-германских и отчасти французских церквах романскаго стиля. Но необходимо сейчас же оговориться, что все эти мотивы не являются продуктом творчества Запада. Хотя суздальские памятники и напоминают сохранившиеся на Западе скульптурные украшенья, хотя в Сузд.-Владимирском крае несомненно работали мастера с Запада, но мы не находим ничего специфически западнаго, что могло бы изменить восточный принцип декорации стен, технику резьбы, иконографию, наконец стилистический характер в целом. Если западные мастера и принимали участие в украшении Сузд.-Вл. храмов, то они занесли на Русь не свой готический стиль, который в это время (кон. XII в.) вырабатывался, а те восточные мотивы, которые отчасти уже издавна были известны русским, а главное близки им по духу. Именно по этой причине Сузд.-Влад. прилепы оказали воздействие на дальнейшее развитие русской скульптуры,[1]) тогда как такие чисто западные (и по иконографии и по стилю) произведения, как наплечник Андрея Боголюбскаго, не оставили никакого следа в древне-русском искусстве.

Если прилепы таким образом сыграли некоторую роль в истории русской скульптуры, то лишь в Новгороде мы находим подлинно русское искусство; именно в Новгороде зарождается в XIV в. в скульптуре и живописи стиль, который с полным правом можно назвать национальным русским. Правда и в Суздальско-Влад. прилепах мы находим славянские надписи,[2]) но это не доказывает еще, что стиль здесь русский, самое большее, что в работе принимали участие русские мастера;[3]) они выразили здесь свою художе-

---

Владимирско-Сузд. княжества" „Труд. Вл. Уч. Арх. Ком." т. V, стр. 89 и слл. Черты западной иконографии в сцене Крещенья Дмитр. соб. во Влад. объясняются по последним исследованьям Л. А. Мацулевича („Хронология рел. Дм. соб. в Влад. Зал." Зап. Инст. Ист. Иск. I 253—99) тем, что эта композиция, как и несколько других фигур, относится не к XII-му в., а к позднейшему времени (XVIII в.). Срв. Н. Малицкий „Поздние рельефы, Дм. соб. в г. Вл." „Тр. Вл. Н. О-ва по из. мест. кр." V. 1—46.

[1]) В. Н. Щепкин в новгородском тябле (XIII—XIV в.) находит отражение сузд.-влад. традиции (Сборн. въ честь Ламанскаго, т. II. стр. 787).

[2]) Бобринский, op. cit. Табл. 5.1 2.

[3]) Аналогично этому в пещерах Южн. Итал. греческие надписи часто сопровождают фрески итальянскаго стиля, и наоборот латинские надписи — фрески греческие. Словом надписи являются ненадежным критерием (Diehl. L'art byz. dans l'Italie 1898, p. 136).

ственную волю лишь в выборе, в предпочтении „восточнаго романскаго стиля“ всем смелым нововведениям возникшей на Западе готики.

В Новгороде условия для нас особенно благоприятны. Мы знаем, что Новгород Великий издавна вел торговлю с датчанами, шведами и наконец ганзейскими городами.[1] В Новгороде имелся целый двор, отведенный иноземным купцам, с выстроенной ими киркой. Следы этих торговых сношений сохранились в виде ряда западных изделий в новгородских церквах и монастырях. Достаточно назвать знаменитые корсунские двери Софийскаго собора (XII в.), шесть лиможских эмалей в Антониевом мон. (XIII в.), ладоницу немецкой работы Соф. ризницы (XV в.), наконец ряд неизданных потиров XV—XVI вв.[2] Наконец, что делает Новгород особенно важным для наших целей, так это то, что именно здесь мы находим в памятниках русскаго искусства следы западных влияний. К этим памятникам мы и обратимся.

Новгородский панагиар[3] (ризница Соф. соб. в Новгороде) создан в 1436 г. мастером Иваном повелением архиеп. Евфимия, известнаго тем, что он вызвал немецких мастеров, построивших на его дворе часозвоню и палаты с 30-ю дверями, предмет восхищения летописца. Нас не удивляют поэтому в новгородском панагиаре — западные черты. Известные нам византийские панагиары состоят из двух закрывающихся створок в форме тарелочек;[4] панагиар в Новгороде имеет кроме того поддон в виде четырех ангелов, склонившихся на львах; на протянутых вверх руках этих ангелов покоятся две традиционные створки. Загадка происхождения поддона новгородскаго панагиара раскрывается только в случае, если обратить внимание на реликварий (в форме головы) XII в. в Кан-

---

[1]) М. Бережковъ, О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV в. СПб. 1879.

[2]) Корс. врата — Dehio & Bezold. Denkm. d. deutsch. Bildh. 12 Jahr. Taf. 2—3. Эмали — Филимоновъ op. cit. 28 стр., Толстой & Кондаковъ, op. cit. Ладоница — Труды XV Арх. Съѣзда въ Новг. т. I табл. Xз; „Древн. Росс Гос.“ Отд. I № 63—4.

[3]) Издан в Древн. Росс. Гос. Отд. I № 55—58., Толстой & Кондаковъ, op. cit. рис. 129. Труды XV Арх. Съѣзда I т. табл. VIII—IX; „Старые годы“ 1911 окт

[4]) Кроме приведенных Н. Кондаковым (Афонъ, стр. 222 и слл.) см. Ѳ. Успенскiи в „Изв. Имп. Р. Арх. Ин-та въ К-лѣ“ VIII; 249. Из русских аналогичных панагий упомянем панагию Уварова („Древности. Труды Моск. Арх. Общ. XXII табл. I стр. 265), Вологодскую (Изв. Имп. Арх. Общ. II 1861 стр. 7).

ненберге (Вестфалия),[1] который держат, как и в Новгороде четыре ангела с распростертыми крыльями. Связь памятников новгородскаго и вестфальскаго искусства вполне понятна, т. к. Новгород еще с XII и до XV вв. вел оживленную торговлю именно с этой областью;[2] нет ничего удивительнаго, что работа подобная каппенбергской попала в Новгород и вдохновила мастера Ивана. Но достойно внимания, что в XV в., когда в Германии готическая скульптура уже пережила свой расцвет, внимание русскаго мастера привлекает памятник романской эпохи с ярко выраженными восточными чертами.[3]) Новгородский панагиар важен как пример того, как русские, не считаясь с господствовавшей в Европе модой, отдают предпочтение стилю, который им приходится по душе. Вместо готическаго мотива двух грациозных ангелов едва касающихся своей ноши,[4] русский мастер предпочитает более монументальный, но близкий ему романский мотив, правда подвергая его значительным деформациям в своем вкусе. Есть основания полагать, что в XV в. в Новгород попадали произведения не только романскаго, но также готическаго стиля; к XV в. относится ладоница Софийск. собора, столь напоминающая своими фигурами реликварий в Ринерн (Вестфалия);[5] но ея готически изогнутые апостолы не оставили следа в новгородской скульптуре. Наоборот романские корсунские врата, повидомому именно в это время (кон. XIV— нач. XV в.) были снабжены русскими пояснительными надписями, которые свидетельствуют о внимании к ним новгородцев.

Все это рисует нам русское искусство полным такого же самосознания, как и русских дипломатов XV в. Мы убе-

[1]) Издан Philippi (Westfäl. Zs. f. vaterl. Gesch. u. Alt. XLIV S. 150). Ludorff (Kunstdenkm. v. Westf.; Kreis Lüdingh. 24 Taf.) P. Clemen (Zs. f. bild. K. 1902, S. 36). Falke u. Frauenberger. Deutsche Schmelzarb. 1904. Taf. 136. Профессорам P. Clemen'y в Бонне и H. Schmitz'y в Берлине приношу мою благодарность за любезные информации о каппенбергской дарохранительнице.

[2]) Бережковъ, op. cit.

[3]) Лица ангелов Каппенберга близки по типу к некоторым головам Сузд. Влад. прилепов См. Бобринскій, op. cit Табл. 6, з. Лица ангелов панагиара ближе к памятникам переходной эпохи от романскаго стиля к готике (см. ангел из Благовещенья в Бамберге у Hasak, Gesch. d. deutsch. Bildhauerk. im XIII J. S. 52, Michel. »Histoire de l'art« II ,pp. 753—755. Sauerlandt. Deutsche Plastik des Mit. Taf. 16).

[4]) Напр. см. Creutz, Kunstgesch. d. edlen Metalle. Stuttg. 1909 figg. 208, 212 и др.

[5]) Лад. — Труды XV Арх. Съѣзда т. I табл. Хз. Рел. Ринерн — Creutz op. cit. fig. 215.

ждаемся, что русские не чуждались западных памятников; повидимому новгородский архиепископ получал нередко подарки от иноземных купцов, но к подаренным памятникам относились, как к диковинке и заимствовали от них только с строгим выбором, обусловленным собственным вкусом. В этом смысле можно сказать, что русские мастера пытаются для своих целей использовать соприкосновение с западным искусством подобно Ивану III, смотревшему на союз с Максимилианом с утилитарной точки зрения своих планов собирания земли Русской.

Насколько единодушны были художники Новгорода и Москвы в отношении к западному искусству, несмотря на все различие стиля двух школ русской скульптуры, лучше всего доказывают т. наз. Сионы (из Успенск. соб. ныне в Оруж. палате), созданные при том самом Иване III, который так самоуверенно обошелся с императорским послом. Большой Сион,[1]) имеющий форму центрическаго храма, увенченнаго шатром с главкой и с фигурами апостолов внизу, уже давно связывался учеными с западным влиянием на Руси. Так как известен приезд итальянцев в Россию приблизительно в то же время, то не замедлили приписать именно итальянцам его создание,[2]) забывая, что в XV в. итальянские художники не могли создать ничего подобнаго. Московский Сион должен быть поставлен рядом с романскими дарохранительницами Сев. Европы, из которых т. наз. Epiphanius-sarkophag в Гильдесгейме (XII в.)[3]) является особенно ярким примером. Нет оснований полагать, что подобные романские образцы проникли в Москву благодаря сношениям великаго князя с императорским двором; для нас достаточно того, что во вт. пол. XV в. московские мастера обратили внимание именно на романские коренастые фигуры с характерными грубоватыми чертами лица и словно вытаращенными глазами, которые не приобрели еще западно-европейскаго оттенка, который находим в работах XIII в.[4]) Этому теченью отдавали

---

[1]) Издан Тр. XV Ар. Съѣзда т. I стр. 8—12. Грабарь, op. cit. т. III. стр. 21 (по недоразумению отнесен к XVII в.).

[2]) Гр. А. С. Уваровъ „Древн. Труды М. Арх. Общ." 1865 I. 75, Покровскій Труды XV Арх. Съѣзда I стр. 8.

[3]) Creutz, op. cit. fig. 134.

[4]) Напр. т. наз. Dreikönigsschrein в Кёльне, который вопреки Филимонову (op. cit. стр. 26) не имеет ничего общаго с Сионом.

русские предпочтение в XV в. потому, что оно было родственным тому „восточно-романскому" стилю, который господствовал в Москве в это время, и о котором мы можем судить по сохранившемуся до нас кадилу 1408 г. Троице-Сергиевой Лавры с его грубыми, но выразительными фигурами по краям и по ряду др. памятников.

Еще один случай проникновения западнаго искусства на Русь не менее показателен. После того как на Руси отвыкли от статуй в церквах, в Псков явились по сообщению летописи „никие старцы переходцы из иные земли" с резными из дерева изображениями святых. Естественно, что псковичи вначале недружелюбно встретили это новшество и лишь благодаря вмешательству просвещеннаго новгородскаго владыки стали их почитать наравне с иконами. Исходя из этого, Н. П. Кондаков полагает что сохранившиеся до нас статуи новгородской области созданы под западным влиянием. Но если всмотреться внимательнее в самые памятники, то придется это в сущности справедливое заключение несколько ограничить. В самом деле, если статуя Параскевы Пятницы (кон. XV в.) в Новгородском Музее[1]) и должна быть отнесена к „группе произведений стоящих под западным влиянием", то заимствованным с запада является здесь лишь самый факт, что она статуя; в остальном она не имеет ничего общаго с романскими и тем более готическими деревянными статуями, где мы напрасно будем искать такого замкнутаго силуэта с мягко изгибающейся линией, такой упрощенной плоскостности и яркаго колорита с преобладанием киновари, т. е. всего того, что находит себе соответствие лишь в новгородском искусстве, в частности в иконописи, где эти черты явились в кон. XV— нач. XVI в. плодом медленнаго и органическаго развития из основного источника русской живописи — византийскаго искусства эпохи Палеологов.

Приведенных примеров достаточно, чтобы характеризовать самостоятельность отношения русской скульптуры XV—XVI вв. к западным течениям, которые до нея доходили, и которых она никогда не чуждалась. Впоследствие положение меняется: в XVII—XVIII в. деревянные барочные статуи на-

---

[1]) Древн. Росс. Гос. I. № 4. Толстой & Конд., op. cit. 156.

водняют Русь;[1]) но от русскаго стиля уже ничего не остается, и мы с полным правом можем говорить о конце древне-русской скульптуры. Неслучайно, что такая роль победителя выпала на долю барока; динамическое пространство, стихия скульптуры готики и барока, была силой, абсолютно чуждой древне-русской скульптуре. В XV в. она была еще достаточно жизнеспособна, чтобы твердо отвернуться от поздней готики, в XVII в. барок без труда одерживает победу.

Древне-русская живопись — и это нужно заметить с самаго начала — крайне неохотно откликалась на западные новшества.[2]) В области скульптуры мы находим рядом с основной линией развития немало смежных течений и изолированных произведений, обязанных своим возникновением живучести какой — либо традиции: поэтому два почти одновременных новгородских памятника скульптуры Людгощинский крест (1359 г.)[3]) и крест арх. Алексея (1359—89 гг.)[4]) ни иконографически, ни стилистически не имеют ничего общаго: алексеевский крест поставлен на архиепископском дворе и передает византийские типы XII—XIV в., наоборот Людгощинский крест поставлен прихожанами-жителями Легощей улицы — и отражает старые восточные типы, которые ведут нас за прообразами вглубь веков. Русская живопись производит более цельное впечатление; при всем разнообразии отдельных школ и течений чувствуется общий источник — византийская живопись эпохи Палеологов. Почти к каждой композиции русской иконы XIV—XVI вв. можно найти там прообразы, причем как раз в его деформации, которая влечет за собой часто совершенно новое художественное содержание, раскрываются творческие силы русских иконописцев. Это единство русской живописи обусловливает ея замкнутость и неприступность, ея неотзывчивость к западным влияниям. Таково наше общее суждение о русской живописи: но необходимо в пределах живописи разграничи-

---

[1]) Излюбленные темы: Христос в темнице, Распятие и т. д. (См. Евдокимов, Север в истории русскаго искусства, 1920, рис. к стр. 112.)

[2]) Ср. В. Н. Щепкинъ „Изв. Отд Русс. языка и Слов. Имп. Ак. Наук" VII стр. 216.

[3]) Издан по рис. Мартынова у Толст. и Конд. op. cit. VI рис. 207 (не удовл.).

[4]) Издан у Стасова В. В. (Изв. Имп. Р. Арх. О-ва т. III. стр. 423 = Собр. соч. 1895 т. II. 95). Распятие см. Millet, Recherches sur l'iconographie de l'evang. Paris, 1916, fig. 441.

вать монументельную живопись, иконопись и миниатюру, т. к. каждая из них по своему относится к западным влияниям.

Миниатюра легче всего позволяла себе такую вольность, какой считались заимствования из западных образцов; фрески — к сожалению от XV в. почти ничего не сохранилось в Новгороде — гораздо крепче держатся византийской традиции; наконец в русских иконах XIV—XVI в., которые не без оснований принято считать самым ярким выражением творческих сил древней Руси, западное влияние не оставило сколько нибудь глубокаго следа.

Развитие русской миниатюры можно проследить шаг за шагом с древнейшей эпохи до XVI в. по датированным рукописям. На наших глазах в кон. XIV — нач. XV в. перерабатываются византийские типы, принимают местную окраску и развиваются дальше. В XV в. наблюдается перелом: пергамент с красками, накладывавшимися толстыми слоями одна на другую, заменяется бумагой с прозрачными жидкими красками, сквозь которые чувствуется плоскость листа. Вполне вероятно, что на Руси бумага получалась с Запада через ганзейскую торговлю. Но можно ли из этого делать вывод, что и новыми стилистическими достижениями, связанными на первый взгляд с новой техникой, русское искусство обязано Западу? Внимательное рассмотрение развития русской миниатюры XIV—XV вв. доказывает обратное. Система ряда пробелов в миниатюрах, писанных густыми красками на пергаменте, давала возможность передачи сб'емности, пластичности фигур, возможность, которой воспользовались византийские, а за ними и русские мастера XIV в., овладевшие светотенью.[1]) Но уже в кон. XIV— нач. XV в. в русских миниатюрах, выполненных старой техникой наложения густых слоев один на другой, наблюдается тенденция к плоскостности или, переводя это на язык техники, тенденция накладывать краски в один слой, не использывая всех возможностей живописи на пергаменте.[2]) Эта плоскостность, граничащая подчас с си-

[1]) Этой светотени, содействующей впечатлению об'емности нет в миниатюрах XII в. (см. Buberl, Die Miniaturenhss. der Nationalbibl. in Athen »Denk. d. Kais. Ak. d. W.« Bd. 60. 2 Abh. Taf. XX, 50); в XIV в. она появляется в миниатюрах (Buberl, op. cit. Taf. XXIX 80 u. S. 23), в иконах (напр. Спаситель в Муз. Ал. III в СПб. „Старые годы" 1916. Янв.-февр., стр. 8—9), даже мозаиках.

[2]) Напр. миниатюры „Сказания о Борисе и Глебе" Сильвестровскаго сборника XIV в. (Изданы у Срезневскаго „Сказанія о свв. Борисѣ и Глѣбѣ.

луэтностью, является основным нервом развития древне-русской живописи, в особенности иконописи XV—XVI вв., где пробела подчас совсем пропадают;[1]) нет ничего удивительнаго в том, что робкие попытки в том же направлении мы находим еще на заре самостоятельнаго русскаго искусства. Введение новой техники прозрачных акварельных красок, как нельзя больше соответствуя основным тенденциям древнерусской живописи, дало лишь возможность выявиться в полном об'еме уже давно назревавшим художественным идеалам. Если новая техника и идет с Запада, то новые стилистические черты нельзя рассматривать, как результат западнаго влияния, а лишь, как новый этап развития древне-русской миниатюры. Именно по этой причине в миниатюре XV в. на бумаге графически (линиями) переданные складки одежды не имеют ничего общаго с изломанными линиями западных раскрашенных ксилографий и наоборот имеют прообразы в теневых линиях одежды византийской живописи Палеологов.[2])

Если рассматривать самые композиции, то бросается в глаза, что западные мотивы в русских лицевых рукописях нередки: можно назвать несколько рукописей, в которых западное влияние настолько доминирует, что лишает миниатюры их специфическаго местнаго характера. Такова т. наз. кенигсбергская или радзивиловская летопись (кон. XV. Петроград, Библ. Имп. Ак. Наук)[3]) и отчасти новгородская Палея (1477 г. Москва, Синод. Библ.,[4]) и Житие Николая Чудотворца (XVI в., Москва, Рум. Муз.).[5]) Но необходимо сейчас же оговориться: кенигсбергская рукопись, поражающая обилием западных черт в костюмах, в типах, в движении фигур,

---

СПб. 1860; затем Д. В. Айналовым в Изв. Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наук“ т. XV [1910] кн. 3; рис. 32, 23; тогда как рис. 34, 38 — с резкими пробелами); затем миниатюры рук. № 9 (Хитрово) Серг. Тр. Лавры (изданы у Н. П. Лихачева, Матеріалы для ист. русск. иконоп. т. II.; фотт. не передают характера упрощенных красочных пятен).

[1]) Такова группа новгородских икон, примыкающих по стилю к двум замечательным иконам „Снятію со креста“ и „Положенью во гроб“ собр. И. С. Остроухова в Москве (изданы в красках в „Русской иконе“ т. II. 116—117. 1915 г.).

[2]) Сравн. напр. передачу складок в Новг. Палее 1477 г. (л. 100 фигура Исаака) с живописью Периблепты кон. XIV в. (Millet, Monuments byz. de Mistra, Paris 1910. Pl. 118₁. Фигура ангела справа на верху и дрр.). Также переданы складки даже в первых миниатюрах „Жития Николая Чуд.“ Рум. Муз., в которых западное влияние особенно сильно.

[3]) „Изд. Общ. Любит. Древн. Письм.“ 118. СПб. 1902.

[4]) „Изд. Общ. Любит. Древн. Письм.“ 93. СПб. 1892.

[5]) „Изд. Общ. Любит. Древн. Письм.“ 28. СПб. 1888.

хотя и перерабатывает их в русском духе, но остается вполне изолированной среди современных ей миниатюр и икон конца XV — нач. XVI вв., как и западная трактовка пространства некоторых миниатюр Жития Николы (лл. 3, 4^V, 5^V и др.). Несколько иначе обстоит с новгородской Палеей; западные черты не пробиваются здесь с такой силой наружу, и ряд миниатюр строго выдержан в русско-византийском стиле.[1]

Западное влияние сказывается в Палее прежде всего в архитектуре с везде подымающимися килями, фиалами и розетками (л. 352). Наличность готической архитектуры представляет большой интерес потому, что она впоследствие переходит в миниатюру XVI в. и встречается часто в школе миниатюристов, основанной в Москве арх. Макарием. Для нас важно выяснить, что принесла с собой эта архитектура и какое значение имела в развитии пространства русской живописи. В новгородской Палее отдельные здания изображены нередко в „правильной переспективе" и, глядя на них, мы чувствуем себя перенесенными в мир рационалистическаго пространства Ренессанса:[2] но как только мы начинаем воспринимать всю композицию в целом, мы замечаем, что наш миниатюрист, как и все последующие мастера XVI в., компонуя группу зданий, не считался с одной общей точкой схода. В результате перед нами такое же динамическое пространство, которое столь характерно для Кахрие Джами, Мистры и отчасти русских икон. Мастер новгородской Палеи обогащает запас своих архитектурных форм западными мотивами, но распоряжается ими по своему, так как его учили византийские мастера, которые в эпоху Палеологов почерпали этот способ передачи пространства из ранне-византийских рукописей, сохранявших эллинистическую традицию. Только по этой причине, что русский миниатюрист не забывал своих византийских образцов, он решился перекинуть с здания с готическим шпилем ткань (velum обычный в византийских миниатюрах) на колонну эллинистическаго происхождения.[3] Даже в первых листах Жит. Ник. Чуд., относительно которых предполагали, что они принадлежат

[1] Таков малоискусный мастер миниатюр на лл. 1., 35^1, 37^1, 38^1, 43^1, 44^1, 55^1. Композиции как 82^1 и 396 лл. — не отражают западных влияний.

[2] Напр. „Ноев ковчег" (л. 59^1).

[3] „Исаак благославляет Якова" л. 100.

иностранному мастеру, мы то и дело встречаем обратную перреспективу (ос. ясно л. 10), которая вполне господствует в последних листах. Путем еще большей стилизации миниатюре XVI в. удавалась теснее слить западные и византийские мотивы.

В новгородской Палее мы встречаем также отдельные фигуры или целые композиции несомненно западнаго происхождения; они конечно несколько утрачивают свой западный облик, но даже в таком переработанном виде не переходят в обиход древне-русских мастеров: в царской школе миниатюристов (напр. Житие Нифонта сер. XVI в., Москва, Истор. Муз.,[1]) фигуры гораздо чаще напоминают византийскую живопись XIV в.

Немецкая гравюра на дереве, которая получила широкое распространение в XVI—XVII вв., хотя и оказала значительное влияние на Руси, но „не создала особаго стиля, то местами сбиваясь на прорись к иконе, то на немецкий лубок."[2])

Когда в XVII в. окончательно побеждает[3]) западное искусство со всеми эффектами светотени, пространства и передачи материала, то для этого потребовалась новая волна влияний. Старые уроки XV в. (Кенигсбергская летопись и новгородская Палея) и XVI (Житие Николы, Москва, Рум. Муз.) пропали при этом даром и никакой роли в этом процессе не сыграли.

Новгородские фрески XIV в. настолько тесно примыкают к византийским и юго-славянским росписям, что о непосредственной зависимости от западнаго искусства не может быть и речи. Повидимому целая школа греков-живописцев работает в кон. XIV в. в Новгороде, и среди них выделяется крупная фигура прославленнаго еще современниками мастера Өеофана Грека.[4]) И все же путем детальнаго анализа

---

[1]) „Описаніе памятн. Имп. Р. Ист. Музея. Житіе Нифонта" Москва 1913.

[2]) Некрасовъ А. И. „Конспектъ курса исторіи древне-русск. иск." Москва 1917, стр. 47.

[3]) Напр. Ев. 1689—93 в Патриарш. Ризн. (Атласъ по истор. др. р. иск. Некрасова" вып. III, № 41.)

[4]) Новг. росписи: црк. Өедора Страт. (ок. 1370) (Окуневъ, Изв. И. Арх. Ком. XXIX 88, Анисимовъ, „Старые годы" 1912, Гордѣевъ „Визант врем." 1917, Грабарь op. cit. VI стр. 168—83). Успенье на Волот. поле [1363] (Мацулевичъ „Памятники др.-русск. иск." вып. IV, p. 159—168). Спасо-Преобр. соб. [1474]), (Грабарь „Өеофан-Грек", Москва 1922, Грабарь, op. cit. VI, p. 184).

Д. В. Айналов[1]) пришел к заключению, что в „Воскресении Христовом" в црк. Успения на Волотовом поле (1363 г.; бл. Новгорода) имеются черты западной иконографии. Но для нас особенно важно, что сам же Д. В. Айналов полагает, что эти черты попали в Новгород не в результате непосредственнаго влияния западнаго искусства, а были сначала переработаны византийскими мастерами (м. б. в Константинополе) и уж затем пересажены на русскую почву. Поэтому западные иконографические черты не сопровождаются чертами западнаго стиля. Переходя через ряд рук, западные иконографические мотивы в конце концов облекались в византийскую форму. Именно по этой причине такие фрески Волотова, как „Воскресение", в которых отдельные фигуры, построение пространства, колорит и характер живописнаго мазка ничуть не отличаются от тех композиций той же росписи, которые в иконографии ни в чем не отступают от старых византийских образцов и даже полны эллинистических воспоминаний.[2]) Лаборатория, в которой частица западной иконографии перерабатывалась в неовизантийском стиле, была повидимому не на Руси.

В XVI в. положение дел в основном не меняется; если в фресках Ѳерапонтова мон. (1500—2)[3]) по сравнению с новгородскими циклами фресок XIV в. чувствуется шаг, который русское искусство сделало за одно столетие, то бесспорно, что этот шаг обусловливался не западным влиянием, скорее наоборот — в спокойных уравновешенных композициях, в противовес к полному движения стилю фресок Волотова поля, чувствуется воспоминание о монументальном стиле византийских мозаик XI—XII вв.[4]) Такое симптоматическое воспоминание о византийском искусстве Македонской эпохи в столь позднее время не может вызывать удивления, так как нам известен факт, что как раз в XVI в. в рукописном орнаменте наблюдается возвращенье к приемам, характерным для византийских рукописей XI—XII в. (золотые перегородочки, синий

---

[1]) Айналовъ, Д. В. „Византійская живопись XIV в." Зап. Клас. Отд. Р. Арх. О-ва IX, стр. 191.

[2]) Сравн. „Воскресенье" с „Рождеством Хр." с античным пастушком (Айналовъ op. cit, 215).

[3]) Георгіевскій В. Т. Фрески Ѳерапонтова монастыря, СПб. 1911.

[4]) Сравн. напр. „О тебе радуется" Ѳер. мон. (Грабарь, op. cit. VI, p. 59) с миниатюрой гомилий Якова Коккиновафскаго (Vat. 1162 fol. 6 и Paris, 1208 f. 8) (изд. Beissel, Vatic. Min. Taf. XV, Venturi, Storia dell'arte it. t. II fig. 334—5, Stornajolo, Miniature delle omelie di Giacomo, Roma, 1910).

тон и т. д.), а в иконах — к старым иконографическим типам.[1])

Иконопись, словно святая-святых древне-русскаго искусства, еще больше охраняется от внешних воздействий, чем фреска или миниатюра. Впрочем, с самаго начала мы наталкиваемся на факт, который стоит повидимому в противоречии с выставленным положением. В самом деле, знаменитая икона Троицы (Три ангела у Авраама) в Сергие-Троицкой Лавре Андрея Рублева (нач. XV в.)[2]) точно соединяет сиенскую грацию Симоне Мартини с одухотворенными ликами Дуччьо, претворяя все это в национальный русский стиль. Но после того, как Г. Милле справедливо отметил, что эта грация Рублева находит себе прообразы в византийской живописи XIV в. (в част. в фресках Периблепты),[3]) а к ликам ангелов мы нашли ближайшую аналогию в аристократической псалтыри мон. Пантократора на Афоне (№ 49 1084 г. „Три отрока в пещи"),[4]) для нас не может быть сомнения в том, что Рублев не видал ни икон С. Мартини, ни Дуччьо и во всяком случае не стоит с ними в непосредственной связи. Если икона Троицы все же выделяется в наших глазах из всех русских икон XV в., даже тех, которые ей ни в чем не уступают, если эта икона продолжает все же напоминать нам произведения итальянских мастеров треченто в чем то таком, что мы не можем свести ни к стилю, ни к иконографии, то происходит это благодаря индивидуальной трак-

---

[1]) В противоположность к большинству визант. и русск. мин. и икон XIV—XV вв., в кот. Иоанн Бог. диктует своему ученику Прохору сидя, в иконе 1601 г. (Собр. В. Гурьянова. Изд. у Грабаря op. cit. VI. стр 361) находим стоящаго Иоанна Б., мотив обычный как раз в виз. иск. XI—XII вв. (См. „Жития свв. Симеона Мет." XI—XII вв. Брит. Музея Add. 11870 изд. у Dalton'a »Byz. art. & arch.« Fig. 159. Евангелье XII в. Афин. Нац. Библ. Nr. 93 изд. у Buberl'a op. cit. T. XX. 51.) В композиции Преображения русский мастер XVII в., (Икона г. Михайлова „Труды Съѣзда художниковъ т. III. 1912. Табл. XXXVII.), забывая о типе эпоху Палеологов с упавшими вниз головой апостолами, распространенном в XV в. на Руси, стоит ближе к византийским образцам XI XII вв. (Срв. с указ. иконой фрески изд. O. Wulff'ом »Die Malereien der Ask. d. Latmos« Taf. IV_4 u. VIII_4).

[2]) Издана почти во всех работах по истории древне-русскаго искусства см. указанья у Сычова („Сборн. въ честь Д. В. Айналова" 1915 г., стр. 58, прим. 1. Кроме того Wörmann. Gesch. d. K., T. IV, 1919 Fig. 174.; Réau, L'art russe, 1922. Подробный разбор иконы в моей работе „Происхождение Троицы А. Рублева", которая в ближайшее время будет частично опубликована на немецком языке под наблюденьем проф. О. Вульфа в »Byz. N. Jahrb.«

[3]) Millet, op. cit. 681.

[4]) Миниатюра издана: Dalton, »Byzant. art and arch.« fig. 278.

говке, тому личному элементу, которым проникнуто насквозь произведение Рублева; это и делает икону подобной произведениям Дуччью, Чимабуэр и др. великих мастеров итальянскаго искусства. — Крупная индивидуальность Рублева находит себе соответствие лишь в лице гениальнаго автора „Слова о полку Игореве".

Почти безрезультатны будут наши попытки найти западные влияния в новгородской иконописи XV в.; напрасно искать в готической живописи силы, двигавшие эволюцию стиля русских икон, и их композиции, колорита и т. д.

К числу редких случаев западнаго влияния в новгородской иконописи принадлежит икона Николая Чуд. с житием в клеймах (1561 г.) из гор. Боровичи (Новг. губ. ныне в Новг. Музее).[1]) По сравнению с обычным типом икон Николы Чуд.[2]) с житием здесь нас поражает обилие клейм (23), в которых изображены не только распространенные эпизоды, как „Ученье Николы", „Избавление колодца от бесов" и т. д., но также ряд таких сцен, которые в иконах изображались крайне редко. Между этими двумя группами клейм наблюдаются в стиле большие отличия. Первый ряд сюжетов, обычных в русских иконах XV—XVI в., по своим художественным чертам вполне примыкает к установившемуся в кон. XV в. стилю, с спокойными композициями и крупными фигурами, упрощенными плоскостями и теплым колоритом с преобладанием киновари, подчиняющей себе все остальные тона. Стоит нам только перевести наш взор на нижние клейма, где рассказаны менее существенные, и потому редко изображавшиеся эпизоды Жития Николы, в частн. на сцену „Пир поганых", чтобы перед нашими глазами неожиданно встала готическая миниатюра, смело перенесенная в икону: за столом пирующий царь со свитой за ним, и „погаными", сидящими справа от него; внизу приближаются три фигурки, столь напоминающие трех царей в готических миниатюрах на тему „Поклонение волхвов". Киноварь — цвет русской иконописи — уступает место синему, излюбленному цвету готики, который предпочитала избегать новгородская иконопись

[1]) Часть иконы не представляющая для наших целей особаго интереса издана у Грабаря op. cit. том VI стр. 300.

[2]) Напр. Собр. Остроухова (Грабарь op. cit VI, 245), собр. Морозова (Гриценко, Русская икона... Москва 1917, стр. 176 и 178, Новгородск. Музея) Георгіевскій „Свѣтильникъ", 1915, стр. 4.

XV—XVI. Соответственно этому золото заменяется серебром Наконец, фигуры не имеют ничего общаго с теми стройным фигурами, которые из византийскаго искусства Палеолого перешли на Русь; перед нами настоящие северные люди с всеми характерными для них жестами и манерой себя дер жать. С готической грацией царь, восседающий на троне, пе рекинул одну ногу на другую; и мы узнаем типичный готи ческий мотив, обычный в монументальной скульптуре, в сло новых костях и в миниатюре.[1]) Здесь западное искусство н лишено окончательно своего специфическаго аромата; ху дожник понял эстетическое значение мотива перекрещиваю щихся ног, тогда как в новгородской Палее 1477 г. и в одно русской иконе XV в.[2]) тяжелая византийская одежда, ниспа дающая до пят, нейтрализирует выразительность готическаг жеста, сводит его на нет. В рассматриваемой нами иконе ху дожник сумел готическую миниатюру превратить в икону Но не следует забывать, что такое превращение стало воз можным лишь во вт. пол. XVI в., когда русский иконо писный стиль потерял обобщенность и упрощенность, свой ственные XV в., и становится мелочней, вычурней ,,миниатюр ней“. И другие сцены жития Николы, к которым наш масте не находил образцов в иконописи XV в. и должен был соз давать из своей фантазии, выполнены в том же мелочно стиле, хотя в них и нет следов заимствования из готики Обращение к готической миниатюре диктовалось внутренни предрасположением русскаго мастера; он заимствовал готи ческий мотив может быть для того, чтобы ярче обрисовать пир поганых,[3]) но решился на эту смелость потому, чт стиль конца XVI в. не был настолько чужд готике, ка

---

[1]) Tikannen. »Die Beinstellung in der Kunstgeschichte«, Helsingfors 191 См. также шимпан южн. портала Соб. Париж. Бог. (Michel, Hist. de l'art I p. 178) и в миниатюре (Omont, »Psautier de St. Louis« Tab. XIX). Dr. H. vo der Gabelentz, соглашаясь со мною в том, что в фигуре царя сказалос готическое влияние, любезно мне сообщил, что подобная форма трон встречается на Западе в кон. XIV — нач. XV в.

[2]) л. 122[1]; близкая к указанной миниатюре икона Музея Алекс. I в СПб. (Грабарь, op. cit. 256 стр.).

[3]) Из западнаго искусства обычно заимствуются фигуры „неверны царей“ или фараона; а в одной иконе (Грабарь, op. cit. 259 стр.) — п наблюденью Муратова, воинов, которые должны придать сцене борьб Георгия с драконом оттенок таинственнаго и чудеснаго. С др. стор. в „Хожд Иоанна Бог.“ собр. Н. П. Лихачева (кон. XV в. л. 13. „Изд. Общ. Люб. Д Письм.“ 130 СПб. 1911) западный мотив находим в фигуре женщины, о чаянно оплакивающей юношу, удавленнаго бесом.

конопись XV в. Да и самая готика здесь — не настоящая ранцузская готика XIII в. с поразительно динамической инией и вытянутыми пропорциями фигур. Все здесь спокойей, почти нет пересечений, не так тесно расположение фиур. Наконец особенно важно, что случаи, подобные расютренному, остаются в истории русской иконописи изолиованными,[1]) и не сыграли сколько нибудь существенной роли том процессе завоевания западным искусством симпатий усских, который в XVII в. протекает в Москве. Если свой тиль, композиции и колорит новгородская иконопись пеедала в XVI в. в Москву, то западные влияния явились десь в результате новой волны и новых образцов, из друих источников. Любопытно, что и в XVI в. многие черты ападной иконографии, проникли в русское искусство не из ап. Евр. непосредственно, а в переработанном виде из виантийских рукописей того же времени. [2])

Рассматривая некоторые памятники древне-русскаго скусства XV—XVI в., мы имели случай убедиться, что уже эту эпоху можно с полным правом говорить о влиянии ападнаго искусства на русское; но влияние это осит несколько своеобразный характер, который необходимо ейчас же определить точнее. В истории средневековаго искусва наблюдается несколько типов влияний. Известен факт лияния французской монументальной скульптуры в Герании XIII в.[3]) Мы представляем себе немецких мастеров, утешествующих по Сев. Франции и зарисовывающих в заисную книжку отдельные мотивы, композиции и т. п., чтобы ернувших на родину воскресить в своей памяти виденное. ти мастера создают целую школу скульптуры, которая значительной степени предопределила дальнейшее развитие емецкаго искусства. Несколько другой характер носит виантийское влияние, которое мы находим в немецком искусве нач. XIII в. Созданная в Саксонии школа миниатюры [4])

---

[1]) Та же сцена в „Житіи Николы Чуд.“ в Рум. Музее в Москве не меет с новгородской ничего общаго.

[2]) Д. В. Айналовъ, Исторія русской живописи с XVI — до XIX в. Вып. I, р. 35.

[3]) A. Goldschmidt »Zur Stilentwickelung der romanischen Sculptur chsens«, Berlin, 1912. S. 46.

[4]) A. Haseloff. »La miniature allemande dep. la fin du XII jusqu'au XIII s.« »Histoire de l'art« par A. Michel, II t., 359 p.

не оказалась столь плодотворной для развития немецкой живописи. Но все же перед нашими глазами целая школа, от которой сохранилась целая группа памятников, отмеченных печатью одного и того же стиля. В этих двух случаях можно поэтому смело говорить о влиянии, как результате внутренняго предрасположения,[1]) влиянии, которое лишь дает возможность выявиться скрытым тенденциям.

В русском искусстве XIV—XVI в, ,,западное влияние" играет иную роль. Прежде всего характерна его разрозненность. Западное искусство не пускает до XVII в. корней. Отдельные случаи западнаго влияния не создают школ и традиций, и поэтому не меняют хода эволюции русскаго искусства, не говоря того, что не служат его предпосылкой. Одна ласточка не делает весны. По этой причине, потому что отношение русских к западным памятникам диктовалось внутренним предрасположением и сознательным выбором, мы находим, что в скульптуре отдавалось предподчтение романскому стилю перед готическим; а готическую миниатюру решается использовать утонченный мастер XVI в. м. б. лишь потому, что она была представлена поздним образцом.

Кроме немногих приведенных нами выше примеров, можно было бы указать еще на целый ряд фактов западнаго влияния. Сколько памятников русскаго искусства не исследовано с этой точки зрения. Но даже то, чем располагаем мы, доказывает, что впечатление ,,особаго художественнаго мира", которое возникло после открытия древне-русской иконописи оправдывается. Древне-русское искусство оставалось в конечном счете чуждым тому западно-европейскому искусству, с которым оно имело возможность познакомиться ближе. Основной источник русскаго искусства — восточное-христианское искусство в самом широком смысле этого слова, а в частности для иконописи — византийская живопись эпохи Палеологов,[2]) предопределил органическое развитие древне-русскаго искусства, сущность котораго раскрывать здесь не место, но в котором западные влияния носили характер отдельных эпизодов,

---

[1]) Worringer W., »Formprobleme der Gotik«, Vorwort zur 2. u. 3. Auflage.

[2]) Срв. указанье A. Heisenberg'a (»Die Grundlagen der byzantinischen Kultur« в »Neue Jahr. f. d. klass. Alt.« XXIII (1909), p. 196—208) на единство источника развития византийскаго искусства, чем обусловливается его недоступность для всяких влияний.

равда, представляющих большой интерес для историка. Было ы желательным, чтобы в дальнейшем этой проблеме уделяось бы бóльше внимания специалистами по русскому и западному искусствам, но исследователи не должны забывать, го решенье этой проблемы никогда не раскроет главной загадки древне-русскаго искусства.

М. В. Алпатов.

Kritiky a referáty.

Des rapports linguistiques slavo-roumains.

(Voir »Slavia«, I, p. 485—494 et »Revue des Etudes slaves«, III, p. 59—77.)

Sous ce titre je me propose de réunir, de temps à autre, des comptes rendus sur les publications traitant les questions qui entrent dans ce cadre. L'interêt pour l'élément slave du roumain devenant de jour en jour plus vif, il est nécessaire de signaler aux savants slaves qui ne sont pas à même de s'occuper de travaux écrits en roumain, les résultats auxquels on a abouti en Roumanie.

Je commence aujourd'hui par l'analyse de deux mémoires de M. Cancel qui vient de succéder au regretté Bogdan dans la chaire de linguistique slave à l'Université de Bucarest.

I.

P. Cancel, Despre »Rumân« şi despre unele probleme lexicale vechi slavo-romane. Bucureşti, 1921, p. 95 + 1. 8°.

L'auteur, se basant sur une assez large information linguistique, examine d'abord la première syllabe de mot *rumân* > *romanus*. Il s'efforce de démontrer que le changement de $\bar{o}$ > *u* est dû à la prononciation des anciennes populations préromanes des Balcans. C'est la même manière de voir qu'on avait déjà suivie pour expliquer $\bar{u}$ > *ü* dans le territoire galloroman ou pour justifier l'article postpositif en roumain, bulgare et albanais. On était tenté d'admettre, ici aussi, des survivances de prononciation ou de syntaxe préromanes. Mais, comme c'est toujours le cas de telles suppositions sont extrêmement difficiles à prouver. La théorie de M. Cancel elle-aussi soulève de graves objections. Sa première assertion déjà que le phonétisme *u* pour *o* ne se rencontre pas en latin, est inexacte *rumanus* étant confirmé sur un graffito de Bosnie.[1]) Les cas de passage de *ó* > *u* ne sont pas, du reste, rares en latin vulgaire. Cela se rencontre non seulement en Dalmatie, mais aussi dans d'autres provinces de l'empire. Or, il est tout à fait superflu d'invoquer, comme le fait l'auteur p. 11 les noms thraces tels que *Rumitalca* etc. pour *o* > *u*. D'autres formes romanes présentant *o* > *u* dans le mot en question, telles *rumontsch* p. e. ou *Ruma* en Istrie et en Ligurie, ne surprennent nullement. *u* en ture *urum* etc. remplaçant sans aucun doute le grec *ω*, doit être écarté de la discussion. *Ruma* pour *Roma* d'un grammairien cité par Schuchardt s'explique par la nasale suivante.

[1]) Cfr. mes Pojave vulgarno-lat. jezika na natpisima rim. prov. Dalmacije p. 27, § 32.

Ce qu'il faut en tout cas admettre, c'est qu'il est fort possible que a prononciation de *ọ* > *u* était assez répandue dans la latinité des pro-·inces, dans l'occident aussi bien que dans l'orient de l'empire. Gothique *Ruma, Rumōneis* (p. 23 sq.) le dit clairement. Mais ce qui me paraît ûr, c'est qu'il ne faut pas invoquer, à ce propos, les formes slaves *юумимнъ, роимы, роимъска* que l'auteur semble rattacher à tort à la orme roumaine (§ 16). Ces formes n'ont rien à voir avec la fermeture le *o* devant les nasales dans le latin vulgaire. Elles ne proviennent pas le cette langue. *Ruminъ* comparé à *židovinъ* < *judaeus* + *inъ* où la erminaison slave bien connue (cfr. *Srbin, Bugarin* etc.) a élargi un djectif étranger dont *-aeus* à été identifié au suffixe *-evъ*, ce qui, à son our, avait pour suite le changement du suffixe (*-ovъ* pour *-evъ* après la onsonne non palatale), nécessite la même explication. Les deux cas sont bsolument identiques. En slave, il n'est pas rare qu'un adjectif étranger ésignant la nationalité devient élargi au moyen de ce suffixe: cfr. *maurus* > *norus* > *murinъ* = aethiops. *Ruminъ* lui aussi suppose nécessairement n adjectif étranger. Cela ne peut être que le grec *ϱωμαῖος* = *ϱωμεύς* = *romanus,* latinus« (Sophocles, Greek Lexicon), plus tard »graecus«. Cet djectif grec enrichi de *-inъ* slave a tout régulièrement abouti au substantif et à l'adjectif slaves, *u* slave remontant à *ω* : ex. *poplun, aravuna, lrmun* < *δϱυμών*, *Pidruto* < *Παιδέϱως*,[1]) cfr. aussi des graphies recques des noms slaves telles *Κλάβωκα* pour *Klobuk* chez Constantin.

Le résultat de la première partie de cette étude ne peut, par conéquent, ètre que raté, bien qu'il y ait ça et là des observations justes.

Dans sa seconde partie, plus riche en observations et plus intéressante our notre sujet, ce sont quelques mots du vocabulaire roumain consiérés jusqu'à présent généralement comme des emprunts faits au slave qui onnent sujet à ses examens. M. Cancel souligne les difficultés, pour la lupart d'ordre phonétique, qui semblent infirmer l'origine slave des mots n question. Le manque de la métathèse liquide en *baltă, garϑ* en roumain e même qu'en albanais, — cette metathèse est ordinairement maintenue ans les éléments slaves du vocabulaire roumain,[2]) — parle, suivant lui, ontre l'origine slave de ces mots. Je ne partage pas cet avis de l'auteur. Quant à *baltă*, il ne faut pas invoquer l'existence de *palta* REW 6177 ans les dialectes italiens comme une preuve décisive contre l'origine lave du mot roumain et albanais. Ce *palta* dont l'aire couvre à peurès l'ancien territoire de Vénètes contient vraisamblablement la même acine que lat. *palus*. Il est peut-ètre apparanté à *πάλκος* et au lit. *pélkė*. *Palta* semble être formé de la même racine que ces mots-ci, seulement u moyen du suffixe *-t* (cf. Boisacq, D. étym., p. 742 s. v. *παλάσσω*. Valde[2] s. v. *palus*). Il est, par conséquent, bien probable, que ital. *palta* 'ait rien à voir avec *balta* en roumain, dalmate et albanais. Quant au nanque de la métathèse liquide, c'est un fait secondaire. On le constate ussi en roum. *daltă* qui ne réfléchit sûrement pas un ancien slave **dalto*,

[1]) Cfr. mon article dans les mélanges Bulié, Strena Buliciana, p. 294.

[2]) Cfr les mêmes raisons exprimés par Capidan pour rejeter l'origine lave de *baltă, gard* dans Dacoromania, II, p. 461 sq.

mais représente un fait roumain où *al* pour *la* a été amené par le manque du groupe consonantique *dl* à la position initiale dans cette langue. Suivant cette explication, on ne pourrait s'attendre au même résultat en *blato*, puisque *bl* existait en roumain depuis la période du latin vulgaire (cf. *blandire* > roum. *îmblînzi*). Quelle raison aurait pu entraîner la métathèse en *blato* > *baltă*? Je n'en sais rien. Le problème reste à resoudre. En tout cas, *palta* ne saurait nous expliquer *b* pour *p*.

Quant à roum. *gard*, alb. *garϑ*, les raisons que l'auteur apporte contre l'origine slave ne sont pas non plus convaincantes. Il est vrai que le mot slave[1]) n'a pas la même signification qu'en roumain et en albanais. Mais il ne faut pas oublier que la même racine précédée d'autres préfixes *(ograda, zagrada)* a donnée en slave les mêmes significations que le mot celtique *dunum* = allemand *zaun*. On peut se demander, il est vrai, pourquoi le mot roumain et albanais n'a pas conservé la signification yougo-slave de *gradъ*? Cela tient sans doute à ce que les Roumains et les Albanais possédaient pour la signification du slave *gradъ* le mot latin *civitate* > roum. *cetate*, alb. *k'utét*. La synonymie de *civitate* et de *gradъ* dans les deux langues a causé le changement sémantique du dernier. Comme les Roumains et les Albanais étaient pendant tout le moyen âge des pâtres nomades et n'habitaient pas les villes du litoral, pour la plus-part latines, la ville fortifiée médiévale (c'est le *gradъ* serbocroate) de l'intérieur slave pourrait très bien être considérée par cette population montagnarde comme un endroit qui est enclos (d'une haie, d'un mur etc.). C'est donc un fait d'ordre historique et géographique qui nous aide à comprendre ce changement sémantique et qui mériterait d'être étudié une fois avec des détails beaucoup plus amples que je ne les apporte à présent.

La métathèse de *ra* > *ar*, ici aussi, est un fait roumain qui trouve son analogie en *gîrniță* »chêne« pour *granica*.[2]) Il est d'ailleurs fort possible qu'il se soit produit d'abord dans la syllabe inaccentué, p. e. en *gărdui*.

En tout cas, la métathèse secondaire de *ra, la* > *ar, al* qu'on constate en même temps en roumain et en albanais, nous fait penser que l'emprunt s'est effectué dans les contrées et au temps où les Albanais et les Roumains vivaient en commun.[3])

Dans la suite, il donne des réflexions sur *cătun, groapă, jupân, sâmbată* et *troian* sur lesquels j'espère revenir à une autre occasion.

II.

P. Cancel, Termenii slavi de *plug* in daco-romana. București, 1921, p. 63, 8°.

Le sujet de l'auteur était fort intéressant. Il nous manquait jusqu'à présent une étude spéciale qui prît en consideration dans leur ensemble

[1]) Cfr. d'ailleurs en russe *gorodъ* »enclos, jardin, mur«, en ukraïnien *horód* »jardin«.

[2]) Revue des Etudes Slaves, III, p. 69.

[3]) Un compte rendu favorable à l'opinion de l'auteur sur *baltă*, *garϑ* dû à la plume de M. Capidan se trouve dans le dernier volume de Dacoromania II, p. 806—810. M. Capidan a raison de contester tout rapport de *rumîn* avec goth. *rūmōneis*.

termes slaves des différentes parties de la charrue roumaine. Cette ıde très nécessaire qui devra une fois être suivie d'autres consacrées même sujet du domaine yougo-slave, l'auteur l'a conçu principalement point de vue purement linguistique, l'examen de l'appareil même y étant peine effleuré, ce qui s'explique par le manque total des renseignements r les appareils agricoles des Roumains des temps anciens.

Après avoir parcouru chaque terme à part (nro 1—14), l'auteur nous nne au § 15 une classification de ces expressions où il distingue les oupes suivants:

1° les termes qui se sont généralisés dans le territoire daco-roumain;

2° ceux qui n'y sont employés que dans quelques contrées;

3° ceux qui sont communs au roumain et au bulgare ou au serbe au roumain;

4° les termes slaves identiques en roumain et en hongrois. Chemin sant, il relève le fait sans doute très remarquable qu'aucun de ces termes se réfléchit dans l'albanais actuel. Il passe ensuite aux remarques chronogiques où il prend pour le point de depart la date aproximative des angements de *y* > *i*, de *ę* > *e* en serbe et en bulgare et la métathèse *lt* > *tlat*, ce qui lui permet de conclure que les termes en question sont trés en roumain dans la seconde moitié du XIIIe siècle. Cela s'accorde peu près avec la date qu'admet Bărbulescu[1]) pour l'élément slave du umain en général. Il croit, ensuite, pouvoir préciser de plus près le milieu le pays d'où venaient en roumain ces expressions. Ce sont, dit-il, les eliers de Transylvanie où l'on fabriquait des charrues et qui fournissaient même temps les objets et leur dénominations. Ce ne sont pas les Slaves la vie commune (la symbiose) des Slaves et des Roumains qui a donné issance à ces emprunts, mais un milieu industriel. Le moment qui semble utenir sa thèse, c'est que la Transylvanie, en effet, a dû être anciennement ilingue.

Ces termes slaves du roumain, bien qu'il soient assez nombreux, ne oivent, suivant lui, aucunement être considérés comme preuve que la notion ême de la charrue et la culture agricole en général étaient empruntées aux aves, car il existe, dans le roumain, une quantité d'expressions agricole pure origine latine *(aratu, grapă, sapă, furcă, secere)*.

Il finit par développer quelques principes méthodologiques qu'on st tenu d'observer en étudiant l'élement slave du roumain. Il faut, dit-il, oandonner le préjugé enraciné que tous ces éléments sont d'origine ılgare. On est obligé, avant tout, de se garder de toute hypothèse préonçue sur le territoire où s'est formée la langue roumaine. Il est néessaire d'établir d'abord pour chaque mot d'origine slave, s'il s'est généralisé ou s'il est régional, ou, comme on le dirait aujourd'hui, son aire éographique. On procède ensuite à l'étude des correspondants slaves, ongrois et albanais. Ces principes dont on ne saurait contester la valeur,

[1]) Cfr. son article dans le Zbornik u slavu Jagića, p. 446 sq. où il expose, ontre Miklosich et d'autres, sa thèse sur la chronologie des mots slaves du oumain. Suivant le résultat de son analyse des reflexes roumans de *ь*, *ъ*, *ǫ*, *y* et de *ѣ*, ce n'est qu'après le IXe siècle que les slavismes commencent pénétrer le roumain.

auraient sans doute amené l'auteur, s'il avait poussé plus loin ses recherches, à postuler la nécessité d'établir les centres d'irradiation de certains mots slaves. Mais, malheureusement, les études slaves ne sont pas encore orientées vers la géographie linguistique que cultive en France avec tant de succès l'école de M. Gilliéron. La lexicologie des Slaves balcaniques n'étant pas assez développée, il nous manque la condition préliminaire et indispensable pour une synthèse de ce genre. C'est la richesse des matériaux à examiner qui fait défaut. Personne ne songe encore à la nécessité d'un atlas linguistique yougo-slave.

Il y a lieu cependant de faire quelques remarques de détail. Je ne suis pas tout à fait disposé de me ranger du côté de l'auteur, quand il se borne exclusivement aux expressions de la charrue. Une étude plus vaste montrerait que les expressions de ce cadre sont beaucoup de fois en rapport avec celles de différentes parties du char, cf. en gaulois *carrus* — *carruca*. Ce qui montre cela c'est p. e. l'expression pour le crochet d'attache du timon qu'on appelle non seulement *corlobaie, gârloafă, cocârțeală* dont l'auteur n'étudie que les deux dernières, mais aussi *cîrceie,* mot d'origine sûrement yougo-slave, correspondant du čakave *krčȅl* (l'accent est de Žumberak), *kȑčel* en Krk (Ak. Rj., V, s. v.), en Lika *krčelo, krčele,* ou, avec la variante du suffixe, *-ale*, en slovène *kŕčalo* (Pleteršnik), à côté de quoi existent aussi les formes avec *p* au lieu de *č*: *kȑpele* f. pl. (Ak. Rj. V), en Žumberak *krpȅl*, d'où le verbe *krpeľiti,* en slovène *krepêlo, krepeliti* (Miklosich, Et. Wbch., p. 138, Berneker, Et. Wbch., p. 610 s. v. *krepelъ*). Tous ces mots vont ensemble.[1]) *cîrceie* est évidemment refait d'après le pluriel vieux-slave *krčeli* > *cîrceĭ*. *Cocârțeală*[1]) semble se rattacher à *krčalo* dont le commencement est amplifié de *co* d'après *cârja* à côté de *cocârjă*.[2]) *Gârloafă* et *corlobaie* sont en rapport peut-être avec *krpele*. Il n'y a qu'à admettre la metathèse de *p* — *l* > *l* — *p*[3]) et le changement de *p* en *f* (cf. *corfă* = serbocroate *kórpa*) ou *b*. *corlobaie*[4]) paraît, en outre, amplifié du sufixe *-aie* = slave *-ańa* (cf. *tigańa* > *tigaie*). Je ne me dissimule pas les difficultés phonétiques qui restent encore à élucider dans ces rapprochements. *ț* pour *č* (cfr. pourtant slovène *kŕcel*, gen. *krcla* chez Pleteršnik); *o* pour *e*; *f*, *b* pour *p* sont vraiment des phénomènes inouïs. Mais il est bien probable que cette obscurité provient du fait que nous sommes actuellement très mal informés sur les formes correspondantes dans les dialectes slaves et hongrois.

---

[1]) D'où le verbe dénominal *cârcĭeà* »zusammenkrampfen« (Tiktin). Dumke p. 79, au contraire, considère *cîrceĭe* comme déverbal de *cîrceì*, ce qui n'est pas justifié par le slave.

[2]) Cfr. encore *cocârlă* »régulateur de la charrue« (Damé, Nouveau dict. fr. r., v. I, p. 266). Serait-il impossible d'expliquer *ț* pour *č* en admettant l'immixtion de *cocâr(ti)ță* »variété de fromage«. Quant au préfixe *co-* cfr. *kȍvrtań* »orbis« = *vrtâń* »gâteau« (en Žumberak) et Berneker, p. 531 sl.

[3]) Cfr. pour cette rare métathèse p.e. *krļep* à côté de *krpeļ* »melophagus ovinus« A. Rj., V, 596. Ce mot se présente sous des formes très curieuses dont *kršijeļ* ressemble à roum. *cârcel* »Ixodes« (Tiktin, p. 292).

[4]) Dumke p. 79 rattache ce mot à la racine de *cîrlig* »Haken« qui se retrouve encore en *cîrlobat* pour *cîrjobat* de *cîrjob* (sur ces derniers mots v. R. Et. sl., v. II, p. 63, 6), mais *cîrlig* lui-même est bien obscur.

On voit par là suffisamment que les recherches de l'auteur n'étaient s basées sur une profonde connaissance du vocabulaire slave correspon- nt, car ses étymologies *cocârțeală* > *kukara*, *(ârloafă* > adj. *grlovan* 'après Dumke p. 80 vraisamblablement) ne suffisent ni à la phonétique, à la morphologie, ni à la sémantique.

Il est sûr tout de même que *cormană, cormună, corman* ne pro- ennent pas du serbocroate *kòrmān*. Le sens du mot roumain nous renvoie utôt au hongrois *kormány*: *-ny* ayant été considéré comme pluriel ma- ulin ou féminin pour lequel on a formé un singulier *corman* ou *cormană*. *nă* reste quand même obscure.[1]) Ce fait linguistique nous dit que les Hon- ois eux-aussi ont contribué à la nomenclature de la charrue roumaine.

Si *cucură* = *cormană* est d'origine russe, comme le prétend l'auteur, présente une restriction de sens faite par le roumain. Du reste, le mot umain reste encore à expliquer phonétiquement.

Il en est de même de *curmeá* pour lequel l'auteur propose l'ukraïnien *rmá*. Il présente aussi une spécialisation de sens. La forme reste expliquer.

L'auteur aurait dû, ce me semble, ajouter à ses distinctions des termes la charrue encore celle-ci. Il faudrait mettre d'un côté les termes qui ontrent une restriction de sens faite par le roumain et de l'autre ceux nt la signification est égale dans les deux langues. Cette distinction rait une importance assez considérable pour ses conclusions. Cela rpou- rait que les Roumains ont créé de nouvelles expressions pour les diffé- ntes parties de la charrue, tantôt en se servant des moyens latins (ex. *sturnătoare*), tantôt des mots slaves. Pour la grande question de savoir la notion même de la charrue est venue aux Roumains des Slaves ou n, ce ne sont que les mots au sens égal (*otic*, *plaz*, *grindeĭŭ*, *cobilă*, *ug*, *rariță*) qui viendraient en considération.

A côté de *otik* > *otic* en Slavonie, il existe aussi *ȍtka* (l'accent est Žumberak; v. Mažuranić, Prinosi, p. 869). Nous sommes malheureuse- ent mal informés sur l'aire de ce mot. On ne peut pas en conclure i'il y a en roumain des mots qui se sont répandus des aires qui se ouvent aujourd'hui au nord-ouest du territoire serbocroate. Quant à *c* > *g* *otigul*, ce fait se trouve aussi en *orsigă*[2]) etc. et repose sur la pro- nciation dialectale serbocroate *bôk* — gen. *bȍga* . *otik* ukraïnien que uteur rapproche du mot roumain n'a rien à faire avec celui-ci, étant entique à scr. *ȍtōk* »tumor«.

Quant à roum. *plug*, tout rapprochement de la forme allemande nous t interdite. Il en est de même de l'albanais *pl'ug* qui contredit l'affir- ation de l'auteur, p. 31, qu'aucun terme slave examiné par lui ne se ouve dans cette langue. Le mot albanais *pl'uar*[3]) n'a rien à faire avec slave *plug* de même que *pluina*, en Istrie, »arpent«, v. Mažuranić, rinosi p. 954, où la désinence exclut tout rapprochement du slave. *Pluina*

---

[1]) Cfr. *u*, *o* pour *a* hong. en *karoly* > *coroĭŭ*, *coruĭŭ*. *curuĭŭ* (Tiktin, 418) »épervier«.

[2]) Voir Zeitschrift f. rom. Phil., XLIII. p. 191, 10.

[3]) Jokl, Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche s Albanischen, p. 130—141.

est à coup sûr identique à *pyuveina* dans l'Istrie italienne, *pluine*, en frioulan, REW 6609.

L'auteur a très bien signalé, p. 31, le fait qu'il existe une nomenclature de la charrue identique dans le roumain, le hongrois et le slave *(cobilă, grindeĭŭ, potîng)*. De cette liste, il est à écarter *corman*, emprunt fait au hongrois. Il n'existe pas dans la terminologie slave de la charrue. Il en est de même de *cocărţeală*, le rapport avec hong. *kakad* n'ayant pas été démontré. Ce fait parlerait beaucoup en faveur de l'hypothèse que l'auteur a émise à la page 34—38, c.-à-d. que cette terminologie s'est formée en Transylvanie en contact étroit avec les Hongrois. Cette théorie serait appuyée, en outre, par le second fait que l'auteur met en valeur, c.-à-d. qu'aucun des termes examinés par lui ne se trouve en albanais, si cela était exact. On ne peut être, sur ce point-là, trop sûr faute des informations très détaillées. La présence de *plug* en albanais nous permet peut-être de supposer que les emprunts de quelques termes appartenant à ce domaine se faisaient aussi au temps où les Roumains vivaient en contact avec les Albanais.

L'auteur considère, p. 34, tous ces termes comme provenant de certains ateliers industriels de Transylvanie qui fabriquaient la charrue. Cette pensée ne me paraît pas tout à fait heureuse. Je ne veux pas dire que de tels ateliers ne peuvent pas être considérés comme propagateurs de certains expressions. Les temps modernes en donnent assez d'exemples. Mais pour la charrue roumaine la chose n'est nullement prouvée. Qui étaient ceux qui la fabriquaient, où se trouvaient les centres de cette fabrication, nous n'en savons absolument rien. A mon avis, le chemin par lequel ces mots sont entrés en roumain ne peut être que celui qui est donné par la symbiose, par la vie commune des Slaves et de Roumains dans les pays slaves balcaniques, ce qui peut être prouvé, pour le moyen âge, aussi historiquement.

Il reprend plus tard cette espèce des pensées en affirmant que ces termes ne donnent aucun droit à prétendre que l'agriculture roumaine est d'origine slave, les anciens Roumains étant aussi des cultivateurs des champs. Ils connaissaient la charrue. M. Cancel le prouve en invoquant quelques termes d'origine latine ayant trait aux outils agricoles. Ces termes, cependant, pourraient très facilement être connus aux pâtres sans qu'on fût contraint de leur attribuer l'occupation agricole. Ce qui est curieux et qu'il faut accentuer tout particulièrement à ce propos, c'est précisément le fait que les Aroumains dont les ancêtres s'occupaient peut-être de l'agriculture avant l'établissement des Slaves dans les Balcans (au 6e siècle) et qui, depuis le moyen âge jusqu'à nos jours, restaient pâtres, ont conservé le nom latin pour la charrue: *aratrum* > *aratu* REW 602, tandis que le roumain proprement dit, ayant remplacé ce mot par le slave *plug*, n'a conservé que le verbe *arare* > *arà*.

Avant de pouvoir être fixé sur ce point-là, il faudra étudier cette question dans son ensemble avec tous les termes agricoles qu'existent en roumain, ce que Dumke[1]) dont les conclusions sont quelquefois fort sujettes

[1]) Die Terminologie des Ackerbaues im Dacorumänischen. Weigand's Jahresbericht XIX—XX (1913) p. 65—131.

caution, n'a fait qu'en partie. Certes, il est hors de doute que les expressions latines du roumain concernant l'agriculture permettent de supposer e certaine notion de l'agriculture chez les Roumains primitifs, mais la ıle des termes slaves qui entrent dans ce cadre, montre d'autre part ns aucun doute que ces notions ont été considérablement enrichies et mplétées par la symbiose des Slaves et des Roumains qui s'était proite au cours du moyen âge dans les pays balcaniques.

Zagreb. *P. Skok.*

r. *Karel Titz:* **Franc.** *coche,* **špaň.** *coche,* **ital.** *cocchio* = **stč.** *kotčí, kočí (vůz).* Extrait de « Časopis Matice moravské » XLVI, 1922.
— **Ohlasy husitského válečnictví v Evropě.** (Příspěvky romanistovy.) Praha 1922, p. 88. (Sborník věd vojenských, sv. X.)

Les deux études que M. Titz a consacrées aux rapports slavo-romans nt une nouveauté dans le domaine étymologique. Personne jusqu'à lui a envisagé de plus près ce que les Slaves ont apporté aux temps modernes à la nomenclature occidentale du char et de la guerre. La méode qu'il suit dans ses très intéressantes recherches est à la fois storique, philologique et linguistique et les résultats qu'il a obtenus nt sûrs.

Dans la première étude, il passe d'abord en revue les plus anciens entions pour frç. *coche,* sp. *coche,* ital. *cocchio,* all. *Kutsche,* hongr. *csi.* Il en trouve l'origine dans l'adjectif tchèque *kotčí* (sc. *vůz*) »chariot branlant», traduit ainsi dans la Chronique de Jean Chartier (p. 186). *kotčí* est un dérivé de *kotec* »boîte, baraque, échoppe«, parce que ssentiel du charriot ainsi appelé c'était un coupé reposant sur des urroies attachées aux axes de la voiture.

M. Titz a réussi à infirmer l'opinion déjà très ancienne suivant quelle ce mot européen se rattacherait au nom de lieu hongrois *Kocs.* a prouvé aussi que de tels charriots étaient connus et confectionnés XVe siècle en Bohême. Sa thèse suivant laquelle nous sommes ici présence d'un mot dont le centre d'irradiation se trouve en Bohême que ce mot a été répandu en Europe grâce à l'espèce des voitures 'employait la poste de Turn-Taxis, est, par conséquent, tout à fait aisemblable.

J'aurais seulement à ajouter quelques observations de détail concernant étymologies qu'il avait proposées. Comme le mot *kočí,* en tchèque, deux significations: 1. »coche«, 2. »cocher, voiturier«, il faut sans ute admettre deux dérivations différentes. Le premier sens repose idemment sur une dérivation adjectivale au moyen du suffixe *-jь* du bstantif *kotec;* le second demande un nom d'acteur formé au moyen suffixe *-či* (cf. *krejčí, mluvčí*) du verbe *kotǫ, kotiti, kotáceti, kotá-i* »rouler«, *kotati* (kajkave), *kotr̀ļati* (štokave), cf. Berneker, Et. Wbch. 591. C'est, en somme, la même dénomination que *currus* de *curro* latin. C'est à la même racine slave qu'appartient le verbe roumain *tigi,* un dénominal du substantif *cotigă* = *cotiuga* »charriot, tombereau, ant-train« < *kot* + *juga* pour lequel Tiktin, Rum. Wbch., I., p. 423 ne

donne aucune étymologie, mais pour lequel Cihac, II, p. 76 avait déjà entrevu le rapport, en le comparant avec *cocie* < scr., bulg. *kočija.*

L'explication que M. Titz donne de la forme toscane *cocchio* (p. 189) ne peut pas satisfaire. Suivant lui, cette forme aurait été faite pour éviter l'homonymie avec *coccio.* Il n'en est rien. Il faut admettre plutôt que, dans la forme *kočí* venue en Italie sans doute par l'intermédiaire des Allemands à travers la Vénitie et la Lombardie, *č,* considéré comme phonème vénitien, a été toscanisé d'après le modèle vén. *očo* = tosc. *occhio.*

Si le mot *coche* n'est pas d'origine hongroise, ce sont pourtant les Hongrois qui ont contribué à son extention. Les formes yougoslaves reposent sur hongr. *kocsi* + *ja* qu'on ajoute principalement aux mots provenant du turc qui se terminent en voyelle: *odà* > *òdaja, kapu* > *kàpija, kujùndžija* etc. La terminaison hongroise de *kòčiš* = hong. *kocsis* »cocher« corrobore cette pensée.

Le manque de la métaphonie en all. *Kotsche, Kutsche* prouve péremptoirement que le mot est d'origine récente.

Le second mémoire a des proportions plus vastes. Il y aborde, dans son ensemble, la question très importante de savoir ce que les guerres hussites ont contribué au vocabulaire militaire de l'Europe. Ce ne sont pas de découvertes nouvelles que le livre de M. Titz apporte, ce sont plutôt des précisions plus ou moins importantes qu'il donne aux étymologies déjà proposées, il y a déjà longtemps. Ce qui donne une valeur toute spéciale à ses recherches c'est qu'il s'était toujours efforcé d'indiquer la route que le mot hussite a suivi à travers le monde.

Dans le premier chapitre consacré à *píšťala* = *pistole,* il justifie, avec des détails nouveaux, l'étymologie de Štrekelj Arch. f. slav. Phil. XXVI, 408 et apporte des preuves historiques qu'avait demandé REW 6538. Le rattachement de ce mot à la ville de *Pistoia* remonte déjà à Estienne au 16e siècle. Inconnue en Italie, cette arme vient en France à travers l'Allemagne. Le mot français remonte à *petstole, pitschale* allemand. Ce sont principalement les reîtres qui le diffusent dans ce pays où, pour être différent du nom de la monnaie, il reçoit le suffixe *-et.* Ce suffixe n'a pas ici la fonction diminutive. Il sert à la différenciation. Il y a le même emploi que dans le mot *mouchette* pour *abeille* ou dans *clavellus* pour *clavus,* suivant Gilliéron.

M. Titz donne ensuite des indications très détaillés sur le développement de cette arme d'abord en Bohême au temps des Hussites et puis en Allemagne.

Il serait bon de noter à ce propos que le mot italien *pistolese* revêt, en espagnol, la forme *pistoresa* où *r* pour *l* surprend. Je ne sais pas s'il ressemble à celui qu'on a en *ciriegia* à côté de *ciliegia.* Les formes italienne et espagnole me paraissent provenir du français pluriel, du *z* de la liaison en *les pistolets armés.*

Dans son second chapitre, il prouve que la *hakovnice* des Hussites a été d'abord germanisée en *Hackebusse,* forme que les Français prononcent 1. *arquebuse,* en y introduisant *r* d'après *arbalète,* et que les Italiens, à leur tour, toscanisent en *archibugio,* d'où, en tchèque, *arkabuzirka* ; 2. le dialecte messin fait de la forme allemande *hocbus* d'où en français *obus,* tandis

ıe la forme tchèque entre directement en roumain comme *hăcuniță*. Ce ·nt encore les Allemands qui ont donné à *houfnice* la forme *Haubitze*, ıse de l'italien *obice*.

Le troisième chapitre traitant le nom de canon *tarasnice* ne contient en d'important pour les langues romanes. Il en est de même du chapitre ır *cepy* (fléaux). Le cinquième donne des explications sur le nom de bouier hussite *paveza* provenant de l'italien *pavese*. Les Tchèques le transettent aux Roumains (*pavoză*) et aux Polonais (*pavež*). Le sixième ne ontient rien de langues romanes, le septième, consacré à la manière hussite employer des chars dans l'art militaire, n'a pas nom plus d'importance our la linguistique. Il ne fait que mentionner que le »šik vozový« a été nployé une fois aussi en France par le duc de Clèves.

Si M. Titz a introduit dans son étude, au chapitre huitième, aussi des xpressions tels que »*enfants perdus*« = »*verlorene Knechte*« qui fléchissent »*ztracenec*« des Hussites, il faut dire qu'il est fort difficile de ırler ici d'une influence. Certes, de tels expressions peuvent être de calıes linguistiques, mais on ne sait rien au juste d'où elles viennent. Un ıtre calque semblable serait celui qui est traité au ch. IX. C'est l'expression ilitaire *soutien* qu'emploie Agrippa d'Aubigné au sens de »*posilci*« ıssites. L'intermédiaire en serait l'allemand *stärken* d'un *Kriegsbuch* du VIe siècle. Non liquet.

En revanche, c'est le chapitre X consacré à tchèque (hussite) *dráb* fantassin«, d'origine inconnue, répandu en Europe sous la forme latinisée ı moyen du suffixe latin *-ant* (cf. en Croatie *prevarànt* »tricheur« de *revara* »tricherie«): *drabant*, *trabant*, qui contient des précisions beauoup plus intéressantes. Que ce mot soit entré en France par l'intermédiaire es Allemands, cela est prouvé par l'alternance de *t-* et *d-* initiaux en franıis: *trabant* à côté de *draban*. L'auteur a omis de mentionner hongrois *ırabont* ou *darabant* entré en roumain sous forme de *dorobanț* ou *ărăban*.

Ses études finissent par l'examen d'un mot qui n'est sûrement pas diectement emprunté du tchèque par le français, comme le voudrait le savant ıteur. Ce sont les mots *praguerie*, *pragois*, *prageois*,[1]) *pragon* au sens e »mutinerie, mutin«. Le nom de la capitale de Bohême qui a donné aissance à ces mots, a pris, en France, la signification indiquée sous empire des bruits qui circulaient en Europe au temps de guerres hussites ı sujet de leurs actions. C'est absolument le même cas que si, de nos ours, un néologisme, tel p. e. *le bovarisme*, grâce au journalisme très éveloppé, assume une acception spécifiée. Il n'y a pas, dans de tels cas, 'emprunts directes qui se font d'une communauté linguistique à l'autre.

Les études de M. Titz sont intéressantes aussi au point de vue ıéthodologique. C'est parce qu'elles traitent l'histoire des mots qui se ont répandus en Europe dans une période assez récente. De telles études xcluent considérablement le rôle de l'imagination qui a compromis beauoup de fois la science étymologique. Elles nécessitent en même temps ne attention tout spéciale aux recherches historiques, philologiques et

---

[1]) Le changement de *g* en *ž* est dû probablement à *villageois*.

antiquaires. C'est ce que M. Titz a tâché de faire. Il a réussi, de plus, à démontrer que les Hussites, qui, avec Jean Hus, avaient une grande influence sur le développement d'idées en Europe, ont, d'autre part, avec Žižka, contribué considérablement au vocabulaire militaire européen, tout en renouvelant, avec leurs exploits guerriers, l'art de la stratégie.

Zagreb. *P. Skok.*

R. Ekblom: **Zur Physiologie der Akzentuation langer Silben im Slavo-Baltischen.** [Skrifter utgifna af K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala. 22:$_1$] Uppsala-Leipzig, 1922.

In dieser Schrift wird auf induktivem Wege, durch eine Vergleichung der Einzelsprachen, die balto-slavische Tonbewegung der zwei Intonationen langer Silben rekonstruiert, und dann wird auf deduktivem Wege untersucht, wie sich die Intonationen bezw. Quantitäten derjenigen Einzelsprachen, in welchen die alten Intonationen, wenn auch in modifizierter Gestalt, noch fortleben, entwickelt haben. Auf baltischem Boden kommen hier die drei Sprachen, Litauisch, Lettisch und Altpreussisch, in Betracht, auf slavischem nur das Serbische, Slovenische und Čechische.

Der induktive Teil der Untersuchung wird wohl allgemeine Zustimmung finden. Dass die sogenannte Intonation I. (lit. *var̃nas*, russ. *vóron*), welche andere Zirkumflexus nennen, sowohl im Urbaltischen wie im Urslavischen fallend gewesen ist, im Gegensatz zum Akutus oder Inton. II. (lit. *várna*, russ. *voróna*), welche steigend war, daran kann bloss derjenige zweifeln, welcher das Zeugnis des Litauischen höher einschätzt als das einstimmige Zeugnis aller anderen baltischen und slavischen Sprachen; und ein solcher Glaube an die Altertümlichkeit der litauischen Tonbewegung ist um so weniger begründet, als in einer früheren Arbeit Ekblom nachgewiesen hat, wie weit gerade in dieser Hinsicht die litauischen Dialekte auseinandergehen. Wie Ekblom glaube ich weiter, dass die urbaltischen und urslavischen Intonationen ^ und ʼ bereits in einer noch älteren »baltoslavischen« Periode bestanden haben; dieses »baltoslavische Problem« hat aber für die von Ekblom behandelten Fragen eine untergeordnete Bedeutung.

Der deduktive Teil der Untersuchung stützt sich auf einige Beobachtungen und Hypothesen des Verfassers bezüglich Tonbewegung und Tonhöhe. Er meint, dass in gewissen Sprachen eine Neigung zu einer parallelen Entwicklung der zwei Intonationen wahrnehmbar ist, d. h.: wenn der ursprünglich steigende Ton (»der im allgemeinen durch eine gleichmässig aufwärts steigende Tonkurve charakterisiert zu sein scheint«) sich zu einem noch stärker ansteigenden Tone entwickelt, so geht zugleich der fallende Akzent (»der ... im allgemeinen zunächst einen kurzen, ungefähr wagerechten (ebenen) Teil und danach einen längeren, abwärts gehenden, immer stärker fallenden Tonverlauf aufweist«) in einen schwächer fallenden, ebenen oder sogar etwas steigenden Akzent über, und ein ähnlicher Parallelismus liegt bei der Entwicklung in umgekehrter Richtung vor. Weiter meint Ekblom, dass gewisse Sprachen eine Vorliebe für eine bestimmte Tonlage — hohe, mittlere, niedrige — haben und dass

dadurch die Modifikationen der Intonationen gewissermassen bedingt werden: bei hoher Tonlage erreicht ein energisch ansteigender Ton leicht das Falsettstadium, dann kann Stimmritzenschluss eintreten und es entwickelt sich ein »Stosston (´`)« oder, bei geringerem Drucke, eine Pause ohne merkbare Explosion, welche bald aufgehoben wird, so dass ein »hoher Kurzakzent (``)« entsteht; auch kann sich ein »gebrochener Akzent (^)« entwickeln, — bei niedriger Tonlage besteht die Möglichkeit, dass ein fallender Ton »mit der unteren Grenze des Registers in Kontakt kommt«; dann erfolgt »ein beschleunigtes Aussprechen des Wortes,« der betonte Vokal wird gekürzt und erhält den »tiefen Kurzakzent (`).«

Durch die Annahme des letztgenannten Prozesses erklärt Ekblom die čechische Kürzung der Intonation I. (*vran*). Das Čechische, meint er, werde »am ehesten im Tiefton gesprochen«. — »aber wenn dies auch nicht allgemein zutreffen sollte, kann es natürlich in einer früheren Periode der Fall gewesen sein«; weiter glaubt er, dass der Übergang des steigenden Akzentes II. in einen ebenen Ton für den altčechischen Akzent I. eine Verstärkung der fallenden Tonbewegung wahrscheinlich mache. Die Kürzung des serbokroatischen Akzentes II. schreibt er der hohen Tonlage und dem besonders heftigen Tonanstieg dieses Akzentes zu; die serbokroatische fallende Länge dagegen habe ungefähr ihre alte Tonbewegung bewahrt. Die litauischen Verhältnisse, welche bekanntlich viel stärker als die lettischen und preussischen von den urbaltischen abweichen, erklärt Ekblom aus der hohen Tonlage, welche »offenbar im Litauischen seit alters« vorhanden gewesen sei, und aus einem »allgemeinen Streben zu steigendem Ton hin«; infolgedessen sei »der Tonverlauf des stärkst steigenden Akzentes gebrochen worden«, während ^ in ´ übergegangen sei.

Mit diesen Erklärungsversuchen Ekbloms werden die künftigen akzentologischen Forschungen auf Schritt und Tritt zu rechnen haben. Ekblom ist ein Gelehrter mit einem stark ausgeprägten und durch experimentelle Untersuchungen geübten Gefühl für Akzent- und Intonationsbewegung und seine Hypothesen stützen sich auf schwer wiegende Gründe. Trotzdem kann ich vorläufig dieselben nicht für bewiesen halten; es ist die nächste Aufgabe der baltisch-slavischen Akzentologie, ihre Richtigkeit an dem vorliegenden Sprachmaterial zu prüfen und diejenigen Fragen zu beantworten, zu welchen Ekbloms Erörterungen Anlass geben. Ich hebe einige Punkte hervor.

Ekblom hat noch nicht durch eine systematische Untersuchung der Sprache einer genügenden Anzahl Personen bewiesen, dass tatsächlich die Litauer eine Neigung zu hoher, die Čechen zu niedriger Tonlage haben. Solange in den jetzigen Sprachen diese Neigung nicht positiv nachgewiesen ist, ist die Annahme derselben für eine weit entlegene Vergangenheit um so unsicherer.

Wir verfügen vorläufig noch nicht über ein genügendes Material aus solchen Sprachen oder Mundarten, wo die Entwicklung des Stosstones, des hohen Kurzakzentes, des gebrochenen Akzentes, des tiefen Kurzakzentes auf die von Ekblom beschriebene Weise gerade jetzt stattfindet. Ein solches Material würde seiner Ansicht über altlitauische, altlettische,

altserbokroatische, altčechische Intonationsänderungen eine noch kräftigere Stütze verleihen als die theoretische Begründung von Ekblom.

Der von Ekblom angenommene Parallelismus bei den Verschiebungen der Tonbewegung der zwei langen Intonationen gilt nicht für alle Sprachen und Sprachperioden. So sind im Polnischen und Slovakischen Akzent I und II zusammengefallen und im Štokavischen (abgesehen von gewissen posavischen Mundarten) wurde das urserbokroatische, bis jetzt noch čakavische und posavische ′ zu ⌒, das alte ⌒ aber unterlag keiner Veränderung. Wenn aber jener Parallelismus keine allgemeine Erscheinung ist, so müssen wir bei dem Studium alter Sprachperioden mit demselben sehr vorsichtig operieren.

Es ist schade, dass Ekblom nicht auch die sekundären Intonationen »nowoakutowa« und »nowocyrkumfleksowa« in Betracht gezogen hat. Speziell die »nowoakutowa«, welche in all denjenigen Sprachen, die Quantitätsunterschiede bewahrt haben, als Länge auftritt und in gewissen serbokroatischen Mundarten noch eine selbständige Intonation ist, hätte nicht unberücksichtigt bleiben sollen. Wenn man die jetzigen serbokroatischen Quantitäten und Intonationen aus gewissen Tendenzen der skr. Sprache erklärt, so ist eine solche Erklärung unvollständig, solange sie uns nicht belehrt, weshalb der sekundäre slavische Akut im Gegensatz zum alten Akut lang-steigend geblieben und später im grössten Teile des Sprachgebietes in eine lang-fallende Intonation übergegangen ist.

Eine sehr wichtige Frage, welcher Ekblom geringe Aufmerksamkeit gewidmet hat, ist diese: inwiefern wir die Tonbewegung einer Intonation als etwas Konstantes betrachten dürfen. Fälle wie russ. *vórot* : *povorót* zeigen, wie ein urslavischer fallender Ton in nicht anlautenden Silben steigend wurde; das *ω* (*uo*), welches in gewissen russischen Mundarten aus steigendem *o* entstanden ist, tritt u. a. überall dort auf, wo altes *o* in nicht erster Silbe stand; und solche Umlegungen und Modifikationen sind uns aus allerlei Sprachen bekannt. Es fragt sich nun, wenn wir einen prähistorischen fallenden Zirkumflexus und steigenden Akut annehmen, ob das für alle Fälle, wo Zirkumflex bezw. Akut vorlagen, zutrifft. Und weiter fragt es sich, wie gross die Nüancen innerhalb einer Intonation sein können, ohne daß man aufhört dieselben als eine und dieselbe Intonation zu empfinden. Eine ähnliche Frage taucht auf, wenn die Nüancen geographischer Nutur sind. So hat Ekblom in einer früheren Arbeit auf die geographischen Nüancen des litauischen Zirkumflexus bezw. Akuts hingewiesen; als ich diesen Aufsatz las, kam die Frage bei mir auf, inwiefern die Litauer aus verschiedenen Gegenden die Nüancen ein und derselben Intonation als Nüancen und nichts weiteres empfinden und worin für das Sprachgefühl das gemeinschaftliche Element all dieser Nüancen besteht.

All diese Bemerkungen enthalten keine Widerlegung, sogar keine Bestreitung von Ekbloms Ausführungen; sie zeigen bloss, wie vielen Fragen der Verfasser noch näher treten muss, bevor er seine anregenden Gedanken bewiesen haben wird. Er hat ursprüngliche Gedanken und einen kritischen Geist, und dadurch ist er mehr als andere dazu berufen, die von ihm angefangenen Untersuchungen weiter fortzusetzen. Vielleicht wird

sich auf die Dauer nicht alles aufrecht erhalten lassen, deshalb aber ist die Arbeit nicht weniger tüchtig und nützlich.

Ich weise noch auf ein paar Einzelheiten hin, die m. E. unrichtig oder unsicher sind: S. 3: apr. *warnins* im Ench. wird wohl deshalb ohne Strich geschrieben, weil es ein altes Oxytonon ist (lit. *varnaĩ*!), vgl. *deiwas* usw.; — S. 14 und 28: die Frage, inwiefern Slovenisch ein Bindeglied zwischen Serbokroatisch und Čechisch ist, harrt noch der Lösung; vorläufig lässt sich mit dieser Theorie wenig operieren; — S. 20 f.: der apr. Typus *deiwas* ohne Längenstrich hätte nicht unberücksichtigt bleiben sollen; — S. 23 f.: hier ist von der »bekannten Kürzung von Endvokalen unter Akz. II im Litauischen« die Rede, m. a W. vom Typus *dù*; der Typus *rankàs* wird bloss in einer Fussnote erwähnt; der Kürzungsprozess ist doch wohl in den beiden Fällen derselbe?

Leiden. *N. van Wijk.*

Tore Torbiörnsson: **De litauiska akcentförskjutningarna och den litauiska verbalakcenten** [Die litauischen Akzentverschiebungen und der litauische Verbalakzent]. Upsala 1923. Sonderabdruck aus Språkvetenskapliga Sällskapets i Upsala Förhandlingar 1922—1924, S. 62—92.[1])

Bei den mit Präfixen zusammengesetzten Verba im Litauischen ist es besonders auffallend, dass gewisse Formen das Präfix, andere dagegen die Wurzelsilbe akzentuieren, z. B.

Präs.	*reñka,*	*nù-renka*	*veĩkia,*	*nu-veĩkia*
Prät.	*rìñko,*	*nu-riñko*	*veĩkė,*	*nù-veikė.*

1. Welches sind die Voraussetzungen des zurückgezogenen Akzents in Präs. *nù-renka* und Prät. *nù-veikė*?

2. Warum ist der Akzent nicht zurückgezogen in Prät. *nu-riñko* und Präs. *nu-veĩkia*?

Zur Lösung dieser Fragen will meine Schrift einen Beitrag leisten. Dabei werden auch andere Fragen über die Akzentuierung der Verba und der Substantiva behandelt.

I. Substantiva: 1. Während bei der Akzentuierung der litauischen Verba bisher vieles unklar war, so ist dagegen die Akzentuierung in der litauischen Substantiv-Deklination dank den grundlegenden Untersuchungen de Saussure's (IF. Anz. VI 157—166[2]) in der Hauptsache völlig klar. In seinem bemerkenswerten Artikel hat de Saussure u. a. die zwei folgenden vorher nicht bekannten Akzentverschiebungsregeln klargelegt (l. c. 163; 157 f.):

---

[1]) Der ganze Band der Verhandlungen wird erst Ende d. J. 1924 erscheinen. Die Hauptresultate meiner Schrift wurden in der Sitzung der sprachwissenschaftlichen Gesellschaft am 27. April 1923 vorgetragen. Der Sonderabdruck erschien 9. Juni 1923. Hier werden nur die wichtigeren Resultate mitgeteilt. Hinsichtlich der näheren Einzelheiten muss ich auf das schwedische Original verweisen.

[2]) = Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure (Genève 1922), S. 526—538.

Der Akzent wird (unter gewissen — von de Saussure nicht näher bestimmten — hier unten zu besprechenden Bedingungen) von einer akzentuierten Binnensilbe auf die vorangehende Silbe zurückgezogen, z. B. Nom. Pl. *dùkteres* < **duktères*, vgl. gr. *θυγατέρες*, sanskr. *duhitáras* — im Gegensatz zu Gen. Pl. *dukterų̃*, vgl. gr. *θυγατρῶν* (Hom.).

Später wurde der Akzent von einer mit „Akz. I" (lit. ~) versehenen Silbe auf die unmittelbar folgende mit „Akz. II" (lit. ') versehene Silbe verschoben, z. B. Nom. Sg. *rankà* (vgl. Adj. *basà, basóji*) < **rañkā* (vgl. Gen. *rañkos*), Akk. *nuodė́gulį* < **nuõdėgulį*.

	1.	2.	3.	4.
	Kons.-st.	Oxytonierter 3-silb. Vok.-st.	*a* (Oxytona) vgl. gr. *τιμή*	
			I.	II.
Sg. Nom.	*duktė̃*	*ašakà*	*mergà*	*galvà*
Gen.	*dukter̃s* [1])	*ašakõs*	*mergõs*	*galvõs*
Dat.	*dùkteriai*	*ãšakai*	*mer̃gai*	*gálvai*
Akk.	*dùkterį*	*ãšaką*	*mer̃gą*	*gálvą*
Instr.	*dùktere* [2])	*ãšaka*	*mergà*	*gálva*
Lok.	*dukteryjè*	*ašakojè*	*mergojè*	*galvojè*
Pl. Nom.	*dùkters* [1])	*ãšakos*	*mer̃gos*	*gálvos*
Gen.	*dukterų̃*	*ašakų̃*	*mergų̃*	*galvų̃*
Dat.	*dukterìms*	*ašakóms*	*mergóms*	*galvóms*
Akk.	*dùkteris*	*ãšakas*	*mergàs*	*gálvas*
Instr.	*dukterimìs*	*ašakomìs*	*mergomìs*	*galvomìs*
Lok.	*dukterysè*	*ašakosè*	*mergosè*	*galvosè*
Du. Nom.	*dùkteri*	*ãšaki*	*mergì*	*gálvi*

I. ═══ Der Akzent ist von der ursprünglich akzentuierten Binnensilbe auf die unmittelbar vorangehende Silbe zurückgezogen (de Saussure).
II. ——— Der Akzent ist durch die Einwirkung der Konsonantstämme auf die Vokalstämme analogisch zurückgezogen (de Saussure).

[1]) Altlit. und dial. Gen. Sg. *dukterès*, Nom. Pl. *dùkteres*.

[2]) Schriftsprachlich auch *dùkteria* (neben der nach den *i*-Stämmen gebildeten Form *dukterimì*). Die ursprüngliche Form (*dùktere* kann diese ver-

Dieses Verschiebungsgesetz ist seither von der folgenden Forschung o gut wie allgemein anerkannt worden, während jenes im allgemeinen nbeachtet geblieben ist.

2. Infolge der in einigen Formen eingetretenen Zurückziehung echselt der Akzent in Paradigmen vom Typus *duktė̃* seinen Platz in der Veise, dass er in 6 Kasus (Dat., Akk. und Instr. Sing.; Nom. und kk. Plur.; Nom.-Akk. Du.) auf der ersten Silbe des Wortes ruht = Γ-Kasus), in allen übrigen Kasus dagegen auf der letzten Silbe des Vortes. Dieser Akzentwechsel hat dann im Litauischen funktionelle Be-

5.	6.	7.	8.
b (Barytona) vgl. gr. *δίκη*		Oxytoniertes Pronomen	Oxytoniertes Adjektiv
I.	II.		
rankà	*várna*	*katrà*	*basà, basóji*
rañkos	*várnos*	*katrõs*	
rañkai	*várnai*	*katraĩ*	
rañką	*várną*	*katrą̃*	
rankà	*várna*	*katrà*	*basà, basą́ją*
rañkoje	*várnoje*	*katrojè*	
rañkos	*várnos*	*katrõs*	
rañkų	*várnų*	*katrų̃*	
rañkoms	*várnoms*	*katróms*	
rankàs	*várnas*	*katràs*	*basàs, basą́sias*
rañkomis	*várnomis*	*katromìs*	
rañkose	*várnose*	*katrosè*	
rankì	*várni*	—	*basì, basíeji*

I. ‿ ‿ ~ Der Akzent ist von einer Silbe mit »Akz. I.« (~) auf die unmittelbar folgende Silbe mit »Akz. II.« (´) verschoben (Fortunatov, de Saussure).

eten) war jedenfalls 3-silbig mit akzentuierter Binnensilbe *-ter-* und mit okalischer Endung (vielleicht -ĕ̃, vgl. Brugmann, Grundr.[2] II, 2, 144), denn aus *šaka, gálva* etc. (sowie aus den entsprechenden Formen der maskulinen -Dekl.) geht hervor, dass Instr. Sg. zu der Kategorie der Γ-Kasus gehört. it. *dùktere*: sanskr. *duhitrá* = gr. (Gen. Pl.) *θυγατέρων* : *θυγατρῶν*.

deutung erhalten,[1]) und unter dem Einfluss der Konsonantstämme wurd die Akzentuierung der ursprünglich oxytonierten Vokalstämme geregelt und so entstanden z. B. in der femininen *ā*-Deklination Formen wie Dat Sg. *ãšakai*, Akk. Sg. *ãšaką* etc. (statt der ursprünglich oxytonierte Formen **ašakaĩ*, **ašaką̃* etc.).

Nach dieser Uniformierung besass also die litauische Sprache bei de vokalischen Stämmen zwei wesentlich verschiedene Akzentparadigmen das eine (*a*) mit Akzentwechsel zwischen der ersten und der letzten Silbe den indogermanischen Oxytona entsprechend, vgl. gr. τιμή, θυμός — da andere (*b*) mit festem Akzent auf der Stammsilbe (oder auf einer de Stammsilben, wenn das Wort mehrsilbig war), den indogermanischen Ba rytona entsprechend, vgl. gr. δίκη, φίλος.

3. Als nachher der Akzent von einer Silbe mit „Akz. I" auf die un mittelbar folgende Endsilbe mit „Akz. II" verschoben wurde, entstande aus jedem der genannten zwei Paradigmen (*a* und *b*) je zwei neue Pa radigmen (I und II), und so war die jetzige Verteilung auf 4 Paradigme (Ia, IIa und Ib, IIb) fertig, vgl. die Tabelle S. 128 f.[2])

4. Die maskulinen *a*-Stämme (vgl. Tabelle S. 131) weisen einig „Unregelmässigkeiten" auf — und zwar in Nom. Pl. (mit beibehaltene Endbetonung der ursprünglichen Oxytona, wie de Saussure richtig ein gesehen hat, l. c. 165), in Nom. und Gen. Sg. (die immer barytonier sind) und teilweise in Lok. Sg. (bei Kurschat). — Die Barytonierung de Nom. und des Gen. Sg. ist unursprünglich und entweder als analogisch Neuerung oder (was mir wahrscheinlicher scheint) als Formen mit in spätere Zeit zurückgezogenem Akzent zu erklären (vgl. die immer barytonierte Formen auf *-a*, *-o* im Präs. und im Prät.). Des näheren beim Verf. S. 10 f

5. Lok. Sg. des Typus IIa akzentuiert Kurschat *lánge* (in Überein stimmung mit den übrigen Singularkasus dieses Paradigmas). Die zu er wartende Form *langè* ist ostlitauisch erhalten und ist die in der Schrift sprache der Gebildeten jetzt übliche Form. Akzentuell stimmt Lok. Sg der mask. *a*-Stämme mit Nom. Sg. der fem. *ā*-Stämme überein (inden beide die „Akzentkurve" *Ωa* de Saussure's haben, vgl. l. c. 159):

	a-St. (Lok.)		*ā*-St. (Nom.).	
Ia	*lankè*	(Nom. *lañkas*)	*mergà*	(Akk. *mer̃gą*)
IIa	*langè*	(„ *lángas*)	*galvà*	(„ *gálvą*)
Ib	*krantè*	(„ *krañtas*)	*rankà*	(„ *rañką*)
IIb	*tárpe*		*várna*.	

Diese Übereinstimmung ist wichtig. Sie bedeutet, dass die Endung - des Lok. (eine Neubildung für ursprüngliches *-ie*) „Akz. II" hatte un

[1]) Vgl. etwa die funktionelle Bedeutung, die der Ablaut in grosser Aus dehnung in den germanischen Sprachen erhalten hat, z. B. got. *binda* (*e*-Stufe in Präs.): *band* (*o*-Stufe im Prät. Sg.): *bundans* (Schwachstufe im Part. Prät.) etc

[2]) Die Bezeichnungen *a* und *b*, sowie I und II, sind dieselben, die Kurscha in seiner Grammatik verwendet, obgleich mit dem Unterschied, dass dort I und I die Hauptrubriken sind mit *a* und *b* als Unterabteilungen. Es scheint mir an besten, diese Einteilung — jedoch mit der aus historischen Gründen bedingte Änderung — beizubehalten.

chon von Anfang an akzentuiert war. Die ursprünglichen Oxytona **lankàs* nd **langàs* sollten eigentlich die Lok.-Formen *lankiẽ* und *langiẽ* haben. ie Endung *-iẽ* wurde durch *-ę́* ersetzt und die so entstandenen **lankę́*, *langę́* sind dann regelmässig (nach Leskien's Kürzungsgesetz) zu *lankè*, *angè* geworden. Vgl. des weiteren Verf. S. 72 f.

	a (Oxytona) vgl. gr. *θυμός*		*b* (Barytona) vgl. gr. *φίλος*	
	I.	II.	I.	II.
Nom.	*lañkas*[1])	*lángas*[1])	*krañtas*	*tárpas*
Gen.	*lañko*[1])	*lángo*[1])	*krañto*	*tárpo*
Dat.	*lañkui*	*lángui*	*krañtui*	*tárpui*
Akk.	*lañką*	*lángą*	*krañtą*	*tárpą*
Instr.	*lankù*	*lángu*	*krantù*	*tárpu*
Lok.	*lankè*	*langè*[2])	*krantè*	*tárpe*
Nom.	*lankaĩ*	*langaĩ*	*krañtai*	*tárpai*
Gen.	*lankų̃*	*langų̃*	*krañtų*	*tárpų*
Dat.	*lankáms*	*langáms*	*krañtams*	*tárpams*
Akk.	*lankùs*	*lángus*	*krantùs*	*tárpus*
Instr.	*lankaĩs*	*langaĩs*	*krañtais*	*tárpais*
Lok.	*lankuosè*	*languosè*	*krañtuose*	*tárpuose*
Nom.	*lankù*	*lángu*	*krantù*	*tárpu*

II. **Verba:** 1. Auf den ersten Blick scheint die Verbalakzentuierung n Litauischen viel einfacher als die Substantivakzentuierung zu sein. ei dem einfachen finiten Verbum (der thematischen Konjugation) kommen ur zwei Akzenttypen vor, z. B. im Präs.:

. *lipù, lipì, lìpa, lìpame, lìpate* (kurze Wurzelsilbe);
nešù, neši, nẽša, nẽšame, nẽšate (urspr. kurze Wurzelsilbe);
renkù, renkì, reñka, reñkame, reñkate (lange Wurzelsilbe mit „Akz. I").
. *šóku, šóki, šóka, šókame, šókate* (lange Wurzelsilbe mit „Akz. II").

[1]) Vgl. S. 130 (Mom. 4).
[2]) Kurschat *lánge*.

Beide Typen vertreten prinzipiell den sanskritischen Typus *bhárāmi*, *bhárasi*, *bhárati* etc. (d. h. die ind. Kl. I). Diesem Typus haben sich im Litauischen auch diejenigen Verba, die den sanskritischen Typus *tudámi*, *tudási*, *tudáti* etc. (d. h. die ind. Kl. VI) vertreten sollten, analogisch angeschlossen — und zwar durch Vermittelung des Infintivs, denn nur diejenigen Verba sind umgebildet, die im Präs. Ind. und im Inf. gleiche Stammform haben, z. B.:

nèšti : *nẽšame* = *lìpti* : *lìpame* (st. urspr. **lipàme*).

Die nasalinfigierten Verba behielten demnach ihre ursprüngliche Akzentuierung, z. B. Inf. *tìkti*: Präs. **tinkàme* (jetzt *tiñkame*). Erst in einer viel späteren Zeit haben sich auch diese Verba den übrigen akzentuell angeschlossen. Vgl. Verf. S. 73—76.

2. Die Part. Präs. akzentuieren entweder in allen Formen die Wurzelsilbe (so bei den *ja-* und *sta-*Bildungen und bei den nasalinfigierten Verba: *šaũkiąs, klỹpstąs, tiñkąs*) oder haben beweglichen Akzent (d. h. der Akzent wechselt zwischen der ersten und der letzten Silbe), z. B. *nešą̃s* : *nẽšanti*.

Diese Akzentuierung ist sekundär (und später als die akzentuelle Umbildung der Indikativformen) in folgender Weise entstanden:
lìpame : *lipą̃s* = **nèšame* (jetzt *nẽšame*) : *nešą̃s* (statt urspr. **nèšąs*).
Des weiteren vgl. Verf. S. 76 f.

3. Die oben genannten Änderungen der Verbalakzentuierung wurden vor der Zeit des zurückgezogenen Akzents (**duktères* > *dùkteres*) durchgeführt, und die so entstandenen Formen bilden den Ausgangspunkt der folgenden Darstellung der Fälle, in welchen der Akzent in der Konjugation zurückgezogen wurde.

Zuerst muss bemerkt werden, dass in den zusammengesetzten Formen (vielleicht mit Ausnahme der Zusammensetzungen mit *pér-*) das Verbum selbst akzentuiert wurde, während die vorhergehende Präposition (und andere proklitische Elemente) immer unbetont waren. Das geht unter anderem auch daraus hervor, dass die Präpositionen in den verbalen Zusammensetzungen in der Regel etymologisch kurz sind, z. B. *nù-metu*, *nù-mečiau*, *nu-mèsti* (vgl. Subst. *nuõ-metas*), *nu-manaũ*, *nu-maniaũ*, *nu-manýti* (vgl. Subst. *núo-mona*).[1])

4. Hier unten gebe ich eine schematische Übersicht der Akzentuierung in Präs. Ind., Prät., Inf. und Part. 7 verschiedener Verbaltypen: 1 (Präs. mit Nasalinfix), 2 (*sta*-Präs.), 3—5 (*a*-Präs.), 6 (*ja*-Präs. vom Typus *tar̃ti*), 7 (*ja*-Präs. vom Typus *veĩkti*).[2])

---

[1]) Ähnliche Verhältnisse finden sich auch in den anderen indogermanischen Sprachen, vgl. čech. *dovésti, dovoditi* (: *důvod*), d. *erlauben* (: *Urlaub*).

[2]) Wenn nur zusammengesetzte Formen (*su-tinkù* etc.) angeführt werden, so haben die entsprechenden einfachen Formen (*tinkù* etc.) genau denselben Akzent wie die zusammengesetzten. — Die Unterstreichungen haben folgende Bedeutung (vgl. oben S. 128):

══════ lautgesetzlich zurückgezogener Akzent,
〰〰〰 lautgesetzlich vorgeschobener Akzent,
– – – – analogisch gebildete Form (die nach der Zeit des zurückgezogenen Akzents entstanden ist).

In Klammern gesetzt sind die lautgesetzlich zu erwartenden Formen, wobei jedoch die folgende Fussnote zu vergleichen ist.

	1. Sg.	3. Sg.	1. Pl.	
Präs.				
1)	*su-tinkù*	*su-tiñka*[1])	*su-tiñkame*	(**su-tinkà, *su-tinkàme*)
2)	*at-alpstù*	*at-al̃psta*	*at-al̃pstame*	
3)	*renkù*	*reñka*	*reñkame*	
	sù-renku	*sù-renka*	*sù-renkame*	
4)	*lipù*	*lìpa*	*lìpame*	
	nù-lipu	*nù-lipa*	*nù-lipame*	
5)	*nešù*	*nẽša*	*nẽšame*	
	nù-nešu	*nù-neša*	*nù-nešame*	
6)	*tariù*	*tãria*	*tãriame*	
	sù-tariu	*sù-taria*	*sù-tariame*	
7)	*veikiù*	*veĩkia*	*veĩkiame*	
	nu-veikiù	*nu-veĩkia*	*nu-veĩkiame*	
Prät.				
1)	*su-tikaũ*	*su-tìko*[1])	*su-tìkome*	(**su-tikõ*)
2)	*at-alpaũ*	*at-al̃po*[1])	*at-al̃pome*	(**at-alpõ, *at-alpõme*)
3)	*su-rinkaũ*	*su-riñko*[1])	*su-riñkome*	(**su-rinkõ, *su-rinkõme*)
4)	*nu-lipaũ*	*nu-lìpo*[1])	*nu-lìpome*	(**nu-lipõ*)
5)	*nešiaũ*	*nẽšė*	*nẽšėme*	
	nù-nešiau	*nù-nešė*	*nù-nešėme*	
6)	*tariaũ*	*tãrė*	*tãrėme*	
	sù-tariau	*sù-tarė*	*sù-tarėme*	
7)	*veikiaũ*	*veĩkė*	*veĩkėme*	
	nù-veikiau	*nù-veikė*	*nù-veikėme*	

	Inf.	Part.	
1)	*su-tìkti*	*su-tiñkąs*	(**su-tinką̃s*)
2)	*at-al̃pti*	*at-al̃pstąs*	
3)	*su-riñkti*	*su-renką̃s*	
4)	*nu-lìpti*	*nu-lipą̃s*	
5)	*nu-nèšti*	*nu-nešą̃s*	
6)	*tar̃ti*	*tarią̃s*	
	su-tar̃ti (**sù-tarti*)	*su-tarią̃s*	
7)	*nu-veĩkti*	*nu-veĩkiąs*	

[1]) Wenn meine Vermutung (oben S. 130) hinsichtlich einer späteren Zurückziehung des Akzentes von den auslautenden *-ẵ*, *-õ* richtig ist, so sind Präs.

5. In diesen Typen wurde der Akzent der zusammengesetzten Formen lautgesetzlich (vgl. **duktères* > *dùkteres*) in folgenden zwei Fällen zurückgezogen:

a) im Präs. Ind. der Gruppen 3—6 (über die Akzentuierung der entsprechenden Partizipialformen vgl. Verf. S. 77 Fussn., S. 80);

b) im ē-Prät. aller primären Verba.[1])

Dem gegenüber ist in folgenden Fällen der Akzent nicht zurückgezogen:

a) im Präs. Ind. und Präs. Part. der Gruppen 1, 2 und 7;

b) in allen o-Prät.;

c) in allen Infinitiven.

6. Die verschiedene Behandlung des Akzentes in den Präteriatalformen beruht darauf, dass die Prät. auf *-e* ursprünglich die Wurzelsilbe, die Prät. auf *-a* (jetzt *-o*) dagegen ursprünglich die Ableitungssilbe *-a-* akzentuierten. In den nasalinfigierten Verba (Gr. 1) wurde ursprünglich der thematische Vokal akzentuiert (vgl. sanskr. *yuñjámi*).

In den *sta-* und *ja-* Präs. (Gr. 2. 7), sowie im Inf. wurde der Akzent von der Wurzelsilbe nicht zurückgezogen, weil diese eine akzentuell geschlossene Silbe war.

7. D e r U n t e r s c h i e d z w i s c h e n d e n a k z e n t u e l l o f f e n e n u n d d e n a k z e n t u e l l g e s c h l o s s e n e n S i l b e n. Wie ich schon oben angedeutet habe, ist der zurückgezogene Akzent des Typus *nù-renka* lautgesetzlich. Und doch ist die Silbe im gewöhnlichen (d. h. im sonorischen) Sinne geschlossen: die Silbengrenze liegt zwischen *n* und *k*. Um die verschiedene Beschaffenheit der ersten Silbe in *reñka* einerseits im Gegensatz zur ersten Silbe in *tìk-ti*, **veik-ja* (jetzt *veĩkia*) andererseits ins klare zu bringen, muss ich den Begriff akzentuell offener und akzentuell **geschlossener Silben einführen.**

Im Litauischen ist bekanntlich der fallende oder steigende Akzent der langen Silben (darin einbegriffen sowohl Silben mit langen Vokalen und gewöhnlichen Diphthongen vom Typus *ei*, *au* etc. wie auch Silben mit Vokal + Nasal oder Liquida, also *en*, *in*, *an*, *er*, *ar* etc.) über den ganzen langen Vokal, bzw. über den ganzen Diphthong oder über die ganze Nasal- oder Liquidaverbindung verteilt. In Formen wie *dárbas*, *reñka* u. dgl. ist der Akzent — welche Eigenschaften er auch im Übrigen hat — über die ganzen Phoneme *-ár-*, *-eñ-* verteilt. Der Schluss der Akzentform fällt hier mit dem Schluss der Sonoritätssilbe zusammen. Eine solche Silbe nenne ich a k z e n t u e l l o f f e n. Als Beispiele akzentuell offener Silben können die ersten Silben folgender Wörter dienen: *bù-tas*,

---

tiñka und Prät. *tìko*, *aĩpo*, *riñko*, *lìpo* und ihre Zusammensetzungen völlig lautgesetzlich (in welchem Falle die Unterstreichung — — — — in diesen Formen begreiflicherweise wegfällt). Als Analogiebildungen würden dann nur die Typen Präs. **tiñkame** und Prät. **aĩpome** und **riñkome** mit ihren Zusammensetzungen **stehen bleiben.**

[1]) Wichtig ist, dass die zusammengesetzten Präteritalformen der primären und der abgeleiteten Verba verschiedene Akzentuierung haben, z. B.

veikiaũ	**nù-veikiau**	**laikiaũ**	**nu-laikiaũ**
veĩkė	**nù-veikė**	**laĩkė**	**nu-laĩkė.**

ũ-das, dú-mas, vaĩ-kas, véi-das, lañ-kas, diẽ-vas, dùo-ti, vil̃-kas, ẑál-nas, dar̃-žas, tár-pas, dir̃-žas, bùr-tas, lañ-kas, žén-tas etc.

In *tìk-ti, nèš-ti, glób-ti, vilk-ti, álk-ti* u. dgl. liegt die Silbengrenze zwischen *t* und dem vorhergehenden Konsonanten; in *veĩkia* (urspr. *veik-ja*), *keñčia* (urspr. **kent-ja*) u. dgl. lag die Silbengrenze zwischen dem ursprünglichen *j* und dem vorhergehenden Konsonanten. In derartigen Silben tritt der Schluss der Akzentform früher als der Schluss der Silbe ein. Eine solche Silbe nenne ich akzentuell geschlossen.

Nun legt eine akzentuell offene Silbe (wenn auch sonorisch geschlossen) der Zurückziehung des Akzentes kein Hindernis in den Weg. Dagegen verhindert eine akzentuell geschlossene Silbe die Zurückziehung. Also ist der Akzent in *sù-renka* lautgesetzlich zurückgezogen, während der Akzent in *at-alpsta, nu-veĩkia* lautgesetzlich seine ursprüngliche Lage auf der Mittelsilbe beibehält.

8. In einigen Fällen sind die lautgesetzlich zu erwartenden Formen von Analogiebildungen verdrängt worden. Im Infinitiv wurde der Akzent wegen der akzentuell geschlossenen Silbe nicht zurückgezogen (*su-tìk-ti*). In einem Infinitivtypus (*su-tar̃ti*) ist aber die Mittelsilbe akzentuell offen. Man würde daher **sù-tar-ti* erwarten. Da es aber dergleichen Fälle so wenig gibt: *aũti, eĩti, griẽti, skriẽti, šliẽti, beȓti, peȓti, sveȓti, žeȓti, ar̃ti, mir̃ti, gulti, giñti, im̃ti, rem̃ti, trem̃ti, giñti, miñti* und vielleicht noch einzelne Beispiele, so hat sich diese kleine Gruppe der nach Hunderten zählenden Gruppe von *nèšti, vilkti, veĩkti* etc. angeschlossen.

Statt der lautgesetzlich zu erwartenden Formen *vagiù* (1. Sg.), **vàgia* (3. Sg.) und **paragiù, *paràgia* finden wir *vagiù, vãgia* und *pàvagiu, pàvagia* u. dgl. nach *nešù, nẽša* und *nùnešu, nùneša*. So sind auch *sù-rezgu, į-teškiu* u. dgl. nach dem Muster der grossen Hauptmasse der kurzvokalischen Verba zu erklären. — Dass **vàgia, *paràgia* etc. die lautgesetzlichen Formen sein sollten, geht u. a. daraus hervor, dass der Nom. Sg. Mask. der bestimmten Adjektivdeklination *basàsis* (< **basàs-jis*, vgl. Gen. *bãso jo* < **basõ-jo*) heisst. Des Weiteren vgl. Verf. S. 83 f., Fussn.

9. Wir können jetzt die Zurückziehungsregel folgendermassen formulieren: von einer akzentuell offenen Binnensilbe wird der Akzent auf die unmittelbar vorangehende kurze Silbe zurückgezogen.[1] — Dass dies Gesetz auch in dem Falle gilt, wenn

[1] Vielleicht könnte diese Zurückziehung des Akzentes in Zusammenhang mit derjenigen Änderung der ursprünglichen Akzentqualitäten gestellt werden, die im Litauischen stattgefunden hat (vgl. lit. *var̃nas* = r. *voron*, lit. *várna* = r. *voróna*). Das ist indessen eine schwierige Frage, die erst nach weitläufigen Voruntersuchungen wird beantwortet werden können. Auch auf diesem Gebiet gilt, was Leskien einmal geäussert hat, dass die Akzentverhältnisse der einzelnen Sprachen erst in allen Hinsichten aufgeklärt werden müssen, ehe man zur Aufstellung allgemeinerer Regeln übergeht. — Und weiterhin ist es deutlich, dass diese wie andere Fragen der historischen Akzentlehre sprachgeschichtlich und von Sprachhistorikern (die im allgemeinen auch die nötigen phonetischen Voraussetzungen besitzen) gelöst werden müssen. Hier kommt man mit nur abstrakten Sätzen aus der allgemeinen Phonetik zu keinen haltbaren Resultaten. Und Phonetiker, denen die sprachgeschichtlichen Voraussetzungen mangeln, führen uns hier nur in die Irre.

der akzentuierten Silbe zwei (eventuell vielleicht auch mehrere) kurze Silben vorangehen, geht aus der Akzentuierung der reflexiven Verba hervor, vgl. *nu-sì-renka.*[1]) Da *-si-* ursprünglich (d. h. vor der Zeit des zurückgezogenen Akzents) immer unbetont war[2]) und ausserdem niemals allein vor dem Verbum stehen konnte, so würde es auch niemals auf lautgeschichtlichem Wege den Akzent haben erhalten können, wenn das Zurückziehungsgesetz nur bei einer vorangehenden Silbe gegolten hätte.

III. Die Regel des zurückgezogenen Akzents und die mehrsilbigen Substantiva: 1. Proparoxytona sind alle Wörter, die in der jetzigen Sprache festen Akzent auf der drittletzten Silbe (oder noch weiter zurück) haben. Hierher gehören prinzipiell alle Wörter von diesem Typus, die Kurschat in den Paragraphen 558 *(ártymas)*, 581 *(gaĩlestis)*, 625 *(dárgana)*, 644 *(kaĩmenė)*, 681 *(lũkestis)* verzeichnet. Einige von den in diesen Paragraphen angeführten Wörtern können natürlich auch ältere Paroxytona sein, z. B. *prãkaitas* aus **prakaĩtas* (akzentuell offene Binnensilbe).

2. Paroxytona sind alle Wörter, die in der jetzigen Sprache festen Akzent auf der Pänultima haben. Hierher gehören diejenigen Wörter, die auf der Pänultima Akut haben und die Kurschat in den soeben genannten Paragraphen aufzählt, z. B. *akúotas*, *karklýnas*, *dalýbos*. Einige von diesen sind aus älteren Proparoxytona entstanden, z. B. *lapúotas* aus **làpuotas* (: *lãpas* Ib), vgl. de Saussure l. c. 161.

Paroxytona sind weiter alle diejenigen mehrsilbigen Wörter, in denen der Akzent in der jetzigen Sprache zwischen Pänultima (mit Akz. ~) und Ultima wechselt, und die Kurschat in den Paragraphen 555 *(gintãras*, Instr. *gintarù)*, 577 *(balañdis*, Akk. Pl. *balandžiùs)*, 626 *(gyvatà*, Gen. *gyvãtos)*, 643 *(dilgỹnė*, Instr. *dilgynè)*, 715 *(audẽjus*, Akk. Pl. *audėjùs)* verzeichnet.

3. Oxytona sind alle diejenigen mehrsilbigen Wörter, in denen der Akzent zwischen der ersten und der letzten Silbe wechselt, und die Kurschat in den Paragraphen 556 *(er̃žilas*, Pl. *eržilaĩ)*, 578 *(paprotỹs*, Akk. *pãprotį)*, 627 *(dovanà*, Akk. *dóvaną)*, 646 *(dedervinẽ*, Akk. *dẽdervinę)*, 683 *(atmintìs*, Akk. *ãtmintį)* verzeichnet.

4. Die Verteilung auf diese Kategorien bezieht sich natürlich auf rein litauische Verhältnisse, d. h. sie berücksichtigt, was man aus der jetzigen litauischen Akzentuierung für die litauische Akzentuierung zur Zeit des zurückgezogenen Akzents schliessen kann. Wie sich die litauischen Gruppen zu den entsprechenden indogermanischen (Sanskrit und Griechisch) verhalten, wird hier nicht untersucht.

Die Gruppe, die für uns in diesem Zusammenhang das grösste Interesse bietet, ist die paroxytone (vgl. oben Mom. 2). So gehören z. B. zu den paroxytonen femininen *a*-Stämmen (Kurschat § 626) solche Wörter, in

---

[1]) Formen wie *ne-nu-si-renka* u. dgl. können natürlich zu jeder Zeit neugebildet werden. So sind wohl in jeder Sprache die längeren und komponierten Formen zu erklären.

[2]) Denn die dem *-si-* vorangehende Präposition erhält niemals den Akzent.

enen der Akzent aus dem einen oder anderen Grunde nicht hat zurück-ezogen werden können:

Der Vokal der vor dem Akzente stehenden Silbe war lang: *gyvatà yvãtos, sveikatà sveikãtos, lydekà lydẽkos.*

Die Binnensilbe war akzentuell geschlossen: *ganyklà ganỹklos, vinyčià avinỹčios* etc.

5. Aus dem Gesagten dürfte hervorgehen, dass der Akzent nicht ırückgezogen wurde, wenn die vorangehende Silbe langvokalisch war. ie Zahl der Muster, welche die Konsonantstämme abgegeben haben, wird adurch etwas reduziert (vgl. Kurschat § 748), denn einige von ihnen aben langvokalische Wurzelsilbe (*augmuõ, liemuõ, stuomuõ, želmuõ, anduõ, sẽmens*). Ich nehme deshalb an, dass die langvokalischen Vörter erst nach der Analogie der kurzvokalischen (*duktẽ, sesuõ, akmuõ, uduõ, tešmuõ, ãšmens*) den Akzent in den Γ-Kasus zurückgezogen aben, worauf die oxytonierten Vokalstämme ihnen gefolgt sind. Des näheren gl. Verf. S. 88—91.

IV. Chronologische Übersicht: 1. Änderungen (bzw. Voraus-etzungen) vor der Zeit des zurück gezogenen Akzents:

a) Substantiva: 1. Die Ablautsstufe *-ter-* wurde in allen Kasus des aradigmas *duktẽ* verallgemeinert. — 2. Alle Γ-Kasus (vgl. oben S. 129 f.) etonen die Zwischensilbe *-ter-* (z. B. Nom. Pl. **duktères*, vgl. gr. *θυ-ατέρες*, sanskr. *duhitáras)*, alle anderen Kasus dagegen die Endung . B. Gen. Sg. *dukterès*, vgl. *θυγατρός*);

b) Verba: 1. Der Typus *bhárāmi* wurde im Präs. Ind. aller pri-ıären Verba (mit Ausnahme der nasalinfigierten) verallgemeinert, z. B. *pame*. — 2. Der Typus *tudán* wurde in allen Part. Präs. (mit Aus-ahme der *sta-* und *ja*-Bildungen) verallgemeinert, z. B. *nešą̃s*. — . Prät. auf -*ē*- akzentuiert überall die Wurzelsilbe, Prät. auf *-ā-* dagegen berall das Suffix *-ā-*, z. B. *nẽšéme, *lipãme* (jetzt *lìpome*).

2. Von einer akzentuell offenen Binnensilbe wurde er Akzent auf die unmittelbar vorangehende kurze Silbe urückgezogen (de Saussure, Torbiörnsson), z. B.

Nom. Pl. **duktères* > *dùkteres*. — Präs. *sù-renka*, Prät. *nù-nešé* Präs. *nu-veĩkia*, Inf. *nu-nèšti* wegen der akzentuell geschlossenen innensilbe; Präs. *su-tiñka* und Prät. *nu-riñko* wegen der ursprünglich kzentuierten Endsilbe].

3. Nach dem Muster der Konsonantstämme wird der-elbe Akzentwechsel (zwischen der ersten und der letzten Silbe) in en oxytonierten Vokalstämmen eingeführt (de Saussure), z. B. *ašakà, ašakõs, ãšakai, ãšaką* etc. [Die Pronomina behalten ihren rsprünglichen Akzent].

4. Der Akzent wird von einer mit „Akz. I" (~) versehenen ilbe auf die unmittelbar folgende mit „Akz. II" (′) ver-ehene Silbe verschoben (Fortunatov, de Saussure). z. B.

Nom. Sg. **rañka* > **rankā́*. — 1. Sg. Präs. **reñkō* > **renkṓ* bezw. *-úo*), **nèšō* > **nešṓ* (bzw. *-úo*).

5. [Eventuell:] Der Akzent wird von *-ă, -ăs, -ā̃* (d. h. jetzigem *õ*) urückgezogen, z. B.

Nom. u. Gen. Sg. *lángas, lángo* (: Pl. *langaĩ*). — 3. Präs. **tinkà* > *tiñka*, 3. Prät. **lipà* > **lìpā* (jetzt *lìpo*).

6. K ü r z u n g e i n e r m i t „Akz. II“ v e r s e h e n e n l a n g e n E n d s i l b e (Leskien), z. B.

Nom. Sg. **rankà* > *rankà* (vgl. Adj. *basà : basóji*). — 1. Sg. Präs **nešúo* > *nešù*.

7. Übergang von *a* zu *ō*, z. B. Gen. *lángo, mergõs*, Prät. *riñko*

8. Dehnung eines akzentuierten *ă*, *ĕ* in offener Binnensilbe, z. B *rãdas, nẽša, naštà : nãštą, sãpnas : sapnaĩ* analogisch nach *kasà* : *kãsą, tãkas : takaĩ* statt lautgesetzl. **nàštą*, **sàpnas*.

9. Schwund des postkonsonantischen *j* vor palatalen Vokalen, z. B. **basas-jis* > *basàsis*, 2. Sg. *vertì, geidì*.

10. Übergang von *tj, dj* zu *č, dž*, z. B. 3. Sg. *ver̃čia, geĩdžia*.

11. Analogiebildungen sind in einigen Fällen n a c h der Zeit der im Mom. 4. erwähnten Akzentverschiebung eingetreten, z. B. *tinkù : tiñkame* etc. (statt lautgesetzl. **tinkãme*) nach *nešù : nẽšame* u. dgl.

Upsala. *Tore Torbiörnsson.*

Синайская Псалтырь, глаголический памятникъ XI вѣка. Приготовилъ къ печати *Сергѣй Северьяновъ*. Памятники старославянскаго языка. Томъ IV. Изд Отд. русск. яз. и слов. Россiйской Академiи Наукъ Петрогр. 1922. VII + 392 стр. + 7 табл. фототип. снимков.

В предисловии излагается полная превратностей судьба издания. Издание изготовлено по снимкам, сделанным проф. Бенешевичем в 1907 году. Покойный С. Н Северьянов приступил к работе по изданию С. Пс. в том же году, и к 1912 г. уже был отпечатан весь текст Псалтыри под наблюдением акад. Ф. Ф. Фортунатова, а затем, с 1912 до 1922 г., т. е. в течение 10 лет печатался словарь к С. Пс., составленный С. Н. Северьяновым. Печатанье словаря, трудное и долгое само по себе, затянулось вследствие того, что в 1914 г. умер акад. Ф. Ф. Фортунатов, после которого наблюдение над печатаньем перешло к акад. А. А. Шахматову; затем явились затруднения, вызванные войной и революцией; в 1918 г. умер С. Н. Северьянов; после смерти его чтение корректур и пр работы по изданию были поручены Ю В. Петровской, но в 1919 г. умерла и она, а в 1920 г. умер и акад. Шахматов, и издание было, наконец, закончено уже акад. Е. Ф. Карским.

С. Пс. напечатана в кирилловской транскрипции, строка в строку, в 2 столбца, так что каждому листу рукописи соответствует страница издания, со всей тщательностью, свойственной С. Н Северьянову. Для удобства пользования изданием все строки текста перенумерованы посередине между столбцами, а на полях дается нумерация псалмов по стихам. Внизу текста помещены многочисленные палеографические и критические примечания; в тех случаях, когда они не умещаются под текстом, вставлены дополнительные страницы, занумерованные цыфрами со звездочкой: *40, *65 и т. д. Большое неудобство издания представляет то обстоятельство, что эти дополнительные страницы с примечаниями не занесены в общую нумерацию страниц издания, но и не указаны в оглавлении; они занимают

всего 6 листов (считая лист в 2 страницы): *40, *65, *114, *117, *118—*119, *120—*121. В примечаниях указаны между прочим все ошибки издания Гейтлера (судя по изданию С. Н. Северьянова, чрезвычайно многочисленные), текст С. Пс. сопоставляется с „греческимъ соотвѣтствующаго времени“ и, в случае разпогласия текста С. Пс. с греческим или другими славянскими текстами, указывается чтение как самого греческого текста, так и Псалтырей Болонской и Погодинской. Греческое чтение указывается и в тех случаях, когда оно помогает восстановлению слова, сохранившагося в С. Пс. не вполне. В случаях согласия С. Пс. с греческим текстом, греческое чтение и варианты других славянских псалтырей не указываются. Никаких исправлений, восстановлений испорченных мест, вставок и т. п. в самом тексте С. Пс. не делается; все нужные исправления и оговорки делаются в примечаниях.

В словаре при каждом слове указаны все словарные соответствия греческого текста и приведены или перечислены все встречающиеся в С. Пс. случаи употребления каждого слова и каждой формы каждого слова. Поэтому, напр., слово **азъ** занимает $1^1/_2$ столбца, **быти** больше 7 столбцов, союз **и** — 6 столбцов, местоимение **и** — $3^1/_2$ столбца; больше всего места в словаре занимают предлоги **въ** (21 ст.), **на** 12 ст.) и **от** (14 ст.), так как приведены все случаи сочетания их с именами.

Непонятно, почему в издании не указано, какими греческими текстами Псалтыри пользовался С. Н. Северьянов для примечаний и словаря, при сопоставлении текста С. Пс. с греческим.

Москва. *Николай Дурново.*

Акад. Ол. Шахматов — Акад. Аг. Кримський: **Нариси з історії української мови та хрестоматіа з пам'ятників письменської старо-українщини XI—XVIII вв.** Видавниче Т-во „Друкар“ Київ, 1922, 182 + II стор.

Перша з зазначених розвідок уявляє з себе переклад статті покійного акад. Шахматова, що її було надруковано в II ч. видання „Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ“, 1916. Це видання є бібліографічною рідкістю, і тому тільки треба привітати появу в українському перекладі цієї статті акад. Шахматова, який користується серед українських лінгвістів цілком заслуженою повагою за вое безстороннє відношення до вкраїнського питання. Хоча російський оригінал розвідки Шахматова було надруковано ще в 1916 р., але з огляду на бібліографічну рідкість зазначеного видання „Украинскій народъ etc.“ я в дуже коротеньких рисах пригадаю зміст цієї статті.

Починає акад. Шахматів свою працю з питання про праслов'янську та праруську батьківщину; далі покійний російський славист каже про об'єднуючу ролю старого Київа; але й по першому й по другому питанню він висловлює думки й погляди, які нам відомі з инших його праць (напр., Очеркъ древнѣйшей періоды исторіи русскаго языка, Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка і де-які инші).

Далі акад. Шахматів малює історію української мови по століттях. Головні спільно-українські або, як каже Шахматів, спільно-південно-

руські язикові явища утворились в XII в. (а саме 1. *ръ, лъ, рь, ль* > *ры, лы, ри, ли*; 2. *і, у* неповного утворення; 3. придихові шелестівки *в, г, j*; 4. *кы, гы, хы* > *ки, ги, хи*; 5. кінцеве *л* > *в*; 6. подвоєння шелестівок і 7. дифтонги на місці *о, ö, е*) та в XIII-м (в звучні ствердіння шелестівок перед *е, и*, ствердіння губних шелестівок і кілька рис в словотворенні). В VI гл., яку присвячено спільно-південно-руській мові XII стол., ак. Шахматів знов сперечається з акад. Соболевським і доводить, що ті пам'ятники, що їх згуртував Соболевський, — не галицько-волинські, а просто малоруські.

IX главу Шахматів присвячує найважнішим діялектичним явищам української мови.

Розвідка акад. Кримського („Українська мова, звідкіля вона взялася і як вона розвивалася", стор. 87—128) в значній своїй частині повторює ті його погляди, що він їх висловив раніше в „Украинской грамматикѣ" та в окремих монографіях по вкраїнській мови, і тому в силі залишаються ті всі закиди, які було піднесено акад. Шахматовим в його рецензії на „Украинскую грамматику" акад. Кримського (Rocznik Slawistyczny, т. II, 1909, стор. 135—174).

Також як і раніш, але тепер уже в значно увічливіших виразах сперечається акад. Кримський з акад. Соболевським (стор. 123—124) з приводу його поглядів; також не хоче він погодитись з поглядом Соболевського на звукове значіння *ѣ* замісць *е* в „галицько-волинських" пам'ятниках (див. стор. 110). Далі, так само як і раніш, український лінгвіст росподілляє українські говірки на „східно-малоруське" та „західньо-малоруське" наріччя.

Нарешті, акад. Кримський занадто велике значіння надає свідченням старо-південно-руських пам'ятників і бачить в де-яких рисах пам'ятників XI в. (напр., в твердім *р* і цару, в мішанині *ы* та *и* і т. п.) відбиття живої південно-руської мови того часу, між тим як походження цих рис можна з'ясувати впливом ст.-слов. оригіналів.

Зі свого боку можу додати ще ось що.

Неправильно наш лінгвіст формулює суть переходу „сполучення *-лъ-* (чи то *ъл-*) в *-ов-*" (стор. 109); він лічить йога з'явищем, „сполученим з занепадом глухих". Але, в дійсности, ця зміна не „сполучена з занепадом глухих" і, як в цьому можна впевнитись на підставі відсутности переходу *л* > *в* у ф. ім. відм. одн. (стіл), в род. мн. (сел) та перед суфіксом *-къ* (*голка* < *jголька*), як раз вона розвинулась ще до занепаду глухих і розвинулась в сполученні *-ъл-*, за яким споконвіку йшла шелестівка (*вовк* < *вълкъ*). Не завжди акад. Кримський відзначає чисто-українські риси від спільно-руських або навіть рис, спільних кільком слов'янським мовам і, напр., каже, що „споконвічність сьогочасних малоруських форм *тобі, собі* цілком стверджується багатьма вказівками геть усіх пам'ятників XI віку" (стор. 103).

VIII главу акад. Кримський цілком присвятив занадто вже гострій полеміці з представниками наддністрянської або галицької мови. В глузливому тоні згадує він про намагання „погаличаненого" проф. М. С. Грушевського. Але я гадаю, що можна сперечатись тільки проти ріжниць правопису, якими галичане порушують єдність українського письма;

що-ж торкається словникових рис, то від них буде тільки одна користь, бо ними галицькі письменники збільшили й розвинули словник української літературної мови. Про це слід також згадати прихильникам „русского литературного языка, как общерусского достояния“, які визнаготь тільки „язык Шевченка“; вони мусять знати, що й „общерусское достояние“ утворилось з первістків ріжних руських наріччів. Чому-ж в такому разі українська літературна мова повинна цуратись діялектичної ріжноманітности.

Цікаво, між иншим, що акад. Кримський в розглянутій статті вживає назву „малоруський“, як і в попередніх своїх працях.

Невідомо, чому акад. Кримський „Очерки древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка“ Шахматова називає його передсмертною працею? (див. стор. 95).

Одесса. *П. Бузук.*

А. *Теодоров-Балан,* **Към тъй наречените панонски жития.** (Sur le texte des prétendues légendes pannoniennes.) Годишник на софийският университет, Истор.-филол. фак., кн. XIX. 8. София, 1923. 1—31.

Spisovatel vydal obě moravsko-panonské legendy. K vydání připojil jsem několik poznámek. (Srv. Slavia I, 1922, 136—137). V této rozpravě spisovatel podává poněkud podrobnější výklady a snaží se svá čtení blíže odůvodniti. Pokládám jeho úvahy za velmi záslužné. Neboť v obou legendách je dosti značný počet míst, rčení a slov, která vyžadují důkladného prozkoumání, aby pravý jejich smysl byl ustanoven. Účastním se řád této diskuse, chtěje přispěti k tomu, aby oba nejdůležitější prameny pro dějiny cyrilometodějské byly správně vykládány.

První místo, jež spisovatel probírá, je ŽK V **ако можеши юноше его прѣпрѣти** (ve všech rukopisech). Spisovatel soudí, že tvar **юноше** není sg. vokativ, nýbrž že je (mechanický) přepis středobulh. **юношѫ** = **юношѫ**, tedy sg. akkusativ. Podobně vyslovil se o tomto tvaru též D. Grünenthal (AslPh. 38, 138). Trvám však, že tento výklad nevystihuje správně smyslu celého místa, o něž tu běží. Legenda vypravuje: Patriarch Jannis vyhlásil učení obrazoborné, haeretické. Shromáždil se církevní sněm, odsoudil patriarchu a svrhl jej se stolice patriarší. Patriarch Jannis na to prohlásil: Násilím mě svrhli, ale nepřekonali důvody; nikdo nemůže se protiviti mým slovům, t. j. mému učení obrazobornému. Na to císař, poradiv se s patricii, ukládá mladičkému filosofu Konstantinu, aby starého patriarchu v učené hádce překonal. Následuje kritické místo. Podle výkladu spisovatelova (**юношѫ**) mluvil by císař k patriarchovi takto: Můžeš-li tohoto mladíka přepříti, přijmeš opět svou (patriarší) stolici. Ale taková interpretace odporuje, po mém soudu, celé souvislosti. Účelem legendárního vypravování jest, oslaviti mladistvého filosofa Konstantina jako vítěze nad starým ikonoklastickým patriarchou Jannisem. Konec disputace zní také skutečně: Proti argumentaci Konstantinově patriarch Jannis neuměl nic říci, byl umlčen a zahanben. Tento průběh a závěr disputace myslím nepřipouští výkladu, že slova císařská byla

obracena k patriarchu Jannisovi. Jaký smysl by mělo, vyzvati svrženéh patriarchu, aby překonal mladého filosofa? Jak by bylo možno, slibova mu, že potom zase dosedne na stolici patriarší? Vždyť přece mělo bý překonáno haeretické učení, jež zastával Jannis, a právě tento úkol b vložen na Konstantina. Souvislost tedy ukazuje, že císař slovy: ашт можеши сего прѣпрѣти činí výzvu ke Konstantinovi a že tedy j oslovuje: юноше. Další slova: то пакы столъ свои примешии ovšer nemohou býti tlumočena tak, jak spisovatel míní: »přijmeš opět svo (patriarší) stolici«, nýbrž naznačují, že Konstantin teprve po této úspěšn disputaci má zaujmouti učitelskou stolici, onen оучителꙿьныи стол o němž byla na konci předchozí kapitoly řeč. Legenda je ovšem pon kud nedůsledná. Bezprostředně dříve již oznamovala jako hotovou ud lost, že Konstantin tuto učitelskou stolici přijal a teprve potom vypravuj jak k disputaci s patriarchou Jannisem došlo a jaký byl její průbě a výsledek. Ale nutno míti na zřeteli, že celá tato scéna je fiktivn a že se vlastně žádná taková disputace, jak je v legendě vylíčena, n konala. Obtíže místa touto interpretací, která se zračí v překladu: potueris, juvenis, hunc argumentis convincere, cathedram tuam recipie nejsou úplně odstraněny. Zbývá ještě dodati, že adv. пакы nemůže zd znamenati »opět«, nýbrž asi tolik co »potom, pak«, t. j. po této dispu taci. A dále nutno ještě vysvětliti оустроивъ ve větě předchozí tal že znamená vlastně съвѣтъ оустроивъ (deliberatione habita) a niko »instruxit (sc. philosophum)«.

Druhé místo, o němž spisovatel uvažuje, naznačeno jest otázko бѣ прѣдрьжа čili прѣдрьжаи? Úplný text zní ŽK II: въ Солоунь сцѣ градѣ бѣ мѫжь етеръ, добродьнъ и богатъ, именьм Львъ, прѣдрьжа санъ дрѫгарьскꙑи подъ стратигомь. Tvar прѣ дрьжа je ve všech rukopisech a to právem. Smysl jasně ukazuje, ž part. прѣдрьжа je bližší určení přísudku, asi tak, jak bychom dosu česky řekli: V Soluně byl muž, . . . drže (ἔχων). Že se tvar složený se nehodí, ukazuje již řecké znění, v této části legendy zajisté původn jež by nemohlo býti vyjádřeno takto: ἦν ἀνήρ τις . . . ὁ ἔχων. To b dávalo asi takový smysl: V solunském městě byl muž . . ., na rozdíl o jiného muže téhož postavení ten, jenž držel. Zůstávám tedy při výklad že tvar jmenný (neurčitý) jest tu jedině správný, jenž se nenuceně po k neurčitým přídavným: добродьнъ и богатъ.

Rčení добрѣ дѣие ŽK III (Mikl.) spisovatel vysvětloval již dřív (ve svém vydání) tak, že to byl původně sg. vokativ a zněl добре дѣи k nomin. добръ дѣи. Připomenul jsem, že ve slovanštině podobn jmenné složeniny měly útvar *dobro-dějь*, *zъlo-dějь*, *čaro-dějь* a že vo kativ od nepaměti zněl *dobroděju*, *zъloděju*, *čaroděju*. Spisovatel po kouší se dokázati původnost tvarů **dobrъdějь* a t. d., ale dokladů z slovanských jazyků neuvádí a tak jeho čistě theoretické úvahy zůsta vají bez náležitých opor. Tvaru *velьmǫžь* nelze ovšem uváděti na pomo protože první jeho součást *velь-* může pokládána býti za kmen, jak *dobro-*, *zъlo-*. Výrazy *dobra dětelь* beneficium, блага дѣтель virtu jsou vlastně syntaktické vazby a nikoli jmenné složeniny. Naprosto ne doložený, ba přímo nemožný je sg. vokativ *добреи владꙑко, kter

pisovatel sestrojuje na základě rukopisného různočtení ŽM V добрѣ владыко vedle добрѣ владыко. Miklosich opravil takto: добре ладыко bone domine; zůstáváme-li při tvaru rukopisném a čtení bez и, utno odděliti slova: добрѣ, владыко a překládati: bene, domine anebo ge, domine. Složený tvar vokativu není tuším nikde dosvědčen, zejména e v jazycích, jež mají zvláštní člen (řečtina, němčina a j.), neboť je yslím v odporu s povahou tohoto pádu.

Obtíže, jež působí rukopisný text ŽM XVII казавъ благодати Usp., аза въ благодѣти Šaf., spisovatel odstraňuje tím, že doporučuje konekturu Miklosichovu: казавъ благодатити (gratias agere). Toto sloveso je osud málo doloženo. Miklosich (Lex. palaeoslov.) a Sreznevskij (Mater.) odávají vlastně jen jediný doklad, z Pandekt Antiochových, jenž u Sreznevkého podle staršího rukopisu (XI. stol., z výpisů archim. Amfilochia: Mateíaly dlja slovarja i gramm. 5. 161—190) zní takto: малы показани. eми (sic!) бл҃годѣтать сѧ. ıако б҃ъ искоуси ıа (εὐεργετηθέντες). Miklosiche pak je citován takto: благодѣтити bene disponere ant.-ost., t. j. ze slovníku Vostokova, z Antiochi pandectes, cod. saec. XVI. e tedy dosud dosvědčeno jen sloveso reflexivní благодѣтити сѧ a výnam jeho není přesně stanoven: bene disponere Mikl. εὐεργετεῖν Srezn. Podstatné благодѣть je typický slovanský výraz pro řecké χάρις gratia milost) a vlastní význam aktivního благодѣтити by byl: působiti miost. (Za řecké εὐεργετεῖν bývá благодѣıати, dobře činiti). Je tedy atrno, že čtením казавъ благодѣтити a překladem praedicans gratias git Mikl. místo není ještě uspokojivě vyloženo. Neboť smysl vyžaduje lastně »benedixit«. Při tom však působí dále nesnáze význam slovesa азати. Spisovatel interpretuje celé místo takto: Těžce nemocný Metoděj yl na Květnou neděli přítomen při božích službách. Tu se mu přitížilo proto rozkázal (казавъ) ukončiti bohoslužbu žehnáním (patrně obyklým) císaři, knížeti a t. d. Nato se účastníci bohoslužby rozešli. Kněží ak a jiní klerikové donesli nemocného Metoděje do jeho domu. Metoěj, cítě blízkost smrti, žádá je, aby jej hlídali do tří dnů, věda, že jen ak dlouho bude žíti. A tak se stalo. Spisovatel při tomto důmyslném ýkladu místa odmítá pro sloveso казати význam praedicare a pro sloeso благодѣтити béře za základ benedicere.

Velmi podrobně zabývá se spisovatel partic. оусоужьше ŽM XVII sp. = оусѫждьше. Podle jeho výkladu neběží zde o sloveso оусѫдити, od сѫдъ (soud, judicium) a překlad »usoudivše« (re considerata) e do souvislosti dobře nehodí. Domnívá se tedy, že máme před sebou iné sloveso оусѫдити, vytvořené na základě podstatného сѫдъ (sud, řevěný sud), jehož význam by byl »arca condere« (vložiti do rakve). Není o tom pochybnosti, že by se sloveso toho významu velmi dobře odilo do textu, ale je nezbytně nutno, doložiti je z textů církevně-slonských anebo aspoň dokázati, že mohlo býti utvořeno. Miklosich (Lex al.) uvádí jen оусѫдити κρίνειν iudicare (jediný význam); kromě toho ak оусѫждати s významem κατασκευάζειν adornare Hom.-Mih. 22 rkp. srb. XIII. stol.), s dodatkem: male оусоуждати (Cloz. I. 654; dalším dokladem: осоужıаемыıа (sic!) бес правьды изъмѣта libeate Bus. 294 (t. j. Th. Buslajev, Istorič. christom., podle stránky 294

je pramenem Sborn. Svjatosl. 1076). U Sreznevského (Mat.) se slovesa **оусѫдити** a **оусѫждати** nevyskytují; je tu jen subst. verb. **оусѫжение** рaзсужденіе, указаніе (tedy usouzení). Sloveso **u-sǫdi-ti* arca condere není tedy vůbec doloženo. Je-li pravděpodobné? Předně bychom očekávali *vъ-sǫditi* (v sud, v rakev vložiti). Ale jsou i další obtíže. Máme ve slovanštině dosti četné názvy pro různá nádobí, na př. *čьbanъ* (džbán), *gъrnьcь* (hrnec), *misa*, *orǫžьje*, *raky* (rakev) a t. d., ale sloves, jako by bylo nějaké **vъ-čьbaniti*, nemáme. Sloveso, spisovatelem předpokládané, je tedy naprosto nejisté.

Další místo, jehož výklad je nesnadný, nalézáme v ŽM XVII **слоужьбѫ цръкъвьнѫѭ латиньскы и грьчьскы и словѣньскы сътрѣбишѧ** (officium ecclesiasticum . . . peregerunt). Význam slovesa, jenž se tu předpokládá, není jinde náležitě doložen. **сътрѣбити** má u Miklosiche (Lex. pal.) jen významy: *συστέλλειν* compescere, *ἐξαναλῶσαι* absumere, **сътрѣбльати** *ἐκλεῖξαι* elambere. Proto je tu připojena zvláštní poznámka o našem místě, »ubi aliquid omissum videtur«. Sreznevskij (Mat.) má taktéž **сътрѣбити** истребить, уничтожить, потребить (*ἀναλίσκειν*), **сътрѣбльати** уничтожать při prvním slovese též význam похоронить s tímto dokladem: **Приемше чꙿстное тѣло сътребиша съ блгоухаꙿнием и кандилы съ свѣщами.** Похв. Іакову, сыну Зеведеову (30. апр.). Tyto významy se však do našeho textu dobře nehodí a proto Sreznevskij předpokládá zde smysl: совершить запокойную службу (s citátem našeho místa, podle čtení rkp. Usp.), tedy »officium peragere«, jak Miklosich ve svém překladě z r. 1854 (pro rozpravu Dümmlerovu) překládal. Je však zajímavo, že Miklosich později (1870, ve vydání ŽK) má jiný překlad: »officio ecclesiastico latine et graece et slovenice facto composuerunt.« Pervolf pak (Prameny) překládá: »službu obětovali.« Je patrno, že sloveso **сътрѣбити** se zde vyskytuje ve významu, jenž jinak není dosvědčen. Podobá se, že text není úplně zachován, jak naznačil Miklosich.

Vynechání několik slov předpokládá spisovatel v ŽK XI, po slově **волеѭ**. Náprava, kterou při tom má na mysli, skutečně by se lépe hodila do celého kontextu. Podle jeho mínění by řeč Kozarů byla ukončena slovem **волеѭ**. Po tomto slově by v našich rukopisech (a to ve všech) byla mezera. Vynechána by byla slova: **рече же философъ** a pak nějaký projev uznání, že Kozaři jsou ochotni, přijmouti křest nikoli násilím, nýbrž svobodně, **волеѭ**. Tak se slovo opakovalo a to bylo příčinou, že opisovatel omylem několik slov přeskočil. Do projevu Konstantinova hodí prý se pak dobře věty: Kdož z vás na západ se klaní (zůstává pohanem) anebo židovsky modlitbu koná (přijímá židovskou víru) anebo se drží víry sracinské (mohamedánské), ten »přijme smrt od nás« t. j. od našeho křesťanského Boha. Dodávám, že všechny obtíže touto interpretací přece jen odstraněny nejsou. Slova, která spisovatel vkládá do úst Konstantinovi, jsou dosti silnou hrozbou, jež se do průběhu disputace dobře nehodí. Účelem jejich bylo přesvědčiti Kozary duchovními argumenty o dokonalosti křesťanské víry. Poznámka, jež hned následuje, s hrozbou smrtí není v souhlase. Praví se totiž: I rozešli se s radostí, pokřtěno bylo z nich do dvou set a t. d. Místo zůstává nejasné.

Fr. Pastrnek.

Prof. Dr. Miloš Weingart. **Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. Přehled a rozbor filologický.** Část I. V Bratislavě 1922 (= Spisy filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě, číslo II). 8⁰. 246. Cena 40 Kč.

Намъ предстоитъ пріятная задача дать рецензію прекраснаго труда профессора д-ра Милоша Вейнгарта: Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské, část I, 1922 г., уже увѣнчаннаго юбилейной наградой Král. Čes. Společnosti Nauk na rok 1920. Трудъ этотъ, плодъ многолѣтнихъ изученій, выросъ изъ докторской диссертаціи автора: Studie o kronice mnicha Georgia Hamartola v církevněslovanské literatuře, написанной еще въ 1912 году.

Уже бѣглый просмотръ книги обнаруживаетъ два крупныя ея достоинства: своевременность ея появленія и вниманіе къ русской научной литературѣ. Уже давно выяснилось, что при недостаточности и отрывочности византійской рукописной традиціи многіе вопросы византологіи нельзя разрѣшить безъ привлеченія южнославянской и русской переводной письменности. Въ частности такъ обстоитъ дѣло и съ византійскими хронографами. И если до сихъ поръ многіе западно-европейскіе, а особенно нѣмецкіе ученые пренебрегали старой славянской письменностью, то дѣлали это, по справедливому замѣчанію д-ра Вейнгарта, „na svou vlasní škodu" (стр. 242). Притомъ къ настоящему времени о славянскихъ переводахъ византійскихъ хронографовъ и хроникъ накопилась такая обильная литература отдѣльныхъ изслѣдованій, изданій, монографій, посвященныхъ тому или иному памятнику, что вполнѣ созрѣлъ моментъ для труда синтетическаго характера, который бы поставилъ своей задачей, какъ трудъ М. Вейнгарта, обобщить все сдѣланное до сихъ поръ въ этой области, пересмотрѣть всѣ спорные вопросы и заполнить обнаруживающіеся пробѣлы. Эта обширная литература создана главнымъ образомъ трудами русскихъ ученыхъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что автору разбираемой книги часто приходится стоять на ихъ плечахъ. Напрасно поэтому почтенный авторъ безпокоится, что его вниманіе къ русской наукѣ могутъ поставить ему въ упрекъ, назвавъ его трудъ компиляторскимъ (стр. 6). Во-первыхъ, русская наука такъ мало извѣстна Западу, даже и славянскому, что всякое ознакомленіе съ нею западнаго читателя само по себѣ заслуга, какъ извѣстія, сообщаемыя путешественниками изъ Центральной Африки или Азіи. Во-вторыхъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ идетъ стопами болѣе раннихъ изслѣдователей, д-ръ Вейнгартъ никогда не работаетъ, какъ компиляторъ. Онъ всегда самостоятельно перерабатываетъ каждый спорный вопросъ, нерѣдко дѣлая цѣнныя и остроумныя исправленія и дополненія къ выводамъ и открытіямъ своихъ предшественниковъ. Напротивъ, прекрасное знакомство автора со всей литературой вопроса, въ частности съ русскими трудами, составляетъ одно изъ наиболѣе цѣнныхъ достоинствъ его книги. Если принять во вниманіе обстоятельства, при которыхъ пришлось работать Вейнгарту (стр. 3—4): міровую войну, русскую революцію, разрушеніе Австро-Венгріи, возникно-

веніе новыхъ государствъ, нельзя не удивляться энергіи и счастью, которыя дали ему возможность найти и использовать всю нужную ему огромную литературу. Незначительные пробѣлы своей книги въ этомъ отношеніи онъ самъ добросовѣстно отмѣчаетъ. Одинъ лишь упрекъ можно сдѣлать автору. Думается, онъ могъ бы посѣтить, если не Хиландаръ, то хотя бы Сербію и поработать въ ихъ книгохранилищахъ. Въ этомъ случаѣ отдѣлы о хроникѣ Зонары, Паралипоменѣ Зонары и о глоссахъ къ хронографу Манассіи были бы разработаны имъ полнѣе и отчетливѣе.

Кромѣ обширной эрудиціи, въ авторѣ обличаютъ крупную научную силу ясность мысли и точность критическаго анализа, съ которыми онъ умѣетъ извлечь изъ использованной имъ литературы дѣйствительно цѣнное, отбрасывая недостаточно обоснованное и проблематичное.

Нельзя не остановиться и на изложеніи книги Вейнгарта: сжатое, ясное, точное, оно является образцовымъ въ методологическомъ отношеніи. Авторъ чрезвычайно твердо и умѣло ведетъ своего читателя по зыбкой почвѣ спорныхъ вопросовъ и сквозь дебри противорѣчивыхъ мнѣній къ нужнымъ ему выводамъ, ведетъ самымъ краткимъ, простымъ и логически яснымъ путемъ. Такимъ образомъ въ лицѣ Вейнгарта можно привѣтствовать не только обѣщающаго ученаго, но и выдающуюся научно-педагогическую силу.

Но нѣтъ ничего безъ недостатковъ. Главнымъ недостаткомъ труда почтеннаго ученаго является то, что онъ работаетъ почти исключительно на основаніи изданнаго матеріала, не обращаясь къ самостоятельному изученію рукописей даже и тогда, когда имѣющіяся въ печати свѣдѣнія о нихъ онъ самъ признаетъ неполными и недостаточными. Пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи — вѣнская рукопись хронографа Зонары, впервые болѣе подробно изученная лично Вейнгартомъ.

Переходимъ къ отдѣльнымъ памятникамъ и вопросамъ. Во 2-ой главѣ рѣчь идетъ о хроникѣ Іоанна Малалы, антіохійскаго ритора VI ст. Слѣдуя русскимъ ученымъ, главнымъ образомъ ак. Истрину, Вейнгартъ приходитъ къ выводу, что русскій лѣтописецъ, уже пишучи о событіяхъ 1114 года, имѣлъ подъ рукой славянскій переводъ Малалы (стр. 24), что подлинника этого перевода мы теперь не имѣемъ, а сохранились только два списка русскаго компилятивнаго хронографа, составленнаго на его основѣ въ 1262 году (стр. 30). Опровергнувъ затѣмъ фантастическія гипотезы архим. Леонида о всеобъемлющей литературной дѣятельности Григорія, іеромонаха всѣхъ болгарскихъ церквей при Симеонѣ (стр. 31—35), и Шахматова объ энциклопедіи, составленной для болгарскаго царя Симеона (стр. 33—35), Вейнгартъ ограничиваетъ переводческую дѣятельность Григорія вслѣдъ за Евсеевымъ такъ называемымъ октатеухомъ (стр. 35—39), а переводъ Малалы приписываетъ неизвѣстному болгарскому писателю X—XI в. (стр. 39).

Вся аргументація автора въ пользу болгарскаго происхожденія перевода заключается въ фразѣ: „Poněvadž pak se nepředpokládá, že

té době[1]) by byla již na Rusi tak rozvitá činnost překladatelská, je asnadě mínění, že slovanský překlad Malaly náležel literatuře staroulharské. Tak soudil i Jagić". Авторъ, въ другихъ случаяхъ столь сторожный и методичный, здѣсь непонятнымъ образомъ игнорируетъ, то онъ не можетъ указать никакихъ слѣдовъ перевода Малалы въ олгарской письменности, а что въ русской онъ извѣстенъ если не ъ XI, то во всякомъ случаѣ въ первой четверти XII вѣка и отраилcя въ рядѣ русскихъ историческихъ произведеній: старѣйшемъ лѣтоисномъ сводѣ, іудейскомъ хронографѣ 1262 года, въ чрезвычайно поулярномъ на Руси Еллинскомъ и римскомъ лѣтописцѣ. Далѣе, труды ухомлинова, Шахматова и другихъ изслѣдователей русской лѣтописи становили, что на Руси уже во второй половинѣ XI вѣка существоала довольно значительная исторіографическая литература, которая, о-первыхъ, обусловлена была знакомствомъ съ соотвѣтствующими отаслями византійской литературы, во-вторыхъ, обнаруживаетъ болѣе ысокій литературный уровень, чѣмъ тотъ, который требуется для ростой переводческой дѣятельности. Такимъ образомъ съ этой стооны нѣтъ никакихъ основаній утверждать, будто появленіе перевода Іалалы въ русской письменности начала XII в. совершенно невозожно, а это единственный аргументъ Вейнгарта. Здѣсь при отсутвіи прямыхъ указаній рукописей можетъ дать рѣшеніе лишь языкъ еревода. Но авторъ старается свести вопросъ съ этой почвы. Всѣ амятники, включающіе въ себя этотъ переводъ: и Лѣтопись, и Іудейкій хронографъ, и Еллинскій и римскій лѣтописецъ — памятники усскіе и языкъ ихъ — церковнославянскій языкъ русскаго извода. оэтому авторъ утверждаетъ, что открыть первоначальный языкъ переода подъ столькими наслоеніями „je téměř beznadějné" (стр. 46—47). Іежду тѣмъ многочисленныя изслѣдованія въ области переводной слаянской литературы акад. Соболевскаго и другихъ русскихъ ученыхъ оказываютъ, что староболгарскій языкъ X—XI вѣковъ имѣетъ такія ркія лексикальныя и морфологическія, особенно въ области глагола, тличія, а славянскіе переписчики и передѣлыватели отличались такимъ онсерватизмомъ, что обычно особенности первоначальнаго перевода рорываются даже въ очень позднихъ спискахъ и въ статьяхъ много еньшаго объема, чѣмъ хроника Малалы. Такимъ образомъ и въ этомъ тношеніи сомнѣнія Вейнгарта врядъ-ли оправданы. Да и вообще на днихъ сомнѣніяхъ въ русскомъ происхожденіи перевода Малалы нельзя троить положительнаго утвержденія, что онъ возникъ на болгарской очвѣ.

Въ дальнѣйшемъ Вейнгартъ, слѣдуя трудамъ главнымъ образомъ к. Истрина, выясняетъ, что упомянутый выше Іудейскій хронографъ, охранившій намъ наиболѣе значительные отрывки славянскаго Маалы, возникъ въ 1262 году въ Западной Россіи, что изъ двухъ его писковъ виленскій переписанъ въ Западной же, а Московскій архивый въ Южной Руси (стр. 40—43). Далѣе, онъ вкратцѣ намѣчаетъ тношеніе къ Малалѣ 1-ой и 2-ой редакціи Еллинскаго и римскаго

[1]) т. е. въ XI. вѣкѣ.

лѣтописца, изученнаго ак. Истринымъ (стр. 44—45); выясняетъ цѣнность славянскаго перевода Малалы для византолога въ виду того что греческій подлинникъ плохо сохранился (стр. 44—45); оцѣниваетъ его изданія, въ особенности труды ак. Истрина (стр. 47—49), наконецъ даетъ характеристику самого перевода Малалы: онъ неполонъ въ особенности тамъ, гдѣ переводчикъ могъ замѣнять Малалу хроникой Георгія Амартола и Іосифомъ Флавіемъ, но тѣмъ не менѣе даетъ возможность не только исправлять, но и дополнять греческій оригиналъ; переводчикъ невсегда хорошо понималъ подлинникъ, допускалъ ошибки и многіе греческіе термины оставилъ не переведенными (стр. 49—51).

Третья глава посвящена Георгію Синкеллу, писателю VIII в., и Никифору, патріарху цариградскому въ 806—815 годахъ, съ его *Χρονογραφικὸν σύντομον*. Относительно перваго чешскій ученый, какъ и самъ признаетъ, ограничивается изложеніемъ выводовъ ак. Истрина (стр. 54): переводъ сдѣланъ въ XIV в. на Руси (стр. 54), изъ греческихъ списковъ ближе всего къ парижскому, но представляетъ собой особую, на греческомъ языкѣ не сохранившуюся редакцію хроники Синкелла. Это первоначальная краткая ея редакція, принадлежащая самому автору, который позднѣе переработалъ ее въ трудъ болѣе обширный (стр. 53—54).

И относительно Никифора Вейнгартъ встрѣтилъ обстоятельныя работы предшественниковъ, въ особенности Степанова, выводы которыхъ и усвоилъ себѣ. Извлеченіе изъ Никифорова хронографа имѣется уже въ Сборникѣ Святослава 1073 г., оригиналъ котораго былъ составленъ для Симеона болгарскаго. Этотъ текстъ стоитъ отдѣльно (стр. 58—59). Всѣ остальные многочисленные славянскіе списки этого памятника дѣлятся на двѣ редакціи (стр. 59—60). Обѣ онѣ восходятъ къ старѣйшей греческой редакціи Никифора (стр. 60). Внимательное изученіе ихъ показываетъ, что первоначальный переводчикъ былъ человѣкомъ неопытнымъ и слабо знавшимъ греческій языкъ, но затѣмъ его трудъ попалъ въ руки очень способнаго литератора, который взялъ на себя его исправленіе и дополненіе. Эта передѣлка Никифора существовала уже въ началѣ XII в. (стр. 60—61). Жаль, остается неяснымъ, гдѣ возникла указанная переработка греческаго памятника, въ Болгаріи же или уже на Руси. „Лѣтописецъ вкратцѣ“ патр. Никифора своей хронологіей имѣлъ сильное вліяніе на старую русскую историческую письменность, внеся въ нее многочисленныя ошибки и погрѣшности, которыя, впрочемъ, не всѣ должны быть поставлены въ вину самому его автору (стр. 61—62).

Четвертая глава имѣетъ дѣло съ Симеономъ Логофетомъ. Здѣсь руководителемъ автора является по преимуществу одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ византологовъ Васильевскій. Славянскій переводъ сохранился въ одной только поздней рукописи XVII в. румынскаго происхожденія (стр. 74—76, 81—82), изданной В. Срезневскимъ (стр. 76). Текстъ его сходенъ не съ псевдо-логофетомъ, а со Львомъ Грамматикомъ (стр. 76—77, 80, 82). Изъ списковъ Логофета ближе всего стоитъ къ нему Codex Venetus Marcianus № 608, XV ст. (стр. 78—80)

Іереводъ доведенъ до 948 года, на которомъ, по мнѣнію Крумбахера, оканчивался и подлинный Логофетъ (стр. 75). Что касается времени его возникновенія, Вейнгартъ не рѣшается примкнуть къ мнѣнію Ва-сильевскаго, относящаго его на основанін сходства по содержанію съ хроникой Константина Манассіи къ одному съ нею времени, т. е. къ первой половинѣ XIV в. (стр. 76). Онъ считаетъ болѣе осторожнымъ отнести его къ началу XV столѣтія въ виду того, что переводъ сдѣ-ланъ съ греческаго оригинала, послужившаго прототипомъ для ве-неціанскаго списка, написаннаго въ XV в. (стр. 82). Не могу только уловить, какую связь видитъ почтенный изслѣдователь между этимъ памятникомъ и 1408 годомъ, когда возникъ Паралипоменонъ Зонары (стр. 244).

Codex Venetus, впрочемъ, устанавливаетъ лишь terminus ante quem и нисколько не противорѣчитъ гипотезѣ Васильевскаго, который отнесъ переводъ къ XIV вѣку, очевидно, полагая, что послѣ паденія бол-гарскаго царства появленіе на болгарской почвѣ трудовъ такого рода врядъ-ли являлось возможнымъ.

Съ пятой главы авторъ книги вступаетъ въ области, менѣе раз-работанныя въ научной литературѣ. Многое здѣсь приходится ему разрабатовать и устанавливать главнымъ образомъ собственными усиліями.

Пятая глава трактуетъ о хроникѣ Іоанна Зонары, возникшей около половины XII в. Славянскій переводъ этого памятника принадлежитъ къ наименѣе изученнымъ. Не только нѣтъ критическаго изданія его, какія имѣются для Малалы, Никифора, Симеона Логофета, но даже часть его списковъ до сихъ поръ извѣстна ученому міру лишь изъ самыхъ поверхностныхъ указаній. Таковы рукописи карловацкая, грачаницкая, хиландарская и вѣнская (стр. 87—89). Подробное опи-саніе послѣдней рукописи (стр. 90—101) и сравненіе ея съ бѣлград-скимъ спискомъ на основанін свѣдѣній и извлеченій, данныхъ Кача-новскимъ, и составляетъ главный взносъ Вейнгарта въ изученіе дан-наго памятника (стр. 101—103). Познакомимся съ его выводами. Вѣнскій списокъ возникъ въ XVI в. (стр. 89), писанъ на бумагѣ на 377 листахъ (свѣдѣній о водяныхъ знакахъ нѣтъ). До 295 листа пи-салъ попъ кѵръ іо(аннъ) дебрскій, остальную часть рукописи кѵръ ...наніе (стр. 90). Языкъ церковнославянскій сербской редакціи. Главное отличіе правописанія вѣнскаго списка отъ бѣлградскаго болѣе частая мѣна *ѣ* и *е*, *ы* и *и* (стр. 90). Обѣ рукописи списаны „ze společné před-lohy“ (стр. 103). Далѣе, Поповъ установилъ, что списки Ундольскаго, бѣлградскій и хиландарскій представляютъ одну и ту же редакцію, соотвѣтствующую греческой сокращенной, причемъ первыя 12 книгъ Зонары переведены полностью, остальныя же сокращены (стр. 103). Въ виду появленія новыхъ болѣе научныхъ изданій греческаго текста, неизвѣстныхъ еще Попову, Вейнгартъ взялъ на себя трудъ провѣрить его выводы (стр. 104—117). Утвержденіе Попова относительно первыхъ 12 книгъ оказывается вполнѣ правильнымъ (стр. 108). Вторую же по-ловину его вывода чешскій ученый замѣняетъ наблюденіями болѣе точ-ными. Тѣ части Зонары, которые славянскій переводчикъ оставляетъ

онъ переводитъ съ тою же полнотою, какъ и въ предыдущей части своего труда, даже дополняя ихъ глоссами о славянскихъ дѣлахъ (стр. 111), но зато онъ просто выпускаетъ цѣлые не интересующіе его отдѣлы хронографа (стр. 113). Нѣкоторые такіе выпуски указываются Вейнгартомъ (стр. 113—114). Выпущенными оказались послѣдняя, XVIII-ая, книга Зонары и половина XVII-ой (стр. 114), такъ что славянскій переводъ его останавливается на 1028 годѣ (стр. 114). Сравненіе, произведенное Вейнгартомъ, славянскаго текста съ оригиналомъ показало, что переводъ „volný . . ., a vlastně jenom parafrase příliš rozsáhlého díla Zonarova“ (стр. 116). Въ связи съ этимъ стоитъ и высокая литературная его цѣнность. Переводчикъ не слѣдуетъ рабски подлиннику, языкъ его приближается къ народному, иногда напоминая чистый языкъ грамотъ и народныхъ пѣсенъ. Географическія названія и собственныя имена иноязычнаго происхожденія онъ нерѣдко переводитъ на славянскій языкъ. Его лексиконъ богатъ, заключая въ себѣ слова, которыхъ нѣтъ ни въ словарѣ Миклошича, ни въ Матеріалахъ Срезневскаго (стр. 124).

Вопросы о мѣстѣ и времени возникновенія славянскаго перевода Зонары принадлежатъ къ наиболѣе запутаннымъ. Сербское происхожденіе всѣхъ извѣстныхъ его списковъ и систематическая замѣна терминовъ д а к і е ц ъ, д а к і й с к і й словами с е р б и н ъ, с е р б с к і й побудили не только Попова, Качановскаго, Иконникова, но и лингвиста Ягича, безъ болѣе внимательнаго изслѣдованія, отнести этотъ переводъ къ сербской письменности (стр. 120—121). Лишь Лавровъ указалъ, что всѣ главные списки Зонары: бѣлградскій, Ундольскаго и вѣнскій заключаютъ много болгаризмовъ фонетическихъ и морфологическихъ, которые не могли быть внесены въ нихъ послѣдними переписчиками (таковыми были явно сербы), а попали въ нихъ изъ ихъ общаго первоисточника среднеболгарскаго извода (стр. 121). Вейнгартъ присоединяется къ Лаврову и подкрѣпляетъ его не только своими личными наблюденіями надъ языкомъ бѣлградскаго и вѣнскаго списковъ, но и удачно подмѣченными имъ глоссами переводчика. Онѣ обнаруживаютъ спеціально болгарскую точку зрѣнія на событія и знакомство съ болгарской топографіей (стр. 121—123). Указаніе переводчика „**велть же есть близь ѡдрина града**“ даже побуждаетъ чешскаго ученаго осторожно поставить догадку, не изъ этой ли мѣстности былъ онъ родомъ (стр. 123).

Еще сложнѣе вопросъ относительно времени возникновенія перевода. Поповъ, Качановскій датировали его 1344-ымъ годомъ на основаніи слѣдующаго мѣста въ спискѣ Ундольскаго: **съвръшеноу же бывшоу Констаитиноу градоу въ аі дьнь маїа мѣсеца . и вънегда съвръши сего . сътвори праздникъ, глаголемыи обновленіе и рожденіе . Ѿт създаниа же мирꙋ бѣ лѣтъ єѡли** (5838 = 330 по Р. Хр.), **ꙗко быти коньстантиноу градоу ѡтъ създаниа его даже до дьнесь лѣть ѕ . тысоущь и ѡн и двѣма** (6852 = 1344 по Р. Хр.). Однако въ старѣйшихъ спискахъ: бѣлградскомъ, карловацкомъ, вѣнскомъ вмѣсто послѣдней фразы находимъ (цитирую по карловацкой руко-

писи Л. 335 б): **ıако быт кѡнѕ/стантин8 град8 ѿ създанїа єго даже до днсь. лѣ тѡм, ѡ҃, м҃** (840). Получается непримиримое противорѣчіе (стр. 118). Чтобъ выйти изъ него, Вейнгартъ принимаетъ цифру старѣйшихъ списковъ. Она сходится и съ его толкованіемъ анализируемой фразы: *„а было Константинополю отъ его созданія до настоящаго времени 840 лѣтъ“*. При такомъ пониманіи фразы цифра 6852 въ ней явно неумѣстна. Складывая годъ основанія Константинополя 330 и 840, авторъ получаетъ 1170 годъ. Однако онъ не рѣшается признать его датой возникновенія славянскаго Зонары въ виду тѣхъ политическихъ и культурныхъ условій, которыя въ это время переживала Болгарія (стр. 118—119). Ему приходится ограничиться выводомъ: „vznik překladu nemáme datován vůbec“ и отнести переводъ „jen přibližně . . . na XIV století“ (стр. 120). Самое появленіе въ славянскомъ текстѣ этой фразы, не имѣющейся въ греческомъ оригиналѣ, авторъ объясняетъ свободнымъ отношеніемъ переводчика къ подлиннику и глоссой какого-либо не сохранившагося до насъ греческаго списка (стр. 119).

Думается, эти заключенія нѣсколько поспѣшны. Ниже этой вставки Зонара сообщаетъ, что нѣкій Валентъ, старѣйшина всѣмъ звѣздочетцамъ, предсказалъ Константину, что основанный имъ новый городъ просуществуетъ всего 696 лѣтъ. Зонара прибавляетъ, что пророчество это оказалось ложнымъ, такъ какъ опредѣленный Валентомъ срокъ давно уже истекъ и въ его время, а Константинополь все еще продолжаетъ стоять. Это именно соблазнило и славянскаго переводчика и съ своей стороны вставить глоссу, что Константинополь стоялъ непоколебимо и въ его время. Такъ именно, а не какимъ-либо недоразумѣніемъ съ неизвѣстнымъ намъ греческимъ варіантомъ объясняется появленіе нашей вставки. При этомъ „**ıако быти Коньстантиноу градоу ѡть създаша єго даже до дьнесь лѣть ѕ҃. тысоущь и ѡ҃н҃ и двѣма**“ въ спискѣ Ундольскаго означаетъ: „такимъ образомъ Константинополь существуетъ отъ своего основанія даже до настоящаго времени, шесть тысячъ восемьсотъ пятьдесятъ второго года“, какъ и понимали это мѣсто Поповъ и Качановскій. Правда, списокъ Ундольскаго поздній, XVII в., но цифра тысячей существовала и въ древнихъ рукописяхъ. Паралипоменонъ Зонары, возникшій на основѣ славянскаго Зонары въ 1408 году, въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ имѣетъ чтеніе. **а и ѡсмь сотъ и. н҃в**“. Мѣсто явно испорчено, но также явно, что ошибка получилась путемъ замѣны буквою **а** цифры ѕ҃ во фразѣ, вполнѣ тожественной съ тою, которая читается въ спискѣ Ундольскаго. Слѣд., находящееся въ этой рукописи число восходитъ ко времени до 1408 года. Итакъ, списокъ Ундольскаго и Паралипоменонъ Зонары даютъ 6852-ой, т. е. 1344-ый годъ. Но какъ же тогда отнестись къ датѣ другой группы рукописей? Она отличается, во-первыхъ, опущеніемъ цифры тысячелѣтій. Тутъ нѣтъ нужды видѣть даже описку. Опущеніе тысячелѣтія при датировкѣ встрѣчается и въ другихъ случаяхъ и объясняется психологически, какъ и наша манера опускать текущее столѣтіе. Во-вторыхъ, на мѣстѣ десятковъ и единицъ вмѣсто н҃в҃ эта группа имѣетъ м҃, т. е. 40. Такъ получаемъ дату (6)840-ой, т. е. 1332-ой

годъ. Какъ выйти изъ этого противорѣчія? Полагаю, что переводъ былъ сдѣланъ именно въ 1332 году, на второй годъ царствованія Іоанна Александра Асѣня, при которомъ же возникли и переводъ хроники Манассіи, и знаменитыя глоссы къ ней, и второй переводъ Георгія Амартола. Двѣнадцать лѣтъ спустя, одинъ изъ переписчиковъ этого труда, отнесясь съ тѣмъ же интересомъ къ вопросу о судьбѣ Константинополя, подновилъ дату сообразно съ временемъ переписки рукописи. Интересъ этотъ могли подогрѣвать смуты въ Византіи и притязанія Стефана Душана на Царьградъ. Отъ оригинала перевода произошли списки бѣлградскій, вѣнскій, карловацкій, отъ подновленнаго списка Паралипоменонъ Зонары и рукопись Ундольскаго.

Всѣ изученные до сихъ поръ списки Зонары принадлежатъ одной и той же редакціи. На основаніи аналогіи и объема карловацкой рукописи Вейнгартъ высказалъ предположеніе, что и она не составляетъ исключенія (стр. 103).[1]) Мои наблюденія надъ этимъ спискомъ[2]) вполнѣ подтверждаютъ остроумную догадку чешскаго ученаго. Чтобы не быть голословнымъ, приведу ихъ вкратцѣ здѣсь.

Карловацкій списокъ хранится въ Патріаршей библіотекѣ въ Карловцахъ Срѣмскихъ. Переплетъ кожаный коричневый на деревянныхъ доскахъ, XVI в. Толстая желтоватая бумага съ неразборчивымъ водянымъ знакомъ. Рукопись въ большой листъ, на 416 листахъ, въ одинъ столбецъ высотой ок. 20 снт. Писана двумя почерками, можетъ быть одной руки. Первые 410 листовъ идетъ крупный полууставъ XV в. по 25 строкъ въ столбцѣ, съ высотою буквъ въ 3—3,5 mm. Послѣдніе 6 листовъ писаны болѣе мелкимъ полууставомъ, но, повидимому, той же рукой, по 49 строкъ въ столбцѣ, съ буквами въ 2 mm высоты. Чернила обычныя, черныя. Заглавія и начальныя буквы пишутся киноварью. Узоръ ихъ простой, ленточный. Языкъ церковно-славянскій сербскаго извода. Рядъ приписокъ, старѣйшая 1529 года. Изъ экономіи мѣста не привожу ихъ, т. к. онѣ изданы.

Перехожу къ содержанію рукописи. Вся она занята хронографомъ Зонары. Карловацкій списокъ (*K*) подобно бѣлградскому (*B*) и вѣнскому (*V*) имѣетъ два оглавленія: въ началѣ и концѣ. Оглавленія эти нѣсколько различаются между собой. Опуская многочисленныя болѣе мелкія различія, выбираю нѣсколько болѣе показательныхъ, приводя параллели изъ остальныхъ списковъ, гдѣ онѣ намъ даны. Послѣ Ровоама въ началѣ помѣщены **цр͡ство а̑сово + цр͡ство̀ нава́тово**, чего нѣтъ въ концѣ (такъ *B* и *V*). Нач. **како поста́вїи навꙋза́рьдан҄ гóдолїю оу҆строи́телїа̑, запоу҆стен҄нѣй цр҇кви̇̀ і̑ѐр͡м(сц)еи̑**, въ концѣ вмѣсто **запоу҆стен҄нѣй** стоитъ **запꙋстѣй**, *B* имѣетъ **заплетѣи** (изъ **запꙋстѣи**), *V* — **запꙋстѣнѣи**. Нач. **ѡ̑ данилѣ і̑ ѿ треˣ ѿтрóкѡˣ**, кон **трехь ѿт҄рóкь** (такъ и *B*; *V* — трѣхь). Нач. **повелю́нїє кѷрови̇̀ да**

---

[1]) Остальные списки: хиландарскій и грачаницкій оставлены д-ромъ Вейнгартомъ вовсе безъ разсмотрѣнія.

[2]) Возможностью изучить этотъ списокъ я обязанъ любезности извѣстнаго сербскаго историка Димитрія Руварца.

зиждет сѐ цр҃ква їер҃лмскаа, кон. поновленїе (sic!) кѷрово... цркве їер҃лмска (такъ *B*; *V* — цркве). Нач. лѕ҃. оухищренїе еже сътвори бнюх даріевь, въ концѣ этой фразы нѣтъ (такъ *B* и *V*, но *B* вмѣсто ухищренїе имѣетъ оухитренїе). Нач. цр҃тво потоломеа ф(ила)дел҃фа. он. братолюбца (такъ *B* и *V*, но въ нихъ пьтоломеа). Нач. о їродѣ ри, и ѿ дроугим їродїи, ї о иримскых кесарех, и ѿ їер҃лмском разорнїи, и погоублюенїи їоудейском (такъ *B*, но римьскыхь; *V* нѣсколько тличается орѳографіей), кон. како начеть и подвиже се иродь и оїкрїе кесарь. и прочи начелници. и елика сътворише се вь їер҃лмѣ вь їоудей (такъ и *B*; но *V* послѣ ирод вставляетъ ѿбладти їоудеем сѣм, и здѐ ес и дроугы ирод). Нач. траиана кесара, кон. траина (sic) есара (такъ и *B*). Въ началѣ послѣ Максиміана идетъ цр҃тво маѯиинова, въ концѣ эти слова отсутствуютъ (такъ и *B*, и *V*). Нач. цр҃тво алаго Ѳеод҃ска въ кон҃стан҃тинѣ градѣ, въ концѣ опредѣленіе мѣста тсутствуетъ (такъ *B* и *V*). Послѣ Ѳеодосія въ началѣ цр҃тво анастаеево, въ концѣ оно опущено (такъ и *B*). Нач. цр҃тво василїа пор҃фирогенита, кон. багренородна (такъ и *B*; *V* — багрѣнородна). Нач. рствo леѡна ар҃менина. Сего леона арменина цр҃во прежде михаила морїа + и ѳеѡфила нь здѣ ѡбретших се не прѣложихом, нь тако аписахѡм (такъ *B*; *V* имѣетъ нѣсколько иное правописаніе), конецъ р҃тво льва армѣнина. Сего же льва арменина цр҃тво прѣжде ѳеѡфила р҃тва ес. нь на конц книгы писа се. Начало фразы сходно съ *B* (въ — ар҃менїа... прѣже ѳеѡфилова), но конецъ съ *V* (*B* — на коньць нигь писахь). Кромѣ того, нашъ списокъ отличается отъ *B*, если доѣриться извлеченіямъ Качановскаго, въ слѣдующихъ случаяхъ: кон· р҃тво їѡарамово, *B* — ихарамово; ц҃ртво їоуїеово, *B* — соуїеово; р҃тво їѡасафово, *B* — їwасамово; ц҃ртво їѡаѳамово, *B* їwсамово. Въ воемъ сравненіи вѣнскаго списка съ бѣлградскимъ Вейнгартъ ничего е говоритъ объ этихъ мѣстахъ, хотя искаженія именъ до того поазительны, что даже и при полномъ сходствѣ списковъ должны были ыть отмѣчены. Не знаю, имѣю ли основаніе изъ молчанія Вейнгарта аключать, что и вѣнскій списокъ въ этихъ случаяхъ совпадаетъ съ ѣлградскимъ.

Изъ этого сопоставленія видимъ, что всѣ три списка принадлеатъ той же редакціи, такъ какъ имѣютъ общія ошибки. Когда между и *V* замѣчается различіе, карловацкій списокъ, кромѣ двухъ слуаевъ, даже въ мелочахъ предпочитаетъ *B*. Его текстъ старше и исправѣе, чѣмъ *B*. Не говорю объ именахъ еврейскихъ царей, но и запустѣи, онечно, не могло получиться изъ заплетѣи, а скорѣе получилось аоборотъ. Но пока нѣтъ достаточныхъ данныхъ противъ того, что можетъ быть испорченной копіей съ Карловацкаго списка: пьтолоеа *B* вмѣсто потоломеа могло легко быть возстановлено изъ текста.

Оглавленіе внутри книги очень отличается отъ двухъ другихъ. Къ сожалѣнію, о бѣлградскомъ спискѣ намъ въ этомъ отношені ничего неизвѣстно. Сравнительно съ вѣнскимъ нашъ имѣетъ рядъ от личій. Такъ опущены оглавленія, которыя мы находимъ въ вѣнском спискѣ на лл. 4в (въ *K* оставлено для него въ текстѣ пустое про странство для киноварнаго письма), 5b **ѿ земли и̂ ѡ̂ мори̂**, 6a, 9a 10a, 19в, 20a, 20в, 21a, 22a, 22в, 23a, 23в, 24a **ка́ко прѣи̂доше море** 28в, 31в, 32a **ка́ко прѣи̂до̑ш иордань по сѹ̂хѹ**, 32в, 33a, 39a, 39в, 40 **ка́ко ѡ̂стриже далида самѱѡнѹ всѹ крѣпо̑с. и прѣда̑ сего и̂но племєникѡ̑м**, 42в, 49в ib., 50a, 51a marg., 51в, 64в, 79в **ѡ̂ гла́де**, 88 marg., 88в, 98a, 98в, 104в, 107в, 129в, 175в, 203в, 212в, 213a, 213в 256в, 300в, 332в, 333в **ѿврѣте гробь** и т. д., 334в, 342в, 347a 348a, 358a. Это опущеніе заглавій не означаетъ собою пропуска и со отвѣтствующихъ статей. Я не имѣлъ возможности провѣрить всѣ случаи но при всякой попыткѣ провѣрки нужная статья оказывалась на своемъ мѣстѣ.

Съ другой стороны имѣется рядъ заглавій, отсутствующихъ въ вѣнскомъ спискѣ. Такъ послѣ разсказа о Немвродѣ на л. 11б marg зеленой краской написано **ѿ а̂враамѣ**, на л. 12a marg. **ѿ і̂сацѣ**. Послѣ статьи о Силуемѣ находимъ на л. 37б marg. **ѿ хосасари̂ѳема́а (!) — ѿ Гѡтонилѣ. — ѿ а̂водѣ**. Послѣ разсказа о явленіи ангела Гедеону стоитъ на л. 39a marg. **ѿ гедѡнѣ**, на л. 39б marg. **ка̑к сходи̑ гиедеѡн войскѹ — ѿ а̂вимелехѹ**. Послѣ рожденія Сампсона слѣдуетъ на л. 41a marg. **ѿ жрьтвѣ**. Послѣ помазанія Саула на царство помѣщены на л. 47б **ка́ко побѣди̑ саоу̂ль и̂ноплеменикы**, на л. 48a **ка́ко прокле самоуи̂лъ саѹла**. Послѣ помазанія на царство Давида на л. 50б **ка́ко побѣжде̑нь бы̑с голиа́ѳъ**. Послѣ Саулова покушенія убить Давида на л. 52б **ка́ко бы̑ дв̑дь ꙗко оу̂родивь**. Послѣ статьи **ка́ко бы̑с дв̑дь цр̑ь на̑д всеми̂ е̂врей** слѣдуютъ л. 59a marg. **ѿ цр̑кви**, л. 59б **ѿ же́нѣ вир̑савѐе** (въ *V* **ѡ̂ женѣ оу̂рі̂инѣ**), л. 60 marg. **ка́ко бы̑с а̂мо̑н съ се- строю**, л. 61a marg. **ка́ко побѣж̑ а̂веса́лѡ̑м**, л. 61б marg. **ка̑к ѿвржеⷭ а̂веса́ло̑м**, 63a marg., **ка́ко ѹбише а̂ве́салома̀** (*V* 60a marg. **ка́ко ѹбіени бы̑с а̂весаломь**), л. 64a **ѿ гла́доу**, л. 64б **ѿ ѱал̑тири**, л. 65a **ка́ко хотеꙗше дв̑дь и̂з̑ч̑тати лю̑ди**, л. 65a **ѿ двцѣ ꙗже спа́ше сь д̑вѡмь**. Послѣ царства Соломонова идетъ на л. 68a **ѿ цр̑кви ю́же сьз̑да соло- монь, вь е̂р̑лмѣ**, послѣ царства Ровоамова на л. 70б **ѿ прр̑цѣ і̂ѡан̑нѣ**, послѣ Ахавова царства на л. 74a **ка́ко прі̂иде и̂лі̂а кь а̂хавоу** послѣ Іорамова царства на л. 79a marg. **ка̑к оу̂сла̑ди во̑ди**, послѣ Нее- мана на л. 81б marg. **ѿ і̂ѡ́раме**, на л. 82a **ѿ гла̑дѹ**, послѣ Анастасія на л. 86б marg. **ѿ прі̂иче**, послѣ **моуки … поще̑ни̑це** на л. 102б marg **по а̂лебза̑дре ра́з̑дели се̂ цр̑тво е̑ж и̂г̑дѣ кои ѿвла̑д на́, д̑, чести**, на л. 103a marg. **ѿ римлꙗне̑х**. Передъ статьей **ѿ товиѳѣ . ла́** имѣемъ на л. 111б **ѿ и̂оу̂диѳѣ** marg. **л̑**, передъ разсказомъ объ убійствѣ Иродомъ

кены на л. 195б marg. ка́ко ȣ̂би ї̂рѡ҇д, ӓр҇кана. Заглавіе ѿ кле́ветѣ лѐѯан҇дровѣ с͠на ї̂рѡ҇двѝ повторяется на лл. 201б marg., 202б marg., а нимъ вставлено на л. 203б marg. ѿ ти́ронѣ ка́ко ȣ̂кори ї̂ро́да. Іослѣ Авриліана V имѣетъ Максимина, K дважды Максиміана лл. 29б, 330a marg. Послѣ Аркадія онъ имѣетъ на л. 344ац р͠ство ȏноїевѡ въ вѣтхы҇м римѣ, послѣ Анастасія Дикора на л. 353б marg. итаемъ зр҇и камáтȣ въ пра҇в врѣ҇мна. Предъ Θеофиломъ имѣются надиси на л. 365a прѣ҇дстáтел҇ же монáстира г͠лемаго сакȣдїѡ҇н, на . 366a не сїа слнце н҇ь помрáчи се. Послѣ мученія Θеофана и Θеодора а л. 372б ӥзы́дѣте Ѥ̂зы́ци ӥзыдѣте лю҇дие . ӥ ви҇дите д͠нь ц͠ра ͠бнаго̀, послѣ царства Михаила, сына Θеофилова, на л. 391a васї́лїе кѐ, на л. 392б патрїа҇рхȣ же: — Ӥ(гнатїю оу҇мрьшȣ),[1]) послѣ царства Іьва Премудраго на л. 401б ц͠рь же Леѡ҇н: ж(ивѣ же сь дьщерїю лоу҇цевою г͠лемою зоѝ.[1]) Въ спискѣ V заглавія завершаются царствомъ Василія Багрянороднаго, въ K еще слѣдуютъ на л. 405б васілїа҇ж арáкї҇моме҇н, на л. 413a ц͠ртво констан'тина брáта василїева: + ѕ͠е, а л. 413б ц͠рство льва ӑрмѣнин҇а: ѕ͠ѕ, — marg. зрӥ.

Какъ видимъ различіе между списками довольно значительное. Одако оно могло получиться путемъ пропусковъ, сдѣланныхъ переписчиами каждымъ по своему съ общаго болѣе полнаго прототипа. Но имѣются азночтенія, исключающія такое объясненіе. Два изъ нихъ я уже приелъ выше. Укажс еще л. 2a ѿ зачела мѵроу, V л. 2a ѿ нáчела ми́роу; . 4a (П)оне҇ж оу҇бо сьставихѡ҇м, ӥ ре́хо҇м, V л. 4в поне́же оу҇бѡ оу҇стáихѡмъ ӥ рѣхѡ҇м; л. 27a ѿ ск҇нїи ӥ ѡ ковче҇з, V л. 26a ѿ скры́ниы ѿ ков'чезѣ; л. 32б marg. сьмр҇ть моу҇сеѡ́ва, V л. 31a ȏ сьмрьти ѡу҇сеȏвѣ; л. 32a marg. ѿ ӗри́хонѣ, л. 33б marg. ѿ ерихѡ҇нѣ, V л. 32a narg. ȏ ӗхирѡ́нѣ; л. 35б marg. ѿ ӑдо́нивéзе҇кѕ ц͠ры, V л. 34a marg. до҇нивезéкь царь; л. 36б ѿ ѿсилоу҇ӗме . . ., V л. 34в ȏ си́лоу҇ӗмѣ; . 38б ѿ жéнѣ ӥáилй, кáко оу҇бӥ сисароу҇ сь гвóзд҇омь, V л. 36в женѣ ӥáиль како оу҇бы̀ сьсарȣ сь гвóздьмь; л. 55a кáко прїдѐ аоу҇ль къ вра҇жлици, V л. 52a marg. . . . кь женѣ влк҇ховни҇ц; л. 71a iarg. кáко прелѣстӥ льжнїи пр͠рѡкь б͠жїа пр͠рѡкà, V л. 69a marg. . . льжепрóрок .; л. 71б ѿ áвїи с͠ноу҇ ї̂éровоáмовȣ, V л. 70в marg. . . ӗромоáмовȣ; л. 72a кáко при҇де соу҇саки҇п ц͠рь нà ї̂ѐр͠лмь, V л. 71a росто сȣ̂сакымь; л. 72б . ц͠рствѡ̀ ӥлы ц͠ра, V л. 71в . . . ӥхїи ц͠ра; . 86a ц͠рство̀ ӑхазов҇о, V л. 85a . . . ї̂ѡ̂хáзово; л. 86a ц͠рство̀ ӥѡ̂сасово̀, V л. 85a . . . ї̂ѡáсово; л. 87б ц͠ртво̀ ѿзнӗво̀, V л. 86в . . . ȏхоїево; л. 87б ц͠ртво̀ ї̂ѡ̂ѳамовѡ̀, V л. 87a . . . ї̂ѡавáмово; л. 89a р͠тво̀ ӥѡ̂снӗв҇ѡ, V л. 88a . . . ѿсıево; л. 148б marg. ѿ ѳи́вѣ, V л. 143a

---

[1]) Буквы, взятыя въ скобки писаны черными чернилами.

marg. ô **тикѣ**; л. 149а marg. ô **тиωге**, *V* л. 143а marg. ô **діωге**, л. 171а marg. ѡ **іωнатане . . .**, *V* л. 162в marg. ô **іωнаѳанѣ . . .**; л. 272а marg. ѡ **тарсив8 . . .**, *V* л. 252а marg. ô **тарсй**; л. 281б marg. (чернымъ) ѿ **жрътве**, *V* л. 260а marg. ô **трьжьствѣ** и др. Разница между списками происходитъ не только въ результатѣ искаженія словъ, въ особенности собственныхъ именъ, но и вслѣдствіе разной орѳографіи этихъ именъ, и даже разной редакціи заглавій статей. Все это показываетъ, что между разбираемыми списками нѣтъ болѣе близкаго родства. Можно отмѣтить, что карловацкая рукопись исправнѣе и менѣе искажаетъ личныя имена, хотя бываетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и наоборотъ.

Уже изъ приведенныхъ выше сопоставленій видно, что списки очень отличаются и правописаніемъ. Вѣнскій консервативнѣе и менѣе обилуетъ сербизмами, чѣмъ карловацкій. Приведу еще примѣры: а) въ употребленіи глухихъ л. 172б **сь алеѯандрь**, *V* л. 163в **съ алеѯандрь**; л. 96а ô **сьнѣ еже видѣ навьхоносорь**, *V* л. 95в ô **сьнѣ . . .**; л. 38б **сь гвоздомь**, *V* л. 36в **сь гвоздьмь**; б) въ употребленіи **ѣ**: л. 16а ѡ **іωсифе прекраснем**, *V* л. 16а ѡ **іосифѣ прѣкраснемь**; л. 25а ѡ **горсцей воде**, *V* л. 24а ѡ **горцѣи водѣ**; л. 26б marg. ѡ **скрижалех**, *V* л. 25в ѡ **скрьжалѣхь** и т. д. во множествѣ случаевъ, в) въ употребленіи **ы** и **и**, л. 4б **есми тлен̾нїи**, *V* л. 5а **есмы тлѣнны**; л. 4б **оуслишиши**, *V* л. 5а **оуслышиши**[1]) и др. Сколько можно судить по извлеченіямъ Вейнгарта, то же относится и къ орѳографіи текста. Возмемъ вступительную статью о Богѣ: *K* л. 4а **рехом, начнем, прьвеѥ, потребоуе**, л. 4б **требоуем, сьставлѥм се, нетлен̾но, треб8еть, тьчїю, прьв8ю, светлость, Вь начелѣ**, *V* л. 5а **рехωм, начнѣмь, прьвѣе, трѣбоуе, трѣбоуемь, съставлѥмсе, нетлѣнно, трѣбоует, тъчию, прѣвоую, свѣтлость, въ начелѣ**. Удареніе въ обоихъ спискахъ разставлено неправильно. Однако можно подмѣтить, что въ карловацкомъ оно чаще передвинуто сравнительно съ обычнымъ церковнославянскимъ на одинъ слогъ ближе къ началу слова, какъ въ современномъ сербскомъ языкѣ. Примѣры можно найти выше.

О близости самихъ текстовъ трудно судить вслѣдствіе скудости отрывковъ, изданныхъ Вейнгартомъ. Однако пропускъ въ статьѣ о Богѣ спискомъ *V* л. 5а послѣ словъ **по нием8ж ходимь** начала слѣдующей фразы: **Егда же оубо сьтвараше мирь сьй, ч8вьствьнїи**, которая имѣется въ *K* л. 4б, показываетъ, что разночтенія возможны и тутъ и что *K* не можетъ быть спискомъ съ *V*.

Зато сходство карловацкаго списка съ бѣлградскимъ вполнѣ явственно. Почти всѣ ошибки въ изданныхъ Качановскимъ отрывкахъ *B* имѣются и въ *K*: л. 316а **мноѕых**, *B* стр. 129 **мноѕыхь**[2]) л. 316б **декиѥлови**, *B* 129 **декиѥ(ва)лови**; л. 316б **обѣдовь** вм. **обѣдовавь**, *B* 130 **обѣдовь**; л. 317а **приклю же се**, *B* 130 **приклю(чи**,

---

[1]) Примѣры на **ы** и **и** взяты изъ текста.

[2]) Цитирую по изданію Качановскаго Starine, XIV, цифра означаетъ страницу журнала. Вейнгартъ въ **мнозыхь** видитъ опечатку Качановскаго, на дѣлѣ это описка, представляющая отличіе группы *K*, *B* противъ *V*, гдѣ **мноѕнихь**.

же се; л. 330а мазимин̑ же приѡ̂б̑щи се ѝ лїкїнїа на го́спо̑дствѡ}
B 131 мазиминь же приобщи се лїкїнїа на господьствѡ, л. 378а
ѡ ѳефилѣ, *B* 132 ѡ фе(ѡ)филѣ; л. 379б ѡ̂ клеветы стго, *B* 133
ѡклевѣ(та)ти светого; л. 380а бльга́рѣ хр̑стїа́нство, *B* 134 бль-
гарѣ христїанство (прияли); л. 380б дароваїе́мꙋ ѳеѡ̑ринѣ̑, *B* 134
дарова(н)їемь ѳеѡдоринѣмь; л. 382а ѝ ва̑ грнц̑а, *B* 135 и (д)ва грнца;
л. 385а на̑ оу̑чите́лимь своимѝ вьсемѝ, *B* 138 надь оучителимь(ї)
своимы вьсеми; л. ѡ̂ти вь пола́тꙋ пѣть, *B* 139 оти(де) вь полатꙋ
пѣть; л. 387б нико̑, *B* 140 нико(го) же; л. 390а сѣ̑же ѝ женою
своею, *B* 142 сѣдже и (сь)женою своею; л. 395а дрьжще, *B* 147
дрьж(е)ще; л. 397а книгыне, *B* 148 книгыне; л. 398а кон̑ста́н̑ти
бо́лѣ ѝ оу̑мре́ть, *B* 149 константи(нь) болѣ и оумреть; л. 407а
сїи же ѝже бѣхꙋ съ клиромь, *B* 157 сїи же, иже бѣхꙋ съ (с)кли-
ромь; л. 407б прїй вь ѧ̂морїе, *B* 158 прїи(де) вь аморїе; л. 409б
нь вьско́рѣ пощи се, *B* 159 нь вьскорѣ по(ть)щисе; л. 410б ѝ на-
чеше бѣжати рымлꙗ́ны съ клирѡ̑, *B* 160 . . . съ (с)клиромь; л. 411б
ѝ соу̑щи гла́дѝ ѡ̂кр̑ть сар̑дакїе разо́ри, *B* 162 и соуши глади (u mjesto
„гради") окрьсть сардькїе разори; л. 411б ѝ възвращь се прїи въ
мосинополь, *B* 162 и възвращь се прїи(де) 163 въ мосинополь;
л. 411б прѣсла́вниꙋ. ѝ ѝвѣрїю, *B* 163 то же вм. прѣславꙋ и вѣрню;
л. 412а са́мойла ѡ̂быща съ войскою, *B* 163 самоила обыща съ воискою;
л. 412а бисра ѝ каменїа, *B* 163 бис(е)ра и каменїа; л. 413 ѩ̂ лѣть
с҇щен̑ствовь, *B* 165 . . . свещенство(ва)вь; л. 413а ѝ на концѣ прѣ-
кло́ни͡лсе бѣ, *B* 165 и након(ь)ць . . .; л. 413а небѣдникь вра́гомь,
B 166 то же; л. 401а кїе́стора же, *B* 152 то же; л. 413а даро̑ванїемь
ѝ мл҇нїе, *B* 166 . . . и молюнї(емь); л. 413б кꙋ́маны прѣидо дꙋ-
на́вь, *B* 166 кꙋманы прѣдо(ше) дꙋнавь, л. 414б възвра́ти се по́ити
вь кро́поль, *B* 170 . . . вь (а)крополь; л. 415б прїйте ѡ̂дѣ̂ны вь
клиры́чьскїе ѡ̂деж̑е, *B* 172 прїи(ди)те . . .; л. 415б прїидо пѣв̑ци,
B 172 прїидо(ше) пѣвьци; л. 415б пѣв̑це цр҇вѣмь вьнити, *B* 172
пѣвьце(мь) царевѣмь вьнити.[1]) Такое массовое тожество описокъ
свидѣтельствуетъ о весьма близкомъ родствѣ обоихъ списковъ.

Кромѣ того, *B* имѣетъ нѣкоторое количество описокъ, которымъ
въ *K* отвѣчаетъ правильное написаніе. *B* 129 бѡ инѡмь, *K* л. 315б
ѕѡи́нѡ̑, греч. оригиналъ кн. XI, гл. 21 *τοὺς στρατιώτας* (см. Вейн-
гартъ, 105); *B* 129 итаилїю, *K* л. 316а ѝталїю; *B* 129 всѣгда снаб-
дѣше ѡ бранѣ, *K* л. 316а вьсѣг̑а снабдѣше ѡ̂ бра́нѣ̑; *B* 129 единь
иже нѣкто, *K* л. 316б ѐдин̑ же нѣктѝ, *B* 130 врага, его же имѣаше
оурь, *K* л. 316б вра̑ . . .; *B* 130 и врагь оубо стрыжааше вѣжди
его, *K* л. 317а ѝ вра̑ оу̑бо стрыжа̑ше . . .; *B* 130 хранилици кны-
гамь, *K* л. 317а хранилниц̑ . . .; *B* 154 самь патрїарах получилось,
конечно, изъ са̑патрїа́р̑а списка *K* л. 403б. Но особенно показа-
тельны два мѣста: а) *B* 151 дꙋка же лоньгыварьдїнскы, глаголюеми
гїѡнь, бѣ зеть ригы фрꙋшкаго, и оувѣдевь, ꙗко ѵмрьль ѥсть,

[1]) Во всѣхъ этихъ примѣрахъ въ скобкахъ стоятъ исправленія, сдѣ-
ланныя Качановскимъ при изданіи бѣлградскаго списка.

(пондє)[1]) **съ рымлꙗны, и прїєть вьсꙋ ланьгꙋварьдїю себѣ,** *К* л. 400б **дꙋка́ же лонгывардїнскы глюми агїѡ^{н} бѣ зѣть ригы фрꙋ́шкаго ӣ оу҆вѣ^{д}вь ꙗко ꙋ҆мрьль ю҆^{с} василїє македѡ^{н}. разр^{д}ꙋ любовь ꙗже ӣма́ше съ рꙑмлꙗнꙑ, ӣ прїєть вьсꙋ лангꙋвардїю себѣ.** Какъ видимъ, выпускъ въ *B* совершенно искажаетъ смыслъ мѣста; поправка его въ *К* изъ контекста при помощи одной сообразительности переписчика совершенно невозможна. б) *B* 159 **самоиль по врьхох хльхиковь вьдварашесе,** *К* л. 409 . . . **по врь́хо^{х} хль́мо^{в} вьдвараше^{с}.** Но интереснѣе всего, что въ словѣ **хль́мо^{в}** первоначально на мѣстѣ **м** было написано **х**. Ошибна была исправлена такимъ способомъ, что правая палочка **х** была обращена писцомъ въ лѣвую ножку буквы **м**, къ которой онъ и приписалъ остальныя части буквы **м**. Въ результатѣ получилось начертаніе близко напоминающее сочетаніе **хи**. Писецъ бѣлградской рукописи прочелъ **хльхи^{в}о вьдвараше^{с}** и написалъ **хльхиковь вьдвараше се.** Это послѣднее мѣсто особенно ясно доказываетъ, что бѣлградскій списокъ восходитъ къ Карловацкому. Карловацкій передалъ ему всѣ свои ошибки, которыя тотъ умножилъ новыми. Напротивъ, мнѣ не удалось подмѣтить искаженій въ спискѣ *К*, которымъ бы въ *B* соотвѣтствовалъ правильный текстъ, это показываетъ, что *К* непосредственный подлинникъ для *B*. Иначе и *К* создалъ бы свою группу ошибокъ, не стоящихъ ни въ какой связи со спискомъ *B*.

Въ послѣднемъ насъ убѣждаетъ и замѣчательная близость орѳографіи обоихъ памятниковъ. Если принять во вниманіе, что Качановскій при печатаніи раскрылъ сокращенія, опустивъ въ строку вынесенныя наверхъ буквы, и что въ его изданіи паерку карловацкаго списка почти правильно соотвѣтствуетъ **ь**, списки бѣлградскій и карловацкій совпадаютъ даже въ такихъ мелочахъ, которыя для сербскаго писца являются дѣломъ личнаго произвола, какъ употребленіе **ы** и **и**, **и** и **ї**, **и** и **їи**, **ы** и **їи**, **ѣ** и **є**, **є** и **ю**, **оу** и **ꙋ**, **ъ** и **ь**, **ѡ** и **о**, **и** и **ѵ**, такъ какъ для серба того времени **ы**, **и**, **ї**, **їи**, **ы**, **ѵ** одинаково обозначали звукъ *i*; **ѣ**, **є** (возможно и **ю**) — звукъ *e*; **оу**, **ꙋ** — звукъ *u*. **ѡ** и **о** — звукъ *o*; **ъ** и **ь** не существовали въ произношеніи вовсе.

Во всемъ разсказѣ о Траянѣ, который въ ркп. *К* начинается на л. 315а и кончается только на л. 318а, въ изданіи же Качановскаго занимаетъ стр. 128—131, едва можно насчитать около 40 такихъ отступленій, часть которыхъ притомъ несомнѣнно должна быть приписана издателю отрывковъ. Ср. *К* 315а **є҆ди́нона^{ч}лїє,** *B* 128 **єдиноначьлїє; рѡда,** *B* **рода; цр^{с}твѡ,** *B* **царьство;** 315б **немощнь,** *B* **немощьнь; кь в^{с}сѣ^{м},** *B* **ко вьсѣмь; блгоразоу́мнь.** *B* **благоразоумьнь; ѻ҆бно́влюнїа,** *B* **ѻ҆бновленїа; довѡл^{ь}но,** *B* **довольно; стра́шнь,** *B* **страшьнь; Ѣѡи́нѡ^{м},** *B* 129 **бѡ инѡмь; рытѡ^{р},** *B* **рыторь; свѣ^{д}тел^{ь}ствꙋ̂єть,** *B* **вѣдетельствꙋєтъ; м^{ъ}сть,** *B* **мъсть;** л. 316а **сръблю, в срьблю,** *B* **оу҆ꙗ̂звїше се,** *B* **оуꙗзвише се; къ нюмꙋ.** *B* **кь нюмꙋ; ӣталїю,** *B* **итанлїю; вѡ́дѣ,** *B* **вѡде; ӣ ꙗко пл^{ѣн}юници,** *B* **ꙗко плѣнюници;**

---

[1]) Неудачная поправка Качановскаго.

сътвори трь́жьство транâнъ, *B* сьтвори трьжество транань; нарѣ-кошe, *B* нарекоше; ѿ бра́нѣх, *B* ѡ бранѣ; *K* л. 316б сьвѣть, *B* сьвѣтъ; сыковы, *B* сиковы; ськри́л же, *B* ськрыль же: ȋ др8гаа, *B* др8гаа: въ врь́тпах, *B* въ врьтьпах; вьзвѣстеть, *B* възвѣстетъ: ȇдин же нѣктȍ, *B* єдинь иже нѣкто; врач, *B* 130 врага; *K* л. 317а врач, *B* врагь; възврати, *B* вьзврати; хранилниц", *B* хранилнци: прїȇтъ, *B* прїєть; дрьзнȣ́вь, *B* дрьзноувь; л. 318а лѣтъ, *B* 131 лѣть; кло́пїнь, *B* клопїнъ.

Орѳографія карловацкаго списка значительно обильнѣе сербизмами, чѣмъ вѣнскій списокъ. Глаголическаго знака ꙮ въ мѣстѣ, указаномъ Вейнгартомъ, здѣсь не имѣется. Поскольку мнѣ удалось ознакомиться съ карловацкимъ спискомъ, въ немъ нѣтъ ни малаго, ни тѣмъ болѣе большого юса: всегда на ихъ мѣстѣ видимъ є, оу, 8, ю. Тѣмъ не менѣе и въ его правописаніи не истерлись еще данныя, свидѣтельствующія о первоначально болгарскомъ оригиналѣ. Встрѣчаемъ ѣ, хотя ужъ рѣже, чѣмъ въ V; примѣры см. выше. Есть отголоски среднеболгарскаго смѣшенія юсовъ. Л. 330б да нѐка́ко ѿставившѐ сегȍ прѣда́дхт се Ма̑ѯен тїю, изъ средне-болгар. прѣда́джтъ сѧ вм. др. усл. прѣдадѧтъ сѧ; л. 379б плѣнише грь́ди се́стр8 начел ника бльгарскаѝ ȋдрь́жаше сїє, изъ ср.-блг. сїѩ вм. сиѭ. Тѣ же случаи указаны Вейнгартомъ для вѣнской рукописи.

Глава шестая трактуетъ Паралипоменонъ Зонары. Приведя цѣликомъ вступленіе (стр. 125—129), авторъ подробно анализируетъ его, дополняя по мѣстамъ своихъ предшественниковъ: Бодянскаго, Васильевскаго и Мурко. Онъ устанавливаетъ, что трудъ этотъ возникъ по иниціативѣ Стефана II, сына Лазаря, поручившаго хиландарскому игумену Тимоѳею переписать какую-то славянскую рукопись Зонары. Послѣдній передалъ дѣло иноку Григорію, который, найдя списокъ неисправнымъ и простонароднымъ по языку, рѣшилъ исправить и дополнить ее новыми фактами (стр. 130). Пособіями Григорію послужили пятикнижіе Моисеево, Іисусъ Сирахъ, книга судей, 4 книги царей, 2 паралипоменонъ, двѣ другія историческія книги, а также Георгій Амартолъ (стр. 130). Выполненъ трудъ въ Хиландарѣ на Аѳонѣ въ 1408 году, по какому поводу авторъ отмѣчаетъ важное культурное значеніе въ XV в. Аѳона для восточнаго славянства (стр. 130—132). Дата 1408 годъ установлена впервые Вейнгартомъ. Бодянскій и Васильевскій ошибочно отнесли памятникъ къ 1208 году, а сербскій ученый Поповичъ допустилъ опечатку 1403 годъ (стр. 130—131). Уже Лавровъ указалъ, что Григорій принадлежалъ къ возникшей на Аѳонѣ въ к. XIV в. Евѳиміевской школѣ (стр. 131—132). Его трудъ, какъ впервые указываетъ Вейнгартъ, даетъ цѣнныя данныя для біографіи Зонары (стр. 134). Впрочемъ, ихъ цѣнность послѣ открытій Васильевскаго много уменьшилась. Григорій сильно сократилъ трудъ Зонары, въ особенности отдѣлъ о Римѣ (стр. 135—136) и эпоху иконоборчества (стр. 137). Льва V ошибочно перенесъ на конецъ книги, помѣстивъ послѣ Василія II болгаробойцы, что имѣемъ и въ славянскомъ переводѣ Зонары (стр. 137).

Затѣмъ Вейнгартъ переходитъ къ обслѣдованію отдѣльныхъ списковъ памятника. Волоколамскій онъ характеризуетъ по изданію Бодянскаго и, по слѣдамъ Ягича, доказываетъ анализомъ языка русское происхожденіе рукописи (стр. 137—139). Зографскій списокъ и его отношеніе къ предыдущему изучены Лавровымъ. Онъ считалъ зографскій списокъ отражающимъ подлинный трудъ Григорія, а въ волоколамскомъ видѣлъ его сокращеніе. Путемъ самостоятельнаго сличенія изданныхъ Лавровымъ отрывковъ зографской рукописи (стр. 139—147), Вейнгартъ дѣлаетъ цѣнныя поправки къ выводамъ русскаго ученаго. „Ani zografský ani volakolamský rukopis", говоритъ онъ „nám nepodávají vlastního Paralipomena Grigorijova" (стр. 147—148). Хотя волоколамскій списокъ много короче зографскаго, занимая всего 61 листъ, все же онъ имѣетъ подробности, которыхъ тотъ не знаетъ, напримѣръ въ разсказѣ о крещеніи Руси, о Симеонѣ, о Самуилѣ болгарскомъ. Зографскій же списокъ уже по своему объему (156 листовъ) не можетъ быть спискомъ съ перваго. Оба они являются независимыми другъ отъ друга списками съ подлиннаго Григорія, точнѣе редакціонными передѣлками его: „Zografský hledél spíše k úplnosti déjinného proudu, ale v jednotlivých událostech vypouštél všecku déjepisnou výplň a výzdobu, zejména přímé řeči, kdežto volokolamský vybíral si spíše jednotlivá zajímavá vypravování, a jinak hladce vypouštěl i celá století" (стр. 148). И третій списокъ, крушедольскій, извѣстный автору преимущественно по описанію Саввы Петковича, по мнѣнію Вейнгарта, представляетъ въ сущности третью редакцію Паралипоменона (стр. 148—150). Первая попытка изученія этого списка принадлежитъ автору разбираемой книги. Произведенное имъ сопоставленіе оглавленія его съ остальными двумя списками показываетъ, что въ случаѣ различія между ними крушедольскій не придерживается ни одного изъ нихъ, примыкая то къ одному, то къ другому. Иногда же онъ содержитъ статьи, неизвѣстныя имъ обоимъ, или имѣетъ выпуски, которыхъ нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Это единственный списокъ, напримѣръ, въ которомъ царствованіе Льва V помѣщено на своемъ мѣстѣ (стр. 149—152). Такимъ образомъ ни одинъ изъ трехъ списковъ „nám nepodává původní podoby Paralipomena" (стр. 152). Все же Крушедольскій списокъ ближе къ зографскому, чѣмъ къ волоколамскому, такъ что они, повидимому, восходятъ къ общему прототипу (стр. 152—153).

Всѣ три рукописи кончаются 1028 годомъ (стр. 152). Поэтому можно думать, что этимъ годомъ завершался и трудъ Григорія, между тѣмъ какъ самъ хронографъ Зонары доходилъ до 1118 года. Правда, Васильевскій очень сложнымъ путемъ пытался доказать, что Паралипоменонъ шелъ и далѣе 1028 года. Онъ имѣлъ въ виду славянскую рукопись Симеона Логофета, продолженную до 1067 года, тогда какъ оригиналъ заканчивался на 948 году. Продолженіе это взято изъ Зонары, но не изъ полнаго текста, а изъ сокращенной его редакціи. Васильевскій беретъ изъ волоколамскаго списка событіе изъ эпохи между 948 и 1028 годомъ и анализомъ его и соотвѣтствующаго мѣста изъ „продолженія" Логофета устанавливаетъ ихъ сходство. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что оно въ Логофета попало изъ Паралипоме-

нонъ, а слѣдовательно, и все „продолженіе“ Логофета изъ этого же источника. Вейнгартъ сопоставилъ это мѣсто Симеона Логофета съ полнымъ Зонарой и нашелъ, что оно не имѣетъ ничего характернаго и такъ же легко могло быть взято изъ самого Зонары, какъ и изъ Паралипоменонъ. Выводъ не неожиданный, т. к. естественно, что все имѣющееся въ сокращеніи должно быть и въ полномъ текстѣ. Я, впрочемъ, долженъ прибавить, что текстъ Логофета ближе къ Зонарѣ, чѣмъ къ волоколамскому списку Паралипоменонъ. Въ Логофетѣ поводомъ къ отпаденію болгаръ служитъ смерть Цимисхія, подробность, которой волоколамская рукопись не даетъ. Въ остальномъ волоколамская рукопись и бѣлградскій списокъ Зонары совпадаютъ дословно, между тѣмъ какъ Логофетъ стилистически значительно отступаетъ отъ обоихъ.

Тотъ же Васильевскій попытался обосновать мысль, что Григорій передѣлывалъ не славянскій переводъ Зонары, а его особую сокращенную греческую редакцію. Доводы его заставили колебаться и Лаврова. Вейнгарту принадлежитъ заслуга рѣшенія и этого вопроса. Онъ указалъ, что въ предисловіи Григорія ясно идетъ рѣчь о славянской рукописи Зонары, что Григорій жалуется на невозможность найти греческія книги, что подобной греческой редакціи до сихъ поръ неизвѣстно (стр. 156); что Паралипоменонъ въ рядѣ случаевъ повторяетъ вставки и измѣненія, внесенныя въ славянскій переводъ Зонары. Наиболѣе рельефно зависимость Григорія отъ этого послѣдняго выступаетъ въ томъ, что и онъ Льва V помѣщаетъ въ концѣ книги, чѣмъ отличается славянскій текстъ Зонары и чего не знаетъ ни одна его греческая рукопись (стр. 157). Наконецъ, и небольшая полемика Григорія по поводу причины наименованія Чермнаго моря относится именно къ домысламъ славянскаго переводчика, уличаемаго Григоріемъ въ невѣжествѣ (стр. 158—159).

Вейнгартъ высоко оцѣниваетъ трудъ Григорія „vyhoiné se lišícího od mechanickych, bezduchych opisovačů“ его времени, къ тому же являющійся единственнымъ въ древнюю эпоху сербскимъ хронографомъ, и находитъ необходимымъ изданіе его по всѣмъ тремъ сохранившимся его спискамъ параллельно съ продолженіемъ въ переводѣ Симеона Логофета (стр. 159). (Окончаніе слѣдуетъ.)

Проф. Владимиръ Розовъ.

Старинный театр в России XVII—XVIII вв. Сборник статей под редакцией *В. Н. Перетца.* Труды Росс. Инст. Ист. Искусств „Academia“. Российский Институт Истории Искусств. **Петербург. 1923. 180 стр.**

Современный русский театр пользуется большой славой и у себя и за границей. Естественно, что даже у неспециалистов возникает интерес не только к современному русскому театру, но и к его истории. К сожалению, работ по истории русского театра выходит из печати за последнее время мало, и надо горячо приветствовать намерение Разряда Истории Театра Российского Института Истории Искусств издать целый ряд сборников, посвященных прошлому театра в России.

Первый сборник этого рода „Старинный Театр в России XVII д
XVIII вв.“ содержит „статьи, как общего руководящего характера, та
и специально касающиеся явлений до-сумароковского репертуара, принес
шего на русскую почву Французский классический тип высокой трагеди
и комедии“. Вышел сборник под редакцией одного из лучших знатоко
старинного русского театра акад. В. Н. Перетца.

В первой статье этого сборника, принадлежащей акад. В. Н. Пе
ретцу „К постановке изучения старинного театра в России“ (в сокра
щенном и в несколько ином виде статья эта была раньше напечатан
в Ежегоднике Петроградских Государственных Театров. Сезон 1918 д
1919 гг.)[1]) дается краткий обзор истории изучения старинного русског
театра. Из этого обзора необходимо отметить работу покойного проф
Шляпкина, кажется, до сих пор еще неизвестную за-границей, сборни
старинных действ нач. XVIII в., выпущенный в свет в конце 1922 г
Российской Академией Наук.[2])

Далее ак. Перетц намечает ряд заданий, которые в первую голов
должны быть выполнены исследователями старинного русского театра
Это, во-первых, выяснение библиографии (установление всех рукописей
старинного русского театра.

Важность таких библиографических разысканий не только в России
но и за-границей, ак. Перетц иллюстрирует новым недавним открытием
сделанным библиотекарем Загребского Университета др. И. М. Бадаличем
которым было найдено ценнейшее собрание русских пьес начала XVIII сто
летия в библиотеке Загребского Университета, а именно:

1. Полный текст драмы „Страшное изображение второго пришестви
Господня на землю“, при державе благочестивейшего самодержавнейшег
государя нашего ц. и вел. кн. Петра Алексеевича всея вел., мал. и бел
России самодержца, действием благородных отроков великороссийски
в его царского величества пресветлого славенороссийских Афинах, в цар
ствующем и богоспасаемом граде Москве, явленное лета Господня 1702-г
месяца Февраля в 4 день“. Эта пьеса, упоминаемая и в Ист. р. т. Мо
розова (I, 1889 г. с. 310—312), до сих пор известна лиш по программе ее
напечатанной Тихонравовым (Р. Драм. пр. II, 7—11).

2. Вторая пьеса „Акт или действие о князе Петре Златых-ключа
и о прекрасной королеве Магилене Неополитанской“ — полный текс
драмы, с эпилогом и притом в лучшей редакции, со многими отменам
по сравнению с открытой Г. П. Георгиевским и напечатанной в X т
Изв. втор. отд. Росс. Акад. Н. (с. 215—255), но не вполне исправн
и без эпилога.

3. Третья пьеса — „Сокращение оперы . . . действа Александра Ма
кедонского“, пьеса разрабатывает известный в старинной русской лите

---

[1]) В. Н. Перетц. Несколько мыслей о старинном русском театре. Еже
годник Петроградских Государственных Театров. Сезон 1918—1919. По
редакцией А. С. Полякова 1922. Стр. 217—225.

[2]) Старинныя дѣйства и комедiи петровскаго времени, извлеченны
изъ рукописей и приготовленныя къ печати И. А. Шляпкинымъ. Сборник
отдѣленiя русскаго языка и словесности Россiйской Академiи Наукъ. Том
XCVII, № 1. 1921 г.

атуре сюжет романа об Александре М. и сопровождается интересными нтермедиями.

4. Четвертая пьеса — ,,Синопсис или краткое видение декламации ысочайшему дну рождения ея императорского величества, восписанный 745 году, месяца Февраля . . . дня, в присутствии преосвященного Миюфана архиеп. Тверского и Кашинского от семинарии Тверской в двоих ействиях изображенной".

5. Пятая пьеса — ,,Образ торжества российскому доблестному подигоположнику начертан . . . от трудов риторических в училищах лавенолатинских".

6. ,,Семира", трагедия Сумарокова в тексте тожественном с текстом арижской Bibliothèque Nationale и 7. ,,Гамлет", того же автора.

Далее ак. Перетц ставит такие задания перед исследователями стаинного русского театра. 2. Изучить сюжетность драм старинного усского театра, 3. изучить литературный стиль пьес, 4. продолжать ыяснение соотношения русских пьес с польскими и западно-европейкими, 5. ,,воссоздать, воскресить теоретические воззрения на искусство атра, т. е. на построение и исполнение драмы, существовавшей во все лавные моменты жизни старинного театра и затем уже-по мерке, созанной современниками его, — говорить о его достоинствах и недоатках, о совершенствовании и упадке на почве широкого применения равнительного метода, не упуская при том из виду, что ,,упадки" ,,рассцветы" — понятия весьма условные." 6. Проанализировать технискую сторону игры старинных актеров. 7. Изучить старинный русский атр со стороны ,,режиссерской". Нельзя не согласиться с исследовалем, что ,,русский старинный театр" до недавнего времени изучался ишь с одной стороны ,,историко-литературной, при том и в этом отошении-односторонне: в отношении определения источников пьес стаинного репертуара". Я считаю особенно ценным это указание акад. еретца. Перед современным исследователем старинного русского театра дной из первых задач стоит реконструкция театрального представления, не только текста пьесы. Проделать это следует хотя бы по методу мецких ученых Herrman'a или Voelcker'a. [1])

Впрочем об этом уже был поднят вопрос в Российском Институте стории Искусств. (См. разбор трудов вышеназванных немецких ученых книге А. А. Гвоздева ,,Из истории театра и драмы" Academia. Пербург, 1923. Статья ,,Германская наука о театре". К методологии тории театра.)

Во второй статье сборника — ,,Театр в Московской России 250 лет му назад", принадлежащей также перу акад. Перетца, дается анализ яда пьес репертуара ц. Алексея и первых лет XVIII ст. Пьесы эти, по нению исследователя, об'единены двумя контрастирующими тонами: афос и незнающая удержу шутка. Очень часто параллельно с сценами

[1]) Forschungen zur deutschen Theatergeschichte des Mittelalters und der naissance von Max Herrmann. Mit 129 Abbildungen. Berlin 1914 Weidmansche chhandlung VI + 540 S. — Dr. Bruno Voelcker, Die Hamlet Darstellungen niel Chodowieckis und ihr Quellenwert für die deutsche Theatergeschichte s 18 Jh. Leipzig. 1916. L. Voss. 246 S.

исполненными пафоса развертываются комические сцены. ,,Это контрастирование здесь, как и в других пьесах старинного репертуара далеко не случайно, а имеет свое эстетическое назначение, подчеркивая и оттеняя моменты действия и образы, что вполне отвечало примитивным вкусам и широкого круга европейской публики к. XVII в. и нашего придворного круга".

Прием этот совершенно совпадает с тем же приемом народной драмы Обычно после сцен боя или казни, сцен полных пафоса, идут комические сцены с участием старика гробокопателя, доктора и попа. Сравни, например ,,Народная драма, Царь Максимильян". Тексты собранные и приготовленные к печати Н. Н. Виноградовым, Сборник II отд. Имп. Ак. Наук том XC, № 7, стр. 28—31, 33—35 и далее.

Характерными для драм ц. Алексея Михайловича являются любовные сцены. Здесь драма идет общим путем с лирикой и повестями того времени. Другими характерными чертами театра ц. Алексея Михайловича ак. Перетц считает статичность и условность.

Третья статья сборника ,,Русская пастораль XVII в. (,,Беседы пастушеские" Симеона Полоцкого) принадлежит проф. Щегловой. Разбирая диалог, написанный Симеоном Полоцким, ,,Беседы пастушеские", проф. Щеглова указывает, что ,,сходство между произведением Симеона Полоцкого и польскими пасторалями настолько велико, что дает право сделать заключение о несомненном влиянии их на Симеона Полоцкого. Однако он воспользовался этими образцами далеко не рабски". Проф. Щеглова отмечает в пасторали Сим. Полоцкого ряд оригинальных черт по сравнению с польскими пасторалями. Щеглова, соглашаясь с одним из исследователей произведений С. Полоцкого, И. Татарским, относит составление пасторали ,,Беседы пастушеские" приблизительно к 1658 году и считает, что эта пастораль была предназначена для представления в Полоцке.

К статье приложен текст пасторали по рукописи Московской Синодальной Библиотеки, № 877, точное наименование этой пасторали такое: ,,Бесѣды пастускія, еже ест о воплощеніи господа бога и спаса нашего Іисуса Христа, видѣннаго ими во вертѣпѣ, отъ пречистыя дѣвы Маріи пеленами повита и во яслѣхъ положенна".

В следующей статье ,,Из истории театра в Твери в XVIII веке" проф. Андрианова подвергает анализу ,,Діалогъ в тферской семинаріи бывый іюля 8 дня", примыкающий ,,к панегирическим пьесам, особенно популярным у нас в Елизаветинскую эпоху". Проф. Андрианова имела в руках два списка этого диалога: один из рукописного сборника, принадлежащего ак. В. Н. Перетцу, другой из рукописи Московского Исторического музея № 1780, XVIII века. Анализ пьесы заставляет предположить проф. Андриановy, что автором диалога был Иван Лятошевич, вызванный с 1745 г. из Киевской Академии в Тверь, где он состоял преподавателем до 1748 г. Далее проф. Андрианова приводит текст диалога с разночтениями рукописей Перетца и Исторического музея. Здесь очень любопытны интерлюдии, написанные великорусским наречием с действующими лицами: подъячей, циганъ, дѣмонъ, поп, дѣти, пристав, посацкой, слуга и литвинъ. Интерлюдии эти имеются

олько в одном списке Исторического музея и отсутствуют в рукописи еретца.

Последняя статья сборника ,,Италианская интермедия 1730 годов стихотворном русском переводе“, принадлежит ак. Перетцу и посвяена разбору стихотворной интермедии ,,Несогласие между мужем и жеою“. Интермедия эта раньше была найдена ак. Перетцом в прозаиеском переводе и вошла в капительный труд его ,,Италіанскія комедіи интермедіи, представленныя при дворѣ имп. Анны Іоанновны в 1733 1735 гг. Тексты. Петроград 1917“. Перетц приводит полностью текст итермедии в стихотворном переводе и дает сравнительный обзор проичеcкой и стихотворной интермедии. Сравнение приводит ак. Перетца таким выводам: ,,Пьеса С(тихотворная) перестроена довольно оснеательно в отношении диалога, арии и — я бы сказал — литературного иля. Она здесь перелицована, так сказать, на русские нравы, огрубена, но вместе с тем нечто и выиграла от этого огрубления: именно зкость линий, которая отличает ее от некоторой растянутости текста (розаического), особенно в 3-м акте. Действие в С, несмотря на ловную стихотворную форму речи, более обнажено, чем в П.“

В заключение ак. Перетц не считает возможным с точностью устаовить, кому принадлежал стихотворный перевод: Третьяковскому или едведеву, и колеблется между названными двумя переводчиками.

Отметим, что все тексты пьес, вошедшие в рецензируемый нами орник, напечатаны орфографией того времени и ценны для изучения ыка этих памятников. *П. Богатырев.*

istorja Literatury Polskiej. (Przegląd wydawnictw i opracowań naukowych, 1918—1921). Część piąta.

XXII.

Historja literatury polskiej po roku 1863 jest do dziś dnia opracoana bardzo niedostatecznie: braknie gruntownych monografij o znakomich nawet powieściopisarzach i poetach (nie mówiąc już o prozaikach, którymi nasi historycy literatury obchodzą się po macoszemu); o całym ś szeregu pisarzy, nie znakomitych wprawdzie, ale w każdym razie rdzo wybitnych, niema nawet poważniejszych studjów częściowych. obec tego o syntezie naukowej literatury tej epoki — albo raczej vóch epok: pozytywizmu (realizmu) i modernizmu (idealizmu), których anica (jeśli wolno mówić o granicach epok życia duchowego) są ostatnie ta XIX wieku — nie może być jeszcze mowy: nie lekceważymy prób ntetycznych ani Chmielowskiego, ani Feldmana, ani Lama, ani Szyjowskiego, ani nawet Antoniego Potockiego, twierdzimy jednak, że ich glądy na całość naszej najnowszej literatury z czasem, w miarę poępu badań szczegółowych, będą ulegały nie tylko uzupełnieniom, ale zmianom.

Na samo czoło »literatury pięknej« po roku 1863 wysunęła się nie ezja, jak w epoce romantyzmu, tylko powieść: wielki poeta, który poźnie wstrząsnął młodemi duszami, ukazał się dopiero w końcu stulecia Vyspiański), wielcy powieściopisarze ukazali się znacznie wcześniej, —

Prus, Orzeszkowa, Sienkiewicz, Dygasiński; po nich dopiero przyszli: Żeromski, Przybyszewski, Berent, Reymont, Weyssenhoff.

Dygasińskiemu dzieje się w naszej krytyce literackiej wielka krzywda: poza broszurą popularną Ciembroniewicza i kilku szkicami o poszczególnych utworach (czasem doskonałemi — Popławskiego, Wasilewskiego, Przesmyckiego), niema ani jednego studjum naukowego, na które zasłużył sobie chyba ten artysta, psycholog i myśliciel, autor ślicznego poematu prozą p. t. *Gody życia* i jedynych w swoim rodzaju — może nie tylko w Polsce — nowel o zwierzętach. Brak zbiorowego wydania utworów beletrystycznych Dygasińskiego, jest niemałą przeszkodą do podjęcia studjów nad niemi, — tem bardziej, że ani nasze bibljoteki publiczne, ani czytelnie prywatne niezbyt się troszczyły o to, aby zgromadzić komplet dzieł tego znakomitego pisarza, zwłaszcza w byłych zaborach pruskim i austrjackim, w których Dygasiński był zbyt mało znany i ceniony. I tutaj nasuwa się pewna uwaga ogólniejszej natury.

Przyszły historyk życia duchowego w Polsce porozbiorowej będzie musiał zwrócić uwagę na ten fakt niewątpliwy, że niejednolitość sądów o bardzo wybitnych nawet pisarzach (z wyjątkiem »trzech wieszczów«, oraz Fredry, Kraszewskiego i Sienkiewicza) jest może większa u nas, aniżeli gdzie indziej; źródłem jej bowiem jest nie tylko właściwa wszystkim narodom i epokom różnorodność poglądów na życie i upodobań estetycznych, zależna od różnorodnych indywidualności, ale także rozszarpanie Polski na trzy zabory: ono to sprawiło, że chociaż nieraz lubiliśmy i lubimy się chwalić, iż pomimo wszystko jesteśmy społeczeństwem jednolitem, to jednak różnimy się do dziś dnia pod względem kultury nie tylko materjalnej, politycznej, społecznej, ale także i duchowej; że ze szczęśliwą zmianą naszego położenia politycznego te wszystkie różnice się zatrą, o tem ani wątpić: dosyć, że istniały i jeszcze do dziś dnia istnieją. W Warszawie i wogóle w całym dawnym zaborze rosyjskim do najpopularniejszych i najbardziej wpływowych pisarzy należał (a po części do dziś dnia należy) zawsze młody duchem Aleksander Świętochowski: tymczasem w zaborze pruskim i austrjackim był on i jest dziś jeszcze bardzo mało znany, pomimo że jest on przecie nie »wielkością lokalną«, tylko jednym z największych mistrzów słowa polskiego. Lam znowu, tak głośny w swoim czasie w zaborze austrjackim, bardzo mało był znany w zaborze rosyjskim. Bolesław Prus znany był, rozumie się, we wszystkich trzech zaborach, ale na jego istotnej wartości poznał się o g ó ł jedynie w zaborze rosyjskim. Tłumaczy to się zresztą w bardzo znacznej mierze tem, że Prus uchodził (i bardzo słusznie) za pozytywistę, co więcej (z równą słusznością) za wolnomyśliciela: nie mógł się więc cieszyć zbyt wielką popularnością ani w poznańskiem (pomimo *Placówki!*), ani w Galicji. Przyznawano mu tam wprawdzie i talent, i rozum, i szlachetność uczucia, ale, na ogół biorąc, nie zdawano sobie sprawy z tego, że to jedna z w i e l k o ś c i literatury naszej. Nadaje mu zaś tę wielkość to przedewszystkiem, bez czego w l i t e r a t u r z e wielkim być nie można, to jest talent twórczy, zwłaszcza jego pierwiastki ideowe i uczuciowe, chociaż i plastycznemi mógłby on z królewską hojnością obdzielić całe rzesze powieściopisarzy i publicystów. Powtóre był to wielki nauczyciel swojego narodu, jeden z najmędrszych

najszlachetniejszych, jakich przez całe wieki swojego istnienia wydała
'olska, miał bowiem nie tylko ogromny rozum, ale i wielkie serce.

Tę stronę działalności Prusa, nauczycielską, wyświetlił znakomicie eden z jego najgorętszych wielbicieli, wybitny publicysta, zmarły przedwcześnie Ludwik Włodek, w osobnej książce (*Bolesław Prus, zarys połeczno-literacki*, Warszawa 1918, Gebethner i Wolff). Jestto pierwsza nonografja o Prusie, jako publicyście (książka bowiem Konstantego Vojciechowskiego, p. t. *Bolesław Prus*, wydana we Lwowie r. 1913, ajmuje się jedynie artystyczną stroną pism Prusa, i to prawie wyłącznie — powieści, nie mówiąc już o tem, że jako ogłoszona w *Bibljoece Macierzy Polskiej*, ma charakter nadewszystko popularny). »Nie ędąc zawodowym krytykiem — pisze Włodek w przedmowie — nie hciałem przystępować do pracy, którą inni mogą wykonać lepiej ode mnie; ten sam brak kompetencji skłonił mnie do oparcia się przeważnie a pracach publicystycznych Prusa, które mam prawo oceniać, sam będąc ublicystą.« W tych słowach zakreśla autor granice swej monografji wyjaśnia jej charakter. W istocie jednak przynosi ona znacznie więcej; namy tu bowiem nasamprzód pierwszą szczegółową biografję 'rusa, opartą na źródłach z pierwszej ręki i umiejętnie osnutą na tle tosunków środowiska społecznych i politycznych; nie dosyć na tem: utor uwzględnił, i to bardzo szczegółowo, także powieści, rozpatrując wszakże ze strony nie artystycznej, tylko ideowej. Rezultat jest ten, e czytelnik ma przed sobą całkowity, dokładny obraz Prusa-publicysty, 'rusa-nauczyciela: jego *credo*, jako artysty i publicysty, jego poglądy a zagadnienia wychowawcze, na rolę społeczną kobiety, na nasze stounki społeczne, na sprawę żydowską, na patrjotyzm, na politykę, jego lozofję religji i ideałów życiowych, — wszystko to wyjaśnił autor bardzo rzejrzyście, bardzo systematycznie i bardzo dowodnie, nie szczędząc bfitych cytat z pism znakomitego pisarza. Dopiero teraz, dzięki książce Vłodka, uświadomić sobie można ten ogrom pracy, rozumowej zarówno, ak uczuciowej, jaki Prus włożył w swoją błagosławioną działalność ublicystyczną, czy to jako autor kronik i feljetonów, czy też poieści; dopiero teraz poznajemy całą wielkość Prusa, jako nauczyiela narodu.

Włodkowi także zawdzięczamy przygotowanie do druku dwóch pierszych tomów *Pism Bolesława Prusa*, do których wydawania przystąiła w Krakowie zasłużona firma księgarska Gebethnera i Wolffa (Tom ierwszy: *Od upadku do odrodzenia, szkice*, 1917; tom drugi: *Wojusie, szkice i drobiazgi*, 1917); mamy tutaj poprzedzony przedmowami Vłodka wybór pism publicystycznych Prusa, a więc przedewszystkiem go słynnych *Kronik*, w których niewiadomo naprawdę, co więcej poziwiać, rozum czy serce, dowcip czy humor. Dalsze tomy tego wydania biorowego (3—14) zawierają w sobie wielkie powieści (*Placówka, Lalka, Emancypantki, Faraon, Dzieci*). Do tego, aby być naukowem, krytyczem, nie rości sobie to wydanie prawa; warto jednak zaznaczyć, że do rugiego tomu *Lalki* został wcielony cały jeden ustęp (str. 113—118), tóry swego czasu skreśliła cenzura rosyjska, a który dopiero w r. 1912 głosił Władysław Korotyński (w *Kurjerze Warszawskim*, nr. 151).

Nad twórczością Sienkiewicza pracuje młody a zdolny krytyk Stefan Papée: oprócz trzech szkiców (*Pokrewieństwo Dickensa z Sienkiewiczem* — w *Tygodniku Illustrowanym* 1920, nr. 27; *Sienkiewicz a Prus* — w miesięczniku krakowskiej młodzieży akademickiej *Którzy idziemy* 1919, zeszyt 1; *Dwie trylogje, Dumasa a Sienkiewicza* — w *Roku Polskim* 1918, nr. 9) ogłosił obszerne studjum p. t. *H. Sienkiewicz jako humorysta* (Poznań 1921, z datą 1922, Fr. Gutowski). Pierwsza to u nas praca o Sienkiewiczu estetyczno-naukowa, z krytyką impresjonistyczną nie mająca nic wspólnego: autorowi chodziło nie o podzielenie się z czytelnikiem swemi wrażeniami, jakich doznawał przy czytaniu Sienkiewicza-humorysty, tylko o klasyfikację i analizę różnorodnych rodzajów jego humoru. Oparł się autor głównie o niemieckie studja estetyczne o humorze i komizmie, zwłaszcza Lippsa (*Komik und Humor*) i Volkelta (*Aesthetik*), i wyniki tych badań zastosował do twórczości Sienkiewicza, rozważając pod tym względem jej całokształt, to znaczy nie tylko powieści, ale i publicystykę, której poświęcił cały jeden rozdział. W rozbiorze humoru w powieściach wyszczególnił autor trzy kategorje postaci odpowiednio do tych trzech rodzajów, które wyróżnia w komizmie Lipps: postaci dowcipne (komizm subjektywny czyli świadomy), postaci śmieszne (komizm objektywny czyli nieświadomy), postaci naiwne (komizm naiwny — czy ten komizm stanowi kategorję odrębną czy nie należałoby go włączyć do komizmu objektywnego, o to można by się z Lippsem kłócić). Komizm i humor Zagłoby omówił autor w osobnym rozdziale. W zakończeniu przeszedł od komizmu i humoru stworzonych przez Sienkiewicza postaci do humoru ich twórcy. Jeden zarzut należy uczynić temu starannemu studjum: oto autor pominął komizm sytuacyj, w której to dziedzinie Sienkiewicz był zresztą nie takim już mistrzem, jak w komizmie postaci (w każdym razie nie braknie takich komicznych sytuacyj, jak zdobycie sztandaru przez Zagłobę w *Ogniem i mieczem*, albo jego przygoda z małpami w *Potopie*). Dodajmy, że książka Papéego jest pierwszem u nas, przynajmniej na większą skalę specjalnem studjum estetycznem o humorze i komizmie: niema takiego studjum ani o humorystach staropolskich (Rej, Kochanowski, Potocki, Krasicki), ani nawet o Fredrze i Prusie.

W kilka miesięcy po śmierci Sienkiewicza (15 listopada 1916), który był członkiem honorowym petersburskiej Akademji Nauk, następcą jego został znakomity filolog Tadeusz Zieliński. Nowy akademik wygłosił mowę ku czci swego poprzednika i wydrukował ją w r. 1917 w miesięczniku *Вѣстникъ Европы*, a w roku 1921 wydał ją w języku polskim p. t. *Idea Polski w dziełach Sienkiewicza* (Zamość, Pomarański i Spółka; przedruk, uzupełniony jednym tylko przypiskiem, — w zbiorze »studjów i szkiców« autora p. t. *Z ojczystej niwy*, tamże 1923). Mowa ta jest piękną i śmiałą próbą syntezy twórczości Sienkiewicza ze stanowiska przyświecającej jej idei przewodniej. Ta idea, mówi autor, »to Polska«. »O czemkolwiekby pisał — o Warszawie, Afryce, Ameryce, o Neronie, o Zygfrydzie von Loewe, o żelaznym Jaremie, czy o Połanieckich — o wszystkiem pisze, mając na widoku Polskę. Mówi rodakom: oto jakimi byliście ongi, oto jakimi staliście się teraz, — postanawiajcie tedy, jakimi

ecie być. I mówi rzeszom swoich czytelników-niepolaków: oto kto zacz eśmy — rozstrzygajcie teraz, czy naród może być pełnoprawnym nkiem rodziny europejskiej.« Nie na wszystko, co autor przytacza na arcie tej swojej, naogół biorąc, słusznej tezy, zgodzić się można, albo ej na jedno zgodzić się — niepodobna, na to mianowicie, żeby »nie ało wątpliwości«, iż bohaterka *Quo vadis*, Ligja, była Laszką, Polką, nie tylko w zamiarze artystycznym Sienkiewicza (co podobno prawdą), ale także w wykonaniu, i żeby Sienkiewicz, »stworzywszy symboliczną przedstawicielkę wczesnego dzieciństwa swego narodu, w sposób naturalny zamyślał się nad tem, jakie będą dalsze jej kroki widowni dziejów,« to jest nad przyszłością swojego narodu: »Ligjosko, dokąd idziesz?« Te słowa drukuje autor drukiem rozstrzem, upatrując w nich ideę przewodnią *Quo vadis*. »Ligja była notonie w zamiarze Sienkiewicza Słowianką, Polką; wiem to od ludzi, zy w epoce powstania *Quo vadis* cieszyli się przyjaźnią Sienkieza.« Te słowa z artykułu profesora Stanisława Witkowskiego (w *Gae Lwowskiej* z d. 13 kwietnia r. 1921) przytacza autor w przypisku zbiorze *Z ojczystej niwy*, str. 111) na poparcie swojej tezy: otóż, Sienkiewicz ten zamiar miał, to go nie wykonał, a gdybyśmy się et zgodzili na to, że wszystkie przymioty ciała i duszy, w które wyżył Ligję, są przymiotami polskiemi, to z tego nie wolnoby jeszcze rowadzać ani tego wniosku, że na wizji artystycznej *Quo vadis* wyęło piętno zamyślenie się autora o przyszłości Polski, ani tego, że a na rogach germańskiego tura jest symbolem treści *Bartka ciezcy*, t. j. symbolem Polski na rogach niemieckiego byka. Nie, raz ze, niepodobna zgodzić się na to wszystko. Ale poza tą fałszywą pretacją, rozprawa Zielińskiego przynosi całe mnóstwo znakomitych trzeżeń o twórczości Sienkiewicza, jak to np., że w *Quo vadis* niema łnie wierzącego Rzymu pogańskiego i że to jest błędem ieści, bo »religja starożytna nie umierała za Nerona, lecz znajdowała w pełnym rozkwicie« (mówiąc nawiasem, dawno już zwrócił uwagę en błąd Chmielowski — zaraz po wyjściu *Quo vadis*). To wszystko, utor mówi o psychologji bohaterów *Trylogji*, o ich »fantazji«, o rzeo »nieprawdopodobnych objawach« ich bohaterstwa, o ześrodkowaniu i *Potopu* w obronie Jasnej Góry, o nauce patrjotycznej, płynącej *rylogji*, — to wszystko jest od początku do końca świetne, godne a uczonego tej miary, co Tadeusz Zieliński.

O Elizie Orzeszkowej nie posiadamy jeszcze wyczerpującej monoi: nie zastąpią jej ani luźne, przygodne studja o jej powieściach epsze — Chmielowskiego i Gostomskiego), ani mniej lub więcej udatne akterystyki (najudatniejsza — Z. L. Zaleskiego), ani nawet bardzo a praca syntetyczna Aurelego Drogoszewskiego, umieszczona na czele wszego tomu zbiorowego wydania *Pism* Orzeszkowej, które zaczęło nodzić w roku 1912 (Gebethner i Wolff). Wydanie to utknęło, niestety, oku 1914 (na tomie osiemnastym). Pozatem wydano tylko, już jako e tomy, *Ostatnie nowele*, oraz *Nowele i szkice* (1921, nakładem firmy): wydanie »szkiców« jest bardzo niezupełne: brak np. szkicu owieściach T. T. Jeża, *Listów o literaturze* i t. d.

»Wydanie zbiorowe zupełne« *Pism* Reymonta wychodzi od r. 1921 także u Gebethnera i Wolffa (do roku 1923 wyszło tomów osiem). Wydanie to poprzedził znakomity krytyk Adam Grzymała-Siedleck świetnem studjum o Reymoncie, w którem uwydatnił główne znamiona jego talentu (nadewszystko plastykę), scharakterysował jego swoisty realizm, jego nadzwyczajne poczucie rzeczywistości, jego pogląd na świat pogląd, nawskroś przepojony niezmierną energją życiową. Bardzo słusznie mówi autor, że talent Reymonta ratuje honor społeczeństwa naszego z końca XIX i początku XX wieku: »Gdyby w przyszłości ktoś z miłośników literatury zachciał z pism naszych odcyfrować siłę psychiczną ostatniego niewolnego pokolenia, a nie poznał Reymonta, ten nabrałby o nas wyobrażenia, że byliśmy minjaturą Grecji upadającej; ... dopiero lektura Reymonta odwraca to wyobrażenie i pokazuje, że pod cienką warstwą zrozumiałego zniechęcenia w żyłach narodu tętniło jurne życie.« Wcieleniem tej fenomenalnej energji życiowej Reymonta jest w jego powieściach chłop polski, — po raz pierwszy z tej właśnie strony w naszej literaturze pokazany.

Jeżeli w poglądach na powieści Reymonta (z wyjątkiem historycznych) panuje w naszej krytyce literackiej, naogół biorąc, zgoda, to niema jej w sądach o powieściach Żeromskiego, co się tłumaczy nie tylko indywidualnemi upodobaniami krytyków i różnemi kryterjami sądów, ale tem nadewszystko, że w porównaniu z Reymontem (i Sienkiewiczem, i Weyssenhoffem) jest Żeromski naturą znacznie głębszą i o wiele bardziej złożoną. Tę właśnie złożoność natury Żeromskiego najgłębiej pojął i najlepiej scharakteryzował zmarły w roku 1919 Ignacy Matuszewski, którego rozproszone po czasopismach studja o *Ludziach Bezdomnych*, o *Walgierzu Udałym*, o *Popiołach*, o *Dziejach grzechu*, o *Nawracaniu Judasza* i o *Zamieci* znajdują się obecnie w jednej książce: *Studja o Żeromskim i Wyspiańskim* (Warszawa 1921, Gebethner i Wolff). Matuszewski posiadał olbrzymie oczytanie w literaturze powszechnej, tak, że się w swoich studjach nad literaturą polską z wielką łatwością posługiwał materjałem porównawczym; posiadał nadto — jeden z bardzo u nas jeszcze niewielu — gruntowną znajomość estetyki: oświadczał się zawsze stanowczo i gorąco za zupełną autonomją sztuki, jako odrębnej gałęzi kultury, i za nieograniczoną wolnością w wyborze tematów artystycznych; przyznając, że oddziaływanie sztuki nie ogranicza się bynajmniej do wrażeń estetycznych, że ogarnia całą duszę człowieka, sądził jednak (a przynajmniej starał się sądzić) jej dzieła ze stanowiska prawie wyłącznie estetycznego, będąc przekonany, że zarówno szerokość, jak głębokość ich oddziaływania pozostaje w prostym stosunku do ich wartości artystycznej. Dlatego to twórczość Żeromskiego ujmuje i sądzi nadewszystko pod tym właśnie kątem widzenia. Nie na wszystkie jednak sądy estetyczne Matuszewskiego można się godzić: w swojem chwalebnem dążeniu do możliwie doskonałego objektywizmu, do wczuwania się we wszystkie intencje artystyczne twórcy, nieraz, jeśli się nie mylimy, zbyt mało się liczy z psychologją doznań estetycznych, tam np., gdzie mówi o kompozycji artystycznej, która nie stanowi bynajmniej silnej strony talentu Żeromskiego, zwłaszcza w *Popiołach*. Zdaniem Matuszewskiego

kompozycja tej powieści pozornie tylko posiada charakter fragmentaryczny, w istocie bowiem, pomimo że »większość scen i epizodów ma cechy samoistnych jednostek artystycznych,« te jednak »oderwane całości wiążą się ściśle z sobą, nie zawsze jawnie, częściej za pośrednictwem ukrytych pasm nici ideowych i uczuciowych, których przebieg trzeba śledzić i chwytać, uzupełniając luki opowiadania pracą własnej wyobraźni« (str. 59). Otóż, nie mówiąc już o tem, że się estetycy nie przestają do dziś dnia o to kłócić, czy praca własnej wyobraźni czytelnika jest funkcją estetyczną czy pozaestetyczną, — co Matuszewski poczytuje za ową więź, dzięki której sceny i epizody *Popiołów* stanowią rzekomo zwartą całość artystyczną? Uczucie autora, który jest przecie lirykiem, nie epikiem, dla którego więc wszystkie stworzone przezeń obrazy są tylko symboliką różnorodnych jego uczuć. Ależ czytelnik powieści, i to powieści trzytomowej, szuka jedności artystycznej tych właśnie obrazów: dla ogromnej większości czytelników interes artystyczny skupia się około Rafała, Cedry i innych bohaterów powieści, nie zaś około tego, który dał im życie. Rozumie się, wszystko zależy od indywidualności czytelnika: uwagę przy doznaniu estetycznem można nastawiać tak albo inaczej; ale otóż to właśnie, że Matuszewski, chociaż przyznaje, iż krytyk winien »indywidualizować psychologję odrębnych osobników« (str. 96), swoje osobiste doznania podnosi do godności jedynego kryterjum. Tymczasem doznania te były bardzo swoiste, ta zaś swoistość polegała na stanowczej, bezwarunkowej przewadze pierwiastków intelektualnych nad sensorycznemi, motorycznemi, skojarzeniowemi i emocjonalnemi, co też na wszystkich krytykach Matuszewskiego wycisnęło bardzo silne piętno — intellektualizmu: nastawianiem jego uwagi estetycznej w tę lub inną stronę kierowały nieraz nie czynniki estetyczne, zawarte w dziele sztuki, tylko czynniki pozaestetyczne, będące owocem pracy własnego intelektu i wkładane przez intelekt w dzieło sztuki. Jedynie takim rodzajem duchowości Matuszewskiego można sobie wytłumaczyć jego zbyt pochopny, zbyt ryzykowny sąd, że w powieściach Żeromskiego każda postać żyje życiem własnem. Czyż każda? Czy Żeromski, wielki liryk, wielki symbolista, posiada także wielki talent do stwarzania żywych i różnorodnych postaci? Przecie sam Matuszewski mówi o bohaterze *Popiołów*, że jest to wprawdzie »istota ludzka, realna«, ale — dodaje — »tak przeładowana materjałem psychologicznym, że suma zawartych w jego duchu właściwości rozsadza zarysy indywidualne« (str. 53). »Charakterem przeładowanym« nazywa także Matuszewski bohaterkę *Dziejów grzechu* (str. 102). Nie dosyć na tem, przytoczywszy ustęp ze spowiedzi Ewy, pyta krytyk: »Czy myśli podobne« (o cichości ducha i egoizmie) »mogły się zrodzić w mózgu młodziutkiej, niewinnej jeszcze i niedoświadczonej dziewczyny?« I odpowiada: »Nie sądzę. Ta wyjąkana przy konfesjonale wątpliwość zbyt szerokie odsłania horyzonty, żebyśmy nie mieli prawa przypisać jej autorstwo bezpośrednio — samemu autorowi« (str. 113).

Najlepszą, najsilniejszą stronę studjów krytycznych Matuszewskiego stanowią nie rozbiory estetyczne, pomimo że się one właśnie wysuwają na plan pierwszy, tylko badania nad ideą utworów (pod tym względem rozbiór *Walgierza Udałego* może służyć za wzór), nad psychologja po-

staci, oraz głęboka analiza i umiejętna synteza pierwiastków duchowych twórcy — jego właściwości umysłowych, jego znamion uczuciowych, jego intencyj artystycznych, jego postawy wobec własnych wizyj artystycznych, jego poglądu na świat. Żeromski, mówi Matuszewski w rozbiorze *Dziejów grzechu* (a sąd ten stosuje się wogóle do całej twórczości ich autora), »nie pragnie niczego niszczyć, bo wszystko, co jest, jest potrzebne: chciałby on tylko rozproszone chaotycznie żywioły bytu połączyć w logiczny i harmonijny akord. Niech dobrzy staną się silnymi, silni — dobrymi, mądrzy poczują dreszcz miłości — a wtedy nie dobro w zło, lecz zło przeistoczy się w dobro. Synteza musi się jednak odbyć w samym człowieku, a nie być mu narzuconą siłą przymusu. *Dzieje grzechu* to nie przekleństwo, rzucone ludzkości, lecz straszliwe *memento*, rozdzierający wrzask bólu, tryskający z krwawiącego łona poety, rozciągniętego na ławie torturowej« (str. 121). Czy można w tak niewielu słowach dać lepszą syntezę ideowej i uczuciowej strony twórczości Żeromskiego?

Kraków. *Ign. Chrzanowski.*

Joan Bogdan: **Cronica lui Constantin Manasses.** Traducere mediobulgară-făcută pe la 1350. — Text și glosar. Publicare postumă, cu prefață de **Prof. J. Bianu** (= Chronique de Constantin Manassès. Traduction médiobulgare faite vers 1350. Texte et glossaire. Publication posthume, avec préface par le prof. J. Bianu) București, Socec, 1922, VIII + 456 pp.

En 1891, le feu professeur de langues slaves à l'Université de Bucarest, Joan Bogdan, préparait une édition de la traduction bulgare du «chronographe» de Constantin Manassès, qui avait influencé l'évêque moldave «Macarie» dans sa chronique slave sur le premier règne du Prince Petru Rareș (1527—1538). Dans ce but il a copié le texte d'après un codex synodal de Moscou auquel il avait adjoint les variantes d'après le codex du Vatican données par Čertkov et d'après un codex découvert en 1891 dans la bibliothèque du club bulgare de Tulcea. L'œuvre était sous presse en 1900; mais la publication était retardu à cause de l'introduction pour laquelle Bogdan avait recueilli beaucoupde notes. Cependant la mort le surprit en 1919.

M. J. Bianu, ami et collègue du défunt, entreprit avec la bienveillance de éditeur Socec, de publier le travail de Bogdan «pour que l'édition préparée et publiée avec tant de soin ne soit pas complètement perdue, pour qu'elle puisse être utilisée pour l'étude des langues et des littératures slaves et pour que d'autres fassent ce que l'auteur n'avait pas fait».

L'œuvre contient le texte slave avec les variantes du Codex de Tulcea et de celui du Vatican, suivi d'un glossaire de tous les mots slaves avec leur équivalent en grec et en roumain.

N. Cartojan.

Diskusse.

Zur ungarischen Endbetonung.

Ich muss Herrn Professor van Wijk dafür dankbar sein, dass er meinem Buch »Zur Chronologie der štokavischen Akzentverschiebung« seine Aufmerksamkeit gewidmet hat. Er hat aber einiges übersehen und schreibt mir deshalb Ansichten zu, von denen ich gerade das Gegenteil behauptet habe.

Bei seinen persönlichen Ansichten kann ich ihn belassen, auch wo sie mir unlogisch scheinen. So stellt er z. B. fest (Slavia II, 450), dass ich in einer Hauptfrage auf der Seite von Belić stehe — gegen Rešetar, »aber eine kritische Prüfung der beiden Theorien suchen wir umsonst«. Da ich mich dem Standpunkte Belić' anschliesse, habe ich ja implicite auch seine Kritik des Rešetarschen Standpunktes gebilligt! Und da ich mich an Belić anschliesse, meine ich ja doch, dass seine Theorie trotz der daran ausgeübten Kritik immer noch das Richtige trifft. Die Kritik, die van Wijk in diesem Punkte gegen mich richtet, ist eigentlich an Belić adressiert. Und ich glaube, alle Fachgenossen haben sie auch so verstanden.

Van Wijk macht mir S. 451 den Vorwurf, ich habe zu wenig die Möglichkeit berücksichtigt, »dass ein Lehnwort gleich bei der Herübernahme eine andere Betonung angenommen habe«. Die von ihm gewählten russischen Beispiele sind nicht gerade die glücklichsten. Es sind dies erstens die drei Judennamen: *Rubinštéin, Lewenštéin, Libermán*. Ist es ihm denn entgangen, dass bei den russischen Judennamen eben diese Art von Betonung die Regel ist (speziell bei den vielen auf *-sohn*)? Dann *parikmácher* — hier liegt doch keine Akzentverschiebung vor, denn auch im germanischen Wort hat ja das zweite Zusammensetzungsglied einen Sekundärakzent auf der genannten Silbe![1]) Und schliesslich *Beethóven*! Ich gestehe zu, in Russland gerade den richtigen Akzent gehört zu haben. Den unrichtigen Akzent habe ich dagegen nicht nur in Russland, sondern auch in mehreren Ländern Westeuropas gehört. Er ist jedenfalls in diesem Falle, ebensowenig wie in den übrigen Fällen, metaphysischen »Wortrhythmusunterschieden zwischen den Sprachen« zuzuschreiben und nicht im Russischen entstanden.

Aber das Schlimmste ist, dass ich eben speziell darauf hingewiesen habe, dass nicht immer Lehnwörter die Akzentstelle des Mutterwortes

[1]) Es scheint mir übrigens, dass das Polnische das Wort, wenn nicht vermittelt, so doch beeinflusst hat; darauf deutet der erste Vokal: *paruka* ist im Polnischen belegt, obgleich im 17. Jh. *Parucke* als Nebenform auch im Deutschen vorkommt. Es geht diese Form auf italienisch *parruca* zurück, während die Form mit *-e-* vom Französischen ausgeht.

haben beibehalten müssen. Ich sage S. 86 (von den ungarischen Lehnwörtern), dass man in einigen Fällen »an analogische Anlehnung an ältere slawische Formanskategorieen denken kann«. Auch glaube ich an die Möglichkeit, dass »bei Wörtern mit einer langen Silbe der Quantität eine akzentverschiebende Rolle« zugeschrieben werden könne. Dann hebe ich auch die Möglichkeit von Analogiebildungen hervor. Ich habe also den von van Wijk hervorgehobenen Gesichtspunkt nicht nur berücksichtigt, aber dabei auch mehr Möglichkeiten ins Auge gefasst als er selbst für nötig hält. Allerdings habe ich nicht von »Rhythmusunterschieden« gesprochen. Es ist dies ein allzu vager Terminus, der in sich alles fassen kann, aber auch nichts.

Jetzt aber zum Hauptpunkt!

Auf Grund von Beobachtungen der ungarischen Lehnwörter im Serbischen bin ich zu der Ansicht gelangt, dass in einer älteren Epoche im Ungarischen die Endbetonung geherrscht hat (jetzt hat das Ungarische bekanntlich die Anfangsbetonung). Ich habe den Gegenstand dann näher untersucht, und es hat sich gezeigt, dass diese Annahme, welche sich mir bei der genannten Untersuchung zu meiner Überraschung ganz ungezwungen ergeben hat, durch eine ganze Reihe von Tatsachen aus anderen Sprachgebieten bestätigt wird.

Nun sagt Professor van Wijk, dass »ein paar serbokroatische Wörter eine allzu schwache Stütze für eine so kühne Hypothese bilde«. Dies ist allerdings richtig! Sein Urteil zeigt aber, dass er die betreffenden Teile meines Buches — nicht aufmerksam genug gelesen hat! Ich sage nämlich S. 86 in meinem Buch: »Im akzentverschiebenden Štokavischen weisen etwa 100 von 170—180 (ungarischen) Lehnwörtern den Akzent als von der Endsilbe auf die zweitletzte verschoben auf (die Übrigen haben Anfangsbetonung entweder als Fallton — bei älteren — oder als Steigton — bei späteren Lehnwörtern). Unter den ursprünglich endbetonten befinden sich alle am frühsten belegten Wörter«. So steht es in der Tat um die »paar serbokroatischen Wörter«.

Ich habe schon in meiner Dissertation darauf aufmerksam gemacht, dass dieselbe Erscheinung auch bei den ungarischen Lehnwörtern im Rumänischen und Kleinrussichen zu Tage tritt. Ich sage S. 85: »Jedenfalls scheint das Ungarische die genannte Betonungsweise schon vor der Landnahme gekannt zu haben, denn die ungarischen Lehnwörter im Kleinrussischen und im Rumänischen weisen in erdrückender Mehrzahl Endbetonung auf (bei Suffigierung ruht der Akzent auf der Silbe vor dem Suffix)«. Dabei habe ich auch auf einen Aufsatz Bonkaló's in Jagić's Archiv und einen Ásbóth's in den Nyelvtudományi Közlemények verwiesen, wo eine vorläufige Orientierung in diesem Material möglich war.

Später habe ich die ungarischen Lehnwörter in diesen und einigen anderen Sprachen vergleichend untersucht und meine Beobachtung bestätigt gefunden.

Was aber vielleicht den grössten Skeptiker wird überzeugen können, ist folgendes.

Die ältesten mit Akzent überlieferten ungarischen Wörter finden sich bei Konstantin Porphyrogennetos in seiner Schrift De administrando

nperio, worüber vgl. Verfasser, Linguistic Gleanings (Lunds niversitets Årsskrift 1923, Nr. 5, S. 56 ff.). Mit Ausnahme von etwa er oder fünf Wörtern, wo entweder die Betonung, wie es scheint, anagisch erklärt werden muss (zwei Fälle), oder wo der Wortakzent vor einer iechischen Endung steht, sind diese Wörter alle endbetont. Unter den usnahmen hat nur eine einzige, *Τάξιν*, Anfangsbetonung, es kommt ær daneben auch endbetontes *Ταξίν* vor.

Die Sache steht also ganz anders, als sie van Wijk darstellt. Denn lbstverständlich würde ich nicht ernst genommen werden können, wenn h nur auf »ein paar serbokroatische Wörter« hin eine so kühne Beuptung aufgestellt hätte.[1])

Die Frage der ungarischen Betonung gehört ja eigentlich nicht in ne slavistische Zeitschrift. Ich habe aber etwas dabei verweilen müssen, eil, wie es scheint, Professor van Wijk sein Urteil über mein Buch uptsächlich auf meiner diesbezüglichen Hypothese aufbaut. Das erste apitel des Buches erklärt er für den gelungensten Teil — persönlich n ich gerade der gegenteiligen Meinung: ich halte ihn für die schwächste artie des Buches, und zwar deshalb, weil ich hier nur auf den Arbeiten derer, speziell denjenigen von Belić, weiterbaue, also nicht in demselben asse als in übrigen Teilen meines Buches selbständig hervortrete. Das gebnis des dritten Kapitels charakterisiert er als »ganz richtig«, hat also eniger daran auszusetzen als an dem »gelungensten« Teil. Das zweite apitel (»Ältere Darstellungen der Geschichte der serbokroatischen Benung«) ist rein historisch-beschreibend. Im übrigen besteht das Buch aus nem Abschnitt über den Akzent der ungarischen Lehnwörter, einem ær denjenigen der türkischen Lehnwörter und einer Nachschrift (über e ungarischen Lehnwörter) sowie einem zusammenfassenden Schlusswort. drei Beilagen habe ich ausserdem Meinungen und Beobachtungen anrer Forscher angeführt.

Man ist wohl berechtigt anzunehmen, dass für van Wijks Urteil über ein Buch weder der historische Abschnitt noch die Beilagen massgebend aren. Das Schlusswort enthält aber nur eine Zusammenfassung und kann und für sich nichts für die Beurteilung des Buches abgeben. Es bleiben so nur die Kapitel über den Akzent der ungarischen, bzw. der türkischen ehnwörter und die damit zusammenhängende Nachschrift. Da sich van Wijk n über den turkologischen Teil gar nicht äussert, für den ungarischen oschnitt aber nur ein paar verurteilende Worte hat, so muss ich glauben, ss eben der die ungarischen Lehnwörter im Serbischen behandelne Abhnitt ihn zu seinem Schlussurteil geführt hat, welches folgendermassen utet: »Der Verfasser hat mehr geben wollen als er konnte; er ist in dieser beit zu wenig kritisch und er urteilt bisweilen über Probleme, die er cht genügend untersucht hat und worüber er über ungenügende Kenntsse verfügt.« Da Professor van Wijk wahrscheinlich nicht behaupten kann, ss ich in Slavicis »über ungenügende Kenntnisse verfüge« (Dr. Barić

[1]) Meine Abhandlung »Ungarische Endbetonung« wurde von der führenden rachwissenschaftlichen Zeitschrift Magyar Nyelv in Budapest zur Veröffenthung angenommen, was allerdings davon zeugt, dass die Ugristen diese age anders beurteilen als Prof. van Wijk.

hat in seiner Rezension gerade meine Kenntnisse auf dem von mir behandelten Gebiete ausdrücklich hervorgehoben), bleibt nichts anderes übrig als zu schliessen, dass diese Zensur nur dem turkologischen und ugristischen Teile meines Buches gilt.

Da mutet es etwas eigentümlich an, dass Professor van Wijk einige Zeilen früher gesteht, sich bezüglich dieser Abschnitte »auf fremdem Boden zu fühlen«. Also: eben dort, wo er nicht über genügende Kenntnisse verfügt, masst er sich zu, über die Kenntnisse eines anderen so abfällig zu urteilen.

Für eine sachliche Kritik bin ich immer dankbar. Denn nur durch Diskussion kann die Wissenschaft gefördert werden. Man ist aber gewiss berechtigt von einem Kritiker zu verlangen:

1. dass er das kritisierte Buch gründlich studiert und dem kritisierten Verfasser falsche Meinungen nicht zuschreibt, und

2. dass er nur über dasjenige Gebiet urteilt, wo er über nötige Kenntnisse verfügt.

Lund, den 5. Februar 1924.

Hannes Sköld.

Die Redaktion der Slavia schickt mir die Antwort des schwedischen Gelehrten H. Sköld auf meine Rezension seiner Schrift »Zur Chronologie der štokavischen Akzentverschiebung«, damit ich dazu meine Bemerkungen machen könne. Ich muss gestehen, eine Diskussion für sehr unfruchtbar zu halten.

In meiner Rezension bedauere ich es, dass der Verfasser bei den italienischen und deutschen Lehnwörtern nicht die Möglichkeit einer Betonungsänderung bei der Herübernahme berücksichtigt hat. Sköld antwortet darauf, dass er in seiner Nachschrift, in welcher von ungarischen Lehnwörtern die Rede ist, eine solche Möglichkeit, sogar noch mehr Möglichkeiten ins Auge gefasst habe. Um so mehr ist es zu bedauern, möchte ich sagen, dass er es bei den italienischen und deutschen Wörtern versäumt hat! — In der vorletzten Alinea meiner Rezension sage ich, nicht auf die madjarischen Lehnwörter einzugehen, »weil ich mich hier auf fremdem Boden fühle«, erlaube mir aber die Bemerkung, dass Skölds auf serbokroatischen Lehnwörtern aufgebaute Hypothese einer altmadjarischen Endbetonung »in einem scharfen Widerspruch zu den unter Finno-ugristen üblichen Ansichten« steht; leider gebrauche ich dort den Ausdruck »ein paar serbokroatische Wörter«, denn obgleich in dem Kapitel über den »Akzent der ungarischen Lehnwörter« und auch in der »Nachschrift« nur wenige Wörter besprochen werden, in der »Nachschrift« wird jedenfalls die Zahl »etwa 100 von 170—180« genannt. Das Wesentliche meiner Bemerkung verliert dadurch seinen Wert nicht. Jetzt, in seiner Erwiderung, führt Sköld einen neuen Grund für seine Hypothese an; das ist gerade, was für die Erschütterung der Autorität der unter Finno-ugristen üblichen Ansicht notwendig ist! Gegen mich wendet

sich dieser neue Grund nicht; ich bin ja auf das Problem selber der altmadjarischen Betonung nicht eingegangen, habe nur konstatiert, dass mehr Tatsachen nötig sind um eine ziemlich allgemein herrschende Ansicht zu erschüttern.

Diese paar Bemerkungen dürften genügen um das Nutzlose eines weiteren Gedankenaustausches darzutun. Für jeden Leser meiner Rezension dürfte es klar sein, dass mein Gesamturteil beinahe ausschliesslich auf dem slavistischen Teile von Skölds Arbeit beruht. Sköld widmet den grössten Teil seiner Erwiderung einem kleinen Passus meines Aufsatzes, in welchen er eine aggressive Tendenz hineinlegt, die mir gerade hier fremd ist. Ohne gegenseitiges Verständnis ist jede Polemik unfruchtbar.

Leiden.

N. van Wijk.

Zprávy.

Litevský slovník (Lietuvių kalbos žodynas) *Kazimíra Būgy* začal vycházeti nákladem litevského ministerstva osvěty v Kovně. První sešit (1924. str. LXIV a 80) vedle vlastního slovníku obsahuje na str. XIX—LXIV první část obsáhlého úvodu, v němž autor podává instruktivní výklad o litevském přízvuku (str. XIX—LII) a začíná pojednávati o litevském národě a jazyce a jeho nejbližším příbuzenstvu (str. LIII—LXIV); v této dosud uveřejněné části mluví o Litvanech a litevských nářečích, o Lotyších a vzájemném poměru jaz. litevského a lotyšského (vyvinuly se ze společného základu, z prajazyka litevsko-lotyšského. lietuvių-latvių prokalbė) a konečně o Prusích a jejich jazyce, jehož základ byl vedle jazyka litevsko-lotyšského druhým samostatným členem jazykové skupiny, která se vyvinula ze společného prajazyka baltského, čili, jak Būga říká, aistského (aisčių prokalbė). Před tímto úvodem o litevském jazyce autor v předmluvě, vykládaje, jak se dostal k spisování litevského slovníku. podává svůj životopis a vývoj své vědecké práce (str. II—VII); na str. VIII—XIX je soupis zkratek, jichž se ve slovníku užívá. Část slovníku v tomto sešitě vydaná sahá až k heslu *áu̇čtraukas* (jednotlivé sešity mají obsahovati tak jako tento sešit první 80 dvojsloupcových stránek). Do slovníku pojata jsou také slova cizí. i docela moderní. vedle appellativ také jména vlastní a vedle slov jazyka spisovného také slova nářeční. Ovšem nemohlo být v tomto rozsahu dosaženo ani zdaleka úplnosti (rozumí se takové, jaké lze vůbec při pracích tohoto druhu dosáhnouti). Autor výslovně podotýká, že v jeho slovníku nejsou nejen všechna slova mluveného jazyka. ale ani ne všechna slova vyskytující se dosud v litevských knihách. Není to thesaurus litevského jazyka, ale praví-li autor, že jeho slovníku spíše by příslušel název »materiál k slovníku« než »slovník«, je příliš skromný; slovník to je, ovšem slovník takový, jaký je za daných poměrů možný, ale i za takový slovník budou autorovi, tak důkladně obeznámenému s litevštinou v její minulosti i přítomnosti a vyzbrojenému znalostí srovnávací jazykovědy, vděčni i jeho krajané, za nových poměrů nutně potřebující díla, jež by bylo bezpečnou oporou dalšímu vývoji spisovného jazyka litevského, i theoretikové, obírající se studiem jazyka litevského, tak důležitého pro srovnávací jazykozpyt indoevropský a zejména ovšem pro jazykovědu slovanskou. Úplně vyčerpal autor všecky tištěné dosud slovníky litevské a některé rukopisné; uvádí jejich doklady a tlumočení litevského výrazu pravidelně hned na počátku jednotlivých hesel. Ke konci bývá podána etymologie základních starých výrazů domácích, u slov přejatých označen jejich původ. Tam, kde toho bylo třeba, je podána samostatně historie výrazu po stránce jeho formální a dialektické jeho rozšíření a znění. U některých hesel jsou dokonce uvedeny i hádanky vztahující se na věc, o jejímž jméně slovník vykládá. *O. H.*

A lithuanian etymological index, jejž sestavil *Harold H. Bender* a v krásné úpravě vydala tiskárna university Princetonské (Princeton University Press, Princeton 1921. str. XXI a 397), je kniha celkem skoro zbytečná. Je to soupis litevských výrazů, jež se vyskytují v Brugmannově Grundrisse a ve známých etymologických slovnících nejdůležitějších jazyků indoevropských (v Uhlenbeckově staroindickém, v Klugově německém. Feistově gotském, Bernekerově slovanském, Waldově latinském a Boisacqově řeckém), s udáním, v kterém z těchto děl a na kterém místě se ten či onen výraz litevský uvádí; k tomu bývá ještě připojen odkaz do Leskienova pojednání »Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen« a do Sommerovy studie »Die indogermanischen *įā-*

und *io*-Stämme im Baltischen«, řidčeji do Leskienovy práce »Die Bildung der Nomina im Litauischen« a některých jiných prací speciálních nebo do některého slovníku litevského. U citovaných etymologických slovníků bývá uváděno jen heslo, v němž se o příslušném slově litevském mluví, u knih jiných jen příslušná stránka — o výkladě vlastním není v indexu nic. Jak mechanicky je tento index sestaven, je viděti z toho, že na př. jednotlivé pády osobních zájmen mají své vlastní heslo (jsou tu hesla *manè*, *manę̃s*; *mánei*, *mán*; *manę̃s*; *mãno*; *màna*; *mán*, i *manàsis* je odděleno od *mãnas*, ačkoliv se o něm u Brugmanna mluví na témže místě jako o *mãnas*), zvlášť je heslo *anà*, *anàs* a u obou je odkázáno na *añs*, od něhož je odděleno *ansaĩ*, dial. *dáktas* má zvláštní heslo, v němž je ovšem odkázáno k *dáiktas*, sup. *dė́tų*, part. *dė́tas* je odděleno od *dedù* (ovšem i futurum *dė́siu*) atd. Do etymologického indexu litevského má kniha tato daleko, neboť neregistruje všech slov etymologicky už vyložených nebo vykládaných — je to právě jen index litevských výrazů vyskytujících se v uvedených spisech, a ten nutný nebyl. Oč lépe by bylo bývalo využito vynaložené — jistě ne malé — práce i nákladu, kdyby byl autor sebraný takto materiál zpracoval, t j. prostě uvedl etyma těchto slov, při čemž u běžných a dávno známých etymologií nebylo by vůbec třeba literatury uváděti, a rozhojnil aspoň těmi etymologickými výklady litevských slov, jež se vyskytují v jiných ještě etymologických slovnících a v nejdůležitějších časopisech jazykovědeckých; ty mívají podrobné rejstříky slovní, nebylo by tedy vyhledání slov litevských tak pracné. Takto není možno v knize Benderově viděti ani náhražku etymologického slovníku litevského. *O. H.*

Lotyšský slovník, jejž sestavil známý jazykozpytec lotyšský *K. Mühlenbach*, vydává po jeho smrti v Rize nákladem lotyšského ministerstva vyučování *J. Endzelin* (Latviešu valodas vārdnīca. Redigējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Také německy: Lettisch-deutsches Wörterbuch. Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von —. Dosud [1923—1924] 7 sešitů, *a* — *dzîvuôt*, 560 str.). Mühlenbach sám vypracoval svůj slovník až po heslo *patumšs*; pro ostatek zanechal jen nezpracovaný materiál. Ale i z té části, kterou zpracoval, ztratilo se pět sešitů, takže bylo je třeba na základě zachovaného materiálu znovu zpracovati, a i v částech zpracovaných bylo třeba mnoho upraviti a změniti: je tedy i v těchto částech skryto mnoho jistě obětavé práce Endzelinovy. Od Endzelina veskrze pocházejí etymologické výklady, pro něž si pomoc Endzelinovu vyžádal ještě za svého života Mühlenbach sám. Samostatné dodatky Endzelinovy jsou ve slovníku označeny. Má tedy Endzelin na tomto novém slovníku lotyšského jazyka značný podíl. Výklad slov, jakož i spisovatelovy a vydavatelovy poznámky při jednotlivých heslech dějí se, jak už z německého titulu slovníku lze vyčísti, německy. Nejsou pojata do slovníku cizí slova a zcela nově utvořená slova domácí, jež se ještě v mluvě lidové nevžila, slova taková odkazují se do slovníku praktického. Jednotlivá slova v různých svých výrazech hojně jsou dokládána zejména z literatury lidové, etymologické výklady jsou provázeny odkazy k příslušné hlavní literatuře: filologii lotyšské dostává se slovníkem tímto díla, jež spolu s Endzelinovou mluvnicí (Lettische Grammatik, Riga 1922, XII a 862), vydanou rovněž ministerstvem vyučování (vyšla také jako 1. svazek nové »Baltische Bibliothek«, vydávané nakladatelstvím Wintrovým v Heidelberce), bude úhelným kamenem lotyšské jazykovědy. *O. H.*

Архив за арбанаску старину, језик и етнологију počal vydávati v Bělehradě T. R. Đorđević redakcí *H. Bariće*. Má to být centrální orgán pro studia albánská, bude proto přinášeti vedle prací psaných některým z jazyků slovanských také práce psané některým z jazyků světových. Vedle původních studií bude v části své kritické soustavně sledovati veškerou vědeckou práci o Albanii, Albáncích a jejich jazyce; pravidelná bibliografie albanologie bude vycházeti v samostatném svazku, jenž bude připojován ke každému ročníku Archivu. Nemůže být o tom pochyby, že orgánu takového bylo třeba a že jeho založení uvítají s radostí i všichni pracovníci v tomto oboru i ti, kdož neúčastníce se přímo práce na tomto poli potřebují sledovati výsledky této práce, dosud neorganisované a rozptýlené po různých časopisech a jiných publikacích.

již sledovati bylo možno takřka jen z bibliografických přehledů uveřejňovaných v Indogermanisches Jahrbuch. A není také o tom pochyby, že věda jugoslávská z důvodů na snadě jsoucích na prvém místě je povolána k úkolu tomuto. První dvojsešit (1923, str. VI a 276) — je označen jako 1. a 2. sešit prvního ročníku, ale je uzavřeným celkem, má svůj titulní list, obsah a rejstřík — přinášející na prvních dvou stránkách program nového podniku, program ten také ve všech svých oddílech (články a materiál, drobné příspěvky, kritika, zprávy, kronika) uskutečňuje. Vedle snad všech albanologů slovanských jsou tu tentokrát zastoupeni dva albanologové němečtí (Jokl a Treimer); články týkají se rozmanitých themat, především jazykových (Barić, Jokl, Oštir, Skok), ale i jiných (na př. o albánských variantách písní o boji na Kosově poli, o písmě albasanském a písemnictví jím psaném a j.); v kritickém oddíle jsou posouzeny význačnější práce albanologické posledních let, ve zprávách referováno o rozmanitých podnicích a pracích; v kronice podána zpráva o rumunském ústavu pro studium jihovýchodní Evropy a věnována vzpomínka nedávno zesnulému českému albanologu J. U. Jarníkovi s bibliografií jeho albanologických prací. *O. H.*

А. П. Георгіевскій: **Старославянскій языкъ.** Тексты и палеографическія таблицы старославянскаго языка. (Приложеніе къ „Ученымъ Запискамъ историко-филологическаго факультета государственнаго Дальне-восточнаго университета" т. II, вып. I). Владивостокъ 1920. Str. 41.

Autor odůvodňuje své vydání naprostým nedostatkem příruček palaeografických na knižním trhu. Má snahu podati materiál z památek nejcharakterističtějších, ale ovšem mohl použíti jen těch, které nalezl v knihovnách vladivostockých. V úvodu podává především přehled hlavních pomůcek grammatických a palaeografických. Cituje tu Leskienovu Grammatik, ale zapomněl na Handbuch, pro začátečníky vhodnější, zná Kuľbakinovu Grammatiku z r. 1915 (Энциклопедія слав. фил., вып. 10), ale nikoliv ještě 3. vydání jeho knihy „Древне-церковно-славянскій языкъ" (Харьковъ 1917), také u nás dosud nepřístupné. Mezi speciálními studiemi stály by jistě za zmínku znamenité práce Meilletovy, mezi chrestomatiemi měla být uvedena i chrestomatie Vondrákova. Vzorem a pramenem byly autorovi palaeografická pojednání a sbírky textů Grunského, Lavrova, Sobolevského a Jagiće. Dále následuje krátký popis textů a tabulek (str. 9—12), z nichž podány ukázky. Jsou to Pražské zlomky, Zogr., Cloz., Sav., Supr., Ostr., nápis cara Samoila, Dobromirovo ev., Vukanovo a čtyři ruské ukázky poloustavu a rychlopisu z 16. a 17. století. Škoda, že vynechány vůbec Kijevské listky neb aspoň nepodána palaeografická ukázka z Pražských zlomků, které měl autor po ruce; byl by na nich patrný nejstarší typ písma hlaholského. Nevhodné je, že vydavatel při svých popisech nejstarších památek cituje obyčejně jen nejstarší jejich vydání. Tak se student sice doví o starém Kopitarově vydání Cloz., ale nic o novém vydání Vondrákově, o Miklosichově vydání Supr., ale ani slova o vydání Severjanovově atd. Jen při Sav. knize je výjimka, při některých rukopisech vubec vydání neudáno. Zogr. ev. nemá 340 listů, nýbrž jen 304, a nejsou všechny popsány hlaholicí, nýbrž jen 288 listů. Při Cloz., když se cituje jen první jeho vydání, mělo být vedle vydání Kopitarova vzpomenuto též Miklosiche, který vydal ve vid. Denkschriften 1860 dva listy tohoto rukopisu nalezené v Inšpruku. Po stránce palaeografické představuje Cloz. podle Jagiće starší typ písma než Zogr. Sav. kniha nemá 166 listů, nýbrž jen 129. Autor celkem vůbec se nezmiňuje o odborných pojednáních, týkajících se jednotlivých památek. Při ukázkách textů mělo být při všech a přesně udáno z které části příslušného rukopisu jsou vybrány; mimo to nejsou ukázky tyto zcela bez chyb. Snímky však jsou výrazné a dobře poučí. *J. K.*

Słownik języka polskiego (J. Karłowicz, A. Kryński, Wł. Niedźwiecki), vyznamenaný krakovskou akademií věd, bude asi brzy ukončen; vyšel sešit 45 (od »*Założyć*« do »*Zatrudnić*«.)

Prof. Aleksander Brückner vydal jako 65. svazek »Bibljoteki Narodowej« (Krak. Spółka wydawnicza 1923) práci »*Średniowieczna pieśń religijna*«. Autor,

jenž zván bývá Kolumbem polských památek, nalezl většinu materiálu; sbírku tuto dělí na část epickou, kam řadí též legendu o sv. Aleši, a pět písní nábožných; v díle druhém je různá lyrika, v jejíž čele stojí »Bogurodzica«; pak následují příležitostné písně obřadní a náboženské.

Prof. Roman Dyboski, uveřejňuje v časopise »Przegląd Warszawski« (listopad 1923), velice zajímavý článek o lektuře Goethova »*Fausta*« (část první, nový překlad prof. L. Wachholze, s hist. lit. úvodem prof. Wukadinoviće, Gebethner i Wolf, 1923), a poukazuje na výchovný význam četby tohoto veledíla v dnešní chaotické době. neboť Goethe »dał w tym arcydziele źródło otuchy wśród błędów, któremi się znaczy droga życia ludzkiego, źródło ufności w godność człowieka i w cenność jego wysiłków na ziemi...«

Národní Divadlo v Praze vydalo »*Slavnostní Sborník 1883—1923*« ke svému čtyřicetiletí s úvodní básní Ant. Sovy a drobnými literárními příspěvky předních českých divadelních činitelů: J. B. Foerster: »Otevření Národního Divadla«, K. Engelmüller: »Otevření Nár. Divadla«, J. Vodák: »Herecký směr Nár. Div.«, Otokar Fischer: »Nár. Divadlo a české drama«, Zd. Nejedlý: »Opera N. D.«, F. X. Šalda: »Drama a lidská hromadnost«, Jar. Hilbert: »Víra dramatiků«. Obsah doplňuje bohatá sbírka reprodukcí vedoucích osob a výkonných umělců za toto období.

Folklor v Polsku byl obohacen několika novými pracemi, na něž mne laskavě upozornil p. prof. Bystroń: v »Archiwum nauk antropologicznych« (Varšava 1923), v rozpravě »*Uwagi nad dziesięciu pieśniami ludowymi żydów polskich*« prof. Bystroń zkoumá filiaci národních písní slovanských a upozorňuje na vliv, který mohly míti na písně židovské. Srovnává též židovskou píseň z býv. gub. poltavské na Ukrajině s moravskou národní: »Kdyby mi Pán Bůh dal takovou panenku« (podle sbírky Sušilovy z r. 1860), a doplňuje práci Alex. Eliasberga: »Ostjüdische Volkslieder« (Mnichov 1918). — V »Archiwum Towarzystwa Naukowego« ve Lvově (díl I., část I., sešit 6., 1922), R. Ganszyniec podává I. část svých pracných studií o dějinách magie: »*Pas magiczny*«. Popisuje pergamenový svitek chovaný v archeologickém semináři varšavské university ze stol. XVII. a vysvětluje jednotlivé »magické« značky, formulky zaklínací a kruhy na něm nakreslené. Křesťanství rázem přejímalo zvyky pohanské i židovské, teprve reformace učinila tomu přítrž. — Podobnou magickou instrukci« (majetek p. akad malíře Panušky) rozebral prof. Václav Tille: »*Narodopisný Věstník Československý*« R, XVI. (1923), č. 1.—2., str. 97—102. Podle tohoto rozboru vyskytují se v »instrukci« tytéž čarovné kruhy a slova (J N R J, A + G + L + A) a pod., jako v »pasie magicznym«.

Владиміръ Васильевичъ Стасовъ.

(Къ 100-лѣтію со дня его рожденія. 1824—1924.)

Это была во всѣхъ отношеніяхъ крупная фигура.

Высокаго роста, богатырскаго сложенія съ длинной патріаршей бородой и громкимъ увѣреннымъ голосомъ, онъ обращалъ на себя вниманіе всюду, гдѣ только появлялся.

Концерты, выставки, ученые доклады, новыя постановки оперъ, не обходились безъ присутствія Стасова, съ интересомъ слѣдящаго за успѣхами дорогого ему русскаго искусства или науки, на пользу которой онъ не щадилъ своихъ силъ. Его богатырская внѣшность вполнѣ отвѣчала огромному интелектуальному діапазону. Не было, кажется, той области въ сферѣ искусства и старины, по преимуществу національной или обще славянской, въ которой бы Владиміръ Васильевичъ не сказалъ своего вѣскаго слова, не заинтересовалъ бы новыми теоріями, идеями, нерѣдко, въ тѣ времена, казавшіяся парадоксальными, а позже подтвержденныя научными изслѣдованіями.

Вспоминая эту удивительную фигуру, можно только изумляться какъ много было ему отпущено природой даровъ и какъ онъ, благодаря своей

энергіи и неутомимому трудолюбію, не оставилъ зарытымъ ни одинъ дарованный талантъ.

Исторія, древняя литература, археологія, живопись, скульптура, музыка — все находило въ немъ живой откликъ, вездѣ его сужденія были новы, оригинальны, цѣнны, хотя порою и казались слишкомъ смѣлы, по своей неожиданности.

Онъ проповѣдывалъ реализмъ въ искусствѣ, ратовалъ „за истину", хотя бы она и не отвѣчала господствовавшимъ въ тѣ времена эстетическимъ взглядамъ, и, въ тоже время, это былъ чистой воды идеалистъ, романтикъ въ высокой мѣрѣ, далекій отъ грубой дѣйствительности. Скромный, несмотря на свою широкую популярность, онъ, до конца дней, занималъ тихое мѣсто библіотекаря Публичной Библіотеки храня книжныя сокровища цѣнныхъ художественныхъ изданій среди которыхъ протекала его научная дѣятельность.

И кого только не перебывало у него! Художники, ученые, археологи, историки искусствъ, музыканты, артисты, всѣ шли къ нему за справкой, за совѣтомъ зная его отзывчивый общительный характеръ и готовность дать всякія указанія и помочь каждому въ его исканіяхъ.

Къ его мнѣнію прислушивались всѣ передовые круги, вѣря въ его умъ, знанія и какую то особую прозорливость въ сферѣ искусства какъ пластическаго, такъ и музыки.

Какъ много русскихъ художниковъ изъ группы т. н. „Передвижниковъ« обязаны ему своими произведеніями. Шварцъ, Васнецовъ, Крамской, Рѣпинъ, Антокольскій, Гинцбургъ — всѣ они находились подъ сильнымъ вліяніемъ Стасова и въ ихъ произведеніяхъ зачастую чувствуются не только идеи, но даже его прямыя указанія.

Въ судьбахъ русскаго искусства Стасовъ принималъ самое живое участіе, призывая къ національному, самобытному, громя подражательность западу и искренно радуясь всякому русскому начинанію.

Ярый боецъ за національные, славянскіе элементы въ искусствѣ Стасовъ неустанно указывалъ, гдѣ и какъ должно русское искусство черпать свое содержаніе, къ какимъ первоисточникамъ должно обращаться, чтобы оно дѣйствительно могло стать національнымъ и самобытнымъ.

Однако, при всемъ своемъ „руссофильствѣ" В. В. былъ настолько тонкій знатокъ и цѣнитель старины, что отлично умѣлъ отличать привносное даже въ такихъ произведеніяхъ, которыя до той поры считались исконнымъ русскимъ творчествомъ. Доказательствомъ служитъ его большое изслѣдованіе „Происхожденіе русскихъ былинъ" 1868 г., въ которомъ онъ доказываетъ сильное восточное вліяніе и даже заимствованіе.

Царившій въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка народническій сантиментализмъ не допускалъ мысли, что такое самобытное, какъ тогда казалось, національное произведеніе, какъ русскій эпосъ, можетъ быть заподозрѣно въ заимствованіи.

Несмотря на свой горячій патріотизмъ, простиравшійся даже на костюмъ — лѣтомъ, В. В. часто ходилъ на дачѣ въ высокихъ сапогахъ, плисовыхъ шароварахъ и красной шелковой рубашкѣ и такимъ его изобразилъ Рѣпинъ на извѣстномъ портретѣ и скульпторъ Я. Гинцбургъ въ изящной, маленькой статуэткѣ — В. В. не хотѣлъ кривить душой и доказывалъ, что русскія былины не могутъ считаться самобытнымъ творчествомъ русскаго народа. Онъ утверждалъ, что они являются только пересказомъ эпическихъ поэмъ и сказокъ Востока, правда, нѣсколько измѣненнымъ, въ зависимости отъ ихъ передѣлки и приспособленія къ русскимъ героямъ. Но и самый пересказъ былъ далеко не полный, въ виду того, что они приходили не непосредственно, но чаще уже изъ вторыхъ рукъ. Несмотря на ихъ арійское (индійское) происхожденіе, они неоднократно подвергались значительнымъ переработкамъ уже среди тюркскихъ и монгольскихъ народностей, прежде чѣмъ пришли на Русь, и потому время ихъ онъ относилъ уже къ эпохѣ татарщины. Такая, болѣе поздняя датировка, лишала ихъ того историческаго и бытового матеріала, который могъ быть отнесенъ къ древнѣйшему періоду торговыхъ сношеній съ Во-

стокомъ и отразилъ бы историческія судьбы русскаго народа на зарѣ его юности.

Такое смѣлое утвержденіе надѣлало много шуму. Филологи и даже историки ополчились противъ В. В. и началась жестокая полемика. Его упрекали въ отсутствіи патріотизма, желаніи унизитъ народное творчество, указывали на недостаточную обоснованность подобнаго утвержденія. Стасовъ парировалъ всѣ эти удари, защищая свои взгляды. Конечно, при томъ состоян.и филологіи и историческихъ наукъ, въ особенности археологіи, давшей за послѣднія десятилѣтія столь цѣнный и обширный матеріалъ, позволяющій нынѣ совершенно иначе строить историческія перспективы, было нѣсколько смѣло со стороны не филолога специалиста утверждать подобное положеніе, но В. В. обладалъ какимъ то особымъ проникновеніемъ, которое давало ему возможность угадывать или догадываться о сущности и происхожденіи многого, задолго до того какъ это подтверждалось позже научными изысканіями

Тоже можно сказать и о музыкѣ, которую Стасовъ страстно любилъ и глубоко понималъ. Онъ былъ душою знаменитой „кучки“, куда входили такіе новаторы русской музыки, какъ Мусоргскій, Бородинъ, Кюи, Римскій Корсаковъ, объявившіе походъ противъ царившей „итальянщины“ и стоявшіе за національное искусство.

В. В. восхищался Мусоргскимъ предсказывая его глубокое вліяніе на послѣдующія поколѣнія музыкантовъ, не только въ предѣлахъ отечества, но и за границей, преклонялся передъ Римскимъ-Корсаковымъ считая его величайшимъ выразителемъ національнаго музыкальнаго творчества.

Среди многочисленныхъ научныхъ трудовъ Стасова и разнообразныхъ отдѣльныхъ статей и монографій разбросанныхъ въ специальныхъ журналахъ, изданіяхъ, а также въ повседневной прессѣ, - вышло 3 т. собраній его сочиненій, куда однако вошли лишь небольшія статьи въ видѣ рецензій, полемики и пр., самымъ капитальнымъ трудомъ В. В. является „Славянскій и восточный орнаментъ по рукописямъ отъ IV до XIX в.“, большой, фундаментальный атласъ съ сотнями красочныхъ рисунковъ, въ которомъ собранъ богатѣйшій матеріалъ, весьма цѣнный для всѣхъ изслѣдователей и историковъ искусствъ.

Не входя въ оцѣнку научнаго значенія его трудовъ, уже изъ самаго бѣглаго перечня, можно составить представленіе какъ разносторонни были его интересы, сколько вопросовъ онъ пытался, если не разрѣшить то подойти къ нимъ съ строго научной точки зрѣнія.

Помимо историческихъ работъ и изслѣдованій: „Исторія импер. Ивана Антоновича и его семейства“, „Исторія попытокъ къ введенію грегоріанскаго календаря въ Россіи“ и др. Стасовъ, увлекшись археологіей, какъ областью вещественныхъ памятниковъ, имѣющихъ историческое значеніе, написалъ рядъ изслѣдованій: „О Владимірскомъ кладѣ“, „Катакомбы съ фресками въ Керчи“, „Дуга и пряничный конь“, „Православныея церкви Западной Россіи въ XVI в.“, „Коптская и эфіопская архитектура“, о русскомъ шитьѣ, объ орнаментахъ и проч.

Если нѣкоторыя изъ его работъ и устарѣли, благодаря успѣхамъ современной археологической науки, то все же онѣ представляютъ цѣнность и интересъ какъ одни изъ первыхъ попытокъ освѣтить и дать научное объясненіе областямъ мало или еще совершенно незатронутымъ и неизслѣдованнымъ.

Сынъ извѣстнаго архитектора Василія Стасова, построившаго въ Петербургѣ Спасо-Преображенскій и Троицкій соборы, В. В. получилъ образованіе въ только что открытомъ Училищѣ правовѣденія. но, унаслѣдованная любовь къ искусству и старинѣ увлекла его въ сторону отъ предназначавшейся ему карьеры, и сдѣлала изъ него крупную, выдающуюся величину въ области критики національнаго русскаго искусства и изслѣдованія художественной старины. *С. Кондаковъ.*

В. Л. Комаровичъ. **Юность Достоевского.** — „Былое" 1924 г. № 23, стр. 3—43.

Новая статья В. Л. Комаровича, продолжающаго свои частныя изслѣдованія о Достоевскомъ, много потеряла отъ неудачнаго п строенія.

Очевидно, она была задумана, какъ вводная статья къ новымъ историко-литературнымъ матеріаламъ-письмамъ А. Н. Плещеева къ Достоевскому за 1857—1864 г. г., до сихъ поръ не опубликованнымъ и хранящимся въ Пушкинскомъ домѣ при Россійской Академіи Наукъ. Однако этотъ матеріалъ оказался не настолько существеннымъ, чтобы приковать къ себѣ всецѣло вниманіе изслѣдователя. Собственно этому матеріалу посвящены послѣднія пять страницъ работы, наименѣе при этомъ интересныхъ. Основная-же часть статьи переноситъ насъ въ періодъ близости Плещеева и Достоевскаго, т. е. къ 1846—1849 г. г. Однако фактическихъ данныхъ о душевной близости Достоевскаго и Плещеева не такъ уже много, поэтому вниманіе В. Л. Комаровича приковано больше къ средѣ, къ тому milieu, въ которомъ протекала духовная жизнь Достоевскаго въ эти годы.

При этомъ взятъ чрезвычайно широкій фонъ; достаточно перечислить лишь часть вопросовъ затронутыхъ авторомъ, чтобы увидѣть, какую непосильную задачу онъ себѣ поставилъ. Тутъ и очеркъ „соціальнаго утопизма", вліяніе котораго сказалось на Достоевскомъ, и исторія отношеній Бѣлинскаго и Достоевскаго, и характеристика кружка Бекетовыхъ, и роль кружка Буташевича-Петрашевскаго и рядъ другихъ вопросовъ, каждый изъ которыхъ заслуживалъ бы самостоятельнаго разсмотрѣнія.

Содержанію статьи не отвѣчаетъ и ея заглавіе: „Юность Достоевскаго". Мы имѣемъ далеко неполный очеркъ жизни Достоевскаго за періодъ 1845—1849 г. г., что никакъ не укладывается въ понятіе „юности" писателя. Неудачная постановка и разработка поставленной себѣ темы такимъ образомъ очень обезцѣниваетъ во многихъ частностяхъ интересную работу. Изъ частныхъ вопросовъ, затронутыхъ авторомъ, мы позволимъ себѣ кое что здѣсь отмѣтить.

В. Л. Комаровичъ доказываетъ, что объясненіе разрыва Достоевскаго съ Бѣлинскимъ нужно искать въ перемѣнѣ воззрѣній Бѣлинскаго, приведшаго его къ рѣзкому расхожденію со сторонниками идей утопическаго соціализма и полемикѣ съ „Отечественными Записками", въ которомъ сотрудничали Вал. Майковъ и другіе члены кружка Бекетовыхъ. Этой полемикѣ Бѣлинскаго съ Вал. Майковымъ авторъ придаетъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о разрывѣ Бѣлинскаго и Достоевскаго. „Разрывъ съ Достоевскимъ, единомышленникомъ и другомъ В. Майкова и А. Плещеева (по кружку Бекетовыхъ) такимъ же, какъ они „гуманическимъ космополитомъ" — разрывъ съ нимъ былъ неизбѣженъ для Бѣлинскаго. Онъ назрѣлъ и совершился какъ — разъ въ періодъ полемическихъ схватокъ Бѣлинскаго съ В. Майковымъ (между ноябремъ 1846 года и февралемъ 1847 г.); разрывъ этотъ необходимо разсматривать въ связи съ этой полемикой" (стр. 22—23). Въ основѣ разрыва Бѣлинскаго съ Достоевскимъ, конечно, лежало расхожденіе въ ихъ міровоззрѣніяхъ; внѣшнія причины были, вѣроятно, проще; онѣ указывались неоднократно: неуживчивый характеръ Достоевскаго, литературныя разногласія и т. п. Уже одно расхожденіе съ Некрасовымъ было по тогдашнимъ литературнымъ нравамъ достаточно для охлажденія отношеній Бѣлинскаго и Достоевскаго. Во всякомъ случаѣ, полемика съ Вал. Майковымъ не могла сыграть столь рѣшающей роли. Эта полемика относится къ концу 1846 г. и началу 1847 г. Статья Вал. Майкова появилась въ ноябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ." Бѣлинскій отвѣчалъ въ январьской книжкѣ „Современника." Еще въ ноябрѣ, уже послѣ ссоры съ Некрасовымъ, Достоевскій пишетъ о Бѣлинскомъ: „съ нимъ я сохранилъ прежнія добрыя отношенія. Онъ человѣкъ благородный" (письмо къ М. М. Достоевскому 26 ноября 1846 г.), въ декабрѣ 1846 г. Достоевскій „бываетъ у Бѣлинскаго„ (письмо 17 декабря 1846 г.), т. е. поддерживаетъ дружескія съ нимъ отношенія: эти отношенія не обрываются и въ началѣ 1847 г. (см. Біогр., стр. 63)

Именно въ этотъ промежутокъ времени Достоевскій былъ близокъ къ кружку Бекетовыхъ, съ которыми онъ и жилъ вмѣстѣ. Надо предполагать, что расхожденія во взглядахъ уже тогда были настолько велики, что въ любой моментъ могли привести къ разрыву. Причиной могъ быть одинъ изъ тѣхъ споровъ, о которыхъ Достоевскій говорилъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ Страхову отъ 18 мая 1871 г., въ которомъ вспоминаетъ съ негодованіемъ, что „Бѣлинскій ругалъ мнѣ Христа". У насъ нѣтъ прямого указанія на непосредственную причину расхожденія Бѣлинскаго и Достоевскаго. Предполагать, что этой причиной была довольно обычнаго типа полемика между Бѣлинскимъ и Вал Майковымъ нѣтъ никакихъ основаній. Попытка установить связь этой полемики съ разрывомъ Бѣлинскаго и Достоевскаго представляется намъ недостаточно обоснованной.

Съ историко-литературной стороны интересно сравненіе „Бѣлыхъ Ночей" Достоевскаго съ повѣстью А Н. Плещеева „Дружескіе Совѣты" (напеч. въ От. Запискахъ 1848 г. т. 63), указывающее на общность литературныхъ увлеченій Достоевскаго и Плещеева (Жоржъ Зандъ). Мы имѣемъ передъ собою несомнѣнно общую литературную манеру, которую не случайно Достоевскій въ подзаголовкѣ къ „Бѣлымъ Ночамъ" назвалъ „сантиментальнымъ романомъ". Заключать отъ этой общности литературной манеры къ духовному сродству Плещеева и Достоевскаго, какъ это дѣлаетъ авторъ, мы бы не стали. „Мечтательство" Достоевскаго 40-хъ годовъ носитъ своеобразныя черты, не растворяющіяся въ литературномъ штампѣ „романтиковъ". Иначе — немыслимъ былъ бы переходъ отъ „Бѣлыхъ Ночей" къ „Запискамъ изъ подполья". Это своеобразіе „мечтательства" Достоевскаго заслуживало бы болѣе внимательнаго разсмотрѣнія.

Въ вопросѣ объ отношеніяхъ Достоевскаго и Плещеева работа В. Л Комаровича существенно новаго даетъ мало. Спорнымъ намъ представляется методологическій подходъ къ самому вопросу о „дружбѣ" писателей. Прежде чѣмъ искать объясненія этой дружбы, надо-бы установить наличность ея въ томъ объемѣ, который соотвѣтствуетъ этому понятію.

Имѣющіяся до настоящаго времени данныя не даютъ основаній придавать этой „дружбѣ" особенно большого значенія. Можно было ожидать, что новый матеріалъ — письма Плещеева къ Достоевскому — дадутъ автору возможность подкрѣпить новыми данными это значеніе. То, что извлечено авторомъ изъ этой переписки, однако, скорѣе свидѣтельствуетъ въ пользу мнѣнія о незначительной роли Плещеева въ жизни Достоевскаго. Въ такомъ случаѣ объясненія „дружбы" двухъ писателей сходствомъ ихъ настроеній и вѣрованій, на что В. Л. Комаровичу потребовались его побочные экскурсы, теряютъ въ значительной мѣрѣ свой смыслъ. *А. Бемъ.*

Hesse, Hermann. **Blick ins Chaos. Drei Aufsätze.** Bern. Verl. Seldwyla. 1921. 8°. S 44.

Изъ трехъ очерковъ Германна Гессе, объединенныхъ общимъ заглавіемъ „Blick ins Chaos" два посвящены Достоевскому. Первый носитъ заглавіе „Братья Карамазовы или Закатъ Европы" („Die Brüder Karamasoff oder der Untergang Europas. Einfälle bei der Lektüre Dostojewskis") (стр. 1 — 20), второй „Мысли по поводу »Идіота«" („Gedanken zu Dostojewskis »Idiot«", стр. 21—29)

Обѣ статьи очень характерны для подхода къ Достоевскому за предѣлами Россіи, особенно въ Германіи. Привлекаетъ и интересуетъ не Достоевскій — художникъ, а Достоевскій — „пророкъ" Еще сравнительно недавно эта сторона творчества Достоевскаго не находила должнаго признанія на Западѣ. Западно-европейская критика безпомощно подходила къ Достоевскому, который не укладывался въ привычныя эстетическія рамки. Поэтому, напримѣръ „Преступленіе и наказаніе" воспринималось, какъ „криминальный" романъ, а съ „Записками изъ подполья" или „Подросткомъ" уже вовсе не знали, что дѣлать. Для углубленнаго пониманія Достоевскаго внѣ Россіи сдѣлала много извѣстная книга Д. Мережковскаго „Достоевскій и Толстой". Но именно подъ вліяніемъ міровой ката-

строфы интересъ къ Достоевскому на Западѣ пріобрѣлъ совершенно исключительное значеніе. Германія, гдѣ сильнѣе ощущается кризисъ культуры, оказалась особенно воспріимчивой къ „пророческому“ лику Достоевскаго. Интересно отмѣтить, что въ Россіи какъ-разъ за эти годы произошелъ тоже сдвигъ въ изученіи Достоевскаго — но въ иную сторону. Религіозно-философскій подходъ къ Достоевскому тамъ смѣнился историко-литературнымъ. Большинство работъ послѣдняго времени носятъ характеръ строго объективныхъ изслѣдованій и порываетъ съ недавней традиціей: говорить по поводу Достоевскаго, но не о немъ.

Германнъ Гессе именно о такомъ подходѣ къ Достоевскому, какъ къ художнику, отзывается съ большимъ пренебреженіемъ. Гласъ пророка при желаніи можно тоже разсматривать съ точки зрѣнія учителя пѣнія, говоритъ онъ съ презрѣніемъ о тѣхъ, кто не слышитъ Достоевскаго-пророка.

Какъ всегда въ работахъ этого рода, мы имѣемъ весьма субъективное истолкованіе творчества Достоевскаго. Самъ Германнъ Гессе, какъ онъ говоритъ, „вѣритъ“ въ „закатъ Европы“, и дѣлаетъ въ свою очередь Достоевскаго пророкомъ своей вѣры. Закатъ Европы мыслится, какъ возвратъ „въ материнское лоно, въ Азію, къ истокомъ, къ фаустовскимъ матерямъ, и само собою, какъ всякая смерть на землѣ, этотъ закатъ ведетъ къ новому рожденію“. Успѣхъ Достоевскаго на Западѣ знаменуетъ собою побѣду этого древняго „азійско-оккультнаго“ идеала, и герои Достоевскаго являются его носителями. Идеалъ этотъ — „отказъ отъ всякой установленной этики и морали въ пользу всепониманія, новой опасной и жестокой святости, которую проповѣдуетъ старецъ Зосима, которой живетъ Алеша, которую высказываетъ съ полной отчетливостью Дмитрій, а еще больше — Иванъ Карамазовъ“. Развитію этой основной мысли посвящены обѣ статьи Германна Гессе.

Историкъ литературы вправѣ-бы пройти мимо этой работы, если бы не талантливость автора. Цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ наблюденій разбросанъ въ его статьяхъ, и это дѣлаетъ ознакомленіе съ ними каждаго, кто интересуется Достоевскимъ, весьма полезнымъ.

Изъ попутныхъ мыслей я отмѣчу нѣкоторыя. Такъ Г. Гессе очень тонко отмѣчаетъ въ Иванѣ Карамазовѣ постепенное сбрасываніе европейской оболочки и возвратъ его къ „карамазовщинѣ“ (стр. 15). Интересно его наблюденіе надъ „потенціальной“ преступностью героевъ Достоевскаго. „Карамазовы способны на всякое преступленіе, но въ исключительныхъ случаяхъ совершаютъ развѣ какое нибудь одно, ибо въ большинствѣ случаевъ они довольствуются тѣмъ, что совершили его въ мысляхъ, во снѣ, что считали себя на него способными“. Съ этимъ у Гессе связана мысль, которая можетъ быть даетъ намекъ на путь, которымъ Достоевскій шелъ къ созданію „положительнаго героя“. Отмѣчая хаотическое начало въ душевномъ складѣ героевъ Достоевскаго, онъ говоритъ, что изъ этого хаоса вовсе не обязателенъ выходъ къ преступленію и смутѣ: „Дай вырвавшемуся инстинкту новое направленіе, новое наименованіе, новую оцѣнку и этимъ будетъ заложено начало новой культуры, новому порядку, новой морали“. Не было ли все творчество Достоевскаго поисками такой „новой культуры и морали“, и не въ этомъ-ли причина огромной тяги къ нему въ настоящее время? *А. Бемъ.*

Изъ воспоминаний А. Г. Достоевской. — „Красный Архив.“ Исторический журнал. (Москва, Госиздат), 1923 г. Т. III, стр. 251—290.

Воспоминанія А. Г. Достоевской, матеріалъ большой біографической цѣнности, пока появляется отрывочно и случайно. Несмотря на централизацію архивнаго дѣла въ Россіи, соревнованіе въ дѣлѣ опубликованія неизданныхъ матеріаловъ отдѣльными архивными учрежденіями идетъ въ ущербъ продуманности и согласованности плана общаго изданія архивнаго наслѣдія Достоевскаго. Обработанный текстъ своихъ воспоминаній А. Г. Достоевская хранила въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, гдѣ они находятся и въ настоящее время. Часть черновыхъ записей (свыше 30 тетрадей) случайно очутилась во время гражданской войны въ Грузіи,

откуда попали въ „Центроархивъ". Другая часть (три разрозненныхъ тетради) оказались въ Пушкинскомъ Домѣ Ак. Наукъ.[1]) Центроархивъ въ 3 томѣ своего историческаго журнала „Красный Архив" публикуетъ часть воспоминаній, выхваченныхъ въ случайномъ порядкѣ.

Здѣсь слѣдующія главы: 1) „Накануне знакомства моего съ Ф. М. Достоевскимъ", 2) „Мой первый приходъ. Мое первое посѣщеніе. Мое знакомство съ Ф. М. Достоевскимъ", 3) „Второй мой приходъ къ Федору Михайловичу", 4) „Два посѣщенія Федоромъ Михайловичемъ моей семьи", 5)„ 1872 годъ", 6) „1873 годъ", 7) „Весна 1880 г.", 8) „Къ воспоминаніямъ о музеѣ".

Отрывкамъ предпослано небольшое введеніе отъ редакціи. По существу этого введенія мало что можно сказать. Большая половина его посвящена бѣглой характеристикѣ жены Достоевскаго, причемъ эта характеристика дана на основаніи воспоминаній дочери Достоевскаго, Л. Ф. Достоевской (почему то названной „Людмила Федоровна", вмѣсто „Любовь Федоровна").

О содержательности вводной замѣтки даетъ представленіе хотя-бы слѣдующая безвкусная оцѣнка А. Г. Достоевской; она была, по мнѣнію автора предисловія, „необходимымъ дополненіемъ къ безпомощному въ житейскихъ дѣлахъ Ф. М." (стр. 251.). Текстъ напечатанъ безъ соблюденія орфографіи, хотя временами въ скобкахъ даются зачеркнутыя мѣста. Редакціонная работа ограничилась двумя-тремя случайными примѣчаніями къ тексту. Заголовки главъ, очевидно, приводятся по рукописи, хотя неясно, относятся ли заголовки „1872 годъ" и „1873 годъ" только къ приведеннымъ отрывкамъ, или это заглавія болѣе обширныхъ главъ. Подъ первымъ заголовкомъ помѣщены воспоминанія объ обстоятельствахъ приглашенія Ф. М. Достоевскаго редакторомъ „Гражданина", что имѣло мѣсто въ самомъ концѣ 1872 г.[2]) Подъ заголовкомъ „1873 годъ" разсказанъ только одинъ эпизодъ объ изданіи А. Г. Достоевской романа „Бѣсы", вышедшемъ 24 янв. 1873 г.[3])

По существу опубликованныя отрывки воспоминаній не даютъ біографу существенно новыхъ данныхъ. Фактическая сторона ихъ извѣстна по воспоминаніямъ Н. Н. Страхова, пользовавшагося данными А. Г. Достоевской. Новымъ, насколько намъ извѣстно, является эпизодъ о столкновеніи А. Г. Достоевской съ вѣнской писательницей Ниной Гофманъ, авторомъ книги »Th. M. Dostojewski. Eine biographische Studie von N. Hoffmann (1889).« Этотъ эпизодъ непосредственнаго отношенія къ Достоевскому не имѣетъ, хотя очень красочно рисуетъ обликъ его жены. Оказывается, что г-жа Гофманъ получила доступъ къ бумагамъ Достоевскаго, относящимся къ дѣлу Петрашевскаго, хранившихся въ „Третьемъ Отдѣленіи" и „Военномъ Судѣ". Она обратилась за содѣйствіемъ къ вдовѣ писателя, предлагая вмѣстѣ посѣтить архивы и помочь ей въ ея работѣ. А. Г. Достоевская сняла въ Военномъ Судѣ копію съ показаній Достоевскаго въ 1849 году. Эту копію г-жа Гофманъ рѣшила использовать для вѣнской печати и отказалась ее возвратить А. Г. Достоевской. На этой почвѣ произошло бурное столкновеніе на улицѣ, чуть не кончившееся обращеніемъ А. Г. Достоевской за содѣйствіемъ полиціи. Такъ энергично умѣла Достоевская защищать интересы своего мужа даже послѣ его смерти.

Пока еще трудно судить по опубликованнымъ отрывкамъ о значеніи воспоминаній А. Г. Достоевской въ цѣломъ. Однако, уже и сейчасъ видно, что главный интересъ ихъ будетъ не столько въ фактической сторонѣ, сколько въ личности самой жены Достоевскаго и тѣхъ мелкихъ бытовыхъ подробностяхъ, которыми была окружена жизнь великаго писателя. *А. Б.*

---

[1]) Отрывки изъ нихъ, относящіеся къ 1871—72 г. напеч. въ I т. Сборника „Достоевский" подъ редакціей А. С. Долинина (Пет. 1922.).

[2]) Заявленіе о принятіи на себя обязанности редактора „Гражданина" было подано Достоевскимъ 15 дек. 1872 г. См. сборникъ „Творчество Достоевского" подъ ред. Л. П. Гроссмана. Одесса 1922 г. стр. 66.

[3]) См. „Біографія, письма ... Спб. 1883 г., стр. 302.

Из воспоминаний А. Г. Достоевской. — Искусство. Журнал Российской Академии Художественных Наук. (Москва, Госиздат) 1923, № 1, стр. 342—355.

Л. П. Гроссманъ даетъ общую характеристику воспоминанiй жены ипсателя, до сихъ поръ извѣстныя лишь въ небольшихъ извлеченiяхъ.[1]) По словамъ Л. П. Гроссмана „Воспоминанiя А. Г. Достоевской", хранящiяся въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, представляютъ рукопись объемомъ около 30 печ. л. Обнимаютъ они перiодъ отъ 1846 до 1917 года. „Въ центрѣ этихъ воспоминанiй" говоритъ Л. П. Гроссманъ, „самъ Достоевскiй, изображенный такимъ, какимъ онъ былъ въ своей семейной и частной жизни." Л. П. Гроссманъ считаетъ воспоминанiя весьма цѣннымъ бiографическимъ источникомъ. „Для бiографiи Достоевскаго", говоритъ онъ, „мемуары его вдовы представляютъ первостепенное значенiе, освѣщая съ новыхъ сторонъ сложную личность писателя и выявляя невѣдомыя черты въ его жизненномъ и творческомъ обликѣ". О цѣнности воспоминанiй во всемъ объемѣ судить до ихъ выхода (они готовятся къ изданiю въ Московскомъ Госиздатѣ) невозможно, но публикуемые отрывки не даютъ пока права на преувеличенныя ожиданiя.

Л. П. Гроссманъ извлекъ для журналу „Искусство" три отрывка: 1) „Предложенiе Достоевскаго", 2) „Моя шутка". 3) „Разговоръ съ Толстымъ". Первый отрывокъ разсказываетъ подробности „знаменательнаго дня" 8 ноября 1866 г., когда Достоевскiй сдѣлалъ предложенiе А. Г. Сниткиной. Воспоминанiя написаны долго спустя („съ того времени прошло полвѣка"), такъ что не представляютъ записи подъ непосредственнымъ впечатлѣнiемъ. Интереснымъ представляется форма предложенiя, избранная Достоевскимъ: блестящая импровизацiя романа между героемъ художникомъ „преждевременно состарившимся, больнымъ неизлѣчимой болѣзнью, подозрительнымъ", но „съ нѣжнымъ сердцемъ, неумѣющимъ высказывать свои чувства" и молодой „кроткой, умной, доброй, жизнерадостной" дѣвушкой. Лишнее подтвержденiе автобiографической манеры творчества Достоевскаго. Отрывокъ подтверждаетъ также, что Достоевскiй придавалъ очень большое значенiе снамъ въ своей жизни.

Второй отрывокъ „Моя шутка" относится къ одному эпизоду жизни 1876 г. А. Г. Достоевская неудачно подшутила, пославъ мужу анонимное письмо, въ которомъ его кто-то предупреждаетъ въ невѣрности жены. Очень ярко здѣсь обрисованъ приступъ бѣшеной ревности Достоевскаго.

Третiй отрывокъ „Разговоръ съ Толстымъ" передаетъ воспоминанiя Достоевской о ея единственной встрѣчѣ съ Л. Н. Толстымъ въ Москвѣ. Запись подтверждаетъ уже ранѣе извѣстную высокую оцѣнку Толстымъ личности Достоевскаго („Достоевскiй всегда представлялся мнѣ человѣкомъ, въ которомъ было много истинно-христiанскаго чувства"). Къ сожалѣнiю отрывокъ не датируетъ точно дня посѣщенiя Достоевской дома Толстыхъ (послѣ 1885 г.). *А. Б.*

Ю. Г. Оксман. „Судьба одной пародии Достоевского." (По неизданным материалам.). — „Красный Архив" 1923, т. III, стр. 301—303.

Авторъ публикуетъ секретную переписку начальника III-го отдѣленiя съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 1874 года, о напечатанiи въ журналѣ

[1]) Насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ напечатаны слѣдующiе отрывки изъ воспоминанiй А. Г. Достоевской: 1) „Жизнь въ Старой Руссѣ въ 1874—1875 г. г." по рук. Моск. Ист. Муз. въ „Моск. Понедѣльникѣ" 1922 г. № 6; 2) „Изъ воспоминанiй А. Г. Достоевской" въ „Красномъ Архивѣ", Т. III, стр. 251—290; 3) „Возвращенiе на родину въ 1871 г.", „Начало борьбы съ кредиторами", „Дополненiе" (по рукописямъ Пушкинскаго Дома; событiя 1871—72 г.) въ сборникѣ „Достоевский" подъ ред. А. С. Долинина, I, стр. 477—504, 4) „Изъ воспоминанiй А. Г. Достоевской" (мелкiе отрывки) въ книгѣ Л. П. Гроссмана „Семинарий по Достоевскому" Москва 1923, стр. 69—70. Рецензируемые отрывки напечатаны также въ сборникѣ „Культура" (Одесса), 1923, I, стр. 22—43.

„Русскій Вѣстникъ“ стиховъ подъ названіемъ „Свѣтлая личность“ (хранится въ „Архивѣ цензуры и печати“). Дѣло идетъ о напечатанной въ романѣ „Бѣсы“ (II. часть, глава 6-я), стихотворной прокламаціи, которую читаетъ Петръ Верховенскій. Авторъ сравниваетъ текстъ Достоевскаго со стихотвореніемъ Н. П. Огарева „Студентъ“, съ посвященіемъ „молодому другу Нечаеву“, широко распространенному въ революціонныхъ кругахъ, и приходитъ къ заключенію, что Достоевскій написалъ очень тонкую пародію на текстъ Огарева. „Огаревскій текстъ далъ здѣсь матеріалъ для тончайшей пародіи, въ которой все — отъ идеологическихъ корней революціонной реторики до деталей синтаксиса, ритмическаго строя и словаря должно было напоминать объ утрируемомъ оригиналѣ“. Пародія была настолько тонка, что съ одной стороны стихотвореніе Достоевскаго стало ходить по рукамъ на ряду съ запрещенной литературой, а съ другой — было взято подъ подозрѣніе охранными органами.

Эпизодъ, разсказанный на основаніи архивныхъ матеріаловъ г. Оксманомъ, лишній разъ подтверждаетъ хорошее знакомство Достоевскаго въ періодъ его работы надъ „Бѣсами“ съ подробностями подпольнаго революціоннаго быта. Очевидно, у него было либо въ памяти стихотвореніе Огарева, либо кто нибудь доставилъ ему его текстъ. *А. Б.*

А. Н. Афанасьев. **Народные русские сказки и легенды.** Берлин 1922 г. Издательство И. П. Ладыжникова. 2 тома.

Редактор А. Ф. Левис оф Менар, выпуская в свет это издание, имел в виду не ученого — специалиста, а „читателя, интересующегося главным образом сказочным сюжетом и желающего получить только общее впечатление о народном творчестве“. „В виду этого настоящее издание дает под каждым номером Афанасьева (всего 251) по большей части только один, наилучший — в большинстве случаев основной текст, предлагая два или три варианта только там, где можно предполагать, особенный интерес к ним читателя.“ Жаль только, что редактор сократил число юмористических анекдотов. Сборник сказок Афанасьева страдает тем недостатком, что в нем не полно представлены анекдоты типа фаблио, которые, как показали позднейшие собиратели сказок (Ончуков, Соколовы, Зеленин и др.), пользуются большим распространением в крестьянской среде. Включить в свой сборник многие из этих анекдотов Афанасьев не мог по цензурным условиям, так как анекдоты эти часто носят обсценный характер, и сокращать сравнительно небольшое число анекдотов, попавших в сборник, не следовало. Иначе читатель не составит себе „общего впечатления“ о репертуаре русских сказочников.

В основу настоящего издания положен текст 3-го издания под ред. Грузинского. К сборнику сказок присоединен сборник духовных легенд Афанасьева, долго находившихся под запретом. „Текст легенд,“ говорит редактор, „мы дали по Лондонскому изданию 1859 года, постоянно сверяя его с изданием 1914 г., вышедшим в Москве под редакцией С. К. Шамбинаго, и представляющим собою перепечатку текста Московского издания 1860 г. (Щепкин и Солдатенков.)“

Очень ценным является указатель вариантов сказок Афанасьева, главным образом со ссылками на работы Смирнова „Указатель тем и вариантов русских народных сказок,“ Bolte-Polívka Anmerkungen zu den Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm, работы Aaarne и др. Такой работы не проделал ни один из издателей русских сказок, а между тем такой указатель сильно облегчает работу современному исследователю русских сказок. К сожалению (не по вине редактора), в указатель не привлечены сборники сказок, вышедшие за время войны: Пермские и Вятские сказки Зеленина, сказки Белозерского края бр. Соколовых, сборник Смирнова, Гнедича (Полтавская губ.), а также две больших работы В. Андерсона „Роман Апулея и русская народная сказка“ и „Император и аббат.“

П. Богатырев.

Výtahy z časopisů.

Listy filologické. Ročník padesátý. V Praze 1923.

Slavistiky se týkají tato pojednání: **František Šimek**: O jazyku Ant. Marka po stránce grammatické i lexikální (str. 24—32, 99—108, 217—228, 312—319). Viz LF. 49, 1922, 24 nsl. (Slavia II, 192). O archaismech, slovech vzatých z dialektů československých i z jiných jazyků slovanských (především z ruštiny a polštiny, méně z jazyků jihoslovanských). K heslu *pasoch* (m. *posoch*), o němž Š. nerozhoduje, je-li z nářečí či z ruštiny (str. 103 a 221), viz nyní článek J. Zubatého ve Sborníku Matice Slovenskej I, 1922—1923, str. 148 sl., zejm. 154 sl. (srv. Slavia II, 792). — **Oldřich Hujer:** Drobnosti grammatické. 24. K dissimilaci souhlásky *h* v češtině (str. 32—34). Neuznává většiny dokladů Flajšhansových (ČMFL. 8, 1922, 218) pro dissimilaci souhlásky *h*; dissimilační zánik *h* lze viděti jen v slově *obilí* a ve vlastních jménech *Ouholice* a *Erhard*. 25. Čes. *starati se o někoho* ,míti o někoho starost, strach' (str. 319—320). Doklady podepřený výklad vývoje významu tohoto slovesa. — **Vojtěch Sokol**: Život Mohamedův z r. 1498 a jeho předloha (str. 35—42). Jest jí část cestopisu Breidenbachova Peregrinatio ad terram sanctam z r. 1486. Srovnání převodu a originálu ukazuje, že český vzdělavatel byl horlivý katolík a veliký nepřítel Mohamedův, snad sám tiskař Mikuláš Bakalář. Ale o původci zpracování pozdějšího, otištěného při cestě Kabátníkově z r. 1539, nelze říci nic bližšího. — **Benjamin Jedlička:** »Poznamenání« Karla Hynka Máchy (str. 42—50, 138—142). Diplomatický otisk. — **Stan. Sahánek:** K Máchově rukopisné pozůstalosti. Příspěvek ke kritice textové (str. 143—146, 245—250). Popis Máchova autografu, obsahujícího 30 básní, nově nalezeného v pozůstalosti brněnského prof. Josefa Filípka. Nález potvrzuje mínění B. Jedličky (LF. 45, 104), že vydavatelem děl Máchových z r. 1862 byl Václav Filípek, ale zevrubnější srovnání nalezeného textu s vydáním t. zv. Sabinovým vede k závěru, že Filípek řídil se jinou směrodatnější recensí. — **Fr. Bergmann:** Prasl. *e* v slabice *-ev-* jmen místních v češtině (str. 108—118). Pečlivý rozbor dokladů z listiny třebické (původně napsána r. 1104), litoměřické a ostatních, jež spisovatel uvedl v LF. 48, 231 n., a též shoda se stpol. vede k výkladu, že všude tu (*Malšev, Zaševo, Okraševici* atd.) je zachováno *-ev-* praslovanské a že tu tedy nejde o pozd. dial. změnu *o-é*. Od dob nejstarších bylo přehlasované *-ev-* dobře známo v Čechách a na počátku 12. stol. i v sev. Moravě bylo ještě asi převahou. Z poznámek ostatních: *h* bylo známo v češtině před vznikem českého *h* z *g* v osobních jménech přejatých z němčiny; souvislost přehlásek *u-iu* a *o-é* jest pravděpodobná; dodatky k článku autorovu v LF. 48, 233 n. (viz o něm v Slavii I, 483). Podrobnou recensi obou Bergmannových článků v LF. a též jeho studie v ČMM. 46, 1922, 192—210 (»Příspěvky k české historické dialektologii«) podal Fr. Trávníček v Naší vědě V, str. 201—211. — **F. M. Bartoš:** Jakoubkova postilla na Apokalypsu (str. 119—130). Jde o rukopis pražské kapitulní knihovny, významný pramen dějin husitských. B. přičítá jeho autorství M. Jakoubkovi ze Stříbra a odůvodňuje mínění, že byl sepsán v l. 1421—1422. Prof. V. Flajšhans v dodatku potvrzuje autorství Jakoubkovo závažným svědectvím. — **Flora Kleinschnitzová:** O vzniku některých básní Sládkovičových (str. 130—138). Rozvrstvení básní Sládkovičových podle způsobu, jak vznikaly, a o tom, kterak i v básních složených ad hoc zůstal básník věren své poetické tradici a svému slovanskému přesvědčení. — **Josef Kurz:** Několik poznámek k staroslověnskému čtveroevan-

geliu Zografském u (str. 229—232). 1. Následují-li za sebou dva nebo tři tvary nom.-akk. slož. adj. neb part., píše se v Mat. ev. na prvním místě (resp. na prvním a druhém) -ъь, kdežto na druhém (resp. na třetím) místě jest psáno -ꙑ. 2. Doklad pro psaní -кн -*ôji* (*ô* v postavení lichém). 3. Některé zajímavé omyly písařské (haplologie, assimilace). 4. Tvar zájmena тъ podle slož. dekl. 5. O pochybnosti případů záměny nosovek. 6. оу- za počáteční въ-. — **V. Flajšhans**: Klaret (str. 232—244). Osvětluje literární činnost prvního českého lexikografa, určuje zvláštnosti jeho jazyka a jeho význam. — **Bedřich Václavek**: Hankovo »Čekání« v tradici lidu (str. 320—330). Orientuje ve velkém množství variant této písně. — **Archiv literárně historický.** XXXV. **Miloslav Hýsek**: Vstupní přednáška F. L. Čelakovského na pražské universitě (str. 250—262). Otisk z rukopisu Národního musea. Přednáška ukazuje vroucí slovanské přesvědčení Čelakovského a romantické vědecké názory jeho, ač tu nalezneme i leckteré bystré postřehy filologické. Předesláno stručné ocenění Čelakovského jako filologa. — XXXVI. **Josef Stáhlík**: Neznámý list Daniela Adama z Veleslavína (str. 331—333). List z r. 1585 adresovaný Janu Civiliovi Měšťánkovi z Lomnice, písaři mělnickému. Prof. Stáhlík nalezl jej v archivu města Mělníka n. L. — XXXVII. **Jan Jakubec**: Nejstarší veršovaná obrana řeči československé a první óda na vzájemnost slovanskou (str. 333—335). Z »Krameriusových cís. kr. Pražských Poštovních novin« r. 1790. Skladatelé Jiří Palkovič a Pavel Tešlák. — **Úvahy.** O. Hujer posuzuje tyto spisy: Max Vasmer, Osteuropäische Ortsnamen (Dorpat 1921; str. 56—57), a téhož Studien zur albanesischen Wortforschung (Dorpat 1921; str. 57—58), I. Свенціцкий, Нариси з історії української мови (Lvov 1920; str. 169—171, cenné jsou pouze ty části, které jednají o mlr. památkách jazykových a o jejich jazyce, kapitoly předcházející nevyhovují), Г. А. Ильинскій, Праславянская грамматика (Нѣжинъ 1916; str. 272—277: »kniha Iljinského je podstatným obohacením ruské literatury naukové«), R. Ekblom: Zur Physiologie der Akzentuation langer Silben im Slavo-baltischen (Upsala 1922; str. 343—345), Zbornik filoloških i lingvističkih studija A. Beliću... (Beograd 1921; str. 345—349). Fr. Šimek píše o 3. vyd. Rukověti českého jazyka, kterou zpracovali T. Glos a Al. Gregor (Praha 1921; str. 58—59). Jos. A. Dvořák referuje o Vendryesově knize Le langage (Paris 1921; str. 166—169). V. Vondrák posuzuje práci Schmidovu: Die Nomokanonübersetzung des Methodius (Leipzig 1922; 340—342). — V rubrice **Zprávy** čteme nekrology Adalberta Bezzenbergera (str. 59—60), L. Legera (str. 173), Vatroslava Jagiće (str. 277—279), J. U. Jarníka (str. 279—280), Bohdana Jedličky (str. 349—350) od O. Hujera, Hermenegilda Skorpila od A. Salače (str. 280). K. Novák v poznámce: Ad vocem *Novákovi* (str. 64) doplňuje výklady Hujerovy v LF. 1922, 288 sl. (viz Slavia II, 192) svědectvím, že tvar na *-ovi* je také na jihu Čech. Jinak nalezneme tu ještě hojné zprávy bibliografické. Ročník tento uzavřen jest obsáhlým rejstříkem (str. 355—384), obsahujícím seznam spolupracovníků a jejich příspěvků v ročnících XLVI—L a seznam slov a věcí vykládaných v těchto ročnících. *J. K.*

Wörter und Sachen. Kulturhistorische Zeitschrift für Sprach- und Sachforschung. Band VIII. Heidelberg 1923.

W. Meyer-Lübke: Senyor »Herr« (str. 1—11). Na románském území užívá se ve významu ‚pán' dvou výrazů: *dominus* a *senior*. Latině věrny zůstaly pouze rumunština a sardština, kdežto v Italii, ve Francii a na poloostrově pyrenejském vyvinul se rozdíl mezi *dominus* a *senyor*, ale tak, že na pyrenejském poloostrově jest *senyor* pozdější a *dominus* se tam udržuje ve větším rozsahu. M.-L. zjišťuje, že se kdysi užívalo názvu *seniores* v Italii a ve Francii k označení vznešenější vrstvy, jednotné pak *senior* že označovalo výše postaveného jednotlivce, a to především duchovního, při čemž bylo vzorem řecké *πρεσβύτερος*, takže možno se domnívati, že název *senior* vznikl právě překladem onoho pojmenování řeckého. Později proniklo toto jméno ovšem také do vrstev světských (řeckého *presbyteros* se nepřestalo užívat v církvi). Pro Italii jest hledati počátek toho v Neapoli a na jihu, pro Francii pak na sv., v krajině

kolem Trevíru a Kolína, kdež bylo hodně Řeků (tak v sv. Francii a záp. Ně- mecku přejata forma *sambatum*, nikoliv *sabbatum*, *sarcóphagus* a j.). V Španělsku jest snad počítati s vlivem francouzským, ale snad i s arabským. Zajímavé jest také to, že pouze franština zachovala větší počet komparativů, kdežto it. a špan. znají jen *melior*, *peior*, *maior*, *minor*. Proto ve Francii, kde se dodnes zachovalo *geindre* z *junior*, *senyor* tak nepřekvapuje, ale v it. a špan. jest osamoceno a tím jest již dáno, že jest buď velmi staré nebo ž náleží vyšší vrstvě obyvatelstva. Z toho ze všeho jest ovšem též pochopitelné, že fem. *domna* namnoze trvá. Je-li v Italii a ve Španělsku později *senyora* vedle *senyor*, má to původ v obvyklém tvoření ženských jmen v těchto úze- mích, kdežto fr. *seigneresse* by bylo příliš těžké. — **W. Meyer-Lübke**: Alt- französisch *clamer*, prov. *clamar* »klagen« (str. 12—17). — **Rudolf Meringer**: Der Spiegel im Aberglauben (str. 17—32). Zabývá se kniho Gézy Roheima »Spiegelzauber« (Internat. psychoanalytische Bibliotek, Nr. 6, Leipzig und Wien 1919), jejíž vývody veskrze odmítá, obírá se pak známým faktem, že podobizna, obraz v zrcadle, stín i jméno pojímaly se jako část člověka, jeho života, a sleduje výrazy, jimiž se tato ponětí označují, zejména rozbírá názvy pro zrcadlo. Rozbor ten vede ho k zajímavým pozorováním semasiologickým o vývoji významů světlo-temno; koř. **sku-*, znamenající ‚sehen ‚schauen' má také význam ‚beschützen, bedecken' a ‚dunkel'; srv. chrv. *gledati* ‚sehen, Sorge tragen' atd. — **Max Niedermann**: Die Benennungen der Kartoffel im Litauischen und im Lettischen (str. 33—96). Úvodem několik methodických, bibliografických a orthografických poznámek. Autor si pak rozděluje látku tak, že rozmanitá pojmenování brambor probírá ve čtyřech odděleních: 1. Slova přejatá (Lehnwörter), t. j. pojmenování, která se ujala zároveň s dovozem brambor odjinud (tak přejato něm. *Kartoffel*, bělor. *kartochľa*, něm. *Erdschocke* (— *Artischocke*), pol. *karczoch*, něm. *Grund- birne*, něm. *Patate*, pol. *bulba*, *bulwa*); 2. pojetí přenesená (Lehnübersetzungen), t. j. napodobení výrazů cizích prostředky domácími (překlad něm. *Erdapfel*, lit. *žemobuolys*, lot. *zemes ābuoli*); 3. pojmenování spontání, čistě domácí (tak převzato jméno domácí rostliny k pojmenování bramboru: řepy, hrušky, bobu, houby, česneku a j.; brambory pojmenovány podle útvaru hlízy); 4. po- jmenování původu temného. Příslušenství do 1. skupiny dá se snadno poznati, ale často velmi těžké je rozhodovati mezi skupinou 2. a 3. Jednotlivé výrazy v těchto naznačených mezích dokládá N. ze slovníků, textů, soukromých sdě- lení, vymezuje tak přesně jejich zeměpisné rozšíření; konečně vykládá každou jejich podobu v jazyce (a to při slovech přejatých neb napodobených i podobu slov původních). Na konec přidány malé dodatky, které byly vyvolány zejména zatím vydanou lotyšskou mluvnicí Endzelinovou a spisem K. Būgy, Kalba ir senovė a j. Autor uvádí při svém výkladu vždy hojné paralely. Škoda ovšem, že nemohly být pro velký náklad, kterého by to vyžadovalo, přiloženy k této vzorné práci příslušné mapky, byl by tím výklad získal na názornosti. — **R. Me- ringer**: Die täglichen Fehler im Sprechen, Lesen und Handeln. Zu Freuds Psychopathologie des Alltagslebens (str. 122—141). Podle vlast- ních zkušeností glossuje jednotlivé případy zmíněné knihy, s jejímž základním pojetím nesouhlasí. — **Ernst Schwentner**: Bibliographie zur indoger- manischen Wortstellung 1823—1923 (str. 179—183). — **Heinz Gold- schmidt**: Ein alter Brauch im heutigen Rußland (str. 183—185). V tom, že se rakouskému vojáku, jenž jsa za světové války v ruském zajetí přidělen na práci do statku sedláka ve vojsku sloužícího zastával hospodáře i v povin- nostech manželských a dal mu syna, dostalo za to díků od vrátivšího se Rusa, vidí autor reflex dávného obyčeje (t. zv. Zeugungshilfe), dosvědčeného pro různé indoevropské národy, jenž však u Slovanů dosud doložen nebyl. *J. K.*

Wzory etymologji i krytyki źródłowej.

W ostępach podań, zapisywanych od Herodota do Nestora, Koźmy i Galla, pozostają przewodniczkami najpewniejszymi etymologja, objaśniająca nazwy ludowe, osobowe i miejscowe, i krytyka źródł, oddzielająca to, co nanośne, obce i zmyślone, od rodzimego i prawdziwego, plewę od ziarna. Brak wiedzy i metody etymologicznej a niedostateczna krytyka źródłowa mściły się srogo na wszelkich »Starożytnościach Słowiańskich«. Uwagi i wywody poniższe, po największej części zupełnie nowe, bo tylko niektóre powtarzają i dawniejsze w nowej przeróbce, zamierzają wykazać, co etymolog, znający się na swoim rzemieśle, z nazw wyczytać zdoła i jak daleko krytyka źródłowa sięgać winna, jeśli zadaniu swemu ma sprostać; układ tych uwag jest chronologiczny.

1. Neuroi.

Wzmianki o Słowianach wyprzedziły o całe wieki najdawniejsze o Niemcach, dzięki czarnomorskim kolonjom greckim, gdy tymczasem kraje nad Łabą i Bałtykiem w najgłębszej pozostawały pomroce. Mógł więc Herodot wymienić pierwszych Słowian, Neurów; on jedyny zresztą o nich obszerniej prawił; inni samo nazwisko powtarzali, aż do wędrówki narodów, po której o Neurach zupełnie głucho. Odnoszą powszechnie tę nazwę do mazowieckich nazw rzek i grodów: Nura, Nurzec, Nurczyk, dopływy zachodniego Bugu; gród Nur i ziemia Nurska. Ależ nazwa Neurów widocznie nietopograficzna, nie może więc od nazw rzek i grodów pochodzić; brzmiałaby bowiem Nurzanie lub Nurcy; jednak cóż znaczy, jeśli topograficzną nie jest? Objaśnia ją podanie, wedle którego każdy Neur dorocznie w wilka na kilka dni się odmieniał; wobec żarłoczności wilkołaków, gorszej nierównie niż wilcza, wyżarliby się Neurowie nawzajem w ciągu jednego roku; jest to niedokładność jawna. Klucz do niej podał Herodot sam, uważając, że ci Neurowie to chyba jacyś γόητες, czarodzieje. Istotnie, wilkołakiem nie mógł nigdy zostać byle kto w całym narodzie; tylko źli, złośliwi czarodzieje, bliźnim na szkodę lub zemstę w wilkołaków się odmieniali i nazwa Neur oznacza ta-

kiego właśnie *nura* czy *nyra*, por. cerkiewne *nyrivъ* ,malus'; ross. *nyra*, *pronyra* ,chytrzec'; częstsze we złożeniach z *pro*: *pronyrivyj*, *pronyrь* wręcz złego, djabła zastąpił, ὁ πονηρός; *pronyrije* ,zło' itd., zob. Srezniewskiego; *nyrami*, czyhającymi na ludzi, słusznie przezwano tych czarodziejów. Neurami nie był więc szczep cały, tylko wybrańce z pośród niego a ich nazwę rozszerzyli, czy sąsiedzi, czy tylko sprawozdawcy Herodotowi, na cały szczep. I druga forma tego pnia, z *u* (*nur-*), nadaje się do podobnego wykładu, por. *iznuriti*, *iznurjati* ,gubić, niszczyć'. Pień *nyr-* i *nur-* może nie przypadkowo na wschodniej połaci słowiańskiej, na Rusi, się najlepiej i najpełniej przechował a owe mazowieckie nazwy rzeczne i miejscowe nic z nim nie mają spólnego, pominąwszy już to, że Bug nie Tyras-Dniestr, nad którym Neurowie siedzieli. Jeśli zaś *nyr-* i *nur-* nabiera i znaczenia mieszkania, wieży nawet, *nyriszcze* rozwaliny po nich, wskazywa to czasy, kiedy się Słowianin dla mieszkania w ziemię »norzył« czy »nurzył« t. j. zarywał; wież nigdy nie znał, ponad *stołp* się nie wzniósł; *wieża* (od *vez-*; Miklosich ją mylnie przez *ě* pisał) nic innego, niż namiot, składany i na wozie przewożony (stąd nazwa, jak i u jaty); inna nazwa wieży, *syn*, to tylko »sopka«, od nasypu. Przeczę więc łączeniu nazwy Neurów z Nurem i Nurcem; widzę w niej tylko znaczenie πονηρός i uważam Neurów właściwych za odmianę wołchwów, złośliwą i szkodliwą, dlatego taką nazwą wyróżnionych: obok niej istniała druga nazwa, niby rzeczy samej, *vlъkodlak* ,mający skórę wilczą, wilczurę'. W szczegóły o lykantropji tu nie wchodzę. *Budinoi* Herodotowi nie są Słowianami, bo między Budinami w Gelonos siedzieli Grecy, ale w językach słowiańskich niema (oprócz *korabia*), ani jednej dawnej pożyczki greckiej, jakiejby koniecznie oczekiwać wypadało, gdyby Budinoi byli Słowianami; ich więc pomijam zupełnie.

2. Weltai.

Po wzmiance o Neurach głucho na długo o Słowianach. Dopiero w pierwszym wieku po Chr. występują znowu, lecz tym razem tylko pod nazwą niemiecką, Wenden-Veneti. Ponieważ Niederle i w wydaniu francuskim bajkę o jakimś pochodzeniu nazwy Wenden z celtyckiego **vindos* ,biały' powtarza (str. 34), zaznaczę, że *Wenden* nic a nic z owym *vindos* spólnego nigdy mieć nie mogło, bo jego pierwotna forma brzmiała *Venetos*, wobec czego *vindos* i Celtowie raz na zawsze odpadają. Bardzo szczęśliwy i trafny jest domysł Kossinny, że nazwa Wenetów odnosi się właściwie do adrja-

tyckich Wenetów, Illyrów, coby niegdyś bardziej na północ siedzieli, przedstawiciele kultury łużyckośląskich pól popielnicowych, i później dopiero na południe odeszli; ich siedziby zajęli Słowianie, ale Niemcy zachowali dla tych nowoprzybyłych Słowian nazwę dawniejszych tubylców; byłaby to ciekawa kartka przeddziejowa. O Wenetach-Wendach, o ich życiu-bycie, jedyny Tacyt wyraźnie pisał; natomiast cały opis Sarmacji europejskiej, Ptolemeuszowy, zupełnie zawodzi; poświęcił mu Niederle niemal sto stronic (I, 347—433), alež on i stu słów nie zasłużył. O Sarmacji europejskiej oprócz kilkunastu nazw wątpliwych Ptolemeusz mało co podał, czegobyśmy od Herodota, Pliniusza i Tacyta lepiej, porządniej nie wiedzieli; astronom, nie geograf, wymyślił z własnej głowy i niesłychane wenedzkie góry i wenedzką zatokę, o której się nikomu nigdy nie śniło; Weneci nie siedzieli nad Bałtykiem, ponieważ nie posiadają w żadnym języku własnej dla bursztynu nazwy, gdy Litwa aż dwie dostarcza: najlepszy dowód, że Litwa, Prusowie, nie Słowianie nad Bałtykiem siedzieli, wobec znaczenia, jakie bursztynowi niegdyś przypadało. Tylko też z powodu tego handlu bursztynowego mógł zapisać Ptolemeusz jedyne dwie ciekawe, wiarogodne pozycje w swojej Sarmacji: *Galindai* i *Sudinoi* (Golędź i Sudowia), bo nazwę *Boruskoi* łączyć z Prusami, jest taka sama niedorzeczność, jak łączenie nazw Pruteni i Rutheni (już u Herborda w 12. wieku) z nazwą Prusów i Rusi; są to tylko średniowieczne i humanistyczne zabawki dziecinne, i nie rozumiem, jak mógł Niederle (str. 187) napisać: »peut-être même les Borouskoi sont des Borusci lituaniens (la Prusse: Borussia)«!! Borussia przecież to świeże błazeństwo! Około r. 150 po Chr. nazwa Prusów może jeszcze wcale nie istniała a Galindai (»potężni«) i Sudinoi (od *szudas* ‚gnój‘) przedstawiali całą ludność nadbałtycką; z niej się później wyłoniły nowe szczepy z nowymi nazwami, gdy Golędź i Sudowia odsunęły się od samego wybrzeża bardziej w głąb kraju.

Z sześćdziesięciu nazw, jakimi Ptolemeusz rozepchał swoję nie faktyczną, lecz fikcyjną Sarmację europejską, tylko dwie Słowian napewne dotyczą; zbieranina to bez ładu i składu, powtarzająca te same nazwy na dwu rozlicznych końcach; dająca nazwy beztreściowe całkiem, np. łacińskie *Transmontanoi* albo *Sturnoi* (szpacy!), *Tanaitai* albo *Hamaxobioi*! Inne nazwy wypisały ślepo Herodota albo kogo innego i »Sarmacja« jest parodją opisu, nie opisem a potępiający ją sąd Müllenhoffa jest za łagodny, nie za ostry. Ale oprócz »Wenedów« wymienił Ptolemeusz i W e l t ó w.

Są to co do nazwy Weletowie źródł Karolowych (Einharda i i.) nazwa ich jasna, bo *wielot* polski a ruski *wełet* i *wołot*, to olbrzym, wielkolud; wobec faktu, że Słowianie nazwy szczepowe stale powtarzają, zob. niż., sam szczep niekoniecznie późniejszych Luciców (bo tak w 10. wieku Wieleci swą nazwę odmienili) przedstawia, chociaż właśnie ci, jako najdalej na zachód posunięci, bardzo dobrzeby się nadawali, abyśmy ich nietylko co do samej nazwy z Weltami Ptolemeuszowymi utożsamiali. Ale »Weltai« są co do nazwy ci Spali, których Goci, przebrnąwszy Dniepr rozgromili, bo jak to dawno zauważono, nazwa Spalów znaczy to samo co Weltai. *spolin, ispolin* ‚olbrzym', polski (na zachodniej połaci, w Wielkopolsce i między Kaszubami, dochowany) *stwolin*, *stolin*, *stolem*, w 16. wieku częsty u wielkopolskich pisarzy, Powodowskiego i Mączyńskiego, obcy małopolskim. Nazwa Weltów, Wiltów u dolnych Niemców dotarła przed szóstym wiekiem i do górnych i uległa tam drugiej Lautverschiebung; *Wilten* przeszło na *Wilzen* prawidłowo i ku największemu zgorszeniu powtarza NIEDERLE (str. 149) bajkę: »on trouve appliqués à cette tribu (Vélètes) deux surnoms, qui ont valeur de synonyme: Vilci, ‚les Loups', de *vlъkъ* ‚loup' . . . Lutici«; odsyłam do mojej recenzji w Slavia I, 386 i dodaję tylko, że nota »Mr. Brückner explique *Vilci* par la palatalisation de *Velt*« podsuwa mi palatalizację, zamiast górnoniemieckiej drugiej Lautverschiebung.

Lecz wracamy do nazwy *Spali*, którą może słusznie odnaleziono w Sporoi Prokopiuszowych: *r* zamiast *l* przezszłoby przez usta ludu, zastępującego *l* przez *r*; samogłoskę *o*, zamiast *Sparoi*, wstawiłby Prokopiusz sam dla widoczniejszej etymologji (»sporaden«). Nie łącząc Spolów-Sporów z słow. *spory*, pytamy, czy to nie nazwa obca, odpowiadająca domowej Weletów? Przystawka *i* nie rozstrzyga, bo Słowianie przystawiają *i* i w słowach obcych *(istŭba)* i w własnych (*ivołga*, *iver*, *irej* ‚raj'). Powtarzam więc, że słow. *Wel(e)tai* i *Spali (Spori?)* obcy, to samo znaczą, lecz może dwa różne szczepy słowiańskie pod tą spólną nazwą się kryją; Ptolemeuszowi *Weltai* są może przodkami Luciców, co siedzieli najdalej na zachód, najbliżej drogi bursztynowego handlu; natomiast *Spali* Jordanesowi, których Goci za Dnieprem rozgromili, byliby ruscy Weletowie, i nie przypadkowo właśnie u Rusi nazwa Wełetów do 17. wieku dotrwała; nawet polskich Wielotów znam tylko od polsko-ruskich pisarzy. Innych nazw Ptolemeuszowej Sarmacji europejskiej, znanych i nieznanych, np. *Sulanes*, *Saloi*, *Igilliones* itd. (skąd

wziętych?), nie możemy łączyć z Słowianami z większym prawdopodobieństwem; o Suobenoi p. n.; Stavanoi zupełnie zagadkowi, tylkoż nie Słowianie.

3. Nazwy szczepowe.

Od początku szóstego wieku pojawiają się Słowianie i pod własnymi nazwami. Z tych i późniejszych nazw wiele, jako niecharakterystyczne, możemy tu pominąć: wszelkie topograficzne, Polan, Drzewian, Bużan, Wiślan, Pomorzan, jak i patronimiczne, na *-itji*, Luciców, Kriwiczów, Radimiczów, Wiaticzów. Jak u Niemców patronimiczne *-ing* i *-ung*, tak i u Słowian patronimiczne *-itji* w nazwach szczepowych nie zawsze pochodzenie odojcowe wyraża, lecz może mieć i topograficzne znaczenie, jak *Moskwicz*, polskie *mieścic* (już w 14. wieku) itp. dowodzą, a więc Dregowiczy nie są Dragowiczami, t. j. rodem niemożliwego na Rusi *Dragą* (jak Niederle, str. 222, przypuszcza), lecz od siedzib w dregwach, moczarach, przezwani, Dregwiczy właściwie; *o* wstawiono dla analogji; taksamo *Łużycy*, obok Łużyczan, i *Nizicy*, obok Niżan; dalej *Ugliczy*, siedzący w ągle-budżaku (naród tłumaczy nieraz dosłownie obce nazwy, krajów, rzek, grodów, które sam zajął; przykłady p. Vasmer M., Osteuropäische Ortsnamen, Dorpat 1921, pod *Jerel'-Ugoł, Carrodunum-Kamieniec* i i.; dodaj np. *Jesenník-Askiburgion; Budżak* tłumaczy dobrze *Ongł* słowiański). Taksamo mówią Niemcy o Polabingach, Northalbingach, Flamingach (obok Flamów), topograficznie, nie patronimicznie a i litewski *Żemaitis* jest Nizinnikiem, *Nizicy* = Żemaite. Otóż nazwy topograficzne i patronimiczne, istotne czy pozorne, pomijamy jako nie wymagające objaśnień; wytłumaczymy tylko »charakterystyczne« i szydercze, sobriquety. W podobnych nazwach razi nas najpierw ich niezrozumiałość, zadająca kłam wszelkiej teorji. Słowianie winni przecież nadawać sobie nazwy tylko z własnych zasobów językowych; jakżeż więc możliwe, żeby najpospolitsze ich nazwy, Słowianie, Serbowie, Chorwaci, Dulebi, były wręcz niezrozumiałe! Ależ tosamo powtarza się wszędzie, np. u Niemców. Od całego wieku, od Grimma i Müllenhoffa aż do Mucha, wytężają germaniści siły, aby wytłumaczyć własne nazwy szczepowe a wynik? żaden niemal. Na palcach jednej ręki można wyliczyć trudniejsze nieco nazwy, które jako tako wytłumaczono, chociaż nie bez szwanku. Np. Semnoni, z których nasi »autochtoniści« Ziemian zrobili, ależ przed pojawieniem się »mieszczan« wszyscy ludzie byli ziemianami, boć siedzieli na ziemi. Otóż »Sem-

nones« mają znaczyć »powiązanych« (czy rodem, przenośnie; czy więzami istotnymi); wykład polega na tej fikcji, że *mn* zastąpiło w ustach rzymskich niem. *bn* — prosta to petitio principii; należałoby wprzód dowieść, że nazwa brzmiała Sebnones a na to dowodu niema; *mn* w ustach niemieckich jest wcale możliwe. Ale i nazwy np. litewskie (pruskie głównie), są równie zagadkowe; wystarczy przytoczyć znakomite dzieło G. Gerullisa, Die altpreuszischen Ortsnamen, Berlin-Leipzig, 1922, aby się o tym przekonać. Skąd ta ogólna niezrozumiałość nazw szczepowych, greckich i i.? Przyczynę łatwo odgadnąć: skoro od jakiegoś concretum utworzono nazwę szczepową, tym samym mogło ono ginąć; stawało się niby tabu dla zwykłego użytku i o nim zapominano, unikając dwuznaczności: o czym też mowa, czy o przedmiocie albo właściwości, czy o ludach? concretum więc prędzej czy później mimowoli ginęło, ocalało nomen proprium, ale straciło wkońcu pierwotne znaczenie i niezrozumiałym się okazało.

Niezrozumiałość nazw szczepowych dzielą więc Słowianie z Niemcami, Grekami itd.; ich samych zaś dotyczy, co u żadnego innego narodu się tak często nie powtarza, że te same nazwy na całym przestworze, na różnych jego końcach się powtarzają. Nazwa Słowian powtarza się nad Dunajem, w Alpach, w Karpatach, nad Bałtykiem u Kaszubów, w Nowym Grodzie nad Ilmieniem. Nazwa Chorwatów istnieje nad Adrjatykiem, na Rusi, u Czechów, u Polaków w Małopolsce i u Kaszubów, u Serbów północnych (Corbetha pod Halle). Nazwa Dudlebów powtarza się na Rusi, u Czechów, u Słowieńców; nazwa Serbów na Bałkanie i nad Łabą; Siewierz mamy na Rusi, u Polaków, na Bałkanie. Jak wytłumaczyć te ciągłe powtórki? O Chorwatach twierdzi Niederle, że był to niegdyś jeden wielki szczep w Zakarpaciu, co rozbił się na te odłamy, jakie później po całej Słowiańszczyźnie spotykamy, a podobnie prawią o Wenetach, że był to niegdyś jeden znaczny szczep indoeuropejski, co rozbił się na odłamy, jakie wsiąknęły w rozmaite inne szczepy, ilyryjskie, celtyckie, małoazjackie itd. Ależ ta paralela niczego nie objaśnia, bo z takim samym prawem możnaby mówić o jakimś wielkim szczepie zakarpackim Dulebów (mówił to nawet Šafařík!), czy Serbów, co się później rozpadł na owe odłamy, chociaż to jawny nonsens. Więc zapisujemy sam fakt, nieznany Niemcom lub Grekom, cechujący Słowian stale.

Mówimy o Niemcach i Grekach, bo tylko oni (pomijamy Celtów) wytworzyli liczne nazwy szczepowe i z nimi możemy słowiańskie

porównywać; litewskich i italskich na to za mało. Otóż Słowianom brak nazw złożonych, tak częstych u Niemców; brak dalej wszelkich mitologicznych, powiązanych z bóstwami, częstych u Italów, Greków, Niemców; niema mowy o totemach, bo »Susły« (*suseł* albo *syseł* Niemcy od Słowian pożyczyli, *Ziesel*, taksamo jak i *Bilch* z *pilch* *Hamster* z *choměstor*) nie totem, lecz szyderstwo z »syczących« chyba. Przyrostek *-iczi* w Radimiczi, Lucici, Wiatyczi itd. bynajmniej nie odojcowski; znaczy ludzi, co z Radzimem, Lutem, Wiatkiem itd. przybyli albo im się poddali, jak np. Olżiczi nie ród ani synowie Olgi, lecz jej chłopi; podobnie używa się u Keltów lub Niemców liczby mnogiej, *Bituriges* są ludzie Bituriga, *Asdingi* ludzie Azda. Nazwy szczepowe lub osobowe nie sięgają aż aryjskiej spólnoty (tłumaczono np. Ariovista jako z siemienia Arjów); wszystkie pochodzą z czasów o wiele późniejszych, nie z prarodziny dalekiej. Pomijamy nazwy nowe, np. od partykuł, Łemków, Bojków, Kajkawców itp., i przechodzimy do nazw »charakterystycznych«.

4. Słowianie.

Nazwa ta nie była ogólna, chociaż Niederle twierdzi II 474: jméno Slovanů .. náleželo .. už v době rozchodu Slovanům všem; 476: jméno Slované ... bylo kollektivem pro celek; ce nom dès le VI. siècle désignait toutes les tribus slaves (35). Jak można coś podobnego twierdzić? Wiemy z dziejów ludzkości, że wielkie narody nie nazywały się jedną nazwą; że każdy szczep miał swoję osobną; nie śniło się Niemcom, Celtom, Włochom, Grekom itd. o jakiejś wspólnej nazwie; taka wyrobiła się dopiero późno, w ciągu wieków, nieraz za podnietą obcych, co przenosili nazwę jakiegoś im bliskiego, choćby małego szczepu na wszystkie pokrewne językiem i obyczajem; literatura służyła przytym głównym pomostem. Wiemy dobrze, jak mikroskopijnej treści były pierwotne nazwy: Germani, Graeci, Allemands; jak obca zupełnie Słowianom nazwa Wenden oznaczała ich wszystkich, nawet i tych, co nigdy w kraju Wenetów nie siedzieli! Więc i dla Słowian nie zrobimy wyjątku; ta nazwa, jak nazwa Dulebów itd., należała pewnym szczepom, nie całości, której wcale nie było. Zetknął się świat klasyczny najpierw nad Dunajem z szczepem, Słowianami przezwanym, i od tego jednego szczepu przeniósł tę nazwę na wszystkie pokrewne a za obcymi poszli i bracia soluńscy i i. Żeby się Polacy, Czesi, Serbowie kiedykolwiek Słowianami zwali, na to niema najmniejszego dowodu ani prawdopodobieństwa nawet. Nazwa to jednostkowa;

ogólną stała się dopiero przez obcych, przez literaturę, z wiekami. Co znaczy?

Jak nazwę Germanów germaniści nie umieli wyłożyć (a przecież niemiecka, nie celtycka!), taksamo nie dali sobie rady slawiści z nazwą Słowian. Mylono się w niej podwójnie; raz, z winy badaczów; drugi raz, język wwiódł badaczów na manowce. Zawiniono, gdy wbrew samogłosce rodzimej *o*, dla obcego *a* (Slavus) nazwę od sławy wywodzono (»sławni«), albo gdy, zachowując *o*, pień *sloves-* dowolnie podkładano (»słowni«, zamiast »słowieśni«, niby w przeciwieństwie do Niemców, jako »niemych«); o obu tych bajkach i wspominać nie warto. Lecz inna bajka do dziś upornie się trzyma, mianowicie, jakoby nazwa Słowian była topograficzna, co sama »końcówka« dowodzi, więc należałoby tylko krainę odszukać, od której Słowianie nazwani. Niestety, na całej kuli ziemskiej niema i nie było nigdy takiej; Biernat Wapowski wprawdzie odnalazł ją w jakimś zmyślonym jeziorze Słownie podmoskiewskim, między Finami więc, w wieku 16.; tę bajkę wznowili świeżo J. Rozwadowski i M. Budimir w niedostępnych mi pracach, por. Niederle, str. 36: »un fleuve nommé Slova ou Slava ou bien un pays marécageux appelé Slovo ... ces divers noms de rivières se rattacheraient à la racine *kleu*, arroser, nettoyer«. Podobnie trafnie odnalazł Perwolf tosamo we wschodniopomorskim Schlawe nad Wieprzem, ależ to jest Sławno, nie Słowno! Przeciw tym bajkom język sam uczył wyraźnie, że nazwa nie może być topograficzna, bo, najpierw, nigdy i nigdzie góry, rzeki, lasu itd. o podobnej nazwie (*Słow-*, pomijam Słowikowo itp.) niema; powtóre, przymiotnik, co zawsze brzmiał *słowieńsk*, niemoże pochodzić od nazwy topograficznej, bo brzmiałby *słowsk*, jak *polski* od *Polan*, *drzewski* od *Drzewian*, *pomorski* od *Pomorzan*; nie darmo też panslawiści pierwsi, Kollár, Brodziński, i o »sławskiej« (!) ziemi marzyli i spiewali.

Nazwa Słowian jest szydercza, sobriquet i równa niemal angielsk. *slow men*, o ludziach powolnych, nieruchliwych, ociężałych; taki sam sobriquet, jak np. nazwa gockich Gepidów, którą w tym znaczeniu Jordanes wyraźnie poświadczył.[1]) Mieli więc Słowianie

[1]) Ciekawym, mimochodem powiedziawszy, czyby się germaniści bez tej źródłowej Jordanesa wskazówki tego domyślili? wątpię; oni i teraz nie bardzo temu wierzą, o jakiejś etymologji ludowej mówią, ależ nad wszystkie ich wywody przedkładam Jordanesa. R. Much utożsamił »Gepidów« z łac. »hebesami«; nie wierzę w ścisłą łączność niemieczczyzny z łaciną i odmawiam siły dowodowej zakusom stworzenia jakiejś grupy łacińsko-celtycko-germańskiej, więc i Gepidzi nie hebesy; mniemanym zgodnościom łacińskoniemieckim można przeciwstawić pewne niemieckosłowiańskie.

(bo możemy się tą nazwą jako ogólną posługiwać) przymiotnik **słovъ* ‚powolny‘, niby ang. *slow*, a od niego urobili nowe *słověnъ*, jak od *mład mładěn*, albo od *pьrvъ pьrvěnъ*, i tego używali jako przezwiska, *Słověni*, i dorobili doń w l. pojed. *Słověninъ* dla jednostki, wedle analogji; przymiotnik *słověnьskъ*; później wedle analogji nazw topograficznych na *-jane, -janin*, *Słověne* w l. mnogiej. Teraz zrozumiemy, dlaczego się to *słow-* nigdy w nazwach miejscowych nie pojawia; przeczy temu jego znaczenie.

Czy jest gdzie ślad byłego przymiotnika? Jest, zdaje się, bo *słowniem* nazywają Polacy, w przeciwieństwie do *skocznia*, prędko dojrzewającego lnu, len powoli dojrzewający, jak wiemy od J. Rostafińskiego. Ale zarzuci kto, angielskie *slow* (anglosaskie *slaw*) wywodzi się od pragermanskiego *slaiwa* (Falk-Torp, Fick⁴ III str. 532) ‚tępy, bezsilny, leniwy, letni o temperaturze i odwilży‘ a więc jest różnica w samogłosce. Otóż jest i w niemieckim obok *slei-* i pień *sleu-* w podobnym znaczeniu o słabnięciu, opadaniu z sił i ruchu, gockie *slawan* ‚milczeć‘,[1]) niem. *Schlummer*; mnóstwo słów odnośnych tej i innej formacji p. u Torpa. W litewskim jest w dalszym urobieniu z *-g*, *sługti* ‚opadać, zmniejszać się o narośli‘; czy nie należy tu z odmienną wokalizacją: lit. *sleg-* i *slog-* o ucisku, trudzie? w łotew. jest i *sluga*, a z tym łączy się lit. *słaugyti* ‚służyć‘ jakby i *sługa* nie od słuchania był nazwany, ale równał się lit. *słaugele* ‚służąca‘, *pasłauga* ‚pomoc‘, *asz sawa matuszeles daugiaus nesłaugysiu* ‚matence swojej więcej nie usłużę‘ p. Leskien, Ablaut str. 308 co do *sługti*, 370 co do *slegti*, *słoga* ‚praca‘, ucisk‘; tak byłby i pewien związek między nazwą Słowian a sługi, co bynajmniej nie celtycka.

Mój wywód nazwy Słowian wyłącza zgóry wszelką możliwość, aby kiedykolwiek była ogólną; jedni Słowianie narzucali tę kpinę drugim; obcy, Grecy itd., uogólnili ją a za obcymi dopiero i Słowianie sami drogą literatury to uczynili. Pomijam milczeniem wszelkie dotychczasowe wywody tej nazwy, p. Niederle, II 469—483. Obok *Sclavenus* pojawia się, niemal spółcześnie, bo już w połowie VI. wieku, krótsze *Sclavus*. Kto to urobił? czy świat klasyczny sam *Sclavenus* tak skrócił albo uważając *-enus* za końcówkę przymiotnikową, sam dorobił nowy rzeczownik? żeby Słowianie używali jeszcze w V. wieku krótszego, pierwotnego *Słow* i to w ustach obcych by ocalało, byłoby szczerym urojeniem. Również nie kładę nacisku na to, że się

[1]) Gockie *slavan* ‚milczeć‘ dowodzi, że słow. *mlьknąti*, *mlьčati* należy do *mělъkъ* (miałki) ‚mały, płytki‘, co z pewnością nie od *mel* ‚mleć‘ poszło.

ta nazwa pierwotnie głównie na kończynach świata słowiańskiego, w Nowogrodzie, nad Bałtykiem u Kaszubów, w Karpatach itd. pojawia; tu rozstrzygał przypadek.

Ptolemeusz zapisał nazwę, niewiedzieć zkąd wyrwaną, nigdy więcej nie powtórzoną, *Suobenoi* w Sarmacji azjackiej; wytłumaczył ją Šafařík jako Słověne, por. Niederle, str. 35, »on rencontre (ce nom) déjà suivant toute probabilité que Ptolémée donne... le nom de *Σουοβηνοί*, qu'emploie cet auteur, est en effet tout proche de la forme slave Słověne« etc. Alež takim samym prawem Grimm a z nim wszyscy autochtoniści wywodzili, że Slavi a Suavi (Szwabi), to tasama nazwa; tej bajce sprzeciwia się Niederle, chociaż bynajmniej nie gorsza od owej. Słowianie nie »wałczyli« bilabialną wymową swego *ł*, więc ani Suobenoi ani Svavi nie można z ich nazwą *łączyć*.[1])

Natomiast łączę z tą nazwą imię siewierskiego wojewody (archōn) Sklavunos u Theofana, t. j. Słowien czy Słowun, imię niezrozumiałe, gdyby było pochodzenia topograficznego, zrozumiałe jako dziedziczne w rodzie lub świeżo dobyte.

Co do owego słownia-lnu, dodam wedle encyklopedji polskiej i ruskiej, że słowień albo głuch (rus. dołgunec, rastun) »uprawia się więcej w okolicach północnych«, linum vulgare; skoczeń, rus. prygun, to linum crepitans, też praglec, proszczek, samosiej zwany. W szczegóły nie wchodzę, bo mój wywód, acz mu słowień dobrze służyć może, nie oń się wyłącznie oparł.

Wysunąłem jednak, zpowodu polskiego słownia, angielskie *slow* na czoło, ale przyznam chętnie, że to należało się raczej gockiemu *slavan*, złożone *anaslavan* ,zamilknąć'. Torp słusznie wywodzi od *slu-* dalsze niemieckie *slut-* i *sluth-* o wszelakim opadaniu, zwisaniu niedbałym, mdłym (schlaff) i w atmosferze, więc norweskie *sluttr* i *sludd* ,deszcz z śniegiem', ang. *sleet*, niem. nowe *Schloszen*, średnie *slote* ,odwilż'. Nie sposób oderwać od tego naszej *słoty*, mimo różnicy w samogłosce, podobnej jaką mamy w lit. *sleg-*, *slog-* obok *sług-*, p. w. Gdy się nazwa Słowieni jako szczepowa ustaliła, zapomniano o jej znaczeniu pierwotnym dla powolnych, nieruchliwych, niegłośnych (gockie *slavan* ,milczeć'); ślad jego zachowałby polski

---

[1]) Inną bajkę wypisał Niederle, str. 125: »le nom de Suevi en apparen— si proche de celui de Slavi, a été employé par erreur par un géographe anonyme bavarois au IXe siècle, là où il est en réalité question des Slaves« — ależ nie śniło się o tym owemu »geografowi«; obca ręka dopisała u dołu karty uwagę o Szwabach i dodała drugą o Bawarczykach, więc o Słowianach niebyło ani mowy.

słowień; Słowianie więc nie od słowa, lecz przeciwnie, od milczenia (pragerm. *slavēn* ‚milczeć‘), t. j. od niegłośności, powolności (*słow*) nazwani. Nie wchodzę tu w dalsze obfite rozgałęzienie tego *slei-* *sleu-*, od którego może i nazwy ślimaka (pruskie *slaiks* itd., por. lit. *slykunas* ‚skrzat‘) itd. pochodzą; podobna odmienność samogłoski bynajmniej nie rzadka, por. np. *śmigać, smagać, smuga*; albo *smok* i *smyk*. Ale to przedmiot osobnego studjum. Spadły się więc, całkiem przypadkowo, w *słow-* dwa przeciwne znaczenia: *słow-* ‚milczeć‘ z pierwotnym *s*, i *słowo* z pierwotnym *ḱ* (*κλέος*); tym łatwiej mógł język o pierwszym *słow-* zapomnieć.

5. Antai.

Przodkowie Słowian południowych, okoliwszy Karpaty i Siedmiogród, zajęli całą Wołoszczyznę i z niej posuwali się nad Dunajem w górę, napastując po drodze ziemie zadunajskie, sami lub z innymi. W połowie szóstego wieku dotarły ich »czety« do Sawy i wtedyto objawiają się oni u Jordanesa i Prokopiusza. Obaj czerpią wcale ogólnikowe wiadomości o nich od Niemców; obaj zgadzają się w tym, że na zachodzie wymieniają »Słowian«, za nimi ku wschodowi Antów; ponieważ zaś innych nazw nie znali, rozszerzyli obaj dowolnie nazwę Antów na całą dalszą Słowiańszczyznę, na dnieprową i wiślańską. W istocie jednak byli Antowie szóstego wieku wyłącznie »Słowianami południowymi« i nie wolno robić z nich przodków Ukraińców albo, jak swego czasu Zeuss i i., dzielić całą Słowiańszczyznę na słowiańską i antską. Tych Antów, lecz już bez tego przesadnego o ich rozszerzeniu zdania, wymieniają i inne źródła greckie aż po rok 602, t. j. do ekspedycji »dla sankcji« awarskiego Aspicha, poczym ślad o nich nagle i na zawsze ginie.

Wprawdzie odszukiwał ich Niederle w źródłach arabskich 9. wieku (II, 267—270); te wspominają o dwu ziemiach-grodach słowiańskich, *Wabnit* i *Churdab*, nazwy, które każdy rękopis i każdy arabista inaczej pisze i tłumaczy; Niederle czytał je *Vantit* i *Chorwat*, niby to ruscy Anci i Chorwaci. W wydaniu francuskim (str. 192) odrzekł się jednak Antów, zastąpił ich Więtyczami (Wiaticzami), pozostał jednak (str. 92) przy swoich Chorwatach; w nich taksamo nie wierzymy, jak i w Antów nie, ale zagadek arabskich nie myślimy badać. Innej, ważniejszej zagadki nie rozwiązał Niederle: on, co się tak troszczy, gdzie i dla czego Semnoni zniknęli, nie wyjaśnił, jak mogły »*ἄμετρα ἔθνη* (*τῶν Ἀντῶν*)« ulotnić się jak kamfora, od jednego razu, od r. 602? Otóż:

1. Nazwa Antów jest obca, nie słowiańska; w słowiańskim znaczyliby Antowie albo kaczki (ąty), albo jęci, co oboje nie ma sensu.

2. Nazwę Antów szerzyli głównie Niemcy, już w czwartym wieku wymienia ją Jordanes, w walkach z Gotami, a jeszcze w ósmym zna ich (?) tradycja Langobardów, prawiąca o ziemi Antów, *Anthaib*, chociaż inni temu przeczą, *ant-* jako *Ende* itp. tłumaczą, co mnie nie bardzo przekonywa, bo i *Bainaib* i *Burgundaib* tej tradycji szczepy wymienia.

3. Gdy Niemcy ostatecznie z ziem dolnodunajskich na zawsze zniknęli, zniknęła wraz z nimi i nazwa Antów; więc wniosek łatwy:

4. Jak nazwa Wenetów, tak i Antów jest niemiecka i wtedy łatwo ją wytłumaczyć. Jakiś Niemiec słyszał, świadom mowy słowiańskiej, o Weletach tych (hi sunt eorum fortissimi, prawi o nich Jordanes), i przetłumaczył nazwę łatwo dla niego zrozumiałą, na niemieckie, bo *Ent* znaczy olbrzyma (najobficiej w anglosaskim, ale ślady są i po innych narzeczach), i tę to nazwę niemiecką w formie *Ant* przekazały źródła szóstowieczne i z Niemcami też ona ginie, obca Słowianom samym.

Jeżeli mój domysł trafny (przed lepszym chętnie ustąpi), to nazwa Weletów trojakich oznaczałaby Słowian. Najpierw bałtyckich (późniejszych), u Ptolemeusza wymienionych, bo najbardziej na północny zachód wysunięci najbliżsi byli drogi bursztynowej i oni tkwią w Antaib langobardzkim (?); ci to Weletowie przezwali się w dziesiątym wieku Lucicami (nie patronymicum, nie synowie, lecz lud Luta), czyto im się nazwa napuszysta zprzykrzyła, czy dla innego powodu. Drudzy Weletowie byli dnieprowi; ich rozgromili, pod obcą nazwą Społów (= Weletów), Goci w drugim wieku po Chr. a znowu w czwartym r. 376, pod wodzem Vinitharem, przy czym zabili ich króla »Boz« (niepodobna odgadnąć słowiańskiego brzmienia). Trzeci Weletowie byli Anci dolnodunajscy, w 7. i 8. wieku znani jako »siedm rodów« i »Siewierz«, przodkowie dzisiejszych Bułgarów mezyjskich. Więc nazwa Weletów powtarzałaby się niemal równie często jak nazwa Słowian. Nazwy podobne są i u innych, np. pruscy Galindzi (potężni), niemieccy Skiry-Hiry i i. Olbrzymi sami (ani karli) tego znaczenia w mitologji słowiańskiej, co w niemieckiej lub greckiej, nie mieli. Tu uosabiają oni żywioły, siły przyrody, walczą z bogami; nic z tego u Słowian; ci nawet spólnej dla nich nie mają nazwy, bo ***wielot***, ***wielikan*** nic nie znaczą osobliwszego a wszelkie inne nazwy są albo obce (*gigant* itp.), albo historyczne, nie mityczne. A więc u Słowian zachodnich *obrové*, najlepiej u Cze-

chów zachowana, bo ci najwięcej od Awarów ucierpieli; Polacy z *obrzyna obrzyma* a wkońcu *olbrzyma* utworzyli. O *Społach* wyżej mówiliśmy; ocalała nazwa w cerkiewnym (a ztąd w ruskim) piśmiennictwie i na zachodzie u Polaków i Kaszubów, z tą samą odmianą *-n* w *-m*, *stolim* zamiast *spolin*, i z dalszym urobieniem, *stoliman* itd.; już te odmiany — wedle stwoła? t. j. pnia — wskazałyby, że to nazwa obca; litewskie i łotewskie słowa z *spal-* może do niej należą (?). Trzecia nazwa historyczna dla olbrzymów, to znowu cerkiewne i staroruskie *štuždь*, *študinъ*, *čudinъ*, do dziś w nazwie Czudzi, rosyjskiej dla Finów, zachowana a z nazwą Scytów identyczna, co już Šafařík wiedział, lecz językowo udowodnić nie umiał; na innym miejscu o tym rozprawiam. Więc Weletów nie koniecznie olbrzymami, wielkoludami tłumaczyć należy, lecz tylko »wielcy« t. j. silni jak Galindzi, fortissimi.

6. Ekskurs.

Rodzina słowiańska oparła się o poligamję. Jakżeż żyły te żony, których nieraz może i cały tuzin bywał? Chyba nie w jednym domu, w jednym gospodarstwie, zawsze wszystkie, boby kłótniom końca nie było i zazdrość by je pożarła przedwcześnie; mogła każda osobno mieszkać i gospodarować a mąż je po kolei, ustalonej zwyczajem, odwiedzał. Na to mamy i dowód. Thietmar opowiada o dokliwej a hańbiącej karze, jaką niewierność żony mszczono, ależ gdyby wszystkie żony razem zawsze mieszkały, nigdyby nie dopuściły, żeby tę sromotę zawieszano nad domem, bo dotykałaby ich wszystkich; zawieszano ją oczywiście tylko nad domem winnej. Dalej: te żony nie zawsze były między sobą równouprawnione; od »żon« pospolitych oddzielała się nieraz, wyróżniała, znaczeniem i wpływem »małżona«: może tylko jej dzieci dziedziczyły; resztę obdzielano byle jak i byle czym. »Małżoną« zaś bywała albo pierwsza żona, albo córka dynasty, wielmoży, drogo kupiona, wobec byle jakiej innej, tanio lub umyczką nabytej; i obchody weselne bywały różne, u tamtej uroczystsze niż u tych. Stąd, z nierówności prawnej żon, tłumaczą się wszelkie na pozór dziwne szczegóły dziedziczenia i życia u Słowian; żona-umyczka, wiemy to od dzikich, nigdy nie bywa równa żonie kupnej; gardzą nią.

Rognieda np., córka dynasty połockiego, wzgardziła Włodzimierzem, nie z kaprysu, lecz arcysłusznie, bo Włodzimierz był bękartem (pokrzywnikiem, wylegańcem), nie synem »małżeńskim«; synami »małżeńskimi« Świętosława byli Jaropełk i Oleg i między

nich podzielił ojciec szczuplutkie państewko »ruskie« t. j. Pola
i Drzewian (po wybiciu książąt drzewskich); u innych, u Siewierz
itd., panowali jeszcze właśni książęta. O Włodzimierza Świętosła
wcale też nie dbał; przecież nie on, lecz Dobrynia (wuj) nasuną
Nowogrodzianom myśl, aby poprosili o Włodzimierza, i ojciec chętni
się jego pozbył. Świętosław jest zarazem pierwszym historyczny
»snochaczem«, bo pobawiwszy się z uprowadzoną zakonnicą greck
oddał ją synowi, Jaropełkowi, za żonę; gdy Włodzimierz Jaropełk
zabił, zabrał ją sobie i z brzemienną obcował; tak urodził się Święto
pełk, nazwany wedle pierwszego ojca, bo oba nazwiska jednaki
całkiem, i stąd znienawidziła Świętopełka i bizantyńska Anna i b
zantyński »Nestor«, chociaż Świętopełk na tę nienawiść nie za
służył. Że braci sprzątał, toć to jedyny niezawodny środek czy u Sło
wian czy u Osmanów; że miał żonę Laszkę, ależ różnicy wiary ni
było jeszcze żadnej, szyzma dopiero później nastała. Miał on wię
najbliższe i najlepsze prawo do Kijowa i miał też za sobą stron
nictwo niemałe i teścia chrobrego, co dobrze wiedział, że córk
prawemu dziedzicowi oddał.

Sam Nestor rozróżniał żony »wodimyje« t. j. uroczyście zaślu
bione, od nałożnic, ale zapomniał, że i »wodimyje« nie konieczni
sobie bywały równe, że między nimi »małżona« pierwszą bywał
Na Rusi najwcześniej ten termin, do dziś u Czechów i Polakó
żywotny, zaginął i nie zrozumiał Nestor, że Drzewianie, zabiwsz
Igora, wdowie jego Oldze ofiarowali, aby wyszła *za mał* za ic
księcia, to znaczy, że ich książe miał Olgę wynieść jako małżon
nad swoje własne żony; jej syn miał dziedziczyć; z tego *m*
zrobił Nestor nazwisko księcia drzewskiego a pomyłkę jego dopier
niedawno usunięto (»da poidi za kniaź za mał, bě bo imja jem
Mał«; książe drzewski w podaniu nie był nazwany, co się sam
przez się rozumie). We spółczesnej Polsce było taksamo: Mieszka
miał braci, kilku, ale panował sam jeden, czy nie jako jedyny sy
»małżony«? O Bolesławie Chrobrym wiemy to napewne: on tylk
trzecią żonę, córkę Dobromira, uważał za »małżonę« a więc i j
syna, Mieszkę II. (dlatego tak nazwanego, mianem dziadka!), za je
dynego spadkobiercę, chociaż miał już syna starszego (od węgie
skiej Słowaczki, Bezprzema, por. nazwę grodu Wesprim), ale o
obie pierwsze żony napędził, i dzieci ich nie uważał za równe s
nowi, choć młodszemu, ale od Emnildy, małżony jedynej jego. D
piero kościół z jednożeństwem usunął prerogatywy »małżony«. T
kich prerogatyw »małżony« Niemcy-poligamiści nie znali; uznawa

e natomiast i to w wysokim stopniu Indowie; Niemcy rozróżniali ylko małżeństwo pełnomocne (Vollehe) i niepełnomocne (Minder-lbo Kebsehe); uroczysty zakup jedyny nadawał pełnomocność.

Ponieważ o Słowaczce Bolesławowej wspomniałem, dodam, że ajdawniejszy termin słowacki już Thietmar zapisał, bo »beleknegini« azywali właśnie Słowacy Saroltę Gejzową. O. Balzer w znakonitej swej »Genealogji Piastów« wydał wprawdzie, idąc za t. zw. roniką węgierskopolską, za Gejzę jakąś siostrę Mieszki I, Adelheid. le to wymysł tej późnej kroniki; Balzer powołal się i na ów ermin, ależ on niepolski, bo w Polsce Adelheid byłaby tylko księżną« (córką księcia), przenigdy panującą »knięginią«; tak tylko a Węgrzech mogła się nazywać i tu mamy ciekawy ślad znazenia Słowaków w pierwocinach węgierskich (drugi ślad: jak się Szczepan o nich oparł, poskramiając w początkach panowania bunt, pogański może głównie). Szyzmy kościelnej w wieku X. jeszcze nie yło, więc grecki obrządek siedmiogrodzkiego księcia-gjuli wobec zymskiego Gejzy i Szczepana nic nie znaczył; sam Szczepan wyposażał grecki monaster u siebie; Szczepan był synem białej knięini, Sarolty siedmiogrodzkiej, nie siostrzeńcem Mieszki I.; źródła lawne też nic nie wiedzą o pokrewieństwie i związkach węgierskopolskich, co dopiero w połowie XI. wieku się znaczniej ścieśniły; Chrobrego druga żona była Słowaczką, może np. z rodu Poznanów Pazmand późniejszych?), nie z rodu Arpadów, bo pierwszy Piastowie veale nie wysoko się żenili, wystarczały im córki marchionów. Wspomnę nakoniec i anegdotę Saksona duńskiego o karze boskiej v Arkonie na pary miłosne, że się rozłączyć nie mogły. Uważałem ą zawsze za wymysł iście średniowieczny, póki rzecz o wiele draotyczniejsza nie dowiodła mi prawdy Saksonowej. Iwan Bloch, Das Sexualleben unserer Zeit, Berlin 1908, str. 484, podał wedle dzienników Bremy fakt waginizmu, że dopiero w narkozie można było uwolnić nężczyznę od kobiety. Skoro jednak Sakso rzecz podobną nie jako ednorazową zaznaczył, nasuwa się mimowoli podejrzenie, czy nie vywoływano w Arkonie sztucznie (nacięciem lub czymś podobnym) vaginizmu, bo co do świnologji, to narody dzikie i barbarzyńskie v niczym nie ustępują, ba celują kulturalne. Lecz wracamy do imion.

7. Serbowie.

Co do tej nazwy nie mogło być nigdy wątpliwości; polski *pasierb*, *pasirzb* wskazywał niemylnie jej znaczenie. Lecz poza ogólniki nikt nie wyszedł, więc pochodzenie tej nazwy uzasadnić należy.

Zaczynamy od pasirzba. Przedrostek *pa-* określa następstwo w czasie, a z następstwem łączy się nieraz i ustępstwo, upośledzenie jakości lub ilości. A więc *pamięć* »Nachsinn«, w przeciwieństwie do *namięć* »Ansinn« (*namiętny*, *namiętność* ‚Leidenschaft'); *pagórek* ‚mała góra'; *pachoł* ‚mały, młody chłop' (skrócone z **pachołp*; Miklosich chciał je przez *h* pisać, niby do *holec*, Berneker uważał je za złożone z *choliti* ‚pieścić'); *patoki*, co na końcu ścieka; *padół* nie jest właściwym dołem, ani *parów* rowem; cerk. *pabirky*; *parobek* (pareń); *parodъkъ* ‚nieźrzały owoc'; *pasynok*, *padъšti* itd. Więc *pasierb* nie jest właściwym *sierbem*; cóż jest *sierb*?

W ustępie poprzednim wskazaliśmy poligamję jako główną formę rodziny słowiańskiej. Ojciec-mąż jeden; żon-matek więcej bywało i rodzeństwem, sierbami, bywały tylko dzieci tego samego ojca i tej samej matki; nie należeli więc do sierbi pasierbowie. Pasierbów przywodził zazwyczaj tylko ojciec: gdy mu (pierwsza) żona (w rodach itp.) umarła lub gdy mu ją uprowadzono, przenosił jej dzieci do drugiej żony; wyjątkowo raczej przywodziła i matka (np. wdowa Olga) syna swego do domu nowego ojca. Pasierba przyjmowano więc dodatkowo do sierbi, opartej o istotne, zupełne rodzeństwo. Czymżeż się takie rodzeństwo, taka sierb, wyróżniała? Członkowie jej byli tylko ci, co pożywali (ssali, sarbali) mleko tej samej matki i jeden z obrządków sztucznego pokrewieństwa polegał na przykładaniu obcego dziecka do piersi nowej matki; pokrewieństwo mleczne znaczyło bardzo wiele; u niejednego szczepu równało się krewnemu.

Wywodzimy więc nazwę sierbi od sarbania. Słowo to pojawia się w trojakiej postaci: *serb-*, zachodniosłow. i słowieńskie *strebati* (cz. *střebati*); *sъrb-*, polskie i bałkańskie *sъrbati*, *sarbać*, lit. *surbiu* i z przestawką oraz z owym częstym wtórnym *i sriuba* ‚zupa' (*sriůbti* i *sriobti* obok *sriebti*); nakoniec *sьrb-* w rusk. *serbat*, w pol. *pasirzb* i w nazwie Serbów (ale pol. kraina *Sarbia* i częste w nazwach miejscowych *Sarbinowo*, *Sarbicko* obok *Sierbowie*). Różnią się więc języki słowiańskie od litewskiego następstwem płynnej, por. łac. *sorbeo*, *ῥοφέω*; różnią się dalej między sobą dwojakością półgłoski *sъrb-* i *sьrb-*, różnica nie rzadka nawet w obrębie tego samego języka, np. polskie *ścieżka* i *stecka, skarga* i *skrżyt* (tu i przestawka płynnej) i i., por. Ztschr. f. vgl. Spr. 51, str. 224 i 225. Polska forma jest tylko *sarbać*; *sorbać* Stryjkowskiego jest rusyzmem (?) a *serbać* także. To *sarb-* w źródłach 7.—12. wieku pojawia się jako *Surb-*, taksamo jak *smurdones* wobec późniejszych *smardów*,

k pruskie *kurwis*, wół, wobec polsk. *karwu* (pożyczyli to Prusowie i przeczenie temu faktowi nie pomoże), *kurtis* wobec *charta*, *kurdis* wobec *oskarda*.

Związek nazwy Serbów z sarbaniem jest chyba pewnikiem chodzi tylko o to, jak ten związek wyłożyć; mój sposób, oparty pasirzba (niby »Nachschlürfer«), zdawał mi się najprawdopodobniejszym. Próby oderwania serbi od sarbania i włączenia jej, przez czestawkę, do *sebrów-sjabrów* (forma pierwotna *sębrъ!*) i z nimi o słów jak niem. *Sippe*, nie prowadzą do celu; również niepodobna dnaleźć tej nazwy w Pliniuszowych (a za nim Ptolemeuszowych) *erbi* nad Donem i Kaukazem, ani w *Zeriwani* t. zw. geografa bawarskiego, co dublet do jego *Neriuani*; możnaby i jego *Zuireani* tu połączyć, bo wszystkie trzy nazwy są całkiem fantastyczne, por. niż.

Wobec nazw ogólniejszych, *plemę*, *rod*, *sěmja* (co i czeladź bejmywała, por. litew. *szeimyne* ‚czeladź'), oznaczała *sьrbь* najbliższą krewność, od rodzonych braci się wywodzącą. Łatwo można i zarzucić, że nie od sarbania, lecz od ssania tej samej piersi inna się ta nazwa utworzyć, lecz niezbadaną bywa dowolność owotwórcza. Polskie *Sarbinowo* nie z Serafina wyszło, jak *Sarbia* d. dowodzą. Do przykładów z wymianą półgłosek dodam nazwę reta, pojawiającą się również w trojakim brzmieniu, *krъtъ* (rus. *krot*, ol. *kret*, z zachowaną półgłoską, gen. *kreta* itd.), *kъrtъ*, *kertyća* nska, lit. *kurmis* (*kertus* z *er!*), *čьrtъ*: to zaginęło, bo spadło się nazwą djabła, czarta; ocalało w nazwach miejscowych, ru. Czertoyja, pol. Czartoryja (rozpodobnione w jawny nonsens: Czantoryja), j. krotoryja: nie czarci, lecz krety ryją ziemię. Natomiast różnica iędzy *czchnąć* a *kchnąć* ‚kichać' polega na zupełnie czym innym; o. *medł* a rus. *miedliť* znowu tu należy.

8. Chrvat.

Nazwa, po całej Słowiańszczyźnie rozszerzona, pojawia się najerw w podwójnej postaci: *chъrv-* i *chrъv-*: podwójność, nie rzadka rzy półgłoskach, por. *bьrvьno*, pol. *bierzwiono*, ale rusk. *brewno*; us. *sterženʹ*, ale pol. *drzeń* (dziś *rdzeń*, z pierwotnego *strьženь*, rusk. *strigenos*); przykłady p. Zeitschr. f. vgl. Spchf. t. 51, str. 222 223: przeczę istnieniu postaci *brъvъno*, bo kilkakrotna pisownia odobna starobułgarska niczego nie dowodzi; wystawiają ją umyślie dla usprawiedliwienia niemożliwego wywodu bierwiona od *brwi*. uś zna formę *Chrowat* i *Chorwat*: ta częstsza i zdaje się własiwsza; Czesi *Charwat*, od Dalimila począwszy (*Charwaty*), i nie

polskiego w tym niema, ani w formie słowa ani w tradycji, bo ta nie wyszła, jak NIEDERLE II 263 twierdzi, z polskiej, lecz jest starsza od niej (od mniemanego Boguchwała np., co dopiero z 2. połowy 14. wieku pochodzi). I język czeski bowiem zastąpił nieraz pierwotne *tъrt* przez *tart* (jak polski), nietylko przez *trt*; że GEBAUER o tym nie mówi, z tego nic nie wynika; przykłady mamy wyraźne *charpa (charba)* i *chrpa* ‚cyanus'[1]) albo *karhan* (nie *karchan!*) Możnaby dla ruskiego *Chorvat* i czeskiego *Charvat* zaprzeczyć nawet istnieniu *Chrъvat*, gdyby nie polskie formy. W Polsce bowiem pojawia się stałe *Krwat*, już w kronice węgierskopolskiej z XIII. wieku obok *Karwat* (*Karwacka* ziemia, *Karwatka* o ubiorze; *Karwat* jako nom. propr. częste i dawne). W rachunkach dworu Jagiełłowego z r. 1415 (wydał Fr. PIEKOSIŃSKI, Kraków 1896, str. 457 i nn.) czytamy w kapeli dworskiej coraz *Krwacom* (!) fistulatoribus *Krwathom, Krwatom*; małopolska wieś nazywała się *Krwaty* jeszcze w 17. wieku, dziś *Klwaty*. Forma polska z *k*- nie zastąpiła *ch*- w nagłosie, lecz jest pierwotna, zob. niż.

Co znaczy *Charvat-Krvat*? przyrostek jest *-at* a obok niego *-ast*, *-ist*, *-it*, np. *brodaty*; więc Charvat jest człowiek z charvą czy charvem; to zapomniane słowo zestawił GEITLER słusznie z lit. *szarwas* ‚zbroja (czyn)'. Ślad tego *charv*- ocalał w słowackim *charvati* i *charviti* ‚bronić' (znam je tylko z słowników) a może i w kaszubskim *charwańc* ‚snop lichego zboża, gdzie więcej zielska' LORENZ tego słowa nie zna, zna je RAMUŁT: snop na charnę dla bydła raczej zdatny, niż do gumna i młocki; można to różnie wyłożyć. Gockie *sarva* ‚broń' (w innych narzeczach niemieckich ‚ozdoba') z lit. *szarwas* nie niema spólnego, bo jego *s* jest pierwotne, lit. *sz* z *sk* wyszło. Dowiódłem w Ztschr. f. v. Spr. t. 51, str. 221—242, że pierwotne *sk*- przechodzi w lit. nieraz w *sz*, w słowiańskim albo zostaje *sk* (lub samo *k*), albo przechodzi w *ch*. *Charwat* i *szarwas* wyszły więc z pierwotnego **skŭrw*- i *skorw*-, którego dalej nie badam; dałem tam 40 przykładów, ale liczbę ich można łatwo pomnożyć, np. *skóra*, *kora* i ros. *choravina* (rodzaj skóry); albo *skarb*, czesk. *krb* (co nie może być pożyczką z niem. *Korb*, jak BERNEKER I 569 twierdzi), i *charb*- w nazwach miejscowych polskich, Charbowo, Charbce, Charbielin, co nie od Cherubina poszły, por. imię Karbiela (XII. wiek).

---

[1]) Polski *chaber*, już u Stanka r. 1472 zapisany, zamiast *chabr*, jest przestawka z **charb* i z niem. *Kornblume*, co przetłumaczono dosłownie na »żytni kwiat«, nic niema spólnego, jak mniemał J. ROSTAFIŃSKI.

Charwat, lit. *szarwůtas*, znaczy więc zbrojnego (i inne na-
ody przezywały się od zbroi, np. Sasi od nożów), t. j. występują-
ego z łukiem, szczytem, sudlicą i nożem. Inne wywody tej nazwy
upełnie mylne, mianowicie ów, tak niegdyś gorliwie przez Niederle
roniony, od Karpat za pomocą niemiecką, Hörfadda; w wydaniu
rancuskim przebrzmiewa ten wywód już słabo (str. 91: le nom de
Chorvati, ce nom si proche de celui des Carpathes ... le nom des
Croates demeure obscur quant à son étymologie). On niemożliwy, bo
Słowianie nigdy nic o Karpatach nie słyszeli; u Nestora zowią się
ne górami węgierskimi; w nich też nie siedzieli pierwotnie, bo
Słowacy później z zachodu przyszli a Rusini od wschodu; ani ich
awet nie przebywali w swych wędrówkach, bo nad Dunaj dostali
ię Słowianie nie przez Karpaty, co łatwo dowieść można; w Pa-
onji nigdy Słowian nie było, siedzieli tam różni »Sarmaci« i Niemcy,
opiero po zniszczeniu Awarów zaczęli Słowianie zalewać Panonję,
le wtargnięcie Węgrów temu przeszkodziło na zawsze.

Χορόαϑος, *Χορουαϑος* napisów tanajskich z 2. i 3. wieku po
Chr., tyle ma z Chorwatami spólnego, co *Ζίχοι* z Czechami, Serbi
Serbami, Suovenoi z Słowianami, Suevi z Slavi, Mugilones z Mo-
ilnem, Igylliones i Saloi z łotewską Igowią i Selones itd.; są to
ałkiem przypadkowe podobieństwa bez najmniejszego znaczenia:
rzecież odrzuca Niederle sam twierdzenie Pogodina, jakoby na-
isowe Stlabonius albo Slavus odnosiło się do Słowian; Choroa-
hos nie lepsze.

9. Dudlebi.

Nazwa złożona, ocalała narzeczowo w ros. *duleb*, *dułpies*
bałwan' (po polsku z nosówką w nazwie *Dulęba*); bułgarską formę
omijam jako mniej pewną. Złożona z *dud-* i *-lěb*; *dud-* oznacza
taka (dudka); *duda*, *dudka* piszczałkę; ponieważ ptak tylko przy-
rą wonią się zaleca, wybieramy rzecz muzykalną. Duda nazwa pra-
łowiańska nie jest przenigdy »freie Umbildung« tureck. *düdük*.
zym istotnie jest serb. i bułg. *duduk*; w l. mnogiej. Dudelsack, co
Niemcy pożyczyli, piszczałki z miechem. Druga część, *lěb*. jest =
t. *łaibas* ‚cieńki, szczupły' (*łaibinti* ‚ścienczać coś'); całość znaczy
więc: cieńki, chudy jak duda, dudocieńki, por. serbskie złożenia jak
miškulaš (koń sierści myszej) albo prasłow. *potьpěga* ‚uxor dimissa'.
o wedle opowiadania Thietmarowego (por. w.) najłatwiej tłumaczyć
ako ‚in cunno maculata' (*potь* ‚cunnus', załabskie i pol. *potka*; *pěga*
macula').

**Lěb-*, *łaibas*, ocalało, z inną wokalizacją, w ogólnosłow. *liběvъ* i *libivъ* ,chudy, wynędzniały, szczupły, cieńki, np. o krowach we śnie Faraonowym, o szkapach'; przeniesiono to na mięso, co nie przerosło sadłem, np. serb. *libiv* ,tęgi, jędrny, gruby', czesk. *libový*, *libovina* samo mięso (bez tłuszczu), *libivina*; pol. *lubaszka* od 15. wieku o śliwkach »mięsistych«; to *lu-* zamiast *li-* mamy i w staroruskich tekstach. Co chude, szczupłe, łatwo się chwieje, kołysze i stąd ogólnosłow. znaczenie chwiania, migania, serb. *libati* (kołysanie się wałów morskich), przenośnie *libiti se* ,wstydzić się (wahać, kołysać)', łużyckie *libotać so* a w dolnym *lipotaś* ,drżeć', czyli innymi słowami, cztery odmienne nagłówki u Bernekera I, str. 716 i 717: »*libati*, wogen, ohne sichere Anknüpfung; wohl lautnachahmend« (!) *libivъ*, russ. *libivyj*, *lebivoj* ,schwach' = *łaibas*; »*libiti* 1. krebsen dunkel«; *libiti* 2., sich schämen »zu ahd. *slīfan* und *schleifen*« należą razem, tworzą jedność.

Lecz nie koniec na tym. Obok *lib-*, *lip-* (*lipotaś*) istnieje w podobnym znaczeniu *leb-*, *lep-* o chwianiu, kołysaniu się (skrzydeł u ptaka, motyli), więc obok pierwiastka *leib* (*leip*) jest i pierwiastek *leb* (*lep*), jak wyżej mieliśmy *sleg* obok *slei-*, *sleu-* (i *leib* odnosi się do pierwiastka *lei-*, *leu-*, por. Walde pod *liber* ,łyko'), a więc serb. *lebetati* ,schwanken', *lebdjeti* ,schweben i zärtlich pflegen' (tak samo znaczy *leléjati* wogen i hätscheln), »ohne sichere Anknüpfung« Berneker I 698, *lepetati* ,flattern' (*lepir* i *leptir* ,motyl'), rusk. *lepetat* ,stammeln', z *o*: pol. *łopotać* (skrzydłami), cerk. *łopotivъ* ,stammelnd', csesk. *lopot* ,Kummer, Sorge', *lopotati se* ,biedzić się', co Berneker wszystko »Schallsippe« albo »lautnachahmend« obzywa.

Jeżeli Dudlebi w tym lub innym znaczeniu nazwa złożona, gdzież samogłoska pienna, stała we złożeniach? Co innego *gospodi* przecież, co rodzajem haplologji z **gostĭpotь* powstało; albo *pladьne*, ale zresztą *o* zawsze istnieje. Nie w *małžena* (pisownia *małъžena* tyle warta, co np. pisownia *ołъtarь*, t. j. nic); nie w *Vrchbosna* i pod. (*Vrchlabí*, *Fercheser* itd.), bo to są nominativy. Otóż właśnie nazwy osobowe (i miejscowe) opuszczają chętnie samogłoskę, por. prasłow. *Kołdrąb* (czesk. *Kladruby*. rus. *Kołodruby*, p. *Kołdrąb*), pol. *Bydgoszcz*, *Będargowo* z *Będdargowo*, *Blizbor*, *Bogdan*, *Wojborz* (ale *wojewoda*), *Mojmir* i i. Wspomnę dodatkowo, że wedle wzoru *mści-ć*: *Mści-sław* (i wszelkich innych czasowników, *gości-ć* *Gościrad* itd.) utworzono i *izby-ti*: *Izby-gněvъ* (p. *Zbygniew*), *prěję-ti*: *Prěję-sławъ* (rusk. *Perejasławl*, lucickie *Prenzlau*); *izę-ti* *Iziasławl* (z czego później Polacy *Zasław* zrobili); *nejęti*: *neję-věrъ*

ejç-sytъ a wreszcie i *vě-głasъ* (*vě-* wedle *vě-mь, vě-si* itd.), czesk. *eznu-boh*. A wspominam tu o tym umyślnie, bo Meillet i Vondrák *nejęvěrъ* i *nejęsytъ* najdziwaczniejsze spłodzili kombinacje, jakoby *nejęvěrъ* przeczenie powtórzono, bo już **jęvěrъ* niewiernego oznazało, alež to wszystko fantazje szczere: larczik prosto odkrywałsia; . *Poję-grodza* z r. 1153 (dziś *Panigródz*) pozostaje wątpliwym. *Zby-* z *izby-ti* pojawia się we wszelakich imionach, *Zbylut* itd.; w innych można upatrywać podobne od infinit., bez jego *-ti*, najrostsze urobienia analogiczne.

10. Czesi, Abotritae, Stodor i. i.

Nazwa Czechów jest skrótem, więc wywodzi się z równym rawem z bylejakiego słowa na *cze-* lub *czĭ-*, z *czci*, *czety*, *czeudzi*, *czoła* itd.; Kożma jednak i Dalimil wywodzą tę nazwę od zecha a to jest równie prawdopodobne. Nazwy *Czesi* a *Radiniczi* różnią się bowiem tylko gramatycznie, znaczą zaś tosamo: udzie (około) Czecha lub Radima. taksamo jak nazwa szczepowa *Bituriges* znaczy: ludzie (około) Bituriga; jest zaś między nimi biema tylko ta różnica, że przy Radimiczach wiemy na pewne z powodu końcówki), że chodzi o imię osobowe (Radim), gdy przy zechach tego nie wiemy, bo Czech może być albo imieniem osoowym, albo już pierwotnie szczepowym, jak nazwa Charwaci itp. eśli zaś *Czech* nazwa osobowa, wtedy może być skrótem z *Czeława*, *Czestmira* itd., a może to tylko starorusk. *čech*, gen. *čcha*, róžba od kichania (por. dawny gród polski *Czchów*); *e* byłoby ak samo niepierwotne w dalszych przypadkach, jak np. w *kret*; owtarzanoby je za przymiotnikiem *czeski* i za częstym nominaivem *Czech*. Wolno więc wybierać zpośród najrozmaitszych możliości i dlatego nie tłumaczymy tej nazwy wcale.

Inna trudność przy Obotritae: językowo byłoby to *Obodrci* łac. *-itae* nie jest słow. *-ic*, lecz *-ci*), ludzie ob Odrę mieszkający. ecz rzeczowo to niemożliwe. Najpierw, nie mieszkali oni wcale ad Odrą. po obu jej brzegach, lecz wyszli daleko po za nią na achód i trudno przypuścić, żeby się jakimś cudem dawna ich nazwa trzymała, skoro Odrę rzucili na zawsze. Powtóre: nazwę tę samę ymieniają i nad Dunajem — Cisą: Abodriti, qui vulgo Praedenenti vocantur[1]) et contermini Bulgaris Daciam Danubio adiacentem

[1]) Był to więc jeden szczep o dwu nazwach, słowiańskiej i łacińskiej. upełnie zagadkowej. Rozbijać zaś z Šafaříkiem i Niederlem tę jedność i twierdzić, e Abodritae siedzieli w komitacie Bodrogu nad dolną Cisą, a Praedenecenti

incolunt; nazwę Praedenecenti jeszcze raz ten sam rocznikarz wy mienił. Bajano, jakoby ci naddunajscy Abotriti również nad Odra (lewym dopływem Kulpy koło Siseka) siedzieli, ależ to niemożliwe bo Dacja nie Kroacja; contermini Bulgaris nie mogli w Kroacj siedzieć, boby ich Serbowie od Bułgarów dzielili. Wszelkie trudnośc uchylamy, jeźli Abotriti jako sobriquet, Obderti lub Obterti, pojmiemy że się nad Bałtykiem i nad Dunajem powtarzał, to u Słowian ni nowina.

Znowu inna trudność przy Siewierzy; wiemy, co nazwa sama znaczy, lecz nie rozumiemy, jak jej użyto dla szczepu nad Dnieprem i za Dunajem, czy zawsze od grodu tej nazwy? por Siewior i Siewiersko w Polsce. W Ptolemeuszowych *Sauaroi* (cz nie to samo co Nauaroi?) Siewierz odgadywać, można tylko z tym samym prawem, z jakim NIEDERLE o Gēouinach mówi, »že se však pod ním (jménem) skrývá nějaký slovanský kmen, je pravděpodobné (I, 422), albo o Pessium w ziemi Jazygów, że to »nějaká slovinska nebo srbská Peć« (II, 451)!! Przeczę z reguły, jakoby Słowianie — przybysze zatrzymywali pierwotne nazwy, Ptolemeuszowe albo zprzed wędrówki narodów, ale reguły są od tego, aby miały wyjątki; więc na Bałkanie nazwy przytoków Dunaju i Sawy, niektórych gór (Šar?), zatrzymały dawne nazwy, niemówiąc o wyspach i miastach; na zachodzie najciekawsza Ślęża góra od Silingów niemieckich a może i Krkonoše od Korkontów, których Ptolemeusz nad Askiburgion oros = Jesenníkiem osadził; MUCH twierdzi, że właśnie nazwa Korkontów i Budorgis (tylkoż litewszczyzna, *darżas* całkiem mylna!), ilirskością (t. j. Wenetami) zatrąca; por. wyż. domysł KOSSINNY o Wenden, Wenetach = Ilirach.

Inne nazwy jasne, np. czescy Lemuzi t. j. pol. Łomazy, Łomża (pień *lem-*, por. *lemiesz*, i *łom-*, por. ros. *łomzat'* i *łamzat'*; z rzadkim przyrostkiem *-z*, jak w *łobzat'* i *łabzit'*, co z *łobuzem* itd. we związku bezpośrednim; BERNEKER I, 726 dzieli niesłusznie oba pnie i wtacza wraz z Osthoffem i i., niepotrzebnie całkiem, łac. *lambo* i *labium*). O dwu nazwach wspominałem w Slavia I 389: *Koledici* i *Zirmunt* obie od osób, ale możem niesłusznie kładł nacisk na samogłoskę po *l* w *Koledici*, może to tylko pierwotne *Koldici* (Niemcy nieraz wstawiają samogłoski, np. *Wiribeni* zam. *Wirzbna* itp.), a w takim razie można to odwodzić od *Kolda*, co było w wieku XV. proklama

koło Braniczewa, daleko na południowy wschód położonego, jest bajką. Bodro jest przecież nazwa pramadziarska, tak nazywa się i dopływ górnej Cisy, więc cóż jej do Abotritae z r. 824?

olską szlachecką (t. j. nieprzestawiona *kłoda*, jak w *kołdrąb*); Zirmunt, Sarmunt itp., pierwsza część = *Żyra*, por. *Żyrosław* d *žirъ* tłuszcz), druga *-mąt*, por. *Muntimir*, *Męcina* (czesk. *Muna*), nierzadkie w imiennictwie osobowym.

»Stodor«, nad Hawolą, po niemiecku Hehfeldi, graniczyli Redarami; ci przezwani są nie od ratajstwa ani od raci (niby tari, wojownicy), lecz od Redgoszcza. W Stodor przyrostek *-or*, jak *stob-or* od **stob*, lit. *stabas* ‚kij, słup', *stabmeldis* ‚bałwochwalca'. IKLOSICH wypisał ros. *stod* ‚idolum' i wywiódł je z nordzkich azwisk kija i słupa, co świadczyłoby może o wpływie nordzkim kult słowiański, o bożkach w kształcie słupa czczonych. Poszechne to na całym świecie, ale u Słowian nazwy podobnych upów — bożków bywają obce. I tak *kupь (kapište)* ‚idolum', co szcze BERNEKER, I 486, z słowiańskiego wykładał, jest protobułrskie (turskie) *kep* ‚forma, modła'; o wschodnim pochodzeniu *łwana* i bałwochwalcy, nikt nie wątpił; *kumir* również obcy, ywodzą go z semickiego: syryjskie *kumrā* ‚ksiądz', co się do Orian (*kurm* ‚ksiądz pogański') i Finów (*kumar-* ‚czcić') przedostało więc może i do Protobułgarów (por. Revue des études slaves 49)[2] Jedyni Czesi używali w tym znaczeniu rodzimego słowa *cha*; dla innych Słowian jest właśnie charakterystyczne, że to i sami obcym nazwom słupa znaczenie obrzędowe nadawali, ięc mogliby to uczynić i z nordzkiem *stodh*, a w hawolskim *Stodor* ożnaby odnaleźć słup czczony, znamienity na całą okolicę, może Swarożycem redgoskim zawodniczący. Ale to urojenie tylko, bo ss. *stod* ‚idolum', arcykruche; nie jest to słowo narzeczowe, lecz eńskie a jako takie aż nadto podejrzane; tłumaczono też tego ga-stoda to od stada, to od statku; domysł o stodzie-słupie boim. idolu (już u ŠAFAŘÍKA wypowiedziany), zawisł więc całkiem powietrzu; powtarza go mimo to ROŻNIECKI, Archiv f. slav. Ph. XIII, 485.

Rzecz ma się inaczej; *stobor* i **stodor* są identyczne, od *sto-* zez *b* lub *d* urobione; *stodor* znaczy więc, por. serb. *stobor*, grodzenie i nazwa topograficzna przeszła na szczepową (por. Kini, Glomaci itp.); jest przecież w Czechach nawet miejscowość *od*. Z tym *stod* a od niego *stodor*, por. łotew. *stats* ‚słup', niem. *ütze*. Żeby nazwa *Stodor* i u Słowieńców się powtarzała, mylnie AFAŘÍK przypuszczał.

Stob- powtarza się u Słowian często, mianowicie w nazwach iejscowych. *Stobno*, *Stobnica*; w Niemczech są cztery rzeczki *Ste-*

penitz, por. Arch. slav. Phil. XXXVIII, 54; obok niego jest *steb-* i *stьb-*, serb. *stabar*, prasłow. *stьblo* itd., czasownik *stebať*, pol. *wścibiać* i z częstą odmianą ***i = iu wściubiać, wściupski.*** Do *stod-* niemogę na razie *sted-* odszukać.

11. Beskidy.

Słowianie zatrzymywali, szczególniej na Bałkanie, ale i w Niemczech, pierwotne nazwy, rzymskie itd., dla rzek, wysp, grodów; nie zatrzymywali jednak, z bardzo nielicznymi wyjątkami, nazw ludów, co wywędrowały lub wyginęły. Z góry więc przeczymy wywodom, co to nazwy Rupców, Szopów, Pijanców, meropchów (pospolity termin grecki dla stanu, nie ludu), dulupów, sębrów (serb. *sebar* itd.), łączą z jakimiś Noropes, Sapaioi, Dolopes, Sabiroi itd., co wszystko Niederle nie dosyć stanowczo poodrzucał. Jak pogodzić z tą zasadą nazwę Beskidu?

Ptolemeusz bowiem wymienił wyraźnie *παρὰ τὸν Καρπάτην τὸ ὄρος* (po raz pierwszy występuje tu ta nazwa) Piengitów i Biessów i z tymi dwiema nazwami ludów łączą Pieniny i Beskid. O Pieninach nie warto i wspominać, ale Beskid nierównie bardziej nęci i Niederle nie odrzuciłby tego wywodu, aż nadto usprawiedliwionego, gdyby niestety Ptolemeusz nie był jedynym naszym źródłem. Ptolemeusz bowiem w swojej Sarmacji europejskiej powtarza nazwy, byle skąd wyrwane, np. Koistoboków, Peukinów, Anartów, Aorsów, więc obawa, czy nie przeniósł nad Karpaty z Tracji Paionów i Bessów; Paionami późniejsi Grecy a za nimi pisarze cerkiewni zastępywali i Pannonów a stąd poszedł w legendzie Naumowej *peonskъ językъ* dla Węgrów; Piengitai obcą końcówką różnią się może tylko pozornie od Paionów. Besów nad całymi Karpatami rozszerzał Ptolemeusz, od Jabłunki do Siedmiogrodu, i niektórzy ich aż na Podolu osadzali! więc rzecz, językowo jasna, rzeczowo bardzo niepewna.

Żeby Beskidu nazwa była pożyczką niemiecką, o tej bajce i wspominać nie warto; sama oboczność form, polskiego *Bieszczadu* a ruskiego *Beskidu*, dowodzi ich rodzimości. Jest to zbiorowe na *-d*, z różną poprzedzającą samogłoską: w polskim *-ě-*, **Beskědъ*, w ruskim może *-i-*, bo *sk-* pozostaje nieraz przed *e, ė, i* niezmienione właśnie w staroruskim, por. *oskep* Słowa Igorowego, z pol. *oszczep*: *skyryty zuby* z pol. *szczyrzyć* i i., ależ można i *-y-* wystawić, **Beskydъ*; od **bieski*, jak *płoszczad* od *płoski*, jak czeska nazwa pasma górzystego *Ještěd* (niem. Jeschkenberg, koło Liberca)

od *jaskъ*,[1]) jak *Mołczadź* na Białej Rusi itd.; pomijam słowa jak *czeladź*, *jagnędь* (czeskie *jehněd*) itd. Ale cóż znaczy **besk*, przymiotnik czy rzeczownik, jeżli nie od Besów (góry beskie = Beskyd) nazwany?

Języki słowiańskie znają jakieś *bes* ,mówić', w *bes-ěda*, co nie może być nazwana od siedzenia (**bez-sěda*! Berneker I, 52), ani *be-sěda* (litew. *be-*, partykuła trwania, Słowianom zupełnie obca! co Pogodin zmyślił); *besěda* jest zbiorowe, jak *gor-azdъ* ,mowny', od *gor-* ,mówić' (a nie z jakiegoś nieistniejącego wcale gockiego **garazds*), łużyckie *gorniś* ,mówić'. Nie z tego *bes*, *bos* w słowackim *bosorka* ,czarownica'; słowo powtarza się w węgiersk. *boszorka(ny)*, z niego wzięte, bo i węg. całkiem odosobnione pochodzi z tureckiego i przypadkowo przypomina słowackie *bachorka* (w serb. tylko o czarowaniu używane). Z grecko-tracką *bassara* ,rodzaj menady' łączy bosorkę słowacką, ale z węgierskiego przejętą, J. Polívka Revue des études slaves II, str. 264 i 265, ależ to przypadkowe podobieństwo — słowa tego nie znają przecież bałkańskie języki ani rumuński. Otóż możnaby naciągnąć i nazwę Beskidu do tego *bes-*, bo słowa mówienia u Słowian i hałas, zgiełk znaczą (*mlъva* tumultus; *govorъ*, *gwar*); góry bieskie byłyby więc szumiące (por. nazwę Szumava dla lasu czeskiego), ależ to zbyt fantastyczne; również nie myślę przytaczać łacińskich i greckich nazw, to wierzchołków (*fastigium*, nie z **farst-*!), to dołów, ostępów (*βήσσα*), aby nie powtarzać błędu, jaki innym stale wytykam; nie szukam też do *bes-* ,mówić' dalszych krewnych wyrazów (ind. *bhaš* ,mówić', co nie z *bhels-* poszło, jak Fortunatov twierdził). Powtarzam, gdybyśmy od kogo innego, nie od Ptolemeusza tylko o istnieniu Besów nadkarpackich wiedzieli, byłby wywód gór besskich czyli Bieszczadu-Beskidu od Bessów chyba niewątpliwy.

12. Nazwy »geografa bawarskiego«.

Pod tym tytułem kryje się jeszcze mniej, niż pod Ptolemeuszową »Sarmacją europejską«. Jest to zapiska, wyliczająca pięćdziesiątdwa

---

[1]) *Jaskъ* ,skrytka, schówek' jest prasłowiańskie, nie, jak powszechnie twierdzą, pożyczka z nordzk. *askr* (por. np. Berneker I, 32), o czółnach naczyniach: to słowo indoeuropejskie, bo łączy z niem. *askr* Meringer, Wörter u. Sachen VII, i greckie *ἀσκός* ,miech'. Od *jasku* (polskie *jaszcze* ,naczynia drewniane') pochodzi *jaskinia*, czeskie *jeskyně* (co nie jest pożyczką z polskiego, jak Gebauer twierdził, bojąc się o swoję regułę); forma pierwotna więc nie **ěskyńi*, jak ją Berneker I, 275 wystawił, lecz **(j)askynji*, zrobione z podwójnym przyrostkiem (por. niem. podobne na *-inne*) od *jaska*, jak *pustynji* itd.

ludy »na północy Dunaju«, istotne, znane dobrze i fantastyczne całkiem; badacze, od Šafaříka, Zeussa i i. aż do ostatniego, St. Zakrzewskiego (Opis grodów i terytorjów itd., Lwów 1917, str. 79), dali się zmylić istotnymi i wyrzekszy się wszelkiej krytyki, starali się uporać ze zmyślonymi dowolnie; wynik zaś tych starań usilnych ich, Lelewela, Kralička itd., był, że co jeden na Bałkanie, to drugi w Rossji nad Wołgą a trzeci nad Oderą w Marchji albo na Węgrzech i Siedmiogrodzie szczęśliwie odnachodził. W istocie należy wiele tych nazw szukać na — księżycu, bo na ziemi ich nigdy nie było.

Zapiska powstała w X. wieku i korzystała z roczników itd. IX. wieku; fantazje Šafaříkowe o jej źródłach, kupcach i misjonarzach i o jakimś królu niemieckim jako całkiem bezpodstawne pomijamy; autor tej zapiski, Niemiec, nie znał nazw słowiańskich, dawał tylko niemieckie, np. Beheimare, Talaminzi itd. Zaczyna od granicy duńskiej (Danai zamiast Dani jego wymysł) i wylicza pobieżnie szczepy od Obodritów aż do Morawian i Bułgarów i nie daje nic, czegobyśmy z źródł IX. wieku nie znali lepiej; liczbę grodów sam zmyślił; np. u Wilców (t. j. Weletów, bo nie zna nazwy Luciców X. wieku) wymienił cztery »regiones«, ależ było ich znacznie więcej. Równie autentyczny jest koniec zapiski, z tą jednak różnicą, że autor jako szczepy (regiones) wymienia proste civitates (grody), i nadaje im zmyślone liczby grodów; Seravici, Lucolane, Opolini, Golensizi, znamy dobrze jako Sorau, Lukau, Opole, Holasice, ależ to civitates, nie regiones; nieznamy grodów Lupiglaa, Fraganeo, Verizane, Besunzane, czyto że zaginęły, czyto że nazwy przekręcone do niepoznaki. W te nazwy grodowe wplótł anonim nazwy szczepowe: Ungare, Vislane, Slenzane, Lunsici, Dadosesani, Milzane. Początek więc i koniec zapiski są, pominąwszy owe liczby, autentyczne; środek cały, obok kilku nazw autentycznych (Busani. Bruzi, Caziri, Ruzzi — ludów, a grodów: Zittici, Stadici, Netolici, pisanych Znetalici), opływa w nazwy, które albo sam autor z palca sobie wyssał albo mu jakiś kpiarz podyktował, wyszydzając łatwowierność mnicha i tych, co mnichowi zwieść się dali.

Znamy przecież jako tako geografję wschodniej Europy IX. i X. wieku i wiemy napewne, że niebyło tam żadnego z ludów, jakie ten pseudograf wyliczał i wielkość ich pod niebiosa wystawiał. Thadesi z dwieście grodami, Glopeani z czterysta, Sebbirozi z dziewięćdziesiąt, Attorozi z stoczterdzieściośm populus ferocissi-

nus, Vilerozi ze stoośmdziesiąt, Zabrozi, Aturezani, Chozirozi, Thaf-
iezi itd., to nonsens i wszelkie dotychczasowe próby objaśnienia
lowodzą tylko niemożliwości, choćbyśmy nawet skreślili liczby
olbrzymie grodów; dla tych »ludów«, nietylko dla ich grodów,
niema poprostu w Europie wschodniej miejsca. Nie zadawał też
sobie autor zbytniej pracy, powtarzał zmyślone nazwiska, np. Atto-
rozi a Aturezani, Thadesi a Thafnezi; szczególniej zaś szafował
końcówką *-rozi* i nią najlepiej uwidocznił wartość zapiski. Jak się
zrzekamy łamigłówek Ptolemeuszowych (aleź ten przynajmniej nie
zmyślał nazwisk), taksamo usuwamy zmyślenia bawarskiego pseudo-
grafa z naszych roztrząsań, i nie myślimy badać, co też ukrywa się
za jego zagadkowymi Vizunbeire, Forsderen liudi, Fresiti, Prissani,
Velunzani. Pseudograf nie wylicza niemal żadnych znanych wielkich
ludów bałtyckich, polskich, ruskich (np. Pomorzan, Polan itd.), więc
co za sens, szukać jakiejś rzeczki nad Wołgą czy nad Wagiem a
nad nią jakieś ludy z fantastycznymi nazwiskami, przypominają-
cymi bardzo z daleka tę rzeczkę, błoto czy las? Tu ustaje wszelka
krytyka i nie tracimy miejsca na przytaczanie takich zgóry poro-
nionych konceptów.

Šafařík nazwał tę zapiskę »bezcenną«, ale to ma znaczyć,
że niema najmniejszej ceny. Dowód łatwo przeprowadzić. W pierw-
szym ustępie odpisał anonim nazwiska z roczników franckich, nie
od misjonarzy ani od kupców ich słyszał; w X. wieku, t. j. kiedy
pisał, były one już całkiem przestarzałe, nie istniały więcej (np.
Bethenizi et Smeldingon, wzięte z rocznikowego: Semeldincconoburg,
Linones et Smeldingi, Lanai et Bethenzr); więc brak Wagrów i Lu-
ticów, bo tych źródła IX. w. nie znają — jedyny jego nowy do-
datek Hefeldi; o Serbach niewiedział, że to nazwa ogólna, obej-
mująca i Daleminców; zato nazwę Morawian dwukrotnie przytoczył,
niewiedząc, że to jeden lud i nie umiejąc go też dobrze umieścić:
Marharii i Merehani; obu obdarzył różną liczbą grodów, jak zawsze
całkiem fantastyczną. Chcąc ocalić cześć anonima, upatrywano
w drugich Morawianach, w jego Merehani, Morawian bałkańskich,
co niemożliwe, bo zapiska wymienia tylko ludy »na północ od Du-
naju«: Niederle III, 211 rozróżniał jakieś Morawy w znaczeniu
węższym i szerszym (państwo Swiętopełkowe); aleź ten błąd za-
winiły roczniki, pisząc Morawian Marahenses i Maruani. I nazwę
Osterabtrezi odpisał anonim z roczników, *oster* dodał sam w przeci-
wieństwie do *nortabtrezi* i ta jego wzmianka o Osterabtrezi nie jest
nowym świadectwem o istnieniu takiego ludu, lecz odpisana z rocz-

ników.[1]) Sprawdzamy więc anonima co do każdego wyrazu, póki stoi na gruncie istotnym — wszelka kontrola ustaje, gdy sam grunt z istotnego odmienił się w fantastyczny, chociaż niewiemy, kto i dlàczego te bajki wymyślił? Dopiero przy samym końcu wracamy z księżyca na ziemię i wymienia anonim szereg znanych grodów; zachodzimy tylko w głowę, skąd się o tych dziurach dowiedział, skoro o nierównie większych i ważniejszych grodach, np. o Pradze, Krakowie itd., milczy; bo jego Serauici, Lucolane, Lupiglaa nie »ludy«, lecz »grody«, civitates to w regio Lusizi, którą mylnie Lunsizi wypisał; z równym a raczej lepszym prawem mógł wypisać regio pragensis, cracoviensis, budisinensis.

Cały środkowy ustęp, z nazwami (oprócz kilku) wyssanymi z palca, nie wart wzmianki poważnej i tylko jego eptaradici przytoczę jako curiosum, godne studenckiej Bierzeitung: ponieważ w VII. wieku Theofanes wspomniał w Mezji hepta genea Słowian, nie w Siedmiogrodzie, lecz w Mezji! więc to mają być owe septem (hepta) rody anonima: ten nonsens Niederle II, 416 jeszcze poprawił na (h)epta radikes! że w Sebbirozi Siewierców upatrzyli oba a w Unlizi Ongliczów, możnaby im już łatwiej wybaczyć, boć to, choć z gruntu równie mylne, ale nie tak widoczny nonsens.

13. Kroniki.

Do źródł »Starożytności Słowiańskich« należą najdawniejsze kroniki, ruska, czeska i polska; innych niema, skoro Bułgarzy i Serbowie, przygniecieni mniszym kronikarstwem bizantyńskim, nie zdobyli się na dzieła własne a wczesne. Kroniki owe pisały się spółcześnie: rzecz o ruskiej wymaga obszerności, nie zgodnej z ramami tych uwag; odkładamy ją na później. Co do kroniki czeskiej, pozostawiamy historykom jej ocenę, oprócz jej części przedhistorycznej. Nie myślę jednak powtarzać znanych wywodów ani dowodzić na nowo, że całą historję o Kroku, Luboszy i jej siostrach wyssał Kożma z własnych palców i z kilku nazwisk miejscowych; wskażę jednak parę świeżych prac, co moje wywody znakomicie poparły. Dowiódł najpierw V. Tille w rozprawce »Přemyslova otka« (Český

[1]) Jest to stały błąd u Niederle, który odpis z jakiegoś źródła powołuje jako źródło nowe, samoistne. Helmold np. odpisał Adama co do »Rethry« (za jego czasów od półwieku już nie istniejącej wcale!), mimoto przytacza go Niederle jako nowe źródło 150: il me parait difficile d'admettre en particulier l'erreur commune de deux auteurs etc. — ależ to bajka wierutna, bo chodzi tylko o un auteur, o Adama; prosty odpis nigdy nie jest nowym źródłem! To samo dotyczy naszego anonima albo Marciana (obok Ptolemeusza) i i.

Časopis historický, 1917, tom XXIII. str. 787 i nn.), że całą historję o pługu i lasce Przemysłowej, wsadzonej w ziemię i odrazu zakwitłej, przeniósł Koźma z cudu, jakim Jana Agnusa na biskupa od roli i pługu przez pielgrzyma, prowadzonego przez anioła, powołano; jakto Jan opierając się temu wezwaniu laskę w ziemię wetknął a ta natychmiast zazieleniała itd.; pochodzenie bajek Koźmowych najzupełniej wyjaśnione i nic już nie pomoże powoływanie malowideł w kaplicy znojemskiej z tą samą treścią. Kronikarze i pisarze legend popełniali stale ten sam plagiat t. j. przenosili od świętych zachodnich gotowe ich cuda na swoich czeskich, polskich, węgierskich. A więc legendy węgierskie o patronie narodowym, ś. Władysławie (Laszló), powtarzają cuda ś. Jakóba (apostoła) z Compostelli; cud ś. Fridolina powtarzają polskie o ś. Stanisławie (wskrzeszenie zmarłego, aby wydał świadectwo prawdzie); cud z Janem Agnusem przerobił Koźma dla Przemysła.

Drugi równie charakterystyczny szczegół zawdzięczamy rozprawce p. A. Krappe, La légende de Libuše et de Přemysl (Revue des études slaves III, 86—89). Autor wykazał, że Marignola rzecz o spotkaniu się Libuszy i Przemysła, idącego do miasta, aby się u wieszczków wywiedział, co znaczą orły, co spoczęły na jego pługu, wypisał dosłownie z Justyna, z opowiadania o Gordiaszu.[1]) Co Marignola w wieku czternastym, to samo robił Koźma we dwunastym i na tę samę zasłużył wiarę. Nadmienię ponownie, że *Lubosza* jest imię męskie, jak *panosza*, *junosza*, *Światosza* itd.; że kobieta nazywałaby się *Lubochna*, bo tak urabiano nazwy dla córek, Swiętochna była córką Swiętosława, Dobrochna córką Dobromira (żona Chrobrego; Emnildis, drugie, niemieckie jej nazwisko) itd., por. *księżna* (córka) wobec *kniegyni-ksieni* (żony).

Gdy Czesi posiadają znakomitą kronikę, brak takowej zupełny Polakom Wprawdzie w Monumenta Germaniae jak i Poloniae historica wydrukowano t. zw. Chronicon anonima, słusznie Gallem przezywanego, ależ to nieporozumienie. Ten anonim napisał w r. 1113 w Poznaniu dziełko w trzech księgach, De rebus gestis tertii Bo-

---

[1]) Dalszych wywodów autorowych, The Ploughman King, znanych mi tylko ze streszczenia w Revue, nie uznaję za trafne, przynajmniej co do bajki czeskiej. Przemysł nie jest roi-prêtre i nie dopełnia z Luboszą le vieux rite magique de la fertilisation dans le sillon nouvellement tracé itd.; z całego wymysłu Kozmowego nic nie pozostaje, niż to, co zapisano w najkrótszej ale najstarszej formie w legendzie Chrystianowej t. j. że ród panujący wyszedł, jak w Polsce, jak w Karyntji, z chłopów a wskazały na chłopa czyto wieszczka (u Czechów), czy to cud jakiś (u Piastów polskich): w obu razach cud gastronomiczny, prawdziwie chłopski, rozstrzygnął o powołaniu rodu.

leslai, panegiryk-biografję swego bohatera do tego r. 1113 włącznie; drugą i trzecią księgę (i dwa ustępy w pierwszej) całkiem jemu poświęcił, ale ponieważ o jego ojcu opowiadać musiał obszernie, więc dodał wstęp, w pierwszej księdze, o poprzednich dziejach polskich. Kroniki nie pisał, w całym jego dziełku niema przecież ani jednej daty, bo panegiryk obchodzi się bez dat zawsze; pisał dictamina t. j. deklamacje retoryczne wszelkiej możliwej treści i ztąd tłumaczy się charakter jego dziełka, mieszaniny wierszów i prozy, odbiegającej w pierwszej, fantastycznej księdze całkiem od prawdy historycznej, i tylko w drugiej i trzeciej ją jako tako wykładającej. Badacze nie poznali się do dzisiejszego dnia na deklamacyjnym stylu dziełka i wszelkie wynurzenia, opisy itd. brali dosłownie, czy jako prawdziwą tradycję czy jako wyraz osobistych stosunków i zapatrywań i przecenili okropnie znaczenie tej retoryki wysnuwali z niej najniemożliwsze wnioski o życiu, karjerze, przeciwnikach mniemanych samego autora i pisali o nim romanse same a brali na serio jego plotki o dawnych dziejach. Tę pseudokronikę powtórzył i rozbełtał nową literaturą mistrz Wincenty i na tych dwu całkiem literackich, bynajmniej nie historycznych dziełkach polegają dzieje Polski z X. do XII. wieku! Słusznie też pierwsi humaniści polscy te dziełka, jako niegodne narodu polskiego i jego przeszłości, surowo napiętnowali (około r. 1500); braku jednak pierwotnych dziejów polskich niczym zastąpić nie mogli: kronika polska, coby czeskiej dorównała, nie istnieje i nie istniała niestety nigdy; Długosz przyszedł o 2—3 wieki zapóźno.

Dziś wiemy, kto dziełko o czynach Bolesława III napisał: był to Francuz, ale z Węgier, z benedyktyńskiego klasztoru ś. Idziego w Sümeghi, co dostał się do Polski około r. 1110 i tam podjął się napisania dziełka, coby jako tako o (Polsce i jej) księciu światu opowiadało; więc nie »Gallus«, lecz i »Ungarus« należy na tytule położyć. O sobie samym wspominał jak najmniej, ale z wiadomości, jakie o Węgrzech podał, z terminu pristaldus (przystaw), znanego tylko Węgrom i Kroatom, wynika jego pochodzenie dostatecznie. Jedno uderza, postać św. Władysława jeszcze nie opromieniona aureolą świętości; wyraża się o nim z widoczną sympatją (nigdy niemiały Węgry podobnego króla i ziemia po nim niebyła więcej tak urodzajną; i o pietas jego prawi), ale nie jeszcze jako o świętym czy świątobliwym; taksamo zresztą w Kronice węgierskopolskiej z XIII. wieku. Nie wie o późnej bajce, jakoby Bolesław II (za zabójstwo ś. Stanisława), w klasztorze pokutował: tę

bajkę wywołały może i dzieje węgierskich dwu królów, co mnichami kończyli żywot.

Dlaczego o tym Gallusie wspominam? Żeby wrócić do tematu jaki poprzednio w rozprawce o »Janczarze« (Slavia II) poruszyłem t. j. o różnicy między podaniem ludowym istotnym a tym, co za takie mylnie uważają, fabrykatem skomorocha-gęślarza albo wymysłem pseudokronikarza. Ruski »Nestor« zachował ruskie podanie ludowe np. o walce Chrobrego z Jarosławem, króciutkie, ale jak najdosadniejsze, nawet o tuszy bohaterskiego księcia polskiego zdające sprawę; węgierski anonim aż na dwu miejscach o tym samym fakcie szeroko się rozpisał, ale w samych bredniach! tu można się naocznie przekonać, co podanie a co wymysł! Więc dla Starożytności Słowiańskich to dziełko wcale się nie nadaje; poprzedza w nim dzieje polskie wprawdzie opis Słowiańszczyzny i z tego entuzjastycznego opisu wnioskowano nawet, że musiał być Słowianinem, kto tak rodzinę wychwalał: ależ to nie opis istotny, lecz deklamacja na temat opisu kraju szkolna, taksamo jak jego dzieje Chrobrego są deklamacją, t. j. idealnym obrazem panującego, nie portretem autentycznym, chociaż tu a tam są rysy faktyczne w tych fantastycznych raczej opisach — obrazach. Należy więc z największą ostrożnością-nieufnością korystać z wiadomości, podawanych przez panegirystę-biografa, nie kronikarza-historyka. O przybranej ojczyźnie on dumnie mówi: per Ungariam, H u n n i s qui et Ungari dicuntur quondam occupatam, bo duma narodowa Węgrów właśnie oba narody utożsamiała: Ungari wskrzesili tylko państwo Hunnów, Attila to ich król niegdyś własny. Taksamo w kronice węgiersko-polskiej, co i nazwę Akwilei od Attyli wywodzi.

Nie twierdzę bynajmniej, że oba dziełka, t. zw. »Kronika węgierskopolska« (wydrukowana w Monumenta Poloniae historica I) i »Kronika polska« są jednego pióra, bo dzieli je znaczniejszy przeciąg czasu przy zupełnej różnicy stylowej, ależ bo ten sam autor mógł całkiem inaczej pisać legendę o świętym a panegiryk o żyjącym; zresztą i ta legenda o ś. Szczepanie kulminuje w deklamacji retorycznej na temat, dlaczego to Węgry otrzymały koronę, przeznaczoną dla Polski; oba dziełka świadczą jednak o rychłych stosunkach węgierskopolskich. Co zupełnie pewne, to to, że obu dziełkom (chodzącym zawsze w rękopisach 14. i 15. wieku razem!) nadał dopiero pisarz jakiś polski w 13. lub 14. wieku całkiem niestosowne tytuły, nazwał legendę o ś. Szczepanie i panegiryk o Bolesławie III kronikami. W dalsze szczegóły nie wchodzę, nie myślę uzasadniać

moich zapatrywań, zupełnie odmiennych od bieżących, nadmienię tylko o nienawiści przeciw Czechom, cechującej autora nie-słowianina »kroniki« polskiej.

Oto kilkanaście uwag o dawnych nazwach i źródłach. Że nie wszystkie trafią do przekonania każdemu, nie moja w tym wina, lecz rzeczy samej, bo in dubiis libertas, którą i sobie i czytelnikowi zastrzegam; nikt jednak nie zaprzeczy mi nowego ujęcia starych zagadnień, rzucenia innego na nie światła, odmiennego, prawdziwszego ich połączenia.

Berlin.

A. Brückner.

Спорные вопросы о.-сл. фонетики.

Памяти акад. Ф. Ф. Фортунатова
к десятилетию со дня его смерти (20. окт. 1914 г.).

Среди гипотез Ф. Ф. Фортунатова, относящихся к звуковому составу о.-сл. праязыка, есть несколько таких, которые приняты чуть-ли не всеми его учениками и не разделяются почти никем из остальных славистов. К числу таких гипотез принадлежат между прочим гипотезы о происхождении начальных *a* и *e*, сохранившихся во всех славянских языках без јотации, из о.-сл. *ha* и *he*, об о.-сл. ѣ носовом и др. Пересматривая вопросы, связанные с определением звукового состава о.-сл. языка, для своего курса по истории русскаго языка, я не мог не остановиться и на этих гипотезах. Детальный анализ этих вопросов привел меня к убеждению, что многие из его построений, казавшиеся другим искусственными и недостаточно обоснованными, коренятся в глубоком изучении фактов славянских языков и представляют наиболее простое и вероятное решение затронутых им вопросов.

I. Начальное *e* в о.-сл. яз.

Как показывают ст.-сл. юстъ, с-х. *јест* и *је*, ст.-п. *jest*, р. *есть* и т. д., перед начальным *e*, полученным о.-сл. языком из балт.-сл., в о.-сл. развивалось *i̯* или *j*, сохранившееся во всех слав языках, кроме части болг. и макед. говоров (ср. болг. *е* = *есть*). Т. о. начальное *je* из балт.-слав. *e* совпало в славянских языках со старым. балт.-слав. *je* (ср. ст.-сл. юго, в.-р. *его*, *ёво*, *яго*, м-р. *його*, п. *jego* и пр.). Однако 1. в южно-слав. и в в.-р. яз. имеется ряд слов с начальным *e* без јотации, которым в зап.-слав., м.-р. и б.-р. соответствуют слова с начальным *he* или *e*; 2. несколько слов, имеющих в ю.-сл. и зап.-слав. языках начальное *je*, в русских языках начинается не с *je* а с *o* (*озеро* и пр.); 3. основам *jedin-*, *jedьn-*, *jedn-* с.-х. и зап.-слав. языков в словинском соответствуют основы *edin-*, *eden-*, *edn-* с начальным *e*, а в русских—основы *один-*, *одн-* с начальным *о*; 4. существует

несколько слов с чередованием начальных *je* или *e* и *o* в разных славянских языках.

Для выяснения вопроса о происхождении начального *e* и чередований *o-e-je* в разных слав. языках постараюсь пересмотреть, по возможности, весь матерьял, имеющийся в славянских языках. Начну с показаний памятников ст.-сл. языка.

1. Показания ст.-сл. памятников.

Памятники ст.-сл. яз. по отношению к передаче начальных *e* и *je* делятся на две категории: *а)* глаголические памятники и Савина книга не различают начальных *e* и *je* и потому не дают матерьяла для решения вопроса, в каких случаях в говорах, отражаемых этими памятниками, слышалось начальное *je* и в каких — начальное *e*; *б)* Супр. и б. ч. русских памятников XI. и XII. в., наоборот, строго различают начальное ѥ и є; правильность в употреблении этих двух букв настолько выдержана, что исключается возможность случайности. При анализе показаний русских памятников следует помнить, что написание в начале слов є или ѥ в памятниках XI. и XII. в. дает по б. ч. указание не на живое произношение писцов, а на их литературное произношение, не совпадавшее с живым, в котором некоторые из слов, употребляющихся там последовательно с начальным є или ѥ, произносились с начальным *o*, как показывают те же памятники. В виду этого мы имеем право пользоваться этими показаниями для суждения о ст.-сл. произношении.

В Супр.[1]) буквы є и ѥ различаются довольно строго. Буква ѥ в начале слова пишется постоянно в следующих словах: ѥго, ѥмоу, ѥѩ, ѥи (дат. ед. ж. р.), ѥѭ, ѥ (им.-вин. ср. р. и 3 л. ед.), ѥсмъ (1 ед. и мн.), ѥси, ѥстъ, ѥсте, ѥстьство, ѥстьствьнъ, ѥже, ѥлико, ѥликъ, ѥдин- (ѥдинъ, ѥдина и пр.), ѥдн- (ѥдно, ѥдинѫ, ѥдиначе, и пр.), ѥдва (9 раз.), ѥгда, ѥльма, ѥлми, ѥште, ѥли. Букву є в названных словах я встретил только 7 раз до стр. 471 и 27 раз на протяжении остальных 100 страниц; эти случаи: ни єдиначе 33 21, съ нами єдинако 60 26, по є̂стьствоу 95 2, праведьныи єдва 128 8, и є̂два 297 25, и єлико 136 18, ꙗко єстъ 195 15; стадии . єи же (дат. ед.) 471 19, ѥго єстьство 471 21, вьсѣмъ єстьствомъ 472 17, поужди єстьствоу 474 1, нашего єстьства 474 12, и єста 475 1, досаждаѭщиимъ ємоу 481 22, рьци

[1]) Имею в виду только основную часть рукописи, без стран. 131, писец которой придерживался другой орфографической системы.

емѫ 483 27, и единѣнью 493 19, юже есмъ 502 12, невидима естьства 502 1, юже е| (= есть) 502 6, рѫкоу его 506 6, не видѣвшиимъ его 506 12, большоу его 514 6, огньнааго 523 2, мола его 527 19, коснѫвъ сѧ | его 566 13, на ногоу его 570 19, и еже 506 18, нъ елма 507 4, даша еи 515 2, дати еи 515 4, ꙗвивъши сѧ еи 518 8, тоу ед'нѫ 521 5, съ едночѧдъ 536 2, къ ед'нои 540 28, при огромном количестве случаев написания бо́льшей части тех же слов с начальным ю. Можно заметить, что во всех случаях до стр. 471, где правописание е и ю выдержано строже, буква е вместо ю встречается или после и (в 5 случаях) или в конце строки; начиная со стр. 471, начальное е вместо ю попадается при всяком положении, но и здесь оно очень редко по сравнению со случаями правильного написания ю. Кроме случаев с начальным е вместо ю, на последних 90 страницах Супр. встречается десятка два случаев написания е вместо ю после гласной в середине слова.

Только е пишется в начале слов, взятых с греческого: еуа, еуга, еуаггелию, елинъ, елиньскии, епископъ, еѳиопьскыѩ, еутихии, екдикии, елиспонта, егуптъ, етии, еутухиꙗкъ, епархъ, еуктимонъ, ефесъ, ехидны, ереси, езекиꙗ, елисаветь, еуфимиѩ, еудокиѩ, еугении, елпидии, ефратъ и мн. др.: бо́льшая часть названных слов встречается по нескольку, а некоторые — по многу раз, так что общее количество таких случаев значительно больше ста; букву ю в греческих словах я встретил только 2 раза: юлисеи 283 25 (в начале строки) и: и юлина 569 4, где начальное *е* оказалось в положении после *i*. В тех греческих словах. в которых *е* приходилось после другого гласного звука, как напр. Ἀέτιος, Βηθλεέμ, ἱερεύς, в Супр. пишется тоже е: впрочем, после и изредка встречается и ю; так, обычно правильно: летиї 69 15, въ виѳлеемѣ 451 2, їероусалимъ 84 15, иерѣ 169 1, иеремии 191 11, иезавели 351 13 и др., но так же: июроусалимъ 277 22, июремии 357 11, июреа 450 16, июремиꙗ 460 13. ср. выше и юлина, и дальше: и юсе, любви юсе и обратные случаи написания е вм. ю в том же положении.

Из славянских слов только е пишется в следуюших словах:

1. еи (утвердит. частица), 11 раз (стр. 101, 132. 159, 205. 224, 250, 314, 423, 471).

2. етеръ (-а, -и, -омъ), 9 раз. из них 7 до стр. 471 (452, 463, 464, 465, 468. 472, 497) и только один раз после и.

Слово есе встречается 7 раз, из них 5 — с начальным е и 2 раза — с начальным ю: в обоих последних случаях юсе

в середине фразы после и: по божии же люб'ви ѥсє мы 88 23, и ѥсє твоѥ 369 25; єсє с начальным є один раз в середине фразы: дѣло єсє 37 22 и 4 раза — в начале фразы; к сожалению эти 4 случая — после стр. 471 (стр. 476, 478, 486, 504), чем показательность их при их незначительном количестве и разбросанности несколько умаляется.

Колебание между начальным є и ѥ наблюдается в словах:

1. єда, всего 11 раз (стр. 16, 115, 170, 221, 239, 296, 475 bis, 494, 515, 568), из них 6 раз до стр. 471, и ѥда, всего 25 раз, из них 20 раз до стр. 471 (стр. 14, 27, 76, 79, 90, 115, 135, 180, 215, 231, 240, 249, 314, 369, 391, 432, 436, 439, 440, 443, 475, 516, 520, 527).

2. єзеро, всего 4 раза: къ севастиї єзеро 76 10, посрѣдѣ єзера 76 19, вь єзеро 78 18, ни єзера 483 11, и ѥзеро, всего 3 раза: къ ѥзероу 76 9, бѣаше ѥзера 76 17, ѥзеро 90 3.

3. єлень, всего 3 раза: дъва єлени 223 7, артемонъ . єлеи̑ма 223 27, гласѣ єлеи̑и 224 12, и ѥлень, 5 раз: и ѥлениї 224 3, отъ ѥленикю 224 3, и ѥлени 224 18, отъ | ѥленикю 224 22, гласѣ ѥлене 224 27.

4. єша 131 9 и ѥша 386 6, 7; всет ри раза в начале фразы.

Ф. Ф. Фортунатов к случаям колебания между начальным є и ѥ относит также написания ѥдва и єдва. Но мне кажется, что те два случая написания є в этом слове, какие имеются в Супр., вполне аналогичны с написаниями єдиначе 33 21, єдинако 60 26, єлико 136 18 при очень большом количестве написаний ѥдина. ѥдиначе и т. п. и ѥлико и со случаями обратного употребления ѥ вместо є в единичных случаях, как ѥлисеи 283 5, иѥроусалимъ 277 22 и др. (см. выше). Что же касается чередования єда и ѥда, єлень и ѥлень, єзеро и ѥзеро, то рассматривать одни из этих написаний, как описки, считая другие соответствующими произношению писца, нельзя, и приходится думать об отражении двоякого произношения, с *e* и с *je*, принадлежавшего, очевидно, по крайней мере, по отношению к словам *езеро* и *елень*, двум говорам: чередование єда и ѥда может также указывать на разные говоры, но может указывать и на существование в одном говоре двух слов с одним значением: *eda* (ср. с.-х. *ѐda*) и *jeda* (ср. словин. *jèda*).

В О с т р о м. Ев.[1]) є и ѥ различаются: впрочем, вместо ѥ изредка, особенно в конце ркпси, встречается є̑ или є́, т. е. со

[1]) Пользуюсь статьей М. Козловского в Изслѣдованіях по русскому языку т. I.

значком наверху, напр. ѥ̂млѣте 15 г, ѥ̂го, ѥ̂и (дат. ед.), ѥ̂смь 263 в и др. Постоянно с начальным є пишутся греческие слова (очень редко ѥ̂ и никогда ѥ), а также слова єда (много раз), єи (много раз), єзеро (4 раза), єтеръ (3 раза), впрочем єда 2 раза, єи 1 раз и єтери 2 раза написаны со значком над є. По одному разу встречаются с начальным є слова єдъва, єгда и єльма; из этих слов *едва* и *ельма* встречаются с начальным є и в других русских памятниках, различающих є и ѥ, но ѥгда везде пишется с ѥ, за немногими исключениями, которые можно считать описками. Слово ѥще обыкновенно в Остр. Ев. пишется с ѥ, но 9 раз написано єще, что, конечно, не случайность. Остальные слова всегда пишутся с начальным ѥ или, редко, с ѥ̂, є́.

В Синайском Патерике XI в.[1]), кроме лл. 24—26 об, где в начале слов пишется обычно є, а ѥ встречается очень редко, вообще различие между є и ѥ выдержано довольно строго: ѥ пишется постоянно в словах: ѥго, ѥмоу, ѥꙗ, ѥѩ и ѥꙗ, ѥи (дат. ед.), ѥѭ, ѥсмь, ѥси, ѥсть, ѥ (3 ед.), ѥсте, ѥсвѣ, ѥста, ѥстьство (-а, -оу и пр.), ѥдин-, ѥгда, ѥмлѥть, ѥже, ѥлико; є в этих словах встречается лишь в единичных случаях: єго 27, ємоу 62, єи же (дат. ед.) 15 об., єи (дат. ед.) 132, єсть 22, 56 об., є (3 ед.) 122 об., єсмь 28 об., ѿ єдиномь 22; так же Єдиного (Є киноварное) 4 об., єлико 7 об., 11 об., 115, 120. є постоянно пишется в начале греческих слов. но в середине после и изредка встречается ѥ: иѥлмьскъ 3 и др; слово „Иорданъ" чаще пишется с є (иєрданъ), чем с ѥ (иѥрданъ); крайне редко иорданъ. Из славянских слов с начальным є постоянно пишутся слова єда 14, 60, 93 об., єтеръ 63, 70 об., 73 bis, 163. єи („да") 64 об., 90, 96. 128 bis, 131, 134, 140. 141, єльма 118. 121 об., єлма 177; но один раз: ѥи о҃че 62: єще с начальным є 3 раза: 31. 76 об.. 122 об. и один раз с ѥ: и ѥще (л. 57 об.); кроме того, по одному разу написано с начальным є: єдъва 17, єли (вопросит. частица) 99 об. С начальным *о* пишется основа один- (много раз) и слова: оже (несколько раз). още (часто), олишьды (44, 55), одъва (54 об.).

В Ефремовской Кормчей XII в.[2]) начальное ѥ пишется в тех же словах, как и в Супр., Остром. и Син. Пат.: ѥго, ѥсть, ѥгда, ѥже и пр.; написание є в этих словах встречается в еди-

[1]) Ркпсь Моск. Патриаршей Б-ки № 551 (Моск. Историч. Музей) полностью не издана: отрывки напечатаны Срезневским (неудовл. Свѣд. и Зам).

[2]) Пользуюсь статьей С. П. Обнорского: О языкѣ Ефремовской Кормчей XII вѣка (Изсл. по русскому яз. III. 1). Ефр. Кормчая издана Бенешевичем: Кормчая XIV титуловъ безъ толкованій.

ничных случаях, но вследствие обширного обьёма памятника (310 листов) этих случаев больше, чем в других памятниках, различающих є и ѥ. Обнорский отмечает следующие случаи: един- (3 р.), его (1 р.), емь (местн. ед., 1 р.), еи (дат. ед., 1 р.), егда (2 р.), есмь (1 р.), есмъ (1 р.), есть (4), еже (3 р.), естьствьномоу (1 р.). Начальное є более или менее последовательно пишется в греческих словах; однако встречается, хотя и очень редко (Обнорский насчитал до 20 случаев), и ѥ (ѥлинъ, ѥреси и др.). Из славянских слов всегда с начальным є пишутся слова еда, етеръ, едъва, ельма, елишьды, но и в этих словах 4 раза написано ѥ: ѥлишьда (1 р.), ѥда (3 р.). Слово *еще* пишется 10 раз с є и 10 раз с ѥ. Слов *езеро*, *елень* и, повидимому, ѥлико в Ефр. Кормчей нет.

Во 2-м почерке Архангельского Ев.[1]) ѥ пишется последовательно в словах: ѥсмь, ѥси, ѥсть, ѥста, ѥго, ѥмоу, ѥи, ѥѩ, ѥ (вин. ед. ср. р.), ѥже, ѥльма, ѥгда, ѥдин- (в этой основе около 60 раз), и только 15 раз в этих словах встретилось є: его bis, емоуже, еже bis, есмь, есть, егда bis, един- 6 раз. Значительное число случаев с є в основе *един-*, м. б., не случайно. Ср. ниже Чуд. Пс. и 1 почерк Усп. Сб. є последовательно в греческих словах (в начале слова не менее 80 раз) и только 2 раза написано ѥ: ѥвреискы, ѥлисавеѳь, при одном случае написания евреискъı и нескольких случаях написания елисавеѳь и елисаветь. Из славянских слов всегда пишутся с є еда 12 раз, етер- 5 раз и еи 4 раза. Слово *есе* встречается 1 раз, с начальным є (л. 93). Колебание — в написании еще 5 раз, ѥще 4 раза. Слова *езеро* и *елень* не встречаются. Три раза написано о в основе один- (96 об., 101 об. 129).

В Уставе XI в.[2]) ѥ пишется всегда в тех же словах, в том числе и в основе ѥдин-, а так же в слове ѥще; случаев написания є в этих словах я не нашёл; начальное є постоянно в греческих словах, а кроме того в словах елень 113 об. и еда 114, встретившихся только по одному разу; остальные слова, имеющие в других памятниках начальное є, здесь не встречаются.

В Чудовской Псалтыри конца XI в.[3]) ѥ пишется в тех же словах: ѥгда 29 раз, ѥсмь 23 р., ѥси 23 р., ѥсть 135 р., ѥ

[1]) См. издание: Архангельское Евангеліе 1092 г. М. 1912, и мою статью: К истории звуков русского языка II. Slavia II. 4.

[2]) Устав с кондакарем б-ки Моск. Синод. Типографии № 142; не издан. Писан несколькими писцами, придерживавшимися различных орфографических систем. Я привлекаю только те части рукописи, писцы которых различали є и ѥ.

[3]) Изд. Погореловым в Памятн. ст.-сл. яз. III. 1; см. его же Словарь к толкованіям Ѳеодорита Киррскаго на Псалтырь. Варш. 1910.

(3 ед.) 1 р., ѥсте 3 р., ѥстьств- 42 р., ѥ (вин. ед. ср. р.) 7 р., ѥго 161 р., ѥмоу 61 р., ѥѭ 6 р., ѥꙗ 9 р., ѥи 4 р.. ѥже 124 р., а также в словах ѥште 14 р. и ѥдъва 1 р. В основе ѥдин- начальное ѥ 95 р., но та же основа 15 р. пишется с начальным є; случайным такое написание считать нельзя, п. ч. в других словах є вместо ѥ в Чуд. Пс. не пишется. є правильно пишется в греческих словах (96 раз), но 4 раза встречается ѥ: ѥзекиѭ bis, ѥгүптѣ, ѥгүптьскаaго. Из славянских слов с начальным є пишутся єлико 11 раз при ѥлико 2 раза, єда 11 раз, єлма 1 раз, єзера 1 раз. Последние 2 примера, сами по себе непоказательные в виду их единичности, становятся показательными при сравнении правописания Чуд. Пс. с правописанием Остр. Ев., Ефр. Кормчей, Мстисл. Ев., Гал. Ев. 1144 г., Устава Патр. Б-ки XII в. и др. Один раз написано: из одиноѥ (148 об.).

В Мстиславовом Ев.[1]) около 1115 г. с начальным є пишутся последовательно греческие слова, а также слова *еда, еи* (по многу раз), *етеръ* (Мрк. 9 17), *еще*, *езеро* (по нескольку раз); с начальным ѥ эти слова не встречаются; в остальных словах, в том числе в словах ѥгда, ѥже, ѥлико, ѥдин-, везде пишется ѥ.

В Юрьевском Ев. около 1120 г.[2]) употребление начальных є и ѥ такое-же, как и в Мстиславовом Ев., т. е. с є пишутся греческие слова, а также слова *еи, еда*, *еще*, *езеро* (слово *етеръ* не встретилось), а с ѥ — остальные; ѥ вместо є встретилось один раз в слове ѥще (л. 18) и два раза в слове ѥда (13 об. и 18) при большом количестве написания этих слов с є; ср. также иѥроусалимъ 12 об. при обычном: въ иероусалимѣ и т. п.

В Галицком Четвероевангелии 1144 г.[3]) начальное ѥ последовательно пишется в словах ѥго, ѥмоу, ѥмь (местн. ед.), ѥꙗ или ѥѧ, ѥю, ѥсмь, ѥси, ѥсть, ѥ (вин. ед. ср. р. и 3 ед.), ѥсмъ, ѥсте, ѥстьствоу, ѥдин-, ѥлико, ѥдиное, ѥмлющаго, ѥмлють, ѥмлеть; только один раз встретилось киноварное (очевидно, написанное другим лицом) є в слове Єдина надесяте Мф. 28 16[4]). На-

[1]) Роскошная ркпсь Моск. Патриаршей Б-ки; хранится в Моск. Историч. Музее. Ср. Карскій, РФВ. 1895; П. Симони. Мьстиславово Евангеліе. Петерб. 1910; Ев. от Марка по этому списку изд. Воскресенским: Евангеліе отъ Марка . . . Сергіевъ Посадъ 1894. Я просмотрел только ев. от Марка.

[2]) Ркпсь Моск. Патриаршей Б-ки в Моск. Историч. Музее, бывш. Новоиерусалимского монаст. № 1.

[3]) Ркпсь Моск. Патриаршей Б-ки № 144; издано не вполне исправно Амфилохием: Галицкое Четвероевангеліе 1144 года.

[4]) В издании Амфилохия несколько раз ошибочно напечатано є вместо ѥ.

чальное є постоянно в греческих словах, а также в словах єи („да“) 11 раз, єда 47 раз, прі єзерѣ 2 раза, въ єзеро; один раз встретилось слово єдва 139 об. Слово ѥще пишется по б. ч. с ѥ (22 раза), но 4 раза встретилось с начальным є.

В Типографском Четвероевангелии XII в. № 1 [1]) начальное ѥ последовательно пишется в тех же словах, как и в Галицком 1144 г.; только 2 раза написано киноварное заглавное Є и один раз строчное є в слове єгда (л. 125 об.)[2]) при очень большом числе случаев написания того же слова с ѥ; один раз написано киноварное заглавное Є в слове Єлико (в остальных случаях везде ѥлико); кроме того с начальным є написано один раз єдиначе ли 29 (других примеров с основой ѥди- или єди- мне не встретилось), но в основе ѥдин- всегда ѥ. Всегда пишутся с є греческие слова, а из славянских: єи, єтер- (-ъ, -а, -ы, -омъ, -и, -оу, -ѫ), єда, єще (по многу раз), єзеро (встретилось 2 раза: при єзерѣ).

В Уставе Патриаршей Б-ки XII в. № 330[3]) начальное ѥ последовательно пишется в словах ѥго, ѥмоу, ѥѧ, ѥ (вин. ед. ср. р.) и т. п., ѥси, ѥсть и пр., ѥмлють, ѥдин-, ѥлико, ѥгда, ѥже, ѥще, ѥлишды; я заметил только два исключения: въ єдиного 38 и єже подобаєть 121 об. Начальное є пишется последовательно в греческих словах, причём попадается и на месте греч. ι, ει — єрмоси (неск. раз), и греч. ο — єнуфриѧ 169 об. Из славянских слов с начальным є пишутся: єдъва 91 об., єтероу 97, прі єзерѣ 165, єльма 242, 248. 273, єлми 278 (в последнем случае написание є не вызвано недостатком места, п. ч. места достаточно). Все перечисленные слова встречаются с є и в других памятниках, различающих є и ѥ, и потому не должны считаться описками. С начальным о пишется основа один- (-ъ, -а, -оу, -ою, -омоу и пр.) много раз, хотя и реже, чем с ѥ, а также: и осеньнии нощи 246 об.

В части Успенского Сборника конца XII в.,[4]) писанной первым почерком, начальное ѥ пишется последовательно в словах:

---

[1]) Ркпсь б-ки Моск. Синодальной Типографии; не издано.

[2]) є в конце строки, где для ѥ не хватило места.

[3]) Хранится в Моск. Историч. Музее. Рукопись представляет очень исправный севернорусский список с южнорусского оригинала. Устав переведён в Южной Руси при Феодосии Печерском. Памятник не издан.

[4]) Ркпсь Моск. Успенского Собора, содержащая майскую Минею Четью с житиями Бориса и Глеба и Феодосия Печерского; хранится в Патриаршей Б-ке. 1-я половина, содержащая всю часть, написанную 1-м почерком, и часть 2-го почерка, издана Шахматовым и Лавровым в Чтениях въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1899 г.

нѥго, нѥмоу, нѥмь (местн. ед.), нѥ (вин. ед. ср. р.), нѥꙗ, нѥѣ, нѥю, нѥи (дат. ед. ж. р.), нѥсмь, нѥси, нѥсть, нѥ (3 ед.), нѥсвѣ, нѥста, нѥсмъ, нѥдин- (нѥдинъ, -а, -ого и пр.), нѥгда, нѥже, нѥще, а также в словах: нѥмлеть, нѥмы и („взяв его“), встречающихся по одному разу. Буква є в этих словах встречается только 2 раза: ѡ єдиномь л. 42 и єще л. 20; кроме того два раза встречается начальное о: ни къ одиной же л. 46 и оже л. 32. Начальное є пишется последовательно в греческих словах: єпистолиꙗ, єпископъ, єпитимиꙗ, єретикъ и др., а также в словах єда и єтеръ (-а, -о, -ы и пр.); один раз встретилось єдва л. 34; то же слово в других двух случаях пишется с о: одъва 26, 32 (с нѥ это слово не встречается).

Часть Успенского Сборника, писанную 2-м почерком, не рассматриваю, п. ч. там правописание начальных є и нѥ не вполне выдержано[1]).

Итак, в Супр. и в русских памятниках XI—XII в. начальное нѥ последовательно выдерживается в косвенных падежах местоимения нѥго, нѥмоу и пр., в наст. вр. глагола нѥсмь во всех формах, в основе нѥстьств-, во всех формах наст. врем. глагола нѥмѫж и в словах нѥже и нѥгда; почти всегда пишется нѥ в основе нѥдин-, где начальное є встречается лишь изредка, гораздо реже, чем нѥ в Остр., Арх., Чуд. Пс. и Усп. Сб.; с начальным нѥ пишется везде нѥлико, кроме Чуд. Пс., где это слово значительно чаще с є, чем с нѥ: слово нѥлишьды я встретил только в Ефр. Кормчей, где оно чаще пишется с є, и в Уставе XII в., где в начале его пишется нѥ. С начальным є, пишутся всюду греческие слова, а из славянских *еи* и *етеръ*; слова *еда, езеро, елень* в Супр. встречаются как с начальным є, так и с начальным нѥ; в русских памятниках — только с начальным є; слово *есе* в Супр. — с начальным є и с начальным нѥ, последнее только после и, из русских памятников мне встретилось только 1 раз в Арх. Ев. с начальным є, но в виду нескольких случаев написания в этом памятнике є вместо нѥ показательность этого примера является недостаточной. Слова нѥще, нѥльма или нѥльми и нѥдъва в Супр. пишутся только с нѥ, но в русских памятниках встречаются и с начальным нѥ и с начальным є. Правописание русских памятников в этих случаях может передавать живое русское произношение, совпадавшее со ст.-сл.,

[1]) Более подробные и точные сведения об употреблении є и нѥ в Ефр. Кормчей, Чуд. Пс., Мстисл. Ев., Юрьевск. Ев. и в других русских памятниках XI и XII в., не привлекаемых в настоящей статье, см. в моей статье „Русские рукописи XI и XII в., как памятники старославянского языка“, которая печатается в журн. „Јужносл. Филолог“.

только там, где все русские памятники последовательно пишут ѥ, а также в словах єи, єсе, єще, ѥдъва и єдъва и, м. б., єда. Слова *етеръ* и *ѥльма* (*ѥльми*), повидимому, живому русскому языку XI—XII в. не были известны, а греческие слова и слова єзеро, єлень, ѥдинъ, ѥлико и ѥлишьды произносились, как показывают те же памятники, с начальным *о*. Следовательно, правописание названных слов с є отражает ст.-сл. правописание, причём выдержанность этого правописания указывает на то, что ему соответствовало и произношение и притом не только ст.-сл., но и русское книжное, восходящее к церковнославянскому. Несомненно, начальное є в памятниках, различающих начальные є и ѥ, произносилось как *е* без јотации, а начальное ѥ — как *je*. Что в греческих словах начальное є произносилось и старославянскими и русскими писцами, различавшими є и ѥ, как *е* без йотации, можно заключать на основании следующих соображений. 1. Еслибы произносилось *je*, то в ст.-сл. письме не было бы надобности передавать произношение *je* в своих словах буквою ѥ; если предположить, что произношение с начальным *е* без йотации было свойственно только южнославянским писцам, а русские усвоили готовое правописание, не усвоивши произношения, то во всех русских памятниках XI в. следовало бы ждать больше ошибок; между тем правописание начального *е* в греческих словах выдержано не только в списках со ст.-сл. оригиналов, но и в списках русских переводов XI в., как наприм., в списках церковного устава. 2. В тех же памятниках последовательно пишется є в начале тех славянских слов, которые несомненно и в ю.-славянских и в русском языках и тогда звучали без йотации, как *еи*, *еда*: чередование начальных є и ѥ в слове єще — ѥще вполне соответствует чередованию *е* и *je* в этом слове и в нынешних слав. языках; с другой стороны, в тех же памятниках последовательно пишется ѥ в тех словах, которые тогда и в южнославянских и в русском яз. несомненно произносились с начальным *j*. 3. Еслибы употребление є в рассматриваемых случаях было только орфографическим приёмом, то непонятна встречающаяся изредка замена є через ѥ после и, а также обычная в русских памятниках замена такого є в середине слова после є буквою о. 4. Русское *о* без йотации в этих словах не могло получиться из начального *je*, так как *j* в этом положении в других словах в русских языках сохранилось.

Таким образом мы приходим к выводу, что начальное *е* в словах, взятых с греческого, и южные славяне и русские в XI в.,

а русские и в XII в. читали без йотации. Но в живом русском произношении начальное *е* в этих словах уже в XI в. изменялось в *о*, как показывают некоторые памятники конца XI или начала XII в., в которых изредка проскальзывает такое произношение: оклисиастъ, оксапсалмъ Панд. Ант., октенија (несколько раз) Устав XI в., омилиіанъ, оврѣомъ, овропиискоу, ольпидию, опагафоу, ѡстиръ, оликесеи, овионѣи Ефр. Кормчая и др. В церковном чтении начальное *е* в греческих словах сохранялось еще в XII в. и только в середине слов после *е* заменилось через *о* по требованию живого произношения: вифлеомъ, геона и пр. Из этих примеров, представляющих слова, в которых *о* из *е* нельзя обьяснять живой традицией, видно, что закон об изменении начального *е* в *о* для писцов конца XI в. был еще живым законом, и что церковное произношение с начальным *е* их затрудняло, в середине же слов после *е* оказывалось еще труднее. Позднее начальное *е* в церковном чтении, как несвойственное живому языку, который вовсе не знал начального *е* или знал его только в немногих указательных и частичных словах, было заменено сочетанием *je*, что̀ у русских произошло, повидимому, в XIII в. В живом же русском языке во всех греческих словах, усвоенных русским языком до XIII в. и известных вне церковно-литературного употребления, за одним исключением, как увидим ниже, начальное *е* заменилось через *о*.

2. Начальное *о* вм. *е* в греческих словах в русском языке.

В старинных русских памятниках, церковных и нецерковных, встречаются следующие греческие слова и собственные имена с начальным *о* вместо греч. *е* (*ε, αι*), несохранившиеся в нынешних русских языках: опоркистъ и опорчистъ (Сл. Кирилла Иерусал. XI в.) из *ἐπορκιστής*, оклисиастъ (Панд. Ант. XI в.) из *ἐκκλησιαστής*, оксапсалмъ (ib.) из *ἑξάψαλμος*, октенија (Устав XI в., Хождение Даниила и др.) из *ἐκτένεια*. опитимија и опитемьја (Кормч. 1282, Церк. Устав Ярослава, Вопр. Кирика, 1 Новгор. Летопись, Хлуд. Стоглав) из *ἐπιτιμία*, омболъ (1 Новгор. летоп., Хождение Антония) из *ἔμβολος*, оксамитъ (Сл. о п. Игор. и др.) из *ἑξάμιτος*, Опимаха (Погод. список Псковской летоп.) из *Ἐπίμαχος*, Опикуръ (Пчела XIV в.) из *Ἐπίκουρος*, Осопъ (Пчела XIV в.) из *Αἴσωπος*, охиднова (Юрьевск. Ев. 1120 г.), ср. греч. *ἔχιδνη*. Ср. также написание еноуфрија в Уставе Патр. Б-ки XII в., л. 169 об., где *е* вместо *о* говорит о том же явлении (греч. *Ὀνούφριος*). Как мы видим, на-

чальное *о* является как в словах, вошедших во всеобщее употребление, так и в словах мало известных. Это свидетельствует о том, что закон о переходе *е* в *о* был еще живым, когда писались перечисленные памятники или их оригиналы, т. е., по крайней мере, в XI и XII вв.

В нынешних русских языках начальное *о* вместо греческого *е* имеется в словах: *оладья* из *ἐλάδιον*, диалектич. ю.-в.-р. *ахи́д* из *охидна,* а последнее из *ἐχίδνη*, и в собственных именах: Омелья́н (ср. омилиѥанъ Ефр. Кормчая и др.) из *Αἰμιλιανός*, Олёна (ср. Олены, Стихирарь XII в.) из *Ἑλένη*, Олиза́р из *Ἐλεαζάρος*, Олисеи (ср. Олисѣꙗ Кормч. XII в., Ж. Нифонта 1219 г.) из *Ἐλισσαῖος*, Олфёр (ср. олевъѳериꙗ Ж. Нифонта 1219 г., олуфериꙗ Парим. 1271) из *Ἐλευθέριος*, Олиса́фья из *Ἐλισάβεθ*, Описти́мья из *Ἐπιστιμία*, Олгинья (ср. Овгеньꙗ Добр. Ев. 1164, Студ. Устав и др.) из *Εὐγενία*, Овдо́тья из *Εὐδοκία*, Овдоки́м (ср. овдокимъ Вопр. Кирика 1282 г.) из *Εὐδόκιμος*, Офимья́н из *Εὐθυμιανός*, Олпа́т из *Ὑπάτιος*, прочит., как *Εὐπάτιος*, Оста́п (ср. овъстафиѥ Праздники XII в., ѡстафеи Грам. 1284 г.) из *Εὐστάφιος*, Овсей из *Εὐσέβιος*, Овстра́т (сюда же, вероятно, и Острята в летописи под 1208 г.) из *Εὐστράτιος*, Овтух или Алтух (ср. фамилию Алтухов) из *Εὐτύχιος*[1]), Офи́мья из *Εὐφημία*, Офроси́нья (ср. Офросиньѧ Надпись на кресте 1161 г.) и Опроси́нья из *Εὐφροσύνη*, Опроско (упомин. в 1650 г.) из *Εὐφρόσυνος*, Офре́м (ср. Офреме Кормч. XII в. и др.) из *Ἐφραίμ*, Оно́ха из *Ἑνώχ*.

Кроме названных греческих слов начальное *о* вместо *е* является в русском яз. и в именах *Олегъ,* др.-р. *Ольгъ,* и *Ольга* заимствованных из скандинавского яз., где эти имена звучали с начальным придыханием — *Helgi* и *Helga* (ср. то же имя у Константина Багрянородного: *Ἔλγα*), — отпавшим в русском языке.

Акад. А. И. Соболевский в Лекциях[2]) отрицает русское происхождение начального *о* вместо *е* в словах, взятых из греч. яз., указывая на то, что такое *о* будто бы обычно в ст.-сл. и ср.-болг. памятниках, и на то, что *о* на месте начального *е* известно и в среднегреческих и новогреческих говорах, откуда и перешло вместе с самими словами в русский язык. Однако ссылка А. И. Соболевского на ст.-сл. и ср.-болг. памятники ошибочна. **Оүктімонъ** в Супр. (изд. Северьянова, стр. 136_{26-27}) и **орѣмоүнъскы** в Син.

[1]) Греч. *υ* и *οι* в X и XI в. южные славяне и русские обычно передавали через ѹ или ю.

[2]) Изд. 4., М. 1907, стр. 32—33.

Пс. 51⁶ — несомненные описки; в первом случае писец заглавных букв, привыкший всегда перед ѵ писать букву о, нечаянно и здесь написал ту же букву; если-бы он произносил здесь *о*, то написал бы не оѵктимонъ, что можно прочесть только, как *uktimonъ*, а оѹкти-монъ; в остальных случаях — а таких в Супр. очень много — писцы Супр. нигде не заменяют начального є через о, и самое имя єѵктимонъ в двух других случаях (136₂₉ и 137₂₃) написано правильно. В Син. Пс. 55⁶, читаем иорданъскꙑ и оръмоѹнъскꙑ; повидимому, писец написал ꙁѣь вместо ꙁѣь под влиянием ꙁѣь в начале строки. Вообще же мы должны считаться с тем фактом, что собственные имена и отдельные слова, заимствованные из греческого языка в значительной степени через посредство южных славян и притом, по бо́льшей части, книжным путём не позже XI в., в русских языках повсюду звучат с *о*, и такое произношение не только засвидетельствовано памятниками, начиная с XI в., но и сохранилось до сих пор. Произношения же в роде *евангелие*, *еврей, епископ, Египет, Евгений, Евграф, Епифан*, *Ефим* и т. п.. с начальным *j*, очевидно, явились позднее и связаны с книжной манерой, неизвестной еще писцам XI и начала XII в., читать начальное *е* в греческих словах, как *je*. У южных же славян, которым гораздо больше русских приходилось иметь дело с живыми греческими говорами, те же слова произносятся везде с начальным *je*, реже *е*, а если и встречаются заимствованные из греческих говоров слова с начальным *о* в роде указываемого А. И. Соболевским ново-болг. *охтик*, то как раз такие, которые русским языкам неизвестны. Кроме того, как правильно заметил М. Фасмер,[1]) при заимствовании из живых греческих говоров заимствованные слова должны были бы получить тот вид, какой они имеют в этих говорах:[2]) на самом деле этого нет. Указание А. И. Соболевского, что в греческих говорах начальное *о* из *е* чаще бывает перед *ν*, не имеет значения: греч. Ἑλένη так же легко изменилось в *Олёна*, как и Εὐστάθιος в *Остап*, и только перед *ν* ни в нынешнем, ни в старом русских языках мне не известно ни одного случая с начальным *о* из *е*: Ераст, Еремей, Ерёма, Ермак (?),[3]), Ермолай, Ермоген, Ермил.

---

[1]) М. Фасмеръ. Греко-славянскiе этюды.

[2]) А кроме того, вряд ли в греческих народных говорах были такие слова, как *Опикур. оклисиаст.*

[3]) Если это собственное имя образовано от имени *Ермолай* или *Ермил*, а не нарицательное имя („ручной жёрков“), употребленное в значении собственного. См. Преображенский, ЭСл. 1, 216.

3. Ещё о произношении начальных є и ѥ в ст.-сл. памятниках.

Если начальное є в греческих словах в Супр. и русских памятниках XI и XII в. следует читать как *е* без йотации, то, очевидно, такое же начальное *е* произносилось и в тех славянских словах, которые там пишутся с начальным є; начальное же ѥ передаёт произношение *je*. Сравнивая показания этих памятников с показаниями живых славянских языков, мы можем видеть, что: 1. тем словам, которые в них пишутся только с ѥ, в живых славянских языках соответствуют слова с начальным *j* всякий раз, когда имеется соответствующее слово; 2. словам *еи, еда* соответствуют слова с начальным *е* в с.-х. яз.; 3. слову *есе* соответствуют словинские *esej, esi, esede*, и то же начальное *е* в указательных словах во всех славянских языках (в м.-р., б.-р. и зап.-слав. — начальное *he*); 4. словам *езеро, елень* соответствуют р. *озеро, олень*, н.-л. *heleń*, в остальных слав. языках — слова с начальным *je*; 6. основам *jedin-, jedn-*, при которых в некоторых памятниках существует и основа єдин-, в большинстве славянских языков соответствуют основы *jedin-, jedьn-*,[1]) но в русском *один-, одн-* (при *един-, едн-*), в словинском *edin-, eden-, edn-, en-*; 6. словам ѥдъва, ѥште и єдъва, єште и в новых славянских языках соответствуют также различные варианты: *jedva* и *odva*: *ješče, ešče* и *ošče*[2]); 7. слов *етеръ, ельма, ѥлико* в нынешних славянских языках нет; впрочем с *етеръ* ср. в.-л. *votery*. Это обстоятельство решительно говорит за то, что различение начальных є и ѥ в названных памятниках не было только орфографическим: для отдельных писцов оно могло быть орфографическим или во всех случаях или по отношению к отдельным случаям; так напр., можно думать, что некоторые писцы, допускающие колебание в некоторых словах, произносили эти слова всегда одинаково, а написание, не соответствующее их произношению, перенесли из своих оригиналов, но в основе и этого последнего несомненно лежало живое произношение этих слов с є или ѥ. Т. е., правописание Супр. и русских памятников отражает произношение 1. *е* во всех словах, встречающихся с начальным є, 2. *е* во всех этих словах кроме ѥдин-, 3. *е* только в словах *еи, еда, есе, етеръ, езеро, елень*, 4. *е* только в словах *еи, есе, етеръ*.

---

[1]) Буквою *ь* обозначаю разные звуки, восходящие к о.-сл. *ь*.

[2]) Буквами *šč* обозначаю разные звуки, восходящие к о.-сл. *šč*.

4. Слова с начальными *е* и *je* в славянских языках.

Выяснивши произношение начальных є и ѥ в ст.-сл., обращусь к рассмотрению фактов, свидетельствующих о судьбе начальных *е* и *je* в славянских языках.

1. Начальное *je* во всех славянских языках имеем в следующих случаях[1]):

В косвенных падежах местоимения *jь*:

род.-ед. ст.-сл. ѥго, ч. *jeho*, п. *jego*, др.-р. ѥго, с.-в.-р. *ёго, ёво*, ю.-в.-р. *яго, йиго, яво, йиво*, б.-р. *яго*, м.-р. *його* и *єго*.

дат. ед. м. р. ст.-сл. ѥмоу, ч. *jemu*, п. *jemu*, с.-в.-р. *ёму*, ю.-в.-р. и б.-р. *яму́*, м.-р. *йому* и *єму*.

местн. ед. м. р. ст.-сл. ѥмь, в.-р. диалект. *ём*, м.-р. *ї́м*.

им.-вин. ед. ср. р. ст.-сл. ѥ, с.-х., слов., ч., п. *je*, др.-р. ѥ.

род. ед. ж. р. ст.-сл. ѥѩ, с.-х. *je*, слов. *jè* (*nję̀*), ч. *jí*, п. *jej*, др.-р. ѥѣ, с.-в.-р. *еѣ* и *её*, ю.-в.-р. *яе* и *jие*, б.-р. *яе*, м.-р. *єї*.

дат.-местн. ед. ж. р. ст.-сл. ѥи, с.-х. *joj*, ч. *jí*, п. *jej*, в.-р. и б.-р. *ей*, м.-р. *їй*.

тв. ед. ж. р. ст.-сл. ѥѭ, в.-р. ею.

В ед. ч. наст. врем. глаг. *jesmь*:

1 ед. ст.-сл. ѥсмь, с.-х. *jѐсам*, ч. *jsem*, п. *jestem*, ст.-п. *jeśm*, др.-р. ѥсми.

2 ед. ст.-сл. ѥси, с.-х. *jѐси*, ч. *jsi*, др.-р. ѥси.

3 ед. ст.-сл. ѥстъ, с.-х. *jёст*, ч. *jest*, п. *jest*, р. *есть*, б.-р. *есть* и *ёсть*

или ст.-сл. ѥ, с.-х., слов., ч., п. *je*, др.-р. ѥ, в.-р. диалект. *е*, б.-р. *е*, м.-р. *є*.

1 мн. ст.-сл. ѥсмъ, с.-х. *jѐсмо*, ч. *jsme*, др.-р. северн. *есме*, *есмя*, ю. *есмо*.

2 мн. ст.-сл. ѥсте, с.-х. *jѐсте*, ч. *jste*, др.-р. есте.

В следующих отдельных словах:

ч. *jebati*; то-же *je* сохраняется и во всех формах этого глагола независимо от характера следующих звуков; в остальных славянских языках, в том числе и в русских, начальное *j* сохраняется также в всех формах этого глагола.

м.-р. *євня, євя*, б.-р. *евня, ёвна, ёвня* „овин“.

ст.-сл. ѥгда, б.-р. *егда ни егда*, п. *jegdy*.

---

[1]) Перечисляю только слова, известные с начальным *j* в русских языках.

ст.-сл. ѥдъва (и єдъва, см. ниже), с.-х. *jѐдва*, слов. *jedvaj*, ст.-ч. *jedva*, ст.-п. *jedwa*, др.-р. и в.-р. *едва* (о словах: *odva*, *odvaj* см. ниже).

ст.-сл. ѥдин- (ѥдинъ, -а, -о, -ын, -ица, -ьцъ, -акъ, -ити и др.), с.-х. *јєдин-* (*jѐдин*, *-и*, *-ац*, *-ица* и др.), ч. *jedin-* (*jediný* и др.), п. *jedyn-* (*jedyny*, *jedyniec* и др.), в.-л. *jedyn-*, в.-р. *един-* (*единый*, *-акой*, *-ачество*, *-ёшенек* и др.), м.-р. *єдин-* (*єдин-*, *-ий*, *-ak*). О слов. *edin-*, р. *один* см. ниже.

ст.-сл. ѥдьн- (ѥдьнъ, ѥдна, ѥдно, ѥдначе и др.), с.-х. *jедьн-* (*jѐдан*, *jѐдно*, *jѐдна*, *jѐднак* и др.), ч. **jedьn-* (*jeden*, *jedna*, *jedno*, *jednaký*, *jednati* и др.), п. **jedьn-* (*jeden*, *jedna*, *jedno*, *jednaki*, *jednać* и др.), в.-л. *jeden* и пр., н.-л. *jaden*, *jadnać* и др.; в.-р. диалект. *едн-* (*едный*, *-ая*, *-ое*, *-а*, *-ёшенек*, *еднова́* и др.), м.-р. *єде́н*, *ї́де́н*, *ї́дна́*, *єдне́нький* и др. О слов. *eden*, *edn-*, р. *одна* и пр. см. ниже.

Ст.-сл. ѥже, с.-х. *jêpe*, *jep*, ч. *ježto*, в.-р. *еже-* (не только литерат. *ежегодний*, *еженедельный* и пр., но и народн. *ежедён*, *ежедёнком* и пр.).

ч. *ježák*, п. *jeżak*, м.-р. *ї́жа́к*, *єжа́к*, в.-р. диалект. *ежа́к* „ёж“.

в.-р. *ежеви́ка*, м.-р. *єжевика* (ягода), ср. слов. *ježevíca*.

ч. *ježovina*, в.-р. *ежевина* „ежовая кожа“.

ч. *ježevka*, п. *jeżówka*, н.-л. *jeżowka*, в.-р. *ежовка*.

с.-х. *jѐжев*, ч. *ježový*, п. *jeżowy*, в.-р. *ежовый*.

с.-х. *jѐжина*, ч. *ježina*, п. *jeżyna*, в.-р. диалект. *ежина*, м.-р. *єжина*, ср. слов. *ježíca*. О р. *ожина* см. ниже.

н.-л. *jeżyk*, в.-р. и б.-р. *ёжик*, м.-р. *ї́жик*. О б.-р. *вожик* см. ниже.

с.-х. *jѐжити се*, слов. *jèžiti se*, ч. *ježiti*, п. *jeżyc się*, н.-л. *ježiś se*, в.-р. *ёжиться*, м.-р. *ї́житись*, причем *j* сохраняется во всех формах этого глагола: в.-р. *ёжусь*, *ёжатся* и пр.

ц.-сл. ѥжь, с.-х. *jêж*, слов. *jéž*, ч. *jež*, п. *jeż*, в.-л. и н.-л. *jež*, в.-р. и б.-р. *ёж*, м.-р. *ї́ж*; *j* сохраняется во всех формах этого имени: в.-р. *ежа́*, *ежу́*, *ежо́м*, *еже́*, *ежи́*, м.-р. *єжа́* и пр. О др.-р. ожь см. ниже.

с.-х. *jela*, ст.-ч. *jedla*, п. *jodła*, в.-л. *jedła*, н.-л. *jedla* „ёлка“.

ч. и п. *jedlina*, др.-р. *ѥлина*, в.-р. диалект. и б.-р. *елина*, м.-р. *єли́на* и *ялина*, ср. с.-х. *јелика*, слов. *jelič*, м.-р. *ялиця* „ёлка“.

с.-х. *jѐлов*, слов. *jelöv*, ч. *jedlový*, п. *jedłowy*, в.-р. *ело́вый*, м.-р. *єло́вий* и *яло́вий*.

слов. *jêlka*, в.-р. *ёлка*, м.-р. *єлка*, ср.-п. *jodełka*.

ц.-сл. *ѥль*, слов. *jêl*, ст.-ч. *jedl*, ст.-п. *jedl*, в.-р. *ель*, м.-р. *єль, яль; j* сохраняется во всех падежных формах этого имени: в.-р. *ели, елей, елью, елям.*

ст.-сл. ѥлико, ч. *jelikož*, др.-р. ѥлико, м.-р. *єлико мога*. О ст.-сл. єлико, др.-р. олико см. ниже.

ст.-сл. ѥлишьды.

в.-р. *ёлзать, елозить*, м.-р. *єлозити* и *ялозити.*

п. *jełki*, в.-р. и б.-р. *ёлкий*, м.-р. *їлкий* „горьковатый".

в.-р. *ело́ха* „ольха", *елоховый.*

ц.-сл. ѥлъха, с.-х. *јоха, јова* (*в* на месте выпавшего *х*), ч. *jelcha*, в.-р. *ёлха*. Впрочем, с.-х. *јоха* и ч. *jelcha* могут восходить и к о.-сл. *jelьcha.*

с.-х. *јовов*, в.-р. *елховый.*

с.-х. диалектич. *jelša*, словин. *jełša* и *jołša*, словац. *jelša*, ср. в.-р. *елшанка, елшаник, елшаный*; с.-х., словин. и словац. слова могут восходить к о.-сл. основе **jelъš-* и **jelьš-*; в.-р. — только к основе *jelъš-* (слово *Елшанка* с твердым *л* известно и в говорах, где *l* мягкое ни в каких положениях не отвердевает).

ч. *jelšina*, в.-р. *елшина.*

с.-х. *јелашје*, в.-р. *јелошник*. Основы — те же, что в *jelša, елшанка.*

ц.-сл. ѥльха с.-х. *јоха*, ч. *jelcha* (см. выше ѥлъха), м.-р. *їльха.*

О р. *ольха*, п. *olsza* и *olcha* и т. п. см. ниже.

ч. *jelec*, п. *jelec*, в.-р. *елец*, м.-р. *єлець* и *ялець*; *j* сохраняется и в остальных формах: в.-р. *ельца, ельцу, ельцом, ельце, ельцы.*

ст.-сл. ѥлѣ, в.-р. и б.-р. *еле*, м.-р. *єле.*

ст.-сл. ѥмлѭ, ѥмлѥши, ѥмлѥтъ и пр., с.-х. *јемљем*, слов. *jemljem.*

в.-р. *ерепей*, (? встречается только у Маркевича) при *арипей* (ю.-в.-р. Щигр.); обычно: *репей, репейник*, ср. ст.-сл. рѣпии, рѣпиѥ, ч. *řepík*, п. *rzep.*

в.-р. *ерепениться*, м.-р. *єрепенитись.*

ч. *jerš, jereš*, п. диалект. *jersz*, в.-р. *ёрш*, м.-р. *єрш, йорш, йорж*; *j* сохраняется во всех падежах: в.-р. *ерша́, ершу́, ершо́м ерше́, ерши́.*

в.-р. *ерошить.*

морав. *jaršiťsa*, в.-р. *ершиться*. В словах *ёрш, ерошить, ершиться* начальные *je-, jo-* могли получиться и из о.-сл. *je-* и из о.-сл. *jь-.*

ст.-сл. ѥстьство, п. *jestestwo*, др.-р. *ество*, р. литерат. *естество*.

ст.-сл. ѥште, с.-х. *јоште, још*, слов. ст. *ješče*, нын. *jošče*, ст.-ч. *ješče*, нын. ч. *ještě*, п. *jeszcze*, н.-л. *ješći*, др.-р. *ѥще*, в.-р. *ещё* (ср. ю.-в.-р. *яшшо́*). О ст.-сл. еште, р. *эще* и *ощо* см. ниже.

2. Начальное *о* в русских языках в соответствии с начальными є и ѥ в ст.-сл. и *je-* в остальных слав. языках имеется в следующих словах:

ст.-сл. езеро и ѥзеро, с.-х. *језеро*, слов. *jezero*, ч. *jezero*, п. *jezioro*, в.-л. *jezor*, н.-л. *jazor*, р. *озеро*.

ст.-сл. елень и ѥлень, с.-х. *јелен*, слов. *jelen*, ч. *jelen*, п. *jeleń*, н.-л. *jeleń* и *heleń*, р. *олень*.

ц.-сл. ѥсень, с.-х. *јесен*, слов. *jesên*, ч. *jesen* и *jeseń*, п. *jesień*, др.-р. осень, в.-р. *осень*, м.-р. *осінь*, род. ед. *осени*.

с.-х. *jѐсетра*, слов. *jesêter*, ч. *jesetr*, п. *jesiotr*, в.-р. *осётр*, м.-р. *осетéр*.

ц.-сл. ерѧбь и ѥрѧбь, с.-х. *јереб* и *јареб, јеребица*, слов. *jerêb*, *jerebíca*, ч. *jeřáb* (журавль), *jeřábek*, п. *jerząbek*; н.-л. *jerjeb* и *herjeb*, др.-р. *орябь*, м.-р. *óрябок*; в в.-р. начальное *о* отсутствует.

слов. *jerebína*, ч. *jeřabina*, п. *jarzębina*, н.-л. *jerjebina* и *herjebina*, м.-р. *орябина*; в в.-р. без начального *о*: *рябина*.

Ст.-сл. ѥдин- и (редко, в русских памм.) един-, с.-х. и ч. *jedin-*, п. и в.-л. *jedyn-*, н.-л. *jadyn-*, слов. *edin-*, р. *один* (др.-р. *одинъ, одина, одино, одиного, одиною, одиныи* и пр., нын. р. им. ед. м. р. *один, одинаков, одинок* и пр.).

ст.-сл. ѥдьн- и (очень редко) едьн-, с.-х. *један, једн-*, ч., п. и в.-л. *jeden, jedn-*, н.-л. *jaden, jadn-*, слов. *eden, edn-*, р. *одн-* (*одна, одно, одного, однако* и пр.).

ст.-сл. ѥлико и (редко) елико, ч. *jelikož*, др.-р. олико.

ст.-сл. ѥлишьды и (редко) елишьды, др.-р. олишьды.

с.-х. *jѐжина*, ч. *ježina*, п. *jeżynka*, в.-р. диалект. и м.-р. *ожина*, ср. слов. *ježíca*.

н.-л. *ježyk*, б.-р. *вожик*.

ц.-сл. ѥжь, с.-х., слов., ч., п. и л. *jež*, др.-р. ожь.

ст.-сл. ѥже, с.-х. *јере*, ч. *ježto*, др.-р. оже.

в.-р. *овин*, ср. м.-р. *євня*.

ю.-в.-р. (Щигр.) *арипей*, ср. р. (у Маркевича) *ерепей*.

О словах *ольха* и *омела* см. ниже.

3. Начальное *е* в ю.-сл. и в.-р. и *е* или *he* в зап.-слав., б.-р. и м.-р. является в следующих словах:

Указательная частица *е*: ст.-сл. есе, с.-х. *е, еве, ево, ене, ено, ете, ето.* и др., слов. *e, ede, esej, esa, eso* и пр., *esi, esede, etej, eta, eto* и пр., *etam, etak, eti, ete, evo, ezde* и др., ч. *hen, heň, hev, heno, heč, henka, hentam, het, hevka,* диалект. *en, enono,* п. *he, hec, hen, henen, henoj, heń, het, hewo,* диалект. *ene, eno, enoź, et, eż* и др., н.-л. *he, hewi, hewkol, hewon* и др., в.-р. *э, эво, эвона, эдак, экой, эна,. этот, эта, это* и пр., *энтот, энта, энто* и пр., *этакой* и др., б.-р. *гэно, гэный, гэтак, гэтуды, гэтый, гэтая, гэтое* и пр., м.-р. *гев, гевади, гевси, ген, генде, генто, ге́нтова, гет, геть;* от *ге́нтова* новообразование: *гентова́тiшний.*

ст.-сл. еда, с.-х. *ѐda*, вопросит. частица, ср. ст.-сл. юда, слов. *jeda.*

ст.-сл. еи, с.-х. *ѐja*, „да“.

ст.-сл. еште, слов. *ešče*, ч. *eště* (мор. *ešče*), п. диалект. *eszcze,* н.-л. *hešć, hešće, hyšć, hyšćer,* др.-р. еще, в.-р. диалект. *эще* (в.-р. *ищо́, ишто* могли получиться и из *ešče* и из *ješče* и из *išče*). Ср. выше юще, в.-р. диалект. *яштó* и *оштó.*

ст.-сл. (редко) един-, слов. *edin-.*

ст.-сл. (редко) едьн-, слов. *eden-, edn-,* ч. диалект. *eden, edon, edom.*

слов. *en, ena, eno* (один), *enák, enâčaj, enâčba* и пр.; ч. *enom.*

ст.-сл. (очень редко) єдъва. В остальных слав. языках только *jedva, odva* или *ledva* (ч. *ledva, ledvy,* п. *ledwo, ledwie,* в.-л. *ledźma,* н.-л. *ledba,* м.-р. *ледво, леuви,* б.-р. *ледва*); в последнем случае имеется слияние частицы *lě* (ср. ст.-сл. лѣ) с *edva* (или *jedva?*).

ст.-сл. ельма, ельми.

ст.-сл. етеръ, ср. н.-л. *votery.*

Слова *ельма* и *етеръ* в нын. слав. языках неизвестны, и потому нельзя сказать, какого происхождения здесь начальное *е.*

4. Начальные *jь-,*[1]) *e, je* и *o* чередуются в следующих словах:

ст.-сл. юште — еште, болг. *jоште — оште* (отсюда — *уште*), с.-х. *jош, jоште* (где *jо* обьясняется контаминацией *jеште* с *оште*), *оште,* слов. стар. *ješče,* нын. *jošče* (из контаминации *je-* и *o-*), *išče* (из *jь-*), *šče*; ч. *ještě* и *eště*; п. *jeszcze* и *eszcze*; в.-л. *hišće* (из *jь-?*), др.-р. юще, еще и още; в.-р. *ещё* (ср. ю.-в.-р. *яшшо*), *эще, ищо, ишто* (где *и* м. б. из старых *je, e, i*), *ошто,* б.-р. *яшче́, ашче́,* м.-р. *єще́, iще́, ще́.*

[1]) Т. е., звуки, восходящие к о.-сл. *jь.*

ст.-сл. юдва — едва. Кроме назв. выше *jedva* также: слов. *odvaj*, др.-р. одва, в.-р. диалект. *одва*.

ст.-сл. есе — юсе; слов. *esej* и пр., п. диалект. *oś*, др.-р. осе, в.-р. *авось*, м.-р. *ось*.

с.-х. *ето*, слов. *eto* и пр., п. *het* и *oto*, в.-р. *это* и *вот* (из *óto*), м.-р. *гето* и *ото, отой*.

с.-х. *јелито*, чак. *olito*, слов. *jelita* и *olito*, ч., п. и л. *jelito*; в в.-р. та-же основа без начальных *je* и *o*: *литонья*.

ц.-сл. юльха, с. *joxa*, ч. *jelcha*, м.-р. *їльха* и п. *olcha*, в.-р. *ольха*, м.-р. *вїльха*.

с.-х. и слов. *jelša* и слов. *olša*, *jolša* (из контаминации *jelša* и *olša*), ч. *olše*, но словацк. *jelša*, п. *olša*, луж. *wolša*.

ц.-сл. имела (из **jьmela*), с.-х. *имела, мела, омела*, ч. *jmelí*, *omelí*, диалект. *jemela*, словац. *omela*; п. *jemioła*, в.-л. *jemjelina*, н.-л. *jemjelina*, *jemjol* и *hemjelina*, *hemjol* (начальное *he* в н.-л. указывает на о.-сл. *e*), в.-р. *омёла*, м.-р. *омела́* и *име́ла*.

ст.-сл. орьлъ, с.-х. *орао* (род. ед. *орла*), слов. и ч. *orel*, п. *orzeł*, в.-л. *worjol*, р. *орел*, но н.-л. *jerel* или *herel*.

олово — во всех слав. языках с начальным *o*, но в ц.-сл. встречается юлово, в болг. *елов*.

с.-х. *јасика*, слов. *jasika* и *jesika*, ч. *osika*. п. *osika* и *osina*, в.-л. *vosyna*, в.-р. *осина*, м.-р. *осика* и *осина*.

Из приведенных примеров ясно, что в словах 1-ой группы начальное *j* перед *e* было еще в о.-сл. яз.; точно так-же правильное соответствие в.-р. и ю.-сл. начального *e* в словах 3-ей группы м.-р., б.-р. и зап.-слав. начальному *he* или *e* позволяет решительно утверждать, что это соответствие не случайно, и что в о.-сл. в словах этой группы не было начального *j* или *i̯* перед *e*. Так как начальное *h* в зап.-слав. языках является и в других случаях, между прочим и в словах, заимствованных из других языков без начального *h*, то можно думать, что придыхание в начале слова развивалось в зап.-слав. языках уже после их выделения из о.-сл., но нет пока препятствий и считать это *h* в некоторых случаях исконным. Таким образом, начальное *e* или *he* в словах 3-ей группы может восходить только к начальному *e* без йотации или *he* о.-сл. языка. Чтобы выяснить, было ли в этих словах в о.-сл. начальное *e* или *he*, и, если было *e*, почему перед ним не развивалось или отпало еще до распадения о.-сл. языка начальное *j*, рассмотрим предварительно слова 2 и 4-ой группы.

5. Русское начальное *о* соответствии с *е* и *je* других славянских языков.

Различие между славянскими языками по отношению к словам 2-й и 4-й группы может обьясняться или 1. различной судьбой начального *е*, *je* или *о* в разных славянских языках при каких-то фонетических условиях или 2. влиянием аналогии одних слов на другие, различным в разных славянских языках, или 3. тем, что слова с различными начальными звуками в славянских языках восходят к различным о.-сл. словам, указывая таким образом на дославянское чередование *е* и *о* и т. п. Однако влияние в этом случае аналогии одних слов на другие предположить трудно, п. ч. почти все они стоят изолированно. Остаются 1-е и 3-е предположения. Последнее является наиболее правдоподобным для частиц ст.-сл. есе и др.-р. осе, ст.-сл. ѥдъва, в.-р. *едва* и с.-х. *одваj*, др.-р. и в.-р. диалект. *одва*, ст.-сл. ѥште и еште и б. *още*, в.-р. *ошшо*. Начальное *е* в ст.-сл. есе — указательная частица, указывающая на ближайший предмет и имеющаяся в том же или в других соединениях во всех славянских языках; русское склонение *в эфтом, с эстим, к эхтому* указывает на то, что эта частица еще сравнительно недавно ощущалась как отдельное слово. В то же время в славянских языках существует и указательная частица *о*, являющаяся между прочим в в.-р. *вот* (*во* из *о* под старым восходящим ударением), м.-р. *ото, оце, оцей* (= *от* + *сей*), *озьде*, с.-х. *ото*, п. *oś* и др. С этой частицей *о* могло быть образовано и др-р. *осе*, к которому, м. б., восходит и нынешнее в.-р. *авось* (из *а* + *осе*, где *о* под восходящим ударением). Так же, повидимому, следует обьяснять и чередование *е* или *je* и *о* в словах *jedva (edva)* и *odva*, *ješče (ešče)* и *ošče*: и здесь мы имеем слова, в начале которых являются различные частицы, отразившиеся в нынешних славянских языках в виде *je, е* и *о*, причем чередование *je* и *е* может восходить к старым различиям в месте или качестве ударения. Такое предположение является наиболее вероятным также и потому, что различные варианты произношения этих слов сохраняются и до сих пор в одних и тех же славянских языках: слов. *edvaj* и *odvaj*, б. *еще* и *още*, с.-в.-р. *едва* и *одва*, *ешшо* и *ошшо;* последнее слово известно между прочим с начальным *i* и без начального гласного звука из о.-сл. *jь* в некоторых слав. языках, знающих то-же слово с начальным *je, е* или *о*. К словам

с о.-сл. чередованием начальных *je* и *o*, повидимому, следует отнести и ст.-сл. юже и др.-р. оже; т. е. можно думать, что эти два слова восходят к разным словам о.-сл. языка. Написание юже в Супр. и древних памятниках русского письма без варианта еже показывает, что слово юже во всех ст.-сл. говорах, различавших начальные *je* и *e*, произносилось с *je*, а не *e*, т. е. отношение между ст.-сл. юже и др.-р. оже не то, какое между ст.-сл. езеро и р. *озеро*.

Иначе следует отнестись к предположению, что варианты: ст.-сл. езеро и пр., с.-х. *jезеро* и пр., р. *озеро* и пр. восходят к дославянским чередованиям: это предположение не обьясняет, почему такое же чередование начальных *e, je, o* с тем же распределением по языкам: *e* в ст.-сл., *je* в с.-х., слов. и зап.-сл. и *o* в русских, является и в словах, заимствованных с греч. яз. Делая такое предположение, кроме того, приходится допустить, что различные говоры о.-сл. языка удержали с балт.-слав. эпохи каждый группу слов, звучавших иначе, чем в других говорах; при этом слова с одинаковым звуковым видом, отличным от звукового вида тех же слов в других говорах, относились к совершенно различным областям: никакой внутренней связи между словами *озеро, олень, осень, осётр* нет. Мы знаем, что о.-сл. язык за тысячелетний период своей жизни претерпел чрезвычайно большие изменения, свидетельствующие об очень тесной связи между его говорами в течение очень продолжительного времени, и при таких условиях сохранение в течение всего этого периода целой группы слов, свидетельствующей о звуковых различиях между говорами предшествующей эпохи, мне представляется совершенно невероятным. Допуская такое чередование, приходится допускать три чередующихся варианта: 1. с начальным *je*, 2. с начальным *e* и 3. с начальным *o* и решать, каким балт.-слав. вариантам соответствует чередование между начальными *je* и *e* в этих словах; правда, начальное *e* имеется и в некоторых указательных и бесформенных словах, но можно ли связывать с ними такие слова, как *езеро, елень?* Предположение, что в этих словах отражается дославянское чередование начальных *e* и *o*, впервые, кажется, было высказано А. И. Соболевским[1]) и затем повторено Г. А. Ильинским.[2]) Они стараются под-

---

[1]) Лекцiи по исторiи русскаго яз. Кiевъ 1889; повторяется во сех изданиях, см. изд. 4-е, М. 1907, стр. 31.

[2]) Праславянская грамматика. Нѣжинъ 1916, § 119.

:репить свои положения ссылкой на слова, в которых началь-ному *о* русских языков в других славянских языках соответствуют не только начальное *je*, но и *о*, или такие слова, которые в большинстве славянских языков имеют начальное *о*, но в некоторых встречаются и с начальным *je* (см. слова 4-й группы), или такие, которые и в русских и в других славянских языках известны и с начальным *je* и с начальным *о*; сюда же эти ученые относят и такие слова, в которых чередование *je* и *о* может быть связано с различием основ: б.-р. *вожик*, др.-р. *ожь*, м.-р. *ожина*, в.-р. *ёж*, м.-р. *їж*, б. *еж* и *jeж*, с.-х. *jeжак*, ч. *ožanka*, в.-р. *ольха*, и *ёлха*. Я думаю, что эти случаи надо отделить: с одной стороны мы имеем группу одинаковых соответствий, причём для некоторых слов этой группы установлено тройное соответствие, для других не установлено только благодаря отсутствию матерьяла; с другой стороны — изолированно стоящие слова. Случаи типа *ёжь-ожь* и тем более типа *ёж-ожик, ежевика-ожина, ольха-елошник* ничего не доказывают, п. ч. если предположить, что начальное *о* вместо *je* явилось в русском языке фонетически, то придётся допустить, что это изменение произошло лишь в определенных фонетических условиях, и в таком случае нельзя сопоставлять между собой случаи, где *о* и *je* даются в разных (с точки зрения о.-сл. яз. или др.-р. яз. доисторического периода) фонетических условиях, или в таких словах, которые могли подвергаться аналогии со стороны слов, где начальные звуки слова находились в других фонетических условиях. Так, если в русских *ежевика* и *ожина* различие между начальными *je* и *о* правильно зависит от фонетических условий, то *ожь* рядом с *ёж* могло быть вызвано аналогией со стороны *ожик*.

Нельзя ссылаться, как это делает А. И. Соболевский, для доказательства и на ч. *ožanka*, этимологическая связь которого с р. *ёж* и *ежевика* не доказана. Исходя из этих соображений, мы можем сопоставлять м.-р. *їльха* с в.-р. *ольха*, но сопоставления в.-р. *ёлха* с в.-р. *ольха* и т. п. ровно ничего не доказывают, как и сопоставление, делаемое А. И. Соболевским, русского *олень* со ст.-сл. *алнии* (основа — та же, что в р. *лань*).

Так как одна ссылка на существование вариантов: *omela-jemela, orьlъ-jerelъ, olovo-jelovo* не доказательна, то сторонники дославянского чередования *e-o* во всех подобных случаях указывают на различные соответствия слов с подобным чередованием в других и.-е. языках: р. *озеро* ср. греч. *ἀχεροῦσια* „болот-

ная вода“, географич. имя в Эпире: *Ὄζερος* (Ильинский), *олень* = латыш. *alnis*, пр. *alne* (Ильинский, Соболевский), *осень* = пр. *assanis* (Ильинский), готск. *asans* (Ильинский, Соболевский), *одва* = лит. *advos* (Соболевский), *еще* и *още* = латин. *usque*, греч. *ἔστε* (Соболевский), *омела* = лит. *amalas* (Соболевский). Из этих параллелей необходимо исключить параллели из прусского яз., в виду того, что в прусском обычно *a* из начального о.-балт. *e*: пр. *assaran* = лит. *ežeras*, латыш. *ezars*; пр. *alne* = лит. *elnė*, пр. *addle* = лит. *eglė*, латыш. *egle*, пр. *aketes* = лит. *ekėčios*, пр. *assegis* = лит. *ežegys*, пр. *asy* = лит. *ežė*, и даже пр. *asmai*, *assai*, *ast* и пр. = лит. *esmi*, *esi*, *esti* и пр.; следовательно, прусское начальное *a* не указывает на первоначальное *a* = слав. *o*. Латышское *alnis* с бо́льшим правом можно связывать со ст.-сл. алънии и лань, ч. *laně*, п. *łani*, р. *лань* и пр., чем с р. *олень*. Те случаи, в которых в лит. яз. славянскому начальному *o* соответствует *e*, как напр. *eldija* = ст.-сл. алъдии, ладии, р. *лодья*, лит. *epušis* при латыш. *apse* = *оса*, лит. *erelis* = *орёл*, вряд ли помогают выяснению вопроса в сторону гипотезы А. И. Соболевского и Гр. А. Ильинского. Параллели же из других языков говорят ещё меньше: греч. *ἀχερούσια* может быть родственно с русским *озеро*, но это последнее гораздо ближе стоит к ст.-сл. езеро, ч. *jezero*, лит. *ežeras*; др.-р. ожь, б.-р. *ожик* может быть родственно с армянским *ozni*, но оно гораздо теснее связано с р. *ёж*, *ежовый*, с.-х. *јеж*, лит. *ežys* и т. д. Как появилось в Греции название местечка *Ὄζερος*, мы не знаем, но строить на нём какие либо заключения без знакомства с греческими и албанскими говорами Эпира, пока нам неизвестно из ю.-слав. языков слово *озеро* с начальным *o*, нельзя.

А. И. Соболевский в „Лекциях“ ограничивается указанием на параллели из славянских и неславянских языков и замечанием, что начальное *e* без йотации сохранилось во всех славянских языках, как показывают р. *этот*, с. *еда* и т. п. Но это не доказательство, так как происхождение начального *e* без йотации в таких словах само нуждается в обьяснении.

Гр. А. Ильинский приводит и некоторые другие соображения. Возражая против гипотезы А. А. Шахматова, что в о.-сл. *e* после смягчённых согласных, в том числе и после *j* в начале слова, переходило в *ä* при положении перед слогом с гласными переднего ряда, и что перед таким *ä* затем начальное *j* отпадало,[1])

---

[1]) Ильинскій, Прасл. грамм., стр. 139. Изложенное здесь мнение Шахматова позднее (см. Очерк, стр. 236) было им изменено.

Ильинский говорит: „предположеніе диссимиляціи звука *e* передъ слѣдующимъ узкимъ гласнымъ находится въ противорѣчіи съ тенденціей не только русскаго, но и другихъ славянскихъ языковъ сохранять *e* послѣ мягкихъ гласныхъ именно въ этомъ положеніи". Не решая пока вопроса, вызвано ли отпадение *j* тем, что *e* перешло в *ä*, как думал Шахматов в 1894 г. и позднее, или тем, что *e* не изменилось ни в *ö*, ни в *ê*, как думал Шахматов в 1915 г., замечу, что предположение Шахматова об изменении в *ä* того *e* после мягких, которое не изменилось в *ö* или *ê* под влиянием следующих за ним звуков, не противоречит тем тенденциям в изменении звуков, какие существовали в о.-сл. яз., ср. изменение *e* в *a* после смягчённых, происходившее в более раннюю, но не особенно удаленную эпоху. Далее, по мнению Ильинского, „это предположеніе не имѣетъ фактической опоры, такъ какъ о.-р. *жалѣзо* . . . можетъ быть образовано отъ корня **ghel-*, а *жана* — отъ корня *gen-*.". Но предположение Ильинского совершенно невероятно: произношение *жалѣзо, жаних* существует в таких с.-в.-р. окающих говорах, в которых слово *жена* никогда не произносится с *a*: говорят: *жона́, жоны́*, вин. ед. *жо́ну*, мн. *жо́ны, жон*, уменьш. *жо́нка, жо́нушка*: при этом везде, где существует произношение *жаних, жаниться,* существует и произношение *жалѣзо* (если не говорят *залѣзо), пчалйной, пшаница*[1]) при *o, e* в других случаях: *сёло, вёсна, велят, деревня, веди* и др.; следовательно, переход *e* в *a* в этих словах фонетический. Так же не убедительно и замечание Ильинского: „Еще болѣе невѣроятенъ фактъ исчезновенія начального *j* въ группѣ *jä*: гдѣ другіе примѣры подобнаго отпаденія?" Других примеров и нет, п. ч. по Шахматову *e* после начального *j* изменялось в *ä* только перед слогом с гласными полного образования переднего ряда, т. е. именно в той группе, в которой русские языки имеют начальное *o*: в остальных случаях, где в русских языках — начальное *je* или *jo*, в следующем слоге являются другие гласные или же гласные *e*, если и являются, то стоят в чередовании с другими гласными, как напр. р. *ели, ежи*, ср. им. ед. *ель, ёж*. Ильинский пытается отвести и указание Фортунатова на написания єлєнь, єзєро в Супр. и памятниках русского письма,[2]) предполагая здесь возможность „вліянія южнославянской орѳографической традиціи". Но сам Фор-

[1]) Программы Моск. Диалектол. Комиссии по с.-в.-р. говорам №№ 19, 26 и др.

[2]) Фортунатов. Лекціи по фонетикѣ старославянскаго яз., стр. 279.

тунатов не только не отрицает этой возможности, но и смотрит на эти написания как на известный тип ст.-сл. орфографии, потому что они могли передавать только ст.-сл. произношение, а не русское, в котором эти слова произносились с начальным *о*. Но дело в том, что последовательность написания известных слов с начальным є в памятниках, строго различающих ѥ и є, может быть обьяснена только, как отражение известного произношения, но не русского, а ст.-сл., хотя и усвоенного русскими, как церковное или литературное.

В виду этих соображений я считаю предположение об отражении в соответствиях *jezero* — *озеро* и т. п. дославянского чередования основ с начальными *е* и *о* мало вероятным, а доводы в пользу такого предположения, приводимые А. И. Соболевским и Г. А. Ильинским, частью недоказательными, частью основанными на явно ошибочных утверждениях.[1])

Следовательно, наличность в разных славянских языках трёх произношений (не считая позднейших изменений) начального слога таких слов, как *езеро, елень* и пр., именно, — *е* в ст.-сл., *je* в с.-х., слов., ч., в.-л., п., *je* или *he* в н.-л. и *о* в русских языках, должна обьясняться, как видоизменения одного и того же первоначального произношения. Таким произношением могло быть или *е*, сохранявшееся в начале слов при каких-то условиях в одних говорах о.-сл. яз. и получавшее jотацию в других говорах, или *je*, утратившее jотацию в одних говорах и сохранившее её в других. И в том и в другом случае с.-х., слов., ч., в.-л., п. *je* восходит к о.-сл. эпохе, р. *о* и н.-л. *he* получились из первоначального *е*. На происхождение русского *о* в этих словах именно из *е*, а не из *je* указывают слова с начальным *о*, заимствованные из греч. яз. и звучавшие там и в церковно-славянском чтении XI и XII в. с начальным *е*, а также тот факт, что начальное *j* перед старым *е* в русских языках сохраняется между прочим и в тех положениях, где это *е* изменилось в *о*: в.-р. *ёлка, ёмкий*.

В Супр. в соответствии с начальным *о* русских языков и *je* других славянских языков начальное є встречается только в 2 сло-

---

[1]) Заслуживает внимания наблюдение Розвадовского (RSl. VII, 18—21), что начальное *е* балтийских и *je* славянских языков в соответствии с *а* и *о* других и.-е. изыков является последовательно перед слогом с *е*; это обтоятельство позволяет ему сделать очень правдоподобное предположение, что в таких случаях балт.-слав. *е* получилось из a° вследствие ассимиляции звуку *е* следуюшего слога; при таком предположении русское *о* в словах *озеро, олень, осень* и *осетр* может обьясняться только вторичным изменением начального *е* в *о* на русской почве.

вах: езеро и елень, известных нам из русских памятников XI и XII в., различающих є и ѥ, исключительно с начальным є. Как уже замечено Фортунатовым, в обоих словах это начальное *е* является в слоге перед слогом с гласною *е*, независимо от ударения, являющегося в езеро на 1-м слоге, а елень на 2-м. В том же положении является русское начальное *о* в соответствии с *je* других славянских языков в словах *осень* и *осётр*; из памятников ст.-сл. языка эти слова не известны. Рассматривая те слова, в которых везде, в том числе и в русских языках, имеется начальное *je*, мы видим, что в этих словах во 2-м слоге или является другой гласный звук или же *е*, являющееся в этом слоге, относится к суффиксу форм словоизменения и чередуется с другими гласными в других формах; таково *е* в ст.-сл. и др.-р. 2 мн. ѥсте, др. сев.-р. ѥсме при 1 ед. ѥсмь, 2 ед. ѥси, 3 ед. ст.-сл. ѥстъ, ѥ, р. *есть*, *е*, 1 мн. ст.-сл. ѥсмъ, др.-ю.-р. ѥсмо, также ст.-сл. ѥмлєши, ѥмлєтъ при 1 ед. ѥмлѫ, 3 мн. ѥмлѫтъ, и только в словах *ерепениться*, *ежевика* и *ежовый* в нын. в.-р. имеются звуки из старого *е* в устойчивом положении. Впрочем слово *ерепениться* неясного происхождения; если оно родственно со словом *репейник* (ср. употребленное Маркевичем слово *ерепей*), то после *р* можно здесь предполагать старое не *е*, а *ѣ*. Слово *ежовый* могло быть новообразованием, возникшим позже перехода *е* в *о*; если же это слово старое, то *je* здесь могло явиться и по аналогии со словом *ёж*. Остаётся одно *ежевика*, в котором трудно предполагать аналогию со стороны слова *ёж*. Имея в виду, повидимому, это слово, Фортунатов предположил, что отпадение *j* перед *е* имело место только перед немягкими (по Фортунатову — полумягкими) согласными, за которыми следовало *е*, а перед мягкими сочетание *je* сохранялось без изменения в *е*.[1]) Если принять это предположение, то из закона Фортунатова исключений не будет, и можно думать, что слова *осень* и *осетр* в ст.-сл. звучали с начальным *е*.

Кроме 4 названных слов в русских языках известны с начальным *о* при *je* других славянских языков основы *один-* и *одн-* и слова б.-р. *вожик* (*во* из о.-р. *о*), м.-р. *ожина*, др.-р. оже, ожь, олико, олишьды, м.-р. *орябь, орябина*. О слове оже см. выше. Слова ѥжь, ѥрѧбь и ѥрѧбина в древнѣйших ст.-сл. памятниках не встречаются, и потому мы не знаем, как они произносились в ст.-сл. Основы ѥдин- и ѥдьн- и слова ѥлико, ѥликъ, ѥлишьдꙑ

[1]) Фортунатовъ. Лекціи по фонетикѣ старослав. яз. 279—281.

в ст.-сл. звучали с *je*, хотя, повидимому, были говоры, в которых и они произносились с начальным *е*. Все эти слова имеют то общее со словами *езеро, елень* и пр., что в следующем слоге являются палатальные гласные. Однако, рассматривая слова, в которыхъ в русских языках сохраняется *je* (с его позднейшими фонетическими изменениями), мы встречаем и среди них слова с палатальными гласными следующего слога: в спряжении глагола ѥсмь палатальные гласные в последнем слоге в с.-р. говорах были во всех формах: 1 ед. ѥсмь и ѥсми, 2 ед. ѥси, 3 ед. ѥсть, 1 мн. ѥсме, 2 мн. ѥсте (двойств. ч. можно в расчёт не принимать), в ю.-р. во всех, кроме 1 мн. ѥсмо; то же в падежных формах существительных ѥжь, ѥль, и в тех словах, к которым восходят нынешние *елец* (род. *ельца*), *ежевика, ерепениться*. Очевидно на отпадение начального *j* перед *е* влияли только некоторые палатальные гласные следующего слога; обращаясь к тем случаям, где гласная следующего слога устойчива, мы можем выделить с одной стороны основу *один-* (др.-р. одинъ, одина, одино, одиного и пр., в.-р. *одинок, одинаков* и пр.), др.-р. олико, олишьды, м.-р. *орябок, орябина*, с другой — в.-р. *елец, ельца*, и отсюда сделать вывод, что *j* перед *е* в начале слова отпадало, если в следующем слоге было *i* или *ę*, и не отпадало, если в следующем слоге было *ь*. В таком случае получают обьяснение все слова с начальными *je. jo* и пр. из старого *je*: в формах *его, ему, е* (3 ед.), *есмо, ёлха, елховый, елоховый, ёлка, елозить, еловый, ёрзать, ею,* ст.-сл. и др.-р. ѥ (вин. ед. ср. р.) *j* не отпало, п. ч. дальше не следовали палатальные гласные: в таком же положении было и *je* в ст.-сл. ѥгда; в в.-р. диалект. местн. ед. *ём* (= литерат. *нём*) и в словах: *ёж, елец, ель, елью, ельник, ёрш* *j* не отпало, потому что дальше следовало *ь*; в словах *еси, есте, есме* (откуда позднее *есмя*), *ежи, ёжиться, ели*, м.-р. *ялина* *j* сохранился по аналогии с другими формами; связь *ёжиться* с *ёж* очень сильная: м.-р. *ялина* предполагает, что в эпоху утраты *j* перед *е* существительное *jelina* было менее употребительно, чем *jelь* и т. п. С другой стороны, в б.-р. *вожик* могло сохраниться начальное *о* потому, что в части русских говоров это уменьшительное название ежа рано стало более употребительным, чем неуменьшительное *ёж*; той же причиной может обьясняться и появление в др.-р. слова ожь вм. ѥжь под влиянием *ожик*. Из контаминации старого *jež* и нового *ož* получилось б.-р. *ёж* (в б.-р. фонетически *е* перед шипящими не изменилось в *о*). Такого же про-

исхождения и р. *одна, одного* и пр. В нынешних русских языках основа *один-* сохраняется только в им. ед. муж. р. и в производных; аналогия с этими производными не могла сама по себе повлиять на изменение основы *jedьn-* в *odn-*; что касается аналогии со стороны имен. ед. муж. р., то вообще влияние формы имен. или имен.-вин. пад. ед. ч. на изменение основы других падежных форм — факт, довольно обычный в языках, ср. в славянских языках вытеснение основ *sloves-*, *nebes-*, *čudes-*, *tělеs-*, *koles-* и пр. основами *slov-*, *neb-*, *čud-*, *těl-*, *kol-* и пр., в русских языках также, по большей части (кроме литературного яз.) основы *imen-*, *znamen-*, *plemen-* и др. заменены основами *im-*, *znam-*, *plem-* и др., по крайней мере, в ед. ч. В русском *колесо* имеется обратная замена, вероятно, потому, что это существительное часто употреблялось во множ. ч. Но в случаях *один, одна, одно, одного* и пр. аналогия со стороны формы *одинъ* затрудняется тем, что основа *odn-* является и во всех падежах, в том числе и имен. ед., женского и среднего родов. Кроме того, появление основы *odn-* по аналогии с *odin-* не совсем однородно с заменой основы косвенных падежей основой имен. пад., потому что там в результате аналогии является общая основа для всех падежей, здесь же основы остаются различными. Тем не менее я думаю, что аналогия здесь всё-таки допустима: она не повлекла за собой полной замены основы *jedn-* основой *odin-* вследствие различного места ударения и облегчалась тем, что старая основа *jedьn-* ко времени действия этой аналогии звучала уже с *o*, как *jodn-*, или со звуком близким к *o*. Старая основа *jedn-* до сих пор сохраняется в с.-в.-р., б.-р. и м.-р. говорах, где её нельзя обьяснять заимствованием из других славянских языков. В церковно-славянском яз. русских памятников имеется только основа ѥдин-, а основа ѥдн- не встречается или встречается настолько редко, что не могла быть усвоена русскими языками этим путем; в б.-р. и м.-р. языках в некоторых случаях можно предполагать заимствование из польского яз., но такого заимствования нельзя видеть в в.-р. Впрочем, в в.-р. говорах рядом с основой *jedn-*, *jodn-* известна и основа *jedin-*; во многих случаях можно считать её заимствованием из церк.-слав. языка, но возможно, что еще в о.-р. эпоху были говоры, в которых начальное *je* перед слогом с *i* не подвергалось изменению в *e*, откуда *o*, и что часть с.-в.-р. говоров, имеющих основу *jedin-*, восходит именно к таким говорам; впрочем, более вероятно, что в тех случаях, когда произношение *единый* и т. п. в с.-в.-р. трудно

обьяснить заимствованием из церк.-слав. яз., это произношение явилось под влиянием *една* и т. п. Можно заметить, что в некоторых с.-в.-р. говорах при основе *jedn-* неизвестна основа *jedin-*, а только *odin-*.

Исходя из положения, что вместо начального *je* других славянских языков в русском яз. явилось *o* только в положении перед слогом с *e*, *ę*, *i*, при этом перед слогом с *e* не перед старыми смягченными согласными, мы можем предполагать, что в слове *омёла* *o* могло явиться как из о.-сл. *o* (ср. словинск. *omela*), так и из о.-сл. *je* (ср. п. *jemioła*, н.-л. *jemelina* и *hemelina*), что в слове *овин* *o* могло быть тоже из о.-сл. *je*, и что, следовательно, это слово можно считать стоящим в ближайшем родстве с м.-р. *євня, євя*, б.-р. *евня, ёвня* и *ёвна*, лит. *jauja*, что в древне-русском ѻлико и ѻлишьды *o* могло получиться из о.-сл. *je*, но в словах ѻдва, ѻщє или ѻщо, ѻжє и ѻльχа *o* не может восходить к о.-сл. *je* и предполагает наличие о.-сл. вариантов с *o* и *je*. Ст.-сл. єтеръ могло получиться из *jeterъ* подобно тому, как *езеро, елень* получились из *jezero, jelenь*; в таком случае это слово, еслибы сохранилось в русских языках, должно было бы звучать с *o*. Впрочем, слово *етеръ* допускает и другое обьяснение, повидимому, более вероятное.

Если в.-р. *овин*, м.-р. *євня* и пр. родственны с лит. *jauja*, то в этих словах русские *o* и *je* восходят к старому о.-сл. *je* из *jo*, а не из *e*; т. е. в.-р. начальное *o* в *овин* получилось из *e*, явившегося вследствие отпадения перед ним исконного *j*; в таком случае и в остальных русских словах с начальным *o* в соответствии с *je* других славянских языков можно предполагать вторичное отпадение *j*, развивавшагося в о.-сл. перед всяким начальным *e*.

В ю.-в.-р. *арипей* „репейник" начальное *a* неизвестного происхождения. Если оно из *e*, то это слово позволяет думать что изменение начального *e* в *o* происходило в русском яз. или в части говоров русского яз., если слова ерепей и ерепениться того-же происхождения, также и перед слогом с *ѣ*.

Таким образом, рассмотрение вопроса о происхождении начального *o* в русском яз. в соответствии с *je* или *e* других славянских языков приводит нас к необходимости п р и н я т ь г и п о т е з у Ф о р т у н а т о в а, формулированную им еще в 80-ых годах прошлого века. Эта гипотеза в настоящее время получает такой вид:

1. Начальное *j* или *i̯* отпало перед *e* в положении этого *e* перед немягкой согласной + *e* в ст.-сл., о.-р. и н.-л. языках; начальное *e* в о.-р. изменилось в *o*, а в говорах н.-л. яз. перед таким *e* развилось *h*.

2. Ту же судьбу имело начальное *j* перед *e* перед слогом с *ę* в о.-р. яз., как показывает нын. м.-р. яз., и в н.-л.; в ст.-сл. и в.-р. слова, указывающие на это изменение, не сохранились.

3. Начальное *j* перед *e* в положении этого *e* перед мягкой или немягкой согласной + *i* отпало только в о.-р. яз., причём возможно, что в некоторых говорах о.-р. яз. такого отпадения не происходило; начальное *e*, получившееся в о.-р. после отпадения *j* или *i̯*, еще в о.-р. эпоху перешло в *o*; в ст.-сл. языке *j* или *i* в этом положении сохранялось, по крайней мере, в большей части говоров, отразившихся на правописании русских текстов XI—XII в.[1])

Фортунатов относит отпадение *j* или *i̯* в указанных положениях перед *e* к о.-сл. эпохе, и такое предположение является наиболее вероятным.

Шахматов, принимая в общем гипотезу Фортунатова, внёс в неё некоторые поправки, в которых, как мне кажется, настоятельной надобности нет. В последнем своём капитальном труде[2]) он исходит из того соображения, что сохранение *j* перед начальным *e* и другими звуками, получившимися из более старого *e*, и его отпадение стоят в связи с произношением *e* в 1-м слоге слова после начального *j*. Таких произношений, по его мнению, можно различать три: перед твердыми *ö*: *jömu*, *jölъka* и пр., перед слогом, заключавшим слабое *ь* — *ê* (закрытое) и в остальных случаях *e* незакрытое; перед *ö* и *ê* јотация в русском языке (отпадение *j* Шахматов относит не к о.-сл., а к о.-р. эпохе) сохранялась, а перед *e* незакрытым *j* отпадало. Таким образом, *e* после смягчённых, *ь* сильное, *i* и *ѣ* во 2-м слоге одинаково должны были вызывать отпадение начального *j* перед *e* так же, как и *e* после несмягченных; поэтому *ежевика* и *елец*, как противоречащие этому, должны быть обьяснены влиянием аналогии. Но, если такая аналогия может считаться вполне естественной для слов типа *елец*, то для произношения *ежевика* аналогия со

---

[1]) Ср. Фортунатовъ, Лекцiи по фонетикѣ старославянскаго (церковнославянскаго) языка Петрогр. 1919, стр. 278—281. Разрядкой я отмечаю свои дополнения к гипотезе Фортунатова.

[2]) Очеркъ древн. перiода исторiи р. яз. (Петрогр. 1916).

стороны *ёж* мало вероятна; поэтому сохранение *j* в этом слове должно обьясняться какими-то фонетическими условиями. Не являлся ли таким условием переход в сочетании „смягченный согласный звук + *е*“ от јотовой артикуляции языка при произношении мягкого согласного звука к артикуляции *е*? В сочетаниях „немягкий согласный звук + *е*“ и „немягкий согласный звук + *i*“ такого перехода не было, а в сочетании „мягкий согласный звук + *i*“ переход от јотовой артикуляции согласного звука к артикуляции *i* почти незаметен (ср. в о.-сл. отсутствие јотации перед начальным *i*). Это обьяснение, как мне кажется, подходит и к ст.-сл. и н.-л. языкам, в которых *j* перед *е* отпадало лишь при положении этого *е* перед немягким согласным звуком + *е*: ассимиляция 1-го слога 2-му („отсутствие јотовой артикуляции + *е*“ и „јотовая артикуляция + *е*“ в обоих слогах) происходила только при наиболее благоприятствовавших этому условиях. В положении перед слогом с *ь* отпадению *j* мешала недостаточная отчётливость гласного звука (*ь*) следующего слога и, может быть, несколько более задняя артикуляция этого звука. Выставляю эти соображения лишь предположительно, имея в виду главным образом установление фактической стороны.

Отпадение *j* или *į* перед *е* в начале слова нет препятствий возводить к говорам о-сл. языка. Позднее, уже в русском языке и притом в эпоху, близкую к исторической, начальное *е* такого происхождения, как и начальное *е* в словах, заимствованных из других языков, изменилось в *о*. Что это изменение уже произошло к тому времени, от которого дошли до нас древнейшие памятники русского письма, видно из того, что слова с начальным *о* такого происхождения встречаются уже в памятниках XI в. Установившееся в литературном правописании правило писать в подобных случаях *є* или *ѥ* согласно церк.-слав. произношению является причиной того, что написания таких слов с начальным *о* чрезвычайно редки, но, напр., в одном из древнейших русских письменных памятников, Синайском Патерике XI в.,[1]) отражающем стадию еще неустановившегося правописания, написания одинъ, одиного, одиною, олико, олишьды обычны (там же нередки и написания одва, оже, оце, где *о* другого происхождения), основа один- встречается также в Изб. 1076 г., Словах Кирилла Иерус. XI в. (одиньде л. 41), Словах Григория Богосл. XI в., Арх. Ев.,

[1]) Рукопись Моск. Патриаршей Б-ки № 551.

Чуд. Пс. и др.; *о* в словах озеро, осень известны мне только из памятников XII в. (ѡсеньнѥѥ — Мстисл. грам. 1115 г., Устав Патр. Б-ки № 330 XII в., озеро Златоструй XII в.); *о* в греч. словах см. выше.

Изменение начального *е* в *о* в русском языке я представляю себе не в той последовательности, какую обычно предполагают (*е* > *ö* > *о*); для меня неясно, какие причины могли вызвать изменение начального *е* в *ö*: и тот и другой звук до отпадения *j* были известны только после *j* и согласных, но при этом *ö* являлось только после мягких согласных не перед мягкими и полумягкими; здесь же *е* оказалось в положении не после мягких и притом перед полумягкими или мягкими. Ничего по соседству, что-могло бы вызвать лабиализацию *е*, не было. Необычность начального *е* состояла только в отсутствии палатального начала. Я и думаю, что это обстоятельство могло вызвать непосредственно не лабиализацию *е*, а передвижение артикуляции назад, к среднему ряду и уже после этого лабиализацию получившегося звука среднего ряда, т. е. *е* > *ə̇* > *ȯ* > *о*. Вторая стадия этого явления аналогична произошедшему в русском яз. изменению *ъ* > *о*: звук *ъ* был получен русским языком из о.-сл., как звук неокруглённый или с очень слабым ọкруглением.

6. Слова с начальным *е* или *he* во всех славянских языках.

Перехожу к тем случаям, в которых в ю.-сл. (в том числе и ст.-сл.) и в.-р. языках является начальное *е*, а в м.-р., б.-р. и зап.-сл. — начальное *he* или *е*.[1]) Несомненно, что в этих словах јотации не было. Почему же такое *е* сохранилось без изменения в *о* в русских языках? Очевидно, это *е* чем то отличалось от того начального *е*, которое в русском яз. перешло в *о*. Это отличие, надо думать, не касалось качества *е*: мы видели, что начальное *е* разного происхождения перешло в русском яз. в *о* при самых разнообразных положениях.

Есть попытка обьяснить сохранение начального *е* в славянских языках без јотации и без перехода в русских языках в *о*, принадлежащая A. Meillet.[2]) По его мнению начальное *е* в о.-сл.

[1]) Говоры разных славянских языков, в которых и в этих словах является *j*, как напр., в русском диалектич. *етот* и т. п., безусловно имеют здесь вторичную јотацию более старого начального *е*.

[2]) Sur l'initiale des mots vieux slaves есе et а. Статьи по славяновѣдѣнію II. 387—391.

являлось только в начале фразы, где перед таким *e* не развивалось *i̯*; в середине же фразы перед начальным *e*, которое в таком случае оказывалось в о.-сл. вследствие отпадения конечных согласных всегда после гласного звука, развивалось *i̯*; поэтому начальное *e* без јотации сохранилось в славянских языках только в тех словах, которые употребляются только или преимущественно в начале фразы; такими именно и являлись указательная частица *e*, вопросительная частица *eda* и утвердительное слово *ei*. По мнению Meillet, Супр. еще сохранила следы первоначального различия между начальным *e* в начале фразы и *je* в середине фразы: в слове ѥсе пишется ѥ в середине фразы и е въ начале фразы. Однако гипотеза Meillet, безукоризненная с точки зрения физиологии звуков речи, не оправдывается фактами языка. В Супр. есе встречается и в середине фразы: дѣло есе; что касается ѥсе, то это написание встречается только после и: по божии же любви ѥсе мы и и ѥсе; в Супр. есть и другие случаи написания ѥ вместо е после и, именно, в греческих словах, в которых в начале слова и после гласных в остальных случаях пишется всегда е. В той же Супр. постоянно пишется с начальным е слово етеръ: между тем это слово из 9 раз только один раз стоит в начале фразы, в остальных случаях — после определяемого им существительного; то же мы замечаем и в памятниках русского письма XI и XII в., где етеръ обычно стоит не на первом месте, и у нас нет никаких оснований предполагать, что в о.-сл. эпоху порядок слов был иной. Meillet высказывает предположение, что написания етеръ, езеро и елень представляют следы той манеры письма, какая имеется в Сав. Однако, еслибы мы имели дело со следами другой орфографии, то строгая последовательность, которую мы замечаем не только в Супр., но и во многихъ памятниках русского письма, была бы не обьяснима. Может быть, отражение правописания, не различающего ѥ и е, представляют случаи с начальным е вместо ѥ на последних 100 страницах Супр., но эти случаи носят совсем иной характер. Употребление е в словах етеръ, езеро и елень в русских памятниках Meillet обьясняет тем, что эти слова, по крайней мере, в таком произношении не были известны писцу из живого языка, а потому правописание, свойственное Сав., и сохранилось только в этих словах. Но в таком же положении были и слова ѥдинъ, ѥлико и ѥлишьды, которые однако в большей части памятников так же последовательно пишутся с ѥ. Следо-

вательно, написания етеръ, езеро, елень в памятниках русского письма отражают старославянскую орфографию, однородную по отношению к этому пункту с орфографией Супр., и указывают на ст.-сл. говор, в котором *етеръ, езеро* и *елень* произносились с начальным *е*. А в таком случае обьяснять ст.-сл. начальное *е* из положения в начале фразы мы не можем. Факты живых славянских языков тоже не подтверждают этой гипотезы. И сербское *еда* и словинское *jeda* одинаково употребляются только в начале фразы, и такое положение этих частиц в начале фразы следует относить еще к о.-сл. эпохе; однако в словинском в этом слове имеется начальное *je-*, хотя словинскому языку и известны случаи с начальным *е*, восходящие к о.-сл. эпохе. В то же время словинские *eden*, *edna*, *edno*, *ena*, *eno* и пр. имеют начальное *e* без јотации несмотря на идущее исстари употребление этих слов как в начале, так и в середине фразы. С начальным *е* оказывается и слов. *ešče*, ч. *eště*, в.-р. диалект. *эще*, хотя это слово теперь, как и в древнейшую эпоху, не прикреплено к началу фразы. Наконецъ, и из указательных слов, начинающихся с частицы *е*, далеко не все употребляются теперь в славянских языках в начале фразы, и, повидимому, так же было и в о.-сл. эпоху.

Каково бы ни было происхождение начального *е* в таких словах, как *ese*, *eda*, *ei*, в о.-р. языке в начале этих слов должно было произноситься не то, что произносилось в словах *ezero*, *elenь*, *edinъ* и пр. до изменения этих слов в *ozero*, *olenь*, *odinъ* и пр.: еслибы в начале и тех и других слов произносился один и тот же звук, то дальнейшая судьба его была бы одинакова. Между тем мы выяснили, что в словах *озеро, олень, одинъ* и пр. *о* получилось из бывшего ранее, полученного из говоров о.-сл. яз. начального *е* без јотации. Чем же отличалось от этого *е* то, что̀ произносилось в начале слов *eda*, *ei* и пр.?

Можно предположить, что *е* в начале частиц и указательных слов произносилось с другим выдыхательным приступом или другой интонацией, чем то начальное *е*, которое в русском яз. перешло в *о*. Так, некоторыми выдвигается предположение, что частичные и указательные слова, сохранившие начальное *е* во всех славянских языках, произносились в о.-сл. языке с эмфазой.[1]) Действительно, при эмфазе вполне естественно сохранение звука,

[1]) На таком предположении настаивали между прочим при обсуждении моего доклада в Московской Диалектологической Комиссии проф. А. М. Селищев и Н. М. Каринский.

изменявшегося при других условиях. Но эмфазу в о.-сл. и, позднее, в о.-р. можно предположить только для некоторых слов, известных в славянских языках с начальным *e*; таковы утвердительная частица *ei*, вопросительная частица *eda* при ударении на 1-м слоге, указательная частица *e* в некоторых соединениях, произносимые в славянских языках нередко с эмфазой и теперь. Можно думать, что и в о.-сл. эпоху не все слова, сохранившие в славянских языках начальное *e* без јотации, произносились с эмфазой. По крайней мере, уже в Супр. слово *ece* является в таких положениях, в которых оно не могло произноситься с эмфазой; без эмфазы произносятся в разных славянских языках и многие указательные слова с начальным *e*; слово *ešče*, встречающееся с начальным *e* в нескольких славянских языках, очевидно, никогда не произносилось с эмфазой, так же, как и словин. *eden* и т. п.

Различием в характере ударения еще менее можно обьяснить сохранение начального *e* во всех славянских языках без јотации в одних случаях и появление јотации перед *e* в других случаях, а также различную судьбу начального *e* без јотации в русском языке. Правда, различия в качестве ударения между *eda* и *eto* и т. п., где, повидимому, было старое восходящее ударение, и *jesenь*, где как показывают словинский и великорусский языки, ударение было нисходящим, могут вызвать вопрос, не обьясняется ли сохранение *e* без јотации присутствием восходящего ударения, которое, как более сильное в экспираторном отношении, могло способствовать удержанию старого произношения, изменившегося при слабом (нисходящем) ударении или при отсутствии ударения. Но это предположение не может обьяснить всех случаев, потому что среди слов с начальным *j* перед *e* есть и такие, которые в о.-сл. имели восходящее ударение на 1-м слоге; с другой стороны, слово *ešče* вряд ли могло иметь в о.-сл. восходящее ударение на 1-м слоге.

Остаётся гипотеза Фортунатова[1]), что в тех словах, где в славянских языках является начальное *e* без јотации или *he*, это *e* или *he* восходят к дославянскому *he*. Старое придыхание перед *e* сохранялось в о.-сл. яз. только при ударении на 1-м слоге и уцелело в м.-р., б.-р. и зап.-слав. языках, а в ю.-сл. было утрачено. То обстоятельство, что в ст.-сл. памятниках слова *еда* и *еи* не отличаются по написанию от *езеро, елень,* позволяет думать,

[1]) Фортунатовъ, Лекціи . . ., стр. 238—243.

что в ст.-сл. в эпоху написания древнейших ст.-сл. памятников оно уже не сохранялось. Что касается русских памятников, то там придыхание не могло быть обозначено уже потому, что не имело для себя особой буквы в ст.-сл. азбуке; кроме того, русские писцы, читая по старославянски, могли не передавать его и в своем чтении. Что придыхание в словах типа *еда*, *еи* в русском яз. сохранялось в то время, когда начальное *е* (из *je* или в иностранных словах) изменялось в *о*, можно заключать из того, что в этих словах *е* не подверглось такому изменению; если бы придыхание отпало раньше, то начальное *е* должно было бы измениться в *о*, как и в других словах. Впрочем, нам известны два случая, где начальное *he* под ударением[1]) в заимствованных словах дало не *е*, как следовало думать, а *о*, как и начальное *е*. Это собств. имена *Ольга* и *Ольгъ* из скандин. *Helga*, *Helgi*. Возможно, что придыхание в этих заимствованных словах звучало слабее и потому отпало раньше.

Существование в чешских и польских говорах слова *ešče* с начальным *е* при начальном *he* в таких словах, как *heto* в тех же говорах Фортунатов обьясняет тем, что *h* отпадало в о.-сл. яз. не только перед неударяемым, но и перед слабоударяемым *е*, но это отпадение происходило позднее, чем отпадение *h* перед неударяемым *е*, после того, как перед начальным *е* в о.-сл. развилось *i̯*; поэтому перед слабоударяемым *е* из *he* јотации не происходило.[2]) Если принять эту гипотезу, то придётся предположить, что слово *еще* и в о.-р. яз. при ударении на 1-м слоге, как слабоударяемое, звучало с начальным *е*, а не *he* и, следовательно, должно было измениться в *óще*, а в.-р. диалектическое *эще* могло получиться лишь из *héšče* с сильным ударением на 1-м слоге.

7. Чередование начальных *e (he) — je — jь — o* в славянских языках.

Чередования *ešče — ješče*, *eda — jeda*, *edva — jedva* могут обьясняться тем, что в о.-сл. эти слова употреблялись с двояким ударением — на начальном и на последнем слоге. В первом случае перед *е* сохранялось начальное *h*, отпадавшее лишь позднее, во втором *h* отпадало, и перед начальным *е* развивалось *i̯* или *j*.

[1]) При ударении не на 1-м слоге начальное *h* в заимствованных словах в о.-р. отпадало еще раньше, как и в о.-сл., причем перед *е*, *а* развивалось *i̯* или *j*. Ср. в летописях *Якунъ* из *Hākôn*.

[2]) Лекцiи, стр. 241—242.

Позднее варианты с начальным *e (he)* и *je* могли влиять друг на друга.[1])

Так же обьясняется и чередование слов. *eden*, *ena* и пр., с.-х. *jѐдан, jѐдна* и пр., р. *оди́н, одна́* и пр. Слов. *eden* восходит к о.-сл. слову с ударением на 1-м слоге, с.-х. и р. указывают на о.-сл. ударение не на 1-м слоге. Если в начале этого слова было придыхание, оно при ударении на 1-м слоге должно было сохраниться, откуда правильно слов. *eden*, *ena* (с отпадением придыхания уже на ю.-сл. почве), при ударении не на 1-м слоге — отпасть; в последнем случае перед *e* развивалось *j*, отпадавшее позднее в о.-р. яз., если во 2-м слоге являлось *i*; таким образом из о.-сл. **hedinъ*, **hedьnъ* и пр. с ударением не на 1-м слоге правильно получалось с.-х. *jѐдан, jвдна*, п. *jeden*, *jedna*, р. *один, одна* или *една*. В слов. *edin* начальное *e* могло явиться позднее по аналогии с *e* в *eden*.[2])

Чередование *ešče* или *ješče* и *ošče* (б. *оште,* в.-р. *ошшо,* др.-р. *още*), *jedva* или *edva* и *odva*, *ese* и др -р. *осе* может обьясняться тем, что в начале этих слов в о.-сл. могли быть частицы *e (he)* и *o (ho?)*; русское *още* могло получиться и из о.-сл. *ešče* со слабым ударением на 1-м слоге. С.-х. *jоште* представляет контаминацию *jеште* с *оште.*[3]) М.-р. *шче,* слов. *išče*, в.-л. *hišće*, н.-л. *hyšć* — из о.-сл. **jьšče*, а последнее могло получиться из редукции безударного частичного слова *ešče*.

Чередование *jemela* и *omela*, *orьlъ* и н.-л. *herjol* или *jerjol* получает обьяснение, если принять гипотезу Розвадовского о балт.-слав. изменении начального a^0 в *e* перед слогом с *e*. Именно, балт.-слав. корни ***a^0*m-*, ***a^0*r-* должны были сохраниться без изменения перед суффиксами **-olo*, **-ilo* (ср. лит. *amalas*, слав. *orьlъ*) и измениться в **em-*, **er-* перед суффиксами **-ela*, **-eli̯o-* (ср. слав. *jemela*, лит. *erelis*). О.-сл. яз. получил эти слова в двояком виде; позднее в говорах о.-сл. яз. *emela* могло изменяться в *omela* по аналогии с несохранившимся в нынешних славянских языках **omolъ,* а *orьlъ* в *erьlъ* по аналогии с несохранившимся **erelь*. Русское *омела* могло получиться и из *omela* и из *emela*.

Остаются необьясненными чередования *jemela – imela*, *jelša — olša*, *jelcha — olcha*, *jelito — olito*. Это чередование приходится возводить к о.-сл. эпохе, но чем оно вызывалось там, мы сказать не можем.

---

[1]) Ср. Фортунатовъ, стр. 241, 242. — [2]) Ср. Фортунатов, стр. 242, 243. — [3]) Ср. Фортунатов, стр. 241, 242, 251.

8. Время изменения начального *е* в *о* в русском яз.

Наличие *о* из начального *е* уже в Син. Патерике и Изборнике 1076 г. показывает, что к этому времени начальное *е* в русском яз. уже изменилось в *о*. В то же время такие слова, как **оклисиастъ**, **оксапсалмъ**, **опорькистъ**, **Опикоуръ** и т. п. в памятниках конца XI и XII в. свидетельствуют о том, что в то время, когда писались эти памятники или их оригиналы, закон об изменении начального *е* в *о* был настолько живой, что захватывал и слова, только что заимствованные из греческого яз. и не успевшие войти во всеобщее употребление. Когда этот закон возник, мы установить не можем. Киевская княгиня *Ольга* у Константина Багрянородного в X в. называется *Ἔλγα*, но это имя могло быть передачей того имени, которым называла княгиню её скандинавская дружина (придыхания тогдашние греки не могли передать). Со скандинавскими именами *Helgi* и *Helga* русские славяне познакомились в X в., но произношение этих имён с *о* могло явиться как в X в., так и позднее.

Николай Дурново.

Дополнения.

Моя статья была послана в редакцию раньше, чем вышла 2—3. св. II т. журнала Slavia с обширной статьей проф. Г. А. Ильинского, посвященной тому же вопросу. Хотя, прочитавши её, я не вижу надобности менять в чём либо свои взгляды и аргументацию, но некоторые дополнения считаю нелишним сделать.

На стр. 233, возражая Колосову, И. указывает на то, что слово олѣи, встречающееся в древне-русских памятниках рядом с елеи, представляет правильную передачу лат. *oleum* и известно ст.-сл. памятникам. В данном случае он совершенно прав, и для меня непонятно, каким образом это слово попало в „Очерк“ Шахматова (§ 231) наряду со словами, перешедшими непосредственно из греческого языка и имеющими начальное *о* только в русских памятниках, притом в памятниках церковного письма по большей части в виде редких исключений, тогда как слово олѣи в русских церковных памятниках обычно, а в ю.-сл. нередко.

На стр. 236, возражая Ягичу, И. говорит, что статья Ягича „заставляетъ вѣрить въ переходъ *'е* в *'о* передъ мягкими, тогда какъ въ другихъ случаяхъ этотъ переходъ наблюдается только передъ твердыми“. По отношению к Ягичу это отчасти верно, потому-что Ягич связывает изменение начального *е* в *о* в русском языке с позднейшим русским изменением *е* в *о* перед твердыми (т. е., надо думать, тогда лабиализованными) согласными. Но вообще эти два явления не однородны, и одно другому не мешает. Возможность перехода в русском

языке в *о* именно начального *е*, а не *je* И. опровергает вопросами: „почему тогда произошло расширеніе (sic), которое происходить (так: наст. вр.!) передъ твердыми согласными послѣ мягкихъ? Позволительно ли предполагать, что зачинное *е* имѣло ту же судьбу, какъ *е* послѣ мягкихъ? Противъ этого говорить междометіе э, но не особенно рѣшительно . . . Да и построеніе безпризвучной формы неудобно, п. ч. всѣ славянскіе языки указываютъ на *j*.“ Но предполагаемое Колосовым, Фортунатовым и др. изменение начального *е* в *о* в русском языке — явление другой эпохи и вызывалось иными условиями, чем изменение *е* в *о* после мягких. Кроме того, как раз именно не все остальные славянские языки указывают на начальное *j*: Супр. и древнейшие памятники русского письма указывают на ст.-сл. говоры, в которых именно в этих случаях (єзєро, єлєнь, єрмбь) было начальное *е* без јотации; к таким же говорам с начальным *е* только в этих случаях восходят и н.-л. *heleń*, *hemjelina*, *hemjoł*, *herjeb*, *herjebina*.

На стр. 237. И. повторяет сказанное им в Прасл. Грамм., что „написанія єлєнь, єсєнь, єдинъ и т. п. . . . отражають вліяніе югослав. орѳографической традиціи; такъ какъ въ русс. языкѣ эти слова звучали съ начальнымъ *о*, то писецъ оставлялъ ихъ, какъ нѣсколько чуждыя для своего уха, въ томъ же видѣ, въ какомъ находилъ ихъ въ своемъ оригиналѣ“. Но южнославянской орфографической традиции, усвоенной русскими писцами, свойственно было последовательное употребление начального ѥ; поэтому написание в русских памятниках с начальным є без јотации только известной группы слов указывает на такие южнославянские оригиналы, в которых начальное є без јотации писалось именно в этой группе. Что такие южнославянские оригиналы существовали, показывает Супр., которая по употреблению начальных ѥ и є совпадает с значительной частью русских памятников XI и XII в. Кроме того, можно заметить, что русские писцы произносили с начальным *о* в живой речи не только *олень* и *озеро*, но и слова *одинъ*, *оже*, *олико* и однако писали их обычно с начальным ѥ, тогда как слова *елень* и *езеро* (не *есень*, неизвестное мне из памятников, различающих начальные є и ѥ) во всех памятниках, не смешивающих є и ѥ, последовательно пишутся с начальным є.

Там же по поводу слов *есе*, *еже* (!), *еда* И. замечает: „Вѣдь, какъ показалъ Meillet . . ., они слышались обыкновенно въ началѣ предложеній“. Meillet не „показал“ этого, а только предположил, что отсутствие начального *j* в словах *есе* и *еда*[1]) могло быть связано с употреблением их в начале предложений. Мои замечания по поводу этого см. выше.

Далее И. говорит: „Что же касается до нлж. *he-* (в словах *heleń* и пр.), то доказательная его сила равна почти нулю, и именно потому, что звукъ *h* появляется въ этомъ языкѣ не только передъ *е-*, но и передъ другими гласными, въ томъ числѣ даже передъ *i*“. Верно, что *h* в начале слова в части н.-л. языка развилось перед всеми на-

---

[1]) Не в слове ѥжє, о котором Meillet не говорит, и которое всегда пишется с начальным ѥ.

альными слоговыми гласными, но только перед слоговыми, а не перед *i̯* не перед *j*. Следовательно, слова *heleń*, *hemjelina*, *herjeb* и пр. в н.-л. восходят непосредственно к словам с начальным *e*, тогда как в других словах присутствие начального *j* перед *e* во всем н.-л. языка указывает на то, что в ту эпоху, когда в н.-л. языке перед начальными гласными развивалось *h*, в этих других словах было начальное *je*.

Замечания И. на стр. 240 по поводу гипотезы Шахматова представляют повторение того, что говорилось им в Прасл. Гр., и рассмотрены мною выше.

На стр. 250 и 251 И. противоречит сам себе, утверждая сначала, что *a* в прусском *assaran* „не позволяетъ сомнѣваться“ в том, что в слове *озеро* звук *o* из старого *o* или *a*, а не из *e*, а потом, что в прусском *assanis* „начальное *a* можетъ фонетически замѣнять *e*“. Вернее второе.

Главную часть статьи И. составляют его этимологии каждого отдельного слова, имеющего в русском языке начальное *o* в соответствии с начальным *je* других славянских языков. В этих этимологиях он доказывает возможность существования в о.-и.-е. языке дублетов с начальными *o* и *e*, к которым восходят с одной стороны русские слова с начальным *o*, с другой — слова других славянских языков с начальным *je*. Я уже привел выше соображения, по которым считаю гипотезу И. в целом совершенно невероятной, и потому простая в о з м о ж н о с т ь существования таких дублетов в о.-и.-е. языке не является для меня аргументом в пользу того, что выдержанная система соответствий русского языка с другими славянскими и балтийскими языками восходит к этим предполагаемым о.-и.-е. дублетам, и что таким образом обще-русский язык сохранил отношения, существовавшие еще раньше конца балтийско-славянской эпохи, т. е. не меньше, чем за 1000 лет до его образования. В виду этого не считаю нужным оспаривать вероятность сближений, делаемых Ильинским, не идущих далее простой возможности.

Впрочем несколько замечаний всё-таки сделаю. На стр. 251, чтобы связать предполагаемое им для основ *ozer-* в р. *озеро* и *ezer-* или *ezer-* в соответствующих словах других славянских языков о.-и.-е. чередование *o* и *e* с греч. *ἀχεροῦσια*, И. выводит начальное *α* этого слова из о.-и.-е. ^{e}, т. е. допускает, что в о.-и.-е. языке общая основа этих слов являлась в 3 вариантах, из которых по крайней мере два предположены только для того, чтобы объяснить происхождение *o* в одном только русском *озеро*.[1])

Любопытно рассуждение на стр. 262: „Сопоставленіе бр. *евня* и лт. *jauja* съ гр. *ζεία*“ . . . и т. д. до конца абзаца. Это рассуждение

[1]) Ссылка И. на существование в Эпире географ. названия *Ὄζερος* ничего не говорит: если это название действительно заимствовано греками непосредственно из какого-то слав. языка, то *o* вместо *e* могло развиться и на греч. почве, тк. к. греческим эпирским говорам известен переход начального *e* в *o* в своих словах (см. Kretschmer в Schriften der Balkankommission VI. 141—142, Hatzidakis. Einleitung etc.); каким изменениям должно было подвергнуться то же название, если оно перешло к грекам через албанское посредство, не знаю.

странно читать у И., который легко выводит из одного значения „палка" значения „колоть" и „стоять" (Сборник в честь Ляпунова, ср. Slavia II. 131), связывает семасиологически *телѣгу* со *слегой* (Изв. XXIV. 1. 118), *багор* с понятием „*ломать*" (ib. 120), *ковригу* с *ковычкой*, *клюкой* (м.-р. *ковiнька*), *ковылём*, *снопом* (п. *kawiorek*), *кивером* и *локоном* (ib. 123—124), понятие „*мучить*" с *лемехом*, *лесом* и *ямой* (см. ниже) и т. д. В данном же случае мне представляется одинаково вероятным и то, что первоначальное значение слова *овин* исходило из понятия печи, и то, что оно исходило из понятия зернового хлеба. *Овин* — „помещение для сушки зернового хлеба в снопах". Если в сознании изобретателей этого слова в момент его изобретения данным было понятие „зерновой хлеб в снопах", то названием могло быть выражено понятие „место для сушки"; если же данным было понятие печь (печи бывают разные), то названием должно было быть выражено понятие „зерновой хлеб в снопах".

К стр. 264. Происхождение сев.-великор. *омеж* (Даль, Шахматов), *омех* (Преобр. ЭС; откуда?), *омешики* (олон. старины) и для меня, как и для Шахматова, неясно. Соблазнительно сопоставить это слово с с.-х. *јемљеш*, как и делает Шахматов, и предположить существование в о.-сл. варианта **jemešь*, откуда **emešь* и далее в русском языке **omešь*. Но форма **jemešь* или **emeš* славянскими языками не засвидетельствована, и потому возможно, что это два разных слова; в последнем случае этимология сев.-великор. *омеж* для выяснения вопроса о причинах соответствия русского начального *о* начальному *je* других славянских языков безразлична. Гипотезу И., что с.-в.-р. *омеж* родственно неславянским словам, начинающимся с *om*- или *omo*- (а также *somo*-, *i̯omo*-? ср. пример „гр. *ὁμοῖος*")[1] и связанным с понятием „мучить", сербскому диалектич. *ȍmora* „лес" и о.-славянскому *jama* „яма", и что в то же время о.-сл. *jama* „не имѣетъ ничего общаго" с похожими словами других и.-е. языков, обозначающими яму, как напр. лтш. *jũma*, греч. *ἀμάρα*, я решительно отказываюсь понимать: какие семасиологические и фонетические признаки И. считает достаточными, чтобы допускать или отвергать родство тех или других слов?[2])

На стр. 266 по поводу соответствия м.-р. *óрябок*, *орябина*, црк.-сл. ꙗрѧбь, с.-х. *јереб*, *јеребика* и пр. И. замечает, что „формы с ꙗ- не

---

[1]) В аттич. и *κοινή* слово *ὁμοῖος* имело только значение „подобный, одинаковый". Но у Гомера нередки выражения: *ὁμοίιος πόλεμος*, *νεῖκος ὁμοίιον*, *ὁμοίιος θάνατος*. Обычное толкование их пытается исходить из того же понимания слова *ὁμοίιος* (ср. Passow, Вейсман и др.), но некоторые (ср. Menge-Güthling, Griech.-Deutsch. Wörterb.) переводят здесь *ὁμοῖος*, как „мучительный", предполагая в этом слове тот же корень, что и скр. *amīvā* и др. Не знаю, как в таком случае должно обьясняться густое придыхание перед *о*. Кроме того, такое понимание мне представляется натянутым, так как эпитет „мучительный" к понятиям войны, боя и смерти в бою не подходит, особенно в героическом эпосе; скорее можно бы ждать эпитета со значением „уничтожающий, истребительный" и т. п. А в таком случае и сопоставление греч. *ὁμοῖος* с санскр. *amīvā* и пр. теряет всякую убедительность.

[2]) Делая такое замечание, я однако не берусь решать, стоит ли слав. *jama* в родстве с лтш. *jũma* или греч. *ἀμάρα*, вследствие недостаточного знакомства с другими и.-е. языками.

ужды и др.-русс. яз., ср. ѥрѧбь (Усп. Сб. XII в.)“. Но в Усп. Сб. лово єрѧбь (не ѥрѧбь!) встречается лишь в Беседе Кирилла Александрийского о Богородице и оо. Ефесского собора, в переводном памятнике не русского, а црк.-слав. происхождения, и вообще это слово звестно в таком виде (с начальным є или ѥ) только из памятников рк. письма, а потому не может рассматриваться, как исконное слово р.-р. языка. Самое написание єрѧбь, повторенное в Усп. Сб. дважды а л. 268 с начальным є без јотации: ѥгда єрѧбь и въспѣ єрѧбь, может, отя и ненаверное, указывать на то, что 2-му писцу Усп. Сб. или исцу его оригинала это слово было известно в церковном произноении без јотации, т. к. этот писец в общем довольно последовательно, отя и не так, как первый писец, различает начальные є и ѥ. Так, названной ,,Беседе“ (лл. 265 об—270) ѥ пишется постоянно в словах: ѥго (2 раза), ѥгоже (3 р.), ѥмоу (6 р.), ѥмоуже (4 р.), ѥыже (15 р.), ѥже (35 р.), ѥси (2 р.), ѥсть (1 р.), ѥдинъ (2 р.), ѥдина (1 р.), ѥдино (1 р.), ѥдиного (2 р.), ѥдиноу (1 р.), ѥдинородьцѧ (2 р.), ѥльма (2 р.), ѥще (2 р.); є — греч. словах иеремиѩ, єлиньскоу, архиеп͡спа (2 р.), єфесьскыи, єфесьстѣ, єфесьскыимъ, єфеськскааго, въ єуангліи, євнглиста, єванглистомъ, єванглькскыѩ, євангльстѣи, ємманоуилъ, єлѣа, а также в слове єрѧбь 2 р.); буква є вместо ѥ в словах 1-ой категории является в следующих примерах: бѣсѧ сѧ є҆ же поонѧщимъ 268б, оцихъ єже (в)ъ єфесьстѣ съ|борѣ 265 оба—б, ороужиємь 269 оба, рѣслоуша єго| 269 обб; наоборот ѥ вместо є: иѥрѣискыи 266а, и ѥлиньско 266б, обоих случаях после и. Если же слово єрѧбь в церковном чтении роизносилось с начальным *е* без јотации или восходит к ст.-сл. оригиналам, где оно писалось с є, то оно, очевидно, входит в ту же руппу, как и слова *езеро* и *елень*, что подтверждается и н.-л. говорами, де слова с той же основой произносятся с начальным *he-*: *herjeb*, *erjebc* и пр., а следовательно и м.-р. *óрябок*, *ора́бина* можно выводить з о.-сл. слов с основой *erȩb-* без начального *j* в говорах. Что касается чакавскаго *orebȉce*, то строить на нем какие-либо выводы, я не решаюсь.

На стр. 267. И. не совсем верно понимает Фортунатова, говоря о поводу русского *омёла*, что Фортунатов ,,самъ не совсѣмъ былъ вѣренъ въ доказательной силѣ этого примѣра“. Для Фортунатова тот пример сам по себе не являлся доказательством перехода в русском з. начального *е* без јотации в *о*; такой переход доказывается другими римерами, но н.-л. *hemjoł* и *hemjelina* говорят за то, что в говорах .-сл. яз. и в этом слове, как и в словах *езеро* и *елень* *j* перед *е* отутствовало, и таким образом подтверждают гипотезу Фортунатова в той асти, где говорится об о.-сл. диалектическом отпадении (или отсуттвии) *j* перед *е*, за которым следовала немягкая согласная, если в слеующем слоге были гласные *е* или *ę*; русское же *омёла* с одинаковым равом может выводиться и из о.-сл. диалектического *emela* и из *omela*.

На стр. 267—270 И. пытается решить вопрос о происхождении ислительного *jedinъ*, русск. *один*. Этот вопрос мне представляется сущности неразрешимым, поскольку он выходит за пределы о.-сл. похи, п. ч. нам неизвестны слова других и.-е. языков, которые могли ы быть приведены в связь с этим словом славянских языков. Можно

только предполагать в виду существования в слав. языках основы *in(o)-* с тем же значением (ср. ст.-сл. инокъ, инорогъ, иночѧдъ), что слово *jedinъ* или *jedьnъ* сложное, и что во вторую часть его входит та же основа *in-* или *ьn-*. Эту последнюю можно с некоторой вероятностью, как это и делает б. ч. ученых, сближать с др.-лат. *oinos* (класс. лат. *ūnus*) и т. п., видя в ней слабую ступень того же корня, с о.-и.-е. *i* (ср. Фортунатовъ, Краткій очеркъ сравн. фонетики 161). Но та часть слова, которая стоит перед этим *-inъ* или *-ьnъ*, остаётся всё равно необъяснимой, независимо от того, будем ли мы связывать её с начальным *jed-* в слове *jedъva* или нет. Гипотезы же, отвергающие присутствие в слове *jedinъ* основы *in-*, не выходят из области чистых гаданий. Говоря словами И. (стр. 269), существование в о.-и.-е. яз. и фортунатовского *hed-*, и бругманновского *edhi-*, и предполагаемых Ильинским *edhi-*, *edho-* и *odhi-*[1]) одинаково „не подтверждается никакими позитивными фактами, почему на беспристрастного читателя" эти гипотезы (по И., только гипотеза Фортунатова) производят „впечатлѣніе придуманныхъ ad hoc". Гипотеза же Педерсена, принятая и Бернекером EW., что здесь к слову *inъ* присоединилась форма имен.-вин. пад. ср. р. *ed*, представляется мне мало вероятной. Хотя форма *ed* и может быть восстановлена для о.-и.-е. языка, но самое соединение её с формами всех падежей и чисел местоимения *inъ* я считаю невозможным. Но если мы не можем гадать о том, были ли в о.-и.-е. яз. частицы *ed-*, *hed-* и т. д., то мы можем сделать некоторые выводы относительно произношения слитeльного *jedinъ* в эпоху распадения о.-сл. языка на основании сопоставления показаний всех славянских языков. Именно в словинском и говорах чешского яз. это слово звучит с начальным *e*, а не *je*. Между тем, в словинском начальное *j* очень устойчиво, и предполагать отпадение его в этом слове на почве словинского языка у нас нет оснований. Следовательно, форму без јотации надо относить к говорам о.-сл. языка. Чем же это отсутствие *j* могло быть вызвано? Отсутствие *j* перед *e* в зависимости от характера гласных следующего слога было известно только тем говорам о.-сл. языка, к которым восходят ст.-сл. (или его говоры), русский и часть н.-л. языка; словинский язык указывает на говоры, в которых *j* являлось перед всяким начальным *e*. Ни положением в начале фразы, ни эмфазой отсутствие *j* перед *e* в числительном *edinъ* объяснить нельзя. Но вполне естественно предположить, что начальное *e* без јотации в слове *eden* в словинском такого же происхождения, как в словинском *esej* и т. п. Как я указал, предлагаемое Meillet объяснение начального *e* в этих словах из положения в начале фразы встречает ряд затруднений, как и объяснение этого *e* из эмфазы, и единственным приемлемым остается предположение

[1]) Бругманн, как и И., не выделяет из слова *jedinъ* в качестве его второй части основу *in-* или *ьn-* со значением „один", а разлагает *jedinъ* на части: *e* (указат. частица) + *dhi* (формант наречия с местным значением = греч. *θι*) + *no* (суффикс). См. KVGr. §§ 441, 495, 580. Не понимаю, как из этого соединения могло получиться слово со значением „один", и чем гипотеза, отказывающаяся удовлетворительно объяснить только нач. *jed-*, хуже.

Фортунатова, что в начале этих слов в о.-сл. было *h*, восходящее о.-и.-е. *h*, тем более, что это предположение отнюдь не является роизвольным, придуманным, как кажется Ильинскому, ad hoc, так ак оно не только позволяет связать указательную частицу, сохранивнуюся в славянских языках в виде *e* или *he*, с латинской основой *ho-*, вляющейся в лат. указательном местоимении *hoc* и пр., и славянское *теръ* с соблазнительно похожим на него греч. *ἕτερος*, но и объясняет роисхождение придыхания в этих словах лат. и греч. языков: по райней мере учёные, не разделяющие гипотезы Фортунатова, удовлеорительной этимологии лат. *hic* и пр. и греч. *ἕτερος* не дали.[1]) .-и.-е. указательная основа или частица *he-* могла быть родственна той частицей *e*, которая является в греч. *ἐκεῖ*, *ἐκεῖνος*, лат. equidem др.; возможно, что *h* в начале слова в о.-и.-е. в эпоху его распаения могло быть только перед ударяемыми гласными. Исходя из этих оображений, можно думать, что и словинское *eden* и пр. восходит о.-сл. *hedьnъ* и пр. Но другие славянские языки (за исключением олгарского), в том числе и русский, не указывают на о.-сл. *hedьnъ*, ак как и начальное *o-* русских языков и начальное *je-* других славянских языков не могут восходить к о.-сл. *he-*. Следовательно, произношение *hedьnъ* и пр. в о.-сл. было только диалектическим, рядом *jedьnъ*, *jedinъ* или *edinъ*, причем это различие могло зависеть от места ли качества ударения. Но русское *один* вполне объяснимо из о.-сл. диаектического *edinъ* без јотации, на существование которого указывают екоторые русские памятники церковного письма XI и XII вв., имеющие аписание *единъ* хотя и редко, но не настолько, чтобы можно было бъяснять его описками.

На стр. 269—270 и 272—275, говоря об этимологии слав. *jedinъ* пр. и р. *один* и пр., а также об этимологии слав. *ješče* и *ošče*, И. не читывает наличия в славянских языках кроме форм с начальными , *o* и *jo* также форм с начальным *e* (см. выше) в тех слав. языках, которых начальное *j* перед *e* вообще не отпадало.

На стр. 275 И. правильно считает ст.-сл. ѥже и др.-р. *оже* разыми словами, хотя и преувеличивает, утверждая, что между ними нет ничего общаго". За то, что это разные слова (И. доказательств этому е приводит), говорит между прочим то обстоятельство, что ѥже в паятниках, различающих начальные ѥ и є, всегда пишется с начальым ѥ, в противоположность словам *езеро* и *елень*, которые в русских амятниках церковного письма этой категории всегда пишутся с на-

---

[1]) Ср. у Meillet, Introd.[5]: »le latin a un démonstratif dont l'élément radil ne peut être rapproché d'aucun radical des autres langues« (287); F. Sommer, andb. d. latein. Laut- und Formenlehre: »An einer sichern etymologischen erknüpfung von *hic* fehlt es bis jetzt« (§ 286). Т. к. лат. *h* вообще восходит о.-и.-е. *gh*, то для *hic*, *hoc* и пр. предполагают обычно о.-и.-е. основы *ʰi-*, *gho-* и сближают его с санскр. частицей *hi*, греч. *χι* (*οὐχί*, *ναιχί*), слав. ., с., м.-р.) *зи* (Fick. Vgl. Wb., ср. Brugm. KVGr. § 848) и с санскр. *ha*, реч. *γε*, слав. *же* (Fick. Vgl. Wb., Brugm. KVGr. § 851). Но эти частицы игде указательного значения не имеют и везде ставятся после слов, к которым они относятся, и потому сближение с ними не может считаться бедительным.

чальным є, и в отличие от слов *единъ*, *елико*, *елишьды*, которые хотя изредка, но чаще, чем можно ждать от описки, попадаются также с начальным є.

Об *есе* и *осе* см. у меня выше. Добавлю, что *осе* вполне допускает и объяснение из о.-сл. **ese*, но на **ȟese* указывают как словинское *esej*, так и указательные слова всех славянских языков с начальным *e* или *ȟe*. Впрочем возможно, что было и **ese*, где придыхание отпало вследствие другого качества или места ударения; такое **ese* в русском яз. по общему правилу могло изменяться в *ose*.

К стр. 276. Древне-русские *олико* и *олишьды* в виду 1) наличности о в слове *один* тоже только в русских языках, 2) изредка встречающегося в памятниках русского письма, не смешивающих ѥ и є, написания этих слов с є и 3) установленного соответствия русского *o* начальному *je* других славянских языков и начальному *e* говоров ст.-сл. и н.-л. языков перед слогом с *e*, нет никакой надобности не считать получившимися из о.-сл. *eliko* и *elišьdy*.

Свою гипотезу И. пытается подкрепить м. пр. ссылкой на некоторые единичные примеры из русских говоров с начальным *je* вместо ожидаемого *o* или из других славянских языков с начальным *o* вместо ожидаемого *je*. На этих примерах я не останавливался выше в виду их единичности и недоказательности. Сюда относятся в великор. говорах новгор. *езеро* и *лезеро*, ряз. *есень*, тамб. *есеня́сь*, в хорв. яз. чак *orebìce*; сюда же можно добавить и чш. *oseй* (Kott. Č.-N.Sl.), о котором И. не говорит, но на которое ссылается А. И. Соболевский (Лекціи[4] 31). Откуда взял И. новгор. *езеро* и *лезеро*, не знаю[1]): в известных мне диалектологических матерьялах эти слова мне не попадались. Думаю, что это заимствование из црк.-слав.; по близости от Новгорода такое заимствование вполне естественно. Как чужое слово *езеро* легко могло подвергнуться и изменению в *лезеро*; в своих словах начальное *je* в в.-р. остаётся без изменения. Тамбовское *есеня́сь* (только у Даля), вероятно, — *исиня́сь*; в таком случае начальное *и* здесь такого же происхождения, как и в ю.-в.-р. *игурцы́* (при каких-то условиях из редуцированнаго безударного гласного звука). Слово *есень*

---

[1]) О ѥзеро — „лезеро" писалъ М. Колосовъ. „Говоря о древностяхъ языка Паозерья, нѣкоторыя лица въ Новгородѣ увѣряли меня, что мѣстами тамъ можно слышать слово *озеро* въ древней формѣ ѥзеро. Тамъ, гдѣ я былъ въ Паозерьѣ (Ям., Кор., 36.), такой формы нѣтъ. Считаю однако вполнѣ возможнымъ, что форма ѥзеро мѣстами существуетъ; но безъ всякаго сомнѣнія она не остатокъ доисторической древности, а очень позднее явленіе, предполагающее между собой и *озеро* посредствующую форму *йозеро*. Это явленіе того же рода, что встрѣчающееся мѣстами свр. *енъ*, *ены* изъ *онъ*, *оны* — черезъ *йонъ*, *йоны*". Въ примѣчаніи 2-мъ сообщено: „При формѣ ѥзеро слышится, какъ говорили мнѣ, и *лезеро*. Это *л* есть, конечно, видоизмѣненіе йота". М. А. Колосовъ, Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія (Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н." т. XVII. 1877 г.), стр. 12. Ссылка на это сообщеніе была сдѣлана имъ въ своемъ „Обзорѣ звуковых и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка" (Варш. 1878), стр. 167. Недавно сообщеніе Колосова использовалъ П. А. Бузукъ въ своей статьѣ „Лингвистическіе заметки", Ученые Записки Высшей школы г. Одессы, т. II, 1922, стр. 26. *А. Селищевъ.*

стретилось только у Даля, у которого оно помечено, как рязанское; ругие записи по южновеликорусским говорам такого слова не знают. Іе извлёк ли его Даль из твор. ед. *исянью*, где начальное *и* такого се происхождения, как и в нередких в ю.-в.-р. *игарóт*, *иднамý*, *итари*, *ибманýть*, *ипять* (ср. мои Діал. Раз. I. 33) и др.? Чак. *orebice* звестно мне только по ссылке Шахматова на Белиħа, без более точных казаний; в других источниках это слово с начальным *о* мне не попадалось; точно также неизвестно мне из чш. яз. и слово *oseй*; в словаре Kott'a оно приведено без указания источника. Строить какие-ниб. ыводы на таком неизвестном матерьяле я не считаю себя в праве: уществование этих единичных слов не меняет того факта, что в сербком и чешском языках русскому *осень* и малорусским *óрябок*, *ор́ябина* равильно соответствуют слова с начальным *je-*, как и словам *олень*, *сётр*, *один.* [1])

Взглядов Ягича, Вондрака, Бернекера и др. я не касался, хотя Критич. Зам." Ягича, Vergl. Gr. Вондрака и Etym. W. Бернекера ыли мне известны, п. ч. не вижу необходимости вступать в полемику этим увеличивать и без того слишком разросшуюся статью там, где оказательства от этого не становятся более убедительными.

Москва, 18 февр. 1924.

Николай Дурново.

[1]) В письме ко мне И. указывает еще один пример: *одьначе* в Син. с. 101$^{б}_{19}$. Но там написано *ïначе,* как в Пог.. и лишь позднее, неизвестно ем, надписано сверху ⰑⰄⰠ.

Старочешские стихотворения, сложенные однорифменными четверостишиями (8a·4).

§ 1. „Kunhutina píseň“ *Принципи версификации; акцентология. Стих „Кунгутиной песни“ и ее латинского прототипа.*

Старшим из дошедших до нас, значительных по своим размерам чешских стихотворных памятников является так называемая „Кунгутина песнь“.[1]) Еще Feifalik установил, что это стихотворение сложено строфами, состоящими из четырех восьмисложных стихов, связанных одной рифмой (Sitzungsberichte der Wiener Akademie, Phil.-hist. Classe, 39, 1862, стр. 19). Patera пришел к заключению, что старший список „Кунгутиной песни“, дошедший до нас, написан между 1285 и 1296 г. Он же констатировал, что образцом для „Кунгутиной песни“ послужила секвенция Фомы Аквинского „De corpore Christi“ (ČČM. 56, стр. 103—122). В 1264 г. папа Урбан IV поручил Фоме Аквинскому составить службу к празднику Тела Господня. Молитва „Lauda, Sion“ была сочинена или, по крайней мере, обнародована не ранее этой даты. Следовательно „Кунгутина песнь“ написана между 1264 и 1296 г. Проф. Nejedlý достаточно убедительно проаргументировал, что „Кунгути́на песнь“ в действительности никогда не пелась, а, вероятнее всего, исполнялась речитативом на манер псалмов (Déjiny předhusitského zpěvu, Прага 1904, стр. 279). Flajšhans, главным образом, на основании наблюдений над синтаксисом стихотворения, пришел к заключению, что два „коротких“ стиха связываются по методу немецких стихов в Langvers с постоянной диэрезой после первого полустишия (после восьмого слога), и что две строфы объединяются в одну большую строфу, а весь памятник, насчитывающий 152 восьмисложных стиха (одного, семидесятого стиха в старшем списке „Кунгутиной песни“ не достает),

---

[1]) Лучшее издание и транскрипция старшего списка Кунгутиной песни — Flajšhans „Nejstarší památky jazyka i písemnictví českého“ (Прага 1903), стр. 151—156.

Flajšhans членит соответственно на 19 строф (ор. с. стр. 89). Эти наблюдения верны в том смысле, что 1. в „Кунгутиной песни“ сильней тенденция отделять друг от друга синтаксическими паузами двустишия, нежели стихи (между первым и вторым стихом четверостишия синтаксическая пауза, выражаемая знаком препинания, отсутствует в 11 случаях, между третьим и четвертым в 13 случаях, а между вторым и третьим только в 4 случаях); 2. сильнее тенденция отделять друг от друга большой паузой (которой в современном письме соответствует точка) восьмистишия, нежели четверостишия. Если даже отрешиться от тенденциозной интерпункции Flajšhans'а, то все же обнаруживается, что в то время, как восьмистишия разграничены большими паузами в 16 случаях, внутри восьмистиший четверостишия разграничены большой паузой всего в 7 случаях (внутри четверостиший большая пауза вовсе отсутствует).[1])

О характере старочешского стиха нет до сих пор единства мнений. Бесспорно покончено с гипотезами о количественном принципе старочешского стихосложения, но в то время, как одни исследователи склоняются к признанию ударения основой этого стихосложения (см. напр. Král, O prosodii české, I, Прага 1924, стр. 11), рядом продолжают всплывать мнения о его чистом силлабизме (см. напр. Gebauer, O verši a rýmu v Nové radě pana Smíla Flašky z Pardubic, LF. 3, 1876, стр. 168 и сл. или Nejedlý, Dějiny předhusitského zpěvu, стр. 126).

Нет до сих пор и надежных данных о чешском ударении XIII в. (ср. мою книгу „О чешском стихе“, Берлин 1923, стр. 10—12).

Поэтому мы не станем подходить к „Кунгутиной песни“ с теми или иными предварительными мнениями об ее стихе и легшей в ее основу акцентологической системе, а попытаемся вывести ответ на эти вопросы непосредственно из анализа стихотворения. Прежде всего рассмотрим, как распределяются в стихе „Кунгутиной песни“ слова различного числа слогов. Во избежание априоризма оставим пока вне рассмотрения

---

[1]) В нескольких случаях два четверостишия одной „большой строфы“ связываются воедино и рифмою. Таковы первые две пары четверостиший, девятая пара, одиннадцатая и заключительная; односложной рифмой связаны также десятая пара и тринадцатая. Обратно в отдельных случаях полною рифмой связано только двустишие, а пары двустиший связаны между собой только односложной рифмой. Ср. четверостишия 24-ое и 31-ое.

энклитики и проклитики, а также имена в сочетании с предлогами, перетягивающими на себя ударение в современном чешском языке. Мы получаем следующие результаты:

	Слог стиха, с которого начинается слово							Итого
	1-ый	2-ой	3-ий	4-ый	5-ый	6-ой	7-ой	
двусложных слов	77	3	85	—	27	1	34	227
трехсложных слов	6	15	10	1	—	41	—	73
четырехсложных слов	5	—	—	—	74	—	—	79
шестисложных слов	—	—	1	—	—	—	—	1

Анализ данных этой таблицы позволяет нам оценить правильность осторожного суждения Добровского о том, что в старочешских стихах закономерность распределения ударений очевидна применительно к двусложным словам.[1])

Одного взгляда на таблицу достаточно, чтобы убедиться, что в „Кунгутиной песни“ двусложные слова и слова с четным числом слогов вообще располагаются строго закономерно. Прежде всего, с нечетных слогов стиха начинается 303 слова с четным числом слогов, с четных слогов стиха начинается всего 4 слова с четным числом слогов. Из сопоставления этих цифр уже ясно вырисовывается сильная склонность стиха „Кунг. песни“ к словоразделам после каждого четного слога стиха. Мы уже можем констатировать, что восьмисложный стих „Кунг. песни“ тяготеет к стиху из четырех двусложных стоп, как к своему пределу. Наибольшее приближение к пределу обнаруживает диэреза, делящая стих на 2 четырехсложных, двустопных полустишия. Это видно из отсутствия четырехсложных слов, начинающихся с 3-его слога стиха, между тем, как именно с этого слога начинается наибольшее число двусложных слов. Все это свидетельствует о том, что словораздел играет роль фонологической базы ритма в стихе „Кунг. песни“.[2])

Какую же роль играет в „Кунг. песни“ ударение? Прежде, чем ответить на этот вопрос, мы должны решить вопрос о месте ударения в языке автора „Кунг. песни“. Учтем все возможности. Или ударение стабилизовано, в таком случае словораздел является единственной фонологической базой ритма

[1]) Pelzel, Grundsätze der böhmischen Grammatik (Прага 1795), стр. 212
[2]) За характеристикой понятия „фонологической базы ритма“ и прочих основных просодических элементов отсылаю к моей вышеназванной работе

„Кунг. песни“, а ударение — сопутствующим внеграмматическим элементом; или язык автора еще сохраняет свободное ударение, в таком случае либо ударение является в стихе „Кунг. песни“ автономным фонологическим элементом, либо достигнут известный компромисс между словоразделом и ударением, т. е. из стихотворения устранены все те слова, которые по месту своего ударения не подходят для тесной схемы, предначертанной ритмообразующими словоразделами.

Начнем с рассмотрения третьей из намеченных возможностей. Нечто сходное мы наблюдаем в средневековых латинских стихах. Например, такие слова, как *pulcherrimus, vigilia*, непригодны для четырехстопного трохея с серединной диэрезой и в образцовых стихах избегаются. Однако невозможно предположить, чтобы из „Кунг. песни“ были устранены слова непригодных акцентологических типов. Например, четырехсложные слова, встречающиеся в стихотворении, принадлежат генетически к разнообразным акцентологическим типам. Ср. напр. *radostného, vykúpiti; velikého, posledniemu, přibaviti; všemohúcí, otvořiti; pohřebeno* и т. п. Нельзя себе представить, чтобы до полной стабилизации ударения наступила унификация в месте ударения для всех этих типов.

Если же ударение являлось бы в стихе „Кунг. песни“ автономным фонологическим элементом, то была бы необходима бо́льшая отчетливость ритмического задания. В этом случае мы бы ожидали не тенденции к постоянной диэрезе, а неукоснительной постоянной диэрезы. Кроме того, навязчивая тенденция к сечению стиха диэрезами на мелкие (двусложные) отрезки, заставляет предполагать, что словоразделу, как фонологической базе ритма, сопутствует или, по крайней мере, склонно сопутствовать стабилизованное ударение. Цезурный стих языков без стабилизованного ударения оставляет между постоянными сечениями бо́льшие промежутки. Ср. напр. русский силлабический стих или стих сербских народных песен (см. Maretić, Metrika narodnih naših pjesama, Загреб 1907, § 22).

Эти соображения заставляют на сотвергнуть вслед за третьей и вторую возможность и признать фонологической базой стиха „Кунг. песни“ словораздел, а сопутствующим (или точнее, как увидим далее, склонным сопутствовать) внеграмматическим элементом стабилизованное ударение.

Выясняется и идеальная схема стиха „Кунгутиной песни" — *уб|уб|уб|уб* — схема четырехстопного трохея.[1]) Анализ стиха, говоря в пользу стабилизации ударения, не подсказывает, стабилизовалось ли ударение на первом или на предпоследнем слоге слова. Против стабилизации на конечном слоге говорит ряд соображений, в частности было бы трудно ждать в этом случае развития двусложных рифм. У нас нет никаких оснований предполагать, чтобы нынешнему чешскому маначальному ударению предшествовала в XIII веке стабилизация ударения на предпоследнем слоге. Если и можно предположить прачешскую стабилизацию ударения на предпоследнем слоге, то уже столь древние явления, как стяжение гласных и падение глухих, положили конец единству места ударения (ср. „О чешском стихе", стр. 28). Современное диалектическое моравское и словацкое ударение на предпоследнем слоге слова, равно как и польское ударение, почитается явлением вторичным, восходящим генетически к наначальному ударению (ср. „О чешском стихе", стр. 57, и Lehr-Spławiński в Revue des Etudes Slaves 3, 1923, стр. 173 sq.[2])

Против гипотезы о наначальном ударении в языке автора „Кунг. песни" возникает следующее возражение: 57 трехсложных слов начинаются в „Кунг. песни" с четного слога стиха и, следовательно, наводят на предположение об ударении на втором слоге; всего 16 трехсложных слов допускают наначальное ударение, начинаясь с нечетного слога стиха. Предполагать, что трехсложные слова сохранили в языке автора „Кунг. песни" свободное ударение, не приходится. Не приводя уже ряда других соображений, достаточно сослаться на то, что одни и те же трехсложные слова начинаются в стихотворении то с четного, то с нечетного слога стиха:

48 cdis k nam *s angeli* pzrichodis . . .
147 a *s angeli* zpeuaiuce . . .
130 praue *milosti* rossenie . . .
116 prosim bose tuue *milosti* . . .
47 k *uelikey* chyzti nam to chochis (= hodíš) . . .
117 i *uelike* tuue scedrosti . . .

Современный чешский трохей поучает нас, что именно трехсложные слова часто начинаются с четных слогов стиха. Это объясняется причинами двоякого порядка: 1. трехсложные

---

[1]) *у* — ударяемый слог, *б* — безударный слог, вертикаль означает словораздел.

[2]) См. также N. Trubetzkoy в Streitberg-Festgabe, 1924, стр. 360.

слова с трудом входят в трохаическую схему. Когда мы ниже подвергнем ближайшему анализу ритм „Кунг. песни“, мы покажем на ее примере это выпячивание трехсложных слов из трохаической схемы. 2. Особые акцентологические условия трехсложных слов способствуют их двоякому применению в стихе (ср. „О чеш. стихе“, стр. 88). Таким образом кажущееся возражение против гипотезы о стабилизации ударения на начальном слоге отпадает.

Исходя из этой гипотезы, прочтем „Кунг. песнь“ так, как если бы это была современная чешская проза, — расставим ударения сообразно кодифицированной Gebauer'ом акцентологии современного чешского языка и приведем таблицу, иллюстрирующую расположение словесных единиц, т. е. распределение словоразделов[1]) и ударений в 152 стихах „Кунг. песни“.

Подавляющее большинство стихов старшего списка „Кунг. песни“ насчитывает по 8 слогов, остальные легко поддаются надежной реставрации. Те четыре стиха, силлабизм которых не восстановлен в транскрипции Flajšhans'а, требуют только усеченных форм *též, viec:*

77 tes[e] na crisu umoreno . . .
82 tes[e] na nebe zpoduiseno . . .
83 tes[e] u oplatcie posuaceno . . .
142 a tie uu sobie uic[e] gmaiuce . . .

Ср. список XIV в. — Wýbor z literatury české, I, стр. 328, стих 25.

Слог	Стихи с серединной диэрезой		Стихи без серединной диерезы		Итого	
	слово-раздел	уда-рение	слово-раз-дел	уда-рение	Словораздел	Ударение
1	124	94	28	27	152 = 100%	121 = 79·6%
2	9	29	1	2	10 = 6·6%	31 = 20·4%
3	73	81	27	26	100 = 65·8%	107 = 70·4%
4	4	5	—	1	4 = 2·6%	6 = 3·9%
5	124	110	—	—	124 = 81·6%	110 = 73%
6	7	20	23	23	30 = 19·7%	43 = 28·3%
7	29	30	5	5	34 = 22·4%	35 = 23%
8	—	—	—	—	— —	— —

Приведенная таблица отчетливо подчеркивает роль словораздела в стихе „Кунг. песни“. На 258 диэрез внутри стиха

[1]) В дальнейшем для краткости мы говорим везде просто о словоразделе данного слога, имея в виду словораздел, непосредственно предшествующий данному слогу.

приходится всего 44 цезуры. Стих „Кунг. песни“ находится в тесном родстве с современным чешским четырехстопным трохеем. Остановимся на характернейших особенностях первого. Резко бросается в глаза различие в трактовке обоих полустиший, в особенности третьего и седьмого слогов.

Различие в заполнении обоих полустиший особенно наглядно показывает нижеследующая сравнительная таблица:

	1-ое полустишие	2-ое полустишие
уб|уб	68	29
у|буб	3	—
ббуб	6	1
бу|уб	4	—
убб|а	3	—
буб|а	1	—
уб|ба	1	—
бубб	19	13
у|убб	6	7
уббб	13	74

Из сопоставления показаний приведенной таблицы с показаниями предыдущих явствует:

1. Первое полустишие стиха с серединной диэрезой большей частью (58·9 %) заполняется двумя двусложными словесными единицами (resp. двумя двусложными словами).

2. Второе полустишие большей частью (59·7 %) заполняется четырехсложною словесною единицею с ударением на первом слоге (resp. четырехсложным словом).

3. Стих никогда не заканчивается на односложную словесную единицу (resp. самостоятельное односложное слово).

4. Стих избегает окончания на двусложную словесную единицу (resp. двусложное слово).

5. Стих (resp. второе полустишие стиха) с серединной диэрезой оканчивается на трехсложную словесную единицу с ударением на первом слоге чаще, чем первое полустишие стиха с серединной диэрезой. Можно было бы и здесь говорить соответственно о трехсложном слове, если бы этому не противоречил факт преобладания сочетаний *бубб* в первом полустишии по сравнению со вторым; однако этот факт объясняется особой причиной: стих представляет собой до известной степени синтаксическое целое, а внутри синтаксического целого проклиза в чешском языке в значительной

степени уступает место энклизе. Поэтому естественно словесные единицы *бубб* реже во втором полустишии, чем в первом. Но мы уже указывали в книге ,,О чешском стихе" (стр. 36), что ,,если ритмическая инерция настоятельно требует в данном месте стиха словораздела, если таковой, иными словами, является ритмической константой, тем самым разрыв между проклитикой и последующим словом без труда педализуется". Аналогичный разрыв образуется при таких же ритмических условиях между словом и примыкающей к нему энклитикой. В рассматриваемом стихотворении из 28 стихов без серединной диэрезы 11 имеют энклитику в пятом слоге. Если, учитывая тенденцию стиха ,,Кунг. песни" к постоянному словоразделу между 4-ым и 5-ым слогом, мы будем рассматривать такие энклитики как проклитики и причислим эти стихи к стихам с серединной диэрезой, то процент стихов с серединной диэрезой в ,,Кунг. песни" повысится до 88·8, соответственно понизится до 12·5 процент словоразделов 6-ого слога, а число стихов со словесной единицей *бубб* во втором полустишии составит не 13, а 24, т. е. превысит число подобных единиц в первом полустишии.

Чем объясняются особенности конца стиха, перечисленные в пунктах 2.—5.? Строфика ,,Кунг. песни", требующая, чтобы четыре стиха были объединены одной рифмой, заставляет автора прибегать преимущественно к грамматической рифме.[1]) Грамматическим рифмам благоприятствуют четырехсложные и трехсложные слова, а никак не двусложные и не односложные.

С другой стороны, расположение словесных единиц в ,,Кунг. песни" находится в несомненной зависимости от латинского прототипа. Стихотворение Фомы Аквинского написано разнородными строфами. Оно начинается с девяти строф типа 8 a · 2 + 7 c + 8 b · 2 + 7 c.[2]) Далее следуют две строфы типа 8 a · 3 + 7 c + 8 b · 3 + 7 c и в заключение одна строфа типа 8 a · 4 + 7 c + 8 b · 4 + 7 c. Вот эти — то сочетания — 8 a · 4, 8 b · 4 и послужили образцом для строфики ,,Кунг. песни":

Bone pastor, panis vere, tu nos pasce, nos tuere,
Jesu, nostri miserere, tu nos bona fac videre . . .

[1]) Я предполагал первоначально точно исчислить процент грамматических рифм в ряде чешских стихотворных памятников, но пришлось отказаться от выполнения точного морфологического анализа рифм, хотя это и является необходимой предпосылкой истории чешской рифмы: осуществить эту задачу будет возможно только тогда, когда будут написаны синхронистические характеристики чешского языка различных эпох.

[2]) Один раз вместо 8 b · 2 фигурирует 10 b · 2, один раз 7 b · 2.

Конечно, автору „Кунг. песни“ могли быть, сверх того, известны и латинские стихотворения, написанные непосредственно строфою 8 a · 4 (ср. напр. Mone, Lateinische Hymnen des Mittelalters, I, 158), но стих „Кунг. песни“ особенно близок по своей структуре именно к стиху „De corpore Christi“.

Привожу таблицу, иллюстрирующую распределение словоразделов и ударений в восьмисложных стихах стихотворения Фомы Аквинского (Mone op. c. I, Nr. 210), а также в стихотворении „Prologus in subjectum opusculum“ (ibidem, стр. 355—356), написанном такими же строфами, как „Кунг. песнь“.

Слог	Словораздел	Ударение	Словораздел	Ударение
1.	100%	84·6%	100%	84·6%
2.	19·2%	1·9%	14·8%	—
3.	67·3%	100%	71·6%	98·9%
4.	—	—	2·3%	—
5.	100%	48·1%	95·5%	64·8%
6.	19·2%	—	21·6%	—
7.	28·8%	100%	44·3%	100%
8.	—	—	—	—

По распределению ударений чешский стих резко отличается от латинского, но распределением словоразделов стих „Кунг. песни“ очень сходен со стихом „De corpore Christi“, особенно приближается он к последнему в трактовке 3-его, 6-ого и 7-ого слогов. В то время, как первое полустишие стиха секвенции Фомы Аквинского состоит по большей части из двух двусложных словесных единиц (35 случаев на 52 стиха), во втором полустишии двусложные словесные единицы составляют меньшинство (15 случаев), а большей частью второе полустишие состоит из четырехсложной словесной единицы (27 случаев). Сочетания — односложная + трехсложная словесная единица — также обычней во втором полустишии (10 случаев), нежели в первом (9 случаев). Подражая латинскому стихотворению, автор „Кунг. песни“ уделял безусловно куда большее внимание его словоразделам, нежели его ударениям, и это вполне естественно, ибо именно установка на словораздел характеризует стих „Кунг. песни“.[1])

[1]) Ср. интересные замечания Dreves'a о том, как средневековые чешские стихотворцы в своих латинских стихах не считаются с ударением и совершают над ним вопиющие насилия (Analecta hymnica I, Cantiones Bohemicae, Lipsiae 1886, стр. 32—34).

Существенно отступает чешское стихотворение от латинского в трактовке пятого слога, допуская отклонения от постоянной серединной диэрезы — явление известное и в средневековых латинских четырехстопных трохеях (ср. вышеприведенную таблицу распределения словоразделов в „Prologus", а также W. Meyer, Gesammelte Abhandlungen zur mittellateinischen Rythmik, Berlin 1905, I 317—319). Из таблицы распределения словоразделов в стихах „Кунг. песни" без серединной диэрезы явствует, что эти стихи за одним исключением блюдут словораздел второго слога, в большинстве случаев (23 из 28) имеет место оттяжка словораздела, членящего стих на полустишия, с 5-ого слога на 6-ой, но нет ни одного случая обратной оттяжки с 5-ого слога на 4-ый.

Теперь выясняются и причины своеобразного распределения трехсложных слов в „Кунг. песни". Поражало, что менее 22% трехсложных слов в „Кунг. песни" начинаются с нечетных слогов стиха. Но с 7-ого слога стиха трехсложные слова не могут начинаться. Не могут они начинаться и с 5-ого слога, потому что в этом случае пришлось бы или закончить стих самостоятельным односложным словом, чего „Кунг. песнь" не допускает, или ввести энклитику в конец рифмы, что также нежелательно прибегающему по возможности к грамматическим рифмам автору. (В „Кунг. песни" имеется всего одна составная рифма: 73—76 *duoge — troge — gedno ge — moge*). Несколько затруднительно начинать трехсложные слова и с первого слога стиха: стихи с серединной диэрезой избегают, по возможности, самостоятельного односложного слова перед диэрезой. Такие стихи, как

47 k uelikey chyzti (= čsti) nam to chochys (= hodíš) . . .

являются редким исключением; стихи без серединной диэрезы затруднительно начинать с трехсложного слова, ибо, как мы видели выше, такие стихи требуют словораздела третьего слога, повидимому для того, чтобы не утратить окончательно ритмической инерции трохея. Наиболее благоприятен для начала трехсложных слов третий слог стиха: таким путем создаются стихи со словоразделом третьего и шестого слогов, но так как стихи без серединной диэрезы составляют в „Кунг. песни" сравнительно небольшое меньшинство, то и с третьего слога начинается относительно малое число трехсложных слов. Таковы причины низкого процента трехсложных слов, начинающихся

с нечетных слогов стиха. Что касается неравномерного распределения трехсложных слов, начинающихся с четных слогов стиха, то более низкий процент трехсложных слов, начинающихся со второго слога, по сравнению с высоким процентом трехсложных слов, начинающихся с шестого слога, объясняется во-первых, как мы уже говорили выше, удобством трехсложных слов для грамматических рифм, а, во-вторых, большей устойчивостью словораздела третьего слога, имеющего в виду с самого начала стиха отчетливо подчеркнуть ритмическое задание. С четвертого слога стиха трехсложные слова могут начинаться только в сочетании с проклитикой, так как „Кунг. песнь" не допускает словораздела четвертого слога в стихах без серединной диэрезы. Единственный пример такого трехсложного слова с проклитикой в „Кунг. песни":

89 siui i roscosni chele (= chlebe).

Таблица наиболее распространенных в „Кунг. песни" типов сочетаний словесных единиц в стихе:

уб|уб|уббб	(1 uitay kralu uusemohuci) —	38 случаев
уб|уб|уб|уб	(5 usecho kuietye crasse ktuuci)	19
бубб|уббб	(16 i roscosni krimitelu)	14
уб|уб|бубб	(68 cielo [= cěle] dano i druhemu) . . .	7
уббб|уббб	(18 z milouanie uelikeho)	7
уббб|уб|уб	(17 decugemi tobie z thueho)	5
у|убб|уббб	(3 uusiech caiucih miluiuci)	5
ббуб|уббб	(24 a suim tyelem obdariti)	4
бубб|бубб	(117 i uelike tuue scedrosti)	3
уб|уб|у|убб	(124 rachi zlobi uu nas umniti)	3
уб|убб|убб	(59 mnoho poprdzcou uidami)	20
уб|уббб|уб	(38 ani u oplatcie gsi mensi)	3

Соответственно в латинском образце „Кунгутиной песни" наиболее распространены сочетания:

уб|уб|ббуб	(1 lauda Sion salvatorem)	19 случаев
уб|уб|уб|уб	(3 quantum potes, tantum audes) . . .	10
ббуб|ббуб	(67 in figuris praesignatur)	6
[ббуб|уб|уб	(35 anemosa firmat fides)	1]

§ 2. *Kunhutina píseň* и *молитва „Vítaj, milý Jezu Kriste". Реминисценции из „Кунг. песни" в чешской поэзии XIV в.*

Гипотеза Flajšhans'а о том, что автору „Кунг. песни" принадлежит также стихотворная молитва „Vítaj, milý Jezu Kriste" (Nejstarší památky, стр. 88), вызывает сомнения. Flajšhans (op. c. стр. 90) разбивает эту молитву на 8 строф типа 8a · 2 + 8b · 2. В 5-ой „строфе" вместо двух пар стихов и двух рифм оказывается три стиха, связанных одной рифмой. По-

следние 2 „строфы“ также обнаруживают иную рифмовку: 8a · 2 + 8b · 3 + 8c · 3. Я склонен присоединиться к мнению Feifalik'a, что это стихотворение не поддается разделению на строфы (Sitzungsber. d. k. Wien. Ak. der Wiss., phil.-hist. Cl., 39, 296). Анализ словоразделов и ударений дает следующие результаты:

Слог	Словораздел	Ударение
1	100%	83·8%
2	6·5	17·8
3	63·6	62·6
4	28	28
5	66·6	58·9
6	20·6	29
7	63·6	63·6
8	0·9	0·9

Процент словоразделов (отчасти ударений) третьего, пятого и шестого слогов, обнаруживает известное сходство с результатами ритмического анализа „Кунг. песни“. Резкое различие в трактовке седьмого слога еще само по себе не говорило бы против общности происхождения обоих стихотворений, так как низкий процент словоразделов седьмого слога в „Кунг. песни“ обусловливается отчасти влиянием латинского прототипа, отчасти ее специфической строфикой, принуждающей связывать одной рифмой четыре стиха. Эта сложная рифмовка заставляет автора прибегать преимущественно к грамматическим рифмам, а для таких рифм двусложные слова мало пригодны; между тем в рассматриваемой молитве рифма связывает всего два стиха.

Большее значение имеют другие ритмические отличия от „Кунг. песни“:

1. Из четырех стихов рассматриваемой молитвы без серединной диэрезы всего один характеризуется словоразделом (resp. ударением) третьего слога, три словоразделом (resp. ударением) шестого слога и все четыре словоразделом (resp. ударением) четвертого слога. Между тем в „Кунг. песни“ ни один из стихов без серединной цезуры не имел словораздела (и ударения) на четвертом слоге, и, напротив, почти все имели словораздел (и ударение) на третьем слоге.

2. Появляется отсутствовавшая в „Кунг. песни“ односложная словесная единица в конце стиха:

19 yakzto swatu trogyczy cztym . . .[1])

[1]) Ср. ниже стр. 296.

Сильно отличаются рифмы. Около половины рифм молитвы составляют рифмы неточные, как закрытые, так и открытые. Рифмует либо только гласный последнего слога стиха (resp. гласный и замыкающий согласный), либо также предшествующий этому гласному согласный (последнее только, если конечный слог стиха открыт): *wydym — wyerzym. chwalym — welebym. sytyss — darzyss. nenye — dopowye. wyerzyty — przygymaty. dokonanye — spasenye.*[1])

Текстуальные совпадения с „Кунг. песнью" сводятся к следующим:

Кунг. п.:	„Vítaj, milý":
9 Vitay slauni *stuoritelu,* uitay ***mili*** spasitelu . . .	5 zes ty *myly* moy *stworzytel* . . .
76 des gest z deuki *porozeno* tes[e] ***na crisu*** umoreno . . .	7 yakoz gsy z panny ***zrozeny*** a ***na krzyzy*** umuczeny . . .

Кроме того, первые два стиха обоих произведений начинаются с *vítaj*, а 17-ый стих рассматриваемой молитвы начинается, подобно стихам 100 и 140 „Кунг. песни", с *daj nám*. Этими немногими чертами ограничиваются текстуальные совпадения. Есть еще некоторое сходство в композиции. Обе молитвы начинаются с восхваления Спасителя, переходят к описанию таинства причастия и заканчиваются молением о ниспослании добродетели, безгрешной жизни и о вечном спасении. Всего этого далеко недостаточно для вывода об общем авторе обеих молитв.

„Кунг. песнь" была несомненно довольно популярна в XIV в., и бесспорно многое из ее поэтического багажа вошло в литературный обиход XIV столетия. Так напр. в „Плаче св. Марии" в Градецком Сборнике[2]) второй стих двустишия, воспроизводящего „flos florum" латинского прототипа":

208 o moy kwiete prziezaduczy,
wseho kwietie krase ktwuczy . . .

дословно повторяет продернутый аллитерацией стих „Кунг. песни" (5). В „Плаче" есть и еще реминисценции из „Кунг. песни:

---

[1]) В „Кунг. песни" есть всего две односложных рифмы (41—44 *zgieunie—taynie—zlaunie—diunie.* 86 *apostolou—angelou*) и одна двусложная с несовпадающим интервокальным согласным (84 *dolou—domou*).

[2]) Hradecký rukopis. Vydal Adolf Patera. Památky staré literatury české vydávané Maticí Českou. Číslo VIII. Прага 1881.

К. П.	„Pláč“.
9 Vitay zlauni *stuoritelu* . . . 11 uitay uierni nas *pzretelu* . . . 13 uitay uu nuzi *tyesitelu* . . .	194 Ztratiwsy toho *przietele,* wseho swieta *stworzitele,* wsiech zalostnych *tiessitele,* wsiech pracznych obranitele . . .
14 *uuseho* horie *zbauitelu* . . .	42 *wseho* zleho *zbawitele* . . .
88 *proto prosim* bose *tebe* . . . 91 *dal* nam scedre dari z *sebe* . . .	120 on mi to *dal* miesto *sebe,* *proto* nynye *prossym tebe* . . .
104 pro *tue suate* porosenie y pro *teske* twe truzenie . . . 112 pro tue horske *umorienie* . . .	298 skrzie *swe swate* trrpienye a toto *tiezke vmrzienye* . . .

Весьма вероятно, что и отчетливая тенденция „Плача“, объединять две пары двустиший одной рифмой, объясняется влиянием строфики „Кунг. песни“. Вполне возможно, что автор „Плача“ пользовался именно дошедшим до нас списком „Кунг. песни“, принадлежавшим библиотеке монастыря св. Юрия в Праге. К этой библиотеке, пожертвованной монастырю его аббатиссой Кунгутой, дочерью короля Отакара II, от произведений автора „Плача св. Марии“ ведет ряд нитей. В эту библиотеку входит рукопись 1319 г., заключающая в себе латинский прототип „Плача“, а также рукопись, написанная около 1303 г. и содержащая латинский оригинал чешского „Плача Марии Магдалины“, который принадлежит тому же автору и вошел в тот же Градецкий сборник (см. Hradecký rukopis, предисл. Patery, стр. X—XI). В пьесе „Mastičkář“ стихи „Кунг. песни“ использованы пародийно. Разыгрывается пародийное чудо воскрешения Абраамова сына, который, проснувшись, в шутовской речи заявляет воскресившему его продавцу

> *dyekugyu thobye,* mystrze, *z toho,*
> *ez* my *uczynyl* czty przyelis *mnoho.* [1])

Ср. Кунг. п. 17 *decugemi tobie* z thueho
z milouanie uelikeho . . .
25 chuala *tobie* bose *z toho*
yese cynis dyuuou *mnoho* . . .

Также и рассмотренная молитва только навеяна непосредственно или косвенно „Кунгутиной песнью“, но не является произведением того же автора. Понимание строфики „Кунгутиной песни“ на протяжении XIV в. постепенно утрачивается, и списки этого стихотворения, сделанные в конце XIV века,

---

[1]) Музейн. список, стих 313, см. Máchal, Staročeské skladby dramatické původu liturgického (Прага 1908), стр. 76.

уже существенно искажают его строфику и ритмику.[1]) Молитва „Vítaj, milý“ строфики „Кунг. песни“ не воспроизводит.

§ 3. *Стихотворения „O smrtedlnosti“ и „O bohatci“. Их взаимоотношение.*

Такими же строфами, как „Кунг. песнь“, написаны — лирико-дидактическое рассуждение „O smrtedlnosti“, вошедшее в состав Сватовитского сборника XIV в., известное, кроме того, в двух списках XV в.[2]), и нравоучительная сатира „O bohatci“, следующая в Градецком сборнике непосредственно за „сатирами о ремесленниках“. Первые 12 строф обоих стихотворений тождественны. Возникает вопрос, какое из обоих произведений написано раньше, и кто у кого заимствовал начальные строфы. Для ответа на этот вопрос прежде всего прибегнем к ритмическому анализу. Мы подвергаем рассмотрению распределение словоразделов и ударений, — a) в начальных 12 строфах, общих обоим произведениям, b) в следующих за начальными 12 строфами 200 стихах рассуждения „O smrtedlnosti“ и c) в следующих за начальными 12 строфами 200 стихах сатиры „O bohatci“. При этом мы так же, как и при анализе стиха „Кунгутиной песни“, расставляем ударения, следуя учению Gebauer'а о современной чешской акцентологии. Сопоставим полученные результаты:

Слог	Словораздел			Ударение		
	a	*в*	*c*	*a*	*в*	*c*
1	100%	100%	100%	83·3%	85%	77%
2	16·7	14·5	6	25	25	22·5
3	60·4	61	54	68·7	65·5	57
4	2·1	5	34	2·1	4·5	34
5	89·6	92	54	83·3	78	53
6	27·1	19	36	27·1	29	39·5
7	45·8	56·5	45·5	45·8	60·5	46
8	—	1·5	3·5	—	1·5	4

Следовательно распределение словоразделов и ударений в *b* и *c* обнаруживает следующие отклонения от *a*.

---

[1]) См. Wýbor z literatury české, I. стр. 326 и Věstník Král. č. společnosti nauk 1863, II стр. 64.

[2]) См. Svatovítský rukopis. K vydání upravil Ad. Patera. Nákladem Matice České. V Praze 1886. Здесь же разночтения из позднейших списков.

Слог	Словораздел		Ударение	
	b	c	b	c
1	—	—	+ 1·7%	— 6·3%
2	— 2·2%	— 10·7%	—	— 2·5
3	+ 0·6	— 6·4	— 3·2	— 11·7
4	+ 2·9	+ 31·9	+ 2·4	+ 31·9
5	+ 2·4	— 35·6	— 5·3	— 30·3
6	— 8·1	+ 8·9	+ 1·9	+ 12·4
7	+ 10·7	— 0·3	+ 14·7	+ 0·2
8	+ 1·5	+ 3·5	+ 1·5	+ 4

Из таблицы явствует, что *b* тесно связано ритмически с *a*. Расхождение в словоразделах 6-ого и 7-ого слога *a* и *b*, а также расхождение в ударениях 7-ого слога не должно удивлять, если учесть крайнюю незначительность прочих расхождений и небольшие размеры *a*, не допускающие достаточно точного установления средней ритмической линии. К тому же сопоставление результатов анализа отдельных частей одного и того же произведения свидетельствует, что для ряда старейших чешских памятников, написанных восьмисложным стихом, в противовес более устойчивой цыфре словоразделов, разбивающих стих на полустишия, цыфры словоразделов, падающих на третий и четвертый слог с одной стороны и на шестой и седьмой с другой стороны, менее устойчивы, т. е. словораздел свободно передвигается с третьего и седьмого слога на слог ближе к серединной диэрезе. Поэтому более устойчивы, а тем самым более характерны для этих памятников не словоразделы отдельных слогов, а суммы словоразделов тех двух слогов, которые составляют пределы блуждания словоразделов, т. е. 1. сумма словоразделов третьего и четвертого слога и 2. сумма словоразделов шестого и седьмого слога. Если мы сообразно с вышесказанным суммируем проценты, выведенные для *a*, *b*, *c*, то получим следующую таблицу:

	a	b	c
3-ий + 4-ый слог	62·5	66	88
6-ой + 7-ой „	72·9	75·5	81·5

Ритмический анализ *a*, *b* и *c* говорит явно в пользу общности *a* и *b*. Иными словами, сатира „O bohatci“ заимствовала начальные 12 строф из „O smrtedlnosti“.[1]) Этот вывод заставляет пересмотреть вопрос о хронологии обоих памятников.

---

[1]) Такое предположение высказал без аргументации уже Flajšhans (Písemnictví české, Прага 1901, стр. 67).

Ритмический анализ текста сатиры „O bohatci" за вычетом начальных 12 строф свидетельствует, что это произведение принадлежит тому же автору, что и сатиры о ремесленниках, Desatero и вообще большая часть сочинений, вошедших в Градецкий сборник.[1])

Возникновение этих произведений Havlík на основании довольно убедительных историко-культурных соображений относит к годам 1325—1340 (ČČM. 1906, стр. 255 и сл.). Сочинения, вошедшие в состав Сватовитского сборника, также принадлежат, по предположению Havlík'a, перу одного автора и написаны в середине XIV в. (LF. 14, 1887, стр. 248). Это предположение мы считаем в корне ошибочным. Анализ стиха и рифмы стихотворений сборника показывает, что он заключает в себе очень разношерстный материал, — сюда вошли произведения совершенно различных поэтических школ XIV века, к тому же, отражающие различные диалекты.[2])

„O smrtedlnosti" стоит совершенно особняком в сборнике не только по своей строфике, но и по структуре стиха. Поэтому при установлении даты этого стихотворения нельзя исходить из соображений о времени возникновения прочих произведений, вошедших в Сватовитский сборник. Что касается языка самого стихотворения „O smrtedlnosti", то нет никаких данных, которые бы позволяли говорить о позднем происхождении этого

---

[1]) Одному автору видимо принадлежат следующие произведения в Градецком сборнике: Pláč Marie Magdalény, Pláč sv. Mařie, Radosti sv. Mařie, Desatero kázanie božie, Zdrávas Maria, Satyry, O bohatci. Подробные итоги ритмического анализа стихотворений, вошедших в состав этого сборника, я рассчитываю опубликовать в готовящейся к печати второй части моей работы „О чешском стихе".

[2]) Попытку подробной классификации стихотворного материала Сватовитского сборника на основании анализа стиха и рифмы интересующиеся найдут во второй части моей вышеназванной работы. Пока отмечу только, что стихотворения этого сборника распадаются на следующие, резко раздельные типы: 1. O sedmimezcietma blázniech, O pěti studniciech, Anzelmus (повествовательный стих без силлабизма, *ti* рифмует с *ci*, *r* и *l* слоговые с *i*, *iu* с *u*); 2. Alan, Kato (60—70% стихов с серединной диэрезой, процент словоразделов 7-ого слога значительно ниже процента словоразделов 3-его слога; *ti* рифмует с *ci*, *r* и *l* слоговые не рифмуют с *i*, *iu* рифмует с *u* и с *i*); 3. Nanebevzetí Panny Marie (80% стихов с серединной диэрезой, около 50% со словоразделом 3-его и 7-ого слога, *ti* не рифмует с *ci*, *r* слоговое рифмует с *i*, *iu* с *i*); 4. Sedmerá radost P. Marie (низкий процент стихов с серединной диэрезой [56% — „нормальный" эпический стих], *ti* не рифмует с *ci*, *r*, *l* слоговые не рифмуют с *i*, *iu* рифмует с *u* и с *i*); 5. Zdrávas Maria (принадлежит автору стихотворений, перечисленных в предыдущем примечании); 6. O smrtedlnosti (характеристику ритмики и строфики см. ниже, нет случаев рифмовки *ti* с *ci* и *iu* с *u* или с *i*, *r* слоговое рифмует с *i*); 7. Píseň o sv. Dorotě (песенный стих и строфика).

произведения. Havlík усматривает в „O smrtedlnosti" рифму, свидетельствующую о том, что перегласовка *iu* в *i* уже совершилась в языке автора, а именно 65—68 *wyerzy – nyekterzy – berzy – odmyerzy*. Havlík видит в *berzy* форму третьего лица множ. числа настоящего времени. Это совершенно невероятно. Во-первых, форма третьего л. множ. ч. наст. вр. *beří* вместо *berú* (ср. „O smrtedlnosti" 160 *beru*) позднего происхождения. Она засвидетельствована не ранее XVI в. (ср. Gebauer, Histor. mluvnice jazyka českého, III, 2, стр. 375). Во-вторых, и по смыслу здесь третье лицо множ. ч. невозможно, а возможно только второе лицо единственного числа повелительного наклонения *(beři)*:

67 donyz raczyss, czyzye berzy,
to wssye gyeden den odmyerzy . . .

(Ср. сходное синтаксическое построение: 283 *mass li czo czyzycho, wraty*). Таким образом, нет никаких возражений против принятия естественно вытекающей из всего вышесказанного гипотезы о том, что „O smrtedlnosti" написано ранее сатиры „O bohatci".

Рассмотрим подробнее соотношение между обоими произведениями. Начальные 12 строф „O smrt." повествуют: — Все бренно. Человек нежданно умирает. Помни о смерти. Пока человек здоров, он о ней не думает. Только занемогши, он начинает каяться. Помни о Боге, пока здоров, и Он не оставит тебя. Почему ты высокомерно забываешь о смерти? — Та же тема последовательно развивается и дальше. — Помни, что твоему высокомерию будет положен предел, и ты ляжешь в землю рядом с другими (строфы 13—14). Почему ты грешишь, не думая о смерти? (стр. 15). Смерти не избежать (16). Жадные захватывают чужое, но день возмездия придет (17). Смерть ведет счет всем твоим поступкам (18). Она напоминает, что пора просить Спасителя об отпущении грехов (19). Помни о смерти, пока не болеешь (20). От смерти не вырвешься (21—22). Если не вернешь чужого, то поплатишься за это своей душой (23). Не борись безрассудно против Бога (24). Ты видишь, что каждый умирает (25). Вспомни, что умерли отец и дед (26), умрешь и ты (27). Смерть держит на привязи весь мир (28). Она не любит долго торговаться (29). Она побеждает всех победителей (30—31). Ей подвластны и дворяне и короли (32). Против смерти нет лекарств (33). Итак,

кайся в своих грехах и не делай новых (34). Скрыться от смерти некуда, все пути ей известны, и она везде найдет тебя (35—39). Жертвуй, что можешь, для Бога, не желай ничего чужого и избегай всего злого (40). Те, кто берет чужое, действуют по дьявольскому наущению, и на Божьем суде придет возмездие (41—42). Когда умрешь, ничего из приобретенного не возьмешь с собой (43). Ты грешишь и не веришь в Божье возмездие, но твой срок придет (43). Строфы 44—47 рисуют печаль болезни и смерти, от которой не спасут никакие друзья. Только Бог и Мария могут помочь (48). Кто не покается, тот не попадет в рай (49—50). Остерегайся грехов, смерть горестна (51—52). Об этом должны помнить люди всех сословий (53). Даже папа подвластен смерти (54). Строфы 55—61 продолжают распространяться о том, что смерть подстерегает нас как вор, что ее не избежать никому из людей, не спрятаться и не откупиться. Если за нас умер сам Бог, то нам невозможно остаться в живых (62). Делай доброе, ибо душа, когда выйдет из тела и обозрит все свои дела, скажет: я дурно поступала, не помня о Боге (63—64). В строфах 65—70 продолжается покаянный монолог души, осуждающей тело за то, что оно всегда хотело чужого, не думало о смерти и полагало, что будет жить вечно. В ответ на монолог души строфа 70 повторяет, что никто не может избежать смерти, и что необходимо вернуть захваченное чужое, иначе грозит смерть. Далее следует покаянная молитва к Иисусу, взывающая о спасении. Этой молитвой, имеющей различный объем в каждом из трех сохранившихся списков ,,O smrt.", заканчивается стихотворение. Первые 12 строф органически связаны с остальной частью памятника. Напротив, в сатире ,,O boh." эти начальные 12 строф — явно приставная часть, не связанная органически с остальным, а механически прицепленная. ,,O boh." — жанровая картинка с обобщающим обличительным вступлением, характерная для автора сатир о ремесленниках и ,,Desatero". Ср. напр. сатиру о сапожниках (Hrad. rukop. 125[a]), где обобщающее вступление составляет первые 6 стихов, а затем следует индивидуальный случай, жанровая картина, вводимая словами:

7 *yako ieden* swecz czynyesse,
ten swey zenye rad lagiese . . .

В сатире ,,O boh." история смерти нераскаянного богача вводится вслед за нравоучительным вступлением словами:

65 *gako ieden* bohatecz biesse,
ten mnoho sbozie gmiegiesse . . .

После краткой характеристики богача следует самая повесть, начинающаяся словами:

75 *wypravym wam* wsechno kak gest . . .

Ср. в сатирах о ремесленниках:

tut chczy *wypraviti tobie* . . . (Řězník 18)
giezto yaz *wypravym tobie* (Pekař 4)

Но если мы сопоставим вступление сатиры „O boh." с самим повествованием, мы обнаружим резкое противоречие. Вступление говорит о том, что человек начинает каяться в своих грехах только, когда его постигает тяжкая болезнь.

25 *kehdyz* bude z boku *klanye*
a o ssrrdczy zpodpieranie,
rad by pllnyl swe pokanye,
kdiz *bude giz ne do spanye.*

Во вступительной части на протяжении ряда стихов настойчиво отстаивается та мысль, что человек, именно пока здоров, должен помнить о Боге и смерти и о своих грехах. Задача истории, казалось бы, судя по вступлению, состоит в том, чтобы иллюстрировать основную мысль вступления, т. е. изобразить грешника, не задумывавшегося о смерти до тех пор, пока его не скрутила смертельная болезнь, — тогда грешник покаялся, но было уже поздно. В действительности же повествование рисует скрученного смертельной болезнью грешника, который до самой агонии не хочет думать о покаянии, несмотря на все увещевания жены, друзей и священника. Повторяется описание обстановки, о которой говорилось во вступлении:

157 *a kdyz* gey popade *klanye* . . .
159 weczye: . . .
gyz my *nebude do spanye* . . .

но во вступительной части грешник в таких условиях приходит к позднему покаянию, а в самой повести он от покаяния упрямо и категорически отказывается.

Повидимому, сатира „O boh." возникла следующим образом: Стихотворение „O smrt." навеяло сатирику повествование о цепляющемся за жизнь богаче, отвергающем всякую мысль о смерти. В жанровых картинках главная сила автора сатир о ремесленниках, и в своей сатирической повести о богаче-нераскаянном грешнике он отклоняется от схемы прототипа

и, сгущенными красками живописуя своего героя, оставляет его нераскаянным и на ложе смерти. Несмотря на то, что смерть уже у порога, и богач лежит „почерневший, как ворона“, он все же, согласно каламбурной характеристике автора,

to *sbozie* tak mylowasse
a o *bozye* nycz netbasse.

Автору необходимо нравоучительное вступление, а между тем отвлеченные дидактические тирады не его конек. И вот он целиком заимствует 12 начальных строф из стихотворения „O smrt.“. Он прибавляет к этому вступлению еще 4 строфы от себя, продолжая развивать тему о беззаботности здорового и позднем покаянии больного, и в этих дополнительных строфах вступления стоит в тесной зависимости от „O smrt.“. Так стихи 57, 58 и 60 снова повторяют с незначительными изменениями стихи 17, 18 и 20 „O smrt.“, а третий стих той же строфы —

59 swiet wzdy za oboyek wody

автор заимствует из другой строфы „O smrt.“ (стих 112), где он фигурирует среди сходного комплекса рифм („O smrt.“ стихи 109—112: *chody — sskody — plody — wody*; „O boh.“ стихи 57—60: *chody — neskody — wody — przyhody*). Автор „O boh.“ не останавливается перед тем, что вышеприведенный стих вполне уместен по смыслу в тексте „O smrt.“, где речь идет о смерти, которая каждому сильно вредит, плодит скорбь среди людей и водит весь мир на привязи (112 za oboyek wes swyet wody). У автора „O boh.“ этот образ несколько обессмыслен. Он заставляет почему-то молодого, легкомысленного человека вести мир на привязи. Рифма *nezprosti — mylosty* (55—56) повторяет рифму „O smrt.“ (см. Svat. rukop., стр. 117), рифма: *stane — pane* (61—62) также повторяет рифму „O smrt.“ (211—213).

Далее автор переходит к самому повествованию, не смущаясь тем, что между этим повествованием и заимствованным вступлением имеется коренное противоречие, о котором речь была выше. Зависимость от „O smrt.“ обнаруживается на всем протяжении повествования „O boh.“. Ср. напр.:

„O boh.“	„O smrt.“
79 *racz* meho ziwota *przieti* . . .	268 by buoh toho *raczyl przyety* . . .
85 gescze bych chtiel wessel *byti* . . . 87 kteru chytrosty toho *zbyti*, *kdez* bych *sye mohl* smrti *skriti* . . .	137 musyss s ny w horzy *byty*, zadnemu gye (nelzye) *zbyty* any *sye* gye *kde* lzye (варианты: *muoz, moz*) *skryty* . . .

Ср. рифмы *rozmohu — mohu — nohu — o bohu* в „O boh.“ 105—109 и *nespomohu — nemohu — nohu — bohu* в „O smrt.“ 188—191. Стихи 113, 114, 115, 118, 119 „O boh.“ повторяют с небольшими вариациями стихи 42, 44, 43, 47, 46.

„O boh.“	„O smrt.“
124 kdyz nebude *bozie moczy* ...	173 i newyerzyss *bozye moczy*

Стихи 142—144 „O boh.“ заимствуют рифмы (*narodil — plodil — neskodyl*) из стихов 42—44 (*plodis — skodis — nerodis*). О том, как стихи 157, 160 повторяют, варьируя, стихи 25 и 28, см. стр. 291.

»O boh.«	»O smrt.«
164 zet gmu *nebiesse do smiechu* ...	204 nebot *nebude do smyecha* ...

Между прочим, этот стих также говорит в пользу большей архаичности „O smrt.“ по сравнению с „O boh.“. В первом стихотворении *hrzyecha — do smyecha — myecha* рифмуют с *utyecha* (203—207) (ср. также рифму 164—167 *zbuda — bez obluda — suda — truda*), в то время, как автор „O boh.“ уже рифмует *powiediechu — wiediechu — do smiechu* (162—164).[1])

„O boh.“	„O smrt.“
234 *a vseho zleho ostati* . . .	159 *wssyeho zleho* sye *ostaty* . . .
313 knyez prospieti nycz *nemoze* . . . 315 rzka: racz tie uzdrawiti *boze* *y maria, swietla roze* . . .	192 tamot nykto *nespomoze* kromye tebe, swrchny *boze* *a Marya, swyetla rozye* . . .
339 *przidu* k nemu kratczy *roczy* . . . (— k noczy — nemoczy)	175 awssak *przydu* twogy *roczy* . . . (— w noczy — moczy)

Анализ текста явно подтверждает результаты ритмического анализа обоих стихотворений. Сатира „O boh.“ написана несомненно под сильным влиянием стихотворения „O smrt.“. Заимствована при этом и строфика последнего, но ритмику „O smrt.“ автор сатир не усвоил, и потому целиком включенное в его произведение начало „O smrt.“ резко контрастирует ритмически с остальною частью сатиры „O boh.“.

Утверждение об усвоении автором „O boh.“ строфики „O smrt.“ также требует ограничения. Он следует требованию связывать четыре стиха одной рифмой, разграничивает четверостишия большой паузой (на 50 четверостиший приходится 43 заключительных больших пауз — resp. точек в совре-

[1]) Vondrák отмечает, что в памятниках середины XIV в., в частности в Градецком сборнике, формы родит. пад. на *-u* появляются уже в неменьшем, а частью даже в большем количестве, чем формы на *-a* (LF. 1885, стр. 262).

менной транскрипции). Но под влиянием навыка к двустишиям 8а · 2 он невольно сохраняет их технику и членит четверостишия на отчетливые двустишия. В стихотворении „О smrt.“, подобно тому, как в „Кунг. песни“, наблюдается некоторая тенденция отделять двустишия синтаксическими паузами: на протяжений 50 строф паузы между первым и вторым стихом отсутствуют в 9 случаях, между третьим и четвертым в 5, а между вторым и третьим всего в 4 случаях. Сходная картина в стихотворении „О smrt.“: на протяжении 50 строф между первым и вторым стихом пауза отсутствует в 9 случаях, между третьим и четвертым в 4, между вторым и третьим в 3 случаях.

Но в то время, как в „О smrt.“ и в „Кунг. песни“ наблюдается лишь слабая тенденция к усилению синтаксической паузы между двустишиями строфы, по сравнению с синтаксической паузой между отдельными стихами двустишия, в сатире „О boh.“ эта тенденция проявляется значительно сильнее. Снабжая все три памятника современной интерпункцией,[1]) мы получаем следующие характерные данные:

	между 1 и 2 стихом			между 3 и 4 стихом			между 2 и 3 стихом		
В „Кунг. п.“ на 38 строф . .	26(,)	1(;)	0(.)	24(,)	0(;)	0(.)	30(,)	3(;)	0(.)
В „О smrt.“ „ 50 „ . .	37 „	2 „	0 „	41 „	2 „	1 „	35 „	6 „	3 „
В „О boh.“ „ 50 „ . .	37 „	2 „	0 „	40 „	2 „	2 „	22 „	16 „	6 „

„Кунг. песнь“ и „О smrt.“ сохраняют до некоторой степени „Langvers“ как синтаксическое целое, но значительно отчетливее двустишие как синтаксическое целое выступает в произведениях, построенных по схеме 8а · 2. Характерно, что автор одного из таких произведений — чешского перевода изречений Катона — с латинским **стихом** отожествляет именно чешское **двустишие** (Langvers). Переводя каждый латинский дистих тремя **двустишиями**, он по этому поводу заявляет:

> Trzy sem ze dwu werssy czynyl.
>
> (Сватовитский сборник, лист 82).

§ 4. *„O smrtedlnosti“ и „Kunhutina píseň“.*

Если мы сопоставим стих „О smrt.“ со стихом „Кунгутиной песни“, мы обнаружим существенное сходство ритма

---

[1]) За малыми изъятиями пользуюсь для стихотворений „О smrt.“ и „О boh.“ интерпункцией Patery. Чтобы не перегружать таблицу, привожу только цыфры трех знаков препинания, оставляя в стороне остальные, встречающиеся в единичных случаях.

обоих произведений, но и значительные различия. Приведем таблицу отклонений в распределении словоразделов и ударений в расмотренных 200 стихах „O smrt.“ от распределения словоразделов и ударений в „Кунг. песни“:

Слог	Словораздел	Ударение
1	—	+ 5·4%
2	+ 7·9%	+ 4·6
3	— 4·8	— 4·9
4	+ 2·4	+ 0·6
5	+ 10·4	+ 5
6	— 0·7	+ 0·7
7	+ 34·1	+ 37·5
8	+ 1·5	+ 1·5

Наиболее характерны расхождения в проценте словоразделов и ударений последних двух слогов.

Обилие двусложных слов в конце стиха „O smrt.“ по сравнению с „Кунг. песнью“ объясняется в первую очередь эволюцией рифмовки. Стихотворение „O smrt.“ уже не прибегает к грамматическим рифмам так часто, как это делала „Кунг. песнь“. Благодаря этому, между словоразделами и ударениями 3-его слога с одной стороны и 7-ого с другой — устанавливается большее равновесие (в „Кунг. песни“ процент словоразделов 3-его слога превышал процент словоразделов 7-ого слога на 43,4, число ударений на 47,4; в „O smrt.“ процент словоразделов 3-его слога выше всего на 4,5, а процент ударений на 5). В стихах с серединной диэрезой устанавливается полное равновесие между трактовкой третьего и седьмого слога. В рассмотренных 200 стихах на 184 стиха с серединной диэрезой приходится 108 словоразделов и 117 ударений третьего слога, 108 словоразделов и 116 ударений седьмого слога. Соответственно наиболее распространенным типом стихообразующего сочетания словесных единиц становится не тип уб уб уббб, как в „Кунг. песни“, а тип уб уб уб уб, и вообще уравновешивается число сочетаний с двумя двусложными единицами в первом полустишии и число сочетаний с аналогичной трактовкой второго полустишия.

Таблица типов сочетаний, наиболее распространенных в рассмотренных 184 стихах с серединной диэрезой:

уб уб уб уб (196 lepssye rady nemuoz byty) 62
уб'уб уббб (95 wssyeho swyeta nezahladyss) 14
уббб'уб'уб (71 znamenawa skutky twogye) 15

уб|уб|у|убб (100 nalyt gyemu smrt przyspyege) 13
у|убб|уб|уб (74 rzkucz: bozyeho proste syna) 15
уб|уб|бубб (189 acz by rady, y nemohu) 11
бубб уб|уб (116 ỳ z wysokych wydrze syeny) 10
уббб|уббб (64 od smrty sye newydrzyety) 3
бубб|бубб (170 ny matrasuow ny rohozye) 7

Немногие стихи „О smrt.“ без серединной диэрезы, как и сходные стихи „Кунг. песни“, характеризуются тенденцией к словоразделам (resp. ударениям) третьего слога (14 случаев) и шестого слога (15 случаев), но в то время, как словораздела (resp. ударения) четвертого слога такие стихи „Кунг. песни“ не знают, в „О smrt.“ — 9 стихов без серединной диэрезы со словоразделом, 8 с ударением четвертого слога.

Типичнейшие сочетания:

уб|убб|убб (130 podle knyezneho swyedczenye) 5
уб|у|уб|убб (122 by sye mohl smrty wydrzyety) 4
убб уб|убб (197 musyss sye hrzyechuow omyty) 2

Появление односложных словесных единиц в конце стиха (напр. 250 ze ma nevstawyczny wyek) — тоже характерное нововведение, которого не знает силлабический стих конца XIII и первой четверти XIV в. века (ср. старший цикл легенд и Alexandreis),[1]) и который, начиная со второй четверти XIV в., получает широкое распространение (ср. Hradecký rukopis, Spor duše s tělem I, Leg. o 10.000 rytířích, Leg. o Dorotě, Leg. o Kateřině и др.). Возможно, что это нововведение было заимствовано из стиха без счета слогов, где односложные словесные единицы в конце стиха известны с самого начала XIV века (ср. „Далимилову хронику“). Оба вышерассмотренные явления делают вероятной гипотезу о том, что стихотворение „О smrt.“ появилось приблизительно в середине первой половины XIV века.[2]) Во всяком случае оно едва ли принадлежит автору „Кунг. песни“, но, с другой стороны, значительная ритмическая близость к „Кунг. песни“ при одинаковой строфике заставляет думать, что стихотворение „О smrt.“ написано под непосредственным влиянием „Кунг. песни“.

Помимо ритмического влияния, может быть, возможно говорить и о некотором влиянии текстуальном. По крайней мере, молитва, заканчивающая стихотворение „О smrt.“ и в Сва-

[1]) В Alexandreis односложное слово в конце стиха подчиняется в акцентологическом отношении предшествующему слову, и рифма распространяется на два слога (ср. Pastrnek v Arch. f. sl. Ph. 10, 582).

[2]) К этому же времени, вероятно, относится и молитва „Vítaj, milý Jesu Kriste“.

товитском сборнике сильно урезанная, местами напоминает „Кунг. песнь“.[1]) Напр.

„O smrt.“	Кунг. п.
yenz welyke czynyss dywy . . .	26 yese cynis dyuuou mnoho . . .
proto prosym[y] twe milosty . . ,	116 prosim bose tuue milosti . . .
o wytyezy wssemohuczy . . .	1 uitay kralu uusemohuci . . .
w twem kralowstwij radost gmieti,	94 abi mohl ti s matcu gmieti
kdezto bidle wssichny swiety . . .	chuali s toho i uusi suieti . . .

§ 5. *„O smrtedlnosti“ и „O bázni Boží“. Реминисценции из стихотв. „O smrtedlnosti“ в чешской поэзии XIV в.*

В рукописи Соборной библиотеки (Kapitulní knihovny O XXXIX) перед стихотворением „O smrt.“ вписано стихотворение „O bázní Boží“. Flajšhans опубликовал его в ČČM. 1901 г. (стр. 251—253), при чем высказал предположение, что последнее стихотворение составляло пролог к первому. Несовсем ясно, имеет ли он при этом в виду данный список „O smrt.“ либо один из его протографов, или же первоначальную редакцию стихотворения. В последнем случае предположение теряет всякую вероятность. Во-первых, стихотворение „O bázní Boží“ написано двустишиями 8a · 2, в то время, как „O smrt.“ написано строфами 8a · 4. Во-вторых, существенно отличается ритмика первого стихотворения, — в особенности сравнительно высоким процентом стихов без серединной диэрезы. Вот данные о распределении словоразделов и ударений в 107 стихах стихотворения „O bázni Boží“:[2])

Слог	Словораздел	Ударение
1	100%	84%
2	10	26
3	61	61
4	13	13
5	87	77
6	23	32
7	42	42
8	3	3

[1]) Впрочем эти совпадения настолько незначительны, что сами по себе непоказательны. Ср. ценные методологические замечания Spina „Die altčechische Katharinenlegende“, Прага 1913, стр. XXIII.

[2]) Всего в стихотворении 117 стихов, но из них только 107 сохраняют в дошедшем до нас списке традиционные 8 слогов или, будучи незначительно искажены, легко поддаются реставрации.

В-третьих, в стихотворении „O bázni Boží“ встречаются ассонансы: *rytierze — witieze, hrobu — wdowu, trubu — lidu* (вм. *liudu*). В-четвертых, стихотворение „O bázní Boží“ излагает те же мысли, которые развивает „O smrt.“, такой пролог представлял бы собой в композиционном отношении совершенно никчемную пристройку. Вероятнее всего, один из переписчиков прилепил к стихотворению свою вариацию на ту же тему, написанную в подражание ему. Целый ряд образов стихотворения „O bázni Boží“ напоминает образы стихотворения „O smrt.“. Кроме того, можно отметить и несколько текстуальных совпадений:

„O bázni.“	„O smrt.“
18 *pomny na Buoh* w swe vtrobie ...	29 *pomny na buoh* przy twem zdrawy
47 ty Cziesarzi *y ty krali,* *kazdy* by dal za se taly ...	211 to wyez, *kraly y ty* pane ... 213 *kazdemu* sye tez stane.
53 przigde *smrt* z wlasstnie moczy *yako zlodieg* o puol noczy ...	220 *yako zlodyey smrt* nas strzyeze ..
97 ach ze se nemuozem *skryti* ... 100 gistie tiem nemuozem *zbyti* ...	138 zadnemu gye *nezbyty,* any sye gye kde lzye *skryty* ...
	(см. Svat. rukop., стр. 107—108.)
113 *neday* nam tworcze *zhynuti,* *racz ny k sobie priziwinuti* ...	*racz ny k sobie przywynuty,* *neday* dussiem *zahynuty* ...
115 *proto se hrziechuow* kazdy *kay* ...	133 *protozt* razy, ostrzyehay sye, wssyech twych *hrzyechuow* wyernye *kay sye*

Во всяком случае сочинителем подражания стихотворению „O smrt.“ не был писец, перу которого принадлежит список обоих стихотворений в рукописи Соборной библиотеки, сделанный в начале XV в. Во-первых, ряд искажений текста стихотворения „O bázni Boží“ свидетельствует, что это копия, во-вторых, язык стихотворения свидетельствует о его более раннем возникновении. В частности форма родительного пад. на *-a* в рифмах (*krasa — czasa, pastucha — rucha*) и неперегласованное *iu* в ассонансе *trubu — liudu* заставляют предполагать, что стихотворение „O bázni Boží“ присочинил переписчик стихотворения „O smrt.“ не позднее середины XIV в. Популярность стихотворения „O smrt.“ в XIV в. не подлежит сомнению. Оно сохранилось в трех списках и несомненно повлияло, как мы видели выше, на два стихотворных памятника XIV в. — „O boh.“ и „O bázni Boží“; кроме того, мы встречаем ряд реминисценций из этого стихотворения в двух старочешских редакциях Спора души с телом, а именно в тех редакциях,

которые Truhlář в статье „Staročeské Spory duše s tělem“ (ČČM. 1881, стр. 244—271) условно называет „Спор II“ и „Спор III“. „Спор II“, который Hanka опубликовал в ČČM. 1855, стр. 57—60, по единственному сохранившемуся списку второй половины XV в.,[1]) представляет собою, как установил уже Feifalik (Sitzungsber. d. k. Ak. d. Wiss., Phil.-hist. Cl., 36, стр. 119), а за ним Truhlář (l. c. стр. 250—253), перевод части „Visio Filiberti“, довольно рабски следующий за оригиналом. Те стихи этого перевода, которые почти дословно совпадают со стихами „O smrt.“, частью являются отступлениями от латинского оригинала. Это говорит в пользу того, что „Spor II“ заимствовал эти стихи из „O smrt.“.

Vis. Fil.[2]) 45 in poenis miserrima sum et semper ero...
Спор. II 55 žeť *musím* vdy *v hoři býti*
s tebú, jehož *nelze zbýti* . . .

Vis. Fil. 225 et scio praeterea quod sum surrectura
in die novissimo tecum, sum passura
tecum morte perpeti; heu, mors illa dura,
mors interminabilis, fine caritura . . .

Spor II 279 i viemť žeť v súdný den vstanu,
a s tebú věčně ostanu
v hoři, jehožt nám *nelze zbýti,*
jedno věky věkóm *v ňem býti* . . .

O smrt. 137 neb s ny *musyss w horzy byty,*
zadnemu gye *nelzye zbyty* . . .

Vis. 190 non, sed modo video, et est mihi clarum,
quod nec auri dominus, nec divitiarum,
nec vis, nec potentia, nec genus praeclarum
mortis possunt fugere tumulum amarum . . .

Spor II 237 ale tepruvť dobře vědě,
že ni králi, ni vévodě,
ni starému, ni mladému,
ni mudrému, ni sprostému,
všelikéhoť *smrt* nemine . . .

O smrt. 237 *smrt* n[e]odpusty nykomemu,
ny staremu, ny mlademu,
bohatemu ny chudemu,
ny mudremu, ny sprostnemu . . .

Оба выделенных стиха „Спор II“ несомненно заимствовал из „O smrt.“, где вся строфа служит иллюстрацией к тезису, что смерть не щадит никого, между тем, как приведенный пассаж Visio говорит только о том, что сильные мира сего не в состоянии избежать смерти. Перечисление жертв смерти

---

[1]) В ČČM. 1859 Hanka опубликовал этот памятник вторично, повидимому, по недосмотру.

[2]) Цитирую по книге Karajan „Frühlingsgabe für Freunde älterer Literatur“. Вена 1839.

в Visio не заключает в себе антитез, на которых построено аналогичное перечисление в „O smrt.“.[1])

Hanka, а вслед за ним Feifalik (l. c. стр. 148) относят „Спор II“ к концу XIV в., Truhlář к середине XIV в. (op. c. стр. 252). Несовсем точно утверждение Truhlář'a, что рядом с рифмой *súd—lud* „nenacházíme rýmu, v němž by nepřehlasované *u*, kdybychom je restituovali, neobstálo“. В „Споре II“ имеется рифма *panujíci—robotnici* и ассонанс *zahyne—nečije*, но, конечно, такая рифмовка малопоказательна, поскольку предпоследний слог стиха иногда в „Споре II“ не рифмует (в памятнике около дюжины односложных рифм, не считая случаев закрытости последнего или предпоследнего слога стиха), и поскольку *ie* рифмует и с *e*, и с *i* или *y* (*hlúpé—vystúpie*; *žena—věna*, *útěcha—macecha*, *neviděti—býti*, *zaslúžilo—tělo*, *překážělo—dálilo*, *tělo—bylo*, *tělo—pokrylo*).

„Спор III“, который Hanka опубликовал по единственному дошедшему списку второй половины XV в. в ČČM. 1855, стр. 304—307, представляет собою вольную переработку Visio Fíliberti. Truhlář относит „Спор III“ приблизительно к 1400 г. (op. c. стр. 258), Feifalik к XV в. (op. c. стр. 150). Truhlář прав, утверждая, что автор „Спора III“ не знал „Спора II“. Но он несомненно знал, как и автор „Спора II“, стихотворение „O smrt.“. В обоих произведениях ряд текстуальных совпадений, из которых иные очень показательны:

Spor III.	O smrt.
33 *chodils pyšen* vežd hrdě . . .	41 procz, czlowecze, *pyssen chodiss* . . .
79 zde mi nižadný *nespomóž*, *ač by* kto *rád*, ale *nemóž* . . .	188 tam przyetele *nespomohu*, *acz by rady, y nemohu* . . .
(ср. также: 62 ve mně *spomoci* nemáš nynie, *ač bych rádo, i nemohu* . . .)	
83 . . . . . spo*moci*, ano již *vyšli* ti *roci* . . .	174 . . . . przye*moczy*, awssak *przydu* twogy *roczy* . . .
103 nechtělos nikdy tbáti *na to*, milovalos střiebro, *zlato* . . .	51 o czlowecze, pomny *na to* yenzto lepass na sy(e) *zlato* . . .

[1]) Немецкий перевод Visio (см. Karajan, op. c., стр. 109) верен в этом случае латинскому оригиналу:

303 svnder ich se is nu vor war
vnde in vollem lichte clar,
das nich mac goldis herschaft
noch keiner hande richeit craft
di wedir sterke noch gewalt,
noch kein geschlechte wol gestalt
mugen nicht enphliende sin
der bitterlichen todes pin.

110 *a nelze se nikde skrýti* . . .	139 *any sye gye kde lzye skryty* . . .
(ср. 288 že smrti se nelze skrýti...)	(стр. 108):
210 jimž *Christus Ježíš* nepřeje v nebi *s sebú přebývati* . . .	*Jezu Criste* racz to daty — *s tebu* wyecznye *prziebiwati* . . .
213 žel se *tobě*, milý *bože*, *i Maria, světlá róže* . . .	193 kromye *tebe*, swrchny *boze*, *a Marya, swyetla rozye* . . .
225 *protož* každý vzpomínaj se, cos kdy činil, toho *kaj se* . . .	133 *protozt* razy, ostrzyehay sye, wssyech twych hrzyechuow wyernye *kay sye* . . .
239 *čemuť* bude tobě *zbožie?* *tohoť nic* viece *nevložie* . . .	168 *czoz* na dussy zyssczess *sbozye?* s tobut *gyeho nycz newlozye* . . .
274 již *za zdravého života* . . .	37 za *zywota za zdraweho* . . .

Что касается стиха и строфики обоих Споров, то влияние „O smrt.“ на них не сказалось. Оба Спора написаны нормальным старочешским эпическим восьмисложным стихом с низким процентом серединных диэрез (в „Споре II“ около 56%. в „Споре III“ около 53%). Стихи вяжутся по методу 8a · 2,

§ 6. *Место сказовых лирических стихотворений, сложенных однорифменными четверостишиями, среди старочешских стихотворных памятников.*

Постараемся ответить на вопрос, какое место занимают „Кунг. песнь“ и „O smrt.“ по своей ритмике и строфике среди старочешских стихотворных памятников.[1])

Есть два основных типа старочешского эпического стиха. Это — с одной стороны восьмисложный стих с трохаической тенденцией, т. е. с тяготением к пределу — уб уб уб уб, с другой стороны — это стих, который еще J i r e č e k, в отличие от первого типа, назвал б е з р а з м е р н ы м, т. е. не имеющим устойчивого числа слогов.[2]) Впрочем, и в памятниках, сложенных этим стихом, восьмисложные стихи составляют часто большинство, но только не абсолютное, а относительное. Таким „безразмерным“ стихом написан ряд повествовательных сочинений XIV в., напр. Kronika Dalimilova, Umučení Páně (Hrad. rukop.), Anzelmus (Svat. rukop.), O sedmimezcietma blázniech (ibid.), O pěti studniciech (ibid.), Ježíšovo mládí.

Чешский восьмисложный эпический стих XIV столетия характеризуется относительно низким процентом серединных

[1]) Более подробную ритмическую классификацию старочешских стихотворных памятников я пытаюсь дать во второй части моей работы „O чешском стихе“.

[2]) Staročeská prosodie a její zvláštnosti (ČČM. 1861).

диэрез (в среднем 50—60 %), а также диэрез третьего слога (в среднем 45—60 %) и седьмого слога (в среднем 40—55 %). Таким стихом написаны за единичными исключениями все „размерные“ эпические произведения XIV в. — старший цикл легенд, Alexandreis, произведения т. н. автора Градецкого сборника, Leg. o 10.000 rytířích, Leg. o Kateřině, Sedmerá radost P. Marie, Rajhradské Umučení, специфическая группа памятников конца XIV в., в которую входят Roudnické Umučení, Nová rada, Rada otce и Podkoní a žák, и пр. Несколько отличаются ритмически моравские переводные дидактические памятники Kato, Alan, Ezopus (60—70 % серединных диэрез).

Строфическое построение старочешских эпических стихотворений — как силлабических, так и безразмерных — сводится к нанизыванию рифмованных двустиший. 8a · 2 — такова высшая композиционная единица этих стихотворений. Строфика и ритмика старочешской песни значительно разнообразней. Песенная строфа составляет большею частью не менее трех стихов. Песенный стих нередко прибегает к перекрестным рифмам (*abab* и т. п.). Силлабические нормы старочешской песни разнообразны: помимо восьмисложных стихов в песне бытуют стихи семисложные, пятисложные и пр. Наряду с трохаическим ритмом в песне появляется и ритм ямбический. Так напр. — пока герой пьесы „Mastičkář“ Rubinus „dicit ricmum“, мы видим поток рифмованных двустиший с трохаической тенденцией, но как только он „cantet cantionem“, появляются и ямбические строфы из четырех стихов с перекрестными рифмами.

Наряду со сказовыми эпическими стихотворениями и песнями, старочешская поэзия знала еще третий жанр — сказовые лирико-дидактические стихотворения. Старочешские лирики не удовлетворяются элементарной вязкой эпических двустиший, но в то же время не порывают с неразложимым элементом сказового стиха — 8a · 2, а связывают два таких двустишия в высшую композиционную единицу. Старочешская песня знает строфу (8a · 2 + 8b · 2), но, помимо того, что каждая такая строфа представляла собой законченное синтаксическое целое, самый напев песни содействовал выделению строфы, как самостоятельной композиционной единицы. В сказовой лирике подобная строфа была бы выделена только синтаксически и — на фоне традиционных эпических двустиший, при отсутствии навыка к стансовому членению, естественно

распадалась бы на составные элементы (8a · 2), не воспринимаясь как целое. Следовательно, для педализации строфы приходилось соответственным образом использовать рифмовку. Поскольку представлялось невозможным разорвать двустишие 8a · 2, нельзя было прибегнуть к перекрестным рифмам. Поэтому были усвоены методы рифмовки, позволяющие выделить строфу, не упраздняя в то же время окончательно двустиший — 8a · 2. Один из этих методов состоял в объединении пары двустиший одной рифмой, в результате чего строфа 8a · 2 + 8b · 2 превращалась в строфу 8a · 4. Другой метод состоял в канонизации серединной диэрезы третьего стиха строфы и в рифмовке обоих его полустиший. Таким образом возникала строфа 8a · 2 + (4b · 2 + 8b).[1])

Сказовая лирика искала не только более четкой строфики по сравнению с элементарным строфическим строем эпоса, но и более отчетливого ритмического членения стиха по сравнению с бледно выраженною ритмическою тенденцией восьмисложного эпического стиха. В старочешской напевной лирике строфическое членение может быть обозначено, помимо неизбежного синтаксического критерия, рифмовкой и чередованием разносложных стихов, но может и не иметь последних критериев, сводясь только к синтаксическому и, главное, мелодическому членению. Потому в песне возможна рифмовка трех типов: 1. специфически песенная, 2. сходная с рифмовкой сказовой лирики и 3. сходная с рифмовкой сказового эпоса. Точно так же фразировку песенного стиха в одних случаях привносит главным образом напев, в других — она отчетливо дана и в словесном материале. Для сказовой лирики существует только вторая возможность. Поэтому старочешский сказовый лирический стих отличается от сказового эпического стиха очень высоким процентом диэрез (особенно пятого и третьего слога) и низким процентом словоразделов, рассекающих трохаическую стопу (цезур). Песенный стих в одних случаях сходен распределением словоразделов со сказовым лирическим стихом, в других случаях приближается к эпическим нормам.

Образцы сказовой лирики — „Кунг. песнь“ и „O smrt.“ с диэрезой третьего слога в 65·8 и 61 % стихов и с диэрезой пятого слога в 81·6 (88·8) и 92 % стихов резко отличаются

---

[1]) Об этих старочешских строфах см. Truhlář (ČČM. 1882, стр. 50—52).

ритмически от сказовых стихотворений типа 8а·2 (эпический стих).[1])

---

[1]) Анализируя стих „O smrt.", я исходил из редакции Сватовитского сборника, как старейшей из дошедших до нас. Только в тех случаях, когда эта редакция обнаруживает отклонения от силлабической схемы, я обращался к обоим младшим спискам стихотворения. Но несомненно, что и оставаясь в пределах силлабической схемы, редакция Сватовитского сборника нередко подновляет ритмический строй; в частности ей уже чуждо требование постоянной серединной диэрезы, а потому встречаются „исправления" порядка или самого состава слов, поступающиеся этою диэрезой. Иногда младшие списки сохраняют в этих случаях первоначальную редакцию, напр.:

Svatov. rukop. 99	**kdyzt sye kto lepssy nadyege . . .**
Рукоп. Пражск. Соборной библ. 2-ой половины XV в.	
	kdy se lepssie kto nadyege . . .
Svat. 184	**ale nebude kde wzyety . . .**
Рукоп. Пражск. Унив. библ. 1409—1410:	**i nebude kde czo wzyety . . .**
Svat. 204	**nebot nebude do smyecha . . .**
Рукоп. Унив. библ.:	nebot bude ne do smyecha . . .
(Рукоп. Соборн. библ.:	nebot nebude to do smiecha . . .)
Svat. 222	**kazdeho przyesylnye styehne . . .**
Рукоп. Унив. библ.:	tot kazdeho silnie styehne . . .
Svat. 237	**smrt neodpusty nykomu . . .**
Рукоп. Унив. библ.:	smrt neodpusty nykomemu . . .

(Несомненно, в первоначальной редакции было nikomému, как этого требует рифма — mladému — chudému — sprostnému, но писцу Svat. rukop. была чужда фонетическая форма nódpustí, и он заменяет nikomému формой nikomu, жертвуя наполовину рифмой, но сохраняя силлабическую схему. Иначе выходит из затруднения писец рукописи Соборной библ., который сохраняет форму nikomému, но отбрасывает подлежащее smrt.) В ряде случаев, напротив, именно Svat. rukop. сохраняет серединную диэрезу, а другие списки упраздняют ее, напр.:

Svat. 101	**wzpomyen otcze y na dyeda . . .**
оба списка XV в.	**zpomyen na otcze y dyeda . . .**
Svat. 28	**kdyzt gyz bude ne do spanye . . .**
Рукоп. Соборн. библ.	kdyzt gyz nebude do spanye . . .

[Сочетания типа русского *было не до смеха*, польского *było nie do śmiechu* рано исчезли в чешском языке (ср. Gebauer, Slovník staročeský, II, стр. 522 »*ne* před výrazem předložkovým« и LF. 10, 1883, стр. 247 и сл.). Легенда о Иуде начала XIV в. еще имеет *gi bie ne do wezzelee*, но уже в ряде памятников первой половины XIV в находим сочетания современного типа: *mně do smiecha nenie* (Спор I), *kdez ty nebude do smyecha* (Alexandreis, Сватовитск. отрывок, 1365), *nebilo by gmu do spanye* (ibid. 2448), *muzom do smyecha nebyesse* (Kron. Dalimilova X). Впрочем все это поздние списки, и, по крайней мере, в части случаев возможны подновления переписчиков. Что касается „O smrt.", то вышеприведенные разночтения стихов 28, 104 бесспорно свидетельствуют, что памятник сохранял еще старую конструкцию, но она уже была чужда языку переписчиков дошедших до нас списков „O smrt.". В виду этого они местами модернизуют. Автор „O boh." сохраняет словосочетание „bude . . . ne do spanye" в целиком переписанном из „O smrt." вступлении, но это и для него уже архаизм, о чем свидетельствуют его дальнейшие стихи, где он более свободно обращается со своим прототипом: 160 *gyz mu nebude do spanye*, 164 *zet mu nebiesse do smiechu*.]

Из приведенных примеров видно, что в стихотворении „O smrt." в том виде, в каком оно вышло из под пера автора, процент серединных диэрез был еще выше, чем установленный нами на основании редакции Сватовитского сборника.

Я пересмотрел почти все опубликованные чешские памятники XIV в., написанные сказовым стихом типа 8a · 2 и нашел лишь единичные стихотворения, отступающие в своей ритмике от эпической нормы:

1. лиро-эпическое стихотворение „Nanebevzetí panny Marie“, дошедшее до нас в Сватовитском сборнике и еще в двух списках (см. Svatov. rukop., стр. XXVIII—XXX и 109—144). Стихотворение насчитывает в Сватовитском сборнике 563 стиха, построенных по типу 8a · 2. В первых 500 стихах 47·2% словоразделов третьего слога, 80·4% словоразделов пятого слога и 52·8% словоразделов седьмого слога. Ярко выраженная тенденция к членению стиха на полустишия сближает „Nanebevzetí“ с лирическим стихом, но в членении полустиший стихотворение не выходит из рамок эпической нормы.

2. „Sv. Jan apoštol“ — молитва в 40 стихах, вписанная в Градецкий сборник другим почерком, повидимому, только в конце XIV века (см. Hrad. rukop., стр. XVI), насчитывает 52·8% словоразделов третьего слога, 77·8 пятого, 55·6 седьмого. Стилистикой и высоким процентом серединных диэрез „Sv. Jan“ близок к лирическому жанру, прочими особенностями ритмики и строфикой к эпическому.

§ 7. *Legenda o sv. Kateřině Якуба.*

Строфами 8a · 4 написана т. н. „малая“ легенда о св. Катерине, принадлежащая, судя по упоминаниям в тексте, перу некоего слепца Якуба.[1]) Словоразделы и ударения распределяются в первых 400 стихах легенды следующим образом:

	Словораздел		Ударение	
1	400	100%	367	91·7%
2	57	14·2	68	17
3	236	59	237	59·2
4	115	28·7	123	30·7
5	220	55	217	54·2
6	140	35	138	34·5
7	204	51	222	55·5
8	—	—	—	—

Приведенные цыфры свидетельствуют о типично эпическом стихе легенды Якуба. Синтаксическое членение также изобли-

[1]) Эту легенду нашел Patera в списке, который он относит к третьей четверти XIV в., и опубликовал в ČČM. 1887 г., стр. 201—222. Отрывок другого списка той же легенды напечатал Brückner в Arch. f. sl. Ph. 14, стр. 2 и сл.

чает приверженность автора к технике эпических двустиший. Достаточно сопоставить картину распределения синтаксических пауз в пятидесяти строфах рассматриваемой легенды со сравнительной таблицей распределения пауз в Кунг. песни и стихотворениях „O smrt.“ и „O boh.“ (см. стр. 294).

	,	;	:	.
между 1 и 2 стихом —	40	0	1	2
„ 3 „ 4 „ —	37	0	3	1
„ 2 „ 3 „ —	21	12	6	8

Стихотворения Nanebevzetí panny Marie, Sv. Jan apoštol, O bohatci и малая легенда о св. Катерине — это пограничные, смешанные поэтические формы. Первые два стихотворения уклоняются от эпической ритмики, сохраняя эпическую строфику, а последние два следуют в ритмике эпической традиции, но стремятся порвать с канонизованной эпической строфикой. Мы видели, что строфическим образцом автору „O boh.“ послужило стихотворение „O smrt.“. Какими же образцами руководствовался Якуб, автор легенды о Катерине? Мы полагаем, что таким образцом для Якуба было то же стихотв. „O smrt.“. Правда, в легенде почти нет заимствованных стихов, в противоположность стихотворению „O boh.“, но в пользу влияния названных произведений говорит другое обстоятельство. Необходимость подбирать по четыре рифмующих слова явно затрудняет стихотворца. Из 460 рифмующих слов легенды свыше 75-и повторяются, ибо рифменный репертуар Якуба ограничен. Видимо, в поисках рифм он прибегал к стихотв. „O smrt.“ По крайней мере рифмы, совпадающие с рифмами „O smrt.“ охватывают почти 15% рифмующих слов легенды. Перечислю эти совпадения:

Leg. o Kat.	O smrt. (Svat. rukop. стр. 108)
456 Jacub, *genz* to wseczko *skladal*, *by* wrabowym okem *hladal*, malo *by* na swietye *stradal* *i* pomoci by ne*zadal* . . .	Tomu take, *genz* gesi *skladal*, day mu bozie czoz *bi zadal*. *bi* w twem bozstwi na tie *hledal* *a* twe milosti *nestradal* . . .
7 narodil — plodyl — prsywodyl — scodyl	42 plodyss — sskodyss — nerodyss 110 sskody — plody — wody
436 mylosty — dosty — kosty — zprosty	208 dosty — kosty — mylosty (Sv. r. стр. 107): dosty — milosty — zprosti
117 zwiesta — ciesta — myesta	152 myesty — czyesty — zwyesty (Sv. r. стр. 107):
172 krzestany — na ny — rany	na ny — krzestiany — rany
241 vzdrawy — zbawy — wyprawy	29 zdrawy — oprawy — zbawy
244 mocy — dopomoci — noci	172 noczy — moczy — przyemoczy
281 krale — na male — dale	125 krale — dale — v male

288 bohv — mohv — mnohu	22 mnoha — boha — moha
444 smyrty — byty — 447 zbyty	136 smrty — byty — nezbyty
461 swietla roze — spomoze — boze	192 nespomoze — boze — swyetla rozye
114 vynu — hodynu	74 syna — wyna — hodyna
448 hodina — syna	
135 chwaly — ostaly	(Sv. r. стр. 107): chwaly — ostali
160 dyety — gmyety	14 gmyety — dyety
191 vtyechu — k smyechu	204 smyecha — 206 vtyecha
	(Sv. r. стр. 107):
201 wsemohuci — horucy	wssemohuczy — straduczy — horuczy
401 wsemohucy — stra(du)cy	
418 diela — tyela	253 tyela — dyela
453 gmagy — 455 w ragi	199 ymagy — 201 w ragy

Относительно ряда случаев может возникнуть вопрос, имеем ли мы дело с заимствованием или с банальной, так сказать — социализованной рифмой. Однако высокий процент совпадений говорит скорее в пользу заимствования. Весьма возможно, что и „Кунгутина песнь" служила Якубу источником рифм. По крайней мере, строфа

63 *Proto,* kraly, netrud *sebe.*
boh, genz stworzil swyet (i) *nebe,*
ihezy crziste, *(zy)wy chlebe,*
zbaw mye twych bohow i *tebe* . . .

производит впечатление текста, неискусно подогнанного к рифмующим словам, которые легко могли быть усвоены из „Кунг. песни" —

89 *Proto* prosim, bose, *tebe,*
siui i roscosni *chele* (chlebe),
abi otuorie dnes *nebe*
dal nam scedre dari z *sebe* . . .

Для нас важно установить, что легенда Якуба — образец смешанного жанра, который можно было бы окрестить лиро-эпическим. Не только строфика, но и стилистика отличает эту легенду от типично эпических легенд. Так Spina противопоставляет эпичности большой легенды о св. Катерине балладный характер малой легенды (Die altčechische Katharinenlegende, Прага 1913, стр. XXII).

Что касается даты возникновения легенды Якуба, то можно предположительно говорить о второй четверти XIV столетия. Глагольные формы 1 л. ед. ч. на *-iu* еще последовательно сохраняются (12 случаев), сохраняется традиция старших памятников, запрещающая заканчивать восьмисложный стих самостоятельным односложным словом. С другой стороны, в рифмах рядом с формами род. п. на *-a* (299 *do rowa,* 370 *do roka*) уже появляется форма на *-u* (346 *pyln hrzyechu* —

vtyechu); рядом с рифмовкой *iu* — *u* в предпоследнем слоге стиха (случаи перечислены у Patery l. c., стр. 211) уже имеется один случай рифмовки *iu* — *i* в последнем слоге стиха —

424 prsyenessv gi w kratkey chwyly
negednv rozlyczny myly . . .

(*o* после генетически мягкого *e* рифмует с нормальным *o*: 296 *kralova* — *hotowa*).[1])

§ 8. *Старочешские песни сложенные однорифменными четверостишиями.*

Коснемся дошедших до нас чешских песен XIV—XV в., сложенных строфами 8a · 4.

I) Песня „O těle božím" (Otče bože všemohúcí) конца XIV в. Эту песню подверг подробному рассмотрению Nejedlý (Počátky husitského zpěvu, Прага 1907, стр. 245 и сл.). Nejedlý отмечает, что из девяти строф песни — пять строф однорифменных, две типа *aabb*, а первая и последняя вовсе лишены рифмы. Словоразделы распределяются в этой песне (в том виде, как она дошла до нас) следующим образом: 3-ий слог — 56 %, 5-ый слог — 64 %, 7-ой слог — 36 %. Очень вероятна гипотеза, которую высказывает Nejedlý: в основе песни „O těle božím" лежит первоначальная сказовая молитва. Думаю, что эта молитва, сложенная строфами типа 8a · 4, приближалась ритмически к „Кунг. песни" и „O smrt.". Из 36 стихов песни „O těle božím" 13 не имеют серединной диэрезы. Но в трех из этих случаев граница полустиший не рассекает слова, а проходит между словом и энклитикой. В шести стихах нетрудно восстановить гипотетическую первоначальную диэрезу: видимо автор переделки сказовой молитвы в песню уже не был заинтересован в сохранении серединной диэрезы и легко жертвовал ею во имя более непринужденного порядка слов.

Стихи в их нынешнем виде:	Реставрация:
dar ducha svatého dáti . . .	dar svatého ducha dáti . . .
rač dobré paměti přieti . . .	rač paměti dobré přieti . . .
které jsme dřieve páchali . . .	které dřieve jsme páchali . . .[2])

[1]) Чтобы убедиться в неправдоподобности предположения Flajšhans'a о том, что автору малой легенды о св. Катерине принадлежат также легенда о св. Георгии и „Svaté Maŕie s nebes chvála" (Písemnictví české, стр. 80), достаточно учесть высокий процент односложных слов в конце стиха в последних произведениях, а также разительные отличия в рифмовке.

[2]) В этом и следующих примерах диэреза приходится между словом и энклитикой.

bychme jich věrně pykali . . .	bychme věrně jich pykali . . .
a když nám bude zemřieti . . .	a když bude nám zemřieti . . .
a když nás budeš súditi . . .	a když budeš nás súditi . . .

В приведенных стихах подновление произошло еще в том оригинале, к которому восходят все три дошедших до нас списка песни конца XIV — начала XV в., но и в дальнейшем тот же процесс продолжался — устранялась серединная диэреза в угоду прозаической расстановке энклитик. В то время как старший список еще сохраняет первоначальную диэрезу в стихе —

hróz ďábelských se nebáti,

в обоих младших списках находим:

hróz se ďábelských nebáti.

Таким образом весьма вероятно, что в первоначальной редакции молитвы было небольше четырех стихов без серединной диэрезы и семь стихов с энклитикой в пятом слоге (назовем их стихами с „условной диэрезой", т. е. диэрезой, ощутительной при высоком проценте окружающих реальных диэрез). Вполне возможно, что на строфике и ритмике рассмотренной молитвы сказалось влияние родственной тематически „Кунг. песни" или непосредственно латинского прототипа последней.

II) Молитва „Navščěv nás Kriste žádúcí", дошедшая до нас в списке 1391 г.[1]) Эта молитва была положена на музыку предположительно Гусом, но, что первоначально это была именно сказовая молитва, а не песня, об этом свидетельствует стих, который в списке 1391 г. звучит:

ktož tu modlitvu řiekají . . .

а в редакции Jistebnického Kancionálu, связываемой с именем Гуса, переиначен следующим образом:

ktož tu piesničku zpievají . . .[2])

В рассматриваемой молитве тенденция к строфике типа 8a·4 проявляется только в зачаточном состоянии. Из восьми четверостиший молитвы всего одно связано двусложной рифмой, в одном четверостишии все стихи заканчиваются на один и тот же слог (*panny — vtrobny — ohawny — zplwany*), а в четырех четверостишиях рифмует гласный последнего слога стиха. Тенденция к рифмовке двустишия сказывается значительно сильней. Из 16 двустиший 11 связаны двусложной рифмой. По своей ритмике

---

[1]) Опубликована в книге Konrád „Dějiny posvátného zpěvu staročeského" I, Прага 1881, прилож. № 3.

[2]) см. Nejedlý, op. c., стр. 194.

молитва — традиционный памятник типа 8a·2. Из 32 стихов только 15 имеют серединную диэрезу.

III) Молитва Богородице, опубликованная в Wýb. z lit. české, I, стр. 330—332.[1]) Эта молитва насчитывает 57 стихов и распадается на 14 строф, из них одна состоит из трех, одна из шести, остальные из четырех стихов. Что это песня, явствует из стиха

dajž tu modlitvu ťak pěti (стр. 332 стих 10).

Эта песня дошла до нас несомненно в очень искаженном виде. Всего 30 стихов сохраняют восьмисложную силлабическую схему, из них 19 (т. е. около 63 %) с серединной диэрезой, но мы не знаем, соответствует ли этот процент первоначальному, или же один из переписчиков сильно деформировал ритмически и те стихи, в которых он сохранил силлабическую схему. Поэтому детальный ритмический анализ рассматриваемого стихотворения мало продуктивен. Каково хронологическое соотношение между этим стихотворением и рассмотренными выше образцами строфики 8a·4? Молитва Богородице обнаруживает близкие текстуальные совпадения с заключительной молитвой стихотворения „O smrt.“

Wýbor, I, стр. 332, стихи 5—8:	Svatov. rukop., стр. 107:
potom toho *rač spomoci*, *když* již *přijdú* moji *roci*, by lestní duchové soci nade mnú neměli moci . . .	*racziss* hrziessnym nam *pomoczy*, *kdyzto przigdu* nassi *roczy*, neday nas dyablom przemoczy . . .
ibid., стихи 12—13:	ibid., стр. 108:
by mi bóh *ráčil přieti*, s tebú nebeské *královstvie mieti* . . .	Jezu criste *racz* nam *przieti* w twem *kralowstwij* radost *gmieti*.

Интересно, что и сходная тематически молитва Богородице „Hvězda mořská“, сохранившаяся в Сватовитском сборнике, повторяет с небольшими вариациями отдельные стихи заключительной молитвы стихотворения „O smrt.“.

„Hv. mořská.“	„O smrt“, стр. 107—108:
13 *neday* nam v hrzyessyech *zhynuty*, *racz ny k sobye przywynuty* . . . 18 *nas nepoddal w zatraczenye* . . . 20 tu, kdez nykdy smutku *nenye* . . .	*racz ny k sobie przywynuty*, *neday* dussiem *zahynuty* . . . tweyt milosti koncze *nenye* . . . *neday nas na zatraczenye* . . .

Стих молитвы „Hvězda mořská“, вероятно, напевной, существенно отличается от стиха „O smrt.“. Стихов с серединной диэрезой всего 55 %. Из 5 строф четыре — типа 8a·2 + 8b·2, а заключительная — типа 8a·4. Если совпадающие стихи —

---

[1]) О ней см. также у Feifalik'a, (Sitzungsber. d. Wien. Ak., hist. phil. Cl., 39, стр. 20).

не бродячие трафареты (а старочешские молитвенные формулы еще не изучены и не классифицированы), то правдоподобнее всего предположить, что обе молитвы Богородице написаны под влиянием „O smrt.“

IV) 3 песни XV в., опубликованные Feifalik'ом в его сборнике „Altčechische Leiche, Lieder und Sprüche des XIV und XV. Jahrhunderts“ (Sitzungsber. d. K. Ak. d. Wiss, phil.-hist. Cl., 39), а именно нравоучительная песня о старой и новой церкви (стр. 656), „Cancio de coloribus“ (стр. 698) и сатирическая песня о крестьянах (стр. 711).[1]) Первая из названных песен насчитывает всего 47 восьмисложных стихов из общего числа 92 стихов, вторая песня 17 из 43, третья 35 из 56. Трудно сказать, действительно ли отступали эти песни от силлабической схемы, или же это искажения переписчика. Привожу таблицу распределения стихов из различного числа слогов в названных песнях.

Стих	Первая песня					Вторая песня					Третья песня				
строфы	I	II	III	IV	итого	I	II	III	IV	итого	I	II	III	IV	итого
Число слогов в стихе 5	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	—	2	—	—	2	—	—	3	—	3	—	—	—	—	—
7	6	10	11	9	36	—	1	4	—	5	3	—	6	11	20
8	14	10	11	12	47	3	4	3	7	17	10	14	8	3	35
9	3	1	—	5	6	2	4	—	1	7	1	—	—	—	1
10	—	—	—	—	—	3	2	—	2	7	—	—	—	—	—
11	—	—	—	—	—	2	—	—	1	3	—	—	—	—	—
12	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—

Пожалуй, в распределении разносложных стихов в строфе наблюдается некоторая система, и это скорее говорило бы в пользу того, что уклонения от силлабизма — особенность стиха, а не ошибка переписчика. В первой песне бросается в глаза малое количество „сокращенных“ стихов в начале строфы, во второй песне третий стих строфы проявляет тенденцию к сокращению, остальные стихи, особенно первый, к увеличению числа слогов. В третьей песне, не допускающей отклонений от силлабической схемы, превышающих один слог, второй стих верен силлабической схеме, а остальные, особенно четвертый, обнаруживают тенденцию к сокращению.

Восьмисложные стихи во второй песне имеют серединную диэрезу в 14 случаях из 17. В остальных песнях процент

[1]) Отмечу между прочим, что эта песня принадлежит к небольшой группе тех старочешских стихотворных памятников, которые допускают под диалектическим влиянием рифмовку *ci* с *ti*. Напр. *býti* рифмует в этой песне с *kyselici — lžíci - hnojníci*, *sedláci* с инфинитивными формами на *-ti*.

серединных диэрез очень низок: в первой песне на 47 восьмисложных стихов 25 серединных диэрез, в третьей на 35 стихов 14 серединных диэрез. Таким образом стих этих песен не имеет ничего общего с ритмикой сказовых стихотворений, сложенных однорифменными четверостишиями. Нет никаких данных, позволяющих ответить утвердительно на вопрос, есть ли какая либо генетическая связь между рассмотренными песнями XV в. и сказовыми стихотворениями XIII—XIV в., строфически сходными.

§ 9. *Песни, близкие ритмически к сказовым лирическим однорифменным четверостишиям.*

Стих старочешских сказовых лирико-дидактических стихотворений, сложенных строфами 8a · 4 находит себе сравнительно близкие ритмические параллели в песенной лирике, но только иной строфической структуры. Близка, например, ритмически к названной разновидности сказового стиха песня Jesu Kriste, ščedrý kněže", сложенная строфами 8a · 3. Эта песня дошла в нескольких редакциях — в списках конца XIV и начала XV в., но относится видимо к первой половине XIV в. Варианты начала XV и конца XIV в. насчитывают 80 и 74% словоразделов третьего слога, 90 и 84% словоразделов пятого слога, 63 и 46% словоразделов седьмого слога.

В первой четверти XV в. эта песня подверглась существенной переделке. Jistebnický kancionál, давая место этой переделке, снабжает ее примечанием: tato piesnička jest složena . . . ot mistra Jana . . . Husi . . . Но вопреки мнению, которое высказывает Nejedlý (op. c., стр. 196, 208 и сл.), думаю, что Гусу принадлежит только музыкальная обработка, а самый текст ему не принадлежит, т. е. термин skladatel надо понимать только как композитор, а не как сочинитель. Так же обстоит дело и с другой песней Jistebnického kancionála, сложенной Гусом (ср. выше, стр. 309). Переделка текста „Jesu Kriste, ščedrý kněže" не может принадлежать Гусу, потому что этот текст ритмически переработан в направлении, прямо противоположном ритмической тенденции песни, бесспорно принадлежащей Гусу „Tu po smrti my shledáme" (см. напр. Flajšhans, M. Jana Husi veškeré listy, Пр. 1916, стр. 119). Чтобы в этом убедиться, достаточно, сопоставить распределение диэрез в памятниках — I. cantus „Tu po smrti my shledáme", II. „Jesu Kriste, ščedrý kněže" — список нач. XV в. (см. Nejedlý, op. c., стр. 459—463, текст A), III. другая редакция той же песни—список 1398 г. (l. c. текст C), IV. переделка этой песни — Jistebnický kancionál (см. Nejedlý, op. c., стр. 464)

	I	II	III	IV
3-ий слог	74%	80%	74%	56%
5-ый „	100 „	90 „	84 „	71 „
7-ой „	74 „	63 „	46 „	38 „

В то время как II и III ближе своим ритмическим строем к песне Гуса (I), ритмическая тенденция приписываемой Гусу переделки (IV) резко отличается. Трудно себе представить, чтобы мы в данном случае имели дело с двумя различными стилистическими заданиями, поставленными одним стихотворцем, с двумя жанрами в обработке одного автора, а не

с двумя разными авторами, разными литературными манерами. Было бы странно предполагать, что Гус, переделывая песню, написанную стихом, близко родственным сказовому лирическому стиху, стирал все характерные особенности этого стиха и в то же время в „песенке на случай", сложенной традиционными эпическими двустишиями 8а·2 доводил напротив до предела тенденцию лирического стиха к постоянной серединной диэрезе и к четкости фразировки вообще. В то время, как в старых редакциях песни „Jesu Kriste, ščedrý kněže" стихи типа уб уб уб|уб составляли 43 (II) — 32 (III) % всех стихов, а в песенке Гуса даже 57 %, в приписываемой Гусу переделке песни „Jesu Kriste" таких стихов меньше десяти процентов. Ритмический анализ единственной песни, бесспорно принадлежащей Гусу, „Tu po smrti" вызывает необходимость решительной ревизии существующих мнений о гусовом стихе (Král, O pros. č., I, стр. 554: в песнях Гуса масса примеров, что Гус . . . недостаточно считался с ударением; Nejedlý, op. c., стр. 204: Гус . . . просто считал слоги, и, если в стихе было 8 слогов, он был удовлетворен.)

§ 10. *Методологические выводы.*

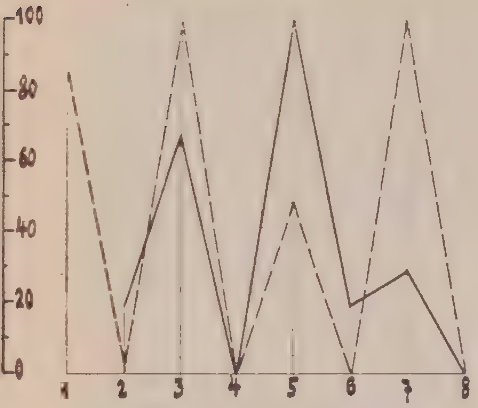
Факт существования в старочешской поэзии группы памятников, характеризующихся тенденцией к выработке особого жанра, особой, лирической разновидности сказового восьмисложного стиха, особой строфики и ритмики, методологически очень важен. Этот факт заставляет нас расстаться с традиционной оценкой старочешского эпического восьмисложного стиха, как стиха неумелого, ученического. Такую оценку мы нередко встречали в учебниках истории чешской литературы, в статьях об отдельных памятниках. Так пишет и Král: Skladateli tanul určitý útvar metrický na mysli . . .; podle tohoto útvaru veršoval přízvučně, dopouštěje se arci podle stupně své umělosti i podle obtíží, jež mu působil výraz slovní a zvláště rým, větších nebo menších nesprávností přízvukových (Česká prosodie, Пр. 1909, стр. 8).

Если отдаленность от нынешнего ритмического канона мы захотим объяснять неумелостью, а случаи приближения к современным нормам четырехстопного трохея большею изощренностью стихотворца, то придется прибегнуть к фантастическому предположению, что эпическими двустишиями писали некудышные стихотворцы, а более искусные поэты писали лирическими четверостишиями. Конечно дело не только в „различной степени умелости", а также в различных заданиях, в различных ритмических идеалах; точно так же ошибочно говорить о неумелой рифме тех или иных старочешских памятников, ибо иначе пришлось бы признать мастерство только за авторами студенческих макаронических песенок, начиненных „богатыми рифмами".[1]) Нельзя, исходя из собственного навыка к точной

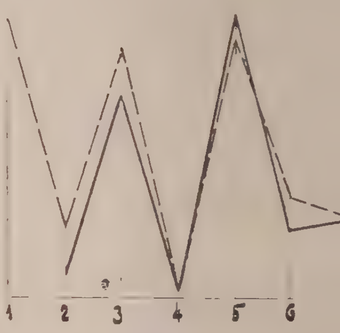
[1]) См. Feifalik, Sitzungsberichte, 39, стр. 710—722.

Распределение словоразделов (——) и ударений (- - - -) внутри ст

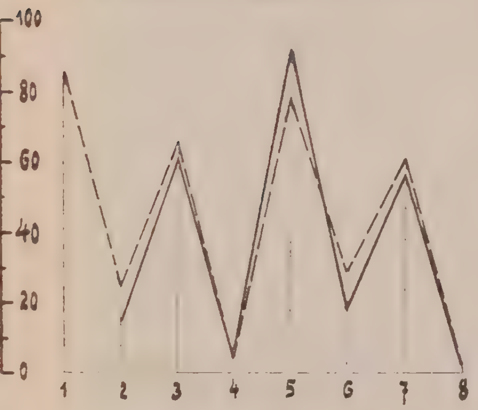
1. В стихотворении Фомы Аквинского »De Corpore Christi«. (в восьмисложных стихах)



2. В »Кунгутиной песни«



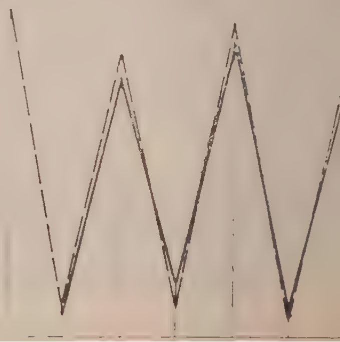
3. В стихотв. »O smrtedlnosti«.



4. В стихотв. »O bohatci«.

5. В »Desatero« — (первые 500 стихов) — образец эпического стиха.

6. Образец современ. четырехсто рифмов. трохея — стих Врхли



рифме провозглашать ассонанс второсортной рифмой, белый стих — дефективным стихом. Нельзя подходить с передвижническим каноном к старорусской иконе и объявлять ее безграмотной, потому что она не желает считаться с этим каноном.

Когда историк литературы отправляется в чужой монастырь со своим уставом, он не вынесет ничего, кроме импрессионистического приговора, не имеющего никакой научной цены и никакого реального, объективного содержания. Такие ходовые эпитеты стиха, как plynný, správný, hladký, obratný, těžkopádný, slabý, vzorný и т. п. так же мало говорят исследователю, как сообщения диалектологов-любителей о нежности, изысканности или грубости и некрасивости выговора. Если бы мы знали, что современный оценщик неизбежно поставит высший балл тем образцам старочешского стиха, которые наиболее приближаются к нынешним ритмическим нормам, то его баллы позволяли бы по крайней мере судить о степени отдаленности того или иного стихотворного памятника от этих норм. В теории словесники склонны историю художественной формы интерпретировать, как прогресс художественной формы, и в старших литературных фактах видеть ступени на пути к достижению современной, наиболее совершенной стадии. Отсюда невольный вывод: чем больше расхождение с современным каноном, тем ниже ступень. Но на практике неприемлемые для современного читателя ритмические особенности старочешского стиха наиболее ощутительны именно на фоне совпадений с современной ритмикой, там же, где таких совпадений нет, они порою перестают ощущаться. Как я писал в иной связи, лишь на фоне знакомого поражает незнакомое. Напр. из всего Градецкого сборника относительно приближается к современному трохаическому канону только молитва „Sv. Jan apoštol“ (ср. стр. 305), а между тем Patera заявляет, что эти стихи „jsou nejchatrnější“ в целом сборнике (Hrad. rukop. стр. XVI). Стихотворение „O smrti“ ритмически куда ближе к современному трохаическому канону, нежели сатирические стихотворения Градецкого сборника, но Jakubec заявляет, что первое произведение в смысле формального совершенства уступает последним (Dějiny literatury české, Пр. 1911, стр. 60).

Прага.

Роман Якобсон.

Древняя кіевская легенда объ апостолѣ Андреѣ.

Читано 21. III. 1923 г. въ подсекціи древней русской литературы (Научно-Изслѣдовательскій институтъ, Москва) и 10. VI. 1923 г. — въ Славянской Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества.

Незабвенной памяти акад. А. А. Шахматова.

Первый слѣдъ легенды объ ап. Андреѣ содержится, какъ извѣстно, въ письмахъ византійскаго императора Михаила VII Дуки къ переяславскому князю Всеволоду Ярославичу (ок. 1075 г.). Отсылая за подробностями къ статьѣ В. Г. Васильевскаго,[1]) можно напомнить, въ чемъ собственно состоитъ этотъ слѣдъ легенды. Василевсъ писалъ, что источникъ христіанства у грековъ и русскихъ одинъ и тотъ же, и что по свидѣтельству „духовныхъ книгъ и достовѣрныхъ исторій" одни и тѣ же самовидцы евангельской проповѣди провозгласили ее у обоихъ народовъ. Упоминаніе нѣсколько глухое, но оно несомнѣнно имѣетъ въ виду Андрея — единственнаго, дѣятельность котораго самою греческой традиціей относилась и къ Византіи, и къ сѣверному побережью Понта.

Въ составѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ," въ разсказѣ о разселеніи славянскихъ племенъ, читается уже р у с с к а я легенда объ ап. Андреѣ.[2]) Находясь въ „Синопіи" и Корсунѣ, Андрей рѣшилъ путемъ „изъ Варягъ въ Греки" отправиться въ Римъ; идя вверхъ по Днѣпру, онъ остановился на ночлегъ подъ горами кіевскими. „И заутра въставъ, рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: видите ли горы сия? яко на сихъ горахъ въсияеть благодать Божия; имать градъ великъ быти, и църкъви мъногы Богъ въздвигнути имать", — затѣмъ благословилъ горы и водрузилъ на нихъ крестъ. До сихъ поръ разсказъ тотъ же (съ разночтеніями словъ, конечно), что въ проложной редакціи сказанія объ ап. Андреѣ, о которой сейчасъ далѣе. Затѣмъ лѣтописный текстъ даетъ продолженіе, только въ немъ читаемое. Когда апостолъ пришелъ „въ

---

[1]) Труды В. Г. Васильевскаго, т. II, 1 (Спб. 1909), стр. 49–50.

[2]) Изд. (по которому нижеслѣдующія цитаты) А. А. Шахматова, Повѣсть временныхъ лѣтъ, т. I (П. 1916), стр. 6—8.

словѣны, идеже нынѣ Новъгородъ," то подивился обычаямъ словенъ: „како ся мыють и хвощуться", о чемъ потомъ разсказывалъ, по приходѣ въ Римъ, такъ что и тамъ удивлялись: „. . . и биють ся сами, и того ся добиють, едъва вылѣзуть лѣ живи, и облѣються водою студеною, и оживуть; и тако творять по вься дьни, не мучими никымь же, нъ сами ся мучать, и то творять мъвение собѣ, а не мучение". Послѣ пребыванія въ Римѣ ап. Андрей возвратился въ Синопію.

Въ ближайшихъ къ лѣтописному видахъ легенда извѣстна въ составѣ Пролога пополненнаго типа (редакція проложная),[1]) и, начиная съ XVI в., въ сборникахъ („полная" редакція).[2]) Съ XVI же в. появляются передѣлки сказанія, значительно разнящіяся отъ древняго лѣтописнаго текста.[3]) Таковы тексты объ Андреѣ въ житіи Михаила Клопскаго (ред. 1537 г.), Степенной книгѣ, „Тверскомъ сборникѣ" (лѣтописномъ), Четь-Минеѣ Дмитрія Ростовскаго, Густынской лѣтописи, Синопсисѣ, Исторіи руссовъ Г. Конисскаго и др. Эти позднія версіи въ большинствѣ случаевъ баснословны, часто искажаютъ древній лѣтописный текстъ и вообще малозначущи въ вопросѣ о происхожденіи древней легенды. Важна идейно замѣна, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, мотива о новгородскихъ баняхъ: напротивъ, апостолъ и новгородскимъ предѣламъ предрекаетъ христіанскую будущность (Тв. сборн.) и даже проповѣдаетъ (Степ. книга, Синопс., Ист. Русс.); наподобіе креста, водруженнаго имъ на кіевскихъ горахъ, онъ водрузилъ жезлъ свой на мѣстѣ будущаго села Друзина или Грузина (ж. Мих. Кл., Ст. кн.). Для генеалогіи перечисленныхъ ранѣе трехъ редакцій позднія сказанія не даютъ ничего.

Первенство лѣтописной редакціи (Пов. врем. лѣтъ) передъ проложной ясно изъ того обстоятельства, что вступленіе въ легенду (путь изъ Варягъ въ Греки), общее у лѣтописной редакціи съ двумя остальными, можетъ происходить только изъ состава лѣтописи, будучи вполнѣ въ духѣ географо-этнографическихъ свѣдѣній, разсѣянныхъ по ней въ предѣ-

[1]) Напечатана Ф. Гиляровымъ (см. ниже примѣч.).

[2]) См. Ф. Гиляровъ; А. В. Марковъ, Памятники старой русской литературы, в. I (Тифл. 1914), стр. 6—8.

[3]) Изданы Ф. Гиляровымъ, Преданія русской начальной лѣтописи (М. 1878), стр. 51—58. Здѣсь же передъ тѣмъ напечатаны тексты проложной, и, не цѣликомъ, полный (стр. 47—51).

лахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, а съ другой стороны рѣшительно не отвѣчая литературному облику Пролога; это вступленіе не можетъ принадлежать, далѣе, и какому-либо общему источнику сличаемыхъ статей, такъ какъ носитъ явный характеръ приспособленія легенды къ лѣтописному разсказу. Замыкаясь текстуально въ одну съ самой легендой вставку въ лѣтописный текстъ, вставку опять — таки очевидную (она разрываетъ собою характеристику русскихъ племенъ посредствомъ фразы „Полемъ же живъшемъ о собѣ", тождественной съ тѣмъ же началомъ, идущимъ вслѣдъ за текстомъ легенды), географическое вступленіе тотчасъ же продолжаетъ: „по горамъ симъ бѣ путь изъ Варягъ въ Грькы", гдѣ неожиданное „по горамъ *симъ*", ничѣмъ раньше не вызванное, относится къ дальнѣйшему: „. . . видите ли горы сия? яко на сихъ горахъ въсияеть благодать Божия". Внѣшне этотъ редакторскій промахъ, предвосхищеніе фразы Андрея, указавшаго своимъ ученикамъ на кіевскія горы, объединяетъ вступленіе съ легендой, гдѣ также далѣе: „. . . и въшьдъ на горы сия, благослови я". Говорить о пути изъ Варягъ въ Греки, якобы по поводу племени Полянъ, понадобилось ни для чего иного, какъ для мотивировки того, почему ап. Андрей шелъ черезъ Русь; дѣйствительно, предвосхищая легендарный апостольскій маршрутъ, вступленіе говоритъ, что по морю Варяжскому итти можно даже и до Рима, и опять притти въ Понтъ море.

Устанавливается, т. о., что вступленіе въ легенду неразрывно съ нею самой въ составѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ; вся его роль — связать ее съ лѣтописнымъ разсказомъ о племенахъ. Но разъ отпадаетъ мысль о какомъ бы то ни было внѣлѣтописномъ памятникѣ, откуда могъ бы перейти въ лѣтопись текстъ вступительный къ легендѣ (въ силу уже его чисто „лѣтописнаго" характера), то, стало быть, лѣтописная редакція является источникомъ проложной. Передъ нами случай довольно обычный для древнѣйшей литературной поры, стоящій наряду съ заимствованіями изъ лѣтописи житіями (напр., Бориса и Глѣба, въ томъ числѣ проложнымъ), поученіями (напр., о казняхъ божіихъ — старшій видъ въ лѣтописи подъ 1073 г.), историческими статьями (проложная память объ освященіи св. Софіи кіевской — передѣлка лѣто-

писной записи подъ 1037 г.), и т. д. Переходъ лѣтописныхъ статей въ составъ другихъ памятниковъ вполнѣ, разумѣется, въ порядкѣ вещей при тѣхъ подавляющихъ литературныхъ преимуществахъ — объемѣ, авторитетѣ, преемственности — какія оставались первое время за лѣтописаніемъ.

Существеннымъ отличіемъ проложной редакціи необходимо признать перестановку текста вступленія, изъ-за чего въ сильной степени утрачивается лѣтописная структура сказанія. Вслѣдъ за началомъ проложной легенды: ,,Святому апостолу андрѣю живущю в синопии, учащю люди и крестящю народы, оттудѣ преиде в корсунь, и слыша яко близь есть устье днѣпрьское, и лзѣ ити туда в Римъ; и въсхотѣ поити святыи андреи по рѣцѣ в Римъ" [*изъ Рима въ варяги*, добавлено въ нѣкоторыхъ текстахъ],[1]) читается по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ проложной редакціи: ,,изъ варягъ въ грекы . . .", и т. д., вплоть до словъ: ,,по тому же морю училъ есть святыи андрѣи" [братъ петровъ, якоже рѣша" лѣтоп. редакціи — отсутствуетъ]. Т. о., текстъ легенды явно разорванъ вступленіемъ къ ней же (незначительно урѣзаннымъ съ начала и конца), иначе говоря, текстомъ, который здѣсь, не относясь уже къ пути ,,изъ Варягъ въ Греки", стоитъ не на мѣстѣ. Одна уже эта перестановка убѣждаетъ во вторичности проложной редакціи сравнительно съ лѣтописной. Чтеніе Пролога вышло безсмысленнымъ, и встрѣчается попытка, очень неудачная, его исправить, вставивъ слова: ,,изъ Рима въ варяги", связующія чисто механически конецъ перваго отрывка легенды съ началомъ текста изъ вступленія къ ней (,,изъ варягъ въ грекы"), — см. выше. Далѣе Прологъ, используя легенду объ ап. Андреѣ, отбросилъ, по понятной причинѣ, часть ея — о новгородскихъ баняхъ — взамѣнъ чего сказано кратко: ,,и оттуда иде нову городу, и оттолѣ въ Римъ в пелопонѣ же островѣ распятъ бысть за Христа отъ галата [въ др. текстахъ агеата] антупата". Вслѣдъ за сообщеніемъ о кончинѣ апостола, заимствованнымъ, видимо, по ближайшему сосѣдству изъ проложной памяти подъ тѣмъ же 30 ноября, идетъ очень ко-
славословія, похвала апостолу. — Лѣтопись и Прологъ разошлись, т. о., въ идеѣ статьи.

---

[1]) Напр, въ Прологѣ нач. XIV в. М. Типогр. 153, л. 159[2]. См. цит. изданіе Ф. Гилярова.

Анекдотическій эпизодъ, хотя бы освященный устнымъ преданіемъ, оказался для Пролога непріемлемъ, и наоборотъ, заключительная похвала была всецѣло въ духѣ расширяемаго сборника краткихъ житій — и она была присочинена.

Дальнѣйшее развитіе проложной статьи представлено т.-н. полною редакціей; старшій списокъ въ псковскомъ сборникѣ сам. нач. XVI в. (Рум. 358). Отсюда эта редакція издана частью Ф. Гиляровымъ (самая легенда со вступленіемъ), частью А. В. Марковымъ (остальной текстъ). Сохранивъ заглавіе проложной статьи, „О проявленіи крещенія рускыя земля“ . . . и т. д., полная редакція отличается гл. обр. прибавками пояснительнаго характера, или же сдѣланными для вящей торжественности. Напр. (прибавки полной редакціи курсивомъ): святаго апостола андрея *первозваннаго петрова брата,* учащю люди *вѣры христовы* и крестящю народы *во имя отца и сына и святаго духа;* отъ цесаряграда прити въ понт[ъ]*еское море, изъ него же течетъ рѣка тискъ* (и дальше сообщается кстати о Пилатѣ Понтійскомъ, имѣвшемъ тамъ родъ и племя); доити въ жребии симовъ *ноева сына;* до племене хамова *симова брата;* училъ есть святыи андреи *первозванный вѣровати христови;* и т. п. Особенно расширяютъ добавленія похвалу (вмѣсто трехъ — цѣлыхъ десять словословій). Заканчивается статья добавленнымъ краткимъ поученіемъ, пріуроченнымъ, согласно съ проложной памятью 30 ноября, къ „празднику сему“, который и предлагается почтить, „на молитву упражняющися“. Характерна среди пояснительныхъ амплификацій полной редакціи замѣна словъ: „потечеть волховъ . . . въ езеро великое нево, и того озера внидеть устье въ море варяжьское“ словами: „течеть волъховъ рѣка оутекла оу вѣликое озеро *ладское* из него же тѣчеть рѣка *нева* и тоя же рѣкы оустье течеть в море варяжское“, географическая поправка, которую А. В. Марковъ напрасно считалъ правильнымъ и стало быть древнѣйшимъ чтеніемъ; въ словарномъ отношеніи (обращаютъ вниманіе слова воспроизведеныя курсивомъ) первенство не за полной редакціей. А. В. Марковъ выдвинулъ еще чтеніе полной редакціи: „и ту вшедъ на гору обнощь пребываше“. Дѣйствительно, имъ поясняется слѣдующее „и заутра въставъ“, но въ лѣтописно-проложномъ чтеніи и здѣсь, какъ въ предыдущихъ случаяхъ, нельзя заподозрѣть порчу; неясность, если она имѣла мѣсто,

проистекала отъ лаконизма, свойственнаго чаще старшимъ редакціямъ памятниковъ; наоборотъ, неисправно чтеніе полной редакціи, ибо она, забывая о пребываніи Андрея „обнощь" на горѣ, черезъ нѣсколько строкъ опять возводитъ его на горы: „и вшедъ на горы тыя, благослови я", — это согласно съ лѣтописно-проложнымъ чтеніемъ, которое само по себѣ вполнѣ ясно послѣ предшествующаго: „и ста подъ горами на брезѣ". Зависимость полной редакціи отъ проложной, а не обратная, и независимость ихъ отъ общаго источника находится также внѣ сомнѣній. То, что полная редакція не есть промежуточная между лѣтописной и проложной, ясно въ силу тѣсной текстуальной связи этихъ послѣднихъ; было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ при новомъ видоизмѣненіи (полной ред. въ проложную) легенда пришла къ ликвидаціи всѣхъ своихъ вставокъ и притомъ именно къ старымъ, лѣтописнымъ чтеніямъ. То, что редакціи проложная и полная не зависятъ отъ общаго источника, устанавливается по самой невозможности представить себѣ этотъ источникъ: если онъ — Лѣтопись, то откуда взялись у полной редакціи ея проложныя части (заглавіе, замѣна купюры о новгородскихъ баняхъ, похвала); если онъ внѣлѣтописный, то откуда взялись у нея же одинаковыя съ проложной редакціей лѣтописныя чтенія; пришлось бы допустить зависимость предположеннаго общаго источника отъ лѣтописной редакціи, а это вернуло бы къ единственно возможной схемѣ редакцій, гдѣ проложная должна стоять между старшей-лѣтописной и младшей-полной.

Генеалогія редакцій помогаетъ установить, насколько возможно, ихъ же соотносительную хронологію. Въ этомъ вопросѣ центральное значеніе принадлежитъ промежуточной, проложной редакціи. Не говоря уже объ архаическомъ типѣ Пролога, въ которомъ учительныя статьи еще составляютъ отдѣльную группу отъ житійныхъ — также и Прологу краткаго состава, формировку котораго, по разнымъ соображеніямъ, относятъ къ XII в.,[1]) легенда объ ап. Андреѣ неизвѣстна; и тамъ и здѣсь подъ 30 ноября имѣется только краткая память (переводная). Иначе въ пергаминныхъ прологахъ пополненнаго типа — того, который составляетъ какъ

[1]) М. Н. Сперанский, Исторія древней русской литературы, изд. 3-е (М. 1921), стр. 209—211.

бы 3-ю редакцію Пролога. Здѣсь, во первыхъ, память нѣсколько распространенная, за ней идетъ изъ Пролога краткаго состава „Притча св. Ефрема, о праведныхъ и о грѣшныхъ", и уже послѣ этой „притчи" читается легенда. Такой порядокъ статей наводитъ на мысль, что легенда внесена въ Прологъ не въ началѣ формировки пополненнаго типа, иначе ее едва ли разъединила бы отъ памяти объ Андреѣ посторонная статья на то же число. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проложная обработка указываетъ (а языкъ ея этого не опровергаетъ) на домонгольское время, когда еще не были разорены окончательно Кіевъ и его область и когда, съ другой стороны, почитаніе Владимира Св. могло вызвать у проложной статьи эпитеты „благочестивый", „честной" (въ похвалѣ), но не „святый" или „блаженный"; приходится настаивать на тонкостяхъ эпитета въ силу идейнаго смысла статьи, противопоставлявшей „проявленіе крещенія" крещенію фактическому.[1]) Болѣе всего проложная редакція тяготѣетъ къ первой полов. XIII в.

Проложная редакція недалека, видимо, по времени отъ своего источника — лѣтописной редакціи. Чтенія источника ею восприняты чрезвычайно близко, какъ это видно м. пр. по реконструкціи текста въ изданіи Шахматова. А. А. Шахматовъ включаетъ легенду объ ап. Андреѣ въ составъ основной, несторовской редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ (1111 г.), хотя въ примѣчаніяхъ къ изданію и оговариваетъ „едва ли не очивидность" вставки текста „Полемъ же живъшемъ особѣ" . . . (изд. 6_{13}—8_{13}); получается нѣкоторая непослѣдовательность, такъ какъ возводить вставленный текстъ къ болѣе древней формаціи лѣтописи (хотя бы къ „Нач. своду" 1093—5 г.). Шахматовъ, конечно, не имѣлъ въ виду, не встрѣчая къ подобному предположенію никакихъ поводовъ — ни текстуальныхъ, ни какихъ-либо иныхъ. Близость между редакціями проложной и лѣтописной заставляетъ заново поставить вопросъ, была ли, на самомъ дѣлѣ, легенда объ ап. Андреѣ въ составѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ, и даже не въ основной редакціи этого памятника.

---

[1]) Чтеніе „святаго Володимира" *позже* дѣйствительно вошло въ проложную легенду. Не встрѣчаясь въ просмотрѣнныхъ мною пергаминныхъ прологахъ, оно налицо напр. въ спискѣ 3-ей четв. XV в., Сборн. Росс. Историч. Муз. (Москва), Синод.-Чуд. собр. 270, л. 108.

Совершенно ясно ея отсутствіе въ сводѣ 1111 г. Что вставка не могла принадлежать составителю этого свода, категорически подтверждаетъ, помимо освѣдомленности составителя о небытіи на Руси апостоловъ (изд. Шахм., стр. 28), его собственный комментарій къ одному изъ использованныхъ имъ источниковъ — къ Сказанію о грамотѣ словенской. Замѣчательна та подчеркнутость, съ какою здѣсь говорится, что учителемъ-апостоломъ славянъ былъ Павелъ, стало быть онъ же, по единству языка, есть учитель Руси, въ частности Полянъ: „тѣмь же и намъ, Руси, учитель есть Павьлъ, понеже училъ есть языкъ Словѣньскъ . . . А Словѣньскъ языкъ и Русьскыи единъ есть; отъ Варягъ прозъвашася Русию, а пьрвѣе бѣша Словѣне; аще и Поляне зъвахуся, но Словѣньска рѣчь бѣ . . .“ Такъ свойственно было утверждать человѣку (преп. Несторъ), который и въ другихъ своихъ трудахъ не упускалъ случая прямо или скрыто высказать мысль, что апостолы на Руси не бывали.

Тенденціозный пересмотръ несторовской „Повѣсти“ игум. выдубицкимъ Сильвестромъ (1116 г.) и новая переработка сильвестровской редакціи (1118 г.) оставляютъ въ полной неприкосновенности какъ комментарій Нестора къ Сказанію о грамотѣ, такъ и другія мѣста лѣтописнаго текста о небытіи на Руси апостоловъ. Между тѣмъ, атмосфера осознанія андреевской легенды не могла же исчезнуть черезъ какія-нибудь шесть лѣтъ послѣ труда Нестора, тѣмъ болѣе, что она за эти годы поддерживалась обстоятельствами государственно-церковной политики. Иное дѣло, если интерполація сдѣлана въ то время, когда центръ вниманія къ легендѣ перемѣстился съ русско-греческихъ отношеній на отношенія русскія, туземныя. Въ грекофильствѣ лѣтописную легенду заподозрѣть трудно, а потому также трудно приписать ее появленіе редактору Повѣсти временныхъ лѣтъ, угождавшему политикѣ Мономаха.[1] Приписать ее, въ частности, редактору 1118 г. (3-я ред. „Повѣсти“) мѣшаетъ еще одна мелкая подробность. Врядъ ли этотъ редакторъ, человѣкъ бывалый на Сѣверѣ и жившій въ Ладогѣ, могъ бы допустить понятную для южанина ошибку, сказавши, что „устье“ озера Нева (Ладожскаго) течетъ безъ посредства рѣки въ море Варяжское.

[1]) М. Д. Приселковъ, Очерки по церковно-политической исторіи Руси X—XII в. (Спб. 1913), § 53.

Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности убѣдиться въ отсутствіи легенды объ ап. Андреѣ въ сводахъ нач. XII в. непосредственно текстуальнымъ путемъ. Зависитъ это отъ того, что дошедшіе, начиная съ экземпляра 1377 г. (Лаврентьевскій списокъ), списки Лѣтописи, служащіе къ возстановленію Повѣсти временныхъ лѣтъ, всѣ въ своемъ прошломъ не миновали формаціи кіевскаго лѣтописанія конца XII в.[1]) Отсюда идутъ обѣ областныя отрасли „Повѣсти", намъ извѣстныя: южная (галицко-волынская) и сѣверо-восточная (владимиро-суздальская). Суздальскія лѣтописи, отражаемыя спискомъ Лавр. и сходными съ нимъ, восходятъ къ кіевскому своду нач. послѣдней четв. XII в.; галицко-волынскія (отраженіе ихъ — въ спискѣ Ипатьевскомъ и сходныхъ) — къ кіевскому своду 1199—1200 г. Позже обѣ группы сводовъ живутъ самостоятельной жизнью, входя между собой въ разнообразныя сочетанія, но уже не согласуясь съ к.-л. новой кіевской формаціей Повѣсти временныхъ лѣтъ. — Между тѣмъ, присутствіе легенды объ ап. Андреѣ во всѣхъ спискахъ Повѣсти свидѣтельствуетъ за общій лѣтописный источникъ, а ея содержаніе говоритъ о кіевскомъ происхожденіи вставки въ лѣтопись: чтенія „горы сія", „по горамъ симъ", взятыя изъ легендарныхъ словъ апостола, должны принадлежать, всего вѣроятнѣе, Кіеву. — Т.-е., все, что можно извлечь путемъ сопоставленія списковъ Пов. врем. лѣтъ, сводится къ тому, что вошла легенда объ ап. Андреѣ въ составъ Лѣтописи не позже послѣдней четверти XII в.

Выше была высказана невозможность вставки легенды въ основную редакцію Повѣсти временныхъ лѣтъ и болѣе чѣмъ сомнительность той же вставки во вторую или третью редакцію. Но послѣ 1118 г. лѣтописная дѣятельность въ Кіевѣ затихаетъ, продолжается лишь въ видѣ погодной записи, и то ведомой нерегулярно; слѣдовъ обработки лѣтописнаго матеріала въ новый сводъ долгое время незамѣтно. Перерывъ соотвѣтствуетъ, какъ выясняется изъ изслѣдованій А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, тогдашнему состоянію Печерскаго монастыря; условія, тяготѣвшія надъ этимъ разсадникомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, не благопріятствовали лѣтописанію, всегда бывшему тамъ выраженіемъ обществен-

[1]) См. А. А. Шахматовъ, Сводная часть къ цит. изданію, стр. XLIV, XLVII—XLVIII.

ности и національнаго чувства. — Зато въ 60хъ годахъ XII в., при игуменѣ Поликарпѣ, въ Печерскомъ монастырѣ вспыхиваетъ энергичная литературная работа; она совпадаетъ съ побѣдой монастыря надъ митрополіей и освобожденіемъ отъ греческаго засилья. Работа производилась весьма тенденціозно и не ограничивалась только лѣтописью. Наряду съ передѣлкой ближайшихъ по времени лѣтописныхъ записей, гдѣ стерта память объ игум. Ѳеодосѣ Грекѣ († 1156), время котораго было самымъ тяжелымъ въ смыслѣ гнета митрополіи, наблюдается усвоеніе посланій этого Ѳеодоса преп. Ѳеодосію Печерскому (по крайней мѣрѣ, посланія о постѣ въ среду и пятницу и о соблюденіи воскреснаго дня). Сюда же относится передѣлка несторова житія Ѳеодосія, въ которой, между прочимъ, преподобному приписанъ предсмертный наказъ князю, „да не обладаетъ имъ [монастыремъ] ни архіепископъ, ни инъ никто же отъ клирикъ софейскихъ, но точію заповѣдаетъ его твоа држава и по тобѣ дѣти твои, и до послѣднихъ роду твоему“, и въ которой Ѳеодосій называется архимандритомъ (ср. сейчасъ дальше). Тогда же рука редактора лѣтописнаго свода прошлась и по Повѣсти временныхъ лѣтъ. Что это такъ, явствуетъ изъ статьи 1118 г., благодаря содержащемуся въ ней термину post quem: тогдашній игуменъ Ѳеоктистъ (до 1112 г.) названъ архимандритомъ. Генеалогія лѣтописныхъ сводовъ (она ведетъ къ сп. Ипатьев. и сходнымъ, содержащимъ чтеніе „архимандритъ“ вм. „игуменъ“) указываетъ на время до 1182 г., т. е. на игуменство Поликарпа, перваго печерскаго архимандрита (архимандритія съ 1164 г.)[1]) Къ той же порѣ кіевскаго печерскаго лѣтописанія восходитъ, судя по всему и вставка въ „Повѣсть“ легенды объ ап. Андреѣ.

Обoснованіе этого не только въ томъ, что къ моменту печерской архимандритіи отошли въ прошлое причины, мѣшавшія легендѣ вступить въ литературу ранѣе. Обоснованіе слѣдуетъ видѣть въ новой цѣли, какой теперь служила легенда. Зависимость русской церкви отъ Византіи, отъ царьградскаго патріархата заслонялась теперь въ Кіевѣ другими вопросами. Перевѣсъ Суздальско-Владимирской Руси

[1]) См. особенно статью А. А. Шахматова: Кіево-Печерской патерикъ и Печерская лѣтопись, Изв. отд. русск. яз. и слов. 1897, III, и отд.

сказывался чрезвычайно реально: тамъ сосредоточивалась государственная власть, тамъ шли хлопоты объ учрежденіи независимой отъ Кіева митрополіи, туда изъ Кіевщины переходила церковная святыня. Литературно защитить Кіевъ, при помощи авторитета Повѣсти временныхъ лѣтъ — вотъ, повидимому, цѣль лѣтописной обработки легенды. Направлена была эта обработка, въ такомъ случаѣ, по адресу великаго князя, *Андрея* Боголюбскаго. Онъ — первый изъ великихъ князей не жившій въ Кіевѣ, не признававшій его за столицу, унижавшій его въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ, и наконецъ, косвенный виновникъ разгрома Кіева въ 1169 г. Но къ Печерскому монастырю, куда ведетъ генеалогія лѣтописной легенды, Андрей относился благожелательно, принявъ, м. пр., мѣры по освобожденію монастыря изъ-подъ греческой опеки, на что есть рядъ данныхъ, собранныхъ М. Д. Приселковымъ.[1]) То, что Андрей, „какъ дѣйствительный хозяинъ Кіева, близко принимаетъ къ сердцу церковныя волненія Кіева" (Приселковъ), входило, конечно, въ литературную цѣль интерполятора Повѣсти врем. лѣтъ. Легенда обращалась къ Боголюбскому, сознавая его происхожденіе изъ дома Всеволода, изъ семьи, въ которой на пространствѣ трехъ поколѣній замѣтенъ культъ ап. Андрея (Андрей Добрый, сынъ Владимира Мономаха, † 1138 г.; А. Боголюбскій, старшій сынъ Юрія Долгорукаго — князя, всю жизнь стремившагося къ овладѣнію Кіевомъ.[2]) Легенда извѣстнымъ образомъ реагировала не только на противукіевскую политику, но и на противуновгородскія отношенія Андрея. Входило ли это въ предвзятую мысль лѣтописной редакціи, или нѣтъ, но мы находимъ въ ней, въ видѣ фольклорнаго анекдота о новгородскихъ баняхъ, отводъ антирусскаго элемента, связаннаго первоначально съ андреевской легендой, насчетъ Новгорода.

Нѣтъ необходимости доказывать, что лѣтописной редакціи предшествовало нѣкоторое, по всей вѣроятности устное,

---

[1]) Цит. сочиненіе, §§ 140 а, 140 б.

[2]) Но имя А. Боголюбскаго, современными источниками не донесенное, при максимальной вѣроятности его въ честь апостола (традиція дома Мономаховичей), для композиціи легенды поглощалось, конечно, тѣмъ, что ап. Андрей — родоначальникъ всѣхъ Андреевъ православной Церкви. Отъ XVI в. есть свидѣтельство, что памяти апостола и А. Боголюбскаго соединялись (подъ 30 ноября). Мѣсяцесловъ русскихъ святыхъ, 29 іюня.

развитіе тѣхъ ея ростковъ, какіе въ XI в. прививались извнѣ, изъ Византіи. Въ письмѣ Михаила Дуки сквозитъ признаніе Андрея апостоломъ руссовъ-скиѳовъ. Отсюда неизбѣжно слѣдовалъ выводъ: проповѣдь апостола не была успѣшна, была, во всякомъ случаѣ, забыта; греки при кн. Владимирѣ лишь обрѣли, съ историческимъ на то правомъ, паству своего, византійскаго апостола. Эта, враждебная всѣмъ, кто стоялъ за самостоятельность русской Церкви, греческая идея достаточно разъяснена въ талантливомъ изслѣдованіи М. Д. Приселкова (гдѣ она поставлена въ связь съ боязнью соперничества Западно-болгарской Охридской Церкви), и развивать ее вновь представляется излишнимъ. Нужно подчеркнуть только одно: конечно, опасность со стороны богослужебныхъ языка и письма, общихъ у русскихъ съ болгарами, сознавалась греческой іерархіей. Недаромъ такъ характерно утвержденіе основной редакціи Пов. врем. лѣтъ, что у Руси есть свой славянскій апостолъ, Павелъ. Выдержки изъ Сказанія о грамотѣ, приводимыя въ данномъ мѣстѣ Повѣсти, сами по себѣ вовсе не требовали подобнаго комментарія; но если налицо литературный выпадъ, полемическій пріемъ, то онъ, очевидно, направленъ противъ преданія о какомъ-то другомъ апостолѣ русскихъ. А этимъ другимъ апостоломъ могъ быть только Андрей въ современномъ, греческомъ освѣщеніи легенды.

Письмо Михаила Дуки случайно и косвенно задѣло (м. б., только предвосхитило) андреевскую легенду. Ссылка на „*αἱ ἱερατικαὶ βίβλοι καὶ αἱ ἀληθεῖς ἱστορίαι*“ имѣетъ въ виду к.-то греческіе письменные источники о проповѣди ап. Андрея. Сюда подходитъ циклъ позднихъ, VIII—X вв., „дѣяній“ („*πράξεις*“) Андрея, характерныхъ, сравнительно съ болѣе древними („*περίοδοι*“) какъ разъ распространеніемъ дѣятельности Андрея на сѣверное побережье Понта.[1]) Для василевса или, что одно и тоже въ данномъ случаѣ, для его секретаря М. Пселла, несомнѣнно видѣвшихъ, по — византійски, въ славянахъ прежде всего варваровъ, было легко и просто въ цѣляхъ политики привлечь показанія „дѣяній“; опорой при этомъ служило общее этническое обозначеніе греками —

---

[1]) См.: свящ. С. Петровскій, Сказанія объ апостольской проповѣди по сѣверо-восточному Черноморскому побережью (Од 1898), гл. VI, въ частности стр. 296 и слѣд.

,,Великая Скуѳь“ — племенъ, жившихъ къ сѣверу отъ Понта по Днѣпру, Днѣстру и Бугу.[1]) Что внушенія василевса попали въ благодарную среду, м. б. указываетъ фактъ построенія андреевскихъ церквей при Всеволодѣ Ярославичѣ. Въ 1086 г. въ Кіевѣ заложена церковь св. Андрея и при ней монастырь, въ которомъ постриглась дѣвою дочь Всеволода Янка, совокупивъ многихъ черноризицъ, а позже были погребены и она, и вдова Всеволода.[2]) Фамильность культа ап. Андрея для семьи Всеволода особенно доказательна на фонѣ полнаго отсутствія извѣстій объ андреевскихъ церквахъ за все домонгольское время, за исключеніемъ только указаннаго и еще одного случая, также ближайшаго къ гречествующей семьѣ Всеволода. Подъ 1090 г. въ Начальный сводъ занесено извѣстіе о переяславскихъ постройкахъ митроп. Ефрема (Переяславль Южный, до 1076 г. волость Всеволода): ,,. . . мънога зьдания въздвиже: . . . по семь святаго Андрея цьркъвь у воротъ, и городъ камянъ и строение баньное камяно; сего же не бысть преже въ Руси; и украси градъ Переяславьскыи . . .“

Но только полугреческимъ окруженіемъ Всеволода и ограничился на первыхъ порахъ культъ ап. Андрея. Мысль, внушенная изчужа, имѣла за собой теоретическую подкладку, по достоинству враждебно принятую выразителями національнаго русскаго сознанія — лѣтописцами. Въ литературный обиходъ легенда вошла не раньше, чѣмъ потребовалось и было вызвано приспособленіе ея къ мѣстнымъ русскимъ условіямъ. На какую-то свою основу она сама указываетъ, оговаривая дѣятельность апостола на берегахъ Понта (или — ,,моря Русскаго“) словами: ,,якоже рѣша“. Дѣйствительно, у лѣтописной редакціи есть черты, которыя могутъ быть возведены къ ,,духовнымъ и достовѣрнымъ“ источникамъ М. Дуки. Указывалось (А. В. Карташевымъ[3]), что крестъ и жезлъ, водружаемые апостоломъ по версіямъ сказанія кіевской и новгородской, идутъ отъ такихъ же образовъ позднихъ греческихъ ,,дѣяній“. Сопоставляя текстуально нѣкоторые изъ нихъ, можно усмотрѣть, что и мотивъ ночлега ап. Андрея, послѣ чего водружается крестъ, тоже не чуждъ этой группѣ

---

[1]) „Пов. врем. лѣтъ“, изд. Шахматова, стр. 12.
[2]) Тамъ же, стр. 345.
[3]) Былъ ли ап. Андрей на Руси? — Христ. Чт., 1907 г., VII, стр. 83.

сказаній (грузинское житіе Андрея).[1]) Миссія апостола въ „Синопіи“ и Корсунѣ несомнѣнно заимствуется изъ „дѣяній“, и притомъ изъ описывающихъ третье (послѣднее) путешествіе его.[2]) Наименованіе апостола безъ эпитета („святыи“ и др.) — въ агіографической манерѣ „дѣяній“, какъ позднихъ, такъ и древнѣйшихъ (апокрифическихъ), такъ что уже эта деталь лѣтописной редакціи („Андрѣю учащю в Синопии . . .“, „Андрѣи же, бывъ въ Римѣ, приде въ Синопию“) свидѣтельствуетъ въ пользу независимости ея отъ проложной, начинающейся: „святому апостолу Андрѣю живущю въ Синопии . . .“ Наконецъ, можно догадываться, что въ основу мотива о новгородскихъ баняхъ входитъ, между прочимъ, понятіе „мученія“, ср. отзывъ апостола: „. . . а то мъвение собѣ творять, а не мучение“.

Трудно сказать, какому именно „дѣянію“ ближе слѣдовала русская литературная обработка легенды. Судя по далекости отъ сколько-нибудь текстуальнаго сходства съ любымъ изъ извѣстныхъ намъ „дѣяній“, судя по деталямъ легенды, разсѣяннымъ по цѣлому циклу памятниковъ, она имѣетъ за собой періодъ устной передачи. Предположить такой періодъ будетъ вполнѣ согласно съ тактикой тѣхъ, кто въ андреевской легендѣ видѣлъ идейное подспорье: вслѣдъ за М. Дукой и М. Пселломъ такъ должны были смотрѣть на нее іерархи λῆς Ῥωσίας“. Но нужно думать, устная передача шла не только отъ пересказа греческаго текста тѣхъ или иныхъ „дѣяній“, но и отъ переводовъ, сдѣланныхъ м. б. по той же греческой иниціативѣ. Въ Минеѣ домакарьевскаго состава подъ 30 ноября сохранились отрывки очень древняго перевода „Житія“ ап. Андрея, перевода по всѣмъ признакамъ русскаго и съ очень древними русскими же интерполяціями.[3]) Это житіе, написанное монахомъ Епифаніемъ (IX—X в.), является типичнымъ представителемъ группы позднихъ „дѣяній“ ап. Андрея.

Изъ элементовъ независимыхъ отъ „дѣяній“, слѣдуетъ выдвинуть особенно два мотива лѣтописной редакціи. Во-первыхъ, ироническая аллюзія къ новгородцамъ, съ примѣненіемъ къ нимъ мотива самоистязанія. Областная непріязнь

[1]) С. Петровскій, цит. соч., стр. 263, примѣч. 1ое.
[2]) Тамъ же, стр. 268—270.
[3]) В. Г. Васильевскій, Труды II, 1, стр. 273 и слл.

использовала какія-то ходячія насмѣшки надъ новгородцами.[1]) Въ нашемъ распоряженіи есть аналогъ, связующій мотивъ самоистязанія съ памятью о крещеніи новгородцевъ. Это лѣтописный разсказъ о палицѣ Перуна. Когда низверженный идолъ плылъ по Волхову, онъ бросилъ на великій мостъ свою палицу со словами: „на семь мя поминають новогородскія дѣти!" — ту палицу, прибавляетъ лѣтописецъ, „ею же нынѣ безумніи убіющеся, утѣху творять бѣсомъ"; кстати сказать, филіація лѣтописныхъ текстовъ позволяла А. А. Шахматову включить цитированный разсказъ уже въ новгородскій сводъ 1167 г. — Общій фонъ мотива таковъ. О трудности христіанизаціи Новгорода недаромъ есть цѣлый рядъ свидѣтельствъ, уходящій въ глубокую древность. Различіе между воспріятіемъ новой вѣры на новгородскомъ сѣверѣ и въ Поднѣпровьѣ въ первые два вѣка (XI—XII) было, во всякомъ случаѣ, настолько замѣтно, что могло служить мишенью для ироніи со стороны южанъ. Какъ видно по памятникамъ древнѣйшей русской учительной литературы, отсталость въ христіанствѣ, приверженность къ язычеству со стороны книжныхъ людей получали толкованіе „невѣжества"; язычники въ глазахъ ихъ были прежде всего „невѣголоси".

Не зависитъ отъ греческихъ источниковъ въ лицѣ „дѣяній" также и мотивъ хожденія апостола въ Римъ. Мотивъ этотъ совершенно чуждъ какъ древнѣйшимъ, такъ и позднимъ сказаніямъ объ Андреѣ, какъ принятымъ въ церковный обиходъ, такъ и апокрифическимъ.[2]) Согласуясь съ древнѣйшею традиціей, „дѣянія" Андрея говорятъ о возвращеніяхъ его ко времени Пасхи въ Іерусалимъ; о Римѣ ни разу не упоминается, да онъ и не входилъ, по пониманію „дѣяній", въ районъ дѣятельности Андрея. Въ освѣщеніи же лѣтописной редакціи легенды Римъ является скорѣе не мѣстомъ проповѣди и подвига, а такимъ, гдѣ подводятся итоги: „. . . и приде въ Римъ, и исповѣда, елико научи и елико видѣ . . . бывъ въ Римѣ, приде въ Синопию". Мало того, лѣтописная легенда мыслитъ Римъ какъ городъ, позже ставшій центромъ католическаго міра. Такъ приходится понимать слова вступленія въ легенду: „. . . въ море *Варяжьское,* и по тому морю ити доже и до Рима, а отъ Рима прити по

[1]) Ср. въ I Новг. лѣтоп. подъ 1016 г. (П. С. Р. Лѣтоп. III. 1).
[2]) См. С. Петровскій, цит. соч.

тому же морю къ Цесарюграду . . .“ Синонимичность слова „варяжьское“ слову *„латиньское“ здѣсь та же, какая въ XII в. и позже зафиксирована разнаго рода памятниками: посланіемъ къ вел. кн. Изяславу о вѣрѣ варяжской, Кіево-Печерскимъ патерикомъ (пещера варяжская), Вопрошаніемъ Ильи (попъ варяжскій), Iой Новгор. Лѣтописью (церковь варяжская, въ значеніи „католическая“, подъ 1152 г., 1187 г. и др.), новгородскимъ же сказаніемъ о варяжской божницѣ. Въ вѣкъ особеннаго норманнскаго вліянія и засилья, какимъ былъ XIIый, особенно понятна и эта терминологія. Что она поддерживалась живымъ устнымъ усвоеніемъ слова, ясно напр. изъ кіевскаго патеричнаго разсказа (о Ѳеодорѣ и Василіи), со ссылкой на литературный источникъ тоже кіевскаго происхожденія: Ѳеодоръ же рече: въ житіи святаго Антоніа повѣдаеться, Варяжскій поклажій есть, понеже съсуди латиньстіи суть. И сего раду Варяжскаа печера зовется и донынѣ“.[1])

Какимъ бы ближайшимъ путемъ ни вошелъ „Римъ“ въ композицію лѣтописнаго текста, — самый фактъ такого діаметральнаго расхожденія съ традиціей дѣяній можетъ быть понятъ лишь въ свѣтѣ бореній съ греческими корнями легенды. Традиція живописала, какъ мучили апостола скиѳы, у которыхъ его проповѣдь встрѣтила жестокій отпоръ. Взамѣнъ этого непріятнаго преданія лѣтописная композиція ведетъ апостола по безлюдью; используя легендарную бо́льшую древность новгородской волости передъ кіевской, она отводитъ встрѣчу Андрея съ людьми (стало быть, и возможность проповѣди) на новгородцевъ. Однимъ изъ результатовъ перерожденія легенды былъ ея апостольскій маршрутъ. Греческая традиція выдвигала Андрея, какъ апостола византійскаго, старѣйшаго ученика Христа, по призванію старшаго, чѣмъ братъ его Петръ, просвѣтитель западныхъ странъ. Направить Андрея *въ Римъ*, какъ въ центръ дѣятельности апостоловъ, было бы въ духѣ тѣхъ, кому не нравилось византійское пониманіе миссіи Андрея. Но едва ли въ этомъ отношеніи могли быть чувствительны и могли протестоватъ русскіе.

За все домонгольское время нѣтъ недостатка въ культурныхъ фактахъ вліянія на Русь католическаго Запада,

---

[1]) Патерикъ Кіево-Печерскаго монастыря, Пам. слав.-русск. письменн. (изд. Археогр. Комм., Спб. 1911), стр. 119.

равно какъ нѣтъ недостатка въ фактахъ отпора этому вліянію со стороны грековъ-іерарховъ. Уже одна оживленная полемика съ латинянами, при участіи, въ разное время, четырехъ митрополитовъ (Леонтія, Георгія, Іоанна II, Никифора) свидѣтельствуетъ о томъ, что опасность окатоличенія была и сознавалась. Но особенно сильной она сдѣлалась въ третьей четверти XII в., когда въ самой метрополіи русскаго православія возобладало западное теченіе, и когда византійскій императоръ сдѣлался сторонникомъ папы, мечтая о соединеніи обѣихъ римскихъ имперій. Извѣстіе Никон. лѣтописи подъ 1169 г. о прибытіи въ Кіевъ папскихъ пословъ находитъ себѣ опору въ этихъ отношеніяхъ времени Мануила Комнина. Здѣсь нельзя не упомянуть объ очень правдоподобной гипотезѣ, принадлежащей польскому ученому Wł. Abraham'y;[1]) именно, онъ связалъ византійскія извѣстія (въ частности, изъ хроники Іоанна Киннама) съ извѣстіемъ Никон. лѣтописи. Abraham думаетъ, что послы отъ папы Александра III, бывшіе ок. 1169 г. въ Царьградѣ, прибыли оттуда въ Кіевъ имѣя въ виду союзъ князя Мстислава Изяславича съ Польшей, помогавшей передъ тѣмъ Мстиславу овладѣть Кіевомъ — союзъ чрезвычайно цѣнный для похода съ Востока на врага папы и соперника Мануила-Фридриха Барбароссу. Но 8 марта 1169 г. Кіевъ былъ взятъ союзомъ удѣльныхъ князей, такъ что планы папскихъ пословъ остались втуне.

У лѣтописной редакціи легенды есть одна любопытная, хотя и поздняя, параллель. Въ к. XVI в. нѣкій Діонисій Фабрицій, ярый католикъ по религіознымъ убѣжденіямъ, пробстъ феллинской церкви по мѣсту своей дѣятельности, составилъ компиляцію подъ заглавіемъ: „Livonicae historiae compendiosa series“.[2]) Говоря о первыхъ временахъ христіанства въ Ливоніи, Д. Фабрицій приводитъ изъ неназваннаго имъ источника но, по его мнѣнію, правдоподобный („et quidem veri simile“) разсказъ о томъ, какъ братія монастыря въ Фалькенау, подъ Дерптомъ, удачно домагалась у папы увеличенія доходовъ. Монахи жаловались на плохое житье, сообщали о томъ, какъ скудно они ѣдятъ и пьютъ, и какъ подви-

---

[1]) Powstanie organizacyi Kościoła łacińskiego na Rusi, t. I (We Lwowe, 1904), str. 36—37.

[2]) Ср.: Чт. въ Общ. Нестора Лѣтописца, в. I, стр. 289.

заются каждую субботу: натопивъ „hypocaustum" до того, чтобы едва могъ выдержать человѣкъ, и раздѣвшись, бичуютъ себя прутьями и обливаются холодной водой. Когда папа прислалъ агента для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ, то его, послѣ недѣльнаго скуднаго питанія, описаннаго въ посланіи къ папѣ, въ субботу повели въ баню и стали тамъ парить („... jubent balnea sua calefieri ut plurimum, eo introducentes Italum fratrem, aquam infundunt in lapides candentes, calore nimio mox implerunt balnea. Ipsi vero adsueti, nudi arripientes singuli scopas, incipiunt se caedere, aqua frigida se perfundentes"). Братъ-итальянецъ не выдержалъ и выскочилъ из бани: „... quod cum intolerabile videretur Italo, exsiliens ex balneis, „proh Deum!" — inquit — „austera nimis haec vestra est vitae regula; vix audita ab hominibus". Прибывъ въ Римъ, онъ передалъ папѣ все на себѣ самомъ испытанное, о необыкновенномъ, аскетическомъ житіи, какое ведутъ фалькенаусскіе монахи.

При всей огромности перерыва во времени и при всей разницѣ культивирующей среды, есть убѣдительная близость между древнимъ кіевскимъ сказаніемъ и латино-нѣмецкимъ фабриціевымъ. За старшинство русской версіи не только хронологическое, но и въ смыслѣ ея вліянія на версію позднюю, говоритъ то обстоятельство, что въ кіевской легендѣ данное самоистязаніе не перетолковано, да и не могло быть перетолковано какъ аскеза (ср. слова апостола: ,,... и то мъвение творять собѣ, а не мучение"). Самая же связь обѣихъ версій мотива другъ съ другомъ можетъ быть обоснована посредствомъ слѣдующихъ положеній:

1. оба случая схожи не только по отношенію къ мотиву даннаго самоистязанія. Нельзя сказать, чтобы имѣлся всего лишь ,,сюжетъ характерный для финнско-скандинавскаго Сѣвера".[1]) Сходная ситуація простирается на мотивъ ,,хожденія въ Римъ", гдѣ узнаю́тъ о необыкновенномъ данномъ обычаѣ;

2. небытовое чисто, скорѣе литературно-бытовое происхожденіе фабриціевской версіи можно видѣть въ ея анекдотическомъ тонѣ. Не было, конечно, трудности въ серьезной мотивировкѣ фалькенаусской аскезы. Самобичеваніе принято въ средніе вѣка во многихъ католическихъ монастыряхъ

[1]) А. В. Карташовъ, цит. статья, стр. 91.

(и прежде всего въ Италіи), въ томъ числѣ доминиканскихъ. Наоборотъ, мытье въ банѣ воспрещается обычно монастырскими уставами, и трудно думать, чтобы оно являлось здѣсь бытовымъ фактомъ монастырской среды;

3. миссіонерство католиковъ никогда не брезговало литературнымъ подспорьемъ. Вводить въ сознаніе массъ религіозныя идеи возможно нагляднѣе — черта за католицизмомъ достаточно извѣстная. Не подлежитъ также сомнѣнію, что легенда объ ап. Андреѣ была въ центрѣ вниманія миссіонеровъ, а въ непріязни къ византійскому ея облику они должны были сходиться, хотя и по своимъ соображеніямъ, съ южноруссами XII в.;

4. кіевская легенда объ ап. Андреѣ не могла не быть, въ такомъ случаѣ, знакома доминиканской средѣ. Агенты ордена св. Доминика были высланы въ Русь (Кіевщину) вскорѣ послѣ того какъ основался самъ орденъ. Къ 1233 г. дѣятельность (пятилѣтная) доминиканцевъ *въ Кіевѣ* настолько успѣла себя показать, что кіевскій князь Владимиръ Рюриковичъ изгналъ ихъ и запретилъ возвращаться. Опять-таки ясно, что доминиканская миссія, какъ и болѣе раннія, сталкивалась съ вопросомъ объ историческомъ правѣ на проповѣдь. Недаромъ въ средѣ орденовъ и всего больше доминиканскаго раздуваются, а то и просто сочиняются небывалые подвиги „русскихъ апостоловъ“. Такой титулъ примѣнялся къ личности современника русскаго крещенія, еп. Бруно-Бонифація. Вокругъ же имени Яцка (или Гіацинта) Одровонжа, доминиканскаго миссіонера первой полов. XIII в., сфабрикованъ, какъ извѣстно, цѣлый циклъ подвиговъ и чудесъ, якобы сотворенныхъ имъ въ Кіевѣ.[1])

5. въ Ливоніи доминиканцы появляются тоже въ первой полов. XIII в. (самое раннее извѣстіе относится къ 1243 г.). Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь они сразу приняли на себя пропаганду католичества, несомую ранѣе другими орденами, гл. обр. цистеріанскимъ, и самымъ тѣснымъ образомъ участвуютъ въ миссіонерскихъ замыслахъ этого времени. Объектомъ служила все та же русская народность и вѣра, что и въ Кіевщинѣ, а потому освѣдомленность агентовъ Рима въ легендарномъ окруженіи русскаго христіанства могла и даже

---

[1]) Ст. И. Малышевскій, Доминиканецъ Яцекъ (Іакинфъ) Одровонжъ (Тр. Кіев Дух. Акад. за 1867 г. и отд.).

должна была постоянно освѣжаться. По отношенію къ легендѣ объ ап. Андреѣ на ихъ сѣверномъ поприщѣ дѣятельности выдвигались впередъ, между прочимъ, тѣ фольклорные мотивы, какіе русскій югъ связывалъ съ Новгородомъ.

Сдѣланныя отдѣльныя замѣчанія выясняютъ широкую возможность связи ливонскаго монастырскаго преданія съ Кіевомъ XII в. Но врядъ ли не слѣдуетъ, сообразивъ всю изложенную исторію легенды, притти къ заключенію о неизбѣжности этой связи. Независимо отъ фабриціевскаго разсказа были вскрыты латинствующія черты въ самомъ генезисѣ лѣтописной редакціи легенды. Выводъ, поэтому, становится на болѣе твердую почву. Католики, въ частности доминиканцы нач. XIII в., усвояли легенду объ ап. Андреѣ близко къ ея литературному выраженію въ Лѣтописи. Неудивительно, если мотивъ лѣтописной редакціи древней кіевской легенды, всплывая черезъ четыре слишкомъ столѣтія, оказывается бытующимъ въ католической и притомъ доминиканской средѣ.

Москва.

А. Сѣдельниковъ.

Описи монастырских библиотек XVII в. и спорные вопросы истории древней-русской литературы.

I.

Два вопроса тревожат историка древней русской литературы, особенно литературы последних веков Московского царства: первый вопрос — какова была роль монастырей в развитии литературы? прав ли акад. Н. К. Никольский, видящий в изучении состава монастырских библиотек старой Руси верный путь к познанию состава и истории древне-русской письменности? Второй вопрос — о размерах и силе украинского книжного литературного влияния на Москву в XVII в.: было ли оно столь сильно и значительно, как это кажется при изучении только узко московских, столичных интересов, вращавшихся около царского и патриаршего двора?

Нам кажется, для ответа на эти вопросы недостаточны ссылки на такие общие основания, как изумительная религиозность москвичей в XVII в., поражавшая даже восточных патриархов, ссылки на господство монастырского уклада частной жизни культурного московского общества того времени. Равно недостаточно и совершенно излишне преувеличение значения роли украинских выходцев, занимавшихся переводами и самостоятельным литературным трудом в Москве, начиная с Ф. Гозвинского (нач. XVII в.), кончая деятелями начала XVIII в. Оба эти спорные вопроса могут быть решены только путем обследования документального материала, бесстрастно отмечавшего состояние интереса к книге и книгам в наиболее культурной среде XVII в. — среде духовенства, особенно ценившего книгу — и в силу ее содержания и как орудие профессиональной работы, без которого нельзя было ни душу спасти, ни служить в церкви. Источником для дальнейшей нашей работы будут служить описи книг, частью монастырских, частью епископских библиотек, и не центральной России, испытывавшей заметное культурное воздействие Москвы и ее пришлых элементов, а библиотек захолустных, северных библиотек, где вдали от столицы продолжали жить и спасаться по старине.

Известно, как ценила древняя Русь книги: не менее, чем дорогие церковные и домашние сосуды из золота и серебра, не менее, чем иконы, имевшие двойное значение — и святыни, и предмета искусства.[1]) Отсюда стремление сберечь книгу, сделать её недоступной для любителей легкой наживы. Для этого было два средства: хранить книги в монастырской казне и составлять описи библиотек. Последнее практиковалось и частными лицами и монастырями и церквами. Описей первого рода до нас почти не дошло, но следы их существования имеются (библиотека кн. Владимира Васильковича, см. Волынск. летоп. под 1288 г.). Описей второго рода дошло до нас довольно большое количество, начиная с XV в. Оне довольно разнообразны по характеру. Так в описи Слуцкого монастыря 1494 г. указаны только названия книг.[2]) В описи библиотеки Иосифова Волоколамского мон. 1473 г. наблюдается некоторый прогресс: указывается не только название и формат книги, но и обозначается самый экземпляр именем его бывшего владельца или переписчика; тоже наблюдаем и в позднейших описях книг того же монастыря — 1545, 1573 и 1591 гг.[3]) Но уже в последней четверти XV в. в Кирилловом Белозерском монастыре неизвестный составитель описи дал первый в России опыт вполне научного характера: он не только перечислил по названию сборники монастырской библиотеки, но внимательно описал весь имеющийся в них литературный материал — 957 статей, с приведением их начальных слов.[4]) В 1584 г. книгохранитель Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря старец Арсений Высокий составил „указец“ четьих книг по определенному плану: он избрал изо всех четьих книг известных ему, статьи и расположил по порядку календаря; таким образом получился полезный справочник: „не много видно в письме, но много — снискательно“, как выразился сам Арсений.[5]) В конце XVII в. составляется „Оглавление книг, кто их сложил“, долго приписывавшееся иером. Сильвестру Медведеву, но скорее всего принадлежащее Епифанию Славинецкому;[6]) здесь

[1]) См. В. Адрианова, Материалы для истории цен на книги в древней Руси XVI—XVIII вв. 1912. (Пам. изд. Общ. Люб. Др. Письм.)

[2]) Акты Зап. России, I, № 115.

[3]) В. Георгиевский, Фрески Ферапонтова мон., 1911, прилож.; Казанский, Чтения Общ. Ист. и Др. Р. 1846—47 г., VII. 1 16.

[4]) Н. Никольский, Описание рукоп. Кир.-Белоз. мон., составл. в XV в. 1897.

[5]) И. Шляпкин, Указец книгохранителя Спасо-Прил. мон. Арсения Высокого 1584 г. (Пам. Др. Письм., 1914).

[6]) А. Соболевский, Переводная литература Московской Руси, 1903, с. 437.

перечислено до 300 сочинений с указанием начальных слов и имени автора.

Но все эти библиографические опыты не нарушили архаического плана монастырских описей: они обычно составлялись по древнейшему, традиционно установившемуся образцу, ограничиваясь лишь *перечислением* книг, иногда беглым, иногда более обстоятельным. Однако, может быть в силу этой примитивной архаичности, эти описи представляют ценный и интересный материал для культурной и литературной истории Московской Руси. Не касаясь уже известного в печати материала, мы ниже воспользуемся еще не опубликованными данными, извлеченными нами из описей монастырского имущества, составленных в самом конце XVII и в первые годы XVIII столетия, именно из:

1. Переписной книги домовой ризницы архиепископа Вологодского, 1679 г., рукоп. Росс. Публ. Библ. Q. IV, № 387;

2. Описи вещей Вологодского архиеп. Симона, сделанной по его приказанию в 1683 г., рук. Р. Публ. Б. Q. IV, № 389, лл. 7—13;

3. Описи библиотеки Успенской Адриановой пустыни 1670 г., рук. Р. Публ. Б. Q. IV, № 390, л. 16 об.;

4. Описи Глушицкого мон. 1683 г., рук. Р. Публ. Б. Q. IV, № 392, л. 12 об. и слл.;

5. Описи Кириллова-Новоезерского мон. 1662 г., рук. Р. Публ. Б. Q. IV, № 394, л. 4 и слл.;

6. Писцовой книги Николы-Коряжемского мон. 1682 г., рук. Р. П. Б. Q., № 306, л. 13 и слл.;

7. Описи того же мон. 1668 г., рук. Р. П. Б, Q. IV, № 396;

8. Переписной книги Корнильева мон. 1677 г., рук. Р. П. Б., Q. IV, № 395, л. 19 и слл.;

9. Переписной книги Ѳерапонтова мон. 1665 г., рук. Р. П. Б. Q. IV, № 398, л. 18 и слл.;

10. Переписной книги Спасского Вожеезерского мон. 1707 г., рук. Р. П. Б. Q. IV, № 391.

Этим материалом мы и ограничимся в дальнейшем; он не обширен, но характерен, рисуя быт северно-русских, отдаленных от столицы монастырей.

II.

Акад. Н. К. Никольский недавно вполне справедливо заметил, что подобные „библиотечные описи, инвентари и т. п. документы, касающиеся книжного дела древней Руси, не привлекли к себе

еще заслуженного внимания: не собраны, почти не изданы и мало изучены, несмотря на то, что история старинных библиотек есть история тех умственных центров, в которых встарину развивалась областная письменность с ее местными интересами".[1]) Наш материал — из мелких, заброшенных в леса монастырей, — чрезвычайно характерен, как увидим, для эпохи, когда подготовлялась реформа всей жизни Московской Руси, когда в центре государства кипела жизнь, переводились многочисленные книги с иностранных языков, крепла культурная связь с Украиной и налаживалось общение с европейским Западом. Чтó же дает для характеристики умственных, культурных и литературных интересов своего времени материал из этих глухих монастырей? Сначала мы извлечем из наших источников сведения чисто описательного характера, а затем попробуем коснуться двух задач, двух вопросов культурной истории, поставленных акад. Никольским еще в 1902 г.[2]) и проф. Харламповичем в его книге о влиянии на великорусскую жизнь украинской культуры и ее деятелей.[3])

Описи, названные выше, имеют значение в разных отношениях; прежде всего, в археологическом, как содержащие в себе сведения о внешней стороне книг; затем — в культурно-историческом — как рисующие пути распространения книг и идей, в них заключающихся, специальный подбор книг в монастырских библиотеках; наконец — в историко-литературном, знакомя нас с памятниками, имевшими распространение и успех среди читателей и создававшими литературную традицию. Эти описи не отличаются ни обстоятельностью, ни точностью; лишь изредка приводятся такие конкретные указания, которые позволяют выделить данную книгу из ряда одноименных. По большей части это — указание на имя вкладчика или писца; вообще же качества изученных нами описей различны. Большею частью они составлены без какой либо системы: книги описывались так, как стояли на полках. Иногда же в описи книги делятся на отделы и описываются в некотором порядке, как напр. в описи Корнильева мон. 1676 г. Порою описываются по форматам: в десть, в полдесть („в полы"), в четверть, в 6-ю („воштинку"), в осмуху, в деветерку. Очень редко указывается число листов в книге; почти исключением из общего

[1]) Древнерусская книжность, I, стр. VIII.

[2]) Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности, 1902 (Пам. Др. П

[3]) К. В. Харлампович, Малоросс. влияние на великор. церковную жизнь, I, Казань, 1914.

правила звучит в описи Вологод. арх. дома 1683 г.: „Книга Святцы в ѳсмуху, писменая на дватцати на восми листах ис порожними“. Датировка рукописных книг чрезвычайно редка; изредка же встречаем лишь самые общие указания на время, когда вышли в свет печатные книги, напр. „Два Устава печати Московской в десть, в красной коже, которые вышли ис печати при патриархе Иосифе“, или „Два Устава печати Московской, в десть, оба в красных кожах, вышли ис печати при патр. Ѳиларете“ (Оп. Корнил. мон. 1676 г.). Составители описей вообще стараются отмечать, печатная перед ними книга или рукописная, но делают это далеко не всегда даже относительно книг, заведомо рукописных и не удостоившихся никогда еще печати, напр. „Книга в полдесть Иосифа Волоцково“ (т. е. его „Просветитель“, библ. Симона архиеп. Волог. 1683 г.), или многочисленные Соборники, с указанием иногда начальной статьи, или „Книга Пчела“ и „Книга царевича Иосафа“, которые могли быть известны в Московской Руси и по рукописям и по печатным южнорусским изданиям. Иногда при названии рукописных книг указывается и материал: „Книга Чепь Златая телятинная (т. е. пергаменная) в десть, ветха“ (Опись 1683 г.), или „Книга Служебник с Потребником, телятинная, в полдесть, ветха“ (Адрианова пустынь, 1670 г.). Большею же частью при названии рукописных книг — о материале не упоминается, рукопись — смешивается часто с печатью, так что только по содержанию книги можно догадаться с чем имел дело составитель описи. Обычно лаконическое обозначение: „писмяная“, реже — „писмо книжное“ (т. е. полууставное), напр. в Оп. Николо-Коряжем. мон. 1682 г., или „скорописная“, „писмо скорописное“. Изредка отмечается тип шрифта: „Три Псалтыри — печать Московская, большие слова“, или „Книга Библѣя в десть, печать Московская, мѣлкія слова“ (Опись Корнилиева мон.). Место печати обозначалось не всегда, причем указаниям „печать Московская“ или „п. Литовская“, — т. е. белорусская или украинская — доверять следует с осторожностью; так в Описи Адриановой пустыни 1670 г. читаем: „Мечъ Духовный, печать Московская“, тогда как было лишь одно издание „Меча“ — Киевское 1666 г. Впрочем и названия книг приводятся довольно неточно: в Описи вещей Вологодского архиеп. 1683 г. читаем напр.: „Книга Цвѣтословіе, еже начало мучение Екатерины и иніи житія и поученія, в четверть“, — это не что иное, как Анѳологион Моск. изд. 1660 г., и притом не в четверть, а в восьмушку, ибо другого подобного издания, на-

чинающегося с мучения Екатерины библиография не знает. Но все же заметно, что в библиотеках северных монастырей преобладают численно книги Московской печати, что и естественно. При этом порою в одной библиотеке находим по несколько экземпляров одного и того же издания (см. Корнил. мон. л. 72 об., Апостолы и др. книги). Изредка составители описей отмечают автографы; в этом отношении они не столь внимательны, как описавший книги Иосифова-Волоколамского мон. в 1545 г. и его продолжатели, упомянувшие обо всех, лично потрудившихся для обогащения монастырской библиотеки. В наших описях мы находим лишь немногочисленные указания на писцов: „Книга Алфавит в полдесть, писмо Ивана Козмина“ (Оп. книг архиеп. Симона 1683 г.); „Псалтырь в полдесть слѣдованная писмяная, писмо чюдотворца Корнилия, з жуки“ (Оп. Корн. мон. 1676 г.). Описи часто говорят о переплетах, при чем оказывается, что, случалось, книги, вероятно ради экономии, переплетались по нескольку в один переплет; такие сплетенные книги дошли и до нашего времени. Обозначается цвет переплетов: „в черной“ или „в красной кожѣ“, упоминается о бархате черном и цветном и о других материях, напр. „Двѣ книги архиерейскаго священнослужения, Чиновники печатные, один подѣт камкою лазоревой куѳтерь, а другой бархатом травчатым, по рудожелтой землѣ кресты и застешки серебряные“ (Переп. кн. домов. ризницы архиеп. Вологодск. 1679 г. л. 35). Говорится и о футлярах, в которые иногда помещались ценные книги: „двѣ книги, Евангелие напрестольное да Апостол, в полдесть, писмяныя во влагалищах суконных“ (Оп. библ. Волог. арх. дома 1683 г.). Особенно внимательно, хотя и не столь подробно, как в украинских описях, — описываются книги в окладах: или здесь оклады были беднее, чем в украинских монастырях, или это только технический дефект севернорусских описей. При названии книг иногда даются краткие заметки о их состоянии: „ветха“, „гораздо ветха“, „подержана“, „побита“, „ветхи и избиты гораздо“, „полиняло“, „ветхи и доски отвалились“, „лежачее“, „новаго выходу“ (Глушицк. мон. 1683 г., Ѳерапонт. мон. 1665 г. и др.). Исторический интерес представляют и пути попадания книг в монастырские библиотеки: тут и покупка (на монастырские деньги куплена книга „Меч Духовный“ и др.), тут и пожертвования разных лиц, начиная с царя Ивана Васильевича и царицы Анастасии Романовны, коими даны все книги в церковь Николы чудотворца Христофоровой пустыни при Николо-Коряжемском мон. (л. 46—47); далее в названном

мон. — вклады ц. Алексея Михайловича, бояр Строгоновых и др. менее заметных лиц: боярина кн. Д. П. Львова, Андрея Палицына, Ст. П. Наумова, игум. Иоасафа, под'ячего Большого Приказа Григ. Медведева и дьяка Кирилла Борисова.

Несмотря на краткость описей, в них нередко отмечаются приметы книг, выделяющие их из ряда других; так, при упоминании о книге Иосифа Волоцкого добавлено: „приписъ — писмо архиепископле“, или: „книга в полдесть Василия Великого писменная с приписьми, писмо та книга преосв. Симона архиепископа, в ней же о св. Дусѣ печатное“; при Служебнике: „выписан с печати на перечень, архиепископлеж писмо ...“ (Оп. библ. Вологод. арх. дома 1683 г.). Иногда писцы отмечали содержание, или же только начальные статьи книги. Если при описи книга отсутствовала, а между тем в предшествовавшей описи значилась, то отмечалось, что де её „необ'явилось“, напр. в Глушицк. Мон., Оп. 1683 г. — Евангелие повседневное; „не явился“ также Канонник и 4 книги Трефолев, о которых сказано: „а тѣ книги отданы в село Покровское“.

Были ли эти книги мертвым капиталом, или служили потребностям жизни? Почти в каждой описи встречаем упоминания о книгах „ветхих“ и „лежачих“, т. е. обычно не пускаемых в расход. Они сберегались и лишь в исключительных случаях выносились для чтения („чтут в соборѣ“). Вообще же кроме богослужебного и келейного чтения, книги раздавались для списывания и прочтения не только братии, но и посторонним лицам, за особые услуги монастырю: в описи ц. Покровской, приписанной к Глушицкому мон., читаем: „Да в прежних книгах написано .Двѣ книги минѣй печатные мѣсячные. декабрь да ѳевраль, в десть` — и тѣ нынѣ книги взяты в монастырь на Сосновец“; в описи Глушицк. мон. читаем: „Двѣ книги минѣй общие печатные в десть, одна отдана Петру Михайловичу Голохвостову в почесть от переписки монастырское вотчины“. Книги хранились не только в особых „книгохранительницах“, но и в ризницах. В некоторых монастырях, напр. в Корнильевом, была выстроена для них „под предѣльною колокольницею палатка каменная книгохранительная“.

В каком отношении в конце XVII в. была в северно-русских монастырях рукописная и печатная книжность? Много ли и часто ли пользовались рукописями в этих бедных монастырях, при наличии весьма скромного количества типографий в тогдашней России? Мы уже упомянули выше о трудности разграничить

в описях печатные и рукописные книги. Но все же совершенно ясно в массе случаев, о печатной или рукописной книге идет речь, когда упоминается „Временникъ", или „Лѣтописецъ", или „Георгий Писидъ", или „Странникъ" и т. п. В дальнейшем, при определении относительного количества рукописных и печатных книг в каждой библиотеке, мы примем во внимание это обстоятельство. Но, разумеется, предлагаемые нами цифры будут лишь приблизительными, так как в некоторых описях, даже при всевозможных предосторожностях, легко допустить ошибку — до 15—20%.

Рассматривая описи в хронологическом порядке, заметим, что напр. в описи 1579 г. Сольвычегодского Благовещенского Собора, с продолжением приблизительно до 1630 г. — значится при 127 рукописях 34 печатных книги;[1]) во второй половине и в конце XVII в. это отношение меняется в обратную сторону:

В Кирилловом-Новоезерском мон. по описи 1662 г. из общего числа 97 книг — можно еще насчитать почти половину (42) рукописей.

В Ѳерапонтовом мон. в 1665 г. из общего числа 345 — рукописных книг было еще не менее 237: отдаленность от Москвы этого монастыря сильно сказалась на составе его библиотеки.

В Николо-Коряжемском мон. в 1668 г. из общего числа 182 — было 76 рукописных книг, а в 1682 — рукописных только 72 на общее число 178 книг.

В Успенской Адриановой пустыни в 1670 г. из общего числа книг (поскольку можно судить на основании очень неточной описи) 155 — рукописей было не менее 40.

В Корнильевом мон. в 1676 г. из общего числа 360 — рукописных книг было 199, т. е. все еще бо́льшая часть.

В библ. архиер. дома в Вологде в 1683 г. на общее число 79 — приходилось около 25 рукописных книг.

В том же году в Глушицком мон. из общего числа 115 книг, рукописных было около 40.

В Вожеезерском мон. в 1707 г. замечаем только 5 рукописных из числа 27 книг.

Если теперь мы обратимся специально к рукописным книгам, то заметим, что среди них древних очень мало: подавляющее число их бумажные, пергаменных же так мало, что их

---

[1]) См. Пам. Др. Письм., LXI, 1886 г.

нетрудно перечислить в нескольких строках, именно: в Ѳерапонт. мон. в 1665 г. — „Книга Псалмы Давидовы на харатьѣ, Книга аввы Дорофея на харатьѣ, Книга Зерцало на харатьѣ, Книга Евангелие письмяное на телятинѣ“ — всего 4 пергам. книги. В Николо-Коряжемском мон. в 1682 г. — „Книга Новоканонникъ в осьмину харатейная“ и „Книга Криница (т. е. Хроника Г. Амартола) харатейная, в десть“; в Глушицком мон. в 1683 г. были: „Книга Чепь Златая телятинная писмянная в десть, ветха“, „Книга Служебникъ с Потребникомъ, телятинная, в полдесть, ветха“ и „Моноканонникъ телятинной в полдесть, в началѣ пишет Кормчая“. В описях других библиотек, рассмотренных нами, — о пергаменных книгах вовсе не упоминается — и не удивительно: они уже начинают совершенно выходить из моды, их язык и текст маловразумителен и не отвечает потребностям времени. Мало того — как раз в XVII в. истребление пергаменных книг в Москве идет усиленным темпом: несмотря на уважение (на словах) к древним харатейным книгам, их скупают и, разрезав пергамен на полосы, употребляют его с техническими целями на Московском печатном Дворе, для чего на север отправляются чуть ли не целые экспедиции за пергаменом.[1])

Какие же выводы мы можем сделать, рассмотрев внешнюю сторону десяти описей северных библиотек? Нам следует отметить, что наряду с печатной книгой, которая, видимо, очень ценилась и уважалась, не утратила своего значения и долго пользовалась им — книга рукописная. Рассматривая перечни книг, мы замечаем, что печатный станок преимущественно, если не исключительно, обслуживал интересы церковного богослужения, а не религии вообще: печатные книги в XVII в. — оказываются почти исключительно богослужебными, отвечающими требованиям Устава Церковного и Монастырского. Книги очень ценились; их берегли и, описывая периодически монастырские библиотеки, старались, как умели и могли, предохранить книги от расхищения и потери. Но к книге относились с определенно утилитарной точки зрения, как к более или менее ценному имуществу, отмечая ветхость, разбитость с одной стороны, а с другой — дорогой оклад, ценный материал, качество письма. Ветхая книга, вышедшая из оборота, все же не уничтожалась: она оставалась в монастыре, сберегалась в книгохранительнице или ризнице и, если харатейные книги

---

[1]) А. А. Покровский, Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие, М. 1916 (из Трудов XV Археол. Съезда в Новгороде, т. II).

исчезали, то, повидимому, — до начала книгопечатания, главным образом, погибая от пожаров, а позже — по причинам, обнаруженным в упомянутом труде А. А. Покровского.

III.

Переходим к оценке описей, принимая во внимание их содержание, т. е. состав книг, хранившихся в северных монастырских библиотеках, по скольку он характеризуется изучаемыми нами описями. Еще в 1902 г., в упомянутой нами ранее брошюре, акад. Н. К. Никольский высказал ряд ценных мыслей, среди которых доминирует одна: необходимо изучать древнерусскую книжность (= литературу) в связи с параллельным обследованием библиотек церковных и монастырских. Он же указал, — предвосхищая несколько выводы такого обследования, что развитие древнерусской литературы диктовалось церковью, в частности регламентировалось требованиями Церковного Устава: все библиотеки церквей и монастырей слагались именно в таком порядке, что с начала приобретались наиболее необходимые для богослужения книги, затем остальные, наконец четьи, келейные книги, в свою очередь обусловленные требованием определенного чтения. Отсюда легко можно было бы заключить, что монастырская религиозная, в частности богослужебная литература была естественным репертуаром древнего читателя и писца, работавшего на него, что вполне естественно, так как и жизнь светских людей равнялась по идеалу, представляемому монастырской братией: „свет инокам-ангелы, свет мирянам-иноки“. Отсюда же и возможный вывод, что нам нечего особенно заботиться и разыскивать светские памятники древнерусской литературы: они не погибли, а просто и не появлялись, ибо не соответствовали господствовавшей в древней Руси идеологии, — ибо монастырское и церковное чтение, регламентированное требованиями Устава — и не давало возможности возникновения и существования сколько нибудь обширной светской литературы. Но подтверждаются ли эти соображения, развитые нами, данными описей северных монастырских библиотек XVII века?

Если мы всмотримся в эти описи, то увидим, что обычно на первом месте в них стоят книги священного Писания: Евангелия, Апостолы, реже-ветхозаветные книги, которые древняя Русь читала, но не без оглядки, памятуя случай с Никитою Затворником, рассказанный в Печерском Патерике. За сим стоят книги богослу-

жебные и наконец четьи. Этот порядок не всегда выдержан: в конце описей среди четьих соборных и келейных книг встречаются упоминания и о служебных. Только одна из интересующих нас описей, именно — Ѳерапонтова мон. 1665 г., разграничивает книги богослужебные и четьи, в большинстве же случаев они описываются все вместе, распределяясь лишь по форматам. Вполне естественно, что в относительно малых библиотеках преобладали богослужебные книги, как удовлетворявшие первой потребности. Но в таких сравнительно больших монастырях, как Корнильев и Ѳерапонтов — число четьих книг значительно возрастает. При этом среди четьих — преобладают произведения агиографической и морально-аскетической литературы.

В Ѳерапонтовом мон. в 1665 г., где богослужебных книг было почти столько же, сколько и четьих (богосл. — 175, чет. — 177), среди последних встречаем: Соборники различного состава, Торжественники, Минеи-четьи, творения Василия Вел., Григория Богослова, Ефрема Сирина, Иоанна Синайского, Никона Черногорца, аввы Дорофея, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Ѳеодора Студита, Дионисия Ареопагита, „Зерцало“ Филиппа, творения Иоанна Дамаскина, Григория Двоеслова, Иоанна Златоустого, Афанасия Александрийского, Нила Синайского, Петра Дамаскина, Патерики — Азбучный и Синайский, Пчелу, Временник — хронограф, Летопись, Странник — не говоря уже о житиях восточных и русских святых и о сборниках поучений.

Корнилиев мон. в 1676 г., кроме книг свящ. Писания и богослужебных, владел также значительным количеством творений отцов и учителей Церкви: Ефрема Сир., Григория Бог., Василия Вел., Иоанна Злат., Дионисия Ар., Григория Дв., Петра Дам., Григория Омиритского, Симеона Нов. Бог., Василия Амасийского, и несколькими Соборниками, житиями свв., Прологами, двумя Мечами Духовными Лазаря Барановича, Патериками — Скитским и Печерским, толкованиями на св. Писание, Маргаритами, Зерцалом Филиппа, Лугом Духовным И. Мосха, и наконец тремя Летописями.

В Николо-Коряжемском мон. в 1682 г., кроме св. Писания и богослужебных книг, находим довольно пестрый подбор литературы: аскеты — Ефрем Сирин, Исаак Сирин, авва Дорофей, Симон Нов. Бог., Ѳеодор Студит, другие учители церкви-Григорий Б., Иоанн Злат., представленный вместе с другими в сборниках, каковы Маргарит, Торжественник, Патидесятница, различные Соборники; агиография представлена Патериками-Скитским и Печерским, жит.

Өеодора Эдесского, Саввы Сербского и др. житиями греческих и славянских святых; затем в этой же библиотеке были и сочинения русских авторов: Иосифа Волоцкого, Максима Грека (писавшего, как известно, славяно-русским яз.), Зиновия Отенского, Стоглав, Меч Дух. Барановича, Жезл Правления, Скрижаль, Лексикон П. Берынды, наконец — вопреки требованиям индекса — апокрифическое Евангелие Иакова. Упомянем, что в описи этого монастыря встречается книга, содержание которой до сих пор неизвестно: это — „Жемчужная Матица“. Кроме этой, повидимому, недошедшей до нас книги, мы узнаем из рассмотренных описей еще о некоторых книгах, известных только по названию: „Книга Каменная“ в четверть и другая в полы — в описи Волог. архиер. дома 1683 г.; там же „Праздники крылосские и цари стихи по старинѣ“ в четверть. В Адриановой пустыни в 1670 г. сверх того существовали книги „два Өилистимы печатные, один новой, другой ветхой“.

Из книг богослужебных особою популярностью пользовалась Псалтирь. Ее мы находим в громадном количестве экземпляров во всех описях, особенно в Өерапонтовом мон.: она была не только обязательным келейным чтением монаха в свободное от труда время, но и вообще любимым чтением грамотных людей древней Руси. Из четьих книг не церковного назначения особою популярностью пользовалась книга о царевиче Иоасафе, встречающаяся почти во всех монастырских описях XVII в.

Если мы теперь оглянемся на перечисленные книги и представим себе их содержание и назначение, то нам, пожалуй, придется без оговорок согласиться с Н. К. Никольским. Действительно, описи дают как будто достаточно определенную картину чтения *монастырского* читателя. А читатель светский? Знаем ли мы наверное, что его интересы точно совпадали с литературными интересами монаха? Затем — еще вопрос: поскольку можно верить показаниям описей относительно *всего* книжного материала, вращавшегося даже среди монастырских обитателей? Ведь „келейные“ тетради и книги обычно не входили в описи, будучи частным делом монаха. Кроме того — совпадает ли то, что мы находим в описях, — с тем что обнаруживается перелистыванием любого печатного описания древне-русских рукописей любой крупной библиотеки или пересмотром карточного каталага? Отчасти — да, отчасти — нет: многого известного теперь историкам русской литературы, частью изданного, частью еще рассеянного по рукописям — мы в монастырских описях *не находим* и,

вероятно, никогда не найдем, ибо литературно-эстетические задания никогда не сходились с литературно-утилитарными, кои преследовались обширной богословско-богослужебной литературой, так обильно представленной в описях. В них мы не находим переводных и оригинальных повестей светского характера, тянущихся цепью по сборникам с XVI в.; нет в них и произведений стихотворной (виршевой) литературы, нет — и не могло быть переводной драмы и опытов оригинальной. Даже исторические интересы монастырских обитателей рисуются, по описям, чрезвычайно скудными. А между тем все это, включая и историческую и публицистическую литературу, — существовало, перерабатывалось, развивалось в течение второй половины XVII в., а кое что — и с начала его. Какой же из этого можно сделать вывод? Только тот, что литературное развитие Московской Руси в XVII в. шло уже мимо монастырей; в них же задерживалось только то из старого наследия, что имело специально церковно-религиозное назначение, соответствовавшее духу монастыря. И странно было бы искать в этих специализировавшихся на „духовном делании" общинах — ответа на вопрос о круге литературного чтения светской массы, хотя и религиозной, но имевшей свои вкусы и интересы в сем грешном мире, далеко не в такой мере проникнутом аскетически-церковной идеологией, как это казалось старым историкам литературы. Второй вывод, который можно сделать из обзора описей севернорусских монастырей, будет таков, что эти описи, вопреки мнению Н. К. Никольского, далеко не всегда могут служить источником для характеристики объема литературы того времени, к которому относятся, и совершенно не могут быть мерилом литературного вкуса масс.

IV.

Вторым вопросом, возникающим при чтении наших описей, является вопрос о степени культурного и литературного влияния Украины и ее церковных и литературных деятелей на севернорусскую жизнь, а в частности на интерес к книге украинского и западнорусского происхождения, как к проводнику этого влияния. „Вопрос о культурном влиянии малороссов на великорусское общество в XVII—XVIII стол. не подлежит сомнению" пишет проф. Харлампович в первых же строках своего замечательного труда, выше нами процитированного, — и подчеркивает, что „не спорят и относительно широты и разносторонности этого влияния". И мы

не будем спорить, но возразим только против суммарности такого суждения, далеко не везде и не во всех случаях оправдываемого фактами. Действительно, уже с первых лет XVII в. в Москве чувствуется это влияние, отражавшееся на многих сторонах жизни, в том числе и на литературе церковной и светской, хотя и не без борьбы и противодействия со стороны москвичей. Но прямых, бесспорных свидетельств культурного влияния, вполне объективных данных, говорящих о нем за пределами Москвы, пожалуй, еще немногих городов — данных помогающих определить степень и пути этого влияния — мы не имеем. Обычно ссылаются на любовь к украинцам патр. Никона, на вызов киевских ученых в Москву, на важную роль и блестящую литературную деятельность питомца Киевской Академии, царского воспитателя иером. Симеона Ситняновича Полоцкого, на ряд переводов с польского и украинского, явившихся в Москве во второй половине XVII в., на появление драматических произведений и стихотворства, занесенного в Москву украинцами, на музыкантов, певцов, дипломатов и т. п. Все это было — но в Москве или около Москвы, около столицы, которая всегда у нас имела, так сказать, „международный" характер. То ли было в глубинах Московской Руси? Книги западнорусского, в частности украинского происхождения в библиотеках монастырей, степень популярности этих книг, тяготение к ним читателей — все это было бы хорошим показателем культурного сближения Москвы с Украиной и влияния последней на первую. Попробуем навести справки в описях и присмотримся к тому, что говорят они по этому вопросу — эти объективные и далекие от столицы провинциальные документы.

В Кириллово-Новоезерском мон. в 1662 г. из общего числа книг около 97 — числилось южно- и западно-русских всего **3**, именно две Псалтири „литовской печати", да „Зерцало" т. е. „Диоптра альбо Зерцало" инока Филиппа (изданное в Евье, 1612 г., в Вильне в 1642 г., в том же г. — в Евье и наконец в 1651 г. в Кутейне).

В Ѳерапонтовом мон. в 1665 г. из 345 книг — украинских изданий было всего два: Номоканон Киев. печати и Беседы апостольские, той же печати.

В Успенской Адр. пустыни в 1670 г. из 155 книг — было также только две южно-русских: Меч Духовный Л. Барановича, ошибочно названный в описи „Моск. печати", и „Книга печерских" (чудотворцев) печатная", т. е. изд. Печерского Патерика 1661 г. Киево-Печ. Лавры.

В Корнилиевой пустыни в 1676 г. — из 360 книг оказалось южно-русских всего **4**: Шестоднев печатный Киевский, два Меча Духовных и Иисус Сирах Киевский.

В описи Николо-Коряжемского мон. 1668 г. из 180 книг — южно-русских всего **4**: Часовник, печ. Киевская; Потребник Киевский; Евангелие — печать Литовская; Служебник Киевский. В том же монастыре, в разгар особенно заметно обнаружившегося украинского влияния в Москве, в 1682 г. — число южно-русских книг возрасло на совершенно ничтожную цифру: из 178 книг по описи этого года — южно-русских оказалось всего **6**: знакомый нам Потребник Киевский, и затем — Лексикон Киевский (Кутейнский 1653 г.?), Акафисты, Беседы на ап. Павла Киевские, Меч Духовный и Зерцало; поименованные в описи 1668 г. три книги — куда-то убыли.

В Глушицком мон. в 1683 г. из 145 книг — южно-русских **4**: Зерцало, Григорий Назианский Киевский, Меч Духовный и Трубы (Барановича же), печать Киевская (1679 г.).

Среди перечисленных монастырских библиотек по относительному обилию южно- и западно-русских книг является исключением библиотека Вологодского архиерейского дома; в ней в 1683 г. из относительно небольшого общего числа книг — 79-ти — без сомнения 19 относятся к южно- и зап.-русским изданиям или принадлежат деятелям украинской науки и просвещения. Эти книги довольно разнообразны и не традиционны: упомянем Острожскую Библию 1581 г., которой мы в других описях не встречали, Служебник печатный Киевский, Обиход Киевский, Диоптру Кутеинскую, Псалтирь Киевскую, а затем книги богословского, проповеднического и полемического содержания, именно — „Мир с Богом человеку“ Гизеля, „Мессия Правдивый“ Галятовского, „Никона о заповѣдях, писмо Киевское“, „Евангелие Учительное“ Кирилла Транквиллиона, „Меч Духовный“ Барановича, „Трубы“ его же, „Обѣдъ Духовный“ С. Полоцкого, Маргарит Киевский, наконец — „Псалтирь на виршу“ Сим. Полоцкого, т. е. в стихах, две грамматики Киевския (?), Лексикон П. Берынды. Ясно, что обилие южно-русских книг объясняется здесь тем обстоятельством, что мы имеем дело с незаурядной библиотекой, а с архиерейской, состоявшей при той ячейке, чрез которую украинское влияние распространялось тогда в Московской Руси. Хотя в почтенном труде проф. Харламповича мы и не находим сведений об украинском происхождении архиеп. Симона, однако

прикосновенность его к новым по тогдашнему времени литературным и богословским течениям несомненна.

Но не будем обманываться этим увеличением числа книг украинских типографий: отодвинемся несколько от архиерейской кафедры, чрез которую московские новшества и моды просачивались в провинцию, — и заглянем снова в глубь северного захолустья хотя бы в ту эпоху, когда украинское влияние возобладало в Московской церковной жизни, когда все сколько нибудь значительные архиерейские кафедры занимались постепенно выходцами — украинцами или белорусами, получившими образование в Киевской Академии; и что же мы увидим? В Спасском Вожеезерском мон. в 1707 г. среди 27 библиотечных книг — не находим ни одной южно-русского происхождения.

Вывод из этих данных, кажется, достаточно определенный: в то время, как и в библиотеках близких к Москве „Степенных" монастырей, описи которых давно уже были изданы,[1]) число украинских и белорусских книг было ничтожно, так оно и осталось ничтожным во второй половине XVII в. в северных монастырях. Чем дальше было от Москвы, тем меньше было и возможности получить Киевские издания, да и едва ли они, с их предисловиями на украинском литературном языке, были достаточно „своими" для монахов далекого Севера. Повидимому книги, изданные в южно- и западно-русских типографиях, попадали в северные монастыри случайно, как дар частных лиц, или лиц правительственных, если книга печаталась на субсидию, данную из Москвы. Сами северно-русские монастыри едва ли часто покупали эти издания на свои средства, может быть разделяя предубеждение старообрядцев, с недоверием относившихся к южно-русским изданиям.

Таковы наши немногие выводы и обзора описей 10 северно-русских библиотек. Возможно, более обширный материал изменит в деталях наши соображения; но, думается, — не вернет нас к мысли, что древне-русская литература — понятна только при свете монастырских описей, и что украинское влияние в XVII в. — было повсеместно также охотно воспринято, как в самой Москве.

Вл. Перетц.

---

[1]) (В. Ундольский) Опись книгам в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке. М. 1848.

Srok i aliteracija u tužbalicama dužega stiha.

(Svršetak.)

C. Vezivanje stihova.

§ 12. Principi vezivanja.

a) Astrofizam.

Ogromno fonetičko bogatstvo tužbalica nije još iscrpljeno. Već u § 1 pokazali smo da fonetička veza postoji ne samo između članova, nego i između cijelih stihova.

Na primjer: 156,45: **Дивне руке изведене, брацко крило,**
Светом водом омивене, љуцка вило.

Skoro svaki stih je vezan sa drugim, ali tako da 2 stiha nikad ne stvaraju distiha ili uopšte i kakve strofe, koja bi predstavljala odvojenu cjelinu, nego svaki od tih 2 stiha opet je vezan za prethodni ili sljedeći prema gorenavedenom principu formalne asociacije.

Neka riječ ili neki glas u prvome stihu služi za građenje drugoga te tako se stvara dugi skoro neprekidni lanac.

144,3: У земљици под каменом, **ками** нама!
Што **остави** мајку твоју — мајци **ками**! —
Лиш **осталог** добра **свога**, добра главо?
Што ошиша сестре своје, **брате рано**,
Сломи браћи радоване, **брацка рано**,
Без пребола до вијека, куку **брате**?!
Ти пеливан **брацки** бијеше, пеик Перо,
Од поточи први вазда, први јаде,
Од пандура буљубаша, наш соколе i t. d.

Pokatkad se asociacija razbija: misao polazeći od jedne riječi prvoga stiha stvara drugi a zatim se ponovo vraća na neku drugu riječ prvoga stiha.

1445: **Што** остави мајку твоју, мајци ками! —
(Лиш осталог добра свога, добра главо?)
Што ошиша сестре своје, брате рано . . .

153,29: Стару мајку **уцв'јелио**, **мајки** леле!
(Сву господу без дивана, **мудра** главо,
А крајину без науке, њојзи аох!)
И у црно **обавио**; зашто, куме?

Ima primjera da regresivna asociacija preskače jedan stih, koji nije vezan sa prvim.

153,49: Што господу не разбереш, свашто знанче,
(Како си се научио, мудра главо,)
И од суза не отареш? кам да им је!

Svjesno »prekrštenu« konstrukciju (abab) pokazuje samo

213,27: **Да** уз цара **сједијаше,** мудра главо,
Шћаше царев везир **бити,** сестри тужној!
Да код краља **сједијаше,** мој владико,
Ђенерал му шћаше **бити,** моја ружо:

Ali to su izuzetne pojave: obično stihovi se nižu jedan za drugim po redu, kao što je izvedeno gore (143, 3 etc.).

Od 603 intervala između naših stihova (22 pjesme sa 625 stt.) samo 83 prekidaju fonetičku vezu, od toga treba odbiti još 4 slučaja prekrštene veze, i dobićemo, da od 625 stt. 546 t. j. 87%, su vezani sa srokom ili aliteracijom, a to znači da glasovna podudaranja igraju u stvaranju pjesme skoro istu važnu ulogu, kao i u građenju stiha.

b) Stilistička priroda vezivanja.

Ako pregledamo gorenavedene primjere, opazićemo odmah, da je i tu čisto-fonetička građa jako ispremiješana sa fonetičko-stilističkom.

Vidjeli smo, da u građenju stiha preovlađuje fonetički princip i to naročito u aliteraciji.

Sad moramo zapitati, da li je to tako i pri vezivanju stihova, gdje fonetičke figure mogu biti (a zbilja i jesu) mnogo raznovrsnije.[1])

Tako se, na primjer, nikad ne nalaze unutra stiha: epifora, anadiplosa, epanalepsa, simploka; veoma rijetko — anafora (Мој мелеме међу браћом, мој Мићане).

Mi ćemo za našu svrhu podijeliti sve te figure na tri grupe prema tome, koju vrstu glasovnog podudaranja one stvaraju; na ime na: a) srokovne, b) dvostruke i c) aliterativne.

Pri tome mi smatramo svaki član stiha kao samostalno (ritmički odvojeno) tijelo, koje dakle može imati u početku anaforu, pri kraju epiforu i t. d.

[1]) Čudnovato, da g. L. Zima u svome značajnom djelu o »Figurama«, govoreći o fonetičkoj figurajici (str. 263—320), ne uzima nijednog primjera iz tužbalica, gdje te figure najviše padaju u oči.

Srokovne	Homoeoteleuton (et homoeoptoton)	130,39:	Од сабаја јућкрашњега, зло ми јутро! До запада сунашњега, жље ми садек!	173	173
Dvostrunke	Epiphora	140,71: 141,17: 134,9:	Ћецу луду у тамницу, тамној **сестри**! А тебе ми испушташе, благо **сестри**! И то браћи дика **бјеше**, брате дико, Е на тебе чудо **бјеше**, чуд је мене. Е си **дворе** саградио, граде доме, Нове **дворе** самотворе, само јадна!	32	
	Symploca	139,25:	**Код** везира већил **бјеше**, моја вило, **Код** владике емин **бјеше**, моја фало.	6	
	Anadiplosis[1]	140,77: 134,7:	Кад ти дође на темељу, **сестри куку**! **Сестри куку** гологлавој, леле браде! Како ти је **у тамнилу**, — тамној мене! — **У тамнилу** без вијела, виђ' ме јади!	9	
	Epanalepsis	130,31:	**Од твог рода** гласитога, гласит брате, Све црковне свештенике **од мог рода.**	1	48
	Homoeareton	130,15:	Страшно ли те **прегледати**, дико брате, Јадно ли те **прегојети**, ја ти јадна!	3	
Aliterativne	Paregmenon (et polyptoton)	144,21: 138,9:	А **племенска** узданица, ук ти мајци! Сиротно је **племе** наше, брате рано. **Рај** је један, друго диван, мој делија! У **рају** је мјесто тебе, мудра главо.	74	
	Anaphora	140,67: 153,31: 140,51:	**Главе** носиш, робље водиш, брате роде **Главе** међу на градове, сестри леле! Сву господу **без** дивана, мудра главо, А крајину **без** науке, њојзи аох! Да ли тебе жао не би, **мој** Голубе? А жалосне сестре твоје, **мој** жалости	110	187
			Svega	408	

[1]) Shvatajući svaki član, kao posebno tijelo (i naročito sa obzirom na § 13a) moramo računati kao jednu vrstu anadiplose i sljedeće stihove:

130,61: Ма искочи опет слава, слава **Богу**,
Те се ђеца подигоше, **Богу** руке.

138,3: Ђе си **тамо** уитио, мој итниче?
Тамо кажу два свијета, мој свијету.

Iz ovoga se vidi da od cjelokupnog broja srokova (397, v. § 13) 221, t. j. 55% a od svih aliteracija (399) 235, t. j. 59%, jesu stilistička podudaranja.

Za srokove nalazimo dakle skoro isto stanje, kao pri građenju stiha (49% stilističke veze), ali ipak moramo priznati da je stilistički princip nadvladao, naročito ako uzmemo u obzir da dvostruke figure (kojih unutra stiha skoro nema) daju jaču stilističku vezu nego samo homojoteleuton.

Kolosalan je kontrast u stanju aliteracije: mjesto 71% fonetičkih srokova (v. § 7) ovdje nalazimo samo 41%. To je dakle potpuna promjena osnovnog principa.

Uopšte za cijeli sistem vezivanja daje se sljedeća proporcija:

	U stihu	Između stihova
$\frac{\text{Fonetička veza}}{\text{Fonet.-stilistička veza}} =$	$\frac{69}{39}$	$\frac{43}{57}$

Prema tome u vezivanju stihova misao radi više nego sluh, ali, sa svim tim, čisto-fonetička veza ne može se smatrati kao slučajna ili nenormalna.

§ 13. Dispozicija vezujućih glasova.

a) Princip simetrije.

Pitanje o dispoziciji vezujućih podudaranja vrlo je komplikovano tim faktom da isti srok (odn. aliteracija) služi i za građenje, i za vezivanje stiha, tako da se ne može uvijek pogoditi, koja je riječ prouzrokovala asociaciju. Iz § 12 znamo da u takvim slučajevima prioritet pripada stilistički vezanim riječima.

Na primjer:

154,11: Ил' у брацко **кметовање**, биран **кмете**,
Ил' за свата од сватова, дични **свекре**?

Jasno je da je u ovim stihovima riječ »кмете« (homojoteleuton), a ne »кметовање« prouzrokovala srok. Ali koko ćemo riješiti to u sljedećim primjerima?

154,19: Дуге руке прекрстно, **снахи** леле!
Круту **снагу** оборно, **снажни** громе!

Moramo li polaziti od principa manjeg razmaka (снахи — снагу) ili od mogućnosti regresivne asociacije (снахи — снажни > снагу)?

153,77: Љуцком **снагом, мудром главом,** кметска дико,
Или **сабљом** не обрани, бритка сабљо.

Da pronađemo glavni pravac, kojim ide pjesničko osjećanje, pregledali smo odvojeno kombinacije samostalnih vezujućih srokova

(odn. alliteracija), t. j. takvih, koji služe samo za vezivanj[e] stihova.

Označivši članove prvoga stiha sa A, članove drugogo — sa B, dobili smo sljedeće brojeve.

Članovi	AI-BI	AI-BII	AI-BIII	AII-BII	AII-BI	AII-BIII	AIII-BIII	AIII-BI	AIII-BII
Srok	36	16	14	41	11	20	102	21	14
Alliteracija	89	19	9	41	16	8	72	20	6
Svega	125	35	23	82	37	28	174	41	20

Od tih brojeva ističu se tri (125, 82, 174), kao karakteristič[ni] za narodni ukus, a to su simetričke kombinacije, I-I, II-I[I], III-III, koje možemo dakle smatrati, kao najomiljenije.[1]

Ostale, asimetričke, kombinacije ne samo da su u znatn[o] manjem broju, nego se još većinom moraju računati kao slučaj[ne] pojave, koje teško dopiraju do sluha.

U ovo najprije spadaju svi srokovi AI-BIII i AII-BIII, gdje sro[k] mora biti veoma jak da se osjeća na razmaku od 20 (odn. 16) sl[o]gova i 5 (odn. 4) odmora. Međutim jaki srokovi se u tim komb[i]nacijama ne upotrebljavaju niti se tako namiještaju stilistički srokov[i] (izuzevši samo 1 slučaj epanalepse, v. § 12), koji, kao što sm[o] vidjeli, normalno moraju biti u većini. Mjesto toga imamo sam[o] slabe srokove, kao što su sljedeći:

AI-BIII) 142,35: Мајка поче проговарат — њојзи празно: — :
О делијо синко Перко, мене леле!
AII-BIII) 141,29: За Јокицу за нашега, Андро рано,
Да нам тамо не застоји, — мој Јокица! —

Čuju li se takvi srokovi? Ali u istu vrstu spada i veći d[io] ostalih asimetričkih srokova.

AI-BII) 140,17: Да је књига равно поље, рано браћо.
Ја вас не бих искитила, китна браћо.
AII-BI) 144,7: Лиш осталог добра свога, добра главо.
Што ошиша сестре своје, брате рано.
AIII-BI) 142,37: О делијо синко Перко, — мене леле! —
Колико те браћа зову, синко Перко. (v. dolc.)
AIII-BII 147,11: Ми смо добро изгубиле, — куку нама! —
Без братинског миловања, мили брате.

[1] Dobru paralelu pružaju dvorešni srokovani heksametri latinsk[e] srednjovjekovne pjesme (hunni salientes, tripertiti, adonici), u kojima nalazim[o] samo simetričke veze (v. W. Meyer: Gesamm. Abh. I 87 i naročito 91

Cellula **mellis**, fundis od**ores**, nirgo ser**ena**
nescia f**ellis**, cui dat h**onores** nostra Cam**oena**

Tako vještačka metrika uvodi u pravilo ono, što narodni ukus nalazi pipa[jući] »u tamnilu bez viđela«.

Pravo vezivanje čine samo ti asimetrički srokovi, u kojima se ne može poricati umjetnička namjera.

AI—BII) 153,47: **Што не треснеш** снагом твојом, снажни куме
Што господу не разбереш, сваштознанче.
AII-BI) 134,7: Како ти је **у тамнилу,** тамној жене!
У тамнилу без виђела, виђ' ме јади! i t. sl.

Pokotkad imamo namjerni hiazam, t. j. namjernu asimetriju.

153,37: **Него си се изодио (пристоји ти)**
И се љуцки оборио, — куку куме! —
Прекрстио гојне руке, дивна дико,
Очи црне затворио, очни виде.[1])

Biva da asimetrički srok i aliteracija podupiru jedno drugo te se obadvoje jasnije čuje.

142,53: **Ал'се није научила, јад је чуо,**
Да је чедо не упита, куку мајци!

U ostalom, sve, što smo kazali za srok, odnosi se i na asimetričku aliteraciju. I tu ima dosta sumnjivih pojava. Na primjer:

AI-BIII) 150,9: **Како си се научио, ук је нама!**
Прије рока и земана, куку мене!

Mi ćemo dakle odvojiti takve aliteracije i uzeti u obzir samo sigurne prama istim principima, kojim smo se služili za srokove. Kao primjeri sigurnih asimetričkih aliteracija navodimo:

AI-BII) 153,87: Ја те **жалим** а не корим, — знаш ли куме?
Немој на ме зажалити, имаш рашта.
AI-BIII) 154,47: И на **врсне** пријатеље, јади њима!
И још ти се много чудим, врсни свекре
AII-BI) 134,39: Кад ме срету **ђеца** у пут, срећо моја:
Е су ђеца мила тебе, дико мила.
AII-BIII) 142,17: О делијо **синко Перко,** — мене леле! —
Колико те браћа заву, синко Перко i t. sl.

Neke se aliteracije jasnije čuju zbog svoje jačine:

AII-BIII) 156,53: **Наш јаворе** на **саборе,** мудра главо.
Мирокове у кметове, оштра сабљо.

Ali, pored svega toga, moraju se brojevi asimetričkih kombinacija, pokazani u gorenavedenoj shemi, skoro na pola smanjiti (v. dole § 13b.)

Vidi se da asimetrička podudaranja ne igraju skoro nikakve uloge u vezivanju stihova i dolaze samo kao izuzetna pojava, većinom nesvjesno prouzrokovana stilističkim vezivanjem. Zato u sumnjivim slučajevima, kad je spojna riječ neodređena, prioritet mora da bude dodijeljen simetričkoj kombinaciji.

---

[1]) Uporedi s time:

154,17: Мудра уста подвезао, мудри свекре,
Дуге **руке прекрстио, — снахи леле! —**
Круту снагу оборио, снажни громе.

153,77, (Љуцком **снагом**, мудром главом, кметска дика,
Или **сабљом** не обрани, бритка сабљо) spada u tip AI-BI.

Dakle u temelju fonetičkog sklapanja pjesme leži princip simetrije. A njegovu osnovu opet stvara težnja za paralelizmom, t. j. jedna stilistička tendencija. A to se dobro slaže sa činjenicom da je većina vezujućih podudaranja samo posljedica stilističke figuracije.

Zbilja, dosta je površno pregledati ma koju tužbalicu, da se vidi koliku ulogu igra paralelizam, koji često dopire do najviše tačke, t. j. do isokolon'a.

140,15: Да је зала црно море,
Да је књига ровно поље.
142,9: Да те Турци не преваре,
Да те овце не појаве.

Metrika u tužbalicama ide istim pravcem, kao i stil, stvarajući jednu logičko-akustičku harmoniju.

b) Tipovi kombinacija.

Sad imamo u rukama osnovni princip, po kojemu možemo podijeliti materijal sa gledišta vezivanja stihova. Polazeći od zahtjeva simetrije, izračunali smo sljedeće jednostavne, dvostruke i trostruke kombinacije.

Članovi	AI - BII	AI - BIII	AIII - BIII	AI, II - BI, II	AI, III - BI, III	AII, III - BII, III	AI, II, III - BI, II, III	Svega
Srok	50	69	130	49	21	39	19	377
Aliteracija	89	54	105	20	51	24	11	354

Najobičnija kombinacija je dakle III-III, kako za srok, tako za aliteraciju; I-I i I, III — I, III imaju više aliteracija zbog velike količine anafora (v. § 12). Ostali tipovi variraju jamačno bez ikakve javne tendencije.

Da dobijamo potpunu sliku vezivanja, pobrojali smo također sasvim sigurne asimetričke kombinacije, koje daju sljedeću shemu.

Članovi	AI - BII	AI - BIII	AII - BI	AII - BIII	AIII - BI	AIII - BII	Svega
Srok	5	1	5		9	1	21
Aliteracija	4	4	12	2	18	5	45

Nadvlađivanje regresivnih kombinacija II-I i III-I objašnjava se tim, što narikača iskorišćava onu riječ, koja se joj nameće po aso-

cijaciji odmah u prvome članu te tako dobija vrijeme da promisli o sadržaju ostalog dijela stiha. To je dakle još jedna vrsta **retardacije**.

Ako sastavimo dvije zadnje tablice, naći ćemo da:

α) prvenstvo aliteracije, koje smo opazili unutra stihova (v. § 9), ovdje ne postoji, nego se srok i aliteracija jednako često upotrebljavaju (398 i 399);

β) opšti broj slogova, vezujućih stihove, iznosi 2100 a to daje na stih u srednjem po 3 (3, 3) vezujućih sloga;

γ) pošto je po tablicama u §§ 9 i 10 lako izračunati da cesurna i pauzalna podudaranja obuhvataju svega 2051 slog, možemo tvrditi da uloga fonetičke veze u stvaranju pjesme nije manja nego u građenju stiha;

δ) srok i aliteracija, kad nijesu vezani dvostrukom figurom (v. § 12b), nezavisni su jedno od drugoga u pogledu dispozicije.

c) Vezujuća potencija pojedinih članova.

Stih	A			B		
Član	I	II	III	I	II	III
Srok	153	178	214	156	179	210
Aliteracija	177	120	208	199	115	191
Svega	330	298	422	355	294	401

Ova shema daje materijal za sljedeće zaključke:

α) Simetričko namještanje stvara skoro potpunu analogiju između članova 1-og i 2-og stiha. Samo AIII i BI malo se ističu zbog gorepomenute retardacije (v. § 13b).

β) Broj srokova veći je u II nego u I, i u III nego u II, i to je prirodno, jer količina srokova zavisi od jačine pauze (v. § 2).

γ) Ako se uporedi ova tablica s analogičkim podacima iz § 9 i osobito iz § 6c, vidi se, da član II, koji je bio prvi u spajanju članova, ovdje stoji na potonjem mjestu, te njegova uloga dodijeljena je III-m, koji je bio slabiji (a u pogledu sroka čak i najslabiji) za građenje stiha. Tako su uloge članova harmonički podijeljene, i to nije najmanji uzrok originalne blagozvučnosti tužbalica.

§ 14. Primjedbe o strukturi pjesama.

Ovdje se upravo zaustavlja naše promatranje: imajući pri ruci samo 22 od ogromne količine tužbalica, mi teško možemo doći do

pouzdanih rezultata u istraživanju kompozicije cijelih pjesama. — Najposlije, tu bi morala dolaziti različita pitanja iz stilistike i simbolike (ikonologie) tužbalica — pitanja, u koja se ovaj čisto-metrički članak ne može da upusti. — Zato ćenu mi samo naznačiti ta pitanja, ne ulazeći u dublje istraživanje i ostavljajući njihovo riješenje onome, ko bude imao na razpolaženju veću građu.

a) Uvodi.

Tužbalica nema nikakve obavezne metričke podjele. Ali ispred nekoliko od njih stoje neki uvodi, koji se dijele na 2 vrste.

1. Heterogeni uvod — u desetercu, osmercu ili izmiješan od jednoga i drugoga.

130,1: Станте мало боље и старије,
Да вас мало јадна одмијеним.
148,1: Станте мало, ђецо моја:
Ћаше мајка јаде казат'.
140,1: Станте мало, боље и старије:
И у мене јада има.

Svega 4 slučaja. Četvrti (147) protegnut je na 5 osmeraca. Ti uvodi izgledaju kao da ne moraju biti fonetički vezani s 1-m stihom pjesme. Igraju ulogu retardacije: to se vidi potome, što se sastoje iz formula, koje su uzete iz tužbalica kratkih stihova.

147,1 (Uvod):	151 (Pjesma):
Куку, брате, рано наша!	Куку, брате, добро моје!
Наше очи извађене,	Моје очи извађене,
Наше добро изгубљено.	Моје добро изгубљено,
Ко ће сестре разговорит'?	Моје сунце огријано,
Ко ће којој начин наћи?	И сад ти је потамњело.

Tužbalice kratkih stihova razlikuju se od onih naših mnogo više, nego što bi se moglo očekivati, kako u terminologiji, tako u slikama i motivima. Pored nekoliko zajedničkih elemenata, one imaju svoje omiljene formule, koje se samo rijetko nalaze u dvanaestercu i, sa svoje strane, rijetko se služe terminima dugih jaukalica.

Tako (da istaknemo samo jedan primjer), tužbalice u desetercu često počinju sa simvoličkom slikom ili pripovijedanjem (kao i epski deseterac).

127: Просуо се бисер по грохоту.
128: Бојно копље у планини сташе.
129: Јаох, порастао зелен боре.
125: Јокица се на пут оправљаше.

Slično u osmercu:

157: Бијах сестра од три брата, аох!

Dvanaesterac nema skoro nikad (v. § 14 b) takvog početka, nego se najčešće uvodi pitanjem ili čuđenjem:

124: Не могу се начудити, брате, тебе . . .
130: Што си ми се оборио, мој делијо?

Sa metričkog gledišta razlika je toliko kapitalna, da se te tužbalice nikako ne mogu promatrati zajedno sa dvanaestercom: one se skoro nikako ne služe aliteracijom unutra stiha, a između stihova poznaju samo onu, koja slučajno potiče od stilističke veze. — Cesurnih srokova ima dosta, ali daleko ne toliko, koliko u dvanaestercu; samo prikrajni srokovi su vrlo mnogobrojni.

Zato bi bilo interesantno proučiti uzajamni uticaj kratkih i dugih tužbalica, naročito u pogledu formula i slika. Između ostalog bi trebalo sakupiti poveći materijal takvih hébridnih tijela, kao što je, na primjer, kod Vuka N 152 (samo 2 stiba):

Што ће она црна кукавица
Без доласка и примака, куку мени![1])

U ostalom, tužbalice kratkoga stiha naravno moraju se proučavati u vezi sa ostalim narodnim tvorevinama u desetercu i osmercu

2. Homogeni uvod (?). Pregledajući način vezivanja stihova opazili smo da u 6 pjesama (od 22) prvi stih nije vezan sa drugim, dok od 2-ga počinje onaj skoro neprekidni niz, koji smo predočili u § 1 a opisali u §§ 12 i 13. Je li taj prekid svjesno učinjen i kakav mu je uzrok, to se ne može iz naše građe doznati.

b) Tirade.

Uopšte o prekidu veze između stihova ne možemo donijeti nikakve sigurne odluke. Intervali, koji nijesu poništeni fonetičkom vezom, dijele pjesmu na izvjesni broj tirada; dužina tih tirada je sasvim slučajna i neodređena. Iz § 12a vidimo, da srednja proporcija »bijelih« (ne srokovanih i ne aliteriranih) intervala iznosi 13%. Broj tih intervala varira u pojedinim pjesmama od 0% do 35%.

1. U pjesme, koje čine jednu tiradu (0% bijelih) spadaju kod Vuka NN: 124 (sa homogenim uvodom), 123, 136, 137, 138, 139.

Samo jedan prekid (3%) ima 141, koji može dakle spadati u istu grupu.

2. Većina je skoro normalna: 7—19%.

3. Mnogo previšavaju normu NN: 147 (7 tirada = 35% bijelih intervala), 150 (9 tirada = 34%), 153 (homogeni uvod, 13 tirada = 29%) i 156 (homogeni uvod; tirada = 29%)

Ta 3-ća grupa zaslužuje da se na njoj malo zaustavimo.

---

[1]) Taj stih je baš klasičan: aa^1b^1 sa originalnom aliteracijom osnove.

Već smo kazali, da je uzrok fonetičke veze u tužbalicama jaki afekàt, koji ne da narikači da logički razvija sadržaj pjesme. Zato ona prepušta cijeli taj razvitak slučajnoj (većinom akustičkoj) asociaciji, koja je vodi od stiha do stiha.

Da je mirnije duše, ona bi se mogla osloboditi vlasti te asociacije i vezivati stihove više logički nego fonetički. Dakle slabija veza (veći broj prekida) morao bi pokazati slabost afekta, veću mirnoću duše, hladnoću osjećaja. Zbilja, 4 pjesme, koje sadrže anomalno veliki broj tirada, imaju neke osobine, koje potvrđuju to mišljenje. One pokazuju više umjetničkog obrađivanja (u slikama i metrici) i toliko hladnokrvnosti da se mogu upuštati u izrazivanje opštih ideja i crtanje simvoličkih slika.

No. 147 (isti, koji ima dugi heterogeni uvod od tradicionih formula) na primjer, kaže:

27: Свашто иде са земаном (куку мене!):
И небесни мислосници, мили брате,
И земаљски благи данци, добро моје.

No. 150 ističe se vještinom u građenju stiha, pokazujući 70% (mjesto normalnih 48%) »pravilnih« stihova (v. § 11), od kojih 37% (mjesto norm. 18%) potpunih i pojačanih (ti povi: 1, 4, 5).

No. 153 počine (protivno normi) umjetnički izvedenom slikom »tuge prirode za pokojnikom«, kojoj bi moglo pozavidjeti čak i Слово о плъку Игоревѣ«:

1. Обасјало жарко сунце, сунце куме,
На огњиште угашено, дом ти јадан!
Када засја, тад и зађе — зло ми јутрос —
Тебе видјећ' лелек чујућ', леле куме!
Кроз сву Будву жалећ тебе, жље да ми је;
Сакри зраке у облаке, виђ', о Боже,
Просу росу мјесто суза, аох леле!
Мјесец стаде за горама, горе мене.
И даница у истоку, дични брате;
Лелек чују, припитују: „Што је јутрос,
Да над Будвом сунца нема, дична дико?“
И кад чуше, заухнуше, ух ти у дом! . . .[1])

Pjesnikova misao radi toliko jasno i tečno da pokatkad može se mahnuti pomoći retardacije, koju joj pruža III-ći član, te se služiti njime za razvitak sadržaja.

---

[1]) U istu vrstu očigledno spada i N 138 sa svojim 45% potpunih (i pojač.) pravilnih stihova (mj. 18%) i slikom »zagrobnog svijeta«, koja se inače nalazi samo u tužbajicama kratkoga stiha.

3. Тамо кажу два свијета, мој свијету,
И у њима два цвијета, мој цвијету.
Рај је један, друго диван, мој делија:
рају је мјесто тебе, мудра главо,
А диван ћеш пролајити, дивна дико, . . .
. . . брађу Србе наодити, Српска главо.

No. 156 osobito je značajan u tome pogledu Pored toga što ima 70⁰/₀ »pravilnih« stihova i veliki broj umjetničkih srokova (v. § 5), on po 5 puta prezira retardaciju III-ga člana (v. § 1) i kadar je da iznosi opšte patriotske osjećaje.

95: Свак те плаче, сваки вели: „Куку, брате!“
Мртва љуби, свак говори: „Рај ти души!“
65: Зар не знаде за те јаде? јад ме знао!
Да су Турци прекрнице (Бог их клео).
Вазда били нашој руци, дал не знаде?
Од Лазара нашег цара, ране љуте!...
81: Како, Боже, трпјет' можеш? воља Твоја!
Скутом тресни, земљом стресни, рајски Цару:
Утоп Турке у зле муке, невјернике,
И освети јадне Србе, Божја Правдо.
Нека под мач враг заплаче, ја кукала!
Злобно шјеме, Турско племе да нестане
С нашег краја и огњишта, Бог их клео!
Српском сину нека врате ђедовину,
Да пријеклад, ђедов заклад он ужива,
А ти, брате, Божје плате у Божји дом.

Uporedi s tim, na primjer, N 140 (67 stihova) s minimalnim brojem tirada (7⁰/₀) pun ponavljanja istih misli, nelogičkih konstrukcija i uopšte svakojakog nereda.

Dublje promatranje većeg broja pjesama moglo bi dati interesantne rezultate u pogledu odnošaja između metrike stila, konstrukcije i simbolike tih pjesama. Bez toga ne možemo biti uvjereni da je istinit onaj zaključak, koji potiče iz činjenica, izloženih u ovom paragrafu, naime: d a s u b r o j i h a o t i č n o s t f o n e t i č k e v e z e p r a v o p r o p o r c i o n a l n i j a č i n i a f e k t a.

Inače tužbalice, možda više nego ikakav drugi žanr, otvaraju mogućnosti za razjašnjenje tajne harmonije između spoljašnjeg oblika pjesme i njezine simboličke i logičke građe.

B. J. Jarho.

Къмъ въпроса за борбата на Петко Р. Славейковъ за правдини въ съчиненията му.

Отъ компетентнитѣ български изследвачи П. Р. Славейковъ е изтжкванъ до сега като поетъ и общественикъ. Проф. Б. Пеневъ въ книжката си „П. Р. Славейковъ“ на стр. 51 между другото казва: „При това Славейковъ винаги сумѣва да изтжкне най сжщественното, най важното въ явленията на обществената и политическа дѣйствителность да обърне внимание на народа върху тѣзи явления, да посочи въ каква връзка сж тѣ съ неговитѣ духовни и политически домогвания“ и пр. Тия именно явления на обществена дѣйствителность като да не сж анализирани отъ компетентни юридически изследвачи, за да се изтжкне до колко П. Р. Сл. е билъ легаленъ дѣецъ по отношение на църковното и държавно върховенство, подъ което се е намирала България преди освобождението ѝ.

Прѣди всичко П. Р. Славейковъ е легаленъ дѣецъ и се движи въ рамкитѣ на дѣйствуващитѣ въ съвременната му Турция наредби. Това се вижда отъ съчинението на П. Р. Славейковъ „Исторически разкази отъ минжлитѣ врѣмена“ печатано въ Период. Списание кн. XIV. 1885. Местнитѣ управители *аени* придобили по голѣма власть и въ качеството на голѣми властелини наричали се *кабадаи*. Единъ отъ тѣхъ билъ Тръстеникията въ Русе другъ Пазвантоулу въ Видинъ, трети билъ Тепеденлията въ Янина. Аянитѣ сж били по горни отъ кабадаитѣ по чинъ. „Даи“ означава вуйко бачо или по юнакъ, по голѣмъ а каба означава „мек“, не изпеченъ юнакъ. Това тжлкуване дава П. Р. Сл. на думата *кабадаи*. За правнитѣ отношения между турци и българи въ пжрвата половина на 19. стол. важи опрѣделението на понятието кабадаинъ и отношението на раята кжмъ него. Кабадаитѣ въ интереса на точното прилагане турскитѣ държавни наредби, а сжщо и църковнитѣ издавани и прилагани отъ гръцкитѣ владици сж се застжпвали за страданията на раята.

Владиката излѣзалъ да сжбира *войтията* отъ християнитѣ, а Тръстенклията го запиталъ:

— Що е войтия?

— Имдатъ, помощь.

— Е имдата ти съ топузъ ли го събирашъ?

— Не; съ ферманъ.

— Ами въ фермана ти пише ли да носишъ топузъ? Какъвъ е тоя топузъ и защо ти е?

— Тжй носятъ всичкитѣ владици, тъй нося и азъ.

— — — Адетъ останало.

— Тозъ адетъ го остави ти, той не е хубахъ; той не е хубавъ; хвърли ти тозъ топузъ, той на тебе не прилича; или го дай на нѣкой делия и пр.

Най послѣ пашата казалъ: Блазѣ на туй стадо, което овчаритѣ му го каратъ съ таквизъ тоеги на па́ша, произнесалъ Тръстенеклията иронически и послѣ прибавилъ: но пакъ добри моитѣ кабадаи като не ти сж я вземали до сега.

Отъ тоя разговоръ се вижда какъ П. Р. Славейковъ ни рисува правенъ конфликтъ между държавната власть и гръцко-църковната.

Данъка *войтия*, който събирали гръцкитѣ владици отъ българското население се събиралъ на *вѣнчило*, когато харачътъ се плащалъ на глава а *десятъкътъ* вржзъ *хлебнина* т. е. колко души ядатъ хлѣбъ въ една кжща на споредъ тѣхъ расхвърляли на всеко село опрѣделения за всѣко село данъкъ — *десятъкъ*. — Тукъ Тръстенеклията забѣлѣзалъ, че гръцкитѣ владици си знаятъ по добрѣ смѣтката отъ държавата. Следъ туй сжщиятъ осмѣлъ владиката и му казалъ да си отиде право въ Търново и други пжть да се допитва въ Русчукъ до него и тогава ще му се кажело кога е време да ходи да събира пари отъ сиромашьта и пр.[1]) За държавното правно положение на Турция П Р. Славейковъ изтжква така нареч. *джумбуръ* т. е. метежъ, бунтъ въ Котелъ, за който се приказвало и следъ освобождението на България. Върбишкиятъ султанъ (въ Герлово) се споразумѣлъ и наговорилъ съ Котленци да ударятъ на Османъ Пазаръ да изпждятъ тамошния аенинъ и да прѣдадатъ Османъ Пазаръ на Върбишкия Султанъ. Нападнали градеца, побѣдили аенина и го убили и прѣдали Османъ Пазаръ на Върбишкия Султанъ. Обаче Османъ Пазаръ и Котелъ зависѣли политически и църковно отъ Търново. Търновския паша Тръстенеклията извѣстенъ за станалото изпраща войска, влиза въ

---

[1]) П. Р. Славейковъ — Историч. разкази изъ миналитѣ времена. стр. 178 кн. XIV. Пер. Списание. 1885.

Котелъ, залавя 18 души отъ котленскитѣк абадаи и заповѣдва да ги набиятъ на колъ. Това сѫбитие намира П. Р. Славейковъ да е станало презъ 1807 г. или въ началото на 1808. Описанието на кѫрджалийскитѣ набѣги вѫрху Ески Джумая, и др. бълг. градове сѫ откѫслеци отъ турската история и не засѣгатъ правнитѣ отношения на българ. население къмъ двѣтѣ власти: гръцката и турската. Било е време на вѫтрешни въ Турция междуособици.

Общественни групировки, които ни рисува П. Р. Славейковъ сѫ еснафитѣ, между които е и калугерския еснафъ. За калугерския еснафъ нѣма работна година, нито работни дни прѣзъ годината, а има само нѣколко просечни дни прѣзъ годината и пр.[1]) П. Р. Славейковъ ратува срещу тия калугери, които сѫ станали монаси само за да се боратъ срещу народа си, срещу правата на народа си.[2]) За даскалския еснафъ праздникъ нямало. Тѣ били принудени да работатъ издень-въ день и дѣлникъ и праздникъ. Работната година била цѣли 12 мѣсеца. Въ даскалския еснафъ нѣмало още никакѫвъ редъ, никакви писани закони за дисциплина освѣнъ безобразната *фалага* и *жилави дюлеви пръчки*. Учителитѣ не прѣподавали бѫлгарски, а словенски, рѣдко славенобългарски. По нѣкога обучавали на гръцки. Въ обноскитѣ си даскалитѣ си служили съ гръцкото руганье въ училището Даскалитѣ имали калфи, както и казанджиитѣ. Обаче казанджийскитѣ калфи ставали даскали, а даскалскитѣ — казанджии.[3]) Когато въ училищата имало наказание да се дигатъ калфитѣ и чирацитѣ на „чюшъ“, на магаре да ги биятъ, както ставало това въ тогавашнитѣ школи — „келии“ — по думитѣ на П. Р. Славейковъ, въ казанджийския еснафъ имало обичаенъ редъ, правилници за дисциплина „не писани и не печатани, а само на рабуши резани и строго пазени“. Въ казанджийския еснафъ, ако нѣкой направи нѣщо *хилле* въ работата си, масторътъ само ще изгледа виновния на криво, подиръ това всички калфи и чираци ще го подзематъ съ горчива ирония и пр. Ако това не подействува казанджийския еснафъ си служи съ псувни и ругатенства. Края на казанджийска година се свършва съ „*арнисване*“ т. е. съ спиране на работата. Никакво умоление, никакво заплашване не е въ състояние да накара нѣкого да похване чукъ или друго нѣщо за работене, освѣнъ ако се заплати нѣкому особно за

---

[1]) П Р. Славейковъ. Епизодътъ. Пер. Спис., кн. XVI, стр. 62.
[2]) Епизодътъ, стр. 62—63. Забележката.
[3]) Ibid.

прѣдстоящата работа. Каже ли се разпустъ, отъ най първия майсторъ, който седи на тезгяха до най последния чиракъ, който сѣди задъ мѣховетѣ ще се тѣгли на страна и ще си отпочива до урѣченото врѣме. Тамъ той ще си попийнува, ще си попѣва, ще се излежава и ще бере сила, че когато дойде часа да каже пакъ „Боже помози“ и да започне изново да може да отговоря на работата. Учебната година учителитѣ заели отъ казанджийския еснафъ, както и да има свои уречени дни за почивка и други наредби. Казанджийския разпусть се продължавалъ три недели или най много четири, а учителския разпусть — 2 мѣсеца.[1]) Казанджийската работна година започвала отъ първитѣ дни на декември и свършвала на 7. ноемврий идната година. Годината се е почвала така че на 12. декемврий да може мастора да искара *спирисанъ* бакжръ т. е. бакжръ за свети Спиридоне (12./XII.), който билъ патронъ на еснафа казанджий въ В.-Търново. Въ сжщото време ний виждаме П. Р. Сл. да се бори за своето сжществуване като се рѣшава да се помоли на владиката, които билъималъ власть и да го обѣси. Като описва живота въ казанджийския еснафъ П. Р. Сл. сжщевременно изтжква собственнитѣ си борби за просвѣта. П. Р. Сл. ни обяснява какъ въ Търново за патронъ на казанджийтѣ били почитали Св. Спиридонъ, а въ Пловдивъ и въ Ст.-Загора казанджийския патронъ билъ Св. Никола. Това било подъ влиянието на гърцитѣ. Св. Спиридонъ билъ патронъ и на керамидчийский, грънчарский, куюмджийския и папукчийския занаятъ.[2]) Младинитѣ си миналъ П. Р. Слав. въ средата на казанджиитѣ, гдето е тжрсилъ и прѣхраната си. Изхождаики отъ казанджийска среда, П. Р. Сл. отъ гледището на еснафитѣ казанджийски и даскалски подлага на критика положението на тия еснафи спроти държавната и църковни власти и съ това допринася твжрдѣ много за борбитѣ на тия еснафи съ властитѣ. — П. Р. Славейковъ взелъ участие въ *халвалжка* и въ *мазилото* на казанджийския еснафъ. Халвалжкътъ е разкошно угощение, което правели калфитѣ и чирацитѣ на масторитѣ си и на тжрговцитѣ, които вземали искараната стока отъ дюкеня, въ който тѣ работятъ. Това ставало на Димитровъ-день (26. окт.). Чирацитѣ за изкараната стока взиматъ (получаватъ) бакшишъ-халвалжкъ (пари за халва). — Мазило е угощение, което майсторитѣ правать на своитѣ калфи и чираци. Угощението се давало на

[1]) Епизодътъ — стр. 66.
[2]) Епизодътъ стр. 69.

7. ноемврий. На 7. ноемврий чирацитѣ вечерьта ги завеждать на баня; на 8. ноемврий Архангеловъ-день прѣглеждатъ сметкитѣ имъ, плащатъ имъ угощаватъ ги и ги разпущатъ. Чиракътъ, който вжрти най малкия чукъ се наричалъ мазило отъ рога пжленъ съ лой, съ който подмазватъ голѣмитѣ чюкове.[1])

И П. Р. Слав. се вжзмущава, че гладувалъ съ своето знание на четене, писане, наустница и пр. и е въ по́-лошо положение отъ казанджийскитѣ чираци.

Че наистина „историческитѣ разкази отъ миналитѣ времена" сж писани отъ П. Р. Слав. съ цель за народно свѣстяване, пробуждане т. е. иматъ характеръ на изложение на факти за уяснение борбата на българина за граждански правдини се вижда и отъ откжслека: „попътъ, кабадина и капуджибашиятъ аенинъ". Капуджибашиятъ билъ аенинъ въ Ст.-Загора въ пжрвитѣ десѣтилѣтия на настоящия вѣкъ. Аенитѣ ставали такива „съ правото на ножа" и по назначение. Назначаването и повишението на турскитѣ чиновници ставало „по хатжръ", по благоволение на нѣкои отъ по горнитѣ чиновници и подъ покровителството, което правили по́силнитѣ къмъ свои нѣкои съ намѣрение да ги искаратъ ужъ чираци на достойнството имъ, на способностьта имъ, „а вжрху интереса на държавата не се е обрѫщало никакво внимание". Интересно е, че П. Р. Слав. при тоя си пасажъ, който рано или кжсно ще служи за източникъ на българската административна история презъ време на турското робство добавя и една бѣлежка, отъ която правя тукъ следнитѣ извадки: Въ Турция билъ гледалъ всѣки да настани „на хлѣбъ" т. е. на служба своя покровителствуемъ или любимецъ, а у насъ следва почти сжщето, само малко нѣщо въ по другъ видъ; „но тъй като отиваме види се, че скоро ще стигнемъ Турцитѣ", „па може било и да ги надминеме". „Ние гледаме какъ да не подемемъ по долу отъ агитѣ; тѣ не отчисляваха, а ние отчисляваме и то само по едно партизанство — цѣль по безтълковна отъ тая, която виждаме у Турцитѣ." Не е само, че ние назначаваме за чиновници испаднжли нѣкои търговци и разни други гладни бездарности, които не сж способни да намѣрягъ прѣхраната си въ други промисълъ и на друго поприще, но правимъ отчисления и назначения съ партизанска цѣль, да отмахнемъ ужъ едни партизани и да настанимъ свои си, защото ни лъжатъ и ние имаме наивностьта да вѣрваме, че ще бждатъ

[1]) Забележка. Ibid., стр. 74.

вѣрни и прѣданни на партията, а най често вдавани на внушенията на съпартизанитѣ си, назначаваме лица безъ да ги знаемъ и да ги познаваме и безъ да мислимъ за какво се назначаватъ чиновници." „За това и прѣдставянитѣ за назначение чиновници съ друго се не прѣпорѫчватъ освѣнъ съ неможение да се прѣхранятъ, съ вѣрность ужъ и прѣданность на партията": „а кога го назначишъ, ако пали на светеца една свѣщь, всѣкога е готовъ да запали две на дявола, че ще му потрѣба нѣкога си." „У повечето отъ нашитѣ чиновници нѣма никакво идеално стремление, нито ние сме се постарали да ги насочимъ поне кѫмъ таквазъ една посока та нѣма да видишъ у нѣкого си нити патриотизъмъ нѣкакъвъ си, па ни онзи баремъ турски фанатизъмъ, що иматъ къмъ вѣрата си и който като градъ бездъждие замѣнява нѣкога нуждата отъ патриотизъмъ" и пр. — Това сравнение на чиновницитѣ следъ освобождението на България и въ турско време хвърля светлина върху борческитѣ идеи на П. Р. Слав. за гражданскитѣ правдини на българина.

За турскитѣ аени П. Р. Славейковъ изтъква онова, което е слушалъ отъ стари хора. Интересна е случката съ Ст.-Загорскиятъ попъ Пранджо, който билъ опѣлъ единъ турчинъ и това било допуснато отъ самия аенинъ Капуджебашията. Начина на заравянето турчина билъ следния: прѣдъ мъртвеца попъ Пранджо се изправилъ и го запиталъ на турски: — хасане, синко, ако си правилъ добро на този свѣтъ добро да намѣришъ на онзи свѣтъ; отъ никого се не бой и никого не питай, право въ рай да идешъ!"

Тия думи произнесалъ попъ Пранджо стоейки отъ дѣсна страна на мъртвеца. А минавайки отъ лево произнесалъ следното:

— Мене слушай, ей хасане, на тебъ казувамъ: ако си работилъ зло на този свѣтъ, зло ще намеришъ на онзи свѣтъ; не се мѫчи на праздно, не обикаляй на тъй на инакъ, право въ пъкѫля ще идешъ.

Попъ Пранджо билъ оправданъ за това си прѣстѫпление, за което иначе се прѣдвиждано смърть или потурчване. Религиозната толерантность е изтѫкната отъ П. Р. Слав. въ лицето на попъ Пранджо и на единъ либераленъ аенинъ.

Борбата на П. Р. Славейковъ срещу проекта на Дондуковъ Корсаковъ на българска конституция т. е. срещу двукамерната система и за пълно демократическо управление е позната.

Л. Барбаръ.

Slovanski teksti v kodeksu 95 mestne biblioteke v Toursu.

Na nekaterih straneh kodeksa 95 (stara signatura 227) mestne biblioteke v Toursu ob Loiri (Francija) so napisani slovanski teksti v latinici, glagolici in cirilici. Léopold Delisle je prvi opozoril nanje. V članku priobčenem v 29. letniku (1868) časopisa Bibliothèque de l'École des Chartes in naslovljenem »Notes sur quelques manuscrits de la Bibliothèque de Tours« podaja na str. 608—609 kratko vsebino slovanskih tekstov, priobčuje pa, radi popolnega neznanja jezika, kakor sam pravi, le transkripcijo nekaterih slovanskih besed pisanih z latinico ter seznam hrvatskih škofij, kateri je sestavljen v latinskem jeziku.

Delisle-ove opazke je skoraj dobesedno prepisal A. Dorange v svojem katalogu tourskih rokopisov.[1] V znanstvenem oziru veliko boljši opis imenovanih rokopisov in naših slovanskih tekstov posebej je podal M. Collon v svojem katalogu, toda tudi on podaja radi neznanja jezika v glavnem le Delisle-ove opombe v nekoliko povečani in natančnejši obliki.[2])

Podrobneje se je bavil s tourskimi slovanskimi teksti Louis Leger. Nanje ga je opozoril že imenovani Dorange in mu tudi preskrbel faksimila nekaterih strani, katere je Leger predložil l. 1874. arheološkemu kongresu v Kijevu. Leta 1908. je nato Leger priobčil študijo »Georges d'Esclavonie, chanoine pénitencier de la cathédrale de Tours au XIV—XVme siècles«, kjer podaja po Collonovem opisu vsebino slovanskih tekstov z razlago in nekaterimi popravki.[3])
Glavni del Leger-jeve razprave je posvečen verjetnemu avtorju tekstov, magistru in tourskemu kanoniku, imenovanemu navadno »Georgius de Sclavonia«. Toda Leger-jeva študija ni izčrpna. Manjka celotna

---

[1] Catalogue descriptif et raisonné des manuscrits de la Bibliothèque de Tours (Tours 1875), 41.

[2] Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques de France. Départements. Tome 37. Tours. I. (Paris 1900), 61—64.

[3] Zbornik u slavu Vatroslava Jagića (Berlin 1908), 112—119; ponatis v Revue des Bibliothèques, 1909, št. 5—6 (maj, junij) in z malimi izpremembami v knjigi Serbes, Croates et Bulgares, Paris 1913, 53—62.

in kritična izdaja slovanskih tekstov s paleografsko in historično razlago. To hočem v naslednjem podati.

Kodeks 95 tourske biblioteke obsega 131 folijev iz papirja. Uvezan je v eno celoto iz petero različnih delov (ff. 1—78, 79—98, 99—105, 106—115, 116—129), od katerih sta prva dva (ff. 1—78, 79—98) tvorila nekdaj dva posebna rokopisa (št. 26 in št. 430) v biblioteki tourske katedrale, posvečene sv. Gatienu. Prvi del (ff. 1—78), v katerem so vpisani slovanski teksti, obstoja iz šestero seksternijev in enega ternija, uvezanega med liste drugega seksternija (= ff. 15—20). Vez v pol-pergament je iz 18. stoletja. Papirni znaki so v prvem delu: 1. po koncu stoječ panter, 2. sidro (v inseriranem delu ff. 15—20) in 3. lilijin cvet.

Glavni del folijev 1 do 78 je popisan z latinskim tekstom psalmov, kakor jih je prevedel sv. Hieronim iz hebrejskega na latinski jezik (ff. 21—72) ter raznimi teksti, kateri se nanašajo na psalme (predgovori k psalmom od sv. Hieronima, sv. Damaza in sv. Avguština, komentarji in drugo). Podroben opis tega dela ni z ozirom na slovanske tekste važen.

Nelatinski teksti začenjajo na fol. 72. Najprej stoji na f. 72 prvi psalm in 3. stavek 6. psalma v grškem jeziku z latinsko interlinearno prestavo, na f. 72' »oče naš« in »kredo« v grškem in »oče naš« v hebrejskem jeziku, toda vsi teksti z latinskimi pismenkami, in končno hebrejski tekst.

Na f. 73 do f. 74 je napisana »Prefacio beati Augustini episcopi in libro psalmorum« (inc.: »omnis scriptura«). Nelatinski teksti začenjajo zopet na f. 74'. Ta stran je popisana v osmerih stolpcih na sledeči način: 1. »littere latine« v redu grškega alfabeta, 2. in 3. »littere grece«, 4. »nomina grecarum litterarum« od »alpha« do »chile«, 5. »greca nomina numeralia« od »mia« do »chile vel miriades«, 6. odgovarjajoči latinski znaki od I do M, 7. »item greca nomina numeralia« od »chile« do »chilemires«, 8. odgovarjajoči latinski znaki od M do $\overline{M}$.

Fol. 75 obsega sedem stolpcev v sledećem redu in s sledečo vsebino: 1. »littere latine« v redu hebrejskega alfabeta, 2. »littere hebraice«, 3. »nomina hebraicarum litterarum« od »alleph« do »thau«, 4. »nomina numeralia hebraica« od »echad« do »slosmaoth«, 5. odgovarjajoči arabski znaki od 1 do 400, 6. cirilski alfabet z nekaterimi črkami glagolskega, 7. grški alfabet.

Na f. 75' do f. 78' (le f. 78 je nepopisan) stoje po veliki večini samo slovanski teksti, katere si hočem obenem s cirilsko-glagolskim alfabetom na f. 75 ogledati od paleografske in historične strani.

1. Cirilsko-glagolski alfabet na fol. 75.

Po zaporedni vrsti predstavlja prvi slovanski tekst v tourskem rokopisu alfabet na f. 75, katerega je napisal neki Pavel iz Krbave, kakor sam pove z gloso, pripisano na levi strani pod alfabetom »то писа павалъ дкѣкъ ис крбa пa какоъ ȣмилъ«.[1]) Alfabet je v glavnem cirilski, ako pa pregledamo posamezne znake, ni težko uganiti, da so nekateri očividno prevzeti iz glagolskega alfabeta oziroma napisani na podlagi glagolskih znakov in glagolskega alfabetnega reda. Paleografska analiza nam bo to dokazala.

Znak za črko *i* (I) stoji pred znakom za »*iže*« (и) in je v sredi debla s kratko horizontalno črtico na dvoje predeljen (Ɨ). Prav slično obliko tega znaka najdem v arhaističnem glagolskem alfabetu v bosansko-bogomilski knjižici »krstjanina Radosava« iz 15. stoletja (rokopis v Vatikanu), kateri velja v paleografskem oziru kot prehoden spomenik od okrogle macedonske k oglati hrvatski glagolici in spada k posebnemu tipu takozvane bosansko-srbske glagolice.[2])

Znak za *u* je napisan v obliki ligature Ȣ. Enako stoji na mestu črke »ot« tozadevna ligatura Ѿ, toda v zelo oglatih oblikah, katere kažejo na pisca, vajenega oglate glagolice. Drugače se vrste do tu cirilski znaki v običajnem redu cirilskega alfabeta, samo znaki za *ž, z, m, n, p, r, s, t, u* in *f* so napisani po dvakrat, drugič očividno kot popravek od neke druge roke. Med temi znaki manjka samo cirilski S, kateremu odgovarja glagolski Ⰷ. Ker se ta znak v hrvatski glagolici uporablja samo kot število in ne več kot črka,[3]) ga pisec, verjetno hrvatski glagoljaš, ni bil posebno vajen in ga je zato v cirilskem alfabetu kar izpustil.

Za znakom za črko *ot* sledi v našem alfabetu črka oblike Ⰼ, katero podaja današnji glagolski tisk z znakom Ⰼ. O tej glagolski črki je napisal univ. profesor R. Nahtigal pred kratkim posebno razpravo.[4]) Veseli me, da lahko na tem mestu njegove rezultate glede mesta v azbučni vrsti in oblike te črke, do katerih je prišel paleografskim in jezikoslovnim potom, s paleografskega vidika samo potrdim in se mu obenem za razne podatke, katere mi je dal

---

[1]) крбa = крьбaвa; и v пa je črtan. Leger (l. c., str. 116) čita napačno »како се ȣчилъ.«

[2]) Gl. V. Jagić, Analecta Romana, Archiv f. slav. Philologie, 25, 20 sl. in tekst ter faksimile v Glagoličeskoe pis'mo. 115 (Enciklopedija slavjanskoj filologii, III).

[3]) V. Jagić, Glag. pis'mo, 189.

[4]) Doneski k vprašanju o postanku glagolice. I. Črka »pe«. Razprave, I. Izdaja Znanstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani (1923), 135—154.

glede te črke in drugih stvari najlepše zahvalim. Po Nahtigalu je v prvotnem glagolskem alfabetu stala na tem mestu kasnejše ligature za *št* (Ⱋ) neka črka z imenom »*pe*« in številno vrednostjo 800. Vrsta starejših tekstov, kateri se nanašajo na glagolski alfabet, počenši od Hrabrove apologije slovanskih pismenk, nam je ohranila ime te zagonetne črke »*pe*«. Glede oblike in mesta tega znaka nam nudi indirekten dokaz arhaističen glagolski alfabet, kateri je zapisan v že citirani bosansko-bogomilski knjižici iz 15. stoletja.[1]) Za znakom za črko »ot« je v tem alfabetu zapisana glagolska črka ф, katera bi sicer morala stati za dve črki bolj spredaj, pred znakom za glagolski *h*. Res se tu tudi nahaja, toda le kot poprava nad nekakim začrtanim ⰘⰘ. »Pisec je imel pred seboj dva različna znaka kot dubleti iste glasovne veljave ф in ⰘⰘ, pa jih je v njihovem redu zamenjal, kar je opazil in na prvem mestu popravil.« Pozabil je pa prenesti ⰘⰘ na edino pravo mesto, to je za znak za »*ot*«. V cirilskem alfabetu na pergamentnem listu z latinskim tekstom iz najmanje prve polovice 11. stol., katerega fotografičen posnetek se je nahajal v posesti Jagića, sta zapisana za črko ѡ dva znaka, katera opisuje Jagić kot nekaka latinska *n* in *N*, Rešetar pa kot nekoliko modificiran cirilski п.[2]) Istotam stoji v glagolskem alfabetu na tem mestu znak, katerega opisuje Rešetar kot nekako glagolskemu ⰿ podobnega. Mislim, da imamo opraviti tudi v teh slučajih z znakom ⰘⰘ, katerega je pisec 11. stoletja sprejel prav tako v vrsto cirilskih črk, kakor pisec v tourskem rokopisu. Po Nahtigalovih študijah se je črka »pe - ⰘⰘ« nahajala že v prvotnem Konstantinovem glagolskem alfabetu ter uporabljala za grški ϑ tujih izrazov. Ker je pa postala črka že v moravsko-panonski dobi dubleta h glagolskemu ф, medtem ko se je ϑ nadomestil s *t*, je prešla iz rabe kot oznaka glasu v tekstih, a ohranila svoje mesto samo v alfabetih in sorodnem gradivu. Kjer se je kot ostanek iz starih časov grafično upodabljala je postala predmet zamenjavam, tako v bosansko-bogomilskem rokopisu 15. stoletja, ali pa postala nerazumevan znak za one, kateri so očividno po glagolskem alfabetu sestavljali cirilskega — kjer tega znaka seveda ni — ter jo vanj slepo prevzemali, tako pisec cirilskega alfabeta v Jagićevem fotografskem posnetku ali pa pisec cirilskega alfabeta v našem tourskem rokopisu.

---

[1]) Jagić, Analecta Romana, Archiv f. slav. Philologie, 25, 20 sl.; isti, Glag. pis'mo, 114—115 (na obeh mestih faksimile); Rački v Starinah jugoslov. akademije, 14, 23; Nahtigal, l. c.. 140.

[2]) Jagić, Glag. pis'mo, 137; Rešetar, Zum ältesten slavischen Alphabet, Archiv f. slav. Philologie, 35, 66; Nahtigal, l. c., 141.

Za znakom za črko »*pe*« slede v našem alfabetu cirilski znaki za *c*, *č* in *š*, a nato znak щ.

Za щ bi moral slediti cirilski znak za *jerъ* (ъ), v resnici pa najdemo na tem mestu glagolski znak za polglasnik v obliki Ⱏ, kateri je že v starejših spomenikih oglate glagolice izpodrinil prejšnji znak Ⰼ.[1]) Pač pa je sledeči mu cirilski ь pravilen. *Jatь* sledi v cirilski (ѣ) in glagolski obliki (Ⱑ). Četverokotna glagolska oblika *jatь*-a kaže na starejšo predlogo, predno se je desna stranica črke začela lomiti na dve stopnjici (ⱑ). Slično zarisano črko kakor v tourskem alfabetu najdem v Premudinih odlomkih z otoka Krka, kateri kažejo prehode od okrogle macedonske k oglati hrvatski glagolici; dalje v nekaterih starejših rokopisih hrvatske oglate glagolice, od katerih so vsi nastali še pred 14. stoletjem.[2]) Za *jatь*-om sledeči znak za »*jusъ*« je v tourskem alfabetu podan v glagolski in cirilski obliki. Glagolski znak ima starinsko obliko: na podolgasti štirioglelnik je ob spodnji desni vogal prosto priložena poševna od gornje desne strani k spodnji levi strani tekoča črta s kratkim zavojem zgoraj (Ⱛ). Podobne tipe te črke najdem v dveh glagolskih odlomkih, katera spadata k skupini starejših oglatih hrvatskih glagolskih spomenikov in jih Jagić datira z drugo polovico 13. in prvo polovico 14. stoletja.[3]) Za glagolskim znakom za »*jusъ*«, kateri je očividno nerodno kopiran, sledi cirilski znak za to črko s prav majhnim štirioglatim desnim delom. Kot poslednja črka našega alfabeta stoji glagolski znak za nosni *ę*, podoben po obliki navadnemu cirilskemu є. Napisan je dvakrat, od prve roke (Pavel iz Krbave) in roke popravljavca. Ostalih nosnih znakov glagolskega in cirilskega alfabeta naš zapis nima.

Iz analize našega alfabeta je razvidno, da tvori njegovo podlago glagolski alfabet. Pisec, to je Pavel iz Krbave, se je tu cirilskega alfabeta očividno šele učil in pisal pač le kakor je »umil«. Na učenje kažejo tudi korekture posameznih črk od druge roke. Oglatost črk, izpustitev znaka, kateri v glagolici ne velja kot črka, samo glagolski znak namesto cirilskega oziroma cirilski in glagolski znak ob enem, vse kaže na to, da je bil pisec bolj vajen glagolice ter delal po glagolski predlogi. Ta je pa morala kazati primeroma stari tip glagolice. Radi oblik za črki »*i*« in »*pe*«, katere najdemo v spo-

---

[1]) Jagić, Glag. pis'mo, 210.

[2]) Jagić, Glag. pis'mo, 210—211; tabl. 9, št. 20; tabl. 13, št. 27; tabl. 14, št. 32; isti, Grškovićev odlomak glagolskog apostola, Starine, 26 (1893), 107.

[3]) Jagić, Glag. pis'mo, 147, 148, 212; faksimile tabl. 12, št. 27; tabl. 13, št. 28.

nenikih bosansko-hercegovinske provenience (Grškovićev odlomek glagolskega apostola, rokopis »krstjanina Radosava«), sklepam, da e predloga stala blizu bosansko-srbskemu tipu glagolice. Direktno paleografsko razvojno kontinuiteto glagolskih znakov, kakor so bili pred zmago bosanske cirilice, nekako v 12. ali 13. stoletju, v rabi v Bosni, na eni strani v oblike macedonske okrogle glagolice, na drugi strani v one oglate hrvatske glagolice, je radi pomanjkanja spomenikov težko podati.[1]) Indirektno nam pomaga sklepati to pretrgano paleografsko razvojno verigo predloga, katero moramo predpostavljati pri alfabetu Pavla iz Krbave. Kaže nam znake, ki jih v oglati hrvatski glagolici sploh ni, ali pa take, kakor jih poleg spomenikov macedonske provenience najdemo še v onih bosanskega in vobče prehodnega tipa k hrvatski oglati glagolici ali pa v najstarejših spomenikih te same. Po primerjalnem paleografskem gradivu, katero mi je na razpolago, morem soditi, da ni predloga Pavla iz Krbave kazala mlajše paleografske tipe črk, kakor so bili v glavnem v rabi pred 14. stoletjem. /

2. Zapisi v polkurzivni glagolici na f. 77, f. 77' in f. 78'.

V zvezi s Pavlom iz Krbave moram omeniti glagolske tekste na f. 77 (glagolski alfabet v redu onega na f. 75' z na koncu po *usь*-u dodanima dvema э), f. 77' (psalm 50, 1—3) in f. 78' (začetek pisma naslovljenega nekemu knezu Juriju)[2]) našega rokopisa. Primerjanje posameznih črk cirilsko-glagolskega alfabeta na f. 75' z duktusom teh tekstov kaže, da je oboje pisala ena in ista roka, namreč Pavla iz Krbave.

Glagolica teh treh zapisov predstavlja polkurzivno pismo hrvatskega tipa, katero tvori prehod od knjižne pisave k popolni kurzivi listin in aktov (Jagić, Glag. pis'mo, 164 sl.). To pismo se pojavlja posamič že v 14. stoletju, a zavlada v 15. stoletju. V naših zapisih ima Ⱋ spodaj zanjko, pod črto segajo *z*, *m*, *n*, *p*, *h* in *ju*: *o* in *r* se dvigata nad črto; *a* sega pod in nad črto, *i* je nagnjen že nekoliko na levo, kakor v dveh glagolskih listinah iz l. 1393. in l. 1433. (Jagić, 169; tabl. 25, št. 61; 170; tabl. 27, št. 63). Vendar predstavlja naše pismo nekoliko bolj knjižno obliko, kakor jo najdemo

[1]) Jagić v Archiv f. slav. Philologie, 25, 31.

[2]) поклонен'е и поздравен'е кнезоу юр'ю како момоу гос'подиноу племенитомоу ам' ти видити да сам' з'драк' бож'ю млост'ю и сте марие гос'пое.

v teh dveh listinah. Ligatur je mnogo, posebno z *o* in z *ou* nad črto. Tu dobimo že ligature *ko* in *mo*, znane le iz kasnejših tekstov ter ligature *vou, nou, zou, mou*, značilne za kurzivo 15. stoletja (Jagić, 220, 225). Polglasnik nadomešča apostrof, kateri se začenja pojavljati v listinah, pisanih v kurzivi, od začetka 15. stol. dalje (Jagić, 210).

Po paleografskih znakih sodeč stavim čas nastanka citiranih treh zapisov v prehodno dobo od 14. v 15. stoletje.

3. Teksti v glagolici in latinici na f. 75'—f. 77.

Druga roka kakor ravnokar obravnavane tekste je napisala na f. 75'—f. 77 tourskega rokopisa slovanske tekste z glagolskimi in latinskimi pismenkami. Ti teksti obstojajo iz sledečih delov: 1. glagolski alfabet, obstoječ v glavnem iz glagolskih znakov, imen za glagolske črke, odgovarjajočih latinskih znakov oziroma izreke, numerične vrednosti izražene za nekatere črke z arabskimi ciframi in dveh hebrejskih znakov; alfabet začenja s simbolično invokacijo izraženo z znakom križa (+), kateremu je nadpisano ime »cris« ter končuje z besedo »amen« v glagolskih in latinskih znakih, a je označen kot »Istud alphabetum est chrawaticum« (f. 75'); — 2. molitev »oče naš« z glagolskimi in latinskimi znaki (f. 75'); — 3. molitev »češčena Marija« z istimi znaki (f. 76); — 4. »apostolska vera« z istimi znaki (f. 76—f. 76' + dodatek na f. 75', kar je pomotoma izpuščeno na f. 76 za besedo »biše« ter tu dodano za tekstom »oče naš-a)«; — 5. glagolski alfabet, izražen z imeni za posamezne črke (f. 76'); — 6. vera z glagolskimi in latinskimi znaki (f. 76'—f. 76).[1]) — Od iste roke so nadalje sledeči teksti: 7. latinski seznam škofov oziroma škofij v Hrvatski in Dalmaciji ter druge latinske notice, s katerimi se hočem še pečati; — 8. slovansko-latinske besede ter slovanska imena tedenskih dni in mesecev na f. 78'.

Glagolica slovanskih tekstov na f. 75'—f. 77 predstavlja tip hrvatskega oglatega pisma, kakor je bil v rabi za skrbne knjižne proizvode. Kurzivnih elementov skoraj ni, omenil bi le črko Ⱎ, napisano parkrat z zanjko v spodnjem delu. Črke so na splošno uravnane v sistem dveh črt. Le Ⱅ Ⱋ Ⱋ Ⱚ se že malo vzdigujejo nad črto, Ⱚ Ⱎ Ⱌ Ⰽ Ⱂ pa gredo malo pod njo. Prekoračenje črte

[1]) Teksti 1 do 6 izdani na koncu tega spisa.

navzgor ali navzdol lahko pri omenjenih črkah sledimo od srede 14. stoletja dalje. Posebno je ostro in nizko spuščanje črk ⱍ in ⱎ pod črto značilno za spomenike druge polovice 14. stoletja in za prehodno dobo iz tega stoletja v 15. stoletje (Lobkovicev psalter 1359, misal kneza Novaka 1368, glagolski del rheimskega evangelijarja 1395, dunajski časoslov 1396 i. t. d.).[1]) Istodobno se pojavljajo pri omenjenih dveh črkah ob začetku oziroma koncu poteze namestu prejšnjih triogelnikov štiriogelniki. Ostrina pod črto pri ⱍ in ⱎ, kratka ostra oblika še brez kurzivnih vplivov pri ⰲ, nekoliko razširjeni zgornji štiriogelnik pri ⱋ, še primeroma nizki ⱅ brez ovalnih oblik, to so v glavnem znaki, kateri karakterizirajo našo pisavo kot najpreje v drugo polovico 14. stoletja spadajočo. Paleografsko časovno mejo navzgor je veliko težje določiti, ker je znano, kako je knjižna pisava 15. stoletja rada posnemala vzorce predhodnega veka. Na splošno pa ne smemo z ozirom na pomanjkanje kurzivnih elementov datirati rokopis predaleč notri v 15. stoletje.

Za to datiranje govori tudi raba kratic in ligatur, katero moramo imenovati zmerno in skrbno. Krajšane besede nam ne nudijo nič takega, kar bi ne našli tudi v drugih sodobnih glagolskih spomenikih. Krajšana so v prvi vrsti nomina sacra kot *bь*, *gь*, *isha*, *dha*, *stь*, *oca* in slične pogosto rabljene besede. Po zgledu mlajših liturgičnih glagolskih tekstov hrvatske redakcije so krajšane že besede na ta način, da je izpuščen po eden ali več lahko nadomestljivih samoglasnikov (n. pr. *nšь*, *zmli*, *spsenija*, *crstviju*).[2]) Od posameznih krajšanih besed omenjam ⰵ za *estь*, ki se pojavlja v rokopisih hrvatske oglate glagolice od druge polovice 14. stoletja dalje (rimski časoslov 1379, pariški glagolski rokopis št. 11 ok. 1400, Ivančićev zbornik začetek 15. stoletja).[3])

Ligature nam nudijo skoraj same zglede znane tudi iz drugih sodobnih rokopisov. Tu omenjam le one, katere Jagić v svojem seznamu (Glag. pis'mo, 219—226) ne navaja: *am* (f. 75', f. 76'), *vi* (f. 75', f. 76'), *gla* (f. 76'), *šta* (f. 76'), *plt* (f. 77). Pogoste so ligature s končnim *a*, od katerih navaja Jagić le malo zgledov (*da*, *ga*, *ha*, tudi *dou*). Pogosta je tudi stara ligatura z nadpisanim *o* v sledečih zvezah: *bo*, *go*, *ho*, *no*, *po*, *to*, *vo*. Starejšo obliko črke *m* (ⰿ) najdemo v alfabetu na f. 75' poleg običajne oblike ⰿ ter

---

[1]) Jagić, Glag. pis'mo, 153—158; tabl. 15, št. 37, 38; tabl. 17. št. 43; Starine, 23, faksimile pri str. 40.

[2]) Jagić, Glag. pis'mo, 215—216.

[3]) Jagić, l. c., 154, 157, 158.

v ligaturah s črko *l* (*ml, pml, zml*) in enkrat s črko *č* (*mčenь*, f. 76'). Vobče pa moram reči, da ligature v našem tekstu še ne prevladujejo v oni meri in kažejo večjo sistematičnost pri uporabi kakor n. pr. v rokopisih iz srede 15. stoletja.[1])

Sodeč po paleografskih kriterijih (oblike črk, kratice, ligature) stavim naše z glagolico pisane tekste na splošno v razdobje 1350—1450, natančneje pa v konec 14. stoletja in prva desetletja 15. stoletja. V isto dobo kaže tudi paleografski karakter l a t i n s k e g a p i s m a, katero spremlja glagolske tekste. Latinsko pismo predstavlja gotsko kurzivo zapadnoevropskega tipa z značilnimi zanjkami in pentljami nadčrtnih in podčrtnih črk ter že vezanimi prehodi od ene črke k drugi. Krajšanih besed z ozirom na stremljenje podati z latinskim pismom natančno glasovno transkripcijo glagolskega teksta ni, omenjam samo kot izjemo uporabo kratice za latinski *pro* v besedi *proroki* (f. 76').

Naše posebno zanimanje vzbuja tekst napisan nad glagolskimi črkami z ravnokar označeno latinsko gotsko kurzivo ter posameznimi hebrejskimi črkami in arabskimi numeričnimi znaki. Kot prvi po redu prihaja tu v poštev g l a g o l s k i a l f a b e t na f. 75'.

Glagolski znaki odgovarjajo redu in številu črk v alfabetu hrvatske oglate glagolice. Pridejan je, kakor sem že omenil, stari tip znaka za *m* (Ⰿ), rabljen v hrvatski glagolici le v ligaturah. in na koncu alfabeta že preje na svojem pravem mestu stoječi »*jest* -э« ter znak »*je*-є«, popolnoma podoben latinskemu *e*. Ta znak bi mogel predstavljati nosni *ę*, katerega sicer hrvatska glagolica nima, a smo ga našli enakega že v obravnavanem na f. 75 napisanem cirilsko-glagolskem alfabetu. Imena za posamezne črke so v glavnem pravilna in po redu ista kakor ona pozneje na f. 76' z glagolskimi znaki izpisana. Poleg imen je pa dodal avtor tudi latinske črke, katere naj kolikortoliko označujejo glasovno vrednost in približno izgovarjavo dotičnega slovanskega glasu. Pri tem opažam, da je avtor upošteval izgovarjavo Francoza. Pri *g* ima pripisano *gu*, češ izgovarjaj to kakor francoski *g* pred *u* (n. pr. *guerre*), ne pa mogoče tako kakor francoski *g* pred *e*. Za znak Ⰼ, ki ga cirilica nima, označuje izgovarjavo *g* oziroma *ie* in *ge*, torej za Francoza približno *dj* (ђ). Da se ne bo v ustih Francoza ali poznavalca francoščine napačno izgovarjalo popravlja *ludi* v *loudi*. Zakaj ima nad *jerь*-om, ki ga piše *ger*, pripisano *rt* mi ni jasno. Dalje ima za sledeče

---

[1]) Jagić, 159 (rimski misal iz l. 1435), 160.

slovanske glasove sledeče odgovarjajoče latinske znake: slov. *v*-lat. *w*, *ž*-*zs*, *šč*-*cs ts cz*, *č*-*cz cs*, *ѣ*-*iah*. Pri črki *jatь* v glagolskem alfabetu na f. 76' podaja izreko *ia*, nadpisano v latinskih znakih nad imenom črke. Istotam glosira pri črki *otь*, katera je imela takrat samo numerično vrednost: »Ⱉ ista littera non ponitur in diccionibus sed servit pro numero.«

Da bi avtor pokazal kolikortoliko pravilno izreko slovanskih glasov zatekel se je celo k hebrejščini. Že iz splošnega popisa našega rokopisa smo iz hebrejskih tekstov in alfabeta razvideli, da je bil avtor vešč temu jeziku. V glagolskem alfabetu stavi nad črko Ⱎ in njeno ime »*scha*« hebrejski znak za črko *šîn* = שׁ, katera se v tej obliki izgovarja slično kakor slovanski *š*. Mogoče ga je pa poleg podobne izgovarjave zapeljala k primerjanju tudi slična oblika hebrejskega in glagolskega znaka. V tem oziru bi bil avtor našega teksta predhodnik Šafaříka, Amfilohija, Vondráka, Grunskega, Nahtigala in drugih, kateri vidijo v obliki te črke posnetek iz semitskih (hebrejski, samaritanski) alfabetov.[1]) Druga hebrejska črka, katero naš avtor uporablja, je hebrejski *tāw* = ת, kateri se izgovarja podobno kakor angleški interdentalni spirant *th*. Mogoče je izgovor te hebrejske črke bil za dobe ali v ušesih našega avtorja podoben in blizu izgovoru slovanskih *s* in *c*. Avtor je namreč glagolski *s* (Ⱄ) že ob robu alfabeta na f. 75' postavil poleg hebrejskega znaka za *tāw*, v nadaljnem slovanskem tekstu pa ta hebrejski znak opetovano nad latinske črke *ss*, *s* in *z*, katere odgovarjajo tu glagolskim *s* in *c*. Mogoče je hotel s tem označiti približen izgovor slovanskih glasov.

Končno je treba pri glagolskem alfabetu še omeniti, da je njegov avtor označil tudi numerično vrednost posameznih črk. Numerična oznaka je v splošnem ista, kakor v drugih znanih sodobnih glagolskih tekstih. Omeniti je treba le, da stoji Ⱋ (*št*) že na mestu za 800, kar lahko dokažemo tudi sicer iz konca 14. stoletja.[2]) Ⱍ (*č*) je 1000, Ⱎ bi bil potem 2000, *jerъ* = 3000 in *jatь* = 4000. Nad *jusъ*-om je pa napisano 5000, kar potrjuje Črnčićevo domnevanje glede numerične vrednosti te črke in pomnožuje tozadevne malobrojne primere iz glagolskih rokopisov.[3])

Isto veliko skrb kakor v pravilnost glagolskega alfabeta in ponazorjenje odgovarjajočega izgovora slovanskih glasov je položil

---

[1]) Jagić, 70, 82, 103, 111; Nahtigal v Razpravah, 1, 150.
[2]) Brčić v Radu jugosl. akademije, 2, 189; Jagić v Archiv. f. slav. Philologie, 23, 118.
[3]) I. Črnčić, Brojna vriednost slova Ⱘ, Rad 16, 3 in 23, 18—23; Milčetić, Hrvatska glagolska bibliografija, Starine XXXIII, 95, 261, 384—385.

naš avtor v transkripcijo glagolskega teksta z latinskim pismom. Njegovo početje podati slovanske glasove z latinico je bilo težko in je v področju srbo-hrvatskega jezika, k kateremu že lahko prištevamo naše tekste, skoraj brez znane dotakratne primere. Naši z latinico pisani teksti spadajo med najstarejše znane poizkuse podati srbo-hrvatski tekst z latinskim pismom. Edino takozvana šibenska molitev o Mariji, napisana v latinici, katero je iz paleografskih razlogov staviti v konec 14. stoletja, bi znala biti za malo let starejša.[1]) Iz 15. stoletja se sicer l. 1419. omenja v Dubrovniku evangelistar »schiauo de letera latina«, toda ohranili so se nam podobni teksti v latinici še-le iz srede tega stoletja.[2])

Slovanske besede v latinici, napisane od roke, katera je pisala tekst v glagolici in latinici, se nahajajo tudi na nekaterih drugih mestih kodeksa. Na f. 76 stoji spodaj pod tekstom »*ne trebe zapriti*«, »*moutsenik y spovednik*«, na f. 76' spodaj ob robu »*krstiteli baptista*«. Slovanska so tudi imena škofijskih sedežev na f. 77, citat o Pavlu dijaku iz Krbave istotam (gl. str. 386), dalje na f. 78' par besed z dodanimi latinskimi izrazi (*rana v[u]lnus*, *chodacz peregrinus*, *prorok propheta*, *prodicovati predicare*, *priprosti tesaci laborator*). Na istem foliju so napisana imena tedenskih dni in mesecev v sledečem redu: »*nedile*, *pondelek perue dan*, *torek*, *chscretk*, *sreda* (*s* popravljen iz *z*), *petak*, *sabota*; — *jenvar*, *pervar*, *marats*, *aprile*, *may*, *joun*, *joulei*, *avgoust*, *sektebar*, *octebar*, *nouembar*, *dektebar*«.

Ni moja naloga predočiti ali oceniti eventualno jezikovno vrednost in pomen naših tekstov. Na tem mestu hočem le pokazati na kak način je naš avtor podal z latinico transkripcijo slovanskih glasov. Transkripcijo moramo imenovati podobno kakor v šibenski molitvi tudi v tourskem tekstu nedosledno: *c* = *c*, *cz*, *z*, *ts*, *tz*; *č* = *c*, *cs*, *cz*, *tsch*, *tss*, *tsz*, *x*: *h* = *h*, *ch*; *i*, *j* = *i*, *y*; *k* = *k*, *c*, *q*, *qu*; *š* = *s*, *ss*, *sch*: *št*, *šč* = *sch*, *schts*, *ch*, *t*, *ts*; *t* = *t*, *d*; *ou* = *ou*, *u*: *v* = *v*, *vv*, *w*, *u*, *f*; *ž* = *z*, *zs*, *s*, *sz*. Ostale črke v glagolskem tekstu so v latinskem transkribirane z odgovarjajočimi latinskimi. Polglasnik navadno ni transkribiran, le petkrat stoji na njegovem mestu *e* (*č̄kь-tslovveke*, *pon'tas'cemь-ponetasceme*, *mrtavь-mrtave*, *adь-ade*, *životь-zsiwote*, f. 75', 76', 77), dvakrat *o* (*pl'ti-p̊lti*, *v'pl'tise-fpoltise*, f. 75') in dvakrat *a* (*v'-va*, f. 76'; *tr'do* kot ime črke v glagolskem

[1]) Ivan Milčetić in Joso Milošević, Hrvatska glag. bibliografija, l. c., 589.
[2]) Jireček v Archiv f. slav. Philologie, 26, 176.

alfabetu na f. 76' primerjano z imenom iste črke napisanim v latinskih pismenkah na f. 75 »*tardo*«). Glagolski *jatь* je transkribiran z *iah*, *ia*, *ya*; *jusъ* pa z *iou*, *iv* in *ou*. Kakor pri alfabetu hotel je avtor pokazati tudi pri tekstih kako naj se dotična beseda izgovarja približno pravilno v ustih francosko govorečega. Pri *dlge* (f. 75') je glosiral ob levem robu vrste *delgue*, *otpouš'ščenie* (f. 77) transkribira s *otpoustsenge*, ime mesta *Trogir* piše *Troguier* (f. 77). Tudi akcenti nad besedami *tvóego gospóe* (f. 76') navajajo na ločeni izgovor obeh vokalov in ne mogoče francosko kot *oe*.

V glavnem odgovarja latinska transkripcija tekstu v glagolici napisanem. Kot razliko omenjam sledeče sicer ne dosledno izpeljane variante: 1. začetni in *e* v sredi besede v glag. tekstu se glasi v latinskem tekstu *je* oziroma *ie* in *ye*: *esi-jessi*, *estь-iestь*, *edinago-iedinago*, *edino-jedino*, *egože-jegoże*, *et'se-jetse*, *est'-jest*, *edinou-jedinou*, *ego-jego*, *tvoe-twoye*, *roenago-roienago*, *roenь-roien*; 2. *i* v besedah *hlib* in *griš'nih'* pisanih z glagolico, kar kaže na pisca i-kavca, je podan v latinski transkripciji z *e* oziroma *ie (chleb*, *grieschnich)*; *i* je dalje postal *e* v *nebesihь-nebessech* in *v'sih'-vzech*; 3. glagolski *ou* je podan z *o*: *toudou-todou*, *nebou-nebo*, *v(j)erouju-veroiou*, *katoličaskouju-katolitsaskoiou*; toda primerjaj *glagoule* in *kakou* v latinici kot imeni črk v alfabetu na f. 75' proti *glagole* in *kako* kot isti imeni črk v glagolici na f. 76'; 4. glagolska končnica *-ju* v *slavoju* se je v latinici izpremenila dvakrat v *-ye* oziroma *-ie*; 5. *jatь* je v sledečih besedah podan z *e*: *grechov*, *veki*, *veroiou*, *pogreben* (f. 76' in f. 77); 6. krajšana beseda *gь* na f. 76 je v latinski transkripciji izpisana z nosnim vokalom: *gospond*; 7. posamezne besede z glagolico pisane se v latinski transkripciji ločijo na sledeči način: *vola-woylia*, *otpouš'ščaem-otpouschem*, *spsenija-spassenya*, *pomloue-pomiloie*.

Skrbnost, katero je avtor posvetil glagolskemu tekstu in njegovi latinski transkripciji in stremljenje podati približno točno izgovarjavo slovanskih glasov tudi onemu, ki ne bi bil vešč slovanskemu jeziku, stavi naše tekste glede vrednosti nad podobne vložke v glagolici ali cirilici v latinsko pisanih kodeksih srednjeveške Evrope. Po starosti stoji glagolski alfabet tourskega rokopisa v vrsti slovanskih alfabetov v drugače latinskih rokopisih na četrtem mestu, po natančnosti, s katero je podan in namenu učenja, kateremu je določen, pa gotovo na prvem mestu. Časovno moram pred tourskim alfabetom omeniti takozvani »abecenarium bulgaricum« z imeni in oblikami

glagolskih črk v kodeksu 2340 pariške Narodne biblioteke, o katerem se že od l. 1858. ne ve kje se nahaja; drugič cirilski in glagolski alfabet na pergamentnem listu z latinsko pisavo iz najmanje prve polovice 11. stoletja, katerega fotografski posnetek je imel nekdaj Jagić v svoji posesti in tretjič glagolski alfabet iz l. 1360 do 1366 v latinskem kodeksu stockholmske kraljeve biblioteke.[1]) Vsi ti večinoma potvorjeni slovanski alfabeti in podobni v kasnejših latinskih rokopisih so v te vpisani iz razloga kuriozitete ali pa predstavljajo ponesrečene poizkuse zanesti znanje glagolskega ali cirilskega pisma izven njihovega prvotnega področja (Kidrič, l. c., 147). Gre jim le veljava slučajnostnih vpisov. Naši tourski slovanski teksti pa stoje po pomenu in namenu nad podobnimi proizvodi in izhajajo, kakor bodemo videli, iz krogov, kateri so prinesli znanje slovanskih alfabetov in jezika iz svoje domovine na francoska tla.

4. O avtorju, dobi in načinu postanka slovanskih tekstov.

Drugi del pričujoče razprave hočem posvetiti vprašanjem, kdo je napisal in kdaj ter pod kakimi okoliščinami so nastali obravnavani teksti v našem rokopisu, ki je nedvomno nastal na francoskih tleh in se je vedno tamkaj nahajal. Vprašanje glede avtorja vsaj večine slovanskih tekstov je, čeravno ne naravnost dokazal, pa vsaj pojasnil na tak verjeten način, da o njegovi pravilnosti ne more biti dvoma, že l. 1875. A. Dorange v svojem katalogu tourskih rokopisov.[2]) Dorange pripisuje avtorstvo tekstov na f. 1—78' kodeksa 95, torej tudi onih v slovanskem jeziku, z ozirom na to, da kaže ta del tourskega rokopisa sličen papir in isto roko kakor nekateri drugi rokopisi tourske biblioteke (št. 79 in št. 552),[3]) o katerih vemo za pisca, leta 1416. umrlega kanonika tourske katedrale, ki se sam navadno imenuje »Georgius de Sclavonia« ali »de Rain«, temu slednjemu. »Rain« tolmači že Dorange kot slovenske Brežice ob Savi. Kar je povedal Dorange to ponavlja M. Collon v svojem katalogu tourskih rokopisov skoraj dobesedno. Louis Leger se je pridružil Dorange-vemu mnenju ter podal v prvi vrsti na podlagi

[1]) Literatura za te in slične kasnejše spomenike pri Fr. Kidriču, Pomote in potvare za razne potrebe, II, Admontska vindiška abeceda, Naši zapiski, 7, Ljubljana 1910), 119 sl. ter pri Jagiću, Glag. pis'mo, 135—137; istotam faksimile »abecenarium bulgaricum« (tabl. 6, št. 16) po Kopitarjevi izdaji v Glagolita Clozianus.

[2]) Dorange, 41—42.

[3]) Collon, 44, 64, 446.

beležk iz tourskih rokopisov in arhivaličnega gradiva pariške univerze življenjepisno skico tourskega kanonika — rojenega Slovenca.[1]) V kolikor mi pripušča gradivo hočem izpopolniti to, kar vemo doslej o življenju in delu »Jurija iz Brežic« ter s tem pokazati na okoliščine, katere so mogle povzročiti nastanek naših slovanskih tekstov.

»Georgius de Sclavonia« oziroma »de Rain (Rayn, Rahyn, Ryn)«, kakor se imenuje sam oziroma ga imenujejo sodobniki je bil po vsej verjetnosti doma v Brežicah ob Savi, kraju, kateri se od srede 13. stoletja dalje imenuje Rain, Rayn(e), Reyn(e), Raein ali slično.[2]) Natančneje pravijo namreč nekateri sodobni viri, da se »Rain«, odkoder je bil doma »Georgius de Sclavonia«, nahaja v oglejski diecezi.[3]) Pod »Sclavonia«, kakor je v virih večkrat označena njegova domovina, je razumeti tu edinole Slovenijo, a ker se imenuje v zvezi z oglejsko diecezo, slovensko zemljo južno od Drave, severne meje patriarhata v srednjem veku. Krajev z imenom »Rain« poznamo do konca 14. stoletja na tem ozemlju sicer več, toda z ozirom na pomen in velikost se nobeden ne more meriti z Brežicami. Zato lahko z veliko verjetnostjo trdimo, da je bil naš »Jurij iz Slovenije« doma v ali vsaj blizu Brežic.

Kdaj je bil »Georgius de Sclavonia« rojen, kje je preživel svojo mladost in kje pohajal prve šole, za to nimamo nobenih podatkov. Mogoče je prišel zgodaj v kraje, kjer je bila v rabi glagolica (Istra, Kvarner, hrvatsko Primorje, Krbava, severna Dalmacija?) ter si tako pridobil znanje v tem pismu, katerega je kasneje na Francoskem uporabljal. Ker se imenuje »presbiter Aquilegiensis diocesis«, je verjetno, da je dobil duhovniško posvetitev na ozemlju patriarhata ali od oglejskega patriarha.[4]) Mogoče je nekaj časa pohajal na novo (l. 1365) ustanovljeno dunajsko univerzo, kajti dne 17. februarja 1389. in istega leta po 25. marcu piše iz Pariza neki osebi (ad quemdam) na dunajski univerzi o sporu, ki je takrat izbruhnil med redovniki iz dominikanskega reda in pariško univerzo ter dostavlja svoje pozdrave »magistro Henrico de Hassia, et magistro Henrico de Oytta et magistro Friderico confessori ducis«.[5]) Henricus de Has-

[1]) Glej zgoraj str. 370 citat 3.
[2]) Zahn, Ortsnamenbuch der Steiermark, 380.
[3]) Kodeks 362 f. 393' mestne biblioteke v Toursu (Collon, l. c. 280); Chartularium Universitatis Parisiensis (ed. Denifle et Chatelain), III, 513, IV, 77; Leger 116.
[4]) Chartularium, III, 513; IV, 77; Leger 116.
[5]) Cod. lat. 4384, f. 269 v Narodni biblioteki na Dunaju (gl. Denis, Codices manuscripti theolog. Bibliothecae palatinae Vindobonensis, I, 1, 1776—1777; Chartularium Univ. Paris., III, 187, n. 1355, nota; 229, n. 1408, nota; 513—515, n. 1569, 1570; Leger 118).

sia ali iz Langensteina (starejši, 1325—1397), je znan matematik, astronom, teolog in jurist. Njegov sodobnik in prijatelj je bil Henricus de Oytta (+ 1397), istotako znan teolog in filozof. Friderik (iz Nürnberga) iz redu karmelitov je bil spovednik avstrijskega vojvode Albrehta III. Prva dva od te trojice sta študirala in tudi učila v Parizu, zapustila to mesto l. 1383. in sta, še isto leto poklicana na dunajsko univerzo, ustanovila tamkajšno teološko fakulteto.[1]) Mogoče je, da se je »Jurij iz Brežic« že pred l. 1383. z njima v Parizu seznanil; vendar je verjetneje, da ju je spoznal še-le po njihovem prihodu na dunajsko univerzo ter da sta ga baš ta dva napotila in priporočila na pariško visoko šolo.

Pismi na Dunaj iz l. 1389. sta prva znana dokaza o bivanju »Jurija iz Brežic« v Parizu in o njem sploh. Takrat je bil že ugledna oseba, kajti podpisuje se »magister in artibus« in »canonicus ecclesie Altissiodorensis« (Auxerre v départementu Yonne). Kdaj in kako je prišel do teh naslovov in mest nam ni znano. Kot magister artistične fakultete je imel pravico do predavanj na univerzi. Ohranila se nam je v kodeksu 79 tourske biblioteke lastnoročna »lectura magistri Georgii de Sclavonia super Danielem«, katero je dokončal 18. julija 1391.[2]) Za svojega bivanja in študija v Parizu je bil član kolegija pariške univerze imenovanega »Sorbona« ter imel iz njegove biblioteke od l. 1390. do l. 1401. izposojen rokopis o sentencah (danes kod. 16407 sorbonske biblioteke).[3]) Kot član angleške ali nemške nacije pariške univerze se je od l. 1392. do l. 1401. aktivno udeleževal življenja v svoji naciji ter bil štet med pripadnike provincije »Almania superior«, k kateri so med drugimi spadali tudi južni Nemci, Ogri in Slovani.[4]) Leta 1400. (2. maja) ga štejejo zapisniki pariške teološke fakultete med licencijate v teologiji in l. 1403. tudi že med magistre.[5]) Ko je l. 1403. teološka fakulteta zaprosila avignonskega papeža Benedikta XIII. naj nekaterim njenim magistrom — profesorjem podeli kake cerkvene beneficije, bil je med temi tudi »magister Georgius de Rayn, presbiter Aquilegiensis diocesis, magister in artibus et theologia«.[6])

---

[1]) Chartularium, III, 514, op. 4; Aschbach, Geschichte der Wiener Universität, I, 336—407.

[2]) Collon 44.

[3]) Alfred Franklin, La Sorbonne, 227, druga izd., Paris 1875 (»Georgius Ryn de Sclavonia«). Auctarium Chartularii Universitatis Parisiensis, ed. Denifle et Chatelain, I, Paris 1894, (»magister Georgius de Sorbona«); Léopold Delisle, Le Cabinet des manuscrits de la Bibl. Nationale, II, 186 (Paris 1874); Leger 117.

[4]) Leger 118.

[5]) Chartularium, IV, 43, n. 1763, 75, 77, n. 1793.

[6]) Chartularium, III, 514 op. 6; IV, 77.

Kmalu je dobil naš »Georgius de Sclavonia« svoj beneficij. Že l. 1404. ga najdemo kot kanonika-penitencijarija katedrale v Toursu ob Loiri, kjer je takrat prepisal Petra Auriola »Compendium literalis sensus totius divine scripture.«[1]) V dobi svojega bivanja v Toursu je deloval tudi sam literarno, 31. decembra 1411. je dokončal poslanico (epistola) »de virginitate servanda«, naslovljeno na redovnico Izabelo de Villeblanche v samostanu Beaumont-lez-Tours (de Bello Monte prope Turonis).[2]) Dne 20. septembra 1413. je dokončal izvlečke iz sume sv. Tomaža Akvinskega.[3]) Kot dan in leto njegove smrti ima zabeležen nekrolog tourske stolne cerkve 5. maj 1416;[4]) imenuje ga Georgius Henrici, iz česar bi lahko sklepali, da se je Jurijev oče zval Henrik. Svoje premično premoženje je zapustil tourski stolni cerkvi.

Citirani tourski nekrolog pravi o svojem kanoniku »qui multos libros manu propria ad usum dictae ecclesiae scripsit et notavit in cantu.« Res hrani še dandanes tourska mestna biblioteka vrsto rokopisov, kateri so bili nekdaj last tourske katedrale, a jih je ta dobila od našega kanonika. Semkaj spada že opisani rokopis 95

---

[1]) Danes kod. 39 tourske mestne biblioteke (Collon, I, 25—26).

[2]) Ta spis se nam je v prepisu iz 15. stol. ohranil tudi v cod. lat. 14898 pariške Bibliothèque Nationale (Léopold Delisle, Inventaire des manuscrits, latins, Paris 1863—1871). — V prvih letih 16. stoletja so poslanico »George-a de Esclavonie« parkrat natisnili v francoskem prevodu. Ohranjeni izvodi tega tiska predstavljajo danes veliko redkost in dragocenost. Najprej je natisnil spis pod naslovom »Le chasteau de virginite« leta 1505 pariški tiskar Antoine Vérard. Od tega tiska sta nam znana v celem samo dva izvoda, oba tiskana na pergamentu in iluminirana, danes v Bibliothèque Nationale v Parizu pod sign. Vélins 1761 in 1762 (Vélins 1761 je nepopoln, kolofon je izradiran). O tej dragocenosti je primerjati bibliografske opise pri: Jacques-Charles Brunet, Manuel du libraire, Paris 1861, II, kol. 1054 in Supplement, I, Paris 1878, kol. 541; John Macfarlane, Antoine Vérard, London 1900, IX, XXVI, 37 (Illustrated Monographs issued by the Bibliographical Society, No. VII); M. Pellechet, Catalogue général des incunables des bibliothèques publiques de France, III, Paris 1909, 508 n. 5050; Catalogue général des livres imprimés de la Bibliothèque Nationale, Auteurs, tome 59, Paris 1914, kol. 193. — Leta 1506. je ponatisnil to knjigo pariški tiskar Jehan Trepperel. Od tega tiska je znan edino izvod v Bibliothèque Nationale pod sign. Rés. D 4652, kateri je istotako iluminiran (gl. Pellechet, l. c., kol. 193). Louis Moréri je v svojem Le grand dictionnaire historique (V, G, p. 154, Paris 1759) citiral ta tisk in črpal v glavnem iz njega svoje skromne podatke za življenjepis »George-a d'Esclavonie.« — Kot tretji je natisnil naš spis pariški tiskar Simon Vostre pod naslovom »La vierge sacrée«. Edini znan izvod tega tiska se je nahajal v Bibliothèque Mazarine, v Parizu (sign. 262³ᵉᵖ). Natančneje so ga opisali Paul Marais in A. Dufresne de Saint-Léon, Catalogue des incunables de la Bibliothèque Mazarine, 144, Paris 1893 in W. A. Copinger, Supplement to Hain's Repertorium bibliographicum, II, 265, n. 2654, London 1898; po informacijah dobljenih na licu mesta je danes ta unikum iz Mazarine »zginil«.

[3]) Kod. 371 mestne biblioteke v Toursu (Collon, I, 285).

[4]) Rokopis 11443 v British Museum v Londonu, citat po Leger-ju 116.

s slovanskimi teksti, kateri je potekel izpod roke »Jurija iz Slove nije«. Istotako je sam spisal že citirane kodekse 39, 79 in 371 vpisal v rokopis 339 tri molitve v francoskem jeziku za tudi ž omenjeno redovnico Izabelo de Villeblanche ter mu dodal istotak kakor rokopisu 362 (suma Viljema iz Auxerre) svoj »exlibris«. N razne druge načine je dobil oziroma imel »Jurij iz Slovenije« za čas svoje smrti pri sebi še današnje tourske kodekse 357 (»sententiarun libri IV« Petra Lombarda), 364 (Tomaža Akvinskega komentar k če trti knjigi Petra Lombarda), 444 (Guillaume Péraud, summa d viciis et de virtutibus) in 469 (začetek zbirke za uporabo pridigar jev od Nikolaja de Biard).[1])

Delovanje uglednega rojaka na inozemski univerzi je v sred njem veku mnogokrat povzročilo, da so začeli prihajati njegovi soro jaki v večjem številu na dotično visoko šolo in se pri svojem študij v tujini oklenili domačega človeka. Ugled in delovanje »Jurija i Slovenije« je kakor se zdi privabilo prve po imenu znane Jugo slovane na takrat v svojem največjem znanstvenem razmahu stoječ pariško vseučilišče. Leta 1400. se omenjata Petrus de Carniol in Leonardus de Laybach v zapisnikih angleške ali nemšk nacije; od teh je prvi postal še isto leto bakalavrej in licencija drugi pa bakalavrej artistične fakultete.[2]) V kaki sorodstveni al drugačni zvezi je stal s pariškim magistrom Jurijem njegov nečal (nepos) »Ulricus«, kateri je glasom zapisa v kodeksu l. 1398. do končal v Parizu Nikolaja de Biard priročnik za pridigarje, mi n znano.[3]) O Pavlu dijaku iz Krbave vemo tudi le to, da j napisal, že obravnani cirilsko-glagolski alfabet na f. 75 rokopisa 9 in pa da je njegovo ime napisano na f. 77 istega rokopisa v oblik »Pauel dyac zkrbaua dlgovschanyn«.[4]) Pod Pavlovim imenom stoj na istem f. 77 »plemeniti routsanyn crisanits drasecin sin« (na »plemeniti« je napisano »nobilis«). Prejkone je istočasno bival tud neki Križanić sin Dražice po svojem domačem kraju imeno van Routsanyn v Parizu in bil istotako kakor Pavel doma iz Krbave

[1]) Collon, I, 25 (kod. 39), 44 (kod. 79), 61 (kod. 95), 259 (kod. 339), 27 (kod. 357), 280 (kod. 362), 281 (kod. 364), 285 (kod. 371), 350 (kod. 444). 37 (kod. 469), 446 (kod. 552).

[2]) Auctarium Chartularii Univ. Paris., I, 809, 811, 812, 815. Melitta Pivec Jugoslovanski dijaki na pariški univerzi v srednjem veku, Čas 18 (Ljubljan 1923—1924), 21.

[3]) Kod. 469 mestne biblioteke v Toursu (Collon, I, 370).

[4]) Leta 1490 se imenuje v Krbavi neki kraj Dugošane (Monumenta histor-iuridica Slav. merid., 6, Acta croatica, ed. Šurmin, 340).

Leta 1447. lahko med krbavskim plemstvom konstatiramo plemenito rodbino Križanićev.[1])

Vse imenovane osebe so se v Parizu gotovo več ali manj tesno oklenile svojega rojaka in takrat uglednega magistra pariške univerze Jurija iz Brežic. Prihod dveh dijakov iz Kranjske oziroma Ljubljane na pariško univerzo baš za dobe Jurijevega bivanja v Parizu sloni gotovo na vezeh, ki jih pariški magister ni pretrgal s svojo ožjo domovino. Imenovanje dveh oseb iz Krbave pa govori mogoče za to, da je imel Jurij že pred svojim odhodom v Pariz stike s Krbavo in si mogoče baš tam osvojil znanje glagolice ter pritegnil v Pariz dijake iz onih krajev. Pod njegovim vodstvom so njegovi rojaki študirali v Parizu. Mogoče so baš iz praktičnih ozirov študija nastali latinski, grški in hebrejski teksti in alfabeti v rokopisu 95. Pavel iz Krbave, kateri je bil torej doma blizu tam kjer je raba glagolskega alfabeta prehajala v cirilskega je dodal še cirilski alfabet, kateremu se pa vidi, da ga je napisal pisec, ki je bil bolj vajen glagolskemu pismu. Magister Jurij pa, kateri mogoče ni bil vešč cirilskemu pismu, je napisal tekste v glagolici. Ali za one svojih jugoslovanskih dijakov, kateri je niso bili vajeni v svrho učenja ali za koga drugega ali za lastno osebo, na to je težko odgovoriti. Na vsak način pa niso nastali teksti samo radi kurijoznosti pisma in tujega jezika, temveč, kakor dokazuje vestnost koncepcije, oznaka izgovarjave in natančnost transkripcije, v svrho poduka in učenja.

Interes magistra Jurija za glagolico in glagolizem pa ne dokazujejo samo njegovi teksti v glagolskem pismu, temveč tudi nekatere druge stvari. V latinskem delu kodeksa 95 (f. 14) stoji pismo sv. Hieronima Sofroniju in v njem stavek, v katerem govori Hieronim o prevodu psalmov (»Nec hoc dico quod predecessores meos mordeam aut quidquam de hiis arbitrer detrahendum quorum translacionem diligenter emendatam olim mee lingue hominibus dederim«); ta pasus je magister Jurij glosiral ob robu z besedami »N o t a h o c d e t r a n s l a c i o n e p s a l t e r i i i n l i n g u a m s c l a u o n i c a m.« Magister Jurij je očividno po tedaj splošnem naziranju smatral sv. Hieronima za izumitelja glagolice in prevajalca psalterija in svetega pisma sploh na slovanski jezik. Značilno je tudi, da si je izbral baš dan po godu sv. Hieronima (1. oktober) kot termin ko naj se opravlja njegov aniverzarij (Leger 116—117).

Dalje si je magister Jurij na f. 77 rokopisa 95 zabeležil s slovanskimi krajevnimi imeni vrsto diecez, v katerih se je za njegove

[1]) L. c., 170.

dobe opravljala služba božja v slovanskem jeziku. Seznam se glasi: episcopus de Kerbauia [nad »Kerbauia« napisano »krbavski«], episcopus tnynski [nad »episcopus« zapisano »biscop«], episcopus krxki, quasi archiepiscopus episcopus Split, episcopus Troguier, episcopus Schibenik, archiepiscopus zadrski, episcopus nenski, episcopus rabski, episcopus osorski, episcopus senski [zraven pripisano »od Sen do Sen«].[1]) V zvezi s krbavsko škofijo stoje ostale opazke na tej strani. Najprej je tu napisana opazka »de ista diocesi est Toplice«. Dalje se nanaša na krbavskega škofa opazka »primus episcopus Chrawacie qui scit utrumque ydioma tam latinum quam chrawaticum et celebrat missam in altero istorum ydiomatum quocumque sibi placeret.« Pod to opazko glede dvojnega liturgičnega jezika v krbavski škofiji stojita že omenjeni imeni obeh Krbavčanov dijaka Pavla in Križanića. Sledi na tej strani še opazka »Istria eadem patria Chrawati«, s katero je mogoče hotel avtor reči, da stanujejo tudi v Istri Hrvati in da se tamkaj tudi opravlja služba božja v slovanskem jeziku.

K sklepu je treba, da na podlagi historičnih podatkov, katere nam nudi rokopis 95 tourske mestne biblioteke določimo dobo postanka njegovih slovanskih tekstov. Jezikovne posebnosti, katere spominjajo na francoski jezik, govore za to, da je slovanske tekste vpisal vanj magister Jurij še-le po svojem prihodu v Francijo, torej najmanje po l. 1389, a pred svojo smrtjo l. 1416. Zdi se mi pa povsem verjetno, da so slovanski teksti nastali že pred l. 1404, to je pred odhodom magistra Jurija v Tours, a še za časa njegovega bivanja v Parizu, ko je tu zbiral okoli sebe dijake iz svoje domovine. Eden izmed njih, Pavel iz Krbave, je sam vpisal v rokopis nekatere tekste. Prejkone je to storil v Parizu, a ni sledil magistru Juriju v Tours. V zvezi s Pavlom iz Krbave moram v oporo natančnega datiranja omeniti kneza Jurija, kateremu je dijak Pavel naslovil pismo, ohranjeno samo v svojem začetku. Knez Jurij je po mojem mnenju krbavski knez Jurij, sin kneza Gregorja, iz plemena Gusić, kateri se zadnjikrat dokumentarično omenja l. 1390, a je mogel to leto preživeti tudi še za daljšo dobo.[2]) Vobče govore historični podatki za to, da so nastali slovanski teksti v tourskem rokopisu 95 med l. 1389. in l. 1416. oziroma verjetneje l. 1404. To

---

[1]) (Nad)škofije: Krbava, Tnin (Knin), Krk, Split, Trogir, Sibenik, Zadar, Nin, Rab, Osor, Senj.

[2]) Vj. Klaić, Rodoslovje knezova Krbavskih od plemena Gusić, Rad jugosl. akad., 134, 200—202.

hronološko fiksiranje je pa docela v skladu z dobo nastanka, katero je pokazala paleografska analiza naših tekstov.

Teksti.

f. 75' gu

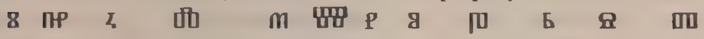
a b w g d e zs z 10

cris az bouki vidi glagoule dobro iest siwite zelo zemlia ise

100 200 300

20 g k l m n o p r s t

i ge kakou loudi[a]) mislite na on poquoy rci slowo tardo



wou

ou 500

400 f h ה csa c 1000 rt iah 5000

s v

ouq frt chire oth schtsa ci czrf scha ger iath jouzz jest je

amen titule[b])

f. 75' Otse nas ise iessi[b]) na nebessech[b])[c]) ssweto[b]) sse[b]) ime twoye

Оче ншь иже еси[a]) на небесихь свето се име твое

pridi cessarastwo[b]) twoye boudi woylia twoya iako na ne-

приди црство твое боуди[d]) вола твоꙗ ꙗко на не-

bessi[b]) i na zemlie chleb nas vssedanny[b]) day nam ga da-

беси и на змли хлиб[e]) нашь вседан'ни дан нам га да-

nass[b]) y odpoussti[b]) nam dlgi nasse iakose[f]) i mi otpouschem[g])

нась и одпоус'ти нам' дл'ги нше ꙗкоже и ми отпоуш'щаем'

dlge[h]) dlsnikonm nassim y ne vavedi nas[b]) v vnapast[b]) na

длге дл'ж'никомь ншимъ и не ваведи нас' в' напаст' на

yzbavi naz[b]) od nepriiazny.

из'бави нас' од' непиꙗзни.

---

[a]) pod *loudi* črtano *ludi.* — [b]) Ob robu alfabeta stoji več opazk: zgoraj na levo latinski in glagolski znak *i* in 8; ob robu druge vrste *ie* in *ge*; ob robu tretje vrste hebrejski znak ה in glagolski znak 8 ter ime za glagolsko črko *frt*; ob robu četrte vrste besede tisutse, czrv z zabrisanima *r* in *v* ter še nekatere druge; — na desni strani alfabeta stoje eden pod drugim trije znaki *ts cz* ψ.

[a]) po еси črtano иже in еси. — [b]) nad *ss* oziroma *s* in *z* hebrejski znak ה oziroma ה. — [c]) nad *ch* črka *j.* — [d]) nad в črtana črka *b.* — [e]) ob robu pri хл na koncu tretje vrste v glagolici znaka *ch.* — [f]) ob robu izven vrste ponovljeno *iakose* še enkrat. — [g]) pred besedo *otpouschen* črtano *odp,* nad to besedo *siayem.* — [h]) ob robu izven vrste beseda *delgue.*

f. 76 zdrava marie milosti[a]) plna gospond s[a]) toboiu blazena ti iessi
здрава марие мл͞сти пл'на г͞ь с' тобою блажена ти еси
v senach y blagoslovlen iest plod czreva[c]) tvóego gospóe[a]) sveta
в' женах' и благосл͞лен' есть плод' чрева твоего госпое с͞та
divo marie moli za nasz grieschnich issukrsta sina[a]) svoga
д͞во марие м͞ли за нась гриш'них' ис͞ха с͞на с'вога
da nass[a]) pomiloie sade y v sivoti vvetsnom amen.
да нась п͞млоуе саде и в' животи в͞чном' а͞мнь.

f. 76 veroiv v iedinago boga otssa[a]) vssemogoutsago tvorcza nebo
вероую в' единаго б͞а о͞ца в'семогоучаго твор'ца н͞боу
y zemli vidimi vsech[a]) y nevidimi jedinago gospoda nassego
и з͞мли видими в'сех' и невидими единаго г͞а нашего
issucrista sina gospoda bosia[b]) jedinotszedago ot otza roie-
ис͞ха с͞на гос'пода б͞ж'ꙗ единочедаго и[c]) от оца рое-
nago prie vzech[a]) vek bog od boga swet od sweta bog istinni[a])
наго[d]) прие в'сих' векь б͞ь одь б͞а с͞ть от с͞та б͞ь истин'ни
od boga istinna roien a ne stworen jedino suschan oczou ymsze
от б͞а истин'на роень а не с'творень едино соущан' о͞цоу им'же
vsa bisse[e]) [f. 75' yse nazz radi tslovveke y nassego spassenya
в'са бише [f. 75' иже нась ради ч͞кь и нашего[f]) с͞пceниꙗ
radi snyde s nebes i fpoltise od doucha iz marie devi
ради с'ниде с' небесь и в'пл'тисе от д͞ха с͞та[g]) из' марие д͞ви[h])
y od todou paki chotet priti sa slavoye souditi zsivim
и от тоудоу паки хощет' прити са славою соудити живим'
y mrtvim] jegose cessarstviiou[i]) ne boudet concza y doucha
и мртви] егоже ц͞рствию не боудет' кон'ца и д͞ха
sveta gospoda zsivo tvoretsago yschodestsago odt odza[a]) y sina
с͞та г͞а живо творе͞щаго ис'ходещаго от о͞ца и сина
ise sa otsem i sinom ravno[j]) spoclanajetse y slavoie[m]) ise
иже са оцемь и сином' рав'но[k]) споклане т'се[l]) и славою[mm]) иже

---

a) nad *s* oziroma *ss* hebrejski znak ה. — b) ob robu izven vrste *blaziena.* c) nad *cz* črka *c.*

a) nad *ss* oziroma *s* in *z* hebrejski znak ה. — b) ob levem robu izven vrste ponovljeno *bosia.* — c) и dodan ob robu izven vrste. — d) za а črtan н. — e) za бише znak, ki naj opozarja čitatelja na tu izpuščeni tekst, nahajajoči se na f. 75'. — f) za и нашего isti besedi še enkrat toda črtani. — g) с͞та dodano pod tekstom. — h) из' марие д͞ви črtano. — i) *ss* v *cessarstviiou* popravljeno iz *z.* — j) za črko *o* v besedi *ravno* črtano *m.* — k) za рав'но črtano м in beseda рав'но. — l) nad ет'се črtano *ieste.* — m) pod zadnjo črto na f. 76 *jetse y slavoie.* — mm) pod tekstom na f. 76 besede »ne trebe zapriti« ter »moutsenik y spowednik« z latinskimi znaki in trikrat glagolski znak ⰲ.

glagolal jest proroki jedinou swetou katolitsazkou[n]) y apostolzkou
глаль ест' пророки единоу стоу католичаскоу и апл'коу

czrikau yspowedaiou jedino krstenie vaostavleniye grechov
црикавь исповедаю едино крш'щение ваоставление грѣховь

tsekaiout vscrescheniia mrtvi zsiwota boudoutsako[o]) veki amen.
чекают' в'скрешенна мртви живота боудоущаго[p]) вѣки амнь.

f. 76' азь, боуки, види, глаголе, добро, есть, живите, зело, зем'ла, иже, и, ћe, како, люди, мислите, нашь, онь, покои, р'ци, слово, тр'до, оукь, фр'ть, хирь, оть,[a]) ш'ща, ци, чрвь, ша, ерь, ꙗть,[b]) юсь.

f. 76' veroiu v boga ocza vsemogoutsago tvorcza nebou y zemlie
вѣроую в' ба оца в'семогоущаго твор'ца невоу и змли

y va issu crista sina iego iedinago yse potset jest ot[a]) doucha
и в' исха сна его единаго иже почеть е от дха

sveta roien yz marie deui moutschen pri ponetasceme pilate
ста роень из' марие дви мчень при пон'тас'цемь пилате

f. 77 raspet mrtave y pogreben snyde v ade y v treti dan
рас'петь мртавь[aa]) | и погребѣнь сниде в адь и в' трети днь

vskrse[b]) ot mrtvich vzide na nebessa[c]) y sedit o desnoiu boga
в'скр'се от мртвихь в'зиде на небеса и седит'[d]) о десною ба

ocza boga vsemogoutsago[e]) ot toudou paki chotiet priti se
оца бога в'семогоущаго от тоудоу паки хощеть прити са

slavoiu ssouditi[c]) zsyvim i mrtvim veroiou v doucha svetago
славою[f]) соудити живимь и мртвимь вѣроую в' доуха стаго

y svetou czrikav katolitsaskoiou svetich opczinou otpoustsenge
и стоу црикавь католичаскоую стих' опщиноу отпоуш'щение

grechou plti vskreschenye v zsiwote wetschny.
грѣхов' пл'ти в'скрешение в' животь веч'ни.

Beograd.

Milko Kos.

---

[n]) pred *katolitsazkou* črtano *ka*, nad *z* v tej besedi hebrejski znak ה. — [o]) prvi *u* v *boudoutsako* črtan. — [p]) боудоущаго in latinska transkripcija dodano ob robu izven vrste, v vrsti боудщаго brez latinske transkripcije.

[a]) ob robu izven vrste: »ѿ ista littera non ponitur in diccionibus sed servit pro numero.« — [b]) nad ꙗть napisano *ia*.

[a]) pred *ot* črtano *od*. — [b]) prvi *s* popravljen iz *z*, za *k* črtano *e*. — [c]) nad *s* oziroma *ss* hebrejski znak ה. — [d]) za н izradirani najmanje dve črki. — [e]) ob robu izven vrste *moutsiago*. — [f]) са славою prečrtano. — [aa]) pod tekstom na f. 76' besede »krstiteli baptista« in »quam nego« v latinici.

Der vorromanische Kirchenbau der Westslawen.

Wir haben bisher keine Methode, die erlaubte, darüber zu urteilen, ob Europas Nordvölker: Kelten, Germanen und Slawen beim Eintritt in das Christentum, sich wirklich, wie man gern annimmt, vor dem neuen Joche, das ihnen durch Bischöfe und Klöster mit der Einführung eines bestimmten Kirchentypus, des basilikalen, aufgelegt wurde, beugten oder zuerst doch im Bauen und Ausstatten eigene Wege gingen. Ich bin durch die Sachlage in Armenien, »Die Baukunst der Armenier und Europa«, 1918, darauf aufmerksam geworden, daß zum mindesten in solchen Ländern, in denen das Christentum früher als in Rom Staatsreligion wurde, vom Längs-, bzw. Basilikenbau unabhängige Kirchenformen sich durchsetzen und dauernd behaupten konnten. Später machte ich dann im germanischen Norden Europas bei Bearbeitung des Holzkirchenbaues die Beobachtung, daß die glatte Annahme seines verdientesten Bearbeiters, Dietrichsons »Die Holzbaukunst Norwegens«, die Stabkirche sei nichts anderes, als die Übertragung der romanischen Basilika auf den Holzbau, einer der verhängnisvollsten Irrtümer der kunstgeschichtlichen Forschung ist. Die Humanisten haben seit jeher angenommen, die »Barbaren« des Nordens könnten, was sie an Kulturwerten besaßen, nur von Süden, bzw. von Rom erhalten haben. In Norwegen handelt es sich um Mastbauten des Mittelalters. Die aus den letzten Jahrhunderten stammenden Holzkirchen der Slawen und Finnen in Osteuropa werden erst recht als Nachahmungen des Byzantinischen oder westeuropäischer Stile angesehen, vom Romanischen angefangen bis zum Barock, je nachdem es sich um Längs- oder Kuppelbau handelt.

Mit diesen Scheuklappen vor Augen schreibt man ein kunstgeschichtliches Buch nach dem andern. Armenien, Norwegen und das slawische Europa scheinen aber auf eine andere Auffassung hinzudrängen, die der Jahrhunderte lang gewahrten humanistischen geradezu entgegengesetzt ist und schon im Anschluß an die Beobachtungen am griechischen Tempelbau hätte auftauchen können, die Überzeugung nämlich, daß der Norden im Bauen maßgebend war und immer wieder durch den vom Norden nach dem Süden

vordringenden Holzbau Entwicklungen im Rahmen des Bauens im Süden angebahnt wurden, die wir in ihrer vergrößerten Steinform nicht wieder erkennen und nachahmen, als wenn sie von vornherein südliches Kunstgut gewesen wären. Man täte gut, die Spuren des Holzbaues selbst noch in den Anfängen der christlichen Kunst bei Kelten, Germanen und Slawen etwas genauer zu untersuchen. Dazu sei hier eine Anregung gegeben.

Einer Einladug des Seminares für slawische Philologie der čechischen Universität in Prag folgend, habe ich am 15. März 1924 in einem Vortrage darzulegen versucht, wie mir gerade das Gebiet der Čechoslowakei wichtig dafür erscheine, die erhaltenen Holzkirchen nicht länger zu vernachlässigen und in dem Glauben, sie seien nichts anderes als der Beachtung kaum werte Nachahmungen von Steinbauten, in der Kunstgeschichte unbeachtet zu lassen. Sie bleiben dann ganz unbearbeitet, weil die Vorgeschichte und Volkskunde sie ebenfalls beiseite lassen in der Annahme, sie hätten eigentlich mit der prähistorischen Archaeologie und der rein ethnologischen Forschung nichts mehr zu tun. Mir scheint die Zeit nicht fern, in der wir gegen den Willen der herrschenden kunstgeschichtlichen Lehrkanzeln einen Neubau des Faches und zwar gerade auf Grund des nordischen Holzbaues vornehmen werden. Dann dürfte sich öfter der Norden, nicht der Süden als der in der künstlerischen Entwicklung maßgebende, aber von den Willensmächten des Südens, nicht zuletzt eben auch von den heute noch vorherrschenden Humanisten in seiner Eigenart zurückgedrängte Teil in den Vordergrund stellen, besonders wenn wir auch in Entwicklungsfragen etwas andere Verfahren als die sehr einfachen philologisch-historischen anzuwenden beginnen.

Ich muß daher jenes Justus Möser von Osnabrück gedenken, der im Jahre 1768 in seiner Osnabrückischen Geschichte aus der erhaltenen Bodenwirtschaft Rückschlüsse auf die Zustände der alten Germanen zog und auf ganz andere Gedanken kam, als sie die Humanisten womöglich noch heute vorzutragen pflegen. Die Nordländer waren im zivilisatorischen Sinne Barbaren, aber den späten Römern an innerer Kultur überlegen. Das hat schon Tacitus erkannt. Besonders im Gebiete der Bildenden Kunst läßt sich das allmählich augenscheinlich beweisen, wenn man nur erkennt, daß eben zunächst nicht der Steinbau und die Darstellung mit Hilfe der Menschengestalt entscheidet, vielmehr ebenso künstlerisch und vielleicht höherwertig schaffen kann, wer sich des Holzbaues bedient und überhaupt nicht darstellt,

sondern lediglich durch Linien, tonigen Flächenschnitt und Farben schmückt. Das gilt sowohl für die Germanen wie für die Slawen. Wir kommen in der Forschung nicht weiter, weil wir immer nur das Ideal des Südens, den Steinbau und die Darstellung vor Augen haben, den Holzbau aber und den Schmuck ohne Menschengestalt mißachten. Die Kunstgeschichte wird, was an alten Stickereien und ähnlichen Erzeugnissen des slawischen Hausfleißes erhalten ist, ebenso ernst nehmen müssen, wie Bilder und Statuen [siehe Note[a]) auf Seite 446]. Darauf will ich heute nicht eingehen, denn es ist noch viel mehr an der Zeit, daß man die Fragen durchzudenken beginnt, die sich aus den immer spärlicher erhaltenen Holzkirchen ergeben. Auf sie allein möchte ich mich beschränken, indem ich von dem zweistündigen, durch reiche Abbildungsbelege erhärteten Prager Vortrag auf Einladung des Kollegen Murko hier einen kurzen Auszug gebe.

Die Methode, mit der wir in die Betrachtung des ältesten čechischen Kirchenbaues eintreten, ist nur zum kleinsten Teile die übliche, die sich vorwiegend womöglich auf die schriftlichen Quellen stützt. Zwar sind auch sie wertvoll, wenigstens bezeugen die von der Kunstgeschichte leider gänzlich vernachlässigten nordliterarischen und Rechtsquellen für den Norden eine blühende und reich geschmückte Holzbaukunst, die durchaus führend gewesen sein muß, bevor vom Süden her der Quaderbau — der Steinbau an sich ist auch im Norden heimisch — Eingang fand. Ich gehe darauf nicht ein, obwohl es auch čechische Quellen gibt, die für die Bedeutung des Holzbaues als der ursprünglichen Bauart der Slawen verwendet werden können.[1]) Vergleiche darüber Niederle, »Život starých Slovanů«. Schon Weinhold »Altnordisches Leben« Berlin 1856 hat mit der Bearbeitung ähnlicher Quellen begonnen. Daraus hat Semper, »Der Stil«, geschöpft. Wie unverantwortlich hat die kunstgeschichtliche Forschung seither alle nationalen Quellen als chauvinistisch vernachlässigt! Noch im 14. Jhdt. ist die Frage im Burgenbau nicht entschieden, ob Holz oder Stein in Anwendung kommen solle. Man lese das von Faifalik mitgeteilte Gedicht des Smil Flaška von Pardubic »Nová rada«, worin der Biber zum jungen Könige sagt: »Folge König meinem Rate, baue dir starke Burgen ganz von Holz und ohne Steine, achte nicht darauf, ob sie auch nicht fest sind«. Die Schwalbe sagt dazu: »Ich rate von Holz nicht zu bauen, noch an Sümpfen oder im Wasser, willst du vor Schaden dich bewahren«. (Vgl. dazu Venantius Fortunatus, Carm. IX, 15.)

[1]) Vgl. Cosmas, M. G. SS. IX 47, Z. 17—27.

Ich habe es hier lediglich mit dem Kirchenbaue zu tun; auch da wird es gewiß wie für die deutschen so auch für die westslawischen Länder selbst lateinische Quellen geben, die den Bestand von Holz- vor den Steinkirchen bezeugen. Viel wichtiger scheinen mir die heute noch im Stein- und Holzkirchenbau greifbaren Spuren der Čechoslovakei. Bei dem Versuchsvortrage in Prag ergab sich der Eindruck, daß auch die Holzkirchen doch wohl einer näheren Prüfung wert sind. Ich kann diese nicht durchführen; vielleicht aber werden gerade die Prager kunsthistorischen Kollegen sich überzeugen lassen und der Sache mit den staatlichen Mitteln, die ihnen zur Verfügung stehen, nachgehen. Ich wäre dankbar, wenn auf diesem Wege die noch aus altösterreichischer Zeit stammenden Schulgegensätze verschwinden wollten.

Es darf auch hier nicht versäumt werden, ausdrücklich zu sagen, daß es sich nachfolgend lediglich um Fragestellungen und Anregungen, nicht um Antworten und Lösungen handeln kann. Ein Forscher, der im Gebiete der christlichen Kunst Jahrzehnte lang im Osten und zuletzt jahrelang im Norden gearbeitet hat, tritt vor die Denkmäler des ältesten čechischen Kirchenbaues: was beobachtet er da?

I. Kunde.

Es ist bisher nicht üblich, denkmalkundlich Steinbauten aus der Zeit um das Jahr 1000 mit Holzbauten zusammenzustellen, die aus der zweiten Hälfte des zweiten Jahrtausends stammen. Der Gesichtskreis wird dadurch so unerwartet verschoben, daß von vornherein als Grund angegeben werden muß, es bestehe dabei die Möglichkeit, die im Steinbau später verloren gegangene volkstümliche Bauweise der christlichen Anfänge noch im späten Holzbau am Leben erhalten nachzuweisen. Ich sende diese Bemerkung überdies deshalb andeutend voraus, um für den sehr bescheidenen Arbeitsstoff, den ich hier ausbreite, erhöhte Aufmerksamkeit zu erbitten und bespreche zuerst die Stein-, dann die Holzkirchen.

A. Die Typen der altböhmischen Steinkirchen.

Ich stütze mich bei meinen Beobachtungen in dieser Gruppe auf jene Zusammenstellung der ältesten čechischen Kirchenbautypen, wie sie F. J. Lehner im ersten, 1903 erschienenen Bande seiner »Dějiny umění národa českého« I. Doba románská, 1. Architektura, veröffentlicht hat. Zwar weiß ich sehr wohl, daß diese Bearbeitung nicht einwandfrei ist, finde aber gerade die Ergebnisse Lehners, auf die es mir ankommt, durch alle fachmännischen Arbeiten, ins-

besondere durch B. Grueber »Die Kunst des Mittelalters in Böhmen« 1871 f. bestätigt. Auch in Mähren gibt es Belege, die A. Prokop »Die Markgrafschaft Mähren in kunstgeschichtlicher Beziehung« Wien 1904 zusammengestellt hat. Darnach ist es außer Zweifel, daß die christliche Baukunst in diesen Ländern nicht mit dem dreischiffigen Längsbau beginnt, sondern mit kleinen Bauten, die eine ungeteilte, entweder kreisrunde oder rechteckige, öfter quadratische Gestalt zeigen. Lehner hat S. 171 eine Zusammenstellung der sechs, bzw. drei Typen geboten, die ich nachfolgend benütze, ohne auf das einzelne Denkmal einzugehen. Man wird daher für die eigentliche Denkmalkunde immer diesen ersten Band Lehners zur Hand haben müssen. Ich lege das Hauptgewicht auf den Vergleich mit dem Holzbau und werde nur da auf das einzelne Denkmal zurückgehen, wo die Typenreihe Lehners einer Nachprüfung bedarf.

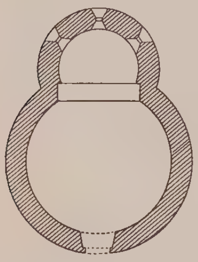


Abb. 1: Typus I.

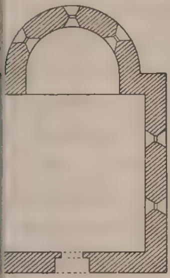
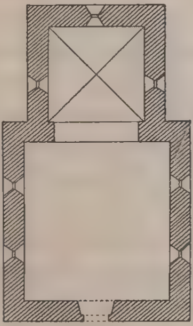
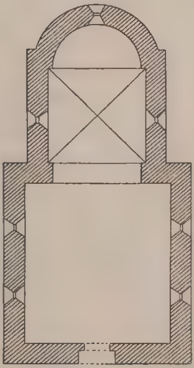
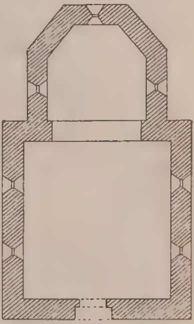
a) Rundbauten (Typus Lehner I.).

Abb. 1 zeigt eine kreisrunde Mauer, der sich im Osten eine hufeisenförmige Apsis anschließt. Soweit komt der Typus wiederholt einzeln vor, nur für die Lagerung der Fenster, drei in der Apsis, und die Tür in der Mittelachse ist eine ideale Lösung angenommen; ihre Anbringung wechselt in Wirklichkeit. Den böhmischen Beispielen solcher Rundbauten schließen sich andere in Mähren an. Aber auch weiter östlich sind sie zu finden. So gehört hierher die kleine Rundkirche, die hinter einem gotischen Gemeinderaum vom Ende des 15. Jhd. in Horjany bei Užhorod in der Ostslowakei besteht. Darüber liegt eine Monographie von F. Zapletal »Horjanská rotunda«, Olomouce 1923 vor die zeigt, daß es sich um einen alten um 1400 entstandenen Sechspaß von der Art handelt, wie ich ihn »Die Baukunst der Armenier« S. 126, 489 f. und 781 f. besprochen habe. In demselben Werke wird man S. 774 auch die auf dem Wawel in Krakau ausgegrabene Kirche in Vierpaßform nachsehen können, die aus vier runden Konchen um ein Mittelrund besteht, also in gewissem Sinne bereits zu den Konchenquadraten überleitet.[1]) Vgl. darüber das Armenienwerk S. 99 f., 484 f., und 771 f. Ich kann bei allen diesen sehr beachtenswerten Denkmälern im vorliegenden, kurz einführenden Aufsatze

[1]) Auf die mehr westlich gelegenen, besonders auch die deutschen Beispiele dieses Typus gehe ich hier nicht ein.

nicht verweilen. Es ist bezeichnend, daß an den runden Steinbauten nur runde Apsiden vorkommen.

Zur Entstehungszeit bemerkt Lehner, daß die älteste Kirche dieser Art, die 874 von Bořivoj und dem Priester Kaich auf dem Levý Hradec erbaute Klemenskirche gewesen sei, die noch im 12. Jhd. bestand. Die zweite, erhaltene Kirche dieses Typus auf der Burg Budeč errichtete Spytihněv (895—912), der Sohn Bořivojs; sie hat 8,07—8,48 m Kuppeldurchmesser. Die dritte Rotunde wurde vom hl. Wenzel (928—935) auf dem Hradschin für die Reliquien des hl. Veit erbaut; für sie sei ausdrücklich eine Laterne mit Fenstertromme[1] bezeugt, worauf Lehner wegen des angeblich byzantinischen Ursprunges

bb. 2: Typus II. Abb. 3: Typus III. Abb. 4: Typus IV. Abb. 5: Typus V.

der ganzen Gruppe Gewicht legt. An diese Rotunde baute man vor dem Westportal eine zweite für den hl. Adalbert (vgl. Holubice). Noch erhalten ist die runde Martinskapelle auf dem Vyšehrad von Boleslav II. (967—999) mit 6·50 m Kuppeldurchmesser. Dieselbe Größe hat Sv. Kříž menší in Prag. Endlich in Mähren die Katharinenrotunde auf der Burg von Znaim u. a. Diese Kirchen bezeugen nach Lehner S. 230, daß die altböhmische Rotunde gegen Ende des 9. Jhd. aufkam, sich im Laufe des 10. Jhd. zahlreich über Böhmen und Mähren verbreitete und um die Mitte des 11. Jhd. ihre Laufbahn im Wesentlichen vollendet hatte.

b) Quadratische Bauten (Typus Lehner 2—5).

Was Lehner Abb. 2—5 als vier Typen rechnet, ist tatsächlich nur ein und derselbe Typus mit vier verschiedenen Apsiden. Ich werde mich also zuerst mit dem quadratischen Einraum, den er zeichnet, zu beschäftigen haben. Sobald man sich mit den tatsächlichen

Beispielen beschäftigt, die er S. 238 f., gibt, zeigt sich, daß das Quadrat an sich selten vorkommt, vielmehr Räume vorwiegen, die dem Quadrat zwar bisweilen nahekommen, aber in der Mehrzahl eigentlich Rechtecke mit ausgesprochener Richtung nach der Apsis sind. Wenn ich trotzdem die Bezeichnung »Quadratische Bauten« beibehalte, so geschieht es nur, weil ich sehe, daß Lehner — bewußt oder nicht — etwas getan hat, was wahrscheinlich entwicklungsgeschichtlich richtig ist. Doch davon später. Im Texte nennt er sie rechteckig und lobt die »basilikale« Anlage, die jede Erweiterung erlaubt habe. Bei Besprechung der Einzeldenkmäler wird dann freilich das Wort quadratisch oder ungefähr quadratisch verwendet. Jede Kirche zeige Abweichungen. Es scheint ihm nach der Typenreihe das Quadrat als latenter Idealtypus vorgeschwebt zu haben.

Die quadratischen, bzw. rechteckigen Bauten zeigen dreierlei Arten von Apsiden. Lehner hat deren sogar viererlei gezeichnet, doch möchte ich nur die runden, quadratischen und die aus drei, bzw. fünf Seiten eines Achteckes gebildeten Apsiden in Betracht ziehen, weil die runde Apsis mit dem Vorchor (Lehners Typus IV) m. E. schon eine Bildung ist, die kaum zu den ursprünglichen gehört Lehner geht so ausführlich gerade auf diesen Typus ein, daß darüber sogar die Langhausbildung zu kurz kommt. Es wird sich später zeigen, warum ich im Gegensatz zu ihm auf die andern Typen und auf die Decke des Langhauses das Hauptgewicht lege.

Es handelt sich hier um die weitaus umfangreichste Gruppe, die Lehner nach den vier Apsistypen ordnet und S. 238—361 mit zahlreichen Abbildungen vorführt. Leider legt er nicht genug Gewicht auf die Feststellung der Deckenbildung. Sicher ist für alle nur, daß sie das Sparrendach haben; aber wie die Decke gebildet ist, zeichnet Lehner zumeist nicht ein, so daß eine flache Holzdecke wahrscheinlich wäre, wie sie tatsächlich seine Innenansicht Abb. 87 von Dolní Chabry gibt; daneben das Kreuzgewölbe in seiner Abb. 74 in S. Georg der Prager Burg. Für die Untersuchung wäre wichtig festzustellen, wie es mit der Tonnenwölbung steht. Daß Lehners Aufnahmen in diesem Punkte nicht verläßlich sind, geht, um nur zwei Beispiele anzuführen, hervor aus seiner Abb. 100 (Dobrš), wo im Text eine Tonne erwähnt wird, die im Grundriß nicht eingezeichnet ist, ebenso Abb. 90 (Čáslav).

Über die Zeitstellung sagt Lehner, die quadratischen, bzw. rechteckigen Kirchen tauchten gleichzeitig mit den runden in den Uranfängen des Christentums im 9. Jhd. auf, im Gegensatz zu diesen

ohne feste Datierung. Sie könnten wohl die breite Masse dargestellt haben, die erst den fest datierten großen Kirchen seit der Mitte des 12. Jhd. weicht.

c) Konchenquadrate (Lehner Typus VI).

Ich nenne so Typus Abb. 6, den man gern als Zentralraum mit zentral angelegten drei, bzw. vier Apsiden bezeichnet. Die Begründung habe ich bereits in meinem Armenienwerke gegeben und möchte hier nicht nochmals darauf eingehen. Hauptsache in unserer Frage ist, daß der »Zentralraum« quadratisch ist. Welche Form die »Apsiden« haben, ist eigentlich Nebensache, wenn sie nur als Verstrebungen des Hauptraumes gelten können, der gegen sie nicht mit einer festen Wand, sondern öfter lediglich latent im Raum abgegrenzt erscheint.

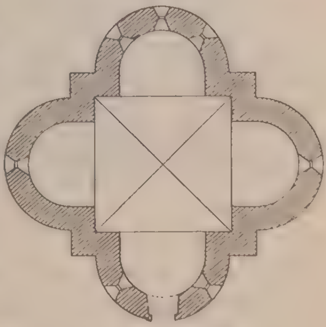


Abb. 6: Typus VI.

Zunächst können die an das Quadrat angefügten Apsiden halbrund sein, dann sind es richtige Konchenquadrate. In Prag selbst war von dieser Art die Johanneskirche »na Zábradlí« in der Altstadt, die leider 1896 niedergerissen wurde. Lehner gibt obr. 185—8 Abbildungen davon. Sie war doppelt wichtig wegen der in ihr gefundenen Inschrift H . rm . . . ep . . . . .; Herman war Bischof 1099—1122. Eine ähnliche Anlage des 12. Jhd. hatte die Kirche von Řeporyje bei Prag, die in der Barockzeit völlig umgebaut wurde. Lehner gibt den alten Grundriß. Das Quadrat hat 7·10 m lichte Weite, die Apsiden 4·22 m. Außer dem Grundriß hat sich der ganze Westteil erhalten mit einer in der ursprünglichen Höhe durch eine Konche überwölbten Apsis. Danach stellte Lehner die ganze Kirche wieder her. Mit 1·30 m dicken Mauern hob sich das Mittelquadrat über die seitlichen Konchen empor und trug ursprünglich eine Kuppel, wie man sie heute noch in einer dritten Kirche dieses Typus, in Řeznovice erhalten sieht.

Dieser mährische Bau von Řeznovice, eine Peter und Paulkirche, ist fast unbeschädigt auf uns gekommen (Prokop, I S. 123 Fig. 153—5); es fehlt nur die vierte Konche an der Westseite, an deren Stelle wie durch Ausgrabungen unter dem jüngeren Langhause festgestellt wurde, ein quadratischer Vorraum lag. Der Bau soll um 1109 errichtet sein. Er zeigt heute über dem Mittelquadrat eine flache

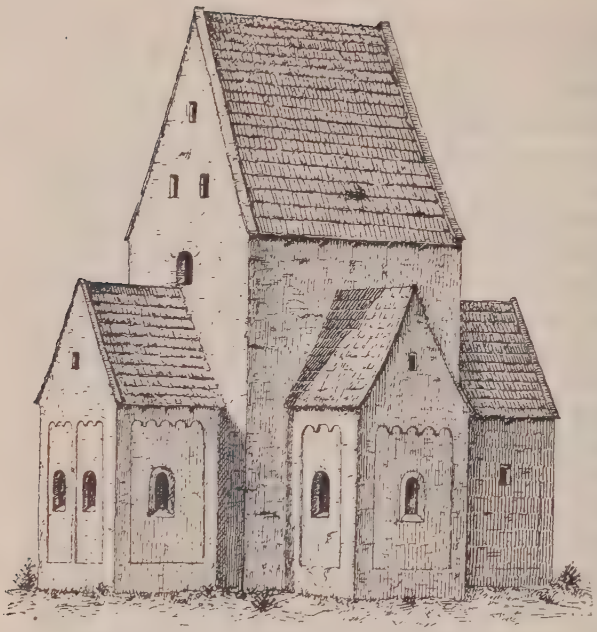


Abb. 7. Vlňoves: Steinkirche.

Kuppel, wie Prokop, ein Kreuzgewölbe, wie Lehner sagt. Wahrscheinlich ist es jüngeren Ursprunges. Immerhin wäre wichtig, wenn darüber genauere Untersuchungen eingeleitet würden. Prokop nimmt an, daß die Doppelfenster des achtseitigen Tambours einst das Innere beleuchtet hätten. Wäre die Ansicht von Lehner richtig, daß das Kreuzgewölbe unter der Achteckkuppel alt ist, dann hätten wir den Fall wie in Finnland, wo in Kuppelräumen kein Oberlicht zu finden ist.

Sehr eigenartig ist ein letztes Beispiel dieses Bautypus in Böhmen, die Kirche von Vlňoves, die Lehner S. 372 vorführt. Sie zeigt typisch den quadratischen Mittelraum, der sich nach den vier Kreuzarmen öffnet, hier nur nicht in der Form von Konchen, sondern in rechteckigen Ausbauten (Abb. 7, 8). Auch diese Kirche ist leider zerstört worden. Die Außenansicht, die Lehner gibt, zeigt den Mittelteil turmartig emporragend und überraschend gedeckt nicht mit einer Kuppel, sondern mit

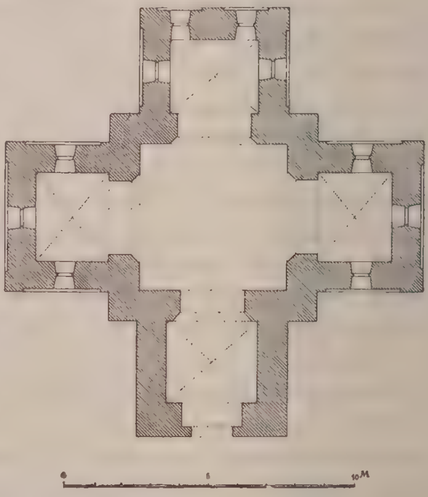


Abb. 8. Vlňoves: Steinkirche.

einem Satteldach zwischen den im Osten und Westen hoch in Giebeln aufsteigenden Wänden. Dadurch ist dem Äußern der Eindruck des reinen Zentralbaues genommen. Wie die Decke im Innern zu denken ist, darüber zeichnet Lehner nichts in den Grundriß ein, aber im Text, sagt er, da das Quadrat vor der Zerstörung nicht mehr das ursprüngliche Kreuzgewölbe gehabt habe, sei es mit einer flachen Decké versehen gewesen.

B. Typen der bei den Westslawen nachweisbaren Holzkirchen.

Ich muß ausdrücklich bemerken, daß ich die Holzkirchen der Westslawen ebensowenig wie die vorromanischen Steinbauten aus eigener Anschauung kenne; vielmehr baue ich lediglich auf dem Arbeitsstoffe, der mir durch Veröffentlichungen zugänglich ist. Die oben angeführten Werke von Grueber und Prokop bringen in späteren Abschnitten auch mehr oder weniger ausführliche Angaben über die Holzkirchen. Dazu kommen wertvolle Beispiele aus Schlesien, die ebenfalls seit längerer Zeit bekannt, aber noch weniger beachtet wurden, als die böhmisch-mährischen Denkmäler. Burgemeister z. B. in seiner zusammenfassenden Arbeit »Die Holzkirchen und Holztürme der preußischen Ostprovinzen« 1905, darunter auch Schlesiens, hat nicht bemerkt, daß gerade die ältesten Beispiele in Schlesien eine eigenartige Bauform beobachten lassen, die in Spuren auch in Mähren und Böhmen nachweisbar ist. Man muß abwarten, ob in der eben erscheinenden »Dějepis výtvarného umění v Čechách« von diesen Dingen gesprochen werden wird. Ich gehe nach den drei Ländern Böhmen, Mähren und Schlesien vor, ziehe aber ausschließlich die Blockbauten heran, lasse also die in Ständerwerk mit Bretterverschallung errichtete Kirche Maria unter den Linden in Braunau[1]) bei Seite. Sie steht in den Ausläufern des Glatzer Gebirges, in dem 1866 noch einige kleine Holzkirchen bestanden, die Grueber 1871 nicht mehr fand.

Während ich mich bei den Steinbauten auf die Vorführung der Typen beschränken konnte, weil dafür die ausführliche Bearbeitung von Lehner vorliegt, muß ich bei den Holzkirchen die einzelnen Beispiele geben und selbst erst Ausschau nach nachweisbaren Typen halten

a) Quadratische Bauten.

In Böhmen haben nach Grueber (S. 103) im Jahre 1830 noch 25 Holzkirchen im Inneren des Landes bestanden, die ausnahmslos

---

[1]) Mir sind die jetzigen Namen nicht bekannt. Es ist ein schweres Arbeiten wie in Finnland, wo finnische und schwedische Namen bisweilen nebeneinander bestehen.

verschwunden seien. Heute gäbe es noch welche an den Grenzen, darunter keine Pfarrkirche. Burgemeister zählt elf, Wesser »Der Holzbau mit Ausnahme des Fachwerkes« Berlin 1903, zwölf Beispiele auf. Grueber (S. 3) anerkennt, daß der Holzbau seit uraltester Zeit eine Hauptrolle gespielt habe, seit beinahe hundert Jahren aber verboten sei. Er meint den Hausbau, der im nordöstlichen Böhmen Blockbau, im Südwesten bis Budweis nach Tiroler Art, im Nordwesten im deutschen Fachwerk ausgeführt worden sei. Von »Holzkirchen« wird gern die Bartolomäuskirche von Koči bei Chrudim (Grueber III. S. 143) genannt, die wegen ihrer Befestigung Beachtung verdient, aber in Holz ausgeführt nur einen Blockturm zeigt.

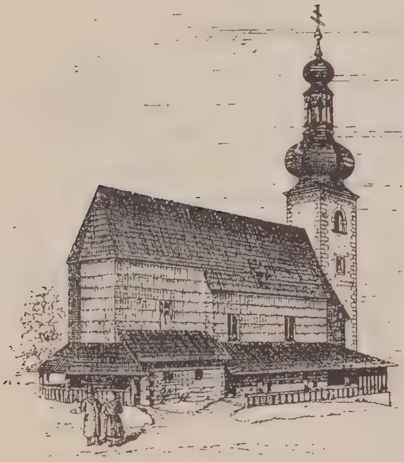


Abb. 9.

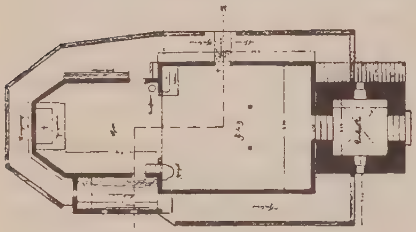


Abb. 10. Seitendorf: Holzkirche.

Besser steht es in Mähren, über dessen Holzkirchen 1911 Joh. Ullrich in den Mitteilungen d. Erzh. Rainer Museums in Brünn XXIX, 113f, berichtet hat. Von 32 im 18. Jhd. nachweisbaren Holzkirchen seien noch acht erhalten. Dazu macht Ullrich Mitteilungen über Abtragungen und Brände. Ich stelle an die Spitze die 1898 abgebrannte Kirche von Seitendorf bei Neutitschein. Sie wurde nach Grueber 1451, nach Ullrich 1448 gebaut und 1488 durch den Olmützer Weihbischof Andreas geweiht. Ullrich bringt noch eine alte Photographie. Ich gebe die Aufnahmen nach Prokop Fig. 608—9 (Abb. 9—10). Ullrich beschreibt: »An das 10·43 m lange und 7·60 m breite Schiff schloß sich ein etwas schmäleres Presbyterium von 5·87 m Länge, das nach Osten im Sechsort (?) endete. Chor und Schiff hatten dieselbe Anordung des Dachstuhles, der somit für beide einen gemeinsamen First ermöglichte«. Der Steinturm war jüngeren Ursprunges. Um die

Kirche, deren Aussenwände mit Schindeln bekleidet waren, zogen sich seitlich offene Holzgänge herum, in die nördlich auch die Sakristei eingebaut war. Der Gemeinderaum dieser Dorfkirche war also nicht ausgesprochen quadratisch. Über die Decke wird leider nichts berichtet. Der Apsisabschluß durch drei Seiten eines Achteckes ist bemerkenswert. Man vergleiche mit ihr die Kirche von Tannendorf, von der Grueber Fig. 616—17 Grundrißaufnahmen bringt Sie hatte einen rechteckigen Chor; ihr Ursprung im 15. Jhd. ist fraglich.

Abb. 11.

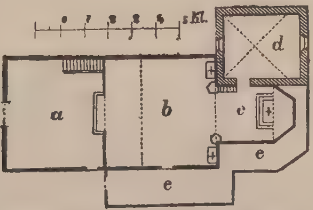


Abb. 12. Tychau: Holzkirche.

Die Kirche in Tychau bei Frankstadt gibt A. L. v. Wolfskron in Maßaufnahmen (Abb. 11—12)[1]. Er sagt von ihr, daß sie im Typus völlig übereinstimme mit Wietřkowice und Nesseldorf. Ich gebe die Beschreibung nach Ullrich, der auch Photographien bringt. »Auf quadratischer Grundlage von 8 m Seitenlänge erhebt sich in Form eines Pyramidenstumpfes der hölzerne Turm, der in der Höhe des Dachfirstes eine über die Seitenwände vorspringende Glockenstube trägt (Zwiebelabschluß jünger). Ebenso breit wie der Turm an seinem Fuße, dessen Unterbau eine geräumige, geschlossene Vorhalle bildet, ist das 9 m lange Schiff, an das sich das 5·60 m breite und 7 m lange Presbyterium mit drei Seiten eines Achteckes anschließt. Die Decke ist (5 m hoch) flach«. Die Kirche ist außen mit Schindeln bekleidet und hat an der Südostseite einen Laufgang. Diese Nikolauskirche wurde 1520 durch den Olmützer Bischof Stanislaus Grafen Turzo erbaut.

Die Andreaskirche von Hodslavice (Hotzendorf) gibt in Maßaufnahmen Prokop Fig. 611—13 (Abb. 13—15). Nach Ullrich besteht sie »aus dem 6·32 m breiten, 7·26 m langen und 5 m hohen Schiffe,

[1]) Mitt. d. Zentralcommission III, 1858 S. 88/9.

Abb. 13.

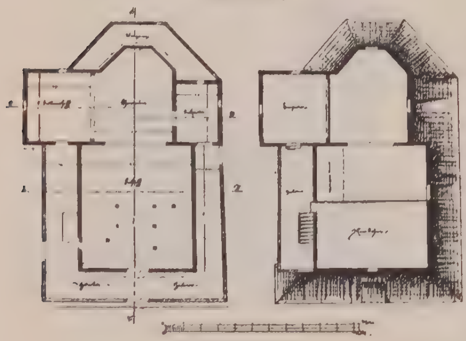


Abb. 14.

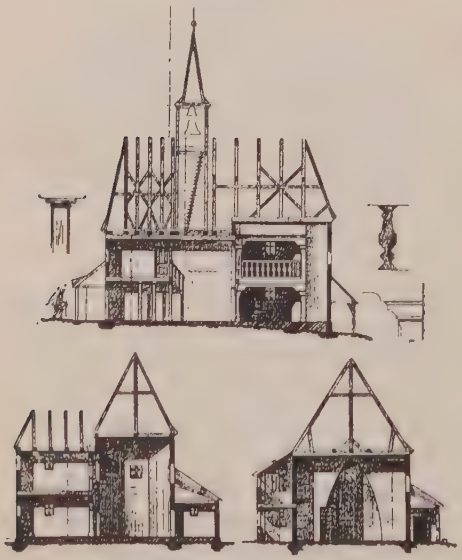


Abb. 15. Hodslavice: Holzkirche.

das einen Dachreiter trägt und einem 5·24 m breiten, 5·50 m langen und 6·18 m hohen, also höherem Chorraum. An diesen stößt ein 3·04 m breites und 4·10 m langes Seitenschiff, mit einer Empore überbaut und nach seiner ganzen Breite mit dem Presbyterium in offener Verbindung. Das Seitenschiff, sowie die gegenüberliegende Sakristei sind spätere Zubauten, durch welche der einst rings um die Kirche laufende Umgang durchschnitten worden ist. Sie wurde 1551 erbaut und ist des besseren Schutzes wegen ringsum mit senkrecht gestellten Brettern verkleidet (Heute weiß übertüncht).«

Ich begnüge mich mit diesen Beispielen aus Mähren, die also alle ein nahezu quadratisches Schiff zeigen. Das reine Quadrat kommt um so häufiger in Schlesien vor. Dort sind die meisten Holzkirchen nachweisbar. Das Visitationsprotokoll von 1679 und die Aufnahmen von Burgemeister dienen überdies als gute Führer. Die angeblich ältesten Bauten sind schon 1852 und 1856 von der Erbkam'schen Zeit-

Abb. 16. Smograu, Holzkirche.

schrift für Bauwesen veröffentlicht worden, allerdings unter Angabe märchenhafter Entstehungszeiten. So sollte die Kirche von Smograu (bei Namslau) laut Tradition 960 erbaut sein. Burgemeister nennt sie Schmorgrau und sagt, sie sei 1860 abgebrannt. Es befanden sich darin Bischofsgräber von 983, 1005, 1027 und 1036. Man wird der Sache notwendig nachgehen müssen. Aufnahmen sind in der Zsch. f. Bauwesen 1856 zu S. 356 auf Blatt 46 gegeben

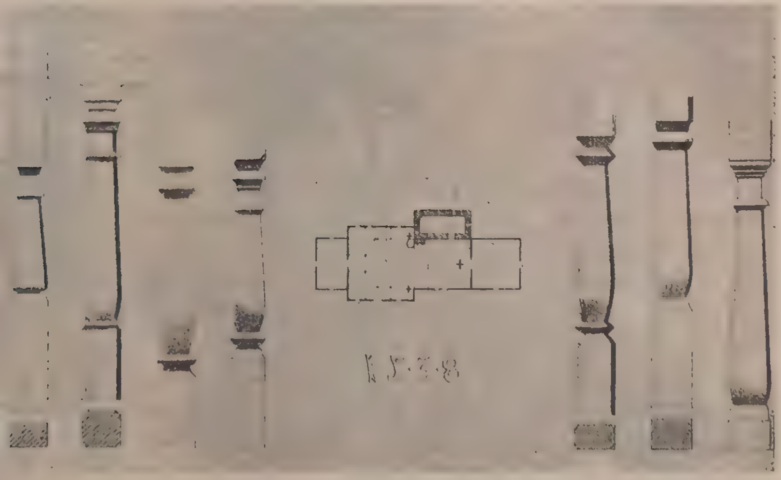


Abb. 17. Smograu, Holzkirche.

(Abb. 16—17). Die Beschreibung dazu von Cuno lautet im Auszuge: »Das Äußere der eigentlichen Kirche nebst Chor ist wohlerhalten in dunkelbrauner Farbe, von schwachem Schrotholz aufgeführt, aber ohne alle Verzierung, auch selbst ohne alle Vor-resp. Umbauten und Gänge, wie sie bei den Kirchen aus dem Jahre 1200 um Ratibor (davon später) sich finden. Wahrscheinlich ist, daß solche Hallen früher vorhanden gewesen. An den Aussenwänden bemerkt man nämlich Spuren von Einschnitten und Löchern im Holzwerk von Streben und Querriegeln. Die in der Ansicht und im Grundriß gezeichnete Tür war früher wahrscheinlich der Haupteingang, ist aber jetzt vernagelt und der Eingang durch die Vorhalle. Der Turm besteht aus einem Holzgestell mit Bretterverkleidung. Bie Bedachung ist von Schindeln. Eigentümlich und abweichend von allen ähnlichen Holzkirchen jener Zeit (?) ist hier die Stellung des Turmes in der Hinterwand des Chores hinter dem Hochaltar. Eine alte ganz einfache Tür mit der altgotischen Inschrift 1538 führt aus der Kirche in den Turm. Die Sakristei ist später gebaut und überwölbt worden«. Das Innere ist ganz entstellt. »Das Interessanteste und Originellste an der ganzen Kirche dürften die überaus unbedeutenden und geringen Dimensionen derselben sein, was zugleich der beste Beweis für die Kindheit der damals in der Entstehung begriffenen Bauweise und Religion abgibt. Die Kirche ist 25 Fuß lang, 23 Fuß breit, 13 Fuß hoch, die Altarnische 17 Fuß breit, 20 Fuß lang und 11 + 5 Fuß hoch. Das kleine Chor (Orgelchor) ist gar nur 5 Fuß hoch und kann man nur mit gebücktem Kopfe darunter stehen. Die Stützen des Orgelchores sollen, wie man erzählt, ebenfalls nur mit dem Beil und mit der Säge bearbeitet sein. Die Zeichnung gibt die noch vorhandenen Stützen nach genauer Aufmessung an, welche fast alle verschiedene Form haben. Einige derselben sind jedenfalls aus späterer Zeit«. Man sagte damals, »Smokrau« (Ort des Götzen Smok) sei die Hauptstadt Schlesiens und die beschriebene Kirche die älteste Kirche Schlesiens gewesen.

Schon 1852 brachte die Zsch. f. Bauwesen, Sp. 212, Bl. 44 die Kirchen von Syrin und Lubom bei Ratibor, angeblich 1204/5 datiert. Burgemeister stellt diese Zeitangabe richtig, Syrin sei zuerst 1305, dann 1510 erbaut, Lubom 1516. Syrin zeigt (Abb. 18—19) ein quadratisches Schiff und »eingezogenen geraden Chor. Durch flache Tonnen mit seitlichen wagrechten Anläufen überwölbt. Unter den Fenstern des ganzen Baues Flugdach, das am Chor weiter ausladet. Anänglich ohne Turm mit Spitzdachreiter. Geböschter Westturm mit

Abb. 18. Syrin, Holzkirche.

vierseitigem Zeltdach, später etwas seitlich aufgebaut. Bemerkenswert sind die etwas vorkragenden Nasen der Dächer«. Von Lubom (Abb. 20—21), das ebenfalls quadratischen Hauptraum hat, sagt Burgemeister in der Beschreibung S. 72: »Eingezogener gerader Chor. Ringsum Umgang. Abseits stehender geböschter Turm mit überhängendem senkrechtem Glockengeschoß. Auf dem vierseitigen Zeltdach eine Barockhaube«. Cuno sagt von diesen beiden und der Kirche von Bosatz, daß sie aus überaus starkem Eichenholzstämmen im Blockverbande erbaut und mit Schindeln eingedeckt und bekleidet seien. Die inneren Räume wären meist so klein, beengt und nur mit wenigen Sitzplätzen versehen, daß ein grosser Teil der Kirchengänger rings um die meist erhöht gelegene Kirche lagern oder im Laufgange geschützt stehen müsse. Die-

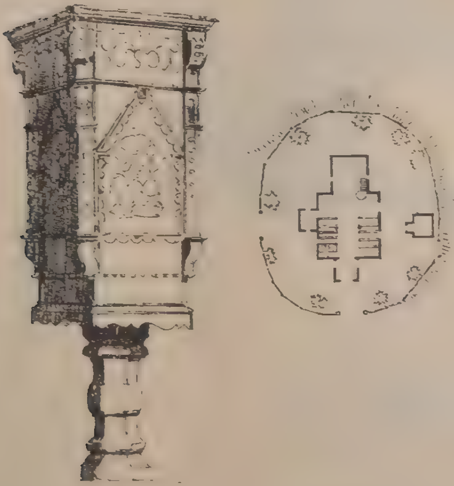


Abb. 19. Syrin, Holzkirche.

Abb. 20. Lubom, Holzkirche.

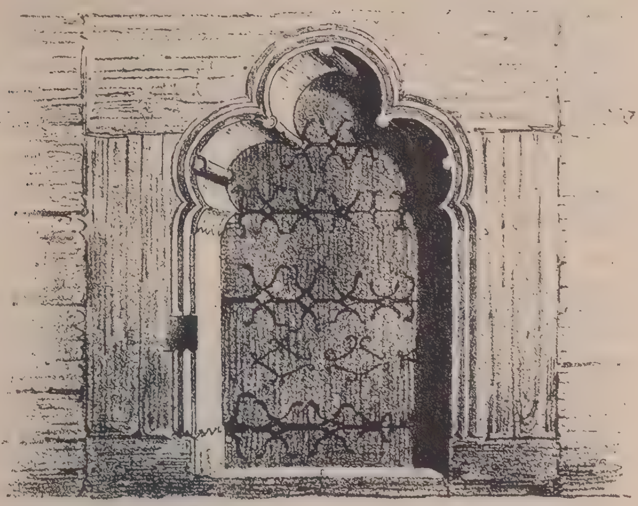


Abb. 21. Lubom, Holzkirche.

ser halte zugleich den Traufschlag von dem Holzwerke. — Ich habe diese einschiffigen Blockbauten in die Gruppe »Quadratische Bauten« zusammengefaßt, trotzdem einige wie im Steinbaue nur dem Quadrate nahekommen. Man nehme nun das Werk von (Wiggert und) Burgemeister- »Holz kirchen und die Holztürme der preußischen Ostprovinzen« zur Hand und blättere seine Aufnahmen auf 39 Tafeln durch und wird ausgezeichnete Beispiele gerade des rein quadratischen Typus finden, so in Pless,

Abb. 21a. Herzoglich-Zawada: Holzkirche.
(Vgl. Burgemeister, Nr. 116.)

Rogau, Bauchwitz, Ponischowitz, Mikluschütz-Beuthen, St. Rochus-Rosenberg, Nierder Belk, Georgenberg und Herzogliche Zawada (Abb. 21a). Burgemeister sagt S. 5, das Kirchenschiff sei ein rechteckiger Baukörper, vom Geviert bis zum langezogenen Rechteck kämen alle Verhältnisse vor. So zeige die Kirche im Rogau ein annäherndes Quadrat von rund 6·50 m Seite, die jetzt abgebrochene Kirche in Brinnitz habe dagegen bei 6·20 m Breite eine Länge von 17·50 m.

Abb. 22. Veiké Karlovice: Holzkirche.

Die vorgeführten Holzkirchen, sowie alle die, die man sonst z. B. bei Burgemeister veröffentlicht findet, zeigen östlich Apsiden, die gegen das Schiff eingezogen sind. Der Chor in gleicher Breite mit dem Schiff bildet in diesen Gegenden die Ausnahme (Vgl. Burgemeister S. 5). Dieser schmälere Chor ist entweder gerade oder aus drei, bzw. fünf Seiten eines Achteckes abgeschlossen, seltener sind drei Seiten eines Sechseckes genommen.

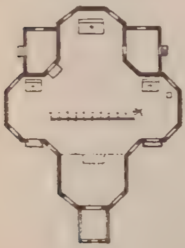


Abb. 23. V. Karlovice.

Über allen diesen quadratischen, bzw. rechteckigen Bauten liegt in der Richtung von West nach Ost ein Sparrendach, das heißt es tritt in der Werkart insofern eine Änderung ein, als nun nicht mehr der Blockverband der Wände fortgesetzt, sondern der Ständerbau dafür eintritt.

Was die Deckenbildung anbelangt, so haben wir außer den oben mitgeteilten Beschreibungen noch die ausdrückliche Angabe von Burgemeister S. 10, daß die meisten jetzt noch vorhandenen Holzkirchen mit gerader Decke überdeckt seien. Doch seien Holzdecken in gewölbter Form von alters her außerordentlich beliebt und bildeten wahrscheinlich die Urform. Wenn nicht die ganze Kirche, so sei oft der Chor bogenförmig verschalt.

c) Konchenquadrate.

Eine der mährischen Kirchen besitzt eine, wie schon Ullrich bemerkt, von sämtlichen Kirchen diser Gegend abweichende Grundrißanlage, die Kirche von Velké Karlovice. (Abb. 22—23 nach Prokop Fig. 614/5). Im Jahre 1752 errichtet, zeige sich an diesem Bau »der Einfluß der im 18. Jhd. beliebten Zentralbauten«. Die Kirche hat die Form eines griechischen Kreuzes. Die Ecken der vier Kreuzarme und der Vierung sind abgestumpft. Über der letzteren erhebt

Abb. 24. Jasinja: Holzkirche.

sich ein achtseitiger Dachreiter. Durch die Durchkreuzung der Arme entstehen Schiff, Querschiff und Presbyterium. In den zwischen letzteren und dem Querschiffarm ostwärts gelegenen Ecken sind zwei kleine Anbauten angeordnet. Umgänge fehlen gänzlich. Drei Eingänge, alle westwärts angelegt, führen in die Kirche, der eine in das Schiff, die übrigen zwei in die Kreuzesarme. In späterer Zeit wurde der Kirche bei dem Haupteingange ein als Windfang dienender Vorbau hinzugefügt. An den Außenseiten sind die Wände mit großen Schindeln verwahrt, im Innern aber mit weißer Ölfarbe angestrichen. Der Bau ist 22·28 m lang, 20·50 m breit und im Lichten 7 m hoch. Die Kirche soll aus den an Ort und Stelle gerodeten

Bäumen von den Pfarrkindern selbst, die mit ihrer Arbeit am 1. Mai 1752 begannen, errichtet worden sein. Am 15. August wurde in ihr die erste Messe gelesen.

Eine andere Gruppe von »Konchenquadraten« findet sich bei den Ostslawen, ich hätte also eingentlich mit ihnen in einer Arbeit

Abb. 25. Jasinja: Holzkirche.

über den vorromanischen Kirchenbau der Westslawen nichts zu tun. Trotzdem möchte ich etwas darüber sagen, erstens damit man sie überhaupt zum Vergleich vor Augen hat, uud dann, weil es solche Bauten auch auf dem Boden der Čechoslovakei gibt. Ich habe mich mit der Gruppe bereits »Die Baukunst der Armenier und Europa« S. 615 beschäftigt, und gebe hier nur Beispiele aus der Slovakei,

deren Kenntnis ich F. Zapletal verdanke. Zwei solche Kirchen stehen in Jasinja bei Marmaros Sziget. Man sieht in beiden eine achteckige Mittelkuppel, (Abb. 24/5 ohne die Glockentürme), etwa wie in der Steinkirche von Řeznovice, einmal mit höherer, einmal mit niederer Dachpyramide. In den Achsen münden in beiden Fällen gerade

Abb. 26. Ploske: Holzkirche.

geschlossene Kreuzarme ein, die nur verschieden ansetzen: einmal sieht man außen die Ecken des Mittelquadrates, das anderemal nicht. Um jede Kirche lauft ein freischwebendes Dach, das auf überkragenden Eckträgern ruht. Auch die Dächer der Kreuzarme sind gleich: ein abgesetzer Giebel, über dem ein Dachreiter aufsitzt. Man sagt am Orte, diese Kirchen seien aus Galizien übertragen. In der Tat

finden sich dort jenseits der Karpathen ganze Reihen verwandter Kirchen, die bis tief in die Ukraine gehen und jedenfalls von dort aus, soweit sie Konchenquadrate sind, zu betrachten wären. Darüber in meinem Armenienwerke. Für die galizischen Kirchen möchte ich auf den Aufsatz der Brüder Mokłowski in den Sprawozdania komisyi do badania historyi sztuki w Polsce VIII, 1907, S. 199 f. und die Antwort von Obmiński, ebenda IX, 1915, S. 401 f hinweisen; ebenso auf die zusammenfassende Arbeit von Feliks Kopera »Koscioly drewniane w Galicyi zachodniej« Krakau 1915.

Ich gebe noch eine jener Holzkirchen aus Karphatho-Russland, die eigentlich nicht mehr westlich, sondern durchaus östlich sind; es ist die Kirche von Ploske bei Munkacs. Sie zeigt (Abb. 26) den quadratischen Kuppelraum zwischen dem Turm im Hintergrunde, der von der Kirche getrennt zu denken ist und dem Altarhause, das unmittelbar an den Innenraum der Kirche anschließt, aber nicht rechtwinkelig, sondern mit jenen stumpfen Winkeln von 135 Graden also mit drei Seiten eines Achteckes schließt, den wir im Blockbau immer wieder für die Apsiden und Konchenquadrate verwendet sehen. Auf den fast chinesischen Charakter der Dachbildung hat schon Sokołowski anläßlich mancher galizischer Kirchen hingewiesen (bei Mokłowski S. 214). Man mag daraus die Anregung entnehmen, darnach zu fragen, wie weit wohl der Holzbau nach Osten hin in Eurasien verwurzelt sei.

II. Wesen.

Wir treten nun in einen planmäßigen Vergleich der Stein- und Holzkirchen ein, um festzustellen, ob zwischen den erhaltenen vorromanischen Stein- und den späten Holzbauten die Möglichkeit eines Zusammenhanges bestehe, bzw. welche Herkunftsmöglichkeiten sonst durch Vergleich mit anderen Kunstkreisen ermittelt werden könnten.

Ganz allgemein verbreitet ist die Meinung, die Holzkirchen seien einfach Nachahmungen der Steinkirchen. Was Dietrichson einst darüber vorgesagt hat, wird in Finnland ebenso wie von Burgemeister nachgeplaudert. Eine gerechte Untersuchung ist nie geführt worden. Hat wirklich der Holzbau längst alle Spuren einer zusammenhängenden Eigenentwicklung im Norden verloren, oder war eine solche gar überhaupt nie vorhanden? Da die Bejahung einer selbständigen Holzbaukunst — wie jeder dunkel empfindet — die weitgehendsten Folgen für den Aufbau der heute noch immer gültigen Kunstge-

schichte nach humanistischer Auffassung hätte, so läßt man die heikle Angelegenheit gerne ruhen. Ich denke, es wäre besser, wissenschaftlich ehrlich Stellung zu nehmen.

1. Rohstoff und Werk.

A. Steinwerk.

Die ältesten erhaltenen čechischen Kirchen sind Steinkirchen. Unter Steinkirchen verstehen wir im weiteren Sinne nicht nur solche, die in Stein gebaut sind, sondern auch Ziegelbauten. Aber nicht so sehr auf diesen Unterschied kommt es hier an, als darauf, ob die wirklich in Stein ausgeführten Bauten in Bruch- oder Feldsteinen (Findlingen) erbaut sind oder in Quadern. Meine Erfahrungen bei den Skandinaviern, Finnen und Kelten führen darauf, daß in der Zeit, in der wohl das Christentum angenommen, noch nicht aber die römische Kirche durch ihre Bischöfe und Mönche im Bauen mächtig wurde, der gewöhnliche Feldstein- oder Findlingsbau herrschend war. »Opere romano« bauen, wie Kosmas für den Bau der Burg Boleslavs II. bezeugt, heißt in Quadern bauen (Für Böhmen kommt die Frage, was daneben »manu gotica« — bauen heißt, nicht in Betracht). Von der Martinskapelle auf dem Vyšehrad sagt Lehner, sie sei aus Weißenberger Tuffstein in regelmäßigen Schichten erbaut. Alle diese Dinge müssen jetzt erst im Einzelnen genau untersucht werden. Jeder kennt den Streit, der sich um die von G. Semper in seinem Werke »Der Stil« vorgetragene Auffassung entsponnen hat, ob Rohstoff und Werk, dazu der Zweck maßgebend auf die Kunstform einwirkten. Das Für und Wider ordnet sich sofort, wenn man den Gegensatz von Nord und Süd in der Kunstentwicklung vor Augen hat und der Zeit, die vor der Eroberung des Nordens durch den christlichen Süden in der bildenden Kunst liegt, jene Gesinnung entgegenstellt, die im Norden herrschte, als er noch auf sich selbst gewiesen war.

Lehner spricht die ältesten erhaltenen Steinbauten für romanisch an wohl deshalb, weil bisweilen ihre Ausstattung die typisch romanische mit Rundbogen und dgl. ist. Sobald wir aber anfangen, Bauform und Ausstattung auseinanderzuhalten in dem Sinne, daß sehr wohl — man denke an die Renaissance — die Ausstattung ganz wo anders herstammen kann als die Bauform, werden die Zweifel daran wachsen, daß der Kreis und das Quadrat im Grundriß überhaupt als »romanisch« angesprochen werden dürfen. Es ist für mich allmählich zur Gewißheit geworden, beide Formen für älter als die romanische Längskirche anzusehen u. zw. führt schon die ein-

fache Wesensbetrachtung darauf, den Rundbau aus dem Steinwerk herzuleiten, den Quadratbau aus dem Holzwerk.

Den Beweis dafür, daß der Rundbau aus Bruch- und Feldsteinen tatsächlich (wie sonst aus Lehm u. dgl.) aus diesem Rohstoffe herstammt, erbringt die Mittelmeerkunst. Die Italiener haben noch im Weltkriege in den Alpen Rundbauten aus Stein auf dem gleichen Fels-Waldboden errichtet, auf dem ihre Gegner einige hundert Schritte gegenüber rechtwinkelig in Holz bauten. Wenn das Rund, wie bei den Čechen im Kirchenbau überhaupt typisch vorkommt, so entsteht die Frage, ob nicht die Verwendung des Steines an sich längst vor der Verwendung am christlichen Kirchenbau in einer anderen Zweckgestalt, etwa dem Wehrbau üblich war und von dort übernommen wurde.

Man kann wohl mit Sicherheit nur eines sagen, daß wie das Holz die Rundform ausschließt, der Stein sie ermöglicht. Bei solchen Fragen ist freilich die Voraussetzung der einfachsten Form als am Anfange stehend lediglich Annahme. Die Maschinentechnik beweist das Gegenteil als zu Recht bestehend, daß nämlich die einfachste Lösung auch erst das Endergebnis sein kann. Beim Rundbau in Stein müßte noch sonst ein Anstoß vorgelegen haben. Ob das nun die bessere Verteidigungsfähigkeit des Rundes oder die gegebene Eindeckungsmöglichkeit durch die aus dem Zylinder naturgegeben herauswachsende Kuppel oder endlich irgendeine Bedeutungsvorstellung war, vielleicht im Zusammenhange mit dem ursprünglichen Höhlenbau des Südens, das zu überlegen, wird Zeit sein, wenn erst einmal weitere Untersuchungen vorliegen und der behauptete Ursprung des Rundes bei den Čechen aus dem Byzantinischen abgewiesen ist (davon unten).

Lehner hebt an den Rund- und Quaderbauten Unregelmässigkeiten hervor und erklärt sie mit Recht daraus, daß die heimischen Maurer, die nicht nach Plänen arbeiteten, den Grundriß unmittelbar auf den geebneten Baugrund auftrugen. Ich kann diese Tatsache aus meiner Erfahrung, insbesondere von Finnland und Dalmatien her, nur bestätigen. Gewiß kommen Unregelmäßigkeiten selbst in südlich gelegenen Ländern und auch im romanischen Kirchenbaue vor; aber dieser Mangel bildet die Regel doch nur in den Bauten der aus dem Norden nach dem Süden vorstoßenden Germanen oder der aus dem Osten nach dem Westen gezogenen Goten und Slawen, wie denn überhaupt (z. B. auch bei der Kuppel) die Arbeit der griechischen, römischen, byzantinischen und später der abendlän-

dischen Kunst sich bisweilen lediglich auf das mathematisch genaue Durcharbeiten und Vergrößern der im Osten und Norden gefundenen, dort klein, unregelmässig und sehr bescheiden ausgeführten Bauformen beschränkt.

B. Holzwerk.

Die ältesten erhaltenen Holzkirchen sind die norwegischen. Sie zeigen eine ganz andere Bauweise als die ältesten erhaltenen westslawischen — nur Braunau zeigt Ständerbau —, indem sie in Stabwerk und nicht im Blockbau errichtet sind. Immerhin sei erwähnt, daß auch sie — ich habe schon entgegen Dietrichson in meinem »Ursprung der christlichen Kirchenkunst« darauf hingewiesen[1]) — vom Quadrat ausgehen. Bei den Westslawen handelt es sich um den Blockbau. Er unterscheidet sich sehr wesentlich vom west- und südeuropäischen Fachwerkbau.

Von Finnland bis in den Balkan ist im Holzbau Blockwerk allein herrschend. Diese Tatsache gilt nicht erst für heute und gestern, sondern sie war schon gültig in jener Zeit, über die uns lediglich griechische und römische Schriftsteller Nachricht geben. Ich habe in meinem Armenienwerke versucht, die Bedeutung des Blockbaues für die Entstehung des Kuppelbaues nachzuweisen. Damals hat es sich um Vorgänge gehandelt, die in vorgeschichtlicher Zeit eine grosse Rolle spielten. Heute habe ich es mit Möglichkeiten zu tun, die in der zweiten Hälfte des ersten christlichen Jahrtausend auftauchen. Darüber wird mein Buch über »Die Stellung Finnlands in der Kunstgeschichte« Ausführliches bringen. Man ziehe vorläufig die zahlreichen Werke über den Blockbau heran, die bereits genannt wurden, vor allem das gerade über die Holzkirchen der Westslawen handelnde Werk von Burgemeister. Das Buch von Wessér »Der Holzbau« gibt kurz Auskunft über das Block- und Ständerhaus.

Wenn wir auf Grund der Beobachtungen an ältesten westslawischen Stein- und jüngeren Holzkirchenbauten das Quadrat als ursprünglich verbreitetste Bauform in Holz annehmen, und als Erklärung dafür die im Rohstoff liegende Nötigung durch die zur Verfügung stehende Durchschnittslänge der Baumwalzen anführen, so ist dagegen ein Einwand von Seiten der Werkarbeit nicht vorzubringen. Bei Feststellung eines aus Blockwänden aufzurichtenden Raumes handelt es sich naturgemäß um die Unverrückbarkeit der Wände. Falls die Wandlänge das durch die Blocklänge gegebene Ausmaß

[1]) Vgl. jetzt auch S. Lindquist. Fornvännen 1923, der mein auch im Schwedischen erschienenes Buch nicht zu kennen scheint.

nicht überschreitet, wird diese Unverrückbarkeit durch die Überblattung der Balkenenden an den vier Ecken bewirkt. Überschreitet dagegen die Wandlänge die mögliche Blocklänge, so tritt der Zwang ein, in der Längsrichtung zu stückeln. Dadurch erleidet die Unverrückbarkeit der Wand eine Beeinträchtigung, die entweder zur Aufgabe des Blockbaues oder zu Auskunftsmitteln, wie man sie im Hausbau der Schweiz in der Einfügung von Zwischenwänden, im Kirchenbau Finnlands durch die eigenartigen Blockpfeiler oder den Übergang zum Kreuzbau zu erzielen suchte. Mir will scheinen, daß bei den Westslawen noch deutlich die ursprünglich im Blockbau herrschende quadratische Gestalt zu erschließen ist und die »quadratischen« Steinkirchen deutlich den Anschluß an die zur Zeit der Errichtung der ersten kleinen Kirchen noch in voller Blüte stehende Blockbaukunst erkennen lassen.

2. Zweck.

Die ältesten Steinkirchen der Čechen sind so klein, daß sie neben den stolzen Bauten der romanischen und gotischen Zeit verschwinden und wohl schon deshalb auch sonst, z. B. bei den Kroaten, die mit z. T. noch kleineren Bauten anfangen, wenig Beachtung fanden. Ähnliches gilt von den Holzkirchen. Diese Tatsache wird von einiger Bedeutung sobald man frägt, ob denn der Zweck dieser Steinbauten und der einst neben ihnen in breiter Schicht vorauszusetzenden Holzbauten von vornherein derselbe gewesen sei, den später die romanischen Kathedralen und Quaderkirchen in Längsform hatten. Der Zweck der Kirche des hellenistischen Typus, der Basilika, war von vornherein Haus Gottes und zugleich Versammlungsraum der Gemeinde zu sein. Die »romanische« Kunst folgt der gleichen Zwecksetzung. Gilt sie aber auch schon für den vorromanischen Kirchenbau des Nordens, bevor noch die altchristliche Basilika auf ihn übertragen wurde? Mit dieser hat zweifellos weder der runde Stein- noch der quadratische Holzbau etwas zu tun. Wir werden einen Weg zur Beantwortung der Zweckfrage betreten, wenn wir nach der Art von Zweckbau der heidnischen Zeit fahnden, wie er für die Übernahme in den bodenständigen Kirchenbau (rund oder quadratisch) massgebend gewesen sein könnte.

Für den runden Steinbau kommen Gattungen in Betracht, die auch später ganz allgemein gern an ihm festhalten, der Grabbau und der Wehrbau. Das Taufhaus mag als Übergangsform genannt werden. Der runde Grab- und Denkmalbau trägt eine im Mittelmeerkreise heimische Bauform bis in die Kaiser- und christliche

Zeit hinein. Man könnte daher geneigt sein, Lehner zuzustimmen, wenn er das Aufkommen der runden Steinkirchen bei den Čechen mit Byzanz zusammenbringen möchte; es würde sich dann um die Herübernahme einer fertigen Kirchenbauform aus dem Süden handeln. Hier erwäge ich zunächst ganz unabhängig von dieser, wie sich zeigen wird, auf einer Schriftquelle beruhenden Annahme die andere Möglichkeit, die des bodenständigen Ursprunges aus einem andern Zwecke heraus. Zuerst muß gesagt werden, daß der runde Steinbau im Norden weder für den Tempel- noch für den Grabbau bezeugt ist.

Anders der Wehrbau. Ich muß der Rundkirchen in Bornholm und im übrigen Skandinavien gedenken, die ganz unmittelbar an den Wehrbau anschließen. Wenn übrigens das Wort »Kostel« wirklich auf Castellum zurückzuführen ist, dann wäre ja die Gleichung auch für die Baugestalt naheliegend. Wir kommen dann vom Wehrbau in Stein ebenso auf die runden Steinkirchen, wie vom Wehrbau in Holz auf die quadratische Holzkirche. Einen Versuch, den Ursprung letzterer Art darzulegen, hat G. Stumpf (»Die bauliche Entwicklung der Holzkirchen in Schlesien« in der Zeitschrift »Das Kuhländchen«, IV 1923, S. 159 f.) gemacht. Indem er sich auf die schriftlichen Quellen (1243 die aus Tannenholz aufgeführte Burg von Leobschütz u. a., dazu die Stadtsiegel von Odrau) bezieht, meint er, bei den meisten schlesischen Holzkirchen sei ein gewisser Zusammenhang mit den hölzernen Wehrtürmen nicht von der Hand zu weisen. Stumpf versucht dann die Entwicklung von Turm und Kirche zur Einheit darzulegen. Ich möchte mehr Gewicht legen auf den erhaltenen Einzelfall der Kirche von Vlňoves und sie für den Zusammenhang mit dem Wehrturm vergleichen mit anderen Beispielen dieser Art im Norden. Die Belege sind vor allem im schwedischen Sigtuna zu finden (vgl. meine Besprechung von Cornell, »Sigtuna och gamla Uppsala« in den Monatsheften für Kunstwissenschaft. XIV, 1921, S. 269). Doch will ich auf den Turm als Wehranlage und seinen Zusammenhang mit der Kirche hier nicht eingehen; man lese nach, was Burgemeister, S. 28, dazu sagt. Die Hauptsache scheint mir die ursprüngliche Wehrhaftigkeit der kleinen Landkirchen, die erst eine andere Gestalt, den von der Kirche geforderten Längsbau, zuletzt mit auf die Apsis zuleitenden Stützen annehmen, als Bischöfe und Klöster nicht mehr allein ein bescheidenes Haus Gottes und der Gemeinde, sondern in erster Linie Repräsentationsbauten schaffen wollten.

Die Apsis gehört von vornherein zum Typus der westslawischen Kirche. Dass es auch anders sein kann, sieht man in Finnland. Nun hat Lehner bei den quadratischen Kirchen nur um der Apsis willen vier Typen geschieden, obwohl es sich im Grunde nur um einen Typus, eben den quadratischen, handelt. Die Frage der Apsisbildung fängt nicht erst mit dem Zweck, der Apsis, sondern mit den durch die beiden Rohstoffe Holz und Stein naturgegebenen Lösungen für Raumabschlüsse zusammen. Davon später.

3. Gestalt.

Bezeichnend ist, daß in Stein zuerst der runde und quadratische Bau vorkommen, nicht ausgesprochen der Längsbau allein, und in Holz noch eine ältere Schicht des quadratischen Grundrisses greifbar erscheint. Es besteht dazu die Möglichkeit, daß der Rundbau seine Herkunft im Stein, das Quadrat seine Herkunft in Holz habe, der Längsbau dagegen sein Auftreten nicht dem Rohstoffe an sich, sondern einer bestimmten Zweckforderung verdankt, von der eben die Rede war. Die Gestaltfrage geht, soweit die vorromanische Kunst der Westslawen in Betracht kommt, im Wesentlichen darauf aus, festzustellen, ob für das Rund und das Quadrat vielleicht ganz unzweideutig fremde Einflüsse deutlich werden. Lehner ist von ihnen fest überzeugt; er sieht seine Typen von außen angeregt und dann erst auf dem böhmischen Boden heimisch werden.

A. Die runde Baugestalt.

Lehner leitet sie aus dem Byzantinischen her; durch einen Willensakt, von dem noch zu reden sein wird, sei der Rundbau von dem byzantinischen Missionär Method auf Böhmen gleichzeitig mit dem christlichen Glauben übertragen worden. Zwar bilde ein rundes Schiff mit einer halbrunden Apsis an sich kein wesentliches Merkmal der byzantinischen Zentralbauten, es gehöre aber auf jeden Fall die Laterne, die aus der Mitte des Kreises emporsteigt, zu den architektonischen Elementen des byzantinischen Stiles.

Die Rotunde kommt überall da vor, wo mit Stein gebaut wird, Daß die byzantinische Kunst davon etwa mehr als andere Länder Gebrauch machte, ist nicht richtig, im Gegenteil, gerade von dort aus setzt sich in Europa die Kuppel über dem Quadrat im Gegensatz zu der im Römischen vorherrschenden Kuppel über dem Rund und Oktogon durch. Und was die sogenannte Laterne anbelangt, so zweifle ich, daß sie überhaupt zum alten Bestande der Rotunde gehöre. Ich weiß vom »Tambour«, der Fenstertrommel, die unter der Kuppel sitzt, und habe ihren Ursprung im Armenienwerke bespro-

chen; aber von einer Laterne, die über der Kuppel sitzt, weiß ich im Altbyzantinischen nichts. Entweder ist also dieser Aufsatz über der altböhmischen Rotunde anderen Ursprunges oder er ist überhaupt erst in späterer Zeit auf die innen dunklen Rundkirchen gesetzt worden.

Bezeichnend sind die Parallelen für die westslawischen Kirchen bei den Südslawen. In Dalmatien kommt der Rundbau ebenso in vorromanischer Zeit vor wie in Böhmen und Mähren. Ich will nicht von dem Großbau von S. Donato in Zadar sprechen, sondern von den einfachen kleinen Kirchen, die wie auch in Böhmen keine Mittelstützen haben. Die Dinge müssen erst im Zusammenhange bearbeitet werden. Ich nenne vorläufig nur die kleine Rundkirche S. Maria auf dem Berge in Vis (Lissa) von 5·10 m Durchmesser und die ursprüngliche Tryphonkirche in Kotor. Es könnte sein, daß wir an dem Rundbau als einer ursprünglich allgemein, auch bei den Slawen üblichen Bauform achtlos vorbeigegangen sind. (Vgl. zu der Frage auch Bulić in den Studien zur Kunst des Ostens, Strzygowski zum 60. Geburtstage, S. 141, ferner Šišić, Geschichte der Kroaten, S. 159, nach Porphyrogenitus.)

Noch etwas Besonderes spricht an den altböhmischen Rotunden für nordischen Ursprung, der bisweilen bes. in den Apsiden zu beobachtende Hufeisenbogen (Abb. I). Er kommt im Byzantinischen nicht vor, ist aber bei allen mit dem Norden zusammenhängenden Kunstströmen häufig. So greift er von Iran nach Vorderasien über, dringt mit den Germanen nach Spanien vor, ebenso durch den Islam (von Iran her), und findet sich in karolingischen Bauten ebenso, wie in Dalmatien und den Holzbauten Norwegens; nur in Italien ebensowenig, bezw. höchstens als Ausnahme wie in Byzanz. Man möchte daher annehmen, dass er auch bei den Westslaven nordischen Ursprunges ist.

B. Die quadratische Baugestalt.

Diese Gestalt ist über dem Längsbau so gut wie übersehen worden. Und doch taucht sie fast überall vor diesem auf, scheint erst durch ihn verdrängt worden zu sein. Nachdem oben die Möglichkeit aufgezeigt wurde, daß sie die ursprüngliche, in der Natur des Holzes liegende Bauform der Blockkirchen sein könnte, ist nun die andere Seite der Frage zu prüfen, ob nicht fremde Anregungen zur Vorliebe der Westslawen für diese Baugestalt geführt haben könnten, sowohl in Stein wie in Holz.

Lehner leitet diesen Typus aus dem Romanischen her. Indem er die drei Typen, den runden, rechteckigen und zentralen (S. 373)

nebeneinanderstellt, sagt er vom rechteckigen Typus mit all seinen verschiedenen Apsidenformen (Abb. 2—5), daß sie sich insgesamt an die Auffassungen der westlichen Architektur hielten, indem sie direkt ohne jeglichen fremden Einfluss aus dem Boden der romanischen Architektur hervorgegangen seien: »Sie sind die Frucht römischer Bildung«. Ich würde nicht widersprechen, wenn es sich um einen besonderen Typus des Längsbaues, die Basilika oder auch nur um einen Längsbau mit Säulen, etwa die Hallenkirche handelte; bei dem einfachen Rechteck ohne jede Mittelstütze sehe ich gar keinen Zwang, von vornherein römische Anregung vorauszusetzen, selbst dann nicht, wenn der Rundbogenfries und andere »romanische« Anzeichen vorliegen. Aber ich will zunächst auf die Ausstattung gar kein Gewicht legen: der Einraum ohne Stützen, insbesondere wenn er sich offensichtlich dem Quadrat nähert, muß in keiner Weise vom Süden oder Westen abhängig sein. Ich kann überall beobachten, daß er vorromanischen Ursprunges ist. Die Brüder Mokłowski haben (ähnlich wie Dietrichson für den Stabbau in Norwegen) eine verkehrte Entwicklungsreihe aufgestellt, weil diese drei Forscher die grundlegende Bedeutung des Quadrates nicht erkannten. Das hat für den Blockbau schon Obmiński in den obencitierten Sprawozdania richtig gestellt.

Wenn sich schon das Rund als möglicherweise für den Steinbau ursprünglich hinstellen läßt, so darf man mit viel mehr Recht das Quadrat als am Anfange des Blockbaues stehend betrachten. Jedenfalls ist es, wie gesagt, die in der Natur dieses Baustoffes gegebene, möglichst einfache und zweckmäßige Bauform deshalb, weil je mehr sich der Blockbau vom Quadrat entfernt, die Schwierigkeit der Herstellung von Längswänden wächst.

Es ist bezeichnend, daß an den quadratischen, bzw. rechteckigen Einraumbauten sowohl runde wie rechteckige, daneben aber auch Apsiden vorkommen, die aus drei, bzw. fünf Seiten eines Achteckes gebildet sind. Lehner gibt auch sie für romanisch aus, während ich die gerade und die Apsis aus dem Achteck für ausgesprochen aus dem Holzbau stammend ansehe, auch wenn letztere im Armenischen und Byzantinischen auf das engste mit dem Steinbau verbunden erscheint und viele meinen, daß die polygonale Apsis überhaupt byzantinischen Ursprunges sei. Wir fangen eben erst an, für die Beantwortung aller dieser Fragen die notwendigen Unterlagen zu geben, vorschnelles Urteilen hört sich nun allmählich auf.[1]) Wer das

[1]) Vergl. meinen Aufsatz »Die Kunstgeschichte und die byzantinischen Studien« in der neuen Zeitschrift »Byzantion« I.

Armenienwerk genau gelesen hat, der weiß, wie sehr ich schon dort den Holzbau als bestimmend für alle Entwicklung in der Baukunst ansehen gelernt habe; was ich jetzt in Europa z. B. gerade auch in Böhmen beobachte, unterstützt nur die damals unter dem Zwange des Arbeitsstoffes eingeschlagene Richtung. Ich werde auf alle diese Dinge in meinem Buche über Finnland näher einzugehen haben.

In Dalmatien kommt auch der Sechspaß als Kirchenbauform vor, wie in Horjany u. zw., nur wesentlich früher, schon in vorromanischer Zeit, so in S. Orsola und dem Dombaptisterium in Zadar, Sv. Trojstvo bei Split und in S. Maria in Piazza in Trogir (Traù), die ein altes Baptisterium gewesen sein soll, für welchen Zweck das Sechseck an sich öfter bezeugt ist. Für den Vierpaß von Krakau wird auf die Beispiele in meinem Armenienwerke und das langobardische Biella im besonderen hinzuweisen sein (Vgl. Cattaneo, L'architettura in Italia S. 222.)

C. Die Baugestalt des Konchenquadrates.

Für Lehner gibt es keine Wahl: ist die Rundgestalt annähernd byzantinisch, das Quadrat romanisch, so muß das Konchenquadrat erst recht byzantinisch sein. Es erinnere nicht nur an den byzantinischen Stil, sondern stelle seine unmittelbare Nachahmung dar, freilich in dem Sinne, daß die böhmische Baukunst die Kuppel über dem Mittelquadrat übernahm, diese aber sogleich in zweierlei Art weiterentwickelte, indem sie einmal vier halbrunde, das anderemal vier rechteckige Kreuzarme anfügte. Ich habe in meinem Armenienwerke gezeigt, daß diese Bauform ein halbes Jahrtausend früher als in Böhmen am Fuße des Ararat vorkommt. Man vergleiche z. B. die um 648 entstandene Johanneskirche in Mastara (Abb. 27): Wie das Mittelquadrat mit den Ecken hervortritt aus den vier umgebenden Konchen und über dem Ganzen (Abb. 28) eine Kuppel liegt (Näheres Strzygowski »Die Baukunst der Armenier und Europa« S. 78). Solcher Bauten gibt es in Armenien heute noch eine ganze Reihe aus dem ersten Jahrtausend. »Man möchte daher«, sagte ich Armenienwerk S. 759, »annehmen, daß es doch einen Weg gegeben habe, auf dem diese Bauform nach dem Westen gewandert ist. Vielleicht vermittelte ein Holzbau, wofür späte Belege in der Ukraine«.

In einem Abschnitte des Armenienwerkes »Arische Urzeit und Mazdaismus« S. 614 f. hatte ich zunächst den Ursprung der quadratischen Kuppel mit Trichternischen im arischen Holzbau gesucht und dessen Spuren dann in Indien und Kaschmir verfolgt. Heute handelt es sich nicht mehr um diese Uranfänge, sondern mit

Bezug auf die Westslawen im Sinne Lehners darum, ob das neben dem runden und quadratischen Bau auftretende Konchenquadrat eine selbständige Weiterbildung, also eine von den Čechen im Steinbau selbständig geschaffene neue Form ist. Nun steht aber neben den Bei-

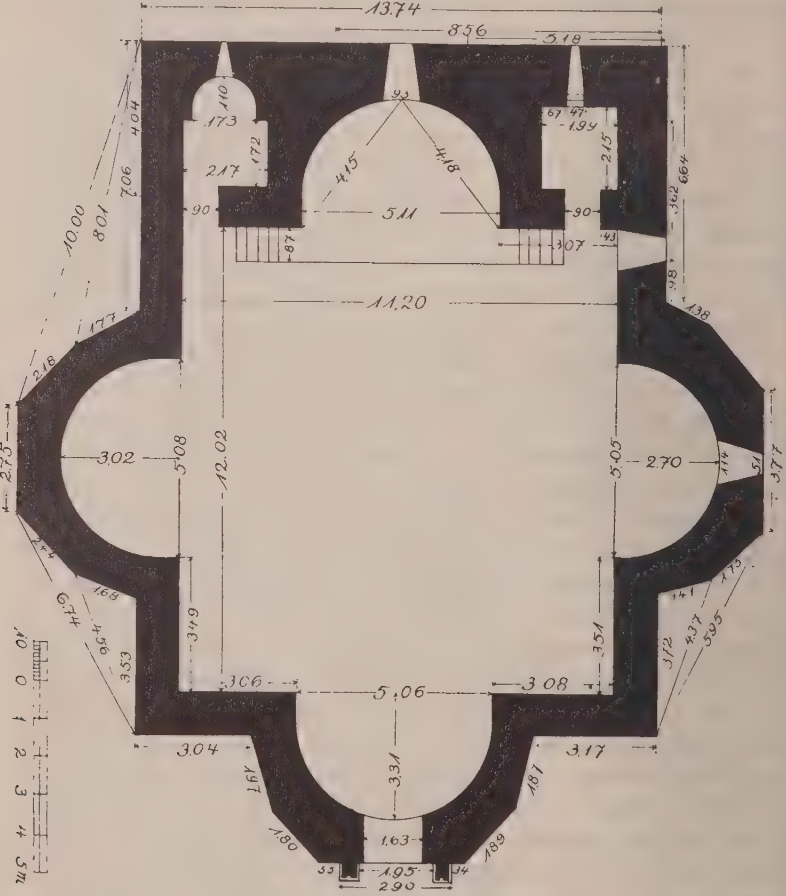


Abb. 27. Mastara: Kuppelkirche.

spielen im Steinbau das eine Beispiel aus Velké Karlovice im Holzbau. Es ergibt sich daher die Möglichkeit, daß dieses späte Beispiel, als Typus genommen, die Voraussetzung des alten Konchenquadrates in Stein ist und man fragt, wie in Armenien so auch später bei den Westslawen, ob nicht der Holzbau die Voraussetzung solcher Steinbauten sein kann.

Abb. 28. Mastara: Konchenquadrat.

Das Konchenquadrat, bzw. in Holz der Kreuzbau mit latentem Mittelquadrat, sieht aus wie die Umstülpung der ursprünglichen Raumanlage nach außen unter Beibehaltung des Mittelquadrates. Zweck dieser Umstülpung wäre ein erhöhtes Raumerfordernis, das

mit dem mittleren Ausmaß der Baumwalzen durch Verlängerung der Wände in einer Richtung nicht zu befriedigen war. Ein anderer Weg wurde in Finnland eingeschlagen durch Einführung von Hohlkörpern (Blockpfeilern). Die Festigung der Wand gegen Ausbiegung ist aber daneben auch in Finnland auf die gleiche Art wie in

Abb. 29. Petejävesi: Kreuzkirche in Holz.

Böhmen und Armenien dadurch erreicht worden, daß man die Wände öffnete und um die Ecke weiterlaufen ließ. Auf diese Art wurde zweierlei erreicht: Erstens zerlegte man die zu lang gewordene Wand in drei Teile, von denen zwei durch die übliche Länge der Baumwalzen aufgeführt werden konnten und zweitens erhielt man eine Raumerweiterung, deren Ummantelung spielend durch verschiedene kurze Blocklängen herzustellen war.

Ich gebe Abb. 29 das einfache Beispiel einer solchen Kreuzkirche, das Äussere der Blockkirche von Petejävesi im inneren Finnland, 1764 erbaut. Man sieht, wie sich die vier Kreuzarme überschneiden; auf die Mitte der Schindeldächer ist ein Dachreiter gesetzt. Die Wände sind im Blockverband ohne Verschalung hergestellt [siehe Note [b]) auf Seite 446].

4. Form.

Ich suchte zu zeigen, daß wir mit der Möglichkeit zu rechnen haben, in den Rund- und quadratischen Bauten Urformen des südlichen Stein- bezw. nordischen Holzbaues vor uns zu sehen, die in christlicher Zeit längst überliefert, also Gestalt geworden waren. Eine sehr beachtenswerte Weiterbildung der quadratischen Gestalt liegt in einem

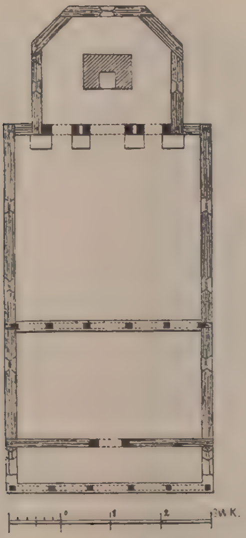


Abb. 30

Abb. 31.

Sziney-Tayalja: Holzkirche.

abgelegenen Teile des europäischen Westens, in der Slowakei vor. Dort ist die Tatsache des Vorkommens einer Basilika ohne Säulen zu verzeichnen, bei der die Möglichkeit denkbar ist, daß sie aus dem ursprünglichen Blockquadrat entwickelt ist. Ich gebe den Typus nach Zeichnungen, die Franz Schulcz in den Mitteilungen der Zentralkommission XI, 1866, S. 8 veröffentlicht hat (Abb. 30—32). Wir sehen im Grundriß ein Quadrat, das durch eine richtige Querwand, auf der, wie der Schnitt (Abb. 32) zeigt, der Turm aufsitzt, zu einem rechteckigen Innenraume mit Schrankenteilung umgebildet ist: Der Hauptraum für die Männer, der Westraum für die Frauen.

Das schon weist darauf, daß wir uns nicht mehr im Gebiete der römischen Kirche befinden. Ebenso die zweite Schranke, die den Gemeinderaum von dem Altarraume trennt. Die Apsis ist im Typus der Blockbauten mit fünf Seiten eines Achteckes geschlossen. Soweit würde der Bau lediglich eine Umbildung der typischen Grundgestalt für die Zwecke der orthodoxen Liturgie sein. Auffallend

Abb. 32. Sziney-Tayalja: Holzkirche.

ist nun, daß das Dach trotz dieses Osteinschlages doch das westliche Sparrendach, also keine Holzkuppel ist und dazu noch eine Decke zeigt, die bei den Kunstforschern lebhafte Beachtung finden sollte.

Man betrachte die beiden Schnitte. Die Decke ist eine Tonne, die tief in das Sparrendach einschneidet, das geradezu auf ihr auf-

liegt. Tatsächlich läßt der Querschnitt eine keilförmige Zusammenlegung von Stämmen erkennen, also ein richtiges Holzgewölbe, kein durch Büge hergestelltes Rund, an das die Tonne in Bretterverschalung angenagelt ist, wie es nach Burgemeister die Regel wohl auch in den westslawischen Gebieten war. Darüber müssen erst noch genauere Untersuchungen Auskunft geben. Ich halte die Zeichnung für richtig, weil mir Karl Ginhardt von einem um 1785 entstandenen Holzbau in Kärnten, der Dreifaltigkeit im Gebirge bei St. Veit an der Glan ein Lichtbild beibringt, das die Decke in der

Abb. 33. »Dreifaltigkeit« bei St. Veit: Einblick in Dach und Decke.

gleichen Werkart wie in den Gebieten von Szathmár hergestellt zeigt (Abb. 33). Noch merkwürdiger ist die Art, wie diese richtige Holztonne in der Slowakei getragen wird. Man sollte erwarten, daß dafür wie in St. Veit eine Wand aus besonders starken Blöcken mit Pfeilervorlagen notwendig wäre. Statt dessen zeigt der Schnitt, daß die Tonne wie die Seitendächer auf vorkragenden Trägern ruht, die wie jene nach außen, so nach innen vorstehen und zunächst eine gerade Blockwand tragen, in der kleine Fenster untergebracht sind, also der richtige Lichtgaden der Basilika. Ich verdanke wieder F. Zapletal, von dem wir eine Monographie über die Holzkir-

chen der Slowakei zu erwarten haben, einige Lichtbilder, die diesen aus den Maßaufnahmen erschlossenen Tatbestand bestätigen. Abb. 34 gibt die Kirche von Krajnikovo bei Huszt mit dem für diese Gegenden kennzeichnenden Turme, dann dem Gemeinde- und Altarraume. Man

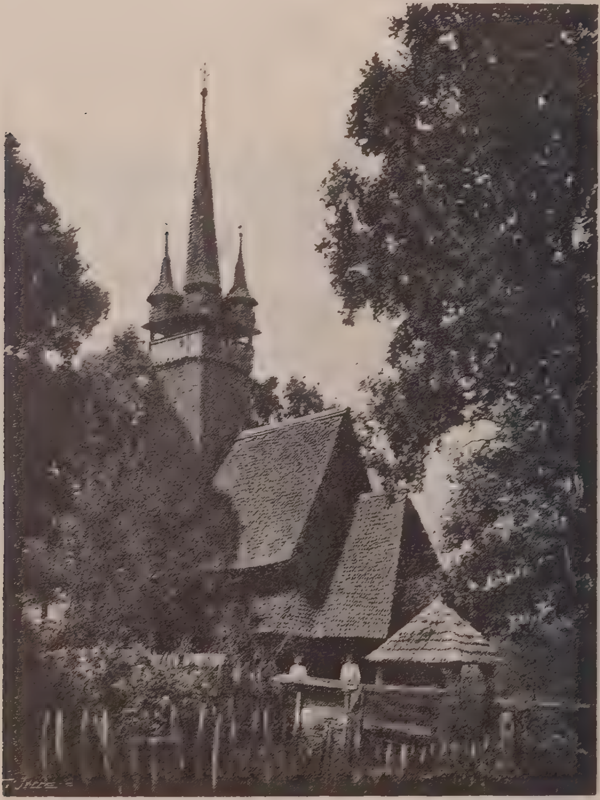


Abb. 34. Krajnikovo bei Huszt: Holzkirche.

sieht, wie sich das hohe Dach des Gemeinderaumes so in einer Stufe erhöht, daß für die Fenster des Gadens Raum geschaffen wird. Noch deutlicher ist die Aufnahme Abb. 35 von der Kirche von Apscha. Hier ist das Doppeldach auch um die gerade abschließende Apsis herumgeführt, doch sieht man die Fensterreihe nur über dem Mittelraum.

Ich muß mich hier mit der Wahrscheinlichkeit beschäftigen, daß die Holzkirchen des quadratischen bzw. rechteckigen Typus in

älterer Zeit vorwiegend mit der Tonne als Decke ausgestattet waren. Die Tatsache, daß selbst die rein quadratischen Bauten der Westslawen im Sparrendach Richtung bekommen, läßt die Möglichkeit der Tonnenbildung der Decke von vornherein zu. Es wird in Zu-

Abb. 35. Apscha: Holzkirche.

kunft eine wichtige Frage für die Kunstforscher werden, wann das Sparrendach vom Blockbau übernommen wurde. Ich komme darauf von verschiedenen Seiten in allen den Arbeiten zurück, die ich über den Holzbau der einzelnen Stammgebiete des Nordens vorzulegen hoffe. Hier sei nur verwiesen auf die Stellungnahme Burgemeisters S. 31 f.: Die wagrechte Decke sei erst seit dem Jahrhunderte der Renaissance als Nachahmung der römischen Kasettendecke

mehr in Gebrauch gekommen. »Die gewölbte Decke ist also die ältere, die ebene Decke die jüngere Form. In der Tat zählen die Holzkirchen, die ganz mit Holztonnen überwölbt sind, zu den ältesten.« Gewisse Vorteile erklären es, daß das verschalte Tonnengewölbe noch lange beibehalten wurde. Burgemeister, der die Bedeutung des Holzbaues nicht ganz durchschaut, nimmt freilich an, daß die Tonne nach Analogie der gewölbten Steinkirchen eingeführt worden sei. Ich komme darauf noch unten zurück, ausführlich werde ich darüber in dem Werke über Finnland u. a. O. zu handeln haben.

Lehner läßt wie immer den Holzbau auch bei Besprechung des Konchenquadrates ganz weg. Er hätte doch wenigstens auf Velké Karlovice (Abb. 23) hinweisen können. Aber wie soll er das, wenn auch Prokop S. 446 ausdrücklich sagt: »Der Einfluß der im 18. Jahrhundert beliebt gewordenen Zentralbauten ist auch bei diesen Holzbaue unverkennbar.« Ich halte seit Jahren Vorlesungen, in denen der Einfluß des Holzbaues auf die Entwicklung des Barock im Norden untersucht wird [siehe Note c) auf Seite 446]. Ich kann ferner in Finnland nachweisen, daß der Typus, dem Velké Karlovice angehört, eine ausgesprochene Endform der Entwicklung im Holzbau ist. Ich will hier auf diese Dinge nicht eingehen. Man betrachte nur Abb. 36, die im Jahre 1778 erbaute Kirche von Ruovesi, die ich nach Aufnahmen der Technischen Hochschule in Helsingfors bringe. Sieht man von der Sakristei ab, die in Ruovesi erst 1852 hinter dem Altarraum erbaut wurde, so ist es genau die gleiche Form wie in Mähren 1752. Der ganze Blockbau ist grundsätzlich im Verbande der Wände unter 135 Graden hergestellt und auch das Äußere (Abb. 37) ist kaum zu unterscheiden, obwohl in Finnland der Architekt Jos. Stenbäck an der Kirche herumrestauriert hat. Was ich in Mähren nicht kann, die Entwicklungsreihe aus dem einfachen Kreuzbau der Blockkirche (Abb. 29) schritt-

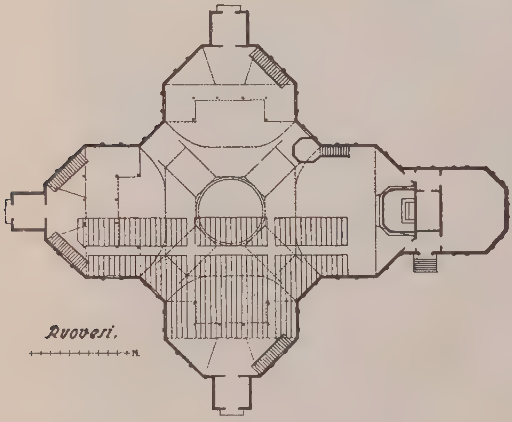


Abb. 36. Ruovesi: Holzkirche.

weise aufzeigen, das kann ich ganz geschlossen in Finnland. Wird man da mit dem leicht hingeworfenen Urteil, die Blockkirche von Velké Karlovice sei eine Nachahmung von Barockbauten, nicht anfangen vorsichtiger umzuspringen und nicht auch allmählich umgekehrt an Einwirkungen des Holzbaues auf die Barockkirche denken?

Wenn ich also in der reinen Bauerscheinung der alten Holzkirchen auf Schritt und Tritt Eigenart, nicht Nachahmung, Form

Abb. 37. Ruovesi: Holzkirche.

und nicht fremde Gestalten sehe, so liegt das auf dem Gebiete der Bauausstattung anders. Es muß auffallen, daß weder an den erhaltenen frühen Stein- wie den späten Holzbauten irgendetwas von jener Ausstattung sichtbar wird, die als Bandgeflecht bei den Germanen des Südens: den Westgoten in Spanien, den Longobarden in Italien, ebenso aber auch bei den slawischen Kroaten und weiter im Osten bis nach Armenien und Iran beobachtet werden kann. Ebenso wenig jenes Tierornament, das sich nach dem Abzuge der

Goten und Longobarden im germanischen Norden durchsetzte und in den mittelalterlichen Stabkirchen Norwegens noch in Blüte ist. Haben die Slawen weder an der einen noch an der anderen Schmuckart teilgenommen und kommen die Kroaten zum Bandgeflecht erst, als sie im Süden mit Goten, Franken, Longobarden, oder dem vom iranischen und armenischen Osten durchsetzten Byzanz in Berührung traten? Die Frage wird an anderer Stelle zu beantworten verrsucht werden. Hier sei nur weiter gefragt, ob daraus, daß weder die altčechischen Stein- wie die jungčechischen, slowakischen, polnischen und ruthenischen Holzkirchen das Bandgeflecht zeigen, ein Schluß darauf gezogen werden darf, daß sie es nie, weder als Bauschmuck, noch überhaupt kannten.

Zunächst muß gesagt werden, daß ich den Dingen — wie es erforderlich wäre — nicht an Ort und Stelle nachforschen kann; dann aber, daß auch der deutsche Stein- und Holzkirchenbau das vorausgehende Tierornament nicht in breiter Schicht übernommen zeigt — es mag als heidnisch verbannt worden sein; und endlich, daß die erhaltenen Steinbauten der Čechen kaum so alt sind. wie die frühesten Schmuckreste der Kroaten, bei denen das ursprünglich überwuchernde Bandgeflecht später im Stein- wie im Holzbau ebenfalls fast für immer verschwindet, wenn es sich auch in der Kleinschnitzerei und in der Stickerei erhält. Diese Wendung könnte sich also bei den Čechen gleichzeitig oder womöglich früher vollzogen haben. Herrschend wurde die von der Kirche durch Bischöfe und Mönche eingeführte »romanische« Ausstattung, wobei allerdings noch zu untersuchen bleibt, wie weit diese »romanische« Bauausstattung nicht etwa selbst auf dem Holzbaue des Nordens beruht. Darüber hat A. Haupt »Die älteste Kunst, insbesondere die Baukunst der Germanen« beachtenswerte Untersuchungen geführt. Wenn Lehner die alten Rund- und Quadratkirchen wegen der Ausstattung gern als romanische bezeichnet, so hebt er doch immer wieder, z. B. bei der runden Martinskapelle ihre größtmögliche Einfachheit hervor; sie habe nicht das geringste mit dem in späterer romanischer Zeit so beliebten architektonischen Detail aufzuweisen. Er nimmt das als Zeugnis für das hohe Alter der Rotunde. Auch an der Rundkirche vom kleineren Kreuz und sonst in Prag hebt Lehner hervor, daß das Innere aller architektonischen Ausschmückung und Details bar sei. Ähnliches gilt auch sonst. Die ältesten armenischen Kirchenbauten erzielen ihre grosse monumentale Wirkung vor allem durch diese rein bauliche Einfachheit. Ich finde das beim Vergleich mit den

im Armenienwerke angeführten Tatsachen sehr begreiflich; es scheint nach den langobardischen und kroatischen Belegen, daß sich der Bauschmuck der Holzkirchen mit Bandgeflecht im wesentlichen nur auf die Ausstattung der Kirchengeräte bezog. Erst die jüngere Tierornamentik des hohen Nordens hat sich, wie die Stabkirchen, z. B. die Kirche von Urnes zeigen, auch des Baukörpers selbst bemächtigt.

Zum Schluß einige Bemerkungen über die Einzelwerte der Form.

Die Neigung zum Rund und Quadrat, bzw. zur Verbindung beider hat eine geschlossen massige Außenwirkung zur Folge, wie sie immer nur Bauten eignet, die sich in Grund- und Aufriß um eine Mitte gruppieren. Dazu weisen die kleinen Rund- und Quadratbauten Innenräume auf, die dadurch, daß der Eintretende sofort den Gesamtraum mit einem Blick erfaßt, eine stärkere Wirkung ausüben als Längsbauten von größerem Ausmaße, die erst, wenn der Beschauer vorschreitet, in ihren Raumteilen erfaßt werden können. Über den Anteil von Licht und Schatten, bzw. der tonigen Werte an der Wirkung der Stein- und Holzkirchen der Westslawen, wie über die Beleuchtungsfragen überhaupt müssen erst eingehendere Untersuchungen geführt werden.

4. Inhalt.

Es war davon die Rede, daß die vorromanischen Bauten der Čechen der Regelmäßigkeit im Baugefüge entbehrten und schmucklos seien, soweit nicht »romanischer« Schmuck dazu kam. Dies läßt den Schluß zu, daß es sich nicht um Baumeister handelt, die durch Schulen gegangen und in einer bestimmten Ausstattungsweise erzogen waren, sondern um Handwerker, die stoffgerecht nach überlieferten Bräuchen arbeiten. Wir haben es also mit Volkskunst zu tun und die Kunstgeschichte wird tatsächlich allmählich anfangen müssen, statt den Blick immer wieder vom Süden und von den großen Tempelbauten ausgehen zu lassen, endlich einmal mit den kleinen Bauten des Nordens und ihrer großen Mannigfaltigkeit zu rechnen, die, wie ich glaube, den Süden mehr als wir ahnen befruchtet haben. Im übrigen lese man, was Burgemeister S. 3 über den seelischen Gehalt der slawischen Holzbaukunst sagt.

III. Entwicklung.

Die entwicklungsgeschichtliche Hauptfrage bezüglich der Anfänge christlicher Kunst bei den Nordeuropäern wird immer sein, ob sie von vornherein eine von den Missionären mitgebrachte Bauweise übernahmen oder auch für den Kirchenbau Gewohnheiten

weiter beibehielten, die sie schon in heidnischer Zeit angenommen hatten. Da scheint mir der Nachweis, daß nicht nur die erhaltenen ältesten Kirchen des Steinbaues, sondern auch die späten Holzkirchen der Westslawen noch auf eine ursprüngliche Verwendung des Quadrates hinweisen, von Bedeutung. Diese Parallelerscheinung ist bis jetzt nicht beachtet worden. Ich bin in dem Armenienwerke S. 743 und 759 auf die sechs von Lehner zusammengestellten Typen eingegangen und knüpfe hier an diese Stellen an. Damals schon vermutete ich volkstümliche Grundlagen und berücksichtigte den Holzbau, war aber dem Quadrat zu wenig nachgegangen, daher geneigt, die ganze vorromanische Entwicklung eher für eine Bewegungserscheinung anzusehen, angeregt vom Osten, bes. Armenien her. Die schärfere Beachtung des Quadrates und die breite Schicht, die sich davon noch im späten Holzbau nachweisen läßt, führen darauf, an den Bestand beharrender Kräfte jenes europäischen Nordens zu denken, dem auch die Slawen angehören. Gelingt der Nachweis, so gewinnt das westslawische Gebiet eine besondere Bedeutnug, wenn dort heute noch in Holz und Stein Entwicklungsstufen nebeneinander liegen, die anderwärts, bes. im Westen überhaupt nicht mehr oder nur in Stein, selten jedenfalls in breiter Schicht nachweis bar sind.

1. **Beharrung.**

Die Kunstgeschichte hat sich bis jetzt keine Gedanken darüber gemacht, ob die herrschende Kirchenbauform im Norden Europas wirklich von vornherein der Längsbau war. Es konnte in dieser Richtung kein Zweifel kommen, weil wir uns um die dem Längsbau vorausgehende Unterschicht gar nicht kümmerten, besser, sie einfach nicht kannten. Immerhin ist es bemerkenswert, daß Dehio in dem Werke »Die kirchliche Baukunst des Abendlandes« 1892 seine Vorführung, wenn auch nur um des Südens willen, mit dem »Zentralbau« beginnt und die Basilika nachfolgen läßt. Wie ahnungslos er dabei dem Norden gegenüber verfuhr, geht noch aus seiner »Geschichte der deutschen Kunst« 1919 hervor (S. 34): »Die Kirche, auf die von nun ab alles ankommt, kehrt mit unbedingter Entschiedenheit dem nationalen Holzbau den Rücken, erklärt den Steinbau für die einzig denkbare Ausdrucksmöglichkeit des Heiligen, Monumentalen, Antibarbarischen . . . Der Holzbau bleibt in der Sphäre des Nutzbaus zurück und entzieht sich auf längere Zeit auch gänzlich der historischen Beobachtung« [siehe Note [1]) auf Seite 446]. Wir wollen jetzt gerade das Nationale, »Barbarische« feststellen, das im Holzbau Beharrende, gegen das die Kirche und

andere Mächte vorgingen. Die Frage, wie weit die im Norden entstandenen »Stile« unter dem Einfluße des Holzbaues emporwuchsen, bleibe vorläufig ganz aus dem Spiele. Wir möchten nur wissen, ob der Holzbau wirklich im Kirchenbaue nichts mitzureden hatte und in der Entwicklung der Baukunst des Abendlandes so vernachlässigt werden darf, wie es heute noch geschieht.

Daß er in vorromanischer Zeit eine große Rolle gespielt hat, belegen allein schon die in Norwegen gemachten Schiffsfunde der Wikingerzeit, in erster Linie natürlich das Osebergschiff, das sich in seinen reichen Kunstschätzen mit dem Grabe des Tutenkhamon vergleichen läßt. Die Nachwehen sind noch deutlich in den ältesten Stabkirchen erkennbar. Sie sind so glänzende Belege einer hoch ausgebildeten Werkarbeit in Holz, daß man daraus leicht auch in anderen Gebieten auf die Fähigkeit schliessen kann, Bauten herzustellen, wie sie meine Annahmen, z. B. bei den Westslawen voraussetzen.

Es kommt in der Bauentwicklung des Nordens nicht so sehr auf den Gegensatz von Basilika und Kuppelbau als auf den beiden zu Grunde liegenden Gegensatz von Richtungsbau — er kann Längs- oder Breitbau sein — und dem quadratischen Bauen an. Die Frage der Eindeckung bzw. Einwölbung steht erst in zweiter Reihe. Der quadratische Bau kann wie bei den Ostslawen zum Kuppelbau, er kann aber auch wie bei den Westslawen zum Längsbau, ja, das zeigt die Slowakei, selbst zur stützenlosen Basilika führen. In allen diesen Dingen läßt sich heute noch nichts Sicheres sagen, aber den Eindruck dürfte hoffentlich jeder Leser bekommen haben, daß es nicht länger angeht, die Holzkirche wie selbstverständlich aus der Entwicklung auszuschalten. Sie ist nicht eine Nachahmung des Steinbaues, ein Märchen, das Dietrichson ganz unbegreiflich gerade an den wichtigsten Denkmälern des Gegenbeweises in Norwegen aufgebracht hat, sondern ging ihre eigenen Wege nicht nur bis zu der Zeit, in der die Kirche den Quaderbau einführte, sondern darüber hinaus bis in die Barockzeit. Nur aus dieser Tatsache läßt sich die Eigenart der nordischen Bauentwicklung überhaupt verstehen. Ich habe ja darüber einiges schon in meinem »Ursprung der christlichen Kirchenkunst« sagen können. Im Übrigen ist die Aufdeckung dieser Zusammenhänge eine Arbeit von Jahrhunderten. Wir müssen nur erst einmal an die Berechtigung dahin zielender Untersuchungen zu glauben und mit demselben Eifer im Norden zu suchen anfangen, wie der Humanismus Jahrhunderte lang den Süden untersucht hat, dann wird es schon vorwärts gehen.

Die eigentlich osteuropäischen Völker, die nicht dem Katholizismus von Rom angehören, sind, scheint es, nicht erst durch die Kirche von Konstantinopel, die orthodoxe, zum Kuppelbau hingedrängt worden, sondern wahrscheinlich schon durch die bodenständige Form des reinen Blockbaues, d. h. jenen Blockbau, der nicht nur die Wände, sondern auch das Dach in wagrecht übereinandergelegten Blöcken ausführt. Dafür gibt es in Süd- und Nordrußland Belege genug und Vitruv bietet die Gewähr dafür, daß diese Bauart bei den Kolchern schon zu seiner Zeit die im Holzbau herrschende war. Es ist daher möglich, und ich habe das in meinem Armenienwerke bereits ausgeführt, daß der Kuppelbau über dem Quadrat überhaupt aus dieser Quelle stammt und aus dem Holz in den Rohziegel-, dann in den gebrannten Ziegel- und Steinbau übergegangen ist.

Andererseits die Lage bei den Westslawen und Finnen: Sie lassen, der römischen Kirche angehörend, eine Mittelstellung erkennen, insofern sie für die Wände wohl den Blockbau verwenden, diesen aber nicht wie die Ukrainer auch in Decke und Dach festhalten, sondern dazu das Sparrendach mit in Form einer Tonne verschalter Decke verwenden. Wann die katholischen Ostvölker auf diese Dachbauart übergingen, läßt sich heute noch nicht feststellen. Die Lösung der Frage hängt übrigens nicht mit der Werkart des griechischen Tempeldaches zusammen, weil dort eine mit dem Pfettendach erklärliche Übergangsform am Werke scheint.

Die seltsamste Tatsache, die wir nachweisen konnten, ist die, daß die Kreuzkirche von Vlňoves, bei der man wie in den eigentlichen Konchenquadraten über der Mitte eine Kuppel erwarten würde, ein Dach in der Richtung West-Ost gelegt zeigt. Also das Quadrat, ein Hauptwert des Centralbaues, mit dem Giebeldach, einem Hauptwert des Längsbaues verbunden: Wie versteht man das?

Es ist möglich, daß hier eine beharrende Kraft am Werke ist insofern, als jenes Dach nachwirken könnte, das dem Sparrendach am quadratischen Blockbau vorausgegangen und doch nicht das zur Kuppel führende Blockdach der indoarischen Wanderung, die über Eck gelegte Dachpyramide aus kurzen Hölzern ist. Vielmehr wäre zu untersuchen, ob in Vlňoves nicht das alte Pfettendach verwendet war, wie es im finnischen Hausbau Sirelius »Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker« S. 271 und 343 nachgewiesen hat und wie ich es auch noch im Holzkirchenbau Finnlands z. B. in der lappländischen Kirche von Sodankylä am Kemiälf von 1689 nachweisen zu können glaube.

Ein Beispiel in Stein wie in Vlňoves ist noch im georgischen Sweti erhalten (Vgl. Die Baukunst Armeniens und Europa S. 758). Die wichtigste Parallele liegt aber im angelsächsischen Gebiete,

Abb. 38. Barton-on-Humber: Steinkirche.

in Barton-on-Humber vor in der Wiederherstellung, die wir Baldwin Brown verdanken (Abb. 38/9). A. Haupt »Die älteste Kunst insbesondere die Baukunst der Germanen« 2. A. S. 295 sagt dazu: »Dieser Grundriß ist sicherlich der merkwürdigste in seiner Zeit und findet nirgends sein Vorbild; also eine Zentralanlage, doch in germanischer Auffassung«. Ich denke, wir wissen jetzt von Vlňoves und Sweti, daß es sich um ein gemein nordisches Motiv der vorromanischen Zeit, bzw. der Zeit vor dem Aufkommen des Sparrendaches handelt. Gerade in England findet sich dafür, mindestens soweit der Holzbau an sich in Betracht kommt, eine Bestätigung:

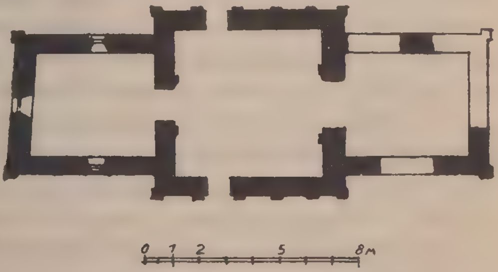


Abb. 39. Barton-on-Humber.

das ist die Bauart des quadratischen Mittelturmes. Er ahmt wie der Turm von Earls Barton so überraschend den Holzbau nach, daß ich, als ich des letzteren zuerst von weitem ansichtig wurde, darauf geschworen hätte, es mit einem Holzbau zu tun zu haben. In Wirklichkeit ist das Holz in Stein nachgebildet, ein beharrendes Festhalten der vorausgehenden Überlieferung des Nordens, wie ich es auch für die vorromanische Kunst der Westslawen und im besonderen für die vorromanische Kunst in Böhmen und vor allem für Vlňoves annehme. Wer der Sache in diesem Einzelfall näher nachgehen will, der vergleiche dazu auch noch Bradford-on-Avon oder, wie gesagt, die Frage des antiken Tempeldaches.

Es war öfters von der romanischen Ausstattung der Steinbauten die Rede. Sie hat z. B. Lehner veranlaßt, die vorromanischen Bautypen einfach als romanisch hinzustellen. Dadurch nun, daß wir Holz- und Steinbau, d. h. Quadrat- und Rundbau am Anfange als unabhängig neben einander bestehend sehen, wird nahegelegt zu fragen, ob denn die Ausstattung dieser Bauten, die man bei den Steinkirchen glatt als romanisch bezeichnet, keine beharrenden Kräfte wirksam zeigt, die in ihrem Ursprunge möglicherweise ebenso aus Rohstoff, Werk und Zweck verständlich werden wie im Kirchenbau selbst. Ist »das Romanische« nicht mehr als man denkt, einmal in den Ursprungsländern der Stein-, bzw. Ziegelwölbung, dann im Norden durch die Nähe der Holzbaukunst rein handwerksmäßig bedingt? Die Beantwortung dieser Frage führt uns bereits über den in diesem Aufsatze gesteckten Rahmen hinaus. Vgl. vorläufig das zitierte Buch von A. Haupt. Eine zusammenfassende Darstellung über den Block- und Mastenbau mit einer Einleitung über die altkroatischen Steinkirchen und einem Ausblick am Ende auf den nordischen Schiffsbau und die Pracht des Osebergschiffes habe ich Oktober 1924 in vier Vorträgen in London gegeben; sie sollen unter dem Titel »Early northeuropean churchart and wood architecture» durch die London university press im Druck erscheinen.

2. Wille.

Leider besitzen wir für die čechischen vorromanischen Bauten nicht Maßaufnahmen von jener Genauigkeit, die gestatten würden die Maßeinheit, die ihren Verhältnissen zu Grunde liegt, zu bestimmen. Die Willensmächte, die in der sog. romanischen Kunst schon darin deutlich sichtbar werden, daß in den Längskirchen aus Quadern der römische Fuß als Einheit genommen ist, wären schon rein äußerlich als noch nicht wirksam nachgewiesen, wenn die runden,

quadratischen und Konchenbauten eine andere Einheit erkennen ließen. Lehner nimmt für die Rundbauten die Übertragung durch einen Willensakt an: die Rotunde sei eine in Böhmen und Mähren — in anderen Ländern bilde sie die Ausnahme — in breiter Schicht heimisch gewordener Gestalt. Urbeispiel sei die erste in Böhmen von einem Schüler des Method, dem Priester Kaich zusammen mit dem Fürsten Bořivoj nach dessen Taufe 874 erbaute Klemenskirche auf Levý Hradec. »Der bömische Baumeister, der auf Anregung des Paul Kaich ein byzantinisches Motiv benutzte, erbaute die altböhmische Rotunde entsprechend den damaligen Verhältnissen, dem böhmischen Geschmack und den gottesdienstlichen Anforderungen entsprechend, hielt sich aber in Einzelheiten, wie Türen, Fenster u. a. m. an die Regeln des romanischen Stiles« (S. 234). Das böhmische Volk habe an der Grenze zweier Welten, der östlichen und westlichen, einen beide Stile vereinigenden Grenzpfeiler errichtet. Den Westslawen soll auf diesem Wege vom Osten die Rotunde, vom Westen das Romanische von vornherein im Kirchenbau aufgedrängt worden sein: also ein historischer Beleg für die Entwicklungsannahme Dehios bzw. der Humanisten, die den »Barbaren« keine Selbständigkeit und kein Festhalten an ihren Bauüberlieferungen zutrauen. Was Beharrung sein dürfte, wird so von vornherein als Wille ausgegeben, gleichgültig ob die Kunstgeschichte damit vielleicht auf den Kopf gestellt wird oder nicht. Dazu ein anderes.

Die Forderung der Kirche nach dem Längsbau war vom Holzbau nicht leicht zu erfüllen. Ihr Wille wurde erst dann auf Jahrhunderte hinaus bestimmend, als Bischöfe und Klöster zusammen mit der weltlichen Macht vollkommen die Oberhand gewannen. Der Holzbau blieb daneben immer volkstümlich bestehen und arbeitete im Norden zu allen Zeiten als Unterschicht mit. Wir könnten anders weder das Enstehen der »Romanik« und »Gotik« im Norden, noch die Blüte des nordischen Barock verstehen. Erst das neunzehnte Jahrhundert bringt die Holzkirche planmäßig um.

In den Anfängen der Entwicklung des Kirchenbaues im Norden kann man noch deutlich die Nachwirkung des Holzbaues in den Kirchentypen nachweisen. Das entscheidende Merkmal in der Trennung eines slawischen West- und Ostgebietes liegt darin, daß die Westslawen dazu neigen, die quadratische Form zugunsten der lateinischen Längsrichtung aufzugeben, die Ostslawen dagegen in der Festhaltung des Quadrates als Grundeinheit ihrer Bauten durch die griechische Kirche nur noch bestärkt werden. Über Westeuropa und

seinen Fachwerkbau will ich hier nicht sprechen; darüber werden eigene Arbeiten erscheinen.

In Europa siegen seit Rom immer wieder die Willensmächte über die beharrenden Kräfte. Im Bauen verschwindet der quadratische Grundriß, der ursprünglich im Norden ebenso der herrschende war, wie der Schmuck in Linien, Flächen und Farben, die der vom Süden vordringenden Darstellung unterliegen. Die durch den Willen zur Macht in immer größere Einheiten zusammengefaßten Stämme des Nordens, die ihre Kirchen ursprünglich für Familien, bzw. kleine Gemeinden erbauten und erst durch die Bischöfe selbst oder die mit ihnen um die Macht ringenden Höfe zurückgedrängt wurden, treten in ihrer Art als Unterschicht in den Hintergrund zugunsten von Bauformen, die ursprünglich von volkreichen Städten des Südens für die Zwecke großer Menschenansammlungen geschaffen waren. Das ist der Ursprung der Basilika, auch im Norden. Aber die Stämme hatten schon vorher eigene Kirchenbauformen im Anschluss an ihre alte Überlieferung ausgebildet. Man muss zuerst an diese denken und dann erst an die von dem kleinen Volke der Armenier und ihren an Mitgliederzahl bescheidenen Gemeinden ausgehende, einst auf Grund des quadratischen Holzbaues errichteten quadratischen Kuppelbauten. Es könnten im Norden immer noch diese Stämme sein, die auch ohne Armenien, bzw. Konstantinopel unmittelbar vom Holz- zum Steinbau übergehen, also am Quadrat festhalten, aber bald mit dem Sparrendach eindecken. Das scheinen mir, wie gesagt, Fragen, die der Mühe wert sind, genauer untersucht zu werden. Es ist eine geradezu humoristische Tatsache, daß trotzdem die herrschende Willensmacht, die Kirche, in Rom sowohl in der Peterskirche, wie schon in Konstantinopel in der Sophienkirche, nicht mit der Basilika, sondern mit jener quadratischen Grundform bauten, die wir in ihrem bescheidenen Keime noch beim Eintritte des Christentums bei den Ostslawen nachweisen konnten und die dann dort im Holzbaue nie ganz ausstarb, weil sie eben im reinen Blockverband die natürliche Bauart ist.

3. Bewegung.

Neben den beharrenden Kräften und Willensmächten kommen Kräfte der Bewegung in Betracht, wie sie bei den Westslawen etwa darin zu suchen wären, daß durch Handel und Verkehr, vor allem die Flußläufe entlang, Gestalten der Nachbarkunst in Stammgebiete von beharrender Eigenart vordringen. Ich sehe als eine solche Bewegungserscheining das Vordringen des Sparrendaches nach dem

Osten an, einer Dachbildung, die m. E. nur im Ständerbau entstanden sein kann. Diese Holzbauart kann zunächst für das Haus im Westen Europas und im Süden Eurasiens verfolgt werden, die Kirche tritt dort bereits ihr Erbe an, ähnlich wie im Osten das des Blockbaues. Wir werden über diese Dinge erst auf Grund von Tatsachen urteilen können, bis die Denkmäler der Holzbaukunst im Zusammenhang bearbeitet und betrachtet sind. Das gleiche gilt für den Rundbau. Es wird hier vor allem darauf ankommen, daß auch unter den Kroaten endlich einmal ein Lehner aufsteht und das vorromanische Material sammelt. Dort ist die Mannigfaltigkeit der Typen im vorromanischen Steinbau noch viel reicher und die Frage, ob die auffallende Verwandtschaft mit den altarmenischen Bauten sich auf Beziehungen irgend welcher Art zwischen diesen beiden Kunstkreisen untereinander oder durch Vermittlung eines dritten, eben des osteuropäischen Blockbaues erklärt, noch viel brennender als bei den Westslawen. Vorläufig können wir nur versuchen, durch Veröffentlichung der Holzkirchen und durch den Vergleich der verschiedenen Kreise untereinander wie durch den Mut, sie einmal zusammenfassend zu behandeln, allmählich in die schwierigen Fragen einzudringen.

IV. Beschauer.

Ich lege in vorliegender Arbeit den Nachdruck auf den Nachweis der Bedeutung des quadratischen Grundrisses für die vorromanische Kunst. Aufmerksam wurde ich auf ihn schon bei meinen asiatischen Studien, vor allem in Armenien und bei Verfolgung des Quadrates von der Kuppel zurück zum Holzbau. Dann fand ich ähnliche Anzeichen in Finnland und endlich ist mir die ganze Wichtigkeit gerade an den Holzbauten der Westslawen, d. h. da aufgegangen, wo später der römische Einfluß die eigentliche Längskirche mit ihren Stützenreihen durchsetzte, eben mit dem, was wir gern als romanisch u. s. w. bezeichnen.

Wie schwer sich solche Beobachtungen zur Anerkennung durchsetzen, bezeugen die Erfahrungen, die Lehner bei seinem Vorgehen gefunden hat, so insbesondere bzgl. der Entstehungszeit der einschlägigen Denkmäler. Ich setze die bezeichnende Stelle in seinem Vorworte S. V. f. hierher: »Zur Zeit, da ich meine romanischen Exkursionen begann, anerkannte man als romanische Werke nur Rotunden und Kirchen, die in einer östlichen Apsis endigten. Von diesen wie von jenen waren damals nur einige bekannt. Ich forschte also nach weiteren Denkmälern der beiden genannten Typen

und es gelang mir eine recht bedeutende Zahl von bisher unbekannten Kirchen beider Formen zu entdecken. Die in einem rechtwinkeligen Chor endigenden Kirchen mied ich absichtlich, obwohl ich an ihnen Merkmale des romanischen Ursprunges vorfand. Erst nachdem sich ihre Zahl mehrte und die Merkmale romanischen Ursprunges mir nicht nur im Schiffe, sondern auch im quadratischen Chore zur Erscheinung kamen, begann ich sie genau zu beobachten und fand mit Freude in ihnen eine neue, dritte Gruppe von romanischen Kirchen, die bis jetzt nicht als romanische Bauten anerkannt waren. Indem ich in dieser Richtung weiter forschte, stieß ich auf drei weitere bisher unbeobachtete Typen romanischer Kirchen, auf Bauten, die zwischen Schiff und Apsis einen viereckigen Priesterraum einschoben, auf Kirchen, die den Chor halbkreisförmig endigten. Und schließlich auf zentral angelegte Bauten in der Art der byzantinischen Architektur. Stets, wenn ich im »Method« einen neuaufgefundenen Typus zur Veröffentlichung brachte, ertönte mir jedesmal aus Fachkreisen ein lauter Widerstand entgegen. Die mir wohlwollenden Freunde warnten mich in der Meinung, meine übergroße Liebe verführe mich auf Abwege. Meinen Bestrebungen entferntere Fachleute sprachen sich weniger wohlwollend aus. Doch hatte sich der Widerstand auf dieser wie auf jener Seite bald gelegt, und man wartete gar nicht darauf, bis ich meine »Geschichte der čechischen Kunst« herauszugeben beginne, vielmehr kamen die von mir entdeckten romanischen Typen aus dem »Method« in andere Schriften als eine längst bekannte Sache, worüber es keine Zweifel gebe. Nur über den sechsten Typus wurde außerhalb des »Method« nichts laut, sicher nur deswegen, weil ich diese neue Gruppe erst im vorletzten Jahre festgestellt habe und seit dieser Zeit noch keine neue Publikation dieser Art erschienen ist. Wenn man in der Kunstgeschichte anderer Völker die kleinen Kirchen gewöhnlich mit Stillschweigen übergebt, gewinnen bei uns gerade diese Denkmäler durch die Entdeckung des sechsfachen Bautypus eine eigentümliche Bedeutung und eine außergewöhnliche Wichtigkeit aus dem Grunde, weil die verschiedenartige Lösung des einen Gedankens in unserer Heimat gleich an der Schwelle der Kunstgeschichte des čechischen Volkes steht.«

Lehner fand wohl in erster Linie deshalb Mißtrauen, weil er mit einer fertigen Überzeugung an die historische Einordnung der von ihm gefundenen Typen herantrat. Heute müssen wir seine Tat mit Dank anerkennen: er hat der Denkmalkunde wichtigen Arbeitsstoff

zugeführt und neuerdings durch die Überweisung seiner Bibliothek an die kunsthistorische Lehrkanzel der čechischen Universität in Prag sein Verdienst noch gesteigert. Inzwischen wird sich, wie ich hoffe, gefördert auch durch meinen Versuch in dem Buche »Die Krisis der Geisteswissenschaften« ein strenges Auseinanderhalten der Sachforschung von Beschauermeinungen, sie seien noch so geschichtsphilosophisch angehaucht, durchsetzen.

Die ältesten Steinkirchen Böhmens wie die späteren Holzkirchen wurden bis jetzt leicht zum Spielball von polititischen Historikern, die sie je nach der persönlichen Zugehörigkeit zu einer Nation und Kirche hin und herschoben, wie es ihnen eben am Herzen lag. Als Gegenstück zu Lehner möchte ich den Bischof Dr. Franz Haas nennen, der die Aufnahmen von Lippert und Schulcz 1866 in den Mitteilungen der Zentralkommission XI, S. l. f. historisch einbegleitete und von vornherein mit der Überzeugung an sie herantrat, daß es deutsche Ansiedler gewesen sein müßten, die den Holzkirchenbau in der Slowakei einführten.

Wenn man erst einmal anfangen wird, darauf zu achten, daß neben den gewöhnlichen Typus unserer Museen, die die internationale Groß- und Kleinkunst sammeln, Heimatmuseen gehören, die zeigen, wie die Kräfte von Lage, Boden und Blut ursprünglich im Norden Europas wirksam waren und durch die in römischer und und christlicher Zeit vorstoßenden Mächte des Südens verdrängt wurden, wenn man dann die geradezu systemathisch vernichteten Spuren der vorromanischen Zeit zusammenbringen wird mit einzelnen auch heute noch bei den Slawen nicht ganz ausgestorbenen Zweigen der Volkskunst, dann wird ein solches Heimatmuseum nicht mehr als Nebensache behandelt werden; man wird vielmehr anfangen, das Land glücklich zu schätzen, in dem augenscheinlich gezeigt werden kann, daß die von Süd- und Westeuropa nach dem europäischen Norden vordringenden Mächte doch noch nicht alle Spuren des ursprünglichen und einst in der Kunstentwicklung des Nordens bestimmenden Geistes vernichten konnten. Was hier für die Westslawen zu zeigen versucht wurde, läßt sich ebenso für die Südslawen[1]), die Finnen[2]), die Skandinavier[3]), die Kelten in

[1]) Darüber hielt ich im März und Mai 1924 drei Vorträge in Zagreb. 1925 wird zuerst in kroatischer Sprache mein Buch »Forschungen über altkroatische Kunst« erscheinen.

[2]) Acta academiae Aboensis, Humaniora IV, 1923.

[3]) Vgl. »Das Problem der nordischen Kunst« Konsthistoriska sällskapets publikation, Stockholm 1919.

Irland[1]), die Angelsachsen[2]) und Deutschen nachweisen. Es darf uns nur der Humanismus und seine Schulmeinungen nicht blind machen für das, was vor ihm in Nordeuropa herrschend war. Ähnliches habe ich für Asien in einem Aufsatz über »Die asiatische Kunst« vorzuführen gesucht (Jahrbuch der asiatischen Kunst I).; vgl. dazu mein »The northern stream of art from Ireland to China and the southern mouvement.« (Year Book of oriental art I.)

Wien.

Josef Strzygowski.

---

[1]) Vgl. Year book of oriental art I. 1924 S.

[2]) Vgl. die der englische Ausgabe meines »Ursprunges der christlichen Kirchenkunst«: Origin of christian church art S. 230 f. angefügten Abschnitt IX »Hibernosaxon artin the time of Bede«.

Ich bin hier vorwiegend auf Baufragen, nicht so sehr auch auf die Frage der Ausstattung dieser Bauten eingegangen. Das werde ich in einer Arbeit tun, die über südslawische Kunst handelt. In diesem Kunskreise sind wie bei den Longobarden noch Steinnachbildungen von Kirchenmöbeln aus karolingischer Zeit, bzw. aus der Zeit um die Wende des ersten christlichen Jahrtausend erhalten. Bei den Nordslawen fehlt darüber vorläufig jeder derartige Arbeitsstoff. Damit ist noch lange nicht gesagt, daß keiner vorhanden war oder ist. Wir müssen nur endlich anfangen, ernstlich zu suchen. Vgl. inzwischen den einen Stein vom Wawel in Krakau, den Sokołowski in den Sprawozdania do badania hist. sztuki VIII S. CCCCXIV abbildete, bezw. was in meinem Armenienwerke S. 721 über Jurjev polskij gesagt ist.

Zur Seite 394. [a]) Die Kunstgeschichte hat leider von der starken Anregung die 1895 von der Národopisná výstava českoslovanská in Prag ausging, keine Vorteile gezogen. Vgl. den Bericht in den Mitt. d. anthropol. Ges. in Wien XXV.

Zur Seite 427. [b]) Vgl. Näheres in den Acta Academiae Aboensis, Humaniora IV, Strzygowski »Das Erwachen der Nordforschung in der Kunstgeschichte«.

Zur Seite 432. [c]) Vgl. im Anschluss daran den Versuch von E. Zierer »Ursprung barocker Kuppeln« in Konsthistoriska sällskapets publikation, Stockholm 1923, S. 5f.

Zur Seite 436. [d]) Vgl. dazu auch die völlige Vernachlässigung des Holzbaues bei P. Frankl »Die Baukunst des Mittelalters« soweit im Handbuch der Kunstwissenschaft erschienen.

Kritiky a referáty.

Norbert Jokl: **Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen.** Untersuchungen zur indogermanischen Sprach- und Kulturwissenschaft, begründet von Karl Brugmann und Ferdinand Sommer. Herausgegeben von Wilhelm Streitberg und Ferdinand Sommer. Bd. 8. Walter de Gruyter & Co., Berlin und Leipzig 1923. XI und 366 S.

Die albanische Sprachforschung wurde von der Slawistik aus der Taufe gehoben. Zu des Altmeisters Miklosich unvergänglichen Leistungen gehört seine Sorge um die Albanologie; ihm ist denn auch das fundamentale Wörterbuch Gustav Meyers gewidmet. Nachdem in jüngster Zeit Barić, Guyon und Oštir die alten Traditionen der Miklosichschen Schule (Hanusz, Jarník u. a.) wieder aufgenommen haben, zeigt sich im vorliegenden Werke die Notwendigkeit des Handinhandgehens beider Disziplinen von neuem. Die Musterung der gegischen Mundarten, wie sie auf Grund der Arbeiten Nopcsas,[1]) der shkodranischen Quellen und anderer Momente hier vorgenommen wird, liefert dafür einen schlagenden Beweis. So können wir nach der eifrigen Pflege unter hellenistischer und romanistischer Ägide auch den Anfangspunkt des Kreises im Ablaufe albanologischer Forschung wieder heranrücken sehen.

Nach Meyers Arbeiten vom griechisch-albanischen und epirotisch-toskischen Gesichtswinkel mochte der slawische Einfluss auf das Gesamtalbanische gering erscheinen. Eine solche Auffassung kann man aber schon aus dem Grunde unmöglich aufrecht erhalten, weil die (mit dem 15. Jahrhundert einwandernden toskischen) Ansiedler in Kalabrien *Galbardhenj*[2]) heissen. Das sind also »Leute aus *Golo bъrdo«! Und eine kleine Monographie von Vařeka (Budweiser Programm) bringt eine erhebliche Anzahl von südalbanischen Ortsnamen slawischer Benennung, die enge Beziehungen des Slawentums zu den südlichsten albanischen Stämmen veranschaulichen.

Über den sprachlichen Einfluss der Slawen auf das Albanische kommt Jokl aber nur verhältnismässig wenig zu sprechen. Als bulgarisch werden betrachtet p. 173 *łogε* ,Buschwald' »nur aus dem blg. Debradialekt« (*lǫgъ*), p. 286 *matkε* ,Weisel', p. 108 *tsarą* ,Herdstein' (**čerěnъ*) und in einer sehr gewundenen Darlegung *truvezε*, *trüezε* ,Tisch'. Bulg. *tronъ* ,Thron, Sessel, Bahre' hat aber eine andere Bedeutung und ein agr. ϑρóνος > **true*$_1$, ,Ehrensitz' mit dem slaw. Lehnwort (*tronъ* ,*Tisch' >) **true*$_2$ sich

[1]) Der Autor hat u. a. ein handschriftliches Sachwörterbuch Nopcsas verarbeitet.

[2]) Über ihre slaw. Elemente Guyon, Studi glottol. ital. V.

kreuzen zu lassen, ist eine Annahme, die schon an dieser Tatsache scheitert. Die Grundform **true* überhaupt schwebt ganz in der Luft, dazu widerrät das Toskische und die allgemeine Akzentuierung *trüézε* führt eben auf ein venezianisch misshandeltes *τραπέζα* (**trabeza*). P. 56 wird aus altserb. *kaznьcь*[1]) oder (! verfehlt) *kaznac* ‚camerarius‘ abgeleitet nordalb. *kasnets* (?) ‚Herold, Läufer‘ (ich habe ein südalb. *kaznec* im Ohr, ohne jedoch bei Verlust meiner Materialien mit Bestimmtheit dafür einzutreten; so p. 175!). Weitere serbische Elemente sind: p. 112 *tšerenik* ‚Vorratshäuschen‘: **čerěn(ьn)ik*, p. 161 *take* ‚Boot‘ < skr. *tȁk* ‚Balken‘ und die Suffixe *-ušε* = *-uša* (p. 154) und *-ats* = *-ac*, *-ьcь* (p. 217). Unbestimmt bleibt der Ursprung bei: p. 59 *šułε* ‚Dienerin‘ : *sъlъ* ‚legatus‘,[2]) p. 74 *ľuvgat* ‚Vampir‘ (und? *ľabitš* ‚Gespenst‘) : *ljubъkъ*, p. 116 *skań* ‚terminus‘: *konь*, p. 160 *trap* ‚Fährboot‘ : *trapъ* ‚fovea‘, p. 175 *rapš* ‚Plateau‘ : **ravьsъ*, p. 284 *stulpa* ‚Gesträuch‘ : *stъlpъ*, p. 286 *rojkε* ‚Bienenschwarm‘ : *roj*, p. 290 kal. *kuľε* ‚hernia‘ : *kyla*.

Fürs Nordalbanische ist die Ausbeute relativ gering. Denn schon die Ortsnamen künden dort von einer stärkeren Siedlung des slaw. Elementes. Ich gebe im Nachstehenden, auf diesem weniger bearbeiteten Gebiete einige vorläufige Hinweise. Vgl. *Bela* (Bez. Zhuri), *Belica* (nördl. Peshkopija bei der Mündung der Zeta in den Schwarzen Drin), *Berat* (бѣлъградъ), *Bërdica* (rd!, am Seeausfluss südl. Shkodra), *Bistrovica* (westl. Sinja; auf das *u* von *Bushtrovica* ist wegen des Akzents kein grosses Gewicht zu legen, mag auch der Ort dem östlichsten Drintale angehören), *Bllaca* (Brunja bei Dibra) und *Bllata e epër* und *poshtër* (ebendort bei Maqllari), *Boriçi* (Shkodra), *Borova* (südl. Zërkjani — Sheh Hysenaj und ebenso in Shkrapari). *Borovjani* (bei Peshkopija), *Brekinja* (bei Gora, прѣгынıа oder ‚sorbus aucuparia‘?), *Bresti* (Peshkopija), *Budini* (Elbasan), *Bulgëri* (Lesh, Блъгаринъ), *Çermënika* (Elbasan), *Dobraçi* (Shkodra), *Dobroniku* (Berat), *Draçi* (Kruja), *Dragoçi* (Kiri), *Golemi* (Shkodra), *Gorica* (mehrere), *Goriçani* (desgleichen). *Grazhdani* (Gramshi), *Kakarriqi* (Shkodra = skr. *Kokorić*), *Kosovec* (Okështungebiet), *Kozani* (Elbasan), *Kumartha* (Krnja), *Lluga* (Elbasan), *Mazrreku* (Shkodra und sonst, међу dem einheimischen Sprachbestande angeformt), *Muzhani* (Shkodra), *Nanhelmi* = Podhum

[1]) Hier wird unverständlicherweise gesagt: »Man müsste bei Annahme türk. Herkunft von *kaznьcь* voraussetzen, dass auch im Südsl. *kazna* als nordtürk., der weitaus älteren Schicht der Elemente des Sl. angehöriges Lehnwort einmal vorhanden war und verloren ging oder nur zufällig nicht überliefert ist. Dies ist jedoch nicht sehr wahrscheinlich, da ja bei dem Vorhandensein eines dem russ. analogen südsl. *kazna* ein Anlass zur Entlehnung eines osman. *hazna* kaum vorhanden wäre.« Darauf ist zu erwidern: hat denn etwa die Dewlet-i-ʿalije das Muster nordtürk. Staatswesen verwertet oder sind uns die Quellen für die altserbischen Institutionen und Kodifikationen unbekannt? Für die Frage ist Bernekers EW. 386 r. казначей ein prägnanter Fingerzeig.

[2]) Bei dem oben angeführten *šułε* ‚Dienerin‘ war mir sogleich ein baltischer Anklang aufgefallen: das lett. *sulainis* ‚Diener‘; in meinen Exzerpten fand ich Thomsens Ableitung aus dem Finnischen. Behufs Ableitung dieses Wortes gibt es zwei Versuche, den von Vilh. Thomsen — danach gehört es zu estn. *sulane* dss. (Vorgeschichte!) — und einen andern von Pogodin, РФВ. 33, 336 — sei zur Wurzel von sl. *sъlъ* gehörig. Prof. Endzelin, der mir mit Brief vom 2. IX. l. J. diese Literatur freundlichst übermittelt, stünde in Hinblick auf das Suffix der ersteren Meinung nicht ungünstig gegenüber.

(am Skutarisee), *Novosella* (Gora), *Oroshi* (ѹгрошь), *Proseku* (Matja), *Rada* (Preza) und viele Komposita, *Reçani* (Elbasan), *Selca* (Këlmendi), *Selica* (südlich von Elbasan) und zahlreiche ähnliche Stammesgleiche, *Shiroka* (nördlich von Shkodra), *Shushica* (Elbasan), *Smollnik* (östlich von Elbasan), *Toplana* (Kiri), *Tunjani* (Tirana), *Uznova* (Berat), *Vana* (Luma : Иван-а mit Apokope), *Velipo[*l]ja* (Shkodra), *Vërtopi* (Malishova), *Vojkani* (Lushnja), *Vorfa* (Shkodra, ist allerdings aromunischer Vermittlung verdächtig), *Vraniçi* (Gora), *Vukaj* (Shkodra), mit vielen dortigen Variationen wie *Vukjakaj* [Vuk Jak], *Vukatani, Vukpalaj* usw., *Zagoraj* (Shkodra), *Zavalina* (Elbasan), *Zhabjaku* (Kavaja). Eine ausführliche Publikation folgt.

Das Bestreben des Autors war allerdings, das Albanische durch sich selbst zu erklären, eine löbliche Tendenz, die aber vor der »Balkaneinheit« eine grundsätzliche Erörterung heischt. Umsomehr, als er seine Tendenz als indogermanisch deklariert;[1]) eine solche Arbeit wird vorgelegt. Die obige reduziert ausgezogene Siedlungsliste lässt aber schliessen, dass der sprachlich-kulturelle Einfluss ihrer Schichte mehr umfasste als engere Bereiche wie den der Administration und des Aberglaubens. Erst kürzlich hat für die Balkaneinheit mit ihren Zusammenhängen G. Weigand einen wertvollen Beitrag geboten, indem er den Admirativ im Neubulgarischen aufzeigte, Slavonic Review II, p. 567—568.

In dem Vorstehenden bediene ich mich durchgängig der Monastirer Rechtschreibung im Gegensatze zu Jokl, der an der alten Meyerischen Transskription immer noch festhält; m. E. ganz zu Unrecht angesichts des Umstandes, dass die offizielle Orthographie, zugleich die Schreibung zahlreicher wichtiger Literaturdrucke und lexikographischer Hilfsmittel nicht so ohne weiters übergangen werden darf. Dies muss berücksichtigt werden, wenn die linguistische Erforschung des Albanischen gedeihen und erspriesslich sich entfalten soll. Vgl. auch die Bemerkungen von Pekmezi, Arch. 21, 214, Gramm. 10.

Die albanische Etymologie steht allerdings unter der Auswirkung empfindlicher Hemmungen, deren wesentlichste die Kürze literarischer Überlieferung ist. Deswegen hatte Meillet Bulletin de la Société de linguistique 18, 226 ff. sich zu Jokls »Studien zur alb. Etymologie u. Wortbildung« (Wien 1911) Ableitungsversuchen gegenüber mit Hilfe applizierter Sprachwissenschaft skeptisch ausgesprochen, mag er das Handwerkszeug der Etymologie auch nicht so souverän verwerfen wie andere. In der Tat muss man daher trachten, wenn nur irgendwie angängig, eine möglichst lang zurückliegende Entwicklungsreihe aufzuzeigen, wofern man eine sichere Bürgschaft für proponierte Erklärungen gewinnen will. Lassen sich in einzelnen Fallen derartige Entwicklungsreihen gewinnen? Gewiss. Als solche müssen die Residuen albanischen Sprachgutes in den nachbarlichen Sprachen anerkannt werden. Deren werden aus dem skr. Südwesten, insbes. Montenegro, vorgeführt p. 84 *zdȕha, stuha* (aus geg. *stuhí)* und p. 202 *molika* ‚pinus peuce Grisebachii'; dieser

[1]) P. 3 wird die einschränkende Bemerkung abgegeben, dass er aber nicht »in einer Art linguistischer Affenliebe darauf ausging, möglichst viel für den idg. Grundstock zu retten.«

Kiefernname ist auch fürs Bulgarische bezeugt, wo als Wacholdername noch *morika* vorkommt.[1]) Auch das Rum. partizipiert: *molidv, molitf* ‚Nadelbaumarten', wobei als Alter der Entlehnung die nachrömische Zeit angegeben wird. Diese Chronologie wird aber auch nicht durch das vermeintlich albanische *katun* ‚Lager, Dorf' befürwortet, das in Südalbanien unbekannt, somit nicht als spezifisches Balkanwort (p. 153 A.) bezeichnet werden darf; es ist awarisch-urbulgarisch und dem Osmanisch-krimtatarischen eine Befruchtung *oluk, uluk* ‚Rinne, Kanal' (unbelegbaren Weges p. 153), sei's durch das Rumänische (*uluc, ulucă*), Bulgarische (*oluk*) oder Serbokroatische (*òluk*) von der Adria zuzuweisen, scheint mir ebenfalls keine Stütze. Dass wir aber gar das Mittelalter, demnach den Zeitraum von 476—1492 christl. Ära, als den Abschnitt nachbarlicher Beziehungen der Völker — nicht wandernder Hirtenstämme —, zwischen denen der Donaustrom liegt, ansehen sollen, widerlegt schon die Analyse des rum. Wortes. Es kann sich hier nicht um ein Kollektivsuffix -*δε* handeln — denn dies hätte **dva* ergeben müssen, falls nämlich der alb. interdentale Spirant -*δ*-, der dem Rum. fremd ist, durch die Gruppe *dv, tf* substituiert worden wäre, was allem bisher Bekannten allerdings zuwiderstrebt —, sondern nur das Baumnamensuffix, das in germ. *apaldra, hulandra*, ahd. *wechalder* usw. vorliegt. Es ist dies aber, durch *dru* beeinträchtigt, differenziert worden, so dass *r*-lose Formen **d(r)u̯és* aufkamen, die das Rumänische wiederspiegelt. Beweis dessen, dass das Rumänische die Wurzel *dru*- noch sonst erhalten hat. Hier kann keinesfalls beigepflichtet werden.

Wo aber, wie in der Mehrzahl der Fälle, eine Ahnenreihe nicht aufgestellt werden kann, müssen tragfähige Stützen für den Mangel zwingender Evidenz verwertet werden. Die Unterschiede landschaftlicher und mundartlicher Natur, Bedeutungsabschattungen und insbesondere sorgliche Beachtung der Sachverhältnisse können als solche dienen. Vom Rufe »Wörter und Sachen«, den der verdienstvolle Meringer ausgegeben hat, ist denn Jokls Schrift geleitet. Zeugnis hiefür legt ab ihre Gliederung [I. Recht, Sitte, Glaube, II. Haus und Hausrat, III. Landschaft und Vegetation, IV. Viehzucht] und man sieht den Autor bemüht, die verschiedenen Kulturschichten in Albanien aufzudecken. Die sichern Ergebnisse entsprechen vielleicht nicht der mühseligen und schwierigen Rodearbeit auf pfadlosem Gelände, aber es muss dem Verfasser als besonderes Verdienst angerechnet werden, dass er als einer der Ersten dieser beschwerlichen Aufgabe sich unterzogen hat. Eine reiche Fülle neuen Materials wird ausgebreitet und aus den alten Meinungen eine Menge unhaltbaren Wustes beseitigt. So p. 37 *jošε*, p. 41 *vεła*, p. 51 *ve*, p. 60 *hie* (: сѣнь), p. 130 ***pluar***, p. 143 *flugε*, p. 155 *gεršεrε*, p. 165 *bieškε*, p. 226 *tε lašta*.[2]) p. 245 *štązε*, p. 273 ***klumεštε*** u. a.

---

[1]) Das bulgar. Wort kann nicht als Kontamination zwischen *molika* s. o. und *mura* ‚Maulbeere' aufgefasst, sondern muss als primär und selbständig gedeutet werden.

[2]) Wegen des Plurals ist z. B. auf lett. rudſi ‚Roggen' zu verweisen, wo irgend eine beliebige textliche Stelle die Sachlage aufhellt: Waj juhs redſejat ſemneeku rudſus płaujam. Bei russ. хлѣба ist aber nicht nur die auf den Feldern stehende Frucht sondern auch die eingebrachte bezeichnet. Озимые хлѣба хорошо стоятъ, яровые плохи; красуются, цвѣтутъ: на гумнѣ, въ амбарѣ,

Zu diesen Wortableitungen, von denen linguistische und kulturhistorische Bemerkungen ausgehen, habe ich verschiedentliche Bemerkungen zu erheben und lege davon einiges vor. Der Weg der in der Sache wohl das Richtige treffenden Überprüfung gegen Miklosich bei *nip* (p. 17) ist insofern ungangbar, als gegen die Latinität eines zugrundeliegenden *nepos—nepš* die Formen *rεmp* (*ramus*) und *krimp* (aus **kr̥mis*) keine Instanzen darstellen. Denn einem postulierten *nef(š)* sollten dann *rεmf, krimf* gegenüberstehen. Formen, die nicht belegbar sind. Was die Vokalisation betrifft, ist sie nur durch den ō-Umlaut zu erklären, ZromPh. 38, p. 389. Ein *ńēpnε* hätte *ńīp* ergeben wie *ńīr*. Die p. 7 angenommene Pänultimabetonung steht u. a. gegen *mókεrε* = agr. *μᾱχάνᾱ*, aber auch gegen die vielen latein. Lehnwörter [von denen nur *vošter* (vgl. w. u.) **óleastrum* ausgenommen sein soll] wie z. B. *ipeškf-vi* : *episcopus*, p. 20. Hieraus ist nicht der Beweis für *pš* zu *f* zu liefern, denn »da ja das Christentum bei den Vorfahren der Albaner gewiss jünger ist als der lateinische Einfluss überhaupt«, kann die wirklich Wurzel schlagende und dem Volke mundgerecht werdende Diözesanverfassung, sogar Liturgie *(łter!)*, erst aus altitalienischen Priesterseminarien datieren. Das shkodranische *Parruca (parochia)* dürfte genügen. Die Anfänge des Christentums werden gewiss in die konstantinische Zeit, ja noch vor 330 n. Chr. hinaufreichen. Aber die durchgreifende Missionstätigkeit zahlreicher, vielleicht sich kreuzender Faktoren hat Jahrhunderte länger gedauert. Es ist mit dem Autor die Worturkunde des lateinischen Christentums anzuerkennen oder deutlicher als röm.-kath. zu bezeichnen, will man das Sichere treffen. Der Autor kann nun *l̃εmš* nicht als *glemus* anerkennen (dies hätte zunächst **glεmpš* ergeben sollen), ob aber in der phonetischen Klangdauer von lat. *uš* und dem bessernd aus *-iš* hergeleiteten *-š*-Suffix eine zeitliche Diskrepanz gelegen sein sollte, ist mehr als zweifelhaft. Es wird p. 23 *l̃εm* als der regelrechte Vertreter eines vulglt. *glemu* hingestellt, doch dies ist ein Irrtum, denn im nordostgeg. sollte *gęm*, nordwestg. *gięm*, südtosk. *gl̃εm* usw. entsprechen. Das Wort ist demnach als »Kloben« (: *klieben*) zu sl. *lomiti* zu stellen. Desgleichen kann p. 40 das Berater *nul̃ε* auch nicht als »regelrechter Vertreter« von vglt. *anulla* bezeichnet werden, weil das tosk. *-n-* widerrät. Es müsste daher, Richtigkeit der Ableitung vorausgesetzt, hier spät übernommen sein und ein rezentes Element darstellen. Einen ə-Ausfall im Alban. aus **ĝenət-* anzunehmen, verböte der gleiche Umstand und die uralb. Identität mit lit. *žéntas* widerlegt — wegen geg. *δąndεr* und tosk. *δεndεr* — die bestimmt anzusetzende *o*-Stufe. P. 48 hat *δεndúr̄ε* primäres *u*, nicht erst infolge Beeinflussung von **su̯ek̑uros*, denn es zeigt das *r̄* nur vereinzelt; den Beweis erbringen Vergleiche mit *-πατυρος*, ahd. *fatureo*, anord. *fǫþor* usw. Bei dem durchgängigen *r̄* von *vjehεr̄, vjer̄* ist der Schlusslaut unerklärt und auch das *h* nicht klarer. Das *r̄* scheint Ersatzdehnung für *rε*. P. 53 wird dem shkodran. *dokε* ‚Rechtsgepflogenheit, Gesętz', als der Abstammung von den östlichen Bergclanen entsprechend,

въ сусѣкѣ; hier war der Gang der Entwicklung allerdings umgekehrt, vgl. Potebnja, Знач. множ. числа въ русскомъ языкѣ. Weitere lit. Beispiele bieten Kurschat Gr. § 1298, Schleicher Handb. I. 255 ff., Jaunis-Būga, Грамм. 19 ff.

dukε ,aspetto' zugrundegelegt. Nun ist aber der Übergang von *ū* zu *ō*, denn um Längen handelt es sich, entsprechend der Behandlung von *ī* nichts anderes als eine Diphthongierung. Wenn also in der Dibra gesprochen wird *tš tε do*^{u}*ket, a ǫšt me*^{i}*sri i me*^{i}*r*, so kann zwar der *i̯*- und *u̯*-Bestandteil lokal schwächer werden, nie aber der geschleifte Charakter eines diphthongierten Komplexes überhörbar sein. Zudem ist, wie das gewählte Beispiel bezeugt, das Einsetzen der *i*- und *u*- Diphthongierung erheblich nachtürkisch, vor das 17. Jahrhundert nicht hinaufzudatieren. Die türk. Verwaltung mit ihren wohl eingearbeiteten Rechtsbehörden gab dazumal dem mit ihrem Beamtennetze überzogenen Wilajet Skutari kaum das Bedürfnis, sich aus dem östl. Kosowo oder Monastir Belehrung zu holen. Ohne eine solche zwangsläufige Annahme ist daher *dokε* nicht zu *dukem* ,scheine' (wäre »Anschauung, Weisung, Rechtsweisung, Rechtsbeschluss«), sondern ungezwungen zu *dua, don* ,mögen, wollen, lieben' zu stellen (wäre »placitum«). Der Umstand übrigens, dass es nicht mit *tokε* zusammengeworfen wird, dass es kein *s tua*, nur *z dua*, kein *tukem*, nur *dukem* gibt, müsste zur Vorsicht mahnen, das alb. Konsonantensystem so scharf vom sl. zu trennen (p. 84 und passim). Es ist der Sachverhalt wohl der, dass im Sandhi Tenues erweicht werden; der alb. Anlautskanon, von dem ich Mitt. Rum. Inst. Wien I, 1914, 365 gesprochen habe,[1]) erweist dies: *nkütet* zu *ǵütet*, aber diese Erscheinung ist erst nach dem Ausscheiden der Dialektkerne eingetreten. Der umgekehrte Fall, dass die Media zur Tenuis wird, erscheint mir aus analogischer Übertragung erklärlich. In der Praxis wird denn doch die Schreibung der Quellen stets hochgehalten, z. B. p. 298. Die Deutung von *zatohem, tsaptoj* p. 79 ist unrichtig. Als ganz untrüglicher Anhaltspunkt ist z. B. shkodr. *pravue* ,provare' anzuführen. Es handelt sich hier nicht um Reduktion zum Murmelvokal und nachherige Wiedererlangung einer vollen (beliebigen) Klangfarbe, sondern um die (mit erhöhter Spannung verbundene?) Senkung des *o*, wie ich in Shkodra beobachten konnte: *po*$^{\breve{a}}$, *zo*$^{\breve{a}}$*t*. U. a. scheint mir die Deutung von *bješk* p. 165 sequ. (: *bie, *bherā* ,fallen') das Richtige nicht zu treffen. Die Bedeutungen dieser Wurzel würden auf ,Bergsturz, Berghalde mit Steinschlag', also ,ödes Gelände' führen, das in den verkarsteten Nordlandschaften in seiner Ausdehnung eher Fortschritte macht, als in Almgebiet oder gar Gehölz sich verwandelt. Es muss die Sippe auf die zu Bergnamen verbaute, zugehörige *Hoher Pirn, Pirgass* im Österreichischen bezogen werden. P. 174 wird als unsicher bezeichnet, dass *pl̦ajε* rumänischen Ursprungs sei. Aber

---

[1]) An der zitierten Stelle wird, infolge eines Versehens, von Umlautskanon gesprochen, was verdruckt ist. Für den alb. Sandhi, welcher der kelt. Anlautsänderung nahekommt, ist diese letzte Bezeichnung gewissermassen die zutreffendste; gleichwohl treten, wie nicht anders zu erwarten, auch einige andersgeartete Fälle auf, z. B. *šüs : žüs* wo *š-žüs*, also eine Präfigierung vorliegt, usw. Ausführlich darüber anderswo. Dass der kombinatorische Anlaut schon in ältester Zeit den Sandhiwirkungen ausgesetzt war, zeige *fl'utur* 'Falter', *s-plotoro*, zur Übersetzung und ahd. *fledar-mūs* gehörig, demnach wohl nicht mit dem altidg. »beweglichen« *s*, vgl. Th. Siebs, KZ. 37, 277 ff., sondern mit späterer sondersprachlicher Entwicklung. Ein wohlbekanntes Analogon bietet das Baltische, vgl. Brückner, Litu-slav. Stud. I, 59, Изв. 17, 4, 127 ff.

in diesem Falle wäre doch wohl **płaj* aus rum. *plai*, aromun. *plaiu* zu erwarten. Auch die Movierung wäre umso dringender der Aufklärung bedürftig, als doch eben die wichtigsten Synonyma zeigen, dass die zugehörige Gruppe durchwegs den masc. zuneigt, was vielleicht von *gur* ausgeht: *mal̄, püł* (vom fem. zum masc. verschoben!), *dušk, špat, büšk*, eine Reihe, welcher als Gegenstück *šeš* gegenübersteht. Die weitern Detailbezeichnungen in dieser Welt sehe ich als ursprüngliche neutra an, *kodrɛ*,[1]) *majɛ, tšukɛ, sukɛ*, zu welchen letzteren *Suma* gehört, als **qeu̯qmen*, dann auch *fušɛ* ‚Ebene'. Letzteres Wort gehört zu lat. *spatium*, wobei von der mit *u̯* erweiterten, trilitteralen Wurzel *spēu̯* auszugehen ist, die im germ. *spôw* vorliegt, s. Fick, Idg. Wb. III[4], 514. Das ursprachliche *sp* wie auch *ps* wird uralban. zu *f*, was andere etymologische Indizien und Wandel wie *ϑuprɛ, šufrɛ, špl̄akɛ, fl̄akɛrešɛ* u. a. erhärten, wie ich in einem besonderen Aufsatze ausführe. Den *f*-Laut gab es schon zur Zeit der röm. Kolonisation, was die lat. Lehnwörter und rum. *ceafă* beweisen. Daher ist das proponierte ursprüngl. Neutrum durchaus zulässig. P. 182 wird das Verhältnis zwischen *moδułɛ* und *motułɛ* falsch beurteilt. Die entstellte Form *motułɛ* (mit volksetymologischem Anschluss an *mot* ‚Wetter': ‚Wetterling, Wetterkraut') ist allerdings für die Aufschliessung nicht zu brauchen, sondern nur die ursprüngliche **moδɛłɛ*. Vergeblich wird versucht p. 322 Barić' Gleichung (Albanorum. Stud. I, 55 ff): aind. *māšaḥ* ‚Bohne', pam. *max* ‚Erbse', npers. *māš* ‚Erbse', armen. *maš* ‚Bohnenart' durch die Frage zu entkräften: muss man um jeden Preis anklingende idg. Erbsennamen suchen? Unbedingt, lautet die Antwort, und unbedingt ist der Entstehung der Kulturpflanzen (Hehn, De Candolle u. a.) als Kulturgut bestimmter Kreise an den sprachlichen Petrefakten vorzüglich nachzugehen. Von der Grundform **mōδɛłɛ* ist auszugehen und es können nicht beide Formen »nur so miteinander vereinigt werden, dass jener Laut, der in dem einen Wort durch *δ*, in dem andern durch *t* reflektiert wird, vor der Suffigierung durch *-uł-* einerseits im Auslaut stand, hier zu *t* wurde, anderseits als *δ* auftritt, ohne stimmlos geworden zu sein«. Denn dies könnte nicht erklären: 1. die rum. Form, welcher 2. als alt doch *-d*-Schwund im Albanischen entgegenstehen sollte, aber kein **muałɛ* existiert oder 3. bei jüngerer, neuerlicher und gleicher Wortschöpfung **moϑɛłɛ*, das gleichfalls fehlt. Vielmehr handelt es sich um eine Dissimilationserscheinung. Bekanntlich hat das Gegische ein *δ*, das sich völlig dem *ł* nähert, regional sogar damit zusammenfällt. Diese Erscheinung ist aber auch im Toskischen stellenweise merklich. Aus *δ—ł* wurde infolge der starken Artikulationsähnlichkeit mit *ł—ł* bei der ersten Artikulation ein Verschlusslaut dissimiliert, ein *d* an der zugehörigen Bildungsstelle. Im Siz. und sonst ist der Wandel von *l* zu kakuminalem *ḍ* häufig, also die Entwicklung etwas gewöhnliches. Bei der Erklärung von *špar̄* und *šparδe* ist insbesondere auf *špar-δ* zu achten und demgemäss die obige Erklärung (hier p. 450) des Suffixes zu wiederholen. Dieser Eichenname ist aber, mit *š*-Präfix wie *š-kozɛ* ‚Buche' (: anord. *skógr* ‚Wald', ags. *scaga* ‚Gebüsch', engl. *shaw*, mhd. *schachen* ‚Gehölz', ohne *s*-Anlaut), an das alte **perqᵘo-* ‚Eiche' anzuschliessen, welcher ehrwürdige Name allerdings etymologisch nur

[1]) Vgl. rum. *codru*.

soviel wie ‚Prügelholz‘ bedeutete (aisl. *forkr* id.), vgl. armen. ***harkanem***, ***hari*** (Lidén, Arm. St. 87), also e i n e Erweiterung dieser Wurzel *perǫ* repräsentiert. P. 187 wird hinsichtlich ***ľis*** bemerkt, dass hier das ***i*** aus ***lěsъ*** auf Rechnung des Sl. zu setzen wäre, wenn es nicht aus dem Alb. zu erklären ist. Die Frage wird durch den Ortsnamen ***Polis*** bei Elbasan beantwortet. P. 195 ist zur Erklärung von ***mεłε***, geg. ***mułą*** ‚Herzleid‘ zunächst nur an ***mał*** dass. Anknüpfung zu suchen. P. 209 ist die proponierte Etymologie von ***vōšter*** ‚Hartriegel‘ im Kastratigebiet (sei Spaltergebnis zu ***ułaštrε*** ‚wilder Ölbaum‘ ****olīvástrum***) als ****ólīvastr***^{os} (?) schon wegen des bedeutlichen Abstandes hinfällig. P. 239 wird Meyers Grundform (Alb. St. 3, 29) **dhailjā* oder **dhoiljā* für *del'e* zu Unrecht angezweifelt. In sämtlichen Dialekten ergibt idg. *l̥i̯* festes, palatales, nicht mit landschaftlichem *j* wechselndes *ľ*. Das s e k u n d ä r e *lj*, welches dem Wandel zu *ll* nicht mehr unterlag, ist hievon streng zu scheiden. Besonderen Beifall verdient p. 241 die Erklärung von ***hanuer*** ‚Widder‘ als‚[schlechtes‘ Mondschaf‘: vgl. abruzz. ***lunarẹ*** ‚unfruchtbares Schaf‘. Dem Monde wird im Volksglauben ein geheimnisvoller Einfluss auf die Fruchtbarkeit zugeschrieben, was auch d. ***Mondkalb*** ‚Ovarcystom‘ bezeugt. Hier haben wir doch gewiss einen »Völkergedanken«, wie er zweifelohne auch bei den Sonnen- und Mondfinsternis erzeugenden Dämonen S. 71, A. 3 angenommen werden muss. [Käme es auf Einzelheiten an, so könnte man denn auch in dem alb. ***ľugat*** den gleichwohl sichern sl. Vampireinfluss nicht erblicken, obwohl der Synkretismus etwas der Mythologie und Sagenliteratur ganz gemeines darstellt.] Sind doch auch die von mir mitgeteilten Trümmer des Sternmythos vorislamisch und können also nicht vom Orient verschleppt sein. P. 255 ***verε, vεri*** ‚populus alba‘ und ir. ***fern*** stimmen keineswegs in den Lauten genau überein. Das Wort gehört zunächst zu sl. *ja-vorъ*, doch zur Dehnstufe **u̯ōr* (vgl. aind. *vār* ‚Wasser‘, auch. arm. ***ǰur*** usw.) als **u̯ōri̯os* ‚Wässerling‘. Wie *l̥i̯* wird auch ursprachliches *ri̯* behandelt, worüber oben gesprochen wurde. Entlehnung des sl. ***javorъ*** aus germ. ***ěhura*** ‚Ahorn‘ kann immerhin wegen der Bedeutung in dieser bedeutlichen Beeinflussung verstanden werden. Die ursprüngliche alb. Bedeutung ist vielleicht (auch die sl.?) durch ir. ***fern*** vertreten und dürfte erst nachträglich mit der gleichfalls den Aubestand liebenden populus alba gemengt worden sein. Derlei Übertragungen nimmt schon Lidén IF. 18, 485 ff. an. Jokls Auffassung von ***kεluš, kεľūš*** könnte man mit den Worten ihres Urhebers als »lautlich und morphologisch gleich unwahrscheinlich, semasiologisch nichts weniger als zwingend« bezeichnen. Es wird p. 263 für das ‚W e l p e‘ bedeutende Wort die allgemeine Bedeutung ‚J u n g e s v o n T i e r e n ü b e r h a u p t‘ als ursprünglich angesetzt. Dies aus Bibelübersetzungen zu belegen, Kristoforiđi N. T., Matth. 3, 7 *γεννήματα ἐχιδνῶν*, scheint immerhin methodisch nicht sehr empfehlenswert. — Die Schwierigkeiten, mit denen die Übersetzungstechnik der Evangelien zu kämpfen hatte, sind uns z. B. aus dem Slawischen recht geläufig. Die Sprache musste bei der Übertragung nur zu oft vergewaltigt werden, um zu einem halbwegs brauchbaren Ergebnis als Abbild zu gelangen, wie ***pъklo*** als ein Beispiel für viele andere lehrt. Gegen die Misshandlung des Sinnes durch die Übersetzerschulen hat niemand geringerer als Goethe Verwahrung ein-

gelegt. indem er in Faust I. in dem Auftritt im Studierzimmer bei der Teufelsbeschwörung, die mystische Verszeile Joh. I, 1 in ihrem wahren Sinne zu erfassen strebt. — Meint doch der Autor gleich darauf hier eine Übereinstimmung mit dem Keltischen auf dem Gebiete der Viehzucht notiert zu haben. Aus lautlichen Gründen ist die Grundform **lŭdhsi̯o* schon deshalb abzuweisen. weil die tosk. Form *kεl̄ūš* sie nicht zulässt, wie auch morphologisch die Kompositionsfuge ein *ł* erwarten liesse. Vielmehr: zu *kεl̄üš* ist *kεl̄uš* geneuerter Singular, wie oberfränk. *Fusch* zu nhd. *Fisch*, jenes berühmte Beispiel aus der Geschichte der Sprachforschung. Die angesetzte Form **ludhsio, *l̄uš* existiert ebensowenig wie das vorausgesetzte Verb *(kε)l̄üš* oder **(kε)l̄üϑ* des älteren Ableitungsversuches. Dieser konnte immerhin als Glied in der Fragenkette — *i* zu *u*? — dienlich sein, abgesehen davon, dass er zu *slověninъ*—*lietuvininkas* vermitteln sollte, hat aber für sich die Übereinstimmung mit den tatsächlichen Verhältnissen voraus. Es ist sohin an ihm festzuhalten und die Frage nach dem Schicksale des idg. *tt* nochmals zu überprüfen. Für die alte Lehre, dass es zu heutigem *s* werde, spricht insbesondere *pasε* zu *pata*. Die vollere Nebenform *pasunε* muss aber doch darauf aufmerksam machen, dass in Entsprechung zu aind. *patjatē*, lat. *potior* entschieden *-i̯eno* oder *-i̯ono* als Suffix des Part. prät. pass. zu erwarten ist, wie es auch in der IV. Verbalklasse des Altkirchensl. der Fall ist, z. B. *vraštenъ* zu *vratiti (*vortjenъ)*. Dies Beispiel ist das wichtigste, da die Erklärungen von *besε, vesε* usw. mehrdeutig sind. Den Wandel von *tt* zu *št* (IF. 14, 268 und 19. 115) hält Jokl für »nicht haltbar«. Demnach bleibt die Annahme idg. *tt* zu uralb. *ts*, wie ich sie aufstellte, anderswo auch eingehender begründe (*ts* zu *ss* > *š*), an *rašε* zu erörtern und die Etymologie p. 261 A. 1 (**su̯oró* von *su̯e*) oder die zu arm. *ordi* ‚Sohn', *rodъ* (**u̯ordh, -jă, -tā*) zur Diskussion. Da das finale *d* in einem konsonantischen Thema oder auch im Akk. beseitigt worden sein kann. lässt sich aus dem letzteren Ansatze auch *vajε* zwanglos ableiten. Auf p. 278 wird zu *muřis, muřizε* die Erklärung gegeben. aus »Schwarzdorn« in kollektiver Bedeutung ‚*muřizε*' sei *muřis* als neuer m. Singular gebildet. Diese ansprechende Erklärung ist zu akzeptieren, die Bedeutung aber auf »Holzapfel« zu erweitern. Die morphologische Analyse als Konglutinat von zwei Kollektivsuffixen *-í* und *-zε* ist indes hinfällig. Während die IF. 36, 149 zur Stütze herangezogenen *ńeřεzí, mařezí* Vollvokale der Stammsilbe haben. soll aus dem in Rede stehenden Etymon it. *marruca* ‚Dornstrauch', *marrucaio* ‚Gestrüpp', rum. *mărăcine* ‚Weissdorn' die Schwächung **mεří* ersichtlich sein. Aber die Wandlung von *ε* zu *u* ist zu durchgängig, um wahrscheinlich zu sein. und dazu das *i* kurz, nicht lang wie in *ńeřεzīs, mařεzīs*, sodass auch die Etymologie unbrauchbar ist. Dazu muss überdies für das Nordgegische noch eine Hilfsannahme wegen der Variante *mořiz* gemacht werden. Vielmehr sind also die Wortschöpfer *mołε* ‚Apfel' + *drizε* ‚Dorn' [zu *mo(ł^d)řizε* wie nhd. *Dornbirn*] in der Bestandteilordnung, die ZromPhil 38, 385 charakterisiert ist.[1]) P. 286 bleibt bei *šemε* doch unsicher, ob es lat. *examen* ‚Schwarm'

[1]) Vgl. die Besprechung. welche Barić dem alb. *bařεgε* widmet, Јужнослов. Фил. II, 279 ff.

oder it. *sciame* entstammt, da viele Beispiele mit it. *a* als fremdes *e* erscheinen, vgl. frz. *caisse*, nhd. *Degen* (*daga*), č. *eso* (*asso*) usw. P. 294 muss dem konstruierten **melletum* ‚Bienenstock, Klotzbeute' zugestanden werden, dass es *mbľetε* ‚Biene' »lautlich völlig erklärt« (wegen *kεnetε* : *cannetum*), dagegen sollte, wie schon oben bemängelt, Puljevskis *δelbunε* p. 298 nicht so gepresst werden. P. 299 ist in *vito, vido, viδez* kein Analogon zu *moδuľε* zu erblicken, *e* als haupttoniger Stammvokal, zufolge p. 336, ist aber unzulässig, vgl. *δjes, δjet;* das ist auch bei *špeš* p. 32 und ev. p. 301 bei *špęzε* zu erwägen. P. 317 wird die Wortdeutung **massatum* für *fšat* verteidigt, obwohl doch kein **mεšat* oder wie oben bei einem postulierten **mεrí* : **mušat* auftaucht; vgl. *ἄψ* und *ἄσις* (**sat*-), also ‚Deich, Damm'; solches bedeutende, an Pfahlbauten erinnernde Siedlungen mussten freilich eine Art Wallburg haben, wie daran noch heute toskische Dörfer gemahnen; das Wort ist aber toskisch und konnte überhaupt für Talsohlen wie Auen und Lagunenlandschaft passen. Meine Meinung über die nasalis sonans (hier liegt *m̥* vor) habe ich mir bereits vor Kriegsausbruch, vor 10 Jahren, gebildet. Die Studien zur alb. Wortforschung Vasmers, in welchen er 1920 eine gleiche Meinung ausgesprochen hat, sind mir zwar unbekannt geblieben, aber dies unabhängige und erfreuliche Zusammentreffen bestärkt mich noch mehr in meiner Ansicht, dass der regelrechte Vertreter *a* ist. Jokl polemisiert dagegen p. 314. Zu *ľaj* (p. 328) ist zu erwähnen, dass einer Verbindung mit *ľūrε* die Länge des letzteren entgegensteht. P. 330 ist der Lehre Barić[1]) über das Suffix -*ońε* der Vorzug zu geben.

Die Bedeutungsangaben und die Zuverlässigkeit der angeführten Wortformen im einzelnen nachzuprüfen, war mir derzeit auf meinem Eilande unmöglich. Einzig und allein auf die mukhasthā vidjā angewiesen, begnüge ich mich z. B. bei *šľor* p. 128 zu bemerken, dass es in Shkodra nicht nur ‚Hängerost' sondern auch ‚Kinderschaukel' bedeutet und die Form *šiľūr* lautet. Über die Richtigkeit der sachlichen und volkskundlichen Referate anderswo.

Soweit einige Notizen, welche ich an die Besprechung des stattlichen Bandes knüpfe. Sie zeigen, dass wohl einige Einzelheiten sich bessern lassen, dass in manchen Details die Meinungen auseinandergehen, sie sollen aber nicht der hübschen Leistung sorglicher Arbeit unter schwierigen Bedingungen Abbruch tun. Die gewissenhafte Benützung einer starken Literatur und die geringe Zahl der Druckfehler zeugt von der Strenge, mit welcher der Autor nicht nur gegen andere sondern auch gegen sich selbst verfährt. Ich gewahrte z. B. p. 9 *mar̄ grūja*, p. 10 *ϑone*, p. 23 *t'emš*, p. 136 *kϑela*, p. 216 ahd. statt alb., p. 230 *bur*, p. 278 geg. *ngri̥t*, p. 309 *puľ*.

Vom kulturhistorischen Standpunkt hat der Autor die Meinung, dass Albanien kulturell herabsinke, von einem einstmals höheren Kulturniveau auf ein niedrigeres gerate. Diese Ansicht kann für die Tosken nicht unbezweifelt bleiben.

Für das Werk können wir dem Autor unser Lob aussprechen.

Sansego. *K. Treimer.*

---

[1]) Vgl. jetzt Endzelin, Lett. Gram. §§ 147, 148.

T. Torbiörnsson: **De litauiska akcentförskjutningarna och den litauiska verbalakcenten.** (Ur: Språkvetenskapliga Sällskapets i Uppsala Förhandlingar 1922—24: S. 62—92.) Uppsala 1923.[1])

Den Ausgangspunkt dieser Untersuchung bildet der berühmte Aufsatz de Saussures »Accentuation lituanienne« Idg. Forsch. Anz. VI, 157 ff. Der Verfasser akzeptiert die Hauptthesen De Saussures: wie dieser führt er das Paradigma *duktẽ — dukterès — dùkterį* auf ein idg. Paradigma mit der Betonung *-é(r), -rés, -érm̥* zurück, wobei Akzentzurückziehung von einer betonten Mittelsilbe angenommen wird, — und dann wird weiter die mobile Flexion anderer Stammklassen dem Einflusse der Konsonantstämme zugeschrieben. Bekanntlich hat das mobile Paradigma der *a*-Stämme eine von den andern Stammklassen abweichende Verteilung der barytonierten und oxytonierten Kasus; Torbiörnsson widmet dieser Klasse eine spezielle Besprechung, wobei er sowohl für den Nominativ wie für den Genitiv Singular eine lautgesetzliche Akzentzurückziehung für möglich hält; dieselbe Erklärung dürfte, wie er meint, auf die durchaus barytonierten Verbalformen der 3. Person auf *-a*, *-o* angewandt werden.

Das Kapitel über die Nominalflexion ist als eine Einleitung zum ausführlicheren Kapitel über die Verbalflexion aufzufassen, worin gewisse Betonungserscheinungen der Zeitwörter nach den bei den Nomina nachgewiesenen Akzentgesetzen erklärt werden, und zwar sollen mit *dùkterį* aus **duktèrį* die auf dem Präfix betonten Formen *sù-renku*, *-a*; *nù-lipu*, *-a*; *nù-nešu*, *-a*; *sù-tariu*, *-a*; *nù-nešiau*, *-ė* auf einer Linie stehen. Das Akzentzurückziehungsgesetz formuliert Torbiörnsson in der deutsch geschriebenen »Chronologischen Übersicht« folgenderweise: »Von einer akzentuell offenen Binnensilbe wurde der Akzent auf die unmittelbar vorangehende kurze Silbe zurückgezogen.« M. E. lässt diese Auffassung der Akzentverschiebung zwei Sachen ungenügend erklärt, und zwar: 1. den Gegensatz *su-riñko, at-al̃po*: *nù-nešė, nù-veikė*, — 2. den Gegensatz *sù-renka, nù-neša*: *at-al̃psta, nu-veĩkia*. Was die Formen auf *-o* anbetrifft, so meint Torbiörnsson, dass dieselben im Gegensatz zu denjenigen auf *-ė* ursprünglich die Endung betonten; diese Hypothese muss ich aber solange für willkürlich halten, bis Torbiörnsson die altpreussischen Formen *is-migē, weddē*: *per-traūki*; *en-deirā, po-glabū, teikū, maitā*: *lāiku, per-bānda* näher geprüft hat; dieselben weisen m. E. vielmehr auf ein Vorhandensein der beiden Betonungen bei jeder der beiden Kategorien hin; freilich wäre es möglich, durch die Annahme sekundärer Weiterentwicklung im Preussischen alle Tatsachen miteinander in Einklang zu bringen, aber bei solchen Konstruktionen verliert man vollständig den Boden unter den Füssen. Und was den unter 2. genannten Gegensatz anbetrifft, so nimmt Torbiörnsson seine Zuflucht zu der zwar scharfsinnigen, aber dennoch unsichern Vermutung, dass das ältere Litauische »akzentuell offene« und »akzentuell geschlossene« Silben unterschieden habe. »Akzentuell offen«

---

[1]) Deutsch hat der Verfasser den Inhalt seiner Schrift mitgeteilt in Slavia 3, 1924, 127—138. Inzwischen ist die Schrift auch in deutscher Sprache erschienen: Die litauischen Akzentverschiebungen und der litauische Verbalakzent. (Slavica 9.) Heidelberg, C. Winter, 1924.

nennt er diejenigen Silben, wo die »sogen. »tranche vocalique« die Silbe schliesst, in »akzentuell geschlossenen« Silben aber folgt auf dieselbe noch ein Konsonant; als »akzentuell geschlossen« betrachtet er nicht bloss *al̃p-sta* u. dgl., sondern auch *veĩkia*, *keñčia*, welche ja aus **veĩk-ja*. **keñt-ja* entstanden sind. Ich gehe nicht auf die Frage ein, inwiefern für eine vorhistorische Periode die Silbentrennung **veik-ja*. **kent-ja* richtig ist; wichtigere Einwände gegen Torbiörnssons Hypothesen liefern uns 1. die Verba der Klasse *su-tiñka*, welche dieselbe Betonung haben wie *at-al̃psta* und *nu-veĩkia*, worauf aber die für diese zwei Typen gegebene Erklärung nicht angewandt werden kann, 2. die Participia praesentis, welche in einem regelmässigen Betonungsverhältnis zu den Indikativen stehen und zwar so, dass diejenigen Zeitwörter, welche im zusammengesetzen Indikativ das Präfix betonen, im Nominativ des Ptz. Endbetonung haben *(su-tiñka : tiñką̃s, nu-veĩkia : veĩkią̃s; nù-neša : nešą̃s, sù-taria : tarią̃s)*. Torbiörnsson hat mit diesen Schwierigkeiten gerechnet, aber er hat sie m. E. nicht endgültig beseitigt. Das Präsens mit infigiertem Nasale hält er für ursprünglich endbetont; deshalb konnte der Akzent nicht auf die Präposition treten, meint er; denn die Akzentzurückziehung **tinkà > tiñka* hält er für jünger als diejenige von *dùkteres* und *sù-renka*, *nù-neša*. Es bleibt dann aber der Gegensatz *tiñkąs: renką̃s, nešą̃s* sehr auffällig. Torbiörnsson nimmt an, *tiñką̃s*, *su-tiñką̃s* sei in einer verhältnismässig jungen Periode nach der Analogie von *at-al̃pstą̃s*, *nu-veĩkią̃s* entstanden, was möglich sei, weil im Indikativ die drei Klassen dieselbe Betonung hatten. Analogieprozesse dieser Art sind gewiss möglich, aber Möglichkeit ist noch kein Beweis. Und der Betonungsgegensatz *reñka : renką̃s, nẽša : nešą̃s*, welcher sich nach Torbiörnssons Ansicht in einer weit zurückliegenden Periode entwickelt hatte und seitdem bewahrt blieb, macht des Verfassers Deutung von *(su-)tiñkąs* nicht gerade wahrscheinlich. Ich anerkenne gerne die Scharfsinnigkeit von Torbiörnssons Konstruktionen, und wenn dieselben nicht immer überzeugen, so kommt das teilweise durch die Verwickeltheit des Problemes selber, welches einstweilen wohl kaum endgültig gelöst werden kann.

Ganz andere Wege als Torbiörnsson geht Endzelin in seinem ebenfalls in 1923 erschienenen und von T. noch benutzten (S. 74 Fussn. 2) Aufsatze »Zur Betonung der litauischen Präsensstämme«, KZ. 51, 1 ff. Endzelin hat dem konstanten Betonungsverhältnis zwischen Partizip und zusammengesetztem Indikativ eine grössere Bedeutung beigelegt als Torbiörnsson, indem er die anfangbetonten Formen *nù-neša*, *sù-renka* usw. aus endungbetonten Formen erklärt und für die Indikative eine ähnliche prähistorische Betonung annimmt als noch bei den Partizipien vorliegt *(nešą̃s, tarią̃s: al̃pstą̃s, veĩkią̃s, tiñką̃s)*. Leider aber ist es nicht klar, auf welche Weise die litauische Betonung der Participia sich entwickelt hat. Eins dürfte feststehen: dass die litauische Verteilung der mobilen (im Nom. Sg. oxytonierten) und immobilen Partizipien sekundär ist. Es ist das grosse Verdienst Endzelins, im eben erwähnten Aufsatze ein reichhaltiges, zuverlässiges Material zusammengestellt zu haben, aber die Brücke, welche die litauische Verbalbetonung mit der indogermanischen verbinden soll, hat weder er noch Torbiörnsson gebaut. Die Wahrheit ist hier schwer zu

finden, jedenfalls aber sind scharfsinnige Arbeiten, welche das Material kritisch untersuchen und ältere Verhältnisse zu rekonstruieren versuchen, wichtige Schritte auf dem Wege, welcher zur Wahrheit führt. Darin liegt der grosse Wert vor Torbiörnssons Untersuchung.

Leiden. *N. van Wijk*

Tadeusz Lehr-Spławiński: **Zarys gramatyki języka staro-cerkiewnosłowiańskiego.** Poznań (Fiszer i Majewski), Warszawa (E. Wende i sp.), Łodź (L. Fiszer), Toruń (Towarzystwo wydawnicze »Ignis«) 1923, 103 стр.

Настоящее — второе — пособіе по изученію старо-словянскаго языка, написанное въ новѣйшее время по польски[1]), отличается отъ перваго (проф. Лося) двумя чертами: во первыхъ значительно бóльшей краткостью, а во вторыхъ значительно бóльшей лингвистической акрибіей, такъ что вызываетъ гораздо меньше замѣчаній частнаго характера.

Будучи въ два раза меньше книги проф. Лося, руководство г. Лера, помимо того, что отличается вообще большей сжатостю изложенія, не имѣетъ синтаксиса, которому проф. Лось, наоборотъ, посвящаетъ сравнительно съ фонетикой и морфологіей очень много вниманія.

Содержаніе книги г. Лера состоитъ изъ коротенькаго вступленія (3—8 с. с.), трактующаго очень бѣгло о происхожденіи „др.-ц.-сл. языка“, о его значеніи въ словянской филологіи, письмѣ, которымъ написаны древнѣйшіе памятники этого языка и самихъ памятникахъ, затѣмъ изъ фонетики (8—34), морфологіи (34—93) и добавленія, посвященнаго неизмѣняемымъ словамъ, — нарѣчіямъ, предлогамъ, союзамъ и частицамъ (93—96). Въ концѣ книги дается параллельно глаголическая и кирилловская азбука (97—98) и списокъ сокращеній. По общему своему характеру книга г. Лера представляетъ краткій университетскій учебникъ, пособіе къ лекціямъ, имѣющее въ виду исключительно нужды студентовъ, корректно написанное и внимательно проредактированное; какъ такое университетское руководство, книга можетъ быть безъ всякихъ колебаній рекомендована польскимъ студентамъ.

Для болѣе глубокаго изученія предмета книга не даетъ ничего, такъ какъ въ ней не находимъ ни какого либо своего матеріала, ни своихъ самостоятельныхъ точекъ зрѣнія или взглядовъ, ни оцѣнки данныхъ отдѣльныхъ памятниковъ, ни критической оцѣнки относящейся къ предмету научной литературы. Общее впечатленіе акрибіи, корректности изложенія не можетъ быть поколеблено тѣми немногими замѣчаніями, которыя это изложеніе вызываетъ.

Во введеніи (4 с.), касаясь слегка вопроса о дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, какъ связанной съ возникновеніемъ церк.-словянскаго языка, авторъ не находитъ нужнымъ указать ни одной работы кромѣ книги Потканскаго (1905) и Брюкнеровской „П авды о словянскихъ апостолахъ“ (Die Wahrheit über die Slawenapostel, Tübingen 1913), на самомъ дѣлѣ очень мало похожей на правду.

---

[1]) Ср. Slavia II, 430 с.

На той же 4 с. читаемъ: „znajomość języka scs. w jego najdawniejszej postaci opiera się na kilkunastu zabytkach, które nie zawierają żadnych wybitniejszych cech dialektycznych przejętych z żywej mowy ludów jakie języka tego używały jako liturgicznego“. Съ точностью этого замѣчанія трудно согласиться тому, кто ближе знакомъ съ древнѣйшими памятниками старословянскаго языка; да и подходя съ такой точки зрѣнія къ своимъ источникамъ, авторъ старословянской (или древне-церк.-словянской) грамматики врядъ ли можетъ дать правильную постановку своему предмету.

При оцѣнкѣ отдѣльныхъ источниковъ слѣдовало бы принимать во вниманіе кромѣ діалектической окраски и палеографическую ихъ сторону; если бы авторъ это дѣлалъ, то онъ врядъ ли бы рѣшился опредѣлить Маріинское Ев., какъ памятникъ „конца X в. или немного моложе“ (5 с.).

При перечисленіи отдѣльныхъ ст.-словянскихъ памятниковъ авторъ даетъ важнѣйшія библіографическія указанія. По отношенію къ Синайской Псалтыри въ настоящее время необходимо указать ея новое точное изданіе: „Синайская Псалтырь, глаголическій памятникъ XI вѣка. Приготовилъ къ печати Сергѣй Северьяновъ. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Россійской Академіи Наукъ. Петроградъ 1922.“ Необходимо это тѣмъ болѣе, что старое изданіе Гейтлера (1883 г.) совершенно непригодно: въ немъ около 1000 ошибокъ. По отношенію къ Остромирову Евангелію слѣдовало бы указать на монографію Козловскаго, посвященную этому памятнику, и на статью Фортунатова „Составъ Остромирова Евангелія“ (1908 г.).

По отношенію къ Кіевскому Миссалу авторъ, ограничиваясь указаніемъ на изданіе Ягича и изслѣдованіе Вондрака „O původu kijevských listů a Pražských zlomků“ (1904), предлагаетъ формулу, которая не даетъ никакого представленія о существѣ научнаго вопроса, связаннаго съ этимъ памятникомъ: „Przy bardzo archaicznym ogólnym charakterze języka zabytek ten wykazuje pewne cechy głosowe zachodnio-słowiańskie (czesko-morawskie): *c* < prasłow. **t̑i*, *z* < prasłow. **d̑i*“. Какъ извѣстно, эти западно-словянскія черты памятника понимаются различно въ приложеніи къ вопросу о происхожденіи его.

Вотъ тѣ немногія замѣчанія, которыя вызываются введеніемъ автора къ грамматикѣ. Въ самой грамматикѣ также немного матеріала для критическихъ замѣчаній.

На 11 с. останавливаетъ вниманіе читателя формула „scs. *morje*, pol. *morze* < ps. **mor'e*“. На 13 с. находимъ: „scs. *polje*“; повидимому, это случайный lapsus и въ первомъ, и во второмъ случаѣ, или лучше сказать недостаточная ясность изложенія: читатель, особенно студентъ, конечно пойметъ дѣло такъ, — что въ этихъ случаяхъ были группы согласныхъ *rj*, *lj* въ произношеніи — въ др.-церк.-словянскомъ языкѣ, между тѣмъ авторъ, вѣроятно думалъ передать въ латинской транскрипціи др.-ц.-сл. написаніе лѥ, рѥ. Такъ можно думать потому, что на стр. 31 онъ говоритъ: „scs. *n'* powstało z takiej samej spółgłoski ps., która rozwinęła się z połączenia *n* + *i̯*. N. p. scs. *vonja* = *von'a*...“; сходно говорится на 33 с. о „scs. *r'*“ и „scs. *l'*“: „n. p. scs. *vol'ja* =

vol'a" (тутъ почему то *l'j*, вѣроятно, опечатка), „n. p. scs. *more morje* = *mor'e*". Вполнѣ ясно, что авторъ не предполагаетъ въ др.-ц.-словянскомъ *nj*, *rj*, *lj* изъ замѣчанія на 34 с.: „scs. *j* (= *i̯*) zachodzi tylko w nagłosie oraz w położeniu po samogłosce". Но студента формулы „scs. *morje* < ps. **mor'e*" и т. п. будутъ несомнѣнно сбивать, так какъ онъ будетъ думать о звуковомъ значенiи такихъ написанiй, а не о ихъ графическомъ соотвѣтствiи ст.-словянскимъ написанiямъ рѥ, лѥ, ибо послѣднiя ему неизвѣстны. Притомъ же вѣдь въ ст.-словянскихъ памятникахъ находимъ не только рѥ, лѥ или рꙗ, лꙗ, но и р҄е, л҄е, р҄ѣ, л҄ѣ и притомъ какъ разъ въ древнѣйшихъ, глаголическихъ, памятникахъ; непонятно поэтому, почему авторъ остановился на написанiяхъ *rje*, *lje*, *nja* и т. п. На той же 13 с. авторъ утверждаетъ что „scs. *e* w nagłosie wymawiało się jak *je*", причемъ доказательство этого положенiя видитъ въ отсутствiи въ азбукѣ глаголической различия между *e* и *je*. Положенiе это, конечно, невѣрно, такъ какъ, несомнѣнно были слова съ начальнымъ *e*, и это тѣ слова, которыя не получили предъ начальнымъ *e j* изъ праиндоевропейскаго, а употреблялись обычно послѣ паузы: разъ авторъ признаетъ колебанiе типа *aviti*—*javiti* (12 с.), непонятно, почему онъ не допускаетъ и колебанiя между начальнымъ *e* и *je*. Было бы смѣло толковать отсутствiе въ глаголицѣ знака соотвѣтствующаго ѥ кириллицы, какъ доказательство отсутствiя въ языкѣ начальнаго *je*: въ глаголицѣ старшаго типа, навѣрное, не было и знака ѩ, и отсутствiе въ ней знака для ꙗ еще не можетъ доказывать, что въ языкѣ не было никакого различия между ѣ и *ja*, какъ и отсутствiе въ польскомъ и сербскомъ алфавитѣ знака для *ŋ* не доказываетъ, что въ этихъ языкахъ нѣтъ различiя между *n* и *ŋ*.

На той же 13 с. авторъ приводитъ „scs. *vlъcě*"; болѣе старая ц.-слов. форма, повидимому, — *vlьcě* (Зогр.).

Въ § 11a (15 с.) авторъ приводитъ факты ст.-словянскихъ памятниковъ, свидѣтельствующiе о началѣ процесса утраты носовыми гласными ихъ носового характера и взаимной мѣны; въ числѣ этихъ примѣровъ онъ приводитъ и очевидныя описки: *čisti* вм. *čęsti*, *inudu* вм. *inǫdu*.

На 17—18 с. авторъ принимаетъ, какъ нѣчто установленное, что прасл. *i* является въ извѣстныхъ случаяхъ изъ праиндоевроп. $\breve{\bar{\imath}} + n$, а праслов. *y* (ꙑ) — изъ праиндоевроп. $\bar{u} + n$; между тѣмъ основательность этой гипотезы очень сомнительна (ср. Mikkola, Ursl. Gr. 71 с. о слов. **lyko*, **isto*, **žila*). Точно такъ же сомнительно, что прасл. *y* являлось изъ $\bar{o}$ $\bar{a} + s$ въ концѣ слова (18 с.)

На 20 с. авторъ утверждаетъ („niewątpliwie"), что измѣненiе ст.-слов. ь въ ъ послѣ шипящихъ явилось „въ связи съ утратой палатальнаго характера этими согласными". И это утвержденiе ничѣмъ не доказано и для меня, по крайней мѣрѣ, очень сомнительно.

Въ § 18, посвященномъ чередованiямъ (22 с.), авторъ приводитъ *umarjati*, какъ форму чередованiя (при *morъ*), унаслѣдованную изъ прасловянскаго и праиндоевроп.; скорѣе это новообразованiе по аналогiи сходныхъ старыхъ отношенiй, и во всякомъ случаѣ не фактъ, унаслѣдованный изъ праиндоевропейскаго; даже праслoвянскiй характеръ его авторомъ недоказанъ.

На стр. 31 авторъ объединяетъ явленія палатализаціи согласныхъ *k*, *g*, *ch* предъ *ě*, *i* изъ дифтонга *oi* (*ai*) и палатализаціи тѣхъ же согласныхъ подъ вліяніемъ предшествующихъ палатальныхъ гласныхъ *ь*, *i*, *ę* — въ одно понятіе „второй палатализаціи“ (праславянскаго происхожденія), что врядъ ли правильно (ср. статью А. Белића въ Јужн. Филол. II, 18 стр.).

Краткій очеркъ морфологіи почти не вызываетъ замѣчаній. На стр. 64 авторъ приводитъ въ парадигмахъ спряженія глаголовъ I. класса формы аориста асигматическаго *rekъ, reče, reče; rekomъ, rečete, rekǫ, rekově, rečeta, rečete*, также — *grebъ, grebe, grebe, grebomъ* и т. д. На стр. 79, говоря объ образованіи асигматическаго аориста вообще, авторъ даетъ форму „scs. *vezъ* . . .“. Какъ извѣстно, наши памятники не знаютъ формъ *rekъ* и т. д., *grebъ* и т. д., *vezъ* и т. д., исключая формъ 2—3 ед. ч., которыя дѣйствительно сохранились. Поэтому неудобно эти формы вводить въ парадигму.

Бѣлградъ. *С. Кульбакинъ.*

I. Всеволод Ганцов: **Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку.** (Записки історично-філологічного Відділу Української Академії Наук, кн. II—III, Київ, 1923, стр. 116—144).

II. Всеволод Ганцов: **Діялектологічна класифікація українських говорів** (з картою). Київ, 1923, стр. 67 (Українська Академія Наук).

I.

В 60-их роках минулого століття сконстатував Потебня (Два изслѣдованія о звукахъ русс. языка, Вороніж, 1866) дифтонґи в поліських говорах української мови. В „Замѣткахъ о малорусс. нарѣчіи“, Вороніж, 1871 (стр. 4—5) покликує він Максимовича на це за сьвідка (Історія дррусс. слов. стр. 116). Ще докладніше заговорив про них Михальчук в своїй праці „Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины“ (в VII-ім т. Трудовъ этн.-стат. Экспед. въ Зап.-русс. край, 1877). Від того часу хто тільки займаєть ся українськими нарічіями (Огоновський, Соболевський, Житецький, Шахматов, Зілинський и др.), говорить про дифтонґи в цих говорах, що повстали нібито з довгих *ō*, *ē*, а які передають ся ґрафічно; *уо, уэ, уе, уы, уи, уі, юо, юе, юі, ыі, ыу*, тоб-то (як це зазначує Ганцов, стр. 117): *$\widehat{uo}$, $\widehat{ue}$, $\widehat{uy}$, $\widehat{uï}$, $\widehat{uï}$, $\widehat{ïö}$, $\widehat{ïe}$, $\widehat{ïï}$, $\widehat{yï}$, $\widehat{yu}$*.

В нашій граматиці (Gram. d. ruth. (ukrain.) Sprache 1913) мусіли ми також (стр. 79, 80) згадати про ці дифтонґи з тим додатком, що на підставі того, що Михальчук і Соболевський про них кажуть, часто з повним правом можна вагати ся, чи це взагалі якінебудь дифтонґи. Тільки Зілинський подав нам достовірну відомість про істнування дійсних дифтонґів в українських говорах с у м е ж н и х з білоруськими, і то т і л ь к и в н а г о л о ш е н и х с к л а д а х.

Цих дифтонґів ніхто доси на місці не спостерігав і не досліджував (крім Зілинського), фонетичну їх якість ніхто доси докладно не схопив,

ніхто фонетично-фізіолоґічно їх не описав, ніхто докладно не означив їх дійсного поширення в повнім обємі, ніхто не старав ся розслідити часу, коли, серед яких обставин і як вони в поліських говорах зявили ся, зате тим більше вибуяли на підкладі самих тільки „паперових джерел“ (квестіонарів) всякі гіпотези, теорії, які приймали ся далі вже за аксіоми, за доґми.

Тому то в интересі науки мусимо повитати наведену працю, а бодай зусилля Ганцова, подати нам „характеристику поліських дифтонґів“. Наука мусить бути вдячна кожному, хто причинить ся до вияснення цього зовсім ще темного питання української діялєктолоґії. Сам Ганцов в своїх висновках констатує (стр. 143), що „в характеристиці поліських дифтонґів в попередній лїтературі було багато помилкового і що самий процес їх фонетичного розвитку збудований був головним чином на підставі ґрафічних знаків, вживаних для передачі різних відтїнків дифтонґічної вимови, а не на дослїдженні дифтонґів як звуків живої мови“. Навіть Шахматову закидає Ганцов, що він „встановляючи різні стадії в розвитку дифтонґів, оперує ґрафічними фактами, тими численними позначеннями дифтонґічних звуків, які ввійшли вже в оборот нашої діялєктолоґічної лїтератури. Кожному такому факту він хоче знайти місце в своїй схемі, обґрунтувати його тим або иньшим принципом в розвиткові цїлого процесу, хоч иноді за тим ґрафічним фактом криєть ся тільки примітивність в передачі дифтонґічної вимови або й просто недоладність і помилка“. Це сконстатування дуже цїнне, воно кидає ярке сьвітло на методи Шахматова і видає на них заслужений суд.

Коли отже Ганцов пізнав хиби попередників, то тим більше будив він у нас надії, що нарештї на підставі своїх особистих дослїдів над говірками південної Чернїгівщини, переважно Козелецького повіту, які дали йому „можливість на певній території спостерегти мало не всї ті одміни“, дасть він нам ясний образ цих дифтонґів. Перестудіювавши з найбільшою увагою цю працю Ганцова, ми на жаль розчарували ся в наших надїях. Головно з тої причини, що Ганцов не в силї був вимотати ся із зачарованого кружка теоретичних міркувань своїх попередників і забажав „встановити ті певні стадії, що їми йшов процес заміни $\bar{o}$ та $\bar{e}$ на i“ (стр. 118), так що теоретичні міркування і у нього взяли верх над потребами докладного пізнання дійсного теперішнього стану. Про це переконуєм ся, коли розберемо характеристику цих дифтонґів у Ганцова.

Перш усього констатує він (стр. 118), що „дослїдник буває вражений тими численними відтїнками в їх вимові, що для їх ґрафічної передачі ніяк не стає технїчних засобів“ — дійсний фонетик вміти ме завсїди найти цї засоби! — а покликуючись на Михальчука констатує „непостійність вимови“, констатує „безперервну змінність звука“ (стр. 125), „різні звукові відтїнки не тільки в вимові одного села, а навіть в вимові одної людини в різні моменти і в різних звукових сполученнях“ (стр. 119), але хоч сам зовсїм розумно підкреслює, що „тільки дослїдження артикуляцийної природи цих звуків дає зрозуміти всю розмаїтість акустичних вражіннїв і встановити певні

статі моменти в психофізіолоґії цих звуків“, Ганцов нам ніде не подає котрими приладами мовними, на яких місцях і як взагалі ці звуки артикулюють ся, а збуває нас знов таки самими загальниками, так що можемо і далі про ці дифтонґи собі думати, що хто схоче. Бо коли Ганцов, зазначивши виразно дефініцію дифтонґа „як сполучення в одному складі двох голосних фонем“, в противеньстві до цеї дефініції далі вчить, що „поліські дифтонґи становлять кожний тільки одну фонему — це є суцільні й неподільні звуки живої мови, як і кожний простий голосний — *а, е, і, у, о, и*“, що „ні психічно, ні фізіолоґічно поліські Українці не відчувають своїх дифтонґів як звуки складні, як „дифтонґи“ у власному розумінні цього слова, і з цього погляду не можна навіть говорити про першу або другу „частину“ дифтонґа, бо жадна з них не вживаєть ся в мові окремо від другої і тілько вкупі становлять вони цілість, одну фонему супроти всіх иньших фонем“ (стр. 120), що „фізіолоґічно зовсім немає й межі, що розділяла-б ці „частини“, як нема й самих частин“, то мусим хиба тільки сказати, що тим Ганцов вповні заперечує істнування дифтонґів в поліських говорах. Бо як що це звуки прості, суцільні, не складні й неподільні, як що в них нема ніяких частин, як що вони становлять кожний тільки одну, суцільну фонему, то із становища фонетики ані мови не може бути тут про дифтонґи.

Але-ж бо Ганцов, приступаючи до докладнішої характеристики цих простих, не складних, а суцільних звуків, зараз таки ось як собі противорічить: „Артикуляцію цього звука можна було-б передати ґрафічно як криву лінію, бо артикуляція при його вимові з кожним моментом одміняєть ся, ні один наступний момент не буває однаковий з попереднім“, — „думка про наче-б-то дві частини цього звука виникла з акустичного враження: звук, що в перший момент вимови має характер звука *и* (*и̇, ӥ*) або *і*, в останній момент наближаєть ся до звука *о* (*ȯ, ö, е, і*) або *е*“ (стр. 120)! Це прецінь не дасть ся инакше розуміти, як тільки, що звук так характеризований мусить із становища фонетики бути визнаним за дифтонґ. І тут нічого не поможе голословне в такім разі запевнення Ганцова, що „фізіолоґічно абсолютно нема можливости поділяти його на дві частині, бо ця зміна в напрямку од звука *и* до *о* відбуваєть ся безперервно за одним духом, єдиним моментом затрати артикуляцийної енерґії“.

В дальшім своїм характеризованню цих звуків Ганцов мусів нарешті таки заперечити істотну частину своєї дефініції, бо визнає в них дві частині, кажучи (стр. 125), що „в ясній виразній вимові обидві частині дифтонґічного звука здебільшого бувають рівні, тоб-то ввесь час, затрачений на вимову дифтонґа *и͡о*, поділяєть ся нарівно поміж акустичними відтінками звуків *и* в першій частині і звуків *о — е —* в другій частині дифтонґа, . . . у швидкій же вимові . . . ця рівність здебільшого не видержуєть ся“. Ганцов вже сьміло говорить далі (в нотці), що „головна сила експірації падає на першу частину звука, а експіраторна енерґія в кінці його слабшає“, що „безумовно постійнішою а, значить, і характеристичнішою буде перша частина дифтонґа, тимчасом як друга більше підпадає впливові всяких околишніх умов

і допускає більше хитаннів і модифікацій і квалітативного і квантитативного характеру" (стр. 126). Цим вже і формально визнає Ганцов ці звуки дифтонґами, нехай що в нотції (стр. 125) все таки наново стараєть ся нас переконати, що такий звук не є справжнім дифтонґом та що „поліські дифтонґи це прості фонеми із змінною артикуляцією (і відповідним змінним акустичним враженням), але ця змінність не почуваєть ся як двоїстість", що такий звук „суцільний і ввесь складовий".

Отак Ганцов не може собі дати ради з цими фонемами. Це хитання і вагання Ганцова в означенню якости цих звуків пояснюю собі тільки таким способом, що він, не маючи очивидячки повного і докладного практичного фонетичного вишколення, як того зовсім виразно від фонетика вимагає O. Jespersen в своїм творі Lehrbuch der Phonetik, 1920, 1, 8 (стр. 6), а познайомивши ся з фонетикою тільки чисто теоретично, не може найти виходу між Броховими „ненастоящіе дифтонги" (unechte Diphtonge, звісно так названими з огляду на їх суперечність з вимогами гомінкости — *i̯e*, *u̯o*) з одного боку, а Розвадовського сонантами „o niejednolitej artykulacyi" з другого боку. З обома цими фонетичними виразами зазнайомив ся він з одного боку з „Очерку физіологіи славянской рѣчи" Броха, а з другого боку з Uwagi o dyftongach *i̯e*, *u̯o* w południowozach. narzeczu białoruskiem (Materjały i prace Kom. jęz. akad. um. w Krakowie I, 1904, стр. 207—220), на які твори покликуєть ся. Самими тільки виразами „несправжнїй дифтонґ" і „sonant o niejednolitej artykulacyi", не розбіраючи ся в тім як слід, що воно за цими виразами дійсно криєть ся, дав ся він звести до того, що поліські дифтонґи все таки у нього і дифтонґи, розумієть ся, „несправжні" (очивидячки не в тім значінню, як цього слова уживає Брох, тільки в звичайному в українській мові значінню того слова = не дійсний), а також і „прості, суцільні фонеми „o niejednolitej artykulacyi", хоч Rozwadowski виразно такі сонанти характеризує ось як: „to znaczy: początek artykulacyi jest przy *i* lub *ĭ*, koniec jej zaś przy *e* lub *é*. Jest to całkiem wyraźne, p o ś r e d n i e stadyum, p r o w a d z ą c e prawdopodobnie d o z u p e ł n e j m o n o f t o n g i z a c y i w przyszłości, to znaczy do j e d n o l i c i e artykulowanego sonantu. O b e c n i e t e g o j e s z c z e n i e m a" ...

Не без впливу на Ганцова зосталось і те, як Мука в своїй Histor. u. vergl. Laut- u. Formenlehre d. niedersorb. Sprache, 1891, характеризує лужицькі *ó* та *ĕ* як мішані звуки, але не дифтонґи. — Отак склалось у Ганцова непорозуміння в фонетичній характеристиці поліських дифтонґів, що ці дифтонґи це „прості фонеми, н е п о д і л ь н і для сьвідомости людий, що їх вимовляють, звуки живої мови", та що „є д н і с т ь а к у с т и ч н о г о і ф і з і о л о ґ і ч н о г о в р а ж і н н я піддержуєть ся тим, що дифтонґ на всьому свойому протязі являєть ся з в у к о м о д н о г о р я д у" (стр. 123). Але це Ганцову не вадить зараз таки на тій самій стр. заявити, що „я с н о в и я в л е н і й в и р а з н о д и ф т о н ґ і ч н і для акустичного враження з в у к и бувають тільки п і д н а г о л о с о м, при чому експіраторна енерґія наголосу падає на ввесь звук, ослабляючись хиба що в кінці його", та що „поліські дифтонґи як прості

з психофонетичного погляду фонеми не відріжняють ся ні характером, ні способами акцентування від иньших голосних фонем“. Це останнє сказане против Зілинського, котрий учить: „Наголос може спочивати на першій і на другій части поданих дифтонґів, або паде в середину поміж обі части. Під тим оглядом панує велика ріжнородність і хитання“.

Таким чином характеристика поліських дифтонґів та докладне їх фонетично-фізіолоґічне означення вийшли у Ганцова зовсім не иньшими, як і у його попередників, так що знов хиба тільки на підставі ужитих ним ґрафічних знаків ми собі про них можемо думати, що хто схоче. Теоретично-лінґвістичні міркування зовсім перемогли в нім фонетика. Вповні розуміємо його замітку, що „артикуляція і відповідне до неї акустичне вражіння (для людий, для котрих ці фонеми чужі) зовсім незвичні, бо зовсім не підходять під нормальний тип простих незмінних фонем“, та що „аперцепція цих звуків загалом буває важча“ і тому у чужих людий „несьвідомо зявляєть ся ще й бажання аналізувати акустичне вражіння, поділити його на знані й звичні для своєї психіки складові елементи, отже несьвідомо вчути в простому для психіки того, хто говорить, звукові — дифтонґ у власному розумінні цього слова“. Але-ж бо Ганцов сам походить з цих сторін, він там не чужий чоловік, йому артикуляція цих звуків звична, він, уміючи їх слухом розпізнавати і як слід вимовляти (артикулювати), міг би їх артикуляцію або їх артикуляцийні прикмети (а до того і їх акустичне вражіння) як найліпше фонетично-фізіолоґічно так описати, щоб і ми розпізнали їх істоту і вміли собі їх не тільки уявити, але і добре вимовити. Він міг би подати нам, не обмежуючи ся на кілька прикладів, фактичний, конкретний матеріял про теперішній дійсний стан річи в поліських говорах в цілому, щоб кожен міг собі виробити свій власний суд. Тим більший жаль, що це доси йому не вдало ся.

А вся хиба лежить в тім, що він дав ся опанувати апріористичними теоріями і міркуваннями, які поки що не мають жадної підстави. Хиба лежить отже в методі. А що правдивий поступ науки залежить від видосконалення методи і він прямо неможливий, як що послугувати ся фальшивими методами, то треба нам нарешті відцурати ся дотеперішніх наших методів, які не ведуть до цїли. Тим більше, що є далеко ліпші, добре випробовані.

Фундаментальною методою наукових дослідів і в мовознавстві мусить бути засада, щоб виходити від теперішности, від дійсно даного і докладно спостереженого, відси, відтепер. Перш усього мусимо наші спостереження без усякого упередження як найвірніше схоплювати, їх поширювати і поглублювати, щоб добути як найбільший засіб спостережень, щоб зявища мови станули як найвиразніше перед нашим духовим оком, щоб ми їх вповні опановували. Далї наша метода може бути індуктивна і дедуктивна: одна має на меті із теперішнього порозуміти минуле, друга — із минулого вияснити теперішнє. Але вони обі себе тільки доповняють і повинні себе зрівноважувати. Нерівномірне береження цих провідних методів, захитана рівновага між ними перетяженням одної з них на некористь другої виходить тільки на

шкоду науки. При такім методичнім поступованню не лишаєть ся, що правда, богато місця для фантазії. Тим більша користь буде для науки. При наших висновках із безпосередніх наших спостережень мусимо бути обережними і уміти себе обмежувати. Треба мати перед очима, що субстратом мовознавства бувають не так занадто, або не в тій мірі самі процеси мовних зявищ, як далеко більше і переважно добутки, результати цих процесів. Незамітні переходи дають в мові як і в життю зовсім замітні добутки, але причини всяких таких процесів і зявищ безмежно розмаїті. Тому занадто натягнені системи, схеми, таблиці і т. п. в мовознавстві річ дуже проблєматичної, зовсім непевної вартости, бо тут з природи річи може бути мова тільки про лагідні переходи (пор. в тій справі Schuchardt-Brevier. Ein Vademecum der allg. Sprachwissenschaft, Halle, 1922, стр. 211, 237, 345).

Ми спинили ся тут кількома словами на методолоґії з тої причини, щоб виразно зазначити, що не Ганцов винен в тому, що в його працях бачимо штучні конструкції, не підперті дійсними фактами, що тут на доказ одної гіпотези наводить ся другу так само недоказану, так що ми взагалі почуваємо себе неначе в зачарованому кружку самих фантастичних гіпотез а не на реальному ґрунті фактів добре спостережених, докладно провірених, одним словом фактів. Це вина школи, особливо школи Шахматова, з якої Ганцов вийшов. Це отже більше загальна хиба, яку ми поборюєм і яку в слявістиці нарешті треба усунути, бо вона її дуже шкодить. Ми мусимо дбати, щоб і слявістика послугувала ся вже раз в своїх дослідах методами, добутими великим зусиллям загальним мовознавством (Steinthal, Paul, Delbrück, Wundt, Meillet, Schuchardt і др.), а не обертала ся в фантастичному сьвіті.

Щоб ці наші замітки не уважали ся голословними, покажемо це особливо на цій частині праці Ганцова, де він займаєть ся процесом заміни *ō*, *ē* на *i*.

Ганцов приймає істнування довгих *ō*, *ē* в українській мові в минулому як **ф а к т** і на тім будує всі свої дальші висновки. Тимчасом це зовсім не факт, а тільки нічим недоказана гіпотеза. Спонуканий нашою граматикою, де ми цей „факт“ заперечуємо, не спроміг ся Ганцов на докази дійсности цього факту, а тільки на ось яку замітку (в нотці, стр. 140): „колишню довготу цих *ō* та *ē* доводять не тільки аналоґічні зявища в иньших словянських мовах, а перш за все істнування дифтонґів і умови їхнього розвитку в поліських україньских говорах“. А преціньце є факт, незаперечений і самим Ганцовим (гл. нотку на стр. 120: „Наші поліські говірки як і загалом українські, не в і д ч у в а ю т ь д о в г о т и г о л о с н и х з в у к і в я к о к р е м о ї з в у к о в о ї к а т е ґ о р і ї“), що українська мова не знає тепер ніяких довгих голосівок взагалі, не знала їх зовсім і в 19-, 18-, 17-, 16-му століттю, не знала їх также від самого початку історії нашого письменьства, бо н а ц е н е м а н і д е а н і н а й м е н ь ш о г о с л і д у я к о г о н е б у д ь д о к а з у в н а ш о м у п и с ь м е н ь с т в і. Навпаки, заміна *o* в замкненому складі передаєть ся в памятниках від 14-го століття прямо знаками *у*, далі *и*, врешті *і* (гл. нашу граматику стр. 79), а ніколи якимнебудь дифтонґом або хотьби якимнебудь значком, який сяк або так

вказував би на дифтонґ або на довготу. І сучасні нам місцеві люди на Поліссю, як це констатує сам Ганцов (в нотці на стр. 126), віддають цей звук ґрафічно, „як і прадіди наші в старовину“ буквою *у*, бо, як запевнює нас Ганцов, „ні психічно, ні фізіологічно поліські Українці не відчувають своїх дифтонґів як звуки складні, як „дифтонґи“ у власному розумінні цього слова“.

Тут мусимо покликати ся ще на замітку Розвадовського, одного з найліпших дослідників квантитативних праслов'янських і новослов'янських відносин взагалі, в його солідній праці „Historyczna fonetyka czyli głosownia języka polskiego“ (гл. Język polski i jego historya I, 310 § 14, порів. також 14a): „Ten stan rzeczy staroprasłowiański uległ dalszemu rozwojowi swoistemu. A mianowicie długie przedprzyciskowe t. j. stojące bezpośrednio przed przyciskiem, były najdłuższe, prawdopodobnie zwyżdługie, jak to wynika z tego, że się ogólnie utrzymały, t. j. oczywiście z wyjątkiem tych języków, które róznice iloczasowe wogóle bez śladu usunęły, ruskich i bułgarsko-macedońskich. Natomiast długie przyciskowe, zarówno akutowe jak cyrkumflexowe, wykazywały ogólną tendencję do pewnego skrócenia do iloczasu średniego; bezwzględnie zostało to jako skrócenie przeprowadzone na obszarach lechickim, łużyckim, słowackim (bulgarskim i ruskim)“.

Це прецінь є факти, яких ніхто заперчити не може, з якими кожному перш усього треба числити ся. Чому-ж отже говорити про колишнє істнування довгих $\bar{o}$, $\bar{e}$ в українській мові, чому оперувати цею зовсім безпідставною ґіпотезою як фактом? — На тім факті, що українська мова від давен-давна, від початку свого індивідуального істнування не розріжняє довгих і коротких голосівок, нічогісінько не в силі змінити факт „істнування дифтонґів і умови їхнього розвитку в поліських українських говорах“. Бо 1. ми не знаємо, коли саме і серед яких обставин зявили ся ці дифтонґи в поліських говорах, а знаємо тільки факт, що їх не раніше як в 40-их роках 19-го століття сконстатовано, знаємо також тільки факт, що „виразно дифтонґічні для акустичного враження звуки бувають тільки під наголосом“, і то знов тільки в „безпосередньо сусідній з Білоруссю Чернігівщині“, знаємо нарешті від Ганцова, що поліські дифтонґи зовсім не довгі, а „мають більш-менш однакову з иньшими наголошеними фонемами довгість“ (стр. 124). Як із цих констатувань виходить, ці дифтонґи можуть бути не якесь „архаістичне“ а якраз наймолодше зявище в поліських говорах, і то тільки в сусідстві з білоруськими говорами і спричинені наголосом. — Я здержую ся від всяких дальших висновків, але підкреслити мушу, що наголос в білоруській і великоруській мові грає незвичайно більшу ролю і має далеко більший вплив на цілу вокалічну систему цих мов (він там постійніший), ніж в українській мові де він більше рухливий. А поліські говори сумежні з білоруськими! — Підкреслити треба також, що про такі самі дифтонґи і серед таких самих обставин чути і в сусідніх говорах білоруської мови, як про це сьвідчить не тільки Rozwadowski в наведених вище „Увагах“, але

і Карський (гл. Бѣлорусы, т. I, стр. 194, 195, т. II, стр. 129, 130) і Довнар-Запольський (гл. Замѣтки о Бѣлорусскихъ говорахъ, Живая Старина III, 3—19). Це незвичайно важна річ і мусіла-б в звязку з полїськими дифтонґами як найдокладнїше бути розслїджена.

А знов із становища фонетики треба зазначити, що дифтонґи в противеньстві до звуків простих, суцїльних, виконуваних одностайним, видержаним артикуляцийним актом — уявляють самі собою звуки „o niejednolitej artykulacyi", звуки „мінливі та хисткі" (стр. 132), з нерівномірною, недбалою енерґією артикуляції, з змінчивою формою резонатора, причім перехід від одного компонента до другого відбуваєть ся, — послужім ся тут образом Ellis-Techmer-овим (Techmer: Phonetik I, 77) — звільна так, як на струнї скрипки пересуваєть ся палець зовсїм без перерви і звільна з одного місця на друге, коли смик одностайним потягом заставляє її хвилювати ся. Така невидержана і нерівномірна артикуляція може скласти ся так само на коротких, як і на довгих звуках і ми маємо подостатком прикладів на те із тих мов, які відріжняли тай доси відріжняють довгі і короткі звуки, що в них розвинули ся серед певних обставин дифтонґи також із коротких голосівок. Нема отже конечної потреби виводити полїські дифтонґи тільки із довгих *ō*, *ē*, та звязувати їх із загально-українським правилом заміни *o*, *e* в замкненому складї на *y*, *u*, *i*, якого слїди стрічаємо в 14-му столїттю. Маймо також на увазї, що Соболевський (Опытъ русс. діалек. III. Живая Стар. 1892, стр. 18) наводить в полїських говорах дифтонґи з *u* (*нуыва* = нива, *хвостуык* = хвостик, *у печые* = в печі, *купцые* = купцї, стр. 20 і 21), та що на стр. 36 каже, що „имѣемъ на мѣстѣ ударяемаго *а* . . . диютонгъ *іа* (съ преобладаніемъ въ немъ первой части)". Що намість давного *ѣ* подибуєть ся в полїських говорах дифтонґ, це констатує сам Ганцов. Треба би отже перш усього провірити дані Соболевського тай взагалї поширити дослїди на всї дифтонґічні зявища в полїських говорах, аж тодї можна буде робити з цього якісь висновки.

Отже над цими самим Ганцовим сконстатованими фактами (сусїдство з Білоруссю, дифтонґи тільки під наголосом, їх короткість) кожний дослїдник мусить перш усього глибоко застановити ся і рішучо не сьміє з них робити висновків, які виходили-б поза межі сконстатованих фактів.

2. „Умови розвитку" дифтонґів в полїських говорах, як їх представляли Потебня, Шахматов і др., а за ними представляє і Ганцов — це самі гіпотези, а гіпотези не можуть бути ніякими доказами на те, щоб з иньших гіпотез зробити мовні факти.

3. „Аналоґічні зявища в иньших словянських мовах" не можуть також ніяким чином доказувати „колишню довготу *ō*, *ē* в українській мові." Цї зявища зовсїм не аналоґічні, а тільки на око собі подібні. Між ними нема ніякого ґенетичного звязку. Кожна мова (чеська, польська і сербохорватська) поступає собі в цїй справі на свій лад (пор. нашу граматику стр. 77). При тім не сьміємо забувати, що чеська і сербохорватська мова ще й доси відріжняє довгі і короткі звуки, а польська в часї того процесу також ще їх відріжняла. Зрештою вияснення

процесу, звязаного з упадком звуків ъ і ь — оскілько тут грає ролю аналогія, а оскілько добутки його мають фонетичний характер — в цих мовах дуже ще недомагає (пор. § 24 і 28 названої праці Розвадовського). Яким чином ці звища в названих мовах словянських можуть серед таких обставин доказувати „колишню" довготу ō, ē в українській мові, це нам зовсім річ незрозуміла. Одно ясне, що така дедукція зовсім нелогічна.

По тім усім не можна дивувати ся, що я над придуманими Ганцовим родословними і хронологічними схемами для розвитку польських дифтонгів не застановляю ся.

Др. Степ. Смаль-Стоцький.

Řecká předloha staroslověnského překladu evangelního.

Čtyrsvazkové dílo Sodenovo[1]) způsobilo značný rozruch v literatuře biblické; ponenáhlu však začaly se ozývati hlasy méně příznivé, některé velmi nepříznivé.[2]) Nikdo neupírá zásluh Sodenovi a jeho spolupracovníkům, že snesli spoustu látky, také roztřídění na recense Lukianovu *(K)*, Hesychiovu *(H)* a Pamphilovu *(I)* jest jakési plus, ač i tu se činí námitky; avšak odborníci litují, že nebylo snesené látky využito jak náleželo. Rovněž méně šťastným bylo, přes to, že doplnil a znova přehlédl seznamy Gregoryho, zavedení nového označování kodexů, jež způsobilo zmatek, a jehož se asi sotva kdo výlučně přidrží. I ti, kdož uvádějí nové značky Sodenovy, připojují označení Gregoryho jako dříve. Nám neběží o spis Sodenův v řadě první, nechceme se pouštěti do posudku o jeho díle; zde jde o to, do jaké míry a s jakým prospěchem lze je užiti díla Sodenova, zejména jeho kritického aparátu, při srovnávání staroslověnských textů biblických v příčině jich původu z řecké předlohy.

Ježto v naší věci je základní otázkou: byla-li řecká předloha staroslověnského překladu recense Cařihradské či Alexandrijské, běží přirozeně hlavně o to, abychom měli pokud možno nejvíce přesných údajů o jedné i druhé recensi. Avšak toho se z aparátu Sodenova nedozvíme. Zejména pokud se týče recense Lukianovy (Cařihradské, $K = \varkappa o\iota\nu\acute{\eta}$), ta je uvedena přečasto obecně, bez podrobných dat, takže na první pohled by někdo mohl z aparátu souditi, že kodexy jsou svorny, což není pravda; obecně se uznává, že textům Antiochijským byla věnována pozornost menší nežli slušelo. S druhé strany také není v obecnosti správné, co se tu uvádí o recensi Hesychiově (*H* = Alexandrijské), byť Soden označoval přesněji určité kodexy nebo čeledi; jsou i rukopisy, které mají příbuzná čtení s alexandrijskými, a nelze tato čtení označovati jako výlučně nebo obecně Hesychiovská. Je-li tomu tak, pak ovšem

[1]) H. von Soden: Die Schriften d. Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbaren Textgestalt, hergestellt auf Grund ihrer Textgeschichte. Göttingen 1902—1913.

[2]) Velmi mírný a věcný posudek má Rudolf Knopf v Göttingische gelehrte Anzeigen, 1917, 385 násl. — Hans Lietzmann v »Zeitschrift f. d. Neutestamentliche Wissenschaft«, Giessen 1914, 323 násl. — Paul Schmiedel v »Theologische Blätter«, Leipzig-Giessen, 1922, 218 a násl. (kritika velmi ostrá).

aparát Sodenův při hledání řecké předlohy staroslověnského překladu mnoho neposlouží a po Tischendorfu sáhne ještě dnes každý s prospěchem, protože aparát Tischendorfův podává více kladných údajů, kdežto Soden se spokojuje často s údaji negativními. To se ukázalo nejlépe na pečlivém srovnání textu evangelního sv. Matouše, jež provedl prof. Snoj na základě aparátu Sodenova. Podle něho je v nejstarších rukopisech staroslověnských ne méně než 50% čtení Hesychiových. Ježto však v IX. stol. v *Κοινή* takových čtení nebylo, nezbývá podle Snoje nežli opraviti dosavadní mínění o řecké předloze v ten smysl, že byla recense Alexandrijské a ne Cařihradské.[1])

2. Podle Dobrovského pořídili sv. Cyrill a Metod evangelní staroslověnský překlad z rukopisů recense Konstantinopolské (ne Západní, ne Alexandrijské — rozdělení Griesbachova) beze všeho užití Vulgaty. (Dobrovský, Catalogus codd. slav. v Nov. Testam. Halae 1796 ed. Griesbach; Glagolitica 68—72; Slovanka II 128—139; Institutiones l. s. v. d.)

Všecka místa, v nichž starý překlad souhlasí s Vulgatou a ne s přijatým textem řeckým, jsou varianty, nacházející se též v jednotlivých rukopisech řeckých, takže tato shoda se zakládá na užití takových rukopisů řeckých a nikoli Vulgaty (Glagolitica 68—82, Slovanka II 128—139, Institutiones linguae slavicae v. d. LI—LII, 193, 423, 667, 699 - 701)

Také Šafařík v Památkách, kde pokládal ještě rukopisy slov. překladu psané cyrillicí za starší, tvrdí o nich rovněž. že připadají recensi Byzancké; dále přijímá za věc jistou a vší pochybnosti zbavenou, že mnohá hlaholským rukopisům vlastní čtení vzala původ — jestli ne z latiny či Vulgaty — tedy aspoň z řeckých rukopisův jedné a téže recense s Jeronymovou Vulgatou (Památky hlaholského písemnictví XXXIX). Skrovný počet dokladů omlouvá nedostatkem starších rukopisů a projevuje nepochybnou naději, že se jich vyskytne počet větší.

Tyto věci opakuji zde jednak pro přehled, aby bylo patrno, kterou cestou se kritické studium starosl. překladu bralo, a pak i proto, abych ukázal, že Šafařík se v domnění o původu stsl. překladu nelišil valně od Dobrovského. Dobrovský se drží starého názvosloví Griesbachova. Jemu byla recense Západní čistě místně západní a ne tím, co rozumíme dnes recensí Západní (u Horta-Westcotta Western[2]) — vylučoval tím latinskou Vulgatu. Za doby Dobrovského nebylo studium biblické kritiky tam, kde je dnes, avšak byl svrchovaně opatrným, mluvil-li o řeckých variantech, protože v rukopisech jsou čtení příliš rozmanitá. Šafařík, byť nevylučoval Vulgatu tak rozhodně jako Dobrovský, na svoji dobu prozíravě označil původ různočtení slovanských v recensi příbuzné s Vulgatou. Dnes víme o recensi t. zv. Západní (Western), že ji nelze bráti za čistě místně takovou; jest sice pravda, že k ní patří texty západní latinské i řecké, ale i texty východní. Soden ji zahrnul pod značkou I, ale to se mu právě vytýká, že z různorodých prvků chce vytvořit celek, recensi. Píše-li tedy Šafařík, že ve staroslov. překladě jsou místa odchylná od

---

[1]) Dr. Andrej Snoj, Staroslovenski Matejev evangelij (Bogoslovna Akademija, Rozprave II.), Ljubljana. — Téhož: Staroslovenski prevod evangeljev, Ljubljana 1922 (Bogoslov. Vestnik).

[2]) The New Testament in the original Greek, London 1896 Introduction.

recense Cařihradské, vysvětlitelná recensí příbuznou s Vulgatou Jeronymovou, neodpírá Dobrovskému, a na svou dobu prozíravě označuje původ těch odchylek, protože byla i v textech východních čtení příbuzná se západními.

Jagić se přidržel v příčině recensí Gregoryho, který spojil vždy dvě a dvě dvojice v recensi jednu: západně-alexandrijskou a antiochijsko-cařihradskou. O slovanském textu drží se mínění, že je v jádře byzancký s odchylkami různočteními rec. druhé. Věc je tím sice zjednodušena, ale ne usnadněna, aniž vysvětlena. (Viz úvod k Račkeho vyd. kodexu Assemanova.[1]) K řečenému oboru vrátil se auktor po létech na sklonku života ve spise »Zum Altkirchenslavischen Apostolus« I, 43—99. (Sitzungsberichte 191. Band, Wien 1919. Akademie d. Wissenschaften). I tu zůstává při mínění výše vysloveném, v němž ostatně byl za jedno i s Voskresenským. (Srov. **Чтенія въ Импер. обществѣ исторіи и превностей россійскихъ** I **Москва** 1896.)

Prof. Snoj, jak jsem výše pověděl, tvrdí rozhodný opak; jádro překladu slovanského je podle něho alexandrijské, odchylky jsou pozdějšího původu, cařihradské. V nejstarších památkách prý je více než 50% čtení alexandrijských; teprve po XI. stol. dostává staroslověnský překlad ráz cařihradský rostoucím počtem oprav ve smyslu cařihradského textu. Prof. Snoj se dal unésti k odvážnému tvrzení aparátem Sodenovým. Věc je po mém mínění spletitější. Kodexy recense Lukianovy nejsou tak shodny a svorny jako je označil Soden tučnou literou, společným *K*, za nímž se skrývá nejedna rozháranost; také, myslím, nejsme ihned oprávněni usuzovat recensi Alexandrijskou z toho, že v tom neb onom případě ten neb onen ojedinělý kodex Hesychiovský se shoduje s čtením staroslověnským. Snoj takové čtení, Sodenem označené tenkým *H*, abych tak řekl, generalisoval, a udělal z něho tučné **H**. Připomíná sice na počátku, že tímto *H* označuje čtení, kde se jeden neb dva kodexy alexandrijské se slovanským shodují, ale při počtu různočtení je nijak nerozlišuje, a tak přišel k oněm 50% alexandrijských různočtení. Nepochybuji, že měl při práci poctivý úmysl, ale závěr aspoň na oko klame. Těch 50% a více procent alexandrijských různočtení není tím ještě nijak bezpečně podepřeno. Také ta okolnost, že v Mariinském kodexu různočtení cařihradská jsou pozdější rukou, a to cyrillicí, připsána, ještě nedokazují, že byl původní text slovanský alexandrijským; z nich vysvítá pouze to, že úřední text cařihradský čím dále tím více pronikal a zatlačoval odchylná různočtení, ať byla původu **jakéhokoliv**.

3. Prof. Snoj pronesl větu, že v IX. stol. v Cařihradě nebylo kodexů s různočteními alexandrijskými. Ukáži zde na některá čtení odchylná od *K*, o nichž bude úkolem budoucnosti dokázati jakého jsou původu. Jsou to zejména tři skupiny kodexů, a sice:

a) skupina codd. *1*, 118, 131, 209 (podle označení Gregoryho):

b) tak zv. skupina Ferrarova: *13*, 69, 124, 346, 543, 788, 826 a 828;

c) konečně skupina kodexů, jež mají čtení smíšená z obou čeledí předchozích (fam.[1] a fam.[13]): 22, 28, 565, 700.

---

[1]) Tato práce pochází z prvních let literární činnosti Jagićovy.

Prof. Kirsopp Lake,[1]) který věnoval zvláštní pozornost zejména první skupině, došel k závěrům neb aspoň dohadům, jež nám nemohou býti lhostejny a jež by mohly vésti na stopu k určitějším poznatkům řecké předlohy překladu slovanského. Podle něho vyplývá z jeho pozorování toto:

a) Skupina jím označená fam.[1] představuje starší text nežli Antiochijský, byť byla pomíšena s ním;

b) mezi skupinou fam.[1], fam.[13] a kodd.: 22, 28, 565, 700 jest těsné příbuzenství;

c) veliká skupina: fam.[1], fam.[13] a 22, 28, 565, 700 jsou z recense předantiochijské, byť v podobě rozlíčně pokažené; jest velmi pravděpodobno, že tu běží o nějaký místní text nebo o několik místních textů, při čemž by šlo o texty sousední (l. c. str. 52).

d) Paleograficky není tato skupina — podle Lakeho — Italská (jako skupina Ferrarova, jak uvidíme), spíše jest Cařihradská; symboly Evangelistů jeví podobnost s oněmi u Anastazia Sinajského, což však o sobě nedokazuje nic.

e) Proti tomu všecky kodexy čeledi fam.[13], vyjma 69, který je pozdější, pocházejí z Kalabrie (jižní Italie) a pravděpodobně z jednoho kláštera; to ovšem není důkazem, že i jich předloha byla (nebo že nebyla) z Kalabrie. Zřejmé jest jediné to, že stichometrickou úpravou jistých částí textu shodují se s rukopisy syrskými.[2])

f) U zbývajících kodd. 22, 28, 700 není stopy o jich původu; kodex 565, který také náleží mezi ně a je původem z Pontu (Houmish Khan), má na konci textu sv. Marka tento důležitý kolofon: »*ἐγράφη καὶ ἀντεβλήθη ὁμοίως ἐκ τῶν ἱεροσολυμῶν ἀντιγράφων*« (l. c. str. 53).

Abych se vrátil k čeledi první (fam.[1]), jaksi rekapitulací zejména o kod. č. 1, připomenu s Lakem, že je jedinečný svého druhu. Má leccos společného s kodexy ℵ, B, mnoho též se starolatinskými kodexy a něco málo se starosyrskými; a přec Lake se neodvažuje tuto skupinu považovati za pre-origenovský text Alexandrijský. Já jsem ho bedlivěji sledoval pro jeho příbuznost s texty antiochijskými, které jsou jak známo předchůdci textů cařihradských. Tradiční text Cařihradský je Antiochijský IV. století. V příští stati ukáži, kolik odchylek od *Κοινη* v překladě staroslověnském lze vysvětliti čteními kod. 1 (fam.[1]) a s ním příbuzných skupin, aniž by bylo třeba utíkati se k ojedinělým čtením textů alexandrijských. Ovšem tím ještě nechci říci předem, že prof. Snoj nemá pravdu. Úkolem budoucnosti je ukázati bezpečněji na původ skupiny fam.[1], po případě na původ ostatních zpřízněných skupin. O skupině Ferrarově časově i místně by mohlo spíše platiti to, co se domnívá prof. Snoj o řecké předloze staroslověnského překladu, že totiž jest literární dědictví mnichů alexandrijských, kteří utíkajíce před pronikajícími Araby z Východu hledali útočiště na Západě. Avšak i to

---

[1]) Codex 1 of the Gospels and its allies by K. Lake, v revui: Texts and Studies, Cambridge VII 1902 č. 3.

[2]) Srov. Dr. Harris Rendel, Origin of the Ferrar Group; Cambridge 1893.

jsou jen dohady, pro které dosud nemáme dostatečných důkazů. Proto pokládám tvrzení, že předloha staroslověnského překladu byla recense Alexandrinské, za předčasné.[1])

V Římě v červnu 1924. *Jos. Vajs.*

Prof. Dr. Miloš Weingart. **Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. Přehled a rozbor filologický.** Část I. V Bratislavě 1922. (= Spisy filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě, č. II.) 8⁰. 246. Cena 40 Kč. (Окончаніе.)

Глава седьмая посвящена *Σύνοψις ἱστορική* Константина Манассіи, историка второй половины XII в. Послѣ перечня (стр. 164—166) довольно обширной литературы вопроса (авторъ не упоминаетъ небольшой впрочемъ замѣтки о синодальномъ спискѣ Манассіи Лаврова „Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма", стр. 164—165 и Сырку „Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в.", т. I, вып. I, стр. 421 и слѣд.), Вейнгартъ приступаетъ къ характеристикѣ старшаго списка славянскаго перевода Манассіи, Московскаго патріаршаго. По слѣдамъ Билярскаго, онъ анализомъ языка рукописи устанавливаетъ его принадлежность къ восточно-болгарскому діалекту (стр. 169—170). Спорный вопросъ о томъ, былъ ли попъ Филиппъ, чье имя читаемъ въ заключеніи рукописи, самъ переводчикомъ хроники или только переписчикомъ, онъ рѣшаетъ вслѣдъ за Билярскимъ, что Филиппъ лишь докончилъ въ 6853, т. е. 1345 году, „rukopis, nedopsaný neznámo kým" (стр. 168).

Ватиканская рукопись Манассіи знаменита своими миніатюрами историческаго содержанія и вставкой Александріи, переведенной съ латинскаго или итальянскаго гдѣ-то въ Хорватіи. Вейнгартъ даетъ подробный перечень первыхъ (стр. 173—176) и нѣсколько свѣдѣній, по акад. А. Веселовскому, о второй (стр. 171—174). Весьма трудный вопросъ представляетъ датировка рукописи. Шевыревъ на основаніи глоссы: **при семъ михаилѣ цр҃и и҆ при матери є҆го кр҇тишѫ сѧ блг҃аре. ѿтоли же до нинѣ лѣ. ф҃і҃а**, читая послѣднюю цифру, какъ 511, опредѣлялъ дату рукописи черезъ 858 (время, по его мнѣнію, крещенія болгаръ) + 511, что даетъ 1369 годъ (стр. 176). Вейнгартъ указываетъ на ошибочность принятой Шевыревымъ даты крещенія болгаръ. Новѣйшіе историки относятъ это событіе Gelzer къ 864—865, Златарскій къ 863—864 годамъ (стр. 177—178). Но 865 + 511 даютъ 1376-ой годъ дату, для ватиканской рукописи невозможную, т. к. на ея миніатюрахъ царь Іоаннъ Александръ Асѣнь изображенъ еще живымъ. Между тѣмъ онъ умеръ по Гудеву въ 1362, по Иречку въ 1365 году (стр. 178). Невозможна эта дата и потому, что та же глосса находится и въ

---

[1]) Také nebude úplně bez prospěchu povšimnouti si některých byť ojedinělých památek, o nichž je dosud málo známo, a přec se jimi také osvětlují alespoň některá z různočtení v staroslověnském překladě. Takové jsou na př.: cod. 2324 (podle Gregoryho) srov. Harvard theological Studies IV, Cambridge 1918, 13 — cod. 293 srv. The Newberry Gospels by Edgar Goodspeed, Chicago 1902, 11 —; od téhož autora: The Toronto Gospels, Chicago, Illinois 1911, 10.

московскомъ спискѣ, а слѣдовательно датируетъ не рукопись, а время перевода. Московскій же списокъ законченъ въ 1345 году, слѣд., задолго до 1376 года (стр. 178). По мнѣнію Вейнгарта, переводчикъ не зналъ времени крещенія болгаръ и относилъ его приблизительно къ 829—834 годамъ, т. е. явно ошибался, такъ какъ Михаилъ, при которомъ произошло крещеніе болгаръ, вступилъ на престолъ лишь въ 842 году, „a tím poznámka pozbývá historické ceny i významu pro datování rukopisu", по мнѣнію автора книги (стр. 178). Въ силу этого онъ переходитъ къ изслѣдованію миніатюръ, изображающихъ царя Іоанна Александра и его сыновей: Іоанна Асѣня и Іоанна Срацимира. Первый изъ нихъ изображенъ умершимъ, а Гудевъ доказалъ, что онъ былъ живъ въ 1356 году, почему и датировалъ рукопись 1356—1362 годомъ. Чешскій ученый идетъ дальше. въ виду того, что около Іоанна Срацимира стоитъ титулъ ц а р ь, а извѣстно, что Іоаннъ-Александръ раздѣлилъ власть между своими сыновьями въ 1360 году, онъ относитъ возникновеніе рукописи „těsně kolem roku 1360" (стр. 179). Остроумное наблюденіе Вейнгарта, несомнѣнно, даетъ время, раньше котораго рукопись не могла возникуть, но terminus non post можетъ быть отодвинутъ до 1362 и 1365 года, смотря по тому, до какого года дожилъ Іоаннъ-Александръ. Дата же глоссы заслуживаетъ болѣе подробнаго анализа.

Прежде всего бросается въ глаза неправильная расшифровка изслѣдователями даты. Число *511* изображается кириллицей въ видѣ ф҃а҃і. Въ написаніи же фі҃а буква і является союзомъ, а не цифрой, и означаетъ это сочетаніе *501*. Однако и это мало помогаетъ распутать загадку. Какой ни возьмемъ годъ крещенія болгаръ: отъ 863 до 865, получимъ, сложивъ съ 501, годы 1364, 1365, 1366, тогда какъ Филиппъ въ 1345 году успѣлъ уже закончить переписку перевода. Но если допустимъ, что переводчикъ, дѣйствительно, не зналъ точно года событія и, зная только годы царствованія Михаила, при которомъ оно совершилось, отсчиталъ годы, прошедшіе со времени вступленія его на царство,[1]) то получимъ 842 + 501 = 1343. Этотъ годъ не стоитъ въ противорѣчіи ни съ какими данными, извѣстными намъ о времени возникновенія перевода и его списковъ. Такимъ образомъ переводъ возникъ въ 1343 году, Московскій списокъ въ 1345 году, ватиканскій между 1360 и 1365 годомъ.

Несмотря на соблазнительность мысли дать точное время перевода, я долженъ обратить вниманіе на то, что дата фі҃а находится не въ самомъ текстѣ, а въ глоссахъ, что въ тѣхъ же глоссахъ есть и другая датировка, на которую почему-то не обращено до сихъ поръ вниманія. Эта датировка ни въ коемъ случаѣ не даетъ намъ 1343 года, но при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть согласована съ первой датой. Однако для разрѣшенія получающейся запутанности необходимо время возникновенія глоссъ отдѣлить отъ времени перевода, о чемъ послѣ.

---

[1]) Въ такомъ случаѣ слова ѿтоли же до нинѣ лѣ. фі҃а относятся къ словамъ при семъ Михаилѣ ц҃ри и при матери его, а не къ окончанію фразы кр҃стишѧ сѧ блгаре.

О хиландарскомъ спискѣ Вейнгартъ сообщаетъ по даннымъ архим. Леонида и Саввы Хиландарца, жалуясь на ихъ недостаточность и на недоступность ему статьи архим. Никифора Дучиħа „Монографија Хиландара", въ 4-томъ томѣ (у Вейнгарта ошибочно „пятомъ") его сборника „Књижевни радови". Онъ отмѣчаетъ только важность этой рукописи, какъ единственнаго списка Манассіи сербскаго происхожденія (стр. 179—180).

Никифоръ Дучиħ, если не считать глоссъ, извлеченныхъ имъ изъ списка, даетъ очень мало свѣдѣній о памятникѣ. Въ виду рѣдкости книги приведу полностью все, что онъ говоритъ о немъ: „Хронографъ на бумагѣ въ большую четвертку, сербской редакціи, имѣетъ 157 листовъ. На концѣ запись другой рукой: **сіа книга рекома цароставникь монастира Хиландара храмъ ваходъ пресвятые богородице ва свята святихъ подписа грѣшни Рахфаилъ ієромонахъ лето а фи** (1508). Въ началѣ на 38 листахъ вопросы и отвѣты изъ догматики и о сотвореніи міра изъ библейской исторіи и нѣсколько различныхъ бесѣдъ св. отцовъ. На 28 (sic)[1]) листѣ начинается исторія отъ сотворенія міра по Библіи и о царяхъ римскихъ и греческихъ. Въ немъ нѣтъ исторіи ни одного сербскаго или болгарскаго владѣтеля. Но имѣются приписки на поляхъ листовъ красными чернилами, которыя касаются болгарской исторіи, которыя я точно списалъ. Видно ясно, что ихъ составлялъ какой-то болгаринъ, знатокъ исторіи" (стр. 132—133).

Наконецъ, тульчинскій списокъ авторъ характеризуетъ по Яцимирскому, какъ рукопись болгарскую Тырновской редакціи, XVI или XVII в. (стр. 180).[2])

Послѣ краткой характеристики изданія слявянскаго Манассіи, сдѣланнаго Богданомъ и законченнаго Біану (стр. 180), Вейнгартъ переходитъ къ оцѣнкѣ памятника со стороны стиля. Хроника Манассіи въ оригиналѣ написана такъ называемымъ политическимъ стихомъ и поэтическимъ стилемъ, богатымъ эпитетами, метафорами и другими стилистическими украшеніями. Чрезвычайно интересно посмотрѣть, какъ справился съ его трудностями славянскій переводчикъ.

На нѣсколькихъ извлеченіяхъ изъ славянскаго текста авторъ съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ, что переводъ былъ выполненъ прозою (стр. 182—189). Изъ этого факта онъ хочетъ сдѣлать широкія обобщенія. Ак. Соболевскій покушался доказать существованіе стихосложенія, на принципахъ византійскаго, и у болгаръ. Вейнгарту почему-то кажется, что „rozsáhlé veršové dílo, překládané v době značné vyspělosti středobulharské literatury . . . převedené prósou" наилучшій аргументъ противъ Соболевскаго „въ спорномъ вопросѣ o starobulharských verších" (стр. 182). Мнѣ кажется, что именно благодаря обширности и историческому содержанію труда Манассіи переводъ его прозой является совершенно понятнымъ и даже неизбѣжнымъ. Если даже въ такой литературѣ, какъ современная русская или англійская, ради точности текста и вслѣдствіе трудности перевода стихами существуютъ проза-

[1]) Одна изъ цифръ 38 или 28 является, несомнѣнно, опечаткой.

[2]) Списки хиландарскій, новгородскій, софійскій, петроградскій, указанный Поповымъ, остаются такимъ образомъ не изученными.

ическіе переводы такихъ лирическихъ поэтовъ, какъ Рабиндранатъ Тагоръ, то можно ли удивляться, что, имѣя дѣло съ объемистой исторической хроникой, по самому существу своему прозаической и лишь въ силу капризной моды упадочнаго времени втиснутой въ стихотворную форму, переводчикъ не сталъ усложнять свою задачу борьбой съ правилами стихосложенія. Въ добавокъ переводъ Манассіи принадлежитъ къ средне-болгарской, а не къ староболгарской литературѣ. Такимъ образомъ для разрѣшенія спорнаго вопроса о староболгарскихъ стихотвореніяхъ этотъ фактъ не можетъ имѣть почти никакого значенія. Онъ можетъ свидѣтельствовать лишь о томъ, что въ половинѣ XIV в. болгарская литература не знала того стихотворческаго повѣтрія, которое испытали византійская въ эпоху своего упадка, и литературы западной культуры, въ томъ числѣ и славянскія, въ эпоху іезуитскаго просвѣщенія. Предположеніе ак. Соболевскаго о существованіи въ эпоху Симеона въ Болгаріи попытокъ стихотворства по византійскому образцу и въ особенности его реконструкція азбучной молитвы Константина требуютъ болѣе внимательнаго обсужденія и болѣе солидной аргументаціи для своего опроверженія.

Что касается стиля, переводчикъ, по оцѣнкѣ Вейнгарта, справился съ задачей довольно удачно. Его слогъ плавенъ, переводъ вѣренъ, хотя болѣе прозаиченъ, чѣмъ оригиналъ, сохраняетъ синтаксисъ подлинника, подражаетъ его словообразованію, мѣстами возвышается до его риторическаго паѳоса (стр. 189—191).

Слѣдуетъ обширный экскурсъ о composita въ славянскомъ переводѣ Манассіи, вопросъ, разработанный уже Чертковымъ, Билярскимъ и Ягичемъ. Выводы автора: въ грамматическомъ отношеніи — composita съ глаголомъ во второй части сравнительно рѣдки, чаще другихъ встрѣчаемъ таковыя съ причастіемъ на концѣ, какъ **зломысла, свѧщенодѣиствѹѫ** и др., или съ отглагольнымъ существительнымъ, какъ **злодѣаніе**, или, наконецъ, съ отглагольнымъ прилагательнымъ, какъ **законопрѣстѫпенъ**. Много обычнѣе composita съ именемъ во второй части — ихъ въ памятникѣ 90%, въ особенности часты сложныя на *-ьno-, -ьje, -ьcь, -tel-* (стр. 194—195). Около 90% всѣхъ composita пользуются въ качествѣ соединительной гласной звукомъ *o*, даже тамъ, гдѣ основа перваго слова завершается на *i, u, e* (стр. 195). Въ синтактическомъ отношеніи — z... vazebných komposit, jejichž první člen je jmenný..., řídícím členem bývá druhý člen komposita: **богозданенъ** (sic!), **дѣтородіе** и т. д. Очень распространены composita determinativní, jejichž první člen obsahuje příslovečné určení členu druhého, какъ **благоразоумненъ, новотканенъ** и т. д., и komposita possesivní, какъ **длъгорѫкъ, злогласенъ** и др. (стр. 196). Въ лексическомъ отношеніи — для болгарскаго переводчика характерно малое разнообразіе въ первомъ членѣ composita. Обычно имъ служатъ слова **благо** (31 случай), **бого** (15), **велико** (25), **вьсе** (23), **длъго** (10), **добро** (70), **злато** (23), **зло** (67), **любо** (15), **много** (49), **ново** (10), **прѣво** (13), **само** (21), **сладко** (10), **тѧжко** (13) (стр. 196). Composita греческаго текста много разнообразнѣе. Поэтому славянскій переводчикъ вынужденъ передавать однимъ и тѣмъ же словомъ нѣсколько

эпитетовъ Манассіи. Иногда, впрочемъ, онъ одно и то же греческое слово переводитъ различно (стр. 197—198).

Главнымъ взносомъ Вейнгарта является списокъ всѣхъ composita славянскаго перевода съ указаніемъ, какихъ изъ нихъ нѣтъ въ лексиконѣ Миклошича (стр. 198—215). Это чрезвычайно цѣнный матеріалъ для изученія южнославянскихъ и въ особенности русскаго литературнаго языка. Множество этихъ искусственныхъ новообразованій, созданныхъ по аналогіи греческихъ словъ, получили полное право гражданства въ живомъ языкѣ русскаго образованнаго общества. Удивительнѣе всего, что это замѣчается и въ отношеніи къ словамъ, неизвѣстнымъ пока изъ другихъ памятниковъ: ср., напримѣръ, **благоврѣменънѣ** (нын. благовременно), **богозданенъ**, **богоненавистенъ**, **винолюбивъ**, **властолюбивъ**, **вьсевидѧ** (нын. всевидящій), **вьсеꙗдца** (нын. всеядный), **единовластенъ**, **женолюбивъ**, **жестоковыꙗвъ** (нын. жестоковыйный), **златоперъ**, **злодѣаніе**, **злокъзнънѣ** (нын. злокозненный), **зломѧзыченъ**, **змiообразенъ** (нын. змѣеобразный), **копiоносецъ** (нын. копьеносецъ), **кръвопролитенъ**, **любостѧжаніе**, **малоземенъ** (нын. малоземельный), **малосложенъ**, **многодаровитъ**, **многочисленъ**, **мѧкъкосрьдъ**, **мѧсоꙗденъ** (нын. мясоѣдный), **мѧсоꙗстенъ** (мясоястный), **мѵропомазаніе**, **нерѫкотканенъ**, **новонасажденъ**, **орѫжноносецъ** (нын. оруженосецъ), **островръхъ**, **плодотворенъ**, **получловѣкъ** (нын. получеловѣкъ), **простодоушенъ**, **пръвосъзданенъ**, **пьстрокоженъ** (нын. пестрокожій), **роусокосъ**, **сващенноcлоужитель**, **слабодоушенъ**, **слабооумiе**, **сладкоѧзыченъ**, **слѣпоокъ**, **сребрикованенъ**, **сребростроуинъ**, **сторѫкъ**, **соуемѫдрiе**, **твръдостѣненъ**, **тъзоименитъ**, **чловѣкооубiиственъ** (нын. человѣкоубійственный). Нѣкоторые изъ этихъ словъ, какъ **свѧщеннослѵжитель**, **мѵропомазаніе**, **сѵемѵдрiе**, конечно, лишь случайно отсутствуютъ въ словарѣ Миклошича, такъ какъ были широко въ ходу въ древне-славянской письменности.

Въ концѣ главы авторъ обращается къ опредѣленію времени самаго перевода. Этотъ вопросъ еще невполнѣ разъясненъ. Наиболѣе сдѣлалъ для его рѣшенія Билярскій. Онъ указалъ, что льстивое восхваленіе Мануила Комнена, находящееся въ оригиналѣ Манассіи, въ московской рукописи передѣлано и отнесено къ Іоанну-Александру Асѣни (стр. 215). То же мѣсто имѣется и въ ватиканскомъ и тульчинскомъ спискахъ (см. изд. Богдана), а также и въ хиландарскомъ (арх. Леонидъ). Слѣд., эта передѣлка принадлежитъ самому переводчику Манассіи. Вступленіе Іоанна-Александра на царство произошло въ 1331 году, московскій списокъ законченъ въ 1345. Такимъ образомъ, по мнѣнію Вейнгарта, переводъ возникъ „v Trnově mezi r. 1331—1340“ (стр. 216). Выводъ правильный, но послѣдняя цифра взята нѣсколько произвольно. Нѣтъ основаній предполагать, что между переводомъ хроники и завершеніемъ московской рукописи прошелъ такой значительный промежутокъ времени. Если бы можно было утверждать, что глосса о крещеніи болгаръ принадлежитъ самому переводчику, то переводъ нужно было бы отнести къ 1343 году. Но во всякомъ случаѣ дата 1331—1345 годъ была бы наиболѣе осторожной.

Славянскій переводъ Манассіи имѣлъ обширное литературное вліяніе. Богданъ показалъ его въ румынскихъ хроникахъ архіеп. Макарія и Азаріи, Поповъ въ различныхъ русскихъ хронографахъ, Чертковъ въ Никоновской лѣтописи. Какъ видимъ, здѣсь чешскій ученый ограничивается суммированьемъ сдѣланнаго ранѣе его (стр. 217—219).

Въ восьмой главѣ авторъ обращается къ интересному вопросу о глоссахъ на поляхъ Манассіевой хроники, которыя содержатъ замѣтки по болгарской исторіи. Онѣ находятся во всѣхъ славянскихъ спискахъ ея и потому восходятъ къ прототипу всѣхъ ихъ; принадлежатъ болгарскому писателю (стр. 220—221, 224). Вейнгартъ даетъ всѣ эти глоссы по изданію Богдана (стр. 221—223). Глоссы ватиканскаго и московскаго списковъ однѣ и тѣ же, отличаются немногими особенностями въ правописаніи; даже ошибки ихъ тождественны. Языкъ ихъ одинъ, одинаково употребленіе юсовъ, еровъ, ѣ и ꙗ. Притомъ онъ тожественъ съ языкомъ самого перевода хроники. Все это подтверждаетъ, по мнѣнію Вейнгарта, „že glossy pocházejí od překladatele“ (стр. 224). Хотя авторъ и не имѣлъ возможности ознакомиться съ хиландарскимъ спискомъ, но счелъ, že... není snad odvážné usuzovati, že jsou to tytéž glossy jako v rukopise vatikánském a moskevském“ (стр. 221). Заключеніе нѣсколько смѣлое, но оно въ существенномъ оправдывается изданіемъ глоссъ изъ этой рукописи Никифора Дучиħа. Языкъ ихъ сильно посербленъ и въ фонетикѣ, и въ формахъ; текстъ, если довѣряться Дучиħу, полонъ ошибокъ и искаженій, вызванныхъ слабымъ пониманіемъ среднеболгарскаго оригинала сербскимъ переписчикомъ. Имѣются и отличія. Обычно глоссѣ предшествуетъ имя царя, ко времени котораго относится замѣтка: глосса 1-ая л. 89 **Царьство Анастасїа цара**; 2-ая л. 115 **Царьство Константина брата Имизиѥ**; 3-ья л. 121 **Царьство Льва Иконоборца**; 5-ая л. 127 и 128 **Царьство Никїфора Геника**; 6-ая л. 135 **Царьство Михаила Пигавеа**; 7-ая л. 130 **Царство Льва Арменина иконоборца**; 8-ая л. 131 **Царь грькомъ Мїхаилъ**; 9-ая л. 132 **Царство Мїхаила сина Өеѡфилова**; 10-ая л. 136 **Царьство Василїа Македонѣнинꙗ**; 11-ая л. 138 **Царство Льва прѣмоудраго, сина Василїева**; 12-ая л. 140 **Царьство Александ. брата Львева и Константина сина Львева**; 13-ая л. 142 **Царство Романа Лакапїна**; 14-ая л. 143 **Царьство Романа, сына Константина багрѣнороднаго**; 15-ая л. 145 **Царьство Никїфора Фоки**; 16-ая л. 148 **Царьство Їоана Цимисхїа**; 17-ая л. 149 **Царьство Василїа и Константїна; син8 Романа цара**; 19-ая л. 151 **Самодрьжьство цара Константїна брата Василїева**. Есть различія и въ самомъ содержаніи глоссъ. Во второй на л. 115 отсутствуетъ замѣтка о 6-мъ соборѣ и выпущенъ конецъ: **много же бесчислъни** (т. е. **блъгаре**) **сѫще, исплънишѧ и сїѧ стран8 д8нав8, и онѧ до драча и дале. ибѡ и власи и србьле и прочїи вси едино сѫтъ**. Въ третьей л. 121 нѣтъ замѣтки объ отпаденіи Рима отъ Византіи; въ тринадцатой л. 142 — о женѣ царя Петра. Очевидно, писца не интересовали церковныя событія, а восхваленіе болгариномъ своей народности съ отожествленіемъ съ нею и сербовъ найдено имъ излишнимъ и невѣрнымъ. Таковы отличія редакціонныя, остальныя результатъ искаженія. Особенно испорчены глоссы: 1-ая

л. 89 при саїн (Bogd. анастасїн)[1]) цари, наше (Bogd. начашѫ), блъгаре поюмахи (Bogd. поюмати) землю сїю (Bogd. зема сїѫ) прѣдшьшѹ (Bogd. прѣшедше) бьдынѣ (Bogd. ѹ бъдънѣ) и прѣжде начеше (Bogd. начашѫ) поимати (Bogd. поемати) олнѣю (Bogd. долнаѫ) землю ѡхридскоѵ (Bogd. зема охридскѫ) и потомъ сїю въсѹ Bogd. сиѩ зема въса). Л. 90 ѡть исхода же блъгаромъ о нина (Bogd. донинѣ) ѡ . о лѣто; 11-ая л. 138 поплѣниише блъга . а то за стрнисть вь дрьстѣ (Bogd. поплѣнишѫ блъгары, а тои затвори са въ дръстрѣ); 15-ая л. 145 царьствоваве Никїфорѹ изведшѹ ска слава на нихъ (Bogd. цр҃еви Никифорѹ изведшѹ свѧтслава на нихъ); 16-ая л. 148 по приюти же Праславѣстѣмъ . Свеславоѵ кнезю рѹскомѹ (Bogd. по прѣѩти же праславъствѣмъ, свѧтславѹ кнѧзѹ рѹскомѹ); 17-ая л. 149 и приють. Един и Малинскѹ и Беликоѵ Праславоѵ и Малинъ (Bogd. и прѣѩтъ бъдыи (sic!) и плискѫ и великы праслав и малыи). Болѣе мелкія ошибки: глосса 3-ья л. 121 сьгоше (Bogd. съсѣкошѫ); 4-ая л. 125 кордамь (Bogd. кардам); 6-ая л. 129 вѣзаше (Bogd. възѧцѧ); 7-ая л. 130 оѵ битвѣ, крѹ (Bogd. ѹбѡ, крѹмь); 8-ая орак (Bogd. съвра), мало и всоѵ, мѹртаго, воиськ (Bogd. мала не въса, мѹртагъ, воискы); 9-ая л. 132 пропущено междѹ; 2-ая л. 140 по морѹ (Bogd. по мирѹ); 13-ая л. 142 їѡврии (Bogd. одринъ); 16-ая л. 148 дрострѣ (Bogd. дръстрѣ); 19-ая л. 151 Ѧзѣнѣ (Bogd. асѣнѣ). Только разъ хиландарская рукопись даетъ болѣе правильное чтеніе, чѣмъ остальные списки: глосса 12-ая л. 140 изышьдьше же отъ тѹдѹ (Bogd. изъшел же ѡттѫдѹ). Остальныя отличія результатъ сознательнаго и безсознательнаго посербливанья сербскимъ переписчикомъ среднеболгарскаго текста. Общее происхожденіе хиландарскихъ глоссъ съ остальными доказывается ошибками, общими всѣмъ спискамъ: и Хиландарскій имѣетъ въ глоссѣ 11-ой л. 138 воевавъ на кѹгры, а въ 17-ой л. 149 Романомь, сына Петра цара.

Далѣе Вейнгартъ переходитъ къ вопросу объ источникѣ глоссъ. Его предшественники видѣли въ нихъ плоды самостоятельнаго знакомства съ болгарской исторіей тырновскаго переводчика (стр. 224), почерпнутые изъ неизвѣстнаго намъ болгарскаго лѣтописца; въ особенности развивалъ эту точку зрѣнія болгаринъ Гудевъ (стр. 235—236). Чешскій ученый справедливо указываетъ, что врядъ-ли бы тогда переводчикъ позабылъ коснуться такихъ существенныхъ для болгарскаго народа событій, какъ дѣятельность Кирилла и Меѳодія, прибытіе ихъ учениковъ въ Болгарію, дѣятельность Климента, основаніе Симеономъ Прѣславы, патріаршества, принятіе имъ царскаго титула и др. Въ глоссахъ говорится только о военныхъ столкновеніяхъ болгаръ и грековъ, и то преимущественно во Ѳракіи. Если не считать краткой замѣтки объ Асѣнѣ первомъ, онѣ заканчиваются подчиненіемъ перваго болгарскаго государства Византіи. Вся славная исторія второго болгарскаго царства прошла мимо глоссатора. Все это справедливо заставляетъ Вейнгарта предполагать, что источникъ глоссъ былъ греческій, притомъ оканчивавшійся XI вѣкомъ. Таковымъ, по его мнѣнію, могла быть только хроника Зонары (стр. 224—225).

[1]) Богдана цитирую вездѣ по перепечаткѣ Вейнгарта.

Для доказательства своей гипотезы авторъ производитъ сопоставленіе глоссъ съ соотвѣтствующими мѣстами греческаго текста Зонары по изданію Dindorf'a (стр. 226—234). Онъ приходитъ къ выводу, что сходство недословно, что въ глоссахъ умѣщено не все содержаніе Зонары, но иначе при краткости приписокъ на поляхъ и быть не могло. Зато всѣ фактическія данныя глоссъ, имена мѣстъ и лицъ вполнѣ со гласны съ хроникой Зонары. Въ нихъ нѣтъ ничего, чего бы не было въ ней. Черпалъ ихъ глоссаторъ изъ самого текста, а не изъ argumenta, т. е. краткаго перечня содержанія, обычно завершающаго хронику, потому что изъ argumenta извлечь все содержаніе его замѣтокъ невозможно (стр. 234). Затруднительнѣе вопросъ, изъ греческаго подлинника бралъ онъ свои глоссы или уже изъ славянскаго перевода. За послѣднее говоритъ то, что глоссы кончаются, если исключить заключительную, къ 1028 году, какъ и славянскій текстъ Зонары. Но съ другой стороны въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ его славянскій текстъ Зонары неполонъ, въ особенности за тотъ періодъ, къ которому относятся глоссы. Къ тому же и дата славянскаго перевода невполнѣ еще установлена. Переводчикъ же Манассіи хорошо зналъ греческій языкъ и смѣло могъ воспользоваться и греческимъ текстомъ Зонары (стр. 234—235). Такимъ образомъ глоссы эти не даютъ основаній предполагать существованіе староболгарскихъ лѣтописей, подобныхъ русскимъ, какъ думалъ уже Палацкій, а въ послѣднее время Гудевъ (стр. 235). Онѣ „aspoň jakýsi pokus o vlastní práci kronikářskou", а не „rovnocenný protějšek proti chronografu Grigorijovu" (стр. 236). Значеніе этихъ глоссъ въ томъ, что онѣ обратили вниманіе на хронику Манассіи, которая занимаетъ несомнѣнно „vynikající místo ve středobulharské literatuře" (стр. 236).

Соображенія Вейнгарта о необходимости предположить греческій источникъ глоссъ и вытекающее отсюда разрушеніе гипотезы о болгарскихъ лѣтописяхъ, несомнѣнно, большая его заслуга. Но произведенное имъ сопоставленіе глоссъ съ Зонарою не даетъ полной увѣренности, что ихъ источникомъ была именно эта хроника. При всей ихъ краткости въ нихъ есть данныя, которыхъ текстъ Dindorf'a не даетъ. Не говорю уже о томъ, что онѣ игнорируютъ очень многія свѣдѣнія Зонары, не менѣе любопытныя, чѣмъ использованныя глоссаторомъ.

Такъ уже 1-ая глосса говоритъ, что болгары перешли Дунай въ **Бдынѣ**, — фактъ и имя, отсутствующіе въ приведенныхъ Вейнгартомъ выдержкахъ изъ Зонары,[1]) и что они **прѣжде начѧшѧ поемати долнѫѧ земѧ охридскѫ, и потомъ сиѧ земѧ въсѧ**. Въ Зонарѣ идетъ рѣчь не о заселеніи, а военныхъ столкновеніяхъ въ Иллирикѣ, Ѳракіи и окрестностяхъ Константинополя. Какъ видимъ, и содержаніе и, главное, терминологія совершенно иныя. Ничего подобнаго второй глоссѣ въ Зонарѣ вовсе нѣтъ. Зонара сообщаетъ, что народъ болгаръ, придя въ римскія земли по ту сторону Истра (*τὰς πέραν τοῦ ἴστρου*),[2]) сталъ сильно опустошать ихъ. Поэтому царь Константинъ сражался съ ними на сушѣ

[1]) Изданіемъ Dindorf'a, къ сожалѣнію, я не имѣю возможности воспользоваться и долженъ ограничиться выдержками, напечатанными въ книгѣ Вейнгарта.

[2]) Съ точки зрѣнія жителя Византіи.

и на морѣ, введя въ Дунай моремъ большое войско. Какъ видимъ, тутъ нѣтъ рѣчи ни о переходѣ болгаръ черезъ Дунай, ни о побѣдѣ ихъ надъ греками, ни о заселеніи ими древней Мисіи и „этой стороны Дуная" даже до Драча, ни о безчисленности ихъ народа съ причисленіемъ къ нему сербовъ и влаховъ. А это именно и составляетъ все содержаніе второй глоссы. Четвертая глосса стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ Зонарой. Она относитъ княженіе Кардама въ Болгаріи ко времени Льва Сирскаго, тогда какъ Зонара пріурочиваетъ его ко времени Константина. Глосса пятая въ общемъ достаточно близка къ Зонарѣ, но въ ней есть маленькая подробность, тому неизвѣстная. Она сообщаетъ, что Никифоръ сперва побѣдилъ Крума и „**расхыти имѣніе носимое имъ тогда**". Это даетъ знакомую русскимъ историкамъ по борьбѣ съ татарами картину. Никифоръ напалъ на войско Крума, возвращавшееся нагруженымъ добычей, что и обусловило первоначальную побѣду императора. У Зонары вмѣсто этого читаемъ *ὥστε καὶ τὴν τοῦ Κρούμου παρειληφέναι αὐλήν*, т. е. „такъ что и лагеръ (дворъ) Крума взялъ". Картина совсѣмъ иная. Въ глоссѣ 6-ой указывается, что бой между Крумомъ и Михаиломъ произошелъ подъ Одриномъ. Въ текстѣ Зонары такого прямого указанія на Адріанополь нѣтъ. Нѣтъ тамъ и соотвѣтствія словамъ глоссы: „**въсе же црское имѣніе блъгаре възмшѫ. и гръчьское**". У Зонары просто *μόλις δ' ὁ βασιλεὺς εἰς τὴν Κωνσταντίνου μετ' ὀλίγων τινῶν φυγῇ διασώζεται*, что отвѣчаетъ „**ꙗко и самомꙋ цареви едва ꙋтецши**" славянскаго текста. Въ 8-ой глоссѣ говорится, что Ѳома „**събра много число воискы, ꙗко мала не въсѫ гръчьскѫѭ земѧ**". У Зонары его успѣхи опредѣлены точнѣе и уже: „устроивъ войско, а также подчинивъ себѣ и царскій флотъ, онъ изъ Абидоса переправился во Ѳракію и покорилъ себѣ почти всѣ земли востока". Въ девятой глоссѣ заключительная подробность, что послѣ побѣды надъ возставшими язычниками князь Борисъ „**кръсти овѣхъ волеѭ, а дрꙋгыих и нѫждеѭ**", взята не изъ Зонары, гдѣ ея не имѣется. Двѣнадцатая глосса сообщаетъ, что Симеонъ въ Цариградѣ обѣдалъ съ царемъ и патріархомъ. У Зонары въ сообщеніи объ обѣдѣ о патріархѣ не упоминается. Разсказъ заканчивается сообщеніемъ, что Симеонъ **побѣди злѣ гръкы по двацши**. Изъ приведенныхъ авторомъ отрывковъ Зонары этого сообщенія вывести нельзя. Въ тринадцатой глоссѣ имѣется подробность, что Симеонъ у Цариграда **и црскыи дворъ пожеже**. У Зонары — „болгары находящіяся тамъ святилища сожгли и прочее, что было на берегу пролива, лежащаго напротивъ города". Можетъ быть, тамъ же находился и „царскій дворъ", но во всякомъ случаѣ это уже не переводъ Зонары, а комментарій человѣка, знакомаго съ Константинополемъ и его топографіей. Въ 16-ой глоссѣ говорится, что, взявъ Прѣславу, Цимисхій унесъ съ собою всѣ знаки царскаго достоинства болгарскихъ царей, подробность не указанная въ греческомъ текстѣ. Не говорю уже объ отличіяхъ, указанныхъ самимъ Вейнгартомъ.

При маломъ числѣ глоссъ и ихъ чрезвычайной сжатости такое количество отступленій должно быть признано значительнымъ. Во всякомъ случаѣ текстъ, изданный Dindorf'омъ, точнѣе отрывки приведенные Вейн-

гартомъ въ подтвержденіе его гипотезы, не даютъ всего фактическаго содержанія глоссъ.

Вопроса о датировкѣ глоссъ авторъ не поднимаетъ. Для него ясно, что онѣ принадлежатъ переводчику, а относительно послѣдняго онъ уже рѣшилъ его. Между тѣмъ глоссы даютъ два опредѣленія времени своего возникновенія. 1-ая изъ нихъ по поводу прихода на Балканы болгарскаго народа говоритъ: **ѡт исхода же блъгарѡм до нинѣ . ѡ о .** (870) **лѣтъ.** 9-ая же звучитъ: **при сем Михаилѣ цри и при матери егѡ крьстишѧ се блъгаре . ѡт толи же до нинѣ лѣт. фіа** (501). Обѣ даты совпадаютъ. Болгары начали вторженія въ Византію при императорѣ Анастасіи въ 493 году; если дѣло было осенью, то по сентябрьскому счету это даетъ 494-ый годъ. Прибавимъ 870. Получаемъ 1363 или 1364 годъ. Крещеніе болгарскаго боярства произошло, по Златарскому, въ Цариградѣ въ концѣ 863 года.[1]) Если событіе имѣло мѣсто до 1 сентября, то и по сентябрьскому счету остается тотъ же годъ, въ противномъ случаѣ имѣемъ 864-ый годъ. Прибавимъ 501. Получается 1364—1365 годъ. Какъ видимъ, при извѣстныхъ условіяхъ даты совпадаютъ точно, при другихъ разница совершенно ничтожна и легко можетъ быть объяснена ошибкой на единицу въ задачѣ на вычисленіе времени. Итакъ время появленія глоссъ 1364 годъ, во всякомъ случаѣ 1363—1365 годы. Между тѣмъ московская рукопись точной датой записи, находящейся въ концѣ ея, относится къ 1345 году. Лишь одинъ Лихачевъ подвергаетъ ее сомнѣнію на основаніи водяныхъ знаковъ и датируетъ 1350—1360 годами (Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ, ч. I, стр. 78). Не рѣшаюсь отвергнуть согласное показаніе двухъ датировокъ, выведенныхъ глоссаторомъ независимо одна отъ другой. Поэтому остается одно изъ двухъ: или признать, что попъ Филиппъ въ московской рукописи сдѣлалъ ошибку или описку, исправить которую у насъ нѣтъ данныхъ; или допустить, что глоссы возникли независимо отъ перевода. Но какъ же тогда объяснить присутствіе ихъ во всѣхъ спискахъ Манассіи? Можно представить себѣ дѣло такимъ образомъ. Царь Іоаннъ-Александръ поручилъ опытному лицу, знатоку греческаго языка, сдѣлать переводъ Манассіи. Лицо это умерло, не довершивъ своей рукописи. Ее докончилъ въ 1345 году попъ Филиппъ, и она поступила въ царскую библіотеку. Это московскій списокъ. Девятнадцать лѣтъ спустя, вѣроятнѣе всего именно въ 1364 году, рукопись вновь попала въ руки способнаго и знающаго литератора, который и пополнилъ ее изъ какой-то греческой хроники событіями, относящимися къ болгарской исторіи, помѣстивъ глоссы на поляхъ, такъ какъ текстъ былъ уже готовъ раньше. Уже послѣ этихъ дополненій съ нея былъ сдѣланъ ватиканскій списокъ, который, слѣдовательно, возникъ не ранѣе 1364 года. Правда, Вейнгартъ относитъ ее къ 1360 году, а Гудевъ ко времени не позже 1362 г., но послѣднее зависитъ отъ того, что онъ смерть Іоанна-Александра полагаетъ въ

[1]) Борисъ крестился въ 864 г., но разъ источникъ глоссъ византійскій, онъ, конечно, отмѣтилъ цариградское торжество крещенія посольства. Также и крещеніе Руси отнесено глоссами къ Василію I-му, т. е. снова имѣемъ точку зрѣнія византійскую, а не русскую національную.

1362 г. На самомъ дѣлѣ время ватиканскаго списка опредѣляется слѣдующими данными: онъ возникъ послѣ смерти царевича Іоанна Асѣня, который въ 1356 году былъ еще живъ, послѣ раздѣла царства отцомъ между Шишманомъ и Срацимиромъ, который произошелъ въ 1360 году, и еще до смерти Іоанна-Александра, которую Иречекъ, вопреки Гудеву, датируетъ 1365 годомъ. Такимъ образомъ, время возникновенія ватиканскаго списка точно ограничивается 1364—1365 гг., а самъ списокъ можетъ служить доказательствомъ правоты Иречка, такъ какъ его миніатюры изображаютъ Іоанна Александра живымъ, а глоссы датированы 1364 годомъ.

Глава девятая представляетъ мало интереса. Слѣдуя Истрину, авторъ указываетъ, что уже Іудейскій хронографъ 1262 года черпалъ изъ славянскаго перевода „Starožitnosti židovské" Jozefa Flavia, но въ виду своего незнакомства съ рукописнымъ матеріаломъ Вейнгартъ не рѣшается дать отвѣтъ на вопросъ, когда и гдѣ возникъ этотъ переводъ (стр. 237—238). Далѣе слѣдуетъ короткая замѣтка о апокрифическомъ откровеніи Меѳодія Патарскаго, вызванная тѣмъ, что оно обычно встрѣчается въ сборникахъ историческаго содержанія (стр. 238—239). Наконецъ, по Истрину же авторъ даетъ свѣдѣнія о переводѣ хронографа Іероѳея въ 1665 году и отголоскахъ народной греческой передѣлки Манассіи въ румынскихъ лѣтописяхъ и русскомъ хронографѣ (стр. 239).

Завершается книга подведеніемъ итоговъ.

Изъ всего богатства исторической византійской литературы славяне усвоили всего семь трудовъ. По справедливому замѣчанію Вейнгарта „oni nepodávají úplńého, vyčerpávajícího obrazu o byzantském kronikářství" (стр. 240). Надѣяться теперь на открытія новыхъ переводовъ византійскихъ хроникъ въ славянской письменности трудно. Можно разсчитывать лишь на находку отрывковъ и небольшихъ историческихъ статей (стр. 240). Такимъ образомъ общіе контуры картины, нарисованной Вейнгартомъ, уже врядъ-ли могутъ измѣниться. Выборъ хроникъ сдѣланъ удачно: „Malalas lákal prostým vypravováním a naivní fantastikou, Nikeforos . . . svou lehkostí a stručností za průpravu v překládání letopisném, Georgios svým theologickým obsahem a polemickou výmluvností . . ., Symeon Logothet svou souvislostí a příbuzností s Hamartolem . . : Zonaras . . . pro svou rozsáhlost a také pro obsah, cennější než tomu bylo u jiných, a Manasses . . . pro svůj básnický sloh. Только Синкеллова хроника стоитъ въ сторонѣ. Хроники „musíme přece prohlásiti . . . za vynikající část písemnictví církevně-slovanského". Онѣ расширяли кругозоръ славянскаго читателя свѣдѣніями о классической старинѣ и міровой исторіи. „Psaní a čtení . . . kronik ve XIV století . . . není příliš neblahé, srovnáme-li s tím stav letopisectví v téže době u nás nebo v západních zemích, ale . . . je dokladem o kulturním opoždění slovanském, opisují-li se tytéž kroniky ještě ve věku šestnáctém a sedmnáctém" (стр. 241). Изъ этихъ хроникъ, по мнѣнію автора, „na Rusi" была переведена „jen jedna byzantská kronika", „ostatní všechny na Balkáně", „všecky v Bulharsku". Въ Россіи расцвѣла родная лѣтопись, въ которую изъ византійскихъ хроникъ было взято очень мало, притомъ изъ южнославянскихъ переводовъ, извѣстныхъ на Руси съ XI в.

Только въ 1512 г. встрѣчаемъ здѣсь новое покушеніе на переводъ византійской хроники, но это время упадка русской лѣтописи. Сербы, какъ и русскіе, ограничиваются перепиской болгарскихъ переводовъ; даже и переводъ Зонары, ранѣе приписывавшійся сербамъ, сдѣланъ въ Болгаріи (стр. 242—243). Зато „Bulhaři nevytvořili vlastního letopisu jako Rusové, nebo aspoň takového, jako později Srbové: veškerý jejich zájem a veškerá jejich plodnost dějepisná vyčerpaly se překlady z byzantské literatury". Единственная попытка болѣе самостоятельной исторической работы — глоссы на хроникѣ Манассіи, тогда какъ у сербовъ даже переписка Зонары ведетъ къ возникновенію уже въ 1408 году перваго самостоятельнаго опыта хронографа — Паралипоменонъ Григорія (стр. 243).

Послѣдній отдѣлъ хронологическая таблица переводовъ хронографовъ, въ которомъ нѣтъ для насъ уже ничего новаго, кромѣ замѣчаній о Георгіи Амартолѣ, внесенныхъ авторомъ изъ другихъ трудовъ.

Подведя итоги, мы должны признать, что книга Вейнгарта представляетъ собою цѣнное явленіе въ области изученія древне-славянской письменности и останется надолго настольной книгой для всякаго желающаго ознакомиться со старой славянской исторической переводной литературой.

Проф. Владиміръ Розовъ.

Въ дополненіе къ обстоятельной рецензіи проф. В. А. Розова прибавлю нѣсколько замѣчаній съ точки зрѣнія византиновѣдѣнія. Наряду съ недавно появившимся изслѣдованіемъ д-ра Сатурника о вліяніи византійскаго права на славянское, книга проф. Вейнгарта свидѣтельствуетъ о вдумчивомъ отношеніи чешскихъ ученыхъ къ исторіи и культурѣ Византіи, которая наложила такую опредѣленную печать на развитіе культуры славянъ — особенно, конечно, восточныхъ и южныхъ. Приходится только пожалѣть, что въ работѣ по изученію Византіи славянскіе ученые — равно, какъ и русскіе, волею судебъ выброшенные изъ Россіи — отрѣзаны отъ той научной работы въ этой области, которая ведется въ самой Россіи за совѣтской чертой, несмотря на крайне тяжкія условія всякаго рода. Между прочимъ, извѣстный русскій журналъ по византиновѣдѣнію, Византійскій Временникъ, кажется не погибъ, или не утрачена надежда, что онъ будетъ живъ: какъ мнѣ извѣстно, не такъ давно подготовлялся къ печати очередной его выпускъ. По этому поводу можно вспомнить, что Французская Академія похоронила было своего члена-корреспондента, члена Россійской Академіи Наукъ, Ѳ. И. Успенскаго, стоящаго какъ разъ во главѣ изданія „Византійскій Временникъ". Къ счастію и почтенный академикъ Успенскій, а можетъ быть и редактируемый имъ журналъ здравствуютъ на пользу науки.

Проф. Вейнгартъ разсматриваетъ въ вышедшей части своей книги славянскіе переводы слѣдующихъ хроникъ: Іоанна Малалы, Георгія Синкелла, Никифора патріарха, Симеона Логоѳета, Іоанна Зонары, Константина Манассіи. Вопросу о хроникѣ Георгія Амартола (оказавшей особенно сильное вліяніе на славянскую письменность) посвящена будетъ вторая часть книги. Главный интересъ изслѣдованіе М. Вейнгарта представляетъ, конечно, для славистовъ. Но и для византинистовъ трудъ

Вейнгарта — незамѣнимое справочное пособіе. Византійскія хроники въ сущности изслѣдованы весьма недостаточно; самая исторія текста и языка хроникъ освѣщены неполно. Лишь немногія хроники дождались критическаго изданія (какъ изданія C. De Boor хроникъ Ѳеофана и Георгія Амартола). Славянскіе переводы могутъ всегда дать существенный матеріалъ при изслѣдованіи византійскихъ хроникъ, многое уяснить какъ въ исторіи самаго текста и распространенія списковъ, такъ и во внутренней потребности тогдашняго общества, которой отвѣчала та или иная хроника.

Не могу однако согласиться съ г. Вейнгартомъ въ самой оцѣнкѣ литературной и научной значительности хроникъ. Вейнгартъ оцѣниваетъ византійскія хроники чрезвычайно низко со стороны какъ внѣшне-литературной („so slovesným uměním nemají kroniky téměř nic společného"), такъ и внутренняго историко-научнаго содержанія („nicměně tyto kroniky světa nemají obzoru příliš širokého a vskutku světového" и пр.). Такая оцѣнка мнѣ представляется несправедливою и отчасти основанною на томъ, что къ хроникамъ предъявляются требованія, удовлетворять которымъ онѣ не должны были, такъ какъ назначеніе ихъ не только (или не столько) научно-историческое, а прежде всего историко-философское (не говоря о чисто литературномъ). Тотъ же Крумбахеръ, на мнѣніе котораго ссылается г. Вейнгартъ, даетъ возможность вывести о значеніи хроникъ совершенно иныя заключенія, чѣмъ тѣ, къ которымъ пришелъ г. Вейнгартъ. Приближающійся къ живой рѣчи языкъ хроникъ представляетъ часто больше интереса для историка литературы, чѣмъ подчищенный языкъ образованныхъ дѣеписцевъ. Содержаніе же хроникъ — цѣлое міровоззрѣніе, отъ котораго не такъ легко отдѣлаться нѣсколькими презрительными замѣчаніями.

Проф. Георгій Вернадскій.

История древней русской литературы в работах русских ученых 1917—1923 гг.

Предлагаемый ниже обзор трудов по истории древне-русской литературы обнимает исследования, статьи и издания, касающиеся русской и славяно-русской письменности, явившейся до непосредственного широкого соприкосновения с западно-европейскими литературами, наступившего в 1730—40-х годах и выразившегося в литературной деятельности Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова, т. е. до окончательной победы новых литературных форм, заимствованных с Запада. Для украинской литературы эта граница пролегает несколько ближе к концу XVIII в.

Следует оговориться о количестве захватываемого обзором материала. В обзор вошло, вероятно, далеко не все, а лишь то, что попало в поле зрения его составителя. Отсутствие постоянного библиографического органа и вообще затрудненность научных и почтовых сношений в минувшие годы, поставленные гранью обзора „1917—1923", служат если не оправданием, то объяснением возможной неполноты. Не касается обозреватель и тех работ по истории древней русской литературы, которые вышли в указанные годы за границей России, напр.

работ Е. Перфецкого — о летописях, д-ра Мандичевського о „Слове о п. Игор.“, обзоров истории украинской литературы М. Возняка, проф. М. Грушевського и т. п.: эти книги известнее и доступнее всем, живущим в Праге и других славянских научных и культурных центрах, чем напр. в Петрограде. Так до сих пор, несмотря на приложенную энергию, пишущий эти строки не может получить последних из названных трудов . . .

Обзор преследует главнейше информационную задачу: дать библиографические справки и резюмировать вкратце достижения реферируемых работ, иногда рискуя оказаться слишком пространным. Из рецензий — цитируются лишь такие, которые вносят нечто новое в трактуемый в них вопрос. В дальнейшем обзор делится на части: 1. труды общего характера; 2. труды, относящиеся к р. литературе домонгольского периода, оригинальной и переводной общей для севера и юга; 3. по северно-русской (Московской преимущественно) литературе и 4. по литературе юго-западной Руси (украинской и белорусской).

I. Общие обзоры. Источники. Из трудов обобщающего характера в отчетный период вышли два: один — 3-е издание руководства акад. *М. Н. Сперанского*, История древней русской литературы. I. Введение. Киевский период. М. 1921, X + 382 стр., и II, Московский период. М. 1921 г. (вышла в свет в 1923 г.) 287 стр.; это издание в двух томах отличается от предыдущих рядом исправлений, дополнений и изменений. — Совершенною новинкою является своеобразно написанный Очерк истории древне-русской литературы акад. *В. М. Истрина*, Петрогр. 1922, 248 стр., обнимающий домосковский период (XI—XIII вв.). Это не обычная компиляция; все отделы, за исключением немногих, проработаны автором самостоятельно и всюду внесены итоги личных наблюдений и соображений, вследствие чего многое из общеизвестных фактов дается в новом освещении. Выдающееся место занимают главы обобщающего характера: о византийском влиянии на др.-русскую литературу, о самостоятельности последней, об отношении литературы киевской и северовосточной, об объеме др.-р. лит., о редакциях памятников ее, о хрониках и хронографах, о повестях и др. Много места отведено „Слову о п. Игор.“, поставленному в необходимую для понимания его литературную обстановку. После каждой главы дается сжатое изложение важнейшей литературы вопроса. — В том же 1922 г. вышел „Краткий Очерк методологии истории русской литературы“ (Петрогр. 164 стр.) ак. *В. Н. Перетца*, представляющий собою частью сжатое, частью совершенно переработанное изложение его же „Лекций по методол. ист. р. лит.“ 1914 г. Автор имеет целью дать руководство к историко-литературному исследованию и базируется главным образом на древне-русском материале, показывая на нем основания филологического анализа, этого основного этапа для всякой историко-литер. работы над всяким материалом, любого времени. Книга снабжена библиографическим справочником. — Общий характер имеют характеристики и обзоры деятельности ученых историков литературы. Так проф. *Д. И. Абрамович* в статье О трудах митр.

Макария Булгакова в области др.-р. литературы (к столетию его рождения), представляющей страницу из истории нашей науки (Изв. Отд. Р. Я. и Сл. 1917, XXII, 2, 276—290), перечисляет и характеризует все, написанное в указанной области этим ученым иерархом; к сказанному — следовало бы добавить, что брошенные им идеи — и до нашего времени оплодотворяют деятельность исследователей др.-р. лит. — Общее значение для истории нашей науки имеют статьи акад. *А. И. Соболевского*, ак. *В. М. Истрина* и ак. *В. Н. Перетца* в Сборнике Памяти А. Н. Веселовского. По случаю десятилетия со дня его смерти († 1906—1916), изданном Отделением Р. Я. и С. Росс. Академии Наук (Петрогр. 1921, 126 + 68 стр.). Ак. *Соболевский* — охарактеризовал значение работ А. И. Веселовского по изучению апокрифической и легендарной литературы, известной на Руси и у Славян, по истории повести, начиная с древнейших её памятников — кончая XVIII веком; историческая роль трудов Веселовского в том, что они показали значение др.-р. и юго-слав. литератур для исследования средневековых литератур зап.-европ. народов, а также в том, что Веселовский выяснил значение странствующей литературы, анонимной и псевдонимной, для образования народно-поэтических тем. Ак. *Истрин* очертил „Методологическое значение работ А. Н. В-го": он много лет работал над разнообразными литер. памятниками, „но ни про одно его исследование нельзя сказать, что оно устарело по замыслу или по методу" (19), — ибо все его работы подчинялись одному положению, сознательно им проводимому — идее эволюции. Его идеал, как историка литературы — определить законы развития её форм в тесной связи с постоянно развивающеюся жизнью. Этим обусловливался процесс работы А. Н., опиравшегося на колоссальную эрудицию. Он ясно различал гипотезу — и научный факт, с логической необходимостью вытекающий из предпосылок. Необходимость филологической работы, изучения истории памятников, выделение поздних элементов — вот заветы его метода. Ак. *Перетц* охарактеризовал путь развития общих задач и воззрений А. Н. В-го по пути от „культурной истории" — к „исторической поэтике". — В ряду аналогичных обзоров нельзя не упомянуть опыты суммировать итоги работ по истории др.-р. лит. безвременно скончавшегося ак. *А. А. Шахматова*, одного из величайших славянских филологов, которых знала наша наука. В сборнике его памяти (= Изв. О. Р. Я. и С. 1920, XXV) его труды по истории др.-р. лит. были библиографически пересмотрены проф. *Д. И. Абрамовичем* (112—127), а несколько шире — ак. *М. Н. Сперанским* (288—301); дополнением к этим обзорам являются статьи проф. *М. Д. Приселкова* — „Русское летописание в трудах А. А. Ш-ва" (128—135) и проф. *А. Е. Преснякова* „Шахматов в изучении р. летописей" (163—171).

В нашем обзоре уместно хотя бы вкратце упомянуть и о работах по источниковедению истории русской и югослав. литератур, вышедших в России. И прежде всего следует обратить внимание на давно ожидавшуюся книгу — „Описание славянских рукописей Моск. Синод. Библиотеки. Отдел третий. Книги богослужебные. Часть вторая". М. XVI + 528 стр.; она помечена 1917 г., но вышла

значительно позже. Предисловие *Н. П. Попова* излагает судьбы этого драгоценного наследия Горского и Невоструева. В настоящем томе описаны №№ 433 до 576, содержащие главнейше книги богослужебные: Минеи служ., Трефолои, сборники служб и канонов, Стихирари, Ирмологии, Кондакарь, Обиходы, Святцы, Синодики и различные чины. Но кроме памятников собственно литургической литературы, лишь недавно ставшей у нас предметом собственно историко-литер. исследования, — встречаем здесь и такие, которые имеют и вне-ритуальную ценность; таковы напр. канон св. муч. Вячеславу (изд. полностью по № 434), канон св. Димитрию, относимый описателями ко времени первоучителей или их учеников (изд. по № 435, XII в.), ряд слов на праздники и наконец — службы русским святым, начиная с кн. Бориса и Глеба, развертывающие перед нами картину творчества русских гимнографов с XII в. по XVIII, среди которых — и ц. Иван Грозный (= Парфений Уродивый, № 505, XVI в.). Упомянем еще ряд апокрифов (№ 499, 564), повести из Вел. Зерцала (№ 565), Прение Панагиота и Азимита (№ 568, XVI в.) со статьями против латинян и т. п. — Богатейший материал по истории югославянских литератур и отчасти по истории русской лит. описан в обширном труде проф. *А. И. Яцимирского*, Описание южно-слав. и русских рукописей заграничных библиотек. Т. I. Вена. Берлин. Дрезден. Лейпциг. Мюнхен. Прага. Любляна. Петрогр. 1921. 912 стр. (= Сборн. Отд. Р. Я. и С. Росс. Акад. Н., т. 98). Из 154-х описанных здесь рукописей Венск. Придв. б. русских всего 15, из коих шесть собственно украинских; историко-литерат. интерес представляют №№: 31 — Псалт. в перев. Максима Грека, № 115 — копия Зерцала Богосл. Кирилла Транквиллиона, н. XVIII в., № 145 — Сборник напис. в Ковле, XVI в.; № 152 — Сборн. XVII в. с. рядом светских памятников; № 154 — украинск. Сборник XVIII в. В Берлинской Кор. библ. описано 75 рукописей, из них русских 19, но ценных с историко-лит. стороны очень мало и интереса новизны они не представляют; назовем лишь № 53 — Сборник XIII—XIV в.; № 61 — Хронограф (неопред. ред.) н. XVII в.; № 62 — 1-я Новгор. летопись в списке 1738 г.; № 63 — История о Казанском царстве вт. пол. XVII в.; № 69 — Иоанна Дамаскина о частях речи. В Дрездене описано 6 рукописей, из которых 4 русских; две из них заслуживают упоминания: № 4 — История о Казанском царстве н. XVIII в. и № 6 — Сборник XVII в. с повестями о Соломонии, о граде Вавилоне, о Димитрии Басарге, о Динаре, там же выписки из Пчелы, стихотв. о пьянстве. Из 8 рукоп. Лейпцигской городск. библ. — только 2 оказались русского происхождения: № 1 — Апостол XIII в. южнор. и № 5 — Часослов н. XVII в. Среди Мюнхенских 7 рукописей — 4 русских, но историко-литерат. значения они не имеют. В Музее Крал. Чешского описано проф. Яцимирским 94 рукоп., из них 18 — русского происхождения; ценнейшие — пергаменные листы XI—XIII вв., но и среди поздних есть нечто для историка литературы; таков № 66 — Летописец Нижнего-Новгорода втор. четв. XVIII в.; № 74 — украинский Сборник поучений 1604 г., повидимому, Учительное Евангелие; № 77 — лист из подобного же сборника пол. XVII в. Интересны

в разных отношениях сборники №№ 80, 81—84, нового письма. В Люблянской лицейской библ. описано 28 рукоп., среди которых русских не оказалось; но любопытен № 23 — Сборник, писанный сербом, старцем Даниилом в Москве ок. 1601 г. Труд проф. Яцимирского богат выписками из рукописей и отличается всеми чертами его аналогичных работ. — Покойный проф. *И. А. Шляпкин* в „Библиограф. Летописи“ изд. Общ. Л. Др. Письм. III, 1917 (книга вышла позже) дал описание некоторых рукописей, находившихся в библ. Вологодской дух. семинарии. Здесь замечательны пергаменные Еванг. XIV в. № 84(6) и № 83, Апостол XIII в. № 1788(89), Стихирарь XIV в. № 1001, извлечения из Триоди Постн. XIII в. № 1031 и др., а в литературном отношении — № 1773 — Сборник XVII в. до 1658 г. с сочинениями Климента Слов., чудом Климента Херс., словами Григ. Цамблака и Θеодора Студита; № 1876 — Сборник 1634—1637 гг. с хождением Вас. Гагары и отчасти игум. Даниила; № 1887 — Скитские поучения, XVI в. (Патерик?); № 1888 — Пролог XVI в., № 1839 — Златоуст 1623 г. и № 1879 — Цветник, XVIII в. поморского письма, содержащий среди прочего грамоты о Максиме Греке, послание его к митр. Даниилу, тропарь ему и послание митр. Фотия во Псков (сс. 26—49). — Там же (сс. 70—95) ак. *В. Н. Перетц* опубликовал сведения о древних рукописях Московской Епархиальной Библиотеки, ныне перешедших в М. Историч. Музей. Названная библиотека образовалась из 440 рукоп. Иосифова Волоколамского мон., 162 рукоп. из разных монастырей, 6 из Голутвина мон. и 35 из коллекции Невоструева. Сведения о рукописях очень кратки: указаны нумера, названия, время написания (не везде), число листов, формат. По содержанию это большею частью книги свящ. Писания и богослужебные, а также твор. свв. отец и четьи сборники с памятниками агиографической и гомилетической литературы. При некоторых рукописях указаны писцы и владельцы. Ценность этого инвентарного обзора в том, что пока — это единственное пособие для ориентировки в громадной коллекции; она была описана некогда покойным Е. И. Соколовым, но нет никаких данных на то, что его труд появится на свет. — Кстати тут же упомянем и об опубликованной в той же Библ. Летоп. (с. 96—100) „Описи библиотеки и части ризницы Жолтикова мон.“ (в Твери), составл. в 1636 г. и извлеченной из рукописи, принадлежащей частному лицу проф. *А. И. Яцимирским.* — Нам остается еще упомянуть о „Сборнике Росс. Публ. Библиотеки“, т. I, в. I, 1920 г., где сообщаются сведения о приобретенных еще в 1913 г. рукописях (сс. 1—20); здесь — памятники литургической литературы, агиографической, Пчела, сборники различного состава, из коих F. I, 914 — украинского происхождения, далее песенники и др. рукописи, более относящиеся к новой эпохе.

II. Литература домонгольского периода. В годовых отчетах Росс. Академии Наук мы читаем об энергичной работе комиссии по научному изд. славянской Библии. Но по условиям времени в печати появился лишь один выпуск, приготовленный проф. *Н. Л. Туницким:* К н и г и XII м а л ы х п р о р о к о в с т о л к о в а н и я м и в д р.-с л а в я н с к о м п е р е в о д е. Вып. I. Книги Осии, Иоиля, Амоса, Авдия

Ионы". Изд. Отд. Р. Я. и Сл. Серг. 1918, 8^0, VIII + 76 + 1 стр. Все русские списки пророков издатель справедливо относит к сравнительно позднему времени, но лучшие из них очень хорошо сохранили основные черты своего древнего славянского оригинала. Особое значение имеет список с рукоп. Упиря Лихого 1047 г. (Тр.-Серг. Лавры № 89, к. XV — н. XVI в.), который и положен в основу издания; к нему присоединены варианты из рукоп. б. Моск. Дух. Акад. № 19, № 20 и Тр. С. Л. № 90, чего вполне достаточно в виду устойчивости текста в списках Толков. прор. XV—XVI вв. Текст библейских книг в историческом освещении — необходимый элемент всякой историко-литературной работы как в области др.-русской, так и югославянских литератур. В предисловии проф. Туницкий указывает только один пример влияния толкований на Осию — на способ выражения др.-русского летописца, но таких примеров можно указать гораздо больше. Отсюда вытекает необходимость для историка др.-р. и югосл. литератур иметь под руками библейский текст в ряде последовательно возникавших славянских редакций. Можно пожелать, чтобы при невозможности продолжать публикацию работ по истории библейского текста в России — это продолжение нашло бы себе место в одной из славянских стран. — Труд проф. Туницкого нашел ученого рецензента в лице покойного ныне проф. *И. Е. Евсеева*, напечатавшего прекрасный, строго фактический отзыв в Изв. Отд. Р. Я. и С. (1918, кн. 2, 268—288); здесь после общих соображений о значении слав. библии, следует характеристика труда проф. Т., с указаниями отличий толкового слав. текста пророков от паримийного и мефодиевского, восстановляемого по фрагментам; засим предлагается обширный список словарных параллелей текста Толков. прор. и мефодиевского. Рецензент упрекает издателя за неосмотрительный выбор греческого текста-оригинала слав. перевода: этот текст является искусственным. — В области работ по изучению апокрифической литературы у славян следует назвать обширный труд проф. *И. Яцимирского* „Библиогафический обзор апокрифов в южнославянских и русской письменности. (Списки памятников). Вып. I. Апокрифы ветхозаветные. Петрогр. 1921. gr. 8^0, V + 273 стр. Изд. Отд. Р. Я. и Сл. Росс. Акад. Н. — значительно превосходящий богатством материала устаревший труд Eug. Kozak'a. Это только часть обширной работы, предпринятой проф. Яцимирским, с целью выяснить наличность списков памятников внебиблейских „от мироздания до нового бытия после Страшного Суда", дать их анализ и издать тексты. В настоящем выпуске находим перечень списков индекса, а затем — списков апокрифич. сказаний об Адаме и Евве, Енохе, Аврааме и Сарре, апокалипсис Авраама, Откровение Авраама, о Мелхиседеке, Исааке, Измаиле, Иосифе, Заветы патриархов, о Моисее, Сампсоне, Самуиле, Давиде, Давиде и Сивилле, о Псалтири, ряд сказаний о Соломоне, о Иеремии, Варухе, Илии, Исаии, Вознощение Исаии, о Данииле, о нем и отроках вавилонских, об Иове. Составитель этого полезнейшего свода списков исчерпал данные всех европейских и русских библиотек, доступных ему. Конечно, возможны находки рукописей в еще не описанных собраниях у частных лиц, но это будут, повидимому, редкие случаи.

издано славянское проложное (со стихом) житие Өеофана Исп. по рук. Макар. Четьей Минеи № 992 (сс. 41—44), значительно сокращенное по сравнению с параллельно напечатанным греческим проложн. житием (Synaxarium e cod. Mosqu. 397, Vlad.) — Видное место в ряду исследований о житиях свв. в отношении к духовному стиху следует отвести труду проф. *В. П. Адриановой* „Житие Алексея человека Божия в древнерусской литературе и народной словесности“ Петрогр. 1917, VII + 518 стр. + табл. Обозрев путь изучения р. духовных стихов вообще и об Алексее ч. б. в частности (1—68), автор детально обследует вопрос об отношении славянских текстов жития к греческим оригиналам и дает характеристику всех текстов, известных в др.-русск. письменности до к. XVII в. (69—126). За этою главою следует разбор традиционных элементов жития, сделавших его популярным на Руси (127—144). Засим автор обращается к вопросу о следах жит. св. А. в древне-русской письменности и в русских обработках: в жит. русских святых, в драме об Алексее, в проповедях С. Полоцкого, Ст. Яворского, в виршах XVII и XVIII вв. (145—225). Следует центральная часть исследования — о духовных стихах об А. Имея ряд хронологически и текстуально определенных редакций жития, автор прослеживает отношения к ним стиха, известного в 74 записях XVIII—XX в.. определяет эпизоды, возникшие под влиянием книжной и устной традиции, выясняет связь стиха об Ал. с эпической былевой и сказочной традицией и выясняет происхождение и особенности украинского дух. стиха об А. (226—436). Наконец определяется воздействие на стих памятников религиозной иконографии — фресок, икон, лицевых житий. Тексты, приложенные к исследованию, таковы: житие в ред. Златоструя (точнее-Торжественника), по сп. XII в. параллельно с реконструированным греческим оригиналом; Троицкая ред.; ред. Макар. Четьих-Миней; ред. Анөологиона; ред. Ч. М. Димитрия Рост. с указанием её источников; ред. Менология Василия и ред. стишного Пролога. — Эта работа, затронувшая массу разнообразных вопросов, связанных с историей дух. стиха, вызвала живой обмен мнений, не во всем согласных. Первою явилась рец. проф. *Н. М. Петровского* (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1918, XXIII, 2, 251—268), отличающаяся характерною чертою работ покойного слависта: пристрастием к нагромождению библиографических справок. В его рец. есть данные к истории стиха и легенды об Ал. у южных славян, не имеющие прямого отношения к русским житиям и стихам, засим — о новом вар. стиха об Адаме, о поучении Владимира Мономаха, о древне болгарском происхождении наших исторических песен и былин, о сравнительном изучении сказок у Aarne, о стихе об Ал. у грузин и сербов, о прозаической легенде у болгар, о драмах на тему жития у хорватов и т. п., в конце концов нисколько не меняющее выводов работы проф. Адриановой о судьбе жития Ал. на русской почве, и ничего не прибавляющее к итогам разработки этого сюжета, что и указано в „Заметке“ проф. Адриановой (Изв. О. Р. Я. и С. 1919, XXIV, 2, 359—361). — Проф. *Д. К. Петров*, с большою похвалою отозвавшийся об этом исследовании (Изв. О. Р. Я и С. 1919, XXIV, 1, 307—320), отмечает отличное знакомство автора с литературой предмета, особенно выде-

няет значение главы об отражеииях жития в др.-р. письменности, но, скептически относясь к применению сравнительного метода и к результатам его применения, не во всем соглашается с проф. Адриановой. Так он считает излишней историч. обзор изучений стиха, главу о традиционных элементах в житии Ал., которую мы наоборот должны признать более ценной, чем бесплодные гадания „вообще“ о причинах популярности того или иного сюжета в данной среде. Несогласно с истиной замечание ученого рецензента, что автор исследования находился в очень благоприятных условиях благодаря предшественникам: они были „первоклассными“ учеными, но именно то, что они писали о дух. стихе (кроме А. Н. Веселовского) — было далеко не первоклассно. Существенно пожелание рецензента, — чтобы автор исследования, основываясь на критике текста массы списков, — дал историю текста стиха. — В недавно вышедшей книге Изв. О. Р. Я. С. (1921, XXVI, 251—270) напечатан отзыв о том же исследовании акад. *В. Н. Перетца*, написанный по поручению Отд. Р. Я. С. в 1917 г. Этот рецензент разбирает книгу проф. Адриановой с методологической точки зрения, отдавая должное трудолюбию, знаниям и таланту автора, делает несколько незначительных библиографических дополнений, исправляющих некоторые неточности, но не меняющих существа выводов исследования, и предлагает свои соображения о процессе превращения на Руси легенды прозаической — в стихотворную, пользуясь данными белорусского перевода XV в. и позднего великорусского списка жития XVII в. — Жития св. Николая чудотворца также привлекли к себе внимание русских ученых. В статье „Международный странствующий сюжет в сказании о чуде святителя Николая“ акад. *М. Н. Сперанский* дает объяснение, откуда явилось своеобразное „чудо“, написанное патр. Мефодием, „о злате от жидовина некоему христианину взаим данном“, встречающееся лишь в Киев. изд. жития Николая 1680 г. и в рукоп. 1695 г. Р. Публ. Библ. Q. I, № 79. Оно не внесено в многочисленные Московские. издания жития и чудес св. Н. В этом „чуде“ рассказывается о ложной клятве должника, на суде временно передающего жезл, в котором заключено золото, — кредитору. Известны и др. еврейские легенды этого рода. Источником славяно-русского „чуда“ в изд. 1680 г. следует считать какой то латинский текст, родственный с обработкою de-Voragine, но не непосредственно, а чрез какой либо посредствующий латинский или польский текст. Псковская легенда (исследованная Буслаевым) о хитром должнике идет видимо из восточной версии этого рассказа. — Проф. *П. О. Потапов* в статье „К литературной истории рукописных сказаний о св. Николае чудотворце“ (Учен. записки высш. школы г. Одессы. II, 1922, с. 121—129) рассмотрел три главных вида жития св. Н. Типичны: 1. сост. Метафрастом (Макар. Ч. Мин.); 2. рук. Тр. Серг. Лавры № 9 (2022) XIV в. (= греч. у Anrich'a); 3. текст, изд. Ключевским, известный с XIV в. Первое житие говорит о епископе г. Мир. Николая; оно носит исторический характер, хотя и подверглось воздействию второго жития. Второе („иное“) — со сказочными подробностями, говорит о еп. г. Пинара, оно, по проф. Потапову, написано „лицом близким к Николаю“, современником „тщательно и бесхитростно

издано славянское проложное (со стихом) житие Өеофана Исп. по рук. Макар. Четьей Минеи № 992 (сс. 41—44), значительно сокращенное по сравнению с параллельно напечатанным греческим проложн. житием (Synaxarium e cod. Mosqu. 397, Vlad.) — Видное место в ряду исследований о житиях свв. в отношении к духовному стиху следует отвести труду проф. *В. П. Адриановой* „Житие Алексея человека Божия в древнерусской литературе и народной словесности" Петрогр. 1917, VII + 518 стр. + табл. Обозрев путь изучения р. духовных стихов вообще и об Алексее ч. б. в частности (1—68), автор детально обследует вопрос об отношении славянских текстов жития к греческим оригиналам и дает характеристику всех текстов, известных в др.-русск. письменности до к. XVII в. (69—126). За этою главою следует разбор традиционных элементов жития, сделавших его популярным на Руси (127—144). Засим автор обращается к вопросу о следах жит. св. А. в древне-русской письменности и в русских обработках: в жит. русских святых, в драме об Алексее, в проповедях С. Полоцкого, Ст. Яворского, в виршах XVII и XVIII вв. (145—225). Следует центральная часть исследования — о духовных стихах об А. Имея ряд хронологически и текстуально определенных редакций жития, автор прослеживает отношения к ним стиха, известного в 74 записях XVIII—XX в.. определяет эпизоды, возникшие под влиянием книжной и устной традиции, выясняет связь стиха об Ал. с эпической былевой и сказочной традицией и выясняет происхождение и особенности украинского дух. стиха об А. (226—436). Наконец определяется воздействие на стих памятников религиозной иконографии — фресок, икон, лицевых житий. Тексты, приложенные к исследованию, таковы: житие в ред. Златоструя (точнее-Торжественника), по сп. XII в. параллельно с реконструированным греческим оригиналом; Троицкая ред.; ред. Макар. Четьих-Миней; ред. Анөологиона; ред. Ч. М. Димитрия Рост. с указанием её источников; ред. Менология Василия и ред. стишного Пролога. — Эта работа, затронувшая массу разнообразных вопросов, связанных с историей дух. стиха, вызвала живой обмен мнений, не во всем согласных. Первою явилась рец. проф. *Н. М. Петровского* (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1918, XXIII, 2, 251—268), отличающаяся характерною чертою работ покойного слависта: пристрастием к нагромождению библиографических справок. В его рец. есть данные к истории стиха и легенды об Ал. у южных славян, не имеющие прямого отношения к русским житиям и стихам, засим — о новом вар. стиха об Адаме, о поучении Владимира Мономаха, о древне болгарском происхождении наших исторических песен и былин, о сравнительном изучении сказок у Aarne, о стихе об Ал. у грузин и сербов, о прозаической легенде у болгар, о драмах на тему жития у хорватов и т. п., в конце концов нисколько не меняющее выводов работы проф. Адриановой о судьбе жития Ал. на русской почве, и ничего не прибавляющее к итогам разработки этого сюжета, что и указано в „Заметке" проф. Адриановой (Изв. О. Р. Я. и С. 1919, XXIV, 2, 359—361). — Проф. *Д. К. Петров,* с большою похвалою отозвавшийся об этом исследовании (Изв. О. Р. Я и С. 1919, XXIV, 1, 307—320), отмечает отличное знакомство автора с литературой предмета, особенно выде-

ляет значение главы об отражениях жития в др.-р. письменности, но, скептически относясь к применению сравнительного метода и к результатам его применения, не во всем соглашается с проф. Адриановой. Так он считает излишней историч. обзор изучений стиха, главу о традиционных элементах в житии Ал., которую мы наоборот должны признать более ценной, чем бесплодные гадания „вообще“ о причинах популярности того или иного сюжета в данной среде. Несогласно с истиной замечание ученого рецензента, что автор исследования находился в очень благоприятных условиях благодаря предшественникам: они были „первоклассными“ учеными, но именно то, что они писали о дух. стихе (кроме А. Н. Веселовского) — было далеко не первоклассно. Существенно пожелание рецензента, — чтобы автор исследования, основываясь на критике текста массы списков, — дал историю текста стиха. — В недавно вышедшей книге Изв. О. Р. Я. С. (1921, XXVI, 251—270) напечатан отзыв о том же исследовании акад. *В. Н. Перетца*, написанный по поручению Отд. Р. Я. С. в 1917 г. Этот рецензент разбирает книгу проф. Адриановой с методологической точки зрения, отдавая должное трудолюбию, знаниям и таланту автора, делает несколько незначительных библиографических дополнений, исправляющих некоторые неточности, но не меняющих существа выводов исследования, и предлагает свои соображения о процессе превращения на Руси легенды прозаической — в стихотворную, пользуясь данными белорусского перевода XV в. и позднего великорусского списка жития XVII в. — Жития св. Николая чудотворца также привлекли к себе внимание русских ученых. В статье „Международный странствующий сюжет в сказании о чуде святителя Николая“ акад. *М. Н. Сперанский* дает объяснение, откуда явилось своеобразное „чудо“, написанное патр. Мефодием, „о злате от жидовина некоему христианину взаим данном“, встречающееся лишь в Киев. изд. жития Николая 1680 г. и в рукоп. 1695 г. Р. Публ. Библ. Q. I, № 79. Оно не внесено в многочисленные Московские издания жития и чудес св. Н. В этом „чуде“ рассказывается о ложной клятве должника, на суде временно передающего жезл, в котором заключено золото, — кредитору. Известны и др. еврейские легенды этого рода. Источником славяно-русского „чуда“ в изд. 1680 г. следует считать какой то латинский текст, родственный с обработкою de-Voragine, но не непосредственно, а чрез какой либо посредствующий латинский или польский текст. Псковская легенда (исследованная Буслаевым) о хитром должнике идет видимо из восточной версии этого рассказа. — Проф. *П. О. Потапов* в статье „К литературной истории рукописных сказаний о св. Николае чудотворце“ (Учен. записки высш. школы г. Одессы. II, 1922, с. 121—129) рассмотрел три главных вида жития св. Н. Типичны: 1. сост. Метафрастом (Макар. Ч. Мин.); 2. рук. Тр. Серг. Лавры № 9 (2022) XIV в. (= греч. у Anrich'a); 3. текст, изд. Ключевским, известный с XIV в. Первое житие говорит о епископе г. Мир. Николая; оно носит исторический характер, хотя и подверглось воздействию второго жития. Второе („иное“) — со сказочными подробностями, говорит о еп. г. Пинара, оно, по проф. Потапову, написано „лицом близким к Николаю“, современником „тщательно и бесхитростно

отмечавшим все, даже мелкие подробности, касавшиеся жизни и чудес святого". Сопоставление первого и второго житий приводит исследователя к мысли, что в этих двух житиях речь идет о **двух** разных святых: „ни одно из чудес героя одного жития не совпадает ни с одним чудом другого", различны и фактические подробности жизни их. Обе ред. изданы в „Памятн." О. Л. Др. Письм.: 1882 г. (Л.) и также — 1878 г. (П.) дословно воспроизводят текст „иного" греч. жития, но называют св. Николая не Пинарским еп., а Мирским. В „пространной" ред. (П) слиты 2 различных жития. В тексте изд. Ключевским (известен еще по сп. Петр. Дух. Ак. № 1485 и 1469, XVI—XVII в в.), житие св. Н. не имеет ничего общего с выше назв. житиями Н. и примыкает к апостольским обходам. Ключевский считал его русским произведением, но проф. Потапов указывает его оригинал среди текстов, изд. Anrich'ом — „*Περίοδοι Νικολάου*", а местом перевода считает Болгарию. Очевидно, в Византии существовало неизвестное ныне сказание об апостольской деятельности св. Николая. Процесс циклизации трех сказаний, начавшись еще в Византии, закончился на Руси, создав величественный образ **одного** святого, занявшего в культе место почти равное Богородице и самому Христу. — Молодому ученому *А. И. Никифорову* принадлежит работа „**Минейные и проложные тексты апокрифа о Макарии Римском в славянорусской письменности** (Изв. Общ. Ист. Археол. и Этногр. при Казан. Ун. XXXIII, в. 2. 1922, 129—186). Еще в 1915 г. автор её начал свои работы по изучению жития св. Макария Р. и опубликовал исследование об украинском переводе XVII в. этого жития (в Отчете об экск. семин. проф. В. Н. Перетца в Киев. 1916). Новая статья — сокращение большой главы исслед. о древнейших судьбах этого памятника. Она посвящена детальному исследованию перевода Минейной и Проложн. редакций: первая была переведена на слав. яз. дважды, один перевод — сохранился в рук. XIV в., другой — в Молдавии до 1467 г. Проложные тексты переведены 1. с греч. Менология Василия (др.-русск. текст XIV в.), 2. другая разновидность перевода и с того же оригинала — в Погод. рук. XIII в. Кроме сказанного — г. Никофоров внимательно изучает эти тексты в отношении культурно-историческом и историко-литературном, касаясь воздействий сказания о Макарии на другие памятники литературы, а также и на иконографию. — Из работ, относящихся к изучению др.-р. житий свв. — появилась обстоятельная рецензия *С. А. Бугославского* на труд: „**Жития свв. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович** (= Пам. др.-р. лит. вып. 2. Изд. И. Акад. Н. 1916), напечатанная в Журн. Мин. Нар. Просв. 1917 г. октябрь, с. 233—245. Отдавая должное трудолюбию и точности издателя, рецензент имеет целью предложить комментарий к этому изданию, „определить взаимоотношение и относительную ценность привлеченных к изданию списков, а кое где коснуться оригиналов издаваемых памятников". Эти соображения, проделавшего громадную работу над более чем 150 списками Сказаний о Борисе и Глебе — к сожалению не опубликованную — весьма ценны. Оценка издания проф. Абрамовича — такова: „оно сделано довольно полно

и с хорошим выбором текстов для критического аппарата". Хотя „последний не дает возможности восстановить оригинал Сказания или детально проследить историю изменений первоначального текста, все же издание намечает этапы текстуальных изменений и дает верное приближенное суждение о первоначальном тексте. Менее отчетливо и беднее представлено издание „Сказания о чудесах", старшая редакция которого (Успенск. Сб. XII. в.) подверглась в последующие века многочисленным редакторским изменениям в составе и тексте статей". Недостаток издания в том, что статьи о чудесах разбросаны в разных его местах, а частью вырваны из общей связи рукописного изложения. За сим г. Бугославский отвечает на полемические замечания г. Абрамовича по вопросу о времени происхождения Несторова „Чтения" о Бор. и Гл., которое последний считает, вслед за ак. Шахматовым и др., старейшим памятником о Борисе и Глебе. Для нас аргументация г. Бугославского является приемлемой, как и его методологические соображения о классификации списков, ранее изложенные им в интересной брошюре „Несколько замечаний к теории и практике критики текста". 1913. — В том же 1917 г. в Киев. Унив. Известиях (вышедших со значительным запозданием) начался печатанием обширный труд *С. А. Бугославского* Свв. князья Борис и Глеб в древней русской литературе. Отпечатано 178 стр. второй части, содержащей критически изданные тексты по лучшим рукописям с критическим аппаратом, именно: 1. Анонимное сказание о Б. и Гл. в редакции Торжественника (распределение по редакциям сделано С. А. Бугославским и опубликовано в 1912 г. в „Отч. об экскурсии семин. р. филол. проф. Перетца в Петерб." с. 9—10); 2. Синодальная и родств. ей редакции анонимн. Сказания; 3.—4. Дополнения и варианты к этой ред. 5. Список контаминиров. редакции Сказания. 5а. Другой сп. контаминир. ред. 6. Анонимн. Сказание в северозап.-русской ред. 7. оно же в Сильвестровской и Минейной ред. 8. оно же в Чудовской ред. 9. оно же в Успенской ред. с вар. восстановленных архетипов старших редакций. 10. приближенно восстановленный оригинал анон. Сказания на осн. Усп. текста XII. в. 11. Сказание о чудесах, присоединяемое к анон. Сказ. 12. Доп. текст. к вар. 104 текста № 11. 13. Сказ. о чудесах особой ред. 14. Доп. к варианту 176 текста № 12. 15. Доп. к вар. 175 текста № 11. Остались недопечатаными — „Чтение" Нестора, проложные статьи, Паримейные чтения и службы. Но и то, что издано — обнаруживает руку большого мастера и остается только пожалеть, что по обстоятельствам времени конец текста и исследование — вряд ли когда нибудь появятся на свет. — Проф. *М. Д. Приселков* в популярно-научной книжке Нестор Летописец (1923 Петрогр. 16^0, 112 стр.) охарактеризовал два житийных труда этого автора — „Чтение" о Борисе и Глебе и „Житие Өеодосия Печ.", главным образом останавливаясь на значении этих памятников, как первых опытов собственно богословского агиографического творчества; эти „два произведения Нестора выделяются среди прочих произведений той эпохи своими громадными размерами, свободною литературною манерою, вдумчивым и оригинальным построением, печатью крупного таланта". Характери-

стика житий и Повести временн. лет дается главным образом на основании последних работ А. А. Шахматова и его предшественников; автор совершенно не принимает в соображение самое сериозное из исследований последнего времени — о Несторе — С. А. Бугославского „К вопросу о характере и объеме литер. деятельности преп. Нестора“ (1915 г.), отрицательно относящегося к обычному взгляду, приписывающему Нестору — „Повесть врем. лет“. Прекрасный знаток летописного материала и блестящий критик его — проф. Приселков тем не менее не может до сих пор еще критически отнестись к своей гипотезе о тожестве митр. Илариона и Никона, без оговорок внося её в новый свой труд. — Литературная деятельность митр. Илариона никогда, кажется, не перестанет интересовать ученых: редкая работа, затрагивающая литературу домонгольского времени, минует его. Проф. *Б. М. Соколов* в статье „По поводу »Слова« о законе и благодати“ м. Илариона (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1917. XXII, кн. 2, 314—319) обращает внимание на место »Слова«, где говорится об отвергнутом робичиче Измаиле, и ставит вопрос: уместно ли было в торжественной речи напоминать этим словом о рабском — по легенде — происхождении кн. Владимира. Либо эта легенда во времена Илариона была неизвестна в Киеве, либо он знал о легенде, но сознательно отверг её, как ложную. Б. М. Соколов склонен допустить второе, ибо в „Слове“, видимо в противовес легенде, особенно подчеркивается благородное происхождение св. Владимира („Сей славный, от славных рождейся, благородный отъ благородныхъ“). — Проф. *В. Н. Бенешевич* издал небольшую др.-русскую статью Заповѣди св. отецъ по спискам собрания Е. Барсова (Изв. О. Р. Я. и Сл. XXII, 1917, кн. 1, 10—15) с комментарием: основываясь на упоминании в статье лишь о трех постах, на очень древнем языке, на заметном влиянии эпохи Р. Правды и Устава св. Владимира, на обнаруживаемом соприкосновении со „свитком законным“ и др. древнейшими памятниками, издатель относит „Зап. свв. оо“. к домонгольскому периоду и — если придавать значение упоминанию имени св. Григория — видимо склонен приписать эту статью единственному Григорию среди русских иерархов XII в. — архиепископу Новгородскому (1186—1193 гг.). — До сих пор было известно три списка поучения Зарубского черноризца Георгия: в пергам. Сборн. 1492 г. Погод. 71 и двух бумажных. *И. А. Бычков* опубликовал четвертый, найденный им список этого поучения по рукописи южнорусского письма к. XVI—н. XVII в. Росс. Публ. библ. Q. I. № 1440. Этот новый список стоит ближе к Погод., чем к другим (Библ. Лет. О. Л. Др. П. III, 1917 г., 101—105). — Любопытные данные „К вопросу о западном влиянии на др.-русск. церковное право“ сообщил ак. *Н. К. Никольский* (там же, с. 110—124), анализируя статью др.-русск. эпитемейника, изд. С. И. Смирновым (Матер. для истор. др.-русск. покаянной дисциплины 1912, с. 31) и оказавшегося слав. переводим постановления архиеп. Бонифация (Винфрида, англосаксонца, + 754—755 г.), гласящего о возможности замены эпитимии — литургией. Это правило получило на Руси до XII в. довольно значительное распространение. — Обратимся к изучениям исторической литературы домонгольской Руси. И на первом месте поставим замечательный труд ак.

3. *М. Истрина*, „Книги временьныя и образныя Георгия мниха“. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I. Текст. Петрогр. 1920, XVIII + 612 + III стр.; Т. II. а) Греческий текст „Продолжения Амартола“. б) Исследование. Петр. 1922, XXXI + 454 стр. Вследствие того, что предварительное сообщение об итогах этого исследования было опубликовано автором в статье „Хроника Амартола в слав. русск. переводе и связанные с нею памятники“ (Ж. М. Н. Пр. 1917 г. май, —25), а затем в Slavi'и помещен был автореферат — ограничиваемся лишь упоминанием об этом труде, известном читателям Slavi'и. — Обратимся к истории переводов на славянорусский яз. других исторических сочинений. Проф. *П. О. Потапов* в статье Судьба хроники Зонары в славяно-русской литературе (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1917, XXII, кн. 2, 141—186) излагает литературную историю этой популярной хроники в славяно-русской письменности, пользуясь рук. Унд. 1191, Иос. Волокол. 415, Венск. Придв. б. 126, Хиланд. 332 и др. Взаимоотношение текстов полного перевода хроники приводит к заключению, что они восходят к одному переводу и образуют одну редакцию (с. 157). Этот полный перевод проф. Потапов датирует XII в., точнее 1140 годом, считает его сделанным в Болгарии. Рукоп. Иосифова Волокол. мон. 415, напеч. Бодянским, „Паралипоменон Зонарин“ — есть чисто механическое сокращение полного перевода, путем исключения почти всех сведений о еврейском народе и опущения некоторых других эпизодов. В противуположность О. Бодянскому и А. Попову проф. Потапов приходит к заключению, что рукопись эта написана не сербом, а русским и в более позднее время, чем время жизни предполагаемого Поповым списателя, мниха Григория; это — сокращение труда Григория, восходившего к тексту Зонары 1344 г., сделанное вероятно в 1383 г. русским писцом. — Другой популярный в древней Руси исторический памятник, История Иуд. войны Иосифа Флавия обследован акад. *В. М. Истриным* и резюме исследования дано в статье Иудейская война Иос. Фл. в древнем славяно-русском переводе (Уч. Зап. высш. школы г. Одессы, II, 1922 = Сб. посвящ. проф. Б. М. Ляпунову, с. 26—40). По Берендтсу (Die Zeugnisse von Christentum in Slav. „De bello Judaico des Josephus“, 1906) дополнения славянского перевода были в греч. оригинале в I в. по Р. Хр. и автор их — сам И. Флавий. Фрей считает этот греч. текст тожественным с арамейским текстом Иосифа. Но кроме этих указанных Берендтсом дополнений в слав. тексте, ак. Истрин (пользуясь сп. Архивск. и Волоколамск. № 651) замечает еще значительное количество их. Это не плод сочинительства слав. переводчика: слав. перевод сделан, видимо, с древнего более полного греч. текста, чем изд. Niese. Ак. Истрин догадывается, что слав. перевод сохранил для нас первичную редакцию „Истории“, написанную до того времени, когда Иосиф стал близок к Титу — о чем говорят сохранившиеся полемические выпады против римлян: трудно допустить, чтобы славянский переводчик так сокращал оригинал и изменял его содержание, а с другой стороны дополнял его новыми данными, имеющимися в ред. изд. Niese. Исследование лексики слав.

перевода указывает на место, где он был сделан: это не славянский юг, а Русь. Время перевода, судя по следам влияния его на русские памятники — время с 1037 г. до пол. XII в., точнее — 50е годы XI ст. — Аналогичные наблюдения о месте перевода с греческого литературных памятников находим в новом исследовании акад. *М. Н. Сперанского* Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исслед. и тексты. Птргр. 1922 (= Сб. О. Р. Я. и Сл. Росс. Акад. Н. т. 99, № 7). Обозрев литературу о „Деянии", греческий и славянский материал, установив взаимоотношение славяно-русских текстов, выяснив вопрос об объеме русского перевода, исследователь сопоставляет словарный материал „Деяния" — и „Слова о п. Игор.", „Истории" Иос. Флавия, Гал.-волынск. летоп. Александрии I-й ред., Кирилла Туровского, Поуч. Мономаха и др. древне-русских оригинальных и переводных памятников, а далее, сравнительно изучив соотношение греч. и слав.-русск. текстов и определив возможные во время долгой литер. истории народно-поэтические и книжные наслоения, предлагает выводы, которые вкратце таковы: 1. Перевод „Девгениева Деяния" был один, сделанный одним переводчиком. 2. „Деяние" переведено непосредственно на русский яз. 3. Перевод сделан в Киевской Руси не позднее XII—XIII в., отразивши стиль и вкусы этой эпохи. 4. Греческ. оригинал — был более архаичен, чем дошедшие до нас греч. обработки. 5. Он не имел деления на „книги", а распадался на ряд рассказов и имея свой распорядок рассказа, отличный от дошедших греч. текстов. 6. Вопрос о том, полностью ли было переведено „Деяние", или без конца — должен остаться открытым. 7. Старый перевод сохранился в более или менее неизменном виде долгое время (текст Тих.), но подвергался и изменениям, создавшим русскую ред. (Пып.) сближенную с народным творчеством и отчасти с „воинскими повестями" (сс. 130—131). К исслед. приложены: пересказ „Деяния" у Карамзина; выписки в изд. „Сл. о п. Игор." 1800 г.; тексты по рукоп. Тихонравова № 399 и Погодина № 1773. — После ряда таких открытий естественно было возникнуть стремлению обратно пересмотреть вопрос о роли югославянских литератур по отношению к древне-русской. Акад. *М. Н. Сперанский* в статье К истории взаимоотношений русской и юго-славянских литератур (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1921, XXVI, с. 142—206) пересмотрел заново этот вопрос; до последнего времени был преобладающим тот взгляд, что югославяне были „стороной дающей, мы русские — воспринимающей". (с. 146). Но обильный новый материал в области др.-р. литературы убеждает нас, „что мы слишком скромно оценивали нашу древнюю литературу". Засим акад. Сперанский обращается к детальному рассмотрению целого ряда памятников, вошедших из др.-р. литературы в югославянские. Таковы: 1. Служба Борису и Глебу митр. Иоанна I (до 1039 г.); 2. „Слово" митр. Илариона о законе и благодати; 3. его же послание к брату столпнику; 4. „Слово о вере варяжской" Өеодосия Печ.; 5. канонические Ответы митр. Иоанна II; 6. Несторово „Житие Өеодосия Печ."; 7. „Притча о белеризце" Кирилла Туровского; 8. его же притча о хромце и слепце; 9. Фотиевская Кормчая, представленая Иловацким

сп. 1262 г.; 10. Хиландарский Типик. 11. Пролог, совместно переведенный югославянином и русским; 12. „Пчела“; 13. Моностиха Менандра; 14. Повесть об Акире; 15. Сказание о чудесах Николая чудотворца; 16. целая группа югослав. рукописей, представляющих собою копии с русских рукописей. Вывод: из сравнительно немногочисленных произведений русской лит. XI и XII вв. довольно значительная их доля стала известна и на юге славянства“ (205), а факт их существования там — указывает на взаимный обмен продуктами литературной деятельности. Отсюда — „говоря об отношениях русск. литературы раннего периода и югославянских, мы должны говорить не только о югослав. влиянии в русск. литературе, но и о взаимоотношениях, в смысле обмена, в обеих литературах“. — Следует упомянуть и работы по изданию и изучению летописей за намеченый нами период. С неослабевающей энергией продолжалась в последние годы деятельность Археографической Комиссии (ныне причисленной к Росс. Академии Наук). В 1917 г. ею выпущен под ред. *П. Н. Шеффера* 1-й вып. Новгородской пятой летописи (= Полн. Собр. Русск. Лет. т. IV, ч. 2, в. I, 4°, VI + 264 стр.) по хронографическому списку М. Синод. Библ., № 280, восходящему к летописному своду, доведенному до 1446 г. и использованному позднейшими новгор. и псковск. летописями. Этот свод, восстанавливаемый Хроногр. сп. и некоторыми другими, назван в настоящем издании „Новгородскою 5-ю летописью“: Для вариантов использованы списки: Погод. 1404, Акад. Н. 34. 4. 32, Росс. Публ. Б. Q. XVII, № 151. Изданная часть текста обрывается на 6860 (1352) годе. — В 1918 г. был издан указатель к Никоновской летописи, сост. сотрудн. Ком. *П. В. Акимовым* (= П. С. Р. Л. XIV, вт. пол., 2 + 285 + 2 стр.). В 1921 г. была выпущена Типографская летопись (= П. С. Р. Л. т. XXIV, III + 271 стр.), приготовленная к печати *С. П. Розановым*. Это издание дает текст по рук. М. Синод. б. н. XIV в. № 789 (значившийся некогда в XVIII в. Типогр. Б. под № 48) с вариантами рук. Росс. П. Библ. F. IV, № 218 (Толст.), XVII в. В случае испорченных или сомнительных мест производилось сравнение и с другими летописными сводами, преимущественно с Воскрес. лет. В 1922 г. выпущен „Рогожский Летописец“, обнимающий события до 6920 (1412) г. (= П. С. Р. Л. т. XV, в. I, изд.. 2-е, VIII + 186 стр.) под ред. *Н. П. Лихачева*. Этот летописец, принадлежавший библ. Рогожского старообрядческого кладбища, в своей главной части представляет выборку из общерусского свода с преобладанием Тверских известий. По своему составу и отношению к Симеоновской лет. и к Тверской — этот летописец представляет большой интерес. Рукоп. относится к исходу первой половины XV в. Издание Ипатского сп. Летописи, вышедше в 1908 г. под ред. ак. *А. А. Шахматова* быстро разошлось; потребовалось третье издание, первый выпуск которого вышел в 1923 г., хотя был приготовлен и отпечатан под наблюдением еще незабвенной памяти А. А. Шахматова (= П. С. Р. Л. т. II, в. I, II + 319 стр.). Это третье изд. повторяет собою второе, но с некоторым отличием: варианты даны только из Хлебн. сп. XVI в. (Росс. П. Б.), ибо Погод. сп. — есть лишь неисправная копия с Хлебн.; неиспользован для

вариантов и Ермолаевский сп., ибо он представляет позднейшую переработку Хлебн. списка; Краковский же сп. — есть копия латиницей с Погод. сп. Текст в 1-м вып. доведен до 6654 (1145) г. — До сих пор конечным пунктом в изучениях начальных лет русского летописания был замечательный труд ак. А. А. Шахматова „Разыскания о древнейщих летописных сводах" 1908 г. и вводная статья к изд. „Повести временных лет" 1916 г. Теперь ак. *В. М. Истрин* в обширной статье Замечания о начале русского летописания (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1921, XXVI, 47—102, — только начало) пересматривает вопрос о „Древнейшем Своде" 1037—39 гг. и о Своде около 1095, восстановленных А. А. Шахматовым. Построение их было получено путем отнесения ряди статей „Повести вр. лет" — к числу позднейших вставок. Пересматривая эти „вставки" и анализируя отношение вставок из Хроники Амартола к тексту летописи, ак. Истрин приходит к выводу, что 1. нет даных для приурочения составления „Древнейшего Свода" к 1039 г.; 2. нет препятствий к приурочению его составления ко времени после смерти кн. Ярослава, т. е. после 1054 г.; 3. последнее приурочение согласуется: а) с историей появления русских переводов произведений византийской литературы и с историей сложения хронографических памятников, и б) с указанием хронологической таблицы под 852 г. Это была первая ред. „Повести временн. лет". Ожидается продолжение „Замечаний", касающееся редакций „Пов. вр. л.".

Как и всегда, так и за революционный период, мысль ученых не переставала обращаться к центральному пункту др.-русск. литературы домонгольского периода — к Слову о полку Игореве. Обзор всего, что было сделано для его объяснения за последние 20 лет в России и заграницей печатается нами в Изв. О. Р. Я. и Сл. т. XXVII. Здесь коснемся работ, появившихся с 1917 по 1924 год и при том только в России и Украине. — В кн. XVII „Записок історичної і фільольоґічної секції Українського Науков. Товар. в Київі" (1918, стр. 92—97) помещены „Дві замітки до „Сл. о п. Іг." проф. *Д. В. Айналова*. В первой сопоставляется место „Слова" о переносе Святополком отца своего с Каялы — с местом хроники Турпака откуда выясняется, что значит „междю угорьскими иноходьци"; с этим толкованием согласуется и показание миниатюры жития Бориса и Глеба, опубликованною Н. П. Лихачевым: два всадника едут на конях один за другим и держат руками концы жердей от носилок, на которых сидит Святополк. Подобный способ передвижения известен и по другим памятникам др.-р. иконографии. Во второй заметке проф. Айналов объясняет, что упоминаемые в „Сл." „черленые щиты" соответствуют живописной традиции — в греч. и др.-русск. миниатюре; далее сравнивается описание воинственных курян с отзывом поэзии труверов о рыцарях. — В „Хрестоматии по украинской литературе" Харьк. 1918 г. Проф. *Н. Сумцов* перепечатал текст „Слова" по изд. 1800 г. с немногочисленными поправками, не всегда приемлемыми. — В 1920 г. в Симферополе проф. *А. П. Кадлубовский* издал брошюрку „Слово о п. Игор. Для практич. занятий со студентами" 16°, 24 стр. Здесь указана важнейшая литература о „Слове", текст по изд. 1800 с вар. из Екатер. списка и

указанием некоторых чтений и поправок, предложенных учеными. — в том же 1920 г. вышла в издании М. и С. Сабашниковых книжка „Слово о п. Игореве". Снимок с первого изд. 1800 г. гр. А. И. Мусина-Пушкина под. ред. А. Ѳ. Малиновского. С приложением статьи проф. *М. Н. Сперанского* и факсимиле рукописи А. Ѳ. Малиновского, 8⁰, 6+2 нен.+24 стр. Главный интерес этой книги — в статье ак. Сперанского о пресловутых „бумагах Малиновского", пущенных в ход С. В. Барсовым. Эти бумаги поступили в Историч. Музей в Москве и по исследовании оказались относящимися ко времени после выхода в свет изд. 1800 г. и даже — после гибели рукописи „Слова" в Московском пожаре 1812 г. Они представляют интерес — для истории издания „Слова", а не для истории его текста. — Старые, сделанные до выхода в свет издания 1800 г. переводы привлекли внимание *Л. К. Ильинского*, опубликовавшего свое исследование „Перевод Слова о п. Иг. по рукописи XVIII в." Петрогр. 1920, 82 стр. (= Памятн. Древн. Письм. № CLXXXIX). Здесь рассмотрены три рукописи перевода: архива кн. Белосельских — Белозерских, Росс. Публ. Библ. F. XV. № 50 (б. Л. Майкова) и архива кн. Воронцова (Росс. Акад. Н.). По времени написания они относятся к 1795—1799 гг. На основании этих переводов, стоящих между Екатер. копией и изд. 1800 г., исследователь освещает путь работы первых редакторов над переложением „Слова" на новый русский язык. Никаких новых данных для исправления неясных слов и фраз. „Сл." — эти переводы не дают. Относительно качества этих переводов по отношению к оригиналу — можно спорить с издателем их. — В белорусской газете „Вольны сьцяг", № 5 (7) I сьнежня 1921 г.; № 6 (8) 25 сьнежня 1921 г. *Янка Купало* перевел „Сл. о п. Иг., на белорусский язык стихами разных размеров. Перевод местами удачен, местами дает слишком расширенное чтение против оригинала. Переводчик убежден, что „Песьня аб паходзе Ігара напісана старой беларуска-славянский мовай". — В 8-й книге „Русского Историч. Журнала" (1922, с. 1—7) *Н. В. Булычев* напечатал свои соображения о том Что значит эпитет »Осмомысл« в „Сл. о п. Иг." Основываясь на том, что в др. Руси было популярно „Слово Нила (и Евагрия) об осьми помыслах" т. е. о помыслах греховных, автор статьи доказывает, впрочем, малоубедительно, что эпитет „Осмомысл" — „носит иронический, укоризненный оттенок". Соглашаясь, что эпитет этот скорее книжного, чем простонародного происхождения, допуская, что автор „Слова" мог быть начитан и в аскетической литературе — все же затрудняемся признать объяснение П. В. Булычева. — *П. Л. Маштаков*, вслед за ак. А. П. Соболевским, предложил еще перестановку в тексте „Слова", именно: после 16-го листка, кончавшегося словами „...веселіе пониче", должен следовать 17-й листок „Темьно бо бѣ в 3-й день — — — жадньи веселія". „Следующие 18, 19, и 20-й листки могли заключать в себе стихи по изд. Корша 292—315 и 334—368, кончая словами „туча и тоска сыну Глѣбову", и наконец с 21-го листка могла начинаться новая часть „Слова" — обращение к князьям: „Великый княже Всеволодѣ!"... — В сборнике в честь проф. А. И. Малеина „Sertum bibliologicum" (Петрогр. 1922, с. 137—145) акад. *В. Н. Перетц* опубликовал „Заметки

к тексту Сл. о п. Игор.". Здесь 1. кроме мелких поправок предложено читать: „хотяче полетѣти на уедіе" в соотв. с „дѣляче"; „звоняче Рускымь златомь"; „свистъ звѣринъ въста. Збися дивъ"; вм. не „ваю ли злачеными шеломы покрови плаваша" — „не ваю ли ⟨в о ıа⟩ злачеными"... и т. д. „сѣяшется и растряшеть усобица ми," (ми— dat. poss.). 2. Указаны в противовес соображениям Н. М. Каринского, свидетельства в пользу того, что т. наз. „псковские" особенности Мус. — Пушк. списка — могли быть и северно-черниговскими. 3. В противуположность общепринятому, но недоказанному (и вообще недоказуемому) мнению о влиянии народной поэзии на автора „Слова" — выдвинута гипотеза об обратном влиянии — Слова" и его поэтической школы на фразеологию и поэтический язык народных певцов. — С этим отчасти сходятся соображения ак. *В. М. Истрина* в его Очерке истор. древне-русск. литер. (1922): „поэтическое творчество автора („Слова") не народное, но вполне книжное"... (с. 189). Здесь собраны полезные указания на ряд памятников, однородных по содержанию со „Словом", которые могли оказать на него воздействие. „Слово" — явилось как завершение периода р. литер., а не началом нового. В этой главе „Очерка" — много полезных соображений о знаменитом памятнике. — В „Визант. Временнике", т. XXIII (1917—1922), Петрогр. 1923, с. 15—73 помещена обширная статья известного тюрколога, † проф. *В. Д. Смирнова* „Что такое Тмуторокань". Это было нечто в роде замка „*κάστρον*", где жил византийский тагматарх, т. е. начальник области. Во время набегов русских князей эта местность была покрыта пришельцами тюркского происхождения. *Города* Тмуторокани — не существовало (вопреки свидетельству летописи о построении там церкви Богородицы). „Тмутороканский болван" — какой то знаменитый в те времена единоборец, атлет. „До кур" — восточный каламбур, стоит в связи с тюрк. к а р ш и = „на той стороне". — Брошюра *М. А. Яковлева* „С л. о п. И г." и б ы л и н н ы й э п о с. (Их связь со стороны композиционных приемов творчества) Петрогр. 1923, 47 стр. развивает взгляды тех ученых — со времен Максимовича — которые стремятся установить связь его с народной поэзией, не смущаясь тем обстоятельством, что напр. былевую поэзию — мы знаем в записях со втор. пол. XVII в., лирическую — с первой четв. XVII в. и что таким образом между „Сл." и этими записями — лежит не менее 400 лет, притом — ф о р м а, т. е. то, что изучает г. Яковлев в „Сл." и былине — нам от домонгольского времени совершенно неизвестна. „Цель данной статьи констатировать однородность главным образом композиционных приемов „Слова и былинного эпоса". Метод работы „оправдание" этой цели. Сопоставляемые „приемы" являются настолько общими, что неудивительно найти ряд совпадений, даже при скромном материале, использованном автором статьи. Но эти совпадения ни о чем не говорят, ничего нового не привносят в наше знание о „Слове". — Проф. *А. С. Орлов*, от которого, в виду ряда работ его по истории стиля древне-русских памятников, давно можно было ожидать и работы о „Слове" — выпустил, правда, приспособленную к учебным целям, но прекрасно построенную книжку „С л о в о о п. И г о р е в е". М. 1923, 56 стр. Вначале — сжатый, изложенный по

летописям, сводный рассказ о походе Игоря, засим — об отношении „Сл.“ к письменной славянорусской традиции XI—XII вв., переводной и оригинальной; констатирование особой югозападнорусской? („галицко-волынской“ — но почему тогда прямо не сказать — украинской?) манеры историко-поэтического изложения, наконец — гипотеза о галицко-волынском происхождении автора, высказанной в весьма осторожной форме. Текст параллельно с переводом; при этом приняты во внимание ряд поправок Вс. Миллера, Тихонравова, Потебни. В приложении — отрывки из Хроники Манассии в слав. перев., по сп. 1345 г. и безполезные — песнь Гарольда — из романа Вальтер-Скотта и песнь Давида на смерть Ионафана из II кн. Царств по поздним спискам.

Возможно, в этом обзоре работ по домонг. периоду и есть пропуски, но состояние в настоящее время библиографии может служить им объяснением. (Окончание следует.)

Владимир Перетц.

Василије Марковић. Православно монаштво и манастири у средњевековној Србији. Сремски Карловци. 1920. IV + 158. Цѣна не обозначена.

Книга рано умершаго Марковича признана сербскимъ ученымъ міромъ за явленіе выдающееся: ср. послѣсловіе къ ней Ст. Станоевича и Ник. Радойчича (стр. 157—158) и рецензію Влад. Петковича: „Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор“, 1921, кн. I, ч. 1, стр. 100 и слѣд. Главную заслугу ея видятъ въ томъ, что это первый трудъ общаго характера о сербскомъ средневѣковомъ монашествѣ, которое между тѣмъ сыграло огромную роль въ жизни сербскаго народа и заслуживаетъ тщательнаго изученія.

Однако именно этотъ трудъ и показываетъ, какъ много еще остается работы для историка сербскаго монашества. Заглавіе книги обѣщаетъ намъ гораздо болѣе, чѣмъ даетъ ея содержаніе. Въ сущности она представляетъ собою скорѣе хронологическую канву для внѣшней исторіи отдѣльныхъ монастырей, пытаясь установить даты ихъ основанія, расширенія, временнаго запустѣнія, обновленія и окончательнаго закрытія. Покушается авторъ прослѣдить и внѣшнюю исторію монашества вообще, намѣтить его центры, эпохи процвѣтанія, распространенія, упадка, но уже въ этомъ отношеніи его книга страдаетъ большими пробѣлами. О внутренней же жизни монашества, его нравственномъ и умственномъ уровнѣ, правовомъ и экономическомъ положеніи, культурномъ, общественномъ и государственномъ значеніи мы значительно болѣе находимъ въ „Историји Срба“ Иречка и другихъ его трудахъ. Однако и въ данномъ видѣ трудъ Марковича является крупнымъ шагомъ впередъ и заслуживаетъ тѣ похвалы, которыя вызвалъ своимъ появленіемъ.

Начну съ вопросовъ болѣе общаго характера, какъ болѣе интересныхъ.

Книга Марковича естественно распадается на три неравныхъ отдѣла: монашество до Неманичей, при Неманичахъ и послѣ Неманичей.

Первый изъ нихъ говоритъ о возникновеніи монашества въ отдѣльныхъ областяхъ сербской территоріи и о путяхъ, которыми оно въ нихъ проникло.

Авторъ самъ признаетъ трудность рѣшенія вопроса о возникновеніи монашества у сербовъ (стр. 3), и тѣмъ не менѣе уже Петковичъ (op. cit., 160) отмѣтилъ поверхностную трактовку его Марковичемъ. Помочь его разъясненію могло-бы, напримѣръ, знакомство съ греческимъ и латинскимъ монашествомъ на Балканскомъ полуостровѣ въ эту и предшествовавшую эпоху, но книга Марковича въ этомъ отношеніи почти ничего не даетъ намъ (стр. 2, 33).

Марковичъ рѣшительно отрицаетъ существованіе славянскаго монашества до конца IX в.: „Если тогда и было нѣкоторое количество монаховъ въ нашихъ земляхъ, это могли быть лишь старые насельники, греки и романцы“ (стр. 2). Между тѣмъ въ Македоніи, которую онъ не исключаетъ изъ числа сербскихъ земель, гораздо ранѣе существовалъ рядъ епископій, основанныхъ для славянъ, между прочимъ для Смолянъ, Друтувитовъ и даже Сербовъ (*τῶν Σερβίων*). Конечно, Иречекъ правъ, полагая, что въ ихъ клирѣ были и славяне, особенно среди низшаго духовенства. Имъ въ то время не возбранялись даже и болѣе высокія степени въ церкви. Ѳеофанъ сообщаетъ, что цариградскій патріархъ Никита (766—780 гг.) былъ славяниномъ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ не единственнымъ монахомъ изъ славянъ. Конечно, давала таковыхъ и южная Македонія, надъ христіанизированіемъ которой церковь столько потрудилась. Такимъ образомъ есть основанія полагать, что въ ней славянское монашество существовало задолго до конца IX вѣка и что дѣло солунскихъ братьевъ и ихъ продолжателей было подготовлено дѣятельностью этихъ македонскихъ епископій, славянской проповѣдью ихъ священниковъ и монаховъ изъ славянъ, какъ думаетъ Иречекъ (Историја Срба, I, 1922 г., стр. 126—7). Нельзя обойти безъ вниманія этой дѣятельности и въ вопросѣ о возникновеніи сербскаго монашества.

Относительно роли св. Климента и св. Наума книга Марковича содержитъ рядомъ противорѣчивыя мнѣнія. Видимо, покойный авторъ не успѣлъ придать своему труду окончательную форму. Съ одной стороны, онъ утверждаетъ: „Уз Ћирила и Методија нема монаха. По природи свог посла, они међу својим ученицима имају с а м о[1]) „попове, јереје, ђаконе и анагносте‘. ‚Изгледа да с а м о у т о м е п р а в ц у[1]) деловали и њихови ученици кад су, 886 године, дошли на Полуострво“ (стр. 2). „Св. Климент је поглавито био мисионер и просветитељ, а н и к а к о о р г а н и з а т о р м о н а ш т в а и м о н а ш к о г ж и в о т а“[1]) (стр. 3). То же относится и къ св. Науму (стр. 3). Марковичъ здѣсь отрицаетъ даже прямое указаніе Климентова житія, находя, что оно „није у сагласности са осталим причањем житија“ и что „за монаштво је, у осталом, било још доста рано“ (стр. 3): „Монаштво је у наше југоисточне крајеве“, добавляетъ авторъ, „увела цивилизаторска иницијатива једног бугарског владаоца“, именно Бо-

[1]) Курсивъ мой.

риса (стр. 4). Послѣднее утвержденіе основывается на указаніи Климентова житія, что Борисъ утвердилъ „*πᾶσαν τὴν ὑπ' αὐτῷ Βουλγαρίαν ἑπτὰ καθολικοῖς ναοῖς*“, на фактѣ принятія имъ монашества и на рядѣ косвенныхъ, иногда очень шаткихъ соображеній относительно вліяній, приходившихъ въ Сербію съ Востока черезъ Болгарію, минуя Царьградъ (стр. 3—5). Съ другой стороны, немного далѣе оказывается, что Меѳодій былъ монахъ, Кириллъ умеръ въ монашествѣ, Климентъ и Наумъ жили строгой монашеской жизнью и основали въ Македоніи два монастыря (стр. 5—7). И дѣйствительно, отрицать показаніе житія св. Климента совершенно невозможно: оно написано ученикомъ святого (Migne, P. G., 126, стр. 1226), который лично видѣлъ основанный имъ монастырь и даже дѣлаетъ сравненіе его церквей съ соборомъ Бориса въ томъ же Охридѣ (ib., стр. 1229).

Никакъ нельзя согласиться съ Марковичемъ, будто бы монашество въ земли нынѣшней Сербіи, въ противоположность западной Европѣ, пришло, не „естественнымъ путемъ“, черезъ посредство его „пропагандистовъ“, а личной волей болгарскаго государя (стр. 4). Мѣсто житія св. Климента, на основаніи котораго Марковичъ приписываетъ Борису строительство монастырей, говоритъ совершенно объ иномъ. Житію извѣстны въ Охридѣ „*τρεῖς ἐκκλησίαι*“. Двѣ „*τοῦ ἱεροῦ Κλήμεντος*“, „*ἐν τῷ μοναστηρίῳ αὐτοῦ*“, третью же въ противоположность монастырскимъ житіе дважды называетъ *καθολική*. Очевидно, это слово употреблено здѣсь въ своемъ первоначальномъ значеніи „общій“. Слово же *ἐκκλησία* означаетъ „церковь“, а не „монастырь“. Да и изъ контекста видно, что рѣчь идетъ о трехъ церквахъ, при чемъ двумъ монастырскимъ церквамъ противополагается третья — *ἡ καθολική*, т. е. „церковь общаго пользованья“. Изъ контекста же видно, что она принадлежитъ къ тѣмъ „*ἑπτὰ καθολικοῖς ναοῖς*“, которыя воздвигъ Борисъ. Отсюда слѣдуетъ, что и подъ этимъ выраженіемъ разумѣются такъ же церкви, а не монастыри. Къ тому же и слово *ναός* означаетъ „храмъ“, а не „монастырь“. Значитъ, житіе св. Климента въ данномъ мѣстѣ говоритъ о постройкѣ Борисомъ не монастырей, а семи церквей общаго пользованья для религіозныхъ нуждъ ново созданныхъ христіанскихъ общинъ. Житіе постройку св. Климентомъ монастыря ставитъ въ связь съ строительной дѣятельностью Бориса: „*Ἐπεὶ γὰρ εἶδε τοῦτον ἄρχοντα πᾶσαν τὴν ὑπ' αὐτῷ Βουλγαρίαν ἑπτὰ καθολικοῖς ναοῖς περιζώσαντα, . . . ἠθέλησε καὶ αὐτὸς ἐν Ἀχρίδι οἰκεῖον δείμασθαι μοναστήριον*“. Въ этой фразѣ два выраженія могли дать Марковичу поводъ къ его гипотезѣ. *Καὶ αὐτός* указываетъ на соревнованіе святителя государю, но это соревнованіе могло быть вызвано вообще строительствомъ князя во славу Божію, а не тѣмъ, что онъ строилъ именно монастыри. *Οἰκεῖον μοναστήριον* можно переводить „собственный монастырь“ и понимать какъ противоположеніе княжескимъ монастырямъ. Но, во-первыхъ, *ναός*, какъ сказано, означаетъ „храмъ“, во-вторыхъ, *οἰκεῖος* первоначально значитъ „домовой, домашній, принадлежащій къ дому“. Оно могло быть здѣсь употреблено для указанія, что монастырь былъ устроенъ при домахъ, въ которыхъ жилъ святой со-

своими учениками и которые были отведены ему въ Охридѣ Борисомъ (ib., стр. 1224). Такимъ образомъ это мѣсто говоритъ, что св. Климентъ, видя, что нужда мірянъ во церквахъ удовлетворена Борисомъ, нашелъ своевременнымъ и съ своей стороны (*καὶ αὐτός*) сдѣлать нѣчто для церкви, положивъ основаніе иноческому житію и устроивъ въ отведенныхъ ему домахъ небольшой домовой (*οἰκεῖον*) монастырекъ. Построилъ онъ его „*ἔτι περιόντος τῷ βίῳ τοῦ μακαριστοῦ Βορίσου*", т. е. еще до его отреченія отъ престола около 889 года, такъ какъ объ удаленіи Бориса въ монастырь житіе ничего не говоритъ (ср. ib., стр. 1225, 1227), „прежде во всякомъ случаѣ (*πάντως*), чѣмъ" Климентъ „принялъ величьскую епископію". Въ томъ же монастырѣ (*τούτῳ δὲ*) построилъ онъ, неизвѣстно когда, и вторую церковь, при которой позднѣе смѣщена была охридская архіепископія (ib., стр. 1229). Такимъ образомъ въ моментъ построенія св. Климентомъ монастыря его житіе не знаетъ во владѣніяхъ болгарскаго князя ничего, кромѣ выстроенныхъ имъ „семи общихъ церквей".

Мы видимъ, слѣдовательно, что и во владѣнія Бориса, какъ и въ другія земли, монашество было принесено частной иниціативой подвижниковъ. Первый монастырь былъ основанъ св. Климентомъ между 886 и 889 годомъ. Основанъ не въ столицѣ болгарскаго князя, какъ было бы при наличности его иниціативы, а на окраинѣ государства въ Охридѣ. Выборъ именно этой окраины объясняется близостью южной Македоніи съ ея въ значительной мѣрѣ христіанизированнымъ и пріобщившимся къ эллинской цивилизаціи славянскимъ населеніемъ. Конечно, Климентъ и Наумъ могли черпать оттуда для просвѣщенія и наученія своей паствы не одни только плодовыя деревья (ib., стр. 1231). Охриду естественно было стать передатчикомъ грекославянской культуры окрестностей Солуня, давшей уже славянству Кирилла и Меѳодія, болѣе отдаленнымъ отъ культурныхъ христіанскихъ центровъ, еще варварскимъ славянскимъ племенамъ полуострова. По той же причинѣ и ученики солунскихъ братьевъ избрали Охридъ центромъ своей просвѣтительной дѣятельности и въ немъ заложили первые очаги монашества среди свободнаго славянства на Балканахъ.

Не болѣе обоснована попытка автора доказать могущественное вліяніе на развитіе монашества въ Македоніи другого болгарскаго государя Самуила. Самъ Марковичъ признаетъ, что его эпоха не могла быть благопріятной для мирнаго строительства (стр. 8—9), и фактически можетъ указать только два монастыря, возникшіе въ это время (стр. 11—13). Тѣмъ не менѣе онъ находитъ возможнымъ допускать при немъ расцвѣтъ македонскаго монашества (стр. 9) и даже относить его насчетъ дѣятельности Самуила (стр. 10). Основаніемъ служатъ совершенно фантастическія народныя легенды, напримѣръ о 360 церквахъ, бывшихъ будто-бы нѣкогда въ Охридѣ, и бѣглыя археологическія замѣтки путешественниковъ временъ турецкаго владычества (стр. 9—10, 13—14). Конечно, за сто лѣтъ, прошедшихъ со временъ Климента и Наума, греческое просвѣщеніе и монашество должны были укрѣпиться и расшириться по Македоніи. Но вполнѣ правъ Ст. Новаковичъ, когда думаетъ, что Самуилъ лишь пожалъ плоды ихъ дѣятельности, найдя въ

матеріальной и духовной культурѣ Охрида силы для защиты политической независимости балканскаго славянства (Први основи словенске књижевности међу балканским словенима, 188, 206), — видѣть въ немъ создателя этой культуры у насъ нѣтъ основаній.

Съ 1018 года, со времени паденія Самуилова царства, начинается, по мнѣнію Марковича, въ нынѣшнихъ сербскихъ земляхъ вліяніе греческаго монашества (стр. 15). Оно захватило, кромѣ Македоніи, долину Великой Моравы до Ниша включительно (стр. 47—50), а изъ Апуліи и Дураццо проникало отчасти и въ сербское Поморье (стр. 31 до 32). Ширилось здѣсь монашество главнымъ образомъ частной иниціативой греческихъ монаховъ, бѣжавшихъ отъ турокъ и арабовъ изъ Малой Азіи (стр. 16, 20, 21), конечно, не безъ поддержки византійской власти (стр. 15—16) и высшаго греческаго духовенства (стр. 17—19, 21, 25), а также аристократическихъ фамилій (стр. 21, 22, 25). Энергія грековъ въ этомъ отношеніи была исключительной. Менѣе чѣмъ за 170 лѣтъ своего владычества они вполнѣ удовлетворили потребность подвластныхъ имъ славянскихъ земель въ монастыряхъ, такъ что Неманичамъ осталось только украшать и обогащать уже существующіе монастыри (стр. 21). Марковичъ жалуется, по слѣдамъ Гелцера, на насильственную эллинизацію греками славянской церкви и грабительство ихъ духовенства. Повидимому, жалобы эти преувеличены благодаря привнесенію впечатлѣній изъ фанаріотскихъ временъ. Вполнѣ естественно, что высшее церковное управленіе перешло въ руки грековъ и что въ монастыряхъ, основанныхъ греками, они сохранили первенственное положеніе. Но тотъ фактъ, что эти монастыри при Неманичахъ какъ-то сразу становятся сербскими, показываетъ, что греки не придавали имъ, какъ бывало позднѣе, строго національнаго характера и широко допускали въ нихъ славянъ. Такимъ образомъ эти монастыри выполнили по отношенію къ славянамъ огромную просвѣтительную работу. Кромѣ того, подъ византійскимъ господствомъ продолжала развиваться и славянская письменность, о чемъ свидѣтельствуетъ значительное количество македонскихъ рукописей XI—XII вѣка, сохранившихся до нашего времени. Какъ относились къ славянской письменности въ фанаріотское время, мы знаемъ изъ судьбы сожженной греками библіотеки тырновскихъ царей.

Чисто славянское монашество въ это время (XI—XII в.) сохраняется лишь на крайнемъ сѣверѣ Македоніи, между Вардаромъ, Струмой и Моравой. Но и оно, по мнѣнію Марковича, „не имѣетъ ни связи ни сходства съ охридскимъ монашествомъ св. Климента и св. Наума", такъ какъ то возникло по иниціативѣ болгарскихъ государей и было общежительнымъ, а „это монашество частнаго почина и отшельническое". „Оно могло развиться т о л ь к о[1]) подъ вліяніемъ византійскаго монашества въ южной и средней Македоніи или таковаго на Святой Горѣ" (стр. 27). Основатели его — св. Прохоръ Пшинскій (стр. 27—29), св. Іоаннъ Осоговскій (стр. 29—31) и св. Гавріилъ Лесновскій (стр. 29), въ изложеніи дѣятельности которыхъ авторъ

[1]) Курсивъ мой.

основывается на изслѣдованіяхъ І. Х. Василевича, Ст. Новаковича и Іордана Иванова.

Въ общемъ Марковичъ правъ, но явленіе сложнѣе, чѣмъ представляется ему. Во-первыхъ, краснорѣчивъ тотъ фактъ, что отшельничество развилось именно въ той мѣстности, гдѣ въ X вѣкѣ подвизался первый отшельникъ изъ балканскихъ славянъ св. Іоаннъ Рильскій, о которомъ авторъ сообщаетъ намъ, къ сожалѣнію, такъ мало (стр. 8, 27). Во-вторыхъ, Іоакимъ Осоговскій, по его житію, пришелъ издалека съ Запада, такъ что, можетъ быть, здѣсь не обошлось и безъ романскихъ вліяній изъ Поморья или Загорья (стр. 30). Въ третьихъ, монастыри, связанные съ именемъ св. Прохора воздвигъ императоръ Романъ IV Діогенъ, слѣдовательно, владѣтельное лицо, а Лесновскій монастырь по всѣмъ даннымъ существовалъ и до Св. Гавріила. Наконецъ, и само охридское монашество развивалось подъ византійскими вліяніями изъ южной Македоніи, а дѣятельность св. Іоанна Рильскаго не случайно совпадаетъ съ расцвѣтомъ отшельничества на Аѳонѣ (ср. стр. 8 и 27).

Третій путь, которымъ проникало монашество въ сербскія земли, шелъ черезъ Венгрію. Онъ не имѣетъ такого значенія, какъ тѣ, которые шли черезъ Македонію и адріатическое приморье, но пріобрѣтаетъ больше важности ,,во второй и третьей четверти 12 вѣка, когда связи между Рашкой и Венгріей были очень тѣсны" (стр. 37). Это вліяніе особенно сильно въ Посавьѣ и Подунавьѣ, но достигаетъ и Рашки. Изъ Венгріи идетъ не только католическое вліяніе, но и православное, такъ какъ православіе туда было принесено еще до прихода мадьяръ и упорно держалось до XIV вѣка включительно (стр. 37—38). Были тамъ и православные монастыри. Этотъ отдѣлъ книги написанъ на основаніи изслѣдованій Пича, Радонича и Иречка (стр. 37—40).

Съ запада въ Сербію проникало романское вліяніе латинской церкви и монашества. Въ Далмаціи монастыри были еще въ V вѣкѣ, въ Поморьѣ до 809 года, въ Хорватіи съ середины IX вѣка. Славянская литургія и письменность проникли туда еще при жизни Меѳодія. Но Римъ косо смотрѣлъ на славянское богослуженіе и славянское духовенство. Монахи изъ славянъ были рѣдки даже въ болѣе прогрессивной Хорватіи еще въ XI вѣкѣ. Дѣло закончилось полной латинизаціей въ этихъ краяхъ сербской церкви и монастырей (стр. 32 до 33).[1])

Подъ латинскимъ вліяніемъ находилась первоначально и Рашка, центръ сербскаго племени. Марковичъ справедливо признаетъ его и въ отношеніи къ монашеству въ этой области на основаніи ея тѣсныхъ связей съ Поморьемъ, хотя и оговаривается, что ,,нема нарочитих разлога за латинско порекло и српскога монаштва" (стр. 40—41). Онъ указываетъ только на чакавское происхожденіе нѣсколькихъ географическихъ именъ въ Рашкѣ, означающихъ монастырь (стр. 41), и ла-

---

[1]) Въ общемъ картина, рисуемая авторомъ, страдаетъ непольнотой и неточностью.

тинскую архитектуру старѣйшихъ церквей и монастырей въ этой области (стр. 41—42).[1]) Но монашество здѣсь „скоро слилось съ монашествомъ греческо-славянскаго типа восточныхъ областей и отдѣлилось отъ монашества въ Поморьѣ“ (стр. 41). Этапами на этомъ пути были принесеніе славянской литургіи, созданіе религіознаго центра въ Охридѣ, византійское господство съ конца X в. и время великаго жупана Вукана, въ концѣ XI вѣка, когда началось движеніе рашанъ на юговостокъ (стр. 41). Надо, впрочемъ, сказать, что прямыя доказательства существованія монастырей въ Рашкѣ до Немани совершенно отсутствуютъ. Изъ косвенныхъ наиболѣе убѣдительны соображенія автора относительно монастырей, упомянутыхъ въ студеничьскомъ типикѣ (стр. 44—45). Видѣть же вмѣстѣ съ нимъ въ „monasteria . . . graecorum sive sclavorum“ папскихъ буллъ монастыри именно Рашки, а не Далмаціи и Поморья нѣтъ достаточныхъ основаній (стр. 43). Еще менѣе основано утвержденіе Марковича о многочисленности монашества въ Рашкѣ къ эпохѣ Стефана Немани (стр. 45). Существованіе въ 1185 году сербской монашеской колоніи въ Солунѣ ничего не доказываетъ. Конечно, эмиграція монаховъ можетъ, вообще говоря, быть результатомъ густоты монашескаго населенія въ странѣ, но не менѣе часто бываетъ, что люди, жаждущіе монашеской жизни, вынуждены эмигрировать именно потому, что не находятъ на родинѣ правильно устроенныхъ монастырей. Судя по всему, въ данномъ случаѣ приписывать эмиграцію монаховъ изъ Рашки первой причинѣ врядъ ли имѣются основанія (ср. стр. 46—47). Скорѣе ихъ побуждали уходить изъ родины или полное отсутствіе въ ней монастырей, или, что еще вѣроятнѣе, неудовлетворенность господствовавшимъ въ ней типомъ западнаго монашества и влеченіе къ греко-славянскому монашескому идеалу. Не менѣе поспѣшно заключеніе Марковича, что монашество въ Рашкѣ „было не только греческаго типа, но еще и грекофильское“. „Краснорѣчивое доказательство“ этого онъ видитъ въ томъ, что „какой-то монахъ“ ок. 1093 года[2]) пытался предупредить Іоанна Комнена о готовящемся внезапномъ нападеніи на него сербскаго жупана Вукана (стр. 44). Это могъ быть одинъ изъ бродячихъ греческихъ монаховъ. Такихъ монаховъ, сборщиковъ милостыни, пожертвованій на построеніе храма, людей, не уживающихся на одномъ мѣстѣ и скитающихся изъ монастыря въ монастырь, наконецъ, просто монаховъ — бродягъ — и даже проходимцевъ въ монашеской одеждѣ было всегда достаточно на православномъ востокѣ. Греческимъ его происхожденіемъ объясняется его византійскій патріотизмъ, а его личностью и бродяжничествомъ недовѣріе къ нему византійскаго полководца.[3])

[1]) Зависимость церквей и монастырей Рашки въ архитектурѣ и орнаментикѣ отъ Далмаціи и Поморья ясно раскрывается въ небольшой, но очень интересной работѣ, которую недавно издалъ Damaskin Grdanitchky: L'influence occidentale sur l'architecture religieuse en Rascie (Ancienne Serbie) du XIIe au XIVe siècle, Belgrade, 1924.

[2]) „*Μοναχός τις*“, Anna Comnena, ed. Bonn. I, 438.

[3]) Если только и то и другое не объясняется желаніемъ монаха сорвать хорошую плату за важное сообщеніе.

Вторая, наиболѣе обширная по объему (стр. 50—118) и наиболѣе тщательно обработанная, часть книги Марковича сообщаетъ о монастыряхъ при Неманичахъ (1168—1371 гг.).

,,Только съ началомъ владычества Неманичей . . . началось болѣе интенсивное основыванье монастырей и большій прогрессъ монашества". Они ,,очень много монастырей воздвигли, а еще больше обновили старыхъ монастырей". ,,Изъ малыхъ и скромныхъ монастырьковъ они создавали огромныя и богатыя задушбины", ,,обезпечили матеріально монастыри и жизнь въ нихъ сдѣлали удобнѣе" (стр. 50). Многоразличны были побужденія, руководившія при этомъ Неманичей: набожность (стр. 50, 50—51), обѣты (51—52), угрызенія совѣсти за совершенныя преступленія (52), желаніе на религіозной почвѣ упрочить государственное единство и королевскую власть (52), подражаніе византійскимъ императорамъ (53), тщеславіе (53), обычай хоронить государей въ воздвигнутыхъ ими для этой цѣли монастыряхъ (53). ,,Сербскіе владѣтели, говоритъ Марковичъ словами Millet, цѣлыхъ три вѣка строятъ много и богато, своими блистательными задушбинами дѣлаютъ дѣло крупнаго значенія, культурно-политическое и религіозное, придаютъ сербскій отпечатокъ обширнымъ областямъ, которыми они обладали" (53—54). Ихъ монастыри и церкви, говоритъ онъ съ Иречкомъ, ,,краснорѣчивое доказательство бывалого богатства страны и художественнаго смысла государей и народа" (54).

Изъ сербскихъ династовъ первый развиваетъ широкую строительную дѣятельность Стефанъ Неманя (54). Объясняется это не перемѣной династіи, такъ какъ и онъ принадлежалъ къ старому владѣтельному дому (54), а измѣненіемъ сербской политики. Неманя рѣшительно вошелъ въ сферу византійскаго вліянія, стремился проширить свою державу на югъ (54) и утвердить ея единство и будущность на православіи (54—57). И во внутренней политикѣ онъ, подобно современнымъ ему византійскимъ императорамъ, искалъ въ церкви и монашествѣ поддержки своей власти (57). На основаніи словъ Ѳеодосіева житія св. Саввы, что Неманя для т р е х ъ [1]) своихъ монастырей ,,**сътвори оуправу ꙗко же подобаѥт**", Марковичъ даже предполагаетъ, что онъ реформировалъ внутреннюю жизнь монастырей, ввелъ, напримѣръ, ,,вполнѣ византійское монастырское устройство" (59). [2]) Не имѣются ли однако тутъ въ виду т р и типика, написанные св. Саввой?

Стефанъ Первовѣнчанный шелъ по слѣдамъ своего отца (68). На его царствованіе падаетъ и дѣятельность св. Саввы, ,,одной изъ величайшихъ личностей сербской исторіи вообще. Онъ далъ организацію и независимость православной церкви въ государственномъ созданіи (своего) отца". ,,Онъ основатель тѣхъ интимныхъ отношеній между православной церковью и державой Неманичей, которыя сохранились вплоть до конца національной самостоятельности, продолжались даже и послѣ этого въ преданности церкви національнымъ идеаламъ и въ отожествленіи сербской народности съ православіемъ, которое такимъ

[1]) Курсивъ мой

[2]) Петковичъ справедливо протестуетъ противъ поспѣшности такого заключенія, op. cit., стр. 161.

бразомъ начинается еще съ Саввы" (71). По источникамъ, онъ основатель многихъ монастырей, хотя фактически можно указать только два (71—72). Но „еще важнѣе дѣятельность Саввы по внутренней организаціи сербскаго монашества" (72). Онъ авторъ трехъ монастырскихъ типиковъ (72). Типикъ Студеницы и ея устройство послужили образцомъ для позднѣйшихъ монастырей, такъ какъ въ жалованныхъ монастыряхъ отдѣльные вопросы часто регулируются „какъ въ Студеницѣ". Вѣроятно, онъ же разумѣется подъ „закономъ св. Симеона и св. Саввы", на который также часто ссылаются грамоты (62).[1]) Какъ игуменъ перваго крупнаго монастыря Сербіи, Студеницы, какъ архіепископъ, какъ связь между сербскимъ и восточнымъ, именно аѳонскимъ монашествомъ, св. Савва сдѣлался настоящимъ организаторомъ сербскаго монашества и примѣромъ ему: „Отъ него идутъ всѣ типичныя отличія нашего стараго монашества, которыя оно сохранило вплоть до новѣйшаго времени" (72). Особенно стремился онъ „къ утвержденію православія, къ отожествленію сербскаго монашества съ византійскимъ, а затѣмъ къ воодушевленію сербскихъ монаховъ къ аскетическимъ подвигамъ". По Доментіану, онъ перенесъ въ Сербію все монастырское устройство съ Аѳона (72).

Къ сожалѣнію, авторъ не нашелъ нужнымъ подробнѣе изучить дѣйствительное устройство сербскихъ монастырей и ихъ бытъ. Между тѣмъ уже Иречку напрашивалось сопоставленіе ихъ съ большими аббатствами Западной Европы (Историја Срба, III, 1923 г., стр. 194, 195). Нѣтъ никакихъ подробностей и о Номоканонѣ св. Саввы, о которомъ даже Иречекъ сообщаетъ больше (ib., 143—144). Совершенно замолчаны отношенія св. Саввы къ русскому монашеству. Между тѣмъ воспламенилъ Савву монашескимъ идеаломъ русскій монахъ,[2]) постриженіе онъ принялъ въ русскомъ монастырѣ,[3]) гдѣ и прошелъ первыя монашескія искушенія,[4]) Номоканонъ взялъ отъ русскихъ монаховъ въ русскомъ переводѣ и настолько былъ начитанъ въ русской литературѣ, что пользуется въ своихъ литературныхъ трудахъ и чисто русскими произведеніями. Вліяніе Похвалы Кагану Владиміру, приписываемой Иларіону, отразилось, какъ доказываетъ Драг. Костичъ, въ службѣ св. Симеону, написанной Саввою,[5]) и во всякомъ случаѣ въ одной изъ его епископскихъ бесѣдъ.[6]) Теперь мы имѣемъ о русскомъ вліяніи въ дѣятельности св. Саввы небольшую, но содержательную работу Драг. Костича, но указанія на него были и раньше. Несомнѣнно,

[1]) Это выраженіе, можетъ быть, и подало поводъ Ѳеодосію приписывать уставъ Студеницы и другихъ монастырей, основаныхъ Неманей, самому Неманѣ.

[2]) См. Житіе св Саввы, пис. Ѳеодосіемъ. Изд. Даничић подъ заглавіемъ: Живот светога Саве. Написао Доментијан. 1860 г., стр. 6, 10.

[3]) ib., стр. 12, 13, 16—17, см. и „Живот светога Симеуна и светога Саве". Написао Доментијан. Изд. Даничића, 1865 г., стр. 27.

[4]) См. Доментіановъ: „Живот св Симеуна и св. Савы, стр. 27.

[5]) Зборник филолошких и лингвистичких студија А. Белићу. Београд, 1921. Драг. Костић. Да ли се сачувало што од Савине Службе и Похвале св. Симеону? стр. 160—163.

[6]) ib., стр. 163.

отразилось оно и на устройствѣ Саввою монастырей. Въ Хиландар скомъ типикѣ, составленномъ Саввой, оно уже отмѣчено.[1]) Эта п средствующая роль русскаго монашества между сербскимъ и визан тійскимъ въ эпоху, когда закладывались основы сербской монашеско жизни, весьма знаменательна и не должна бы упускаться изъ вид при ея изученіи.

Изъ послѣдующихъ государей большой щедростью къ монастырям отличался, благодаря своему богатству, Милутинъ (стр. 88—90). Н выхъ монастырей онъ, впрочемъ, ужъ не строилъ „конечно, потом что потребность въ монастыряхъ была уже вполнѣ удовлетворена (стр. 90). По поводу его пожертвованій заграничнымъ монастырям Марковичъ говоритъ о сербскомъ монашествѣ за границами нынѣшне Сербіи. Въ этомъ отношеніи картина, которую онъ даетъ, далеко н полна. Онъ не только не использовалъ прекрасной работы о сербах въ Св. Землѣ Тих. Джорджевича,[2]) но даетъ меньше даже Иречка. О такомъ важномъ центрѣ сербской монашеской жизни, какъ Синай онъ, повидимому, ничего не знаетъ, хотя нѣсколько разъ сообщает о пожертвованіяхъ Синаю сербскихъ государей (стр. 80, 89, 129).

Стефанъ Душанъ и въ отношеніи къ монастырямъ занимаетъ сред всѣхъ сербскихъ государей исключительное мѣсто по своей щедрост Причина отчасти въ угрызеніяхъ совѣсти за поступокъ съ отцомъ, н главнымъ образомъ въ его могуществѣ и богатствѣ (103). Основаніем патріаршества онъ вознесъ сербскую церковь на небывалую высоту Марковичъ полагаетъ, что онъ слишкомъ далеко шелъ навстрѣч церкви. Законникъ его на первомъ мѣстѣ ставитъ церковные вопрос въ 1349 году церкви даются новыя привиллегіи, въ 1454 году он еще расширяются. Онъ первый издаетъ законы противъ католиков (103—104). Марковича удивляетъ фактъ, что Душанъ, изгоняя отовсюд епископовъ Вселенскаго патріарха, охридское архіепископство не тольк терпѣлъ, но и позволилъ ему сохранить греческій характеръ (103) Причина ясна: будучи „царемъ сербовъ и грековъ", Душанъ, впред до овладѣнія Цариградомъ, желалъ имѣть и для своихъ греческих подданныхъ религіозный центръ въ своей державѣ. Понимая невоз можность денаціонализовать грековъ, онъ оставилъ греческій націо нальный характеръ охридской архіепископіи, которой рѣшилъ восполь зоваться для этой цѣли.

Говоря объ этомъ государѣ, со смертью котораго завершаетс наиболѣе блестящій періодъ сербскаго монашества, Марковичъ дѣлает попытку дать общую характеристику этого монашества: „Средневѣково сербское монашество, хотя и составляетъ часть восточнаго монашества все же не лишено своихъ спеціальныхъ чертъ, которыми различаетс

---

[1]) ib., стр. 163.

[2]) T. R. Georgevich: „Serbia and the Holy Land", см. The journal o theological studies, January and April, 1918 (Vol. XIX, Nos. 74, 75), стр. 9 до 114, см. особенно стр. 99—102. Переработка этой статьи на сербском языкѣ подъ названіемъ: „Срби и Света Земља" од Д-ра Тихомира Ђор ђевића напечатана въ „Забавнику" (Додатак „Српских Новина") № 13, Крф 15 маја, 1918 год. Година I, стр. 1 и слѣд., см. особенно стр. 2.

[3]) Историја Срба, III, 86—87.

отъ византійскаго, болгарскаго и остального восточнаго монашества и, до извѣстной степени, приближается къ западному. Прежде всего его не коснулись ни религіозные споры, ни мистицизмъ; затѣмъ оно почти безъ исключенія общежительное. Пустынножительнаго монашества въ средневѣковой Сербіи почти не было вплоть до прихода Синайцевъ изъ Болгаріи въ концѣ XIV вѣка. Единственный пустынникъ, извѣстный по имени, за все время эпохи Неманичей есть св. Петръ Коришскій.“ Слѣдуетъ его біографія, написанная по его службѣ и житію (112—113). Вотъ и все! Эта характеристика не только крайне суммарна, поверхностна и бездоказательна, но и несовсѣмъ вѣрна. Уже Петковичъ указалъ, что „еремитски живот није се у Србији средњег. века никад гасно“, и привелъ въ потвержденіе рядъ данныхъ (op. cit., стр. 161—162). Впрочемъ, извѣстная близость сербскаго монашества къ западному отмѣчена правильно, хотя это и стоитъ въ противорѣчіи съ тѣмъ, что авторъ ранѣе говорилъ о дѣятельности св. Саввы по реформированію монашества въ Сербіи. Однако при внимательномъ чтеніи трудовъ Иречка можно сказать по этому вопросу, какъ и вообще объ особенностяхъ и устройствѣ сербскаго монашества, гораздо больше.

Послѣ смерти Душана строительство монастырей переходитъ въ руки владѣтельной аристократіи (116—118).

Третья часть (стр. 118—158) содержитъ исторію быстраго упадка средневѣковаго сербскаго монашества (1371—1459 гг.).

Битва на Марицѣ и турецкое завоеваніе отозвались крайне тяжело на монашествѣ въ Македоніи. Деяновичи и краль Марко, державы которыхъ еще продолжали существовать нѣкоторое время, пытаются держаться по отношенію къ монастырямъ традиціи Неманичей, но средства оскудѣваютъ, и строительство новыхъ монастырей прекращается (119—121). Съ 1394 года вся Македонія попадаетъ непосредственно подъ турецкую власть. Церковь теряетъ всѣ привиллегіи, земли, богатства, богатыхъ ктиторовъ и вкладчиковъ. Напрасно покушалась поддержать монашество вдова Мурата II, Мара, дочь деспота Юрія (122—123).

Въ центральной Сербіи около Косова и въ западномъ Санджакѣ междоусобицы и турецкіе походы „уничтожили монашество“ (123). Монастыри сожжены. Уцѣлѣли лишь каменныя церкви, не поддавшіяся пожарамъ (124). Монахи разбѣжались, такъ какъ сербскіе монахи не сумѣли поладить съ завоевателями. Они бѣжали частью на Аѳонъ, но главнымъ образомъ на сѣверъ во владѣнія Лазаря (124).

Лазарь придерживался традицій Неманичей. Въ его державѣ возобновилась прежняя жизнь монашества (125) и скоро достигла значительнаго блеска (126). Центромъ его становятся Великая и Западная Моравы и городъ Крушевацъ. Область монастырей расширяется къ сѣверу до Савы и Дуная (126). Усиливается движеніе и притокомъ монаховъ изъ угрожаемыхъ турками восточныхъ краевъ полуострова и даже съ Аѳона (126). Особенно замѣчательна дѣятельность Григорія Синаита, основателя исихазма, св. Ромила и прочихъ „синайцевъ“, которые произвели большое впечатлѣніе на сербское общество XIV

и XV вв. своей отшельнической жизнью и исихастическимъ аскетизмомъ (127—128). По Марковичу, „синайцы" пришли изъ Болгаріи и „су се тако могли назвати ваљда по своме оснивачу", Григорію Синаиту (128, ср. и 112).

„Синайцы" и ихъ движеніе заслуживаютъ большого вниманія. Они оживили въ народѣ религіозное чувство и одушевленіе въ тяжелый періодъ крушенія его государственности, внесли новую религіозную струю-исихазмъ, реформировали монашество, давъ перевѣсъ скитскому монашеству надъ общежительнымъ, придали новый характеръ монастырямъ, которые стали строить не въ плодоносныхъ долинахъ, а въ дикихъ, почти недоступныхъ, гористыхъ мѣстахъ, дали даже новую архитектуру церквамъ (127—128). Поэтому вопросъ о происхожденіи этого движенія и источникахъ, которыми оно питалось, является очень важнымъ и ограничиться выше цитированной фразой о „синайцахъ" никакъ недостаточно. Къ тому же профессоръ Тихомиръ Джорджевичъ высказалъ по поводу ихъ гипотезу, съ которой необходимо считаться. „Въ сербскихъ земляхъ, говоритъ онъ, весьма часты преданія о томъ, что въ нее пришли синайцы или синаиты, по одному или группой, и здѣсь остались до смерти, проводя богоугодную жизнь. Во многихъ мѣстахъ еще и теперь показываются пещеры, въ которыхъ они проводили постническую жизнь, изъ которыхъ творили чудеса и въ которыхъ умерли. Нѣкоторые сербскіе монастыри, по народному преданію, построены на ихъ гробахъ. Такъ воздвигнутъ монастырь Святой Романъ на Моравѣ на гробѣ св. Ромила Синайца. Такъ князь Лазарь, въ концѣ XIV вѣка, воздвигъ монастырь Горнякъ на Млавѣ на гробѣ св. Григорія Синайца. Такъ въ то же время Милошъ Обиличъ воздвигъ монастырь Туманъ на гробѣ св. Зосимы Синайца. Между селомъ Сене и монастыремъ Раваницей находится небольшая каменная пещера, о которой народъ говоритъ, что въ ней жилъ, постился и молился Богу, а около нея училъ народъ и творилъ чудеса св. Андрей, одинъ изъ семи Синайцевъ, которые пришли въ Сербію".[1]) Косвеннымъ образомъ гипотеза Джорджевича подтверждается и тѣмъ, что говоритъ о роли Синайскихъ монастырей арх. Порфирій Успенскій: „Оттуда исходили и исходятъ старцы въ разныя царства для священнослуженія у православныхъ христіанъ. Такое служеніе ихъ достойно преданія, потому что имъ отчасти доказывается существованіе православія въ югозападныхъ странахъ Европы въ древнія времена, и поясняется сохраненіе его въ Турціи подъ тяжкимъ игомъ магометанъ".[2]) Фактическія данныя, которыя приводитъ арх. Порфирій, относятся къ южной Франціи, южной Италіи, Сициліи въ XI, XIII вв. и къ турецкимъ владѣніямъ въ XVI—XVIII вѣкахъ.[3]) Но дѣятельность синайскихъ старцевъ характеризуется чертами, напоминающими дѣятельность серб-

---

[1]) Op. cit., стр. 5. Привожу мѣсто полностью въ виду крайней трудности достать журналъ, гдѣ была напечатана статья. См. и The journal of theological studies, January and April, 1918, стр. 110.

[2]) „Второе путешествіе арх. Порфирія Успенскаго въ синайскій монастырь въ 1850 году". Спб., 1856 г., стр. 391.

[3]) ib., 392—394, 397.

скихъ „синаитовъ“ въ особенности св. Андрея: „Они вмѣстѣ съ святогробскими и аѳонскими старцами поддерживали . . . православіе, исповѣдуя и причащая христіанъ въ селахъ и деревняхъ, святя имъ воду, читая евангеліе, повѣствуя житія святыхъ и возбуждая ихъ къ терпѣнію въ злостраданіяхъ примѣромъ мучениковъ и угодниковъ Божіихъ, которыхъ мощи носили съ собою всюду. Христіане . . . помогали (имъ) устроять подворья въ селеніяхъ своихъ. Множество этихъ подворьевъ въ разныхъ областяхъ Турціи доказываетъ обширность духовной дѣятельности Синаитовъ“.[1]) Несомнѣнно, что эта широко примѣняемая и старинная практика синайскихъ монаховъ не прерывалась и въ вѣка, для которыхъ арх. Порфирій не приводитъ намъ документальныхъ данныхъ. Конечно, и Сербія не могла выпасть изъ ихъ кругозора, тѣмъ болѣе что на Синаѣ, въ монастырѣ св. Богородицы и въ Раифѣ[2]) издавна и во всякомъ случаѣ до второй половины XV вѣка[3]) существовали монахи сербской національности, которые не могли оставаться равнодушными къ судьбамъ своей родины и могли быть прекрасными посредниками между Сербіей и Синаемъ. И дѣйствительно, какъ показываетъ работа Джорджевича, сношенія между ними никогда не прерывались. Другимъ косвеннымъ подтвержденіемъ мысли Джорджевича можетъ служить аналогичное движеніе въ Ѳессаліи, падающее на тоже время, именно на вторую половину XIV в. Тамъ въ державѣ тоже серба, Симеона, иначе Симши, родича Душанова сына Уроша, греческіе монахи основали около города Стагоя многочисленные скиты. Повидимому, и это, какъ сербскіе синайцы, были бѣглецы отъ турокъ съ Аѳона и изъ Азіи, принесшіе оттуда полузабытое въ остальныхъ балканскихъ земляхъ отшельничество. Это такъ называемые метеорскіе монастыри.[4])

„Повидимому, въ это время произведена“, говоритъ Марковичъ, „и нѣкоторая трансформація сербскаго средневѣковаго православія, которое отъ времени князя Лазаря имѣетъ много менѣе западныхъ элементовъ и много ближе византійскому ортодоксальному православію, чѣмъ при Неманичахъ.“ Причина отчасти въ ослабленіи связей съ Поморьемъ, отчасти въ усиленіи иммиграціи съ востока (128), особенно болгаръ (132—3). Я прибавилъ бы третью и самую важную причину — свойства восточнаго православія. Оно менѣе интересуется землей, а потому эластичнѣе и его учрежденія не такъ зависятъ отъ измѣненій политической обстановки. Они болѣе опираются на личность и ея самопожертвованіе, чѣмъ на общественную организацію, а потому могутъ существовать и тогда, когда никакая общественная или государственная организація невозможна. Когда гибнутъ обширныя латифундіи неманичевскихъ задушбинъ, напоминающія западныя аббатства и оказы-

---

[1]) ib., стр. 394.

[2]) Тихомиръ Джорджевичъ, op. cit., стр. 2; The Journal of theological studies, стр. 101, Іиречек, Историја Срба, III, 87. Источникъ для обоихъ Данило: „Животи краљева и архиепископа српских“ изд. Даничић, стр. 40, 65, 140.

[3]) Иларион Руварац, Годишњица, II, 253.

[4]) Іиречек, Историја Срба, I, 311.

вавшія огромное вліяніе на церковную и народную жизнь въ Сербіи, на ихъ мѣстѣ появляются пересаженные съ православнаго востока бѣдные скиты изможденныхъ отшельниковъ, которые берутъ въ свои руки и реформируютъ по восточному идеалу религіозную жизнь народа. Въ это время и сербская церковная архитектура порываетъ съ романскимъ стилемъ и подвергается византійскому вліянію (128). Любопытно, что въ это время упадка неманичевскаго монашества сербская церковная архитектура, хотя и болѣе скудная средствами, все же, по Валтровичу, Балшу и отчасти Millet, обнаруживаетъ наиболѣе оригинальности и самобытности.[1]) Такъ плодотворно для религіознаго духа славянства соприкосновеніе съ православіємъ Востока.

Это новое процвѣтаніе сербскаго монашества достигло кульминаціонной точки при деспотѣ Стефанѣ Лазаревичѣ, отчасти благодаря политическимъ обстоятельствамъ, задержавшимъ напоръ турокъ (134), отчасти благодаря наплыву болгарскаго монашества (132—134), отчасти вслѣдствіе личности деспота, который былъ меценатомъ церковной науки и литературы. Онъ усердно разыскивалъ книги и монаховъ переводчиковъ и переписчиковъ, затѣвалъ даже новый переводъ Св. Писанія съ греческаго (135—136). Его задушбина Ресава сыграла крупную роль въ духовной жизни православнаго славянства (138—139). Однако Стефанъ прекратилъ старый обычай полнаго освобожденія монастырскихъ селъ и людей отъ всѣхъ государственныхъ повинностей и военной службы (136). При немъ вклады деньгами преобладаютъ надъ дарственными на землю (137). ,,Къ сожалѣнію, нельзя опредѣлить размахъ этой реформы" (136).

Съ концомъ его управленія кончаются хорошіе времена для сербскаго монашества (141). Уже время Юрія Бранковича было крайне тяжело и народу, и монашеству (142). Онъ единственный владѣтель средневѣковой Сербіи, который княжилъ долгое время, умеръ естественной смертью и не основалъ ни одного монастыря. Его вклады монастырямъ состоять исключительно изъ серебра (143). Подобно Стефану и онъ однако интересовался церковной письменностью (144). Любопытня его стремленіе пересадить сербское монашество въ Банатъ. Онъ добивалсо отъ папы Николая V разрѣшенія основать тамъ 9 монастырей (144).

Другой небольшой монашескій центръ образовался послѣ паденія Сербіи Неманичей въ Зетѣ (147), хотя изъ Балшичей лишь послѣдній самъ основалъ монастырь (146—7). Создали его бѣглецы изъ монастырей старой Сербіи отчасти при поддержкѣ женъ послѣднихъ Балшичей (147). Черноевичи построили два монастыря, но и строенія, и вклады показываютъ крайнее матеріальное оскудѣніе зетсихъ владѣтелей (150—151). Но Ивану Черноевичу принадлежитъ заслуга основанія знаменитаго Цетинскаго монастыря, резиденціи черногорскихъ митрополитовъ (150), мѣста возникновенія въ 1493 году первой сербской типографіи (151).

Изъ данныхъ, сообщаемыхъ Марковичемъ о другихъ краяхъ западной Сербіи, видно, что и въ нихъ православное монашество не

[1]) Іиречек. Историји срба, III, 260—261.

имѣло благопріятныхъ условій для существованія и постепенно замирало (151—153).

Новый очагъ сербскаго монашества начиналъ образовываться къ сѣверу отъ Савы и Дуная, подъ защитой Венгріи и Австріи, но о тамошнихъ монастыряхъ за время до 1459 года неизвѣстно ничего достовѣрнаго. Преданія основаніе нѣкоторыхъ относитъ ко временамъ Неманичей, но безъ положительныхъ доказательствъ (154—155). „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Стефанъ и Юрій на своихъ земляхъ въ Венгріи воздвигали церкви и монастыри, . . . но въ источникахъ не приводится изъ этого времени ни одного случая" (155). Все это извлечено изъ трудовъ Радонича и Зеремскаго. Все-же получается впечатлѣніе, что нѣкоторые изъ монастырей XVI вѣка въ этихъ мѣстахъ принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые безпокоили своимъ существованіемъ папъ въ началѣ XIII вѣка.

Авторъ и въ этой части своего труда ничего не говоритъ о русской поддержкѣ какъ угасавшихъ старыхъ сербскихъ монастырей, такъ и ново созидаемыхъ въ мѣстахъ новаго сербскаго разселенія, для изученія которой обильный матеріалъ даютъ работы Стеф. Димитріевича и „Стари српски записи и натписи" Люб. Стояновича.[1]) Впрочемъ, фрушкогорское монашество выходитъ за предѣлы, начертанные для себя Марковичемъ.

Таково идейное содержаніе книги Марковича, но собственной его задачей было, какъ уже сказано, накопленіе изъ разныхъ источниковъ точныхъ данныхъ о внѣшней исторіи отдѣльныхъ монастырей. Конечно, и въ этомъ отношеніи имѣются погрѣшности, но разсмотрѣніе всѣхъ слишкомъ бы расширило размѣры рецензіи. Сдѣлаю лишь нѣсколько замѣчаній общаго характера. Во-первыхъ, авторъ, какъ указалъ уже Петковичъ, „постоянно смѣшиваетъ понятія ‚монастырь' и ‚церковь'.[2]) У Петковича можно найти и рядъ примѣровъ такого смѣшенія.[3]) Во-вторыхъ, онъ со слишкомъ большимъ довѣріемъ относится къ показаніямъ народныхъ преданій и легендъ даже о наиболѣе отдаленныхъ эпохахъ. Конечно, въ высшей степени любопытно, что сербскій фольклоръ такъ тѣсто связанъ съ воспоминаніями о былой народной государственности и съ исторіей сербской церкви. Но для историка это все-же только легенды. Какъ мало можно полагаться на нихъ даже относительно новѣйшихъ временъ, видно изъ одного случая, приводимаго какъ разъ Миличевичемъ, однимъ изъ наиболѣе усердныхъ собирателей такого рода легендъ. Около Сичева поселяне разсказываютъ, что передъ церковью Св. Петки (Трнова, она же Иверица) турки „передъ церковными вратами, какъ разъ на мѣстѣ, которое первымъ освѣщаетъ солнце, когда появляется поутру, закопали живыми

[1]) Ср. также Димитрије Руварац: „Манастир Крушедо с обзиром на права и дужности фрушкогорских манастира у XIX веку", 1918 г., стр. 10; Тихомир Остојић. Књижевност у Срему за последњих деспота Бранковића (1465—1516). См. Зборник филолошких и лингвистичких студија А. Белићу, Београд, 1921 г. стр. 141—147.

[2]) Прилози за књижевност etc., 1921, I, ч. 1, стр. 164, рецензія книги Марковича.

[3]) ib., стр. 164—166.

двѣнадцать молодыхъ невѣстъ со всѣми украшеніями на нихъ. Нѣкоторые поселяне, желая найти эти украшенія, копали и искали на этомъ мѣстѣ, но не нашли украшеній, а нашли только какой-то большой мельничный камень" (Миличевић, Краљевина Србија, стр. 23). Нѣкоторыя преданія носятъ явно патронимистическій характеръ, напримѣръ, о двухъ братьяхъ: Яковѣ и Стеванѣ, изъ которыхъ одинъ основалъ монастырь Яковацъ, а другой Стеванацъ (стр. 127).[1]) Это излишнее довѣріе къ легендамъ особенно неблагопріятно отразилось на пониманіи авторомъ значенія царя Самуила. Въ-третьихъ, недостаточно критически отнесся Марковичъ и къ печскому и троношскому лѣтописцамъ, на основаніи показаній которыхъ онъ рисуетъ картину обширнаго монастырскаго строительства Драгутина и его сыновей, о которомъ ничего не извѣстно изъ другихъ источниковъ. Даже архіеп. Данило, современникъ Драгутина, оставившій намъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія о немъ, подчеркивающій его благочестіе и подвижничество, ничего не говоритъ о постройкѣ имъ монастырей. Между тѣмъ Марковичъ приписываетъ ему и его сыновьямъ рядъ монастырей, первыя указанія о которыхъ появляются лишь въ XVI столѣтіе на основаніи памятниковъ, составленныхъ въ половинѣ XVIII вѣка по позднимъ источникамъ и народнымъ преданіямъ. Значеніе этихъ показаній уменьшается еще тѣмъ, что троношскій лѣтописецъ въ сущности копія печскаго, часто дословная, иногда расширенная. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить страницу 34-ую Гласника Српског Ученог Друштва, № 35, гдѣ изданъ „Општи лист патријаршије пећске" со страницами 57—58-ою Гласника Друштва Српске Слозесности, № 5, гдѣ помѣщенъ „Сербскій Лѣтописецъ . . . іеромонаха Іосифа Троношца", или страницу 33-ью перваго со страницей 56-ой втораго. Заимствованія Троношца буквальны, повторяютъ ошибки и личныя примѣчанія автора печской лѣтописи, напримѣръ, о археологическихъ находкахъ въ 1749 году барона Тарчевича или Старчевича, но разбавляетъ ихъ новыми народными легендами. Во всякомъ случаѣ молчаніе архіеп. Данилы имѣетъ въ данномъ случаѣ большее значеніе, чѣмъ свидѣтельство этихъ лѣтописцевъ. Насколько они неавторитетны именно въ вопросѣ о Драгутинѣ и его времени, видно изъ того, что, по ихъ сообщенію, сыновья Драгутина: Владиславъ и Урошицъ погребены въ Папрачѣ, монастырѣ, который будто-бы началъ строить ихъ отецъ, а они докончили. Между тѣмъ старые родословы, возникшіе въ концѣ XIV вѣка, сообщаютъ, какъ о фактѣ, о которомъ „**всѣмь ѥсть вѣдомо**", что мощи Урошица положены въ монастырѣ св. Ахилія и изливаютъ миро.[2]) Это показаніе, несомнѣнно, заслуживаетъ большаго довѣрія не только потому, что оно принадлежитъ памятникамъ, гораздо болѣе близкимъ ко времени Драгутина, но и потому, что изъ текста явствуетъ, что пребываніе мощей Урошица тогда въ монастырѣ

[1]) Еще рельефнѣе этотъ типъ легенды выступаетъ въ разсказѣ Миличевича о пяти братьяхъ, основателяхъ монастырей: Кнежевина Србија стр. 1104.

[2]) Гласник Српског Ученог Друштва, № 53, стр. 6; Споменик Српске Краљевске Академије, № 3, стр. 95, 98 и др.

Ахилія, было общеизвѣстнымъ фактомъ, а также и потому, что это согласуется съ тѣмъ, что старые источники приписываютъ Драгутину только обновленіе монастырей „Ђурђеви ступови“ и „Ариље“ (св. Ахилія): въ первомъ погребенъ онъ самъ, во второмъ его сыновья.

Монастыри же, которые имъ приписываетъ Марковичъ, вѣроятнѣе всего, возникли во время бѣгства монаховъ съ юга на сѣверъ, когда и большинство остальныхъ монастырей Мачвы, Посавья и Подунавья.

Еще нѣсколько мелочей. Относить монастырь Арилье (св. Ахилія) на Моравицахъ къ эпохѣ Самуила на основаніи одноименности съ монастыремъ св. Ахилла, который воздвигъ Самуилъ на Преспѣ, слишкомъ поспѣшно, какъ указалъ уже Петковичъ.[1]) Интересны замѣчанія автора о роли долины Лима (стр. 45) и Штипа (стр. 111) въ развитіи сербскаго монашества.

Въ общемъ трудъ Марковича коснулся цѣлаго ряда интересныхъ вопросовъ, далъ громадный матеріалъ по внѣшней исторіи сербскихъ монастырей, трудолюбиво извлеченный изъ первоисточниковъ, привелъ въ систему многое изъ сдѣланнаго до него по изученію сербскаго монашества и самими дефектами своими ясно показалъ, въ какомъ направленіи должно работать его продолжателямъ.

Владимиръ Розовъ.

Franz Kidrič. **Bartholomaeus Georgijević.** Biographische u. bibliographische Zusammenfassung. »Museion«. Veröffentlichungen aus der Nationalbibliothek in Wien. Mittheilungen. II. Band. Wien—Prag—Leipzig. Verlag Ed. Strache 1920. str. 38. — Týž autor: Običaji Turaka u XVI veku. Bartolomej Georgijević. Južna Srbija. knj. IV, broj 32. i 33. Skoplje 1923.

Tímto spisem z r. 1920 a dodatky k němu v Južni Srbiji z r. 1923 přistoupil Fr. Kidrič k nové koncepci spletitého problému georgijevićovského. Do jeho vystoupení se zdálo, že ve velice rozvětvené literatuře o »jeruzalemském poutníku« B. Georgijevićovi vyřkl poslední slovo V. Klaić,[2]) jenž ztotožnil B. Georgijeviće s nobilem Bartolomějem Jurjevićem (Gywrgyewych) de Mala Mlaka. Kidrič však, maje k disposici veškeren aparát vídeňské Nationalbibliotéky (dříve dvorské), našel v ní neznámou dosud autobiografii Georgijevićovu z r. 1544 a z ní se přesvědčil o neudržitelnosti Klaićovy formulace. A tak znovu podrobil kritické revisi veškero dřívější badání o Georgijevićovi, aby konečně na podkladě té revise a na nově získaném průkazném materiále přistoupil k svému konstatování díla a osobnosti Georgijevićovy s celým komplexem otázek s tím spojených.

Výsledek toho svého bibliografického a biografického badání o Georgijevićovi podal ve spise právě uvedeném a v dodatcích k němu později připojených. Ač cílem jeho badání jest vyvrátiti dřívější, z literatury do literatury přejímané omyly a chyby, a důkazně prokázati nesprávnost

---

[1]) op. cit., 165.

[2]) V. Klaić, Prilozi za životopis Bartola Georgijevića. Vjesnik hrv. slav. dalm. zem. arkiva XIII, Zagreb 1911, 129—141.

dřívějších formulací, zvláště Klaićovy, přece se při svém konstatování vyhýbá vší polemice, ponechávaje si ji až na konec, t. j. až za snesené důkazy a zjištěná fakta své revise. Je to methoda, jíž Kidrič v řešení takových sporných problémů vůbec užívá a jež jeho spisům dodává věcné objektivity. Tak ve své rozpravě vyřešil celou řadu sporných otázek prostým konstatováním, doloženým vždy přesně citovanou literaturou, a kritickým srovnáním a rozborem původního textu Georgijevićova. Proto po právu je možno považovati jeho studii za kritický bio-bibliografický soubor, za nějž ji sám autor v podtitulu označil.

A tak vycházeje s toho svého stanoviska kritické revise, Kidrič hned za seznamem použité literatury uvádí v chronologickém pořadu přehled georgijevićovské literatury, pokud mu ovšem při vší rozšířenosti byla přístupna a pokud v řešení sporných otázek má zásadní význam. V úvodě (I. kap.) pak sleduje stav badání o G. až do své doby, všímaje si hlavně, co se hledalo, a doprovázeje text patřičnými bibliografickými údaji. Tak doplňuje seznam Georgijevićových tisků ve vídeňské Nationalbibliotéce; proti dříve uváděným 7 kusům zjišťuje v ní 15 samostatných tisků a 14 sborníků s jeho spisy. Mezi prvními uvádí také unikát, o němž se dosud v georgijevićovské literatuře nemluvilo, ač obsahuje, jak Kidrič (v II. kap.) kritickým rozborem a srovnáním dokazuje, Georgijevićovu autobiografii. Pak reviduje soupisy Georgijevićových tisků; za nejsolidnější považuje maďarskou serii Szabóvu, ač ani ta podle něho není docela úplná, jelikož asi 38 čísel v ní chybí. Nato všímá si způsobu psaní jména Georgijevićova v literaturách a konstatuje 25 různých způsobů mezi nimi i Georgiewicki (u Aujezdského 1565), Georgi, Georgiewick, Georgijević (u Mijatoviće 1878), Gjurgjević nebo Jurjević (u Klaiće 1911). Poté sleduje otázku jeho původu, jak se jí totiž jeho životopisci dotýkali. Ježto G. sám se na počátku své literární činnosti nazýval Uhrem, pak teprve Chorvatem a poněvadž přijal do svých spisů ukázky srbskochorvatské ikavštiny a protože dal své dva spisy vytisknouti v Krakově, jež pak také současně byly přeloženy do polštiny, tím otázka jeho původu byla různě vykládána a v literaturách býval proto považován za Uhra, Chorvata, Srba či Slavonce, za srbsko-chorvatského ikavce z krajiny od Řeky, po případě z okolí Zadru, za Dalmatince nebo Bosňáka, za Srba nebo Chorvata, za Srba, za Slavonce, za slavonského dobrodruha, ba i za Poláka. Po tomto krátkém přehledu pak Kidrič podává stručný výtah z Klaićova spisu o Georgijevićově původu, uváděje, že Klaić po zjištění, že Georgijević byl v bitvě u Mohače (1526) zajat, snadno jej mohl ztotožniti se šlechticem Bartolomějem Jurjevićem (Gywrgyewychem) de Mala Mlaka, o němž se mu podařilo zjistit, že r. 1525 byl uváděn se svými bratry jako majitel statků mezi Kupou a Unou. Dále pak konstatuje, že biografové jeho sumárně opakují jen to, co G. sám o sobě praví na titulních listech svých spisů a v dedikaci svého spisu Libellus z r. 1552. Vedle přídomku »de Mlaka« bývá mu v literaturách připisován také praedikát »di Despotino«. Z životopisců pak, kteří si všímali i Georgijevićovy literární fysiognomie, uvádí Mijatoviće, jenž zdůrazňuje jeho široký rozhled po světě slovanském, a Vodnika, jenž mu připsal i značný význam v protestantské propagandě. Na konci svého přehledu dosavadního badání o G.

pak připomíná dvojí publikaci Georgijevićových chorvatských textů, z nichž první byla pořízena jen fragmentárně, druhá pak ze zkráceného, autorem samým neredigovaného vydání. —

Po tomto striktním přehledu všeho, k čemu se v otázce Georgijevićově před Kidričem dospělo, dává autor teprve mluviti původním pramenům (II. kap.), na nichž pak zakládá svou vlastní formulaci spisů a biografie Georgijevićovy. Našed totiž ve vídeňské Nationalbibliotéce unikát Bartoloměje Georgia Pannonského (Bartholomaei Georgii Pannonii De ritibus et differentiis Graecorum et Armeniorum)[1]) zjistil v něm spis Bartoloměje Georgijeviće z r. 1544, jenž obsahuje vlastní jeho autobiografii. Tuto autobiografickou část »Quo modo captivus deductus in Turciam« uveřejňuje Kidrič v doslovném latinském znění, i s původními obrázky, a pod čarou doprovází latinský text poznámkami, vyňatými z děl Georgijevićových, ze kteréhož srovnání jasně vysvítá, že tato Georgiova zpráva jest vlastní autobiografie Georgijevićova, obsahující události jeho života od r. 1526—1538. Ze shod mezi vypravováním Bartoloměje Georgia Pannonia a roztroušenými zprávami v dílech Bartoloměje Georgijeviće nakonec Kidrič konstatuje, že tu jde o jednoho a téhož spisovatele, t. j. Bartoloměje Georgijeviće, který asi šest let po svém odchodu z Jeruzaléma jal se v Nizozemí publikovati své spisy. V transkripci tohoto latinského textu dopustil se autor několika omylů a přehlédnutí, jež uvedl na pravou míru ve svém posudku Franz Babinger,[2]) jenž vysvětlil i některá slova maďarská a turecká, hojně se v textu vyskytující. —

V III. kap. pak shrnuje Kidrič svou revisi tisků Georgijevićovych děl. V ní mu šlo především o zjištění tisků, jež vyšly z Georgijevićovy vlastní úpravy, pak teprve o konstatování do r. 1686 vyšlých tisků jeho děl a konečně o určení místa, kde ty neb ony se dosud chovají. Tituly uvádí zkráceně; z Georgijevićovy ruky vyšlá vydání označuje kursivou (ve víd. Nationalbibliotéce dochovaná opatřuje ještě hvězdičkou) a v hranatých závorkách poznamenává datum a místo věnování, z tisku zřejmé neb revisí zjištěné či domnělé. Ze Szabóva soupisu uvádí jen ty poznámky, jež skýtají naleziště pro nový exemplář, jinak pak zaznamenává všechna díla, jichž v Szabóvě serii není. Tento svůj bibliografický soubor uspořádal Kidrič chronologicky, uváděje původní vydání Georgijevićova v časovém pořadu i s jejich překlady a novými vydáními. Tak uvádí celkem 82 čísla Georgijevićových tisků, vyšlých v letech 1544—1686, z nichž 66 má doloženo dochovanými exempláři, o 13 pak mu svědčí jednotliví Georgijevićovi životopisci, 3 tisky však vymycuje jako neprokázané. Mezi těmito neprokázanými jmenuje také český překlad spisu De afflictione tam captivorum quam etiam sub Turcae tributo viventium christianorum, Antv. 1544, jenž podle Kidričova zjištění (III. kap. č. 10. str. 19.) měl vyjíti mezi 15. březnem 1544 a 16. dubnem 1545.[3]) Z tisků, jež Georgijević sám

[1]) Viz kap. III., str. 19. č. 8. v Kidričově něm. spise.

[2]) Ungarische Jahrbücher, II. Band, str. 75—78, Berlin 1922.

[3]) Ani mně nepodařilo se tento český překlad v pražských knihovnách zjistiti. Jak Kidrič sděluje, zmiňuje se o něm Georgijević sám ve svém spise Prognoma z r. 1545, měl by tedy existovati. V Jungmannovi, Šafaříkovi ani Zíbrtovi není uváděn, patrně nevyšel ani samostatně, nýbrž v nějakém sborníku nebo jako část některého jiného spisu.

upravil (označeny jsou kursivou), uvádí 17 čísel, z nichž 13 jich vyšlo latinským, 4 italským jazykem. Těmito 17 čísly Kidrič soustavně shrnul a obsáhl původní literární dílo Georgijevićovo. Dále K. také zjišťuje, které z pozdějších tisků Georgijevićových spisů byly pořízeny z vydání, Georgijevićem samým upravených. Těch uvádí 20 kusů. Z míst, kde se dosud ty neb ony tisky chovají, nejúplněji jsou zastoupena Vídeň a Mnichov.

Tento svůj bibliografický soupis K. později (Južna Srbija, IV. knj. br. 32, 33, str. 498) částečně doplnil. Přibyly mu 2 nové tisky: 1. Prognoma z r. 1584, jež vydal v Basileji Martinus Crusius ve své »Turcograecia«; 2. francouzský překlad několika Georgijevićových spisů, jejž Jean Aymes de Clavigny připojil k svému spisu »Discours parénétique sur les choses turques« (Lyon 1606). Mimo to doplnil svou serii tisky z pařížské Bibl. Nat. (13 kusů), z Bibl. St. Geneviève (4) a z Bibl. de l'Arsenal (1), jichž v Szabóvě soupise není, ale jež se odnášejí k číslům u Kidriče už zjištěným, pak 2 exempláři ze studijní knihovny v Lublani a 1 tiskem z universitní knihovny ve Skoplji. Tak Kidričův soupis nakonec vzrostl na 104 čísla a rozšířil se i na tisky pařížské, lublaňské a skopljské.

Mezi českými překlady z Georgijeviće uvádí autor kromě vzpomenutého, avšak neprokázaného převodu spisu De afflictione (č. 10.), tyto: pod č. 41. překlad Tadeáše Hájka z Hájku »Výklad proroctví tureckého«, Praha 1560; pod č. 44. a 59. zkrácený překlad téhož spisu Prognoma, připojený k Ostrovicově Historii nebo kronice Turecké, vyšlé v Litomyšli r. 1565 a po druhé r. 1581; pod č. 47. překlad kněze Jana Moravusa, jinak Bessa »O začátku tureckého císařství« (etc.), vyšlý v Praze 1567; pod č. 54. překlad Jana Mirotického »O začátku panování tureckého« (etc.) vyšlý v Olomouci 1576, jenž obsahuje také výtah Hájkova Výkladu na proroctví turecké. K tomu na vysvětlenou je třeba připojiti několik drobných poznámek. Ad č. 41.: Exemplář Hájkova Výkladu (překlad spisu Prognoma) z r. 1560 v pražských knihovnách dochován není; prokázán však je svědectvím kněze Moravusa, jenž ve svém překladě Georgijevićových děl (O začátku etc.) z r. 1567 mluví o něm jako o nedávno vyšlém; dochovány jsou z něho 2 výtahy: jeden v Ostrovicově Historii z r. 1565, druhý v Mirotického spise z r. 1576. — Ad č. 44. a 59.: Ostrovicovy Turecké historie je dochován v bibl. Nár. musea rukopis (adlig. rukopisu Knížky o čtyřech ctnostech stěžejních, sig. IV G 4), v němž Hájkova výtahu z Výkladu není, pak tisk z r. 1565 (Litomyšl u Aujezdského), sig. St. t. 30 C 6, obsahující i Hájkův zkrácený překlad tur. proroctví; tisk z r. 1581 (u Kidriče č. 59., Litomyšl u Graudenze) v praž. knihovnách dochován není. — Ad č. 47.: Moravusův překlad (O začátku tureckého císařství) v Praze r. 1567, pořízen je ze spisu De origine imperii Turcorum, vyšlého ve Wittenberce 1560 a opatřeného předmluvou Melanchtonovou; z Georgijeviće jsou tu jen části, jak je ostatně Szabó a po něm Kidrič (č. 38.) uvádí, totiž: De ritu, De afflictione, Disputatio, Deploratio, Exhortatio; dochovány jsou 2 exempláře: jeden v bibl. Nár. musea (sig. St. t. 30 C 7), druhý v knihovně Strahovské (sig. AP IX 113). — Ad č. 54.: Mirotického překlad (O začátku panování tureckého) v Olomouci r. 1576, opatřený dřevoryty, je z téhož pramene jako překlad Moravusův, s nímž se skoro doslovně shoduje; rozdíl se jeví v tom, že Mirotického obsahuje

i Hájkův výtah; dochován je rovněž ve 2 exemplářích: v Musejní bibl. pod sig. St. t. 30 C 8 a ve Strahovské pod sig. AP IX 95. Vedle těchto zjištěných překladů z Georgijeviće bude asi v české literatuře turecké roztroušeno i více kompilací z Georgijevićových spisů, čerpaných ne-li přímo z něho, tedy aspoň z druhé ruky.

Dodatkem pak ještě připojuji Georgieviciana, dochovaná v pražských knihovnách: Strahovské a Universitní, jimiž doplňuji Kidričův soupis. Nejčetněji jest zastoupena knihovna na Strahově, jež kromě výše uvedených českých překladů chová tyto latinské tisky:

1. Pro fide christiana cum Turca disputationis habitae descriptio, Krakov 1548. Autorem upravené vydání; titulní list chybí. (U Kidriče č. 20.)

2. Prognoma, Krakov 1548. Autorem upravené vydání. Obsahuje: Prognoma, De afflictione, De ritu, Exhortatio. (U Kidriče č. 21.)

Oba tyto tisky jsou svázány v jednom exempláři v původní vazbě (jako exemplář vídeňské Nationalbibliotheky) se štítem Cethwicz-Schilthbachovým.

3. Libellus, Řím 1552 (Idibus Septembris). Autorem upravené vydání. Obsahuje: De ritu, De afflictione, Disputatio, Deploratio, Exhortatio. (U Kidriče č. 28.) — Přivázáno ke spisu De Turcarum moribus epitome, Lyon 1567.

4. De origine imperii Turcorum, Wittenberg 1562. (U K. není.)

5. De Turcarum moribus epitome, Lyon 1567. (U Kidriče č. 48.)

6. De origine imperii Turcorum, Lyon 1598. Apud Ioanem Tornaesium. (U Kidriče není).

Universitní knihovna chová 2 tisky:

1. De origine imperii Turcorum, Wittenberg 1560. (U K. č. 38.)

2. De origine imperii Turcorum, Wittenberg 1562. (U Kidriče není.)

Nakonec podal Kidrič v této kapitole soupis dřevorytů, vyskytujících se v Georgijevićových spisích, jež obsahují mnoho vztahů k jeho osobě, z nichž některé podařilo se mu vysvětliti. —

Ve IV. kap. nastínil pak Georgijevićovu biografii; konstatuje, v jakých poměrech G. žil a psal, jaká úloha mu připadá ve všeobecné kulturní a literární historii a jaký význam má specielně v rámci slovanské filologie, a to bez polemiky a diversí, ježto je uvádí jako celek pro sebe ve zvláštní poslední (VI.) kapitole. Tuto stať autor později ještě jednou přepracoval (Južna Srbija, str. 500—511) a definitivně zformuloval, ač v základě hlavní soud zůstává týž.

O původě a životě Georgijevićově podle Kidriče je možno spíše se dohadovati nežli co bezpečně dokázati. Sám G. se zpravidla podpisoval: Georgieuits, Gyurgieuits, Gyurgiuits, Georgieuicz, Georgiuics, zkráceně Georg, výjimečně Georgius, z čehož K. usuzuje na jeho jihoslovanský původ, ježto ono příjmení je zdomácnělé na celém srbsko-chorvátském území, kdykoli nějaký Georgije-Juraj měl syna. Proto i příjmení Bartolomějovo odvozuje ze spojení s jménem otcovým. Vedle formy Georgijević užíval literát Bartholomaeus i formy Đurđević, ač také sám se podpisoval pouze Bartholomaeus Georgius (De ritibus 1544). Rodné jméno Georgijević by tedy ukazovalo na jeho jihoslovanský původ. Ale G. sám se na počátku své literární činnosti nazýval Uhrem (v titulech knih De ritu 1544 a De

afflictione 1544: Hungarus) nebo Panoncem (v titulu knihy De ritibus 1544: Pannonius), ztotožňoval se s Uhry (v knize Prognoma 1545) a o maďarském jazyce mluvil jako o své mateřštině (v titule knihy De ritibus). Toto jeho zdůrazňování uherského původu není chápati jen v širším territoriálním smyslu, pod nímž by se také dalo rozuměti Chorvátsko, nýbrž direktně v nacionálním smyslu maďarském.

Naproti tomu však K. dále konstatuje, že G. na konci své spisovatelské činnosti (v titulech knih, vydaných r. 1553 a 1555 v Římě) jmenoval se Chorvátem (di Croazia), čímž patrně chtěl naznačiti své rodiště v Chorvátsku. A tu K. dále zjišťuje, že jeho pojem Chorvátska je velice nepřesný a že pod ním možno rozuměti celé chorvátské území mezi mořem, Cetyní a Sávou. Za jistější svědectví pro chorvátskou vlast jeho nebo jeho otce bylo by možno uvésti jeho srbsko-chorvátské teksty, jimiž opatřil r. 1544 svůj spis De afflictione. A tu K., opíraje se o filologický rozbor jejich, podaný Baudouinem[1]) a Jagićem,[2]) podle Georgijevićovy čakavštiny usuzuje na jihovýchodní její pásmo, t. j. na území, sahající k Neretvě a Bosně. Ale ani to mu nemůže skýtati bezpečný důkaz, ježto prý je možno, že se G. svému čakavskému nářečí naučil až v tureckém zajetí nebo že své srbsko-chorvátské teksty zapsal podle vypravování z druhé ruky.

Z těchto zásadních rozporů, jimž K. v dodatečné studii (v Južni Srbiji, str. 501—502) věnoval zvýšenou pozornost, reaguje tak i na tvrzení Babingerovo,[3]) že je G. čistě »uherský problém«, nachází, pokud není mu možno najíti eventuální falsifikát, toto pravděpodobné východisko: že Georgijevićova rodina pocházela z Chorvátska, ale sám Bartoloměj G. že už vyrostl v maďarském prostředí, do něhož se dostal buď v útlém mládí nebo že se do něho už dříve jeho rodiče přistěhovali. Jako otevřenou otázku pak ponechává maďarským dialektologům zjistiti z Georgijevićových maďarských tekstů bližší uherské území.

O Georgijevićově mládí uvádí, že se s přibližnou jistotou dá tvrditi jen tolik, že se narodil v prvním desítiletí (v něm. spise IV, str. 25 udává dobu 1505—1510) XVI. stol., že jeho rodina někdy žila v Chorvátsku, ale on sám že už vyrostl v maďarském prostředí a přes znalost chorvátsko-čakavské mluvy, jíž si přinesl z otcova domu, že se v politickém a jazykově kulturním ohledu považoval za Maďara. S průkaznou jistotou pak K., opíraje se o Georgijevićovu autobiografii z r. 1544, konstatuje, že G. do r. 1526 byl ve službách biskupa Ladislava Szalkaje ze Szilagy Mátészalka, jenž se ho ujal, a že se na jednom ze tří jeho biskupství, někde v maďarském Podunají, stal Maďarem.

K Szalkajovi že se dostal v časném mládí. Tam teprve že se mu asi dostalo primitivního vzdělání. Ač v něm. své studii K. připouštěl, že G. studoval práva (IV. kap., str. 26) a že tedy nabyl vyššího vzdělání, ač nijaké duchovní hodnosti nedosáhl, v pozdější své rozpravě (v Južni Srbiji, str. 504) opustil toto mínění, odvolávaje se, že dosud na žádné universitě středoevropské se nedalo zjistit jeho jméno mezi zapsanými posluchači. Toto své novější stanovisko opřel faktem, že Georgijevićův

---

[1]) Arch. f. slav. Phil. XI, 343—354 (1888).
[2]) Istorija slavj. filologiji, Petrohrad 1910, 14—15.
[3]) Ungar. Jahrbücher, Berlin 1922, II. B. str. 275.

rozhled celkem nesvědčí o tom, že by se byl kdy dostal na universitní studia. Hlavní resultát jeho studií vidí v tom, že se naučil psát a mluvit latinsky a že se seznámil z latinského originálu nebo z nějakého překladu s klasickými spisovateli, z nichž připomíná Ovida, Vergila, Platona a Pythagora. Dále usuzuje, že G. byl někdy kolem r. 1526 Szalkajův osobní sluha nebo komorník. Jistě však že z lásky k němu v srpnu 1526 zúčastnil se s ním bitvy u Mohače, ne sice v bojovné řadě, nýbrž jako nedorostlý jinoch, a že po jeho smrti upadl i s jinými křesťanskými bojovníky do tureckého zajetí.

Už ve svém německém spise (IV. kap., str. 25) K. zjistil, že G. ve svém mládí nebyl ani zemědělec ani pastýř, a připustil, že nejspíše byl šlechtického původu. V přepracovaném životopisu (Južna Srbija, str. 503) však K. rozborem jeho fingovaných erbů a srovnáním jich s chorvátskými a uherskými erby z té doby dospěl závěru, že se nedá dokázati, že by byl chorvátský nebo uherský šlechtic.

Další životopisná data Georgijevićova po bitvě u Mohače K. pečlivě sebral a nastínil takto: Daleko za frontou, někde v Srbsku, byl G. po bitvě mohačské vydán tureckým obchodníkům otroky, načež byl sedmkrát prodán: v říjnu 1526 v Galipoli za prodavače vody; od listopadu t. r. do poloviny 1527 v severní Malé Asii za pastýře, na podzim 1527 nebo v prvním čtvrtletí 1528 v Malé Asii za zemědělského nádeníka; v prvním čtvrtletí 1532 za podkoního nějakému významnému Turčínu v Malé Asii, jejž asi od konce r. 1532 do polovice 1534 při příležitosti vybírání berně doprovázel po celém tureckém carstvu, nato r. 1534 byl prodán za vojáka ve válce s perským šachem Tachmasebou z dynastie Safvevi. G. se zatím pokusil několikrát o útěk: v polovici r. 1527, na podzim 1527, v prvním čtvrtletí 1532 a na podzim 1535, kdy se mu konečně podařilo utéci z tureckého vojska v Mesopotamii. Po různých nehodách dostal se do Damašku (De ritu 1544), kde asi do r. 1536 byl soukromým učitelem řeckých dětí, a pak do Jerusalema, kde byl asi r. 1537 (Specchio 1554), pak setrval ve františkánském klášteře na hoře Sion jako noční hlídač jeden rok, tedy někdy do r. 1538. Z toho, že nebyl ze zajetí nikým vykoupen, ale že se musil sám útěkem z tureckého zajetí spasiti, K. usuzuje také na jeho prostý, nešlechtický původ. Tedy i možnost příbuzenství s Jurjevići de Mala Mlaka, již v prvním svém spise připouštěl (IV. 25), v definitivním svém zpracování opustil.

Této době Georgijevićova otroctví připisuje autor veliký význam, neboť bohatými zkušenostmi se jeho duševní rozhled značně rozšířil: zkusil totiž na vlastní kůži krutý osud zajatců v Turecku a zvláště jako průvodce posledního svého pána, s nímž procestoval celou tureckou říši, měl nejlepší příležitost poznati obyčeje a poměry Turků, jejichž evropští poddaní a většina důstojníků byli jihoslovanského původu, mohl se tu tedy doučiti i srbsko-chorvátskému jazyku, jehož znalost možná že si už přinesl s sebou do zajetí, a tu teprve že se asi seznámil s hlaholicí a cyrilicí, jichž předtím patrně neznal; kromě toho se tu naučil i cizím jazykům: tureckému, arabskému, řeckému a částečně i hebrejskému (židovskému).

Dostav se šťastně na svobodu, jal se vyplňovati svůj slib, jejž učinil před svým útěkem: že se v případě šťastného útěku dříve nevrátí do své

domoviny (Panonie, Uherska), dokud nenavštíví tři posvátná místa: Jerusalem s božím hrobem, Santiago ve Španělích a Řím. K této hlavní idei přidružila se v letech 1538—1544 ještě druhá: že proputuje Evropu a slovem i písmem bude burcovati široké vrstvy proti Turkům.

Trávě od r. 1537—1538 na Sionu, navštívil také boží hrob a tak vyplnil první část svého slibu; nato r. 1538 odplul do Španěl, aby splnil druhou jeho část a navštívil Santiago de Compostella. O dalších pěti letech neshledal autor authentických zpráv, ale zjišťuje, že třetí část svého slibu, t. j. návštěvu Říma, v té době nevykonal, nýbrž že začátkem r. 1544 odebral se do Nizozemí, kde pobýval (asi v první polovici 1544) v Antverpách a v Luváni. Odtud přišel v polovici téhož roku do Wittenberku, kde si dal od Luthra a Melanchthona vystaviti doporučení (Klaić 138), pak se opět vrátil do Nizozemí a přebýval v Antverpách do 16./IV. 1545. V této době jal se G. literárně zpracovávati své zkušenosti jazykem latinským, a to v prvé řadě za tím účelem, aby si věnováními získal přijetí u vlivných tehdejších osob a tak si aspoň poněkud zabezpečil život potulného literáta. V polovici dubna 1545 opustil Luváň a odešel asi přes Kolín a Mainz do Wormsu, kde uspořádal nové vydání svých spisů De afflictione (III. č. 15). Tou dobou už jeho spisy byly hojně tištěny a překládány (také český překlad se uvádí, č. 10). Kde se zdržoval v letech 1546—47 nedalo se K. zjistit. R. 1547 objevil se ve Vídni a současně zatoužil »spatřiti Panonii« (Pro fide), t. j. svou domovinu v maďarském Podunají, která už tehdy byla pod tureckým pašalikem. Cestoval tedy severními Uhrami do Zátisí a dne 29. května 1547 byl ve Velikém Varadině, kde měl učenou hádku o víře křesť. s tureckým dervišem. Odtud se vydal do Polsky a na Nový rok 1548 byl v Krakově, kde vytiskl své líčení hádky s dervišem (Pro fide; III. č. 20) a uspořádal nové vydání svých spisů (Prognoma; III. č. 21), kteréž oba spisy současně vyšly i v polském překladě (III. 22, 23). Odtud nejspíš odešel do Švédska, snad až do Upsaly, a seznámil se tam s upsalským biskupem Olafem Magnem. Vkrátku se však vrátil zpět do Vídně, kde už v dubnu 1548 upravil nové vydání svých spisů (Haec nova. III. č. 25); ještě 8. V. 1551 byl ve Vídni, neboť toho dne daroval králi Maximiliánovi svou knihu Haec nova z r. 1548. Teprve nyní nadešel čas návštěvy Říma; někdy v září r. 1552 byl už v Římě a splnil tak třetí část svého slibu. Od té doby žil většinou v Římě, ač nějaký čas také ztrávil v Neapoli (1555); v Římě uspořádal už r. 1552 nové vydání svých nejdůležitějších spisů, opatřiv je novými, tentokráte arabskými ukázkami řeči (Libellus, III. č. 28). Mimo to tu také vydal italsky 1554 svého Poutníka Palestinou (Specchio, III. č. 32), jehož druhé vydání upravil r. 1566 (č. 46). Bližšího o jeho životě v Římě, zvláště o jeho styku s Vatikánem a ústavem sv. Jeronýma, se autoru nepodařilo zjistiti. Proto se jen dohaduje, že asi tam také G. r. 1566 zemřel.

Tato životopisná data čerpal K. jednak z vlastní Georgijevićovy autobiografie (II. kap.), obsahující léta 1526—1538, jednak z dat věnování a z roztroušených poznámek jeho spisů, jím samým do tisku upravených, doprovázeje je přesně citovanou literaturou a odkazy pod čárou, takže jeho zpracování životopisu Georgijevićova je po právu považovati za autentické.

Po podrobném přehledu význačných osob, jimž G. věnoval své spisy neb s nimiž přišel ve styk (v něm. spise IV. str. 27, 28; v Južni Srbiji str. 506), věnoval pak autor hlavní pozornost jeho literární činnosti a fysiognomii, jakož i jeho významu v rámci všeobecné, zvláště pak jihoslovanské kulturní historie.

G. chtěl svými spisy působiti ve smyslu své politické ideje nejprve indirektně, t. j. vyličuje poměry tak, aby samy sebou už vyvolávaly křesťanský odpor proti Turkům a sílily myšlenku odvety. Tento ráz vyznačuje tyto jeho první spisy: De ritu, Antverpy 1544 (kap. III. č. 1), v němž popisuje církevní, vojenské a zemědělské poměry turecké říše. — De afflictione, Antv. 1544 (III. č. 4), v němž líčí povšechně poměry křesťanských zajatců mezi Turky. — De ritibus, Antv. 1544 (III. č. 8), jenž je vlastně jeho autobiografie z let 1526—1538. To, co se tu vypravuje o náboženských obřadech Řeků a Arménů, jest jen jakýsi dodatek.

Potom vydal tři spisy, v nichž už přímo agituje proti Turkům: Exhortatio, Antv. 1545 (III. č. 9), jež obsahuje protiturecké kázání. — Prognoma, Antv. 1545 (III. č. 11), v nichž podal výklad proroctví tureckého (o pádu víry turecké a pokřestění Turků) s tendencí zdůrazniti svou protitureckou ideu. — Pro fide, Krakov 1548 (III. č. 20), v němž líčí, jak zvítězil v disputaci o víře nad tureckým dervišem.

V těchto spisech, obsahujících celkem asi 200 stran 12⁰, vyčerpal G. vše, co dovedl říci o Turcích a tureckém problému. Nato přistoupil k novým jejich vydáním, jež podle Kidriče jsou vlastně nové redakce, neboť v nich leccos vypustil a zase všelicos přidal, zvláště jsou v nich nové pokyny a rady. Tu jest uvésti tisky: Epistola exhortatoria Antv. 1545 (III. č. 12); De afflictione (a De ritu), Worms 1545 (III. č. 15); Prognoma (obsahující i Exhortatio), Vídeň 1547 (III. č. 19); Prognoma (vedle toho také De affl., De ritu, Exhortatio) Krakov 1548 (III. č. 21); Haec nova, fert Africa (Disput., Prognoma, Exhort.) Vídeň 1548 (III. č. 25); Libellus (De ritu, De affl. Progn. Disp. Exhort.) Řím 1552 (III. č. 28); De ritu (De affl. Disput.) Neapol 1555 (název není přesně znám, neboť exemplář tohoto tisku nebylo možno dosud zjistiti). Kromě toho tato nová vydání přinesla také dvě větší, docela nová pojednání: Increpatio modesta propter neglegentiam ecclesiae (v tisku Haec nova z r. 1548), kázání, jež šlehá nedbalost katolické církve; pak nové protiturecké kázání Deploratio cladis christianorum ad potentissimos Monarchas (v tisku Libellus z r. 1552).

S těmito spisy o tureckém problému stojí v úzké spojitosti i dvě vydání jeho Poutníka Palestinou Specchio, Řím 1553 (III. č. 32) a z r. 1566 (III. č. 46).

Své spisy vydal většinou latinsky, z živých jazyků použil pouze italštiny, do níž (vedle spisu Specchio) sám přeložil svá agitační protiturecká kázání: Profetia (Progn. Deplor. Exhort.) Řím 1553 (III. č. 29); pak Opera nova (překlad toho, co obsahuje Libellus), Řím 1555 (III. č. 33).

Zvláštností jejich jsou cizojazyčné teksty v latinské transkripci: turecký (De ritu, Prognoma, Disputatio), arabský (Libellus, Specchio), chaldejský (Specchio), hebrejský (Specchio), maďarský (De ritibus et differentiis).

K nim se přidružuje i srbsko-chorvatský text, jenž obsahuje krátký slovník, krátkou sbírku rozhovoru, hlavní čísla, modlitby (Otčenáš, Zdrávas, Věřím v Boha) a krátký exkurs o tureckém a srbsko-chorvatském jazyce. (Ve spise De afflictione.)

Spisy jeho zůstaly ještě dlouho po jeho smrti aktuální, neboť informovaly bezpečně o tureckých poměrech. Mimo to vyznačují se prostou plastičností, jasností a dobovou i místní barvitostí.[1] Tomu svědčí nesčetná jejich vydání a překlady, pořízené skoro do všech živých jazyků. Také české překlady jsou jasným svědectvím jejich aktuálnosti a dochované tisky ve větších českých knihovnách rovněž dokazují jejich rozšířenost v českých vzdělaneckých kruzích. Tak připadá Georgijevićovi i v rámci česko-jihoslovanských literárních styků důležitá kapitola, jež dosud nebyla podrobně zpracována.

Nato obrátil K. svou pozornost k jeho literární fysiognomii a jeho významu v kulturních a literárních dějinách. G. se mu jeví spíše jako typ než jako silná individualita. Prostou shodou okolností dostalo se mu odlišnosti a možnosti spatřiti veliký kus tehdy známého světa; že se své zkušenosti jal literárně zpracovávati, není přičítati jeho tvůrčímu pudu, nýbrž hlavně okolnosti, že si chtěl svými spisy své hmotné postavení zlepšiti. Jest pravověrný křesťan, který pro svou víru dovede trpěti, nevyznačuje se však intelektuelní hloubkou ani mystickým vzrušením. Se svou pověrčivou dobou sdílí také on víru v různá proroctví. Že byl asi vyložený katolík, pro to K. nalézá (Južna Srbija, str. 503) svědectví v jeho spisích De afflictione z r. 1544, kde mluví o římském papeži jako o »otci vlasti«, a ve spise Libellus z r. 1552, kde je mu římský papež »pastýř pravověrné církve«. Ale to ještě nevyvrací možnost, že jeho rodiče nebo předkové nebyli pravoslavní.

Ze tří velikých problémů, jež zajímaly jeho současníky, jest jasnými konturami vyřešen pouze turecký problém. Jeho konečný cíl, jejž sleduje ve svých spisích, je vyhnání Turků tam, odkud přišli, a dělba jejich státu mezi křesťanské evropské panovníky. Jeho politická orientace basiruje docela na universálnosti římského císařství: vůdcem protiturecké akce může býti jen Karel V. Pak K. načrtává, jak si G. představoval rozdělení říše turecké (něm. spisu str. 29, v Južni Srbiji str. 508—509) mezi křesťanské mocnáře.

Co se týče jeho poměru k humanismu a k německé reformaci, K. zjišťuje, že se ho celkem málo dotkly. Třebas psal dosti dobře latinsky, přece nikdy nebyl přítelem pohansko-revolučních idejí humanismu a prohlásil klasickou literaturu za »bajku a prázdné písaření heretiků a básníků« (Disputatio). Rovněž tak odmítavě odsoudil i řecké a římské náboženství (Pro fide). A z novolatinských humanistických spisovatelů znal jen poněkud Erasma Rotterdamského. — V německé reformaci viděl především oslabování protiturecké akce, proto ji zamítal. Třebas prostoduše vyčetl římské církvi různé nedostatky (Exhortatio, Prognoma, Disputatio, Increpatio, Specchio), přece vždy pevně setrval na katolické půdě a rozhodně od-

[1]) Slohovou stránku jeho spisů rozebral Č. Mijatović. Rad 44 (1878), str. 112 a násl.

udil »Luthra, Cvingliho, anabaptisty a všechny heretiky« (ve spise
becchio). Známost s Luthrem a Melanchthonem vysvětluje K. jako věc
lkem praktického rázu.

Také o jeho slovanském vědomí K. nemá velikého mínění. Ačkoli
ve svých spisech uvedl skoro všechny slovanské skupiny, vyjímaje
ovince a Lužické Srby, přece nelze Kidričovi z toho usuzovati na jeho
ovanskou solidaritu. Ba právě naopak on se v nacionálním smysle
otožňoval s Maďary a svou vlast spatřoval v Uhrách. Své srbsko-
iorvátské teksty uvedl jen proto, aby ukázal, jak se slovanská řeč, roz-
řená mezi Turky, liší od řeči perské, které Turci užívali.

Jeho kulturní a literární význam ocenil takto: G. byl mezi prvními
hoslovany (před ním Srbin Konstantin z Ostrovice), kteří západní Evropu
ravovali o tureckém problému; on však byl první, který uveřejnil malý
iorvátsko-latinský slovník a dialogy; první, který upozornil současné
běratele (Bibliander, Gessner) modlitebních formulí na srbsko-chorvátské
rmule. On také bez pochyby měl vliv na formulaci správných pojmů
příbuznosti Slovanů, pravděpodobno je také, že zdůrazněním vážnosti
ovanského jazyka v Turecku přispěl k vytvoření slovanského národního
vědomení. Přímý jeho vliv je možno sledovati u jihoslovanských pro-
stantů, kteří asi znali a do určité míry i napodobovali jeho latinsko-
iorvátskou orthografii; a víc než pravděpodobno také asi jest, že se oni
rávě z něho poučili o rozšířenosti a vážnosti srbsko-chorvátského jazyka
Turků, ba i dokonce na sultánově dvoře, a že na tom podkladě založili
ůj program protestantské propagandy mezi Turky hlaholským a cyril-
kým tiskem.

Těmto otázkám, zvláště pak filologickému přehledu řeči a pravopisu
bsko-chorvátských tekstů v různých variantech věnoval autor ve svém
ěm. pojednání (str. 31—33) nevšední píli, aby tím objasnil a zdůraznil
eorgijevićův význam, jenž mu připadá v jihoslovanské kulturně-jazykové
blasti. —

Ježto tyto srbsko-chorvátské teksty dosud nebyly vyloženy a vydány
původního, Georgijevićem samým redigovaného vydání (viz německého
pisu kap. I. str. 11), Kidrič je uveřejnil znova (kap. V.), vzav za základ
ůvodní jejich tekst ve spise De afflictione z r. 1544 a doprovodiv jej
arianty z pozdějších, autorem samým upravených vydání. Nakonec pak
ojednal o nejstarších jejich tlumočnících, mezi nimi také o českém pře-
ladateli Moravusovi, o němž podotýká, že si sice netroufal opraviti chyby
horvátského tekstu ve své latinské předloze, že se však pokusil použíti
eského pravopisu a že i poněkud počeštil chorvátskou výslovnost. —

Svou studii K. zakončil kapitolou polemickou (VI.), z níž je nejlépe
viděti, kolik sporných otázek zůstávalo nevyřešených do jeho vystoupení
kolik chybných zpráv bylo roztroušeno v literaturách o Georgijevićovi
jeho díle. Na tomto místě teprve vyvrací, co se nedá po jeho zjištění
dřívějších kapitolách nadále podržeti. V první řadě mu jde o vyvrácen
Klaiće, jenž ztotožnil Bartoloměje Georgijeviće se šlechticem Bartolomějem
Gjurgjevićem de Mala Mlaka. Proti němu uvádí, že Georgijević byl v době
bitvy u Mohače (29. srpna 1526) jinoch sotva 20 let starý, jak vysvítá
z jeho autobiografie (II. kap.), a že tedy nemohl už sedm let dříve (1519)

býti zletilým a jako třináctiletý zastupovati dva šlechtice před soudem. Proti němu také že se staví samo Georgijevićovo uherské stanovisko a jeho ztotožňování se s maďarským národem.

Tu také uvádí na pravou míru přeceňování Georgijevićova významu v humanismu a v německé reformaci, jejž mu připsal Vodnik (Povijest hrv. knj. I., Zagreb 1913, str. 191). Rovněž tak nesdílí mínění o jeho širokém rozhledu po světě slovanském, jak jej při něm konstatoval Mijatović (Rad 44, Zagreb 1878, str. 121). Mimo to poukazuje na nemožnost, aby byl G. pojímán do polské národní bibliografie (Estreicher, Bibliographia polska, Kraków 1899, XVII, XIX, XXIV), ježto nebyl Polák, ani za Poláka se nepovažoval a ani polsky nepsal.

Dále vymycuje publikace (22 počtem), jež bývají v literaturách neprávem pod jménem Georgijevićovým uváděny a jež většinou ani neexistovaly. Tento přehled doprovází svědomitou revokací na encyklopaedie a literatury, v nichž tyto omyly až podnes se udržují. Mezi těmi uvádí 3 traktáty o mravech Turků 1480, 1500, 1505; spis o Alkoranu z r. 1543; Specchio z r. 1544; Prognoma, Anvers 1546; Disputatio, Wien 1547 (tento omyl přejal i Riegrův Slovník III, 352 a po něm i Mijatović, Rad 44, 110, 111); Prognoma, Köln 1550; Prognoma, Basel 1551; De afflictione, Basel 1551; Opera nova, Romae Blado 1553; De origine, Rom 1555; Specchio, Rom 1556; Opera nova 1558; De Turcarum moribus, Leyden 1560; Erzählung der türk. Kaiser Namen durch Jakob Eisenbergk, Wittenberg 1560; Epitome, Helmstedt 1571; O začátku, Kroměříž 1572 (tu nesprávnost uvedl do literatury Č. Mijatović, Rad 44, str. 110, jenž z předmluvy Mirotického, psané v Kroměříži 1572, se dal svésti k mínění, že jeho překlad vyšel po prvé v Kroměříži 1572 a po druhé v Olomouci 1576); Türkenbüchlein 1583; latinský originál spisu Türkenbüchlein, Wittenberg 1592; Epitome, Rom 1629; Libellus, Rom 1652.

Nato podává přehled vydání, jež bývají uváděna pod pochybeným titulem nebo s nesprávnými bibliografickými údaji. Mezi jinými tu opravuje také Šafaříka (Gesch. d. sl. Lit. III. 1865, 283), jenž mezi 11 Georgijevićovými spisy uvedl také tisk z r. 1553, a to pod nesprávným názvem De orig. imper. Turcorum etc. (Lugduni Bat. 1553) namísto správného názvu De Turcarum moribus epitome (u Kidriče III. č. 30.). — Dále vyvrací omyl i Jos. Jungmanna (Hist. lit. čes. 1849, str. 147, č. 305), jenž připsal překlad O začátku tur. císařství z r. 1567 (u Kidriče je chybně vytištěn r. 1576!) Sixtu z Ottersdorfa místo knězi Moravusovi, jak je z dochovaných tisků celkem prokázáno.

V duchu Kidričovy methody je do této polemické stati také pojmouti i ony resultáty, k nimž dospěl v dodatečné své studii v Južni Srbiji, v níž na několika místech reagoval i na výtky a námitky Babingerova posudku v Ungar. Jahrbücher. Proti jeho tvrzení, že G. je čistě »uherský problém« (str. 75), prokazuje, že je G. stejně tak chorvátský problém, ježto svým původem je Chorvát, který se v maďarském prostředí teprve pomaďařil (Južna Srbija, str. 502). Proti jeho obhajobě Klaićovy formulace a jeho ztotožňování Georgijeviće se šlechtici Jurjevići (str. 75), jakož i proti jeho hypothese o erbu rodiny Georgijevićovy (str. 77) K. pochybuje, že by G. byl buď uherský nebo chorvátský šlechtic (tedy také ne příbuzný s Jur-

vići), ježto neshledal mezi uherskými ani chorvátskými erby z té doby ijakého, jenž by odpovídal jeho fingovanému erbu ze spisu Specchio r. 1554 (Juž. Srb., str. 502—3). Rovněž tak vyvrací jeho výklad eorgijevićova podpisu »Despotino« (str. 76), jejž nelze považovati za značení jeho původu či kraje, nýbrž že jest jej vykládati spíše ve spojení, ť skutečném či domnělém, s despotstvím, jež v době od r. 1402—1459 xistovalo v Starém Srbsku, v době od r. 1471—1537 (tedy v době eorgijevićova mládí) i v Uhersku (Juž. Srb., str. 503).

Tímto bio-bibliografickým konstatováním života a díla Bartoloměje eorgijeviće Kidrič přispěl nejen ke kritickému přehledu a očištění bohaté spletité dosavadní literatury o něm, nýbrž přistoupil i k nové formulaci elého problému georgijevićovského, opřené o revisi dosavadního badání o authentické zprávy z Georgijeviće samého. V přesné dokumentaci a ěcné objektivitě, ponechávající raději několik otázek otevřených, spočívá rávě trvalá cena jeho studie. *Václav Burian.*

Historja Literatury Polskej. (Przekląd wydawnictw i opracowań naukowych, 1918—1921). Część piąta.

XXIII.

Jak w epoce romantyzmu główną uwagę historyków literatury skupia oezja »trzech wielkich poetów« (w ostatnich dopiero czasach także — 'redry), tak w epoce poromantycznej nie tylko główną, ale niemal wyączną uwagę krytyki ściąga na siebie poezja Stanisława Wyspiańskiego, o się fatalnie odbija na badaniu naukowem całokształtu poezji po roku 863: dosyć powiedzieć, że wybitni poeci, jak Sowiński, Asnyk, Faleński, onopnicka, Gomulicki, do dziś dnia nie doczekali się gruntownych opraowań. Podobnież — najznakomitszy komedjopisarz tej epoki, Bliziński.

Lody tej obojętności zaczęła przełamywać dopiero *Bibljoteka Narodowa:* tom 38 (wydany w r. 1921) zawiera w sobie »komedję konursową« Blizińskiego *Pan Damazy;* opracował ją i poprzedził obszerym wstępem Zygmunt Tempka-Nowakowski. Ten wstęp to — od zasu zarysu Adama Dobrowolskiego (1894) i rozprawy Chmielowskiego 1898) — pierwsza poważna praca o Blizinskim; dał tutaj autor krótką, le trafną i wyrazistą charakterystykę człowieka zarówno, jak komedjoisarza, oraz bardzo dobry rozbiór *Pana Damazego*, uzupełniony w przyiskach do tekstu komedji. Do tych przypisków należałoby dodać ten eszcze, że scena jedenenasta aktu pierwszego jest pod względem techniczym chybiona: bo przecie Helena już w drodze do pani Żegociny musiała ozmawiać z ojcem o tem wszystkiem, o czem Bliziński każe jej z nim ozmawiać dopiero na scenie! »Lokalna pamięć« to nie tylko »pamięć do iejsc«, jak objaśnia wydawca (na str. 71), ale wogóle pamięć doskonała; pozytywista« to nie koniecznie »zwolennik filozoficznego kierunku, którego wórcą był August Comte,« ale wogóle — nieromantyk: przecie Genio, nożną być pewnym, tej filozofji nie znał, co najwyżej słyszał o niej iąte przez dziesiąte.

W literaturze krytycznej o Wyspiańskim w omawianym okresie zasu zasługują przedewszystkiem na uwagę cztery studja Matuszew-

skiego, zebrane w jego wyżej wymienionej książce. Jedno, najdłuższe ze wszystkich (*Weyssenhoff i „laury“ Wyspiańskiego*), ma charakter czysto polemiczny; jest mianowicie skierowane przeciwko głośnym w swoim czasie feljetonom Weyssenhoffa o Wyspiańskim, które się ukazały w *Tygodniku Illustrowanym* (r. 1909), a w których autor odsądził Wyspiańskiego od godności wielkiego poety, przedewszystkiem zaś od godności artysty. (Mówiąc nawiasem, był tu Weyssenhoff w towarzystwie Sienkiewicza, który nigdy nie chciał, a raczej nie mógł, dopatrzeć się w Wyspiańskim wielkiego poety, chociaż ten swój sąd wygłaszał jedynie w poufnych rozmowach z dobrymi znajomymi. Otóż Matuszewski, chociaż rozumiał dobrze ten niewątpliwy fakt psychologiczny, że, jak sam mówi, »nie każdy jest obdarzony jednakowym typem wrażliwości estetycznej, zarówno pod względem jakościowym, jak i ilościowym,« — czuł się sądem Weyssenhoffa tak — nie tyle oburzonym, ile — poirytowanym, że zbiciu jego wywodów poświęcił tyle miejsca, energji i erudycji, iż mimowoli przypomina się przysłowie: »Nie warta gra świeczki.« Nie idzie zatem, żeby autor nie miał słuszności: obrona Wyspiańskiego jest słuszna od początku do końca, ale ma charakter raczej negatywny, aniżeli pozytywny, sądu swego bowiem, że Wyspiański to »poeta dużej miary«, autor, niemal całkowicie pochłonięty zbijaniem sądów Weyssenhoffa, nie uzasadnił. Wogóle, rzecz dziwna, strona estetyczna poezji Wyspiańskiego pociągała Matuszewskiego mało, albo raczej nie pociągała go wcale: obchodziła go nadewszystko jego filozofja, jego pogląd na świat: studjum *Metafizyka Wyspiańskiego* należy do najlepszych studjów Matuszewskiego i posiada z pewnością dużo więcej wartości, aniżeli jego rozbiory estetyczne; bardzo jasno i przejrzyście wykazuje tutaj autor, że pomimo pozornej gmatwaniny i przeładowania wizjami twórczość Wyspiańskiego posiada bardzo wyraźne linje wytyczne (problem grzechu i czynu, zagadnienie nieśmiertelności i metempsychozy). Oprócz filozofji obchodził Matuszewskiego w Wyspiańskim typ umysłowy i moralny człowieka, jak to widać z niemniej cennego studjum *Wyspiański i Hamlet*; racja bytu tej paraleli polega na tem, że jak słusznie mówi autor, »Wyspiański całe życie rozmyślał o czynie i pchał do niego naród i, jak Hamlet, policzkował i siebie, i naród za nieudolność do czynu«. Krótki szkic o *Skałce*, pomimo że autor w zakończeniu nazywa ją utworem pięknym, także nie jest rozbiorem estetycznym, wyjaśnia tylko ideję tego utworu.

Studjum Wacława Borowego (*Łazienki a „Noc Listopadowa“ Wyspiańskiego, uwagi historyczno-literackie,* Warszawa, 1918, Towarzystwo Miłośników Historji, z zapomogi Kasy Mianowskiego) należy do najlepszych w całej literaturze krytycznej o Wyspiańskim, i to nie tylko przez drobiazgową, mikroskopijną ścisłość analizy pomysłów poety, związanych z parkiem, teatrem, pałacem i posągami w Łazienkach, ale także przez ujęcie całej wogóle twórczości Wyspiańskiego z właściwego punktu widzenia. Głębokość i sumienność analizy pozwoliła autorowi sprostować cały szereg błędów i nieporozumień, jakiemi grzeszyły dotychczasowe oceny i komentarze *Nocy Listopadowej*; na szczególną uwagę zasługuje wyjaśnienie roli Marsa-Aresa i Joanny, oraz doskonała charakterystyka tragiczności utworu. Co do ogólnego charakteru twórczości Wy-

spiańskiego, autor bardzo słusznie nazywa go »wielkim poetą, który jednocześnie nie był wielkim pisarzem« (str. 8). (Mimowoli przypomina się *bon mot* Sienkiewicza: »Wyspiański był to genjusz bez talentu«.) Nie był zaś Wyspiański wielkim pisarzem, ponieważ »na ogół — na wypowiedzenie jego bogatych, skomplikowanych, a wybitnie indywidualnych uczuć i wyobrażeń — jego środki literackie wystarczyć mu nie mogły« (str. 9), a stąd szukał środków innych, poza słowem, malarskich, plastycznych, a zwłaszcza muzycznych; stworzył sobie »system środków artystycznych, stojących jakby na pograniczu różnych sztuk: posiadają one plastyczną wyrazistość obrazów i posągów, wiele treści znaczeniowej, właściwej tworom literackim, a ponadto rozlewność nastrojową, w ogólnym tylko charakterze dającą się określić, co najbardziej przypomina muzykę« (str. 11). Czy taka »muzyka literacka«, jak trafnie nazywa autor sztukę Wyspiańskiego (str. 8), czy taka poezja, w której »treści znaczeniowej« jest tylko »wiele«, w której ta treść nie jest wszystkiem, — wywalczy sobie kiedyś uznanie powszechne? Czas to pokaże, i autor ma zupełną słuszność, że się w żadne przewidywania ani proroctwa nie wdaje: stwierdza tylko dwa fakty, że taka poezja, jak *Noc Listopadowa*, »razi . . . wielu ludzi, nawykłych do sztuki realistycznej i ceniących nadewszystko jej wartości intelektualne«, ale że »wielu . . . innych wzrusza — i to nader intensywnie: — jak muzyka« (str. 57). W stwierdzeniu wszakże tego drugiego faktu jedna myśl autora jest może nie zupełnie jasna: czy autor chciał powiedzieć, że taka poezja wzrusza wielu podobnie jak muzyka (t. j. że w wielu budzi nastroje, spokrewnione z temi, które budzi muzyka), czy też, że wzrusza ona wielu równie intensywnie, jak muzyka? Na pierwszą ewentualność — zgoda; na drugą przystaćby w żaden sposób niepodobna: »muzyka literacka« w niczyjej chyba duszy nie obudzi nastrojów równie intensywnych, jak muzyka właściwa, i we współzawodnictwie z muzyką właściwą jest z góry skazana na klęskę, podobnie jak np. »muzyka programowa« jest z góry skazana na klęskę we współzawodnictwie ze sztuką słowa.

Tadeusz Sinko w rozprawie *Wyspiański i Krasiński, rozwiązanie zagadek „Wyzwolenia" i „Legjonu"* (Kraków 1920. Spółka wydawnicza) wyjaśnia niektóre niezrozumiałe dotychczas miejsca tych dwóch utworów, oraz wykazuje wpływ pism Krasińskiego na postać i rolę Mickiewicza w *Legjonie*. Okazuje się, że lektura Krasińskiego wywarła na twórczość Wyspiańskiego wpływ bardzo silny, skoro (jak to wykazał Sinko) to, co poeta uważał za szkodliwe w programie Mickiewicza z *Legjonu*, wywiódł z wpływu Krasińskiego na Mickiewicza i skoro Konradowi z *Wyzwolenia* kazał zwalczać Genjusza, który ma tylko rysy Mickiewicza, ale duszę — Krasińskiego. Okazuje się dalej, że pomysł »Polski współczesnej« w *Wyzwoleniu* ma swoje źródło w *Nieboskiej Komedji*, że taż *Komedja* jest źrodłem *Sądu ostatecznego*, że wreszcie pomysł przyszłej, idealnej, niebieskiej ojczyzny nie skądinąd urodził się w duszy Wyspiańskiego, tylko z lektury *Przedświtu*. Studjum to jest wymownym dowodem, jak ogromne usługi nie tylko rozumieniu, ale i odczuwaniu utworów literackich oddaje bystra i gruntowna krytyka filologiczna tekstu.

Wydana jako tom pierwszy *Pyłów Literackich* rzecz Aleksandra Bolesława Cypsa (*Wyspiański na tle swego teatru*, Łódź 1921, Ludwik Fiszer), napisana z młodzieńczym rozmachem i entuzjazmem, będzie stanowiła dla przyszłego historyka kultu Wyspiańskiego w Polsce (zagadnienie to ogromnie ciekawe!) bardzo pożądany materjał.

Rozprawa ks. Jana Piwowarczyka: *Religijne zagadnienie u Wyspiańskiego* (w *Miesięczniku katechetycznym i wychowawczym* 1920) zasługuje na uwagę głównie z tego względu, że jej przedmiotem jest zagadnienie, którem się u nas, do niedawna przynajmniej, bardzo mało zajmowano, mianowicie problem religijności poety (do dziś dnia nie mamy dobrego studjum o religijności ani Mickiewicza, ani Słowackiego, ani Krasińskiego). Autor omawia kolejno stosunek Wyspiańskiego do Boga osobowego, jego cześć dla Najświętszej Panny, poglądy na wartości życia, na śmierć, na życie pozagrobowe, przyczem, rzecz dziwna, pomija, przypadkiem czy umyślnie, wiarę Wyspiańskiego w metempsychozę. W głąb religijności poety autor nawet nie usiłował wniknąć.

Prace Stefana Kołaczkowskiego: *Podstawy moralne i los w utworach Wyspiańskiego* (w *Roku Polskim* 1918, nr. 2—3), *Pierwiastki tragizmu w „Legendzie“ Wyspiańskiego* (w *Pamiętniku Literackim* 1918, t. XVI) i inne — omówimy w następnej serji tych przeglądów, są to bowiem tylko cząstki obszernej monografji o tragizmie u Wyspiańskiego, która się ukazała dopiero w roku 1922.

XXIV.

Na brak »dobrych w prozie pisarzy« w Polsce skarżył się już Jan Śniadecki. Skarga ta do dziś dnia nie straciła swej słuszności o tyle, że wśród naszych powieściopisarzy i publicystów nie brak wprawdzie znakomitych prozaików (żeby wymienić tylko Sienkiewicza i Świętochowskiego), ale niewielu ich jeszcze znajdzie wśród naszych uczonych, którzy najczęściej nie dbają o piękno stylu. Do wyjątków należy zmarły w roku 1913 Antoni Małecki: wywalczył on sobie zaszczytne stanowisko w historji nie tylko nauki, ale i literatury polskiej, i to nie tyle swemi utworami dramatycznemi (*List żelazny* i *Wieniec grochowy*), ile właśnie piękną prozą swoich dzieł naukowych — historycznych (*Lechici*) i historyczno-literackich (monografja o Słowackim).

Nie jest też dziełem przypadku, że on jeden z bardzo niewielu uczonych naszych posiada obszerną monografję: napisał ją Bronisław Gubrynowicz (*Antoni Małecki*, Lwów 1920, Zakład Narodowy imienia Ossolińskich). Z zadania swojego, nie łatwego, jeśli się zważy wielostronność działalności naukowej i literackiej Małeckiego, wywiązał się autor umiejętnie i z tym pietyzmem, jaki żywi względem Małeckiego każdy z pewnością historyk, ten zwłaszcza, który odbywał studja w uniwersytecie lwowskim.

Mając dostęp do złożonych w Ossolineum materjałów biograficznych, posługiwał się niemi autor obficie, ale zawsze z taktem, nie tracąc z oczu swego głównego celu, którym było dać nie anegdotyczną opowieść o przygodach życiowych człowieka, tylko możliwie pełny obraz działalności uczo-

nego; lecz nie zapomniał przytem autor o charakterze Małeckiego, uwydatniając zwłaszcza jego wręcz przysłowiową trzeźwość, rozwagę i ostrożność, nie mającą jednak nic wspólnego z oportunizmem, a cóż dopiero z obłudą. Wśród wielu materjałów biograficznych, wydobytych przez Gubrynowicza z ukrycia, niezmiernie ciekawym jest dzienniczek podróży rzymskiej z roku 1864. Raziła Małeckiego w Rzymie światowość, ziemskość, a nawet profanacja pojęć religijnych, nie były to bowiem, jak pisze, »nadużycia tylko, wady i zdrożności, przez tego popełniane albo przez owego, ale są to instytucje, zwyczaje, tradycja cała, której głównymi nosicielami i aktorami jest właśnie samo święte kollegjum, nie wyłączając i samego papieża! ... Ileż to pompy pańskiej, ile fagasów kardynalskich, poduszek, podkładanych pod kolana i t. d. przy każdem wystąpieniu tych dygnitarzy w obliczu Boga! ... W całej takiej paradzie, w całem takiem pontyfikalnem nabożeństwie nie wyciśniesz ani jednej kropli prawdziwej modlitwy i prawdziwie religijnej myśli o Stwórcy. Wogóle nie widziałem nigdzie w Rzymie istotnie chrześcijańskiego nabożeństwa, — nigdy, nigdzie, choć widziałem chmary księży przy każdym kościele, czasem kapiących od przepychu, a czasem obdartych, że wstyd, i choć słyszałem przez cały czas dzwonienie, którego znaczenia ani odgadnąć nie mogłem, bo wzywaniem na nabożeństwo nie było. Najczęściej, wszedłszy do kościoła w Rzymie, znalazło się w nim — nic. Żebracy tylko obskakują. A jeszcze częściej i kościół był zamknięty. Nieszporów się tam tak łatwo nie dopytasz. Jeżeli zrobią co w którym kościele popołudniu, to tylko jaką litanijkę, albo benedykcję, albo coś innego króciutkiego w tym rodzaju. Wszystko wogóle się tu zbywa, jak to mówią, psim swędem. Obiad zbywają psim swędem (ślimaczkami i zielskiem). Modlitwy — tak samo. Wiele kadzidła wykadzą, wiele wosku spalą, wiele się koło ołtarza nakręcą, ale na tej krętaninie i brzękaninie się też wszystko kończy.« Rzecz ciekawa, że słowa te pisał Małecki, kiedy był już dojrzałym człowiekiem — w czterdziestym trzecim roku życia.

A oto sąd Małeckiego o pozostającem wyłącznie w rękach jezuitów *Collegium romanum:* »Naturalnie, że chodzi tu tylko ... o liźnięcie z każdej rzeczy po trosze. W letnich miesiącach jedynie opowiadają uczniom o tem i o owem, dając niby dalekie wyobrażenie o rzeczach, które znać trochę mogą, ale których systematycznie nie uczą. To zastępuje w owych miesiącach właściwą naukę. Wtedy nieraz słyszeć można takie zdania profesorów (jeżeli się dalej zapuszczą, niż pierwotnie było ich zamiarem, w wykład jakiej materji), że się na tem, co dotychczas powiedziano, poprzestaje, bo zbyt głowy nad tem wszystkiem łamać nie trzeba, gdyż Bóg usuwa swoją łaskę ludziom zbyt wielkiej nauki ... Nieraz objaśniają zjawiska przyrody w taki sposób, że np. Wezuwjusz jest otworem od piekła, z którego tryskają te ognie i lawy. Słowem, ciemnotę i pobożność utrzymywać w głowach swych uczniów — to ich zadanie! Sami jednak nie są oni głupi, ale uważają oświatę za owoc, niezakazany tylko wybranym. Kubek w kubek to wszystko takie, jak było niegdyś i w innych krajach, gdzie tylko jezuici kierowali szkołami. Zaprawiają uczniów do donoszenia o wszystkiem na wszystkich, choćby na

własnych rodziców. Nibyto wystawiają im jako obowiązek, ciążący na sumieniu każdego prawdziwego katolika, donieść zwierzchności o wszystkiem, co jest zagrażającego i sprzecznego religji. Powiadają, że to bynajmniej ani denuncjacja, ani szpiegostwo.«

Co do części krytycznej monografji Gubrynowicza, to nie wszystkie, oczywiście, prace Małeckiego mógł autor ocenić samodzielnie: nie będąc z fachu ani historykiem, ani badaczem języka, musiał w ocenie jego badań historycznych i językowych polegać na sądach specjalistów. Natomiast utwory poetyckie, studja historyczno-literackie, oraz różne pisma pomniejsze (np. rozprawę młodocianą *O żywej, pojmującej się i dokonywającej się narodowości*) roztrząsa i ocenia samodzielnie. Najwięcej miejsca poświęca, oczywiście, rozbiorowi pomnikowej monografji o Słowackim, przyczem wyjaśnia niezmiernie ciekawą ewolucję, jaka zaszła w poglądach Małeckiego na tego poetę — od uprzedzeń do bezstronności.

Lecz najciekawszą częścią książki Gubrynowicza jest dla historyka literatury polskiej charakterystyka nie ogłoszonych dotychczas drukiem wykładów Małeckiego w uniwersytecie lwowskim — na podstawie własnoręcznych n o t a t e k, które, chociaż czasami luźne, są — na równi z książką o Słowackim — dowodem, jak niepospolitym stylistą był Małecki, jak mniał łączyć wdzięk i obrazowość z klasyczną prostotą stylu, jak bardzo samodzielnym był krytykiem. Nie na wszystkie, naturalnie, sądy Małeckiego można się dzisiaj zgodzić: na sądach np. o literaturze stanisławowskiej zaciążyły jeszcze dawne uprzedzenia do tej epoki; sąd o »klasykach« pierwszych lat porozbiorowych jest stanowczo za pochlebny. Prawdziwą niespodzianką będzie dla niejednego sąd o *Improwizacji* i wogóle o *Dziadów części trzeciej*. Mówi wprawdzie Małecki, że w całej literaturze europejskiej niema nic, coby się z *Improwizacją* równać mogło pod względem »szczytności« (t. j. wzniosłości), oraz głębokości uczucia i myśli, ale dodaje, że »ta egzaltacja, wśród której Mickiewicz żył wtedy, przez którą stworzył te cudy, sprawiła, że odstąpił w tej kwestji od trybu, którego się zawsze trzymał w całym swoim poetyckim zawodzie, to jest od tej harmonji i równowagi między twórczą wyobraźnią, uczuciem a świadomością artystyczną«; »egzaltacja tak wzięła górę, że pisał rzeczy, które jemu samemu nie mogły być nawskroś pojęte; ten związek świata widomego a nadzmysłowego, który dotychczas był zawsze dogmatem jego poetyckiej i religijnej wiary, ale w granicach, zgodnych z rozumem, przybrał teraz w wyobraźni jego miarę i postać, jakiej jego własna myśl nie pojmowała już jasno; rosły więc pod ręką jego widzenia, proroctwa, zdania, wyrazy, które tworzył w szale, jakby mu były dyktowane przez tajemniczy głos jakiś, za który nie mógł brać odpowiedzialności, jak chyba przez wiarę, że to, co pisze, było rodzajem wyższego objawienia jakiegoś . . . Była to, oczywiście, znów fatalna pomyłka.« (Wobec takiego sądu o *Dziadach* nie dziw, że i względem mistycznych utworów Słowackiego nie mógł się Małecki wyzbyć uprzedzeń.) Lecz obok takich sądów, które dzisiaj uległy zasadniczej zmianie, możnaby przytoczyć z notatek Małeckiego cały szereg sądów, które się ostały i zapewne ostaną. Na szczególną uwagę zasługują jego sądy o niektórych filozofach polskich: Cieszkowski »wykłada wprawdzie rzecz swoją po heglowsku, ale pisze jasno, logicznie, umiejętnie

i trzeźwo; jest to z naszych filozofów jedyna filozoficznie myśleć zdolna głowa«; Hoene-Wrońskiemu odmawiał Małecki nazwy filozofa; Libeltowi zarzucał brak ścisłej myśli i płytki eklektyzm, Kremerowi — brak logiczności i samodzielności myśli. Z filozofów młodszych wyrażał się pochlebnie o księdzu Pawlickim, ale dodał: »Szkoda tego człowieka, że przyciśnięty niedostatkiem udał się do Rzymu i został Zmartwychwstańcem.« Warto jeszcze zaznaczyć, że *Rachunki* Kraszewskiego (które tyle krwi napsuły stańczykom krakowskim) nazwał Małecki jedną z najlepszych książek polskich: »Wizerunek stanu obecnego naszego pod każdym względem i sąd o uczynkach i dążnościach naszych bardzo zdrowy i zbawiennie, choć surowo, wypowiedziany.« Wogóle sądy Małeckiego wręcz imponują — prawie zawsze swoją trafnością, a zawsze sumiennością, bezstronnością i bardzo rzadką (nawet na katedrze uniwersyteckiej) odwagą cywilną. Streszczając jego wykłady i wogóle ogłaszając o nim gruntowną monografję, zaskarbił sobie Gubrynowicz rzetelną wdzięczność tych, którzy rozumieją tę (w Polsce mało jeszcze rozumianą) prawdę, że nauka ojczysta nie może się rozwijać pomyślnie i normalnie bez studjów nad jej historją.

Z Małeckim ani jeden ze współczesnych historyków literatury i krytyków równać się nie mógł. W Krakowie za wielkiego krytyka obwołano autora *Portretów literackich* i tłumacza *Odysei*, Lucjana Siemieńskiego. Tarnowski porównywał go — nie mniej ani więcej, tylko — z ... Michałem Aniołem, twierdząc, że i on także mógł był mówić o sobie: *Per fido esempio alla mia vocazione nascendo mi fu data la bellezza.* (!!! Ob. St. Tarnowskiego *Studja do historji literatury polskiej, Wiek XIX. Rozprawy i Sprawozdania.* Tom II. Kraków 1896, str. 215). Przytoczony w książce Gubrynowicza sąd Małeckiego o Siemieńskim jest podobno słuszniejszy: »Jak można było np. tak pochwalić *Stare dzieje* Kraszewskiego? Bo to pisarz sławny? Albo Odyńcowe ramoty?... Bywa podobno, że nie czyta książki, tylko każe sobie zdać komu relację i zasiada do krytyki... Ale wynagradza tę niesumienność formą zawsze zaokrągloną i rezonowaniem, które ma pozór czegoś mądrego... Dążność Siemieńskiego, jako współpracownika *Czasu*, cechuje jakiś bigotyzm niesympatyczny i wszędzie pazurki przeciw wolnomyślniejszym objawom na polu socjalnem... I trzeźwej, krytycznej nauki niewielkim jest przyjacielem; wszędzie jej daje szczutki, przy sposobności, gdzie to ujść może.« Czy można lepiej scharakteryzować tego pisarza, który, jako tłumacz *Odysei* i jako autor *Wieczorów pod lipą*, zapewnił sobie w historji literatury polskiej stanowisko, ale który, jako krytyk, był tylko feljetonistą? Szkoda, że książki Gubrynowicza nie mógł jeszcze znać Józef Szafran, kiedy pisał swoje wypracowanie p. t. *Lucjan Siemieński* (*Przewodnik Naukowy i Literacki* 1920); możeby ten sąd o Siemieńskim, wydany przez uczonego tej miary, co Małecki, ochłodził autora w jego zapałach i ustrzegłby go od szafowania przy ocenie pism Siemieńskiego takiemi określeniami, jak »mistrz prawdziwy« albo »głęboka nauka«, albo przed takiem jeszcze, niezbyt jasnem, że Siemieński, »jeśli nie był olbrzymem, to przynajmniej był uzupełnieniem swej epoki« (? str. 527). Zresztą wypracowanie to nie rości sobie prawa do godności studjum naukowego: sam autor powiada, że praca jego miała być tylko »przypomnie-

niem zapomnianego niezasłużenie pisarza, któremu wydawca wszystkich pism (Warszawa 1881) przepowiadał wzrastanie wziętości jego dzieł.« Należy jednak wątpić, czy swój cel ta praca osiągnie. Literatury o Siemieńskim autor nie zna dokładnie: pominął np. artykuł Karłowicza (*Nowe przekłady starych poematów*, *Prawda* 1883, nr. 14—15) tudzież wydane przez Kossowskiego *Listy Konstantego Gaszyńskiego do Lucjana Siemieńskiego* (Lwów 1911); zużytkował natomiast dostarczone sobie przez Kallenbacha listy Siemieńskiego do Goszczyńskiego z lat 1839—1843, oraz uzupełnił bibljografję utworów poetyckich Siemieńskiego, rozproszonych po czasopismach.

Ogólną charakterystykę zmarłego 31 grudnia 1917 Stanisława Tarnowskiego, jako człowieka i jako krytyka, podał Ign. Chrzanowski: *Stanisław Tarnowski, jako krytyk literacki* (*Rok Polski* 1918; toż w książce *Wśród zagadnień, książek i ludzi*, Lwów 1922). Treściwe wspomnienie pośmiertne ogłosił także V. Jagić: *Stanisław Tarnowski (Separatabdruck aus dem Almanach der Akademie der Wissenschaften in Wien, Jahrgang 1918)*; na str. 15 tego wspomnienia znajduje sie zabawny *lapsus calami*, mianowicie wiadomość, że Tarnowski miał odczyty o tragedjach Tołstoja, — ależ nie Tołstoja, którego Tarnowski nie cierpiał, tylko Schillera, którego uwielbiał!

Głęboką, bezstronną, pełną erudycji, opartą, jak zawsze, na gruntownych, drobiazgowych badaniach, wręcz świetną, charakterystykę i ocenę spuścizny naukowej zmarłego w roku 1918 Bronisława Chlebowskiego napisał Wacław Borowy: *Bronisław Chlebowski, jako krytyk i historyk literatury* (Warszawa 1919, F. Hoesick). Piękny odczyt Juljusza Kleinera, wygłoszony d. 5 czerwca roku 1918 w Polskiem Towarzystwie Krajoznawczem w Warszawie, ukazał się dopiero niedawno (*Bronisław Chlebowski, wspomnienie pozgonne*, w *Roczniku Towarzystwa Naukowego Warszawskiego*, *Rok XI*, *1918*, Warszawa 1923).

Pamięci Wilhelma Feldmana wydało grono przyjaciół i znajomych zmarłego (1919) książkę zbiorową (Kraków 1921, z datą 1922, Drukarnia Narodowa). Prawie wszystkie zawarte tutaj artykuły są osobistemi wspomnieniami (Baudouin'a de Courtenay, Eisenberga, Chołoniewskiego, Grabca, Kota, Lama, Rawicza, Limanowskiego, W. L. Jaworskiego, K. H. Rostworowskiego, generała Wł. Sikorskiego, W. Szymanowskiego, Zdziechowskiego, Żeromskiego). Że te wspomnienia mają przeważnie swoiste zabarwienie polityczne, to rzecz naturalna: przecie prawie wszyscy ich autorowie należeli podczas wojny do tego samego obozu, co Feldman. Dla biografji i charakterystyki Feldmana materjał to bardzo ważny — rzuca nań równie piękne światło, jak ogłoszony przy końcu książki jego list otwarty do Fryderyka Naumanna (jasno wykazujący całkowite bankructwo obozu politycznego Feldmana; »przeżyliśmy rosyjską niewolę — czytamy w zakończeniu listu — przeżyjemy i niemieckie oswobodzenie: z łatwowierności jesteśmy gruntownie wyleczeni«). Dla historyka literatury największą wagę w tej książce ma obszerna ocena *Współczesnej literatury polskiej* Feldmana, napisana przez Brücknera.

Z pośród krytyków XX wieku ani jeden nie wywarł tak wielkiego wpływu, zwłaszcza na młodzież, i ani jeden nie podlegał tak różnorodnym

sądom, co Stanisław Brzozowski: miał już za życia i zapewne długo jeszcze mieć będzie wielu wielbicieli, ale miał takie i mieć będzie już nie tylko zupełnie obojętnych czytelników, ale i wrogów. A tłumaczy się to nie tylko smutnemi i dziwnemi kolejami życia tego nieszczęśliwego człowieka (posądzanego o zdradę narodową), ale także rodzajem jego umysłowości i sposobem pisania. Pisał on, jeśli nie zawsze, to prawie zawsze tylko dla siebie i... o sobie, bez względu na to, czy pisał o Sorelu i Newmanie, czy o Bergsonie i Avenariusie, czy o Żeromskim i Wyspiańskim; ktoby więc pragnął poznać z jego pism wierną treść i prawdziwą istotę myśli pisarzów, którymi się zajmował, dozna najczęściej zawodu. Do tego, przy całym swoim żywym, gwałtownym temperamencie i ogromnym talencie pisarskim, nie zdobył się Brzozowski ani razu na piękne i harmonijne dzieło stylu, nie mniał opanować swoich uczuć, a często i ustalić swoich poglądów, lekceważył kompozycję literacką, a czasem i logikę: ale za to olśniewa własną myślą, porywa własnym zapałem, niedosyć na tem — pobudza wolę do czynu.

Tego typu pisarz potrzebuje komentarza. Napisał go Marjan Zdziechowski (*Gloryfikacja pracy. Myśli z pism i o pismach Stanisława Brzozowskiego.* Kraków 1921, Spółka wydawnicza; jest to wydanie drugie, — pierwsze wyszło jeszcze w roku 1916, w Petersburgu). Nie jest ta książka gruntownem studjum krytycznem o filozofji Brzozowskiego, ale jest najlepszym, jak dotychczas, wykładem tej filozofji. Główne poglądy Brzozowskiego na życie Zdziechowski nie tylko przemyślał, ale je przeżył. I nie dziw, albowiem pomimo niektórych diametralnych różnic w myślach, uczuciach i upodobaniach Brzozowskiego a Zdziechowskiego, zachodzą pomiędzy nimi niewątpliwe podobieństwa duchowe: namiętność do zgłębiania celu i sensu życia, wiara w wolną wolę i w owocność pracy ludzkiej, wstręt do determinizmu, niechęć względem filozofji Hegla, a uwielbienie dla Newmana, przeświadczenie, że ludzkość może spełniać swoje wielkie cele jedynie dlatego, iż się składa z poszczególnych narodowości, poglądy na zadania i na istotę Kościoła powszechnego, — oto pierwiastki, spokrewniające filozofją Brzozowskiego z filozofją Zdziechowskiego, z tem jednak bardzo ważnem zastrzeżeniem, że kiedy Brzozowski niektóre artykuły swojej wiary zdobył sobie dopiero pod koniec życia (zwłaszcza swój kult dla katolicyzmu i dla idei narodowej, oraz swój pogląd krytyczny na t. zw. postępowość), Zdziechowski dawno już doszedł do równowagi swoich poglądów na życie, zawsze bowiem miał w duszy to, czego Brzozowski przez długi czas nie miał, — żywą wiarę religijną i uczucie patrjotyczne. Można być pewnym, że gdyby Brzozowski nie wywalczył w sobie tych dwóch uczuć, gdyby one nie wycisnęły tak silnego piętna na jego późniejszych pismach, to nie byłoby książki o *Gloryfikacji pracy,* a gdyby nawet była, to jej duch byłby zupełnie inny: byłaby w niej żywa i gorąca polemika z Brzozowskim, nie zaś tak piękna charakterystyka i tak entuzjastyczna ocena jego »filozofji pracy«. Mówiąc nawiasem, nie pierwszy Zdziechowski ujął w ten sposób filozofję Brzozowskiego: wyprzedził go Walery Gostomski, który jeszcze w roku 1911, w warszawskim *Sfinksie,* ogłosił obszerne studjum *Problemat pracy polskiej.* Lecz bezwzględnym chwalcą Brzozowskiego nie jest Zdziechowski

bynajmniej: nie wpadł w to bezkrytyczne uwielbienie względem autora *Legendy Młodej Polski*, którego się jego wielbiciele ustrzec nie umieli (należał do nich nawet Chlebowski). Przeciwnie: przekonywająco wykazuje autor, że się Brzozowski nieraz »wikłał w sprzecznościach«, że do samej śmierci nie doszedł do zharmonizowania religji z aspiracjami swojemi społeczno-patrjotycznemi, choć własna jego filozofja pracy powinna była stać się łącznikiem między jednem a drugiem,« że »powieści jego, pomimo uderzających nas i gęsto rozsianych błysków genjalności, wadliwe są w budowie, dezorjentują, nużą uwagę naszą, utrudniają pochwycenie myśli przewodniej.« Nie zapomniał Zdziechowski i o tem, że się Brzozowski za mało zastanawiał nad filozofją pesymizmu i nad zawartym w niej pierwiastkiem heroizmu: »Głęboko w nim zasiadł — mówi słusznie autor — uparty, powiedziałbym, irytujący optymizm, optymizm suchotnika, który w przededniu śmierci wierzy w bliskie wyzdrowienie i układa plany na daleką przyszłość.«

Pomimo jednak tych zastrzeżeń twierdzi autor, że »filozofja pracy« Brzozowskiego, ogrzana ciepłem miłości ojczyzny i powszechnego Kościoła, dla niejednego będzie podnietą do pracy i wytrwałości. Pogląd to zupełnie słuszny: nie było u nas w ostatnich czasach pisarza, któryby tak wytrwale zwalczał lenistwo myśli i bezmyślny pogląd, że postęp jest jakąś koniecznością metafizyczną, nie zaś owocem świadomej pracy i wolnej woli ludzkiej.

Spuścizny po Brzozowskim do dziś dnia jeszcze w całości nie ogłoszono. W krótkotrwałem czasopiśmie literackiem *Krokwie* (Warszawa 1920—21) wydał Roman Zrębowicz fragment z *Legendy Młodej Polski* w pierwszej, nieznanej dotychczas redakcji i szkic *O poranku* (zeszyt z czerwca 1921), oraz fragmenty z listów z lat 1909—1911 (zeszyt z listopada 1920), które zwłaszcza na religijną ewolucję Brzozowskiego rzucają niezmiernie ciekawe światło (»Nie potrzebuję Wam też mówić, że swoboda badania, żądza prawdy i poznania nie kapitulują we mnie, lecz one właśnie i, niestety, tylko one prowadzą mię do katolicyzmu . . .« »Dla mnie religja, katolicyzm staje się coraz bardziej centrem moich teoretycznych — a te są u mnie najsilniejsze — interesów; . . . nie wiem, co nastąpi dalej w mem życiu duchowem, ale dzisiaj już nie umiałbym pisać, nie przeciwstawiając się temu, co jest najstraszniejszym wrogiem myśli u nas — bezreligijności, płynącej z lekkomyślnego indyferentyzmu wobec wszelkich zagadnień«.)

Na tem kończymy serję pierwszą tych przeglądów. Druga obejmie lata 1922—1924.

Kraków. *Ign. Chrzanowski.*

Stanisław Pigoń: **Głosy z przed wieku**. Szkice z dziejów procesu filareckiego. 1823—1923. Wilno 1924.

V století po význačném procesu proti filaretům a filomatům ve Vilně, profesor tamní polské university, St. Pigoń, jenž věnoval své vědecké síly výhradně polskému mesianismu a době Mickiewiczově, nalézá nové prameny ke studiu počátků polského romantismu a k prohloubení

znalostí o době a prostředí, v němž vyrůstal pozdější autor »Księg narodu i pielgrzymstwa polskiego«. Z celé knihy, a zvláště ze subjektivního, duchem doby současné vanoucího úvodu, nad nímž jakoby polétal upír dávného carismu, ne-li strach z něho — vane pietism a láska k době tak slavné a důležité. Autor uveřejňuje místy nový materiál vyšetřovací a úřední, aby nejdříve udělil slovo vyšetřovancům nebo zase »činovnikům«, podává výtahy z fasciklů, v nichž tyto literárně-dějepisné prameny klidně práchnivěly jako *ci-jonit* téměř diplomatické: čtenář má nejdříve s úctou vyslechnouti vypravování filaretů samých.

Je-li zásluhou prof. Pigoně, že podává dříve nepřístupný materiál tak »přístupně«, je jeho vinou, že podává to většinou *pêle-mêle,* aniž by méně učený polonista mohl pochopiti nebo vyčísti, co je novum, a co zde už bylo.

Pro české literární dějiny významná je část 2: *„Tropy do Pragi“* (str. 77—90), kde autor navazuje na cestu Malewského do Prahy a vyšetřování Zanovo. Část tato ke konkrétním výsledkům nevede t. j. nevyšetřuje, zda a pokud styk filomatů s literaturou českou byl před rokem 1823, a jaký.

Styk Mickiewiczův s literaturou českou nemohl by býti tak pronikavý, kdyby již dříve, v době mladického básnictví filomatského, styky tyto nebyly navázány — jak správně se Pigoň domnívá. Vilno bylo tenkráte středem nové a mladé literatury romantické (vedle něho Puławy a Krzemieniec): vycházel tam literární časopis »Dziennik Wileński (1805—6, 1815—1830). O literatuře české již r. 1803 zmiňoval se biskup Jan N. Kossakowski v časopise »Nowy Pamiętnik warszawski« (XII.) a »Rocznik Tow. Przyj. Nauk« r. 1804 přinesl tutéž úvahu, jak zaznamenává Kołodziejczyk ve své známé »Bibliografii słowianoznawstwa polskiego« na str. 36. Pak teprve následoval r. 1815 Pigoňem citovaný článek I. S. Bandtkie ve zmíněném »Dzienniku Wileńském«. *Apropós* Kossakowského— jenž v daném případě s věcí souvisí — přečtiž si autor recensované knihy stať prof. Alberta Pražáka: »K pramenům Kollárovy slovanské vzájemnosti« v Pastrnkově »Slovanském sborníku« 1923, str. 316—329; zde autor pojednává o »vlivu« Jana N. Kossakowského na české obrození. Domnívám se však, že Pražák rozpravu Kossakowského přecenil; i když uvádí shody myšlenkové i slovní mezi Kossakowskim a Kollárem — přece jenom zbývá ještě řada vedlejších možností, neboť Kollár byl by Kollárem i bez biskupa Kossakowského. — Obsáhlejší zprávu o současném stavu české literatury podal pak v témže vilenském časopise Lach-Szyrma: »O literaturze czeskiej« v r. 1821, II., 291—294. České obrození mohutně působilo na všechny slovanské národy. Nelze zde ovšem přehlédnouti zásluhy Hankovy; o jeho nejlepších vlasteneckých snahách i dobré vůli svědčí obsáhlá korespondence, vydaná Vl. Francevem Письма къ Ганкѣ, Варшава 1906) a stejně dílo téhož učence »Польское славяновѣдѣніе« (Прага 1906), které Pigoň přehlédl. Schází totiž polským literárním historikům rozhled po jiných literaturách slovanských. Stujž zde tedy k věci bibliografie předmětu: A. Černý: »Mickiewicz w literaturze czeskiej i łużyckiej«, Tydzień 1898, VI, 162; Szabłowski: »Stosunki Mickiewicza z Czechami«, Kraj 1899, I Nr. s. 9.: Jan Máchal: Mickiewicz v Praze«,

Slovanský sborník 1885, a »Mickiewicz a Čechy«, Český Časopis Historický 1898; František Kvapil: »Mickiewicz a Čechy«, Osvěta 1898; Čeněk Zíbrt: »Ke stykům A. Mickiewicze s V. Hankou«, Světozor 1898. —

Prof. Pigoń zmiňuje se o dopisech Malewského z Berlína kolegům do Vilna, jež byly nalezeny v papírech T. Zana. Jeden z těchto dopisů z r. 1822 prý »pod čerstvým dojmem pobytu (Malewského) v Praze, musel široce pojednávat o Čechách, a při tom užíval výrazů pro vyšetřovací komisi velmi podezřelých, a obsahoval myšlenky ne dvojsmyslné«, neboť v té věci byl vyslýchán T. Zan. Již tedy v době prvních básnických pokusů Mickiewiczových jeho Wilenské prostředí a přátelé (Chodźko, Zan, Czeczot, Suzin a j.) byli o nás dobře informováni. Jaké byly styky filomatů s českou literaturou? V první řadě docházely sem zprávy z Varšavy, jež registroval hlavně V. Hanka. Vilno zde platí jako »hlavní město Ruského Polska«. Tak Krameriovy »Pražské Noviny« ze dne 7. února 1818, č. 11, referují na str. 43. o slavnosti Kościuszkovské »ve Vilně, hlavním městě Ruského Polska«. V těchže novinách je — pokud vím — první zpráva o pozdějším »katovi« filomatů Novosilcovovu, a to v č. 40. ze dne 20. máje 1818, na str. 157: »Rusko. Z Varšavy, 1. máje. Po skončeném sněmu dal císař ruský senátorům, zemskému rádstvu a vyslancům velikou hostinu, při kteréžto sám císař nejprvnější provolal: Zdráv buď národ polský! Téhož dne na večer dal pán Novosilcov stkvostnou taneční slavnost, kteroužto císař také poctil svou přítomností.« Byla to jedna z oněch »stkvostných tanečních slavností«, jíž využil Mickiewicz ve III. díle »Dziadů«. Téhož roku 15. června 1818 Szymon Malewski, rektor Wilenské university posílá J. Dobrovskému dopis prostřednictvím J. Bobrovského z Vilna, v němž mu sděluje, že universita zvolila ho svým čestným členem (Francev: Польское славян. прилож. XXI). M. Bobrowski, nadšený vyznavač ideje filomatské věnuje se studiu v cizině, udržoval další písemné styky s Dobrovským, tak Francev ibid., XLII—LIII., otiskl latinské dopisy Bobrovskému poslané Dobrovskému v letech 1818—1827, také dopis z r. 1819 »Joanni Zimmermanno Bohemo« (ibid., XCVII), t. j. patrně »nálezci« Milostné písně Josefu N. Zimmermannovi. Studie M. Bobrovského a cesta Fr. Malewského do Prahy — před procesem proti filomatům — nezůstaly asi bez vlivu na svobodomyslné smýšlení mladých vilenčíků. Jistý styk mezi Prahou a Vilnem v těch letech zajisté byl. Tak v universitní knihovně pražské je katalisován »Pamiętnik magnetyczny wileński« z let 1816—1818, a v knihovně »Národního Musea« je »Dziennik Wileński«, ročníky 1820 a 1821 po 3 svazcích opatřených na titulním listě ozdobným červeným razítkem »Z Hankowych«, rozuměj knih. V ročníku 1820 je zmíněný již článek L. Szyrmův, a oba ročníky podávají bohaté příspěvky k literatuře polské. Konečně V. Hanka již r. 1822 byl jmenován čestným členem vilenské university, a na tom si velmi zakládal (viz Francev, ibid. LXVI). R. 1823 přijíždí do Prahy z Vilna též syn rektorův František Malewski, avšak nepodařilo se mi zjistiti, zda a pokud Hanku nebo jiné o věci filomatské informoval. Zprávy výše uvedené tomu nasvědčují, a to tím spíše, že r. 1824 Čelakovský oznamoval Kamarýtovi mezi jinými: »Mohly by se sem ze Lvova doslati básně Mickiewiczovy, nejnovějšího a nejlepšího básníka polského . . . « (J. Máchal: »Mickiewicz a Čechy«, cit., 356).

Podle prof. Máchala také Šafařík již r. 1824 znal Mickiewicze. Jestliže Čelakovský pronesl o něm slova tak významná, byl zajisté o mladém básníku dobře zpraven. Cesty jeho vilenských přátel do Prahy a styk Prahy s Vilnem plně by potvrzovaly, že naši buditelé již tenkráte Mickiewicze nejen znali podle jména, nýbrž jeho prvotiny také čtli.

Avšak my jsme neměli autora té míry, který by mohl imponovati svým talentem filomatům. Naše obrození mělo jiný smysl, a je zajímavo, jak na filomaty působilo: nikoliv rukopisnými podvrhy nebo umělecky málo cennými pracemi, nýbrž svým volným svobodomyslným duchem vlasteneckým proti nadvládě cizí, uvědoměním národnostním, jež nalezlo široký ohlas až ve Vilně.

Vzhledem k těmto předpokladům je třeba dáti víru Pigońovi, jenž na str. 86 cit. díla praví, že »Malewski pojímal mladé hnutí české ze stanoviska protivládního, protirakouského, že viděl v něm akci sebeobrany úplně potlačeného národa proti útočnému centralismu státnímu«. Pakliže filomaté došli k tomuto závěru, nemýlili se v ničem a přátelství jejich bylo důvodné. V tom případě genese nebo vzrůst svobodomyslných idejí filomatských bere počátek v Čechách, ačkoliv protivládní tendence ruských děkabristů mohly též posilovati filomaty.

Vedle toho je nutno podepříti Pigońovu doměnku pozdějšími vlivy filaretů a filomatů, na něž pak upozornil V. Štulc, a jež zaznamenala Helena Turcerová v práci: »Louis Štúr et l'indépendance slovaque 1815—1856, Paris 1913. (Srv. Alb. Pražák in »Slavia« R. II., seš. 2. a 3., str. 496.).

Poutavým příspěvkem je v knize Pigońově též část s nadpisem »Przyjaźń rozdarta«, o dojemném přátelství Alexandra Chodźko, předchůdce Mickiewiczova v Collège de France, a Tomáše Zana, filareta: přátelství toto bylo rozbito »rukou brutální«, Chodźko byl sice osvobozen a později vyplaval jako ruský diplomat, avšak za »panem Tomášem mocí carského výroku zavřela se vrata orenburské pevnosti«. V tomto oddílu Chodźko mezi jinými vypovídá, že měl s sebou Jounga, slavného elegistu Anglie : Edwarda Jounga mohl znáti z polského překladu »Night thoughts« (1742), vydaného v Lublíně 1785, 1787, 1798. —

Novým příspěvkem je studie o Písni filaretů před soudem, o hymně vilenské »hej użyjmy żywota, bo żyjem tylko raz ... «, jejíž autentický tekst T. Zan před vyšetřovací komisí změnil, a sice tím, že snažil se setřít její revoluční tón. Avšak summa summarum nepodařilo se Mickiewiczovým přátelům změniti tekst jeho prvotiny, a byla z moci úřední přeložena do ruštiny jako první překlad z Mickiewicze ... — V jiné části Pigoń zabývá se topografií III. části »Dziadů«, a dochází k závěru, že »Konrádova cela byla v pravém křídle kláštera na prvním patře ... «, a vybízí k restauraci celého toho patra, aby v něm založili »muzeum martyrologii polskiej na Litwie.«

Prof. Pigońovi náleží dík literárních dějin, že prostudoval důkladně veškerý pramenný materiál k procesu filareckému, podal seznam dokumentů anižby — jak jsem již řekl — měl v úmyslu psáti monografii o filaretech. Kniha jeho doplňuje v »Dodatkach« četnými novými nálezy dosavadní výzkumy a studie: T. Wierzbowski: »Mickiewicz w Wilnie

i Kownie« (1888), památníky současníků (Domejko, Jundziłł, Malinowski), Lelewela »Novosilcov w Wilnie« (1831), »Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce«, a zvláště »Korespondencja Filomatów«, vydávané péčí Akademie Věd v Krakově.

Mir. Zelenka.

Gesemann, Gerhard: **Das goldene Zeitalter. Ein Kapitel über Dostojewski.** — »Dioskuren« (München). 1923, Jahrgang II, S. 275—303.

,,Золотой вѣкъ" такъ озаглавлена статья Г. Геземанна о Достоевскомъ. Это неожиданное заглавіе вызвано спеціальной темой, затронутой авторомъ. Онъ ставитъ вопросъ о вліяніи живописи на творчество Достоевскаго и главное вниманіе удѣляетъ картинѣ Клодъ-Лоррэна, которую Достоевскій въ ,,Подросткѣ" назвалъ ,,Золотой вѣкъ".

Поскольку воздѣйствіе изобразительнаго искусства связано со зрительными впечатлѣніями, авторъ правильно стремится выяснить, въ какой мѣрѣ Достоевскій былъ чутокъ къ зрительнымъ воспріятіямъ. Автору, конечно, нетрудно было установить, что по свойству своего психическаго склада, Достоевскій смотрѣлъ на міръ не внѣшнимъ, а ,,внутреннимъ" зрѣніемъ, не видѣлъ, а ,,созерцалъ". Это наблюденіе подтверждается скупостью пейзажныхъ описаній Достоевскаго и служебной ролью его пейзажа, какъ средства передачи душевныхъ переживаній.

Необходимо принять во вниманіе и еще одну особенность Достоевскаго, на которую мало обращено вниманія — неустойчивость его эстетическихъ оцѣнокъ подъ вліяніемъ психической депрессіи. Его жена записываетъ въ своемъ дневникѣ 26 іюня 1867 г. послѣ посѣщенія Дрезденской галлереи: ,,Федѣ, по обыкновенію, сегодня ничего не нравится, такъ что́ онъ прежде находилъ хорошимъ, теперь на то смотрѣть не хочетъ. Это обыкновенно у него бываетъ, когда послѣ припадка измѣняются всѣ впечатлѣнія". (,,Дневникъ А. Г. Достоевской" М. 1923, стр. 155).

Переходя къ вопросу о значеніи живописи въ творчествѣ Достоевскаго, авторъ сначала перечисляетъ всѣ упоминанія Достоевскимъ въ своихъ произведеніяхъ картинъ. Здѣсь есть нѣсколько цѣнныхъ указаній для комментатора его произведеній. Такъ авторъ высказываетъ предположеніе, что въ ,,Идіотѣ", гдѣ князь Мышкинъ вспоминаетъ картину, изображающую казнь на эшафотѣ, видѣнную имъ въ Базелѣ, рѣчь идетъ объ извѣстномъ полотнѣ Шарля Глэра (Charles Gleyre): ,,Смерть майора Давеля", которая находится не въ Базелѣ, а въ Лозаннѣ.

Въ этомъ же романѣ Достоевскій говоритъ о двухъ картинахъ Гольбейна, знаменитой ,,Мадоннѣ съ семействомъ бургомистра Якова Мейера" (копія Дрезденской галлереи) и находящейся въ Базелѣ картинѣ ,,Тѣло Христа въ гробу".

Главное вниманіе Г. Геземаннъ удѣляетъ однако не этимъ картинамъ.[1]) Его заинтересовало совершенно особое вниманіе, которое До-

[1]) Для полноты слѣдовало бы еще указать, что, по воспоминаніямъ Н. Страхова, любимыми картинами Достоевскаго, кромѣ Лоррэна, были: Сикстинская Мадонна, „Ночь" Корреджіо, „Христосъ съ монетой" Тиціана, „Голова Христа" Аннибала Караччи, „Охота" Рюисдаля. См. „Біографія..."

стоевскій удѣляетъ картинѣ Клодъ-Лоррэна „Ацисъ и Галатея“, находящейся въ Дрезденской галлереѣ. Именно съ этой картиной связанъ извѣстный сонъ Версилова („Подростокъ“, часть III, гл. 7.) о „золотомъ вѣкѣ“. Эта же картина приснилась Ставрогину въ кошмарномъ снѣ, вошедшемъ въ такъ наз. „Исповѣдь Ставрогина“, которую Достоевскій не включилъ въ „Бѣсы“.[1] Авторъ склоненъ кромѣ того сопоставлять съ Клодъ-Лоррэномъ описанія „другой земли“ въ „Снѣ смѣшного человѣка“ (изъ „Дневника Писателя“ за 1877 год., гл. 3.) На основаніи этихъ сопоставленій Г. Геземаннъ приходитъ къ выводу объ извѣстномъ сродствѣ между художникомъ и писателемъ. „Какъ художникъ не создаетъ произвольно своего произведенія, такъ и воспринимающій можетъ дѣйствительно почувствовать только то, что онъ уже носитъ въ себѣ“ (стр. 294). Что-же общаго между Клодъ-Лоррэномъ и Достоевскимъ?

Авторъ видитъ это общее въ героическо-идиллическомъ складѣ ихъ психики. „Героическо-идиллическое въ ихъ соединеніи является изобрѣтеніемъ художника съ раздвоеннымъ сознаніемъ.“ Синтезъ героическаго и идиллическаго, какъ результатъ тоски героической натуры по покою, вообще типиченъ для Достоевскаго. Этимъ объясняется и его тяготѣніе къ пейзажу Клодъ-Лоррэна, который самъ былъ художникомъ съ раздвоенной душой. „Клодъ-Лоррэнъ самъ былъ тоже человѣкомъ раздвоеннаго сознанія („Schizothymer“), и его аркадскіе сны являются снами-желаніями, въ которыхъ его тонкая изощренная нервная система находила успокоеніе“. Здѣсь не случайность, а несомнѣнное сродство душъ.

Таково въ общихъ чертахъ построеніе работы Г. Геземанна.

Главнымъ основаніемъ для обобщеній автора являются непосредственныя указанія въ произведеніяхъ Достоевскаго на Клодъ-Лоррэна. Этихъ указаній, какъ мы видѣли — два. Самъ авторъ признаетъ, что единичное упоминаніе могло бы быть объяснено случайностью, но уже повторное припоминаніе Клодъ-Лоррэна заставляетъ отнестись къ этому вопросу серьезно. Но авторъ упускаетъ изъ виду одно обстоятельство. Въ литературномъ наслѣдіи Достоевскаго мы имѣемъ только одинъ слу-

---

Спб. 1883, стр. 295. Недавно вышедшій „Дневникъ А. Г. Достоевской 1867 г.“ (Москва 1923), которымъ авторъ не имѣлъ возможности еще воспользоваться, прибавляетъ рядъ новыхъ данныхъ объ отношеніи Достоевскаго къ живописи. Въ общемъ воспоминанія подтверждаютъ малую воспріимчивость Достоевскаго къ зрительнымъ впечатлѣніямъ; отчасти это объясняется и его плохимъ зрѣніемъ (см. стр. 155). Отзывы Достоевскаго всюду очень скупы. Онъ „находитъ скорбь въ улыбкѣ“ Сикстинской Мадонны и „недѣтское“ лицо у Младенца (стр. 15). „Великолѣпная“ картина Тиціана „Христосъ съ монетой“ по его выраженію „можетъ стоять наравнѣ съ Мадонною Рафаэля“ (стр. 19). По словамъ его жены, онъ „очень высоко ставитъ и любитъ“ картину Аннибала Караччи „Голова Христа“ (стр. 19). Ярче всего отзывъ о базельской картинѣ Гольбейна „Тѣло Христа въ гробу“. Эта картина „до того поразила Достоевскаго“, что онъ „провозгласилъ Гольбейна замѣчательнымъ художникомъ и поэтомъ“ и „восхищался этой картиной“ (запись 24 авг. н. с. въ Базелѣ, стр. 361). О Клодъ-Лорренѣ сказано только „Федя сводилъ меня посмотрѣть картины Claude Lorraine мифологическаго содержанія. Чрезвычайно хороши!“ (2 мая н. с. въ Дрезденѣ, стр. 19.)

[1]) См. „Документы по истории литературы и общественности. Вып. I. Ф. М. Достоевский. М. 1922, стр. 28.

чай такого упоминанія въ „Подросткѣ". Другой случай, въ „Исповѣди Ставрогина" теряетъ въ своемъ значеніи, ибо онъ не вошелъ въ печатный текстъ романа „Бѣсы". Вѣрнѣе, для насъ именно этотъ случай, какъ болѣе ранній, становится основнымъ. Почти текстуальное сходство мѣста о картинѣ Клодъ-Лоррэна въ „Исповѣди Ставрогина" и въ „Подросткѣ" заставляетъ думать, что Достоевскій использовалъ его для новаго романа, какъ не вошедшій матеріалъ въ „Бѣсы". Мы знаемъ, что для манеры работы Достоевскаго это не исключено. Такъ, напр., онъ использовалъ матеріалъ, собранный для неосуществленнаго романа „Житіе великаго грѣшника", въ своихъ послѣднихъ трехъ романахъ.[1]) Слѣдовательно упоминаніе о картинѣ Клодъ-Лоррэна могло автоматически перейти изъ „Исповѣди Ставрогина" въ „Подростокъ" по сходству положеній.

Несомнѣнно картина „Ацисъ и Галатея" приковала къ себѣ вниманіе Достоевскаго, но отсюда нельзя еще заключать о духовномъ сродствѣ Достоевскаго съ художникомъ. Не правильно-ли предположить иную причину появленія этой картины въ „Подросткѣ". Исповѣдь Версилова несомнѣнно автобіографична и переноситъ насъ къ переживаніямъ Достоевскаго въ Дрезденѣ 1867 г.; достаточно сравнить ее съ извѣстнымъ письмомъ Достоевскаго къ Ап. Майкову отъ 16 августа 1867 г.[2])

По сходству положенія „исповѣдь" Версилова вызвала на память другую неопубликованную „исповѣдь" Ставрогина, откуда частично заимствовачъ и „сонъ о золотомъ вѣкѣ". Съ этимъ сномъ прочно ассоціировалась въ представленіи Достоевскаго картина Клодъ-Лоррэна. Для этой ассоціаціи вовсе не нужно внутреннее сродство душъ, а вполнѣ достаточна ассоціація зрительнаго впечатлѣнія съ какой-нибудь волнующей внутренней идеей. Эта ассоціація между „заходящимъ зовущимъ солнцемъ" пейзажа „колыбели человѣчества" и мыслью о „заходящемъ солнцѣ" послѣдняго дня европейскаго человѣчества вскрыта самимъ Достоевскимъ въ его снѣ о „золотомъ вѣкѣ". Именно эта ассоціація по контрасту видно прочно овладѣла сознаніемъ Достоевскаго.

Можно согласиться съ авторомъ, что и описаніе „другой земли" въ „Снѣ смѣшного человѣка" носитъ черты Клодъ-Лоррэновскаго пейзажа, но опять-же по причинѣ контрастирующей ассоціаціи между „природой" и „культурой". Совершенно напрасно авторъ иллюстрируетъ Клодъ-Лоррэновскую манеру Достоевскаго отрывками изъ „Маленькаго героя" и „Идіота". Въ первомъ случаѣ авторъ доказываетъ больше, чѣмъ хочетъ, а именно, что и до знакомства съ картиной Клодъ-Лоррэна манера пейзажа Достоевскаго уже была выдержана въ „героическо-идиллическомъ" стилѣ. Вѣдь „Маленькій герой" былъ написанъ еще въ 1849 г. Въ „Идіотѣ" же мы находимъ отраженіе природы Швейцаріи, гдѣ Достоевскій работалъ надъ этимъ романомъ (1867—1868 гг.).

Подрываетъ мнѣніе о близости Клодъ-Лоррэна къ Достоевскому и другой доводъ автора. Онъ упоминаетъ, что такую-же близость къ художнику чувствовали Гете, Стендаль, Г. Ф. Мейеръ, Як. Буркгардтъ

---

[1]) См. В. Комаровичъ „Ненаписанная поэма Достоевского", Сборникъ подъ редакціей А. Долинина „Достоевский", т. I., стр. 201.

[2]) См. „Біографія, письма..." Спб. 1883, отд. II, стр. 168.

и Ницше. Правда, это „избранный кружокъ европейцевъ“, но слишкомъ ужъ разнообразный, чтобы думать объ ихъ духовномъ сродствѣ.

Авторъ въ концѣ статьи сближаетъ Ницше съ Достоевскимъ, но дѣлаетъ это уже скорѣе въ тонахъ публициста, чѣмъ изслѣдователя. Утверждать, что идея всечеловѣчества свойственна, кромѣ русскихъ, еще только лишь нѣмцамъ врядъ ли стоило въ работѣ изслѣдовательскаго характера. Такимъ же непріятнымъ диссонансомъ звучитъ выпадъ противъ французскаго писателя Андрэ Суарэ (André Suarès), талантливая книга котораго о Достоевскомъ переведена на нѣмецкій языкъ по мнѣнію автора только по „излишнему рвенію нѣмцевъ къ переводамъ“ (überflüssiger deutscher Übersetzungseifer“, стр. 279).

А. Бемъ.

Changements politiques dans les Balkans après la conquête de l'Empire Bulgare de Samuel (1018). Nouveaux duchés Byzantins: Bulgarie et Paristrion. Par *N. Bănescu*, membre corresp. de l'Académie Roumaine (Académie Roumaine. Bulletin de la section historique. Tome X, pp. 49—72). Bucarest 1923. Стр. 24. 8°.

Небольшое, но содержательное изслѣдованіе г. Bănescu посвящено темному періоду исторіи Балканскаго полуострова XI—XII вв. Отъ смерти византійскаго императора „болгаробойцы“ Василія II (1025) до образованія второго болгарскаго царства Асѣней (1185) мы знаемъ очень мало о судьбѣ Болгаріи; несомнѣнно, Византійская государственная организація цѣпко держалась за столь необходимый для жизни Царьграда покровъ, какъ придунайско-балканскія земли. Земли эти, гдѣ клиномъ сходились всегда, а въ это время — въ особенности — самыя различныя цивилизаціи и народности (византійская, славянская, тюркская, мадьярская и пр.) заслуживаютъ пристальнаго вниманія историка. Сложныя и запутанныя отношенія XI—XII вѣковъ, напряженное состязаніе Византіи съ мадьярами, славянствомъ, печенѣгами и половцами, въ различныхъ комбинаціяхъ, во временномъ союзѣ съ одними и войнахъ съ другими, а въ сущности — въ безпрерывной борьбѣ со всѣми — все это можетъ быть хотъ отчасти понято и разъяснено лишь послѣ кропотливаго установленія отдѣльныхъ деталей всей этой еще смутно понятной исторической картины.

Пользуясь данными, главнымъ образомъ, Кедрина (Скилиція) и Никифора Вріеннія, подкрѣпляя ихъ свидѣтельствами моливдовуловъ, г. Bănescu устанавливаетъ нѣкоторыя твердыя опорныя точки въ этомъ хаосѣ фактовъ и событій — даетъ опытъ списка византійскихъ командующихъ генералъ-губернаторовъ (*δοῦκοι, κατεπάνοι*) и военныхъ губернаторовъ (*στρατηγὸς αὐτοκράτωρ*) двухъ отдѣльныхъ византійскихъ областей, возникшихъ въ результатѣ побѣдъ императора Василія II: Болгаріи (*Βουλγαρία*) и Подунавья (*Παρίστριον* или *Παραδανούβιον*).

Выводы г. Bănescu противорѣчать такимъ образомъ установившемуся мнѣнію о томъ, что Болгарія (по крайней мѣрѣ до восшествія на престолъ Алексѣя Комнина) сохранила подъ властью Византіи

свое единство, и вся цѣликомъ управлялась однимъ губернаторомъ, именно воеводою (*δοῦξ*) Скопле[1]).

Скоплинскій воевода являлся губернаторомъ лишь одной изъ двухъ Византійскихъ областей на Балканахъ, именно области, сохранявшей названіе Болгаріи. Стратигу въ Скопле подчинены были византійскія силы по всей линіи Вардара и Моравы — въ Струмицѣ, Прилѣпѣ, Призренѣ, Охридѣ, Касторіи и, вѣроятно, также въ Нишѣ. Первымъ болгарскимъ воеводою (*δοῦξ τῆς Βουλγαρίας*) былъ Константинъ Діогенъ (прибл. 1026—1034). Вслѣдъ за нимъ для XI в. г. Bănescu насчитываетъ еще десять командующихъ стратиговъ. Затѣмъ, по даннымъ моливдовуловъ, онъ называетъ одного (Льва Дримиса) для начала эпохи Ангеловъ, т. е. для конца XII вѣка. Такимъ образомъ все таки остается незаполненнымъ значительный пробѣлъ — по крайней мѣрѣ всѣ среднія десятилѣтія XII вѣка.

Что касается второй области, Паристрія (Придунавья) съ центромъ въ Дристрѣ (Доростолѣ), то въ разсматриваемой работѣ г. Bănescu даетъ дополненія къ прежнимъ своимъ разысканіямъ касательно списка командующихъ стратиговъ, но все также для XI в. И здѣсь XII вѣкъ остается незаполненнымъ. Поэтому нѣсколько преждевременнымъ кажется заявленія автора (на стр. 20—68 его работы) о томъ, что область Паристрія нынѣ изъята изъ вѣкового забвенія и возвращена на свѣтъ исторіи („tiré aujord'hui d'un oubli séculaire et rendu à la lumiére d'histoire").

Г. Вернадскій.

Serbisch-byzantinische Urkunden des Meteoronklosters hrsg. von Nikos A. Bees (*Βέης*). Wiederabdruck aus der Zeitschrift „Byzantis" Bd. II.

(Греческое заглавіе внутри книжки: *Σερβικὰ καὶ βυζαντιακὰ γράμματα Μετεώρου*).

Berlin-Wilmersdorf. Verlag der „Byzantinisch-Neugriechischen Jahrbücher". S. a. (1923?) 100 стр. 8⁰ (4⁰).

Слѣдуетъ быть благодарнымъ редакціи Byzantinisch-Neugriechischen Jahrbücher за переизданіе интереснаго и содержательнаго сборника 24 средневѣковыхъ греческихъ граматъ монастырей Метеора. Граматы эти записаны и собраны г. Нико Веисомъ въ 1908 и 1909 годахъ по порученію Аѳинскаго Общества Византиновѣдѣнія (*τῆς Βυζαντινολογικῆς Ἑταιρείας Ἀθηνῶν*) при содѣйствіи Баварской Академіи Наукъ и Эллинскаго правительства и изданы въ первый разъ во второмъ томѣ сборника *Βυζαντίς* въ 1911 г.

Собраныя г. Веисомъ граматы относятся къ XIV и XV вѣкамъ и представляютъ собою частію указы и хрисовулы византійскихъ и сербскихъ царей (Андроника III Палеолога, Стефана Душана, Симеона Уроша), частію граматы Ларисскихъ митрополитовъ и т. д. Къ изданію приложены фототипіи нѣкоторыхъ граматъ или образцы подписей, такъ что сборникъ имѣетъ и палеографическое значеніе.

---

[1]) См. Slatarski, Geschichte der Bulgaren, I. Teil, Leipzig 1918 (No. 5. der Bulgarischen Bibliothek), Стр. 80 и 91.

Часть этихъ грамотъ была издана ранѣе (въ 1896 г. въ Петербургѣ) подъ редакціей П. А. Сырку по записямъ знаменитаго Порфирія Успенскаго, сдѣланнымъ въ 1859 г. Записи Порфирія Успенскаго сдѣланы однако не съ палеографическою точностью и чтеніе г. Веиса многое исправляетъ (разночтенія изъ записей Порф. Усненскаго приводятся внизу каждой страницы).

Сборникъ г. Веиса вызвалъ въ свое время сочувственные отзывы, между прочимъ г. А. Н. (конечно Heisenberg'a) въ Byzantinische Zeitschrift (Bd 21, 1912) и C. Jirečka въ Arch. für slav. Philologie, 33 (1912).

При новомъ изданіи граматъ Метеора слѣдовало бы оговорить, что шесть изъ нихъ (хрисовулы сербскихъ царей Стефана Душана и Симеона Уроша) вошли въ сборникъ Ст. Новаковича „Законски Споменици српских држава средњега века“ (1912). Граматы эти перепечатаны были Ст. Новаковичемъ изъ II тома *Βυζαντίς*, но съ измѣненіемъ палеографической транскрипціи г. Веиса на обычную книжную (такимъ образомъ — въ отношеніи этихъ граматъ удовлетворено пожеланіе рецензента Byzantinische Zeitschrift). Ст. Новаковичемъ возбуждены были (въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ его изданію) недоумѣнія и вопросы по поводу чтенія нѣкоторыхъ мѣстъ указанныхъ граматъ. На эти вопросы въ новомъ изданіи сборника г. Веиса отвѣтовъ не находимъ.

Г. Вернадскій.

Франко-тюркская теорія происхожденія Руси.

Проблема происхожденія Руси, русскаго имени и русской государственности, имѣетъ длинную, многовѣковую исторію. Начиная отъ нашей древней лѣтописи и до сегодняшняго дня естественный, интенсивный интересъ къ ней и потребность въ ея разрѣшеніи рождалъ и рождаетъ все новыя и новыя попытки преодолѣнія сложнаго своей недостаточностью, противорѣчивостью и трудностью для пониманія — историческаго матеріала. Нужно прямо сказать — наука не можетъ еще и сейчасъ гордиться полной побѣдой надъ этой проблемой. Порой, правда, тотъ или иной изслѣдователь исторіи начала Руси готовъ былъ торжествовать свою побѣду надъ „загадкой“ русскихъ „originum“, но, увы, еще никого из такихъ „побѣдителей“ историческая наука не украшала единодушно вѣнцомъ тріумфатора. Это не значитъ, что тщетны и безплодны были труды поколѣній ученыхъ, прилагавшихъ свои усилія къ изученію древнѣйшихъ судебъ русскаго народа и русскаго государства. Эти усилія привели къ ряду цѣннѣйшихъ результатовъ, и мы нынѣ не вполнѣ безпомощны среди историческаго матеріала касательно начала Руси. Выясненъ основной кругъ источниковъ для исторіи этого періода, болѣе или менѣе установленъ ихъ смыслъ и общее значеніе, утоньшенъ самый методъ ихъ изученія и усовершены пріемы ихъ группировки и примиренія. И однако, путь къ окончательному и единому научному заключенію все еще не свободенъ отъ препятствій и преградъ, — они и рождаютъ отсутствіе единообразнаго пониманія всей проблемы происхожденія Руси и ея имени.

Исторія того, какъ билась и бьется научная мысль надъ разрѣшеніемъ „загадки" возникновенія Руси, является необычайно яркой и любопытной страницей прошлаго исторической науки. Высоко поучительно слѣдить за тѣмъ, какъ оттачиваются методическіе навыки и пріемы историческаго изслѣдованія, какъ наростаетъ кругъ подлежащихъ охвату и синтезу свѣдѣній и матеріаловъ, какъ разворачивается борьба чистой науки и тенденціи въ наукѣ и какъ разсѣиваются передъ подлиннымъ научнымъ методомъ конструкціи, воздвигнутыя невѣжествомъ и лжемудростью. Однако, мы воздержимся здѣсь отъ, сознаемся, сильнаго соблазна пережить и разсказать хотя бы конспективно всю исторію проблемы происхожденія Руси — и позволимъ себѣ остановиться лишь на одномъ эпизодѣ — на пока послѣднемъ, сегодняшнемъ. Въ самое последнее время въ печати появился цѣлый рядъ работъ по интересующему насъ сейчасъ вопросу. Упомянемъ работы акад. А. Шахматова, С. Ф. Платонова, Пархоменко, Погодина, Брима, Ростовцева, Янушевскаго, Фрицлера и др.[1]) Въ данномъ случаѣ изберемъ предметомъ своего вниманія именно работу послѣдняго въ виду заключающейся въ ней совершенно особой попытки въ основаніи перестроить общую связь явленій нашей начальной исторіи.

Dr. Karl Fritzler извѣстенъ намъ какъ авторъ трехъ работъ по древней русской исторіи. Помимо изслѣдованія, о которомъ мы имѣемъ въ виду вести подробную рѣчь, г. Фрицлеру принадлежитъ опытъ анализа церковнаго устава Ярослава Мудраго и разборъ порядка престолонаслѣдованія древне-русскихъ князей.[2]) Въ первой изъ этихъ работъ данъ анализъ текста Церковнаго Устава, причемъ сдѣлана попытка возстановленія первоначальнаго текста его статей и выясненія ихъ постепеннаго составленія. Въ числѣ выводовъ мы встрѣчаемъ далеко не безспорную мысль о томъ, что въ древней Руси церковь не обладала самостоятельной юрисдикціей (Strafgewalt und Gerichtsbarkeit). Весь Уставъ г. Фрицлеръ считаетъ обзоромъ тѣхъ взысканій, которыя идутъ церкви при судѣ княжескомъ. Этотъ „Bussordnung" есть, по г. Фрицлеру, въ первоначальной формѣ — дѣло Владимира Святого, — на долю Ярослава могутъ быть отнесены лишь немногіе параграфы. По своему содержанію

---

[1]) Шахматовъ. Древнѣйшія судьбы русскаго племени. Птгр. 1919. — Шахматовъ. Введеніе въ исторію русскаго языка. Птгр. 1916. — Платоновъ Руса. — Дела и Дни, 1920, кн. I. — Пархоменко Начало христіанства Руси. — Полтава 1913 и рядъ статей въ Извѣстіяхъ отд. русск. яз. и слов. Академіи Наукъ, 1913—1917 г., см. также — въ журналѣ „Русское Прошлое", Птгр., 1923, № 4. — Погодинъ. Родина славянства и начало русскаго государства. Зборник филолошких и лингвистичких студија А. Белићу, Београд, 1921. — Ростовцевъ. Происхожденіе Кіевскаго государства. Современные Записки, 1922, III; тоже по французски въ „Revue des études slaves", 1922, II, и заключительная глава въ книгѣ „Iranians and Greeks in South Russia", Oxford, 1922. — Бримъ. Происхожденіе термина „Русь". Россія и Западъ, 1923, № 1. — Янушевскій. Откуда происходитъ славянское племя Русь. — Вильна, 1923.

[2]) Обѣ работы — „Die sogenannte Kirchenordnung Jaroslaws, ein Denkmal russisch-germanischen Rechts", изд. впервые въ 1917 г., и „Die fürstliche Erbfolge im alten Russland" извѣстны намъ по книжкѣ. — „Zwei Abhandlungen über altrussisches Recht", Berlin—Leipzig, 1923, S. 188.

этотъ уставъ чуждъ церковно-византiйскому праву и покоится на русско-языческомъ правосознанiи, причемъ весьма близокъ нормамъ германскаго права — вслѣдствiе общности основанiй права русскаго и германскаго. „Hier, wie da, пишетъ г. Фрицлеръ, die gleichen Rechtsbegriffe, die gleichen Gesetze, das gleiche Busswesen“ (стр. 119). „Das alte Russland, утверждаетъ авторъ, gehörte seinem ganzen Wesen nach zum germanischen Westen“ и далѣе — „das wurde erst anders, als die Tataren kamen und die russische Kirche zum Macht brachten. Nicht Wladimir der Heilige, sondern Batu ist der eigentliche Schöpfer des „Heiligen Russlands“ (120). Считаемъ необходимымъ отмѣтить, что основной тезисъ работы г. Фрицлера объ общности русскаго и германскаго права, отмѣченный и въ самомъ заглавiи его статьи, въ сущности только высказанъ и никакъ не обоснованъ ни предшествующимъ изслѣдованiемъ Ярославова Устава, ни сколько-нибудь широкими иллюстрацiями, если не считать суммарныхъ ссылокъ на трудъ Wilda, Strafrecht der Germanen, 1842, — хотя отвѣтственность указаннаго выше утвержденiя требовала отъ его автора особой тщательности его раскрытiя и подкрѣпленiя.[1]) — Статья г. Фрицлера о княжескомъ престолонаслѣдiи содержитъ въ себѣ опроверженiе родовой теорiи съ указанiемъ на отсутствiе старшинства въ средѣ князей древней Руси и т. п. Въ этой работѣ г. Фрицлера мы не встрѣтили ссылокъ на рядъ важныхъ изслѣдованiй на его тему, напр., на работы Сергѣевича, Прѣснякова, Евг. Щепкина, изъ болѣе старыхъ — Кавелина, Неволина и др.

* * *

Мы назвали теорiю происхожденiя Руси, предлагаемую нынѣ г. Фрицлеромъ, франко-тюркской. Дѣло въ томъ, что въ своей книжкѣ подъ заглавiемъ — „Das russische Reich — eine Gründung der Franken“[2]) онъ даетъ попытку доказать, что племя Русь, давшее намъ имя, — тюркскаго происхожденiя, и что варяги, давшiе начало нашей государственности, — состоятъ въ ближайшемъ родствѣ съ франками. Вглядимся въ ходъ его разсужденiй, останавливая вниманiе на важнѣйшихъ его доводахъ и заключенiяхъ.

Прежде всего г. Фрицлеръ устанавливаетъ положенiе, что какъ на сѣверѣ Руси, такъ и на ея югѣ были начатки государственности еще до прихода варяговъ, которымъ привелось лишь воздвигнуть новую крышу на уже ранѣе подготовленномъ зданiи. Этотъ тезисъ, по существу — въ той или иной формѣ принимаемый представителями различныхъ теорiй происхожденiя Руси, — у г. Фрицлера находитъ свое обоснованiе въ текстѣ лѣтописи, и особенно Iоакимовской, опирающейся въ своемъ содержанiи, по мнѣнiю нашего автора, на мѣстную новгородскую традицiю, и посему лучше и точнѣе иныхъ текстовъ освѣдомленной относительно положенiя дѣлъ на сѣверѣ. Такъ высоко оцѣнивая Iоакимовскую лѣтопись, г. Фрицлеръ не находитъ ничего необыкновеннаго

---

[1]) Ср. рецензiю г. Hofmeister'a въ Hist. Ztschr., 1919, т. 119, стр. 521.

[2]) Marburg, 1923, стр. 47 и 2, verbesserte Auflage, Marburg, 1923, стр. 47; мы пользуемся послѣднимъ, имѣющимъ рядъ характерныхъ добавленiй сравнительно съ первымъ.

и невозможнаго въ ея разсказѣ о Гостомыслѣ и призванiи его родственника по материнской линiи (wie Tatischchev ganz richtig folgert", 7) варяга Рюрика. Не можемъ не отмѣтить, что для г. Фрицлера оказалось въ отношенiи Iоакимовской лѣтописи и ея содержанiя, повидимому, достаточнымъ авторитета Татищева, ибо мы не видимъ на страницахъ его работы никакихъ слѣдовъ той критики этого лѣтописнаго текста, которая была предложена въ научной литературѣ (напомнимъ работы Н. Лавровскаго, Е. Голубинскаго, Линниченко, Сенигова, Шахматова и др.) и обязываетъ къ нѣкоторой осторожности въ пользованiи имъ и къ нарочитой мотивировкѣ довѣрiя къ отдѣльнымъ его разсказамъ.

Варяги явились на русскую землю при наличности и въ южной и въ сѣверной ея частяхъ извѣстныхъ государственныхъ образованiй. На сѣверѣ (Ладога-Новгородъ) это случилось по призванiю (Гостомыслъ-Рюрикъ), на югѣ при иныхъ обстоятельствахъ (варяжскiе князья не изъ Рюрикова рода Аскольдъ и Диръ). Кто же имѣлъ власть на югѣ до прихода туда варяговъ? Этотъ вопросъ разрѣшается г. Фрицлеромъ — въ соотвѣтствiи съ цѣлымъ рядомъ (правда, не названныхъ имъ) ученыхъ — въ пользу племени Русь, нацiональность котораго онъ опредѣляетъ своимъ особымъ способомъ, приводящимъ къ заключенiю о тюркскомъ происхожденiи Руси. Г. Фрицлеръ рѣшительнымъ образомъ отдѣляетъ это племя отъ варяговъ, считая соединенiе и сближенiе этихъ именъ въ лѣтописномъ текстѣ позднѣйшимъ исправленiемъ первоначальнаго чтенiя, и утверждаетъ весьма давнюю извѣстность племени Русь на югѣ. Въ доказательство этого положенiя нашъ авторъ ссылается не только на лѣтописные разсказы объ Аскольдѣ и Дирѣ отъ 865 г. и походѣ на Царьградъ подъ 852 г., на греческiя сообщенiя о походѣ 860 г., на Бертинскiе анналы подъ 839 г., житiя Георгiя Амастридскаго и Стефана Сурожскаго и др., но и на разсказъ Феофана о русскихъ (въ отверженiе „тенденцiи", твердящей о красныхъ, ῥούσια) корабляхъ у Константина Копронима въ 774 г., на свидѣтельство Табари о Руси на Кавказѣ въ 642 г. и Шахиръ-эдъ-Дина о русскихъ союзникахъ Нуширвана Великаго въ 532—579 гг. Нѣсколько ниже г. Фрицлеръ присоединяетъ къ этимъ древнимъ свидѣтельствамъ о Руси на югѣ еще упоминанiя народа-великановъ, живущаго на р. er-Rass, въ Коранѣ и народа Рошъ у пророка Iезекiиля. Такъ широко привлекая къ доказательству своей мысли разнородные источники, г. Флицлеръ на всемъ протяженiи своей работы не пытается оправдать свое пониманiе этихъ источниковъ, какъ будто оно самоочевидно-истинно и не вызываетъ нужды въ подтвержденiяхъ и разъясненiяхъ. Эта особенность работы г. Фрицлера, поражающая и въ другихъ мѣстахъ его сокрушающей традицiи книжки, не можетъ быть обращена въ пользу его гипотезы о тюркскомъ происхожденiи имени Русь, ибо ее надлежитъ доказывать, а не лишь высказывать, иллюстрируя глухими ссылками и безотвѣтственными цитатами. Къ числу таковыхъ мы рѣшаемся отнести, напр., ссылки на Табари, Шахиръ-эд-Дина и др. писателей, труды которыхъ датируются значительно позднѣе, чѣмъ даты передаваемыхъ ими событiй, и получили въ критической литературѣ XIX—XX вв. особую научную оцѣнку, которую г. Фрицлеръ оставляетъ

безъ вниманія, опираясь лишь на Карамзина и Эверса, писавшихъ болѣе вѣка назадъ.

Сообщеніе Корана о народѣ er-Rass ведетъ г. Фрицлера — рядомъ съ другими данными (напр, I. бенъ Горіонъ [Іосиппонъ] — Русь на р. Kira = Кура, впад. въ Каспійское море) — къ отысканію перво-родины Руси на рр. Араксѣ и Курѣ. Имя er-Rass г. Фрицлеръ сближаетъ съ названіемъ рѣки — Aras — Arax, а такъ какъ, полагаетъ г. Фрицлеръ, рѣки получаютъ имена по народамъ (доказательства, примѣры?), то именно здѣсь нужно предполагать пребываніе народа er-Rass или просто Rass; высокій ростъ Rass по Корану соотвѣтствуетъ осанкѣ руссовъ, видѣнныхъ на Волгѣ Ибнъ-Фодланомъ. И такъ, здѣсь, на Кавказѣ, заключаетъ г. Фрицлеръ, на Араксѣ и Курѣ нужно искать древнѣйшую родину руссовъ. Это заключеніе находитъ себѣ подтвержденіе, по г. Фрицлеру, у арабскихъ историковъ и географовъ, въ сочиненіяхъ которыхъ имѣются, правда сбивчивыя, показанія относительно русской рѣки на юго-востокѣ Руси, русскаго острова на Каспіи и т. п. Нужно сказать, что крайняя противорѣчивость и запутанность — и необычайная при томъ сложность толкованія и пониманія — ихъ разсказовъ постоянно рождаютъ непреодолимый соблазнъ для всевозможныхъ догадокъ, заключеній и построеній. Намъ представляется, что г. Фрицлеръ не остался вполнѣ свободнымъ отъ подобнаго соблазнительнаго использованія арабовъ для своего построенія. Это дѣлается особенно явственнымъ, какъ намъ кажется, въ той части работы г. Фрицлера, когда онъ пытается — на основаніи главнымъ образомъ арабовъ — прійти къ нѣкоторымъ выводамъ относительно разселенія отдѣльныхъ племенныхъ группъ по восточной Европѣ, выводамъ, углубляющимъ и раскрывающимъ его тюркскую гипотезу происхожденія Руси.

Остановимся на важнѣйшихъ заключеніяхъ г. Фрицлера по этому вопросу, имѣющему въ научной литературѣ въ новѣйшее время рядъ, повидимому, неизвѣстныхъ нашему изслѣдователю разъясненій и рѣшеній. Одна изъ вѣтвей русскаго племени у арабовъ именуется Atlawija (вар. Salawija, Dschelabe), ея главный городъ — Tlawa, Talwa, Talu. Г. Фрицлеръ узнаетъ здѣсь племя Дулѣбовъ, извѣстное по лѣтописи, а въ имени г. Тульчина видитъ слѣдъ этого имени; восточные предѣлы этого племени, по г. Фрицлеру, доходили до г. Тулы. — Другая вѣтвь, именуемая у арабовъ Karkajan, Kerkijan (вар. Karnabe, Karnaja), помѣщается г. Фрицлеромъ на востокѣ — въ предѣлахъ Рязанской, Орловской и Тамбовской губерній, гдѣ онъ находитъ созвучныя географич. имена Чернава, Чернавка; — это же племенное имя готовъ онъ услышать и въ названіи Чернигова и Чернобыля на Деснѣ и н. Припяти. Мы видимъ, что приведеннымъ арабскимъ именамъ г. Фрицлеръ находитъ созвучіе въ словахъ отъ корня Черн. Во всѣхъ варіантахъ — начальный слогъ Kar, который имѣется и въ имени Каракалпаковъ. Очевидно, заключаетъ г. Фрицлеръ, во главѣ всѣхъ племенъ съ подобными именами стояли роды Каровъ (die Geschlechter der Karen); „Кары были великій народъ, который имѣлъ мѣстожительство у Чернаго моря, давъ ему и свое имя“. Kar — Kara есть, по г. Фрицлеру, коренное слово по отношенію къ славянскому — чер, черн, что первоначально и означало

принадлежность къ народу Каровъ. Отъ этого имени — и слова „Украина“ и „Краина“. Къ этому основному имени народа Кар прибавляются названія отдѣльныхъ его вѣтвей — Кара—карты, Кара—кіяне, Кара—калпаки. Слѣдъ первыхъ — не только въ именахъ родовыхъ и мѣстныхъ (Чарторыйскъ, Чертково, Чердакла), но и въ имени бога Черта, возведеннаго христіанской церковью въ рангъ Дьявола; отъ нихъ — каракартовъ м. б. возникло и княжество Черниговское. Этому же племени принадлежитъ и вѣтвь Корсь или Хорсь, какъ звучитъ имя родового божества (Хорсъ — богъ солнца); именно къ этой вѣтви нужно возводить основаніе г. Корсуня на Черномъ морѣ. Послѣ предполагаемаго г. Фрицлеромъ переселенія Каровъ на Балтійское побережье, эта вѣтвь остановилась на территоріи Курляндіи и Литвы, распространившись и далѣе на востокъ, м. б. до г. Курска. — Каракіяне — по г. Фрицлеру — кары, обитавшіе въ области Кіева (ср. лѣтописный терминъ кіяне).

Третья вѣтвь обитателей восточной Европы именуется у арабовъ — Ars(t)anija съ главнымъ городомъ Ars(t)a. Въ рядѣ географическихъ названій г. Фрицлеръ слышитъ какъ бы отголосокъ этихъ именъ (Арзамасъ, Артемовъ и др.), но главный пунктъ поселенія этого племени онъ — по смыслу арабскихъ сообщеній — отодвигаетъ подалѣе отъ Волги и локализуетъ у Орши. Подлинное имя этого племени, по его мнѣнію, — Orscha съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, ср. форму Ршà. Путемъ фонетическихъ манипуляцій г. Фрицлеръ приводитъ имя Орша къ формѣ Aras, откуда образованы — съ одной стороны — формы Arsa, Orsja, Орша, съ другой — Ras. Rass, Rasj, Rasch, Ros, Rosj, Rus, Rusch. Въ чистомъ видѣ первоначальная форма имени вмѣстѣ съ основнымъ ядромъ носившаго его племени связана съ Оршой: Arsà, Ars — Aras. Отвѣтвленіе этого ядра носило имя Artanija, гл. городъ Arta; это имя — по установленнымъ г. Фрицлеромъ фонетическимъ правиламъ для Arsa — даетъ формы — Arat, Arad, Rat, Rad, Rod, Rut, Rud, — это вѣтвь рутеновъ, ихъ богъ — Родъ. Другое отвѣтвленіе — Arag — Arak, откуда — Rug, Ruk, Rag, Rak т т. д., ихъ божество — Рожаница (ср. Rugi, Rugiani). Подраздѣленія этихъ племенныхъ группъ — Русланы, Роколаны и Роксоланы; воспоминаніе о Русланахъ — въ легендѣ о Русланѣ и Людмилѣ и борьбѣ этого племени съ народомъ Каровъ — Черноморъ, Черное море.

Мы остановились на нѣкоторыхъ подробностяхъ разсужденій г. Фрицлера, ибо въ нихъ раскрывается обоснованіе его догадки о происхожденіи Руси. На Кавказѣ — на Араксѣ и Курѣ находитъ онъ ея родину. Главное племя Руси — Aras — на р. Араксъ; ср. названія Arsjan, Ársenek въ ея бассейнѣ; на вѣтвь Rod — Arat — указываютъ имена Ардаганъ, Артвинъ и др.; на Rog — Arag, Arak — Араксъ, Аргунъ, Арагва; Каракіяне — ср. гор. Karakaja; Каракарты — ср. гг. Каракуртъ, Алашгердъ; Kur, Корсь, Картъ — ср. Курды у Карса и др.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ г. Фрицлеромъ лингвистическихъ толкованій устанавливается имъ положеніе о передвиженіи русскаго племени изъ основного мѣста его обитанія (Закавказье) въ восточную Европу и далѣе къ Балтійскому морю. Это послѣднее направленіе движенія Руси устанавливается г. Фрицлеромъ по — по-

добнымъ вышеуказаннымъ — признакамъ. Основываясь на словахъ пророка Іезекіиля о князѣ Рошъ, г. Фрицлеръ, отожествляя это имя — вслѣдъ за иными комментаторами Библіи[1]) — съ именемъ Русь, полагаетъ, что во второй половинѣ VI вѣка до Р. Хр. Русь — сильная держава въ Закавказьи, отъ которой пророкъ ожидаетъ избавленія отъ вавилонскаго плѣна. Сто лѣтъ до Р. Хр. — Руси уже нѣтъ на старыхъ мѣстахъ, да и у Чернаго моря остался лишь осколокъ ея — Аорсы, которымъ г. Фрицлеръ готовъ приписать основаніе княжества въ Тмутаракани. Во второмъ вѣкѣ у Чернаго моря — Роксоланы, но уже тогда же — по хроникѣ Авентина — Руссы обитаютъ у Вислы и Нѣмана; тѣснимые готами они во второмъ вѣкѣ передвинулись оттуда на югъ и востокъ, распространившись на большую территорію и положивъ начало ряду государствъ съ такими центрами, какъ Кіевъ, Туровъ, Полоцкъ, Орша и др.

Фактъ пребыванія Руси у Балтійскаго моря, у устьевъ Вислы и Нѣмана, г. Фрицлеръ устанавливаетъ на основаніи какъ мѣстной географической номенклатуры, такъ и сообщеній разнообразныхъ источниковъ. Такъ здѣсь г. Фрицлеръ замѣчаетъ названія, близкія приведеннымъ только что наименованіямъ частей русскаго племени — Arys, Kur, Arge, Jura и т. д. Здѣсь же усматриваетъ онъ многочисленныя мѣстныя названія отъ корня Рус — Рос, какъ собственно на Вислѣ и Нѣманѣ, такъ и на территоріи Вост. и Зап. Пруссіи. Обращаясь къ письменнымъ источникамъ, г. Фрицлеръ извѣстные отрывки арабскихъ писателей о какомъ — то островѣ Rusia (вар. Wabia и др.) — безъ какихъ либо доказательствъ и серіознаго обоснованія объясняетъ, какъ указаніе на островъ Russ, образуемый рукавами Нѣмана. Ссылаясь на арабовъ же, г. Фрицлеръ приходитъ къ выводу, что употребляемое ими названіе „Русское море" прилагается ими не къ Черному, а къ Балтійскому морю, ибо къ послѣднему, думаетъ г. Фрицлеръ (въ этомъ случая противорѣча себѣ) русскіе подошли весьма поздно, не обитая въ древности у его береговъ. Арабы считаютъ „русское море", толкуетъ г. Фрицлеръ, частью славянскаго и варяжскаго морей и представляютъ его отдѣленнымъ отъ Чернаго моря сушей, идущей отъ Испаніи до Кипчака. Очевидно, заключаетъ нашъ авторъ, — это часть Балт. моря. Что племя Русь издавна связано съ балтійскимъ побережьемъ, показываетъ г. Фрицлеру и тотъ фактъ, что по разсказу цитируемаго имъ безъ какихъ либо оговорокъ Авентина (Баварская хроника) Руссы обитали у Вислы во время маркоманнскихъ войнъ сер. II в. по Р. Хр. Позже — въ 13 вѣкѣ здѣсь извѣстна Петру Дюисбургу страна Ruschia у Нѣмана, въ 15 в. рыцари нѣмецкаго ордена имѣли въ своемъ имени и терминъ Ruscia

---

[1]) Сошлемся на Handwörterbuch d. Biblischen Altertums Riehm'a, II, Bielefeld-Leipzig, 1884, 1302 стр. или на Kirchenlexikon Wetzer und Welte въ переработкѣ Hergenröther'a и Kaulen'a, Freiburg im Brisgau, т. VIII, 1893, стб. 479 — въ статьѣ о Магогѣ. Но ср. замѣчанія Куника въ книгѣ Дорна Каспій, СПб. 1874, стр. 673 и 681. Нельзя не обратить вниманія въ связи съ этимъ вопросомъ на имена ванскихъ царей VIII—VII вв. до Р. Хр. — Руса. (См. краткія упоминанія о нихъ у В. Бузескула. Открытия XIX и начала XX века въ области истории древнего мира. Ч. I, Востокъ. Петербургъ, 1923, стр. 214—215).

и т. д. На балтійское же побережье указываетъ, по мнѣнію г. Фрицлера, и традиція о приходѣ Руси изъ Пруссіи. Это указаніе имѣется лишь въ позднихъ русскихъ источникахъ — 15—16 вв., однако не нахожденіе его въ болѣе раннихъ памятникахъ не мѣшаетъ нашему ученому признать его отраженіемъ подлинной древней традиціи. Древнѣйшіе лѣтописные тексты не различаютъ Руси и варяговъ и знаютъ лишь варяжскій княжескій родъ. Г. Фрицлеръ полагаетъ, что это — поздняя концепція русскихъ „началъ", заслонившая собою болѣе древнюю (Русь—Пруссія), не получившую доступа въ письменную традицію и сохранившуюся въ устной передачѣ; и только позднѣе эта традиція проникла въ письменность, получивъ официальное освященіе въ устахъ Ивана Грознаго, напримѣръ, который признавалъ ее для себя и своего рода, производя его отъ Прусса, брата Августа. Въ фактѣ длительной устной сохранности этого преданія — лучшее доказательство его подлинности и достовѣрности, утверждаетъ г. Фрицлеръ, видящій его отдаленное отраженіе и въ древнихъ лѣтописныхъ текстахъ въ сообщеніяхъ о населеніи побережья Балтійскаго моря, гдѣ „Русь" называется рядомъ съ Чудою и другими финскими и литовскими племенами. Именно отсюда, утверждаетъ г. Фрицлеръ, ведетъ свое начало русская знать, въ лицѣ такихъ фамилій, какъ Салтыковы, Колычевы, Шереметевы и др. Именно русскаго изъ Пруссіи происхожденія, по г. Фрицлеру, и родъ Романовыхъ; это происхожденіе отъ древняго русскаго княжескаго рода и дало Романовымъ такое высокое значеніе на Руси, что они продвинулись къ царскому трону. Съ первымъ Романовымъ, говоритъ нашъ авторъ, послѣ 734 лѣтъ русской исторіи (почему счетъ идетъ отъ 869 года?) во главѣ русскаго народа вновь сталъ подлинно — русскій княжескій родъ. Самое прозвище одного изъ предковъ Романовыхъ — Кобыла звучитъ для г. Фрицлера указаніемъ на княжеское его происхожденіе. Древніе Руссы, говоритъ онъ, были наѣздниками, ein Reitervolk, — ихъ эмблемой является лошадь. „Und ‚Kobyla' bedeutet eben das Ross. Die Bezeichnung Ross dürfte im Deutschen überhaupt erst vom Namen dieses Volkes kommen". Эти послѣднія — неожиданныя для насъ и весьма отвѣтственныя утвержденія г. Фрицлеръ не подкрѣпляетъ никакими ссылками на источники, и намъ остается только выразить крайнее изумленіе по поводу подобной своеобразной манеры ученаго изслѣдователя.

Итакъ, русскій народъ на протяженіи ряда вѣковъ — отъ VI в. до Р. Хр. и до IX в. по Р. Хр. — пережилъ длительный процессъ переселеній, передвиженій, распадовъ и политическихъ возсоединеній. Закавказье, Черноморское побережье, территорія южной и средней Россіи, Балтійское побережье и обратный оттокъ къ Днѣпру, Волгѣ, Черному морю и др. — вотъ основные этапы этихъ движеній, рисуемые г. Фрицлеромъ, — не безъ внутреннихъ противорѣчій въ общемъ и частномъ, считаемъ долгомъ отмѣтить. Какого же — въ этнографическомъ смыслѣ — происхожденія народъ Русь? Г. Фрицлеръ, какъ мы уже знаемъ, отвѣчаетъ — вслѣдъ за Эверсомъ: — тюркскаго. Руссы не называли себя славянами, говоритъ г. Фрицлеръ, не именовались они такъ и въ устахъ ильменскихъ славянъ; они — особый народъ „Русь", лишь ко времени прихода варяговъ, къ IX вѣку славянизировавшійся съ утратой соб-

ственнаго языка и народности, почему русскій лѣтописецъ и отожествляетъ — славянскій и русскій языки. Русь — и не шведы и не норманны. Бертинскіе анналы, по г. Фрицлеру, ничего не объясняютъ, ибо утверждаемая въ нихъ связь Руси и Шведовъ построена на нарочитомъ обманѣ и предположеніи. Имя Ruotsi еще менѣе, по г. Фрицлеру, годится для доказательства скандин. происхожденія Руси, ибо это имя примѣняютъ къ себѣ не шведы, но лишь шведскіе лаппы, отъ коихъ переняли его финны и эсты для обозначенія шведовъ. Противъ норманской теоріи направляютъ г. Фрицлера и описанія наружности и обычаевъ Руси, имѣющіяся у арабовъ. Особенно противъ германскаго ея происхожденія говорятъ — право наслѣдованія дочерей передъ сыновьями и наказаніе смертью. Частое у арабовъ смѣшеніе Руси со славянами г. Фрицлеръ отводитъ ссылкой на произшедшую къ IX—X вв. славянизацію Руси. Отвергаетъ нашъ авторъ и литовскую теорію Костомарова, отрицая значеніе такихъ сопоставленій, какъ Перкунъ — Перунъ, ибо послѣдній — богъ варяговъ, или какъ Коршъ — Хорсъ, ибо это послѣднее имя есть имя бога войны, слѣдовательно (почему?) не туземнаго, а бога завоевателей, — и т. п.

Выступая такимъ строгимъ судьей иныхъ теорій, какъ обосновываетъ г. Фрицлеръ свою тюркскую гипотезу? Самымъ важнымъ доказательствомъ г. Фрицлеръ склоненъ считать тотъ фактъ, что вся фонетика русскаго языка тѣснѣйшимъ образомъ родственна тюркскимъ, такъ, какъ напр. родственны швабская и нижнесаксонская вѣтви нѣмецкаго языка. Явное доказательство тюркской гипотезы г. Фрицлеръ видитъ далѣе въ сказкѣ „Иванушка Дурачекъ", полагая, что слово „дуракъ" (позднее значеніе — глупецъ) первоначально означало „тюркъ" и м. б. звучало — „турокъ"; смыслъ всей сказки г. Фрицлеръ сводитъ къ идеѣ, что русское племя (младшее среди славянскихъ) было тюркск. происхожденія и что благодаря своему конному войску оно пріобрѣло первенство въ странѣ. Нашъ изслѣдователь далѣе ссылается на арабовъ, у которыхъ иногда встрѣчается соединеніе Руси съ Тюрками и имѣется указаніе на племя Тюркъ, среди славянскихъ племенъ сильнѣйшее и прекраснѣйшее; отголосокъ этого племенного имени г. Фрицлеръ слышитъ въ названіи гор. Торгъ, Торжокъ. Далѣе — г. Фрицлеръ обращаетъ вниманіе на фактъ наименованія Кіева „матерью городовъ русскихъ" аналогично обозначенію подобнымъ же именемъ и Мекки.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ант. Флоровскій.

Zprávy.

Н. П. Кондаковъ.

Къ его восьмидесятилѣтію.

(1844—1924.)

1 ноября 1924 г. исполнилось 80 лѣтъ со дня рожденія знаменитаго русскаго ученаго Н. П. Кондакова.

Принужденный въ концѣ 1919 г. уѣхать изъ Россіи, Н. П. Кондаковъ нашелъ себѣ пріютъ въ славянскихъ странахъ. Два года онъ прожилъ въ Болгаріи, читая курсъ по христіанской археологіи въ Софійскомъ университетѣ. Весною 1922 г. Н. П. Кондаковъ переѣхалъ въ Прагу, чтобы по предложенію Карлова Университета прочесть въ теченіи ряда семестровъ курсъ по исторіи искусства Восточной Европы. Курсъ этотъ — какъ бы синтезъ всѣхъ работъ Н. П. Кондакова, ученое и учебное событіе чрезвычайнаго значенія.

Долголѣтняя и многообразная дѣятельность академика Никодима Павловича Кондакова, какъ историка искусства, археолога, историка религіи и культуры, оцѣнена по достоинству наукою всѣхъ культурныхъ странъ.

Труды академика Кондакова — на протяженіи почти шестидесяти лѣтъ [1]) — представляютъ не только изумительное богатство разнообразныхъ строго провѣренныхъ фактическихъ свѣдѣній, но также прокладываютъ часто совершенно новые пути, по которымъ идутъ или даже только еще начинаютъ итти послѣдующіе изслѣдователи.

Научная дѣятельность академика Кондакова представляетъ особый интересъ и значеніе для славянскихъ ученыхъ — историковъ славянской культуры, искусства и религіи, изслѣдователей „славянскихъ древностей". При сочетаніи словъ „славянскія древности" приходитъ сейчасъ же на умъ имя чешскаго ученаго проф. Любора Нидерле. Труды проф. Нидерле сосредоточены преимущественно на вопросахъ собственной археологіи и исторіи матеріальнаго быта славянъ. Н. П. Кондаковъ разсматриваетъ изучаемый имъ матеріалъ преимущественно съ точки зрѣнія историка искусства.

Благопріятнымъ обстоятельствомъ для направленія работъ академика Кондакова было то, что вдохновителемъ его въ первыхъ шагахъ научной дѣятельности былъ извѣстный изслѣдователь русской литературы и старины, Ѳ. И. Буслаевъ. Ученый крупнаго размаха и ширины взглядовъ, Ѳ. И. Буслаевъ связалъ свои занятія древне-русской словесностью съ изученіемъ древне-русскаго искусства, и какъ разъ въ томъ же „Сборникѣ" 1866 г., гдѣ напечатаны были первыя работы акад. Кондакова, помѣщенъ обширный трудъ Ѳ. И. Буслаева „Общія понятія о русской иконописи". Ѳ. И. Буслаеву принадлежатъ настойчивыя указанія на необходимость изученія древне-христіанскаго и византійскаго искусства для пониманія искусства древнерусскаго. Въ этомъ

[1]) Первыя его работы появились въ „Сборникѣ, изданномъ обществомъ древнерусскаго искусства при Московскомъ Публичномъ музеѣ" 1866 г. Списокъ трудовъ см. въ изд. „Н. П. Кондаковъ," Прага 1924 (изд-во „Пламя").

смыслѣ Н. П. Кондаковъ въ 1885 г. назвалъ Буслаева „ученымъ наставникомъ нашихъ изслѣдователей отечественной древности.“ По словамъ Н. П. Кондакова (въ его рецензіи на Буслаевскій „Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI по XIX вв.“). Буслаевъ — „ученый основатель науки русской народной словесности“ — „уже давно и одинъ изъ первыхъ своими изслѣдованіями по символикѣ и миѳологіи древняго русскаго искусства положилъ основаніе его историческому изслѣдованію.“[1])

Такимъ образомъ Буслаевской традиціей въ дѣятельности Н. П. Кондакова является интересъ къ византійскому искусству. Но эту традицію Н. П. Кондаковъ не только сохранилъ — онъ развилъ и углубилъ её. Цѣлый рядъ трудовъ Н. П. Кондакова большаго и меньшаго внѣшняго объема, но всегда одинаковой внутренней значительности, посвященъ византійскому искусству, начиная съ докторской диссертаціи „Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей.“[2])

Въ византійскомъ искусствѣ вниманіе акад. Кондакова привлекали самыя разныя отрасли — миніатюра, эмаль, мозаика, филигрань и ткань, иконопись.[3])

Н. П. Кондакову принадлежитъ рѣшительно первое мѣсто въ томъ переломѣ взглядовъ на исторію византійскаго искусства, который произошелъ за послѣдніе годы. Ученые и знатоки археологіи и исторіи искусства видѣли раньше въ византійскомъ искусствѣ послѣ Юстиніана „мертвую, уродливую мумію.“ Н. П. Кондаковъ показалъ ошибочность этого взгляда и на примѣрѣ византійскихъ мозаикъ открылъ все „изящество композиціи, блескъ красокъ, крайне стильную, строгую но вмѣстѣ изящную манеру въ передачѣ византійскихъ типовъ, какую-то особую грацію и тонкое, хотя сентиментальное и преувеличенное выраженіе лицъ.“[4]) На основаніи изученія различныхъ отраслей византійскаго искусства Н. П. Кондаковъ установилъ его блестящее развитіе послѣ Юстиніана до иконоборческой эпохи, а затѣмъ „періодъ вторичнаго процвѣтанія“ съ конца IX по начало XIII в. Роковыми событіями, прервавшими традицію развитія византійскаго искусства Н. П. Кондаковъ считаетъ разграбленіе Константинополя крестоносцами 4-аго крестоваго похода (1204 г.) и установленіе латинской имперіи (1204—1261).[5]) Послѣ возстановленія — на два вѣка — греческой имперіи Палеологовъ византійское искусство уже не возстановилось въ прежнемъ блескѣ, творческія силы его были подорваны.

Византійское искусство привлекаетъ Н. П. Кондакова не только само по себѣ, но также тѣмъ, что оно является мощнымъ возбудителемъ въ развитіи искусства славянскаго, да и всего европейскаго искусства въ Средніе вѣка.

При этомъ само византійское искусство въ пристальномъ и проникновенномъ изученіи его Н. П. Кондаковымъ представляется не

[1]) Н. П. Кондаковъ. Русскій Лицевой Апокалипсисъ. Журн. М. Н. Пр. ч. 240, 1885 г. іюль, отд. „Критика и библіографія“, стр. 110—111.

[2]) Записки Новороссійскаго Университета, т. 21, Одесса 1877. Французскій переводъ: „Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures“, I—II (Paris 1886—1891).

[3]) Общая характеристика трудовъ акад. Кондакова по этимъ отраслямъ дана была мною въ рѣчи о научной дѣятельности Н. П. Кондакова на III съѣздѣ русскихъ ученыхъ въ Прагѣ 25 сент. 1924 г. (напеч. въ качествѣ приложенія къ Трудамъ III съѣзда русскихъ ученыхъ и отдѣльно, Прага 1924).

[4]) Н. П. Кондаковъ Мозаики мечети Кахріе-Джамиси въ Константинополѣ (Записки Новороссійскаго Университета, т. 31, Одесса 1880) стр. 295.

[5]) См. яркую характеристику этихъ событій въ „Исторіи Византійскаго искусства и иконографіи“, стр. 260—262.

простымъ и цѣльнымъ, а сложнымъ изъ разныхъ отдѣльныхъ составныхъ стихій-искусства античнаго, древне-христіанскаго и кочевническаго.

Послѣдней стихіи — искусству кочевниковъ II—IX вѣковъ — Н. П. Кондаковъ придаетъ особое значеніе. Міръ кочевниковъ, издавна основавшихся на широкихъ степяхъ Средней Азіи и южной Россіи, оказалъ по мнѣнію Н. П. Кондакова исключительное вліяніе на развитіе искусства византійскаго и всей средневѣковой Европы. Кочевническій міръ, соприкасавшійся на Востокѣ съ Китаемъ, Персіей, а отчасти — Индіей, на Западѣ доходилъ до Испаніи и Франціи (эпоха переселенія народовъ). Ширина вліянія его сочеталась съ внутреннею художественною значительностью предметовъ утвари, быта, конскихъ уборовъ, одежды и вообще искусства кочевниковъ (вспомнимъ т. наз. ,,звѣриный стиль"). Искусство это вліяло на различные славянскіе и вообще европейскіе народы частью прямо и непосредственно, а главнымъ образомъ черезъ посредство Византіи.

Фундаментъ средневѣковаго искусства вообще представляется такимъ образомъ Н. П. Кондакову сложеннымъ изъ камней, приносимыхъ искусствомъ римско-византійскимъ и кочевническимъ. ,,Византійскія власти съ особенною внимательностью отыскивали всякія варварскія украшенія, изощрялись въ ихъ улучшеніи при помощи своихъ мастерскихъ, и затѣмъ выдавали ихъ въ видѣ наградъ и отличій предводителямъ. Въ соотвѣтствіи съ различными чинами, число одеждъ, раздаваемыхъ въ подарки ,,народамъ", было весьма значительно, а при большомъ дворцѣ, въ кладовыхъ лежали въ запасѣ всякіе кафтаны, кавадіи, гуни и шубы для варваровъ и ихъ представителей въ церемоніяхъ. Такимъ путемъ произошло большинство всѣхъ знаковъ отличія въ европейскомъ средневѣковьѣ, почетныхъ шапокъ, шлемовъ и вообще головныхъ уборовъ, мужскихъ и женскихъ."[1]) Вліянію византійскаго и кочевническаго костюма спеціально была посвящена лекція Н. П. Кондакова о скарамангіи — ѣздовомъ кафтанѣ византійскихъ императоровъ.[2]) Блестящее толкованіе развитія народнаго костюма македонскихъ славянъ изъ историческаго византійскаго придворнаго костюма сдѣлано Н. П. Кондаковымъ въ его извѣстномъ ,,археологическомъ путешествіи" по Македоніи. Праздничная женская одежда въ селахъ около Битоля и Охриды, въ которой отличительнымъ элементомъ является плотный поясъ — оказывается отраженіемъ парадной одежды ,,опоясанной патриціанки" описанной Константиномъ Багрянороднымъ.[3]) Вліяніе византійскаго искусства сказывалось и во всѣхъ другихъ отрасляхъ — миніатюрѣ, эмали, орнаментѣ и т. д. Вліяніе это Н. П. Кондаковъ описываетъ во всѣхъ соприкасавшихся съ Византіей странахъ христіанскаго міра — Италіи, Венгріи, Грузіи, и конечно въ первую очередь въ славянскихъ странахъ, а изъ этихъ послѣднихъ особенно на Балканахъ и Руси.

Вліяніе византійскаго искусства не было однако механическимъ давленіемъ. Оно сочеталось съ мѣстными художественными силами и наряду съ кочевническимъ искусствомъ давало толчокъ дальнѣйшему самобытному народно-художественному развитію. Интереснымъ въ этомъ смыслѣ представляется вопросъ о тератологическомъ орнаментѣ въ болгарскихъ лицевыхъ рукописяхъ.[4]) Изслѣдуя предметы русскихъ древностей и искусства Н. П. Кондаковъ прямо говоритъ о ,,русско-визан-

---

[1]) Русскія Древности, V, 43.

[2]) Лекція эта (23 ноября 1923) организована была обществомъ Kruh pro pěstování dějin umění въ Прагѣ; на ту же тему Н. П. Кондаковымъ былъ прочитанъ докладъ на конгрессѣ византиновѣдовъ въ Букарестѣ въ апрѣлѣ 1924 и печатается статья въ первомъ номерѣ новаго журнала Byzantion.

[3]) Македонія Археологическое путешествіе Н. П. Кондакова. Спб. 1909, см. особ. стр. 48—51.

[4]) ,,Македонія", стр. 54—60.

тійскомъ" искусствѣ. Памятниками его являются, напр., фрески Кіево-Софійскаго собора съ изображеніемъ константинопольскаго ипподрома[1]) и одинъ изъ цѣннѣйшихъ предметовъ древнерусскаго искусства, т. наз. шапка Мономахова, которую Н. П. Кондаковъ, по деталямъ техники, относитъ къ XII вѣку.[1])

Н. П. Кондаковымъ заложены прочныя основы изученія исторіи искусства славянъ. Потребуются напряженныя усилія ряда изслѣдователей этой исторіи для того, чтобы достичь дальнѣйшихъ результатовъ по проложеннымъ путямъ.

Залогомъ бодрости и успѣха для всѣхъ, кто работаетъ въ этой области, является то, что самъ Н. П. Кондаковъ, не покладая рукъ, продолжаетъ свои труды въ кругу тѣхъ вопросовъ, многіе изъ которыхъ имъ самимъ были возбуждены и поставлены въ очередь научнаго изслѣдованія! *Проф. Г. Вернадскій.*

Historična gramatika slovenskega jezika *Fr. Ramovše* začala vycházeti. Z velikého tohoto díla, rozpočteného na 7 částí, vyšla část druhá, jednající o konsonantismu (v Ljubljani 1924, založila »Učiteljska tiskarna«; str. X a 336, za 260 dinarů). Část první bude obsahovati úvodní kapitoly historické mluvnice: výklad o vzniku individuálnosti slovinského jazyka, historii slovinského mluvnictví, vývoj slovinské grafiky, výklad o jazykových pramenech, literaturu předmětu a popis hlásek. Ze svazků dalších bude předmětem svazku třetího vokalism, svazku čtvrtého akcent, svazku pátého tvarosloví, svazku šestého syntax a svazku posledního dialektologie s dodatkem o slovinském jazyce spisovném. Dílem tímto krásně zahajuje Znanstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani svou sbírku »Dela«; prvním svazkem jeho Rozprav vyšlým loni (v Ljubljani 1923, str. 400) a obsahujícím devět studií z oboru nauk filosofických a filologicko-historických neméně šťastně vstoupila v život druhá serie publikací tohoto družstva, jež se takto velmi čestně staví po bok akademiím a učeným společnostem slovanským.

K etymologii slova *kъńiga* znovu se vrací J. J. Mikkola, jenž se již před lety (Finnisch-ugrische Forschungen 2, 77) slovem tím obíral a nalézal poslední jeho pramen v assyrském *kunukku* ‚pečeť' vida v arm. *knik*‘ člen sprostředkující, v článku »Zur Etymologie von ung. *könyv* und slov. *kъnjiga*« v Mémoires de la Société finno-ougrienne 52, 1924, 187—190. Přes důrazné protesty Brücknerovy (KZ. 45, 1913, 313 n., ib. 48, 1918, 170, Erforschung der indogerm. Sprachen III, 72), jenž vidí v slově tom domácí výraz slovanský (také Sobolevskij РФВ. 70, 1913, 70 má slovo *kъńiga* za slovo domácí), trvá na tom, že slov. *kъńiga* spolu s maď. *könyv* ‚kniha‘, mordvín. *końov* ‚papír‘ má svůj původ kdesi na východě, a konstatuje v záp.-ossetském *k'iunuga* (vých.-osset. *činig*) ‚kniha‘, o němž dovozuje, že není to výraz přejatý z ruštiny, jak se obecně za to má, nýbrž starý výraz ossetský, další článek v tomto řetěze vedoucím od východu k západu. Mordvín. *końov* může býti ze staršího **kuńuγ* a shoduje se tedy se slov. *kъńiga*, jež je ze staršího *kuńūga* (odkud délka druhého *u*?); maď. *könyv* (ze st. **keńeγ*) má už znění odchylné a ještě odchylnější je arm. *knik*‘. Odkud kulturní tento výraz pochází, není ani nyní ještě viděti, ani cestu, kterou se dostal k Slovanům, Maďarům a Mordvínům; že se to stalo prostředím tureckým, jak se domnívá Berneker Etym. Wb. 1, 664, nelze předpokládati, už proto ne, že v turečtině slova takového není. Na to ukazuje také H. Sköld Lehnwörterstudien (Lunds Universitets Årsskrift, N. F. Avd. 1, Bd. 19, Nr. 7, 1923) str. 19, jenž míní, že by bylo možno hledati pramen výrazů ugrofinských a výrazu slovanského v čínském *king* ‚Aufzug; Ader; heiliges Buch, Sutra; die Klassiker‘. Oporou se mu zdá být to, že slovo to v mordvinštině a také ve slovanštině aspoň částečně znamená ‚papír‘, jenž v Číně byl už v 2. stol. po Kr. znám. Ovšem způsob, jímž se slovo to dostalo z Číny k Ugrofinům a k Slovanům ani on ukázati nedovede.

---

[1]) Записки Имп. Русск. Археол. Общества III (1888).

[2]) Русскія Древности, V, 48.

Moskva. Původ a význam tohoto jména vykládá G. Iljinskij v článku »Река Москва« (Извѣстия Российской Академии Наук 1922, 601—604). Z tvarů takových jako *на Московь, из Москве, на Москви*, jež se vyskytují v strus. letopisech, je viděti, že slovo to původně znělo *Mosky, Moskъve.* Iljinskij vykládá je od kořene *mosk-*, což je kořen paralelní kořeni *mozg-*, známému z lit. *mazgóti* ‚mýti', lat. *mergere* atd.; je to dvojí rozšíření základního kořene *mos-*, jednou determinantem *k*, po druhé determinantem *g*. Kořen *mozg-* na slovanské půdě je v polském jméně řeky *Mozgawa*, kořen *mosk-* pak vidí Iljinskij v pol. *moszcz*, jež nemůže podle něho souviset s něm. *Most* a lat. *mustum*, a v rus. *москоть*, jež znamená »всякие влажные, липкие вещества« a jež nelze uváděti v souvislost s řec. *μόσκος, μόσχος* ani s ital. *muscato*, jak se někdy děje. Subst. **mosky* označovalo »вязкую, топкую, болотистую местност«, a *Москъва* řeku protékající takovým místem. Bylo by ovšem bývalo záhodno podrobněji promluviti o tvoření tohoto slova,o suffixální jeho části. *O. H.*

Českou mluvnici pro Srby a Chorvaty napsal *Stjepan Musulin*, ředitel záhřebského gymnasia a lektor češtiny na universitě, překladatel hlavně Masarykových prací do srbochorvatštiny. Vyšla pod názvem Češka gramatika i uputa u češko trgovačko dopisivanje v Záhřebě r. 1924 (str. 201, cena neudána) jeho vlastním nákladem za podpory českosloven. ministerstva školství a národní osvěty. Jest to popisná mluvnice spisovného jazyka českého, jak jej zachycují a předpisují školní mluvnice (Gebauerovy a Ertlovy) a Pravidla českého pravopisu. Obsahuje po stručné části o výslovnosti čes. hlásek, o pravopisu, o hlavních změnách hláskových, pokud je jich třeba pro tvarosloví, a o poměru českých a srch. hlásek (st. 5—19) podrobné tvarosloví, probrané podle systému školních mluvnic Gebauerových, v něm také tvoření adverbií a stupňování jejich i adjektiv, a nakonec (str. 137—156) poznámky o skladbě, hlavně diferenční, a to o vazbách pádových, o předložkách a spojkách. Do tvarosloví jest vloženo vedle bohatých příkladů 34 cvičení, totiž české věty, typu asi jako ve cvičebnicích metody Gaspey—Otto—Sauer a stejně trochu neživotné. K mluvnici je připojen přehled frází a vzorů obchodní korespondence (str. 157—196), poněvadž jest kniha ta určena především pro žáky záhřebské vysoké školy pro obchod a průmysl, kde autor učí češtině. Nevšímá si takořka vůbec mluvené češtiny — imperativ slovesa *krýti* zní v obec. češt. *krej, zakrej* a ne *kry*, jak uvedeno na str. 6 v pozn.; bylo by, myslím, dobře, aby další vydání upozorňovala alespoň na základní rozdíly mezi češtinou spisovnou a hovorovou. Naopak uvádí kniha, svedena asi svými prameny, někde i slova a tvary docela zastaralé, nežijící už ani v knižním jazyku, na př. *ufati* (str. 5), *dada, dadouc* (str. 129). Jinak věcných chyb a nedopatření skoro nemá, lze uvésti jen některé drobnosti: na př. české předložky nelze nazývati proklitickými (str. 10), psané *mě* se vyslovuje vždy *mňe* a stejně skupina *-nb-*, *-np-* vždy *mb, mp* (str. 16), slovo *městský* zní často *mňeský* (str. 15), u duálních a plurálních tvarů jmen *noha, ruka* měl autor zdůrazniti jejich rozdílný význam a j. Neopraveno zůstalo něco chyb tiskových, na př. na str. 49 Přidavná m. Přídavná, na str. 65 Veř m. Věř. str. 161 Obracime m. Obracíme, str. 166 Vam a j. V korespondenci zachovávají se mnohé její jazykové zlozvyky, ovšem podle českých vzorů,na př. obdržel a pod. Kniha Musulinova jest dnes největší a nejpodrobnější mluvnickou cvičebnicí češtiny pro cizince nejen v literatuře srbochorvatské, ale v slovanské vůbec, účelu svému, naučiti systematicky mluvnické stavbě jazyka českého, vyhoví jistě dobře. *BHk.*

Neznámý auktor slovanského komentáře žaltářního. Staroslověnské komentované žaltáře mají dva rozdílné výklady. Žaltář t. zv. Čudovský je opatřen výkladem známého Theodoreta z Kyru; mnohem rozšířenější je jiný komentář, s nímž se potkáváme již ve zlomcích žaltáře Eugeniova, zvláště pak v Pogodinově a Boloňském, z hlaholských pak v žaltáři Fraščićově. Jagić, který pojal do vydání žaltáře Boloňského i komentář, namáhal se, aby nalezl k němu i řeckou předlohu. Konečně předlohu našel, ale nemohl zjistiti auktora. Vydal tudíž přílohu či doplněk Boloňského žaltáře: »Incerti auctoris explanatio psalmorum graeca ad fidem codicum edidit V. J.« — Vindo-

bonae MDCCCCXVII. V článku »La chaine sur le Psaumes de Daniele Barbaro« Abbéa Roberta Devreesse[1]) se dočítám, že auktorem předlohy druhého slovanského komentáře žaltářního je Hesychios Jerusalemský. Životopisné údaje o tomto Hesychiovi jsou dosti neurčité;[2]) podle jedněch zpráv súčastnil se sporů Nestorijsko-Eutychiových, k jehož straně se přiklonil, podle jiných není zmínky o jeho činnosti polemické a spíše se zdůrazňuje jeho činnost literární, jakožto komentátora Písem sv. Zemřel v Jerusalemě; synaxaria připomínají jeho památku 28.[3]) března. Podle výsledkům badání řečeného pisatele zjištěných napsal Hesychios Jerusalemský mimo jiné i tři komentáře na žaltář. Prvý neprávem připisovaný sv. Atanasiovi, který se uvádí mezi jeho spisy pod názvem: de Titulis psalmorum. Druhý je onen, který vydal Jagić v jeho »Supplementum psalterii Bononiensis. Třetí konečně, jímž bývá doplňován neúplný komentář sv. Jana Zlatoústého. Jak mi auktor zmíněného článku sdělil, bývají někdy oba prvé komentáře pomíšeny; brzy z toho, brzy z onoho. Takovým smíšeným komentářem je opatřen jeden kodex knihovny sv. Marka v Benátkách, jiný pouze textem jednoho z komentářů, oba však se jménem Hesychia v čele. Kodex Marc. I 31: *Ἡσυχίου πρεσβυτέρου Ἱεροσολύμων εἰς τὴν ἑρμενείαν τοῦ ψαλτηρίου* a druhý Marc. I 38: *Ἡσυχίου καὶ* (!) *πρεσβυτέρου Ἱεροσολύμων εἰς τὴν ἑρμηνείαν τοῦ ψαλτηρίου.*[4])

V Římě 5. října 1924.

Jos. Vajs.

Искусство. Журнал Российской Академии Художественных Наук. № I. Москва. Государственное Издательство. 1923. 4°. 452. Съ 12 отд. л. л. рис. и снимк.

Въ октябрѣ 1921 г. въ Москвѣ было создано новое научное учрежденіе ,,Россійская Академія Художественныхъ Наукъ''. Цѣль Академіи — ,,всестороннее научное изслѣдованіе и разработка вопросовъ искусства и художественной культуры, въ частности, вопросовъ синтеза искусствъ, и, во вторыхъ, объединеніе научной дѣятельности художественныхъ учрежденій страны и научно-творческихъ силъ въ области искусства''. Президентомъ Академіи состоитъ П. С. Коганъ, и. д. вице-президента проф. Н. К. Пиксановъ. Журналъ ,,Искусство'', первый № котораго вышелъ въ 1923 г., является органомъ этого новаго научно-правительственнаго учрежденія.

Въ журналѣ имѣются статьи по всѣмъ отдѣламъ искусства, въ частности очень содержателенъ отдѣлъ литературы и литературныхъ матеріаловъ.

Въ отдѣлѣ литературы двѣ статьи теоретическаго характера. Статья проф. П. Н. Сакулина ,,Къ вопросу о построеніи поэтики'' (стр. 79—93) характера полемическаго. Она вызвана работой В. М. Жирмунскаго ,,Задачи поэтики'', напечатанной въ № 1 журнала ,,Начала'' (1921). П. Н. Сакулинъ возражаетъ противъ очень распространеннаго сейчасъ въ Россіи теченія т. наз. ,,формистовъ'', которые базируютъ поэтику на лингвистикѣ. П. Н. Сакулинъ показываетъ, что даже у В. М. Жирмунскаго, не занимающаго крайняго крыла формистовъ, пріоритетъ лингвистики ведетъ къ ряду противорѣчій. Основной базой для поэтики, по мнѣнію П. Н. Сакулина, ,,должно служить ученіе о процессѣ литературно-художественнаго творчества'' (стр. 93). Вторая статья ,,Новый путь литературной науки'' Н. К. Пиксанова методологическаго характера (94—113); она выдвигаетъ важность изученія творческой исторіи крупныхъ литературныхъ произведеній. Статья отчасти направлена тоже противъ увлеченія формальной поэтикой. Тезису В. М. Жирмунскаго: ,,только теоретическая поэтика мо-

[1]) Revue Biblique, Paris, October 1924.

[2]) Nejobšírnější zprávu o životě a pracích Hesychiových podává Bardenhewer, Geschichte der altkirchlichen Literatur IV 1924 p. 257—261.

[3]) Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae, ed. Delehaye 1902.

[4]) s komentářem smíšeným.

жетъ построить ту систему научныхъ понятій, въ которой нуждается историкъ поэзіи при разрѣшеніи встающихъ передъ нимъ конкретныхъ проблемъ" противопоставляется въ статьѣ обратное положеніе: „только исторія литературы, историческая поэтика могутъ дать прочный фундаментъ теоретическимъ опредѣленіямъ" (стр. 100). Н. К. Пиксановъ считаетъ необходимымъ восполнить понятіе исторической поэтики. „Поэтика должна изучать типы и эволюцію поэтическихъ формъ не только въ разныхъ періодахъ и цѣлыхъ поколѣніяхъ, но и въ творчествѣ отдѣльныхъ поэтовъ — въ исторіи отдѣльныхъ крупныхъ произведеній" (стр. 101). Принципомъ и методомъ изученія творческой исторіи шедевра и посящена статья. Къ сожалѣнію, авторъ не раздѣляетъ задачъ исторіи литературы и исторической поэтики.

Въ отд. литературы имѣется еще статья М. О. Гершензона „Тѣнь Пушкина" (стр. 114—141), которая разрабатываетъ въ обычной его манерѣ проблему отношенія Пушкина къ вопросу о загробномъ существованіи. Авторъ приходитъ къ выводу о двойственномъ отношеніи Пушкина къ проблемѣ загробной жизни. Пушкинъ „высказываетъ въ перемежку два противоположныхъ утвержденія „загробной жизни нѣтъ" и „вѣрю въ безсмертіе личности". Какъ совмѣстить это противорѣчіе? „Для Пушкина его ‚нѣтъ' и ‚да' въ вопросѣ о загробной жизни", говоритъ М. О. Гершензонъ, „были не двумя истинами разнаго качества: одна — истиной разсудка, другая — истиной духа". Въ статьѣ попутно разбросано много интересныхъ мыслей и тонкихъ наблюденій. Для психологіи творчества особенно интереснымъ является наблюденіе М. О. Гершензона надъ „процессомъ воплощенія вѣры" въ объективные художественные образы. Это наблюденіе даетъ право на болѣе широкія обобщенія, чѣмъ сдѣланыя авторомъ.

Много цѣннаго въ отдѣлѣ „матеріаловъ" Л. П. Гроссманъ даетъ выдержки изъ „воспоминаній А. Г. Достоевской" (342—355). Г. И. Чулковъ въ статьѣ „Тютчевъ и Гейне" пересматриваетъ вопросъ о текстѣ тютчевскихъ переводовъ изъ Гейне на основаніи вновь привлеченныхъ автографовъ писателя. Между прочимъ Г. И. Чулковъ приводитъ по найденному имъ автографу неизвѣстный переводъ Тютчева стих. Гейне „Das Herz ist mir bedrückt und sehnlich . . .", которое у Тютчева начинается словами: „Закралась въ сердцѣ грусть — и смутно . . ." Авторъ останавливается также на вопросѣ объ отношеніяхъ Тютчева и Гейне. Между прочимъ здѣсь высказывается возможность зависимости Гейне отъ Тютчева въ его сужденіяхъ о Россіи.

Н. Ф. Бѣльчиковъ въ статьѣ „А. Н. Островскій" (стр. 365—372) приводитъ архивные матеріалы о драматургѣ. Первая часть, озаглавленная „Подъ секретнымъ надзоромъ" приводитъ документы изъ Секретнаго Отдѣленія Канцеляріи Моск. Воен. Генер.-Губернатора „о литераторѣ Островскомъ", начатое 10 апр. 1850 г., послѣ появленія въ печати комедіи „Свои люди — сочтемся". Во второй части приведены матеріалы, извлеченные изъ архива Моск. Университета, относящіеся ко времени пребыванія Островскаго въ Московскомъ Университетѣ (1840—1842).

И. Л. Поливановъ въ статьѣ „Автографы изъ собранія Л. И. Поливанова" (стр. 311—341) приводитъ и обстоятельно комментируетъ рядъ цѣнныхъ автографовъ изъ собранія своего отца. Здѣсь имѣются автографы А. С. Пушкина, кн. В. Ф. Одоевскаго, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго, И. С. Тургенева, А. Н. Остроевскаго, А. Шеншина-Фета и др. Съ историко-литературной стороны наибольшій интересъ представляютъ матеріалы, относящіеся къ Пушкину. Среди автографовъ Пушкина имѣется послѣднее лицейское его стихотвореніе „Товарищамъ" („Промчались годы заточенья . . ."), съ рядомъ интересныхъ варіантовъ сравнительно съ извѣстными уже его списками. Біографическій интересъ представляетъ письмо П. В. Нащокина къ А. С. Пушкину (апр. 1834 г.) и письмо кн. В. Ф. Одоевскаго къ Н. Н. Пушкиной (10 мая 1836 г.). Статья снабжена шестью снимками съ автографовъ. Въ заключеніе от-

мѣтимъ въ отдѣлѣ „Театръ" статью Н. А. Бродскаго „Исторія стиля русской комедіи XVIII вѣка" (стр. 172–184). Заглавіе статьи шире ея содержанія. Авторъ останавливается исключительно на комедіяхъ Сумарокова со стороны ихъ языка. Эти наблюденія надъ языкомъ комедій Сумарокова даютъ возможность автору установить „сочную реалистическую струю" въ его творчествѣ. Въ связи съ этимъ авторъ выдвигаетъ роль Сумарокова „въ установленіи принципа характерности и народности языка русской комедіи". Сумарокову, говоритъ Н. А. Бродскій „приходилось первому создавать комическую прозу и онъ намѣтилъ ту дорогу, по которой шли русскіе комическіе писатели отъ Фонвизина до Островскаго" (стр. 183). *А. Бемъ.*

Научные известия. Сборник второй. Философия. Литература. Искусство. (Академический центр Наркомпроса). Москва. Госиздат. 1922. 350 стр.

Второй сборникъ „Научных известий" имѣетъ совершенно исключительное значеніе для ознакомленія съ научными работами по исторіи литературы въ Россіи за послѣдніе годы, главнымъ образомъ за 1918 до 1920 г. г., когда научная связь съ Россіей была особенно затруднена. Изъ статей въ сборникѣ слѣдуетъ отмѣтить изслѣдованіе проф. *П. Н. Сакулина:* „Русские пионеры научного социализма" (стр. 59—103). Авторъ пересматриваетъ вопросъ о раннемъ вліяніи марксизма въ русской литературѣ. Большое вниманіе въ статьѣ удѣлено П. В. Анненкову, Валерьяну Н. Майкову, В. А. Милютину и меньшее В. Г. Бѣлинскому и В. П. Боткину въ ихъ отношеніи къ марксизму. Въ общемъ авторъ приходитъ къ выводу, что при несомнѣнномъ разочарованіи русской интеллигенціи 40-хъ г. г. въ утопическомъ соціализмѣ, все-же нельзя утверждать, что уже въ это время сказалось непосредственное вліяніе марксизма. Это было только еще „преддверіе научнаго соціализма", не окрашенное еще въ цвѣтъ опредѣленной доктрины. Во второмъ отдѣлѣ — „Обзоры", наиболѣе цѣнномъ для насъ, имѣется статья *А. А. Сидорова* „Очерк литературы по искусствоведению" (стр. 140—164). Она даетъ обзоръ работъ по теоріи и исторіи искусства, вышедшихъ за періодъ 1915—1919 г. г. Въ примѣчаніяхъ къ статьѣ содержится библіографическій перечень отмѣченныхъ въ обзорѣ работъ, въ частности и по вопросамъ исторіи русскаго искусства (№№ 98—134). *Вяч. И. Ивановъ* далъ содержательный очеркъ „О новейших теоретических исканиях въ области художественного слова" (стр. 164—180). Авторъ даетъ оцѣнку статей *Андрея Бѣлаго* „Жезлъ Аароновъ, о словѣ въ поэзіи" (сборн. „Скифы" I, стр. 155—212) и „О художественной прозѣ" (сборн. „Горн", II—III, стр. 49—55). Интересны въ этой части мысли Вяч. Иванова, попутно высказываемыя о творчествѣ Тютчева и Пушкина въ ихъ сопоставленіи („логизмъ Пушкина, въ процессѣ творчества, былъ трансцендентенъ творческой личности, логизмъ же Тютчева . . . ей имманентенъ. Тютчевъ ищетъ освѣтить міръ своимъ интуитивнымъ мышленіемъ; Пушкинъ мыслитъ самимъ міромъ, т. е. логизмомъ идей, воплотившихся въ вещахъ"; стр. 167). Затѣмъ Вяч. Ивановъ останавливается на работахъ *Вал. Брюсова* „Наука о стихе" (М. 1919) и „Опыты" (М. 1918). Отмѣчая формально-метрическій подходъ автора къ проблемамъ стихотворной рѣчи, авторъ все же не даетъ столь рѣзко отрицательнаго отзыва о книгахъ В. Брюсова, какъ *Р. О. Якобсонъ* на страницахъ этого же сборника („Брюсовская стихология и наука о стихе", стр. 222–240). Удѣляетъ Вяч. Ивановъ вниманіе въ своемъ обзорѣ и работамъ „Опояза" („Сборники по теоріи поэтическаго языка" В. I-1916 г. и вып. II-1917 г. и „Поэтика" Прг. 1919 г.). Признавая извѣстныя заслуги формальной школы въ изученіи литературы, авторъ упрекаетъ ея послѣдователей въ односторонности и упрощенности истолкованія всей сложности творческаго процесса. Авторъ полагаетъ, что „самая тщательная и остроумная разработка словеснаго матеріала, достаточнаго для освѣщенія лишь отдѣльныхъ частныхъ явленій въ жизни слова, при отсутствіи какъ философ-

скаго анализа ихъ, такъ и исторической перспективы, не оправдываетъ притязанія заложить основы новой „научной“ точнѣе-эмпирической поэтики“ (стр. 177). Въ частности, Вяч. Ивановъ отмѣчаетъ полемическое отношеніе формальной школы къ Потебнѣ, совершенно неучитывающей роль образа въ творческомъ процессѣ. Въ заключеніи своего обзора Вяч. Ивановъ останавливается на статьѣ *М. О. Гершензона* „Видение поэта“. Авторъ видитъ въ ученіи М. О. Гершензона объ отображеніи въ каждомъ произведеніи „цѣлостнаго видѣнія міра“ поэта извѣстное сходство съ платонизмомъ и попутно отмѣчаетъ расхожденія между взглядами Гершензона и ученіемъ Платона.

Слѣдующій обзоръ *Л. К. Ильинскаго* „Книги по истории русской литературы въ 1917—18 г. г.“ (стр. 181—195), даетъ возможность ознакомиться съ работами по исторіи русской литературы за годы, о которыхъ за предѣлами Россіи меньше всего извѣстно. Обиліе матеріала свело обзоръ почти къ простому перечисленію книгъ и статей, вышедшихъ за эти годы. Изъ книгъ по древней литературѣ выдѣлены работы *В. И. Адріановой:* „Житіе Алексѣя человѣка Божія, въ древне-русской литературѣ и народной словесности (Пбр. 1917) и *А. С. Орлова* „Домострой“. ч. I. (М. 1917). Для исторіи театра и драмы имѣютъ значеніе работы ак. *Перетца* „Итальянскія комедіи и интермедіи при дворѣ имп. Анны Ивановны въ 1733—35 г. г. (П. 1917), бар. *Н. В. Дризена* „Драматическая цензура двухъ эпохъ (1825—1881 г. г.)“ (Пет. 1917) и изслѣдованіе *Ю. Веселовскаго* „Я. Б. Княжнинъ. Жизнь и творчество“ (М. 1918). Изъ новыхъ изданій русскихъ авторовъ отмѣтимъ I-ый томъ академическаго изданія „Сочиненій Н. М. Карамзина подъ ред В. В. Сиповскаго (1917)“, куда вошла лирика Карамзина. Изданы дополнительные томы (22 и 23) полнаго изданія собр. сочин. *Достоевскаго* въ изд. „Просвѣщеніе“ подъ ред. *Л. Гроссмана*, гдѣ даны забытыя произведенія писателя (Пет. 1918). За эти же годы вышли I—VIII т. т. собранія соч. *А. И. Герцена* под ред. *М. К. Лемке*. Подъ ред. *В. В. Спиродонова* вышелъ I томъ „Полнаго собранія сочиненій Ап. Григорьева“ (Пет. 1918) съ обстоятельной статьей редактора объ Ап. Григорьевѣ. За упомянутые годы вышли въ свѣтъ и цѣнные матеріалы по исторіи литературы и общественности. *М. О. Гершензонъ* выпустилъ IV т. „Русскихъ Пропилей“ съ матеріалами изъ архива Огарева. Подъ ред. *В. Н. Княжнина* въ изданіи Пушкинскаго Дома вышли матеріалы для біографіи Ап. Григорьева: „*Ап. Григорьевъ.* Матеріалы для біографіи“ (Пет. 1917). Л. Н. Толстому посвященъ I т. изданія „*Л. Толстой.* Памятники творчества и жизни“, редактированные *В. И. Срезневскимъ* и *А. Л. Бемомъ*. По прежнему богаты содержаніемъ очередные вып. „Пушкинъ и его современники“ (вв. XXVIII и XXIX—XXX. П. 1917, 1918.) „Юбилейной литературѣ объ И. С. Тургеневѣ“ посвященъ спеціальный обзоръ *Н. Л. Бродскаго* (стр. 195—221). Здѣсь авторъ по справедливости на первое мѣсто выдѣляетъ изданіе Государственныхъ театровъ „Тургеневъ и Савина. Письма И. С. Тургенева къ М. Г. Савиной. Воспоминанія М. Г. Савиной объ И. С. Тургеневѣ. Съ предисловіемъ и подъ ред. *А. Ф. Кони*, при ближайшемъ сотрудничествѣ *А. Е. Молчанова* (Пет. 1918). Книга даетъ возможность шагъ за шагомъ прослѣдить наростаніе послѣдней любви Тургенева къ великой русской артисткѣ, съ которой онъ познакомился въ 1879 г. Цѣнные матеріалы о Тургеневѣ собраны въ сборникахъ: „Литературно-библіогическій сборникъ“ п. р. *Л. К. Ильинскаго* (П. 1918) и „Петроградскій Тургеневскій сборникъ“ п. ред. В. Евгеньева-Максимова въ изд „Задруги“. Въ послѣднемъ помѣщены письма отца писателя *С. Н. Тургенева,* дающія представленія о немъ, какъ о заботливомъ и внимательномъ родителѣ. Изъ изслѣдованій о творчествѣ Тургенева отмѣчены книги *А. Е. Грузинскаго* „И. С. Тургенев (личность и творчество) 1818—1918“ (М. 1918) и проф. *П. Н. Сакулина.* „На грани двух культур. И. С. Тургенев“ (М. 1918). Творчеству Тургенева посвящены нѣсколько юбилейныхъ сборниковъ. Московскій сборникъ „Творчество

Тургенева", подъ ред. И. Н. Розанова и Ю. М. Соколова. (М. 1920, изд. „Задруга" (содержить статьи: *В. М. Фигнеръ* „Повѣсть и романъ у Тургенева", И. Н. Розановъ „Пѣвецъ молчанія" (о стихотвореніяхъ Тургенева), *С. В. Шуваловъ* „Природа въ творчествѣ Тургенева", *Б. Е. Лукьянскій* „Эпитетъ у Тургенева", *М. А. Петровскій* „Таинственное у Тургенева", *В. Е. Вѣтринскій* „Муза-вампиръ", *К. Г. Локсъ* „Вѣра и сомнѣнія Тургенева", *М. М. Клевенскій* „Общественно-политическіе взгляды Тургенева", *Б. М. Соколовъ* „Мужики въ изображеніи Тургенева". Въ Одессѣ вышелъ сборникъ „Вѣнокъ Тургеневу" (Од. 1918) со статьями *В. Фишера* „Таинственныя повѣсти Тургенева", *В. Гиппіусъ* „О композиціи тургеневскихъ романовъ", *Варнеке* „Тургеневъ — драматургъ", *Л. Гроссманъ* „Senilia«. Петроградскій тургеневскій сборникъ п. ред. В. Евгеньева-Максимова содержитъ слѣд. статьи о творчествѣ Тургенева: *К. Истоминъ* „Романъ Рудинъ. Изъ исторіи тургеневскаго стиля", *А. Долининъ* „Тургеневъ и Чеховъ" (опытъ анализа „Свиданія" Тургенева и „Егеря" Чехова), *В. Евгеньевъ-Максимовъ* „Тургеневъ и Некрасовъ" и *Л. Ильинскій* „Основной мотивъ творчества Тургенева". Это только главнѣйшее изъ тургеневской литературы, отмѣченное въ очеркѣ Н. Бродскаго.

Въ отдѣлѣ третьемъ „Научныхъ извѣстій", посвященномъ отзывамъ о книгахъ, кромѣ уже упомянутой выше статьи Р. Якобсона, отмѣтимъ обстоятельную статью проф. *Н. К. Пиксанова* „Рецидивъ редакторской безграмотности" объ изданномъ подъ редакціей *П. П. Гнѣдича* „Горе отъ ума" Грибоѣдова (*А. С. Грибоедов.* Горе отъ ума. Редакция театрального текста и примечания П. П. Гнедича. Издание Театрального Отд. Народн Комиссариата по просвещенію П. 1919). Проф. *Б. Соколовъ* въ статьѣ „Уголокъ русскаго сказочнаго міра" (стр. 255—268) даетъ отзывъ о новомъ сборникѣ великорусскихъ сказокъ („Сборникъ великорусскихъ сказокъ Архива Географическаго Общества. Издалъ А. М. Смирновъ. В. I—II. П. 1917).

Четвертый отдѣлъ даетъ свѣдѣнія о научной жизни ученыхъ обществъ Петрограда, Москвы и другихъ университетскихъ городовъ. Эти отчеты свидѣтельствуютъ о непрерывающейся научной дѣятельности, несмотря на тяжелыя условія жизни. Лучшій показатель этихъ ужасныхъ условій большое число некрологовъ, завершающихъ сборникъ. Изъ историковъ литературы за эти годы умерли: Алексѣй Н. Веселовскій (25. XI. 1918), А. К. Бороздинъ (1918), В. В. Каллашъ (16. I. 1918), Юрій А. Веселовскій (11. IV. 1919), И. А. Шляпкинъ (29 V. 1918), Х. М. Лопаревъ (30. IX. 1918 г.), Гр. А. Воскресенскій (15. III. 1918 г.), изъ славистовъ — Р. Ф. Брандтъ (2. III. 1920), Т. Д. Флоринскій (разстрѣлянъ въ Кіевѣ въ 1919 г.) и П. А. Заболотскій (убитъ въ Нѣжинѣ въ декабрѣ 1918 г.). *А. Бемъ.*

Въ Москвѣ вышелъ новый журналъ: **„Архивное дѣло"** (Вып. 1. Москва. 1923. Изд. Центроархива. 8°, 174 стр.). Журналъ является органомъ Главнаго Архивнаго Управленія („Главархива"), возглавляющаго нынѣ все архивное дѣло въ Россіи. Изданіе ставитъ своей цѣлью „научную обработку теоретическихъ и практическихъ проблемъ архивнаго дѣла и посильное освѣщеніе новой архивной жизни, какъ она проходитъ послѣ реформы 1-го іюня 1918 г." Въ № 1, кромѣ статей теоретическаго характера, имѣется отчетъ о „Первой Всероссійской Конференціи архивныхъ работниковъ", состоявшейся въ концѣ 1921 г. и статья М. Вишневскаго „Лѣтопись архивной жизни провинціи за 1920 г.", въ которой имѣется богатый матеріалъ о судьбѣ провинціальныхъ архивовъ. Среди многочисленныхъ некрологовъ, свидѣтельствующихъ о тяжкой жизни русскихъ научныхъ работниковъ, отмѣтимъ некрологи извѣстнаго историка А. Е. Ефименко (убита осенью 1918 г. на своомъ хуторѣ во время наступленія красноармейскихъ войскъ на Харьковъ) и историка русскаго права П. А. Бѣляева (ум. въ мартѣ 1919 г.) *А. Б.*

С. А. Жебелевъ, Введеніе въ Археологію. Ч. I. Исторія археологическаго знанія. Ч. II. Теорія и практика археологическаго знанія. Петроградъ 1923 г. „Наука и Школа".

Если вообще археологія, въ современномъ ея пониманіи, наука молодая и сравнительно недавно могла бы отпраздновать свой столѣтній юбилей, то русская и подавно. Научный интересъ къ вещественнымъ памятникамъ прошлаго, ихъ историческое значеніе и роль для пониманія самаго хода исторіи культуры возникъ только въ началѣ прошлаго вѣка.

На первыхъ порахъ число ученыхъ въ этой области, которая не была самостоятельной, но примыкала къ исторіи или филологіи, было весьма незначительно и пополнялось просто любителями старины, „раритетовъ и антиковъ".

Что касается русской археологіи, то лишь съ половины прошлаго вѣка она начала пріобрѣтать тотъ удѣльный вѣсъ и значеніе, которое заставило обратить на нее вниманіе Запада, увидавшаго, что многіе существеннѣйшіе вопросы, не могутъ быть разрѣшены безъ ея участія.

Между тѣмъ, до настоящего времени, въ русской археологической наукѣ не было ни одного руководства, которое, хотя бы суммарно, представивъ ходъ ея развитія, давало бы, въ тоже время, указанія и руководство по литературѣ, столь разросшейся по нѣкоторымъ вопросамъ за послѣднія десятилѣтія.

Поэтому, настоящій трудъ проф. Жебелева является не только первой попыткой заполнить этотъ существенный пробѣлъ, но и цѣннымъ вкладомъ въ исторію изученія археологіи вообще и русской въ частности.

Самъ авторъ скромно называетъ его въ предисловіи первымъ опытомъ и ссылается на то, что у него не было предшественниковъ.

Обширный, какъ историческій, такъ и библіографическій матеріалъ, свидѣтельствуетъ, о томъ, что если это и опытъ, то очень удачный, и безъ сомнѣнія трудъ почтеннаго профессора отнынѣ ляжетъ въ основу всякой исторіи археологическаго знанія.

Первая часть посвящена исторіи постепеннаго роста археологическаго знанія съ его зарожденія и до начала Великой Европейской войны.

Распадается она на два основныхъ отдѣла — западный и русскій. Сжато, но очень обстоятельно авторъ рисуетъ зарожденіе археологическаго интереса еще въ антикѣ, во времена Платона, затѣмъ переходитъ къ средневѣковому антикварству и наконецъ даетъ суммарный очеркъ успѣховъ археологіи за минувшій вѣкъ.

Русскій отдѣлъ заключаетъ краткую исторію возникновенія и развитія еще у Московскихъ царей любви къ старинѣ, коллекціонерство, ставшее затѣмъ заботою государства, охрана древнихъ памятниковъ и ихъ изученіе спеціальными учрежденіями (Археологическая Комиссія, спеціальныя общества, какъ столичныя такъ и провинціальныя и проч.). Попутно перечисляются имена наиболѣе выдающихся русскихъ ученыхъ въ этой области и ихъ важнѣйшіе труды.

Вторая часть имѣетъ въ виду познакомить желающаго „войти" въ изученіе археологіи съ основнымъ содержаніемъ этой дисциплины, ея главными источниками и нѣкоторыми наиболѣе существенными вопросами въ области теоріи и практики археологическаго знанія.

Кругъ памятниковъ искусства и старины, сохранившихся до нашего времени, очень обширенъ и весьма разнообразенъ по содержанію. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и археологія, какъ наука о вещественныхъ памятникахъ можетъ подраздѣлятся на рядъ отдѣловъ или вѣтвей. Наиболѣе близко археологія соприкасается съ исторіей искусствъ и даже трудно провести точную границу между этими двумя дисциплинами.

Поэтому, помимо спеціалистовъ изучающихъ вещественные памятники прошлаго, историковъ, для которыхъ теперь уже становится обязательнымъ знакомство, кромѣ письменныхъ источниковъ, съ бытовымъ матеріаломъ, всѣ интересующіеся и занимающіеся исторіей искусствъ, найдутъ въ книгѣ проф. Жебелева обширный историческій матеріалъ и цѣнныя библіографическія указанія. *С. Кондаковъ.*

Revue des études hongroises et finno-ougriennes začala vycházeti pod záštitou budapeštské akademie věd u Championa v Paříži; řídí ji Z. Baranyai, ředitel maďarského sekretariátu při Svazu národů v Ženevě, a A. Eckhardt, profesor jazyka a písemnictví francouzského na universitě v Budapešti. Účel nového tohoto podniku je seznamovati ve formě, přístupné i těm, kdo nejsou specialisty v otázkách týkajících se Maďarů a ugrofinských národů vůbec, s výsledky bádání na poli srovnávací mluvnice jazyků ugrofinských, historického a filologického zkoumání o Uhrách, národě maďarském a o národech příbuzných a učiniti je touto cestou majetkem obecného vědění (I, 85). Bude proto přinášeti časopis jen výsledky tohoto zkoumání domácí kritikou náležitě ověřené. Že v popředí bude Maďarsko, vyplývá již z titulu revue; zvlášť se v programu vytýká, že bude zvláštní péče věnována politickým a literárním vztahům mezi Maďarskem a Francií. Účelu svého chtějí vydavatelé dojíti tím, že bude revue přinášeti informativní články o otázkách v její program náležejících, dále bude míti zvlášť obsáhlou rubriku zpráv (chronique), v níž slibují vydavatelé podávati pravidelné přehledy o současné produkci v srovnávací mluvnici jazyků ugrofinských, v historii literatury maďarské, finské a estonské, v historii, archeologii, ethnografii, folkloru a bibliografii těchto tří národů, o duševním jejich životě, o hudbě i krásných uměních, o anthropologii, o předhistorických i historických vztazích národů ugrofinských s národy sousedními, o písemnictví francouzském v Maďarsku, v Estonsku a Finsku. Kromě těchto dvou hlavních částí má tato revue obsahovati ještě rubriku poznámek a dokumentů a posudky vědeckých prací s hlídkou časopisů. Jak viděti, je to program velmi rozsáhlý; i když bude jen z části — ale soustavně — sledován, vykoná jistě revue takto myšlená velmi dobré služby zvláště těm, kdož nepracujíce sami v těchto oborech potřebují znáti výsledky v nich dosažené, uložené v pracích namnoze velmi těžko přístupných a psaných jazyky málo jen známými. První ročník, jenž vyšel ve dvou dvojsešitech (1923, str. 224), opravňuje v té příčině k dobrým nadějím. Z jeho článků jmenujeme článek St. Zichy (str. 5—14), v němž podává autor tresť svých názorů o počátcích národa maďarského, jež obšírně vyložil ve svém díle o dějinách a nejstarší kultuře Maďarů před jejich příchodem do nynější jejich vlasti (je to část souborného díla, příručky jazykovědy maďarské). V kronice je velmi poučná zpráva o studiích byzantologických u Maďarů: týkají se především byzantských spisovatelů, zmiňujících se o Maďařích a národech s nimi příbuzných, a pak styků byzantsko-maďarských. Tu dovídáme se o diskussi vedené o jméně *Οὔγγροι*, o Fehérově pojednání o territoriu uherském v polovici 10. stol. podle zprávy Konstantina Porfyrogeneta (jedná se tu také o Velké Moravě), o výkladě maďarského jména Řeků *görög*, jež J. Czebe má za slovo převzaté ze slovanštiny (csl. *grъkъ*) atd.; v kronice sešitu druhého je pěkný přehled novějších prací z oboru ugrofinské linguistiky (m. j. Melich vykládá znění jména Svatoplukova v maďarštině). V rubrice poznámek je vítaný přehled autonomních malých států ugrofinských na půdě bývalého Ruska. Mezi nečetnými posudky tohoto prvního ročníku je Melichův posudek Niederlovy knihy Manuel de l'antiquité slave I (str. 207—218). Jedná v něm o filologické stránce prací Niederlových a pojednává zejména podrobněji o jménech *Hron*, *Váh*, *Nitra*, *Pelso*, *Pathissus*, *Pešt*. Z hlídky časopisů budiž uvedeno, že r. 1921 počal v Budapešti vycházeti časopis pro studia uralo-altaiská a orientální (Körösi Csoma Archivum) s články psanými nejen maďarsky, ale také francouzsky, německy a anglicky. *H.*

Naléhavé potřebě vědecké a přání slovanských filologů bude vyhověno fototypickým vydáním kodexu Assemanova. Kodex Vatikánský bude vydán ve 200—250 výtiscích, při kterémž počtu jeden výtisk nebude dražší než za **200 lir ital.**, spíše podle počtu přihlášek bude lze cenu tuto sníižiti. I za těchto velice mírných podmínek, aby vydání kodexu bylo zabezpečeno, je nutno, aby se přihlásilo nejméně 100 předplatitelů. Přihlášky — zatím pouze jména — **přijímá redakce »Slavie«.**

V Římě 5. července 1924. ***Prof. Vajs.***

Redakce vřele doporučuje zamýšlený podnik profesora Vajse.

† Д. Н. Анучинъ

4-го Іюня 1923 года въ Москвѣ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни скончался профессоръ и академикъ Дмитрій Николаевичъ АНУЧИНЪ.

Ученикъ Первого Русскаго Антрополога проф. А. Богданова и основателя современной антропологіи Поля Брока, Анучинъ и его школа въ Россіи — это почти полвѣка антропологической и географической науки въ нашемъ отечествѣ. Первая его ученая работа въ области антропологіи относится къ началу 70 гг. Это его труды по антропологіи племени айновъ, которые выдвинули Анучина на мѣсто секретаря въ обществѣ Любителей Естествознанія, Географіи и Антропологіи въ Москвѣ.

Въ 1880 г. онъ защитилъ свою магистерскую дисертацію на тему:

„О нѣкоторыхъ аномаліяхъ человѣческаго черепа, преимущественно въ ихъ распространеніи по расамъ.“

Работу эту Д. Н. Анучинъ сдѣлалъ въ лабораторіи П. Брока въ Парижѣ подъ руководствомъ знаменитаго ученаго. По защитѣ этой диссертаціи, Анучинъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ антропологіи Московскаго Университета, созданной на часныя средства.

Послѣдовалъ рядъ работъ Д. Н. Анучина въ области соматической антропологіи и этнографіи. Къ первой категоріи относятся: его работа „О географическомъ распространеніи роста мужского населенія въ Россіи“, гдѣ имъ использованы и освѣщены научно антропометическія данныя воинскихъ присутствій, въ виду того значенія, какое въ свое время въ военной службѣ имѣлъ ростъ новобранцевъ. Продолжая работы своего учителя А. Богданова, Анучинъ обрабатывваетъ краніологическій матеріалъ древнихъ могильниковъ и опубликовываетъ работу“ О древнихъ, искусственно деформированныхъ черепахъ, найденныхъ въ Россіи“. Изъ этнографическихъ его работъ этого періода нужно отмѣтить его работу подъ заглавіемъ: „Лукъ и стрѣлы“ имѣющую значеніе и для настоящаго времени, несмотря на появившіяся потомъ работы его учениковъ, далеко уступающія по строгому методу работамъ учителя.

Вышеназванныя работы Д. Н. Анучина принесли ему ученую степень доктора географіи honoris causa и вмѣстѣ съ тѣмъ кафедру географіи Московскаго Университета. Съ тѣхъ поръ онъ и занималъ эту кафедру безсмѣнно, являясь первымъ в России организаторомъ школы этихъ дисциплинъ. Цѣлыя поколѣнія русскихъ географовъ, антропологовъ, этнографовъ и археологовъ вышли изъ школы Д. Н. Анучина.

Аудиторія Анучина, талантливаго лектора и строго-научно мыслящаго профессора-рукововодителя была неизмѣнно полна слушателями. Московскій Университетъ обязанъ Анучину созданіемъ Атропологическаго Музея съ отдѣлами этнографіи и археологіи.

Университетомъ, его лабораторіей и аудиторіей не ограничивалась однако ученая дѣятельность Д. Н. Анучина. Съ 1890 г. Д. Н. Анучинъ былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ Общества Любителей Естествознанія Географіи и Антропологіи, состоялъ редакторомъ журнала „Землевѣденіе“,

а также принималъ самое дѣятельное участіе въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества.

Съ 1896 г. Д. Н. Анучинъ избранъ былъ ординарнымъ академикомъ Россійской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Не желая однако покинуть Москву, гдѣ прошла вся его жизнь и дѣятелность, Д. Н. Анучинъ отказался отъ этого почетнаго избранія. Вскорѣ послѣ этого въ воздаяніе должнаго его заслугамъ передъ русской наукой Д. Н. Анучинъ избранъ былъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. Это позволило ему остаться въ Москвѣ и тамъ продолжать свою научную и преподавательскую дѣятельность. Общее число работъ Н. Д. Анучина очень велико, особенно, если къ его работамъ по антропологіи, этнографіи и археологіи мы присоединимъ еще его работы изъ областа физической и регіональной географіи.

Въ географической наукѣ онъ былъ послѣдователемъ нѣмецкой школы, въ лицѣ покойнаго Лейпцигскаго профессора Фридриха Ратцеля, къ которому онъ и направлялъ для спеціализаціи своихъ московскихъ учениковъ. Изъ работъ Д. Н. Анучина въ области физической и регіональной географіи отмѣтимъ лишь наиболѣе важныя. Къ таковымъ относятся: 1) Изъ поѣздки къ истокамъ Волги и Днѣпра. 2) Географія (исторія развитія и современныя задачи и подраздѣленія). 3) Географическая Выставка 1892 г. въ Москвѣ. 4) Центральная Азія (географическій обзоръ). 5) Europäisches Russland (обзоръ географической литературы). 6) Рельефъ поверхности Европейской Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленій (въ Журналѣ „Землевѣденіе"). 7) Новѣйшее изученіе озеръ въ Европѣ и т. д. 8) Манжурія (страна и народ). 9) Анадырскій Край. 10) Озера области истоковъ Волги и верховьевъ Западной Двины. 11) Новѣйшія изслѣдованія Полярныхъ Странъ.

Въ короткой некрологической замѣткѣ мы не можемъ дать полный перечень работъ профессора Д. Н. Анучина. Желающіе найдутъ его въ первомъ номерѣ Русскаго Антропологическаго Журнала, вышедшаго въ Москвѣ ко дню 25-тилѣтія его, какъ предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла Общества Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи въ 1900 г; перечень данъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Нѣкоторыя изъ статей Д. Н. Анучина носили програмный характеръ, таковы, напримѣръ его статьи: 1) „О задачахъ русской этнографіи". Въ первомъ номерѣ „Этнографическаго Обозрѣнія" и 2) „Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и ея задачи въ Россіи", въ первомъ номерѣ „Русскаго Антропологическаго Журнала".

Курсы, читанные профессоромъ Д. Н. Анучинымъ въ Московскомъ Университетѣ сохранились в видѣ литографированныхъ лекцій. Изъ нихъ отмѣтимъ: 1) Курсъ лекцій по исторіи землевѣденія (256 стр.). 2) Курсъ лекцій по сравнительному землевѣденію (184 стр.) 3) Курсъ лекцій по древней географіи (260 стр.).

Нельзя не упомянуть, наконецъ, что профессоръ Анучинъ былъ редакторомъ переводовъ вышедшихъ въ Россіи: книги пр. Л. Нидерле „Человѣчество въ доисторическія времена" и книги А. Зупана „Основы физической географіи".

Работы Д. Н. Анучина были извѣстны далеко за предѣлами Россіи. Участникъ всемірныхъ конгрессовъ, онъ неустанно поддерживалъ живую связь русской науки съ европейскимъ ученымъ міромъ, состоялъ дѣйствительнымъ членомъ и кореспондентомъ многихъ ученыхъ обществъ въ Россіи и заграницей.

Кромѣ научной и преподавательской дѣятельности Д. Н. Анучинъ состоялъ однимъ изъ редакторовъ и издателемъ „Русскихъ Вѣдомостей", гдѣ имъ также было напечатано немало газетныхъ статей по разнымъ научнымъ вопросамъ.

Скончался Д. Н. Анучинъ въ глубокой старости, на 80-мъ году жизни. Русская наука съ его смертью понесла тяжелую, незамѣнимую утрату.

Прага. Февраль 1924 года.

Н. Могилянскій.

Памяти графини Прасковіи Сергѣевны Уваровой.

1841—1924.

Минувшимъ лѣтомъ на Добернѣ въ Югославіи скончалась на 84 г. жизни, извѣстная дѣятельница въ области русской археологіи, бывш. предсѣдательница Московскаго Археологическаго Общества гр. П. С. Уварова, вдова одного изъ основоположниковъ русск. археологіи, А. С. Уварова (1828—1884). Ея многолѣтняя, неустанная дѣятельность въ этой области неразрывно связана съ именемъ покойнаго мужа, — основателя Археологическаго Общества въ Москвѣ. Сознавая всю важность и необходимость учрежденія спеціальныхъ органовъ, которые бы вѣдали дѣломъ археологическихъ изслѣдованій Россіи, гр. Уваровъ учредилъ въ 1864 г., Общество, объединившее всѣ научныя силы и затмившее бывшее до того времени ,,Общество Древне-русскаго искусства". Хотя, послѣднее преслѣдовало аналогичныя задачи, но, за отсутствіемъ средствъ, не могло продолжать своей дѣятельности. Однако, изданные имъ за время съ 1866 по 1873 гг. два сборника, благодаря ближайшему участію въ нихъ Ф. И. Буслаева, Г. Д. Филимонова и др., были признаны капитальными вкладами въ русскую науку. По широтѣ своего кругозора и свѣжести научныхъ интересовъ ,,Московское Общество" сосредоточило у себя сначала всю московскую, а затѣмъ и значительную часть русской археологіи. Его основная цѣль служить ,,изслѣдованію какъ археологіи вообще, такъ преимущественно русской и распространенію въ Россіи археологическихъ знаній", осуществилась въ производствѣ раскопокъ и археологическихъ изслѣдованій, въ различныхъ районахъ Россіи, значительно опередивъ, въ этомъ отношеніи, своего петербургскаго собрата. По смерти перваго предсѣдателя, гр. Уварова продолжала дѣло своего мужа, замѣнивъ его на посту руководителя созданнаго имъ учрежденія.

Помимо изслѣдованій и раскопокъ въ центральной Россіи въ результатѣ чего появился рядъ монографій и статей въ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ общества, оно обратило особое вниманіе на древности Кавказа. По его почину съ 1886 г. начинаютъ снаряжатся туда научныя экспедиціи, давшія обильный и весьма цѣнный археологическій матеріалъ и доисторическихъ эпохъ и античныхъ временъ и христіанскаго періода. Часть ихъ опубликована въ роскошномъ, богато иллюстрированномъ изданіи подъ общимъ заглавіемъ: ,,Матеріалы по археологіи Кавказа (до 1916 г. вышло 14 выпусковъ). Въ этихъ изслѣдованіяхъ Кавказской старины гр. Уварова принимала ближайшее участіе и ея работы частью уже опубликованы. Особое вниманіе Общества къ нуждамъ Кавказской археологіи сказалось въ поддержкѣ учрежденнаго въ 1873 г. ,,Общества Любителей Кавказской археологіи". Когда же послѣднее прекратило свое существованіе, то, въ 1901 г., въ Тифлисѣ, стараніями гр. Уваровой, было открыто Кавказское Отдѣленіе Московскаго Археологическаго Общества, издававшее свои ,,Извѣстія", въ которыхъ было опубликовано много изслѣдованій мѣстной старины.

Основной періодическій органъ Общества ,,Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества" за время съ 1865 по 1916 г. насчитываетъ 25 тт., гдѣ обширный матеріалъ располагался по соотвѣтственнымъ рубрикамъ; сюда же вошли и любопытныя, хотя нѣсколько отрывочнаго характера матеріалы для археологическаго словаря.

Этому же Обществу, по инициативѣ его учредителя, принадлежитъ осуществленіе большой научно-просвѣтительной задачи — организаціи всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ, устраивавшихся обыкновенно черезъ 3 года въ различныхъ историческихъ городахъ Россіи. Первый съѣздъ былъ въ Москвѣ въ 1869 г., а затѣмъ они регулярно продолжались вплоть до 1914 года. Всякій такой съѣздъ вызывалъ устройство предварительныхъ археологическихъ экспедицій и экскурсій для ознакомленія съ мѣстными древностями, а въ послѣднее время и раскопокъ. Обычно, при съѣздахъ устраивались выставки, причемъ

нерѣдко присылаемыя на эти выставки коллекціи, жертвовались владѣльцами въ мѣстные музеи. Каждый съѣздъ ставилъ на очередь новые археологическіе вопросы и заданія, не говоря уже о томъ, что возбуждалъ въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ древностямъ края, что было весьма существенно хотя бы въ отношеніи ихъ регистраціи и сохраненія.

Слѣдуя завѣтамъ мужа гр. Уварова продолжала принимать дѣятельное участіе въ ихъ организаціи съ авторитетнымъ достоинствомъ держа знамя русской археологической науки.

Домъ, въ родовомъ имѣніи „Порѣчье", представлялъ цѣнный музей,[1]) собранный еще ея мужемъ, страстнымъ коллекціонеромъ, который продолжалъ непрерывно пополнятся и послѣ его кончины; научное описаніе этого собранія принадлежитъ перу покойной графини.

Событія, послѣдовавшія за революціей 1917 г. принудили ее искать убѣжища сначала на томъ же Кавказѣ, которому она посвятила многіе годы своей дѣятельности; и тутъ, невзирая на тяжелыя условія бѣженческой жизни, она продолжала заниматься его древностями до послѣднихъ дней, когда ей пришлось, съ многочисленной семьей внуковъ и даже правнуковъ, искать прибѣжища на чужой сторонѣ, за предѣлами горячо любимой родины. Ея преданность наукѣ была такъ велика, что потерявъ большое имущество, она болѣе всего скорбѣла объ утратѣ рукописей и собраннаго ею обширнаго научнаго матеріала.

Поселившись въ Югославіи, неутомимая изслѣдовательница продолжала заниматься любимымъ дѣломъ, изучая сербскую старину.

Во вниманіе къ ея заслугамъ въ области славянской археологической науки, Чешское Правительство оказывало ей матеріальную поддержку, которая сглаживала тяжелыя условія жизни на чужбинѣ.

Въ лицѣ покойной гр. Уваровой русская археологія потеряла своего лучшаго и самаго безкорыстно преданнаго друга, положившаго всѣ свои силы на пользу и благо историческаго просвѣщенія на основѣ изученія вещественныхъ памятниковъ далекаго прошлаго.

С. Кондаковъ.

[1]) Съ точки зрѣнія нашего журнала считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе на то, что дѣятельность гр. Уваровой имѣла большое значеніе и для славяновѣдѣнія. Московское Археологическое Общество всегда удѣляло вниманіе славянской филологіи, а съ 1892 года при немъ была образована „Славянская комиссія", занимавшаяся книжной стариной и издававшая свои „Древности, Труды славянской комиссіи". На археологическихъ съѣздахъ всегда принимали участіе русскіе и заграничные слависты и обсуждались разные вопросы славянской филологіи. Въ Порѣчьѣ было и большое собраніе рукописей, которыя были доступны ученымъ благодаря гостопріимству гр. Уваровой и ея готовности посылать рукописи въ русскія общественныя библіотеки для научныхъ занятій.

М. Мурко.

Výtahy z časopisů.

Русскій Филологическій Вѣстникъ. Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей Е. Ѳ. Карскаго. Томъ LXXII (1914 г. №№ 3 и 4). Варшава 1914.

И. И. Замотинъ. М. Ю. Лермонтовъ. Къ характеристикѣ основныхъ мотивовъ Лермонтовскаго идеализма (стр. 1—15). 1. Двѣ оцѣнки Лермонтова въ критикѣ. Литературныя вліянія въ его творчествѣ (4—23). II. Раннія стихотворенія. Юношескія поэмы и драмы (24—62). III. Произведенія переходнаго времени (1834—1837). Лирика 1837—1841 гг. (69—100). IV. Поэмы ,,Пѣсня про царя Ивана Васильевича", ,,Мцыри", ,,Демонъ" (101—135). V. ,,Герой нашего времени" (136—152). Заключеніе (153—154). — *П. А. Заболотскій.* Очерки русско-славянскихъ литературныхъ отношеній въ XIX в. М. Ю. Лермонтовъ у югославянъ (стр. 155—186). М. Ю. Лермонтовъ у болгаръ. (155—169). Лермонтовъ у сербовъ и хорватовъ (169—179). Лермонтовъ у словинцевъ (179—186). — *Казимиръ Буга.* Славяно-балтійскія этимологіи. 135—160 (стр. 187—202). 135. Сл. *lъkno.* чш. *lekno* ,,nymphaea alba": лт. *luknė* ,,nymphaea lutea", ср. корень *luk-* в названиях лит. рек и озер. Здесь же — о географической номенклатуре, усвоенной русскими от литовцев и латышей в древнейший период общерусской эпохи, когда в обшерусском языке еще были носовые гласные и не было полногласия; к той же эпохе относится и первое соприкосновение русских с финнами. 136. Сл. *lьstь*: лтш. *lìkstes mèle* ,,лакомка". 137. Р. *меленъ*: вост.-лтш. *mylyns.* 138. Сл. *mękъ-kъ*: лт. *minkštas.* лтш. *mîksts* ,,мягкій", 139. Сл. *mętǫ*: лт. *menciù.* 140. Сл. *mělь, mělъkъ*: лтш. *maîle* ,,мелюзга, моль-рыба". 141. Р. *мйздать* ,,плакать": лт. *mỹzgarnoti* ,,моросить; хныкать". 142. Сл. *mъgǫ*: лт. *mãgulas* ,,daugus, mnogi". 143. Сл. **mold-ьn-ьсь*: пр. **mald-in-ikas* ,,дитя, младенец", откуда *maldenikis.* 144. Сл. *monisto*: лт. *manẽlis* ,,блёстка, мишура". 145. Р. *мотóръ* ,,проворъ" = лт. *matãras* ,,веретено" самопрялка для верёвокъ". 146. Сл. *mucha* ,,муха" || *mъcha* ,,мошка": лтш. *mũsa*, др.-пр. *muso.* 147. Сл. *mul* ,,комолый": лт. *mùlas.* 148. Чш. *mula* ,,тина", р. *мулйть* ,,мутить, жидкость, болтать", лт. *maulióti* ,,измазаться, испачкаться плача". 149. Сл. *muna* ,,грязь", чш. *mouniti* ,,пачкать": озеро *Муна* в Литвѣ. В родстве с этим именем — название р. *Nẽmunas* ,,Неман" др. *Немънъ*, бр. *Неман, Нёмна.* Имя *Nẽmunas* — из отрицанія *ne* ,,не" и слова **mùnas* ,,грязь, ил, тина". Следуют перечень литовских рек и озер, названия которых начинается с *mu-* и подробные указания на то, как произносится имя реки Немана литовцами в разных местах литовской языковой области. 150. Р. *муръ* ,,луговая трава" = лтш. *maũrs* ,,мурава, дёрыч"; первонач. значение: грязь, мокрое мѣсто ,,и нуждающіяся въ ней (в мокроте) растенія"; *r* в этих словах суффиксального происхожденія; первонач. корень *mu* — в сл. *myti* ,,мыть". 151. Сл. *mъčati se*: лт. *munkù, mùkti* ,,удирать, умыкать" и ,,сходить, слѣзать" и пр. 152. Сл. *mъzga*, рус. *мзга, мозглый*: р. *mха* ,,ржа на хлѣбѣ", изъ *mъxa*: лт. *mùsos* ,,плѣсень". 153. Сл. *mьža* ,,дремота, дрема" = лт. *miegóti* ,,спать"; *ne-migà* ,,безсонница". 154. Сл. *ne-že* ,,нежели": лт. *ne-gù, negi, nè* ,,нежели, чѣмъ"; это *nè* нельзя отдѣлять отъ *nì-* ,,подобно, какъ бы, будто бы, словно", тожеств. с др.-инд. *ná* ,,gleichsam, wie". 155. Сл. *nĕ-kъto* ,,aliquis", *нѣчьто* = лт. *nẽką, nẽkas* ,,кое-что, нѣчто",

жем. *nėkas* „никто, пето“. „Форма *nėkas* „никто“ въ жемайтскихъ говорахъ не встрѣчается“. 156. Сл. *ni* „чѣмъ, нежели“ — лт. *neĩ*. 157. Сл. *noga*: лт. *nāginė* „постола“. 158. Р. *ольга́* „тонкое болото“: лт. *Alga* (река) и др. географ. имена. 159. Сл. *opętь* „опять“ изъ **ot-penti* = лт. *apènt* изъ *at-pénti*. 160. Сл. *ǫtъka* „утка“ = лт. *ant-uka* „eine Schnepfe“. — *Г. Плокисъ.* Опытъ экспериментально-фонетическаго изученія латышскаго ударенія (стр. 203—225). Введеніе. I. Результаты вычисленій относительно количества гласныхъ. II. Результаты вычисленій качественной стороны интонаціи гласныхъ. A. Краткіе гласные. B. Долгіе гласные: а) съ длительнымъ (восходящимъ) удареніемъ, в) съ прерывистымъ удареніемъ. C. Долгота въ исходѣ слова (въ суффиксальномъ словѣ) прерывистаго оттѣнка. Позднѣйшія дополненія. — *Н. Фатовъ.* Любовь и смерть Веневитинова (стр. 226—248). — *С. С. Игнатовъ.* А. Погорѣльскій и Э. Гофманъ (стр.249—278). Выводы: „Гофманъ остался для Погорѣльскаго чужимъ и непонятнымъ ... Для него была чужда фантазія Гофмана ... его занимала лишь внѣшняя фантастичность его разсказовъ, которой онъ и подражалъ ... Онъ былъ взрослымъ, разсудительнымъ человѣкомъ ...“ (стр. 277—278). — *Б. Е. Лукьяновскій.* Гоголь въ 40-хъ годахъ. Настроеніе. Литературныя отношенія. Идеологія. (Окончаніе) (стр. 279—330). — *В. И. Яэхо.* Сказаніе о Сигурдѣ Фафнисбани и его отраженіе въ русскомъ эпосѣ. Глава III. (Дробленіе традиціи). Важнѣйшіе факты дробленія цикла (стр. 331—379). — *С. П. Обнорскій.* Къ этимологіи слова *лахудра* (стр. 380—382). „Несомнѣнно, что слово *л.* произошло от формы имени прилагательнаго“ **лахудрый*; первичное значение „растрёпанный“. Это слово — compositum из **лах кудрый*, где **лах-* та же основа, что в *лохмы, лохматый, лохмотья.* „Правильнѣе было бы писать *лохудра*“ (но *лахудра* с *а* отмечено главным образом в окающих говорах! НД). — *Степанъ Младеновъ.* Къ вопросу о границѣ между болгарскимъ и сербскимъ языкомъ. По поводу книги: А. Белић, Срби и Бугари у Балканском савезу и у међусобном рату. Београд. 1913 (стр. 383—408) — *Некрологи.* 1. *Е. Ф. Карскій* † Н. П. Некрасовъ (стр. 409—410). Некрасов — автор нескольких трудов по изученію русского языка. 2. *Е. Тимченко.* † К. П. Михальчукъ (стр. 410—411). М. — знаток малорусской диалектологии, автор большой статьи „Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи“ в VII т. Трудов Этногр.-Статист. Экспедиціи в Юго-зап. край и Программы для собиранія особенностей малорусских говоров. 3. *Е. Тимченко.* † Е. Калужняцкій (стр. 411—414). 4. *А. И. С(оболевскій).* † А. И. Никольскій (стр. 415—416). А. И. Н. — автор „Описанія ркпсей Архива Свят. Синода“ и нескольких статей в „Вѣстникѣ“ Петрогр. Археологич. Института, Иззѣстіях О. р. яз. и сл. и Р. Ф. В. 5. *В. Н. Щепкинъ.* † Ф. Ѳ. Фортунатовъ (стр. 417—420). — *В. Перетцъ.* Письмо въ редакцію (стр. 421—422). В. П. просит редакцію напечатать два письма его к проф. А. С. Архангельскому с разъясненіем нескольких слов в литографированном изданіи его „методологіи исторіи литературы“, понятых А. С. Архангельским в обидном для себя смысле. — *Критика и библіографія* (стр. 423—434). Рецензіи 14 книг, между прочим А. Багрій. М. Н. Коваленскій. Московская политическая литература XVI вѣка. Спб. 1914. — *Педагогическій Отдѣлъ.*

Томъ LXXIII. № 1. Варшава 1915.

Н. К. Гудзій. Къ легендамъ объ Іудѣ Предателѣ и Андреѣ Критскомъ (стр. 1- 34). Обзоръ напечатанныхъ рукописныхъ текстовъ и устныхъ варіантовъ, съ приложеніемъ одного текста легенды объ Андреѣ по рукописи XVI в. — В. В. Даниловъ. Н. В. Гоголь и П. П. Свиньинъ (стр. 35 до 41). Запорожская пѣсня в Отеч. Зап. 1830, № 121 передана, повидимому, Свиньину Гоголем. Приведена большая выписка изъ статьи Смирдина „Полтава“ въ Отеч. Зап. 1830 г., о которой упоминаетъ Гоголь въ письмѣ

къ матери. — Н. Трубицынъ. Нѣсколько мыслей объ итогахъ изученія русскаго эпоса (стр. 42–57). — А. Шалина. Ломоносовъ, какъ драматургъ (стр. 58—75). См. также № 2. — В. А. Богородицкій. Резонансовые тоны полости рта при русскихъ гласныхъ (стр. 76—81). Сообщеніе, сдѣл. на конгрессѣ въ Гамбургѣ въ апр. 1914. — С. П. Обнорскій. Готское ли заимствованіе слово *блюдо?* (стр. 82—85.) Блюдо — исконное слав. слово, п. ч. готское *iu* (*biuda*) могло дать въ слав. только ь, а не *jū*. Такими же исконно-слав. являются и слова *тоуждь* и *штоуждь*, изъ о.-и.-е. **tou̯-* и **teu̯-*, съ суфф. *dj*. — М. Н. Подъячевъ. В. Г. Бѣлинскій и романтизмъ (стр. 86 до 100). — А. Марковъ. Къ этимологіи слова *лахудра* и подобныхъ простонародныхъ великорусскихъ словъ (стр. 101—104). Лахудра — заимств. финское *laahutra* „жалкій бродяга"; *тумакъ* — черемисское *tumak* „дубина", *матаня* „милка, милашка" — морд. мокш. *matanja* „возлюбленная", *шишъ* „разбойникъ, бродяга" (упомин. 1611—1612 г.) — зырянское *šyš*, ср. эст. *sisj*, ф. *sissi*, латыш. (заимств. с эст.) *sissis*; *шишимора* — зырян. *šyšymer*, *кикимора* — зыр. *titimera* „злой духъ", первонач. „хозяинъ пѣтуховъ". — Б. И. Ярхо. Сказаніе о Сигурдѣ Фафнисбани и его отраженіе въ русскомъ эпосѣ (стр. 116–125). Продолженіе изслѣдованія, начат. в РФВ. 1914 и продолжавшагося въ 1915 и 1916 (тт. LXXIII—LXXV). — Елена Матвѣева. Паисіевскій Сборникъ XIV—XV в. (стр. 116—125). Описаніе графики и правописанія рукописи Петрогр. Дух. Акад. Кир.-Бѣлоз. собранія № 1081. См. т. LXXIII. № 2. — Адр. Круковскій. Къ характеристикѣ Пл. А. Кулаковскаго (стр. 126—142). — Вл. Францевъ. † Акад. В. И. Ламанскій (стр. 143—146). — Л. Бедржицкій. Къ изученію діалектики Іоанна Дамаскина. Діалектика І. Дамаскина, какъ памятникъ философской письм. (стр. 147—156). — Критика и библіографія (стр. 158 до 191). Рецензіи 27 книг, м. пр.[1]) А. Вознесенскій: 1. Э. Дюшенъ, Поэзія Лермонтова, русскій переводъ, Казань 1914, 2. Louis Leger, Nicolas Gogol, Paris 1914, 3. С. В. Савченко, Русская народная сказка, Кіевъ 1914.

№ 2. Варш. 1915.

Ю. А. Яворскій. Заговоры и апокрифическія молитвы по карпаторусскимъ рукописямъ XVIII и нач. XIX в. (стр. 193–223). 1. Молитвы отъ злой тучи (9 NN), 2. Обереги и заговоры надъ пчелами (23 NN), 3. Средства и заговоры на ружье (5 NN), 4. Средства противъ укушенія змѣи (7 NN). — А. П. Кадлубовскій. Къ исторіи духовныхъ стиховъ о преподобныхъ Варлаамѣ и Іоасафѣ (стр. 224—248). Всѣ устные духовные стихи восходят к рукописным передѣлкамъ стихотворной „Пѣсни св. Іоасафа, кгды вышелъ на пустыню", напечатанной въ приложеніи къ Кутеинскому изданію житія В. и І. 1637 г., причёмъ одна изъ такихъ передѣлокъ была вновь дополнена по житію; одна группа духовныхъ стиховъ о В. и І., восходящая къ этой послѣдней передѣлкѣ, обнаруживаетъ также вліяніе духовнаго стиха „Плачъ Адамовъ", основаннаго на богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ сыропустной недѣли. Приложенъ текстъ стиха о В. и І., записанный А. В. Марковымъ въ Архангельской губ. — А. Шалина. Ломоносовъ, какъ драматургъ (стр. 248—267). Окончаніе, ср. № 1. — Е. Матвѣева. Паисіевскій Сборникъ XIV—XV в. (стр. 268—280). Окончаніе, см. № 1. — Г. Ильинскій. Славянскія этимологіи (стр. 281—308).[2]) LI. *skotъ* „pecus". Это слово первоначально обозначало только свиней, стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ прасл. *ščetina* и вмѣстѣ съ нимъ восходитъ къ корню **sketh* „рѣзать, колоть", чередовавшемуся со **skoth*; первонач. значеніе слова — „животное съ колючей шерстью, т. е. щетиной". LII. Прасл. *kъ-*

---

[1]) Указываю только тѣ рецензіи, въ которыхъ дается критическій разборъ или дополненія къ рецензируемой книгѣ.

[2]) Каждая этимологическая замѣтка Г. А. Ильинскаго содержитъ рядъ этимологій сверхъ непосредственной этимологіи слова, указаннаго въ заголовкѣ замѣтки; въ настоящемъ конспектѣ эти дополнительныя этимологіи часто опускаются.

pati „stillare“. Прасл. *kapja* (капля) и *krapja* (чш. *krápě* и пр.) получились изъ **kraprja*, образов. отъ основы *krāprā* и восходящаго къ корню *krāp*, resp. *krop-*, откуда и прасл. *kropiva* и *kopriva* изъ **kroprīva*. LIII. Пол. *z-gliszcze* „пепелище“. Образовано от корня **gъl* „пылать“; тотъ же корень на ступени *gel* — в пол. *żal* „горѣніе, пыланіе“, на ступени *gol-* в лтш. *pa-galis* „полѣно“, прасл. **golvьnja*, на ступени *gōl-* въ русск. *галка* „горящая головня, носимая вѣтромъ при пожарѣ“. LIV. Влр. *кочерга* „родъ крюка“. Контаминацiя *kočera* и *kočuga* или *kočega*, отъ корня **kok* — *kěk* „быть изогнутымъ, кривымъ“. LV. Русс. *щека* „боковая часть лица“. Изъ иде. корня **(s)kek-*; первонач. значеніе: „искривленная и болѣе или менѣе дугообразная поверхность. LVI. Русс. *щегла* „рыбья скула, шестъ, мачта“. Отъ иде. **(s)kei-* „отдѣлять“; первонач. значеніе: „нѣчто отколотое“. LVII. Русс. *чванный* „гордый, тщеславный“. Тот же иде. корень *kiv-* въ б. *чворъ* „сукъ“, сх. *čvôr* „сукъ“; тотъ же корень на другой ступени — *koiu̯* — в прасл. *cěvь*. LVIII. Чш. *čněti* „торчать“. Отъ иде. *kin-*, гдѣ *n* детерминативъ первонач. значеніе: „быть острымъ“. LIX. Цсл. чьпагъ „мошна, карманъ“. Отъ корня **kip-*; первонач. значеніе: „разрѣзъ въ платьѣ“. LX. Влр. *щи* „родъ похлёбки“. Это — им. мн. отъ **sъčь*, отъ иде. корня *suk*, гдѣ *k* детерминативъ; первонач. значеніе: „похлебка, приготовленная изъ сока какого-либо растенія, родств. съ др.-инд. *sūpas* „супъ“, англосакс. *sūpan* „хлебать“. — А. Марковъ. Дополненіе къ статьѣ „Родина паломника Арсенія Солунскаго“ (стр. 308—324). „Селунь“ Хожденія надо читать, какъ „Вселугъ“ (озеро и село на немъ въ истокахъ Волги); рядъ возраженій Адріановой и Обнорскому по поводу языка Хожденія. — С. Шевченко. Повѣсть о бѣсѣ Зереферѣ, изд. в 1626 г. Кіево-Печерской Лаврой (стр. 325 до 333). Кіевскій экземпляръ печатнаго изданія повѣсти представляетъ текстуальныя отличія отъ экземпляровъ Петроградскихъ библіотекъ и указываетъ или на другое изданіе или на вторичный наборъ нѣсколькихъ страницъ. — Казимиръ Буга. Славяно-балтійскія этимологіи, 161—185 (стр. 335—343). — Н. Петровскій. О терминѣ на-растото (стр. 344—346). Программа изъ 7 вопросовъ для собиранія свѣдѣній объ обычаѣ повязывать голову „на-растото“. — С. П. Обнорскій. Одинъ мнимый финнизмъ въ русскомъ языкѣ (Отвѣтъ А. Маркову) (стр. 347—349). Слово *лахудра* нельзя возводитъ къ финскому *laahutra*. — Б. И. Ярхо. Сказаніе о Сигурдѣ Фафнисбани . . . (стр. 350—378). См. РФВ. т. LXXIII. № 1. — М. Н. Сперанскій. Памяти Ѳ. Е. Корша (стр. 379—390). — В. Францевъ. I. Проф. Яромиръ Челаковскій (стр. 391—394). II. Стоянъ Новаковичъ (стр. 394—396). — Замѣтки. — Критика и библіографія (стр. 402—446). 18 рецензій, м. пр. А. И. Соболевскій: В. Погорѣловъ, Образованіе именъ существительныхъ съ окончаніемъ *-чи* . . . (Варш. 1914); А. Евлаховъ: Сборникъ въ честь проф. Ѳ. А. Брауна (Петрогр. 1915); Вл. Францевъ: В. Н. Крюковъ, Славянскія земли (Петрогр. 1914); А. И. Яцимирскій: J. Bogdan, Documentele lui Stefan cel Mare (Bucur. 1914) и Documente false atribute lui Stefan cel Mare (Bucur. 1913).

Томъ LXXIV, вып. 1 (1915, № 3). М. 1915.

Портретъ Ѳ. Е. Корша. — К. Я. Гротъ. Изъ переписки Аксаковыхъ (стр. 1—15). — В. В. Даниловъ. „Денница“, альманахъ М. А. Максимовича (стр. 16—54). — Труды Московской Діалектологической Комиссіи: Автобіографія Ѳ. Е. Корша (стр. 55—67); Д. Н. Ушаковъ Воспоминанія о предсѣдателѣ Комиссіи Ѳ. Е. Коршѣ (стр. 68—81). — В. А. Францевъ. Чешско-словенскій расколъ и его отголоски въ литературѣ сороковыхъ годовъ (Памяти Людевита Штура) (стр. 82—111). — Іасонъ Валединскій. Нѣмецкій романтизмъ и современная мистика (стр. 113—108). — Г. А. Ильинскій. Славянскія этимологіи (стр. 119—140). LXI Прасл. *sila* „vis“. Слав. *sila* и лит. *sěla* „слабость, безсиліе“ — изъ балт.-слав. **seilā*, представляющаго расширеніе иде. корня **se* „приводить въ движеніе, бросать, сѣять“; первонач. значеніе: „способность къ половому акту“. LXII. Прасл. *riza* „плащъ, рубашка“. Изъ иде. корня **rīǵ(h)*, — представляющаго разновидность низшей ступени корня **reiǵ(h)* „рѣзать“

LXIII. Прасл. *čерьсь* „родъ головного убора“. Изъ иде. корня *(s)kep- „рѣзать“. Отъ того же корня прасл. *čechъlъ*. LXIV. Южносл. *rakno* „одежда“. Отъ иде. корня *rek- „рѣзать“. Отъ того же корня м. пр. прасл. *rakъ „cancer“, первонач. „животное съ клешнями“ и др. LXV. Дцсл. ашоутъ „μάτην“. Изъ *a+šūlь*, где *a* ← иде. предл. *ō* „отъ, изъ“, а *šūlь* — изъ иде. корня *k̑eu- „быть полымъ, пустымъ“. LXVI. Поль. *piękny* „красивый“. Корень этого слова „можетъ отражать назализированную низшую ступень иде. корня *peik̑- „рѣзать, чертить, колоть“. К разным ступеням того же корня, но с другими детерминативами — *k̑* и *g* восходят цсл. пьсати, пѧтьно, пѣгъ, поть-пѣга. LXVII. Чш. *výheň* „горнъ“. Родств. прасл. *ūgъ* и *jūgъ*, первонач. „южный, т. е. теплый вѣтеръ“ отъ корня *aug- „быть теплымъ, пылать, горѣть, сверкать“ и восходитъ къ удлинённой разновидности редуцированной ступени того же корня *ugn-. LXVIII. Влр. *овинъ* „рига“ образовано отъ высшей ступени корня *ău- „грѣть, жарить“. LXIX. Млр. *присок* „горячая зола съ огнемъ“. Изъ прасл. *pryts-ъkъ, восходитъ къ иде. корню *pru, представлявшему варіантъ корня *pere „метать искры, пылать“. LXX. Млр. *ирій* „южная страна“. Родств. съ прасл. *jarь* „весна“ (изъ иде. корня *i̯or) и восходитъ къ низшей ступени того же корня *i̯ər- > *ir- — В. Бушъ. Вологодская мѣновая грамота конца XVII в. (стр. 141—142). Напеч. текстъ грамоты. — В. Н. Пѣсня о вдовѣ (стр. 143). Напеч. текстъ пѣсни, запис. въ Костромской губ.; пѣсня содержитъ мотивъ кровосмѣшенія. — Л. З. Мсеріанцъ. Памяти Тора Ланге (стр. 144—153). — А. В. Багрій. Къ вопросу о русской лирикѣ XVIII в. (стр. 154—163). Библіографическія свѣдѣнія о работахъ по изученію русской лирики XVIII в. съ 1890 по 1913 г. и разборъ книгъ И. Н. Розанова и В. В. Сиповскаго съ одинаковымъ заглавіемъ „Русская лирика“. — Критика и библіографія (стр. 164—210). Рецензіи 22 книгъ; м. пр. Л. Бедржицкій: В. Н. Перетцъ, Изъ лекцій по методологіи исторіи русской литературы (Кіевъ 1914); А. Вознесенскій: Языковскій Архивъ (Петрогр. 1913); А. Назаревскій: Г. П. Георгіевскій, Рукописи Т. Ѳ. Большакова (Петрогр. 1915).

Вып. 2-й (1915 г. № 4). М. 1915.

Труды Московской Діалектологической Комиссіи. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовъ и Д. Н. Ушаковъ. Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ съ приложеніемъ Очерка русской діалектологіи (стр. 211—344 и карта). — И. Г. Голановъ. Замѣтка о говорѣ Чериковскаго у. Могилевской губ. (стр. 345—350). — Романъ Брандтъ. Кое-что о нѣскольких словах (Посвящается, по случаю его семидесятилѣтія, Ивану Александровичу Бодуэну-де-Куртенэ (стр. 351—356). 1. Витати. Первонач. значеніе „пребывать“; корень общій съ лит. *vëta* „мѣсто“. 2. Кънѧзь и кънѧгыни можно выводить какъ изъ готскаго *kuning*, такъ и изъ старогерм. *chuning*; в ст.-чш. было не *kňahyni*, а *kňáhyni*, откуда удобнѣе выводится и позднѣйшее *kněni, kníně*. 3. *Обьшть*. В поль. *obecny* »присутствующій«, *w obec* „въ присутствіи“ и *obcy* „чужой“ значенія могли получиться черезъ посредство въ первыхъ двухъ случаяхъ значенія „присутствующій въ общинѣ“, а въ послѣднемъ — изъ противопоставленія общественной собственности личной. 4. *Зълодѣи*. Не переводъ съ греч., а исконное слав. слово. 5. *Польша*. Изъ *Польща*, гдѣ *щ* — изъ старопольск. дат.-мѣстн. *Polszcze*. 6. *Квасъ — свадьба*. *Kwas* въ значеніи „свадьба“ въ в.-луж. связано съ употребленіемъ на свадьбѣ хмельного напитка, носившаго названіе kwas. Значеніе хмельного напитка слово квасъ имѣло еще въ старослав. и даже раньше, въ о.-слав., рядомъ со значеніемъ „закваска, дрожжи“. 7. *jebati* „издѣваться“. Нынѣшнее значеніе этого слова въ чш. и луж. развилось изъ первоначальнаго непристойнаго значенія, сохранившагося, м. пр., въ русскомъ яз. — Г. Ильинскій. † Проф. Іосифъ Зубатый (357—359). Ср. его же письмо въ редакцію въ Р. Ф. В. LXXVI, в. 2. — Ѳедоръ Пономаревъ. Памяти графа Ф. Б. де-ла-Барта (стр. 360—367). — Критика и библіографія (стр. 368—371). Рецензіи 4 книгъ; м. пр. А. Соболевскій: J. J. Mikkola, Хронологія Дунайскихъ болгаръ (тюркскаго племени). Казань 1915.

Томъ LXXV (1916, № 1 и 2). Москва 1916.

А. С. Орловъ. Домострой. Изслѣдованіе (стр. 1—64). См. ниже, т. LXXVI, ып. 1 и 2. — А. В. Круковскій. Забытые критики (къ 50-тилѣтію смерти . В. Дружинина и Ап. Григорьева) (стр. 65—98). — Б. И. Ярхо. Сказаніе Сигурдѣ Фафнисбани . . . (стр. 99—137). См. выше т. LXXIII. — А. И. Соболевскій. Два слова о псковскомъ говорѣ (стр. 138—140). Въ говорѣ Лодскаго погоста на Чудскомъ озерѣ, опис. Н. М. Каринскимъ въ ЖМНПр. 916, 2, имѣются интересныя особенности: м. р. ед. прош. вр. на *-лé*, 3 мн. лаг. безъ *-тъ* и сочетаніе *гл* изъ о.-сл. *dl* въ словѣ *Жерагло*. — К. Буга. Славяно-балтійскія этимологіи (стр. 141—156). 77 этимологій. — А. В. Марковъ. Къ этимологіи словъ *кобыла, комонь* (стр. 157). Существительнаго *abo, ōnis* „лошадь" въ латинскомъ языкѣ не существовало. — М. Карнѣева. Языкъ Служебной Минеи 1095 года (стр. 158—168). См. ниже, . LXXVI и LXXVIII. Описаніе сдѣлано по изданію Ягича и только при корректурѣ частично провѣрено мною (НД) по рукописи. — Е. Карскій. Западнорусскій ярлыкъ хана Золотой Орды Тохтамыша къ польскому королю Ягайлу 1392—1393 г. (стр. 169—171). Напечатанъ текстъ ярлыка. — . Зморовичъ. О языкѣ и стилѣ произведеній П. И. Мельникова (Андрея Печерскаго) (стр. 172—191). — Б. Варнеке. Замѣтки объ Островскомъ стр. 192—207). IX. Пріемы творчества (192—196). X. Островскій воображаемый (по поводу книги Ю. Слонимской. Театръ Островскаго) (196—207). — Вл. И. Рѣзановъ. Расиновская трагедія на русской почвѣ (стр. 208—233). Разборъ книги П. О. Потапова: Изъ исторіи русскаго театра. Жизнь и дѣятельность В. А. Озерова. Од. 1915. — Труды Московской Діалектологической Комиссіи. Сводъ матеріаловъ, собранныхъ Комиссіей. Серія 2-я. Отвѣты на южновеликорусскую программу Комиссіи №№ 25 а—39 и 49 (стр. 234—266). — Анна Багрій. Изображенія природы въ произведеніяхъ Тургенева (по поводу книги: Solmsen, Die Landschaft bei Turgenev. Helsingf. 1915) (стр. 267—287). — К 1-скій. Къ вопросу о научномъ изданіи „Книги славянскаго единенія" (стр. 288—290). О научномъ изданіи слав. Библіи. — Вл. Францевъ. Некрологи: I. Проф. Іосифъ Калоусекъ стр. 292—294). II. Яромиръ Грубый (стр. 294—295). — Критика и библіографія (стр. 296—324). Рецензіи 17 книгъ, м. пр.: И. Эндзелинъ: Д-р Белић, Акценатске Студије; А. Вознесенскій: П. Миндалевъ, Моленіе Даніила Заточника (Казань 1914); Б. Скворцовъ: М. Гершензонъ, Русскіе Пропилеи т. III. И. С. Тургеневъ; Е. Карскій: Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовъ и Д. М. Ушаковъ, Опытъ діалектологической карты и пр.

Томъ LXXVI. вып. 1 (1916, № 3). М. 1916.

А. С. Орловъ. Домострой (продолженіе) (стр. 1—96). — Б. М. Соколовъ. О житійныхъ и апокрифическихъ элементахъ въ былинахъ (стр. 97—119). 1. Общій обзоръ. II. Исцѣленіе Ильи. Источникомъ былинного мотива исцѣленія Ильи, встрѣчающагося уже въ записи XVII в., было к.-н. книжное сказаніе о чудѣ святого; близкая параллель этому мотиву имѣется въ сказаніи объ исцѣленіи отрока-сидня старцемъ Боголѣпомъ, входящемъ въ особую редакцію житія Іосифа Волоцкаго въ ркпси XVII в. III. Микула — св. Николай. Въ параллель къ эпизоду съ тяжелой сошкой Микулы Селяниновича приводится разсказъ изъ т. н. „иного" житія Николая Чудотворца о чудѣ св Николая съ камнемъ, котораго не могли своротить 15 человѣкъ цѣлый день. IV. Вавила-скоморохъ. Однимъ изъ источниковъ этой былины могло быть апокрифич. еванг. Ѳомы: имя Вавилы-скомороха попало въ былину изъ проложной повѣсти о Вавилѣ-Скоморохѣ. V. Микула пахарь. Сюжетъ былины о Микулѣ пахарѣ основанъ на апокрифахъ, какъ Христосъ плугомъ пахалъ, и какъ Провъ Христа братомъ назвалъ, входящихъ въ Компиляцію попа Іереміи. — М. Карнѣева. Языкъ Служебной Минеи 1095 г. (продолженіе) (стр. 120—128). — А. Малеинъ. Еще разъ *кобыла, комонь* и лат. *cabo* (стр. 129—130). Слово *cabo* „лошадь", не встрѣчающееся ни у одного изъ извѣстныхъ намъ латинскихъ писателей, однако въ латинскомъ яз. существовало, т. к. имѣется во многихъ глоссаріяхъ. — Д. А. Терновскій. Нѣсколько старинныхъ словъ и выраженій (XVII и

XVIII стол.) (стр. 131—135). Выписано 50 словъ изъ разныхъ документовъ XVII и XVIII в. — Е. Карскій. Замѣтки по бѣлорусскому нарѣчію (стр. 136 до 149). — С. Кулаковскій. Маленькія драмы Пушкина (по поводу книги Д. Дарскаго, М. 1915) (стр. 142—142). — Ф(ранцевъ). Чешскія литературныя новости (стр. 142—147). — А. И. С(оболевскій). † Епископъ Владиміръ (стр. 151—154), † И. А. Лебедевъ (стр. 154—155). — Вл. Францевъ. † Д-ръ В. Я. Новачекъ (стр. 156). — Критика и библіографія (стр. 156—188). Рецензіи 27 книгъ, м. пр. Г. И(льинскій): Е. А. Рыхликъ, Поэтическая дѣятельность Франца Ладислава Челяковскаго (Кіевъ, 1915): А. Назаревскій: Замѣтка объ имени автора и спискахъ „Повѣсти о нѣкоей брани“; С. Казанскій: И. А. Шляпкинъ, Исторія русской словесности (Петрогр. 1915).

Вып. 2 (1916 г. № 4). М. 1916.

А. С. Орловъ. Домострой (окончаніе) (стр. 191—242). — Г. А. Ильинскій. Славянскія этимологіи (стр. 243—249). LXXI. Прасл. *svěžь* „свѣжій“. Первонач. значеніе: „находящійся въ состояніи движенія, колебанія, вибраціи“; родственны слова славянскихъ, балтійскихъ, германскихъ и др. языковъ, образов. от корня **(s)u̯ĭg-*, **(s)u̯eig-* съ подвижнымъ *s*, а также с другими детерминативами (*k*, *b*); всѣ слова, образованныя отъ такихъ корней, образуютъ одну огромную семью словъ, ведущихъ начало отъ корня *u̯ei-* „вить“. LXXII. Прасл. *lata* „матерія, заплата“. *lata* — субстантивированное прич. прош. страд. **lakta* отъ недошедшаго до насъ глаг. **lakti* „рвать“; первонач. значеніе: „кусокъ обрубленной ткани“. LXXIII. Прасл. *ryba* „piscis“. От корня *rūb-*, представляющаго удлиненную разновидность слабой ступени того корня, сильной ступенью котораго было **reu̯b-* „отдѣлять, рѣзать, рвать“, и стоитъ въ родствѣ съ лтш. *rubināt* „дѣлать надрѣзы, грызть“ и сх. *rbina* „осколокъ, черенокъ“. Корень **reu̯b* представляетъ губное расширеніе базы **ereu̯* „расщеплять, раскалывать“. LXXIV. Цсл. овощть „fructus“. Цсл. овощть и серб. *vȍće* восходятъ къ разновидностямъ иде. корня **au̯eg-* „расти“ съ суфф. *-tь*: изъ **au̯eg + tь* получилось **ovoktь > ovoščь*, изъ разновидности **u̯og + tь — *vogtь*, мн. **vogtьje* > срб. *vȍće*; разновидность *ā(u̯)g-* или *ō(u̯)g* — въ словѣ *jagoda*. — Б. Ляпуновъ. Этимологическія изслѣдованія въ области русскаго языка (стр. 250 до 263). 1. *Олоньсь* въ 1-ой Новгор. лѣтописи = *о + лоньсь* (съ удареніемъ на 1-мъ *ь*) „въ прошломъ году“. 2. *Тировати* тамъ же и въ псковской грамотѣ XIV в. „долго оставаться на мѣстѣ, пребывать, гостить“ — „одинъ изъ многочисленныхъ отпрысковъ какъ по формѣ, такъ и по значенію праславянской и и.-е. основы *ter-*“. — А. Марковъ. Замѣтки по русской діалектологіи (стр. 264—268). 1. Нѣсколько данныхъ для опредѣленія родины малорусскаго произношенія звука *ѣ* какъ *i*. Такими данными являются колебанія между *и* и *ѣ* въ написаніи нѣкоторыхъ географическихъ именъ въ русскихъ лѣтописяхъ XIV в. и позднѣе (въ сѣвернорусскихъ спискахъ!). По мнѣнію автора, это колебаніе восходитъ къ кіевскимъ спискамъ XII и даже XI в. 2. Къ вопросу о южныхъ и сѣверныхъ элементахъ литературнаго великорусскаго языка. Приведенъ рядъ словъ литературнаго языка, одни изъ которыхъ авторъ считаетъ по происхожденію сѣверновеликорусскими, другія южновеликорусскими (ср. Дурново РФВ. LXXVIII, 1917, № 3—4, стр. 210 слл.). — В. Отроковскій. Мотивъ преслѣдованія еретиковъ въ полемикѣ заволжскихъ старцевъ и іосифлянъ (стр. 269—279). — Александръ Соловьевъ. Галицко-русская грамота 1414 г. (стр. 280 до 281). Напечат. текст грамоты. — Труды Московской Діалектологической Комиссіи. Сводъ матеріаловъ, собр. Коммиссіей. Серія 2-я. Отвѣты на южновеликорусскую программу (стр. 282—291). Отвѣты №№ 40а до 46. — И. Эндзелинъ. Замѣтки о балтійскихъ именныхъ основахъ на (*j*)*ē* и *jō* (По поводу книги: F. Sommer. Die indogermanischen *iā*- und *iō*- Stämme im Baltischen) (стр. 292-315). Авторъ доказываетъ анализомъ многочисленныхъ примѣровъ, что гипотеза Sommer'а о возникновеніи балт. *-ē* въ окончаніи именныхъ основъ изъ *jā* и *a* и происхожденіи балт. *-īs* въ nom. sing. путемъ сліянія изъ *-ias* и балт. *-ī* въ voc. изъ *-ie* не потверждается данными балтійскихъ языковъ. — П. Бузукъ. Историко-культурныя взаимоотно-

ленія румынъ и южныхъ славянъ. По поводу книги: Relations des Roumains avec les Serbes, les Bulgares, les Grecs et la Croatie en liaison avec la question Macédo-Romaine par Ilie Bărbulescu. Jaşi 1912 (стр. 3'6—336). — Г. А. Ильинскій. Письмо въ редакцію (стр. 336), о томъ, что проф. Зубатый живъ. — Критика и библіографія (стр. 337—342). Рецензіи 5 книгъ.

Томъ LXXVII (1917 г. №№ 1 и 2). Петрогр. 1917.

Н. М. Петровскій. Грибоѣдовъ и Нѣмцевичъ (стр. 1—19). Сравненіе комедіи Нѣмцевича »Powrót posła«, изд. въ 1790 г, съ комедіей Грибоѣдова „Горе отъ ума" обнаруживаетъ между ними большое сходство, но не даётъ еще права настаивать на вліяніи Нѣмцевича на Грибоѣдова. — Софія Теръ-Микольянъ. Больная душа Гончарова (стр. 20—46). — И. И. Замотинъ. Проблемы жизни въ творчествѣ Достоевскаго (стр. 46—93). — П. А. Заболотскій. Очерки русско-славянскихъ литературныхъ отношеній въ XIX в. М. Ю. Лермонтовъ у поляковъ (стр. 94—114). — Б. В. Нейманъ. Мотивъ раскаянія въ творчествѣ Лермонтова (стр. 115—140). — Н. К. Гудзій. Огаревъ и Пушкинъ (стр. 141—151). О литературномъ вліяніи Пушкина на Огарева. — Труды Московской Діалектологической Комиссіи. Н. Н. Соколовъ. Говоры Псковской губерніи (стр. 152—163). — И. И. Огіенко. Удареніе въ словѣ *музыка*. Очеркъ изъ исторіи русскаго ударенія (стр. 164—188). Слова *мусика* и *музика* въ XVI и XVII вв., как и другія слова на *-ика*, свои и заимствованныя, произносились русскими съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ; въ XVII в. было заимствовано то-же съ польскаго въ видѣ *музыка*, тоже съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ и въ этомъ видѣ удержалось въ народномъ языкѣ (гл. обр. у малоруссовъ и бѣлоруссовъ) до сихъ поръ, а въ литературномъ — до XIX в. Произношеніе *мýзыка* съ удареніемъ на 1-мъ слогѣ явилось подъ вліяніемъ итальянскаго и нѣмецкаго произношенія (нын. нѣм. литературное *Musík* позднѣе) сперва въ артистической средѣ, вѣроятно, еще при Екатеринѣ II, но въ литературный языкъ проникло позднѣе. Впервые съ удареніемъ на 1-мъ слогѣ слово *музыка* является у Крылова въ 1800 г., который и позднѣе употребляетъ это слово только въ такомъ видѣ, но у другихъ поэтовъ до 40-ыхъ годовъ XIX в., кромѣ Грибоѣдова, слово *музыка* употребляется почти исключительно съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, хотя въ грамматикѣ Греча 1827 г. указано только произношеніе съ удареніемъ на 1-мъ слогѣ. Съ 40-ыхъ годовъ XIX в. произношеніе *музы́ка* въ литературномъ языкѣ исчезаетъ, сохраняясь только въ единичныхъ примѣрахъ у нѣкоторыхъ поэтовъ, какъ архаизмъ. — Е. Карскій. Къ исторіи термина „глаголица" (стр. 188). Въ хроникѣ Стрыйковскаго встрѣчаются выраженія »litery hlaholskie« и »hlaholskie pismo« о письмѣ, которымъ пишутъ болгары, сербы, дальматинцы, хорваты и русскіе, т. е., очевидно, о кирилловскомъ письмѣ. — В. Богородицкій. Лингвограммы литературнаго русскаго произношенія (стр. 190—193). Для полученія лингвограммъ, т. е. снимковъ съ языка, указывающихъ, какія части языка при произнесеніи извѣстныхъ звуковъ касаются нёба, послѣднее покрывалось тушью, которая при произнесеніи звука прилипала къ языку въ мѣстахъ, касавшихся нёба, и затѣмъ съ языка, на которомъ отпечаталась тушь, дѣлался фотографическій снимокъ. Въ статьѣ разсматриваются лингвограмы слоговъ *ка-кя, та-тя, са-ся, ша, ра, ла, і, а, ай*. — С. И. Родзевичъ. Къ исторіи русскаго романтизма. Э. Т. Гофманъ и 30—40 годы въ нашей литературѣ (стр. 194—237). — П. О. Потаповъ. Къ вопросу о связи между зрителемъ и сценой. (По поводу книги И. Н. Игнатова Театръ и зрители. М. 1916) (стр. 238—260). Въ результатѣ разбора книги Игнатова дается рѣзко отрицательный отзывъ; книга признается „положительно вредной" и совершенно неразрѣшающей поставленнаго авторомъ вопроса. — Критика и библіографія (стр. 261—286). Рецензіи 15 книгъ, м. пр. Евг. Кагаровъ: Д. К. Зеленинъ, Очерки русской миѳологіи. Вып. 1. Петрогр. 1916); Е. П-въ. Азбукинъ. И. А. Гончаровъ въ русской критикѣ (Орелъ 1916); С. Шевченко: Г. М. Барацъ. Источники слова о законѣ и благодати и евангелистой пѣсни (Кіевъ 1916).

Томъ LXXVIII (1917 г. №№ 3 и 4). Казань 1918.

Н. П. Кашинъ. Островскій и Шиллеръ (стр. 1—17, 117—137). I. »Demetrius« Шиллера и „Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“ Островскаго. Выводъ: „Островскій въ своей хроникѣ былъ совершенно свободенъ отъ вліянія Шиллеровской трагедіи“. II. „Разбойники“ Шиллера и „Воевода“ О-скаго. Выводъ: вліянія Шиллера не было ни въ 1-ой, ни во 2-й редакціи О-скаго, какъ не было и вообще въ произведеніяхъ О-го. — Новая русская орфографія (стр. 18—22). — М. И. Карнѣева. Языкъ Служебной Минеи 1095 г., окончаніе (стр. 23—45). — Евг. Кагаровъ. Объ одномъ миѳологическомъ имени въ „Словѣ о томъ како первое погани суще языци кланялися идоламъ“ (стр. 47). Упоминаемая въ этомъ „Словѣ“ богиня *Екадья* или *Екатия* не кто иной, какъ Геката, т. е. Артемида Орѳія (къ сожалѣнію, Кагаровъ не подкрѣпляетъ своего несомнѣнно вѣрнаго толкованія ссылкой на греч. текстъ Григорія Богослова, которому принадлежитъ это „Слово“). — Евг. Кагаровъ. Л. А. Мей, какъ переводчикъ Ѳеокрита (стр. 48—52). „Мей весьма плохо владѣлъ греческимъ языкомъ, часто искажалъ смыслъ подлинника, допускалъ излишнія вставки и, повидимому пользовался не оригиналомъ, а французскимъ переводомъ. Повидимому, плохо зналъ Мей и нѣмецкій языкъ.“ — Роман Брандт. Нѣсколько словъ о Бенедиктовѣ (стр. 53—74). — Б. Варнеке. Замѣтки объ Островскомъ XI. Пріемы творчества (стр. 75—89). — Вл. Францевъ. »Monumenta Illyrica« П. И. Шафарика (к исторіи его ученыхъ проектовъ) (стр. 90—116). Въ приложеніи 3 письма Шафарика къ кн. Милошу, 1 письмо Милоша к Шафарику и письмо Ст. Стефановича Милошу объ изданіи книги Шафарика. — Труды Московской Діалектологической Комиссіи (стр. 138—155): Н. Н. Соколовъ. Акающіе говоры Костромской губерніи (стр. 138—149). — Б. М. Соколовъ. Къ вопросу о дифтонгическомъ произношеніи *ѣ* и *о* въ южновеликорусскихъ говорахъ (стр. 150—155). Такое произношеніе отмѣчается въ ненапечатанныхъ записяхъ Турченева изъ Михайловскаго у. Рязанской губ. — Л. Л. Васильевъ. О значеніи каморы въ нѣкорыхъ древнерусскихъ памятникахъ XVI и XVII вѣковъ (стр. 155—186). Начало изслѣдованія [1]): Предисловіе (стр. 156—157). Объясненіе сокращеній (стр. 157—158). Введеніе (стр. 159—176). Исторія вопроса о различномъ произношеніи ударяемаго *о* въ великорусскомъ; напряженное [2]) *ô*, *уо*, *уо*, *у* изъ стараго *о* подъ восходящимъ удареніемъ въ великорусскихъ говорахъ; аналогичныя явленія словинскаго, чешскаго, польскаго и верхнелужицкаго языковъ. Глава I (стр. 176—179). Общія замѣчанія объ употребленіи каморы (знакъ циркумфлекса) надъ *о* и *ѡ* въ двухъ ркпсяхъ XVI в. Глава II. Напряженное *о* [1]) на мѣстѣ древняго *ъ* (стр. 179—182). Случаи постановки каморы надъ *о* изъ стараго *ъ* сводятся къ слову плоть и основѣ любов-; первое изъ этихъ словъ книжное и получило *ô* нефонетически; во второмъ *о* вмѣсто *ъ* могло явиться нефонетически еще въ древнѣйшую эпоху, какъ показываютъ срб. и словин. языки и ст.-сл. памятники, не смѣшивающіе *о* и *ъ*, напр. Сав. и Остр. Глава III. Звукъ *о* въ абсолютномъ началѣ слова (стр. 182—184). Надъ начальнымъ *о* камора никогда не ставится, ср. великорусскіе говоры, въ которыхъ начальное ударяемое *о* никогда не бываетъ напряженнымъ,[3]) п. ч. передъ напряженнымъ начальнымъ *о* развилось приставочное *в*. Подъ

---

[1]) Продолжніе этого чрезвычайно цѣннаго изслѣдованія, имѣющееся в рукописи, остаётся до сихъ поръ ненапечатаннымъ. Крайне желательно изданіе полностью этого труда, проливающаго новый свѣтъ на запутанный вопросъ объ общеславянскомъ удареніи и интонаціи. НД.

[2]) Названіе „напряженное *о*“ въ примѣненіи к *ô* звукамъ изъ стараго *о* подъ восходящимъ удареніемъ въ нынѣшнихъ великорусскихъ говорахъ, повидимому, не совсѣмъ точно. Частью это — сильно округленное, но не напряженное *о*, частью — звукъ смѣшанной артикуляціи, начинающейся съ верхняго подъёма съ сильнымъ округленіемъ. НД.

[3]) Точнѣе, поскольку рѣчь идётъ о правописаніи XVI в., *о* съ каморой НД

ліяніемъ случаевъ съ начальнымъ *вô* (изъ начальнаго *о* подъ восхоящимъ удареніемъ) камора встрѣчается надъ *о* изъ *ъ* въ книжныхъ слоахъ: вô нь, вô имѧ, вôпль. Глава IV. Напряженное *ô* на мѣстѣ древихъ *е*, *ь* (стр. 185—186). Камора надъ *о* изъ старыхъ *е*, *ь* встрѣчается олько въ нѣкоторыхъ морфологическихъ категоріяхъ, имѣющихъ *ô* и въ ынѣшнихъ великорусскихъ говорахъ. — Г. А. Ильинскій. Славянкія этимологіи. (стр. 187—211). LXXV. Еще разъ о дцсл. гънати 'pellere'. Іто слово не родственно съ глаг. *gonjǫ* и *ženǫ*, а восходитъ къ корню *gu-* съ суфф. *-na-*; старый infin. къ *ženǫ* — *žęti* утраченъ, вслѣдствіе совпаенія съ infin. *žęti* 'жать'. LXXVI. Сх. *lijenac* „одинъ изъ опорныхъ столовъ, на которыхъ покоится крыша". Восходитъ къ прасл. *lěnьсь*, образ. тъ корня съ исконнымъ значеніемъ „рѣзать" и родств. со слав. *léniti* *léviti* „линять". LXXVII. Чш. *sálati* „пылать, дымить" — durativum къ *soliti* изъ **suoliti*) и восходитъ къ корню *suel-* одному изъ рефлексовъ двухложной базы **sāuel-*, чередовавшейся съ **sāuen-*; изъ контаминаціи хъ получилось прасл. *sъln-* „солнце". LXXVIII. Чш. *tlapa* „лапа". Изъ крещенія своего *lapa* съ нѣм. *Tappe*. LXXIX. Влр. *чолмоша* „перегородка въ избѣ". Изъ уменьшит. суфф. *-oša* и корня *čolm-* (опечатка вм. *ьlm-*? НД), представляющаго низшую ступень корня **kolm*; корни **kelm-* и **kolm-* представляютъ губно-носовое расширеніе корня **kel-* „рѣзать, колоть". LXXX. Русс. *скула* „костяная выпуклость надъ щеками". Отъ корня *(s)keul-* „рѣзать". LXXXI. Чш. *skutiti* „сгребать, накоплять". Отъ корня **(s)keu-* съ детерминативомъ *t*. LXXXII. Русс. *щупать* „осязать". Основное значеніе „дѣлать щель", отъ корня **skeup-*, чередовавшагося со **skoup-*, гдѣ *p* детерминативъ; тотъ же корень былъ извѣстенъ и съ звонкимъ детерминативомъ *b*. LXXXIII. Русс. щука „извѣстная рыба". Отъ корня **skeu-* „рѣзать", распространеннаго детерминативомъ *k*; первоначальное значеніе: „рыба щиплющая и вообще кусающая". LXXXIV. Млр. *кволый*, „хилый". Какъ и великорусское *квёлый*, образовано съ помощью суфф. *-olъ* (великоруск. *-elъ*) отъ корня *kъv-* „качать, кивать", отражающаго иде. *ku-*, чередовшееся съ *kū*. LXXXV. Млр. *діброва* „дуброва" — отъ иде. корня *dhebh-*; отъ другихъ ступеней того же корня, *debh-* и *dobh-* образованы срб. географич. имена *Dèbre* и *Dobrava* и словин. *debər*. — Б. Варнеке. А. А. Чебышевъ (стр. 212—214, 191—192). Ч-въ — историкъ литературы, ученикъ акад. И. Н. Жданова. — Критика и библіографія. (стр. 193—220). 19 рецензій, м. пр. Н. П(етровскій). W. in W. Ščepkina. Slovensko berilo (М. 1915); Е. Пѣтуховъ: Измайловъ, Чеховъ 1860—1904. Жизнь — личность — творчество. (М. 1916); С. Казанскій: И. С. Тургеневъ, Попъ (М. 1917); Е. Кагаровъ: Познанскій, Заговоры (Петрогр. 1917); Н. Дурново: Нѣсколько замѣчаній на „замѣтки" А. В. Маркова.

На этой книжкѣ изданіе Русскаго Филологическаго Вѣстника прекратилось.

Николай Дурново.

Časopis pro moderní filologii a literatury. Vydává Klub moderních filologů s podporou České akademie věd a umění. Ročník desátý. V Praze 1923—1924.

Vilém Mathesius: Několik slov o podstatě věty (str. 1—6). Autor dospívá k této funkční definici věty: Věta je promluva sdělná, kterou se mluvčí aktivně a způsobem, zanechávajícím po stránce formální dojem obvyklosti a subjektivní úplnosti, staví k nějakému faktu anebo ke skupině faktů. — **Miloš Weingart:** Nové knihy o slovanských jazycích (str. 6—14). Bibliografický přehled nových spisů o staroslověnštině (mluvnice Łošova a Lehra-Spławińského), o srbochorvatštině (A. Belić. Правопис српскохрватског књижевног језика 1923), slovinštině (K. Štrekelj, Historična slovnica slovenskega jezika 1922), češtině (Fr. Trávníček, Studie o českém vidu slovesném 1923), polštině (J. Łoś, Gramatyka polska I, 1922, St. Szober, Gramatyka języka polskiego 1923 a A. Brückner, Geschichte der älteren polnischen Schriftsprache 1922) a ruštině (K. H. Meyer, Historische Grammatik der russischen Sprache 1923, Ivan Paňkevič, Граматика руського язика 1922). — **Karel Rocher:** O původu slova *ňadra* (str. 14—16). Výkladem významu toho slova podporuje jeho etymologické spojení

s ř. subst. *ἦτρον*. — **F. Strejček:** *S počátku* či *z počátku?* (str. 16—19). Příspěvek k českému pravopisu. O rozdílu, jenž se vyvinul mezi užíváním předložky *z* a *s* s genitivem a o kolísání ve psaní pojmů *s (z) hlediska, s (z) místa, se (ze) stanoviska, se (ze) strany.* — **Jos. Janko:** Poznámky a příspěvky k českému slovníku etymologickému (str. 19—25, 116—122, 195—204). Etymologický výklad slov od *aleš* až po *alterace.* — **Otto Bureš:** Příspěvek k otázce přejímání řečí (str. 25—27). Z laboratoře pro experimentální fonetiku v Praze. Autor, narozený a první dobu svého mládí ztrávivší v prostředí německém, zjišťuje, že podržel artikulaci *k, g, ch,* vlastní zvukům německým, ačkoliv jinak se české výslovnosti naučil dokonale (s obrázky). — **M. Křepinský:** J. U. Jarník (str. 38—43). O činnosti Jarníkově v oboru románské filologie. — **P. M. Haškovec:** Drobnosti gramatické i literární (str. 43—46, 146—152). 1. Merenda a kalupinka. Význam těchto slov ukazuje, že vnikla do češtiny z jazyků románských (*merenda* z it., *kalupinka* z fr.) v době barokní. 2. K cestopisu pana Lva z Rožmitála. Ve čtení o jihofrancouzském městě Blaye je zmatena legenda rolandovská. 3. Jméno stč. kmene *Lemuzův* může býti původu keltského (gallského). 4. Ke kritice Dalimila. Motiv opuštění pravlasti slovanské pro vraždu vnikl do české kroniky z latinské básně X. stol. Waltharius prostřednictvím pramene snad ztraceného, passus pak z kapitoly »O míšenskej a o saskej vojně« pochází asi z Pseudoturpina. — **J. Menšík:** K střídnicím za psl. *ę* v slovenštině (str. 97—105). Proti Trávníčkovi (K střídnicím za praslovanské *ę* v češtině, Brno 1923) hájí Gebauerova výkladu, že ve slovenštině *ę* > *i̯a* > *ä* neb *i̯a*. — **Bohumil Rak:** Louis Leger a jeho literární dílo (str. 105—111, 209—224). — **K. Paul:** Štěpán Mojzes a Gajův ilyrismus (str. 111—116, 204—208). Vypisuje zásluhy Mojzesovy o chorvatské národní a politické probuzení. — **O. Švitavský:** Oslava-Úslava. Příspěvek etymologický (str. 193—195). Vysvětluje obě jména z kořene **svьt-*: **O-svьt-la-va*, **U-svьt-la-va* ‚řeka světlá, s jasnou čistou vodou'. — **Úvahy.** Miloš Weingart pojednává o těchto pracích: St. Szober, De pronominum personalium, quae in pristina lingua indoeuropaea fuerint, declinatione ac forma primigena (Stromata in honorem prof. Cas. Morawski, Cracoviae 1922), H. F. Schmid, Die Nomokanonübersetzung des Methodius (Leipzig 1922), Bohumil Vydra, Popis a rozbor nářečí hornoblanického (v Praze 1923), André Mazon, Contes slaves de la Macédoine sudoccidentale (Paris 1923); Boh. Rak píše o knize Eisenmannově La Tchécoslovaquie (Paris 1921); K. Paul referuje o Weingartových dvou pracích (Příspěvky k studiu slovenštiny, Bratislava 1923, a Dobrovského Institutiones, tamt. 1923) a o sborníku věnovaném F. Pastrnkovi k 70. jeho narozeninám (Praha 1923); Miroslav Zelenka píše o dvou knihách M. Szyjkowského (Dzieje nowożytnej tragedji polskiej, Kraków 1923, a Współczesna literatura polska z wypisami, Poznań 1923) a o Gramatyce języka polskiego, vydané Bennim, Łośem, Nitschem, Rozwadowskim a Ułaszynem (Kraków 1923); J. V. Sedlák posuzuje rozpravu J. Mukařovského »Příspěvek k estetice českého verše« (str. 154—159; proti posudku tomu se brání autor na str. 312—317). — **Zprávy** (str. 87—91, 183—188, 312—323). *J. K.*

Filologu biedrības raksti. IV. sējums. Rīgā 1923.

J. Endzelīna: Gada pārskats filologu biedrības 1923. g. gadą sapulcei (str. 3—5). Přehled činnosti filologické společnosti za r. 1923. Seznam lotyšských prací z historie, etnografie, literární historie, umění a jazykozpytu za rok 1922. — **J. Endzelīna:** Latviešu vārdi ar īsu patskani *o* no *u* (str. 5—6). V západních nářečích lotyšských jsou slova s krátkým vokálem *o* místo krátkého *u* v slabice kořenné (na př. *bogâties, boguoties* = *buguoties* »mit dem Kopfe wiederholt nicken«, srv. skr. *bhuǧati*, got. *biugan* atd.). Jsou to zbytky z jazyka kurského, kde samohláska *u* se přiblížila samohlásce *o*, což potvrzují také litevské dialekty žemaitské, obsahující prvky jazyka kurského. — **A. Spekkes:** Ercoles Strozzi »Andu Nimfas«. (Herculis Strozae Titi filii de loco, ubi Maro primum lusit, ad Andiadas Nymphas.) (Str. 6—40.) Pokus o analysu básně »Andu Nimfas« od latinského básníka italské renesance Ercola Strozzi na dvoře ferrarském. Báseň, oslavující mantovského markraběte Františka (1484—1519), analysuje se v obsahu, komposici a stilu. — **A. Ābeles:** Par lejasciemiešu izloksni (str. 40—51)

Autorka podává tu svá pozorování a poznámky o dialektě lejascieminském. ntonace klesavá a lomená jsou silně ekspiratorní na počátku slabiky, což je příčinou zdloužení krátkých vokálů, které až zarážií. Intonace lomená všude se vyslovuje se silným lomením. Na začátku každé fonetické jednotky je silnější koncentrace síly, která se zeslabuje ke konci. V slabikách sufixálních nastupuje omená intonace místo tažené (srov. lok. sg. *ustabâ*, dat. pl. *maîtiņâm*). Délky v koncovkách sufixálních a v přízvučných slabikách kořenných se krátí v určitých posicích. Ve vokalismu sleduje se podrobně fonetický charakter jednotlivých samohlásek a jejich změny. — **Ed. Pētersona:** Aumeisteriešu izloksnes apraksts (str. 52—62). Ukázka textu tohoto nářečí. Všechny tři intonace zachovány. Ve vokalismu vykládají se změny samohlásek, v konsonantismu změny a zánik souhlásek, (na př. *r* mizí v prefixu *pãr*: *pã(r)braùkt*, *v* v nom. sg. *a*-km.: *ę̃(v)s*), změkčení konsonantů za určitých podmínek. V tvarosloví probírají se koncovky deminutivní, pak popis jednotlivých kmenů a charakteristických slov. Jsou tu zbytky duálu s koncovkou *-i*: divi gadi vęcs, ņem ar abi rùoki! bràuc ar seši zirgi. V konjugaci uvedena jednotlivá charakteristická slovesa. Zvláštní vazby nářeční — **Ž. Grauda - Graudevica:** Sabiles izloksne (str. 63—67). Nářečí sabilské má dvě intonace, lomenou, jež splynula s klesavou (ale uvádějí se výjimky) a taženou. Ve vokalismu se vykládá o zvláštním způsobu vyslovování koncových vokálů. K poslednímu konsonantu přivěsí se dosti podivně samohláska, jakoby šeptem, konsonant před ní jakoby se zdvojil v polosouhlásku a souhlásku vlastní. Ve výslovnosti mezi takovými souhláskami je malé přerušení, jak ukazuje příklad *rādd(a)*. Charakterisují se jednotlivé vokály ve srovnání se spisovným jazykem, změny konsonantů, podmíněné jejich postavením ve slově (tautosylabické *v* > *u̯*: *tau̯s*, *v* mizí mezi *au* a samohláskou: *laũa* [lauva] a j.). V deklinaci uvádějí se vzory jednotlivých kmenů. — **J. Endzelīna:** Izloksņu texti (str. 68—74). I. Duj bum̃biẽr (Dundagas izloksnē). II. Nežēligeis grâfs un smukē gàn Añn Vandzenes iģenieku izloksnē). III Sàimnieka pràtuôjums agrâ rîta stùndâ (Saikavas izloksnē). IV. Tautas dziesmas Vārkavas izloksnē. V. Tautas dziesmas Domopoles izloksnē. VI. Tautas dziesmas Veckalsnavas izloksnē. — **P. Ķikaukas:** Mežamuižas pagasta izloksne (str. 75—77). Zvláštnosti tohoto nářečí zkoumané podle materiálu. Ukázky frazeologie. — **M. Stumberga:** Dažas ziņas par kādu līdz šim vēl nepazīstamu rokrakstu latviešu valodā (str. 77—81). Zpráva o neznámém rukopise lotyšsko-německého slovníka a lotyšské gramatiky, objeveném v universitní knihovně v Heidelberku. Sepsal jej Johannes Langius (Lange, *1615), pastor v Nice a Bārtě, jehož biografie je stručně podána. Rukopis se popisuje, jak je zachován v knihovně heidelberské. Probírá se úvod Langův k dílu, charakterisuje se jazyk Langův a pozornost se věnuje uspořádání slovníka. Pisatel si přeje, aby slovník pro svou nesmírnou cenu jazykovou, kulturně-historickou a etnografickou, stal se přístupným všem, kdož milují jazyk lotyšský. — **P. Abula:** Kokľu uzraksti (str. 81—85). *a)* Durbes kokles. Lotyšská musejní společnost v Rize uspořádala lotyšskou etnografickou výstavu u příležitosti X. archeologického kongresu v Rize v srpnu r. 1896. Na ní vystaveny byly také staré pětistrunné housle s vyrytými značkami z Durbe. Autor líčí, kde, kdy a jak je našel a do Rigy dopravil. Vyobrazení ukazují typy značek na houslích. *b)* Ventspils kokles. Podobná historie starých houslí ventspilských. — **A. Gulbes:** Limbažu izloksnes apraksts un teksti (str. 86—97). Popis nářečí limbažského, jež má v sobě zvláštnosti jazyka starých Kurů a Livonců. Koncovky slov se zkracují (na př. *diên*, n. pl. *mãťs*), podobně sufixy inf. *zinat*, *darit*). Mluví se o změně vokálů (*a* > *ę*, *ē* > *a*: *meklat*), o zkrácení délek v slabikách kořenných, o difthongizaci *ê* (na př. *eidanc*, *seid*), o zániku některých souhlásek, o palatalisaci hlásek (stopy měkkého *r*; *k*, *g* > *c*, *dz* před *i*, *e*, *ie*, k tomu výjimky). V tvarosloví se vykládají koncovky deminutivní, v deklinaci zajímavá je ztráta rodu ženského (dat. sg. *mãtam* »matce« jako *tẽvam* »otci«), v konjugaci je charakteristický zánik osobních koncovek: je toliko 3. os. sg. i pl. (na př. *es, tu, viņš, mēs, jũs, viņ dzied*, *nãk* atd.). Genitivu užívá se skoro jen ve složeninách (na př. *tẽvbrāls*. *sẽtmals*). Ukázkou připojeny texty. — **J. Turkupul'a:** Preiľu pagasta izloksne (str. 97—100). Nářečí preiľské náleží ke skupině nářečí inflantských. Je to vlastně dvojí nářečí, jež se liší tím, že v prvém *ū* > *yu*, v druhém *ū* > *eu*. Zajímavá kontrakce vokálů (na př. *nàtrašť* = *na atrašt*.

pęžu = paedu). — V části bibliografické (str. 100—104) posuzuje **J. Endzelin** »Baltisch-Slavisches Wörterbuch« od R. Trautmanna (Göttingen 1923) a Lietuvių kalbos žodynas. I. sąsiuvinis (Kaunas 1924) od K. Būgy. První knize vytýká některé chyby a nedostatky, pokud se týče lotyšského jazykového materiálu, druhou doplňuje svými poznámkami z lotyštiny. *V. Č.*

Časopis Musea král. českého. 1922. (Ročník XCVI. Oddíl duchovědný.)

Články. Jar. Božek: Rozptýlené kapitoly o životě a dílech dra Ign. J. Hanuše (str. 1—15, 125—145, 233—245). Hanuš universitním profesorem v Praze (v l. 1849—1852; o stycích jeho s A. Schleicherem, F. L. Čelakovským, Helceletem, B. Němcovou, záležitost Aug. Smetany). Hanuš zbaven universitní profesury (r. 1852). Hanuš byl eklektikem ve smyslu historickém, nikoliv přívržencem filosofie Hegelovy. Předchozí oddíly této studie vyšly ve Věkové Osvětě r. 1911, č. 3—6 a r. 1913 č. 9—11. — **K. Paul:** Štúrovo schizma a Gajova myšlenka národního jihoslovanského sjednocení (str. 15—22, 145—157, 245—256). I. Slovinci a Bulhaři. II. Chorvaté a Srbové. O poměru snah slovenských a jihoslovanských. — **J. Máchal:** Vladimír Galaktionovič Korolenko (str. 22—39). Životopis, přehled literární činnosti, ocenění. — **J. V. Šimák:** Dvě drobnůstky ze staršího místopisu českého (str. 39—43). 1. Čí bylo Kladsko r. 1093? Výklad místa z kroniky Kosmovy III. kn. 1 tak, že r. 1093 Boleslav, syn polského panovníka Vladislava, nedostal léna v Kladsku, nýbrž ve slezském území sousedním. Tak vykládali místo to již Tomek a Kalousek. 2. Skála, hrad Soběslava II. Viz již ČČM. 88, 1914, 283—285. Domněnka, že jest jím rozuměti zněmčený Königstein (lat. Lapis regis) nad Labem u Perna v nynějším Sasku, dosvědčený od r. 1239. — **F. M. Bartoš:** Počátky kalicha v Čechách (str. 43—51, 157—173). První část větší práce, zabývající se zápasy programů a stran v letech 1414—1420. I. Vznik myšlenky kalicha. Jest jej hledati v informacích, které k nám počátkem r. 1414 přinesl z litevské své cesty M. Jeronym. Dodatek: Z vývoje legendy o Petrovi z Drážďan jako původci kalicha. II. Prvý rok traktátového boje o kalich 1414—5. Nový pokus o zbadání tehdejšího polemického písemnictví. — **J. Hanuš:** Musejní časopisy za redakce Palackého (str. 51—66, 173—186, 256—268). Dokončení rozboru německého časopisu musejního (viz Slavia I, 484). Poměr německého časopisu k poesii české, živý zájem jeho o umění. Celkem nutno říci, že Palacký dovedl i v německém časopise uskutečniti ne-li všecky, aspoň hlavní sliby svého programu a vytvořiti z něho znamenitou vědeckou revui v nejširším smyslu slova, a to revui přes německý jazyk a německé spolupracovníky českou obsahem i duchem. Následuje podrobný rozbor českého časopisu musejního (Časopis společnosti vlasteneckého Musea v Čechách 1827—1838). Byl zamýšlen od počátku jako list více populární a pěstoval především krásnou literaturu (poesii i prosu původní i přeloženou). O poměru časopisu k obrozující se řeči české. — **Jos. Dobiáš:** Epigrafické studie k dějinám a národopisu československého území v době římské (str. 81—98, 213—227). 1. Zadunajská výprava M. Vinicia. Autor doplňuje tuskulský nápis jménem Dáků (nikoliv Kvádů) a rekonstruuje na základě podrobného rozboru nápisu Viniciovo tažení proti Pannonii. Pro ethnografii Slovenska v době kolem narození Kristova vyplývá toto: Jižní rovinatá území slovenská s nízkými výběžky hor sestupujících od severu do dunajského údolí drželi Dákové (na východ a na sever od nich sídlil hlavní kmen Bastarnů), v území kolem horního Hronu bydleli keltští Kotini, na východ od masivu západoslovenského podél jižního úbočí středních Karpat měli sídla Anartové, Osy jest hledati v poříčí řeky Iplu. V 2. čtvrti I. století po Kr. byly však rovinaté části Slovenska při Dunaji osazeny patrně Jazygy, kteří zatlačili starší obyvatelstvo dácké, sahající kdysi také až k řece Moravě. — **Václav Flajšhans:** K staročeským slovníkům (str. 98—101). 1. Nové rukopisy Klareta. 2. Názvy abstrakt. 3. Staročeské měsíce. — **Josef Volf:** Zima zimu bude stihati, v kožiších budou žínati... (str. 102—125). Dosvědčuje tento oblíbený verš z mnohých »proroctví« (nejstarší doklad jest u Štelcara Želetavského r. 1589) a jedno z nich (musejní

rukopis) otiskuje celé pro obsahovou i jazykovou jeho zvláštnost. — **Jindřich Šebánek**: O první horu Tábor v Čechách (str. 209—213). Brání novými důvody mínění, že Táborem nazván dnešní vrch Holý (Březový) u Týna nad Vlt. — **Josef Šmaha**: Matouš Kollinus z Chotěřiny (str. 227—233). Byl také spisovatelem českým. Šmaha otiskuje hojnější výpisky z jeho Oekonomie. — **Úvahy.** Jindřich Šebánek referuje o II. dílu Thirovy práce »Staré domy a rodiny táborské« (str. 66—67; důležita v ní zejména sdělení z doby pobělohorské, pro kterou opouští nás práce Zikm. Wintra); J. Menšík oceňuje dva nové pokusy o dějiny slovanské literatury: Štefan Krčméry, Prehľad dejín slovenskej literatúry a vzdelanosti (2. vyd.) a Josef Koreň, Ilustrované dejiny slovenskej literatúry (str. 67—71); Miloš Weingart pochvalně píše o Novém fraseologickém rusko-českém slovníku od Borise Morkovina (str. 71—73); V. Hrubý uvažuje o Šimákově Kronice Československé (dílu I. kniha první, str. 186—189), Jos. Volf posuzuje I. díl Máchalových Slovanských literatur (str. 189—191) a Hanušův jubilejní spis: Národní Museum a naše obrození (str. 268—272), dílo to velkolepé koncepce. — **Hlídka literární** (str. 73—78, 191—204, 273—283) obsahuje vedle četných referátů tyto drobnější příspěvky: V. Hrubý shledává málo váhy na Pekařově námitce proti závadnosti listiny biskupství pražského z r. 1086; F. M. Bartoš podává příspěvek k osvětlení mládí M. Jana Rokycany a smrti táborského kněze Lukáše; týž autor připomíná svědectví Vavřince Krasonického o autorech Obrany viery proti Pikartóm (z osmdesátých let XV. stol.); A. Frinta v úvaze: »Polský příklad obecné péče o jazyk mateřský« nabádá k soustředění českého opravného úsilí jazykového; M. Weingart podává zprávu o karpatoruských knihovnách a rukopisech v Prešově, Užhorodě a v Mukačevě; H. Traub píše o zmařené profesuře Fr. L. Čelakovského a otiskuje příslušná akta. — Konečně jest bohatý oddíl **Bibliografické drobnosti** (str. 78—80, 204—206, 283—285), který uspořádal zcela J. Volf. *J. K.*

Časopis Národního musea (Časopis Musea království českého). Ročník XCVII. 1923. V Praze.

Ve schůzi kuratoria Matice české dne 16. února 1923 bylo usneseno přizpůsobiti titul časopisu změněnému názvu Národního musea. Směr časopisu se tím nemění. — I. **Články. Robert F. Young**: Český filosof v Anglii v XVII. století (str. 1—7). Byl to Jiří Ritschel z Německého Chvojna v sz. Čechách, který měl styky s Komenským a jemuž vědění a literární činnost získaly vážnosti v anglickém prostředí. — **Vj. Klaić**: Moje vztahy k Čechům. Z rukopisu přeložil Dr. K. Paul (str. 7—14). Styky věhlasného historika s Čechy datují se již od let šedesátých. — **Jos. Volf**: Domnělé vidění Oldřicha z Rožmberka r. 1417 (str. 14—24, 105—116). Toto proroctví, zachované v Balbínově listě opatu kláštera teplského Rajmundovi Wilfertovi r. 1664, známo bylo již v Tannerově lat. díle Trophaea z r. 1661 a jeho nejstarší záznam jest zachován v rukopise univ. knihovny asi z r. 1660. Balbín uváděl však jako svůj pramen prastarý rkp. a tím se dopouštěl přímého podvodu. A není dokonce vyloučeno, že měl při výrobě jeho (pro historickou část byl falsátorovi pramenem Hájek, pro fantastickou byl hlavní předlohou t. zv. sv. Václav dánský) i jistou účast. Proroctví mělo oslavit domnělé vítězství protireformačního boje v Čechách. — **Vojtěch Sokol**: Příspěvek k dějinám kaple Betlemské (str. 24—34). Z rkpu. kláštera rajhradského, autografu to M. Marka Bydžovského z Florentina z r. 1593, obsahujícího dosti obšírné dějiny universitního hospodářství, otiskuje S. neznámé prameny, týkající se kaple Betlemské, a pro úplnost vypočítává i ostatní zápisy o Betlému, obsažené v tomto rkpe., třebas jsou odjinud známy. — **F. M. Bartoš**: Počátky kalicha v Čechách. II. Prvý rok traktátového boje o kalich 1414—5 (str. 34—51). Dokončení rozboru této traktátové literatury (viz. ČČM. XCVI, 1922, str. 43 sl.). Dodatek. Z počátků Petra Paynea. — **Jos. Dobiáš**: Epigrafické studie k dějinám a národopisu československého území v době římské (str. 51—61, 117—125, 220—229). Viz již ČČM. XCVI, str. 81 sl., obsah zde výše na str. 587. 2. Langobardi a Dulgubniové. V 2. pol. II. stol. po Kr. (nejspíše r. 165) konali Langobardi (ne celý kmen) tažení územím slovenským,

aby podnikli útok na Pannonii Horní. Ale byvše od Římanu poraženi, zanikli, čímž se vysvětlí okolnost, že se o jejich zpětném tažení z Podunají nezachovala žádná výslovná zpráva. Jméno Dulgubniů, supponované Domaszewským na nápise brigetijském, nesvědčí pro to, že by Langobardi sídlili při Dunaji; výklad Domaszewského jest jediný řetěz falešných závěrů, zejména pak slovo *Dulgubniorum* na uvedeném nápise nikdy nebylo. 3. Osi. Germánské války císaře Marka Aurelia způsobily radikální proměny v ethnografických poměrech dnešního Slovenska. Také Osové dostali se za jeho vlády z poříčí ipelského na provinciální půdu římskou na jih od Dunaje. — **Jos. Hanuš**: Musejní časopisy za redakce Palackého (str. 61—73, 172—182). Pokračování rozboru českého časopisu musejního. Srv. CCM. XCVI, 1922, str. 173 sl., zde výše na str. 587). Musejník zastával se jednoty spisovné řeči české proti snahám separatistickým a projevil i statťmi historickými, filologickými, terminologickými a brusičskými vynikající zájem o jazyk český. Významné oddělení časopisu tvořily staré písemnosti české, otiskované buď celé nebo v ukázkách. Bohužel podařilo se tam vpašovati i padělky. Celkem žádný z časopisů českých theoreticky i prakticky nezasáhl tak hluboko a trvale do vývoje obrozující se řeči národní jako časopis musejní. — **Zdeněk Záhoř**: Dodatek k soupisu prací o životě a díle Boženy Němcové (str. 73—77). Viz CCM., 95, 1920, 45 sl. Srov. k tomu poznámky a doplňky Mil. Hýska v Naší vědě, 6, 35 sl. — **Jos. Salaba**: Ku vpádu Pasovských r. 1611. Petr Vok z Rožmberka a obrana Rudolfova majestátu. Předbělohorských kapitol č. III. (str. 97—105). — **V. Driml**: Po stopách zapadlého literáta českého (str. 125—133, 263—271). Byl to Ant. Žalud, pseud. Vysokomýtský (1815—1873?), poctivý a neohrožený bojovník za svobodu a osamostatnění národa českého v dobách nejtužší reakce. Viz též J. Volf v tomto ročníku ČNM. na str. 81 sl. — **H. Traub**: Potíže Fričovy s vydáním Pamětí. K 30. výročí jejich dokončení (str. 133—144). Otištění se zdrželo nepříznivou shodou okolností o léta. — **Josef Páta**: Handrij Zejleř a jeho styky s Čechy a Slováky. K 50. výročí úmrtí národního básníka lužickosrbského (str. 144—159). V příloze otištěn krásný list Zejleřův Jos. Dobrovskému z r. 1827, chovaný v knihovně Národního musea v Praze. — **A. Dolenský**: Z korespondence Julia Zeyera (str. 160—172, 255—262). Otisk listů sochaři Jos. Maudrovi z let 1880—1887. — **J. V. Šimák**: O díle Augusta Sedláčka (str. 209—220). Předneseno při oslavě osmdesátých narozenin jeho v Písku dne 27. září 1923. — **Jos. Volf**: Zánik jediných českých novin na konci r. 1771 (str. 229—236). Na základě listinných dokladů, zachovaných v archivu min. vnitra, ukazuje autor, jak a proč došlo toho roku k zastavení jediných českých novin v 18. stol. (založ. Rosenmüllerem r. 1719). — **Jan Prošek**: O nedatovaných neb chybně datovaných dopisech v korespondenci Boženy Němcové (str. 236—255). Přezkoumav dotavadní pořadí nedatovaných dopisů Němcové zařazuje je autor chronologicky správně mezi ostatní korespondenci. Viz k tomu V. Tille, Naše věda, 6, 39 sl. — **II. Drobné zprávy**. **Jaroslav Prokeš**: František Antonín Libštejnský z Kolovrat a založení českého musea (str. 271—273). Z archivu min. vnitra a spravedlnosti otiskuje list Kolovratův polic. ministrovi Sedlnickému a odpověď Sedlnického. — **F. M. Bartoš**: Kdy se narodil a zemřel Tomáš ze Štítného? (str. 273—275). Posunuje život Štítného o 5 let (1335—1405). — **F. M. Bartoš**: Ještě o Sermones de Antichristo (str. 275—277). Odpověď Jar. Prokešovi (CNM. 1921, 47—9). — III. **Bibliografické drobnosti**: (str. 96, 204—205, 284—287). Uspořádal Jos. Volf. — IV. **Úvahy**. Jos. Volf referuje o těchto spisech: Otakar Josek, Život a dílo Josefa Kalouska (Praha 1922; str. 78—80), Jan Amos Komenský, Historie o těžkých protivenstvích církve české, VIII. vyd. Úvod dra F. M. Bartoše (Praha 1922; str. 80—82), Jos. Th. Müller, Dějiny Jednoty bratrské I. (přeložil dr. F. M. Bartoš; Praha 1923; str. 277—281), Josef Sakař, Dějiny města Pardubic nad Labem. Dílu I. část druhá (Pardubice; str. 281—283). Miloš Weingart posuzuje Brücknerovy Dějiny rus. lit. (Historja literatury rosyjskiej I—II, 1922—1923; str. 82—86), obšírně glossuje Pražákovy Dějiny spisovné slovenštiny po dobu Štúrovu (Praha-Král. Vinohrady 1922; str. 182—196), uznávaje nejen jejich vědeckou dokumentárnost, ale spatřuje v nich i nástroj národně výchovný, konečně referuje o I. roč-

níku orgánu užhorodského národního spolku »Prosvita« (Науковый збoрник 1922; str. 196—198). J. Bidlo velmi pochvalně vítá I. část díla prof. Zlatarského (История на българската държава прѣзъ срѣднитѣ вѣкове, София 1918; str. 86—89). F. Strejček doporučuje Sedlákovu monografii o Josefu Thomayerovi (v Praze 1923; str. 198—200). — V. **Hlídka literární**. J. Máchal vřele oceňuje dílo Legerovo (str. 89—93); M. Weingart podává posudek o sborníku »Podkarpatská Rus« (Praha 1923; str. 93—96), referuje o spise Dorošenkově Славянський світ в його минулому й сучасному I—III, neupíraje, že vykoná jistou službu, ale »nadchnouti se proň nemůžeme« (str. 283—284); K. Paul podává obsah I. části díla Weingartova: Byzantské kroniky v literatuře církevně slovanské (Bratislava 1922; str. 200—201). Atd. *J. K.*

Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher IV. Bd. 1. u. 2. Doppelheft. Berlin-Wilmersdorf 1923.

Jako Byzantinische Zeitschrift, i tento časopis je rozdělen na tři oddíly: V prvním (str. 1—128) jsou původní články, v druhém (str. 129—161) posudky jiných prací, v třetím (str. 162—255) jest obšírný bibliografický seznam spisů a článků jinde vyšlých, sestavený podle odborů byzantologie podobně jako v Byzantinische Zeitschrift.

V prvním oddílu zasluhují pro slavisty zmínky tyto články:

E. Peterson: Zu griechischen Asketikern srovnává texty řeckých spisovatelů asketických, a to především Euagria Pontika, aby podle příslušného textu syrského zjistil nesporné autorství zmíněného spisovatele na některých místech.

S. G. Mercati: Kaloritès est-il synonyme de Hagioritès polemisuje s Banescem, který tvrdí, že tato dvě jména znamenají stejně mnicha některého z klášterů na Sv. Hoře Athonské. Mercati dovozuje, že nemáme nikde zřejmého svědectví, že by *Καλὸν Ὄρος* znamenalo totéž, co *Ἅγιον Ὄρος*, a do té doby, než takové pádné svědectví bude nalezeno, nelze obě svrchu uvedená slova ztotožňovati.

Th. Linschmann: Zum Namen *Ἀρχιπέλαγος* dovozuje, že toto slovo vzniklo z *Ἀργιπέλαγος*, což znamená »bílé moře«, jak svědčí turecké slovo »aq deňiz«.

Ed. Kurtz: Emendationsvorschläge zu den Gedichten des Manuel Philes vykládá, že E. Millerovo vydání Filových básní je velmi povrchní a že si tento básník zasluhoval větší pečlivosti, poněvadž z mnohých příčin je zvláště pro byzantské obřadnictví i drobné umění velmi důležitý. Proto navrhuje některé změny textové, které usnadní porozumění a mohly býti již v Millerově vydání proti rukopisnému čtení uvedeny.

G. Cammelli: Demetrii Cydonii ad Ioannem Cantacuzenum imperatorem oratio altera otiskuje s krátkým latinským úvodem celou tuto řeckou oslavnou řeč na byzantského císaře Ioanna VI. Kantakuzena.

N. I. Giannopoulos: *Ὁ ἐν Γραλίστῃ (παρὰ τὴν Καστορίαν) Βυζαντιακὸς ναὸς καὶ τὸ ἐν αὐτῷ ξύλινον ἀνάγλυφον τοῦ Ἁγίου Γεωργίου* popisuje v článku novořecky psaném zmíněný chrám sv. Jiří v Gralistě blíže Kastorie v Makedonii, založený r. 1286—7, a zvláště věnuje pozornost soše světcově, jež je tam postavena v nadživotní velikosti 2 *m* 80 *cm* v řecko-římském úboru vojína. Je to socha dřevěná a z bohaté její polychromie zachovaly se dosud zbytky plné životnosti a výraznosti, krásný vzor byzantského umění skulpturního.

F. H. Marshall: A manuscript of Georgios Chumnos, and a world-chronicle vykládá o dvou zajímavých rukopisech, získaných nedávno Britským museem. Jeden z nich je rkp. Georgia Chumna s metrickou parafrasí Mojžíšových knih Genese a Exodu, pocházející z kláštera Sinajského, napsaný r. 1646 a obsahující 375 výtečných drobnomaleb. Rukopis ten má význam pro poznání nářečí krétského, jímž se mluvilo kolem r. 1500, a jsou v něm patrny některé zajímavé odchylky od obvyklého znění biblického a apokryfické přídavky. Zdá se, že Andreas, arcibiskup krétský kol r. 730, byl také Chumnovi vzorem. Druhý z obou rkp. obsahuje dlouhou světovou

kroniku v jazyku řeckém a verších politických, nejobvyklejších to verši byzantské literatury umělé i lidové. Psán je pečlivou rukou s četnými tach grafickými značkami v 16. století. Tvořil část sbírky Roberta Curzona a b r. 1835 získán v klášteře Meteoře v Thessalii, a to velmi zajímavým způsobe o němž Curzon podává zprávu, podotýkaje, že se sám octl při tom v nebe pečí života a že onen rukopis zůstal po čilé debatě s mnichy onoho kláště v jeho vaku náhodou. Rkp. ten obsahuje světovou kroniku, začínající obvy lým způsobem od stvoření světa, pokračující pak od dějin biblických k bab lonským, egyptským, perským, lydským, řeckým a římským a končící vlád Marciana a Pulcherie v Byzanci. Je patrno, že byla na tomto místě náhle přer šena. V článku Marshallově je podáno několik krátkých ukázek z obou památe

N. A. Bees: Darstellungen altheidnischer Denker und Aut ren in der Kirchenmalerei der Griechen vykládá, jak četné nábože ské prvky pohanského národa řeckého působily i po přijetí křesťanství v liter tuře a v umění a jak četné řecké představy křesťanské jsou vlastně přesta pohanské, křesťanství pouze přizpůsobené. Poté dovozuje, jak i přes odp některých kruhů křesťanských stále se udržovala slavná tradice pohans a vzpomínka na vynikající muže řeckého starověku a jak Sofokles, Plato Aristoteles a j. stávali se židovsko-křesťanskými proroky, při čemž vybírá z jejich spisů mravní názory, podobné názorům křesťanským, a různé výro jejich vykládány metaforicky nebo alegoricky. Tyto snahy, smiřující pohans s novým náboženstvím, přirozeně nalezly ohlas i v náboženském umění Řek To zřejmě vysvítá především z Malířské knihy hory Athos od mnicha Diony z 18. století. Spisovatel pátrá po pramenech tohoto spisu a nalézá je v obr zích vynikajících mužů starověku v různých klášterech na půdě hory Ath v Epiru, v Thrakii a konečně i v Malé Asii. Abychom vše to dobře mohli oc niti, nutno si uvědomiti, že všechny ty obrazy ve zmíněných klášteřích p cházejí z doby turecké nadvlády, a pak že ty malby až na jedinou výjim spatřiti možno v nartheku chrámů, jenž sloužil nejen k účelům náboženský nýbrž i k vyučování školnímu. Nebyla to tedy příliš příkrá protiva, jestli mládež tam vedle světců viděla i vynikající muže pohanské, o nichž při v učování slyšela. Ostatně i na západě máme nečetné sice, ale přece jen někte doklady obrazů staroklasických myslitelů a spisovatelů i v umění církevní

V druhém oddíle není nic, co by se týkalo slavistiky.

V bibliografickém seznamu třetího oddílu jsou uvedeny některé prá slavistické. Upozorňujeme na některé: **M. Lambertz**: Zwischen Drin und Vojus Märchen aus allen Ländern Herausgeg. und übersetzt. Leipzig-Wien 1922. — **R. Goetz:** Das religiöse Element in der serbo-kroatischen Volksdichtung. »Inte nationale kirchl. Zeitung« 11 (1921) 171—185. — **Chr. Papadopoulos:** *ὀρθόδοξαι ἐκκλησίαι Σερβικὴ καὶ Ῥωμανική.* „*Νέα Σιών*" 17 (1922) 543 *κτλ.* — **K. Lübeck:** Die Christianisierung Russlands. Ein geschichtlicher Überbli Aachen 1922. — **Chr. Papadopoulos:** *Οἱ πατριάρχαι Ἱεροσολύμων καὶ ἡ Ἐκκλησ τῆς Σερβίας ἐν ἀρχῇ τοῦ ΙΗ' αἰῶνος.* „*Νέα Σιών*" 17 (1922) 318—325. — **I. Iv novitch:** Statuts du Patriarcat Serbe. »Échos d'Orient« 25 (1922) 186—202. — **J. Danzass:** L'avenir catholique de la Russie. Ib. 396—409. — **Gl. Verkhovsk** L'action catholique en Russie. Ib. — **V. Grumel:** Joseph de Maistre et catholicisme en Russie. Ib. — **M. Jugie:** Joseph de Maistre et le schisme gréc russe. Ib. — **C. Patsch:** Historische Wanderungen im Karst und an der Adri I. Teil. Die Herzegowina einst und jetzt. Osten und Orient 2. Reihe. N. F. I. B Wien 1922. — **I. P. Hitsch:** Die Völkerbildung der südlichen Slaven. »Inte nationale kirchl. Zeitschrift« 12 (1922) 132 nn. — **F. Schöndorf:** Sollen w slavisches Recht studieren? »Juristische Wochenschrift« 50 (1921) 165—16

Dr. Karel Müller.

Oprava.

Slavia II, str. 700, obr. 10 má být *Pŭntek* místo *Půntek*
» 702, » 12 » » *kobasica* » *Kolašica*
v 703, » 14 » » *srnica* » *Srnčica.*

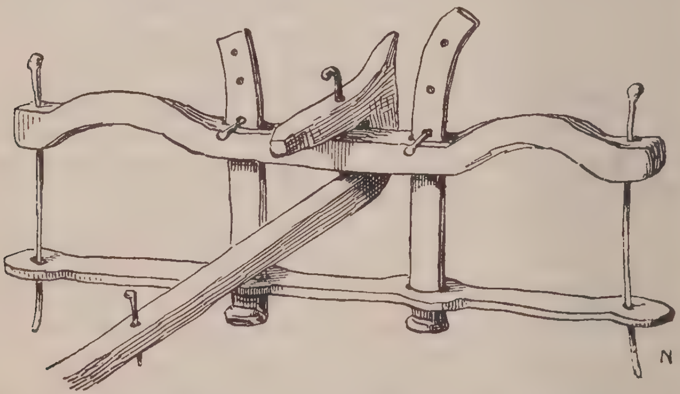
Slov. *jьgъla.

Slovanský název pro jehlu (Nadel) *jьgъla* (*igъla*) skýtá obtíže jak po stránce hláskoslovné, tak po stránce etymologické. Nechávajíce zatím stranou hláskoslovnou otázku, budeme se nejdříve zabývati etymologií toho slova. Jedna obtíž je v tom, že *jьgъla* všeobecně znamená ‚Nadel', čekali bychom tedy souvislost s nějakým slovesem znamenajícím ‚šíti' (jako něm. *Nadel* — *nähen*, lat. *sūbula* — *suere* atd.). Ale takového slovesa ve slovanštině ani v baltštině vůbec není (Zupitza a Mikkola hledali je v keltštině). Naproti tomu máme ve slovanštině všeobecně rozšířené sloveso *šiti*, a nástroj, jímž se šilo, nazýval se *šidlo* (**si̯ū-dhlo-m*). Bylo by tedy nutno míti za to, že příslušné sloveso se ve slovanštině (a vůbec v baltoslovanštině) ztratilo. Proto byly učiněny rozmanité pokusy o výklad, ale jsou to vesměs výklady velmi nejisté (odkazuji na Bernekera EtWb. 1, 423, kde lze najíti, jak slovo to zní v jednotlivých slovanských jazycích).

Pokusíme se zde o novou etymologii, jež snad vyloží také nesnáze hláskoslovné. Máme za to, že *jьgъla* je velmi stará odvozenina od kořene známého slova *jьgo (igo)* ‚jugum, Joch'. Nahlédněme do Niederlova Života starých Slovanů III, 1, 79 n., kde se popisuje staré slovanské jho (jařmo). Niederle praví o jhu: »Skládá se ze svrchní desky nebo kládky, vyrobené z lehkého dřeva . . . s náležitým zakřivením pro hřbety obou zvířat. Deska tato, dnes různě zvaná, pokládá se na týl dobytka . . . Sesmeknutí desky s hrdel zamezuje se postranními lehkými *jehlami*, které pod hrdly spojeny jsou lehkou rovnou tyčí nebo (zamezuje se, doplňujeme my,) obručí, prutem kolem hrdla ohnutým.« Tyto *jehly* aneb *jehlice* jsou znázorněny na obrázcích u Niederla na str. 81 (srv. také obrázek jha v Bartošově Dial. slovníku mor. 297 a zvláště pěkný obrázek v Národopisu lidu čsl. 1, 349). Jařma s takovýmito jehlicemi jsou obecně rozšířena i na Slovensku. Zapřáhají se do nich vždy dva kusy dobytka a to tak, že se jehlice vytáhne, zvíře se vpraví krkem se strany do jařma a pak se jehlice vsune do příslušných děr od shora dolů, takže dobytče se už nemůže z jařma vysmeknouti na stranu. Celé zapřahání je tedy velmi jednoduché. Tyto jehlice (slovensky *ihlice*) jsou na Slovensku železné pruty,

dlouhé asi 30—40 cm, silné asi 2 cm v průměru, nahoře zatočené v kroužek (kdežto na Niederlově obrázku mají nahoře jakousi hlavičku asi jako špendlíky) o průměru 5—7 cm. Ten kroužek je právě k tomu, aby jehlice nemohla vypadnouti. V celku se úplně tvarem podobají praslovanským jehlám šicím (nehledíme-li arci na rozměry), až na to, že nejsou dole zahroceny, nýbrž prostě useknuty. Podíváme-li se na obrázek starých jehel (u Niederla ŽSS. I, 2, 512), vidíme, že byly tam, kde měly úško, značně rozšířeny, tedy ne jako naše jehly, které při úšku průměru nemění.

Slovo *jъgъlá* je utvořeno od kořene známého slova *jъgo* odvozovací příponou *-ъla (*-ulā)*, s kterou lze srovnati lit. *-ulė* a lotyš.



Jařma volská z Lopeníka, zavěšená svořeněm na klúči oje.
(Z Národopisu lidu československého 1, 349, obr. 303.)

-ulys. Leskien (Bildung 484 n.) a Endzelin (Lett. Gramm. 255, zvláště § 174 a, e) uvádějí dosti příkladů, kde tato přípona charakterisuje nomina actionis, nomina agentis i deminutiva. V indoevropském prajazyku však nějaké jasně vyznačené funkce patrně neměla, aspoň z Brugmannových příkladů (Grdr. II², 1, 368) není to viděti. Ve slovanštině je nesmírně vzácná. Vondrák VslG. 1², 574 uvádí pro suffix *-ъlo-* jenom *pьkъlъ* a *ǫgъlъ*, pro suffix *-ъlā-* příkladů však nemá. Kromě toho by se mohlo uvésti ještě neutrum **sedъlo*, již baltoslovanské (v. Trautmann Bsl. Wb. 259). Je patrno, že přípona **-ula-* (resp. **-ulo-*) je velmi starobylá, ve slovanštině není už produktivní, a dovoluje nám tedy klásti slovo **jugulá* do doby předslovanské. K tomu ukazuje dále ještě věcná stránka. Řecké jho se skládalo z hlavního břevna, ale místo ostatních dřevěných částí mělo jen

řemeny, které se obepínaly okolo krku dobytčat. Takový řemen se jmenoval *ζεύγλη* (anebo *ζευκτήρ*), také s *-l*-ovým suffixem, ač bez předcházející samohlásky (kořen slova má plný stupeň pod vlivem slovesa *ζεύγνῡμι*). Hláskově a významově podobné je dále stind. *jugalam* ,couple' a hlavně lat. *jugulae* ,pás (Orionův)', které se staví docela na roveň slovanskému *jьgъla*. Všecka pocházejí od kořene *jeug-*, *jug-* ,zapřáhati'[1]) (v. na př. Boisacqa a j.). Slovo **jugula* znamenalo nejspíše asi ony části jařma (řemeny), jimiž se tažná zvířata připínala k jařmu, u Slovanů pak onu obruč, prut kolem hrdla ovinutý (jak je to znázorněno u Niederla na obr. 6. na jhu z Hercegoviny) a potom, když dolení část jha značně změnila svou podobu, také tyto postranní rovné železné jehlice. V době praslovanské se jméno *jьgъla* přeneslo na nástroj šicí (Nadel) vzhledem k celkové podobě, kdežto staré slovo pro ten pojem *šidlo* časem zúžilo svůj význam na ,Ahle, Pfriemen'. Předpokládáme tedy, že *jьgъla* ,jugi pars' jest prius, kdežto *jьgъla* ,subula' je posterius. Tomuto výkladu nepřekáží to, že *jehla*, *jehlice* ,postranní držák jařma' je doložena jenom z moravských a slovenských dialektů a ne také odjinud (jinoslovanské názvy jsou pol. *snozka*, *zanos*, *zatyk*, r. *snoz*, *zanoza*, *zanizka*, *kuľbaka*, s.-chrv. *teľig*, bulh. *žegla*; u Niederla l. c. pozn. 1.). Je známo, jak se různí názvy jednotlivých ostatních částí jařma, názvy částí pluhu a j., ač ty věci mají podobu celkem stejnou, a to nejen v jednotlivých slovanských jazycích, nýbrž i v dialektech jednoho jazyka. Lid tvořil pro různé části stále nové a nové názvy a prastará jména udržela se jenom někde. Často ani nevíme, jak Praslované zvali určité části nářadí, které nepochybně praslovanské byly. Změní-li se jen poněkud podoba nějaké věci, mění se často i jméno. Na Moravě udržel se název *jehla*, ale na Slovensku bylo to slovo rozšířeno o kmenotvornou příponu *-ica*, právě aby se ten předmět názvem odlišil od obyčejné jehly šicí.

Ale tomuto celému výkladu vážně odporuje stprus. *ayculo* ,Nadel', souvisí-li slovo to se slovan. *jьgъla (igъla)*. Prus. *ayculo* mohlo by podle Trautmanna (Bsl. Wb. 3) zastupovati starší **aigula* nebo **eigula*. Je-li tomu tak, pak buď nemá slovo to se slov. *jьgъla* vůbec co činiti (srv. Vondrák Aksl. Gr.[2] 641) a pak by pro prus. *ayculo* platilo Fickovo srovnání s ř. *αἶκλοι· αἱ γωνίαι τοῦ βέλους* Hes.,[2]) anebo je to zápis velmi pokažený (nebo snad dokonce slovo přejaté

[1]) V. Porzig IFAnz. 42, 18.

[2]) Tak spojuje *αἶκλοι* s *ayculo* i Trautmann Apr. Sprachdenk. 296, ale v Bsl. Wb. 4 řadí je k stprus. *aysmis*, lit. *iẽšmas*, lot. *ìesms* ,rožeň'.

a velmi špatně zachycené). Ať je tomu jakkoli, pro toto stprus. slovo není třeba se vzdávati hořejšího výkladu. Ostatně také Meillet BSL. 24, № 74 (1924), str. 137 vyslovuje pochybnost o spojení stprus. *ayculo* se slov. *jьgъla*.

Při tom všem předpokládáme pro praslovanštinu znění **jьgъlá* (resp. *igъlá*) s jerem po *g*; toto znění se uznává nyní téměř všeobecně.[1]) Srovnáme-li nyní znění slov *jьgo* ‚Joch' a *jьgъla* ‚Nadel, v jednotlivých jazycích slovanských vzhledem k zastoupení počátečního *jь-*, najdeme většinou shodu (tedy u obou slov buďto *i-*, anebo u obou **jь-* s příslušnou náhradní samohláskou za jer, na př. r. и́го — игла́; slovin. *igô* — *ígla*; čes. *jho* — *jehla*.[2]) Ale najdeme také odchylky. Jsou to podle Bernekerova seznamu malorus. *jehłá*, *jehłýća* (vedle *ihłá*), čak. *jàgla*, *jàglica* (vedle *ìgla* nebo *iglà*), pol. dial. (slez.) *jegła* (vedle *igła*). V hor. luž. je vůbec *jëhla*, v dolní *jëgła*, polab. *jagla* (pro **jьgo* není dokladů). Kromě toho je mor. dial. a sloven. *ihla*, což se vysvětlí asi pradávným sousedstvím s Jihoslovany (podobně jako *ihra* proti stčes. *jhra*, nč. *hra*).

Tyto odchylky jsou největší hláskovou obtíží našeho slova, které vlastně jen samo ztěžovalo výklady o vývoji pův. *jь-*, poněvadž u jiných slov s počátečním *i-* takovýchto odchylek není. Krátce řečeno, znění *igъla* z býv. **jьgъla* docela zřejmě odporuje jerovému pravidlu. Tato nesnáz vedla k rozmanitým výkladům, které po většině vykládaly střídání *i-*/*jь-* vlivem střídání přízvuku (a pak analogickým vyrovnáváním), a to buď přízvuku indoevropského (tak P. Lang v ČasModFil. 1, 1911, 385 n.), buď jenom slovanského (Lehr-Spławiński RS. 8, 1918, 152, Iľjinskij Прасл. грам. 146 n.); Rozwadowski to vysvětloval pomocí větné fonetiky (sandhi) v RS. 7, 1915, 9 n. Docela jinak si představuje poměr tvarů *jehla* a *ihla* Brückner KZ. 45, 1913, 297: tvar *jehła* a pod. vznikl prý jakousi dissimilací z *jihla*, tak asi, jako je v polštině *jewa* za *(j)iwa* ‚jíva', v malorus. *jewir* a *iwir* ‚tříska, odštěpek', pol. *jeł* a *ił* ‚jíl', *jełki* a *iłki* ‚žluklý' (žluklé máslo = zkažené). V témže článku na str. 307 pokouší se spojiti etymologicky slovo *igła* s *jagła* ‚zrnko prosné', prý podle toho, že oboje je špičaté, tedy differenciace jediného slova ve dvě. Ale tomu uvěří asi málokdo. Ostatně etymon při tom chybí. Docela jinak chápe věc Meillet na uv. m. Pokládá slovo *jьgъla* za

---

[1]) Vondrák VslG.[1] 1, 143 hájil tvaru **igla*, bez jeru, ale v Aksl. Gr.[2] 641 a ve VslG.[2] 1, 170 vychází nyní také od tvaru *igъla*. Brückner však (v. níže) tvar *igla* uznává.

[2]) O čes. dial. *jahla* viz u Langa ČMF. 1, 387.

říbuzné s řec. ὀβελός ‚hrot',[1]) kde je kořen $*g^{u}e\acute{l}$- a prothetické ὀ-, je nakloněn pokládati *-ь- také za jakousi prothesu (na str. 54). le sám připomíná hned, že »il y a ici quelque chose d'obscur«. díle Slave commun 73 praví, že etymologie toho slovanení jasná.

Přijmeme-li domněnku o souvislosti se jménem *jьgo*, pak se ám hláskové odchylky vysvětlí asi takto: V praslovanštině bylo edle sebe *jьgo* a *jьgъla*. Když pak v některých dialektech očáteční *jь*- ve slově *jьgo* přecházelo v *i*-, stala se ve lově *jьgъla* analogický tato změna také, ačkoli bychom ekali náležité střídnice podle jerového pravidla. eboť trvalo asi ještě vědomí etymologické souvislosti obou slov. aproti tomu jinde, kde toho vědomí už nebylo (patrně tam, kde jho něnilo svou podobu), šel vývoj normálně, to jest podle jerového pravidla (to platí o malorus. *jehłá*, čak. *jàgla*, pol. dial. *jegła*, čes. *jehla*). eden tvar se pak rozšířil do oblasti tvaru druhého a naopak. Význam ostranní část jha' není sice doložen z jiných slovanských jazyků romě československého, tím méně z jejich starších dob, takže nemůeme svého tvrzení podepříti doklady. Ale opakuji to, co bylo pověděno ýše: ona část jha změnila svůj název v ostatních slovanských jaycích, ale nevíme kdy. A do starých jazykových památek se speiální název části jha z příčin nasnadě jsoucích nikdy nedostal, akže nemáme positivního důkazu. Ale zároveň nelze podati ani egativního důkazu proti tomu.

Trnava.

V. Machek.

[1]) Před ním již Pedersen spojoval *jьgъla* s ř. βέλος (v. Bern.).

Редукция на гласнитѣ звукове *а, е, о* въ заровско-виссчкия говоръ.

Единъ отъ архаистичнитѣ български говори е говорътъ на лѫгадинско-солунскитѣ села Зарово и Висока (въ Македония). Отъ тоя говоръ въ своитѣ студии до сега съмъ прослѣдилъ рефлекса на ъı,[1]) остатъцитѣ отъ носовкитѣ ѫ и ѧ[2]) и изговора на ѣ.[3]) Обѣщахъ въ бѣлѣжкитѣ си по научното ми пѫтуване въ казанитѣ двѣ села да прослѣдя въ отдѣлна работа редукцията на гласнитѣ звукове *а, е, о* въ неударени срички.[4]) Тоя въпросъ разглеждамъ въ тая си работа по материялитѣ, които съмъ лично записалъ въ казанитѣ двѣ села. Моитѣ наблюдения по тоя говоръ напълно се съвпадатъ съ тия на Йор. Ивановъ, който слѣдъ мене е посѣтилъ тия села (въ 1912 год.) и събранитѣ езиковни материяли обнародва прѣди двѣ години.[5])

Редукцията на неударенитѣ гласни звукове *а, е, о* въ заровско-височкия говоръ не е уединена, а е обща за всички източнобългарски говори,[6]) спорадически и въ нѣкои югозападни, напр. охридския и тетовския.[7]) Но въ тоя говоръ, като съ по-архаистични остатъци въ фонетиката и рѣчника си, има нѣкои нюанси, каквито изцѣло не се срѣщатъ въ никой източнобългарски говоръ, отъ тукъ и голѣмия интересъ къмъ тоя говоръ. Обикновено редуцирани *а, е, о* въ източнобългарскитѣ говори се прѣдаватъ съ *ѫ, и, у,* а въ заровско-височкия говоръ редукцията на тия звукове не е досущъ такова, а съ извѣстна разлика и по-

---

[1]) Рефлекси отъ старобългарския изговоръ на ъı въ новобългарскитѣ нарѣчия, въ „Пер. Списание“ 57 (1898), 566 сл.

[2]) Остатъци отъ носовки въ говоритѣ на Висока и Зарово, въ „Пер. Списание“ 61 (1901). 703 сл.

[3]) Изговоръ на ѣ въ заровско-височкия говоръ, въ „Списание“ на Бълг. Академия на наукитѣ 8 (1914), 159 сл.

[4]) На гости въ Зарово и Висока, въ „Бълг. Сбирка“ 7 (1900), 152 сл.

[5]) I. Ivanov, Un parler bulgare archaïque, въ »Revue des études slaves« 2, (1922), 86 сл.

[6]) Prof. Dr. Lj. Miletič. Das Ostbulgarische (Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung II. Wien, 1903), 35 сл.

[7]) Н. Силяновъ, Редукция на звука *а* въ охридския и тетовския говори, въ „Сборникъ за нар. ум.“ и пр. 11 (1894) 582 сл.

слѣдовна във всички случаи. Тая разлика може да се схване отъ лице съ развитъ слухъ и при пълно съсрѣдоточване на произнасянитѣ звукове въ розговорна рѣчь. Споредъ това, въ Зарово и Висока (въ тоя случай еднакво въ двѣтѣ села) всѣки неударенъ *а*-звукъ, билъ той отъ етимологически или секундаренъ произходъ, се редуцира въ *å*-звукъ, който има звукова стойность на *а* и *ъ*, но по-вечето клони къмъ *а*, за това го отбѣлѣзвамъ съ диакритичния знакъ *å*; *е* се редуцира въ *й̊*- между *е* и *и*, по-вече изглася на *и*, но въ носовката *ėн* (ѧ) изглася на затворено *ė* — *ėн*: *о* — въ *ў̊*, неясно *у*, но между *о* и *у*, а въ пълния членъ м. р. ед. ч. — *ў*: изглася по-вече на *у*, отколкото на *ъ* и съ *й̊* и *'ъ* — неударенъ *ѣ*-звукъ.

Казанитѣ фонетически явления се виждатъ ясно въ следнитѣ изрази отъ заровско-височкия говоръ, като при нѣкои рѣчи посочвамъ и съотвѣтнитѣ старобългарски:

Зå ти ра́зби'å глåва́тå (глава); та́с мо́мå й̊ хуба́вå; ха́рнåтå жéнå — ў̊глėндáлў̊ нå къштåтå (кѫшта); пънд'å (пѫдити) крáвът'ъ; мисúр с'å'ат нå нúвът'ъ (нива); зéвå йдíн прънт (прѫтъ); паėнк' (пажкъ, паѩкъ) плúтé пåėнцúна; нъ (ны) пръ́мнå вл'ăгў̊хмй̊; у съмбў̊тå (сѫбота) зåсвúри свúркåтå и бў̊лгáрскъўт åскéр вл'ăзй̊; фáти му рънкåтå (рѫка); скрълў̊ с'å м'ăстў̊тў̊; сåс вънцицå (ѫдица) ло́ви рйбъ (рыбы); чéрй̊н кåто́ вънгй̊л' (pl. вънгй̊лй̊, ѫгль); стáрå бáбå бйззъмбå (зѫбъ): сътъ'ўт (сытъ) нå глáднъ'ўт нй̊ в'ăрвå; мънкръ'ўт (мѫдръ) мънч (мѫжь); дръшкå нå рáлтў̊ (рало, орало); у нáштў̊ сéлў̊; вáштå рáбў̊тå си уйдúсåхтй̊; ў̊дáтå úмй̊ п'ăнå; брáдвå да хå (= г'å, х'å, вин. пад. ж. р. ед. ч. отъ стб. ѭ) сйчé; мóжў̊т н'å рй̊жé и др.

Въ посоченитѣ примѣри интересно е изпускането на *а, е, о* въ думитѣ *вáштå, нáштў̊, рáлтў̊* вмѣсто очакванитѣ редуцирани *å, й̊, ў̊*: вáшåтå, нáшй̊тў̊, рáлў̊тў̊. Излиза, че гласнитѣ въ тия случаи се редуциратъ до нулева степень, dégré zéro, както казватъ френцитѣ за старинното степенуване на гласнитѣ звукове. Това езиково явление, за което писа напослѣдъкъ и Ст. Младеновъ[1]), познаватъ и други източнобългарски говори. Напр. въ Казанлъкъ: *кво* (вм. какво) си прикáзвѫт; *гульáмтѫ, чéлту* (челото), *дéтту* (дѣтето), *ѫм'* (ами), *слугúнти* (слугинитѣ);[2]) въ Сливенъ: *лушáфту*

---

[1]) Казанлѫшкия говоръ. въ „Юбилеен Сборник" на ученолюбивата дружина „Искра" въ гр. Казанлѫк (Казанлѫк, 1923), 202 сл.

[2]) Ib. 204—5.

(лошавото), *То́дурцѫ* (Тодорица), *циганти* (циганитѣ) и др.[1]); въ Кукушъ и Воденъ казватъ *детту*, както въ Казанлъкъ.[2])

Безсъмнѣние, изпускането на гласнитѣ е станало не много отдавна: тѣ се пазили въ тия форми редуцирани, но, поради бързото говорене, почнали да се изпускатъ за краткость на думитѣ, стремежъ, който и днесъ наблюдаваме въ българскитѣ говори при възприемането на нови думи.

София.

А. П. Стоиловъ.

---

[1]) „Сборникъ“ и пр. 18, (1901), 513.
[2]) „Сборникъ“ и пр. 14, (1897), 444.

Замітки з української мови.

1. Приклад розподібнюючого заховання звука в українській мові.

Західньо-европейські фахівці звернули увагу на такі приклади розподібнення звуків, що виявляється не в „кинетичному“, а в „статичному“ стані. Таке розподібнення (певні приклади статичного уподібнення ще не знайдено) уявляє собою не дисимілятивну зміну звука, але, навпаки, його заховання під дисимілятивним впливом других звуків в слові, сусідніх чи не-сусідніх, між тим як при инших умовах цей звук підлягає зміні. Ще Meillet з'ясовував заховання *г* в слові *гусь* (замісць сподіваного *з* із *г* среднепіднебінного) розподібнюючим впливом свист. *с*;[1]) таке саме з'ясування дає Петерсон шелестівці *г* в слові *gvězda*, що є рисою західньо-слов'янських мов.[2])

Два приклади подібного „la conservation dissimilatrice“, один з ірської, другий з грецької (заховання для $\bar{\alpha}$ від переходу в $\bar{\eta}$ завдяки розподібнюючому впливові попереднього *ι*, *ε* в атичн. *і* слідуючого *η* в іонично-атичн.) підносить A. Sommerfelt.[3])

Дуже цікавий приклад такого самого фонетичного з'явища ми знайшли в українській мові. Як відомо, в ній не відріжняються наслідки прийменників та приставок *изъ*, *съ* та *въз-*; з усіх трьох з'явилось *з*; але пізніш це *з* підпало ріжним змінам і поруч з ним ми в сучасній українській мові знаходимо *із, зі, зо*. Сімович ці варіянти ставить у звязок з сусідніми звуками: після шелестівок частіш з'являється *із*, але перед злученням двох слідуючих шелестівок або навіть перед одною шелестівкою, але свистячою, *з* міняється в *зі*, *зо*, инколи в *ізі, ізо*.[4])

---

[1]) Études, стор. 178.

[2]) Baltisches und Slavisches, 1916, стор. 3—4.

[3]) Bulletin de la Société de linguistique de Paris, XXIII (1922), № 70, стор. 15—17.

[4]) Граматика української мови (sine anno, але передмова до другого видання помічена 1919 роком), стор. 59 - 61. Инші філологи (акад. Кримський, Смаль-Стоцький, Тимченко, проф. Кульбакин) або зовсім не згадують про ці варіянти, або, коли і згадують, не з'ясовують їх походження.

Але Сімович, вказуючи на причину ріжниці між *із* та *зі*, *зо*. не з'ясовує, одначе, походження ріжниці між двома останніми варіянтами. І ось на підставі спостережень над народньою та письменною українськ. мовою я прийшов до висновку, що ця ріжниця виникла під впливом розподібнення в статичному стані. Щоб краще зрозуміти це питання, розглянемо приведені вище приставки в звязку зі спорідненими варіянтами *до-: ді-*, *надо-: наді-*, *по-: пі-*.

Якого не булоб подходження *о* в цих усіх приставках, чи заховалося воно ще з праслов'янської доби, як у приставках *до-*, *по-*, чи розвинулося воно з *ъ*, як в *зо-*, *надо-*,[1]) але в усякому разі ми його мусимо рахувати первісною, ранішою стадією в порівнянні з *і* в *зі-*, *пі-*, *ді-*, *наді-*. Як і в инших прикладах, це *і* виникло з *о* уперше, мабуть, тільки при таких умовах: 1. склад з цим *о* мусів був бути новим закритим *(ді-ждати < до-жьдати*, *післати < по-сълати; наді-слати < надъ-сълати*, *зі-рвати < съ-ръвати)*, 2. це *о* підлягало зміні в *і* тільки тоді, коли це не було *о < ъ*. Отжеж виходить, що перехід *о* в *і* в приставках *надо-*, *зо-* є з'явищем пізнішого походження, яке виникло під впливом аналогії инших подібних прикладів, в котрих *о* було споконвічним. Також пізнішого походження зміна *о* в *і* не в закритих складах *(зі-терти, зі-ходити, наді-ходити)*, або в складах, споконвіку закритих: *пі-зпати*, *зі-ставити*.

Спостереження над прикладами з *о* та *і* впевнили нас у тому, що ріжниця між ними залежить від голосівки в слідуючому складі. Перед складом з голосівками *о, у, и, е,* а особливо, перед складом з *а*, *о* в зазначених приставках і прийменниках переходить в *і*, але-ж перед складом з голосівкою *і* приклади такої зміни майже зовсім не подибуються: *зі-рвати*, *зі страху, ді-ждати, пі-знати*, але з другого боку зручніш вимовити *зо стін, зомліти, досвід, дослід* і т. д. Ось тут ми й бачимо, як голосівку *о* захищає від її зміни на *і* розподібнюючий вплив слідуючого склада з *і*.

Звичайно, що можна сказати і *зі стін, зо страху, зітліти* (хоча це все-таки неприємно вражає мій слух), позаяк кожний „фонетичний закон", а тим більш асиміляція і дисиміляція, не мають загального, обов'язкового значіння, — такого, яке мають

---

[1] Треба, одначе, зауважити, що в двох предках (із трьох) укр. приставки-прийменника *з* не було навіть і *ъ* після *з*: *iz-*, *vъz-*.

закони в природознавстві, про що нам вже доводилось казати в розвідці „Лингвистические заметки“.[1])

Частіш, може, суперечить нашій думці голосівка в прийменниках тому, що вони не мають такого тісного звязку зі слідуючим словом, що його мають приставки зі пнем.

Свої спостереження я перевірив на підставі об'єктивного матеріялу, скористувавшись „Словарем украинского языка“ Грінченка. Ми впевнились в тому, що *до-, зо-, надо-, по-* > *ді-, зі-, наді-, пі-* перед *а* та иншими голосівками, крім *і*, але поруч з цим заховуються старі форми з *о*. Виходить, таким чином, що кількість прікладів з *о* та *і* перед *а, о, у, е, и* приблизно однакова (*зобгати, зібгати, зобрати, зібрати, зогнати, зігнати, зождати, зіждати, зознаватися, зізнаватися, зорвати, зірвати, зослати, зіслати, зоставити, зіставити, зостарітися, зістарітися, зотхати, зітхати* і т. д.; *догнати, дігнати, дождати, -ся, діждати, -ся*, і т. д.; *зогнути, зігнути, зопсувати, зіпсувати*; *погнутися, пігнутися* так.), між тим як перед *і* майже виключно залишається *о*. Для порівняння виписую приклади з *о* та *і*.

З **о**:

до: *доглядати, догрібати, -ся, догрівати, догріматися, догріти, додрібушитися, дозбірати, дозвідуватися, дозвіл, дозрівати, доплітати, допрівати, допріти, досвід* (тай похідні), *досвіт* (тай похідні), *досніпатися, доскрібати, дослід, доснідати, доспівати, дотлівати;*

зо: *зовсім* та *зовсі, зогріти, зогрішати, зоднювати, зоздріти, зомлівати, зопріти, зопріти, зосмілити, -ся, зострівати, зотліти;*

надо:[1]) *надобігти;*

по: *поблідлий, побріхувати, повбігати, повбірати, -ся, поввіходити, повлітати, повмірати, повстрічати, -ся, повсічасний, повтікати, повчіплюватися, погні-*

З **і**:

ді: *дізріти;*

зі: *зігріти; зімліти, зіпріти, зістрінути, зітліти;*

наді: —

пі: *пізріти* або *піздріти, після.*

---

[1]) Учен. Зап. Высш. Шк. г. Одессы, т. II, посвященный проф. Б. М. Ляпунову, стор. 20 і слід.

[1]) Цікаво, що невелика кількість прикладів с приставкою *наді-* має в слідуючому складі *а*: *надібрати, надігнати, надіждати,* в одн. разі тільки *у*: *надігнути.*

зити, п гнітити, погріб. -ати, погрімати, погріти, погрішити, поздвін, подніпрянщина, подністря, подріб, подрібнити, подріжняти, позбігати -ся, позбірати, позвінчувати, позлімати, позліплювати, позлітати, позмінювати, позмірювати, познівечити, познімати, позрізувати, позрівнювати, позщіплювати, -ся, поквітчати, поклін, покліть, покрів, покріпити, попріти, посвід-, посвіт-, поскіпати, поскріб-, послі, послід, посліп-, посміл-, посміти, посміх, поснідати, поспівати (в двох значіннях), *поспіл, поспіх, поспішати, поспіратися, посплітати, -ся, посрібрити, постійний, постікати, постіл, постіль, пострівати, пострілята, пострічати, -ся, потвір, потріб-, потрівати, потрівожити, -ся, потрішки, потріскатися, потріщати, похмілля, поцвілий, поцві- ріньката, поцвісти.*

Можливо, я пропустив два, три приклади, але цей пропуск безумовно не може вплинути на певність нашого висновку. Щоб ствердити нашу думку, підкреслю особливо такі варіянти в українській, як мові *послі* поруч з *після*.

2. Дві подробиці української звучні.

Ця замітка торкається особливостей вимови двох звуків в українській мові, на котрі ще не було звернуто уваги фахівцями, ані Ол. Броком в його „Очеркѣ физіологіи славянской рѣчи" (Спб., 1910), ані авторами праць по українській мові.

Уперше я помітив, що наголошене *е* (особливо не перед слідуючою м'якою шелестівкою) в вимові галичан (проф. А. В. Музички, учителя українских шкіл І. Л. Ліщинського) значно ширше вимовляється, ніж півд.-східне *е*. В словах *дé, нéбо, небезпéка е* в дійсності визначає голосівку *ä*, себ-то низький передне-піднебінний звук по чотирікутниковій таблиці голосівок. Обидва згаданих знайомих з Галицького Поділля, але моє спостереження можна й більш узагальнити, позаяк, здається мені, така вимова чується і в инших галичан.

Друга подробиця, на котру я звернув увагу, нагадує про вимову українського *л*. Ще Потебня звернув увагу на те, що українське *л*, особливо в вимові жінок, вище ніж російське по свому тону, себ-то блище до середнього *л* (напр., в слові *молоко* *л* вимовляється майже так, як *l* в нім. *loben*). По артикуляції язика це *л* вже переднєпіднебінне, але не зубне. Так само при вимові твердого *н* (перед голосівками *и, е, а, о, у*) язик в дійсності торкається не зубів, але переднього піднебіння, при чім теж частіш таку вимову я чув від дівчат українських шкіл в Одесі, але її я помітив і в проф. А. В. Музички, потім у вчителя В. Я. Каковського (з Киівщини), у П. О. Жука (з Харківщини) та и.

Моє спостереження, що його я зробив на підставі слухового враження, я рахую тільки завданням тим фахівцям, котрі захотіли-би ствердити його експериментовим шляхом. Вони мусять також знайти діялектичні границі цього з'явища.

Цілком можлива річ, що в деяких говірках *н* переднєпіднебінне так само, як і *л* переднєпіднебінне, вимовляється тільки перед слідуючим *и, е*.

М. Одеса.

П. Бузук.

Эпическая традиция о Мануиле Комнине.

Многое в вопросе о соотношении былинных записей и древнерусских литературных памятников остается неясным. Вне сомнений, что русский былинный эпос — издавна исторический: к этому общему положению обязывает уже одна множественность аналогий, связующих записи недавнего времени с древнейшим фактом или преданием; но когда исследователь обращается специально к тому или иному былинному сюжету, — неизменно дают себя знать разного рода методологические затруднения. Иногда все, чем располагает исследователь, не идет дальше отрывочных деталей былины, позволяющих хронологизировать сюжет, восстановив предположительно обстановку его развития. Результаты такого анализа кое-что вносят, в каждом отдельном случае, в опыт и фонд историка литературы; а взятые вместе, укрепляют вышеупомянутое положение о историчности былинного эпоса.

Случай, о котором будет речь, отличается тем, что вслед за гипотезой хронологизирующей выдвигает другую, уже не столь узкую: именно, литературные реминисценции, находимые в окружении сюжета, поддаются известной группировке и составляют м. б. не только для данного сюжета, но и для иных, ему подобных, древнюю же среду переживания. Не есть ли эта „преломляющая среда“ в то же время искомое средостение между эпическим творчеством светским и духовным — вот вопрос, к которому стремится подойти настоящая работа, и постановка которого была ее главной целью.

* * *

Популярность византийского императора Мануила Комнина (1143–1180) далеко за пределами Византии не нуждается в больших пояснениях. Такая необыкновенно эффектная фигура, обращавшая на себя внимание Востока и Запада, не могла пройти бесследно для славянского государства, связанного с Византией тесными религиозно-культурными узами. В разных областях последнего

личность Мануила была воспринята по разному. Югозапад, в лице Галицко-Волынской земли, особенно тесно соприкоснулся с Мануилом, благодаря Андронику Комнину, кузену императора, проживавшему одно время в бегах у галицкого князя Ярослава Осмомысла, с которым он, по словам византийского хрониста, „. . . . вместе и охотился, и заседал в совете, жил в одном доме, и вместе обедал“ [1]). Рыцарски бесстрашный, но безнравственный Андроник [2]) мог быть обильным живым источником сведений о Мануиле. Многочисленные любовные истории, скандальные похождения византийского двора служили, по всей вероятности, материалом этих устных рассказов, передававшихся в интимной княжеско-дружинной среде. — На северовостоке Мануила Комнина знали, как своеобразного церковного деятеля, между войнами и походами решавшего богословские вопросы; т.-наз. „леонтианская ересь“ о средо-пятничном посте была в суздальском краю отзвуком византийских споров на подобные темы: борьба за учреждение владимиро-суздальской митрополии вовлекала Андрея Боголюбского в прямые сношения с Мануилом, — и легенда о празднестве „первому Спасу“, действительно, их друг другу противопоставила. — Военная жизнь императора, отраженная в этой легенде, доносилась и на северозапад, заодно с рассказами об Евфросинии Полоцкой, а эфесская икона Богоматери, присланная императором в Полоцк, в свою очередь притягивала к себе элементы церковного фольклора.

Мануилова эпика рано проникла в литературу. В „Слове о погибели русския земли“, памятнике второй четверти XIII в., говорится, что „жюръ-Мануилъ цесарегородский опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему [к Владимиру Мономаху], абы под(ъ) нимъ великыи князь Володимеръ Цесаря города не взял(ъ)“.[3]) Едва ли можно, вслед за Ждановым,[4]) объяснять этот грубый для XIII в. анахронизм т о л ь к о хронологической ошибкой, заимствованной из перечня императоров. Но если и так, т.-е. если и существовал уже в нач. XIII в. этот переводный с греческого перечень, доведенный, по дошедшим спискам (не старше XV в.)

[1]) Никита Хониат, кн. IV. Визант. историки, перевед. с греч. при Спб дух. акад., Спб. 1860, т. I, стр. 167.

[2]) Блестящая характеристика у Diehl'я. Les portraits byzantins. В русском переводе „Визант. портреты“ II. 1. гл. IV. „Любовные похождения Андроника Комнина“) — изд. Универс. библиот., №№ 691—695.

[3]) Ср. по изданию памятника: Пам. древн. письменн., LXXXIV. (Спб. 1892), стр. 21 и (факсимиле) 26—27.

[4]) Русский былевой эпос, стр. 97—98.

до 1391, иногда до 1425 г., — все равно. рядом с книжным подсказом могло иметь место фольклорное переживание, по закону которого сопоставляются между собою личности, поразившие воображение. Таков Владимир Мономах, гроза окружных народов (ср. со Словом о погибели „легенду о емшане“ Галицко-Волынской летописи). Дары же, действительно присланные Мануилом вел. князю киевскому (Ростиславу Мстиславичу, 1164 г.), освещаются для Слова о погибели именно фольклористически. Вышеупомянутый хронист Никита Хониат, сообщив о пребывании Андроника в Галиче, продолжает: „Между тем Мануил считал бегство двоюродного брата и удаление его из отечества личным для себя бесчестием. К тому же ему казалось и подозрительным долговременное его отсутствие, так как ходили уже слухи, что он собирает конницу, с намерением вторгнуться в римские [„ромейские“] пределы“. Момент казался опасным, сопровождая одну из церковных размолвок между Византией и Русью. Мануил, „опас имея“, предпочел обещаниями и гарантиями вернуть Андроника, и не без основания. К чему бы ни привел, если бы состоялся, „поход скифской конницы, о котором ходили уже слухи“, вожделенная цель такого похода была бы одна-Царьград.[1]) Но если правильно предположение, что эту боязнь Мануила Слово о погибели воспроизводит в фольклорном национальном аспекте, — то к прошлому реминисценции Слова не могут не быть причастны Андроник Комнин и галицкая дружинная среда.

* * *

Древнерусскому бытовому обиходу имя Мануил, вообще говоря, чуждо. Исторические лица с этим именем — иноземцы и при том чуть ли не всегда греки: особенно пополнилось число исторических Мануилов во время наплыва знатных византийцев при Иване III. В соответствии слабому бытовому употреблению редко имя Мануил и в такой области народного творчества, как устный былинный эпос. Все три раза, когда оно встречается по опубликованным текстам, оно применено к иноземному государю и к мотиву романического свойства (сватовство, похищение чужой жены). Позже других стала известна, по сборнику Ончукова (№ 73) былина о царе Гремите Манойловиче, сватающемся из-за моря к племяннице Владимира Анне. К мотиву

[1]) См. С. П. Шестаков, Византийский посол на Русь Мануил Комнин Сборник статей в честь Д. А. Корсакова, Казань 1913, стр. 366—381).

сватовства, хотя уже с противопоположной стороны, прикреплено имя „грозного короля Этмануйла Этмануйловича“ в старом киршевском варианте былины о женитьбе Владимира.[1]) Нигде больше, при обилии вариантов этой последней былины, „король“ или государь не носит такого имени, являясь и не королем Золотой орды (как в кирш.), а обычно „королем ляховинским, политовским“. Кое-какие намеки на юго-западное, галицко-волынское происхождение и бытование былины вскрыты В. Ф. Миллером; западное происхождение подтверждалось недавно и Б. М. Соколовым.[2]) Можно бы еще добавить, что само имя короля в кирш. варианте всего более симптоматично для югозападной Руси. Тот же В. Ф. Миллер высказался по другому поводу так: „....можно думать, что имя Мануила [Комнина] особенно было популярно в галицких народных рассказах: едва ли простую случайность можно видеть в том, что именно в песнях о Романе (в которых мы вместе с проф. Ждановым видим Романа Галицкого) похититель жены Романовой носит имя Мануйла Ягайловича. Проф. Жданов (Русск. былевой эпос, стр. 502) говорит, что это имя несомненно связано с воспоминаниями из польско-литовской истории. Думаем, что последние отразились только на отчестве (Ягайлович), но что имя Мануила (имевшее, быть может, раньше другое отчество) восходит к имени византийского императора“.[3])

Поддерживая это мнение акад. Миллера, я пользуюсь сохранившимся в том же варианте былины (Киреевский, V, стр. 92) финалом. Хотя и единственный в своем роде, вариант „Киреев. 1“ показателен: трудно сомневаться, что в конце былины архаичное наслоение на сюжет. — Напомню содержание песни, по анализируемой записи, имея в виду также текст других известных ее записей (особенно то, что в них могло объяснить финальный эпизод „Киреев. 1“, — в действительности таких черт не наблюдается.

---

[1]) Сборник Кирши Данилова. Изд. Публ. библиот., под редакцией П. Н. Шеффера (Спб. 1901), стр. 36—38.

[2]) Эпические сказания о женитьбе князя Владимира, Саратов 1923 (конспект диссертации).

[3]) Очерки русской народной словесности, т. I, (М. 1897), стр. 114—115 и примеч. 1-ое на стр. 115. — Впоследствии (см. его синтетический обзор былин и исторических песен, изданный посмертно в III-м томе Очерков, М. 1924) Миллер изменил свой взгляд, ничем впрочем не обосновав этого. Между тѣм влиявшая в данном случае статья А. В. Маркова (Историческая основа былины о князе Романе и литовских королевичах, см. Из истории русского былевого эпоса, вып. I; стр. 6—30. — Этнографич. Обозр., 1915, кн. XLI) совершенно не касается песни о жене князя Романа и в реминисценцию о **Мануиле** нового объяснения не вносит.

Князю Роману (Дмитриевичу) жена рассказывает зловещий сон — у нее упал перстень с мизинца правой руки, и рассыпался; следует толкование сна:

Прибегут ко мне из-за моря
Три червленыих, три кора́бля,
Увезут меня, Марью, за сине море,
За сине море, за Соленое,
Ко тому Мануилу сыну Ягайлову.

Князь не слушает, уходит на охоту. Появление кораблей; княгиня видит их из окошка, прячется в саду; ее сначала не могут найти, потом находят, благодаря одному из посланцев, сыщику, „детинушке поваренному“, который и увозит княгиню к Мануилу сыну Ягайлову. Встреча Мануила с Марьей Юрьевной (locus communis: „берет за руки за белые...“, и т. д.); она уклоняется от поцелуя. Мануйло Ягайлович уходит на охоту (то же, что про Романа), с наказом к своей матери — дать пленной княгине нянюшек-служаночек, если та закручинится. Плач княгини по родине; мать Мануила дает ей нянек „в сады гулять“, напитков разных и „козла любимова Моналинова“. — Побег Марьи Юрьевны: она напоила до пьяну нянек, зарезала козла, скинула платье цветное, надев „на лесиночку“. Переправа через реки-через одну „по женским перебродицам“, через другую, большую, в колоде белодубовой. С этого места привожу весь текст до конца:

Она видит, что перейти нельзя;
Смотрит — плавает на другой стороне
колода белодубова.
И взмолится Марья той колоде белодубовой:
Ой же ты, колода белодубова!
Перевези меня через быстру реку;
А выйду на святую Русь —
Вырежу тебя на мелки кресты,
На чудны образы,
И вызолочу червонным красным золотом.
И колода ее послушалась:
Перевезла ее через быстру реку.
И пришла Марья Юрьёвна
К Роману Митріёвичу,
Сама взговорит таковы речи:
Ой еси ты, Роман князь Митріёвичь!
Вывезем мы колоду белодубову
На святую Русь,
Вырежем на мелки кресты
И на чудны образы,
И вызолотим червонным красным золотом.
И вывезли ту кол ду белодубову
На святую Русь,
И вырезали на мелки кресты,
И на чудны образы,
И вызолотили червонным-красным золотом,
И разослали по церквам.

Рассмотрение интересующего нас варианта на фоне других записей („Киреев. 2“, V, стр. 99; Был. новой и недавней зап. № 78; Маркова № 18) позволяет сделать, во-первых, тот вывод, что единственная запись с именем Мануила и с заключительным эпизодом о вывозе колоды на Русь — хорошей сравнительно сохранности. Вообще сюжет, при малом числе записей, находится в состоянии забвения или же ассимиляции другим сюжетом, более популярным, чем он. Второй вариант Киреев. обрывается на встрече Марьи Юрьевны с Батышом Батурьевичем (замена Мануила), так как „дальше певец не знал“; вариант Был. нов. и нед. зап. обрывается на отъезде Марьи Юрьевны; сказав, что „увезьли тотара в иностраньской горот. Она убежала у их из-за моря и попадала туда[?] полгода времени“, певец закончил былину: „Тут стал быть Роман да Митриёвиць — князь“. В очень полной записи Маркова, с концом, построенном на ходячем мотиве чуть было не совершившейся женитьбы покинутого супруга, сказалось явное влияние со стороны. Само собой разумеется, „татарский антураж“ вариантов не может, в смысле сюжетной оригинальности, конкуррировать с обстановкой 1-го варианта Киреев., как равно и за именем Мануила Ягайлова остается несомненный приоритет не только перед к.-н. царишшом-Грубианишшом (Марк.; из стиха об Егории?), но и перед Батышом Батурьевичем, т.-е. реминисценцией имен Батыя плюс Батура, — Стефана Батория. — Далее, былина по вар. Киреев. первому не чужда мотивов сказочно-фольклорных (Марья Лебедь белая; козел, которого княгиня зарезает при побеге; „женские перебродища“ через реку; м. б. сюда же относится и „лесиночка“, на которую княгиня вешает платье, собираясь бежать). — Сюжет похищения связал былину в ее истории с былиной о Василье Окульевиче, откуда, как это особенно ясно по вар. Марк., привходил в былину о жене князя Романа похититель Марьи Юрьевны, „детинушка поваренный“, связываемый, как известно, В. Ф. Миллером с исторической личностью новгородца Василия Тороканова (нач. XVI. в.[1]). Надо заметить, что при соприкосновениях в начале обеих былин (сон Марьи Юрьевны и Соломонии; похищение) их концы совершенно расходятся: взаимовлияния тут быть уже не могло, в силу совершенно разных ролей похищенных жен.[2]) Говоря о взаимовлиянии, я имею

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1913, III. стр. 130—131.

[2]) Неудивительно, если вариант Маркова, чрезвычайно близко подходящий к былине о Василье Окульевиче (в первой части своей), конец не берет оттуда, а заменяет - возвращением Марьи Юрьевны, по особой фабуле.

в виду такие следы в былине о Василье Окульевиче, которые, не будучи объяснимы из книжного источника этой былины (сказание о Соломоне, повесть о Василии Златовласом), могут быть заимствованы из ассимилировавшегося, менее жизненного устного сюжета. В. Ф. Миллер отметил, как одно из существенных отличий былины от книжной легенды о Соломоне, — что „царица Соломания не изменяет сознательно мужу", что она даже удерживает Соломона от охоты, на которую тот собирается, рассказывая свой сон; но, к сожалению, Миллер не привлек для своей статьи былину о жене князя Романа, сон которой тот же самый. Точно также не внушено книжными источниками географическое приурочение, входившее, по мнению В. Ф. Миллера, в основную песню о Василье Окульевиче — Царьград, столица царя-похитителя. Уместно будет поставить вопрос: не идет ли это приурочение из ассимилированной былины, где похититель (государь, судя по всей обстановке) живет, по лучшему варианту, за синим морем Соленым и называется Мануилом сыном Ягайловым?

Что касается заключительного эпизода песни, то по отношению к вывозу колоды на Русь — для дальнейшего расчленения и рассылки по церквам — насколько известно, он не встречает себе параллели нигде в былинном эпосе.[1]) Объяснения этого эпизода существуют различные.[2]) Из них необходимо выделить давно высказанное Ф. И. Буслаевым, сблизившим колоду белодубову с представлениями о гробе-ладье. Буслаев напрасно привлекал сюда первобытную обрядность и мифологию, так как центр тяжести былинного эпизода, каковы бы ни были его (эпизода) корни, лежит не в „первобытных представлениях", а в понятиях вполне исторического порядка. Со стороны редактора былины комментировать колоду белодубову в духе какой-то религиозной реликвии, которую вывозят на Русь, разрезают на мелкѝ кресты и чудны образы, с тем, чтобы позолотить и по церквам разослать — значило придать „колоде" очень определенное значение священной гробницы. Как-то неожиданно заканчивая песню, финал входит в область не „первобытных", а церковно-эпических представлений. По своему идеологическому характеру он напоминает известную новоторжскую легенду о сорока каликах. Калики

[1]) Только этот мотив (вывоз колоды) дающий своеобразную окраску всему эпизоду, имеет значение для данного случая. Сама же по себе, переправа полонянки в колоде далеко не единична в песенном репертуаре

[2]) См.: И. Н. Жданов, Русский былевой эпос, стр. 490; А. В. Марков, Бытовые черты русских былин, 81.

разносят по городам (новгородского района) мощи и священные предметы, принесенные с собою из Палестины; насколько предание, лежащее в основе новоторжской легенды, было жизненно, — видно из наличности позднейшей формации — устной, былинной, о сорока каликах.[1])

В поисках других исторических аналогий колоде белодубовой мы наталкиваемся на одно известие, опять связанное с новгородским районом и с паломничьей средой. Под 1214 г. I-ая Новг. летопись поместила следующую запись о сведении с кафедры архиеп. Митрофана: „тъгда же бяше пришьлъ, преже изгнанія Митрофаня архіепископа, Добрыня Ядрейковиць изъ Царяграда, и привезе съ собою гробъ Господень, а самъ пострижеся . . . и волею Божіею, възлюби й князь Мьстиславъ и вси новгородьци, и послаша в Русь ставитъ ся“.) Воспоминание о „гробе господнем“ здесь чрезвычайно характерно ставится в связь с текущим событием, с кандидатурой Добрыни в архиепископы; очевидно, антониев „гроб господень“ был чем-то выдающимся для сознания новгородца, чем то выдвигавшим вперед самого Антония. Предлагаемая аналогия небесполезна и с другой точки зрения на былину о жене князя Романа. Время Антония новгородского, да и он лично, не чуждались легендарных реминисценцией об императоре Мануиле. В числе памятников, сюда относящихся, стоит уже летописная повесть о взятии Царьграда крестоносцами.[3]) — Лично Добрыне-Антонию принадлежит другая реминисценция, многозначительная, как эпилог к его „хождению“ в Царьград. „Мануила царь“, так заканчивает Антоний: „испытывалъ по всей области греческой и повелѣлъ звати всѣхъ поповъ и давати имъ пореперу; и монастырь, колико есть от конець Суда и до другого конца. От Греческаго моря и до Русскаго моря есть поповъ сорокъ тысящь, акромѣ манастырьскихъ, а монастыревъ ҂д҃ тысящь,

---

[1]) Былине о сорока каликах посвящена статья Б. М. Соколова, Русск. Филол. Вестн. 1913, I (см. стр. 93) и II.

[2]) Полн. собр. русск. летописей III, стр. 31. — Обращает на себя внимание м. пр. тот факт, что предшественник Антония Митрофан был без суда заточен в Торопец, — смоленскую удельную волость князя Мстислава.

[3]) Полн. собр. русск. летописей. III, стр. 29: рассказ об ослеплении Мануилом венецианского дожа. В Новгороде легендарные сведения о Мануиле, также как и в Галиче, имели свой живой источник — в лице одного из Комнинов, которого I. Новг. летопись едва-ли не приняла за сына Мануила („царь Алексѣй Мануиловичь“, в действительности же двоюродный внук Мануила Алексей Иоаннович). См. Х. М. Лопарев, Алексей Комнен на Руси и в Сицилии (Опыт толкования некоторых мест в памятниках древнерусской письменности, III. Журн. Мин. Нар. Просв. 1897, VI, 415—420.

а у святой Софии г҃ тысящи поповъ: пять сотъ ругу емлють, а полтретьи тысящи не емлють; и егда же умреть попъ отъ пятисотъ, то отъ полутретьи тысящи входитъ попъ на мѣсто его; и спасаются служащеи во церкви Богомъ и святою Богородицею . . .“ [1]) Секрет обаяния, живучести образа Мануила в церковнической эпике вскрывается уже здесь, под пером паломника нач. XIII в.

Пусть не покажется слишком натянутой предполагаемая древняя связь между песенными композициями Галича-Волыни на юге и новгородской области на севере. Начало XIII в. — время упадка Киева в пользу окраинных центров: Новгорода, Галича Волынского и Владимира Суздальского. Для Новгорода нач. XIII в. — время княжения Мстислава „Удалого“, полное военными предприятиями этого князя. По вызову галицких князей, приехавших в Новгород, Мстислав идет с новгородцами добывать себе Киев (1214 г.), возвращается обратно (1215 г.), опять уходит на юг (1218 г.) и наконец берет приступом Галич (1219 г.). Недостатка в сношениях с юго-западной Русью быть не могло, и в частности ставленник Мстислава Антоний, слабо державшийся без него на своей новгородской кафедре, не мог в них не участвовать; недаром же, уйдя из Новгорода, он на время (1220—1225) перемещается в Галицкую Русь, в Перемышль. Тем более любопытно, что у Антония были какие то давние воспоминания о Романе Галицком, и что воспоминания эти, судя по отзвуку в „Хождении“, связаны с паломническим пребыванием Антония в Царьграде. [2])

Далее, в перипетиях антониева святительства важную роль играл „пригород“ Новгорода, Торжок. Страницы I Новг. летописи, на которых идут года XIII в., вообще изобилуют событиями с тем или иным участием Торжка. Особенно драматичным является 1214 г., когда там засел князь, приглашенный новгородцами взамен ушедшего Мстислава (Ярополк Всеволодович); рассердясь на новгородцев, он отрезал пути, вследствие чего

---

[1]) Изд. Правосл. Палест. Сборн. (т. XVII вып. 3), стр. 94.

[2]) Цит. изд., стр. 15: се же чюдо свято і честно явилъ Богъ въ лѣто 6708-е, при моемъ животу, мѣсяца маія, на память святаго царя Констянтина і матери его Елены в 21, в день недѣльныі, при царьствѣ Алексѣевѣ і при патриарсѣ Іваннѣ, на соборъ святыхъ отецъ 318, а при посольствѣ Твердятинѣ Остромирица, иже пришелъ посольствомъ отъ великаго князя Романа со Неданомъ і со Дмажиромъ і со Дмитриомъ і съ Негваромъ посломъ“. Ссылка на послов галицкого вел. князя, обращенная, прежде всего, к новгородским читателям „Хождения“, сама по себе чрезвычайно любопытна.

в Новгороде наступил страшный голод, принимал к себе перебежчиков и не слушал просьб вернуться. Среди послов к нему обращает внимание имя человека, отправленного „с последней речью", в наиболее критическую минуту. Имя это, при своей редкости для новгородского обихода и при выясненных связях Мстиславовой партии съ югозападом Руси, — можно сказать, напрашивается в историю текста песни о жене князя Романа. В Синод. списке (почерк второй полов. XIII в.) оно читается (вин. ед.) Мануйлу Ягольчевича; в списке Археографич. Комм. — Мануйлу Ягълочевица; в списке Толст. — Мануилу Яглечевича.[1]) Таким образом, мысль В. Ф. Миллера о предшествующей иной былинной форме имени Мануйла сына Ягайлова должна быть несколько видоизменена: вероятно существование промежуточного звена, скрепившего имя с памятью о знаменитом литовском князе Ягайле. Задаваясь же вопросом, почему оказалась шаткой первоначальная былинная реминисценция, нельзя не указать, прежде всего, на расхождение облика Мануила в песне, да и вообще в старшей эпической традиции с тем, какой развивался рядом в церковно-эпических памятниках. У них были свои задачи, свои интересы, но были и точки соприкосновения с былинной поэзией.

Жизненным интересом новоторжской легенды о сорока каликах было „кормление" духовенства, а воспроизводился он с соответствующей легендарной поэтизацией. Близость к былинному стилю у новоторжской легенды очевидна. Первая часть ее, рассказывающая о раздаче каликами святынь соборным храмам новгородскому и новгородских пригородов (Старая Руса, Торжок), употребляет даже своего рода рефрен, единообразно заканчивая каждый из трех эпизодов раздачи: „ . . . даша (копкарь, скатерть, чашу) во веки им кормление". Притворяне св. Спаса в Торжке владели своею святыней, чашею, до 1329 г., когда Калита дал им вклад „в чашу сию" (т.-е., за чашу). Помимо вклада денежного, он обеспечил двенадцать новоторжских притворян вечными питиями у него, у его посадников и наместников; кроме того, установил штрафы деньгами и питиями в случае нанесения кем-либо обиды чаше или самим притворянам.[2]) Нищелюбие этого князя,

---

[1]) I Новгор. летоп. в изд. Археогр. Комиссии, стр. 198.

[2]) Все это наводит на мысль, что одно и то же число новоторжских притворян по легенде (12), в XII и в XIV веках, не есть эпический нонсенс, предполагающий одних и тех же людей (так склонен думать Б. М. Соколов, цит. статья о сорока каликах). Гораздо вероятнее другое: легенда имеет в виду своего рода „твердый штат" притворян при местном соборном

известное также по житию митроп. московского Петра и по волоколамской патеричной легенде, заставляет притворян нести к нему драгоценную святыню и воскликнуть в один голос: „Богъ дай многа лѣта великому князю Ивану Даниловичю всея Роуси. Напой, накорми нищихъ своихъ“. Сопоставим тождественное восклицание „Дай Богъ ина многа лѣта великому князю Ивану Даниловичу всея Роуси“ в конце канонической статьи тех же годов XIV в. и того же местного приурочения — „Сий судъ и рядъ церковный“; статья содержит перечень функций церковного суда, санкционируя от имени князей во главе с Калитой, один из главных источников содержания или „кормления“ духовенства.[1]) С другой стороны, тот же круг понятий, тот же идеал юрисдикции питает и эпическую традицию о Мануиле Комнине; и там он опять неразлучен с кормлением духовенства. Исторические хрисовуллы Мануила св. Софии и царьградским монастырям послужили обоснованием для эпической реминисценции уже в Хождении Добрыни-Антония: выдвигается вперед руга, т. е. казенное содержание многочисленному (и исчисляемому в эпических цифрах) штату св. Софии. Хрисовулл Мануила, в применении к имуществам Церкви и к суду в пределах имущественного права цитирует, двумя столетиями позже, митроп. Фотий в поучении вел. кн. Василию I.[2]) Еще позже образовалась легенда об иконе Спаса, написанной Мануилом. Явившись от имени заезжего грека (Димитрия Ласкирева), легенда несомненно отвечала на жгучий, современный деятельности Ласкиревых (нач. XVI в.) вопрос о подсудности духовенства светской власти. Царь Мануил наказывает священника „неподобно дѣюща“, но сам за это наказан чудесным образом, и с тех пор закаялся „судъ святительскій восхищати“.[3]) Завершили церковную попу-

---

храме. — О „штатных нищих“ при церквах известно и от более позднего времени. Ср. И. Прыжов, Нищие на святой Руси (М. 1862), стр. 67.

[1]) Указанное сопоставление в печати уже сделано В. Н. Бенешевичем (Памятн. древне-русск. канонич. права, т. II вып. 1, стр. 55). Статья (изд. там же, стр. 56—57, а также в книге Пл. Соколова, Русский архиерей из Византии и право его назначения до нач. XV в., Киев 1913) исходит от имени князей: а мы князи с своей души сложили есмы“, — вслед зачем цитированное пожелание многих лет Калите. Из летописей (П. с. р. л., III, 76; и др.) с другой стороны известно, что в 1329 г. „пріиде в Новгородъ на столъ князь велики Иванъ въ Торжекъ, съ всѣми князи а . . . сам сѣдѣ въ Торжьку от крещенія до сбора . . . .“ Если статья о церковном суде относится именно к этому приезду Калиты в Торжок „со всеми князьями“, то близость к новоторжской легенде, с тою же датой приезда Калиты, понятна сама собой.

[2]) Памятн. древнерусск. канонич. права т. I. изд. 2-ое, ст. 298—301.

[3]) Третья Новгор. летопись, под 1045 г., Полн. собр. русск. летописей III, 211—212.

лярность Мануила Комнина Стоглав и Кормчая, поместившие с его именем „Заповѣдь . . . . на обидящих святыя церкви“.

Обратимся назад, к XIV в., критическому в развитии мануиловой эпики на Руси. Район пригородов Новгорода, особенно новоторжский, небезразличен как по отношению к Мануилу Комнину, так и по отношению к Ивану Калите. Сфера церковно-эпических образов сближает того и другого; легендарное воплощение одних и тех же потребностей Церкви приурочивается к обоим этим именам. Имеется и текстуальная, прижизненная Калите связь их, в записи Антониево-Сийского Евангелия, относящейся к 1339 г. Сравнив Калиту с Константином Великим и Юстинианом, автор записи продолжает: „ревнуꙗ правовѣрному цр҃ю гречьскому Мануилу. любѧи ст҃льскыи санъ постничьское житьѥ любѧ и оудержаѣ правовѣрную ст҃ую вѣру. сирымъ в бѣдахъ помощникъ вдовци ѿ насилникъ изимаѧ ꙗко ѿ оустъ львовъ. в сеи роусскои земли поминаꙗ велегл҃но державу ѥго цр҃тва . . .“ [1]) — Образ нищелюбивого Калиты не нов, но здесь он интересно дополняется тем что по словам автора записи, Калита „в сей русской земле поминал велегласно державу его ц(ес)арства“ (Мануилова). Так это было в действительности или нет, но мы имеем признание о громкой церковно-эпической славе Комнина, причем элементы ее были применимы к Ивану Калите. Откуда шло сближение, нетрудно догадаться по вышеприведенной цитате из антониева „Хождения“, и из того факта, что времена Мануила и Ив. Калиты связуются новоторжской легендой: калики ходили в св. землю „при архиепископе новгородском Иоанне и при князи рустем Ростиславе“, т. е., между 1163 и 1168 годами. Живой поток паломничества воспринимал и помнил византийского императора с известной лишь стороны его богато одаренной натуры, т. е. так, как это было сродни церковному пролетариату. „. . . Собираемые деньги не столько слагались в казнохранилища или зарывались в недра земли, сколько были рассыпаемы обеими руками; их щедро раздавали монастырям, церквам и недостаточным римлянам“ [т. е., „ромеям“], говорит византийский хронист.[2]) Вот почему, весьма несхожий с Мануилом-романтиком, жуиром и рыцарем (тут же Хониат приводит и другие статьи расточительности Мануила, от-

---

[1]) Изд. И. И. Срезневского, Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, LXXXVI.

[2]) Никита Хониат, Ист. кн. VII, цит. изд. I, 263.

нюдь не церковного характера) — Калита все же ставится в эпическую параллель, сотканную из мотивов благочестия, щедрот на пользу Церкви.

Создавался ореол, вредивший историческому зрению, тускнело и старое понятие о Мануиле-воине, все равно, о таком ли, который всех побеждал (отражение можно наблюдать в XV в. у митроп. Фотия, грека) или наоборот о таком, который боялся русских (отражение - в XIII в., в Слове о погибели). Синаксарь при Евангелии кон. XIII в.[1]) показывает, насколько рано божественная помощь сопутствовала в русских умах Мануилу-воину. Память на 1-ое августа в этом синаксаре гласит: „дн҃ь ст҃го сп҃са. ѥго же призываше ц҃рь всемил҃твыи сп҃се помозї ⁖“. Церковный фольклор не мог, разумеется, не обставить новое церковное празднование рассказами о чуде; почему-нибудь да было достаточно ограничиться памятью без упоминания имени цесаря; почему-нибудь да связывается под первым августа победа Мануила над сарацынами с победой Андрея Боголюбского над камскими болгарами. Хотя сказание об установлении праздника первому Спасу и не встречено в списках старше XV в.,[2]) но устные корни его восходят к поколениям, близким деятельности Боголюбского.

Так, приблизительно, совершался в древнерусском фольклоре этот своеобразный процесс перевоплощения. Окруженный целою группой разновременных церковно-эпических памятников и памятей, Мануил Комнин приобрел, мало по малу, весьма стереотипную физиономию. Словом о погибели донесен до нас отблеск старшей, светской эпической традиции о нем, — традиции, не лишенной насмешливого отношения к личности византийского императора. И если будут приняты высказанные выше соображения, что в записях песни о жене князя Романа также отражена эта старшая эпическая традиция, однако уже в соединении с образами церковноэпического порядка, то „Мануйло сын Ягайлов,“ похищающий из-за моря чужую жену, не будет т о л ь к о общим местом среди былинных похитителей жен, а будет восходить, в конце концов, к историческому характеру Комнина.

6 - II - 1924. Москва.

А. Седельников.

---

[1]) Рукоп. Росс. Историч. Музея в Москве, Арханг. собрания. — См.: Месяцеслов святых . . . архиеп. Дмитрия (Ковальницкого), под 1 августа.

[2]) Список XV (в. тр. четв.) — Росс. Истор. Муз., Чудов. 270, лл. 180 – 182.

Западно-европейские источники Досифея Обрадовича.

(Читано в Неофилологическом обществе при Петроградском Университете 29 октября 1922 года.)

I.

Выдающаяся роль Досифея в истории сербской культурной жизни привлекала к нему внимание исследователей больше чем ко многим другим сербским писателям; тем не менее настоящее изучение его еще только начинается. До сих пор еще нет цельной монографии, охватывающей главные периоды его литературной деятельности (если не считать устаревшей книги Радченко, имевшего к тому же под руками лишь искаженный текст сочинений Досифея в издании братьев Иоанновичей). Критического издания текста, впрочем, также не существует. Известно, какой страннический образ жизни вел Досифей: сколько людей и народов он видел! При его впечатлительности он впитывал в себя всевозможные влияния, а его постоянное желание принести побольше пользы родному народу вынуждало его поскорее применять полученные идеи на практике, не давая им времени выстояться и прийти в полную связь с общими основами его мировоззрения. Досифей, правда, был редко добросовестен в указании своих источников, но иногда он, не имея под руками цитируемого автора, приводил на память, а иногда даже просто не знал, откуда цитирует, или чьи мысли сообщает (как это было например в „Жизни и приключениях“.[1]) Для его практических целей это было и неважно, но исследователь при таких условиях теряется в отыскании его источников.

Монах православного Фрушкогорского монастыря, ученик грека Иерофея, Досифей воспитался под влиянием византийской культуры, и, как все сербы его времени, отразил даже в своем языке сильное русско-церковно-славянское влияние, несмотря на некоторое стремление сблизить его с народным сербским языком. Но затем Досифей в Вене и Лейпциге начинает знакомиться

[1]) Там он приводит на память стихотворение забытого им латинского автора и дает его сербский перевод.

с западно-европейскими писателями, изучает главные европейские языки и отдается популяризаціи западноевропейских идей среди сербов. Сербская литература, как известно, пошла по намеченному им пути, но сам Досифей еще не мог до конца проникнуться этими идеями, оставаясь в основе византийцем, как правильно заметил Вес. Чайкановић: „Мы знаем,“ говорит он: „что Досифей получил свое образование не только на западе, но напротив долгое время, и притом в самые лучшие свои годы, был греко-византийским воспитанником.“ В своей автобиографии он никогда не пропускал случая провозгласить свои симпатии и уважение к своим учителям с греческого Востока. И при таком положении вещей, понятно, что даже тем, кто исследует западные идеи и их влияние на Досифея, необходимо знать, чем обязан Досифей Востоку. Эти сведения помогут им проконтролировать точность полученных ими результатов . . . „Я смею утверждать, что многие идеи, о которых установилось мнение, что Досифей заимствовал их с Запада, на самом деле получены им от его классических и византийских учителей“.[1]) Нисколько не оспаривая значения византийского влияния на Обрадовича, я тем не менее думаю, что пока еще преждевременно решать вопрос о силе того или другого влияния: нужно сначала точно выяснить: кто именно влиял и как влиял. До сих пор этими вопросами занимались лишь попутно, не уделяя им исключительного внимания, отчего и сделано в этой области немного: М. Шевић в работе »Dosipheus Obradović ein serbischer Aufklärer des XVIII. Jahrhunderts«, Нови Сад 1889 указал на итальянский источник повести „Један пар папуча“, помещенной в „Собрании“. Радченко в своей книге о Д. Обр. и его литературной деятельности отметил влияние Руссо на „Живот“ и другия произведения, а также влияние Фонтенеля, Лессинга и нравоучительных английских журналов (Spectator), указал оригинал в Spectator'ѣ для помещенной у Досифея в „Собрании“ восточной повести „Видение Мирзы“. Почти одновременно с Радченко Шерцер читал свой доклад в заседании Юго-славянской Академии: Здесь он приводит новые немецкие параллели для „Живота“, отмечает возможность влияния немецких нравоучительных журналов на Досифея, но самых журналов ему использовать не удалось. Бóльшее значение имеет его работа над источниками басен (о влиянии Лессинга). - Это же параллельно делал и Радченко, — а также

[1]) Споменица Доситеја Обрадовића (Српска Књижевна Задруга, 134) Београд, 1911, стр. 53—54.

сличение „Дамона“ в переводе Досифея с оригиналом. Работа над баснями наиболее подвинута; после Радченка и Шерцера [1]) ею еще занимались Др. Петар Скок, [2]) Вес. Чайкановић, [3]) Тихомир Остоић.[4]) Таким образом лишь для немногих басен пока не найдены источники.[5]) Работа Андр. Гавриловића не дает ничего нового для литературных влияний; Скерлић [6]) предлагает лишь общую характеристику, не вдаваясь в подробности отдельных литературных влияний.

Оставив в стороне басни, которым сравнительно так посчастливилось, хотя их нравоучутельная часть еще мало обращала на себя внимания, я коснусь тех работ Досифея, где могли сталкиваться „византийское“ и западное влияние и где последнее во всяком случае было, по собственному признанию Досифея. Сюда относится „Собрание разных нравоучительных вещей в пользу и увеселение, Беч 1793“ и „Мезимац. Чест втора. Собрание разных нравоучительных вещей в пользу и увеселение“ (посмертное издание, Будим 1818. В предисловии Досифей говорит: „Материи или вещи, которые я намереваюсь перевести с немецкого и других ученых языков на простой сербский, будут различного содержания, не каждый может долго читать об одном и том же предмете, и мало таких, которые могут долго читать, но таким образом, как писал Адиссон и ему подобные — это доступно каждому, и старому и малому: три или четыре листа каждый может прочитат в день и об этом весь день думать, этого не сделают разве такие, которые поклялись, что не возьмут в руки ни одной книги.“ [7]) По мнению Вес. Чайкановича, Досифей здесь пользовался Плутархом, который повлиял, как на план всего сочинения, его нравоучительную тенденцию, так и на содержание отдельных статей. Напр. „О пријателима и пријательству“ (De adulatore et amico — Плутарх). De amicorum multitudine Глава 14. О славным женама — de mulierum virtutibus Плутарх. Глава 16. О начину с ползом читати — de audiendis poetis. Глава 18. Чему ваља младић да се учи —

[1]) Rad Jugosl. Akad. Књига 134.

[2]) Dosifej Obradovic et de La Fontaine „Извјешће велике реалке у Бањој Луци“ за школску годину 1906—1907.

[3]) О Реду и изворима Доситејевих Басана — Српски Књижевни Гласник. 1911, кн. 26.

[4]) Узор наравоученија у Баснама.

[5]) Др. Војислав Јовановић: Један енглески извор Доситејевом предисловију о баснах (Споменица, издаје Српска Књижевна Задруга).

[6]) В своей книгѣ Српска Књижевност у XVIII веку, 1909.

[7]) Издание Возаровића, часть шеста, у Београду 1835, стр. IX.

de liberis educandis. Плутархъ. Глава 20. Накратко похвала добродѣтели и характер добродѣтельного — de virtute et vitio и de virtute morali. Плутарх. В VI-ой главе (конце ее) Чайканович видит влияние Платоновой Апологии Сократа (описание его смерти). В XXI гл. — о Вкусу – влияние Аристотеля и Горация. Даже при таком рассмотрении (с несомненным желанием расширить пределы классического влияния) оказывается, лишь незначительная часть „Собрания“ имеет классические либо византийские источники. Но и из указания Чайкановича лишь одно бесспорно — это заимствование из Платоновой Апологии Сократа, ибо хотя во II томе Spectator'a и помещена также предсмертная речь Сократа, но нет основания предполагать здесь обращение к посредству английскому, когда несомненно, что Досифей был знаком с первоисточником. Все-же места, отражающие, по мнению Чайкановича, влияние Плутарха, могут быть проще объяснены через западное посредство; то-же самое еще в большей степени можно сказать о влиянии Горация и Аристотеля. Досифей двояким образом пользовался своими источниками: 1. переводил, допуская лишь слабые отклонения в тексте, для придания ему бо́льшей наглядности, либо для разъяснения смысла, как ему казалось, мало понятного сербскому читателю. 2. Допускал вольныя переделки; брал основную мысль, но затем практически разъяснял примерами собственными или взятыми из иного источника, как ему казалось более подходящего для сербского читателя. Здесь Досифей хотя и сильно зависит от своих оригиналов, все-же является более самостоятельным, по крайней мере в выборе оригиналов. К числу несомненно переводных вещей относятся: 1. две повести Мармонтеля. 2. Абдала и Балсора (персидская повесть). 3. Едан пар папуча. 4. Путь в Вавилон. 5. О мудрости и Промыслу у управлении Света (восточная повесть).

II.

Возможно, что многое из пестрого содержания „Собрания“ Досифей заимствовал из многочисленных во второй половине XVIII века немецких нравоучительных журналов. Но сами эти журналы в свою очередь были более или менее удачным отражением английского Spectator'a, еженедельника, начавшего выходить 1-го марта 1711 г. Здесь Адиссон выделился художественностью своих статей, широким образованием и прекрасным языком. Журнал был переведен на немецкий и французский языки и стал

доступен широкой европейской читающей публике. Вот почему для выяснения характера работы Досифея необходимо обратиться к Spectator'y, как первоисточнику; если-бы были доступны немецкие журналы того времени, быть может удалось бы найти несколько мелких параллелей и только; дух же работы, ее метод должен быть объяснен только из Spectator'a и окружавшей его английской литературной жизни. Еще будучи слушателем Университетов Лейпцига и Галле, Досифей не переставал думать об Англии и Франции: „Всегда читать и слушать о городах Париже и Лондоне, иметь в руках книги этих просвещенных народов, а их вообще не знать, не видеть их знаменитые места и города — значило-бы для меня то-же самое, что оставаться во мраке.“ И у Досифея является даже мысль пешком обойти Англию и Францию. Но помощь приятеля молдавского епископа и добрые знакомства, завязанные по дороге, помогли ему более сносно достигнуть Кале, откуда он 1-го декабря 1784 г. попал в Дувр, в „давно слышанную и столь вожделенную Англию.“ Піэтет его перед Англией и англичанами безграничен; выезжая из Кентербери он нарочно садится на верх дилижанса, чтобы лучше видеть окрестные, места и в невольном восторге Досифей восклицает: „Где я теперь? Кто я?“ (II, 94); [1]) ему казалось, что он как бы во второй раз родился. Ему казалось теперь далеким прошлым его недавнее путешествие из Баната в Срем в великой бедности и нужде, когда нечем даже было как следует прикрыть свое тело. Свой приезд в Лондон он наивно сравнивает со вступлением в Рим диктатора победителя — так и он Досифей победил свою бедность и некультурность окружавшей его обстановки. Ошибочно было бы считать восхищение Досифея Англией обоснованным лишь внешними побуждениями (хотя они, конечно, были): красотой улиц, обилием фонарей на них и вообще культурными условиями жизни. Досифей несомненно уже приехал в Лондон порядочно знакомый с английской литературой во французских и немецких переводах. Он сам говорил, отчего восхищение Лондоном не покажется смешным тем, кто знает небесное и божественное благородство „словесной“ и разумной души, кто может узнавать резкое различие между бессмертным и вечным богатством разума, сердца и характера, и временным, земным; все такие люди (будь то англи-

[1]) Там где в ссылках приводятся просто названия томов, имеется в виду Собрание сочинений Досифея Обрадовича в издании братьев Возаровичей.

чане или другие), которые ценят произведения Свифта, Попа, Адиссона несравненно выше, нежели все здания в Лондоне — „они, разумеется, не будут смеяться, а похвалят меня и согласятся со мной.“ (II. 95). Досифей сразу-же, попав в Англию, определяет какую огромную пользу он может извлечь из богатства английской литературы, популяризируя ее и применяя к надобностям только еще нарождающейся сербской культурной жизни. Перед мудростью англичан ему кажутся ничтожными пиры Сарданапала и богатства Креза. „Бо́льшая будет польза для наших сербов,“ говорит он: „если я с помощью премудрых божественных английских книг оставлю что-нибудь на свете полезное, чем если я буду обладать всем Лондоном, или, подобно Сарданапалу, тысячью женщин.“ (Ib. 96). Поставив себе эту цель, Досифей ревностно принимается за изучение английского языка, как теоретически, так и практически, и в 3 месяца достигает того, что может на нем свободно читать и говорить. Он сам признается, что никогда бы этого не достиг, если-бы имел только учителя, но у него были добрые соседи, которых он мог много раз переспрашивать об одном и том же слове. Кроме того, один добрый англичанин Лив помог ему материально, в его семье Досифей бывал запросто и чувствовал себя превосходно, но он не забыл о благе своей родины и оставил все это благополучие, чтобы помочь ей выйти из культурного нищенства.

Нравоучительный характер английской литературы XVIII века в значительной степени должен был соответствовать вкусам и желаниям Досифея. Если есть большое основание предполагать, что уже в Германии и Франции он познакомился с типичными для того времени нравоучительными журналами, с неизбежными их спутниками-аллегорическими повестями,[1]) то здесь в Англии ему вполне естественно было приглядеться к первооснове этого литературного жанра, распространившегося так быстро по всей Европе. Имея в виду потребности едва начинавшего жить культурною жизнью читателя, Обрадович при переработке английского материала старался избегать теоретических построений, заменяя их наглядными сопоставлениями, примерами; причем в этом случае он использовал лишь методические приемы Spectator'а, а содержание примеров часто им заимствовалось из обильного материала его монастырских чтений и, следовательно, восходит к эпохе пре-

[1]) А возможно, что ему были известны и некоторые соответствующие русские издания.

обладания в нем „византийских“ интересов. Сюда относятся напр.: „О славных женах“ (гл. 14); „О различным на кратко историяма“ (гл. 17) и друг. Spectator иногда в подтверждение своих мыслей приводит выдержки из произведений выдающихся мыслителей — Локка, Малебранша, Спинозы. Досифей в силу самого характера своей спешной работы (он постоянно торопился печатать, чтобы иметь заработок и чтобы поскорее принести хоть какую нибудь пользу своим соотечественникам) не мог пользоваться сложным аппаратом цитат. Кроме того, он, вероятно, боялся бы запугать сербского читателя чрезмерною ученостью, а его главной целью было именно стремление приохотить его к книге. Вот почему он во-первых, если пользуется приемом иллюстрации своих мыслей чужими, то лишь в выражениях общего характера, вовсе не думая о точности (да у него и не было большей частью под руками соответствующих сочинений для точного цитирования). Но и такое пользование авторами, преимущественно античными, которых Досифей предполагал более знакомыми сербскому читателю, опять таки приспособлялось у него к потребностям последнего: он преимущественно останавливается не на мыслях, а на случаях из жизни, анекдотах, одним словом, если у Spectator'а ссылки на других авторов делаются с целью подтвердить высказываемое положение мнением авторитета, то Досифей придает им лишь служебное значение иллюстрации своей мысли. Пользуясь приемом Spectator'а, Досифей решался зайти в своих примерах дальше обычных рамок,[1]) он заимствовал их иногда, правда, редко, из сербской жизни (у Spectator'а примеры из английской жизни преобладали). В этом случае Досифей был наиболее самостоятелен, ибо, кроме приема, он по существу дела ничего не мог взять у английского автора. Но, как обыкновенно бывает при заимствованиях, — все зависит от почвы, на которую они попадают — в данном случае почва была благодатная — национальный идеал сербского народа, идея народности (пословицы и проч.). Приходится пожалеть, что Досифей не сделал такого употребления из темы о любви к родине, встречающейся и у Spectator'а. Досифей и в I и во II томе ограничился рассуждениями лишь общего характера и примерами из английской и новой истории. Он не-

[1]) По большей части трактуемые им сюжеты носят универсальный по преимуществу характер (примеры из древней и новой истории и т. п.) и уже в силу одного этого обстоятельства представляют собой литературное заимствование.

сомненно читал соответствующую статью Spectator'а и, разумеется, понял, что круг его рассуждений не подходит к потребностям сербского читателя, но воздержался здесь от внесения элемента политики, быть может потому, что расчитывал на распространение книги преимущественно среди австрийских сербов.

Большинство тем Досифея так или иначе трактуется Spectator'ом, напр. о воспитании, о полезном препровождении времени, о дружбе и друзьях, о пользе истории, о приятности размышления, об авторстве, о лжи и лжецах. Какой либо последовательности, связи в обработке Досифеем этих сюжетов подметить не удается, повидимому это ряд разрозненных рассуждений, так что иногда в одной из последующих глав Досифей возвращается к тому, что говорил раньше, или во втором томе наново трактует тему одной из глав первого, напр. о пользе науки или о воспитании. Быть может это возвращение объяснялось центральным значением, которое он придавал этим темам, как человек эпохи просвещения. Стремясь к большей наглядности высказываемых положений Досифей еще заимствовал у Spectator'а прием иллюстрации своих положений целыми аллегорическими повестями, преимущественно восточными. Некоторые повести он даже несомненно взял у самого Spectator'а (Видение Мирзы), правда, с несколько своеобразным толкованием и вставками, другие он брал из французских, повидимому, источников, причем всегда приводил их на богатую память, по первому впечатлению, которое получалось от беглого чтения. Иногда Досифей для выведения необходимого ему нравоучения изменяет соответствующим образом детали разбираемой повести. В других случаях неверно понятое им ее значение придает ей иной характер и колорит, чем в оригинале. Вообще же говоря, Досифей чувствовал себя свободным в применении этих повестей, как ему угодно: оттого совершенно бесполезно искать такой же последовательности в иллюстрировании повестями мыслей, какая была в оригинале. Обладая живой экзальтированной натурой, Досифей иногда забывал о самом нравоучении, которому должна была служить приводимая им повесть, и тогда иллюстрация приобретала у него самодовлеющее значение (напр. „Цу-и или-ти Философ", II гл. 4), чего не допускал холодный рассудительный англичанин. Эта свобода пользования касается не только повестей, но и отдельных мыслей, положений, которые у Досифея часто встречаются в иной связи, приспособленные к нуждам менее разборчивого читателя. Досифей о по-

следовательности заботится гораздо меньше Spectator'а, часто ссылающегося на свои предыдущие письма; у Досифея даже внутри одной главы иногда бывает несколько разрозненных сюжетов. В качестве примера, разъясняющего высказанные положения, можно указать на рассуждение о науке. Толчок был несомненно дан соответствующей статьей Spectator'а. Но постановка там этого вопроса, когда английский журналист рекомендовал занятие наукой, как средство занимательного времяпровождения („чтобы время не казалось скучным и долгим", Spectator том II № 94), стоящее в связи его предшествующим рассуждением № 93 „о способах приятного и полезного времяпровождения" — не могла удовлетворить Досифея, посвятившего всю свою жизнь популяризации научных истин и верившего в духе своего времени, что наука может облагородить даже самых порочных людей. Английский автор от рассуждений о пользе наук отделывается общей фразой, что это известно всем, и много раз трактовалось многими писателями. Однако Досифей считает нужным вдаться именно в эти общие рассуждения, показавшиеся скучными англичанину. На это его отношение повлияли, как его личные взгляды на науку, так и та среда, перед которой он выступал. Но самая мысль о полезном и добродетельном провождении времени, встречающаяся у Spectator'а под № 93 и 94, показалась Досифею занимательной, и он вернулся к ней в другой главе... Иногда это свободное пользование английским журналистом достигало еще большего простора, и Досифей, использовав отдельную мысль в „Собрании", обращался к иллюстрирующей ее повести, как материалу для своих нравоучений, присоединенных к басням, как то случилось с повестью „о Египетском султане и дервише", беглое указание на которую встречается еще у Радченки. При характере работы Досифея — стремлении наглядно популяризировать общие основы западно-европейского просвещения — эклектическом по существу — эти свободные приемы понятны и вовсе не заслуживают осуждения. Досифей не имел в своем распоряжении такого богатого литературного языка, на котором уже за 150 лет перед ним писал Шекспир. В его время выработанного сербского литературного языка вообще еще не существовало. Он пишет на смешанном русско-церковно-славянском и народном языке, так что одно и то-же слово иногда употребляет то по народному, то по церковному, напр. „ствар-вещь; поэтому понятно, какие трудности он испытывал при передаче иногда самых простых понятий

на сербский язык, не имевший соответствующих терминов. Отсюда длинноты в его передаче по сравнению с оригиналом. Однако не следует преувеличивать трудностей языка. Несомненно, что в пользовании языком сказывается еще и характер писателя. Досифей часто намеренно отклоняется, увлекается данной мыслью, детализирует ее — в нем сказывается экспансивный характер южанина. И в языке он стремится к бóльшей наглядности, почти материальности. Повествовательный характер английского журнала не удовлетворял его, казался ему слишком бледным. Этим объясняется, что он часто форму повествовательную заменял диалогической (смот. напр. „Египетский султан и Дервиш“), мало того, даже увлекаясь этим, создавал целые новые положения, сцены. Как-бы ни относиться к этим приемам Досифея, несомненно, что он своеобразно воспринимал прочитанное и проделал ту работу, над книгами, которую рекомендовал сам своим читателям.[1]) Большая часть статей „Собрания“ представляет разрозненное отражение мыслей и приемов Spectator'a, отчего проследить здесь полностью методы его работы нет возможности. Больший интерес в этом смысле представляют те немногие статьи „Собрания“, где он ближе придерживался оригинала, так что они допускают возможность сличения. Сюда относятся рассуждения о возрастах и их отношении, переделки некоторых повестей и переводные повести.

III.

Сам Досифей заявил в предисловии, что он писал по образцу (начин) Spectator'a и нет надобности без особо уважительных обстоятельств отходить в сторону от этого источника. Однако до сих пор или совсем не занимались ближайшим рассмотрением отношения Досифея к Spectator'у или-же не обращали внимания на подлинный смысл его слов. Мы ожидаем здесь найти сходство темы, общих положений, основной точки зрения, способа морализировать, иногда сходные примеры, но отнюдь не должны рас-

---

[1]) В главе 16 „О способе с большой пользой читать“ Досифей говорит: „Чтение справедливо считается пищей ума, но подобно пище, которая только тогда бывает полезна, когда надлежащим образом переварится в желудке, обратится в чистую кровь и мозг костей, и всем частям тела сообщит свою питательную силу, содействуя росту и укреплению тела, подобно этому и чтение должно сослужить уму такую же службу, так сказать перевоплотиться в него, придавая ему постоянно новую силу, и нельзя, чтобы оно выходило оттуда непереваренным и неперевоплощенным, как вошло.“ (VI стр. 174.)

сматривать статьи Досифея, как механическое собрание отдельных мест, выхваченных у Spectator'a. Досифей отлично понимал, что условия английской жизни существенно иные, чем у него на родине, и, так как, по его собственному признанию, главной целью его жизни было принести какую либо пользу родине в области культурных начинаний, то естественно, что задача его состояла в таком приспособлении материала, в котором он отлично умел разбираться и который вовсе не ограничивался тем, что давал Spectator, а представлял собою сложные реминисценции прочитанного в английских, немецких журналах, у французских моралистов и даже из церковной литературы во время пребывания в Хоповском монастыре. Spectator лишь послужил образцом для переработки этого материала, столь же свободной, иногда даже более свободной, чем у него. Напр. у Досифея, как выше уже отчасти указывалось, нет совершенно связи между отдельными главами, тогда как в английском журнале она часто встречается. Иногда он заимствует у Spectator'a не только темы, но и с некоторым приспособлением содержание отдельных глав. Однако последнее может быть установлено лишь путем сличения целых глав и статей, а не случайно выхваченных мест, как делали до сих пор, в особенности Радченко. Последний не имел под руками английского текста и отнесся к вопросу поверхностно, что выясняется при проверке делаемых им `указаний: так напр. он говорит о влиянии на 10-ую главу I-го тома „Собрания“ статьи Spectator'a („о услаждении размышления“) съ эпиграфом: „Habet natura ut aliarum omnium rerum sic vivendi modum“; эта статья действительно находится во II томе Spectator'a под номером 153; но именно она имеет гораздо бо́льшую связь со статьями Досифея о воспитании и отношении стариков к молодым. Между тем упомянутая глава Досифея даже без такого сличения поражает оригинальностью в трактовке темы и в особенности в выборе приводимых примеров, так что уже при первом ее чтении сразу выясняется несостоятельность предположения Радченки: в особенности об этом говорит пример, касающийся сербских народных песен, в которых по словам Досифея народ любит вспоминать кровавые подвиги сербских юнаков. „Все славяно-сербские народы“, говорит он „в разных королевствах и государствах, когда женятся, празднуют, пируют, путешествуют по морю или суше, поют такие песни. Но, кроме того, окончание этих наших народных песен настолько курьезно, что грех было-бы

обойти его молчанием. Когда певец окончит песню, то он добавляет к ней громовым голосом такое заключение: „Домаћине теби на поштенѣ. Мили гости на ваше веселѣ! Онда било, садъ се споминяло! Вами пѣсна, мени чаша вина!“ [1]) Такая же оригинальность проглядывает и в рассуждениях Досифея о необходимости печатать книги на „простом“ сербском языке и отчасти в „Указании“ способа читать с пользой книги.

Ближайшее параллельное рассмотрение некоторых статей Досифея и Spectator'a разъясняет практически вышехарактеризованную манеру Досифея пользоваться своим оригиналом.

В пятом томе „Spectator'a“ статья о дружбе по своему плану подходит к тому, что говорит Досифей в II-ой главе I-ого тома „Собрания“ („О приятелима и приятельству“). У обоих авторов нравоучительные положения обильно иллюстрируются историческими примерами; только у Spectator'a отношение этих примеров (к тексту) более равномерное, тогда как Досифей согласно обычной своей манере, примерам отвел главное место; и тот и другой приводят их преимущественно из античной истории, но Досифей еще добавляет иллюстрации из нового времени. Вполне сходных примеров, однако, нет. У английского автора нет также стремления опереться вполне на историю даже в самых рассуждениях, как то делает Досифей уже в самом начале своей статьи. Но оба они сходятся в общих положениях, что дружба есть основа всего человеческого существования и благоденствия, и во взгляде на то, что дружба важнее даже всяких родственных связей: „Муж и жена“, говорит Досифей: „брат и сестра, ближайшие соседи, жители одного и того-же места, единоплеменники и единоверцы без милой дружбы — что могут иное вызвать друг у друга, кроме огорчения и печали.“ [2]) — „В некотором смысле менее извинительно, если мы не исполняем свои обязанности по отношению к другу, чем к родственнику: так как первый был нами добровольно выбран, тогда как последний есть результат необходимости, для которой не требовалось нашего согласия.“ [3]) Но именно дружбой часто злоупотребляют, по словам Досифея; в глаза говорят льстивые слова, а за глаза возводят на друга всякую хулу. Spectator высказывает эту мысль более отвлеченно: „Любовь и уважение — первое основание всякой истинной дружбы, которая всегда несовершенна, если в ней отсутствует один из этих

[1]) VI, 97-98. — [2]) VI, стр. 107. — [3]) Spectator, V, 289.

элементов."[1]) Дружба сразу-же изгоняет зависть со всеми ее оттенками. Невозможно завидовать тому, что друг счастливее нас.[2])

Глава 16-ая „Мезимца", говорящая об искусстве держать себя в обществе, имеет несколько параллелей в Spectator'е. В противоположность обычной манере изложения, Досифей здесь воздержался от исторических экскурсий или обширных иллюстраций. Его правила обхождения, разумеется, не могли быть те-же, что у стоявшего уже на высокой ступени развития англичанина. В 4-ом томе Spectator'а (статья № 280) говорится о необходимости для человека стараться нравиться другим людям. Досифей с этого-же начинает свою главу. Английский автор упоминает о невозможности все время занимать своего собеседника своими делами; причем, касается этого вопроса преимущественно с практической точки зрения, имея в виду такого собеседника, который может помочь в устройстве этих дел, т. е. помочь матерьяльно бедняку.[3]) Такое стремление Spectator прямо называет бесстыдным и сравнивает такого человека с нищим, выставляющим вперед свои лохмотья. Досифей тоже говорит о человеке, стремящемся при всяком случае обратить на себя общее внимание и добавляет, что он возбуждает всеобщее негодование.[4]) И Spectator и Досифей осуждают человека, гордящегося своими знаниями или богатством и потому требующего к себе всеобщего внимания. Вообще кто хочет, чтобы все делалось исключительно по его воле, „тот пусть живет в обществе своих слуг."[5]) Досифей также говорит о необходимости деликатно указывать людям на их недостатки, подобно тому, как ласковые родители поступают со своими детьми, чем напоминает цитированную выше статью Spectator'а „о дружбе", где говорилось, что исправлять недостатки друга можно лишь осторожно и без частых раздражающих напоминаний. Досифей прямо говорит, что кто легко приходит в дурное настроение, тот пусть „не идет в общество" (на люди).[6]) Эта мысль вполне соответствует тому, что высказывает по этому поводу Spectator в V т. (статья № 386), но, как ниже будет указано — параллельные места Досифей мог прочесть и в „Характерах" Лабрюэра и у других французских авторов. О систематическом отражении взглядов Spectator'а в данном случае не может быть речи по отношению

[1]) Ibid. 186. — [2]) Конечно, эти мысли никоим образом не принадлежат ни английскому журналисту ни Досифею, а впервые в таком сочетании встречаются у Цицерона, но у нас нет никаких данных считать, что Досифей их заимствовал непосредственно у Цицерона.

[3]) IV. Spectator, стр. 121. — [4]) VII, 141. — [5]) Ibid. — [6]) VII, 141.

к Досифею, так как самый характер, избранной им здесь темы вызывал иное ее толкование для сербского читателя, чем для англичанина. В V-ом томе Spectator'a (статья № 386) говорится: „Человеку должно искренно нравиться возбуждать удовольствие, или, по крайней мере, не мешать другим его испытывать По этой причине — большое несчастие, что некоторые люди, которые хотят или должны быть одни, являются в обществе“.[1])

Во втором томе Spectator'a круг мыслей о юности и старости у́же, чем у Досифея, он касается только личных и семейных отношений. Главная мысль Spectator'a „ничего не может быть недостойнее, чем желание казаться более молодым.“ „Это известный вид помешательства или распутство ума, когда мы снова хотим нашей юности, силы и крепости, которою некогда обладали.“[2]) Далее развивается мысль о взаимном непонимании между стариками и молодыми, которое, однако, есть плод недоразумения, ибо „каждый старый был молодым и каждый молодой надеется достигнуть старости.[3]) Главная сила аргументации направлена к тому, чтобы убедить старика в необходимости примириться с своей участью и даже находить в ней удовлетворение. Ведь „все лучшие удовольствия нашей жизни, как-то сознание доброго имени, созерцание другой жизни, уважение почтенных людей и общение с ними — только увеличиваются с годами.“ Старость приобретает авторитет, который следует предпочесть всем удовольствиям юности. И с другой стороны, „как жалостно зрелище похотливого старика, сердящегося на ушедшее время и являющегося почти единственным недовольным во Вселенной.“[4]) Но в общем судьба старости и юности одинакова перед общим концом. Хотя юности предстоит еще может быть долгая жизнь, „но разве есть что-нибудь в человеческой жизни, продолжительность чего может быть названа долгой?“) „Для человека, умеющего чувствовать, короткая жизнь достаточна, чтобы выказать себя почтенным и добродетельным.“ Главное здесь — утешить старое поколение и направить на путь добродетели. Досифей во 2-ой и 12-ой статьях Мезимца избрал несколько иную форму: он прямо обращается с поучением от старости к юности: „Верь нам, дорогая молодежь! Мы не завидуем твоим веселым забавам, но скорее желаем, чтобы ты всегда была весела и чтобы твое веселье продолжалось до последнего часа твоей жизни.“ — Главный центр

[1]) Spectator. V, 290. — [2]) Spectator II, 278. — [3]) Ib. 278. — [4]) Ib. 279. — [5]) Spectator. II, 281.

его внимания таким образом не старость, а юность. Но и он частично пользуется Стилевской аргументацией, так напр. о скоропреходящей жизни людей: „Мы, теперь старики, недавно также были молоды, но наша молодость пронеслась на подобие короткой летней ночи, как цепь тонких облаков, гонимых и уносимых ветром. И ваша таким-же образом пройдет и унесется.“[1]) Обрадович говорит о зависти, грызущей сердце человека, когда „с языка его стекает яд, он нарочно закрывает свои глаза, чтобы не видеть мир, который мог-бы его просветить. Ненависть и злоба грызут его сердце, успехи ближнего не дают ему покоя даже ночью, сам, полный злобы, он думает, что и все таковы.[2]) Стиль говорит о заносчивости молодого человека, который попирает ногами своих старших и о сумасшедшем старике, ненавидящем гордость, которую, как ему кажется, он в нем замечает. Оба они достойны нашего презрения и осмеяния.“[3]) Если Стиль для уяснения своей мысли о скоротечности жизни пользуется примером артиста и минутности его славы, то Обрадович счел более удобным брать библейские примеры, напр. книгу Иова. Как и Стиль, Обрадович учит о необходимости добродетельной жизни. У Стиля старец должен находить главное утешение в созерцании добродетельной и потусторонней жизни; Обрадович учит этому-же созерцанию молодежь: укрепленный добродетелью молодой человек должен по капле впитывать в себя небесную мудрость. Далее идет рассуждение Обрадовича о Боге, как источнике всякого блаженства и всякой добродетели, которому человек должен подражать. Неудивительно, что это элементарное рассуждение, представляющееся общим местом, мы не встречаем в английском журнале, который рассчитывал на более образованный круг читателей. Но в дальнейшем применении человеческих добродетелей по мысли Обрадовича, обнаруживается его несомненная оригинальность. Он сразу-же от мысли об отдельном человеке переходит к мысли о целом народе: „Блажен человек, который все время своей жизни стремится достигнуть Божественных свойств, но насколько более счастлив и уважения достоин целый народ, в котором вводятся такие мудрствования, возвышенные благородные чувства, сеются, укореняются, растут и распространяются! Храбрый и славный это будет народ, когда в нем победят небесные добродетели и возобладают мудрствования.“[4]) Национальная идея о сербском на-

---

[1]) Часть седма, стр. 122. — [2]) Ib. 118—119. — [3]) Spectator. II. 278—279 — [4]) ч. 7, 121.

роде была всегда на первом плане у Обрадовича, это его собственность. Досифей потому заботится о просвещении юношества, что ждет от него „высокого уважения достойных священников, не своекорыстных, правдолюбивых судей, образованных учителей, благодетельных старейшин и начальников.“ [1]) Этой общественно-государственной точкой зрения он отличается от своего образца.

IV.

Spectator иногда иллюстрировал свои мысли т. н. „восточными повестями“, получившими такое широкое распространение в разных европейских литературах того времени. Досифей также пользуется этим приемом, несомненно, подражая Spectator'у, но и здесь, как то было при нравоучительных рассуждениях, Досифей содержание брал главным образом из других источников, а взятое непосредственно у английского журналиста подвергал значительным изменениям. Не касаясь обширной истории восточных повестей в западно-европейских литературах и даже более узкой истории всех восточных сюжетов, встречающихся у Обрадовича (что могло-бы послужить темой весьма интересного исследования), остановлюсь на двух случаях несомненного заимствования Досифеем не только приема, но и самых восточных сюжетов у Spectator'a. Сделать это тем более необходимо, что такая работа по сличению еще не была произведена. Во втором примере я отхожу от основной своей темы, т. к. беру его не из „Собрания“, а из приложенных к басням нравоучений, но здесь это отступление полезно, так как способ работы Досифея в „Собрании“ и баснях тот-же, а содержание всех остальных восточных повестей „Собрания“ взято уже не у Spectator'a, как и было выяснено мною при подробном сличении.

I. Первый случай касается восточной повести „Видение Мирзы“, помещенной вместе с „Кривицей и Стыдливостью“, „Богочестие и Суеверие“, „Срећа и Несрећа“.

Содержание повести: — в пятый день месяца, который Мирза праздновал по обычаю своих предков, он поднялся на высокую гору близ Багдада, чтобы провести этот день в размышлении и молитве. Когда он думал здесь о „суетности“ человеческой жизни, то неожиданно увидел человека, игравшего на свирели. Мирза и раньше слышал, что на этой горе раздаются иногда чудесные звуки, но не предполагал, что можно будет увидеть

[1]) ч. 7, 123—124.

самого музыканта. По данному музыкантом знаку, Мирза приблизился к нему, подготовленный к восприятию того, что он будет говорить чудесной музыкой. Музыкант возвел его на самую вершину горы, посадил возле себя и велел глядеть на Восток. Там Мирза увидел большую равнину, на ней озеро, которое с обоих концов пропадало во мгле. На средине озера был мост. Через него проходило много народа, — с одного края мглы до другого. Но этот мост имел много арок, в которые выходили путники и падали в воду, — иные очень скоро, но и те, которые шли дальше, в конце концов падали в воду, дойдя до полуразрушенных столбов. Над этим мостом носилось множество отвратительных птиц: ворон, летучих мышей, сов. Но вот взгляд Мирзы стал проясняться, и он увидел неизмеримый океан, а посреди него высокую гору, казалось, достигавшую неба. С одной стороны горы был мрак еще бо́льший, чем раньше: с другой полная ясность. Там было множество прекрасных островов. Это было царство блаженных и праведных душ. Но сюда, по словам Ангела, можно было войти только через ворота смерти. Стоит-ли при таких условиях бояться смерти? Мирза с неизъяснимым удовольствием смотрел на эти острова. Затем он хотел попросить гения показать ему, что делается с другой стороны горы, но, когда он обернулся, то его уже не было и вместо бегущей воды, моста с арками и счастливых островов, Мирза увидел только снова пустынную Багдадскую долину с быками, овцами, верблюдами, пасущимися на ней. Здесь приводится, так сказать, остов сюжета, встречающийся почти без изменений у сербского и английского авторов, но Досифей ввел, как ниже будет показано, в текст ряд изменений.

Обрадович старался придать объяснение в тех местах, которые он считал малопонятными сербскому читателю: у обоих Дух сначала объясняет Мирзе, увидевшему озеро (tide) и долину; — это долина бедности, а озеро есть часть („една малена частица“ у Обрадовича) огромного моря (the great tide) Вечности. „То, что ты видишь“, продолжает Дух: „есть часть Вечности (называемая временем), которая измерена солнцем и достигла с самого основания мира своего совершенства.“ [1]) Обрадович, видимо, не совсем понял это место, когда передает его так: „То, что ты видишь от озера, — это часть вечности или времени, которое имеет свое начало и окончание, а вечности человеческий ум не может по-

[1]) Spectator, II, стр. 302.

стигнуть ни в ее начале, ни в конце.“ [1]) Здесь Обрадович. быть может для того, чтобы быть наглядным, отождествляет вечность с временем, — во всяком случае им здесь добавлено в целях популяризации рассуждение о невозможности постигнуть вечность. Мост, являющийся символом человеческой жизни, у обоих авторов состоит из 70 арок („столбов“ Обрад.), к которым добавлено 30 полуразрушенных, только Spectator здесь добавляет: „Дух мне сказал, что первоначально этот мост состоял из тысячи арок, но большой прилив воды уничтожил остальные и оставил мост в том разрушенном состоянии, в котором его видел теперь Мирза.“ [2]) Мирза у обоих авторов наблюдает печальное зрелище гибели людей, толпами устремляющихся через этот мост: одни шли весело и беззаботно и внезапно попадали в бездну; другие погибали в момент размышления с обращенными к небу глазами. Большинство гонялось за мыльными пузырями и погибало как раз в тот момент, когда думало, что поймало их. Дальше Обрадович считает нужным подробнее объяснить, что это значит: семьдесят столбов (арок) означает столько-же лет человеческой жизни, некоторые доживают до ста и больше лет, но это уже полуразрушенные столбы моста жизни, который проходится в старости с болезненным трудом. Ворота, в которые падают люди — это различные случаи человеческих смертей. Мыльные пузыри, за которыми люди гонятся, это их всевозможные желания и надежды. [3]) Всего этого объяснения нет в Spectator'е. За то английский автор выделил с особым вниманием место об отвратительных птицах, носящихся над мостом, тогда как Обрадович соединил этот пример с другими, говорящими о человеческой смерти. Несомненно, что это место заслуживало особого выделения, как заключающее в себе двойную аллегорию — моста и птиц. [4]) „Дух, видевший меня предавшимся меланхолическому зрелищу, сказал мне, что я достаточно уже насмотрелся на него. Обрати твой взор на мост, сказал он, видишь-ли ты еще какую-нибудь непонятную вещь? — Посмотрев, я спросил, что значат эти птицы, которые непрерывно парят над мостом и по временам садятся на него. Я увидел коршунов, гарпий, воронов, морских воронов, и среди множества другого пернатого царства несколько маленьких крылатых мальчиков, которые садились в большом числе на средние арки. „Это были“, сказал Дух: „зависть, скупость, суеверие, от-

---

[1]) VI, стр. 224. — [2]) Spectator, II, 303. — [3]) VI, 225—226. — [4]) Spectator, II, стр. 304.

чаяние, любовь с заботами и страстями, которые беспокоят человеческую жизнь.“ — Английский автор выделил эту картину, поставив ее в центре всей аллегории моста. И тогда, понятно, что для нее ему потребовались особые объяснения двойной аллегории. Досифей вставляет эту картину в общие рамки и дает для всей картины общие пояснения, отчего пропускает некоторые подробности; в противоположность обычному стремлению удлинить подлинник, он здесь, видимо, стремится сократить мало понятную ему аллегорию, лаконически говорит он о множестве разных отвратительных птиц, вран, гавран, сов и летучих мышей; означают они у Досифея: зависть, сребролюбие, суеверие, отчаяние и подобные этим заботы и страсти, мучащие человека в его жизни.[1]) Очевидно названия птиц у Досифея случайны и не соответствуют тем качествам, которые они должны означать. тогда как в английском оригинале такое соответствие есть, но несмотря на стремление Обрадовича к популяризации, не все остается ясным в нарисованной им картине, и дело становится понятнее после обращения к оригиналу. И у английского и у сербского автора имеются в сущности 2 картины: 1. жизненных мучений и 2. блаженной жизни после смерти; но английский автор логически их соединяет между собой. Когда Мирза при виде печального зрелища человеческих мучений взмолился Аллаху, то гений, по словам Spectator'а повелел ему не смотреть больше на человека в первой стадии его существования, находящегося еще перед вечностью, но „пусть он направит свой взгляд туда, где море поглощает некоторые поколения смертных, впадающие в него.“[2]) И далее рассказывается, как Дух сделал эту мглу прозрачной для взгляда Мирзы. Между тем у Обрадовича дух просто приглашает Мирзу бросить свой взгляд несколько подальше, чем на мост временной человеческой жизни. Таким образом у Обрадовича связь обеих картин лишь механическая.

С внешней стороны Обрадович быть может, в силу неразвитости тогдашнего сербского языка или в силу своих личных качеств не может выражаться так лаконически, как его оригинал. Вместо простых слов Spectator'а, что Мирза погрузился в глубокую задумчивость о суете человеческой жизни, Досифей говорит, что Мирза отдыхал немного среди горы, и с севера его прохлаждал тиходышащий Зефир. Тогда-то он впал в глубокое размышление о краткости человеческой жизни и о суетности его желаний

[1]) VI, 221. — [2]) Spectator, II, 384.

и надежд на долгую жизнь. Так он переходил от одной мысли к другой: „Ведь некоторые умирают еще в утробе матери, а другие в зеленой молодости, а если кто доживет и до ста лет, все равно обратится потом в прах.“[1]) Эта пространная передача, конечно, наиболее губительна для Досифея в художественном отношении по сравнению с его оригиналом; но, повидимому, этого опять таки требовал элементарный вкус его читателей. Красивое сравнение пленительной игры музыканта: „Он навел меня на мысль о тех небесных песнях, которые поют души праведников после их первого прибытия в рай, чтобы стереть впечатление последней земной агонии и подготовить себя к наслаждениям этого счастливого места,“[2]) совершенно теряется в словах Досифея: „Восхищенный этой сладчайшей и проникающей сердце гармонией Мирза подумал – такой должна быть небесная музыка.“[3]) У обоих авторов Мирза подготовляется к своим впечатлениям не только музыкой, но и сильным непосредственным воздействием Духа на него. Но в передаче самой картины Spectator несомненно стоит гораздо выше Досифея. „Он приблизился к Духу,“ сообщает Spectator о Мирзе: „со всем почтением, какое подобает высшему существу в то время, как сердце его всецело было захвачено пленительными звуками, которые он слышал; он упал на колени и заплакал. Дух засмеялся, поглядев на него с состраданием и приветливостью, которая приблизила его воображению Мирзы и сразу исчезли все страхи и предубеждения, с которыми он приближался к нему.“[4]) Яркость этого изображения теряется в словах Обрадовича: „Он поглядел на меня таким любовным и дружеским взглядом, что в миг исчезла вся моя робость и боязливость.“[5])

II. Второй случай касается повести „о Египетском султане и Дервише“. Вот параллельный ее текст у Spectator'а и Досифея.

Spectator № 94.

Дело идет о различном восприятии у людей продолжительности времени. Особенной быстротою восприятия обладал Магомет по словам Алкорана. Там говорится: однажды утром ангел Гавриил поднял Магомета,

Досифей Обрадович.

В арабских историях находится одна, которая по существу своему есть притча или похожая на басню повесть. Но ее нравоучение так красиво и полезно, и так подходит к этому предмету, что я не мог удержаться,

[1]) VI, 221—222. — [2]) Spectator II, стр. 301—302. — [3]) VI, стр. 222. — [4]) Spectator II, 302. — [5]) VI, 223.

чтобы дать ему возможность видеть все на семи небесах, в раю и в аду, так что пророк получил возможность ясно видеть тот и другой. И после того, как он девяносто тысяч раз совещался с Богом, он снова был возвращен в свою постель. Все это, по словам Алкорана, произошло в такой быстрый промежуток времени, что Магомет при своем возвращении нашел постель еще теплою и поднял глиняный кувшин (упавший в тот самый момент, когда он был унесен ангелом Гавриилом), раньше чем из него вылилась вся вода.

Есть одна занимательная турецкая сказка, которая имеет отношение к рассказу об этом знаменитом обманщике и стоит в некоторой связи с сюжетом, о котором мы теперь трактуем. „Египетский султан, который был неверующим, имел обыкновение смеятся над этим обстоятельством в жизни Магомета, как совершенно невероятным и абсурдным. Но беседуя однажды с крупным ученым, законоведом, который обладал даром творить чудеса, он услышал, что доктор берется совершенно убедить его в достоверности этого происшествия с Магометом, если только он согласится делать то, что от него пожелают. После этого султану было приказано занять место у большой кадки с водой, что он и сделал; и когда он оста-

чтобы не перевести ее с английского языка и не описать здесь. Один египетский султан жил скверно, угнетал и мучил своих подданных. Один уважаемый и за свою добродетель почитаемый святым дервиш, указывая этому султану на скоротечность жизни, умоляет его отступить от зла и неправды, чтобы его душа за эти несколько минут жизни не была навеки опозорена и не претерпела бы жесточайших мучений. Султан был во цвете своей молодости — здоров как зверь и никак не мог понять, чего хочет дервиш, постоянно ему напоминая о краткости жизни, когда он думает еще по крайней мере 50 лет жить и царствовать. Когда дервиш узнал, что эта надежда долгой жизни главным образом ослепляет султана и не дает ему возможности прийти в сознание, нашел его однажды на совете правителей и офицеров царства и сказал ему: „Еще одну вещь прошу тебя исполнить, а затем больше не буду тебе досаждать.“ — „Если возможно, сделаю все, что ты скажешь, только-бы отвязаться от тебя.“ Тогда дервиш приказал принести большое ведро, наполненное чистой водой, над которой он что-то прочитал и приказал султану окунуть свою голову в эту воду и держать там столько времени, сколько позволит дыхание. — „Что голову?“ — отвечал сул-

новился у кадки, окруженный своими вельможами, то святой человек приказал ему погрузить свою голову в воду и затем поднять ее. Король сунул свою голову в воду и в этот же самый момент увидел себя у подножия горы на берегу моря. Король тотчас же стал гневаться на своего ученого за такой способ поучения но, в конце концов, понимая бесполезность своего гнева, он принялся думать о соответствующих этой чуждой ему местности способах добычи пропитания. Итак он присоединился к некоторым людям, которых он видел работающими в соседнем лесу. Эти люди провели его в отстоявший неподалеку оттуда город, где он после некоторых приключений женился на очень красивой и богатой женщине. Их совместная жизнь продолжалась так долго, что у них было семь сыновей и семь дочерей. Затем он оказался в большой нужде и принужден был ходить по улицам в качестве носильщика, чтобы содержать себя. Однажды, когда он прогуливался на берегу моря, погруженный в размышления (меланхолические) над своей прошлой и настоящею жизнью, что в нем вызвало прилив религиозного чувства; он сбросил с себя одежды с намерением выкупаться, перед чтением молитвы, согласно обычаю магометан. После первого же своего

тан: „я готов и весь погрузиться, только помни! больше не приставай ко мне с твоими нравоучениями, говоря о краткости жизни, иначе попадешь в беду! — „Только голову,“ сказал дервиш: „и держи ее в воде, сколько возможно дольше.“ Он погрузил голову в ведро (чабар), постоял некоторое время и когда ее вынул из воды, то сказал с ужасом, глядя на дервиша: „Что ты сделал со мной, пусть Бог тебе пошлет те мучения, которые я испытал.“ Офицеры спросили: „Что он тебе сделал?“ — „Как что он мне сделал! Вот ровно двадцать лет, как я терплю невыносимые мучения.“ И султан так стал разсказывать о своих мучениях: „Когда я окунул свою голову в эту проклятую воду, то я оказался на берегу реки Нила, поднялось против меня восстание и выгнали меня из царства, и я побежал, оставленный всеми через какие то страшные запущенные горы и песчаные поля. Пришел я в чужую землю, где, чтобы не умереть от голода, нанялся и служил семь лет. Умер мой хозяин, а я, в недоброе время для меня женился на его вдове, злой и проклятой женщине, так что под небом не найдется подобной ей. Семеро детей у меня было от нее и все без пользы (за-луду); била она меня, мучила меня; не могу вам рассказать, что я вынес и вытерпел

югружения в море, как только он вынул свою голову из воды, он увидел себя стоящим у края кадки, окруженным своими придворными, а в стороне стоял святой человек. Он сразу же стал упрекать своего учителя за то, что он заставил его перенести такие приключения и погрузил его в такое долгое состояние нищеты и рабства, но был очень удивлен, когда услыхал, что это состояние было только сон и иллюзия; что он не двинулся с места, на котором он стоял, и что он только погрузил свою голову в воду и сразу же ее вынул.“ Магометанский ученый воспользовался этим случаем для поучения султана, что для Бога нет ничего невозможного, и что Он, с которым тысяча лет все равно, что один день, может, если Ему понравится, сделать один день, даже одну минуту для некоторых из своих творений продолжительностью в тысячу лет.“ [1])

[1]) II, 55—57.

от нее. А когда подросли дети, злые, как их мать, соединились с матерью и, бросая в меня камнями, выгнали меня из дома. — Куда же я пойду? Что буду делать? И вот я через те же самые поля и горы вернулся назад. Когда я подошел к берегу Нила, — вы меня здесь поджидали и снова признали своим султаном. После стольких испытанных мною страданий и мучений, — клянусь вам, не найдете в Египте лучшего человека, чем я.“ — Они удивились и сказали ему, что ничего этого не было и не могло быть за тот короткий промежуток времени, пока он держал голову в воде. — „Не могло быть? — Краткое время? — Вы смеетесь! Спросите лучше меня, который на себе все это испытал!“ — Тогда и дервиш ему сказал, что все эти его страдания продолжались лишь то время, пока он держал голову в ведре; пусть-же он познает отсюда краткость жизни, которая представлялась ему прежде длинной и пусть теперь образумится. „Как бы то ни было,“ сказал султан: „а я этого унижения, несчастья, страдания и стыда не забуду во всю свою жизнь! Теперь помогите мне своим добрым советом и тогда только меня узнаете. Господи Боже! Даже и врага моего избавь от подобной злой женщины.

Только окуните голову в это ведро и увидите... Эта повесть очевидно, выдуманная и на первый взгляд кажется сочиненной ради забавы и смеха, но когда мы как следует разберем ее значение и мораль, ничего не может быть правдоподобнее, ибо, что наша жизнь хотя бы и продолжающаяся сто лет? — Ничто. Это мы все знаем и никто в этом не сомневается; так не лучше-ли провести эти несколько лет разумно и добродетельно для нашей временной и вечной пользы, чем для временного и вечного бесчестья, стыда и несчастья.“ [1]

Если принять во внимание, что Досифей писал свою повест на память, как он обыкновенно делал, то все отступления, встречаемые в его изложении, могут быть объяснены без необходимости предполагать какой либо другой ее оригинал, тем более что сам Досифей говорит о переводе с английского в данном случае; у Досифея местом действия является побережье Нила тогда как у Spectator'а — берег моря, но здесь нет большого противоречия, если принять во внимание, что и Spectator говорит о Египетском султане. Досифей допускает перестановку в порядке изложения, стоящую в связи с несколько измененным им способом изложения. У него султан сразу же рассказывает о происшедшем с ним после погружения головы в ведро с водой; Spectator же передает сначала все его переживания — унижение, бедность и проч., доводит его до вторичного купания (что ставит в связи с прояснившимся у него религиозным чувством); лишь, после этого уже султан Spectator'а снова появляется перед своими приближенными. Несомненно, что таким способом Spectator лучше может оттенить перед читателем свою основную мысль об относительности восприятия времени, чем то имеется у Досифея помещающего рассказ о приключениях султана позднее. И мотивировка возвращения султана к приближенным по этой причине

[1]) III, 292—295.

затемняется в изложении Досифея. Но все эти дефекты его изложения происходят от экспансивности его натуры, которую не удовлетворяла холодная повествовательная форма, в силу чего она рвалась, если можно так выразиться к драматизации сюжета. Введение Досифеем диалога, совсем не встречающегося у Spectator'a, должно быть объяснено этими соображениями. Отклонения в самом рассказе о приключениях Султана — обычные для Досифея в его обработке заимствуемых сюжетов и касаются прибавления лишних подробностей, напр. о смерти хозяина, у которого Султан работал, о его женитьбе на злой вдове и т. п., но отклонения эти не касаются остова сюжета, который Досифей несомненно заимствовал у Spectator'a.

V.

Нельзя понимать однако слова Досифея о пользовании манерой Spectator'a в том смысле, что даже в такой ограниченной области Досифей не прибегал к другим приемам или вообще не отклонялся от нее. Сличение показывает именно, что Досифей колебался в самых приемах, с помощью которых он писал отдельные разрозненные главы своего „Собрания“ и некоторые из них не могут быть объяснены тем, что дает „Spectator“, зато выяснению таких приемов много помогает привлечение других материалов из обильного его чтения западно-европейских образцов. Не говорю уже о том, что такое привлечение необходимо для выяснения многих заимствований в содержании отдельных глав „Собрания“. Не собираясь исчерпать этот обильный материал, разработка которого еще только началась, остановлюсь на некоторых случаях, где необходимость заставляет нас предположить иной источник помимо Spectator'a, как для содержания отдельных мест „Собрания“ так и для приемов, с помощью которых он излагает это содержание.

Часто в „Мезимце“ Досифей возвращается к темам так или иначе уже затронутым в I-ой части „Собрания“, но почти всегда вносит в их трактовку что-нибудь новое. За время длительного пребывания в немецких странах, он должен был натолкнуться на оживившийся тогда в Германии, главным образом под французским влиянием, интерес к изучению истории с иных чем до сих пор точек зрения. Космополитические идеи XVIII века вызывали интерес к всеобщей истории, побуждая искать в событиях жизни иных народов объяснения своего собственного прошлого. Рациона-

листическая точка зрения выдвигала на первый план прагматизм. Правда, это еще не было настоящее критическое изучение истории, ибо попрежнему моральная и религиозная точка зрения у многих играла большую роль, но изменение было всетаки большое.[1]) Среди писателей такого направления выделялся J. Mat. Schröckh о котором Обрадович говорит: „Кто переведет всеобщую краткую, но прекрасную историю Шрёка с немецкого на сербский, тот сделает ценнейший подарок нашему народу.“ И. Матия Шрёк родился в Вене в 1733 г. С 1775 года состоял профессором истории в Виртемберге, умер в 1808 г. Особенно известна его „Христианская церковная история“ в 35 томах. Но главным образом повлияла на Досифея его „Allgemeine Weltgeschichte für Kinder (1779—1884).[2]) Во втором труде Шрёк особенно настаивает на необходимости порядка и указания взаимной зависимости в изложении исторических фактов. „Без точного разграничения исторических событий мы не понимаем, каким образом одно вытекает из другого, как мир и люди мало по малу сделались такими, какими мы их видим теперь.“ Указав на различные вспомогательные к истории науки, как-то: географию, этнографию, этику и друг. Шрёк подчеркивает необходимость в изложении каждого исторического периода останавливаться преимущественно на том народе, который полнее и лучше всего отразил в себе прогресс того времени в смысле облагорожения нравов, религии, полезных изобретений, искусств и наук. „Народ, который в этой области не дал ничего замечательного, не заслуживает места в истории.“ [3]) Шрёк однако не хочет быть сухим моралистом, еще в предисловии к первому изданию своей книги он высказался в том смысле, что понимает мораль, вовсе не как приносящую (или очень редко) увещание или что-нибудь подобное, но как разъяснение причин и следствий какого либо события, как естественную мысль, которая может прийти в голову, если человек дает себе труда немножко над этим подумать, короче говоря, как действительное и успешное продвижение в истории, а не как внезапный переход из цветущей долины в печальную пустынную равнину.“ (Vorrede, 12 апреля, 1779 г.. Досифей усвоил у Шрёка эту моральную точку зрения: человек,

[1]) „О космополитизме.“ Соч. Wegele, Geschichte der deutschen Historiagraphie, стр. 748.

[2]) Я пользовался третьим изданьем. Лейпциг 1802. (6 томов). Сочинение того-же автора „Abbildungen und Lebensbeschreibungen berühmter Männer“ (3 тома) Лейпциг 1764—1779 достать мне не удалось.

[3]) Том I, 21.

ю его словам, может пользоваться примером прежних людей и уже ie впадать больше в те ошибки, в которые впадали они, [1]) и в своей ынешней жизни, зная историю, он будет руководствоваться уже ie слепым случаем, а примером прошлых времен. В истории мы ;идим примеры добродетельной жизни, которой и должны подражать. Когда мы изучим (Шрёк), как доброе и полезное куль-ивируется с помощью ума, искусства и совести, и как от невекества, зла и порывистых желаний происходят всевозможные бед-:твия, то мы будем воздерживаться от повторения подобных ошибок. Iстория жизненна, она должна объяснять настоящее: как живут юди чуждых нам стран, через которые нам приходится проезкать, достойны-ли похвал и подражания их обычаи — все это нам юмогает выяснить история. Но изучая ее, мы походим на путника, :оторый по необходимости пропускает многие впечатления своей юездки, запоминая лишь главные остановки. Так смотрит Досифей. Го-же самое думает Шрёк, когда говорит, что мы легче сможем юнимать то, что находится перед нашими глазами, когда изучим ;еликие изменения прошлого. Но история отмечает лишь действи-ельно важные происшествия, остальное оставляя вне поля своего ;нимания, подобно путнику Досифея. Моральная точка зрения ı у Шрёка и у Досифея связана с обращением к юношеству детям), каковой цели сочинение первого даже специально должно іыло служить. Однако этого же нельзя сказать про религиозную очку зрения, проникающую сочинение Шрёка, которая по по-ıятным причинам, не нашла отзвука в статьях Досифея. Зато в про-едении прагматизма Досифей пошел даже дальше своего образца, ак указал Јов. Радонић в статье „Доситеј Обрадовић према ис-ории.“ [2]) „Кто желает по настоящему пользоваться историей, олжен проникнуть внутрь ее, узнать и оценить самое основное, . е. должен остротой своего ума проникнуть и понять, почему то было именно так, а не иначе“ ... „иначе история будет лишь ассказываться попугайским умом и на попугайском языке.“ [3]) До акого ясного представления о необходимости отыскания источиков разных событий Досифей пришел не сразу, откровенно начале сознаваясь в неясности для него, как маленькая причина южет породить крупное событие. Но уяснению помогло знаком-тво со многими историческими авторами, в котором Досифей по-идимому следовал за указаниями Шрёка. И он начинает краткое

[1]) VI. стр. 50. — [2]) Српски Књижевни Гласник, књ. 26. стр. 483., 1911 г. — [3]) VII, 126.

изложение историографии с описания темных времен (доисторических), говорит об отце истории Геродоте, об устном предании, в котором только и сохранилась история в течение многих веков, пока Финикияне не изобрели письмена. Наконец Досифей вполне усвоил от Шрёка мировую точку зрения, что сразу же видно из приводимых им исторических примеров (только он избегает библейских) Александр Великий, Римляне, Карфаген, Арабия, Турки, открытие Америки и друг. Однако и в пользовании этими источниками Досифей стремился приспособляться к нуждам сербского читателя. Правда здесь и самый источник был достаточно популярно изложен. Но Досифей местами придавал бóльшую наглядность изложению и даже вводил народные пословицы, напр. Старые женщины и крестьяне говорят, если увидят, что Dominus фратер хочет за всех сказать и ответить: „Ала га сврби ѥзыкъ башъ ѥ плытка мозка.“ ![1]) Достойно сожаления, что Досифей не использовал этот же национальный элемент в применении к сербской истории. Его пожелания в этой области ограничились лишь тем, чтобы „Шрёкова история“ была переведена на сербский язык, что и исполнено было Јованом Беричем уже после смерти Досифея (первый том появился в 1820 г.).

Глава II-ая I-го тома „Собрания“ („Од свашта по мало, али лепо“) отличается от других глав своей формой изложения, не подходящей к обычной манере Spectator'a. Здесь Досифей предпочитал длинным поучениям лаконические заостренные изречения, иногда прямо народные пословицы. „Чрезвычайно обыкновенная это вещь и часто приходится ее слышать на собраниях и собеседованиях людей — краткие остроумные нравоучительные изречения, которые при всей своей лаконической краткости богаты содержанием.“ [2]) „Здесь и о том, что тяжело ногам под глупой головой и о рыцарском незлобии“ и т. п. Здесь же имеется вставочный эпизод (притча о принцессе Ирине, относительно которой Павел Попович [3]) высказал предположение, что она заимствована из „Характеров“ Лабрюэра. Фригийская принцесса отправляется в долгий путь к оракулу Эскулапу и просит его помочь ей в разных одолевших ее болезнях: она плохо спит по ночам, не имеет аппетита, глаза ей начинают изменять, наконец ее одолевает старость. На все это оракул дает весьма обычные ответы: советует не спать днем, поменьше есть, а лишь тогда, когда она действи-

[1]) Ib. 129. — [2]) VII, стр. 108. — [3]) Српски Књижевни Гласник, књ. 26, стр. 477—479.

тельно проголодается, носить очки и проч. Принцесса удивляется, стоило-ли ей совершать такое далекое путешествие ради столь обычных советов, которые она могла получить и дома? Попович приводит тот и другой текст без всяких комментариев. Необходимо поэтому заметить, что у Лабрюэра указанная история имеет самодовлеющее значение, тогда как у Досифея она служит (правда, не совсем удачной) но все же иллюстрацией к рассуждению о том, что мы с беспокойством ищем удовлетворения в том, в чем его найти не можем. В виду чисто внешней связи этого разсуждения с самой притчей оно еще не опровергает предположения Поповича, так-же как и некоторые отклонения в начале самой притчи сделанныя Досифеем (об Эскулапе, который слыл своим даром лечения и которого обожали за его знание трав и корней). Но гораздо труднее справиться с окончанием притчи, где имеются у Досифея отклонения от французского текста по существу. У Лабрюэра на вопрос Ирины: „Чему-же вы меня научили редкому и таинственному? И разве я не знала уже раньше все те советы, которые вы мне даете?“ — Оракул отвечает лаконически и остроумно. „Отчего же вы не воспользовались ими, а шли так далеко и укоротили Ваши дни?“[1]) Между тем Досифей приноравливает ответ Оракула к высказанному выше нравоучению: „Это обычная ошибка людей, что они знают много добра, но не пользуются им.“[2]) Он далее уверяет ее, что она здорова, ей нечего лечиться; пусть только пользуется теми большими дарами, которые, по ее же словам, есть у нее. Благодарная Ирина целует руку Оракула и счастливая и довольная возвращается на родину.[3]) За недостатком иного сравниваемого материала здесь трудно сейчас решить, действительно-ли Досифей заимствовал эту притчу у Лабрюэра и тогда следовательно существенно изменил ее окончание, или же он в таком виде, как у него она имеется, перевел ее из какого-либо другого источника, так как подобные притчи были в то время блуждающими в литературе, не являясь собственностью того или оного писателя. Больше всего в пользу предположения Поповича говорит особый характер главы, в которую помещена эта притча, и который действительно сильно напоминает форму изречений Лабрюэра, хотя прямых указаний на знакомство Досифея с его „Характерами“ до нас не дошло. Однако, такое знакомство вполне вероятно,

[1]) Bibliotheca Romanica (102—107). Bibliothèque française, œuvres de La Bruyère. Les caractères ou les mœures de ce Siècle. стр. 265. — [2]) VI, 111. — [3]) Ibid.

в виду огромной известности, какою пользовались „Характеры“. В той же главе Лабрюэра, где помещена притча об Ирине, имеется изречение, сходное с тем, которое Досифей поместил, как основу притчи: „Как удивительно, что мы ищем счастья вне нас, считаемся с мнением льстецов, людей, исполненных зависти, капризов и предубеждений;“ [1]) и внутри главы у Досифея попадается сходное изречение: „Большая ошибка быть легковерным там, где много лжецов и мало любителей истины.“ [2]) Досифей останавливается много раз на недостатках людей, в особенности тех, кто случайно выскочил в люди, достиг богатства и почестей и возомнил о себе [3]). Лабрюэр говорит о людях, ослепленных своим высокомерием: „Их глаза, их походка, тон их голоса — постоянно указывают на восторг, в который они приходят сами от себя . . . И они становятся такими дикими, что только падение сможет их приручить.“ [4]) Оба автора несколько раз касаются вопроса о бедности, считая, что человек часто сам бывает виновен в своей судьбе. „Если бедность есть мать преступления“, говорит Лабрюэр: „то недостаток духа — его отец.“ [5]) Досифей приводит пословицу: „Убог муж — готова лаж“. [6]) Еще больше общего между рассуждениями Досифея о том, как должен себя держать разумный человек с некоторыми местами книги Лабрюэра (глава De l'homme). Но все-же следует признать, что, если Досифей читал эту книгу, то главная суть ее прошла мимо него. Это тонкое остроумие во все изверившегося человека — представителя народа, достигшего тогда верха своего культурного развития и как бы не знавшего, куда ему дальше итти, а потому постоянно трактующего о смерти, о том, что люди испорчены по самой своей природе: „Если жизнь несчастна, то ее трудно вынести; если она счастлива, то ужасно ее потерять — одно стоит другого“ [7]) — все это осталось и должно было остаться чуждым представителю здорового народа, у которого вся его культурная жизнь была еще впереди. Ему-ли было говорить о смерти и коренной испорченности людей? Лабрюэр и теперь еще мало знаком сербскому обществу и не переведен на сербский язык. Если содержание книги Лабрюэра по существу не подходит Досифею, то и формой и манерой изречений он не мог пользоваться долго, она не давала той необходимой ему свободы, как непринужденная болтовня Spectator'a; здесь нужно было иметь большое худо-

[1]) Oeuvres. 275. — [2]) VII, 113. — [3]) Напр. стр. 114–115. — [4]) Oeuvres, 280. — [5]) Oeuvres, 261. — [6]) VII, 110. — [7]) Oeuvres, 265.

жественное чутье и развитой литературный язык, какого не было в распоряжении Досифея. Вот почему случай пользования афоризмами встречается у него лишь спорадически, а затем он больше к нему не возвращается. Если можно еще говорить об отражении чтения Лабрюэра, то это касается глав о дружбе и о способе держать себя в обществе. Последняя соприкасается с темами главы »De la societé et de la conversation«, где говорится о духе вежливости. Дается меткая характеристика Теодекта, всем надоевшего своей назойливостью и постоянными речами о самом себе. Понимающий человек, по словам Лабрюэра, умеет исчезнуть из общества раньше, чем надоест ему. В главе »Le cœur« Лабрюэр говорит о любви и дружбе, но в оттенках, которые едва-ли могли быть близки Досифею. Напр. если многое сделано, чтобы заслужить расположение, то лучше уже больше ничего не делать.

* * *

Помещенное Досифеем, как часть 21-ой главы первого тома „Собрания“, „Рассуждение о вкусе“ не представляет из себя чего либо цельного и во всяком случае по своему содержанию распадается на 2 части, без внутренней связи между ними; в одной трактуется понятие красоты, причем этическая точка зрения, незаметно, повидимому, для самого Досифея, сменяется формально эстетической; в другой специально с этой последней точки зрения говорится о поэзии. Эта часть наименее интересна, т. к. в ней Досифей находится всецело под влиянием старых французских образцов классической школы. По его словам, правила, по которым должны писаться произведения, утверждены на таких же незыблемых основаниях, как и математические.[1]) Недосягаемыми образцами для него являются Гомер и Виргилий, Демосфен и Цицерон, Пиндар и Гораций; последний вместе с Аристотелем создали эти непререкаемые правила.[2]) В дальнейшим все требования Досифея ограничиваются красивым и правильным построением фраз: „В самом красивом периоде или стихотворении“, говорит он, „пусть только будет отнято или некстати употреблено одно слово, как пропадает всякая красота и приятность.“[3]) Но справедливо-ли на основании этих воззрений считать, что Досифей в своих общих взглядах на искусство находился лишь под влиянием античных писателей, как это делает Чайканович, или хотя-би ограничивался лишь чтением французских классиков XVIII века? Ду-

[1]) VI, стр. 246. — [2]) Ib. — [3]) Ib. стр. 248.

мать так, значит не обращать внимания на первую часть его статьи о вкусе, воззрения которой, несмотря на всю свою сбивчивость, могут быть выяснены настолько, чтобы понять, что мы здесь имеем дело с отражением чтения совершенно иных образцов, доказывающих, что в этих вопросах Досифей стоял на уровне своего века. Как и в других случаях, так и здесь Досифей мог заинтересоваться этими вопросами под влиянием Spectator'а, неоднократно трактующего о „прекрасном“ и „о вкусе“. Так например в № 417 (т. VI) говорится о поэзии по преимуществу и о необходимости для поэта знакомиться с другими видами искусства: скульптурой, архитектурой, ваянием. Образцами выставляются, как и у Досифея, Гомер и Виргилий, но придается своеобразное объяснение красот их произведений, чего нет у Досифея. Но гораздо сильнее отразилось чтение Spectator'а в первой части статьи Досифея; в происхождении чувства прекрасного Досифей, как и Spectator (см. № 413) ссылается на Бога. „Всякая красота и приятность, как в явлениях природы, так и в моральной области происходит от первоначального Создателя и Премудрого Творца Бога, а вкус всего, что красиво и приятно влит уже в первоначальное смешение, из которого создавался человеческий ум.“ [1]) В Spectator'е это понятие проводится тоньше в силу различения необходимой и финальной причины, порождающей чувство прекрасного, причем автор сознается, что может говорить лишь о последней. В связи с таким происхождением чувства прекрасного стоит и у Досифея и в английском его источнике то, что оно свойственно в большей или меньшей степени каждому человеку. „Ни один словесный ум,“ говорит Досифей: „не может быть совершенно лишен этого понятия, так чтобы он с одинаковым вниманием глядел на все предметы его окружающие и не испытывал бы бóльшого наслаждения при виде цветущей, окруженной лугами долины, чем при виде грязной лужи.“ [2]) Spectator, правда, больше подчеркивает относительность и субъективность этого чувства, однако и он признает его всеобщность с наклонностью главное наслаждение видеть в созерцании безграничного Бога (Spectator VI, стр. 70): „Может быть в одной части материи нет более прекрасного или безобразного, чем в другой; потому что мы так созданы, что то, что сейчас нам кажется омерзительным, может оказаться само-по-себѣ приятным, но подтверждено опытом, что есть некоторые модификации материи, которые ум провозгла-

[1]) VI, стр. 243. — [2]) VI, 243.

шает сразу-же красивыми или безобразными.“ Этим по существу и ограничиваются заимствования Досифея у Spectator'a. Между тем одними этими слишком общими положениями никоим образом не может исчерпаться все пестрое содержание первой части его статьи. И самое ее начало, содержащее обоснование этической точки зрения, не имеет параллелей в Spectator'e, но, что всего важнее, Досифей совершенно иначе ставит вопрос о происхождении прекрасного, чем то встречается у Spectator'a и у старых эстетиков. Spectator различает три вида „удовольствий воображения“, проистекающие от созерцания того, что 1. величественно (great), 2. необычно (uncommon) и 3. красиво (beautiful).[1]) Понятие »greatness« заключает в себе, по мысли Spectator'a, не только „величину известного предмета, но и обширность всего вида, рассматриваемого в целом.“[2]) Таков вид открытой сельской местности, обширной невозделанной пустыни, высоких скал или обрывов, больших водяных пространств.“[3]) Человеческое воображение не любит стесняющих его узких границ и естественно стремится к беспредельному. „Обширный горизонт есть отображение свободы,“ где глаз может легко переходить с одного места на другое и потеряться в разнообразии предметов, которые предлагают себя его вниманию. Но Spectator совершенно был чужд мысли о том, что это понятие greatness может внушать чувство ужаса, страха и отвращения, он не противопоставляет его никогда понятию прекрасного, а напротив находит их чувствами одной и той-же природы, действующими согласно: „Если с величием (greatness) соединяется еще красота и неожиданность, как на волнующемся океане или на небе, украшенном звездами и метеорами, или же ландшафт перерезывается реками, лесами, скалами и лугами удовольствие от этого увеличивается, так как оно происходит более, чем от одной причины.[4]) Досифею, однако, в смысле достижения эффектов красоты, стремление человеческого воображения к безграничному, совсем не нравится. Он находит самое это стремление антиэстетическим. „Без целости воображения вещи не може обстати лепота“, говорит Досифей.[5]) Через его совершенно невыработанную терминологию трудно пробраться до понятий, которые он хотел высказать. Однако у него в анализе чувства прекрасного несомненно выявляются не согласно действующие, а по преимуществу борющиеся элементы,

---

[1]) Spectator, т. VI, № 412. — [2]) Ib., стр. 68. — [3]) Ibid. — [4]) Ib. 69. — [5]) VI, стр. 242.

он не сопоставляет как Spectator, а противопоставляет; метод его существенно иной. Как и в других случаях, здесь Досифей пользуется примерами (в изобилии) для выяснения своих мыслей, примеры эти иногда те-же, что у Spectator'а, но применение их иное. Только единообразие предмета, охватываемого в целом создает восприятие прекрасного, по мысли Досифея. Из такого ограничения явствует, что предметы слишком большие, „гигантические“, как выражается Досифей, не могут производить эстетического впечатления. так как они не дают никакой целости или согласованности, а следовательно и красоты для воображения.“ [1]) „Небо и днем со своею ясностью и ночью со своими звездами кажется нам великолепным и прекрасным, потому что являет нам целость своего прекрасного свода и нам кажется, что мы его видим целиком. А когда мы подумаем о всем земном шаре, то ничего прекрасного в нем не находим, потому-что мы его не в состоянии целиком разглядеть“. [2]) „Высокие ели, дубы и тополя — красивые деревья, потому что их можно целиком разглядеть, но если-бы их верхушки уходили так далеко, что их нельзя было-бы разглядеть, они бы перестали нам казаться красивыми.“) Из этих примеров достаточно выясняется главная мысль Досифея: прекрасное и высокое (гигантическое) несовместимы, ибо они существенно иной природы, противоречат друг другу. Это положение показывает, что Досифей был знаком с более новыми, чем Spectator работами в этой области; известно, что в английской литературе такое противопоставление впервые было сделано Бёрком. [4]) Книга его вышла в свет в 60-ых годах XVIII века и знакомство с нею Обрадовича вполне вероятно; этому не противоречит ни время ее появления, ни разносторонний характер интересов Обрадовича. Хотя Досифей сам стремился быть возможно доступнее, популярнее, однако из этого отнюдь не следует, что он и сам читал лишь одни книги „общедоступного содержания“. К тому-же книга Бёрка вовсе не принадлежит к узко специальным сочинениям, написана легко, почти без цитат, что называется для публики. Бёрк имел влияние на немцев, в частности на Лессинга, который от него был в восторге; т. к. Досифей, в свою очередь, был в восторге от Лессинга и даже переводил из него, то вполне вероятно, что еще до своего изучения англий-

[1]) Ib. — [2]) Ib. — [3]) Ib. — [4]) Burke A. A. Philosophical inquiry into the origin of our ideas of the sublime and beautiful. A new edition. Basil. MDCCXCII.

ского языка, Досифей мог через немецкое посредство познакомиться с главными мыслями сочинения Бёрка. Тем или иным путем, но заимствование должно было произойти, т. к. совпадение основной идеи у Досифея и Бёрка поразительно. Бёрк хочет рассматривать прекрасное, как нечто совершенно отличное от возвышенного (для выражения последнего понятия пользуется чаще термином »sublime«, но иногда подобно Spectator'у »great«). Созерцание чего-нибудь красивого, рассуждает Бёрк, порождает удовлетворение, но не такое, какое бывает при возбуждении сластолюбивых желаний; иначе говоря, необходимым условием испытывания чувства красивого, по мысли Бёрка, является незаинтересованность в объекте, возбуждающем это чувство.[1]) „Имеются виды", говорит Досифей, „которые сразу-же наполняют душу веселостью, и она, как их увидит, сразу-же находит в них свое благоволение, нисколько при этом не думая, какую пользу можно получить от этих предметов". Этой незаинтересованности не может быть при переживаниях, связанных с понятием возвышенного, ибо здесь действующий на нас предмет подавляет нас своею обширностью или внушает нам страх. Поэтому те переживания, которыя связаны с этим понятием не могут дать чистого удовольствия, хотя и могут быть приятны. Бёрк вмещает их в общие рамки переживаний, связанных с чувством самосохранения. Эти переживания приносят лишь страдания, когда причины, их возбуждающие, непосредственно действуют на нас и бывают приятными (delightful) „когда у нас имеется лишь идея о страдании и опасности без того, чтобы самому находиться в таких обстоятельствах."[2]) То, что порождается этим чувством Бёрк существенно отличает от безынтересного удовольствия (pleasure), потому что последнее никогда не может обратиться в страдание. То, что возбуждает эту приятность, он и называет „sublime".[3]) Бёрк глубже, чем Досифей вникает в происхождение этой идеи и видит ее зачатки не только в обширности расстилающегося перед нами пространства („гигантическое" Обрадовича) но и в его дроблении на бесконечно малые частицы. Он даже подробнее анализирует составные элементы этого чувства, в особенности останавливаясь на удивлении (astonishment); это чувство захватывает человека целиком, так что он не в состоянии уделить свое внимание другому объекту и проч. Но конечный вывод его исследо-

---

[1]) Ib. стр. 137—138. — [2]) Ib. стр. 70. — [3]) Ib.

вания вполне совпадает с тем, что мы читаем у Досифея: „Противоположность возвышенного и прекрасного — коренная, так как они совершенно разного происхождения: одно основано на страдании, другое на удовольствии (pleasure), и если их качества находятся иногда соединенными . . . то разве это может доказать что они одно и то же? Черное и белое может быть мягким может быть смешанным, но они в силу этого не представляют собой одного и того-же“.[1])

В. Чернобаев.

[1]) Возвышенные предметы пространственно обширны, прекрасные сравнительно малы, прекрасное должно быть мягким (smooth) и отделанным; высокое (great) грубым и оставшимся в пренебрежении; прекрасное должно избегать прямой линии, но отклоняться от нее мало заметно. Высокое во многих случаях любит прямую линию, а если уж от нее отклоняется, то часто делает резкий уклон. Прекрасное не должно быть темным высокое (the great) должно быть мрачным и пасмурным. Прекрасное (beauty) должно быть мягким и нежным; высокое должно быть твердым и грубым (Ib. 202—204).

Slavenske mjere za predivo i tkivo prema seksagezimalnom sistemu.

Među različnim mjerama, koje su od davnine bile u Slavena ezane uz određene produkte, svraćaju na se posebnu pažnju mjere za redivo i tkivo (osnovu) zbog nekih svojih karakteristika, napose zbog istema brojenja. Njima je namijenjen ovaj prikaz — prema mogućnosti potpun i sistematski — da bude u isti mah i prilog poznavanju lavenskih kulturnih starina i jedne partije slavenskoga folklora.

Uza sve razlike, koje se na prvi pogled susreću među razičnim slavenskim ograncima u veličini i nazivima ove vrste mjera, lovodi ipak opsežnije poređenje folklorskoga i leksičkoga materiala o njima do znatna broja sad značajnih analogija sad potpuna laganja. A takove konstatacije vode onda do zaključka, da su Slaveni one od tih mjera, kod kojih se određena suglasnost očituje oš u posljednjim vremenima, mogli jednako poznavati i u doba raslavenske zajednice pa da su ih ponijeli sa sobom i do danas h manje ili više vjerno sačuvali.

1. Čisaonica.

U akademijskom Rječniku hrv. ili srp. jezika ima . v. *čisaonica* tumačenje te riječi prema Vukovu rječniku:[1] »tri ice u pasmu pređe« pa dalje: »Malo pasmo ima 20 čisaonica veliko 40; jedna čisaonica ima 3 žice.« Uz riječ ***чисаоница*** ima uk i oblik ***чисоница***, no nije zabilježeno uz oblike, odakle su, nego ovoreći uzgredice o čisaonici s. v. ***пасмо*** navodi on potvrde te mjere mena iz Srijema i Boke Kotorske; akademijski Rječnik ima još u Srijemu i Lici zabilježen oblik *čisanica* (s. v.). Da bude slika rasprostrajenosti ove mjere s tim imenom na području južnih Slavena potpuija, pribrane su dalje i ostale važnije potvrde.

Narod je poznaje pod varijantama: *čisonica* i *čisanica* — Otoku (Slavonija),[2] ***čisanjica*** — u Šaptinovcima (Slavonija).[3]

---

[1]) s. v. **чисаоница** i **пасмо**.

[2]) Zb N Ž II, 298. — U posljednjem se obliku potvrđuje i u Cerni (Slavonija. — Kršnjavi I.: Listovi iz Slavonije, Zagreb, 1882, str. 57.).

[3]) Ivšić S.: Šaptinovački govor (Rad jugosl. akad. 168.) str. 115.

čišanica — u Varošu (Slavonija),[1]) *čisenica* — u zapadnoj Posavini,[2]) *čišmenica* — u Lici,[3]) *čiznica* ili *čismenica* — u Poljicima (Dalmacija),[4]) *čismenica* — u Hercegovini,[5]) **чишаница** — u Zaplanju (Srbija),[6]) **четница**[7]) ili **четникъ**[8]) — u zapadnoj Bugarskoj. Svuda ova imena označuju skup od tri niti bilo prediva (na pr. na motovilu), bilo tkiva (na pr. u osnovi ili u gotovoj tkanini, napose kad se u njoj broje niti kad vezenja).[9])

Pored južnih Slavena daju obilno potvrda za ovu mjeru Rusi. Tako u Velikorusa ima za 3 niti ime: ***чисменка, чисмёнка, чисмянка, чисмяница, чисменица, численка.***[10])

U Malorusa se također potvrđuje: ***чисниця***[11]) pa onda napose i u Hucula: ***чисниця.***[12])

Treba dodati, da se sporadično javlja i mjerenje osnove tom istom mjerom ali prema pretincima dotično zupcima u brdu. Tako u Velikorusa ***чисменица*** znači po tri »въ моткѣ нитокъ и въ основѣ ткацкой зубокъ« [13]) a isto se to nahodi i u Bugara.[14]) Ovakav je način mjerenja osnove zacijelo bio razlog, da je nastalo tu i tamo nekoliko izuzetaka u broju niti čisaonice, gdje se tim imenom označuje skup od četiri niti, kako svjedoče velikoruske potvrde: »4 оборота« ili »два гнѣзда« [15]) a tako i jedna hrvatska iz zapadne Posavine.[16]) Moglo je to nastati tako, što se za određene vrste tkiva uvode kod snovanja po dvije niti u prostor među dva zupca brda, pa su se po dva takva prostora (»zuba«) uzimali kao prirodna veća jedinica mjerenja te su u čisaonici na taj način

---

[1]) Zb N Ž XXIV, 211. Ovaj se oblik navodi za Slavoniju bez potanje oznake i u M. Stojanovića: Slike iz domaćega života našega slavonskoga naroda (Neven, Zagreb, 1856.) str. 82.

[2]) Iz autorovih bilježaka (sela Letovanić, Selišće, Budaševo, Vezišće).

[3]) Hefele F.: Naši domaći obrti, Sisak, 1896, str. 6.

[4]) Zb N Ž IX, 211.

[5]) Glasnik zem. muzeja za Bosnu i Hercegovinu XVIII, 394.

[6]) Zb N Ž V, 105.

[7]) Сб Н У XVIII, 103.

[8]) Геровъ, Рѣчникъ на бълг. яз. — Пловдивъ, 1895—1904 s. v.

[9]) Tako na pr. u Otoku (Slavonija); isp. Zb N Ž VII, 358.

[10]) Даль, Толковый словарь живого русс. яз. — Скт. Петерсбг. Москва, 1903—1909 s. v. числа.

[11]) Грінченко, Словарь украïн. мови. — Киïвъ, 1907—1909 s. v. — 4 potvrde.

[12]) Шухевич В.: Гуцулщина II, 151 (Материяли do украïнсько-руськоï етнольогiï IV.).

[13]) Даль, o. c. s. v. числа. — Jednako i s. v. пасмо.

[14]) Сб Н У l. c.

[15]) Даль, o. c. l. c.

[16]) Iz vlastitih bilježaka.

obuhvaćene četiri niti.[1]) Kako su to tek izuzeci, ne mogu da utječu na konačni sud o ovoj mjeri. A taj se dade iz svega prikazanoga izvesti i formulirati u tom: da se najmanja slavenska mjera prediva i tkiva, s nazivom izvedenim od korijena **čьt* — sa značenjem 'brojiti', a obuhvaćajući tri niti, može zbog potpunoga slaganja između južnih i istočnih Slavena odrediti kao praslavenska, poznata u dohistoričko slavensko doba ako ne svim ograncima, a ono bar spomenutim dvjema skupinama.

2. Pasmo.

Dok su primjeri za čisaonicu samo sa rečena dva slavenska područja, potvrde za dalju veću mjeru — *pasmo* — nahode se u svih ogranaka bez izuzetka. Osim podudaranja u nazivu ima i toliko suglasnosti u veličini ove mjere, da se i tu može izvesti sud o općenoslavenskoj veličini pasma.

Uz riječ *пасмо* ima Vuk u svom rječniku objašnjenje: »malo pasmo ima 20 čisaonica (jedna čisaonica ima 3 žice), a veliko 40« nadovezujući, da se ne sjeća, gdje je u narodu čuo, da se tako mjeri. Pored toga navodi ondje za Srijem, da malo pasmo ima 10 čisaonica (veliko ima ih 100). Dalje potvrde sa područja južnih Slavena, gdje se *pasmo* sastoji od određenoga analognog broja čisaonica, mogu da se navedu: iz Hercegovine — pasmo u osnovi ima po 10 čišmenica = 30 niti;[2]) iz Poljica — jednako;[3]) iz Like — pasmo ima 20 čišmenica = 60 niti;[4]) iz zapadne Posavine — pasmo u rašku pređe ima 20 čisenica a u osnovi 10 čisenica;[5]) iz Hrv. Zagorja (Lobor) — pasma ima 5 pramica po 12 niti = 60 niti;[6]) iz Samobora (Hrvatska) — u osnovi ima 60 niti (10 pramenova po 12 niti tvore 2 pasma);[7]) iz Varoša (Slavonija) — u osnovi ima 10 čišanica.[8])

Uz ove potvrde treba da se nadovežu takove, gde je mjera brojem niti identična kao u gornjim navodima, tek joj je naziv drukčiji, dok naziv *pasmo* označuje dalju veću mjeru ili nije uopće

---

[1]) Mjerenju osnove prema zupcima u brdu ima jedna analogija iz Bosne, gdje se navodi, da se osnova mjeri s pomoću niti (nićenica), jer tu imadu i ime brojila. Isp. A Rj. s. v. brojila.

[2]) Glasnik zem. muz. za Bosnu i Herc. l. c.

[3]) Zb N Ž IX, 211.

[4]) Hefele l. c.

[5]) Iz vlastitih bilježaka (sela kao gore).

[6]) Zb N Ž XX, 248.

[7]) Zb N Ž XVII, 78 (v. citat 1 na str. 665).

[8]) Zb N Ž XXIV, 212.

potvrđen. Tako se nahodi u Otoku (Slavonija) *desetina* kao mjera od 10 čisonica = 30 niti (a *pasmo* je ime mjere od 6—10 desetina = 180—300 niti);[1] u osječkom kraju ima 60 niti prediva ime *novčić* (dok *pasmo* označuje skup od 6 novčića);[2] u zapadnoj Bugarskoj *глава* je naziv za 10 *четници* = 30 niti (*пасмо* označuje mjeru od 16 *глава*).[3]

Paralelno prema ovim potvrdama u južnih Slavena stoji ih čitav niz u ostalih; jedne, koje se kao istovetne posve prislanjaju uz već navedene, a druge, koje se od posljednjih manje ili više odvajaju, pa ih treba napose objasniti.

Potpuno se podudara s gornjima najviše primjera s ruskoga područja. Tako je u Velikorusa *пасмо, пасмецо, пасменка, пасма* — 10 чисменокъ по 3 зуба или оборота (= 30 niti).[4] 10 численокъ одна *пасма* (= 30 niti),[5] 20 чисм. по 3 оборота 1 *пасма* (= 60 niti),[5] 15 чисм. по 4 нитки (= 60 niti),[4] zatim također: мѣстами 40 чисменокъ *пасма*, въ 120 нитокъ,[6] 30 чисм. по 4 оборота = 120 нитей.[4] — U Malorusa imadu potvrde: чисниця = 3 нитки или $^1/_{10}$ *пасма*,[6] dakle pasmo i tu ima 30 niti, a tako se jednako potvrđuje napose i za Galiciju (okrug starosambirski, selo Mšanec)[7], dok se u istočnoj Galiciji javlja određena varijacija prema dvije vrste rašaka (motovila). gdje u jedne vrste »одно *пасмо* мае 60 нитокъ« a u druge »мае лише 30 нитокъ«, dok pasma brojena u nitima (nićenicama) na stativama obuhvataju 60 niti;[8] u Hucula se jednako broji: 10 чисниц на 1 *пасмо* (= 30 niti).[9]

I u Velikorusa ima potvrda, da se mjera ove veličine naziva drugim imenom: *пучокъ*, jer je »въ пасмѣ 4 пучка, въ пучкѣ 20 чисмениць по 3 нитки«, te prema tome ovdje *пучокъ* označuje obično pasmo od 60 niti, a ime je *пасмо* prešlo na dalju veću mjeru (od 240 niti).[10]

Među posve jednakim primjerima s poljskoga područja bilježi se, da »trzydzieści omotanych nici przypada na jedno *pasmo*,

[1]) Zb N Ž II. 298.
[2]) Караџић, Српски рјечник. — Београд. 1898 (III. изд.) s. v. новчић.
[3]) СбНУ, l. c.
[4]) Даль, o. c. s. v. пасмо.
[5]) o. c. s. v. числа.
[6]) Грінченко, o. c. s. v. чисниця.
[7]) Материяли до укр.—рус. етнольогії VI. 24.
[8]) o. c. III, 14. i 19.
[9]) Шухевич l. c.
[10]) Даль, o. c. s. v. пасмо, u dva maha.

które się przewiązuje«,[1]) da se ono dijeli »na nici, których bywa 30 lub 60«[2]) a potvrđuje se napose i za samih 60 niti.[3])

Od čeških potvrda, što se ovamo prislanjaju, pokazuje potpunu analogiju primjer, gdje »5 chodův činí svazek 120 nití neb dvě *pásma*«[4]) pored drugoga slučaja, gdje se navodi pod istim imenom ista veličina (60 niti), ali bez značajne komplikacije (v. niže) kao ovdje.[5]) Inače se mjera ovoga opsega naziva tu i drugim imenima; tako u Moravskoj namotavaju predivo »v *kopy* nití ... po 60 nitkách«[6]) drugdje je zovu *chod* i »v *chodu* má býti 30 nití«,[7]) naročito u osnovi, gdje »má dva půlchody po 15 nitích«,[7]) a osim toga i *pramen*, koji »může míti ... 30 ... nití či ... 15 ... párů«[8]) pa se i ova dva posljednja primjera svojim brojem niti mogu ovamo svrstati.

Iz svih se dosadašnjih podataka razabira, da se podudaraju međusobno u opsegu — obasežu 30 resp. 60 niti, a najveći dio njih uza to i u imenu — pasmo. Sve su ove srodne potvrde iz cijeloga pribrana materijala skupljene ovdje namjerice u jedan niz s osobita razloga, koji će se na završetku objasniti, a tako i odnos među veličinama od 30 i 60 niti i povod, što se uporedo navode.

Pored dosada prikazane građe o pasmu nahodi se u određenih slavenskih plemena i veći niz primjera, gdje se istim ovim imenom, ili drugim kojim (*chod, pramen, gonk, малька*), označuju analogne mjere, no brojem niti sad manje sad više različne od dosadašnjih. Ponajviše su te diferencije malene, no to je upravo odlučno, kako će se po obrazlaganju njihovu vidjeti. Sistematski pregled i objašnjenje ovih posljednjih omogućit će stvaranje jasnijih zaključaka iz čitave građe o ovoj mjeri, napose kad se stave u poredbu s gornjim nizom suglasnih navoda.

Među tim se ostalim materijalom najvećma ističe broj od 20 resp. 40 niti u pasmu. Takovih potvrda ima dosta u Čeha: »čtenik má 10 *velkých pásem* po 40 nitích nebo 20 *malých pásem* po 20 nitích«[9]) a pored toga »*pramen* může míti 20 ... až 40 nití

---

[1]) Świętek J.: Lud nadrabski. Kraków, 1893, str. 18. — Jednako i Linde, Słownik języka polskiego. — Lwów, 1854—1860 (2. wyd.) s. v. pasmo.

[2]) Wisła VII, 292.

[3]) Karłowicz, Słownik gwar polskich. — Kraków, 1900—11 s. v. pasmo.

[4]) Kott, Česko-německ. slovník. — Praha, 1878—93 s. v. chod.

[5]) N V Č IV, 74.

[6]) Moravské Slovensko I (Národopis lidu československého I), str. 302.

[7]) Kott, o. c. s. v. chod u Dodatku.

[8]) o. c. s. v. tkadlcovství.

[9]) o. c. s. v. předeno.

5 či 10 . . . až 20 párů«[1]) — »20 nití namotaných kolem motáku činí *pásmínko*, 40 nití *pásmo*«[2]) — »20 párů čili 40 nití dává *chod*«[3]) — »(*pasmo*) nebo *pásímko* = 40 nití«[4]) — »na motovidle 20 nití se béře za *pásmo*«[5]) — a napose je pasmo »po 40 nitích . . . na horách zvykem«[6]) — »motovidlem motá se na *čteníky* po 40 nitích«.[7])

Uz ove se češke navode nadovezuju lužičkosrpski; tako je u donjolužičkih Srba *pasmo* »das Gebind von 40 Faden«,[8]) a pored ovoga se veća mjera *sčenik* sastoji »von 10 Gebind mit 40 Faden grobes Garn«, dok se za razliku od posljednje sastoji *motk, motej(d)lo, motylo* »von 20 Gebind mit 40 Faden feines Flachsengarn«,[9]) gdje u ovima posljednjima »Gebind« očito supstituira ime i pojam pasmo.

U poljskom se leksičkom materijalu može također da nađe istih ovakovih potvrda; tako je »*pasmo* = 40 nitek oddzielne przewiązanych«.[10]) U svezi s ovim treba da se navede i litavska analogija, gdje je naziv *põsmas* preuzet bez sumnje iz poljskoga jezika a s njim zajedno i veličina mjere, koja je i tu »eine Einheit von 40 zusammengebundenen Faden von der Länge eines Haspels«.[11])

U red ovih potvrda — kako se razabira odreda sa područja sjeverozapadne slavenske skupine — ide nekoliko samo ruskih, jedna od njih posebno značajna. Među već citiranim podacima navodi se pasmo kao »*талька* въ 40 нитокъ«,[12]) a pored toga se razlaže, da vlasteoke (u jaroslavskoj guberniji) »на пасма не считаютъ, а мотаютъ на тальку, . . . 40 нитокъ перевязываютъ и ето *перечетина*«, gdje je opet *перечетина* na mjestu pasma; ima napokon i potvrda, da je »*пасмо* 80 нитокъ (40 оборотовъ)«.[13])

Da se može razabrati odnos ove mjere prediva i tkiva od 20 resp. 40 niti prema pređašnjoj (od 30 — 60 niti), potrebno b

---

[1]) o. c. s. v. tkadlcovství.
[2]) o. c. s. v. pásmínko. — Analogno i s. v. pásmo.
[3]) o. c. s. v. tkadlcovství.
[4]) o. c. s. v. pásmo.
[5]) Český lid, V, 133. — Analogno i Bartoš: Dialektol. slovník s. v. pásmo (za tkivo užega platna).
[6]) Časopis vlast. spolku musejního v Olomouci 1910, str. 159.
[7]) Český lid IX, 164.
[8]) Zwahr, Niederlausitz-wendisch-deut. Wb. — Spremberg, 1847, s. v. passmo.
[9]) o. c. s. v. motasch.
[10]) Karłowicz, o. c. s. v. pasmo.
[11]) Kurschat, Wb. der litauischen Spr. — Halle, 1870—74 s. v. põſmas
[12]) Даль, o. c. s. v. пасмо.
[13]) Sve s. v. пасмо.

bilo najprije taknuti pitanje o starini dotično o izvoru njezinu. No odgovor na to pitanje — ako i ne bude možda definitivan i izvan svakoga prijepora utvrđen — dobit će više jasnoće i jamačnosti, ako se izvede u svezi s objašnjavanjem izvora i nekim drugim varijacijama mjera ove vrste.

U zapadnih se Slavena javlja gdjegdje mjera od 32 (resp. 64) niti. Potvrde se mogu ovdje navesti tri češke: jedna, gdje je »*chod* míval 32 niti«,[1]) druga značajnija iz folklorske građe: »Při tkání plátna místo *chodů* jsou *pasma* (64 niti)«[2]) za razliku od pamučnoga tkiva, gdje je mjeri ime *chod* i sistem je mjerenja drukčiji, a treća, koja opet svjedoči, kako su se ovi nazivi mjera već prema prilikama prenosili i mijenjali, jer »Do *pásma* hrubé příze počítají se 4 *chody* po 2 *pramenech* o 8 nitích. Má tedy pásmo 64 nitě«.[3]) Od poljskih pripada ovamo samo jedna, gdje »w sarganie[4]) musi być 16 szpul, i te 16 szpul tworzą $^1/_2$ *gonka* nici w osnowie.«[5])

Prema ovim malobrojnim navodima za mjeru od 32 (ili 64) niti obilnije su one, gdje pasmo obaseže 24 (resp. 12) niti. A i te su većinom sa zapadnoga slavenskog područja, kako su i gornje podatle.

Iz češke su građe primjeri, da »tkadlec snová dvanácti cívkami dolů a nahoru a těch 24 nití činí *chod*«[6]) — »*chod* má 12 cívkami snovan býti«[7]) — »na jedno *pásmo* berou i 24 niti«;[8]) analogni su poljski (svi starijega datuma): »na wielkie motowidło po 24 nici rachują«[9]) a i ovdje se mjera naziva *pasmo.*[10])

K ovima pripada i jedan sporadičan slučaj sa slovenskoga područja, gdje se pod imenom *pasmo* obuhvata samo »nekih 12 niti osnutka.«[11])

Djelomično valja ovamo svrstati i dvije već navedene hrvatske potvrde — iz Samobora i Lobora,[12]) gdje se pasmo od 60 niti

---

[1]) Kott, o. c. s. v. chod u Dodatku.
[2]) Český lid IV, 41.
[3]) N V Č IV, 30 (iz Češke Třebove).
[4]) Stalak, sa koga teku niti na snovaču.
[5]) Wisła XIX, 6.
[6]) Kott, o. c. s. v. chod u Dodatku.
[7]) o. c. s. v chod.
[8]) Český lid V, 133. — Slično i Bartoš, Dialektologický slovník s. v. pásmo.
[9]) Linde, o. c. s. v. motowidło.
[10]) o. c. s. v. pasmo. — Slično i Kolberg, Lud V (Krakowskie I), str. 184.
[11]) Pleteršnik, Slovensko-nem. slovar. — Ljubljana, 1894—95 s. v. pasmo.
[12]) Citati 6. i 7. na str. 657. — te 1. i 2. na str. 665.

sastoji od pet manjih jedinica po 12 niti. Ti karakteristični primjeri usko vežu ovu posljednju skupinu s prvom, zasebno obrađenom, a i unutrašnja sveza njihova ne mora da bude slučajna, jer pripadaju jednakom sistemu brojenja. Tek za slučaj, da se dokaže, da su to samo kompromisi s mlađim, općeno raširenim brojenjem s 12 jedinica, sveza ne bi bila organička.

Imade napokon među građom i takovih primjera, koji bi se teže dali svrstati kamo među grupirane potvrde, pa i ako su osamljeni, potrebno ih je navesti već zbog potpunosti; a nađe se i u njih pogdješto karakteristično. Tako se navodi za Boku Kotorsku pasmo od 7 čisaonica ili 21 niti, a za Srijem pored maloga pasma od 30 niti i veliko od 100 čisaonica = 300 niti.[1]) Istim se imenom *pasmo* naziva i u Otoku (Slavonija) mjera, koja obuhvata 6—10 *desetina* (ova po 30 niti), u svemu dakle 180—300 niti,[2]) pa bi se ovamo moglo nadovezati i pasmo iz osječkoga kraja (Slavonija), koje tamo broji 6 *novčića* (po 60 niti),[3]) dakle 360 niti. U Zaplanju (Srbija) ima *пасмиħ* 30 čisanica ili 90 niti.[4]) Svakako bi se između ovih navoda oni s 90, 300 i 360 niti dali najlakše svrstati k prvoj skupini.

Pribrana ova građa, koja će se moći jamačno još i popuniti nezapaženim ili nepristupnim zabilježbama, već je dovoljna za izvođenje potrebnih obrazlaganja i daljih zaključaka, u prvom redu o provenijenciji i načinu postanja mjera, skupljenih u ovoj drugoj skupini. — U svih se tih mjera razabira jedno zajedničko obilježje: one gotovo sve služe mjerenju tkiva osnove (naročito kod samoga snovanja), kako se vidi iz citata, koji su zbog toga i navođeni svuda pojedinačno čitavi. Po tome sasvim prirodno stoji u uskoj unutarnjoj svezi broj njihovih niti s načinom snovanja. A u velikoga je dijela Slavena, napose u onih, u kojih se nahode citirane potvrde, raširen značajan jedan način snovanja osnove, poznat i većini njihovih susjeda, sad kao jedini, sad pored drugoga, primitivnijega i bez sumnje starijega (vidi o njemu dalje). Ovaj se tehnički savršeniji način snovanja sastoji u tome, da se predivo za osnovu nalazi namotano na »cijevima« (mosurima), a njih imade određeni broj na posebnu stalku, gdje su na prijećkama nanizane (po dvije redovno jedna do druge). Sa svake od njih teče nit najprije kroz svoju zasebnu rupicu u osobitoj daštici s drškom (često ta sprava ima, na pr. u južnih Slavena, i ime *daščica*).[5]) Prošavši sve niti kroz svoje rupice dolaze tako skupljene u pramen[6])

---

[1]) **Караџић**, o. c. s. v. **пасмо**.
[2]) Zb N Ž II, 298.
[3]) **Караџић**, o. c. s. v. **новчић**.
[4]) Zb N Ž V, 105.
[5]) Na pr. u hrv. Posavini (iz autorovih bilježaka).
[6]) Njemački je naziv ovoj daštici zbog toga Lesebrettchen; noviji je termin ad hoc stvoren Fadensammler. Ispor. W. v. Kimakowicz-Winnicki: Spinn- und Webewerkzeuge, Würzburg, 1910.

na okretnu snovaču. Tu se osnova tvori nizanjem i polaganjem jednoga ovakova pramena uz drugi, tako da jedan pramen, pričvršten na svom ishodištu navrh snovače, teče u spirali okretanjem snovače prema donjem kraju, a odatle opet natrag obrnutim smjerom prislanjajući se uz već položeni pramen do ishodišta. Sasvim prirodno čine takva dva pramena (dok se opet počne isti posao s ishodišta nanovo) u osnovi jednu mjernu jedinicu. I po tome i veličina ove mjere stoji do toga, koliko ima rupica u daštici za snovanje resp. koliko cijevi s predivom na pomenutom stalku. Broj im nije na području srednje i istočne Evrope svuda jednak, no pokazuje se u tom ipak neka određena konsekvencija i tradicija.

Već i sam primitivniji način snovanja bez daštice (s kočićima, pobodenim u zemlju ili na klinovima u zidu ili plotu) obilježuje često broj 12; toliko ima i niti u pramenu, kojim se snuje, pa se odmotavaju sa 12 klubaka. A toliko upravo imade i rupica u daštici za snovanje i »cijevi« na stalku u gore pomenutim slučajevima iz sjeverozapadnih krajeva Balkana. Kako prema rečenom dva takva pramena čine u osnovi mjernu jedinicu, objašnjeni su ovim primjeri pasma od 24 niti (pa i oni, gdje je broj niti mnogokratnik broja 12, o kojima v. niže).

No jednako se nahode i snovaće daštice s drugim brojem rupica (jamačno ne preko 32),[1]) pa tako nastaju analogno citirana pasma od 32, 64 niti i napokon ona najbrojnije potvrđena u cijeloj drugoj skupini, sa 20 resp. 40 niti (s pomoću daštice sa 10 dotično 20 rupica i prema tome udešenim stalkom s cijevima); indirektno o tome za navedenu grupu svjedoči i zabilježeno shvaćanje, da su sastavljena od dvije polovice, koje odgovaraju pomenutim pramenima niti (ispor. češki primjer, gdje *půlchod* ima 10 resp. 20 niti).

Iza ovako objašnjena načina postanja ove vrste mjera ostaje još da se objasni, odakle kod Slavena takav način mjerenja same osnove. O tome se u ovaj čas zbog nedostatka posebnih studija dade tek malo kazati, no i to može da bude ovdje dovoljno, upućujući na pravac daljem istraživanju. — Značajno je prije svega, da se gotovo sve mjere ove grupe nahode u zapadnim slavenskim područjima (u Slovenaca, sjeverozapadnih Hrvata, Čeha, lužičkih Srba, Poljaka), pa se zbog toga prva nameće pomisao, da treba

[1]) N V C IV. 4. ima zabilježeno, da u snovaćoj daštici može da bude rupica od 20 do 32. — Isp. za 16 njih citat 5 na str. 661, za 15 citat 7. i 8. na str. 659.

na tom teritoriju srednje Evrope ili pravije: u naroda, kojih je utjecaj sa zapada ili sjevera Evrope dopirao do Slavena, tražiti izvore i ishodišta širenja takovu načinu mjerenja. — Ove mjere prema tome — što se dade razabrati i iz obrazlaganja iznesene građe — i ne bi bile iskonske slavenske,[1]) već u Slavena preuzete kao starija kulturna svojina susjednih naroda. Zamisao o širenju razloženoga načina mjerenja sa zapada prema istoku podupiru i neke već navedene, naoko neznatne činjenice, koje na ovom mjestu treba i napose spomenuti. Istaknuto je tako u jednom ruskom citatu, da vlasteoke jedne od zapadnih gubernija Rusije mjere osnovu pasmom od 40 niti, dakle mjerom iz druge skupine.[2]) To očito znači, da se u načinu mjerenja razlikuju od tradicije nižih slojeva tamošnjega naroda, i dalje: da ta mjera ne će prema tome biti ondje narodna tradicionalna, već zacijelo unesena odrugud i preuzeta zaonda još samo u krugovima vlasteoskim. Ta se ista misao učvršćuje i nekim nazivima iz ove skupine, gdje u Poljaka odaje jasno tuđu provenijenciju ime *gonk* (= njem. *Gang*), a i češko *chod* nije jamačno samonikao narodni naziv, već tek prijevod istoga njemačkoga *Gang*. Jer inače se nigdje na slavenskom području nije našla nijedna potvrda izvornoga nazivanja pasma prema hodu ovamo onamo kod snovanja osnove. A ipak je taj način snovanja, koji upravo izaziva ovakav naziv, u velikoga dijela Slavena poznat (snovanje na klinovima u zidu, plotu ili na osobitim vertikalnim stupovima za tu svrhu).

Izvođenju ispravna suda o provenijenciji i starini ovih mjera u Slavena pridonosi i nekoliko karakterističnih slučajeva, gdje su se našle zajedno u određenom odnosu mjere različnih veličina: pasmo veličine prve skupine prema kojoj veličini druge skupine. Takav je na pr. odnos u navedenom češkom primjeru,[3]) gdje po 5 pramenova (chodův) od 24 niti tvore 120 niti ili dva pasma. a posve analogno, nastalo bez svake sumnje nezavisno od ovoga posljednjega, nahodi se i u jednoj hrvatskoj potvrdi (iz Samobora), gdje se također radi o pasmu sa 60 niti, a obrazlaže se, da se osnova snuje tu s pomoću *špriklice* — daštice s 12 rupica — dakle pramenom pređe od 12 niti, pa »kad ona (t. j. pređa) prođe

[1]) Bar veći dio njih. O onima, gdje se radi s jedinicom od 12 niti, teže je to isto reći, jer je ova po svemu sudeći općenija slavenska (kao i već spomenuti s njom vezani prosti način snovanja), no ima s druge strane razloga, da se ni te ne izuzmu (v. dalje str. 665).

[2]) Citat 13 na str. 660.

[3]) Citat 4 na str. 659.

deset puta po snovači, to su onda odmjerene dvije pasme.«[1]) I analogno mjerenje u Hrv. Zagorju,[2]) gdje prema citatu 5 *pramica* po 12 niti tvore pasmo od 60 niti, prislanja se uz gornja dva primjera.

U svim ovim slučajevima, koji su sporadični po svom kombiniranom načinu mjerenja pasma, jamačno je jedinica od 12 niti, premda se kao kvocijent od 60 može da zamisli i posve organički s njom vezana, ipak s posljednjom zasebno dovedena u odnos, koji je imao za rezultat kompromis: obuhvatanje, na prvi pogled možda bezrazložno, u jedan mah dvaju pasama (po 60 niti) u nekoj većoj jedinici od 120 niti, sastavljenoj od 10 manjih jedinica po 12 niti, resp. 5 njih po 24 niti. Ovaj se način brojenja ne će moći zamisliti drukčije protumačen nego težnjom, da se upravo mjerna jedinica od 60 niti svakako održi u skladu s drugom od 12 resp. 24 niti. A to znači, rekavši ono, što u ovim slučajevima nije eksplicite rečeno, već samo implicite sadržano u načinu, kako se kompromis očitovao: da pasmo od 60 niti ovdje ima jamačno određeno obilježje prioriteta — ono je tu mjera, koja se nastoji održati, pa se gotovo osjeća, kao da je neki prežitak u pomenutom češkom primjeru.

Za stvaranje završnih izvoda o starini, izvoru, pa imenu i veličini pasma u Slavena već je dovoljno građe prikazano, pa se jezgra tih izvoda dade već lako i nazreti. No prije toga treba da se pažnja svrne još jednoj činjenici, koja se kroz sav materijal stalno ponavljala kao karakteristika veličine pasma pa je namjerice obrazloženje njezino ostavljeno za posljednje.

Kod navođenja sabranih podataka o pasmu u velikom se broju primjera nije navodila samo jedna veličina mjere već po dvije i to vazda u omjeru 1 : 2, a redovno s oznakama malo i veliko pasmo (30 : 60 niti, 20 : 40, 32 : 64 i sl.), pa budući da je taj pojav tako općenit, traži, da se i kod njega zastane i pokuša naći mu povod.

Bez sumnje je velika vjerojatnost uz pomisao, da je izvor takovu dvostručenju pasma u ovome: materijal, koji se za predenje upotrebljava (lan, konoplja, vuna) posve je prirodno sada finiji, lakši, sada grublji, teži, pa takovo bude i izvedeno predivo. A to dovodi do potrebe, da se razlika u debljini i težini prediva izrazi i u mjerama. U potvrdu ovakovu objašnjavanju te činjenice mogu

---

[1]) Citat 7 na str. 657.
[2]) Citat 6 na str. 657.

da posluže i neki direktni dokazi. Tako se u donjolužičkih Srba razlikuju pače tri veličine motovila (kao mjere za predivo, v. niže): *motk* obaseže 20 pasama (po 40 niti) finoga lanenog prediva, *ščenik* — 10 pasama gruboga a *polternik* — 15 pasama srednjega takova prediva.[1])

Povod razlikovanju velikoga i maloga pasma može da bude pored toga i u duljini samoga motovila, na kojem se kod motanja pasma broje, a ono prema svjedočanstvima iz nekih krajeva nema samo jednu stalnu duljinu, već može da bude veće i manje.[2])

Uzrok diferenciranju lako bi naposljetku bila i sama težnja, da se pored veće mjerne jedinice zbog osobite koje potrebe može služiti i manjom, a u omjeru, koji je najprirodniji i najprostiji — 1 : 2.

Ima na kraju da se prikaže još jedna karakteristika pasma, ako se među pribranim materijalom i ne ističe tako znatno, no ipak je općena. Među podacima susreće se često zabilježeno, da je pasmo skup niti, odjelito povezanih kakovim povezom, vrvcom ili niću. Tako je na pr. prema jednoj starijoj ruskoj potvrdi pasmo »небольшая прядь нитокъ или дѣли, перевязываемая особливою ниткою«,[3]) prema drugoj poljskoj ono »się przewiązuje«,[4]) u Otoku (Slavonija) »svako se pasmo za se sveže«[5]) i to na motovilu, dok se u Poljicima (Dalmacija) to isto čini u osnovi,[6]) a Vuk navodi i ime toj vrvci: *пасмењача*;[7]) jednako se to nahodi i u Čeha i Slovaka, pače se i u njih bilježi posebno ime tome povezu: *pásemnice, pásmice, pásmička*,[8]) *pásmica, pásminka.*[9]) Već prema ovim podacima samim, koji bi se mogli još i daljima popuniti, može se vezanje pasma osobitim povezom utvrditi kao općenoslavensko, jer se nahodi u različnih ogranaka još i danas (pored toga, što se susreće i u drugih, naročito indoevropskih naroda).

Na kraju svih objašnjavanja uz prikazanu građu o pasmu preostaje da se skupi u kratku sintezu sve znatnije, što se moglo utvrditi, a to bi bilo: da pored manje ili više ograničenih i sporadičnih mjera ove vrste, što se javljaju u pojedinih slavenskih

---

[1]) Zwahr, o. c. s. v. motasch i sczenik.

[2]) Tako u kraju oko Sunje (hrvatska Posavina); iz vlastitih bilježaka.

[3]) Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка. Скт. Петерсбургъ, 1867, s. v. пасмо.

[4]) Świętek J.: Lud nadrabski. Kraków, 1893, str. 18. — Jednako i u citatu 10 na str. 660.

[5]) Zb N Ž II, 298.

[6]) Zb N Ž IX, 211.

[7]) o. c. s. v.

[8]) Kott, o. c. s. v. (i s. v. pasmo).

[9]) Loos, Wb. der ung., deut. und slovak. Spr. — Pesth, 1869—71 s. v.

ogranaka, postoji još i danas jedan općenoslavenski tip ove mjere s imenom *pasmo*, obasežući 60 resp. 30 niti u skupu[1]) povezanu redovno kao mjerna jedinica povezom i tim odjelito obilježenu u predivu, a označenu još i diferencijalnom oznakom — zamačno vrlo stara datuma — »veliko« i »malo«, kad se javljaju obje veličine uporedo.

Uzevši pak na oko sve ove činjenice nema smetnje, da se utvrdi i ova mjera s netom prikazanim obilježjima i imenom kao kulturno dobro Slavena još u doba praslavenske zajednice.

3. Predeno (motovilo).

Dalja veća mjerna jedinica prema pasmu je uvijek njegov mnogokratnik, kako je i pasmo mnogokratnik broja niti u čisaonici. Naziva ima i ovdje u različnih slavenskih ogranaka po više, no među tima se ipak ističu kao općeniji *predeno* i *motovilo* pa i *motak*.[2]) U broju niti diferencije su među pojedinim ovim mjerama dakako na oko nerazmjerno veće nego kod pasma, jer se radi o mnogokratnicima manjih razlika između različnih pasama koje se tim i same uvećavaju.

Ona množina prediva, što se namota na motovilo (ili rašak) ima u nekih Hrvata i Srba ime *rašak*, tako u Lici, gdje obaseže 20 pasama (po 60 niti, u svemu dakle 1200 niti; dijeli se u 2 *polutka* po 10 pasama)[3]) — u Varošu (Slavonija), gdje ima 5—6 struka (po najviše 70 čišanica = 210 niti,[4]) u svemu prema tome 1050—1260 niti) — u hrvatskoj Posavini naziv *predeno*, a obaseže 20 pasama (po 60 niti, u svemu 1200 niti)[5]) — u Otoku (Slavonija) ime *motak*, sa 5—6 otočkih pasama (otočko pasmo 180—300 niti, dakle u svemu između 900 i 1800 niti)[6]) — a u osječkom kraju ima *paradźik* 6 pasama (tamošnje pasmo 360 žica, dakle 2160 žica).[7])

---

[1]) To je očito navodilo sa semaziologijske strane Miklošiča, da postavljajući etimologiju za *pasmo* (EW s. v.) traži svezu s ahd. *fasa*, nhd. *Faser*.

[2]) Stoga su prva dva kao zajednički termini najvećma i opravdani za opću upotrebu, pa su tako stavljeni i u natpis.

[3]) Hefele, o. c. l. c.

[4]) Zb N Ž XXIV, 211.

[5]) Iz autorovih bilježaka (sela Letovanić, Selišće).

[6]) Zb N Ž II, 298.

[7]) Караџић, o. c. s. v. новчић. — Ima i podataka o ovoj mjeri, gdje se ne da utvrditi, koliki je broj niti, pa se samo potpunosti radi navode: u Srijemu »vele, da meću najviše 8 pasama« u motovilo, a pored toga i »nije određeno, koliko pasama ide u motovilo ni u parče pređe« (Караџић, o. c. s. v. пасмо), pa se zbog toga i velike razlike tamošnjega maloga i velikog pasma (v. citat 1 na str. 662) ne može valjano odrediti opseg. Jednako je nesigurno

U Bugara se ta velika mjera prediva zove *мотовила, шестак, гран(ка), пасмо, повѣсмо, мандулъ,*[1] a obuhvata 16 *глава*. Kako *глава* može da ima prema nađenim potvrdama 30 pa 120 niti (a u motovilu možda i 60), to bi ukupni broj niti ovdje bio 480 ili 1920 (dotično 960).

U Slovenaca se ovakova mjera također potvrđuje s imenom *predeno,*[2]) koje prema jednom podatku bez oznake broja niti ima »na motovilu pet špul«.[3])

Od istočnih je Slavena poznaju općenito Velikorusi, u kojih »*мотокъ* на мотовилѣ называется *пятиною*« a *пятина* obaseže 5 pasama po 4 пучка, svaki ovaj po 60 niti, dakle ukupno 1200 niti.[4]) Nahodi se osim toga u njih i *мотовило, мотокъ* od 5 pasama (po 60 niti) — u svemu sa 300 niti.[5])

U Poljaka se potvrđuje *łokiet* od 20 pasama (po 24 niti, t. j. 480 niti)[6]) i *motek* s 18 pasama (po 30 ili 60 niti — prema tome s 540 ili 1080 niti),[7]) pa *talka* sa 20 pasama po 40 niti (= 800 niti),[8]) *przędziono (prządziono, — onko)* sa 40 pasama (bez potanje oznake broja niti)[9]) i *przedzienko* s 20 pasama.[10])

U donjolužičkih Srba ima *motk* ili *motylo, motej(d)lo* 20 pasama (po 40 tankih niti, u svemu 800 niti), *sčenik* 10 pasama (po 40 debelih niti, ukupno 400) i *polternik* 15 pasama (po 40 srednjih niti — 600 niti).[11]) Za gornjolužičke Srbe se navodi samo potvrda, da *dwanak* obaseže 12 pasama (bez oznake broja niti),[12]) pa bi mogao da se ovamo uvrsti.

Sa češkoga područja ima podataka, značajnih imenom i veličinom a i tim, što se među pasmom i ovim stepenom mjere nalazi još interpolirana i posredna mjera *čteník* ili *loket'*. Pod imenom *přadeno* (*předeno, přadénko, přadénce* i drugim glasovnim vari-

---

i za neke krajeve Bosne, gdje ili nije točno poznat broj niti u pasmu, ili broj pasama u motovilu varira — bude ih 5, 10 ili 20 (Zb N Ž VI, 107 i XIX, 342).

[1]) Геровъ, o. c. s. v. пасмо.

[2]) Pleteršnik, o. c. s. v.

[3]) Zb N Ž X, 153.

[4]) Даль, o. c. s. v. пасмо.

[5]) o. c. s. v.

[6]) Linde, o. c. s. v. pasmo. — Jednako i Kolberg, Lud V (Krakowskie I), str. 184.

[7]) Wisła VII, 292. — Pod imenom *przędzionko* navodi se sa 18 pasama na motovilu po 30 niti i u Świętka o. c., str. 18.

[8]) Prema rječniku Karłowiczevu s. v.

[9]) Linde, o. c. s. v.

[10]) Karłowicz, o. c. s. v.

[11]) Zwahr, o. c. s. v. motasch i sčenik.

[12]) Pfuł, Łužiski-serb. słownik. — Budyšin, 1866, s. v.

jantama) obuhvataju se redovno 3 *čteníka*, svaki po 10 ili 20 pasama i to 10 velikih po 40 niti ili 20 malih po 20 niti, prema tome *čteník* u svemu s 400 niti a *přadeno* s 1200.[1]) Pored toga ima i primjera za přadeno sa 2 čteníka[2]) dakle 800 niti, ali takovo se označuje kao *přadeno malé*.[3]) Po jednoj potvrdi iz kraja, gdje pasmo broji 24 niti, ima *přadénko* 60 pasama tanke pređe ili 30 debele (dakle u svemu 720 ili 1440 niti)[4]) a nahodi se ova mjera i sa 12 ili 14 pasama po 60 niti (ukupno 720 dotično 840 niti).[5]) *Pradeno* poznaju i Slovaci.[6])

Tim su pocrpeni iz pristupna materijala potrebni podaci, kako se razabira oskudniji nego kod čisaonice i pasma, ako se i ne da dokučiti, radi čega su zapisivači ovoj mjeri manje pažnje priklanjali. Zbog toga je razloga i izvođenje konačna općena suda o njoj otegoćeno većma nego kod čisaonice i pasma. Pored diferencija u nazivima, od kojih su etimologički gotovo svi jasni i stvarno ne prave zapreka, znatna su smetnja velike razlike u broju niti kod ove mjere, kad se traže općeni i zajednički momenti. Razlog je tome u činjenici — što je već napomenuto — da je predeno uvijek u određenom odnosu prema pasmu kao njegov mnogokratnik, bilo pasmo dotičnoga sistema mjerenja kakove mu drago veličine. I tako se prepletenost i razlike u sistemima mjerenja, što su već utvrđene kod pasma, očituju još i uvećane kod predena.

No i unatoč tomu može se iz ovoga gradiva prilično jasno razabrati, da tu ipak ima podloga za izvođenje suda općenoga značenja o predenu. Jer bez obzira na one navode, gdje broj niti ove mjere može varirati između dvije granice i nije točno određen, i bez obzira na one, gdje je opseg bez analogije, osamljena potvrda, pojavljuju se na sasvim različnim područjima takova podudaranja u ukupnom broju niti, kojima se ne može poreći, da su općenoga značenja: predeno broji 1200 niti (tako u Rusa, Hrvata i Čeha). To više, što slične kongruencije nema ni za jednu drugu veličinu među građom.

A ta je veličina upravo ona, koja bi se bila dala i samim logičkim zaključivanjem već unaprijed postaviti kao općenoslavenska

---

[1]) Kott, o. c. s. v. pásmo i tkadlcovství. Jednako tako sa 1200 niti potvrđuje i N V Č II, 149.

[2]) o. c. s. v. pásmo i přadeno.

[3]) o. c. s. v. čteník.

[4]) Český lid V, 133.

[5]) Moravské Slovensko I (Národopis lidu československého I) str. 302.

[6]) Loos, o. c. s. v.

iz samoga onoga, što je utvrđeno kao općenoslavenska karakteristika pasma. Kako je predeno na svaki način mnogokratnik pasma, trebao bi da i njegov općeni slavenski opseg bude mnogokratnik općenoga slavenskog opsega pasma — a 1200 jest doista mnogokratnik pasma od 60 (resp. 30) niti, i k tome upravo onoliki mnogokratnik, koliki je pasmo od 60 niti mnogokratnik čisaonice (20 puta).

Kako je tim s dovoljno razloga prikazano i predeno kao općeno slavensko, pa se ovim svojim opsegom prirodno nadovezuje uz općene slavenske tipove pasma i čisaonice i glatko vrsta u njihov sistem mjerenja, opravdano je, da se i ova mjera pored dvije spomenute označi kao kulturna svojina Slavena još u doba praslavenske zajednice, kojom su se uz prve dvije služili, kao najvećom, za mjerenje resp. brojenje prediva na motovilu. Kao mjera za tkivo ona nije gotovo nigdje potvrđena, pa bez sumnje nije tome od postanka nikada ni služila, o čemu svjedoče i sama njezina imena. — Određena neka rezerva, koja je ovdje uza ove zaključke još ipak potrebna, naročito zbog oskudnijega materijala kao podloge za zaključivanje, još je većma opravdana, pokuša li se odrediti i zajedničko praslavensko ime toj mjeri, jer od tri naziva: *predeno*, *motovilo* i *motak*, koja se istovetno susreću u različnih ogranaka slavenskih, nijedno danas ne preteže tako, te bi se moglo istaći kao glavno ili jedino općeno i prema tome kao praslavensko. Nije nemoguće, da su još u dohistoričko doba za oznaku ove mjere služila i dva od njih uporedo, ili možda i sva tri.

*

Potrebno je bilo, da se u ovakovoj obradbi prikažu prema mogućnosti sve slavenske mjere prediva i tkiva, pa da se isred različnih tipova mjera i sistema brojenja, čistih i isprepletenih, samo od sebe odvoji po svojoj markantnosti ono, što je potom u zaključnim izvodima označeno kao općenoslavensko, a zatim da se analognim metodom, kako je i kod drugih praslavenskih kulturnih starina, produži takovim mjerama kontinuitet unatrag sve do vremena praslavenske zajednice, na što je ovdje upravo postavljeno težište.

Čisaonica, pasmo i predeno očituju se kao povezani članovi istoga logično izgrađena sistema brojenja. Razbira se, kako je taj sistem to čistiji ondje, gdje nije vezan ni o što posebno, a to je sámo predivo na motovilu namotano, dok se lakše pomijera i gubi tamo, gdje dođe u ma koju svezu s kakovim osobitim načinom rada

ili drugim načinom brojenja, što se moglo događati kod mjerenja osnove, gdje način snovanja znade doći s njim i u koliziju (isp. sprijeda o snovaćoj daštici). Bez sumnje je primarnija sveza ovoga načina brojenja sa samim predivom na motovilu, koja je poslije analogno zahvatila i osnovu, dok tome nije bilo zbog primitivnosti snovanja smetnje. No poslije, kad se način snovanja usavršavao i mijenjao, pa se zbog toga s vremenom za nju fiksirao kompromisni ili posve drukčiji način brojenja, mogao je lagano i ovaj noviji, tada već učvršćeni način mjerenja tkiva prevladati stari način mjerenja prediva, pa ga istisnuti, kako to i svjedoče neki citirani primjeri. I kod mnogih će ovakovih slučajeva prema tome biti opravdano, da se za stariji nedohvatni period suponira stariji sistem mjerenja, o kom je ovdje upravo govor.

Dok se za mjere, koje su objašnjene kao jamačno stranoga izvora kod Slavena, a svakako mlađega datuma, jasno može konstatirati, da pripadaju sad davnom indoevropskom sistemu dekadskom, sad sistemu vigezimalnom, ili da tvore gdješto i zasebne, sasvim sporadične tipove, pomenute se tri mjere reprezentiraju kao članovi seksagezimalnoga sistema. Očituju se kao takove i onda, kad se uzmu sami njihovi brojevi o sebi: 3, 12, 30, 60, 120, 1200 — a i onda, kad se uoči, kako se one ovdje ili ondje shvaćaju i razlažu, tako te bude na pr. 60 niti = 5 × 12 niti, ili 5 × 24 niti = 120 niti = 2 pasma po 60 niti i slič.

Za seksagezimalni je sistem ovim dovoljno pouzdano utvrđeno, da je dobro poznat i Slavenima, pače da su se još u dohistoričko doba njim služili i da prema tome mora da je tradicija toga sistema u njih veoma stara. A redovno se drži, da mu u Slavena ima jedva tragova, za koje bi se moglo reći, da su njihova pradavna svojina.[1] Po ovome se moraju onda i Slaveni vrstati među one ogranke Indoevropljana, za koje su se već sa sigurnošću iznosili stari elementi seksagezimalnoga sistema kao prežici, od kojih su mnogi doživjeli i današnje vrijeme: napose uz Grke, Rimljane i Germane. I dok se u Grka ovaj sistem nazire već u Ilijadi i nastoji prikazati na pr. u različnim socijalnim uredbama pa onda naročito u tvorenju imena brojeva (od 60 dalje), u Rimljana i Germana isto tako u tvorbi ovih imena[2]) — dotle se sa Slavenima ovdje nije računalo,

[1]) Janko J.: O pravěku slovanském (Praha 1912), str. 123.
[2]) Hirt H.: Die Indogermanen (Strassburg, 1905. — 7.) II. 536. — Schrader O.: Reallexikon der idg. Altertumskunde (Strassburg, 1901.), s. v. Mass i Zahlen.

jer se jamačno smetalo s vida područje njihovih vlastitih domaćih rukotvorina, u kojem se taj sistem tako žilavo vezao uz produkte predenja i do danas se dobro održao.

Općeno mišljenje, da bi trebalo izvor seksagezimalnom sistemu u Indoevropljana tražiti kod Babilonaca a put prenošenja naročito na području trgovine među njima, protegnut će se prema tome i na Slavene. A ova karakteristična sveza seksagezimalnoga sistema brojenja s produktima predenja ne će biti možda bez značenja i kod nastojanja, da se osvijetli način zalaženja i put njegov među Indoevropljane, napose kod pitanja, kako se širio na sjever, koje posljednje naglašava i H. Hirt.

Niz posebnih pitanja: kako i kada su se s ovim sistemom upoznali sami Slaveni, o povodu, te je ovako usko vezan uz predivo i tkivo — i drugih sitnijih, što se uz ova nadovezuju, moći će se obraditi, kad se utru putevi tome posebnim studijama i o ostalim mjerama i načinima brojenja u Slavena (tako na pr. o brojenju žita u klasu, gdje također ima tragova seksagezimalnom sistemu), kao i u ostalih Indoevropljana i plemena, s kojima su dolazili u doticaj, koliko to još nije izvedeno.

Zagreb.

Milovan Gavazzi.

Kritiky a referáty.

R. Trautmann: **Baltisch-Slawisches Wörterbuch.** Göttingen (Vandenhoeck u. Ruprecht) 1923 in 8, VII-382 p.

Le livre de M. Trautmann répond à un besoin. Il n'existe actuellement aucun dictionnaire étymologique du slave ni du baltique. Le dictionnaire étymologique du slave de M. Berneker est bon; mais, depuis la guerre, la publication en est suspendue, et l'on n'a que la première moitié. Le dictionnaire du lette de Mühlenbach a une partie étymologique, aussi bonne, due à M. Endzelin: mais l'ouvrage loin est encore d'être achevé; le dictionnaire lituanien de Būga risque de ne pas dépasser le premier fascicule. Un lexique où l'on puisse trouver les rapprochements valables entre baltique et slave, d'une part, indo-européen, de l'autre, était attendu. et M. Trautmann a rendu un service en publiant son livre. Sans doute, on pourra faire mieux quand le dictionnaire lette de M. Endzelin sera fini — en attendant, M. Endzelin a critiqué sur quelques points le livre de M. Trautmann. dans F i l o l o g u b i e d r ī b a s r a k s t i, IV (Riga, 1924), p. 100—101. Mais M. Trautmann donnera alors une nouvelle édition de son lexique qui aura déjà rendu d'immenses services. M. Trautmann est un comparatiste sûr, et son livre peut être consulté avec confiance même par ceux qui ne peuvent le critiquer à fond eux-mêmes. Il faut le louer de s'être tenu aux rapprochements certains ou très probables et d'avoir laissé tomber les étymologies douteuses dont on s'encombre souvent d'une manière si fâcheuse et si peu utile.

Ceci posé — et c'est le principal — je voudrais discuter à deux points de vue la position de l'auteur.

M. Trautmann pose des originaux balto-slaves et c'est sous ces formes restituées qu'il faut chercher les mots baltiques et slaves expliqués. Ceci ne facilite pas la consultation de l'ouvrage qui, pour des raisons d'économie, n'a pas d'index. Mais on y gagne d'avoir une idée nette de la façon dont M. Trautmann restitue le balto-slave. Et plus que bien d'autres auteurs. M. Trautmann se représente les formes indo-européennes initiales d'une façon précise. Il est permis cependant de trouver qu'il ne va pas encore assez loin à ce point de vue. L'étymologie indo-européenne ne sera fondée vraiment que le jour où, derrière chaque rapprochement, on se représentera des mots indo-européens entièrement définis. Par leur vague les simples rapprochements de racines sont la plaie de l'étymologie indo-européenne.

On ne gagne pas grand chose à rapprocher le nom slave de la ‚boue' *kalŭ* de mots signifiant ‚noir', comme skr. *kālaḥ*, ou ‚ténèbres', comme lat. *cāligō*. Un article récent de M. Lüders, dans l'*Ἀντίδωρον* dédié

à M. Wackernagel a déja éliminé skr. *kālaḥ*. Le lat. *cālīgō* ne vaut pas mieux. Il n'est pas sûr que le *π* de ion-att. *πηλός*, dor. *παλός* repose sur **kʷ*; mais si l'on doit expliquer sl. *kalŭ*, c'est à ce mot grec, identique par le sens et par la forme, qu'il faut penser d'abord. Le lat. *squālus*, *squālidus* vient confirmer le rapprochement. On restitue ainsi un mot indo-européen précis. Du reste, il est difficile de voir comment M. Trautmann pose le vocalisme des mots indo-européens qu'il rapproche ici. Beaucoup de linguistes oublient volontiers que le vocalisme indo-européen se meut dans un cadre étroit et rigide.

P. 116, lit. *kándu* ‚je mords' est expliqué par un prototype *kāndō*. Dans la notation de M. Trautmann ceci doit indiquer un ancien *konədō*, avec amuissement normal de *ə* et intonation rude consécutive. Le sl. *kǫsŭ* ‚morceau' indique un ancien *k* (car M. Trautmann n'écarte pas le rapprochement de sl. *soxa* avec skr. *çākhā*, arm. *çax*; v. p. 297). Alors il faudrait renoncer à rapprocher skr. *khādati* ‚il mord, il mange'. De toute manière, il faut écarter gr. *κνώδοντες*, qui a un *κ* initial, et où il est malaisé de ne pas voir, d'une part, *κνάιω*, de l'autre *ὀδόντες*, soit que ce soit l'étymologie réelle du mot, soit que la forme actuelle soit due à une étymologie populaire, ce qui est sans doute la vérité. On ne peut donc poser aucune forme indo-européenne, à moins d'écarter à la fois sl. **kǫsŭ* — dont le rapprochement n'est pas évident — et gr. *κνώδοντες* qui est très éloigné à tous points de vue. Il resterait alors d'une part lit. *kándu* et lette *kuôžu*, d'autre part skr. *khādati* et le persan correspondant; l'absence d'accord entre les formations du lituanien et du lette et la différence du vocalisme de l'indo-iranien indiquent un ancien présent athématique de la forme **khonəd-*: **khnəd-* (ou, autrement noté, **khn̥̄d-*). Comme le rapprochement est limité à deux langues, il est incertain malgré la précision à laquelle on arrive ainsi; mais le fait que les deux langues sont l'indo-iranien et le baltique, donc des dialectes voisins en indo-européen, vient appuyer l'hypothèse.

Si le slave conserve trace des deux formes indo-européennes **kʷotero-* et **kʷotoro-*, c'est à dire sans doute de la forme isolée et de la forme groupée avec un mot précédent, et n'a pas, comme le grec, généralisé l'un des deux types, c'est que le suffixe **-tero-/-toro-/-tro-* des adjectifs marquant opposition de deux s'y est éliminé et qu'il en est resté seulement des traces isolées: *jeterŭ* et *vŭtorŭ*. — On notera que av. *katara-* cité ici par M. Trautmann n'a pas d'existence propre: la forme iranienne est *katāra-*, et *katara-* est une forme abrégée qui se rencontre seulement là où un mot enclitique est joint.

On éprouverait ainsi le besoin de serrer de près les articles pour mettre en plus grande évidence la forme de chaque primitif indo-européen. Mais M. Trautmann a déjà fait beaucoup à ce point de vue.

Une critique qui porte plus loin est celle qui concerne l'hypothèse fondamentale. M. Trautmann admet qu'il y a eu un vocabulaire balto-slave. Or il faut convenir que son exposé bâti sur cette hypothèse aboutit à l'affaiblir. Qu'on ouvre le livre au hasard et l'on constatera que beaucoup de mots indo-européens conservés en slave n'ont pas de correspondants en baltique et que beaucoup de mots conservés en baltique n'ont

pas de correspondants en slave. Et, ce qui est plus frappant encore, là où les deux langues ont les mêmes mots, c'est souvent sous des formes différentes.

Les noms de nombre illustrent cette critique.

Le slave et le baltique ont, l'un et l'autre, éliminé l'anomalie indo-européenne qui consistait à fléchir les noms de 2, 3 et 4, et à laisser invariables les noms de 5 à 10. Mais le baltique s'est borné à donner aux noms une forme fléchie, ainsi lit. *penkì* en face de gr. *πέντε*; le slave, au contraire, a recouru à l'abstrait du type *pętĭ*. Il n'y a concordance que pour 10 où le slave et le baltique s'accordent à conserver le nom indo-européen de la ‚dizaine', **dek'm̥t-*. Les procédés diffèrentain si du tout au tout.

Le détail ne diffère pas moins.

Le slave et le baltique s'accordent à éliminer l'ancien nom de l'unité, qui, à l'état isolé, est conservé seulement en grec, en arménien et en tokharien, gr. *εἷς*, *μία*, etc. Mais le slave a un mot nouveau *jedinŭ*; le lituanien, comme le germanique et l'italo-celtique, a employé l'ancien mot signifiant ‚seul', soit v. pr. *ains* (le letto-lituanien a un *v* initial qui est énigmatique). Le slave n'ignore pas la forme correspondante: mais le sens indo-européen de ‚seul' y a persisté (le mot *inŭ* ‚autre', que M. Trautmann cite à côté, est sans doute à séparer; l'auteur est sujet à ne pas tenir assez compte des différences de sens).

Les ordinaux, v. sl. *prŭvŭ*, cf. skr. *pū́rvaḥ*, et lit. *pìrmas*, cf. got. *fruma*, ne concordent pas.

Pour ‚deux' et ‚trois' il y a concordance. Mais c'est qu'ici les langues divergent en général très peu. Cependant le lituanien a le collectif *dvejì* en face de v. sl. *dŭvoji*. De même lit. *añtras* cf. got. *anþar*, skr. *ántaraḥ*, ne concordent pas avec le v. sl. *vŭtorŭ*, cf. gr. *ἅτερος* (*ἕτερος*); on notera, en passant, que p. 11, M. Trautmann évite de se prononcer sur l'origine discutée de v. sl. *vŭtorŭ*.

Il est vrai que, en revanche, le baltique et le slave sont seuls à présenterle type lit. *abù*, v. sl. *oba*. Mais la concordance du gr. *ἄμφω* et du lat. *ambō* ne prouve pas une unité gréco-latine.

Pour ‚quatre', la quantité de l'*u* ne concorde pas dans lit. *keturì* et v. sl. *četyre*.

Une forme aussi ancienne que v. sl. *sedmŭ*, cf. gr. *ἕβδομος*, ne se retrouve pas en lituanien, où il n'y a que *sẽkmas*; il est vrai que *sẽkmas* peut avoir reçu la sourde de l'ordinal conservé, cf. lit. *septynì*: mais la différence subsiste. — La concordance de lit. *ãšmas* avec v. sl. *osmŭ* pourrait sembler frappante si l'action de ‚sept' sur ‚huit' n'était pas de date indo-européenne, au moins dialectalement; cf. skr. *aṣṭamáḥ*.

L'innovation observée dans lit. *deviñtas* et v. sl. *devętŭ* serait caractéristique si l'on n'avait le vieux prussien *newīnts*, qui montre que le passage de *n* à *d* n'est pas universel en baltique. Ici, comme à l'article ‚six', qu'il faut chercher p. 144, sous **kṣeš*, le prussien apporte un témoignage aberrant: le slave n'a rien de pareil à v. pruss. *uschts* „sixième" et à lit. *ušės*.

En dehors des noms de nombre, si l'on reste à cette page 144, on y trouve v. sl. *kŭde* qui répond à skr. *kúha*, av. *kudā*, tandis que lit. *kur̃* répond à arm. *ur* (qui n'est pas cité, à tort).

P. 145, la préposition sl. *ku* a un correspondant en indo-iranien, aucun en baltique.

Le lit. *kuriù* ‚je fais du feu' ne se rencontre pas en slave où l'on aperçoit seulement un causatif, tout secondaire, **kuriti*.

P. 119 et suiv., un ancien présent athématique indo-européen apparaît représenté par *kasù* en lituanien, par *češǫ* en slave.

Et en effet, les innovations, même semblables, ne concordent pas dans le détail: pour ‚genou', le lituanien a *kelỹs* et le slave *kolěno*. Quand certains mots indo-européens communs sont éliminés, les substituts sont tout différents: pour ‚pied', le slave a *noga* et le lituanien *kója*; pour ‚naître', le slave a *roditi sę* et le lituanien *gim̃ti*.

La différence de formation est frappante: le suffixe n'est pas le même dans lit. *gurklỹs* et sl. **gᵘr̥dlo* (v. sl. *grŭlo*) par exemple, dans v. sl. *kakŭ* et lit. *kõks* (gén. *kókio*), etc.

Le vocabulaire slave et le vocabulaire lituanien sont donc issus d'un même groupe dialectal à l'intérieur de l'indo-européen. Ils offrent beaucoup de traits communs provenant de cette identité d'origine à date indo-européenne: c'est ainsi que le lituanien a *dënà* et le slave *dĭnĭ*, que le lituanien a *ůlektìs* et le slave *lakŭtĭ*, que le lituanien a *ůsis* et le slave *jasenĭ*, etc. Mais les deux vocabulaires ont suivi leurs voies propres.

La conclusion à laquelle conduisent les rapprochements juxtaposés par M. Trautmann, n'est pas celle qu' annonce le titre. Mais on en voit l'intérêt. Or, l'auteur ne dissimule jamais ces divergences; et si les faits indiquent une conclusion différente de celle qui est préférée par lui, rien n'est fait pour en masquer le caractère réel.

Ce livre est un excellent instrument de travail. Voici plus d'un an que je l'utilise journellement, et plus je l'ai utilisé, plus je l'ai apprécié.

Paris. *A. Meillet.*

A. Meillet et Mme H. de Willman-Grabowska: **Grammaire de la langue polonaise.** Collection de grammaires de l'Institut d'Études slaves. I. Paris 1921. Librairie Ancienne Honoré Champion, éditeur Édouard Champion, str. 222 in 8⁰.

Dawne to czasy, gdy w roku 1649 Francuz, rodem z Lotaryngji, Franciszek Mesgnien ofiarowywał Michałowi Kazimierzowi księciu Radziwiłłowi, »in usum exterorum« napisaną, swoją »Grammatica, seu institutio polonicae linguae, in qua etymologia, syntaxis et reliquae partes omnes exacte tractantur«. To samo pragnienie, — »le désir d'être utile aux étrangers qui désireroient connoitre une langue si digne d'inspirer le plus vif intérêt ...«, przyświecało w półtora wieku potem profesorowi uniwersytetu w Halle, Janowi Sewerynowi Vater'owi, autorowi wydanej w r. 1805 »Gramatyki uniwersalnej«, kiedy w r. 1807 ogłaszał swoją »Grammaire abrégée de langue polonoise«, Halle-Strassburg 1807. Nieco wcześniej wydał

»dla użytku cudzoziemców« swoją »Grammaire raisonnée ou principes de a langue polonoise...« ks. Trąbczyński. Ten sam cel miała na widoku Gramatyka polska, wydana po francusku przez ks. Onufrego Kopczyńskiego, p. n. »Essai de Grammaire polonoise pratique et raisonnée pour les Français«, Varsovie 1807.

Wiele od tego czasu upłynęło lat głuchej ciszy, bo życie wewnętrzne Słowian, a więc i język, ten najistotniejszy objaw kultury narodowej, małe budziły zainteresowanie na dalekim Zachodzie. Tę obojętność usunęła dopiero Wielka Wojna i stan rzeczy, jaki się w jej wyniku w powojennej Europie wytworzył. Założony w Paryżu Instytut badań słowiańskich podjął wydawnictwo »Collection de grammaires«, którego zadaniem ma być naukowy opis współczesnego stanu poszczególnych języków słowiańskich. Jako pierwszy numer tego wydawnictwa, ukazała się w r. 1921 wymieniona w naglówku »Grammaire de la langue polonaise«, w opracowaniu znakomitego lingwisty francuskiego, prof. Antoniego Meillet'a przy współudziale p. Heleny Willman-Grabowskiej. Plan książki i jej treść teoretyczna są dziełem prof. Meillet'a, przykłady ilustrujące należą do p. Willman-Grabowskiej. Ocena z natury rzeczy zająć się musi teoretyczną stroną opracowania.

Książka w 12 rozdziałach daje kolejny przegląd wymowy i najważniejszych właściwości pisowni (str. 3—11), wymian głosowych (str. 12—24), przedstawia w krótkim zarysie podstawy morfologji (str. 25—26), omawia główne zasady fleksji imion (str. 27—30), opisuje typy deklinacyjne rzeczowników (str. 31—55), przymiotników i zaimków rodzajowych (str. 56 do 64), właściwości deklinacyjne zaimków osobowych (str. 65), omawia użycie form deklinacyjnych (str. 66—89), daje przegląd deklinacji liczebników (str. 90—100), w dziale słowotwórstwa imiennego przedstawia najważniejsze przyrostki rzeczowników i przymiotników, omawia typy wyrazów złożonych i sposoby tworzenia przysłówków (str. 101—124), w morfologji czasownika daje przegląd form fleksyjnych i przedstawia system konjugacji polskiej, zwracając słusznie szczególną uwagę na formy t. zw. aspektu, czyli rodzajów czynności czasownika (str. 125—197), wreszcie w rozdziale ostatnim przedstawia najważniejsze właściwości zdania polskiego (str. 198—219), ostatnie trzy stronice (220—222) są poświęcone omówieniu szczególnych wypadków użycia wyrazów *pan*, *pani*, *panna*, *panienka* i form 3. osoby rozkaźnika w mowie kulturalnej.

Układ książki, jak widać z tego pobieżnego przeglądu, odznacza się przejrzystością, sposób przedstawiania faktów cechuje znana autorowi ścisłość i jasność, co jednak należy przedewszystkiem, jako wielką zaletę książki podkreślić, to to, że autor, opierając się na swej rozległej wiedzy lingwistycznej, umiał z nadzwyczajną precyzją z pośród opisywanych przez się faktów wydobyć te szczegóły, które stanowią charakterystyczną własność polskiego systemu gramatycznego i szczegółów tych nie omieszkał w nalyżyty sposób uwypuklić. To są niezaprzeczone zalety książki, które nazawsze pozostaną nieprzemijającemi jej wartościami. Jak jednak źródłem ich jest niewzruszona podstawa teoretyczna, rozległa wiedza autora i zalety ścisłości i przenikliwości jego umysłu, tak znowu wszystkie braki, zaznaczające się w przedstawieniu niektórych faktów, wypływają

z niedość pewnego opanowania praktycznej umiejętności języka polskiego. Z braków tych chcę tu wymienić tylko najważniejsze.

1. Niedokładnie opisana została w § 10 (str. 6—7) wymowa samogłosek nosowych. Autor pisze: »Devant une sifflante, ą et ę se prononcent à peu près comme *on* et *in* français: *wąs*, *kęs* se noteraient en français *vonse* et *quinse*«. Jest to przedstawienie niezupełne, a przeto niedokładne, bo samogłoski nosowe zachowują właściwe sobie brzmienie nietylko »devant une sifflante«, to znaczy, nietylko przed szczelinową przedniojęzykowo-zębową,[1]) lecz wogóle w pozycji przed każdą szczelinową, a więc także przed *w*, *f*, *ż*, *sz*, *ch*, nap. *wąwóz*, *polęże*, *drążek*, *ukąszenie*, *węch*, *wąchać*. Rozkład brzmienia samogłoski nosowej na samogłoskę ustną i odpowiedniej artykulacji spółgłoskę nosową następuje tylko przed zwartą i zwarto-szczelinową. (Por. J. Rozwadowski: Szkic wymowy (fonetyki) polskiej. MPKJ. I, 95 nn., T. Benni: Drobne spostrzeżenia z zakresu polskiego sandhi MPKJ. III, 87 nn., K. Nitsch: Kilka uwag o wymowie nosówek w polszczyźnie literackiej MPKJ. III, 293 nn. T. Benni: Opis fonetyczny jęz. pol. w Gram. polsk., wyd. przez Ak. Um.). Przy sposobności opisu wymowy samogłosek nosowych należało wspomnieć o analogicznem zachowaniu się grup głoskowych *on*, *om*, *en*, *em* w wyrazach cudzoziemskiego pochodzenia w położeniu przed szczelinową i w pozycji przed zwartą lub zwarto-szczelinową; tu również przed szczelinową słychać w wymowie samogłoskę nosową, nap. *anons* = [anǫs], *sens* = [sęs], tylko, że w takich wypadkach obok samogłosek [ǫ], [ę] zjawiają się także samogłoski nosowe o innych artykulacjach ustnych, a więc [ą], [į], [ų], [y̨], nap. *awans* = [aváąs], *tramwaj* = [trąvai̯], *winszować* = [vįšovać], *kunszt* = [kųšt], *rynsztunek* = [ry̨štunek]. Jest to właściwość, bardzo charakterystyczna dla wymowy polskiej, i należało ją bardziej szczegółowo omówić. (Por. St. Szober Kilka uwag o wymowie samogłosek nosowych w wyrazach obcych Pr. Fil. X, 59 nn.).

2. Na str. 9 w § 14 autor w ten sposób formułuje przebiegi upodobnienia spółgłosek: Devant une occlusive sourde, une occlusive ou une sifflante précédente tend à se prononcer sourde; devant une occlusive sonore, elle tend à se prononcer sonore . . .«. Przebieg ten daje się sformułować ogólniej i ściślej, mianowicie, że grupy spółgłoskowe, o ile w ich skład nie wchodzą spółgłoski półotwarte (płynne i nosowe), wymawiane bywają w języku polskim pod względem dźwięczności (lub bezdźwięczności) jednolicie, to znaczy dźwięcznie lub bezdźwięcznie, zależnie od charakteru ostatniej spółgłoski; wyjątek stanowią tylko te wypadki, w których ostatnie miejsce w grupie spółgłoskowej zajmuje spółgłoska *w* lub *rz*, wtedy bowiem o dźwięcznym lub bezdźwięcznym charakterze grupy spółgłoskowej rozstrzyga nie ostatnia, lecz przedostatnia spółgłoska grupy. Nietylko więc mamy tego typu przykłady, jak przytoczone przez autora

---

[1]) Autor, posługując się niezbyt dokładną terminologją francuską, nie zalicza spółgłosek *s z š ž* do szeregu szczelinowych (spirantes), lecz określa je terminami *sifflantes et chuintantes* (syczące i szypiące). Inaczej i ściślej postępuje A. Mazon w swojej »Grammaire de la langue tchèque« Paris 1921, który wprawdzie zachowuje dla *š ž* nazwę *chuintantes*, ale łącznie z *s z* zalicza je do wspólnej kategorji *fricatives* (str. 16—17). Zyskuje na tem jasność wykładu.

abka, kładka = fonet. [bapka], [kłatka] i *jakby, prośba* = fonet. [jagby], [prożba], lecz także takie, jak *chodźcie* = [χoćće], *jakże* = [jagże], *spieszże się* = [sp'eżże śe], *prośże* = [prożże], to znaczy, że czynny udział w upodobnieniu biorą spółgłoski nietylko zwarte, jak twierdzi autor, lecz wszystkie inne typy spółgłosek prócz płynnych i nosowych, a udział bierny w tych przebiegach fonetycznych jest własnością nietylko spółgłosek zwartych i »syczących«, lecz w równej mierze także zwarto-szczelinowych i »szypiących« (chuintantes).

3. Błędną jest treść § 16, gdzie autor powiada: »Devant les consonnes mouillées et devant *sz, cz, ż*, les consonnes sujettes à la mouillure sont aussi mouillées . . .« Zdanie to tylko w połowie jest słuszne, gdyż miękczenie spółgłosek przed *sz, cz* i *ż* nie jest dziś żywym zwyczajem wymowy polskiej. Spółgłoski *sz, cz, ż* są dzisiaj w języku polskim spółgłoskami twardemi, więc siły fonetycznej zmiękczania nie posiadają: dowodem tego są wyrazy tego typu, co *zszywać, sczepiać, zżymać* obok *ściąć*. Jeżeli tu i ówdzie w pozycji przed *sz, cz, ż* występują spółgłoski miękkie, to jest to albo pozostałością dawnej tradycji, albo w przeważającej liczbie wypadków wynikiem ustosunkowań fonetyczno-funkcjonalnych (psychofonetycznych), uzależnionych od skojarzeń morfologicznych; świadczy o tem przytoczony przez autora wyraz *wieńczyć*, utworzony od rzeczownika *wieniec* — *wieńca*, a nie, jak błędnie sądzi autor, od rzeczownika *wianek* — *wianka*.

4. W § 19 przy omawianiu ubezdźwięczniania spółgłosek dźwięcznych w absolutnym wygłosie opuszczono, prawdopodobnie przez niedopatrzenie, spółgłoski »szypiące« (chuintantes), a przecież i *ż, dż* na końcu wyrazów przed pauzą ulegają ubezdźwięcznieniu: *wąż* = [vąš], *gwiżdż* = [gvišč].

5. Właściwości polskiej fonetyki międzywyrazowej zastały przedstawione (str. 11 § 19) zbyt pobieżnie i niedokładnie. Można było w treściwym opisie szczegółów tych nie dotykać wcale, ale skoro zostały poruszone, należało je przedstawić dokładniej. Autor wspomina o dźwięcznej wymowie wygłosowej spółgłoski przed nagłosową samogłoską następnego wyrazu i przytacza jako ilustrujący przykład, wyrażenie *jak ojciec* = [jag ojćec] ale: 1. nic nie mówi, że to samo zachodzi w pozycji przed nagłosową płynną i nosową spółgłoską, nap. *nic nie mam* = [nidz ńe mam], *rok nadziei* = [rog nadźeji], *czas modlitwy* = [čaz modlitfy], a 2. nie zaznacza, że zjawisko to jest właściwe wymowie południowej i zachodniej, a więc krakowskiej i poznańskiej, natomiast w Warszawie spotyka się zjawisko wręcz odwrotne, to jest, bezdźwięczną wymowę wygłosowych spółgłosek w pozycji przed nagłosową samogłoską lub spółgłoską nosową albo płynną następnego wyrazu, a więc nietylko [jak ojćec], [rok nadźeji] = *jak ojciec, rok nadziei*, gdzie bezdźwięczna wymowa wygłosowej spółgłoski zgadza się z jej etymologicznem pochodzeniem i ortografją, lecz także [ruk ulicy], [buk abraχama], [kref naša] = *róg ulicy, Bóg Abrahama, krew nasza*, gdzie zgody tej niema.

6. Na str. 15 w § 24, gdzie jest mowa o wymianach, jakim ulegają między innemi spółgłoski *c, dz*, nie zaznaczono ważnego dla słoworództwa polskiego szczegółu, że spółgłoski te wymieniają się nietylko

z *cz, dż*, lecz także niekiedy same z sobą; należało więc obok szeregów *c : cz, dz : dż* przytoczyć także wymianę *c : c, dz : dz*: *chłopiec : chłopczyk, kolec : kolczyk*, ale *piec : piecyk, plac : placyk, koc : kocyk, kuc : kucyk; ksiądz : księżyk : księżyc*, ale *rydz : rydzyk*.

7. Przy opisie współczesnego stanu języku należało w § 25 obok wymian *sk : szcz, zg : żdż* wspomnieć także o wymianie *sk : sc, zg : zdz*: *łaska : łasce, polski : polscy, miazga : miazdze* i zaznaczyć, że wymiana ta, jako zjawisko wtórne, występuje w formach deklinacyjnych.

8. W § 31 niezbyt dokładnie została sformułowana zasada, określająca w dzisiejszem poczuciu językowem polskiem wymianę samogłosek *ę : ą*. Autor określa tę wymianę w sposób następujący: »Un *ą* suivi d'une consonne ou suivie, elle même, d'une autre consonne, est sujet à alterner avec *ę*.« Sformułowanie to jest słuszne tylko w części: dla zjawiania się *ą* wystarcza istotnie pozycja przed dwiema spółgłoskami, ale tylko w środku wyrazu, nap. *ręka — rączka, pięść — piąstka, gęś — gąska*; natomiast na końcu wyrazu warunek położenia w zgłosce zamkniętej nie wystarcza, gdyż potrzebna jest jeszcze okoliczność dodatkowa, żeby zgłoska była zamknięta spółgłoską dźwięczną, w przeciwnym bowiem razie występuje *ę*, nap. *wąż — węża*, ale *kęs — kęsa, krąg — kręgu*, ale *sęk — sęku, dąb — dęba*, ale *sęp — sępa*. Pozatem jednak trzeba zaznaczyć, że wymiana ta, utraciwszy dawno w poczuciu językowem w przeważającej liczbie wypadków swe dawne podstawy fonetyczne (stosunki iloczasowe), dziś w znacznej mierze uzależniona została od czynników morfologicznych i semantycznych. Tak, naprzykład, jako zasadę ogólną postawić można, że *ą* występuje w rzeczownikach zdrobniałych, bez względu na to, która z samogłosek nosowych występuje w pniu rzeczownika podstawowego, nap. *kęs — kąsek, krąg — krążek, dąb — dąbek, sęk — sączek, rząd — rządek, wąs — wąsik, kąt — kącik*. Są oczywiście tradycyjnie przechowywane wyjątki, jak *wąż — wężyk, pręt — pręcik*, ale odstępstwa te są tak nieliczne, że nie podważają ogólnej zasady. Wpływają tu także czynniki semantyczne, nap. *rząd — rządu* (władza, kierownictwo), ale *rząd — rzędu* (szereg), *pęk — pączek* (kwiatu), ale *pęk — pęczek* (wiązanka).

9. Na str. 20 w § 32 w przedstawieniu zjawisk, związanych z wymianą ilościową, t. zw. *e* ruchomego wkradła się bardzo poważna niedokładność. Autor powiada: »Si la consonne qui précède *e* est mouillée, elle est sujette à alterner avec la consonne non mouillée correspondante.« Jest to sformułowanie zbyt ogólne i dlatego w pewnych wypadkach nie odpowiada istotnemu stanowi rzeczy; przeczy mu już choćby jeden przykład, przytoczony przez samego autora, mianowicie wyraz *ćma* (obok *ciemny*), gdzie po zaniku *e* ruchamego zachowuje się miękkość poprzedzającej je spółgłoski (*ć*). Wiadomo bowiem, że w dzisiejszym stanie języka polskiego w wypadkach, o które chodzi, wymianie na odpowiednie twarde ulegają tylko spółgłoski wargowe, wargowo-zębowe, tylnojęzykowe i *ć, dź, rz*, przytem te ostatnie tylko w pozycji przed spółgłoską przednio-językową, mamy więc postaci fonetyczne: *pień — pnia, wieś — wsi, kiep — kpa, giez — gzu, kwiecień — kwietnia, dzień — dnia, orzeł — orła*, ale obok tego także takie oboczności, jak *goniec — gońca*,

kolec — *kolca*, *ździebłko* (w wymowie *ździepko*), *ździebełko* — *źdźbło*, *gędziebny* — *gędźba*, *swadziebny* — *swadźba*, *tasiemka* — *taśma*, *mięsień* — *mięśnia*, *więzień* — *więźnia*, *krztusiec* — *krztuśca*, *bodziec* — *bodźca*. — Zresztą sprawa w szczegółach jest dość zawiła tak, że nawet przytoczone tu zastrzeżenia nie obejmują wszystkich wypadków (nap. *sworzeń* — *sworznia*, gdzie *rz* pozostaje przed przedniojęzykowem *n*); świadczy to tembardziej przeciwko ogólnikowemu sformułowaniu autora. Nie można też uważać za trafne przytaczanie przykładu *ojciec* — *ojca*, bo oboczność ta wytworzyła się, jako zjawisko wtórne, a postać *ojca*, powstała z dawnego *oćca*, bynajmniej nie świadczy o twardnieniu spółgłoski, poprzedzającej *e* ruchome, lecz jest wręcz twierdzenia takiego zaprzeczeniem.

To są najważniejsze uwagi, jakie mi się nasuwały przy czytaniu dwich pierwszych rozdziałów, poświęconych wymowie (prononciation) i wymianom głoskowym (alternances). Słuszność ich jest, zdaje mi się, oczywista, i szanowny autor weźmie je pewno w rachubę przy opracowywaniu drugiego wydania swej pożytecznej książki.

Doskonałą charakterystykę najważniejszych właściwości deklinacji imiennej (flexion nominale) daje rozdział trzeci, poświęcony temu zagadnieniu, natomiast rozdział następny, omawiający formy deklinacji rzeczownikowej (déclinaison des substantifs) nasuwa znowu pewne zastrzeżenia. Wymienię z nich w kolejnem następstwie najważniejsze.

1. Sądzę, że skoro autor, omawiając w § 51 formy loc. sg. rzeczowników męskich, przytacza na str. 36. wypadki odstępstw od zasady ogólnej, należało wśród innych przytoczyć także wyraz *dzień*, który obok formy prawidłowej *w dniu* ma także postać *we dnie*, utrzymaną tradycyjnie w wyrażeniu *we dnie i w nocy*. Jest to, oczywiście, drobny szczegół, przytaczam go jednak w życzeniu, żeby następne wydanie »Gramatyki« było możliwie pełne i obejmowało fakty mowy codziennej.

2. Sądzę, że zasady, według których są rozgrupowane końcówki Nom. pl. rzeczowników męskich (str. 37—40), dadzą się ująć w bardziej proste formuły: za punkt wyjścia należy jednak brać dla rzeczowników osobowych nie końcówkę *-owie*, lecz końcówkę *-i*. Ta ostatnia bowiem jest w dzisiejszem poczuciu językowem normalnym wykładnikiem formalnym tego morfematu, natomiast końcówka *-owie* występuje tylko w pewnych, zresztą ściśle określonych, kategorjach, mianowicie, w rzeczownikach, oznaczających pokrewieństwo, godność lub zawód (*synowie, ojcowie, — panowie, wojewodowie, sędziowie, — budowniczowie* . . .). Przy takiem ujęciu sprawy nie potrzeba uciekać się do grupy luźnie z sobą związanych rzeczowników (»un certain nombre de mots isolés«).

3. Formy Gen. plur. rzeczowników męskich (§ 54) są, według mnie, przedstawione zupełnie fałszywie, bowiem rozgrupowanie końcówek, właściwych temu przypadkowi, nie ulega zupełnie wpływowi kategorji podrodzaju osobowego i nieosobowego, jak chce tego autor. Czynnik semantyczny jest tutaj zupełnie poza nawiasem, i sam autor przyznaje, że »les noms du sous-genre personnel dont le nominatif pl. est en *-e* admettent en partie, à côté du génitif pl. en *-ów*, un génitif pl. en *-i*« np. *kowali* obok *kowalów, pisarzy* obok *pisarzów*. Z drugiej strony w kategorji

rzeczowników nieosobowych »quelques-uns ont concurrement des formes en *-ów*« nap. *noży* obok *nożów*. Sformułowanie, podane przez autora, wywracają przytoczone przez niego przykłady. Nic w tem niema dziwnego, bo zasadą, rozstrzygającą o użyciu tej lub innej końcówki, jest tutaj czynnik nie semantyczny, lecz fonetyczny: rzeczowniki twardo-tematowe, wszystkie, bez względu na to, czy są osobowe czy nieosobowe, mają w Gen. pl. końcówkę *-ów (panów, chłopów, Polaków, — lasów, batów, wozów, płotów, dachów, domów, kominów* . . .), natomiast rzeczowniki miękkotematowe, również bez względu na swe znaczenie, mają w zasadzie końcówkę *-i (-y)*, nap. *gości, kamieni, śmieci, rupieci, gołębi, koni; koszy, rycerzy, pisarzy* . . . Moment ściśle fonetyczny ujawnia się tutaj tem wyraziściej, że te rzeczowniki miękkotematowe, których spółgłoska tematowa jest miękką tylko funkcjonalnie, ale fonetycznie jest dzisiaj spółgłoską twardą, a więc rzeczowniki z tematami na takie spółgłoski, jak *-c, -dz, -cz, -sz, -ż* otrzymują, na wzór rzeczowników twardotematowych, końcówkę oboczną *-ów*: *piszarzów — pisarzy, koszów koszy, wężów — węży*. Natomiast rzeczowniki o tematach miękkich nietylko funkcjonalnie, lecz i fonetycznie zachowują bez jakiegokolwiek wahania końcówkę *-i*, nap. *gości, śmieci, kamieni, gwoździ* . . . Jeżeli dochodzi tu do głosu zasada semantyczna, to tylko w rzeczownikach na *-ec*; wśród tych rzeczowników osobowe mają istotnie tylko końcówkę *-ów*, natomiast nieosobowe — końcówki oboczne *-ów -y*, nap. *chłopców*, ale *kolców — kolcy*. Oddziaływała tu oczyciście dysocjacja w stosunku do formy Nom. pl., który w osobowych ma również końcówkę *-y*. Zresztą trzeba zaznaczyć, że końcówka *-ów* zapanowała dziś prawie wyłącznie także w nieosobowych rzeczownikach na *-ec*. Tak więc teorja prof. Meillet'a o przeniknięciu systemu deklinacyjnego polskiego zasadą podrodzaju osobowego i nieosobowego tutaj nie może znaleźć objektywnego zastosowania.

4. Nie sądzę, żeby różnica między formami *słudzy* i *sługi* miała polegać na tem, że znaczenie formy *sługi*, jak chce tego autor, jest »plutôt collectif« (str. 54). Forma ta dla normalnego poczucia językowego polskiego albo jest równoznaczna z formą *służące*, t. j. wskazuje na członków służby płci żeńskiej, albo też, o ile ma charakter formy rzeczownika męskiego, to w przeciwstawieniu do formy *słudzy* wprowadza to samo zabarwienie znaczeniowe, jakie występuje w takich obocznościach, jak *panowie — pany, chłopi — chłopy* i t. p.

5. W przedstawieniu ogólnych zasad deklinacji przymiotników (§ 76) autor, niezgodnie z rzeczywistym stanem rzeczy, rozróżnia kategorje rodzaju męskiego (z właściwemi mu podrodzajami), żeńskiego i nijakiego nietylko w formach liczby pojedyńczej, lecz także w liczbie mnogiej. Gdzie jak gdzie, ale właśnie tutaj, w formach liczby mnogiej przymiotników tak chętnie podkreślana przez autora kategorja form osobowych i nieosobowych znalazła w dzisiejszej deklinacji polskiej swój najpełniejszy wyraz, bo tutaj te formy występują już nie w roli drugorzędnych podrodzajów, lecz w postaci samodzielnych kategoryj rodzaju męskoosobowego i rzeczowego. Umieszczenie tych kategoryj w ramach rodzaju męskiego, żeńskiego i nijakiego w zastosowaniu do form liczby

nnogiej przymiotników nie odpowiada faktycznemu stanowi rzeczy i jest vskutek tego sztuczne. Autor zresztą sam wyraźniej o tem mówi nieco iżej (na str. 68 w § 91). To samo da się powiedzieć o formach imiełowowych (cf. § 137).

6. W początkowym ustępie § 81 autor błędnie ocenia funkcję morologiczną takich wyrazów, jak *ciepło, wiadomo* w wyrażeniach *ciepło ni, nie wiadomo dlaczego.* To nie są dla współczesnego poczucia językowego przymiotniki, użyte w formie rzeczownikowej rodzaju nijakiego, ecz przysłówki, a najlepszym tego dowodem są takie analogiczne zwroty, ak *przyjemnie mi, dobrze mi,* gdzie nie może już być najumiejszej vątpliwości, że forma dawnego przymiotnika przeszła do kategorji morologicznej przysłówków. Historycznie autor ma zupełną słuszność, ale v przedstawianiu stanu aktualnego błądzi.

7. W przedstawieniu form zaimka anaforycznego (§ 85) oboczność orm z pniem *j-* i *ń-*, nie została uwypuklona wyraźnie; czytelnik, który poznaje język polski z książki, nie będzie wiedział, kiedy się niemi naeży posługiwać, bo że formy z pniem *ń-* bywają używane po przyimkach, zaznaczono zupełnie przygodnie przy przytoczeniu form Gen. sg. nasc. neutr. a rzecz wymaga bardziej dokładnego i jasnego wykładu.

8. Użycie form *mię, cię* w zdaniach przeczących, w takich zwrotach, ak nap. *nie spostrzegł mię, nie słyszę cię* nie jest, według mnie, odstępstwem składniowem, jak uważa autor (§ 100), lecz tłumaczy się v sposób prosty tem, że enklityczne formy *mię, cię,* wymawiane *mie, cie,* otrzymały w dzisiejszym języku znaczenie także Gen. sg. a stało się o możliwem dzięki temu, że forma akcentowana *mnie* spełnia funkcję Acc. sg. i Gen. sg. Jest to więc zjazwisko nie składniowe, lecz morfologiczne. W związku z tem należy zauważyć, że w najnowszym języku zaczyna objawiać się tendencja do używania formy *mię* (*mie*), także v znaczeniu Dat. sg., o czem świadczą takie, coraz częściej słyszane zwroty, jak nap. *on mie to mówił, on mie to dał* i t. p. I tutaj punktem wyjścia była forma akcentowana *mnie,* mająca funkcję Gen. Acc. i Dat. Forma *cię* (*cie*) znaczenia Dat. nie uzyskała, bo w zaimku tym formy akcentowane w Acc. i Dat. mają różne postaci, *ciebie* i *tobie,* natomiast Gen. zgadza się z Acc.

9. Nie przypuszczam, żeby autor miał słuszność, twierdząc (na str. 77 w § 100), że w zdaniu *nie było śladu* wyraz *śladu* »en réalité est un prédicat«. W istocie jest to podmiot, czego dowodzi zdanie twierdzące *był ślad.*

10. Składnia liczebników zbiorowych, tak charakterystyczna dla języka polskiego, została zobrazowana zbyt ogólnie i ułamkowo, a przeto niedokładnie (str. 98 § 112): autor ograniczył się tylko na stwierdzeniu, że »les noms de nombre collectifs sont en principe suivis d'un génitif pluriel)«. Ostatni wyraz wziąłem w nawias, bo, naprzykład, wyraz *państwo* używa się przy liczebnikach zbiorowych w liczbie pojedyńczej. Jest o jednak szczegół mniej znaczący, tem więcej, że autor rzecz formułuje ogólnie — »en principe«, ważniejszem natomiast jest to, że autor w sformułowaniu swojem pominął zupełnie konstrukcje, właściwe formom Dat. Loc., tutaj bowiem, wedle powszechnie panującej zasady, rzeczownik

nabiera wobec liczebnika zbiorowego samodzielności i zrywając konstrukcję rządu (rectio), przybiera formę nie Genitivi, lecz Dativi lub Locativi, nap. *obojgu rodzicom, o obojgu rodzicach, trojgu dzieciom, o trojgu dzieciach.* Przyczyną tego odstępstwa od zasady, panującej w innych przypadkach, jest właściwa formom Dat.-Loc. końcówka *-u*, którą poczucie językowe pomieszało z końcówką *-u* deklinacji liczebników głównych; ponieważ zaś tam w takich razach liczebnik łączy się z rzeczownikiem na podstawie zgody (kongruencji), więc i tutaj wbrew ogólnej zasadzie zamiast rządu występuje forma zgody.

To są najważniejsze uwagi, dotyczące morfologji. Z wielkiem dla autora uznaniem podkreślić z naciskiem należy, że dział, poświęcony analizie czasownika, zdawałoby się, najtrudniejszy i niewątpliwie najbardziej zawiły, został opracowany bez zarzutu. Autor z właściwą sobie jasnością wykładu zobrazował najważniejsze typy czasowników, wszędzie biorąc pod uwagę stosunek tematu czasu teraźniejszego do tematu bezokolicznika, i nie zadowolił się tylko ogólną charakterystyką tych typów, ale wszędzie ilustrował zasady licznemi bardzo przykładami, co dla cudzoziemskiego czytelnika, nie obeznanego dostatecznie z praktyką języka, polskiego ma wartość bardzo doniosłą. Na szczególniejsze wyróżnienie zasługuje jednak dział, poświęcony t. zw. rodzajom czynności (aspektom). Należy podziwiać prostotę, przejrzystość i jasność, z jaką przedstawione tu zostały zagadnienia, tak bardzo trudne i zawiłe dla cudzoziemców. Treściwy, ale również jasny i dokładny jest przegląd właściwości zdania polskiego.

Wobec tych rzetelnych zalet, uwagi, które nasunęły mi się przy rozpatrywaniu głosowni i fleksji, mają charakter drobnych szczegółów i w niczem nie pomniejszają istotnych wartości książki, która może być doskonałym przewodnikiem dla każdego, kto chce się zapoznać z budową gramatyczną języka polskiego.

Zakopane. *Stanisław Szober.*

Замѣтки о книгѣ С. М. Кульбакина: „Украинскій языкъ. Краткій очеркъ исторической фонетики и морфологіи." (Харьковъ 1919, 8⁰, IV+99 стран. : карта.)

Книга проф. Кульбакина представляетъ крупное явленіе въ литературѣ по изученію украинскаго языка за послѣдніе 5 лѣтъ. Въ „предисловіи" (стр. I—IV) авторъ объясняетъ мотивы предпринятаго имъ труда (отсутствіе научно составленныхъ пособій, стоящихъ на правильной безтенденціозной точкѣ зрѣнія) и выборъ терминологіи: употребляя оффиціальный терминъ „украинскій языкъ," авторъ считаетъ терминологію дѣломъ второстепеннымъ и стремится лишь къ тому, чтобы „существо дѣла — было представлено въ правильномъ съ научной точки зрѣнія свѣтѣ," а эта послѣдняя требуетъ признанія болѣе тѣсной связи украинскаго языка съ великорусскимъ, какъ потомкомъ общерусскаго или восточно-словянскаго праязыка, чѣмъ съ другими словянскими, т. е. признанія и украинскаго потомкомъ того-же восточно-словянскаго праязыка. Дѣйствительно, всякая терминологія неточна, и, если термину

„украинскій“ въ русской научной литературѣ привыкли придавать болѣе частное значеніе, какъ относящемуся къ южной, особенно юго-восточной, степной, области распространенія всего малорусскаго языка, термину же „малорусскій“ болѣе общее, противополагаемое значенію такихъ же терминовъ „великорусскій“ и „бѣлорусскій,“ то и термины „малорусскій,“ „Малая Русь“ первоначально имѣли гораздо болѣе узкое значеніе, относясь къ Галицко-Волынской землѣ, а народъ и тамъ предпочиталъ называть свой языкъ просто „руськимъ,“ пока не замѣнилъ его пришедшій съ востока терминъ „украинскій“ (український.)[1] Подробности о терминахъ „Малая Русь“ (*Μικρὰ Ρωσσία*) и „Украина“ можно найти кромѣ указанныхъ трудовъ академика А. Е. Крымскаго также въ статьѣ А. В. Стороженка въ „Трудахъ подготовительной по націон. дѣламъ коммиссіи,“ вып. 1, Одесса, 1919, стр. 53—56... Справедливо указываетъ авторъ и условность въ лингвистическомъ отношеніи терминовъ „языкъ“ и „нарѣчіе,“ что разсматривается въ I-ой части книги — „введеніи“ (стр. 1—13). Здѣсь подробнѣе говорится о взаимныхъ отношеніяхъ великорусскаго, бѣлорусскаго и украинскаго языковъ, которые являются нарѣчіями по отношенію къ обще-восточно-словянской языковой вѣтви. Проф. Кульбакинъ считаетъ общепринятымъ предположеніе прарусскаго языка, т. е. эпохи единства великорусскаго, украинскаго и бѣлорусскаго языковъ, возражая Смаль-Стоцкому и ссылаясь на рецензента его труда Лера (R. Slaw. VII, 75), на Шахматова („Україна“ 1914, 7—9, стр. 17—18)[2] и Ягича (Arch. XX, 33). И Леръ и Шахматовъ указываютъ, что аргументы, приводимые проф. Смаль-Стоцкимъ въ обоснованіе его мнѣнія о большемъ количествѣ чертъ сходства въ украинскомъ языкѣ съ иными словянскими, чѣмъ съ великорусскимъ, неубѣдительны, такъ какъ сопоставлены механически, безъ пониманія сущности и хронологіи языковыхъ явленій, случайные черты сходства; Ягичъ же считалъ безспорнымъ вопросъ объ исконномъ единствѣ **русскихъ нарѣчій или русскихъ языковъ**.

Мнѣ кажется, однако, что не слѣдуетъ придавать значенія безусловной точности теоріи „родословнаго дерева“: необходимо не упускать изъ виду, что пограничные говоры восточно-словянскаго праязыка на западѣ и югѣ могли уже издревле переживать зачатки тѣхъ языковыхъ явленій, которые въ историческое время характеризуютъ западно-словянскую и южно-словянскую языковыя области. Въ этомъ смыслѣ я предпочитаю говорить не о различныхъ вѣтвяхъ, выдѣлившихся изъ единаго прасловянскаго языка, а объ объединенныхъ рядомъ фонетическихъ и морфологическихъ признаковъ „языковыхъ областяхъ,“ примыкая въ этомъ отношеніи ко взглядамъ проф. Бодуэна -де- Куртенэ,[3]) при чёмъ отдѣльные общіе признаки діалектическихъ областей могутъ совпадать съ отдѣльными общими или частными признаками другихъ, различаясь въ подробностяхъ историческаго развитія. Но — какъ по-

---

[1]) А. Е. Крымскаго „Украинская граммат.,“ т. I, в. 1, с. 19, 20, „Нариси з історії української мові“, с. 89—90.

[2]) „До питання про початок української мови,“ с. 17—18.

[3]) См. напр. его „Kurzes Resumé der „Kašubischen Frage“ въ XXVI-омъ томѣ (1904) „Archiv für slav. Philologie“ с. 404.

нимать появленіе или древнее существованіе той или другой діалектической черты въ какой нибудь небольшой части цѣлой языковой области, другіе части которой характеризуются именно отсутствіемъ данной черты, требуетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ спеціального изслѣдованія: въ одномъ случаѣ это можно приписать заимствованію изъ говора сосѣдней языковой области, въ другомъ — общему переживанію въ извѣстную болѣе или менѣе отдаленную эпоху, въ третьемъ — совпаденію результатовъ разныхъ звуковыхъ процессовъ, въ четвертомъ — независимому развитію въ сходномъ направленіи вслѣдствіе сходства или тожества фонетическихъ условій. Такіе вопросы возникаютъ, напр., при сужденіи о бѣлорусскомъ и діалектическомъ великорусскомъ дзеканьѣ, о бѣлорусскомъ и сѣверно-малорусскомъ отвердѣніи мягкого *р*, о звуковыхъ сочетаніяхъ *гл*, *кл* въ говорахъ старой псковской области[1]) соотвѣтственно западно-словянскимъ *dl*, *tl*, о количественномъ и качественномъ измѣненіи *о* и *е* въ новыхъ закрытыхъ слогахъ въ малорусской языковой области, подобномъ такому же при тожественныхъ или сходныхъ условіяхъ, съ индивидуальными для отдѣльныхъ языковъ ограниченіями, въ языкахъ западно-словянской языковой области.

Въ томъ же „введеніи“ Кульбакинъ даетъ кое-какія свѣдѣнія по исторіи и діалектологіи украинскаго, о древнихъ письменныхъ памятникахъ — источникахъ и объ изученіи украинскаго языка (§§ 9—14).

Въ II-ой части разсматривается фонетика, а именно 1. звуковая система украинскаго языка въ отношеніи къ украинскому алфавиту, 2. гласные укр. языка въ отношеніи къ прарусскимъ гласнымъ (§§ 30—47, стр. 19—33), 3. Чередованія гласныхъ (§ 49, стр. 33—34, измѣненіе прарусскихъ формъ чередованій въ украинскомъ), 4. Согласные украинскаго языка въ отношеніи къ прарусскимъ (§ 50—65, стр. 34—45) и 5. количество и удареніе (§ 66, с. 45—46).

III-я часть (§§ 67—125, стр. 47—88) обнимаетъ морфологію,

IV-ая (§ 126—129, с. 89—91) — нѣсколько замѣчаній о словарѣ.

Въ концѣ приложенъ указатель украинскихъ словъ. Важнымъ достоинствомъ книги является и вставленная между странъ 2 и 3 карта украинскаго языка.

Конечно, со времени выхода въ свѣтъ книги Кульбакина успѣло пройти немало лѣтъ, пока явилась возможность написать что нибудь о ней. Но за этотъ срокъ вышло немало новыхъ пособій по изученію укр. языка, при чёмъ не только практическихъ, каково руководство О. Н. Синявського „Украинский языкъ“ (Книгоспілка 1923), но и историческихъ, каковы неудовлетворительный съ научной точки зрѣнія „Курсъ украинскаго языка. Изъ лекцій по исторіи укр. языка . . .“ проф. И. И. Огієнка (см. рецензію профессора Поливки въ „Slavia“, II, 1923, str. 125), хорошіе „Нариси з історії української мови“ Свенціцкого

[1]) Л. Л. Васильевъ въ Р. Ф. В. 1908 г. № 4; Н. М. Каринскій, „Языкъ Пскова и его области въ XV вѣкѣ“, с. 184—187, „Очерки изъ исторіи Псковской письменности и языка“ (П. 1916), 32—33; А. И. Соболевскій, „Важныя особенности старого Псковского говора“ (Р. Ф. В. 1909, 3—4, с. 232); А. А. Шахматовъ, Очеркъ древн. пер. рус. яз., 101.

ьвів 1920) и второе изданіе прекрасной и въ 1-омъ (Раштат 1918 г.) грамматики української мови" Василя Сімовича (Київ—Ляйпциг) и наонец „Нариси з історії української мови" (Київ 1922), представляющіе „короткий нарис історії укр. мови" акад. Олекс. Шахматова с. 5—86, ереводъ статьи покойнаго акад. А. А. Шахматова, помѣщённой въ II т. зданной подъ ред. Ф. К. Волкова книги „Украинскій Народъ въ его рошломъ и настоящемъ", 1916 г.), б) „Українська мова" . . . акад. гат. Крымскаго (Кримського), въ которой акад. Крымскій даетъ діаектологію и исторію укр. говоровъ и очеркъ литературныхъ языковъ аличины и Украины въ XIX в., на стр. 87—128, в) хорошую „хрестоатію з пам'ятників письменської старо-українщини XI—XVIII вв." тр. 129—182). Эти очерки, въ особенности статья Шахматова, предавляютъ почти единственное пособіе по исторіи украинскаго языка, акъ какъ ранѣе (въ Москвѣ 1906—1907 г.) вышедшая „Украинская рамматика" Крымскаго, несмотря на богатый историческій и діалектоогическій матеріалъ всетаки не даетъ цѣльнаго очерка исторіи укр. зыка. Но очеркъ исторіи украинскаго языка Шахматова, по отзыву о рецензента въ „Червономъ шляху" 1923 г. (О. Синявськаго), болѣе дѣляетъ вниманія вопросамъ происхожденія укр. яз. изъ единой прасской (восточно-словянской) языковой отрасли, чѣм исторіи собственно краинскаго языка. Тѣмъ не менѣе этотъ очеркъ представляетъ съ нашей очки зрѣнія самый серьезный трудъ по исторіи украинскаго языка, ключающій обзоръ явленій языка по эпохамъ отъ времени общесскаго единства до времени діалектическаго раздробленія обособивагося въ XII-омъ вѣкѣ южно-русскаго праязыка. Указывая изъ граматикъ украинскаго языка на стр. 13 „грамматику руського языка" гоновскаго (у Львовѣ 1889), „украинскую грамматику для учениковъ ысшихъ классовъ гимназій и семинарій Приднѣпровья" Крымскаго 907 г.), Тимченка (Кіевъ 1907 г.), Смаль-Стоцкаго и Гартнера (Wien 1913), ульбакинъ (стр. 19) не вполнѣ довѣрчиво относится къ характеристикѣ краинской звуковой системы, данной Смаль-Стоцкимъ, отмѣчая неогласіе Смаль-Стоцкаго съ Брокомъ, имѣвшимъ источникомъ своихъ аблюденій выговоръ д-ра Зилинського, родившагося въ Галиціи, на раницѣ говора Лемковъ и получившаго образованіе въ Пшемыслѣ, реди интеллигенціи съ нормальнымъ произношеніемъ, и, замѣчая, что еясной остается та „реальная подкладка," на которой основана хаактеристика „общеукраинскаго" произношенія, данная Смаль-Стоцкимъ, что врядъ-ли выговоръ галиційскій вполнѣ совпадаетъ съ выговоомъ восточно-украинскимъ, признаетъ желательнымъ новое изслѣдоаніе украинской звуковой системы на основаніи узученія выговора азличныхъ мѣстностей. Проф. Кульбакинъ начинаетъ съ выдѣленія сновныхъ исконныхъ явленій.

На стран. 6—7 Кульбакинъ отмѣчаетъ 12 чертъ, объединяющихъ и языка восточной группы, т. е. столько же, сколько и Шахматовъ Введ. въ к. истор. русск. яз., 1916, стр. 15), но въ отличіе отъ Шахатова Кульбакинъ не отмѣчаетъ измѣненія носового *ẽ* въ *ẽ* неносовое смягченія согласныхъ передъ гласными передняго ряда, но взамѣнъ ихъ двухъ чертъ приводитъ упрощеніе праславянского *dz* изъ *g* в *z*,

не отмѣчая, однако, сохраненія прасловянской мягкости [1]) этого *ꙁ*, как
и первоначальнаго *s* изъ *x*, что весьма существенно, и совершившеес
въ историческое время исчезновеніе или измѣненіе прасловянскихъ
и ь в *о* и *е*. Кромѣ того Кульбакинъ отмѣчаетъ древнерусскія сочетані
ър, *ъл*, *ьр* между согласными соотвѣтственно южнословянскимъ и чеш
скимъ слоговымъ *r*, *l*. Отмѣченное мелкимъ шрифтомъ „еще одно сов
паденіе м. укр., в. р. и бѣлор.... второе полногласіе," какъ со
вершившееся въ историческое время (вслѣдствіе исчезновенія глухихъ
и сомнительное для украинскаго языка за отсутствіемъ вполнѣ досто
вѣрныхъ примѣровъ, едва ли можно съ увѣренностью считать обще
восточнословянской чертой. Неправильно на стр. 7 приведенъ примѣр
раллё („пахота") изъ бѣлорусскаго яз., яко бы одного порядка с
ратáй: хотя то и другое слово одного корня, но съ исконно различно
прасловянской интонаціей, а именно бѣлор. *раллё*, очевидно изъ **ро л*
и болѣе тѣсно родственно съ украинск. *рілля́* < др. русск. *рольѧ́*, сравн
польск. *rola* съ тѣмъ общимъ западно- и восточно-словянскимъ языкам
ro- изъ **or-*, которое противополагается южнословянскому *ra-* под ни
сходящей интонаціей. Вслѣдствіе неправильной формулировки 12-о
черты, отмѣченной Кульбакинымъ на стр. 8-ой, измѣненія *d͡z* (точнѣе *d͡ź*
проф. Кульбакинъ ошибочно считаетъ её общей сербскому, чешском
и другимъ словянскимъ языкамъ, между тѣмъ какъ мягкость *ź* и
указаннаго происхожденія извѣстна лишь русскимъ и болгарском
языкамъ (въ послѣднемъ, однако, не вполнѣ: *вськъ* > *сяк*, но *кнез*; по
видимому, сохраненіе мягкости свойственно лишь нѣкоторымъ болгар
скимъ говорамъ), но чешскій языкъ формами род. ед. kněze, им. ед. stez
(= рус. стезя́, ср. ст. слов. Син. пс. 118, 105 стьꙃѣмъ), инфинит. mize
„schwinden" (сравн. помнꙃѣжще очима въ старослов. Синайск. псалт. пс. 34, 1
ясно указываетъ на сохраненіе мягкости въ старочешскомъ языкѣ,
по крайней мѣрѣ до XII-го вѣка, чего нельзя сказать ни о сербско
хорватскомъ, ни о словѣнскомъ (крайнскомъ), утратившихъ, очевидно
мягкость въ глубокой доисторической древности, такъ какъ самы
древніе памятники знаютъ только твердые *z* и *s*. Совершенно парал
лельно шло измѣненіе праслов. мягкаго *c* (ц) съ тою разницею, что, со
храняясь мягкимъ, повидимому, во всѣхъ тѣхъ древнерусскихъ гово
рахъ, которые такъ или иначе проявляли свои особенности въ древне
русскихъ памятникахъ, написанныхъ большею частію въ главныхъ
центрахъ просвѣщенія русскаго юга и сѣвера, оно отвердѣло во всѣхъ
нарѣчіяхъ, легшихъ въ основаніе южно-великорусской, бѣлорусско
и средне-великорусской языковыхъ областей, сохранивъ мягкость во все
южно-русской (украинской) области, кромѣ сѣверно-малорусскихъ го

[1]) Эту мягкость проф. Кульбакинъ отмѣчаетъ, однако, правильн на стр. 35 (§ 50): „согласные *s*, *z* были вообще палатализованы, когда по лучались изъ болѣе древнихъ *ch* (*x*), *g* (*z* изъ *g* черезъ посред. праслов. *dz*).

[2]) Что касается *ś*, то оно въ чешскомъ, какъ и въ польскомъ, из мѣнилось еще въ глубокой древности въ *ś* > *š*, что ясно свидѣтельствует о его мягкости въ древнѣйшемъ періодѣ жизни западно-словянских языковъ. Украинское *зáвше* (Гринченко), конечно, заимствовано с польскаго, сравн. олонецк. *зáвсе* (Г. Куликовскій), Вят. *зáвсё* (Васнецовъ

зоровъ, и діалектически въ сѣверно-великорусской, въ которой развилось на этой почвѣ подобное западно-словянской шепелявости совпаденіе или смѣшеніе *c* (ц) съ *č* (ч). Въ числѣ свойственныхъ исключительно восточной группѣ чертъ проф. Кульбакинъ считаетъ 4: 1) полногласіе, 2) переходъ праславянскихъ *ъ̥r̥, ъ̥l̥, ь̥r̥* > *ъr, ъl, ьr* > *or, oł, er,* 3) измѣненіе *dj* > *dž́* > *ž́*, 4) начальн. *e* > *o*.

Можно бы упомянуть и измѣненіе *kv* передъ *ě* (*ѣ*), такъ какъ отнесеніе по этой чертѣ восточно-словянскихъ языковъ въ одну группу съ южными было бы неточно въ виду существованія рядомъ съ *цв-* передъ *ѣ* и *кв-* какъ въ украинском *(квітка)*, такъ и въ великорусскомъ (*квѣлйть*), о чёмъ забылъ упомянуть проф. Кульбакинъ на стр. 6—7.

Если я въ своей статьѣ „Единство русскаго языка въ его нарѣчіяхъ“ (Одесса, 1919, стр. 7) выдвигалъ еще измѣненіе *e* и *ь* передъ *l* (> *ł*) въ *o* и *ъ*, т. е. лабіализацію передъ *ł*, смягченіе полумягкихъ согласныхъ передъ гласными передняго ряда и сохраненіе исконной мягкости согласныхъ *ź*, *ć* и *ś*, получившихся на словянской почвѣ изъ *g*, *k*, *x* вслѣдствіе прогрессивной ассимиляціи, то слѣдуетъ замѣтить, что лабіализація передъ *ł* > *u̯* извѣстна въ тѣхъ же условіяхъ языкамъ полабскому (*våuk, påunẙ* и друг., см. Schleicher, Laut-u. Formenlehre der polab. Spr.) и приморско-словинскому (*mə̀u̯čec, pə̀u̯nï, və̀u̯k, mlóu̯ko,*[1]) Lorentz, Slowinzisches Wörterbuch, s. v.), 2) смягченіе согласныхъ передъ передними гласными несомнѣнно было свойственно не только польскому, но и другимъ западно-словянскимъ языкамъ: что оно было въ языкѣ чешскомъ въ XI—XII в., ясно доказывается измѣненіемъ прачешскихъ слоговъ *ŕe-*, *ŕi-*, *ŕä-* (изъ праслов. *ŕę-*) въ *ř́e-*, *ř́i-*, *ř́ä-*, 3) сохраненіе же исконной мягкости *ć*, *ź* и *ś* изъ первонач. *ḱ*, *ǵ*, *x́*, какъ уже упомянуто, было извѣстно древнѣйшему періоду чешского, а м. б. и другихъ западно-словянскихъ языковъ. Кромѣ того, кажется, придется изъ числа четырехъ, указанныхъ Кульбакинымъ, исключительно восточно-словянскихъ чертъ исключить и переходъ *ъ̥l̥, ъ̥r̥. ь̥r̥* > *ъl, ъr, ьr* . . ., такъ какъ то же, повидимому, произошло въ древн. періодъ языковъ верхне-лужицкаго, полабск. и приморско-словинскаго. Т. о. остаются лишь 3 исключ. восточныхъ черты. Замѣчу, что какъ бы ни объяснялось преобладаніе случаевъ съ начальнымъ *o*, вмѣсто западно-южно-словянскаго *e* (сравн. мнѣнія акад. Соболевскаго и недавнее проф. Г. А. Ильинскаго въ „Slavia“ II, 1923, с. 232—276) въ восточно-слов. языкахъ, оно остается характернымъ. Въ § 6 (стр. 6) пр. Кульбакинъ отмѣчаетъ 5 чертъ, объединяющихъ южную группу словянскихъ языковъ, изъ которыхъ 2 отличаютъ также и восточную[2]) группу (*cv-*, *zv-* передъ *ѣ* и *l* < *dl*, *tl*), а 3 являются отличительными отъ западно- и восточно-словянскихъ языковъ. Въ § 7 характеризуется западно-словянская группа тремя только чертами: 1) сохраненіемъ старыхъ сочетаній *kv-*, *gv-* передъ *ѣ*, 2) сохраненіемъ первонач. *dl-*, *tl-* и 3) „однообразными отраженіями прасловянскихъ сочетаній

---

[1]) Полабск. mlaka по Шлейхеру читается съ *la* — *lѣ*, но не исключена возможность читать и *łå* < *oł*.

[2]) Однако въ послѣдней рядомъ съ *cv-* (*цв-*) передъ старымъ *ѣ* сохраняется, какъ мы уже указали выше, и *kv-* (*кв*), что ставитъ восточную группу и въ этомъ отношеніи особо.

dj, tj" (и *kť*)... Но во- первыхъ, онъ неточно въ числѣ исключительно южно-словянскихъ чертъ приводитъ сочетанія *ra*, *la*, *rě*, *lě* между согласными: правда, она объединяетъ языки болгарскій, сербско-хорватскій и словѣнскій, но съ ними объединяется ею и языкъ чешскій въ другихъ отношеніяхъ примыкающій не къ южной, а къ западнословянской группѣ. Во- вторыхъ, проф. Кульбакинъ неточно опредѣлилъ пятую черту южнослов. группы (третью изъ исключительно ей свойственныхъ), а именно, онъ не обратилъ вниманіе на то, что слоговые плавные между согласными соотвѣтствуютъ не только восточнословянскимъ *ор-*, *ол-*, *ер-* изъ древнихъ сочетаній *ър-*, *ъл-*, *ьр-* между согласными, но и прасловянскимъ сочетаніямъ *-ръ-*, *-лъ-*, *-ль-*, *-рь-* между согласными: мы имѣемъ полное безразличіе *тр̑г* и *кр̑в, вълк* > серб. *вȳк* и *бълха* > *бȳха*, *сълза* > *сȳза* и т. под. изъ **blъxa*, **slьza*.

На стр. 12 въ числѣ письменныхъ памятниковъ пропущенъ извѣстный Сборникъ Московск. Успенск. Собора XII в., съ большой вѣроятностью приписываемый южнорусской области. Въ литературѣ по исторіи украинскаго языка поражаетъ пропускъ столь крупнаго научнаго труда, какъ „Очерки изъ исторіи русскаго яз." (1884 г.) акад. А. И. Соболевскаго, впервые выдвинувшіе самую характерную черту правописанія „галицко-волынскихъ" памятниковъ. На стр. 35 проф. Кульбакинъ возражаетъ справедливо проф. Смаль-Стоцкому, „который видитъ въ твердости согласныхъ передъ *е*, *и* въ украинскомъ остатокъ старины прасловянской."[1]) Но едва ли справедливо замѣчаніе С. М. Кульбакина: „для прасловянскаго мы, конечно, не можемъ предполагать палатализаціи согласныхъ передъ передними гласными, и южнословянскіе языки до с. п. сохранили твердые согласные въ такомъ положеніи..." Еслибы это положеніе было вѣрно, мы не могли бы объяснить себѣ явленій прасловянскаго измѣненія $k > \acute{c}$, $g > \acute{ʒ} > \acute{z}$, $x > \acute{s}$ передъ гласными *е* и *і*. И почему мы должны предполагать, что южно-словянскіе языки сохранили твердое, а не утратили мягкое или по крайней мѣрѣ полумягкое произношеніе согласныхъ? Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что полумягкое произношеніе рядомъ съ мягкимъ до сихъ поръ извѣстно въ новоболгарскомъ языкѣ (Щепкинъ, Учебникъ болгар. языка, § 8, с. 4, Ол. Брокъ, Оч. физіологіи слав. рѣчи, Энц. сл. филолог. 5, 2, 1910, стр. 72) и, очевидно, было и въ языкѣ древне-болгарскомъ или старословянскомъ. Но вообще нынѣшніе южнословянскіе языки, сохранивъ вполнѣ мягкое произношеніе (въ положеніи согласныхъ передъ старыми іотованными гласными), утратили полумягкость во всей сербско-словѣнской области и сохранили её въ области восточно-болгарской съ постепеннымъ ослабленіемъ по направленію къ западу.

Въ §§ 31—63 проф. Кульбакинъ излагаетъ общеукраинскія и діалектическія измѣненія звуковъ. Въ § 64 представлено общее обозрѣніе тѣхъ и другихъ, при чёмъ указывается 17 общеукраинскихъ и 8 діалекти-

[1]) Вопросъ достаточно выясненъ пок. акад. Шахматовымъ („Wi... im Kleinruss. die Palatalisation der Cons. vor *e* u. *i* verloren ging," Archiv f. slav. Philol. XXV (1903), s. 222—238), и напрасно О. Н. Синявській въ „Червон. Шляху" 1—2 (1924), с. 245, пытается защищать исконную твердость согл. передъ *е*, *и*.

ческихъ измѣненій. Къ числу общеукраинскихъ измѣненій кромѣ явленій, связанныхъ съ судьбою прарусскихъ *ъ* и *ь* (переходъ ихъ въ *о* и *е*, образованіе слоговыхъ плавныхъ и носовыхъ изъ старыхъ сочетаній *ъ*, *rъ̯*, *lъ̯*, *mъ̯*, *nъ̯* въ открытыхъ слогахъ, измѣненіе *vъ̯*, *vь̯* > *u*, образованіе дифтонговъ вслѣдствіе удлиненія *о* и *е* въ новыхъ закрытыхъ слогахъ), общаго отвердѣнія согласныхъ передъ гласными *и* (і), *е* и нѣкоторыхъ другихъ, отнесены и такія, которыя могутъ быть отнесены не только къ пра-восточно-словянской, но даже и къ прасловянской эпохѣ въ качествѣ явленій діалектическихъ. Таковы: 1) измѣненіе носовыхъ *ę*, *ą* въ чистые, при чёмъ самъ авторъ считаетъ возможнымъ, что измѣненіе это произошло уже въ прарусскую эпоху, а я, вспоминая тождественное измѣненіе въ прачешско-словацкомъ, возстановляемое путемъ сопоставленія ясныхъ свидѣтельствъ языковъ чешскаго и словацкаго въ ихъ исторіи, склоненъ отнести это измѣненіе къ діалектамъ прасловянскаго языка; 2) измѣненіе *ъ*, *ь* передъ *j* въ редуцирован. *ы*, *и* (§ 37), которое древнѣе не только обще-украинской, но и обще-восточнословянской эпохи, ибо формы прилагат. членныхъ типа **novyį̯* предполагаются всѣми словянскими языками, и великорусск. ф. имен. ед. нов*ой*, толст*ой* и т. п. на основаніи показаній древне-русскихъ памятниковъ нѣтъ возможности выводить изъ **novъi*, **tъlstъį̯* и т. п., такъ какъ самый ранній[1]) примѣръ на *ой* въ ф. им. ед. муж. р. встрѣчается только въ Новгородск. л. по сп. XIV в.: кн(ѧ)жь дѣцкои 237[2]), о чёмъ я уже писалъ неоднократно (Изслѣд. о яз. синод. списка 1-ой Новгородск. лѣт. 139, Archiv für slav. Philologie, B. XXXIII, 1912, стр. 535). Весьма возможно также, что „измѣненіе взрывного *г* (*g*) въ гортанный спиративный *h*“ вынесено діалектами прарусскаго языка еще изъ эпохи діалектическаго разнообразія языка прасловянскаго; во всякомъ случаѣ существованіе фрикативнаго произношенія при употребленіи въ X-омъ вѣкѣ южнорусскими словянами даже древнеболгарскаго языка давно уже отмѣчено акад. Шахматовымъ на основаніи слова *πραχ* у Константина Багрянороднаго (Введен. въ курс. ист. русск. языка 1916 г., с. 81). Да и другія „общеукраинскія измѣненія“ слѣдовало бы распредѣлить по эпохамъ, подобно тому, какъ это сдѣлано Шахматовымъ въ статьѣ „Краткій очеркъ исторіи малорусскаго (украинск.) языка,“ помѣщенной въ сборникѣ „Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ“,

[1]) Болѣе ранніе примѣры въ церковныхъ памятникахъ древнерусской письменности (вѣчь*нои* животъ Мин. 1097, нощьнои вранъ Пс. Толст. XII в., приводимые Ягичемъ въ крит. замѣткахъ, 130), я ставлю въ связь съ древне-болгарскими новообразованіями ст҃ы > ст҃ои (Зограф. Мар. Ев.), Vondrák. Altkirchenslav. Gr.² 475, 478. Эти примѣры ц.-словянскихъ памятниковъ русской редакціи я считаю, такимъ образомъ, перенесенными въ русскіе списки изъ древне-болгарскихъ оригиналовъ и лишь случайно напоминающими позднѣйшее явленіе восточно-русскихъ нарѣчій. Я именно думаю, что великорусск. *о* въ *новой*, *простой*, *мóю*, *рóю*. получилось изъ *ы* передъ *į̯* благодаря тому лабіализму, которымъ сопровождалось др.-русск. *у* (= *ui*).

[2]) Другіе примѣры см. въ Лекціяхъ по истор. русск. яз. А. И. Соболевского (1907), с. 230, при чёмъ мѣстоим. *той*, извѣстное по памятникамъ XIII в., въ счётъ не идетъ, сравн. сербск. *tâj*.

под. ред. проф. Ѳ. К. Волкова (1916 г.), с. 664—707, переведенно Демьянчукомъ въ книгѣ ,,Нариси з історії української мови" (Київ, 1922) а именно, отнести часть явленій, встрѣчающихся не только въ мало русскомъ (украинскомъ), но и въ бѣлорусскомъ яз., напр. измѣнені *ръ-, рь-, лъ-, ль-* въ открытыхъ слогахъ въ *ры, ри, лы, ли,* измѣнені *в* и *л* въ *у*, измѣн. сочетаній ,,согл. + *j*" въ двойной согласн., начал дифтонгизаціи *о* и *е* въ новыхъ закрытыхъ слогахъ и нѣк. друг. къ болѣ древней эпохѣ до половины XII-го вѣка;[1]) другую часть, спеціальн украинскихъ, напр. отвердѣніе согласныхъ передъ гласными *е, і*, къ болѣ поздней — послѣ XII-го вѣка. ,,Общеукраинскимъ" измѣненіемъ счи таетъ возможнымъ признать проф. Кульбакинъ также образованіе двой ныхъ ,,мягкихъ" согласныхъ, но правильнѣе считать это діалектическим явленіемъ, возникавшимъ на территоріи южной и западной полос восточно-словянской языковой области въ періодъ до образованія соб ственно украинской и собственно бѣлорусской областей, при чёмъ сом нѣваюсь, обязательно ли предполагать упрощеніе двойныхъ мягких въ тѣхъ говорахъ, которые имѣютъ *-лє, -нє, -ля, -ня* вмѣсто первонач *-льє, -ньє* и т. п.

Упомяну еще о нѣкоторыхъ частностяхъ въ изложеніи явлені укр. яз. С. М. Кульбакина. Вполнѣ присоединяюсь къ мнѣнію автор (§ 53) объ измѣненіи сочетаній *кы, гы, хы* въ *ки, ги, хи (ki, hi, ɜi)* уж въ говорахъ XII-го вѣка на основаніи примѣровъ Еванг. Гал. 1144 и Добрилова 1164 г., къ которымъ я могъ бы прибавить и болѣе ранн изъ кіевскихъ памятниковъ (Юрьевск.[2]) Еванг. 1128 г.); лишь вторичн явилось то измѣненіе въ *ky, hy, xy*, о которомъ говоритъ О. Курило въ рецензіи на разбираемую нами книгу проф. С. М. Кульбакина: в періодъ измѣненія *t'i, ńi, l'i* въ *ti*², *ni*², *li*² и *ḱi, ǵi, x́i* измѣнились въ *k hi*², *xi*², съ твердыми согласными передъ болѣе открытымъ (широким *i*³, получившимся въ результатѣ стяженія выдѣлившагося изъ смягче наго согласнаго *i̯* съ слѣдующимъ *i*.[4])

Проф. Кульбакинъ справедливо объясняетъ *е* послѣ шипящихъ в рядѣ словъ вліяніемъ аналогіи (стр. 27): *чесати* подъ вл. *чешу*, гдѣ было раньше мягкимъ, *шестий* п. вл. *шести*..., но следуетъ приня поправку рецензента его труда О. Курило, ,,що українська мова зн й форми *шостий, шости*..."[5]) Сравн. и П. О. Бузука ,,Кор. істор української мови", 49.

---

[1]) Нариси, стр. 43—54.

[2]) Соболевскій, Лекц. по истор. рус. яз.[4], 130. Šachmatov, Beiträ zur rus. Gram., Arch. slav. Ph., VII, 76.

[3]) Записки історично-філолог. відділу, кн. II—III (1920—192 Київъ 1923, с. 218 (Критика й бібліографія). Но самъ Кульбакинъ п мѣщаетъ это измѣненіе въ числѣ діалектическихъ (§ 64, с. 44).

[4]) Šachmatov, Wie im Kleinruss. die Palatal . . . verloren ging. Arch. sla Phil. XXV, 226, 233. Если, однако, считать переходъ *ky* > *ḱi* діалект ческимъ, то въ нѣкоторыхъ говорахъ, вѣроятно, удерживалось перв начальное *ky*.

[5]) Записки укр. А. Н. II—III, 219. У Гринченка находимъ лиш *шóстий, вóсьмий, сьóмий*, и я не понимаю, откуда взялъ проф. Кульб кинъ формы *шестий, семий, осмий* (стр. 27 и 70).

Что касается вопроса о лабіализаціи *е* и *ь* передъ слѣд. твердымъ огласн. ,,послѣ всякихъ согласныхъ", то думаю, что и здѣсь мы должны огласиться съ проф. Кульбакинымъ, идущимъ какъ и въ большей части опросовъ исторіи звуковъ, по стопамъ лучшаго знатока исторіи звуковъ ревнѣйшаго періода русскихъ языковъ, покойнаго академика Шахатова, а не съ построеніемъ звуковыхъ измѣненій, предлагаемымъ амъ въ книгѣ проф. Бузука ,,Коротка істор. укр. мови" (Одесса, 1924), 48 : *нѣслъ̥* 〉 *ніес* 〉 *ніос*. По нашему мнѣнію, не дифтонгизація предествовала лабіализаціи, а обратно. Причина неправильнаго пониманія аннаго вопроса, которое мы находимъ у П. А. Бузука, заключается ъ томъ, что въ дифтонгѣ *іе* имъ предполагается неслоговою только ервая часть, а между тѣмъ въ этомъ отношеніи должны были быть аріанты по говорамъ то со слоговымъ *і* и неслогов. *е*, то съ неслог. *і* слог. *е*. Если мы предположимъ въ какомъ либо говорѣ первый ваіантъ, то очевидно, изъ *іе̯* не могло бы путемъ лабіализаціи получаться - и тѣмъ менѣе *i̯o*-. Если же предположимъ второй варіантъ, то поучимъ только *ні̯ос*, изъ котораго никакъ не получилось бы ни сѣв.-алор. *нюос* (*ńüos*), ни южно-малорусск. (украинск.) *ніс* (*ńis*).

Соглашаюсь также съ проф. Кульбакинымъ въ томъ, что аффриатъ *dž* въ *саджа*, *виджю* западно-украинскихъ говоровъ не восходитъ рямо къ пра-восточно-словянскому *dž* изъ *dj*, а есть результатъ втоичнаго измѣненія *ž* подъ вліяніемъ *d* родственныхъ формъ (*садити*, *идїти*). Здѣсь Кульбакинъ даже осторожнѣе Шахматова (Оч. др. еріода, § 209).

Но едва ли возможно согласиться съ авторомъ въ томъ, что мягость *s* въ суффиксѣ *-ський* явилась подъ вліяніемъ образованіи съ суфиксомъ *-енько, -енька, -есенький* и т. п. (§ 55, с. 39). Противъ этого праведливо возражаетъ О. Курило (Зап. всеукр. Ак. Н. істор.-філол. ідділу, кн. II—III, 1923, с. 219). Конечно, эта мягкость обязана своимъ роисхожденіемъ, если не регрессивной ассимиляціи когда-то смягчиващагося *k*, какъ думалъ Шахматовъ,[1]) то прогрессивной ассимиляціи редшествующаго мягкаго согласнаго передъ бывшимъ *ь*, какъ объясняетъ Курило. Въ пользу объясненія Шахматова говорятъ, однако, такіе приѣры, какъ *руського, руський, близький* и друг. Что касается *ськати*, то ягкое *s* можно объяснить вліяніемъ предшествовавшаго, позднѣе отавшаго въ началѣ *и*: др. русск. *искати* 〉 юго-зап.-русск. *йськáти* (*i̯śkati*) 〉 *ькати*.

Переходя къ формамъ склоненія, замѣтимъ, что проф. Кульбакинъ овершенно забываетъ упомянуть о болѣе обычномъ украинскомъ оконаніи дат. ед. *-ові, -еві* и называетъ только правильно унаслѣдованное тъ древне-русскаго, западно-малорусское *-ови, -еви* (§§ 69 и 72, стр. 50 52). Странно также, что он на стр. 53 (§ 72) и 57 (§ 76) не приводитъ бычной украинской формы род. множ. на *-ей* (*гостей, костей, ночей*), лишь *нóчий* и т. п., *коний, гроший*. На стр. 53 формы имен. мн. на *-а : іса, вівса, очерета*, по мнѣнію Кульбакина, ,,обязаны своимъ просхожденіемъ вліянію именъ съ собират. значеніемъ на *а*", но болѣе

[1]) Archiv f. slav. Phil. 25, 233.

вѣроятно, пожалуй, возводить ихъ, какъ и подобные великорусскіе, къ первоначальнымъ формамъ им. двойств., что особенно примѣнимо къ формѣ *рукáва*,[1]) со вторичн. ударен., сравн. *лiсá, вiвсá, ячмена́.*

Формы имен. муж. ед. ч. мѣстоименій указат. *той, сей, (оцей)* совершенно неправильно объясняются вліяніемъ краткихъ формъ *то, се (це)*, „въ которыхъ сильное ъ, ь (подъ ударен.) перешло въ *о, е (тъ, сь)*": мы вовсе не должны ожидать изъ новообразованной сложной формы *tъį̑ > tyj (тый)*, такъ какъ законъ о переходѣ ъ > *у (ы)* въ положеніи передъ *į̑* уже прекратилъ свое дѣйствіе въ періодъ сложенія мѣстоименій *tъ, sь* съ мѣстоименіемъ *i* (изъ праслов. **i̯ь* < **i̯ъ* < **i̯os*). Вотъ почему уже въ Апостолѣ 1220 г. мы встрѣчаемъ ф. *тои*; если же въ грамотѣ рижанъ 1300 г. рядомъ съ формою *тои* мы находимъ и *тый*,[1]) то послѣдняя ф. есть дальнѣйшее новообразованіе по типу прилагат. членныхъ (*новыи*). Съ формою *той* совершенно параллельна такая же новотворка — сербск. *tâj*.

Напрасно проф. Кульбакинъ недоумѣваетъ, какъ объяснить формы сравн. степ. *кращий, злiщий, дорожчий* и т. п. (с. 68): сочетаніе *šč, žč* здѣсь явилось вслѣдствіе диссимиляціи *šš* и *žš* послѣ выпаденія ь.[2])

О необычныхъ формахъ числительныхъ порядковыхъ *шестий, семий*, приводимыхъ проф. Кульбакинымъ на стр. 70., я уже говорилъ.

И удареніе нашло мѣсто въ трудѣ пр. Кульбакина, но къ сожалѣнію, слишкомъ скромное. Я бы желалъ найти указаніе на мѣсто ударенія въ словахъ, имѣющихъ колебаніе въ говорахъ великорусскаго яз., напр. *ворота*,[3]) *лiта (лiтà* или *лìта? воротà* или *вoрóта?* Въ украинскомъ обычно послѣднее, согласно съ сѣв. в. русск., но кажется, въ нѣкоторыхъ поговоркахъ извѣстно и первое, болѣе древнее, согласное съ южно-в. русск. и сербскимъ и ново-церк.-словянскимъ: *вратà)*. Такія отличія, какъ *кóлесо* при великор. *колесó, вербà, ӯочкá* и друг., также должны быть отмѣчены. Цѣнно, что отмѣчено удареніе на оконч. 1 и 2 л. множ. ч. въ формахъ наст. врем.: *садимó, садитé, їмó, їсьмé* . . . (стр. 85).

По поводу объясненія заимствованныхъ словъ (стр. 90), замѣчу, что *праця* имѣетъ источникъ чешскій, не польскій: по польски мы ожидали бы **proca*. Чешского происхожденія и *влáсний* (ч. vlastné). Форма *панич* не можетъ быть по окончанію польской, такъ какъ суф. *-ичь* (*-ič*) изъ **-itjos* типичный для восточно-словянской области.

Въ общемъ, несмотря на указанные недостатки, книгу проф. Кульбакина можно признать цѣннымъ пособіемъ при изученіи украинск. языка.

Одесса, 27. V. 1924.

Б. Ляпуновъ.

---

[1]) Миклошичъ-Шляковъ-Брандтъ, Сравн. морфологія сл. языковъ, вып. III (1886), стр. 349. Ogonowski, Studien . . . (1880), 125.

[2]) Соболевскій, Лекціи по ист. р. яз.[4], 138.

[3]) Сровн. вь сказкѣ „Коза-Дереза" „стоїть дід на *воротяхъ*, у червонихъ чоботяхъ".

ɛеволод Ганцов: Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку. — Діялектологічна класифікація українських говорів.

II.[1])

В нашій граматиці (стр. 7) навівши і оцінивши, всю літературу, ка відносить ся до української діялєктоло́ґії (Михальчука, Огонов-ького, Соболевського, Броха, Верхратського) і спімнувши також ро недруковані тоді ще досліди Зілинського, зазначили ми, що при одішньому стані українських діялєктолоґічних праць ми не можемо йти до якогось певного кінця в нашім осуді про поділ і характе-истику українських наріччів. З критиків нашої граматики особливо ад. Lehr (Roczn. slaw. VII, 76), який радо був би бачив, щоб ми вернули були більшу увагу на нарічевий матеріял при виясненню по-диноких мовних зявищ, мусів признати, „że stan djalektologji mało-uskiej jest bardzo nędzny... i że wobec tak fragmentarycznej najomości gwar małoruskich niemożna pokusić się o przepro-vadzenie naukowego ich podziału i ugrupowania. Wszelkie otychczasowę próby tego rodzaju są stanowczo przedwczesne".

Від того часу появили ся ще ці праці: 1. Проба упорядковання країнських говорів Ів. Зілинського в Збірнику „Привіт Іванови Фран-ови в сороклїттє письменської діяльности", Львів, 1914 (Записки Наук. ов. ім. Шевченка т. 117/8), 2. Опытъ діалектологической карты русскаго зыка въ Европѣ съ приложеніемъ очерка русской діалектологіи, . Н. Дурново, Н. Н. Соколова, Д. Н. Ушакова в Трудахъ Моск. іал. Ком-ії, Москва, 1915, 3. Украинскій языкъ в Энцикл. Сл. бр. ранатъ т. 42, Москва, 1917 і Украïньска мова в книжці: Акад. Шах-атов — Аг. Кримського, Київ 1922. Тут треба ще згадати останні нані праці Шахматова.

Всю літературу цього питання від самого початку наводить Ганцов І-ій главі своєї праці і розбірає її дуже докладно, зазначуючи, що раця Зілинського „має дві великі хиби: поверховність діялєктичних остережень і невизначеність критеріїв" (стр. 4), що Очеркъ Моск. ал. Ком-ії „не тільки не виявив поступу супроти попередніх праць, зробив навіть ступінь назад" (стр. 8), що „нові комбінації і межі завжди можна виснати за поправніші" (стр. 9), що Кримського ялєктолоґічна клясифікація — поділ української язикової території а дві ґрупи, західню і східню, як „реакція проти довгого (за Со-олевським) нехтування з одного боку відмінности галицько-поділь-ких говорів супроти наддніпрянських і лівобережних, а з другого — дмінности поліських говорів проти угорських, обєднаних з ними одну ґрупу — не дає безперечного вирішення питання про діялєкто-оґічну клясифікацію українських говорів" та що Ганцов з нею не оже погодити ся. Так отже констатує Ганцов, що „всі дотеперішні роби не прийшли до одностайної думки навіть у питанні про основний оділ української язикової території і про головні критерії цього по-ілу" (стр. 10).

[1]) Viz Slavia III, 462—470.

Здаєть ся менї, що при такім станї річи було-б розумно — перш усього застановити ся над питанням, яке само собою виринає і на що вже було вказано і нами і Lehr-ом: Чому це так? — І вийшла-б тодї одна-єдина ясна відповідь: Тому, бо українська язикова територія діялєктично зовсїм не розроблена. Це зазначує і Ганцов дуже часто в своїй працї, особливо на стр. 18, 24, 25, 30, 31, 35, 37, 40, 49, 50, 60, 65, 66, підкреслює також виразно, що це відчував він як дуже важку перешкоду, Коли-ж так, то річ ясна, що ще і тепер неможливо вибудувати науково обґрунтований поділ українських говорів, та що замість видумувати всякі спроби треба би нам таки братись до як найдокладнїших діялєктичних дослїдів цїлої українськоі язикової територіі, бо аж тодї вийшов би сам собою зовсїм природно і невимушено не штучний, а язиковими фактами оправданий поділ і на нарічча і на говори. Але Ганцов не витягає із сконстатованого ним самим факту, не відчуваючи суперечности між своїм поступованням а цими вимогами наукової методи, такої консеквенції, він лишає на боцї цей єдиний науковою методою вказаний шлях, а — по тільки невдачних спробах — дає нам знов, і то сьвідомо (стр. 65), свою спробу. Із методичних хиб своєї школи важко йому добути ся на битий шлях.

Ганцову здаєть ся, що не від того, а „від невизначености самих критеріїв діялєктолоґічної клясифікації українських говорів в значній мірі залежали оті хитання що до основного поділу“ (стр. 10), і сконстатувавши, що всї клясифікації (крім Кримського) „виділяють північну ґрупу говорів як одно із основних українських нарічч́ів, тільки територію його визначують різно“, зазначує він, що „в основі цього поділу лежить принцип, який і справдї має кардинальне значіння для історичного розвитку української мови в окремих її діялєктах. Цей принцип широко характеризовано як „архаічність“, а практично звужувано до розуміння „дифтонґічности“, маючи на увазї історію $\bar{o}$, $\bar{e}$ довгих та *ѣ*, які в цих діялєктах зберігали ся на давнїшій — архаічній супроти монофтонґа *і* південних говорів — дифтонґічній стадії. Як же фактично діялєктолоґам довело ся зустрінути ся не тільки з дифтонґами, але й усякими монофтонґами *у*, *ы*, *и*, *ӥ*, *е* і т. п., що становили поступінный перехід до монофтонґічної вимови — *і*, то всї цї говори залїчувано теж до північної ґрупи або до перехідних говорів“. Це „звуження принципу до одної звукової риси призвело до деяких непорозумінннів“ з карпатськими говорами, бо не знали, де їх примістити; воно „обезцїнювало самий принцип і стирало різку межу поміж двома ґрупами говорів — північною і південною“, так що породило думку, що „поділ української територіі на північні і південні говори неорґанічний“. Отже на головних критеріях цього основного поділу Ганцов спиняєть ся і заходить ся довести, що „розуміння північні говори ширше, ніж його до цього часу вважано“. Приступаючи зараз до характеристики північних говорів, Ганцов учить, що вони визначають ся такими звуковими рисами:

1. „Дифтонґам або монофтонґам типу *у*, *ы*, *и*, *ӥ* наголошених складів (замість $\bar{o}$, $\bar{e}$ довгих) в аналоґічних позиціях без наголосу

відповідають в середині слів звуки *о* і *е*, і тільки в закінченнях різних морфологічних категорій з аналогії до відповідних наголошених закінченнів та в деяких префіксах зявляють ся редуковані дифтонгічні відтінки або монофтонги типу *ŭ — у, ы — и*".

2. „Дифтонгу *ѣ* = *i͡e* під наголосом в ненаголошених складах відповідають звуки здебільшого *е* з диспаляталізацією попереднього приголосного, або *и* в тих говорах, що знають заміну ненаголошеного *е* на *и*".

3. „Замість ненаголошеного *ę* зявляєть ся звук *е* з твердістю попереднього приголосного".

4. „Цілковите отвердіння звука *р* в морфологічних закінченнях".

5. „Закінчення *-'е* (*-є*) в речівниках середнього роду"

6. „Відрізнення ненаголошеного *е* від *и* і *є* від *ï*".

7. „Закінчення прикметників і заіменників у назив. відмінкові мн. *-и*, а не *-і*".

8. Форма наз. відм. одн. чол. р. у прикметників *-и*, *-і*.

9. Закінчення дав. відм. одн. чол. р. тільки *-у (-ю)*, а не *-ові*, *-еві*.

10. Архаічні форми презенса: *ходжу*, *лечу*, *вожу*, *ношу* і форми 3-ої ос. одн. 2-ої конюг.: *ходить*, *робить*, *носить*.

11. Дуже часте вживання поряд із стягненими нестягнених форм наз. і знах. відм. одн. прикметників жіночого і серед. р. і наз.-знах. відм. мн. для всіх родів: *добрая*, *добрую*, *добриє*.

12. *замуж*, *гурок*.

Пригляньмо ся цим рисам докладнїше.

До 1. „Цей принцип у п е р ш е ставить ся як критерій для діялєктологічного розмежування" — каже Ганцов і тому подає він „досить численні приклади на відрізнення наголошених і ненаголошених складів (в історії *ō*, *ē*)". — Переглянувши докладно обі групи наведених (стр. 13—17) прикладів, мушу зазначити, що вони зіставлені докупи досить навмання і механічно, та що вони вказують тільки на зявище, з якого, доки не розслїдимо його в цілій ширинї і глибинї як найдокладнїше, не можемо витягати таких висновків як Ганцов, а вже-ж про історію його поки що мусимо мовчати.

Безперечно наголос грає велику ролю в поліських говорах, сумежних з білоруськими. І ми мали нагоду це сконстатувати на мові поодиноких людий з Чернїгівщини в їх а к а н н ю, сливе такім самім як в білоруських говорах, яке прецінь є тільки наслїдком ненаголошености звука *о*. А може ще й иньші зявища в поліських говорах вяжуть ся з ненаголошеностю голосівок. Є на то деякі познаки. Найбільше однак впадає в ухо акання. На нього вказує вже Михальчук в Козелецькім, Остерськім, Мглинськім, Городненськім, Холмськім, Слонськім повітї (Труды VII, 490, 518, 554, 594, 596), а так само Соболевський (Малорус. Нарѣчіе, 12, 15) каже, що говори Городненський, Чернїгівський, Сосницький, Новгородсїверський, Остерський, Глухівський, Кролевецький, Ніжинський, Козелецький або „акаютъ побѣлорусски", або „болѣе или менѣе", або „спорадически", все-ж таки а к а ю т ь. Зїлинський (Зап. т. ім. Шевч. т. 117/8, стр. 361) каже, що „акання чуєть ся в вузькій пограничній полосї (в одних місце-

востях частїше, в других рідше) в ґуб. Воронїжській, Курській, Чернигівській, в самій північній части ґуб. Київської, в ґуб. Минській, в північній части ґуб. Гродненської, місцями на самих північносхіднїх окраїнах ґуб. Волинської (Овруцький повіт) і дуже рідкі випадки в північній части ґуб. Сідлецької“. Він залічує акання „до звукових змін, які повстали під впливом чужих сусїднїх мов“ (стр. 360). — Нас дивує, що Ганцов про ці зявища акання, які очивидячки мусять йому бути знані хочби з наведеної лїтератури, нїчогісїнько не згадує, а прецїнь слїди акання в великоруській і білоруській мові сягають до 14-го в. (Соболевський, Лекціи, стр. 76, 80), отже воно там нїчим не молодше зявище як в українській мові перезвук ікання в замкненому складї. Це треба добре мати на увазї. І коли Ганцов підкреслює, що він „уперше ставить принцип відрізнення наголошених і ненаголошених складів (в історії $\bar{o}$, $\bar{e}$) як критерій для діялєктолоґічного розмежування“, коли отже він більше і виразнїше нїж хтонебудь до тепер звернув свою увагу на ролю наголосу в полїських говорах, то повинен би її в першу чергу і то в цїлости, в цїлій ширинї і глибинї цього зявища в полїських говорах як найкраще розслїдити, бо тодї не одно зявище в цих говора, а і сама історія колишнїх нібито довгих $\bar{o}$, $\bar{e}$ стали-б нам яснїші.

Маючи це на увазї, ми і на наведених Ганцовим прикладах можемо поки що тільки всього сконстатувати, що наголос в полїських говорах зберіг нам *о* як *о* в замкнених складах, а далї враз з замкненням складу спричинив, що це первісно одкрите *о* замінило ся в закрите *о*, з якого легко може розвинути ся *у*, дифтонґ і т. п. Зате ненаголошене первісно одкрите *о* стає ще більше одкритим аж до акання на білоруський лад. В цїм аканню в ненаголошених складах може отже лежати причина, що того *о*, яке вже властиво не є *о*, а перейшло до катеґорії звуків *а*, сила аналоґії не досягає так, як в південних говорах, де воно все таки лишило ся і на далї в катеґорії звуків *о*. Коли це так — а я думаю, що докладні дослїди потвердять цю мою думку, то приклади *возóк*, *дзвонóк*, *колóк*, *прúпечок*, і майже всї иньші наведені під *а)* і *б)*, не доказують того, що на думку Ганцова мали-б доказати. Вони ще і з тої причини не можуть тут взагалї входити в рахубу, бо форми *візóк*, *дзвінóк*, *кілóк*, *прúпічок* і т. п. в південних говорах не є результатом якогонебудь звукового закона (ікання), а повстали через аналоґію до всїх иньших форм (залежних відмінків: *візкá* . . .) цих слів, де *о* найшло ся в замкненому складї і по звуковим законам української мови мусить замінити ся на *і*. Ця аналоґія не в силї ще навіть була обхопити всїх слів в південних говорах, бо і тут маємо зовсїм звичайні такі форми, як *конéць*, *корéць*, *удовéць*, *хуторéць*, *чепéць*, *сельцé* і т. д. Аналоґія тут, як бачимо, що йно в походї. — А знов полїські форми *возкá* . . ., *дзвонкóм* . . ., *косткí* . . ., *жонкí* . . . і т. д. в протилежности до обовязкових в південних говорах форм *візкá*, *дзвінкóм*, *кісткú*, *жінкú* і т. д. можуть найти своє пояснення в зазначеному вже нами аканню в ненаголошених складах, яке поставило ся на перешкодї до переведення загальноукраїнського звукового закона перезвуку *о* в замкнених

складах. — Між прикладами находимо ще також форми з а р о б 8 т о к, одробок, п р и ч 8 л о к, ч и р в 8 н е ц ь (знаком 8 зазначує Ганцов всякий дифтонґ) на доказ, що *о* під наголосом — тут в незамкненім складі дає таки дифтонґ. Це велике непорозуміння і прямо помилка. Це форми аналоґічні до форм усіх иньших відмінків, в яких наголошене *о* находить ся в замкненому складі і мусить замінити ся. Це доказ, що і в поліських говорах зовсім така сама аналоґія (як в південних: *візóк* з *візкá* . . .) поширює свою силу. Супроти цих форм стоїть о в т ó- р о к (о в т 8 р к а), якого аналоґія очевидячки ще не досягнула. Якби не замкнений склад, а тільки сам наголос рішав про перезвук, в такім разї були-б неможливі такі форми як *повкóпа*, *óбод*, *сóкол*, *гóмон*, *клó-пот*, і т. д. Форми *бідность*, *гóрдость* . . . можуть ще також пояснювати ся як аналоґічні до форм иньших відмінків (*бідно-сти*, *гóрдо-сти* . . .), в яких *о* і в південних говорах не переходить на *і*, бо ці склади в українській мові не уважали ся і не уважають ся замкненими (пор. *міст* — *мо-сту*, *піст* — *по-сту*).

Хоч я тут против моїх засад вдав ся в вияснення зявищ в поліських говорах, звязаних з ненаголошеностю складів, то я застерігаю ся заздалегідь, що висловлену тут думку про наслїдки акання уважаю здебільшого поки що нічим иньшим як тільки здогадом. Але я думаю, що цей мій здогад стоїть більше на реальному грунтї язикових фактів, ніж висновки і пояснення Ганцова на стр. 27, 34, 35 (с к о р о ч е н н я д о в г о т и в с к л а д а х ненаголошених, — з а д е р ж а н н я д о в г о т и в складах наголошених і до цього часу (!), хоч сама катеґорія довготи зникла, — ґ е н е т и ч н а відрубність північних українських говорів супроти південних, — с п о к о н в і ч н а (!) відмінність поміж північними і південними українськими говорами, — „послїдовне п о д о в ж е н н я (!) незалежно від наголосу звуків *ō*, *ē* в нових замкнених склада“ в південнозахідній групі і т. п.). — Проаналїзуймо тільки добре на прикладах оцї дві дефініції Ганцова — перша з них відносить ся до поліських, друга до південно-західнїх говорів і себе доповняють, бо тичать ся того самого зявища, — щоб переконати ся про неможливість його розумовання: а) „Приклади, де ненаголошеним і недифтонгізованим рефлєксам *ō*, *ē* відповідають в тих-же самих складах під наголосом дифтонґи в словах споріднених етимолоґічно або в словах аналоґічних морфолоґічних катеґорій, або звук *і* в південних діялєктах і лїтературній українській мові“ (стр. 13), — б) „Послїдовне подовження незалежно від наголосу звуків *ō*, *ē* в нових замкнених складах“ (стр. 35). Отже перше *о* в *возóк* є недифтонґізованим рефлєксом довгого *ō*? — Що за штучна конструкція! На якій підставі повинен тут бути дифтонґ? Чому це *о* має бути довгим? Чи тому, що в південних говорах є *візóк*? Але-ж бо *візóк* це аналоґічна форма (в Грінченковім словарі є і *возóк*!). А куди примістити в такім разї *овтóрок* — о в т 8 р к а? А чи справдї відповідна форма до *вóзик*, *дзвóник* в поліських говорах була-б в 8 з и к, д з в 8 н и к, бо-ж прецінь *о* в цих словах наголошене?! Чи справдї *ō*, *ē* (зн. довгі) „послїдовно подовжують ся“ в таких формах як *візкá*, *дзвінкá*, або нарештї в наведенім там (стр. 36) *пішóв*? Подовжують ся і більше нічого? — Як

що Ганцов цими словами хоче дефінїювати факт перезвуку ікання, то з чуду-дива не виходимо, як то він зовсім звичайну річ вбірає в якусь чарівну формулу. Ще одно. В поліських говорах він нічого не згадує про замкнені склади в звязку з зявищем перезвуку, такі склади визнає він тільки в південних говорах. Отже позволимо собі ще одно питання: Чи поліські Українцї говорять може н 8 ч и, сп 8 д у, бо-ж тут було-б *о* під наголосом так само як в н 8 ч, сп 8 д?— Розумієть ся, що нї, але цим бажаю я звернути увагу Ганцова на те, що і в поліських говорах при обговоренню цього зявища не можна обійти ся без замкнених складів, бо це є істотне в дефініції цього загальноукраїнського звукового закона, об яку істотну рису мусить розбити ся всяке змагання установити споконвічну відмінність поміж північними і південними українськими говорами, мусить занехати ся змагання — ділити східнє Словяньство не на три, а на чотири головні діялєктичні ґрупи (стр. 64). Що замкнений склад річ істотна, доказ на це такі форми як н 8 ч — супроти *но́чи*, сп 8 д — супроти *спо́ду*, *повко́па* — супроти к 8 п, *чо́бот* — супроти *чоб8т*..., з яких кожен може переконати ся, що не сам наголос, а тільки наголос в замкненім складї і в поліських говорах рішає про перезвук звука *о*. — З того виходить, що Ганцов добре підмічену річ кепсько поставив, а все це ізза методичних хиб.

До 2. Ганцов формулує „закон" про *ѣ* так, що дифтонґови *ѣ*=*i͡e* під наголосом в ненаголошених складах відповідають тільки „здебільшого *е* з диспаляталїзацією попереднього приголосного", „в багатьох говорах цей закон має тільки часткову силу, поширюючись тільки на певні позиції ненаголошеного *ѣ*, н. пр. після губних (найчастїше), після *р* і *л* та инш."; „паляталїзація зубних заховуєть ся". І це все називаєть ся у Ганцова закон! — Із поданого Ганцовим матеріялу ми бачимо ось що: Давне *ѣ* в поліських говорах не доспіло в своїм розвитку до *ji*, а лишило ся загалом на ступнї більш одкритім — *je*. Зрештою поліські говори поступають з своїм *ѣ* взагалї так само як і південні: по губних і *р*, які в українській мові загалом тверді, рефлєктуєть ся *ѣ* простими *е* (в поліських), *і* (в південних говорах), отже *песо́к* — *пісо́к*, *бельмо́* — *більмо́*, *река́* — *ріка́*, по зубних з їх паляталїзацією, отже: *стєна́* — *стіна́*, *утєка́ть* — *утіка́ть*, *гнєздо́* — *гнїздо́*. (Ганцов супроти поставленого ним самим правила про палаталїзацію зубних пише дивним дивом *стена́*, *гнездо́*! — Чи тут *е* не вжито часом в російському значінню?). Отже ріжниця між поліськими а південними говорами зводить ся тільки до того, що в поліських говорах під наголосом *ѣ* дифтонґізуєть ся, що відповідало-б загальній прикметї цих говорів — дифтонґізувати більше або меньше всї прості звуки під наголосом, а в південних нї, отже: *пі͡ески* — *піски*, *бі͡ельма* — *бі̧льма*, *гні͡езда* — *гні̧зда*. Одно остаєть ся сумнївним: Ганцов каже ще, що *л* в поліських говорах перед ненаголошеним *ѣ* тверде. Чи справдї? Це треба вияснити, бо Зїлинський констатує в Чернїгівщинї середнє *л* і це приймає Ганцов в нотці (стр. 5) без застереження.

До 3. Справа з рефлєксом *ę* в ненаголошених складах в північ-

них говорах ще зовс м не вияснена. ,,Простежити поширення цього останнього зявища (зміну ненаголошеного *a* > *e* по палятал зованих приголосних, дуже поширену в північних говорах) і послідовність на підставі відомих дотепер друкованих даних абсолютно неможливо“ (стр. 18); ,,простежити поширення рефлекса *ę* з диспалятал зацією попередніх приголосних у цих говорах (Ніжинсько-переяславськім, Пинсько-волинськім, або взагалі в наріччу пол ськім) сливе неможливо на підставі дотеперішніх даних“ (стр. 18) — нарікає Ганцов. Як що це так, то відки взяв Ганцов свою формулу під 3, і яким чином може він на стр. 37 говорити про ,,різну рефлексацію залежно від наголосу: *a* під наголосом і *e* з диспаляталізацією попереднього приголосного без наголосу“ в пол ських говорах як про факт, який нібито ми бачили на стр. 18-ій? Ми тут цього зовсім не бачимо. — Покликувати ся-ж в цій справі на Шахматова (стр. 19) і його теоретичні міркування, не підперті жадними даними, рішучо не можна і нічого не поможе. Шахматов повинен би був перш усього доказати, що колинебудь в минулому істнували довгі звуки в укра нських говорах, а що йно тоді міг би був говорити про відмінність у квантитативних відносинах північних говорів супроти південних. Тимчасом він оперує цим зовсім ні ним, ні ніким иньшим недоказаним язиковим зявищем як нібито зовсім пезним і доказаним язиковим фактом. І язиковим фактом перезвуку *o*, *e* в замкнених складах ніяким чином не можна доказувати істнування довгих *ō*, *ē* хотьби в дуже давн й добі, бо коли нема на це иньших доказів, то річ ясна, що цей перезвук треба конечно — і можна зовсім легко — пояснювати иньшим способом. Уживати перезвук на доказ нічим иньшим недоказаної довготи, а з другого боку із нічим иньшим недоказаної довготи виводити перезвук, це блудне коло а більш нічого, це велика хиба в науковій методі. На такій основі ніяким чином не можна говорити (стр. 27) про зовсім відмінну квантитативно-акцетолоґічну систему як факт. А відрізнення наголошених і ненаголошених складів в пол ських говорах зовсім не потребує аж таких вифантазованих доказів, аж таких карколомних конструкцій, бо це є докладно спостережений і сконстатований факт, який може бути кожно хвилі зовсім певним і конкретним способом провірений і все наново спостережений і сконстатований. Отже і тут мусимо зазначити, що Ганцову не вдало ся виказати різку ріжницю між північними а південними укра нськими говорами (стр. 37), хоч висунувши на чоло тільки *ę*, він властиво змішав його докупи з *ja*. Його-ж визказ: ,,наш поширений проти попередн х принцип діялектолоґічного розмежування українських говорів, який полягає в відмінній історії звуків *ō*, *ē*, *ѣ*, *ę* під наголосом і без наголосу в північних говорах“ (стр. 19), по цім всім, що ми доси сказали, чисто голословний. Де-ж ця відмінна історія, як що ми, стоячи на реальнім науковім ґрунт, на ґрунті язикових фактів, не повіримо Ганцову-Шахматову на слово і не приймемо їх придуманих теорій за доґму? І як можна на цім установляти розмежування українських говорів, коли ще в додатку Ганцов сам зазначує, що ,,ця відмінність що до поодиноких звуків має не однакове територіяльне по-

ширення", і сам констатує, що *ę* і *ѣ* „більш-меньш послідовно" скрізь „навіть у говорах не зовсім монофтонґічних, незалежно від наголосу" замінюють ся на *'а* і *і*. Як що це так, то звуки *ę* і *ѣ* для „поширеного принципу" Ганцова зовсім без вартости і мусять відпасти. Про *ō*, *ē* ми вже свою суперечну думку висказали раніше.

До 4. З *р* вийшло у Ганцова непорозуміння, так що годі зорієнтувати ся. Воно і цілковито тверде (в закінченнях) і мягке перед дифтонґом *іе (ѣ)* і в сполученню *ря* в середині слів (Зілинський констатує в Чернігівщині „переважно мягке *рь* — кому-ж тут вірити?) і задля *писарі*, *писарів* говорить він про „мішану деклїнацію". Зазначу тільки, що в — *рі*, — *рів*, а так само в *зоре*, *Катре* і в сполученню *ря р* може бути цілковито тверде, як це загально буває в українській мові (з невеликими виїмками).

До 5. У Ганцова вийшло тут (за Шахматовим) фальшиве осьвітлення закінчення — *є* супроти — *я* в ном. одн. серед. роду. Форма *життя* супроти *життє* не є ніяка звукова зміна, такої звукової зміни українська мова взагалї не знає, зате ці форми дають ся легко пояснити аналоґією до *теля*, *телям* (інстр. одн.), як це видно в тих говорах, в яких *я* після мягких шелестівок замінюєть ся на *є (телє, телєм)*. — Крім того Ганцов сам себе побиває, бо „коли закінчення *'а* в цих словах не характеризує всїх говорів південної групи" (стр 28), то як можна казати, що „згадана риса північних говорів зберігає всю свою характеристичність"?

До 6. 7. Зовсім помотане розумовання про *и* (= праслов. *і*), з якого, коли його, взявши до помочи і те, що сказано на стр. 37, добре розумію, виходить, що *и* в північних говорах відмінне від *и* в південних говорах, „яке має дуже обнижену артикуляцію" (стр. 30). Воно „широкий відтїнок звука *і* переднього творення", „артикуляцийно не має жадного нахилу до *е*", отже воно *і*, яке не мягчить попередущої шелестівки (Ганцов під впливом російської школи думає, що українське *і* — так само як російське *и* завжди мягчить попередущу шелестівку, він читає *дім* тільки як *дїм*, т. зн. *ďim*, хоч в великій частині південних говорів, а навіть і на лївобережній Україні, вимовляєть ся тут *д* твердо). Але як тоді читати ном. мн. *богати*, — *bohati* чи *bohatï* (*ï* = південноукраїнському *и*)? Це, як і все иньше можна-б виложити простїше, а тим то і яснїше.

До 8. Тут дав менї Ганцов нагоду спитати ся його, чи справдї в північних говорах говорить ся *хлїб* а не *хліеб*, хоч *чоловіек*? — Та-ж тут *ѣ* під наголосом.

До 9. Коли західнї говори північного нарїчча знають закінчення дат. одн. — *ови*, то яка це характеристична прикмета поліських говорів закінчення — *у*?

До 10. 11. „Архаїчні" форми *ходжу*, *лечу*, *ходить*, *летить* вживають ся ще також і в південних говорах побіч аналоґічних *ходю*, *летю*, *ходе*, *носе*, так що вони для характеристики поліських говорів без вартости.

До 12. Поодинокі слова не можна ніколи уважати „головними критеріями основного подїлу".

До цих заміток про поодинокі риси поліських говорів мушу ще висказати одну загальну думку. Вирішувати діялєктичні справи теоретично, оперувати в діялєктолоґії „теоретичними припущеннями“, як це робить Ганцов особливо на стр. 24, 25, це річ неможлива. Мусимо стояти на тому, що не теоретичні припущення, а язикові факти і тільки факти можуть бути основою клясифікації і поділу українських говорів.

В III-ій главі своєї праці висуває Ганцов принцип старожитности не як primum principium divisionis, але все таки як такий, що на його основі українські діялєкти „можна було-б поділити на діялєкти старожитні і нові“. Приглянувши ся йому зблизька, переконуєм ся, що це не така страшна річ, як на око виглядає. Цим бажає Ганцов тільки звернути увагу на те, що „рух кольонізацийний на південний схід з кінцем 15-го і з початком 16-го в. набірає інтензивности“. Отже нове лежить тільки в пізнішім заселенню південно-східнїх земель людностю із південно-західнїх земель, бо Ганцов констатує, що „звязок поміж південно-західними старожитними говорами і говорами пізнішої формації на території південно-східньої України... безсумнівний“. З огляду на це сконстатування і на дійсний стан річи годї взагалї говорити про принцип старожитности як про принцип поділу, а ще тим меньше дїлити на старожитні і нові (!) діялєкти. Лишаєть ся йому отже далї тільки перший принцип „відрізнення наголошених і ненаголошених складів“, але не — як би ми думали і як це вповнї вистарчало-б — в теперішности, тільки „в давнїшій історії північних українських діялєктів“ (стр. 34). „Цей принцип... сьвідчить про давнїші... діялєктичні відношення (на українській язиковій території)“. — Як може принцип діялєктичного подїлу про це сьвідчити, цього ми зовсім не розуміємо. Немов відчуваючи хиби такого свого розумовання, Ганцов каже: „Дослїдження старожитних українських говорів виявляє нам споконвічну (!) відмінність серед них поміж двома ґрупами говорів — північно-східньою або поліською і південно-західньою“ (стр. 34). — Які дослїдження? Хто дослїджував „старожитні українські говори“ так, щоб міг таку споконвічну відмінність констатувати і уважати її доказаною? — І знов бачимо, що „споконвічна відмінність“ приймаєть ся як факт, коли тимчасом тільки найдокладнїшими дослїдами вона може бути доказана. І це робить Ганцов тодї, коли він за одним духом „не може навіть ручити ся“ за встановлення меж південно-західньої ґрупи українських говорів, „бо надзвичайно мала розробленість української діялєктолоґії, брак матеріялів, що давали-б певні дані для докладної характеристики поодиноких говорів, абсолютно позбавляють змоги і за наших часів встановити докладні межі навіть основних діялєктичних ґруп“ (стр. 35). Сконстатувавши це, Ганцов все таки „спитує“, ставить собі завдання „докладнїше схарактеризувати цю „споконвічну відмінність“ (стр. 34). Даремна праця. Ми не потребуємо цими його міркуваннями займати ся тим більше, що ми їх вже здебільшого обговорили при характеристиці поліських говорів. Вони і на теперішність не вистарчають, а вже-ж ніяким чином на „споконвічність“.

В IV-ій главі визнає Ганцов діялєктичну цілість усїх південних українських говорів враз з говорами карпато-угорськими (стр. 44). „Монофтонґ *і* (замість *ō*, *ē*), як дуже ориґінальне фонетичне зявище, особливо наочно сьвідчить про безпосередній ґенетичний звязок поміж південними західнїми і східнїми говорами“ (нотка стр. 44). „Зміну *ō*, *ē* в *і* незалежно від наголосу можна простежити до крайнїх осад української людности на сходї“ (стр. 45). До цих сконстатувань Ганцов навязує знов нещасні „теоретичні міркування“: а). Не маючи найменьшого доказу про істнування якихнебудь дифтонґів, викладає він за Шахматовим, що „монофтонґізація дифтонґів відбула ся в південно-західнїх говорах дуже рано (вже в кінцї 14-го або на початку 15-го в.)“, б). що „найранїше відбули монофтонґізацію дифтонґів ті українські говори, в котрих приголосні перед *і* (рефлєксом *ō*) палятальізовані“ (стр. 44), хоч на це знов таки нема найменьшого доказу. І нащо вони здали ся ці теоретичні міркування? — Нещасними назвав я їх тому, бо Ганцов підпирає їх зовсїм неправдивим твердженням, що „памятки мови сьвідчать про дуже ранню заміну дифтонґів монофтонґом *і*“ (нотка стр. 44). Таких памяток мови нема, що сьвідчили-б про „заміну дифтонґів монофтонґом і“, бо нема взагалї памяток мови з дифтонґами намість *о*.

Дальша „характеристична для південних говорів“ річ — це „артикуляція звука *и* і звязане з нею чергування *е* || *и* залежно від наголосу“ (стр. 46). За Богородицьким відзначає він також чергування *о* || *у*. Кортїло-б мене зазначити, що коли потвердить ся висловлений тут ранїше мій здогад про акання в полїських говорах і його наслїдки, а ще в додатку покажеть ся при докладних дослїдах на місцї, що в цих говорах ненаголошене *е* (одкрите) стає ще більше одкритим, в такім разї ненаголошеність звуків *о* і *е* мала-б в обох ґрупах говорів якраз протилежні наслїдки: більшу одкритість в полїських, більшу закритість в південних говорах. Це більше нїж богато дечого иньшого виправдувало-б подїл української мови на північне і південне наріччя, як що і це не покажеть ся врештї-решт нічим иньшим як тільки впливом білоруських говорів. Але доки це докладними дослїдами не потверджене, доти остаєть ся воно тільки здогадом.

В V-ій главі дїлить Ганцов українську язикову територію на 1. північні говори, 2. південні, які і собі дїлять ся а) на південно-східні — степові, б) південно-західні. Далї в своїм подїлї не йде, бо „нема ще систематично призбіраного і рясного діялєктичного матеріялу“, тай „нема тієї страшної суперечности, яку довело ся сконстатувати в поглядах на основний діялєктолоґічний подїл“. Аж страшної суперечности не довело ся нам вправдї сконстатувати, бо в цїлому і подїл Ганцова мало що ріжнить ся від подїлів його попередників (крім Кримського). Але коли-б суперечности були дїйсно страшні, то не було-б в тім навіть нічого дивного, доки діялєктолоґічні характеристики і подїли роблять ся не на підставі богатого фактичного діялєктичного матеріялу, а тільки на теоретичних міркуваннях і припущеннях. Цїкаве це, що Ганцов висновок (Соболевського, Зїлинського) називає справедливим, що „полїські українські говори

значною мірою становлять говори перехідні від білоруських до полїських украї̈нських з одного боку і від полїських до південних — з другого", хоч це стоїть в суперечности з його думкою про споконвічну відмінність одних і других. Він уважає думку про надзвичайну одностайність всїх південно-українських говорів на всьому величезному просторі від Поділля до Дону і Кубанї принаймнї що до головних фонетичних рис, — яка з часів Соболевського набула сили — цїлком слушною, але і зазначує, що „страшенна нерозробленість украї̈нської діялєктолоґії тут особливо відчуваеть ся". Для південно-західньої ґрупи Ганцов приймає поділ Зїлинського „з застереженням, що до цієї-ж, а не до північної ґрупи треба залїчити всі карпатсько-угорські говори". „Принципіяльної відмінности поміж підляськими а західніми полїськими (тим більше полїськими у цїлому) нема" — каже Ганцов, а з другого боку зазначує, що підляські як і західньо-полїські говори мають дуже богато спільного з південно-західнїми говорами в морфолоґії, а почасти і в фонетиці". Це очивидячки неможе служити підпорою його схем, так само як і це, що він, покликуючись на Михальчука, далї каже: „В Сідлецькій ґуб. і на Холмщинї маємо страшенне поплутання діялєктичних рис, характеристичних для північних говорів з одного боку і для південно-західнїх — з другого" (стр. 52).

Зовсїм не відчуваючи того, що всякі діялєктичні поділи, збудовані переважно на „теоретичних міркуваннях і припущеннях", стоять на леду а в найлпшому разї на піску, а навпаки переконаний, що і подав „синтезу (діялєктолоґічних даних) для сьогочасного моменту", і довів „істнування двох прадїдних діялєктичних відмін", Ганцов в гл. VI-ій своєї працї „має на увазї пояснити, як на цьому ґрунтї шляхом дальшої еволюції кожної з них з одного боку і шляхом обопільного поміж ними впливу — з другого, могли постати сьогочасні діялєктичні відносини". Цими новими „міркуваннями" на основі попереднїх „міркуваннїв і припущеннїв" Ганцова нема потреби займати ся тим більше, що вони й не ориґінальнї, як це сам Ганцов зазначує (стр. 58). Такі думки висловлював вже Михальчук і Шахматов, але тим вони нїчим не лїпші, як їх все наново безкритично повтаряти. І коли „Михальчукови не пощастило ся дати широкого синтетичного погляду на розвиток украї̈нських діялєктів" (стр. 59), то це і Ганцову не могло пощастити ся без попереднього найдокладнїшого їх розроблення, а „нерозробленість украї̈нської діялєктолоґії страшна" — констатує сам Ганцов. Тим то і висновки Ганцова не мають вартости наукових висновків — це тільки міркування і припущення. Він же сам признає: „Я ввесь час відчував страшний брак матеріялу для того, щоб з потрібною докладностю обґрунтувати свої висновки" (стр. 65). Усунути вагання, непорозуміння та суперечности, причинити ся до усталення поглядів, як це мав на метї Ганцов, річ неможлива за браком фактичних даних. „Популяризувати основні відомости з української діялєктолоґії" можна буде аж тодї, коли такі відомости дїйсно у нас будуть.

Хоч я ставляю ся неґативно до вислїдів обох праць Ганцова, то сам факт, що я так поважно їх тут розбіраю, нехай буде йому

доказом, що я високо ціню його хист, пильність, сумлінність, що ціню його також як наукову силу, котра, визволивши ся з пут фальшивої методи, збогатить ще нашу науку дійсними вартостями. Я вдячний йому за дану нагоду поставити справу правильної методи в повній ширині — це і є головна ціль моєї розвідки — і цим причинити ся до вияснення і правдивого поступу в нашій науці.

Др. Степ. Смаль-Стоцький.

История древней русской литературы в работах русских ученых 1917—1923 гг.

III. Литература Москвы XIV—XVIII вв. разрабатывалась за обозреваемый нами период 1917—1924 г. не менее энергично, хотя многие ученые работники выбыли из строя, а другие — не имели возможности публиковать свои труды. Изучение летописей дало напр. лишь две статьи: проф. *М. Д. Приселков* (в „Сборнике статей по русской истории, посвященном С. Ф. Платонову“, Петр. 1922, с. 24—39) напечатал статью Летописание XIV века. Он характеризует приемы работы Н. М. Карамзина и выделяет из его „примечаний“ остатки Троицкой летописи при помощи данных Симеоновской: „восстановить текст Тр. лет. в части её от начала до 1306 г. возможно с уверенностью в успехе потому, что не только уцелели 10 листов незаконченного издания нач. XIX в. Лавр. летописи, сличенной с Радзивил. и Троицкой, не только (потому, что?) сохранился текст Симеоновской с 1177 до 1306 г., но и потому, что как эти данные, так и выписки Н. М. Карамзина свидетельствуют, что Тр. лет. в этой своей части пользовалась сводом весьма близким, почти тожественным с Лавр., но лучше Лавр. сохранившимся“ (28). На основании такой реконструкции, проф. Приселков полагает, что Тр. лет. не московский княжеский свод, а возможно, оригинал общерусского митрополичьего свода, составленного при дворе митр. Киприана в 1409 г. Засим, сличив его с общерусским митрополичьим сводом 1423 митр. Фотия, автор следит за судьбами этого свода до 1469 г. в областном летописании. — В другой статье — „Летописец 1305 г.“ („Века“, Историч. сборник. I, 1924, Петрогр., под ред. А. И. Заозерского и М. Д. Приселкова, с. 28—35) проф. *М. Д. Приселков* уже исходит из восстановленного им Тр. лет. и сосредоточивает внимание на последних двух десятилетиях Лавр. лет., пытаясь определить характер и цель составления „Летописца“, доводившего свое изложение до 1305 г. Внимательное изучение этого „Летоп.“ 1263—85 гг. позволяет думать, что около 1283 г. была сделана попытка возродить великокняжеское владимирское летописание, заглохшее после 1263 г. Составитель свода 1283 г., не имея подлинного владимирского летописания, построил свой труд на ростовской летописи и на летоп. новгородской XIII в., отмечавшей перемены во Владимире. Летописец, после 1305 г. задумав продолжать свод, обрывавшийся на 1283 году, положил в основу его тверское летописание и кроме того пользовался областными летописями (новгор., ярославск. и др.). Причиной появления свода 1305 г. проф. *Приселков*

считает заведение в Твери летописания кн. Михаилом, который, заняв Владимирский стол, озаботился возрождением Владимирского летописания. — Литературное наследие св. митр. Алексiя известно мало и представляется далеко несоответствующим его деятельности и значению; тем ценнее является опубликование с обширным церковно-историческим комментарием „Слова пресвященного Алексия митрополита" об установлении трех постов, найденного проф. *В. Н. Бенешевичем* в рукоп. Росс. Акад. Наук нач. XVI в. (Шифр. 11. 8. 9 = Воскр. 4, л. 205), см. „Библиогр. летоп." 1917, III, 105—110. — Не только специальный церковно-исторический, но отчасти и историко-литературный интерес представляет изданная там же (с. 167—174) проф. *Д. И. Абрамовичем* обширная Грамота духовная господина преосвященного Ионы митр. Киевского и всеа Руси, по рукоп. Росс. Публ. Б. Q. I, № 1468, XVI в., написанная в Москве в 6969 (1461) г., 31 марта. — Изучения литературной деятельности пр. Максима Грека касается рецензия ак. *В. Н. Перетца* на книгу ак. *В. С. Иконникова* Максим Грек. Историч. исследование, изд. 2-е испр. и доп. Киев, 1915 (Библ. лет. 1917, III, 37—54). Рецензент отмечает недооценку отношения Максима Гр. к Ренессансу, дает несколько библиографических дополнений из области новейшей литературы о М. Гр. и, сделав несколько частных замечаний (с указанием оставшихся неизвестными автору книги сочинений М. Гр.), формулирует с мотивировкою ближайшие задачи историка др.-р. литературы, который бы взялся за изучение этого замечательного писателя XVI в.; необходима полная библиография его сочинений, с выяснением всего, написанного М. Гр.; необходимо критически установить хронологию его сочинений; далее — обследовать вопрос об источниках их, изучить литературную манеру, стиль М. Гр.; расследовать влияние М. Гр. на последующих писателей XVI и XVII в. (особенно-старообрядцев); определить значение литер. деятельности М. Гр. для современников и потомства, — ибо в обширном труде В. С. Иконникова, к сожалению, не нашлось места для рассмотрения этих вопросов. — Эпизода из жизни и литер. деятельности Максима Гр. касается и „Заметка о сочинениях М. Гр." *Хр. М. Лопарева* (Библ. Летоп. III, 50—70); здесь издано и проанализировано послание Максима к кн. П. И. Шуйскому, бывшее известным лишь в русском тексте и найденное издателем в греческом подлиннике, вшитом в рукоп. Сборник 1620-х гг. Флорищевой пустыни, № 126. Интересно — замечает издатель, — что Максим написал послание не на вульгарном *κοινή*, которым пользовались почти все современные ему писатели, а на языке Св. Писания: это — новая черта биографии Максима-гуманиста, что полагает основание для восстановления его в списках ученых новой Эллады. — Обозревая новую литературу о М. Гр. следует отметить ценную в биографическом отношении статью г. *С. Чернова* „К ученым несогласиям о суде над М. Гр." (Сборн. ст. по русск. ист. посвящ. С. Ф. Платонову, 1922, 48—71); здесь изучено т. наз. „Прение Даниила митр. Моск. и всея Р. с иноком Максимом Святогорцем", известное в 4-х списках, — сначала списки его в связи с составом рукописей, сохранивших его, а затем — рассматривается вопрос о распре-

делении в „судном списке“ обвинений на соборах 7033 и 7039 гг. востановляется процесс суда и картина „вин“, предъявленных Максиму начиная от „хул“, „волшебства“ — до определенно политических об винений, которые были средством расправы не только с ним, но с единомышленниками, кн. Вассианом и др. Почему то г. Чернов н привлекает для освещения „политической“ стороны дела — документы опубликованные г. Дунаевым в 1916 г. — Для характеристики ц. Ивана Грозного как корреспондента — интересна переписка его 1574 и сл. гг с опричным думным дворянином Вас. Г. Грязным-Ильиным, захваченным в плен татарами („Века“, Истор. Сб. I, 1924, 36—78), изданная и вни мательно обследованная г. *П. Садиковым.* Обследование значительн реабилитирует „Ваську Грязного“, а для историка р. литературы XVI в дает любопытные образцы эпистолярного стиля, каким пользовались зна менитые корреспонденты. — К судьбе жития Алексея б. челов. возвра щается проф. *В. П. Адрианова* в статье „Из истории русск. агио графии XVI в. (Sertum bibliologicum, 1922, 146—154), где изучена „Похвала чел. бож. блаж. с. Алексѣю“, „списанная“, т. е. составленная священно-иноком Варлаамом (рук. Тип. библ. 199). Этим Варлаамо оказывается по расследовании — псковской свящ. Василий, агиогра XVI в. Плодовитый и многоречивый автор, он использовал житие Ал в ред. Златоструя (= Торж.), пустив в ход свои излюбленные приемы ранее употребленные им же в житиях св. Нифонта и Евфросина в похвале последнему. „Похвала“ св. Алексею составлена Варлаамо после 1559 г. и входит в круг его других произведений, ничем н выделяяся среди них; она имеет значение как новый литературный фак XVI в. и как новое доказательство популярности в это время жити св. Ал., обработанного заново, во вкусе эпохи. — Агиографии ка сается и работа проф. *С. А. Щегловой* Житие ц. Димитрия в об работке св. Димитрия митр. Ростовского. (Учен. Зап. Са марск. Унив., вып. 2. Самара 1919). Выводы исследования таковы: эт житие составлено по разным источникам путем характерной для св Димитрия спайки в одно целое отдельных кусков. Эти источники: жити царевича Дим. по ред. Милютинских Миней, Иное Сказание, Новый Летописец, Сказание патр. Иова о ц. Өеодоре Иоанновиче, и статьи о Смуте в Хронографе 2-й ред. Схема жития заимствована у Милютина Приемы использования материала неравномерны: св. Димитрий берег и своих источников те данные, которые подробнее рисуют события, а такж опускает изложение исторических событий, не имеющих прямого отно шения к житию царевича. Самостоятельные добавления — невелики сделаны главным образом для характеристики исторических лиц. Вообщ же св. Д. стремится к фактичности рассказа, ясности и простоте стил (с. 96—97). — К концу XVI в. относится изданная проф. *В. Н. Бене шевичем* статейка (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1917, XXII, кн. 1, с. 1—9) с не большим введением: неисправная копия соборного постановления (?) состоявшегося при ц. Өеодоре и патр. Иове (1589—1592 г.) о замен виноградного вина при совершении евхаристии — вишневым. Сут статьи: „благо подобно сему божественному делу древо, вишеније го вомое, от него же повелѣхомъ изгнетати вино достовѣрными мужи

огобоязнивыми въ домѣхъ на то устроенныхъ“ ... Богословская аргу-
ентация, по замечанию издателя, слаба. Статья найдена в рукоп.
XVII в. собр. Барсова (ныне Моск. Истор. Муз., III, № 38), но на-
исанной с особенностями „свойственными, пожалуй, XV веку“. Во-
рос — не позднейший ли это подлог, напр. XVIII века? К сожалению
ерты орфографии рукописи стерты издателем: еще раз доказательство
ого, что в сомнительных случаях нельзя пользоваться правилами Архео-
раф. Комиссии. — Памятники связанные с Смутным временем в разных
тношениях интересовали ученых, и не только с точки зрения истори-
еской, но и историко-литературной. Проф. *П. Г. Любомиров* в статье
Новая редакция Сказания Авраамия Палицына (Сб.
татей по русск. ист., посвящ. С. Ф. Платонову, 1922, с. 226—248)
ривлекает к изучению памятник, найденный им в рук. Забелина № 641
Моск. Ист. Музей № 446) второй четв. XVII ст., представляющий со-
ою неизвестную еще редакцию первых шести глав „Сказания“ Авр. П.,
н полагает, что оригиналом этого (Забел.) списка был черновик
втора; Заб. сп. из других списков наиболее близок к рук. Моск. Д.
кад. № 175, но все же оказывается своеобразным и самостоятельным,
авая новый текст, а кое где и новые места, неимеющиеся в ранее из-
естных сп. При этом он все же короче Академического. Анализ об-
аруживает, что эта краткость свидетельствует о более раннем про-
схождении Заб. редакции, составленной в дек. 1610 — янв. 1611 г.
Далее исследователь изучает приемы работы Палицына и отношение
того его сочинения к „Иному Сказанию“. — В статье Две ре-
акции первых шести глав „Сказания“ Авраамия Па-
ицына проф. *П. Г. Васенко* (Летопись занят. археогр. ком. за
919—22 гг., 1923, вып. XXXII, с. 1—38) занят разбором вопроса о
отношении редакций этого памятника. Автор его принадлежал к числу
ыдающихся политических и исторических писателей нач. XVII в. Он
нимательно и осторожно переработал первоначальную работу, частью
о соображениям политическим, частью по литературным, то сокращая
еторическую и моралистическую часть растянутого рассказа І-й ред.,
о устраняя некоторые соблазнительные картины; но кое где он делал
дополнения, напр., обличая москвичей, игравших присягой. В ре-
ультате наблюдений проф. Васенка над двумя ред. получаются выводы:
первоначальная ред. написана до воцарения Романовых, вернее
конце 1612 г.; 2. позднейшая переделка вызвана разнообразными
обуждениями, а не только литературными и „внешними“ (с. 36—37).
ти исправления имели место вскоре после составления 1-й ред. —
той же эпохе относятся и Заметки к статьям о Смуте, вклю-
енным в Хронограф ред. 1617 г. проф. *П. Г. Васенка* (Сб.
. по р. истор., посв. С. Ф. Платонову, с. 248—269). В первой за-
етке — „Элементы поэтической стихии в статьях о Смуте“ — автор
станавливает внимание на сравнениях и других изобразительных
редствах поэтической речи, пользуясь текстом Р. Ист. Библ. XIII, ст.
273—1322, и на характеристиках исторических лиц эпохи, — и приходит
заключению, что в статьях о Смуте мы имеем дело с произведением
ервоклассного художника слова. Во второй заметке — речь о факти-

ческих неточностях в статьях о Смуте того же Хронографа 1617 г.: их немного и в них следует видеть промахи памяти. В третьей заметке автор ставит вопрос, кто был автором этих статей в Хроногр. 1617 г. и решает его так: это был Благовещенский протопоп Терентий, автор ряда памятников, касающихся событий Смутного времени. — Другому писателю той же эпохи, кн. Катыреву-Ростовскому посвящены три статьи. Акад. *С. Ф. Платонов* в статье „Старые сомнения" (Сборн. в честь проф. М. К. Любавского, 1917, с. 172—180) вновь поднял интересный историко-литературный вопрос о писательской деятельности кн. Ив. М. Катырева-Ростовского, которому он, вслед за Ключевским и Майковым, приписал „Повесть" о Смутн. времени и „Написание вкратце о царех московских", ранее приписывавшееся Тобольскому подьячему С. Кубасову, а недавно тому же кн. К.-Рост. приписали и трактат „на иконоборцы", автором коего ранее считали кн. Ив. Хворостинина. Сходство стиля и отдельных мест указывают, что и Строгановская сибирская летопись принадлежит автору „Повести" о См. времени. К тому же кн. К.-Р. был Тобольским воеводою в 1609—1612 гг. Но — 1. не вставлены ли в „Пов." о Смуте позже черты, роднящие её с другими сочинениями, приписываемыми К. Р-му? Может быть он является не автором, а интерполятором? 2. Сочинение „на иконоборцы" — ничем не возвышается над уровнем творчества „правовѣрныхъ трудолюбцевъ" своего времени, тогда как автор „Повести" — поразительный для своего времени писатель, сочетающий эпическую объективность со своеобразным поэтическим языком, 3. Если „Пов." не принадлежит К.-Р-му, то едва ли принадлежит ему и Строганов. летопись. Не принадлежит ли последняя С. Кубасову, подьячему, Тобольскому сыну боярскому, трудившемуся над составлением Хронографа? Но сведения о Кубасове в Тобольске — относятся к 1650-м годам, а Катырев выехал оттуда в 1612—1613 г. Ставя недоуменные вопросы, ак. Платонов задает новую задачу историкам литературы. — Отчасти приподнял завесу над решением вопроса проф. *А. С. Орлов* в ст. „Повесть кн. Катырева-Рост. и „Троянская История" Гвидо де Колумна" (Сб. стат. в честь проф. Любавского, с. 73—98). Эта повесть, относимая проф. Орловым вслед за его предшественниками к 1626 г., обратила на себя его внимание красочным стилем, красивым и своеобразным эпическим складом, что свидетельствует о книжности и литературном даровании её автора. О том же говорят и заключающие её вирши. Кн. Катырев-Р. внёс, по выражению проф. Орлова, в повествовательную манеру новую струю и обновил поэтический язык. Это обновление, как доказано в излагаемой статье, следует отнести за счет подражания автора „Повести" — славянскому переводу „Троянской Истории" Гв. де Колумны, известной в лат. издании с 1477 г. Русский перевод был сделан с полного латинского текста не позже к. XV — нач. XVI в. (по Орлову — „не позднее первой четв. XV в."). Этот перевод пользовался в XVI в. в России широкою популярностью, его роскошно иллюстрировали, его цитирует ц. Иван Грозный; наконец кн. Катырев-Р. на нем строит приемы нового повествовательного стиля, что подтверждено проф. Орловым в ряде весьма убедительных парал-

елей, от описания битвы — до описания царей и членов их семейства; капр. Өеодор Борисович = ц. Мемнону, Гекгору; ц. Ксения = Гекуба, Юоликсена, Елена, Андромаха, и т. п. Черты характеристик греческих троянских героев и героинь очень удачно скомпанованы при составлении характеристик русских историч. лиц. — Повидимому, вопрос ледует считать решенным после ст. г-жи *А. Ставрович*: „Сергей Кубасов и Строгановская летопись" (Сб. ст. по р. ист. посв. С. Ф. Платонову, с. 285—293). Г-жа Ставрович так резюмирует свои наблюдения над Строгановскою лет.: она „есть фальсификат, написанный около 1673 г. с весьма определенной целью: утвердить мнение об участии (хотя бы и косвенном) в покорении Сибири Семена Строганова". Составными частями её являются: 1. подлинные акты, 2. протограф, схожий с Есиповской летоп.; 3. местные предания и летописи и 4) риторическое плетение словес автора, служившего в Посольском приказе. Сличения Строган. лет., риторических мест из Хронографа Кубасова и „Повести", приписываемой кн. Катыреву-Рост., говорят, что эти памятники написаны одним лицом, что подтверждается рядом стилистических совпадений; это лицо использовало и „Троянскую Историю" в славяно-русском переводе. Таким лицом мог быть только С. Кубасов, служивший с 1654 р. подьячим в разных местах Сибири; он не мог быть деятелем или очевидцем Смуты, но черпал свой материал из хороших источников. — В 1917 г. возобновился спор о времени возникновения стихотворства в Московской Руси, поднятый некогда ак. Л. Н. Майковым и А. И. Соболевским. *Н. П. Попов* в статье „К вопросу о первоначальном появлении вирш в северно-русской письменности" (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1917, XXII, кн. 2, 259—275), отметив, что оба указанных ученых относят появление искусственного стихотворства в сев. Руси к 20-м годам XVII ст., доказывает на основании ряда случаев рифмованной речи в соч. Авраамия Палицына и в Ином Сказании (по Р. Ист. Библ. XIII т.), т. е. уже в 1606 г. — что эту дату следует считать более близкой к истине, а средою, в которой возникло стихотворство — нужно признать круг лиц, близких к Троице-Сергиевой Лавре. Древнейшим примером стихотворства является т. обр. „Иное Сказ." 1606 г. — Проф. *В. П. Адрианова* в статье „Из начального периода русского стихосложения" (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1921, XXVI, с. 271—276) углубляет наблюдения предшествующей работы и исправляет предложенную Н. П. Поповым дату: не „Иное Ск." 1606 г. является в Москве древнейшим памятником, систематически украшенным рифмованными стихами, а „Повесть о честнем житии царя Өеодора Ивановича", патр. Иова, написанная не позже 1603 г. Этот памятник обладает не только большим количеством глагольных рифм, являющихся результатом синтактического построения речи, но и рифмами более изысканными. Отсюда вывод: вкус к ритмической и рифмованной речи в Моск. Руси обнаружился в к. XVI в. и в нач. XVII в. был характерен не только для кружка лиц, связанных с Тр.-Серг. Лаврой, но захватывал и более широкую литературную среду. — От XVII в. до нас дошло некоторое количество любопытных записей, делавшихся по устным рассказам чуже-

странцев или москвичей, побывавших заграницей; к числу таких рассказов (часто фантастических) следует отнести и изданный акад. *В. Н. Перетцом* „Рассказ о потурчившемся и раскаявшемся иерее“ по рук. Большак. № 320, XVII в. Возможно это есть запись, сделанная в Посольском приказе, в пользу чего говорят начальные слова рассказа: „слышах повесть сию от грек чрез толмача Ивана Спиридонова сына Соболева Магилевца“ — в 1634 г. С этим рассказом издатель сопоставляет болгарскую песню из собр. Янкова, 1908 г. — Вклад в литературу о паломниках представляет ст. проф. *В. П. Адриановой* „Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары“ (Сборн. Росс. Публ. Б., т. II, в. 1, 1924 г.). На основании новых рукописных материалов автор восстанавливает иную картину литературной истории этого „хождения“, нежели та, которую рисовали известные доселе тексты. Библ. Академии Наук имеет текст XVII в. в форме записи устного рассказа о каком то путешественнике, по обещанию ходившем в Иерусалим. Эта запись занесена в статейный список русского посольства в Кызылбашской земле (Персии). Не называя имени этого паломника и не приводя никаких биогр. данных о нем, список передает текст хождения Гагары, но с такими фактическими добавлениями, которые не могли быть взяты из литер. источника, указывая ясно на свидетельство очевидца. Возникает предположение, что эта запись вместе со статейным списком была прислана в Москву, стала известной близкому ко двору Вас. Гагаре, перерабатывалась им в обычном стиле хождений, теряя яркие бытовые черты, характеризующие Акад. сп. Следы первонач. обработок сохранились в изданном ранее, но никем не объясненном сп. Временника и в новом, найденном пр. Адриановой сп. собр. Буслаева. Таким образом новые тексты рисуют нам В. Гагару не как самостоятельного паломника-автора, а как компилятора, редактировавшего чужой, готовый набросок. — История древне-русской повести светского характера и содержания выдвинута как задача времени в книжке проф. *Н. К. Пиксанова* „Старорусская повесть“ (М. и Петр. 1923, 96 стр. Госиздат.) Она заключает в себе: предисловие, обращение к учащимся, введение в историю р. пов., 41 тему, из коих каждая может быть удобно разбита на несколько более детальных, дробных, наконец — в приложении — тексты повестей к. XVII в.: о Карпе Сутулове, О молодце и девице, и Пов. о королевиче Валтасаре. Книжка назначается в качестве пособия при ведении университетского семинария — и в этом отношении она вполне отвечает своему назначению, даже более — она может быть полезной справочной книгой для начинающего ученого, так внимательно подобраны библиографические указания главнейшей литературы при каждой теме. Небольшие пропуски — легко восполняются (напр. вм. резюме статьи ак. Дашкевича в Чт. Общ. Нест. Летоп. — уместнее было бы указать его полную статью в „Zborník'u u slavu Jagića“; следовало бы указать параллели к „Горю Злочастью“ — у Рыбникова, полезно было бы обратить внимание на изданные ак. Перетцом тексты повестей в Киев. Унив. Изв. 1907 г.; не следовало бы выделять пов. об Александре и Лодвике из „Пов. о семи мудрецах“ и т. п.)

Следует приветствовать мысль составителя книжки — обратить внимание университетской молодежи на светскую литературу до-петровской Руси: ею действительно занимались меньше, чем она заслуживает; но следует признать крайностью утверждение, будто бы у нас „нет крупных образцовых монографий“, посвященных повестям. А образцовая монография ак. Истрина об Александрии? А работы професс. Орлова, Григорьева, Шамбинаго и др.? Во введении встречаем ценные мысли, но они затемнены отголосками ненаучного мировоззрения, для которого вся не светская литература является „паразитической“ (с. 14). Дело историка литературы не в выборе памятников: всякий отбор будет все да искусственным и субъективным, — а в установлении точки зрения. (О чем подробнее см. в „Кратком очерке методологии“.) Не чужд проф. Пиксанов, однако, и новым веяниям: он ищет и в литературе „социального расслоения“ (с. 43), забывая, что интерес к простонародному быту в литер. изображении — характерен в известные эпохи для высших классов, а, с другой стороны, простолюдина далеко не удовлетворяет самое реалистическое описание его собственного быта, тусклой и серой жизни... Тексты в приложении — интересны, но нехарактерны: нельзя же утверждать, что типичным для любителей литературы XVII—XVIII в. являлся genus obscoenum? — Первоначально полемический трактат, позже — сатирическое произведение, „Прение Панагиота с Азимитом“ послужило темою для „Критичних замiток“ *А. К. Дорошкевича* (Записки iстор.-фiлолог. вiддiлу Всеукраïнськоï Академiï Наук, кн. 2—3, 1923, Киïв, с. 60—76). Здесь — обозрение литературы и обзор списков памятника и их характеристика. Автор идет за своими предшественниками, расширяя поле наблюдения привлечением новых списков. К 1-й ред. он относит два сербских, ко 2-й — множество болг., русск. и украинских. Особое внимание уделено Киевским сп. — б. Дух. Акад. (Почаевск.) и Михайл. мон. Автор возводит известные ему тексты к общему (болг.) протографу, а также заключает о жизненности памятника на Украине в XVI и XVII в. в силу историч. условий, как и для византийца XIII ст., тогда как для великоруса „Прение“ в это время стало чисто литературным памятником. — Интерес к „Сл. о п. Игор.“ вызывает в свою очередь интерес и к его обработкам. Давно чувствовался недостаток точного издания поэтических памятников о Мамаевом побоище, обычно называемых „Задонщинами“. *П. К. Симони* наконец опубликовал начало (текст) работы „Задонщина вел. кн. г. Димитрия Ивановича и брата его кн. Володимира Андреевича по Кирилло-Белозерскому сп. 1470-х гг.“ Петргр. 1922, 34 стр. + XVI автотипич. снимков с рукописи. Издание сделано с величайшею тщательностью. Во введении — описание Кир.-Бел. Сборн. № 9 —1086, где между прочим напечатано по этой же рукоп. „слово о добрых женах и о злых и худоразумных“, „словеса св. отец от бесед“, (о ленивых, отрывок вопросоответной компиляции), стих об Адаме в старшей записи, „послание Феофила Дедеркина на Москву великому кн. Василью Васильевичу из за римья из латины“ — о провалившихся городах. — Проф. *Л. Т. Белецкий* опубликовал исследование „Литературная история повести о Меркурии Смо-

ленском.“ Иссл. и тексты. I + 95 стр. (= Сб. О. Р. Я. и Сл. т. 99, 1923). Повесть уже привлекала к себе внимание Буслаева, Писарева, Кадлубовского и др., но их работы были либо основаны на скудном материале, либо шли методологически неверным и потому бесплодным путем. Краткие выводы проф. Белецкий опубликовал уже в рец. на статью Миндалева „Пов. о Меркурии См. и былевой эпос“ (Сборн. в честь проф. Корсакова, Казань). В изданом теперь полном исследовании эти выводы аргументируются и углубляются тщательным изучением 37 списков повести в их соотношениях. Списки распадаются на пять групп. Рассмотрев эти группы в связи с данными церковной истории и записью народной легенды, автор книги приходит к заключению, что в основе Повести лежит, как думал и Буслаев, какое то событие, свершившееся на заре исторической жизни г. Смоленска, запечатлевшееся надолго в памяти жителей. Оно легло в основу народного сказания о Меркурии, обратившего на себя внимание древнерусских книжных людей, обработавших его в двух видах: в виде сказания, сохраненного в рукоп. Жюлева (Син. б.) 1665 г., и в виде Минейного жития, с тенденцией прославить героя и мученика за освобождение города. Эта вторая обработка, возникшая не позже первого десятилетия XVI в., — сохранилась в четырех редакциях: 1 архетип Минейной группы списков; 2. архетип Хронографической гр., возникший в 1537 г.; 3. архетип Смоленской гр., возникший между 1654—1656 гг.: 4. архетип Летописной гр., возникший, возможно, не ранее XVII ст. (с. 48—49). Анализ проведен внимательно, выводы изложены отчетливо, использован обильный материал. В приложении — изданы тексты всех ред. Полезно было бы присоединить к ним и службы. — С XVII в. началось записывание богатырских песен; эти записи представляют глубокий интерес. *П. К. Симони* издал по двум спискам (Барсов. № 1463 перв. пол. XVII в. и Бусл. н. XVIII в. О. XVII, № 57) „Сказание о Кѣевскихъ богатыряхъ какъ ходили во Царьградъ“ (Памятн. стар. р. яз. и словесн. XVI—XVIII стол. в. I. Петрогр. 1922, 64 стр. = Сб. О. Р. Я. и Сл. т. 100, № 1). Издание сделано весьма точно; оговорены все приписки на подклееных частях листов, поправки в тексте рукописи и палеографические детали письма. В конце — сведения о Барс. и Бусл. сборниках. — Поздние русские повести о картофеле, его происхождении из трупа царевны и пса или из трупа беззаконника изучались раньше (ст. Перетца Назаревского), но наиболее полно, по новым материалам оне изучены *А. И. Никифоровым* в работе „Русские повести, легенды и поверья о картофеле“ Казань, 1922, 86 стр. Автор, хорошо осведомленный и в старинной книжной литературе и в народной традиционной, приходит в заключении своих разысканий к след. выводам: он думает, что письменные повести возникли на основе записей изречений и поверий (против чего можно, впрочем, спорить: могло быть и обратное). Повести были двух видов: 1. повесть, производящая картофель из трупа блудницы, представлена 3-мя списками, возникла в XVIII в. под некоторым влиянием повестей о табаке; 2. повесть — где картофель является из трупа мужчины, существовала в трех редакциях, частью реконструируемых исследователем, частью представлена

в ряде списков, что наглядно показано в схеме их соотношений. Повесть изучена сравнительно, с большим аппаратом данных фольклора. В заключении — приложены тексты повестей. — Возникшая в к. XVII в. литература старообрядцев нашла и в обозреваемый период интересующихся ею. Археогр. Комиссия продолжала издание ,,Памятников истории старообрядчества XVII в.''; оттиском из 1-й книги этого издания является ,,Книга бесѣдъ протопопа Аввакума'', Петрогр. 1917, XVI+столб. 241—424, приготовленная к изд. проф. *П. С. Смирновым* ,,Беседы'' были и ранее известны в печати — в изд. Субботина; новое издание сделано по лучшим рукописям XVIII в.: — Росс. Публ. Б. Q. I. 1059, В. Г. Дружинина № 496, Рогожск. кладб. № 304—770, и Моск. Рум. Муз. № 2548 XIX в. Время написания ,,Бесед'' — царствование Алексея Михайловича, 1669—1675-е годы. В приложении даны послания прот. Аввакума к Ѳ. М. Морозовой, Е. П. Урусовой и другим ,,горемыкам'', оставшимся в прадедовской вере в тяжелые времена патр. Никона и в последующие годы. Это издание — ценнейший вклад не только в историю р. литературы XVII в., но и в историю языка и стиля, как и все сочинения прот. Аввакума. — *Е. В. Барсов* в статье ,,Четьи-Минеи братьев Денисовых'' (Сборн. в честь проф. М. К. Любавского, с. 663—708) обращает внимание ученых на памятник, не бывший доселе известным никому из историков русской церкви и литературы. Братья Андрей и Семен Дионисиевичи, кн. Мышецкие известны как высоко образованные для своего времени (н. XVIII в.) приверженцы и ревнители старообрядчества. Они оставили глубокие следы в его литературе, как агиографы, историки-критики, проповедники, палеографы, авторы посланий. Е. В. Барсов предлагает подробное постатейное описание Четьих-Миней, составленных на Выге ,,тщанием и радением Даниила и Андрея старейшин общежительства, паче же Симеоновым и уставщика Петра многогрешного'' в 7223 (1715) г. Минеи дошли до нашего времени от сент. до авг. за полный год, кроме мартовской и майской, неизвестно где погибших. Они составлены, по предположению Е. В. Барсова, вследствие появления Четьих-Миней Димитрия м. Ростовского, руководившегося латинскими источниками, что было, конечно, неприемлемо для старообрядцев. — К петровскому времени относятся материалы, опубликованные покойным проф. *И. А. Шляпкиным* в статье ,,Библиографические разыскания в русских и заграничных библиотеках по славянорусской письменности.'' (Библиогр. Летоп. О. Л. Др. II. III, 1917, с. 1—26). Содержание разысканий таково: I. Запись чудес 1690-х гг. препод. Арсения Новгор. по рукописи Устюжского собора н. XVIII в. № 63 (текст). II. Речь Митавского придворного поэта Христ. Бейера к послам ц. Петра В., 1697 г. в соврем. русском переводе, по рукоп. Шляпкина № 339 (ныне Саратовск. Унив.) III. Вирши автора поляка, мешавшего украинскую речь с польской,-ген.-фельдмаршалу гр. Б. П. Шереметеву; по мнению издателя, автором вирш мог быть Степ. Чижинский. IV. Письмо и вирши кн. А. Д. Меньшикову, найденные в переплете книги 1718 г.; тут же отрывок любовной элегии, а за одно перепечатаны и стихи на брак М. Д. Меньшиковой с гр. Головиным 1703 г. из ,,портфелей Миллера'', давно опубликованные по оригиналу автора, маг. Пауса, в ,,Исслед.

и матер.“ III, 2, с. 139 В. Н. Перетца. V. Неизвестное послание св. Димитрия митр. Ростовского наместнику Иосифу об исповеди — по рук. Шляпк. н. XVIII в. № 338. VI. О школе и Летописце св. Дим. Р. — „Предисловие“, найденное в рук. Великоустюж. соб. н. XVIII в. № 57, по мнению И. А. Шляпкина, принадлежащее св. Д. и указывающее на причину написания им „Летописца“: желание дать руководство по истории. VII. Вирши Иоанна Величковского, прот. Полтавского, по той же рукоп. К сожалению, до сих пор остается неизданным сборник стихотворений этого оригинального стихотворца „Зеґаръ з полузеґаркомъ“, еще недавно хранившийся у его потомка, Нежинского свящ. о. Александра Величковского. — К той же эпохе относится ст. проф. *К. В. Харламповича* „Ведомости Московского Государства“ (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1918. XXIII, кн. I, с. 1—18). До сего времени относили начало печатания первой газеты в России к выходу 1-го нумера „Ведомостей“ — 2 января 1703 г.; но автору статьи удалось найти материал, доказывающий, что 1-й нумер вышел еще 16 декабря 1702 г. и только с заграничными новостями, а на другой день — исключительно с русскими. Эти данные найдены в интересном сборнике н. XVIII в., поступившем в библ. б. Казанской Духовной Академии от ее б. ректора, еписк. Анатолия; в приложении дан текст, сильно сокращенный по сравнению с переизданным Погореловым. — История старинного театра и драмы в России за отчетные годы не оставалась без внимания русских ученых. В 1918 г. в Петрограде был выпущен в свет Театральным Отделом Нар. Ком. по Просв. Сборник Историко-театральной секции т. I (и единственный). Здесь находим некролог И. А. Шляпкина, написанный *В. Н. Соловьевым* со сведениями о новом труде покойного ученого по истории театра петровской эпохи; затем — Библиографический и хронологический указатель материалов по истории театра в России в XVII и XVIII вв., составленный автором нескольких монографий по истории театра *В. Н. Всеволодским-Гернгроссом* на основании архивных данных, мемуаров и др. источников, не лишенный достоинств, но обильный опечатками (напр. „Куртизанна черная“ вм. „честная“ и т. п.). — В книге I-й „Известий Таврич. Унив.“ 1920 г. проф. *Н. К. Гудзий* в статье „К истории русского театра“ (с. 1—18) опубликовал 1. интересную школьную декламацию 1737 г., извлеченную им из рукоп. XVIII в. Тихонр. № 43; в ней выступают: Церковь, Змий, Архангел, Турчин, Татарин, Кызылбаш, Башкирец, Мордвин, Арапин и Диавол. и 2. „Интермедию о старце“ по рук. № 314 того же собрания, — где изображен пьяница монах, баба, цыган, молодка, гости; манера и стих — лубочных картин и юмористических произведений XVIII в. Тексты сопровождены небольшими исследованиями о них. — В конце 1921 г. вышли „Старинные действа и комедии Петровского времени,“ извлеченные из рукописей и приготовленные к печати *И. А. Шляпкиным* (Петрогр. 1921, 2+212 стр. = Сборн. О. Р. Я. и Сл., т. 97). Труд покойного ученого, законченный им перед самою смертью, появляется без обширного введения, неизвестно куда исчезнувшего. Он значительно расширяет наши сведения о репертуаре Петровского времени, делая известными целый ряд новых пьес: „О Сарпиде дуксе Ассирийском“, „Действо о Иеѳае

Галаатском", „Ком. о Ксенофонте и Марии", „Ком. об Есфири царице", „Действо о 10 девах", „Действо о св. муч. Праскевии" и „Рождеств. драму" — по рукоп. Музея Бахрушина в Москве. Из этих пьес лишь последняя была известна по иному списку. Тут же перепечатаны отрывки ролей из театра ц. Наталии Алексеевны по Великоустюжской рукоп. и „Сказание о гаере Гарликине Российском" по рук. Шляпк. № 232. — Первая из пьес, найденных И. А. Шляпкиным, обследована в разных отношениях в ст. акад. *В. Н. Перетца* „Акт о Сарпиде дуксе Ассирийском" (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1921, XXVI, с. 103—123); пьеса анализируется с точек зрения драматургический и сценической, указаны стилистические параллели к ней в литературе петровского времени. По замыслу и плану эта пьеса примыкает к типу „Staatsactionen" не без следов воздействия школьной драмы. Она может быть отнесена к 1720-м годам, примыкая к ряду сходных с нею пьес петровского репертуара. — Специально посвящен вопросам истории р. стар. театра и драмы сборник Старинный театр в России (изд. Academia, 1923, 180 стр.) под ред. ак. *В. Н. Перетца*; ему здесь принадлежат статьи: обширное методологическое введение в изучение старинного театра в России; характеристика этого театра 250 лет тому назад, с анализом драматургической стороны наиболее популярных пьес того времени (контрастирования ужасного и смешного, любовные сцены, сценические эффекты); статья „Италианская интермедия в стихотворном переводе 1730-х гг,", где опубликован текст интермедии об игроке и его жене и дан историко-литературный и сценический анализ пьесы. — В том же сборнике проф. *Р. П. Адрианова* в статье „Из истории театра в Твери в XVIII в." сообщила текст панегирической пьесы 1740 годов, школьной декламации, посвященной имп. Елисавете и цесаревичу Петру Фед., определила её автора (Иван Лятошевич) и дала её историко-литературный анализ. — Там же проф. *С. А. Щеглова* опубликовала статью „Русская пастораль XVII в." („Беседы пастушеские" Симеона Полоцкого), где предложен анализ пьесы, определено ее отношение к польским аналогичным произведениям, издан текст „Беседы", которая представляет дальнейший шаг в развитии пасторали по сравнению с польскими пьесами. Она была назначена для декламации и представлена в Полоцке. — Проф. *А. И. Белецкий* в книге „Старинный театр России" М. 1923, 103 стр., ведет речь собственно о народном и школьном театре на Украине, почему о ней уместно будет сказать несколько ниже. — Заключаем обзор работ по истории драмы упоминанием об издании ак. *В. Н. Перетца* „Италианские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны в 1733—35 гг. Тексты" Петрог. 1917, gr. 8⁰. VIII + 489 стр. Это вторая часть неосуществленной в целом работы, прерванной великою войной. Здесь заключаются тексты 39 русских сценариев пьес Commedia dell'arte, представленных на придворном театре. Тексты переведены В. К. Тредиаковским (если не все, то большая часть); в оглавлении указаны соответствующие немецкие переводы, делавшиеся ак. Штелином для придворных, не понимавших ни италианского ни русского языка. В приложении — „Шутовская комедия" по рукоп. Унд. № 903. — В статье „Литературные материалы".

Из рукописей Казанского Центральн. Музея (Каз. Музейн. Вестник. 1922) *А. И. Никифоровым* опубликованы сведения о сборнике жартов в стихах № 115 (114) и изданы два таких жарта: „о мужике“ и „о некрасноличной девице“, там же — статья о Казанских списках повестей о табаке, числом четырех, все XVIII в., с характеристикой каждого списка. — Этими замечаниями заканчиваем третью часть нашего обзора и переходим к последней — имеющей целью обозреть труды русских и украинских ученых по обследованию старинной украинской и белорусской литературы.

IV. История литературы Украинской и Белорусской за время с марта 1917 г. разрабатывалась довольно усердно, но все же главное внимание обращалось по понятным причинам на близкую к нам эпоху, на XIX-й век, и потому на долю старинной литературы выпало небольшое количество работ. При этом оговоримся, что наш обзор в этой части не может претендовать на какую либо, даже относительную полноту и точность: вероятно, многое, выходившее в свет на Украине в 1917—20 гг. осталось вне поля нашего зрения; кроме того, говоря об украинской и белорусской литературах в XV—XVIII вв., очень трудно порою провести грань между памятниками, относящимися то к той, то к другой, то к обеим литературам вместе. Общность исторических условий жизни украинского и белорусского народа привела к тому, что белор. памятники обращались на Украине, украинские — в Белоруссии, при чем, как известно, выработалось своеобразное *κοινή*, в котором национальные различия заметны лишь в области фонетики, поскольку последняя передается орфографией. — Старой украинской литературе, в изданиях вышедших в России и на Украине, насколько нам известно, не посвящено ни одного специального научного труда. Есть только спец. главы в руководствах Ист. укр. лит. акад. *С. О. Ефремова* и *О. К. Дорошкевича*, назначенной для школ; старой литературе посвящена часть „Хрестоматії по українській літературі для народніх вчителів, шкіл, учительських та середніх і для самоосвіти“, составленной проф. *М. Сумцовым*, *І. М. Плевако* и проф. *Д. І. Багаліем*, Харьк. 1918; есть и новое её издание 1922 г. Подбор памятников довольно случайный, что и понятно: история старой украинской литературы требует большой подготовительной работы над рукописным и старопечатным материалом, имеющимся в изобилии, но мало разработанным. — Старой белорусской письменности более посчастливилось в России. Ей посвятил акад. *Е. Ф. Карский* 2-й вып. III-го тома своего обширного труда „Белоруссы“ (1921, 246 стр.). Судьбы древней белор. литературы излагаются здесь в связи с исторической обстановкой, с историей культурной жизни, но сведения этого рода не подавляют главной, собственно историко-литературной задачи автора. В первой главе — речь о выступлении народного языка в Западной Руси в роли литературного органа, далее — о переводах на белорусский язык в XV—XVI в. — книг Свящ. Писания, творений свв. отец, апокрифических памятников, житий свв., суеверной и гадательной литературы, духовных и светских повестей, исторических со-

нений. В следующем отделе рассмотрены самостоятельные произве-
ения — западно-русские летописи, мемуары, памятники права, рели-
озно-богословские сочинения, обширная полемическая литература про-
в католицизма и в защиту православия, опыты стихотворства, драмы
сатиры. Характер изложения преимущественно библиографический,
бо автору прежде всего было необходимо привести в известность и со-
рать disiecta membra древней западно-русской письменности, что он
сделал со свойственной для него осведомленностью. Только кое где
числе белорусских — встречаем у него собственно украинские памят-
ики, но это неизбежно при первоначальной обработке истории смеж-
ых и взаимно пересекающих и дополняющих литератур. Более по-
робно говорим об этой книге в Изв. О. Р. Я. и Сл., т. XXVII, 1922 г. —
. *И. Миловидов* (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1917, XXII, кн. 2, 221—226) сообщил
документа из Кенигсбергского Госуд. Архива (F. 48, S. 528 ff.), касаю-
иеся белорусского первопечатника, литературного и культурного деятеля
ач. XVI в., д-ра Франциска Скорины, от 16 мая, 18 и 26 мая 1530 г. Эти
окументы проливают свет на темные страницы биографии Скорины и до-
ле никем не были использованы. — Безвременно скончавшемуся проф.
. *П. Сушицькому* принадлежит опубликованная Всеукр. Акад. Наук
абота „З а х і д н о - р у с ь к і л і т о п и с и я к п а м я т к и л і т е р а т у р и“,
иїв, 1921, ч. I, 136 стр. (= Збірн. Істор.-філол. відд. Укр. Акад. Н.,
ип. 2.). Акад. Иконников в своем „Опыте русск. историографии“ дал
водку всего, что сделано по изучению Зап.-рус. летописей, являющихся
значительной степени продолжением галицко-волынского летописания,
оведенного до к. XIII в. Но оставалась в этих памятниках одна
орона, совершенно не изученная — именно литературная. I-й выпуск
аботы проф. Сушицького (вышедшей параллельно и на русском яз.)
ышел в свет недопечатанным: сюда вошел лишь обзор литературы во-
роса (гл. I), глава II — о списках и редакциях зап.-русск. летописей,
. III — о составе и источниках их, именно: А. Анализ общерусской
асти „литовских“ летоп. (Супр. сп.) и Б. Анализ „литовской“ части
избрания лѣтописанія“ (1431—1446 гг.), обрывающийся на полуфразе
а стр. 136. Но и в этой части, опубликованной Укр. Академией, мы
аходим выводы, не лишние при дальнейших работах. Так критический
ересмотр литературы о зап.-р. лет. позволяет автору заключить, что
не существовали уже в XIV в., что сохранившиеся списки их являются
ке сводами, что источниками их были летописи Смоленские, летоп. в. кн.
итовских, Киевская, Волынская, Подольская; Владимирский Лето-
исец; влияли на них и польские хроники, официальные акты и при-
ворные записи. Литовские летописи велись при митр. Герасиме в Смо-
енске, возможно — до него и наверное — после него. Состав зап.-р.
етоп. очень разнообразный; кроме смоленск. летописей и хроники и др.
помянутых источников, — в них вошли „Похвала Витовту“, ряд от-
ельных записей, а в сложный свод Быховца — ряд народных ска-
аний и пр.; можно различить три главных части: общерусскую, смо-
енскую и западнорусскую. Исследователи делят все списки зап.-р. л.
о на две, то на три группы. Время составления краткого свода — от-
осят к перв. полов. XV ст., полного или сложного — ко втор. пол.

XVI ст. Зап.-р. летописи заметно повлияли на польских хронистов Стрыйковского, М. Бельского и отчасти на Длугоша (с. 53). Все это — до известной степени приемлемо, но — кое что и гипотетично. Разрешить эти вопросы было задачей проф. Сушицького. Детальный анализ летописей приводит его к распределению всех известных списков на три главные группы. Все 14 списков в отношении обработки распределяются на 3 особые редакции: 1. краткая, она же старшая, характеризуется обилием смоленских известий и отсутствием истории древней Литвы; 2. осложненная или вторая ред. отличается наличием известий о древн. Литве и сокращением смоленских известий. 3. полная или третья ред. характеризуется широким привлечением различного материала, как по истории древн. Литвы, так и времени после Гедимина. Первая ред. — старейшая о чем говорят архаизмы в лексике; она же и лучшая в отношении точности передачи событий, имен, хронологии и образно-поэтического стиля. Вторая и третья ред. отошли дальше от протографа, кое где имеют испорченый текст. Время возникновения I ред. — 1440-е годы, II-й — 1550-е гг., III-й — 1560-е гг. (с. 100). Выводы относительно источников: первым и главным источником зап.-р. летописца (в общерусской части летоп.) был общерусский свод Московского происхождения, типа Соф. Временника 1423 г. Отсюда зап. р. лет. извлекал древнейшие известия совершенно механически, сначала без сокращений, затем постепенно усиливая тенденцию к сокращению; в конце присоединяет несколько статей литовского содержания, особенно про управление литовскою церковью митр. Фотием. Эту часть зап. р. л. следует считать компилятивным сводом москов. ред., с некоторым уклоном в конце текста в сторону литовских интересов. Автор оригинальных литовских известий 1410 1427 г. был духовным лицом, возможно — это еп. Коломенский Амвросий, спутник м. Фотия. Автору этих записей, возможно, принадлежит и редактирование всего свода, оканчивавшегося 1427 годом. Он составлен вскоре после 1427 г., м. б. в 1428 г. По составу он имел тот же объем, что и список Супр. кончая 1427 годом, кроме византийских известий 1353 года. Т. обр. эта обще-русская часть литовского летописца является первым сводом в составе всего зап.-р. летописания; проф. Сушицький назвал его „старейшим Литовск. сводом 1428 г. еп. Амвросия" (с. 121). Можно пожелать, чтобы Всеукраинская Академия закончила издание труда проф. Сушицького: оригинал конца исследования хранится у его вдовы. — Весьма интересны небольшие статьи проф. *А. С. Грушевського* „Из полемической литературы к. XVI в. после введения унии" (Изв. О. Р. Я. и Сл. 1917, XXII, кн. 2, 291—313). Первая касается „спора о культурных влияниях" византийско-славянских и западноевропейских на старую Украину, в связи с углублением национальной культуры в полов. XVI ст.; вторая очерчивает отношение в к. XVI в. к церковно-славянскому языку, излагает спор о его употреблении и практический результат спора, обнаруживающийся в сочинениях Ив. Вишенского; в третьей статье излагается полемика еп. Ипатия Потия и Клирика Острожского, с характеристикой литературной манеры обоих писателей. — Драгоценным пособием для изучения просветител

ного и литературного движения на Украине в XVI и XVII в. было бы систематически проведенное описание деятельности всех работавших тогда типографий и книг, вышедших из них. Отчасти такая работа выполнена в книгах проф. прот. *Ө. И. Титова* „Типография Киево-Печерской Лавры. Историч. очерк. (1606—1616—1916 гг.)“. Том первый (1606—1721 г.). Киев. 1918, 4⁰, 506 стр. и „Приложения к первому тому“, Киев. 1918, 4⁰, 18 + 546 стр. В этом широко задуманном юбилейном издании заключается самый интересный период деятельности Печерской типографии. Текст первого тома грешит обычными для автора неточностями и некритичным отношением к цитуемым и не цитуемым источникам и пособиям, но украшен массою ценных снимков сделанных образцово. Даны образцы различных шрифтов и украшений книг XVII и нач. XVIII в., ряд крупных украинских писателей и культурных деятелей представлен в снимках с подлинных портретов. Для историка литературы особую ценность представляет „Приложение“: здесь собраны в хронологическом порядке предисловия Киево-печ. изданий XVII в., отрывки из некоторых, а небольшие брошюры — перепечатаны полностью, за что можно быть признательным трудолюбивому составителю книги. Жаль только, что воспроизведение старых текстов далеко от точности ,несмотря на прекрасную оборудованность типографии: допущено не мало опечаток (напр. в „Визерунке цнот“ 1618 г., в выписках из Триоди Постн.), вследствие ошибок в копии. Но для целей исторических — это весьма полезное издание. — Специально занялся деятельностью Т. Земки безвременно погибший в 1918 г. *В. М. Отроковский*; его книга „Тарасий Земка, южнорусский литературный деятель XVII в.“ 1921, 122 стр. (= Сб. О. Р. Я. и Сл., т. 96, № 2) представляет историко-литературную монографию, в первой главе которой дан обзор источников и биографические сведения о Т. З.; во второй — внимательно сделанный анализ его стихотворений-эпиграмм, числом 10, на фоне данных эпиграмматической литературы на Украине XVI—XVII вв. До этой работы уделялось очень мало внимания форме украинских вирш; здесь на первое место выдвинута формальная, т. е. литературно-художественная сторона их. „Исследование панегирических вирш Т. Земки в связи с общим развитием этого литературного жанра обнаружило в них: правильный размер и гладкую рифму (количество глагольных рифм у Т. З. незначительно), применение традиционных приемов панегиризма и, в частности, герботолкования, а также некоторое своеобразие поэтического стиля; как особенность последнего надо еще отметить богатство в стихотворениях Т. З. мотивов реального содержания“. „Отсутствие у Т. З. ссылок на классическую историю и миѳологию должно объяснять как наследием первоначальной школьной и литературной традиции, так и строго религиозным отношением автора к образам чуждого языческого мира“ (с. 50). В третьей главе рассмотрены богословские труды Т. Земки — его предисловия к изданиям К.-Печ. Лавры. Исследователь изучает его источники и его манеру пользоваться ими, способ рассуждения, а за сим анализирует литературную сторону этих трактатов, определяя их традиционные мотивы и устойчивые приемы стиля и языка. В итоге — сжатый и выпуклый образ

этого малоизвестного, но для своего времени много значившего труже ника. В приложении — некоторые неизд. стихотворения Т. З. и „преди словия“ к Толков. на Апокалипсис 1625 г., Литургиариону 1629 г. Триодиону 1631 г. — на слав. яз. и Синаксарь на 3-ю нед. поста — н украинском яз. — Проф. *Н. К. Гудзий* в книге „Переводы »Żywotó Świętych« Петра Скарги в Юго-Западной Руси“ 1917, Киев 135 стр., осветил любопытный момент в истории польско-украинских ли тературных отношений во второй полов. XVII в. Автор отмечает бед ность житийного украинского материала и этим объясняет возникновени идеи увеличить запас житий на украинском яз. путем перевода их и „Żyw. św.“ Скарги, имевших широкую популярность и за пределам польской среды; влияние этого писателя не ограничилось только этим переводились в большом количестве и его „Kazania“, встречающиес в украинских рукописях XVII в.; наконец в Москве в 1689 г. были пе реведены на русский яз. его „Roczne dzieje kościelne“. Украинские про поведники широко пользовались сочинениями Скарги. Проф. *Гудзий* изу чает переводы житий, сохранившиеся в рукописях Киево-Мих. мон № 2582; Киево-Соф. соб. № 129, № 130 и № 297; Киево-Печ. Лавр № 155, № 156; Могилевской семинарии № А 2107—18; библ. Нар. Дома в Львове № 57, № 89, № 165; Моск. Син. Б. № 752; М. Рум. Муз. № 15 и № 373. Часть житий — издана в „Памятках“ І. Франка. Больша часть переводов сделана на украинскую книжную речь XVII в., меньша на белорусскую, часть на церк.-славянский яз. Переводились жити и чуждые православной церкви, напр. св. Домицилии, Кунегунды, Фло риана. Церк.-слав. переводы передают текст Скарги полностью. Все об следованные переводы, по наблюдению проф. Гудзия, восходят непо средственно к Скарге. Иногда переводчики шли за оригиналом, иногд сокращали его, если он предлагал нечто излишнее для православног читателя, иногда дополняли его традиционными данными. В заклю чение автор прилагает таблицу житий, переведенных из Ż. św. Скарг с указанием, в какой рукописи имеются эти переводы. — Как материа для истории украинских „Учительных Евангелий“ — полезно издани проф. *А. Л. Петрова* Памятники церковно-религиозно жизни угроруссов XVI—XVII в., 1921, VI + 395 стр. (= Сборн О. Р. Я. и Сл. т. 97), где напечатаны поучения на Евангелие по Нягов скому сп. 1758 г.; это — одно из многочисленных Учит. Ев., широк распространенных от Слободской Украины до Карпат в сп. XVI—XVIII в Рукопись датирована 1758 годом, но по происхождению она горазд старше и, возможно, оригинал её относился к началу XVII в., когд на Украине увлекались подобными сборниками, частью передающим „простою мовою“ Уч. Ев. Каллиста, издававшееся неоднократно, часть представляющими переводы польских „Postyll“. Язык Няговского У Ев. — народный, хорошо отражающий черты диалекта. В том же том проф. Петров опубликовал „Оброну вѣрному человѣку“, но, к сожа лению, не полностью, а в более и или менее обширных извлечения Автор „Оброны“, иерей Михаил редко полемизирует против католико и униатов и старается писать ученым церк.-слав. языком, но пересыпае свою речь мадьярскими словами и фразами. Можно пожалеть, что в это

научном издании XX века даже не указаны точно и не описаны использованные рукописи! — Старинное украинское стихотворство является предметом исследования в книге проф. *С. А. Щегловой* „Богогласник. Историко-литературное исследование“. Киев. 1918, X + 347 стр. Здесь изучена судьба крупнейшего и по объему и по значению сборника религиозных песен и стихотворений, долгое время странствовавших по рукописям и наконец собранных воедино и напечатанных Почаевскими монахами василианами в 1791 г. Труд проф. Щегловой заключает в себе: обзор литературы о Богогласнике; обзор изданных в Почаеве книг до конца XVIII в., в ряду коих удостоился, напечатания и „Богогл.“ Далее рассматривается отношение украинославянских песен его к польской аналогичной литературе; за сим сравнительно исследуются в разных отношениях все известные издания „Богогл.“ до начала XX в., исследуется редакционная и литературная работа первых издателей 1791 г., устанавливается круг авторов, чьи песни вошли в „Богогл.“ (более 45 лиц); определяются источники песен, исторические элементы их, конфессиональные, и прослеживается судьба песен „Богогласника“ в устной народной традиции до последних десятилетий XIX в. Можно пожалеть о том, что по обстоятельствам военного времени автору, согласно предложения редакціи Киев. Унив. Изв., пришлось изложить последние главы работы с сильным сокращением. Частные выводы — следуют после каждой главы, общие — на стр. 340—342. Это — наиболее обстоятельное и всестороннее исследование о „Богогласнике“, из доселе появлявшихся. Особенно ценны: история текста „Богогл.“, характеристика приемов творчества составителей его и решение вопроса об отношении „Богогл.“ к народной словесности. Отзывы об этом труде проф. Щегловой: 1. в отчете о присужд. премий им. митр. Макария — Отч. Отд. Р. Я. и Сл. Росс. Ак. Н. за 1918 г.; 2. акад. *А. М. Лободы* — Зап. Іст.-філ. відділу Укр. Ак. Н. I, 1919, 124—129; 3. проф. *Т. П. Сушицького* — „Наше Минуле“, 1919, ч. 1—2, с. 208—212. — Книга проф. *А. И. Белецкого* „Старинный театр в России“ 1923. М. 103 стр., может своим заглавием несколько ввести в заблуждение читателя: это очерк народного и школьного театра исключительно на Украине, московский и вообще великорусский материал здесь совершенно не затронут. Это придает книге цельность. Она написана живо и интересно: повидимому это — записи лекций, прочитанных пред широкой аудиторией и вполне для неё доступно. Прекрасно выдержана и подчеркнута необходимость исторической точки зрения на „школьный театр“ XVII—XVIII в.; он „не был, как многие это думают, мертворожденным детищем школьной схоластики и монашеского педантизма, чуждым народу и даже враждебным ему“; традиционность — в украинской литературе не менее сильна чем в других и прокладывая новые пути — следует с уважением относиться к деятельности пионеров. Самый факт усвоения народом школьной драмы и претворения её в „вертеп“ говорит о её значении. Материал — народной драмы (весеняя обрядность, свадебная, роль скоморохов) и драмы школьной исчерпан постольку, поскольку этого требовали цели автора; поэтому не будем упрекать его за неполный список пьес укр. репертуара XVII—XVIII вв. Новостью в его книге является интересно

сделанная глава 8 — о сценической технике, сцене, бутафории, актерах и пр. — весьма полезная для начинающего читателя, вводящая его в действительное понимание драмы, как творчества не только литературного, но и театрального, сценического. Следует отметить — издание сделано крайне небрежно: опечатки типа: „праведники“ — вм. проповедники, „обложки“ вм. обломки, „игрены“ вм. трены — так и пестрят текст. Редко можно встретить, даже в провинции — хорошую книгу до такой степени искалеченную издательством.

* * *

Наш обзор закончен. Можем констатировать что, хотя круг работников в области русской филологии и истории древней литературы за последние годы сузился: „videntur rari nantes in gurgite vasto“, все же число опубликованных работ достигает довольно высокого уровня. Это число — даже в такой ныне непопулярной области — было бы значительно выше, если бы была какая нибудь возможность публиковать написанное накануне революции и в 1917—23 годы. Позволю себе кратко, для примера, назвать работы лиц, известных мне: у проф. В. П. Адриановой — издание „Паломника игум. Даниила“ по большинству авторитетных рукописей; у проф. С. Д. Балухатого — обширное критическое издание по новым материалам — драм Чехова с исследованием о его драматургии; у б. проф. С. А. Бугославского — прекрасный труд о „Сказаниях о кн. Борисе и Глебе“ по 150 рукописям; у И. П. Еремина — исследование о „Сводных Патериках“; В. М. Отроковского — о „Повести о Басарге и сыне его Борзосмысле“; у проф. С. И. Маслова — обширное исследование о проповеднике, стихотворце и богослове н. XVII в. Кирилле Транквиллионе Ставровецком; у проф. А. М. Лободы — о Шекспире в русской литературе; у пишущего эти строки — „Слово о полку Игореве, как памятник феодальной Руси XII в.“, „Исследования и материалы по истории украинской литературы XVI—XVIII вв.“, „Очерки по истории поэтического стиля в XVII—XVIII вв.“, „Описание рукописей Новгородских древлехранилищ“, „Описание рукоп. Самарского Университета и Губернск. Музея“ и др. Мы не коснулись работ ученых, живущих в Москве и в провинции . . . Их будет, вероятно, во много раз больше, чем указано выше. Дух научной пытливости никогда не угасает; он творит при всяких условиях жизни, чему мы являемся живыми свидетелями.

В. Перетц.

История новой русской литературы за годы 1917—1924.

(Библиографический обзор).

В кратком библиографическом обзоре трудно исчерпать все число книг и статей, посвященных истории новой русской литературы и вышедших в России в послереволюционное время. Неизбежно мы должны будем сосредоточить внимание лишь на важнейших в научном отношении работах и ограничиться лишь самой общей их характеристикой. В наш обзор поэтому не войдут сведения о переизданных старых исследованиях, о книгах учебных, популярных, компилятивных, равно как

и о книгах преследующих более суб'ективно-критические, нежели историко-литературные цели.

Работа русского историка новой литературы за последнее восьмилетие протекала в своеобразных условиях. Революция открыла двери в недоступные архивы и собрания, что вызвало появление на свет обширного, подчас неожиданного, биографического и текстового материала. На время внимание было поглощено обработкой новых литературных фактов, внесением их в круг явлений известных. Этим об'ясняется, с одной стороны, наличие большого, преобладающего числа публикаций литературного и биографического материала при малом числе обобщающих историко-литературных характеристик, с другой — появление значительного ряда статей занятых первой, предварительной оценкой нового литературного материала. Историк литературы на время превращается в ученого комментатора, редактора, библиографа, не рискуя, в предвидении ряда новых архивных сообщений, строить на известном матерьяле большую историко-литературную картину.

Исследовательской работе большого масштаба препятствовало и другое обстоятельство: крайне затрудненные условия печатания. Об'емные исследования старого типа встречаются одиночками; их вытесняет преобладающий статейный тип работ, хотя бы и выходящих отдельными выпусками. Культивируется широко статья, брошюра, трактующая неизбежно малую, ограниченную историко-литературную тему.

Указанные внешние условия сопутствовали внутреннему кризису истории литературы, как науки: пересмотру ее методологических принципов. В сущности уже с появлением работ Буслаева, Тихонравова и в особенности Веселовского, а в недавние дореволюционные годы Перетца в историко-литературном построении появились признаки методологического обновления, которое в годы, непосредственно примыкающие к нам, охватило уже всех исследователей. Под углом зрения пересмотра старых методологических предпосылок и утверждения новых и возникают большинство работ в последнее время. Особо влиятельной оказалась школа исследователей вульгарно именуемая »формальной«, стоящая на принципе изучения литературы, как словесного искусства, мастерства, имеющего специфическую природу, свои законы развития и особые приемы научного анализа.

Сторонники этого принципа генетически связанные с идеями Потебни и Веселовского, но разработавшие вполне оригинальную теоретическую и историко-литературную систему, группируются преимущественно вокруг определенных изданий (»Сборники по теории поэтического языка«, издания »Опояза«, »Вопросы поэтики«), но их влияние выходит за пределы этих изданий. Число работ по стилистическому анализу произведений новой русской литературы растет, проблемы множатся и утончаются, литературный матерьял, подлежащий обработке, разнообразится. Очевидным образом, не порывая еще с историко-культурным анализом в работах обычного типа, мы вступили в широкую полосу стилистической характеристики литературных явлений. Оценке методологии этой школы исследователей и характеристике выдвинутых ими проблем надлежит поэтому уделить внимание в специальном обзоре.

Одновременно обсуждение методологических вопросов выдвигается теми историками литературы, работы которых в недавнее время продвинули значительно вообще изучение литературных явлений. Так, П. Сакулин в статье, посвященной Ф. Буслаеву и Н. Тихонравову, обсудит методологическое значение обоих историков в перспективе современных методологических споров. (»В поисках научной методологии. 1. Ф. Буслаев. 2. Н. Тихонравов« -- Голос Минувшего, 1919, № 1—4). Десятилетие со дня смерти А. Веселовского (1916 г.) вызовет появление сборника со статьями В. Истрина »Методологическое значении работ Веселовского« и В. Перетца »От культурной истории к исторической поэтике« (»Памяти акад. А. Веселовского.« Изд. отд. русск. яз. и слов. Рос. Ак. Н. П. 1921). Академик В. Перетц повторит в несколько освеженном виде издание своего курса методологии (»Краткий очерк методологии истории русской литературы«. П. 1922. »Akademia«.) Ему же принадлежит статья »К вопросу об основаниях научной литературной критики« (Учен. Зап. Самарск. Гос. Унив., вып. 2, 1919 г.), посвященная анализу приемов композиции и изобразительных средств — идеи, герои, сюжеты, средства, способ изложения -- на материале »среднего« новеллиста — Б. Лазаревского. В сильной зависимости не только от взглядов акад. В. Перетца, но от концепции его книги по методологии находится книга П. Потапова (»Лекции по курсу Введение в историю русской лит-ы«. Одесса. 1919.). Обсуждение методологических проблем даст А. Евлахов (»Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии«. Т. III. Методы научные нерациональные«. Ростов на Дону 1917.). Его книга дает характеристику и оценку методов: филологического, сравнительного, исторического, эстопсихологического, эволюционного, биографического. В. Сиповский в духе прежних своих утверждений и в развитие историко-эволюционного и историко-сравнительного метода построит свой университетский курс (»Лекции по истории русской лит-ы. Вып. I. Введение в курс истории лит-ы«. Баку. 1921). Н. Пиксанов даст статью, резюмирующую теоретические принципы его работ (»Новый путь литературной науки — изучение творческой истории шедевра. Принципы и методы«) — Искусство, М., 1923, № 1). Методологическое обоснование стилистического анализа и установление основных проблем и отделов поэтики, как науки о словесном искусстве даст В. Жирмунский »Задачи поэтики« — в сб. »Начала«, П. 1921, № 1 и в перераб. виде — в сб. »Задачи и методы изучения искусств«. П. 1924). Принципы »формалистов« вызовут и частичный протест (А. Смирнов. »Пути и задачи науки о литературе« — в сб. »Литературная мысль«, 1923, II). А. Смирнов рассматривает проблему о методе анализа литературного произведения с точки зрения ценности литературного явления в телеологическом смысле.

Если в плане научной характеристики последние годы не выдвинули общих схем движения лит-ы, то все же отдельные периоды литературы освещались на чтениях лекций в высшей школе. Такими обновленными курсами явятся: П. Сакулин »Лекции по истории новой русской лит-ы. Эпоха классицизма«. М. 1918 и Ал-й Н. Веселовский »История новой русской лит-ы. XIX в. (30—60 гг.)«. М. 1917. К ним

римыкает своеобразный библиографический справочник Н. Пиксанова Два века русской лит-ы. Темы для литературных работ. Системати-еская библиография. Руководящие вопросы.“ М. 1923). Издание »Русской ит-ы XX века«, редактируемое С. Венгеровым, осталось незавер-енным, остановившись на выпуске VIII, подготовленным еще при жизни едактора и вышедшим в 1923 г. (Содержание: Автобиографии: Б. Зай-ева, Вяч. Иванова, П. Соловьевой-Allegro; статьи: Е. Колтановской Б. Зайцеве, Н. Бердяева »Ивановские среды«, А. Белого о Вяч. Иванове). жатый очерк лит-ы к. XIX – н. XX в. в плане историко-эстетическом ает Иванов-Разумник (»Русская лит-а XX в.« 1890 – 1915 г. I. 1920). Трактовку социальных движений в прошлом соотносительно ростом художественной лит-ы найдем в книге П. Сакулина (»Русская ит-а и социализм.“ М. 1922, 504 стр.). Задача книги, охватывающей ишь 30 и 40-ые годы XIX ст., »выяснить, как в мировоззрении и худо-кественном творчестве наших писателей отразились социалистические астроения, идеи и движения.«

При обзоре конкретных исследовательских работ по новой русской ит-е нельзя не отметить чрезвычайно знаменательного явления: стрем-ения положить в основу изучения классиков проверенный точный полный текст. Это вызовет пересмотр существующих изданий, сличения х с имеющимся рукописным матерьялом или с изданиями первопечатными. ольшую и ценную в этом отношении работу выполняет сейчас Госу-арственное Издательство, выпуская серию русских классиков с про-еркой текста по рукописям и с привлечением для отдельных изданий ариантных чтений. Так, под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума ыпущен Лермонтов (4 вып.), Гоголь (1 вып.). Под редакцией . Томашевского и К. Халабаева: Пушкин (11 вып. и полный одно-омный), Островский (10 томов; примечания Н. Долгова). Вышел збранный Чехов (ред. С. Балухатый), Гаршин (ред. Б. Томашевский), Короленко. Готовится к переизданию на тех же основаниях Досто-вский, Л. Толстой. При изучении новой лит-ы внимание исследо-ателей сравнительно мало уделялось XVIII в. Последние годы дали лишь есколько работ о Новикове и Радищеве. Отметим работы В. Се-енникова: Новый текст »Путешествия из Петербурга в Москву« Радищева. М. 1922, отражающий раннюю стадию работы Радищева над Путешествием« с приведением неизвестных до сих пор целых страниц екста, и — »Радищев. Очерки и исследования.« П. 1923. В последней аботе В. Семенников трактует вопросы как историко-литературного, так общественного характера, устанавливая важнейшие пункты миросо-ерцания Радищева, связанные с развитием русской общественной мысли.

При обследовании XIX в. русской лит-ы на первом месте стоит нтерес к жизни и творчеству Пушкина. С каждым годом яснее стано-ится значение его творчества для последующего хода русской лит-ы, частности поэзии. Этим об’ясняется непрерывное появление новых арактеристик его произведений и наличие исключительно большого исла аналитических работ на пушкинском матерьяле. Пушкин привле-ает к себе также и другим путем. Вопросы текстологии, разработанные системе для произведений древней лит-ы, являются сейчас осново-

положными и в изысканиях лит-ы новой. Сложные и разнообразные приемы и случаи анализа текста легко демонстрируемы пестрым текстовым матерьялом, представляемым рукописным наследием Пушкина и печатной судьбой его произведений. Отсюда подавляющее число текстовых публикаций Пушкинского матерьяла имеет значение не столько историко-литературное, сколько принципиальное, методологическое. Равным образом в подходах к биографии Пушкина выправляются и укрепляются приемы биографического метода. Пушкин, как средоточие проблем библиографических, текстологических, стилистических и историко-литературных является для каждого историка лит-ы какой-то искомой задачей и ему то отдано за последние годы исключительное внимание.

В плане биографическом продолжалось освещение отдельных сторон жизни поэта (Б. Соколов. »М. Н. Раевская — кн. Волконская в жизни и поэзии П.« М. 1922; П. Губер. »Дон-Жуанский список П. Главы из биографии.« П. 1923). Новый архивный матерьял позволил документально осветить отношение к П. властей (Б. Модзалевский. »П. под тайным надзором.« П. 1922) и обстоятельства смерти поэта (А. Поляков. »О смерти П.« По новым данным. Труды Пушк. Дома при Рос. Акад. Наук. П. 1922; »Новые материалы о Дуэли и смерти П., Б. Модзалевского, Ю. Оксмана и М. Цявловского. Труды П. Д. П. 1924). Поиски точного и полного текста произведений П., помимо упомянутых изданий, заставили В. Брюсова предпринять издание сочинений П. со сводом вариантов (т. I, ч. 1. М. 1920), неудовлетворительное применением произвольных редакторских принципов. Интересно издание »Медного Всадника« под редакцией П. Щеголева, давшего окончательный автографный текст произведения поэта без позднейших поправок Жуковского. Текст »Гавриилиады«, вызвавший несколько изданий, выполненных по спискам не авторитетным, получил критическое и комментированное издание, выполненное Б. Томашевским (П. 1922). Им дан текст исправный, полученный в результате критического сличения различных, доступных редактору чтений поэмы. Текст сопровожден историко-литературным комментарием в главах: история, сюжет, композиция, изложение, язык, текст, издания Г., рукописи, библиография. Издание »Домика в Коломне«, средактированное М. Гофманом (П. 1922) снабжено также историей создания и печатания повести. Мелкие Пушкинские тексты с новыми строками и даже целыми стихами найдем в »Неизданном Пушкине«. Собрание А. Ф. Онегина. Труды П. Д. П. 1922 и в »Русских Пропилеях«, т. 6, редакция М. Гершензона, М. 1919, где издана »Лицейская тетрадь«, принадлежавшая А. В. Никитенко. Особое внимание было обращено на издание дневника Пушкина 1833—1835, рукопись которого, известная уже в печати, поступила в б. Румянцевский Музей. Дневник был издан дважды: в Петрограде под редакцией и с об'яснительными примечаниями Б. Модзалевского и со статьей П. Щеголева (1923 г.) и в Москве с комментариями столь же обширными В. Саводника и М. Сперанского. Сообщение текстов, биографических матерьялов и опыты обработок пушкинского материала найдем в очередных выпусках »Пушкин и его современники« и »Пушкинист«. (»П. и современники.« Вып. XXVIII — сообщает ряд новых автографов П., дает за-

метки к его произведениям, к литературной истории стихов, к источникам. Из статей отметим »Ритмика 4-х стопного ямба по наблюдениям над стихом »Евгения Онегина« — Б. Томашевского и Описания »Винограда« — С. Боброва; Вып. XXXIII—XXXV занят »Пропущенными строфами Евг. Онег.«, изученными М. Гофманом, изданием по чистовым рукописям »Посмертных стихотворений П.«; »Пушкинист«, вып. III. П. 1918 дает теоретическую работу М. Лопатто: »Повести П. Опыт введения в теорию прозы« — и его же: Эпитеты XIII-ой главы »Капит. Дочки«. Вып. VI. П. 1922, посвященный памяти С. А. Венгерова, дает ряд ценных исследовательских статей. Выделим: Б. Эйхенбаум. »Путь П. к прозе«, Ю. Тынянов. »Ода его сиятельству гр. Хвостову«, А. Долинин. П. и Гоголь« (к вопросу об их личных отношениях), Б. Томашевский. »П. — читатель французских поэтов«, В. Жирмунский. Байронизм П., как историко-литературная проблема« и др. Приципиальные вопросы, выдвигаемые изучением текста произведений П., об'единены в работе М. Гофмана (»Пушкин. Первая глава науки о Пушкине«. П. 1922.), занятой в целом раскрытием и предварительной постановкой в общей форме проблем историко-литературного освещения творчества П. и конкретным анализом вопросов о каноническом тексте. Спорные положения книги получили рецензию Б. Томашевского (в сб. »Литерат. мысль.«, 1923, вып. I). В плане историко-социальном выполнены статьи П. Сакулина (»Пушкин и Радищев — Новое решение старого вопроса«. М. 1920) и В. Брюсова (»Пушкин и Крепостное право« — в журн. »Печать и революция«, 1922, № 2). Частные историко-литературные вопросы освещены Л. Гроссманом в его »Этюды о П«. М. 1923 (статьи: »П. и дэндизм« — анализ и определение дэндизма и рассмотрение образа Онегина под знаком дэндизма; »Искусство анекдота у П.« — роль анекдота в поэтике и в художественной практике. П.; »Устная новелла П.« — анализ рассказа о любовных похождениях П., переданного П. Нащокиным и характеристика П., как рассказчика и импровизатора). Общие характеристики творчества П. найдем в книге »Пушкин и Достоевский«. Изд. Дома литераторов. П. 1921 (статьи-речи: М. Кузьмина, А. Блока, А. Кони, Б. Эйхенбаума, А. Горнфельда и др.) Примечательна здесь статья Б. Эйхенбаума »Проблема поэтики П.« (Ее положения: П. не начало, а конец длинного пути, пройденного русской поэзией XVIII в. П.- завершитель, а не начинатель. Изучение XVIII в. необходимо для построения поэтики П. Только на этом фоне ясно выступает система его художественных приемов. К 30-м годам лирическое творчество П. ослаблевает и совершается переход к прозе. П. создавал свою прозу на основе своего же стиха). Большую историко-литературную работу о Пушкине дал В. Журмунский (»Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы«. Л. 1924). В ней изучается стиль поэм П-а, написанных под воздействием Байрона и одновременно устанавливается поэтика романтической поэмы, как литературного жанра. Специальное внимание обращено В. Жирмунским на анализ русской романтической поэмы современников и последователей П-а. Книги о Пушкине М. Гершензона (»Мудрость П-а«. М. 1919 и »Гольфстрем«. М. 1922) трактуют произведения поэта с эстетико-психологической точки зрения и тем самым

как бы выпадают из историко-литературного построения. Своеобразный библиографический труд о Пушкине с преподнесением систематических тем по Пушкину выполнит Н. Пиксанов (»Пушкинская студия«. П. 1922: Введение в изучение П. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы). Юбилейные Пушкинские дни (125-летие со дня рождения поэта) ознаменовались появлением следующих изданий Пушк. Дома: »Пушкин. Очерк жизни и творчества«. Л. 1924. Канва жизни и творчества с частичным подведением итогов работ по П-у и с библиографией. Составлен Б. Модзалевским и Н. Измайловым); »Пушкинская выставка 1924 г. в Пушк. Доме« (20 воспроизведений факсимиле портретов и рукописей); »Пушк. Дом при Рос. Акад. Наук« (Исторический очерк и путеводитель с перечнем и описанием архивов, вошедших в состав этого, единственного в своем роде, учреждения).

От Пушкина исследователи идут к его современникам, сообщая материалы о лицах малоизвестных или достаточно забытых. Так И. Розанов осветит фигуры поэтов Плетнева и Катенина (»Пушкинская плеяда. — Старшее поколение«. М. 1923.), Ю. Верховский сообщит новые матерьялы о Дельвиге (»Барон Дельвиг. Материали библиографические и литературные«. П. 1922), И. Кубасов опубликует вновь найденные стихотворения А. И. Одоевского (»Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения«. П. 1922), П. Филиппович посвятит сводную книгу творчеству Боратынского (»Жизнь и творчество Е. А. Боратынского«. Киев. 1917).

Творчеству Лермонтова посвящена оригинальная по трактовке проблемы и по строго выдержанному подходу к ней работа Б. Эйхенбаума. (»Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки«. Л. 1924). Автор рассматривает на основе стилистического анализа, тщательно проведенного, творчество Лермонтова, как историко-литературную проблему, видвигает основные стилевые особенности поэзии и прозы Лермонтова и определяет их значение в кругу современных и последующих литературных явлений.

Продолжая обзор работ по истории русской поэзии XIX в., отметим несколько книг о Тютчеве, среди которых »Тютчевский сборник« (П. 1923) к 50-летию со дня смерти поэта и »Тютчевиана« Эпиграммы, афоризмы и остроты Тютчева. Предисловие Г. Чулкова. М. 1922) дают значительный новый текстовой матерьял, сообщают сведения о судьбе рукописей поэта и приводят исчерпывающую библиографию за годы 1819—1923. В книжке Т. Райнова. »Духовный путь Тютчева«. П. 1923 найдем общественно-психологическую характеристику лирики Тютчева в связи с биографией поэта. Раннему Фету посвящена книжка Г. Блока »Рождение поэта«. (Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Труды Пушк. Дома. Л. 1924); в основе книжки письма поэта к Ир. Введенскому 1838-1841 гг. Характеристику Н. Огарева, как помещика и поэта с выделением основных психологических мотивов его поэзии (»поэзии стремления и желания«) даст М. Гершензон в книге »История молодой России«. М. 1923.

Столетний юбилей Некрасова (1821—1921), совпавший с частичным возрождением общественных мотивов в поэзии, заглохших в эпоху господ-

ства символической школы, вызвал пристальное отношение к свойствам его поэзии, к фактам его жизни и литературной работы: исправляется и пополняется новыми матерьялами том его стихов („Стихотворения Н. Изд. исправленное и дополненное под редакцией К. Чуковского«. П. 1920), разыскиваются новые произведения (»Неизданные произведения Н. с об'яснительными статьями и примечаниями К. Чуковского.“ П. 1918 — свод ранее и в последние годы найденных материалов; »Некрасовский сборник. Произведения, не вошедшие в Полное Собр. сочинений Некрасова«. Под редакцией и со вступит. статьями К. Чуковского и Евгеньева-Максимова П. 1922. Помещены: Медвежья охота, Стихи о матери, Гумбольдт, Из записной книжки, дополнения к: Княгиня Трубецкая, Несчастные; »Некрасов по неизданным материалам Пушк. Дома. П. 1922 — Неизданные стихотворения, варианты и письма«. Помещены: отрывки из второй части поэмы »Кому на Руси жить хорошо«, история текста »Филантропа« и др.; переписка Н. с А. Никитенко, Полонским, Майковым, Плетневым, М. Лонгиновым), публикуются новые письма и воспоминания (»Некрасовский сборник. Письма и воспоминания, статьи, библиография. Под редакцией В. Евгеньева-Максимова и Н. Пиксанова«. П. 1918. Помещены: переписка Н. с Григоровичем, Тургеневым, Достоевским, библиография воспоминаний, хронологическая канва с библиографическим аппаратом, указатель писем; А. Кони, »Некрасов. Достоевский. По личным воспоминаниям«. П. 1921), освещаются отдельные стороны жизни поэта: К. Чуковский. »Поэт и палач — Некрасов и Муравьев.“ П. 1922; его же: »Жена поэта — Авдотья Яковлевна Панаева«. П. 1922). Художественная оценка Некрасова как сложной и живой, историко-литературной проблемы, будет сделана Б. Эйхенбаумом в его ст. »Некрасов« (сб. »Начала« № 2, П. 1922, а также в его книге »Сквозь литературу«. Л. 1924). Б. Эйхенбаум оставит в стороне традиционное рассмотрение »гражданских« мотивов поэзии Некрасова и сосредоточит внимание исключительно на художественном методе поэта, на системе его поэтических приемов, поставленных в связь с традициями русского стиха и в то же время определяющих новаторскую роль всей его поэзии. Обобщенную характеристику Некрасова-поэта найдем и в книге К. Чуковского. »Некрасов как художник«. П. 1922.; частный вопрос некрасовской поэтики рассмотрен в статье С. Шувалова »К поэтике Некрасова. Сравнения«. (сб. »Свиток«, № 1, М. 1922).

Из поэтов XX в. немногие получили историко-литературную или стилистическую достаточно полную характеристику. Отдельные примечательные работы встретятся о В. Брюсове (В. Жирмунский »Валерий Брюсов и наследие Пушкина. Опыт сравнительно-стилистического исследования«. П. 1922. Задача книги: дать описание стиля гл. обр. эротических баллад и окончания »Египетских ночей« с одной стороны — в связи с поэтикой русских символистов и романтиков, с другой на фоне враждебной романтизму классической традиции Пушкина), об Анне Ахматовой (Б. Эйхенбаум. »Анна Ахматова. Опыт анализа«. П. 1923 и В. Виноградов »О символике А. Ахматовой — Отрывки из работы по символике поэтической речи« — в сб. »Литерат. Мысль«, I, П. 1923). Непрекращается выход книг об А. Блоке, сообщающих

или новые матерьялы — письма и воспоминания — о поэте или дающих новые характеристики его творчества (П. Перцов »Ранний Блок«. М. 1922 — о встречах и переписке с Блоком в 1902—1906 гг.; В. Княжнин »А. А. Блок«. П. 1922 — воспоминания; В. Пяст »Воспоминания о Блоке«. П. 1923; А. Белый »Воспоминания о Блоке« — в сб. »Записки мечтателей«, VI). »Памяти Блока«. Сборник материалов под ред. П. Медведева. Изд. 2-ое доп. П. 1923. Даны: автобиография Б., канва »дел и дней«, ряд неопубликованных стихов и материалов; »Об Александре Блоке« П. 1921 — статьи о творчестве Б-а: В. Жирмунского, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, Б. Энгельгардта и др.; Иванов-Разумник. Вершины: »Александр Блок. Андрей Белый«. П. 1923; »Памяти Ал. Блока«. »Вольная Философская Ассоциация« П. 1922. Речи: А. Белого, Иванова-Разумника, А. Штейнберга; К. Чуковский. »Книга об Александре Блоке«. П. 1922 — характеристика поэзии Блока по различным темам его лирики: анализ образов; его же: »А. Блок как человек и поэт — Введение в поэзию Блока«. П. 1924.

Не менее богато представлена в исследованиях последних лет история русской прозы и драмы. Ряд юбилейных дат (Тургенев, Достоевский, Островский, Белинский, Ап. Григорьев), поминок (Короленко, Л. Андреев) явился лишь поводом для публикации накопленного материала или для нового его об'единения. Литературные оценки и здесь шли в уровень с развитием новых методологических принципов. Следуя порядку хронологическому мы отметим единственную примечательную работу о Грибоедове, вышедшую за эти годы и принадлежащую Н. Пиксанову (»Грибоедов и Мольер. Переоценка традиции«. М. 1922). Автор в этой книге занят методологической постановкой вопроса о »влиянии« и путем сближения Грибоедова с Мольером, в моменте сравнения »Горе от ума« с »Мизантропом«, приходит к выводу об ограниченности влияния Мольера. Отдельные проблемы стиля Гоголя детально разобраны в статьях: Б. Эйхенбаума: Как сделана »Шинель« (в сб. »Поэтика«. П. 1919, также в его книге »Сквозь литературу«. Л. 1924). В. Виноградова: Сюжет и композиция повести Гоголя »Нос« (в сб. »Начала«, № 1. П. 1921), А. Слонимского »Техника комического у Гоголя«. П. 1923. Общий очерк личного и творческого развития Гоголя с обновленным психологическим, эстетическим и частично историко-литературным генезисом его произведений сделан в книге Вас. Гиппиуса »Гоголь«. Л. 1924. Вся работа Гиппиуса выполнена в плане биографическом и, давая местами новую и оригинальную трактовку отдельных сторон творчества и жизни Гоголя, не отлична единством и выдержанностью принципов анализа.

Большое число публикаций новых материалов Достоевского открыло и серию исследовательских работ о нем. Истекшие годы принесли издание дневника вдовы писателя (»Дневник А. Г. Достоевской 1867 г. М. 1923 — дневник поступил в Центрархив, относится ко времени заграничного путешествия А. Г. с мужем в 1867 г. и имеет широкое биографическое и лишь отчасти историко-литературное значение), сообщение воспоминаний дочери писателя (»Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской«. Под ред. и с предисловием А. Горнфельда.

П. 1922). Неизвестные страницы Достоевского, об'единенные в два тома, издает Л. Гроссман (»Забытые и неизвестные страницы Д-го«. П. 1918) и ряд ценнейших текстов публикует Центрархив (»Документы по истории лит-ы и общественности. Вып. I. Ф. М. Достоевский«. М. 1922. Напечатаны: »Исповедь Ставрогина«. Три ненапечатанные главы из романа »Бесы« и план »Жития великого грешника« — последнего неосуществленного романа Д—го). Новые матерьялы обследованы в статьях А. Долинина »Исповедь Ставрогина« — В связи с композицией »Бесов« (в сб. »Литерат. Мысль«, I, 1923), В. Комаровича »Рукописные варианты романа »Подросток« (в сб. »Начала«, № 2, П. 1922), его же »Исповедь Ставрогина«, глава из романа »Бесы« — из собрания Пушк. Дома в ж. »Былое«, 1922, № 18), Н. Бродского: Творческая история романа »Бесы« — по неизданным материалам« (в сб. »Свиток«, № 1, М. 1922). Матерьял писем Достоевского и к Достоевскому найдем в издании: »Из архива Достоевского. Письма русских писателей.“ М. 1923. (Письма из архива А. Г. Достоевской: Гончарова, Григоровича, Некрасова, Островского, Плещеева, Полонского, Тургенева и др.). Л. Гроссманом описана библиотека Д—го по неизданным материалам (»Библиотека Д—го«. С приложением каталога библиотеки. Одесса. 1919. См. также: Л. Гроссман »Семинарий по Достоевскому — Материалы, библиография и комментарии«. П. 1922, где помимо описания библиотеки даны примечания А. Г. Д-ой к сочинениям Д-го, заметки Гроссмана о языке Д-го, библиография писем и воспоминаний, выдержки из затерянных статей). Большое количество матерьялов и статей о Достоевском содержат сборники петроградский и одесский о Достоевском (1. »Достоевский. Статьи и Материалы. Под ред. А. С. Долинина«. П. 1922. Помещено: И. Лапшин »Эстетика Д-го«, Э. Радлов »Соловьев и Д.«, В. Комарович »Непаписанная поэма Д-го — о »Житии Великого Грешника«, В. Виноградов »Стиль петербургской поэмы »Двойник«, Е. Покровская »Достоевский и Петрашевцы«, А. Долинин. »Достоевский и Герцен«, Л. Ильинский »Достоевский и Гл. Успенский« Ненапечатанные страницы из »Записок из Мертвого Дома«, письма к А. Майкову, Я. Полонскому, И. Гончарову и др., воспоминания А. Г. Достоевской — 1871—72 гг. 2. »Творчество Д-го«. Сборник статей и материалов под ред. Л. Гроссмана. Одесса. 1921. Материалы: неизданные рукописи Д-го, примечания А. Г. Д-ой к сочинениям Д-го. Статьи: М. Алексеев. О драматических сочинениях Д-го, Ю. Оксман. Д. в редакции »Гражданина«. Л. Гроссман. Путь Д-го, (отдельно в дополненном виде. Л. 1924). Библиография писем и воспоминаний). Интересны в историко-литературном отношении статьи о Д-ом Ю. Тынянова. »Д. и Гоголь — к теории пародии«. П. 1921 (сравнительный анализ »Села Степанчикова« Д-го и произведений Гоголя с указанием пародийности произведения Д-го) и Л. Гроссмана »Искусство романа у Д-го« (в сб. »Свиток«, № 1, М. 1922).

С именем Гончарова связана сенсационная публикация его »Необыкновенной истории« (в »Сборнике Российской Публичной Библиотеки«, т. II, П. 1924), относящейся по записи к декабрю 1875 г., янв. 1876 г. и июлю 1878 г. Гончаров излагает здесь историю своих отношений

с И. Тургеневым, упрекая его в широком пользовании сюжетным материалом, принадлежащим Гончарову. Психологическая сторона этой записи Гончарова освещена Б. Энгельгардтом в его издании »И. Гончаров и И. Тургенев по неизданным матерьялам Пушк. Дома« П. 1923 (изданы одинадцать писем Гончарова к Тургеневу из архива П. Анненкова и в комментарии к переписке обследована история знакомства и причины конфликта обоих романистов. В приложении опубликован неизданый рассказ Гончарова »Уха« и приведены письма его к Полонскому, С. А. и А. К. Толстым, Я. Гроту и др.).

Обширный эпистолярный и документальной материал Тургенева представлен в ряде изданий, специально ему посвященных. Лишь немногое из опубликованного получило свою обработку в комментариях и отдельных статьях. Преимущественный интерес исследователей сосредоточен на характеристике тургеневского стиля, на оценке частных и общих вопросов его поэтики. Из изданий писем и документов выделим: »Тургенев и Савина. Письма Т-а к М. Савиной. Воспоминания М. Савиновой о Тургеневе«. С предисловием и под ред. А. Кони и при ближайшем сотрудничестве А. Молчанова. П. 1918., М. Португалов. »Тургениана«. Орел 1922 — со статьей, написанной на основе материала Орловского Тургеневского Музея »Т. и его предки в качестве читателей«; »Тургенев — Цетрархив. Документы по истории лит-ы и общественности.“ Вып. 2-ой. М. 1923. Здесь изданы текстовые матерьялы — карандашные заметки о задуманных драмах, рассказана цензурная история поэмы »Филиппо Стродзи«, приведена обширная переписка; »Из неизданных писем Т—а« см. также в »Сборн. Рос. Публ. Библ.« П. 1920, т. I, вып. 1. и в ж. »Жизнь« М., 1923, № 3). Новые текстовые данные и обработку их найдем у Н. Бродского: Т. в работе над романом »Накануне« (в сб. »Свиток«, № 2, М. 1922); »Сказки Горского о куклах из комедии »Где тонко, там и рвется«, неизданный вариант (там же); »Отрывок из поэмы, преданной сожжению“ (там же); Н. Бродский. »Замыслы Т—а. Материалы к истории его художественного творчества«. М. 1917. Ряд цензурных материалов, касающихся »Записок охотника«, »Муму«, »Нови«, »Сцен и комедий« приведет Ю. Оксман в книге »Т. Иследования и Материалы“. Вып. I. Одесса. 1921. Биографическими матерьялами и характеристиками заполнен »Тургеневский сборник под ред. А. Кони«. П. 1921. Историко-литературные характеристики Т—а, преимущественно по частным поводам, по малым темам сосредоточены в четырех вышедших тургеневских сборниках: 1. »Венок Тургеневу«. Одесса, 1919; 2. »Творчество Т—а« Сборник статей под ред. И. Розанова и Ю. Соколова. М. 1920;[1]) 3. »Творческий путь Т—а«. Сборник статей под ред. Н. Бродского. П. 1923. (Статьи: Н. Энгельгардт »Мелодика тургеневской прозы — опыт анализа и обобщений“, К. Истомин: Роман »Рудин«. Из истории тугеневского стиля«, М. Рыбникова »Один из приемов композиции у Т—а« — анализ манеры »рассказа«, М. Самарин »Тема страсти у Т—а«, М. Белецкий »Т. и русские писа-

[1]) Содержаніе сборников см. „Slavia“, III, 2—3, стр. 569. Исправить опечатку: на строкѣ 2 св. вм. „*В. М. Фигнер*“ читать „*В. М. Фишер*“. *Ред.*

тельницы 30—60 гг.«, М. Алексеев. »Т. и Марлинский« (к истории создания »Стук... стук... стук...«), М. Габель »Песнь торжествующей любви« (опыт анализа), М. Клевенский »Литературные советники Т—а«, А. Лаврецкий »Т. и Тютчев«, А. Долинин »Т. и Чехов — параллельный анализ »Свидания« Т—а и »Егеря« Чехова); 4. »Тургенев и его время«. Первый сборник под ред. Н. Бродского. М. 1923. (Статьи: Л. Крестова »Т. А. Бакунина и Т.«, Л. Гроссман »Смена стилей в театре Т—а«, В. Дьяконов »Сравнения Т—а«, Д. Благой »Т. — редактор Тютчева«, Н. Пиксанов »История »Призраков«, Н. Бродский: Проза »Записок охотника«, а также письма Т—а и материалы к его библиографии). Из просмотра даже одних заглавий статей очевиден преимущественный интерес исследователей к отдельным проблемам тургеневского стиля, к истории создания произведений, к установлению историко-литературных связей творчества Т—а с его предшественниками в русской и европейской литературе. Общей характеристикой Т—а занята книжка П. Сакулина »На грани двух культур. И. Тургенев«. М. 1918, в которой автор ставит своей задачей понять психологию Т—а в свете современной социальной революции. В итоге П. Сакулин утверждает: »Т. — прекрасный цвет старой культуры и поэтическое раздумье над грядущим обновлением жизни«. Общие характеристические позиции найдем также в биографическом очерке И. Игнатова »И. С. Тургенев«. П. 1922, в литературно-эстетических этюдах Л. Гроссмана »Портрет Манон Леско. Два этюда о Т—е«. М. 1922. Изд. 2-ое. и в его же книге »Театр Т—а«. П. 1924, занятой анализом драм Т—а, поставленных по источникам в связь с явлениями западно-европейского театра. В книге С. Родзевича »Тургенев«. К. 1918 дана характеристика лирики Т—а, его эстетической теории и отношений его к реализму и символизму, как к литературным стилям.

Юбилей Островского вызвал появление ряда сборников, посвященных драматургу, с публикацией значительного числа новых текстовых материалов и новых писем. В статьях об Островском разрешаются вопросы об отношении О-го к предшественникам и к явлениям западно-европейского театра, характеризуется драматический стиль, дается оценка типам и характерам. Выделим сборники: 1. »Памяти Островского«. Сборник статей об О-ом и неизданные труды его. П. 1923. (Помещено: Переводы Островского из Теренция, Сервантеса, Макьявелли, письма к Н. Сазонову, И. Всеволожскому, статьи: И. Гончаров »Материалы, заготовляемые для критической статьи об Островском«, П. Гнедич »Олеарий, Корб и О.«, Б. Варнеке »Стиль О-го« и др.); 2. »Островский. Новые материалы, письма, труды и дни, статьи«. Под ред. М. Беляева. Труды Пушк. Дома. П. 1924 (Издано: текст рассказа 1847 г. »Записки замоскворецкого жителя« в виде черновых набросков, отрывки неоконченных драматических текстов, описание рукописей О-го, текст перевода »Фрины« пьесы итальянца Roberto Castelvecchio, перевод южно-индийской народной драмы Дэвадасси-Баядерка, перевод »Антония и Клеопатры« Шекспира, письма О-го к Некрасову, Панаеву, П. Анненкову, Полонскому, записка Горбунову, Майкову и др. биографические материалы. В сборнике помещена детальная биографическая и творческая канва

»Труды и дни О-го«, составленная Г. Синюхаевым); 3. »Островский 1823—1923«. Юбилейный сборник под редакцией А. Бахрушина, Н. Бродского и И. Попова. М. 1923. Письма к П. Садовскому, С. Кошеверову, выдержки из дневника от сентября 1883 г., воспоминания А. Кони, М. Ипполитова-Иванова, К. Вальца, характеристики); 4. »Островский«. Сборник под редакцией П. С. Когана. Иваново-Вознесенск. 1923. (Статьи: И. Смирнов »Островский« — общая характеристика, Н. Кашин »Мартиролог О-го« — данные о постановке пьес, П. Коган »Темные лучи в светлом царстве« — к вопросу о классах в поэзии О-го, С. Шамбинаго »Пучина« — характеристика типов, С. Елонский »К истории драматического творчества О-го — сравнение совпадающих плана и характеров пьес »Светит да не греет« О-го и »Вишневого Сада« Чехова, И. Кубиков »Бытовое и вечное в пьесах О-го«, Н. Пиксанов »Итоги и задачи изучения О-го« критико-библиографический обзор); 5. »Творчество О-го«. Юбилейной сборник под редакцией С. Шамбинаго. М. 1923. (Статьи: А. Фомин »Связь творчества О-го с предшествовавшей драматической литературой«, Н. Кашин »Отношение к О-му западных сцены и научной литературы«, В. Яковлев »Общественно-театральная деятельность О-го«, А. Фомин »Черты романтизма у О-го«, П. Марков »Морализм О-го«). Отдельным изданием выпущена большая пачка (до 700 №№) писем переписки О-го и Ф. Бурдина из собрания Государственного Театрального Музея имени А. Бахрушина. (М. 1923). Опубликована неизвестная до сих пор переделка с французского комедии в 3 действиях, озаглавленной О-им »Пока« (в Ежегоднике Петр. Госуд. театров. Сезон 1918—1919. П. 1922; там же: письма О-го и статья Ап. Григорьева об О-ом, не пропущенная в свое время цензурой). Общие характеристики творчества О-го и обзор его жизни найдем в книгах Н. Эфроса »Островский«. П. 1922 и Н. Долгова »Островский. Жизнь и творчество«. П. 1923. Анализ стиля, языка, постройки пьес и характеров сделан в книге В. Сахновского »Театр Островского« (М. 1919), в общем не исчерпывающей сложной и большой темы.

Литература о Л. Толстом за рассматриваемые годы почти целиком исчерпывается сообщением обширного биографического материала, частью в биографических сводах, частью в виде мемуарных записей. Так вышли третьим изданием, со включением частично новых материалов, первые два тома известной биографии Толстого, составляемой П. Бирюковым. Одновременно были выпущены томы 3-ий и 4-ый, захватывающие уже годы 1884—1899 и 1900—1910. Строгая фактичность этих томов, включающих множество неизданных писем, воспоминаний, записей в дневниках Толстого и его окружающих делает их незаменимыми для всякого, приступающего к изучению творчества Толстого. Оценка этой биографии в ее берлинском издании была сделана В. Срезневским (в сб. »Литературная Мысль«, II. П. 1923). Такой же фактический характер носят записи о Толстом А. Гольденвейзера в его двухтомной книге »Вблизи Толстого« т. I. М. 1922 и т. II. М. 1923. Записи А. Гольденвейзера, делаемые им в течение пятнадцати лет (с 1896 по 1910 г.) при почти непрерывном общении с Толстым приводят ряд

ценнейших подробностей, мнений и слов Т-го, дат, характеристик. Л. Толстому и яснополянскому быту посвящена книга Д. Маковецкого »Яснополянские записки«. 1904—1910 гг. Вып. 1-ый. М. 1922, в. 2-ой. М. 1923. В книге Т. Л. Сухотиной-Толстой »Друзья и гости Ясной Поляны« М. 1923 найдем оценку отношений Толстого к И. Тургеневу по воспоминаниям автора и неизданной переписке последнего. Неожиданную характеристику, как бы »нового« Толстого находит читатель в портрете, сделанном М. Горьким в его »Воспоминаниях о Л. Толстом« П. 1919. Продолжали выходить выпуски »Толстой. Памятники творчества и жизни«, вып. 2. М. 1920; вып. 3. М. 1923. Издание »Автобиографии С. А. Толстой«, выполненное с тщательным комментарием В. Спиридоновым по рукописи, принадлежащей архиву С. А. Венгерова (в Сб. »Начала«, № 1, П. 1921) вызвало обсуждение вопроса об »Уходе Толстого« и появление книги В. Черткова »Уход Толстого«. М. 1922. Единственной за обозреваемые годы историко-литературной работой о Толстом является книга Б. Эйхенбаума »Молодой Толстой«. П. 1922. Б. Эйхенбаум выясняет основные литературные традиции Толстого, то, от чего Толстой отступал, как от шаблона, и к чему стремился, как к образцу. Основная тема книги — поэтика Толстого, его художественные традиции и система его стилистических и композиционных приемов в начальную пору творчества.

При жизни Короленко вышел сборник статей и речей по случаю 65-летнего юбилея писателя (»Жизнь и литературное творчество В. Г. Короленко«. П. 1919). Год смерти писателя положил начало публикации его писем и воспоминаний о нем. Вышли сборники: 1. »Памяти Короленко« — »Задруга«. Под ред. В. Мякотина. М. 1922 (статьи и воспоминания А. Редько, А. Горнфельда, В. Мякотина, В. Фигнер и др.). 2. »Короленко. Петербургский сборник под ред. А. Петрищева«. П. 1922 (биографические статьи А. Петрищева, Тана, А. Фомина, С. Протопопова и письма к нему К., воспоминания Л. Штернберга, В. Иохельсона, Е. Летковой, М. Новорусского, Н. Попова, А. Редько). 3. »Памяти В. Короленко«. Н.-Н. 1923 (письма К. к нижегородцам, воспоминания нижегородцев и ряд характеристик писателя, связанных с его деятельностью в Нижнем — Новгороде). Письма писателя, дающие наряду с биографическими сведениями немаловажный материал для истории русской литературы и журналистики к. XIX н. XX в., сосредоточены до сих пор в изданиях: »Короленко в его письмах« 1883 1922. М. »Задруга«. 1922 — письма К. к И. Белоконскому; »Письма Короленко к А. Горнфельду« с предисловием А. Горнфельда. Л. 1924; »Чехов и Короленко (переписка)«. Редакция Н. Пиксанова. Музей имени Чехова в Москве. М. 1923; »Короленко. Письма 1888 –1921«. Под редакцией Б. Модзалевского. Труды Пушк. Дома. П. 1922 (адресаты: Н. Михайловский, А. Иванчин-Писарев, Д. Овсянико-Куликовский, А. Тихонов-Луговой, Ф. Батюшков, А. Кони, В. Шнейдер, А. Скребицкий, А. Кауфман); »Короленко-Письма«. Изд. Госуд. Издат. Украины, т. I (1879 –1887 г.), т. II (1888 – 1889 г.). Х. 1923. Историко-литературная оценка творчества Короленко еще не сделана. Немногие статьи — характеристики не дают исчерпывающего анализа произведений Короленко и ограничиваются общей оценкой творческих черт и качеств, интуитивно наблюденных.

Таковы очерки: Ф. Батюшкова »Короленко как человек и писатель«. М. 1922 и Л. Козловского »Короленко. Опыт литературной характеристики«. М. 1922.

Немногие книги и статьи о Чехове продолжают публикацию его писем и литературных текстов. Так, вышли вторым изданием II и III тома писем Чехова с новыми номерами в шеститомном издании М. П. Чеховой. пачку писем издаст Пушк. Дом (»Чехов. Новые письма«. Под ред. Б. Модзалевского. П. 1922 — письма к И. Щеглову, Ф. Батюшкову, В. Кигну-Дедлову и др.), новые письма, рассказы и биографические материалы окажутся в Чеховской комнате в г. Таганроге (С. Балухатый. »Неизданные материалы Чеховской комнаты в г. Таганроге« — в сб. »Литерат. Мысль«, II, П. 1923), начнутся печатанием неизвестные варианты чеховских пьес (С. Балухатый. »Чехов и драматическая цензура« — в ж. »Русский Современник«, кн. II, Л. 1924), будет опубликован текст одноактной пьесы Чехова, задуманной им еще в 1889 г. как продолжение одноименной пьесы А. Суворина (М. Чехов. »Антон Чехов. Театр, актеры и »Татьяна Репина« — неизданная пьеса Чехова«. П. 1924) и текст юношеской драмы Чехова 1880—81 гг., интересной не в художественном отношении, но как первый большой драматический опыт писателя (А. Чехов. »Неизданная пьеса«. М. 1923, в серии »Документы Центрархива по истории лит-ы и общественности«, вып. 5). Биографический очерк Чехова с сообщением фактических сведений о поводах возникновения отдельных произведений даст брат писателя (М. П. Чехов. »Антон Чехов и его сюжеты«. М. 1923).

Как первые поминки по Л. Андрееву вышла книга воспоминаний о нем (»Книга о Леониде Андрееве«. П. 1922; воспоминания: М. Горького, К. Чуковского, А. Блока, Г. Чулкова, Б. Зайцева, Н. Телешова, Е. Замятина) и хронологическая канва с библиографическим указателем в книге В. Львова-Рогачевского (»Леонид Андреев«. М. 1923).

История литературы неразрывно связана с историей русской критики; изучение последней в ее главнейших представителях — очередная тема исследователей. Из работ в этом направлении отметим материалы и оценки произведений Белинского (Н. Бельчиков, П. Будков и Ю. Оксман. »Летопись жизни Белинского«. М. 1924; В. Белинский. »Пятидесятилетний дядюшка«. Неизданный текст пьесы с предисловием и примечаниями А. Полякова. П. 1924; Иванов-Разумник. »Книга о Белинском«. П. 1923 — дан очерк жизни Б-го, развития его философских, критических, историко-литературных суждений в свете обстоятельств, сопровождавших появление его статей и сделан комментированный обзор сочинений Б-го), Аполлона Григорьева („А. Григорьев. Материалы для биографии«. Под ред. Влад. Княжнина. Изд. Пушк. Дома. П. 1917; »Полное собр. сочинений и писем А. Г-ва под ред. Вас. Спиридонова«. Т. I. П. 1918 — сочинениям Г-ва предпослано начало большого исчерпывающего биографического очерка; »Ап. Григорьев«. В память столетия дня рождения 1822—1922. Биография и путеводитель по выставке в залах Пушк. Дома. Составили М. Беляев и В. Спиридонов.“ П. 1922), Д. Писарева (Е. Казанович. »Д. И. Писарев — 1840—1856 гг.« П. 1922 — очерки биографического исследования

о П-ве, составленного на основании дневников П-ва, писем и воспоминаний о нем, приложенных к книге).

Приведенными книгами и статьями не исчерпывается продукция исследователей новой русской литературы. Значительное число матерьялов и статей рассыпано в ряде сборников, альманахов, журналов, лишь частично использованных нами. Упомянем хотя бы: »Литературно-библиологический сборник«. П. 1918 (матерьялы о Тургеневе, Ап. Григорьеве, Языкове, Боратынском, Некрасове), »Литературный Музеум« I. П. 1921 (Гоголь, Тургенев, Боратынский, Веневитинов), »Дела и Дни«, 1921, кн. 2 (Грибоедов), »Радуга«. Альманах Пушк. Дома. П. 1922 (Жуковский, Дельвиг, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Жемчужников, Мей, Некрасов, Гаршин, Чехов и др.), »Недра«. Лит.-худ. сб. I—III (Тургенев, Достоевский, С. Аксаков, Огарев), »Жизнь«. I—III, М. 1922 (Полонский, Тургенев, Островский), »Сборник Пушк. Дома на 1923 г.«, П. 1922 »Пушкин, Дельвиг, Крылов, Жуковский, Тургенев, Писарев, Толстой и др.), »Новые Пропилеи«, I, М. 1923 (Жуковский, Гоголь, Полонский, Толстой и др.), »Литерат. Мысль«, I—II, П. 1923 (Тургенев, Фет, Огарев, Ап. Григорьев, Тургенев, Чехов и др.), »Искусство« № 1, 1923 (Островский, Пушкин, Гоголь, Жуковский, Тургенев, Фет, Достоевский), »Литературные портфели«. I. Время Пушкина«. П. 1923, »Атеней«, кн. I—II. Л. 1924 (Пушкин, Батюшков, Лермонтов, Достоевский, Грибоедов), »Свиток«, I—III, М. 1922—24 (Достоевский, Некрасов, Тургенев), »Голос Минувшего«, 1919, № 1—4 (Карамзин, Григорович, Полонский, Тургенев, Гончаров), »Былое« (Достоевский, Короленко, Горький и др.), »Русский Современник«, I—II. Л. 1924 (Л. Толстой, Тютчев, Достоевский, Майков, Козьма Прутков, Чехов, Пушкин), »Красный Архив«, »Книга и революция«, »Печать и революция«.

Не малое число статей и материалов, сообщенных в петроградских и московских историко-литературных обществах и исследовательских институтах, осталось все же, в виду затрудненных условий печатания, неопубликованным.

Ленинград. Август 1924. *С. Балухатый.*

Франко-тюркская теорія происхожденія Руси.

(Окончаніе.)

Убѣдилъ ли насъ г. Фрицлеръ, что Русь — тюркскаго происхожденія и что именно таковы были судьбы нашаго народа, какъ изображаетъ онъ? Сознаемся, нѣтъ.

Было бы слишкомъ длиннымъ и, въ сущности, ненужнымъ, подвергать пересмотру и оцѣнкѣ всѣ доводы и доказательства г. Фрицлера. Мы ограничимся лишь нѣкоторыми общими замѣчаніями, мѣшающими намъ стать въ ряды послѣдователей ученія нашаго изслѣдователя, причемъ замѣчаніями, касающимися методологической стороны его работы. Позиція г. Фрицлера въ этомъ отношеніи особенно слаба.

Для разрѣшенія проблемъ историко-географическаго и историко-этнографическаго характера историческая наука опирается какъ на собственно историческія свидѣтельства, такъ и на данныя лингвистики.

Идя по этому пути, наука получила возможность раскрыть и разгадать или приблизиться къ разгадкѣ длиннаго ряда сложныхъ (а они едва ли не всегда сложны) задачъ о начальныхъ судьбахъ народовъ. Этотъ путь весьма отвѣтственъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скользокъ и полонъ опасностей; лишь строгій закалъ въ методологическомъ отношеніи можетъ предотвратить увлеченіе соблазнами филологическихъ толкованій и историческихъ сближеній. Г. Фрицлеръ, на нашъ взглядъ, не удержался на узкой тропинкѣ тонкаго, осторожнаго и сосредоточеннаго анализа и поддался тѣмъ соблазнамъ смѣлыхъ обобщеній и рискованныхъ словообразованій, которыя сгубили уже не одинъ ученый замыселъ и не одну научную теорію.

Обратимся прежде всего къ лингвистикѣ и филологіи, этому тонкому и острому оружію въ твердой и вѣрной рукѣ историка. Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи въ работѣ г. Фрицлера весьма неблагополучно. Прежде всего: г. Фрицлеръ, изображая сложную судьбу русскаго народа и его вѣтвей, какъ бы совершенно игнорируетъ основной и многократно оправданный методъ подобныхъ работъ, состоящій въ сравнительномъ анализѣ языковыхъ данныхъ какъ изучаемаго народа, такъ и всѣхъ, предположительно съ нимъ соприкасавшихся племенъ. Именно благодаря этому пріему достигнуты высоковажные выводы, напр., касательно русско-финскихъ отношеній, какъ языковыхъ, такъ и территоріальныхъ. Русь, по г. Фрицлеру, тюркское племя, но почему бы ему не привести въ подтвержденіе этого тезиса данныя, взятыя изъ языковъ тѣхъ народовъ и племенъ, съ которыми эта тюркская вѣтвь соприкасалась во время своихъ сложныхъ блужданій по вост. Европѣ? У г. Фрицлера т а к и х ъ данныхъ, очевидно, нѣтъ, — да онъ и не называетъ вовсе тѣхъ народовъ, съ которыми Руси привелось встрѣтиться во время ея скитаній. Онъ привлекъ къ дѣлу особаго рода матеріалъ, который, однако, на нашъ взглядъ, не можетъ не вызвать возраженій. Нашъ изслѣдователь отмѣчаетъ на территоріи вост. Европы рядъ географич. именъ, въ которыхъ якобы отлажились слѣды русско-тюркской народности. Эти имена: Торжокъ, Тула, Орша, Корсунь, Ардатовъ, Арзамасъ, Черниговъ, Артемьевъ, Арсеньевъ и т. д. и т. д. Но что это, — серьезно или нѣтъ г. Фрицлеръ въ словахъ отъ именъ греческаго происхожденія Арсеній, Артемій — видитъ тюркскій корень?; старый русскій городъ Торжокъ (отъ торгъ) возводитъ къ тюркамъ, якобы ведшимъ тамъ торговлю, ибо, по г. Фр., названіе торговли происходитъ отъ торговца (тюркъ = турокъ = торгъ, Торжокъ)?; названіе Корсунь отрываетъ отъ греческаго имени Херсонесъ ради тюркскаго Хорсь? и т. д. и т. д.! Намъ представляется, что г. Фрицлеръ привлекъ въ этихъ случаяхъ къ помощи ту этимологическую дыбу, отъ которой давно предостерегалъ великій Шлецеръ. Съ этими случаями сопоставимъ еще производство слова „дура́къ“ отъ „ту́рокъ“ (но что думать тогда о корнѣ въ словахъ дурь, дурной?) или отрицаніе славянства за словомъ вѣче, извѣстнымъ почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ!

Именно только на дыбѣ, въ результатѣ тяжкаго филологическаго испытанія наше старое имя можетъ такъ разнообразно звучать, какъ это услышалъ г. Фрицлеръ. Здѣсь имѣемъ мы — Русь, Рушъ, Расъ,

Рашъ, Росъ, Рошъ, Ратъ, Радъ, Рутъ, Рудъ, Рагъ, Ракъ и т. д. Не кажется ли Вамъ, что этотъ перечень формъ имени Русь можно продолжить до дальняго предѣла, пока возможны комбинаціи трехъ звуковъ, изъ коихъ первый — *р* и второй какой-либо гласный? И самое исходное для всѣхъ этихъ варіантовъ имя Орша, хотя бы оно въ говорѣ и звучало порою Ршà — не насильственно ли сведено къ формѣ Aràs? Какой фонетическій законъ подсказалъ г. Фрицлеру такую замѣну? Совсѣмъ не убѣдительными кажутся намъ и разсужденія г. Фрицлера о Карахъ и производныхъ. Три арабскихъ варіанта (а въ писаніяхъ арабовъ почти нѣтъ постоянства и единообразія въ названіяхъ) неяснаго имени онъ призналъ тремя именами трехъ разныхъ племенныхъ группъ, связавъ ихъ воедино начальными звуками этихъ словъ — именемъ народа Каръ. Что это за народъ, давшій, по г. Фрицлеру, имя Украинѣ (не отъ край, какъ думали донынѣ!)? И что представляютъ собою эти кары, кіяне (ср. лѣтописные кіяне), карты-керты (отъ нихъ — чертъ!), если г. Фрицлеръ ихъ считаетъ реальными, исторически существовавшими, участвовавшими въ начальномъ устроеніи русской земли (княжества Тмутаракань, Черниговское!)? Мы знаемъ на территоріи южной Руси народъ, съ эпитетомъ черный (по г. Фрицлеру, связаннымъ со словомъ Кар), — именно Черные Болгары, упоминаемые въ договорахъ русскихъ князей съ греками,[1]) но нашъ авторъ почему-то не привлекъ ихъ, м. б. подлинно тюрковъ, къ дѣлу, а предпочелъ превратить въ тюрковъ кіевлянъ подъ именемъ Каракіяне и т. п. Не воспользовался нашъ авторъ и объясненіемъ нѣкоторыхъ именъ изъ договоровъ съ греками изъ тюркскихъ словъ у Бараца и Клепатскаго: Куцы (Кочій), Абулб (Абдул?).[2])

Г. Фрицлеръ не первый на Кавказѣ искалъ разрѣшенія вопроса о началѣ Руси. Среди многочисленныхъ ученыхъ, работавшихъ надъ этой проблемой, мы знаемъ одного, имя котораго безвѣстно ушло въ Лету, хотя онъ и убѣжденно полагалъ, что нашелъ подлинную родину нашихъ праотцевъ. Мы имѣемъ въ виду г. Проценко и его брошюру подъ заглавіемъ — „О происхожденіи первоначальной Руси изъ Виріи (Иверія)", изд. въ Тифлисѣ въ 1881 г. Этотъ авторъ съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ „книжниковъ, которые, какъ выразился какъ-то Куникъ, позволяютъ себѣ на угадъ составлять этимологіи по однимъ внѣшнимъ созвучіямъ, не заботясь ни о законахъ фонетики, ни о законахъ образованія словъ въ отдѣльныхъ языкахъ, ни объ исторіи развитія значеній словъ, доставляя этимъ только матеріалъ для дикой этимологіи (Etymologia bovina)".[3]) Иначе дѣйствительно трудно квалифицировать такія „ученыя" заключенія, какъ нахожденіе тмутараканскаго болвана изъ „Слова о полку Игоревѣ" у озера Ванъ (тмут. бло [= озеро] Ванъ)! или производство слова варяги отъ во-

[1]) Барац, Критико-сравнительный анализъ договоровъ, Кіевъ 1910, стр. 60—64. — Клепатський, Огляд джерел до історіі Украіни, Кам'янець на Поділлю, 1921. стр. 30.

[2]) См. краткую сводку — у Е. А. Загоровскаго, Очерк истории северного Причерноморья, Одесса, 1922, стр. 25—26.

[3]) Дорнъ, Каспій, СПб. 1874, стр. 460.

ряги, т. е. боряги, значитъ — борцы! Но увы, иныя словопроизводства г. Фрицлера не далеки отъ этихъ этимологій! . . . Несравненно осторожнѣй былъ Н. И. Надеждинъ, когда указывалъ когда-то въ 40-хъ годахъ на возможную связь между словами Іезекіиля, Корана, арабовъ и византійцевъ о Рос, — „я не вывожу слѣдствій, писалъ онъ, я только указываю нити . . .“

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, какъ пользуется г. Фрицлеръ письменными свидѣтельствами и источниками. Считаемъ нужнымъ прежде всего подчеркнуть, что нашъ изслѣдователь большею частью источниковъ пользуется изъ вторыхъ рукъ, роль каковыхъ играютъ при этомъ старые авторы — Карамзинъ, Цейссъ, Френъ и др. Такимъ образомъ, данныя того или другого источника принимаются г. Фрицлеромъ въ томъ видѣ, какъ звучатъ въ его столѣтнихъ пособіяхъ, ибо съ новыми текстами многихъ изъ источниковъ, съ ихъ научной обработкой и критикой нашъ авторъ не находитъ нужныхъ считаться. Это отражается на всемъ содержаніи его работы. Мы уже отмѣтили выше отношеніе его къ арабскимъ писателямъ, извѣстнымъ ему по Френу и Гаркави (молчаніе о Марквартѣ, Вестбергѣ и др.), и къ Іоакимовской лѣтописи. Также безоговорочно, какъ и на нее, ссылается г. Фрицлеръ и на баварскую хронику Авентина (псевдонимъ І. Турмайра) — для доказательства участія Руси въ маркоманнскихъ войнахъ II в. по Р. Хр. Мы должны указать, что онъ не учелъ при этомъ того, что Авентинъ писалъ свою хронику въ началѣ XVI в., когда смѣлость историко-географическихъ и этнографическихъ толкованій не была еще ограничена наукой, опирающейся на твердые методологическіе правила и пріемы. Вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ авторъ не произвелъ анализа употребленія имени Reussen у Авентина, и поэтому не обратилъ вниманія на случай, когда имя Reussen не откладывается имъ въ древность, но связывается со временемъ писанія имъ хроники: „Künig Ätzel, пишетъ Авентинъ, Der mechtigist Künig in Germanien, Schytten, Scharmatten, in den Künigreichen, so wir **iezo** Poln, Behaim, Ungern, R e u s s e n h a i s s e n“.[1])

Г. Фрицлеръ, далѣе, съ полнымъ довѣріемъ отнесся къ традиціи, связывающей Русь съ Пруссіей и сохранившейся въ позднихъ сравнительно источникахъ. Нужно, дѣйствительно, согласиться съ г. Фрицлеромъ, что въ позднихъ памятникахъ порой сохраняются слѣды высокоцѣнной и достовѣрной древней традиціи. Историческая наука уже давно приняла этотъ тезисъ. Однако, надлежитъ доказать, что традиція о Руси-Пруссіи имѣетъ подлинные признаки древности. И въ этомъ случаѣ г. Фр. лишь высказываетъ свои мысли, но не обосновываетъ ихъ широкимъ анализомъ соотвѣтственныхъ источниковъ. Онъ вѣритъ прусскому происхожденію ряда русскихъ родовъ, ведетъ оттуда родъ Романовыхъ, вѣритъ Ивану Грозному въ его свидѣтельствѣ о прусскихъ родичахъ, — но намъ хотѣлось бы видѣть предварительно опроверженіе той критики всѣхъ этихъ легендъ и разсказовъ, которая давно утвер-

---

[1]) J o h a n n e s T u r m a i r s genannt Aventinus Bayerische Chronik, hrg. v. Lexer, Bd. I, München 1883 (4 Bd. его Sämmtliche Werke), стр. 1137.

илась въ исторической наукѣ, квалифицирующей всю цѣпь этихъ сказаній, какъ историческое баснословіе.[1])

Нѣтъ, мы не тюрки. Г. Фрицлеръ не породнилъ насъ съ ними. ъ такими научными пріемами, съ какими выступилъ онъ въ своей нижкѣ, трудно расчитывать на признаніе и послѣдователей. Имя Русь оставило наукѣ трудную задачу. Разбросанность этого имени широко о картѣ Европы и частью Азіи не дается наукѣ сомкнуть въ единое сторико-этнографическое построеніе. Но тѣмъ менѣе возможно достигуть этого при отказѣ отъ подлинно научной традиціи и заостренныхъ утоньшенныхъ методовъ. Г. Фрицлеръ пошелъ именно по такому пути, тсюда вся крайняя рискованность его аргументаціи и неосновательость построенія.

* ▪ *

Перейдемъ къ варягамъ. Г. Фрицлеръ полагаетъ, что варяги — ерманцы. Основное доказательство этого едва-ли не общепринятаго оложенія онъ видитъ въ „Русской Правдѣ", содержащей якобы явно ерманское право, принесенное на Русь варягами. Это мысль формулиуется г. Фрицлеромъ въ общей формѣ безъ ссылокъ на результаты равнительно-историческаго анализа содержанія Правды и съ указаіемъ изъ всей литературы по этому вопросу — лишь названной выше го-же работы объ Уставѣ Ярослава. Варяги — германцы, но не норианны. Основанія норманской теоріи, по г. Фрицлеру, неубѣдительны. Недостаточно, думаетъ онъ, десятка именъ изъ лѣтописи, которыя изѣстны и у норманновъ; имя Рюрика ближе, по г. Фр., къ франкскому Rorich, чѣмъ къ сканд. Hroerekr.[2]) Объясненіе имени варяги изъ понятія союзники — для нашаго автора непріемлемо, ибо имена ародовъ являются священными для ихъ носителей и обычно восходятъ къ высшей цѣнности народа, познавшаго свою сущность („Seinen Namen ibt ein Volk erst auf, wenn es sein eigenes Wesen selbst aufgegeben hat"). Къ тому же, думаетъ г. Фрицлеръ, сѣверное Wäring моложе русскаго варягъ. Отрицательно относится г. Фрицлеръ и къ использованію указанія Ліудпранда о руссахъ — нордманнахъ для доказательства норманскаго происхожденія варяговъ, — намъ только неясно, почему эти слова Ліудпранда связываетъ нашъ авторъ съ варягами, тогда какъ въ нихъ идетъ рѣчь о русскъ.

Родину варяговъ г. Фрицлеръ локализируетъ на территоріи, имѣющей южнымъ предѣломъ — Ладожское озеро и Финскій заливъ, западнымъ — Ботническій заливъ и сѣвернымъ — Ледовитый океанъ и Бѣлое море. Основаніе — лѣтописное описаніе пути изъ варягъ въ греки въ сѣверной его части, самая надобность въ которой миновала бы, если бы варяги жили на Западѣ, куда прямѣе и короче путь по Западной Двинѣ.

---

[1]) Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, Кіевъ, 1908, т. II, ч. 2, стр. 1395—1416, XXXVIII—IX.

[2]) Г. Фрицлеру, повидимому, осталось неизвѣстнымъ, что существуетъ предположеніе о пребываніи именно нашаго Рюрика до прихода на Русь — о франкской землѣ (въ Dorestadt). I. Bartoszewicz, Początki Rusi. Warzawa, 1914, стр. 45 (Popularna Biblioteka Historyczna. No. 22).

Слѣды варяговъ находитъ г. Фрицлеръ нынѣ въ сѣверо-восточномъ углу Норвегіи у Ледовитаго Океана въ Варяжскомъ фьордѣ (Baranger Fjord). Въ этомъ случаѣ, какъ и въ рядѣ другихъ, г. Фрицлеръ не обратилъ вниманія на давно высказанное въ наукѣ заключеніе о своеобразіи географическихъ понятій русскаго лѣтописца, по воззрѣнію котораго Балтійское море тянется своею длиной не съ юга на сѣверъ, а съ запада на востокъ. Этотъ выводъ изложенъ обстоятельно въ извѣстномъ трудѣ проф. Н. Барсова,[1]) знакомство съ которымъ (слѣдовъ его въ работѣ нашаго автора мы не видимъ) обязательно для толкованія историко-географическихъ указаній лѣтописи.

Названіе варяги, — по мнѣнію г. Фр., первоначально звучало иначе, именно въ немъ была послѣ *р* гласная съ носовымъ, какъ видно изъ арабскаго и греческаго написанія этого имени (Warank, Βαράγγοι). Это имя племенной группы съ середины XI вѣка стало употребляться для обозначенія иноземцевъ вообще, подобно слову фрязинъ = Frjang. Эти два наименованія иноземцевъ, по Фрицлеру, имѣютъ разную судьбу, — имя варягъ было научнымъ обозначеніемъ западноевропейцевъ, имя фрягъ — франгъ было лишь позднѣе принято въ письменности и жило въ народномъ языкѣ, что показываетъ превращеніе его въ народную форму фрязинъ. Не находя возможнымъ (прибавимъ — вслѣдъ за Васильевскимъ,[2]) но вопреки послѣднему мнѣнію Шахматова[3]) возводить одну изъ этихъ формъ къ другой, г. Фрицлеръ полагаетъ, что мы имѣемъ здѣсь передъ собой особыя формы произношенія имени варягъ его носителями. Это заключеніе г. Фрицлеръ связываетъ съ объясненіемъ прихода на Русь Рюрика и Аскольда съ товарищи. Онъ полагаетъ естественнымъ возводитъ эти два имени къ двумъ варяжскимъ потокамъ, направившимся на Русь. Три князя варяговъ основали свое господство на сѣверѣ у словенъ, два князя франковъ положили начало государственности на югѣ въ Кіевѣ. Въ русской традиціи выступаетъ на первое мѣсто имя варанговъ въ виду недолговременности независимой южной государственности и захвата Кіева Олегомъ, пришедшимъ съ варягами съ сѣвера. — Высказанное г. Фрицлеромъ предположеніе о разноплеменности, а не о принадлежности лишь къ иному роду Рюрика и Аскольда, не является новымъ въ научной литературѣ. Покойный акад. Шахматовъ нѣсколько разъ возвращался къ мысли о двукратномъ появленіи нормановъ на русской территоріи, связывая первый потокъ съ именемъ Русь и съ ранними упоминаніями этого имени на югѣ у Чернаго моря, а второму усваивая имя варяговъ.[4]) Это предположеніе было поддержано Тіандеромъ, обратившимъ вниманіе на возможность

---

[1]) Н. Барсовъ. Очерки русской исторической географіи. — Географія начальной лѣтописи. — Варшава, 1885 г.

[2]) Васильевскій, Труды, изд. Академіей Наукъ, СПб., т. I, стр 220,

[3]) Шахматовъ, Введеніе въ исторіи русскаго языка, СПб. 1916. стр. 62, 67. — Древнѣйшіе судьбы русскаго племена, СПб., 1919. стр. 47.

[4]) Шахматовъ. Сказаніе о призваніи варяговъ СПб. 1904, 53 и сл. — Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка (Энциклопедія славянской филологіи, вып. 11,,), Птгр. 1915, XXVII и слѣд. — Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка Птгр. 19 6, 67—71. - Древнѣйшія судьбы русскаго племени. Птгр. 1919, 57—62.

соединять Аскольда съ гетами, а Рюрика и Олега со свеями и ихъ взаимными распрями объяснить вражду этихъ героевъ и на русской территоріи.[1]) Не говоримъ уже о догадкахъ, согласно коимъ Аскольдъ и Диръ (или одинъ изъ нихъ) признаются принадлежащими къ совершенно иной сравнительно съ варягами національности (славяне, угры и т. п.). Г. Фрицлеръ, къ сожалѣнію, — соотвѣтственно общей манерѣ его изложенія, — не касается исторической обстановки появленія франковъ на Днѣпрѣ, — видимо, эта историческая „проблема" кажется г. Фрицлеру не нуждающейся въ раскрытіи и обоснованіи.

Варанги — Франги — Франки. Такой рядъ устанавливаетъ далѣе г. Фрицлеръ, опираясь на лѣтописный разсказъ о варягахъ. Г. Фрицлеръ въ конечномъ видѣ читаетъ его важнѣйшую часть такъ: „на томъ же морѣ (Варяжскомъ) сидятъ варяги по эту сторону по направленію къ востоку до предѣловъ Сима (= волжскіе болгары). На томъ же морѣ сидятъ они и на западъ до страны агнянъ (англы въ Гольштиніи). Варяги сидятъ также отъ запада на югъ и сосѣдятъ съ родомъ Хама (мавры въ Испаніи)". Этотъ текстъ позднѣе, по г. Фрицлеру, осложненъ былъ добавкой послѣ агнянъ — „и до земли волоховъ" (= римская имперія Сіагрія между Соммой и Луарой); далѣе въ позднѣе вставленномъ перечнѣ племенъ варяжскаго корня появилось имя Карлязи = государство Каролинговъ, а далѣе — и наименованія Галичане и нѣмцы. Въ конечномъ итогѣ при такомъ возстановленіи текста лѣтописи обнаруживается, что варяги въ значительной своей части совпадаютъ съ франками. Нужно оговорить, что это возстановленіе начальнаго чтенія лѣтописнаго основано на общихъ соображеніяхъ и смысловомъ его разборѣ, что далеко не такъ убѣдительно, какъ было бы отысканіе начальнаго текста на основаніи сопоставленія и разбора всѣхъ сохранившихся чтеній соотвѣтственныхъ мѣстъ, какъ это выполнено акад. Шахматовымъ.

Племенное единство варяговъ и франковъ подтверждается г. Фрицлеромъ и на основаніи описанія въ лѣтописи русскихъ рѣчныхъ путей. Путь — Днѣпръ — Волховъ имѣлъ значеніе для варяговъ сѣвера; съ переходомъ ихъ на иное мѣсто (nach Auswanderung der Warangen) намѣчается иной путь — по Двинѣ на Западъ: Двина — Римъ — родъ Хама. Это, по г. Фрицлеру, явное и несомнительное доказательство его мысли. Онъ только не объяснилъ намъ, о какомъ переселеніи варяговъ онъ говоритъ: изъ страны сѣвернѣе Финскаго и восточнѣе Ботническаго заливовъ въ какую страну передвинулись они, когда и при какой исторической обстановкѣ? Изъ изложенія г. Фрицлера можетъ показаться, что рѣчь идетъ о переселеніи на территорію Франціи. Это важное въ его построеніи положеніе ничѣмъ не доказывается, какъ будто оно не подлежитъ ни сомнѣнію, ни даже напоминанію.

Подтвержденіе тождества франковъ и варяговъ г. Фрицлеръ находитъ и въ словоупотребленіи грековъ-византійцевъ, говорящихъ

[1]) Тіандеръ. Датско-русскія изслѣдованія, III, Птгр. 1915, 172 и слѣд (= Записки истор.-филол. факультета СПб. Университета, ч. CXXIII). Ср. еще А. Спицынъ, Археология в темах начальной русской истории въ Сборникѣ въ честь въ С. Платонова, Птгр., 1922, стр. 7 и др.

о тѣхъ и другихъ подчасъ не различая ихъ другъ отъ друга. Подозрѣніе въ томъ, что этнографическая терминологія грековъ не можетъ считаться сколько-нибудь точной и систематически-выдержанной, г. Фрицлеръ отражаетъ доводомъ, который не лишенъ нѣкотораго остроумія, но, намъ кажется, лишенъ всякаго основанія. Греки называютъ иногда русскихъ дромитами и производятъ ихъ отъ франковъ. Дромиты — это слово, по Фрицлеру, происходитъ не отъ слова *δρόμος* — бѣгъ, а отъ слова, хорошо извѣстнаго въ русскомъ употребленіи — дружина. Здѣсь г. Фрицлеръ обращается къ усвоеннымъ имъ пріемамъ филологическаго толкованія и сближенія словъ. Дружина — это не войско или свита, — это особое имя варяжскаго рода (Warangenstamm), къ которому принадлежитъ самъ князь. Дружина — родъ; членъ рода — дружинъ (sic !); основная форма — другъ восходитъ къ первоначальной формѣ съ носовымъ — дронгъ; дронгъ — это имя знатнаго рода варяговъ, охрана князя; греки произносили его дромъ, откуда дромиты.[1]) Такая освѣдомленность грековъ относительно особаго родового имени русскихъ варяговъ явно свидѣтельствуетъ, думаетъ г. Фрицлеръ, что греки знали подробности о происхожденіи варяговъ и не случайно называли ихъ франками. Не будемъ сейчасъ спорить объ освѣдомленности грековъ, но позволимъ себѣ задать вопросъ, откуда у г. Фрицлера такая точная освѣдомленность о смыслѣ слова дружина? Почему бы не подтвердить это толкованіе какими-либо научными данными? Безъ доказательствъ мы отказываемся ему вѣрить.

Освѣдомленность византійцевъ въ вопросахъ національной принадлежности варяговъ и франковъ г. Фрицлеръ подкрѣпляетъ фактами пребыванія и тѣхъ и другихъ на службѣ въ Византіи, начало которой, возможно, положили франки Аскольда, ушедшіе отъ Олега въ Грецію; франки и варяги входили совмѣстно въ составъ византійскихъ вооруженныхъ силъ и дворцовой охраны, причемъ въ ихъ отношеніяхъ г. Фрицлеръ усматриваетъ начало конкурренціи въ дѣлѣ служебнаго движенія и значенія. Позднѣе къ нимъ въ Византіи присоединились Англы. Ихъ имя г. Фрицлеръ сближаетъ съ племенемъ, обитавшимъ въ древности на югѣ Россіи и обычно причисляемымъ къ племенамъ русско-славянскимъ, именно съ племенемъ Угличей: угличи отъ корня Угл — Онголъ. Это сближеніе не впервые сдѣлано г. Фрицлеромъ; оно напрашивалось на уста — едва ли не сто лѣтъ назадъ — А. С. Хомякова, но какъ тогда, такъ и теперь оно никакъ не можетъ быть признано сколько-нибудь основательнымъ. Г. Фрицлеръ англамъ приписываетъ названія рѣкъ нижняго бассейна Днѣпра и Буга — Уголъ, Ингулъ, Ингулецъ; къ нимъ возводитъ онъ и „русскія" названія пороговъ Днѣпра по Константину Багрянородному, считая славянскія имена — переводомъ съ языка англовъ. Но объ одномъ г. Фрицлеръ умалчиваетъ — именно объ историческихъ доказательствахъ того, что раннія судьбы племени англовъ были подлинно связаны съ югомъ

[1]) Ср. о связи drung и дружина у Г. В. Вернадскаго, Замѣтки о крестьянской общинѣ въ Византіи. Ученыя Записки, осн. Учебной Коллегіей въ Прагѣ, I, вып. II, Прага, 1924, стр. 92—93.

оссіи. Покойный Е. Н. Щепкинъ въ своей работѣ о ,,варяжской вирѣ" нащупалъ слѣдъ пребыванія англо-саксовъ на югѣ Россіи въ X вѣкѣ, указавъ на возможность англо-саксонскаго происхожденія имени одного изъ пословъ и гостей, названныхъ въ договорахъ русскихъ князей съ греками, именно имени Искусеви, и предполагая проникновеніе англовъ на Русь въ отрядахъ варяговъ — нормановъ.[1]) Если бы . Фрицлеръ подошелъ къ доказательству своей мысли съ этой стороны раскрылъ намъ на почвѣ языка англо-саксовъ смыслъ ,,русскихъ" азваній пороговъ, еще бы могла идти рѣчь о серіозности его построенія, въ нынѣшнемъ же видѣ своемъ оно остается висящимъ въ оздухѣ, ибо сближеніе англы — угличи на Днѣпрѣ для него весьма лабая подпора, тѣмъ болѣе, что самая форма угличи не безспорна нынѣ ей предпочитается форма уличи,[2]) въ которой нѣтъ соблазнительнаго для г. Фрицлера сходства съ именемъ англовъ.

Подтвержденіе правильности своего сближенія варяговъ и франковъ г. Фрицлеръ находитъ и во франкской традиціи. Отчасти основываясь на ней нашъ авторъ (вслѣдъ за Лейбницемъ) отыскиваетъ одину франковъ на Балтійскомъ побережьи, т. е. на мѣстѣ родины русскихъ варяговъ. Ихъ близость выражается, далѣе — по г. Фр. — ъ тождествѣ боевого топора, въ близости права, ибо, какъ г. Фр. полагаетъ (какъ и при сближеніи русскаго и германскаго права — безъ доказательствъ и доводовъ), что право франковъ есть, въ сущности осколокъ (ein Seitenstück) права русско-варяжскаго. Въ русскомъ языческомъ пантеонѣ боговъ г. Фрицлеръ также находитъ близость къ франкамъ; Перунъ — главный богъ руссовъ и варяговъ — неизвѣстенъ другимъ славянамъ, это богъ по преимуществу княжескій; его имя въ ервонач. варяжской формѣ звучало Перон, что м. б. сближено съ началомъ слова Fronleichnam, ср. носовое произношеніе слова franc. При такомъ полномъ созвучіи едва ли можетъ быть сомнѣніе, полагаетъ г. Фр., въ томъ, что франки и варяги были подлинно одинъ народъ.

Оставимъ въ сторонѣ этотъ сложный вопросъ о происхожденіи имени Перунъ и его формахъ, новыя попытки его разрѣшенія вполнѣ законны.[3]) Позволимъ себѣ только отмѣтить, что проблема о взаимоотношеніяхъ русскаго и франкскаго права настолько серіозна, что нельзя считатъ ея рѣшеніемъ заявленія г. Фрицлера на половинѣ страницы его книжки. Въ научной литературѣ есть цѣлый рядъ серіозныхъ работъ по этому вопросу (Ведрова, Левашевой и др.) и игнорировать ихъ можно было бы лишь давъ новое широкое и основательное об-

---

[1]) Щепкинъ, Варяжская вира. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Одесса, 1915 г., т. XXXII и отд.. стр. 151.

[2]) Грушевський. Історiя Украйни Руси, т. I, 202, изд. 1903 г. Шахматовъ, Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка, 1916, стр. 92. Шахматовъ, Повѣсть временныхъ лѣтъ, СПб. 1916, стр. 376.

[3]) О Перунѣ — см. сводку данныхъ у L. Niederle, Život starých Slovanův, Praha, 1917, t. II, sv. 1, стр. 93—105 См. еще L. Masing. Drei Etymologien. Prace lingwistyczne, ofiarowane J. Baudouinowi de Courtenay, Kraków 1921, стр. 84—87. Погодинъ. Опытъ языческой реставраціи при Владимірѣ. — Труды русскихъ ученыхъ за-границей, т. II, Берлинъ, 1923, 149—157.

слѣдованіе всей совокупности матеріаловъ, касающихся франкскаго и древне-русскаго права.

Должно особо отмѣтить, что отношеніе г. Фрицлера къ научной литературѣ по изслѣдуемому имъ вопросу вообще представляется нѣсколько своеобразнымъ. Мы полагаемъ, что вполнѣ допустимо умолчаніе о предшественникахъ въ научной работѣ при изложеніи самостоятельныхъ домысловъ. Но это допустимо лишь въ томъ случаѣ, когда авторъ усвоилъ себѣ всѣ тонкости методологическихъ пріемовъ или отточилъ свой особый методъ историческаго изслѣдованія, причемъ онъ вооруженъ подлиннымъ и совершеннымъ знаніемъ изслѣдуемой проблемы во всей ея широтѣ и глубинѣ. Въ работахъ А. А. Шахматова или В. О. Ключевскаго мы видимъ постоянно эту особенность изложенія, — но кто найдетъ объективные показатели ихъ недостаточной освѣдомленности или методологической безоружности? Г. Фрицлеру, съ сожалѣніемъ мы должны признать, можно возражать и со стороны методологической и со стороны привлеченнаго къ дѣлу матеріала. Въ его книжкѣ мы видимъ ссылки (порой весьма глухія) на Грушевскаго, Забѣлина, Ключевскаго, Костомарова, Погодина М., Гедеонова, Френа, Гаркави, Цейсса, Бонненя, Васильевскаго, Эверса и др., — но не встрѣчаемъ именъ Иловайскаго, Ламанскаго, Томсена, Куника, Дорна, Шахматова, Вестберга, Пархоменко и мн. др., писавшихъ именно по вопросу о происхожденіи Руси. Результаты ихъ изслѣдованій можно оспаривать и отвергать, но писать на тему, не зная спеціальной по ней литературы — это почти всегда значитъ — или ломиться въ открытую дверь или же ставить результаты своихъ изученій подъ свободный критическій обстрѣлъ съ господствующихъ въ данной обстановкѣ позицій. По отношенію къ г. Фрицлеру это общее правило имѣетъ полное примѣненіе: его филологія, его способъ пользованія источниками и ихъ толкованія и оцѣнки, рисуемыя имъ общія историческія перспективы, — все это вызываетъ существенныя возраженія. Для признанія качества научности за теоріей г. Фрицлера ему надлежало иначе обосновывать и развивать его основную мысль о тюркофранкскомъ происхожденіи Руси и варяговъ.

2 декабря 1923г.
Прага Чешская.

Ант. Флоровскій.

Zprávy.

Московская Диалектологическая Комиссия (1904—1924).

Московская Диалектологическая Комиссия, состоящая при Отделении русского языка и словесности Российской Академии Наук, — одно из немногих учреждений, занимающихся изучением живых современных говоров русского языка и их истории. Она возникла в январе 1904 года, причем ее ядро составилось из „Кружка для изучения истории и диалектологии русского языка", основанного в сентябре 1901 г. молодыми московскими учеными (состоялось 30 заседаний этого кружка с 22 докладами).[1] Председателем „Комиссии по составленію диалектологической карты русского языка", как была оффициально названа новая Комиссия, был акад. Е. Ф. Корш, а после его смерти с весны 1915 г. председательствует Д. Н. Ушаков; товарищем председателя состоит Н. Н. Дурново; секретарем Комиссии почти с самого ее основания был Н. Н. Соколов до 1919 г., т. е. до своего перехода на кафедру Воронежского Университета (Н. Н. скончался 27 мая 1923 — см. его некрологи: в журн. Slavia, II стр. 187—188, составл. Н. Н. Дурново, и в Известиях Отд. р. яз. и сл., т. XXVII, составл. акад. А. И. Соболевским); а с 1919 г. И. Г. Голанов. Число членов с 14 человек в 1904 г. к июлю 1924 г. возросло до 46. Ежегодные отчеты о деятельности Комиссии представляются в Отделение рус. яз. и слов. Росс. Акад. Наук и печатаются в общем отчете Отделения; кроме того, обзор работ Комиссии за I десятилетие и Кружка по изучению русского языка был помещен в III вып. Трудов Моск. Диалектологической Комиссии (= Рус. Фил. Вестник, 1914, т. 71., стр. 419). А сведения о жизни Комиссии преимущественно за II десятилетие имеет в виду настоящая заметка. За I десятилетие состоялось 76 заседаний с 72 докладами, а за II — до летних каникул 1924 г. — 81 заседание с 86 докладами.

Хотя первоначальной задачей Комиссии было составление диалектологической карты русского языка, однако ее работы не ограничиваются только этим (карта была готова к 1914 г.), но посвящаются по-прежнему и в последние годы 1. собиранию и изучению диалектологического материала путем специальных командировок членов и сотрудников Комиссии, а также путем распространения диалектологических программ и обработки ответов на них, 2. обсуждению докладов по историческому и статическому изучению русских языков и их говоров в связи с данными смежных дисциплин — этнографии, археологии и истории, 3. определению взаимодействия русского языка с соседними, преимущественно-инородческими и 4. ознакомлению с выходящей в России и за-границей новой научной литературой по языку.

Кроме того, после издания в 1915 г. „Опыта диалектологической карты русского языка в Европе" (с "Очерком русской диалектологии", составл. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым = V. вып. Трудов Диалектологической Комиссии), расчитанного не на специалистов, а на более широкий круг читателей, — была намечена в 1919 г. новая задача — составление диалектологического атласа великорусских

[1]) См. Труды Московской Диалектологической Комиссии, в. 3, Варш. 1914, стр. 218—221.

говоров: он должен состоять из ряда карт, на которых будет обозначено распространение отдельных диалектических черт или комплексов сходных черт. Составлен проект программы картографирования, между работниками Комиссии распределены губернии для картографирования имеющегося по ним материала, и по некоторым губерниям доложены первые опыты картографирования (Голановым — по Тверской губ., Селищевым — по Казанской губ., Дурново — по Новгородской губ. и по границе оканья и аканья). Для ознакомления с западно-европейскими работами в области картографирования сделали доклады в Комиссии Буслаев — о сербской карте Белича, Голанов и Кенигсберг — о французских работах по лингвистической географии, Дингес, Мазе и Шор — о немецких трудах этого рода.

Основные воззрения Московской Диалектологической Комиссии на жизнь русских говоров и установление языковых границ найболее полно выражены Н. Н. Соколовым в статье „Определение и обозначение границ русских говоров" — в I вып. Трудов Диал. Комиссии, а позже были развиты во вступительной главе диссертации Н. Н. Дурново.[1]) Этими работами было установлено понятие переходных говоров и смешанных: переходными говорами Комиссия признает такие, в которых последовательно и закономерно вырабатываются языковые явление, начало которым положено говорами, лежащими в основе этих переходных, и говорами, влиявшими на эту основу; смешанные говоры, в отличие от переходных, имеют лишь отдельные заимствования из другого наречия в словах, формах и оборотах, но не изменяют своего звукового состава в его целом; смешанные говоры могут образовываться при столкновении наречий неродственных по происхождению, а переходные только при столкновении наречий, близко родственных по своему происхождению.[2]) На изучение переходных говоров преимущественно и было направлено внимание Комиссии как в обсуждении докладов, так и в организации диалектологических поездок.

За первое десятилетие были совершены 22 поездки,[3]) главным образом в губернии центральной полосы Европейской России, в результате чего, кроме общей характеристики переходных говоров, была довольно точно определена граница оканья и аканья, которая в „Опыте диалектологической карты" проводится так: по южным уездам Петроградской и Новгородской губ., по средней части Тверской, по северной части Московской, по ссеверной части Рязанской, по самой южной части Владимирской, по Нижегородской и Саратовской губ.[4])

За II десятилетие также было совершено до 20 диалектологических поездок, значительная часть которых была посвящена дальнейшему изучению вопросов истории переходных говоров.

После наблюдений Каменева в Задонском у. Воронежской губ. в 1914 г., Богатырева и Якобсона в Верейском у. Московской губ. и Голанова в Чериковском у. Могилевской губ. в 1915 г.,[5]) диалектологическими поездками было особенно богато лето 1916 г.,[6]) когда члены и сотрудники Комиссии обследовали и северно-великорусские говоры

[1]) Н. Н. Дурново, Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч. I: Южновеликорусское наречие, в. 1 и 2, 1917 и 1918 г. (= в. VI. и VII. Трудов Диалектологической Ком.)

[2]) Срв. также Н. Н. Дурново, Грамматический словарь (Изд. Френкель, М. П. 1924) стр. 85 s. v. „Переходные говоры".

[3]) См. „Краткий очерк возникновения Московской Диалектологической Комиссии и ее деятельности за первое десятилетие" — в III. вып. Трудов М. Д. К., с. 226—227.

[4]) Очерк русской диалектологии, стр. 34—35.

[5]) Труды МДК., вып. 8. (М. 1919).

[6]) См. „Краткій отчетъ о діалектологическикъ экскурсіяхъ 1916 г." в 8. вып. „Трудов" МДК., стр. 31—36 или в Отчете о деятельности Отд. р. яз. и слов. И. Акад. Наук за 1916 г., стр. 23—29.

Богатырев и Шергин в Архангельской губ., Яковлев в Яренском у. Вологодской г.), переходные (Буслаев и Якобсон в Московской губ.), южновеликорусские (Афремов, Дурново и Свешников) и малорусские Н. Н. Соколов в Павловском у. Воронежской губ.); кроме того Дингес собирал материалы для этнографической карты Новоузенского и Николаевского у. Самарской губ.

Позже, в 1917—1920 гг. по условиям времени и за недостатком средств диалектологических экскурсий почти не было, но с 1921 г. они опять возобновились по личному почину и почти на одни собственные средства членов Комиссии: Ушаковым и Буслаевым были произведены диалектологические наблюдения в Московской губ., Голановым — в Ржевском у. Тверской губ. (где была обследована „шеплянщина," — белорусская по происхождению западная треть уезда с диссимилятивным аканьем, *ṷ* из *v* и *l*, фрикат.-задненебным и даже гортанным *h*, шепелявыми *s* и *z*, за что и дано название в всей местности, вопр. част. *ти* и проч. белорус. особ.; центральная часть уезда признана переходной на северно-великорусской основе с белорусскими чертами, причем в определение границы с чисто-белорусской областью внесена поправка по сравнению с картой акад. Е. Ф. Карского) и в восточных уездах Смоленской губ., Каменевым — в Каширском у. Тульской губ., Е. Н. Каринской — в Котельническом у. Вятской губ. (отмечено появление редуцированных гласных на месте *о* в 1-м слоге перед удар., чоканье, *š, ž* мягкие, быстрый темп речи); А. М. Селищевым произведены наблюдения над русским говореньем чуваш и горных черемис. Намечен ряд экскурсий и на предстоящее время для пополнения и проверки сведений, собранных в „Опыте диалектологической карте" (и в „Очерке рус. диалектологии"), как о говорах центрального района, так и переходных от белорусских к великорусским.

Обсуждение отчетов об этих поездках занимает значительную часть заседаний Московской Диалектологической Комиссии. Кроме того, в заседаниях Комиссии был заслушан и обсужден ряд докладов, по различным вопросам истории русского языка, причем освещались явления древнерусских памятников, отдельные эпизоды в развитии литературного языка, лексика и этимология, современные проблемы синтаксиса, условные языки и т. п. Чтобы дать представление об этих докладах за II. десятилетие, приводим их перечень [1]) (оглавление докладов за I. десятилетие — см. в вышеуказанном „Кратком Очерке возникновения Комиссии..." в 3-м вып. Трудов М. Д. К.).

† Б. А. Будилович. О границах малорусского наречия (по поводу „Хрестоматии по малорусской диалектологии" Н. Н. Дурново).

А. А. Буслаев. Обзор картона по русскому языку из собрания Хмырова (Р. Исторического Музея).

Н. Н. Виноградов. Происхождение акающих говоров Костромской губ.[2])

Г. И. Винокур. Магериалы Самойловича по говору Бельского уезда Гродненской губ.

И. Г. Голанов. Заметка о говоре Чериковского у. Могилевской губ.[3])

Г. Г. Дингес. Русское влияние в говорах немцев-колонистов Самарской и Саратовской губ.

Н. Н. Дурново. Критические замечания на книгу А. А. Шахматова: „Очерк древнейшего периода истории русского языка".

— Московское или Петроградское литературное произношение (по поводу рецензии С. П. Обнорского на русскую грамматику Р. И. Кошутича в Известиях Отд. рус. яз. и словесности Академии Наук. 1916 [4]).

---

[1]) Кроме названых выше.

[2]) См. Изв. Отд. русск. яз. XXII, 2, (1918) стр. 9—24.

[3]) См. Труды М. Д. К., в. 8.

[4]) См. Slavia II, стр. 439—446.

Н. Н. Дурново. О „Кратком пособии по исторической грамматике русского языка', проф. В. К. Поржезинского.[1])
— К 40-летию „Очерков из истории руск. языка" академика А. И. Соболевского.[2])
— К вопросу о классификации южно-великорусских говоров по аканью.
— К вопросу о происхождении аканья.
— Типы белорусского аканья.
— Определение границ оканья и аканья.
— Проект краткой программы для собирания сведений о говорах Волынской губ.
— Текст диалектологических программ Комиссии для нового их издания.
— Русский народ и современные политические границы.
— Сочетания *ки, ги, хи* в Галицком Четвероевангелии 1144 г.)
— К вопросу о языке Киевских листков.[4])
— О смягченных согласных в языке писца II почерка Арханг. Ев.
— 1092 г.[5])
— Древнерусские рукописи XI—XII в., как памятники старославянского языка.[6])
— Начальное *e* в общеславянском праязыке.[7])
Род имен существительных в современном русском литературном языке.[8])
— Заметки по истории русского литературного языка (*они, оне* в рифмах русских писателей).

Н. М. Каринский. Псковская часть „Очерков из истории русского языка" акад. А. И. Соболевского.

С. И. Карцевский. Система русского глагола.[9])

Б. А. Куфтин. Народный костюм в области Касимовских и Елатомских средневеликорусских говоров.

С. Я. Мазе. О произношении ѣ в Московском говоре в XVII—XVIII в.

А. С. Орлов. Несколько замечаний о древнерусской лексике.

М. Н. Петерсон. О книге Готьо (Gauthiot): „La fin de mot en indoeuropéen".
— О кн. Пешковского: „Русский синтаксис в научном освещении".
— О воровских языках.
— Ответ критикам „Очерка синтаксиса русского языка."[10])

А. М. Пешковский. Синтаксис и школа.
— Несколько наблюдений над ритмико-мелодической стороной русской речи.
— О книге Всеволодского-Гернгросс: „Теория русской речевой интонации".

В. К. Поржезинский. По поводу книги Линцбаха: „Принципы философского языка".

П. А. Расторгуев. О „ляшских" чертах в белорусской фонетике.

А. Д. Седельников. Новый текст Агрефениева Хождения.

А. М. Селищев. О „Кратком пособии по исторической грамматике русского языка" проф. В. К. Поржезинского.
— К вопросу о типах аканья в южновеликорусских говорах (по поводу книги Н. Н. Дурново: „Диалектологические разыскания", I).

Акад. А. И. Соболевский. Несколько этимологий.

---

[1]) См. „Slavia" III. стр. 439—446
[2]) См. Slavia III, стр. 757—758.
[3]) См. Slavia I, стр. 22—26.
[4]) См. Slavia I. стр. 219—227.
[5]) См. Slavia II, стр. 599—612.
[6]) Печатается в Јужносл. Филологе.
[7]) См. Slavia III, стр. 225—271.
[8]) Revue des études slaves IV, стр. 208—221.
[9]) См. Slavia I, стр. 242—268, 495—523.
[10]) Печатается в „Родном языке в школе".

† Н. Н. Соколов. Об учебнике по русскому языку для IV кл. гимназий проф. С. М. Кульбакина.
— О говорах Псковской губ.[1])
— О говорах Костромской губ.[2])
— О книге П. А. Бузука: „Очерки по психологии языка".
И. М. Тарабрин. Словарный материал лицевого букваря Кариона Истомина.
Н. С. Трубецкой. Метод восстановления общеславянского языка в книге акад. Шахматова: „Очерк древнейшего периода истории русского языка".
Д. Н. Ушаков. О некоторых картографических материалах по белорусскому и малорусскому языкам (с демонстрацией 28 этногр.-лингвистич. карт.)
Р. О. Якобсон. О языке произведений Тредьяковского.
— По поводу ст. Н. М. Каринского: „Мусин-Пушкинская рукопись Слова о Полку Игореве, как памятник Псковского говора XV до XVI к."
— К вопросу о национальном самоопределении.

Кроме чисто-деловых заседаний, часть их была посвящена памяти лиц, много сделавших для Московской Диалектологической Комиссии и для русской науки вообще. Так, была почтена докладами друзей и учеников память основателя Московской Лингвистической Школы акад. Ф. Ф. Фортунатова († 20 сентября 1914 г.); первого председателя Комиссии акад. Ф. Е. Корша († 16 февраля 1915. г.)[3]); вдохновителя М. Диалектологической Комиссии акад. А. А. Шахматова,[4]) безвременно похищенного тяжелыми годами революции († 17 августа 1920 г.); одного из основателей и главных деятелей Комиссии проф. Н. Н. Соколова († 27. V. 1923). Вне ряда обычных деловых заседаний находилось и торжественное соединенное с другими научными обществами заседание Диалектологической Комиссии 30 октября 1921 г. по случаю 25-ти летнего юбилея научной и общественной и педагогической деятельности председателя Комиссии проф. Д. Н. Ушакова с приветствиями от научных и педагогических учреждений, а также и от отдельных лиц, работающих на ниве просвещения. Подобным же образом Комиссия в заседании 13 марта 1924 г. приветствовала маститого ученого, академика А. И. Соболевского по случаю 40-летия его крупного труда — „Очерков из истории русского языка".

В годы революции Комиссия, кроме чисто-научной работы, выполняла и практические государственные задания: дала отрицательный ответ в лице своего председателя с детальной аргументацией на запрос Нар. Комиссариата Просвещения о желательности замены русского шрифта латинским, кроме того Диалектологическая Комиссия в лице своего председателя Д. И. Ушакова и нескольких членов приняла участие в Комиссии по установлению границ с Польшей и Украиной, результатом чего являются 28 больших карт статистического, этнографического и диалектологического характера, пожертвованных Моск. Диал. Комиссии председателем после его доклада 21 янв. 1921 года.[5])

---

[1]) См. Труды М. Д. К., вып. 8.
[2]) См. Труды М. Д. К. вып. 8.
[3]) См. Труды М. Д. К., в. 4.
[4]) См. Извѣстія О. р. яз. у сл. Р. А. Н. т. 25.
[5]) Дополнение. В 1915 г. при Комиссии образовалась „группа студентов, занимающихся русским языком" из учеников Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново, В. Н. Щепкина и М. Н. Сперанского. Эта группа, составившая ядро „Московского Лингвистического Кружка" и пользовавшаяся в своей работе постоянной научной и моральной поддержкой руководителей Комиссии, занялась в дальнейшем тщательной разработкой проблем языка в зависимости от его различных функций и специально разработкой проблем русского поэтического языка. Главное внимание было уделено ритмике и фольклорной стилистике. *Р. Я.*

Издательская деятельность Комиссии выразилась в следующем. За 1908—1914 г. вышли 3 выпуска „Трудов М. Диалектологической Комиссии“ с обработками ответов по говорам и диалектологическими статьями членов и сотрудников Комиссии. В октябре 1915 г. вышел 4-й выпуск Трудов, посвященный памяти покойного председателя Комиссии акад. Е. Ф. Корша, и содержащий в себе портрет Ф. Е. Корша, автобиографию Ф. Е. и воспоминания Д. Н. Ушакова о Корше, как председателе Комиссии. В конце 1915 г. вышел, в качестве 5-го вып. Трудов, „Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ“, составленный членами Комиссии Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым и исполненный членом Русского Географического Общества И. П. Поддубным, с приложением „Очерка русской діалектологіи,“ составленного теми же тремя членами Комиссии. В 1917 г. вышел 6-й вып. Трудов, заключающий в себе исследование Н. Н. Дурново „Діалектологическія разысканія въ области великорусскихъ говоровъ, ч. I. Южновеликорусское нарѣчіе“, в. 1, а в 1918 г. — и 2-й вып. того же труда. В 1919 г. появился 8-й вып. Трудов Диал. Комиссии, содержащий диалектологические статьи И. Г. Голанова, Н. Н. Соколова и Б. М. Соколова, а также обработки ответов на программы Комиссии и отчеты о диалектологические поездках. В 1922 в издании Отд. рус. яз. и слов. Академии Наук вышел XI вып. „Матеріаловъ для изученія великорусскихъ говоровъ, обработанный Н. Н. Дурново при участии И. Г. Голанова по плану, одобренному Комиссией. Давно готов к печати и 9-й вып. Трудов, но, как и приготовленные к печати программы Комиссии (по северновеликорусским и южновеликорусским говорам 2-м изданием, а по белорусским и малорусским говорам 1-м изданием), — все это ждет пока благоприятных условий для своего появления в свет, и лишь белорусская программа принята в начале 1924. г. Белорусским Гос. Издательством к напечатанию в Минске.

В материалах Комиссии хранятся ответы на программы, изданные как самой Комиссией, так и Академией Наук; значительная часть их (кроме уже вышедших в свет) уже приготовлена к печати, но по выше указанной причине все еще лежит в Комиссии.

Москва. *И. Голанов.*

Как видно из заметки И. Г. Голанова, Московская Диалектолоигческая Комиссия образовалась из Кружка для изучения истории и диалектологии русского языка. Преобразование Кружка в Диалектологическую Комиссию не было сужением задач, поставленных себе Кружком. Комиссия так же, как и Кружок, главной своей задачей считает историческое изучение русских языков, полагая, что живые говоры языка являются главным источником для истории языка; изучение их в связи с культурными, социальными и политическими условиями не только позволяет вскрыть факты прошлого, не сохранённые ни письменными памятниками, ни литературным языком, но даёт возможность наблюдать самый процесс появления диалектических особенностей в языке и установить связь истории языка, в частности, его диалектического дробления с политической и культурной историей народа. Поэтому Московская Диалектологическая Комиссия всегда понимала самое изучение живых говоров, как изучение историческое, и, не довольствуясь собиранием диалектологического матерьяла и установлением областей и границ говоров и отдельных диалектических явлений, стремилась выяснить историческое взаимоотношение говоров. Так как это взаимоотношение легче всего наблюдать на переходных говорах, то отсюда ясно, почему Московская Диалектологическая Комиссия наибольшее внимание обращала на изучение переходных говоров. Полагая, что история языка стоит в тесной связи с политической, социальной и культурной историей говорящего на нём народа, Комиссия признает очень желательными и непосредственно отвечающими её целям и такие доклады по археологии,

истории, этнографии и антропологии, которые помогают уяснить те или другие явления в истории языка. Такими были в Московской Диалектологической Комиссии доклад В. А. Городцова „О древнем населении Рязанской области" (в 1908 г.) и доклад Б. А. Куфтина „Народный костюм в области Касимовских и Елатомских средневеликорусских говоров" (в 1923 г.). В первом из этих докладов на основании археологических данных устанавливалась принадлежность древнейшего населения Рязанской области к двум различным культурам, из которых одна обнаруживает близость к культурам Северной Руси, другая — к культурам Верхней Оки; это различие может стоять в связи с различным племенным составом древнейшего населения Рязанской области и согласуется с диалектологическими данными, указывающими на первоначальную принадлежность предков нынешнего русского населения Рязанской губ. к двум различным русским племенам: говоры северной части Рязанской губ. по происхождению северновеликорусские, южной части — южновеликорусские. Т. о. археологические данные позволяют предположить, что первоначальные различия между северновеликорусскими и южновеликорусскими говорами коренятся в племенных группировках доисторической эпохи, представленной курганными погребениями Рязанской области. В докладе Куфтина на основании детального изучения женского гостюма Касимовского и Елатомского уездов устанавливалось, что панёва,[1]) сохранившаяся в этих уездах, другого типа, чем панёва южновеликорусских областей, и, следовательно, не говорит в пользу южновеликорусского происхождения населения северной части Рязанской и Тамбовской губерний.

Для собирания диалектологического матерьяла Московская Диалектологическая Комиссия пользуется двумя средствами: командировкой своих членов в местности, диалектологическое изучение которых представляется Комиссии наиболее желательным, и рассылкой программ для собирания сведений о говорах. В организации научных поездок с диалектологической целью Комиссия, по большей части, руководилась определённым планом, который вырабатывался на заседаниях самой Комиссии или выбиравшейся с этой целью из состава Комиссии особой Подкомиссии по диалектологическим поездкам. Такая Подкомиссия работала, наприм., в 1904 и в 1910 годах. Обсуждению подвергался как вопрос о местностях, подлежащих обследованию, так и о приёмах наблюдения говоров и о тех явлениях, на которые особенно желательно обратить внимание, причём вырабатывались для таких поездок специальные программы. Такие программы были необходимы в виду того, что каждая диалектологическая поездка обнимала более или менее значительный район, и наблюдающим приходилось сосредоточивать своё внимание на немногих основных чертах говора. На первую очередь Московская Диалектологическая Комиссия поставила изучение говоров на границе между главными наречиями русского языка, а именно, междv наречиями южновеликорусским и северно-великорусским и между белорусским языком и обоими великорусскими наречиями. В результате поездок, предпринятых с этой целью, удалось определить границу между оканьем и аканьем в пределах великорусского языка на всём её протяжении, установить историческую связь акающих говоров на юг и юго-запад от этой границы с окающими по другую её сторону и выяснить

[1]) Часть женской одежды, представляющая, по б. ч., четырёхугольный кусок цветной материи (обыкновенно темной клетчатой), закрывающий заднюю часть тела ниже пояса, завязывающийся спереди; в некоторых местностях спереди к паневе пришивается треугольный кусок материи, так что панёва получает вид юбки. При панёве надевается род высокого фартука с рукавами, называемый обыкновенно „занавеской". Панёва в настоящее время известна только у южных великоруссов, а также в Касимовском у. Рязанской и Елатомском у. Тамбовской г.

до известной степени условия распространения аканья в говорах с верновеликорусской основой. На границе великорусского и белор ского языков изучение говоров довольно интенсивно велось покойн секретарём Комиссии Н. Н. Соколовым и в настоящее время прод жается И. Г. Голановым. Результаты, полученные ими, пока еще получили определённой формулировки.

Кроме диалектологических поездок, преследовавших выполне определённого плана, выработанного Комиссией, членами Комисс частью на средства Комиссии, частью на собственные средства, б совершен ряд поездок, не входивших в этот план, но выполнявши в согласии с заданиями Комиссии.

Изучение говоров путём специальных поездок членов Комис даёт возможность собрать лишь неполные сведения о немногих говор русского языка. Обширность территории, занятой русскими языка делает невозможным изучение русских говоров только путем диалек логических поездок научно подготовленных наблюдателей. В виду это Московская Диалектологическая Комиссия для своих целей пользуе ответами на диалектологические программы, составленные для наблю телей неспециалистов, не обладающих надлежащими научными знания Сведения, сообщаемые в этих ответах, не отличаясь той точностью, как можно требовать от специалиста, однако сильно дополняют сведен получаемые путем диалектологических поездок, и легко поддаются п верке. Иногда даже ответы на программы содержат ценные сведен которых не удалось добыть путём специальных диалектологических блюдений. Так, открытием двух видов *о* в великорусском в зависимо от различия праславянского ударения мы обязаны в значительной с пени ответам на программы учителей Жирицкого[1]) и Тоньшина[2]): с дения, сообщавшиеся в этих программах, дали толчок к наблюдени Шахматова в Егорьевском у. Рязанской губ. и послужили одной из осн замечательного исследования рано погибшего для науки Л. Л. Василь „Означении камори" и пр.[3]). Почти исключительно ответы неп готовленных наблюдателей на программы дают точные и несомнен сведения о том типе южновеликорусского аканья, которое я зываю ассимилятивно-диссимилятивным[4]) и т. д. Ко времени возник вения Московской Диалектологической Комиссии существовали п граммы для собирания сведений о русских говорах, изданные Р сийской Академией Наук, и краткие программы Русского Геогра ческого Ощества. Из полученных в Академии Наук ответов на т. н академические программы выяснилось, что эти программы своими р мерами сильно затрудняют и иногда даже отпугивают тех лиц (учител народных училищ, священников, воспитанников духовных семинар и учительских институтов и т. п.), для которых они предназначают нередко присылаемые ответы на эти программы обходят молчанием са существенные вопросы. Что касается программ Русского Географич кого Общества, то они не достигают своей цели благодаря неудач постановке вопросов. В виду этого, М. Д. Комиссия решила состав свои программы и издала программы по южновеликорусским и по верно-великорусским и средневеликорусским говорам. Была составле но до сих пор не издана и программа по белорусским говорам. По ма русским говорам составлена была более короткая программа, тоже е не изданная. В отличие от аналогичных французских и немецких п грамм, большая часть вопросов программ Московской Диалектоло ческой Комиссии посвящена фонетике, что стоит в связи с воззрения Комиссии на роль фонетических явлений в процессе диалектическ

---

[1]) Из Епифанского у. Тульской губ.

[2]) Из Рязанского у. Рязанской г.

[3]) См. Р. Ф. В., 78 (конспект — Slavia III, стр. 584).

[4]) Диалектол. Разыскания, в. I, стр. 37 и 207—221, Очерк истор русского яз. (М. 1924), §§ 1 и 228.

бления языка и во взаимных отношениях между говорами. Меньшая ть вопросов програма Комиссии отведена морфологии форм слово-енения и словарю.[1]) О том, что программы Комиссии оказались до-пнее для тех наблюдателей, для которых они предназначались, сви-ельствует их сравнительный успех: за короткое время, с 1909 до 7 года, Комиссией получено более 300 ответов на разосланные ею граммы, тогда как на академические программы с 1906 до 1917 г. ю получено всего 283 ответа, несмотря на то, что корреспонденты сковской Диалектологической Комисии не пользовались правом бес-тной пересылки, предоставленным всем корреспондентам Академии ук. К сожалению, из полученных ответов Комиссии удалось обра-ать и издать менее 4-ой части; более 250 ответов, в том числе все еты на программу по северновеликорусским и средневеликорусским орам остаются ненапечатанными.[2])

Московская Диалектологическая Комиссия, как видно из списка кладов, не ограничивается историческим и диалектологическим из-нием русского языка, но считает одной из своих задач также и из-ние нынешнего литературного русского языка. К выполнению этой ачи обязывает Московскую Диалектологическую Комиссию и самое пребывание в Москве, центре русской культурной жизни и законо-ельнице ,,образцового" русского литературного языка. Изучению нешнего литературного русского языка в Комиссии были посвящены только отдельные доклады, но и ряд целых заседаний. Таковы за-ания, посвященные обсуждению фонетического состава русского лите-урного языка в 1910 г.[3]), основным вопросам русского синтаксиса морфологии имен (в связи с докладами Н. Н. Дурново) и глагола связи с докладом С. О. Карцевского).

Другие языки, как славянские, так и неславянские, привлекаются сковской Диалектологической Комиссией к изучению или по связи с русским языком или по методологическим соображениям. Таковы лады проф. Г. Г. Дингеса о диалектологической карте поволжских цев и о немецких работах по составлению диалектологического атласа, лад И. Г. Голанова о книге Dauzat ,,La géographie linguistique" и др.

Прага, 8/X 1924. *Николай Дурново.*

К 40-летию „Очерков" А. И. Соболевского. В апреле 1924 г. испол-ось 40 лет со дня выхода „Очерков по истории русского языка" акад. И. Соболевского (Киев 1884). „Очерки" А. И. Соболевского — первое ьёзное исследование по исторической диалектологии русского яз., со-вившее в истории науки о русском языке целую эпоху и сохранившее чное значение до наших дней. Ко времени их выхода научное изу-ие истории русского яз. насчитывало всего 40 лет: именно, в 1844 г. ла книга Ф. И. Буслаева „О преподаванiи отечественнаго языка",

[1]) Приготовляя свои программы для 2-го издания, Комиссия зна-ельно расширила вопросы, касающиеся словаря, сравнительно с 1-м анием.

[2]) Ненапечатанные материалы Комиссии имеют инвентарный и алфа-ный (по уездам) каталог и доступны для пользования (заведывание после отъезда из Москвы Н. Н. Дурново возложено на секретаря миссии И. Г. Голанова); так, летом 1924 г. ими занимался проф. енгагенского Университета д-р. А. Карлгрен.

[3]) См. литограф. изд. Комиссии: Проектъ системы знаковъ для фо-ической транскрипцiи и Опытъ фонетической транскрипцiи русского етическаго произношенiя; эти работы легли в основу характеристики ского литературнаго произношенiя в книгах Д. Н. Ушакова ,,Краткое дение в науку о языке" и Н. Н. Дурново ,,Очерк истории русского ка" и, в значительной степени, в книге Р. Кошутића ,,Граматика ског jезика" I A.

в которой впервые русский язык рассматривается с исторической точ зрения и привлекается матерьял из старинных памятников русского пись После этой книги появлялись и другие труды, посвященные истории русско языка и, в частности, исторической диалектологии, какъ напр., труды Вост кова и Лавровского. Но труд А. И. Соболевского отличается от труд всех его предшественников совершенно новым подходом к делу, новы методами, новой постановкой вопросов и более верным пониманием прав писания рукописей и эволюции языка. Тот рукописный матерьял, котор был известен раньше, классифицировался до А. И. Соболевского, по больш части, механически, как напр. в „Очерке“ Колосова. Диалектические чер в правописании древнейших рукописей оставались незамеченными: обраща на себя внимание только черты, бросавшиеся каждому в глаза. Но анали правописания рукописей с целью вскрыть за ними черты живого гово писцов, не было; не было и попытки классифицировать памятники по отр жающимся в них диалектическим чертам, если не считать выделения север русских памятников и поздних белорусских и московских; эволюция т или других диалектических особенностей русского языка оставалась сове шенно неясной. Та работа по изученію русского яз., которая уже бы произведена, не была незначительной, но для задач, поставленных се А. И. Соболевским, приходилось собирать матерьял и прокладывать пу впервые. Для того, чтобы выделить галицко-волынские и псковские пам ники из ряда других, А. И. Соболевский должен был пересмотреть огром количество рукописей и обратить внимание на такие особенности пра писания их, которые не бросались в глаза, подобно мене *ц* и *ч* в нов родских и аканью в поздних московских и белорусских памятниках. Ана правописания памятников, названных им галицко-волынскими, и так псковских памятников позволяет А. И. Соболевскому сделать ряд откры в области фонетики древне-русского языка. Особенно ценным и пора тельным открытием А. И. Соболевского было открытие „нового *ѣ*“ в мятниках, названных им галицко-волынскими. Надо было на фоне смеше *ѣ* и *е*, обычного во многих памятниках, заметить особые условия заме буквы *е* буквою *ѣ* и связать эти условия с малорусским изменени *е* в новых закрытых слогах. Это открытие впервые давало надёжн почву для построения исторической диалектологии русского языка и у зывало путь к дальнейшей его разработке. После необходимых попра гипотеза А. И. Соболевского о „новом *ѣ*“ принята теперь учёным как научно доказанный факт. Кроме открытия „нового *ѣ*“, позволяющ установить точную хронологию изменения *о* и *е* в новых закрыт слогах в малорусском, „Очерки“ А. И. Соболевского содержат и других ценных выводов в области истории русских говоров XII—XV и, кроме того, ценны применением новых методов, оказавшихся чр вычайно плодотворными.

С тех пор прошло 40 лет. Наука о русском языке сделала громад успехи. Изменились самые методы исследования. Обнаружился преиму ственный интерес к живым говорам, и выяснилось исключительно важ значение их для истории языка, значение, о котором нельзя было и дум 40 лет тому назад. Однако и до сих пор наши представления о древнейш русских говорах, поскольку эти говоры отразились в письменных памятни основываются главным образом на работе А. И. Соболевского, а нынеш методы изучения письменных памятников являются в значительной степ развитием и детализацией методов, положенных в основание его кни

Москва. *Николай Дурнов*

Трудове изъ областьта на българското езикознание (1921—1924

1. Последната книга на „Извѣстия на Семинара по Сл вянска Филология при Университета въ София“. — Когато сахъ своя Прѣгледъ на нѣкои по-нови работи изъ областьта на българск

[1]) Кроме украинского академика Крымского.

кознание (Slavia I. 470—472), не бѣше пусната на свѣтъ книга IV. на анитѣ семинарски Извѣстия, излѣзла, както и първитѣ три, подъ редакта на проф. Л. Милетичъ, уредникъ на Семинара, съ означение върху лавната страница 1921. Въ единъ предговоръ отъ една страница, писанъ 20. XII. 1921. година, уредникътъ на Семинара обяснява, че въ тая книга обнародвани 11 отъ по-добритѣ студентски научни роботи отъ 1910 1915 г., останали ненапечатани. Въ следната (V.) книга на Извѣстията ли да влѣзатъ изработени презъ сжщото време студентски студии димно изъ областьта на българския фолклоръ, а книга VI. ще съдържа е и по-нови трудове.

Прочее, и днесъ не е много късно да отбележиме поне ония отъ статиитѣ тая IV. книга на Извѣстията, които се отнасятъ до българския езикъ еговитѣ говори. Доста обширна е статията: „Котленски дамаскинъ, писанъ отъ Стойко иерей на 1765 г. (Приносъ къмъ изучването на натѣ дамаскини)“ отъ Петъръ П. Ивановъ (стр. 49—85). Върху голѣго значение на дамаскинитѣ е обърнато отдавна внимание, вж. и Slavia 424—425. И авторътъ на статията, като изтъква голѣмата ценность на маскинитѣ за историята на българския езикъ и за българската диалектоия (с. 49), съобщава, че въ Библиотеката на Академията на наукитѣ Петербургъ се намиратъ тъкмо още четири други български дамаскина, откакъ предава съдържанието на тия 4 ржкописа (с. 50—54), премиа къмъ разборъ на петия дамаскински ржкописъ, запазенъ въ сжщата блиотека и особено важенъ за насъ, понеже е преписанъ на 1765. година скромния тогава Котленски иерей Стойко, сетнешниятъ епископъ Сооний Врачански, автора на славния Кириакодромионъ, съ който обикноо започва новобългарскиятъ книгописъ, вж. и Slavia II. 425. Тоя ржкоъ е билъ занесенъ въ Русия отъ покойния сега руски ученъ П. Сирку, чиято библиотека сетне е миналъ въ Академията на наукитѣ. На . 56—58 се говори за „писмото и съдържанието на паметника“, като се ва, че „правописътъ на паметника е разбърканъ, както въ всички бълски ржкописи отъ XVI. в. насамъ — резултатъ отъ кръстосаното влияние срѣднобългарската, сръбската и руската редакция, а сжщо тъй и на живия оденъ езикъ“. Подъ насловъ „Езикътъ на паметника“ (с. 58—82) се глеждатъ най-напредъ звуковетѣ, и то съвсемъ накжсо (58—62), сетне тъ формитѣ (с. 63—80), после на по-малко отъ страница и четвърть —81) „синтактични особености“ и на край 6 реда за чужди думи (гръцки урски). На стр. 82—85 сж дадени откжслеци отъ паметника подъ наовъ „Образци отъ Котленския дамаскинъ“. Авторътъ хубаво казва найредъ: „Навредъ въ кореннитѣ срички стои ь (ъ) вм. стб. ж: да ни шсьждами 18, пьть да гостять 32б, сьщи 60, 64, 71, да бьде 60б, не Ѿстьпа 60б, ници и т. н. После добре забелѣзва, че въ глаголнитѣ и именни оконния стб. ж се замѣня съ а, ıа, и че подъ влияние на църковнославянския къ се явява *у* вм. ж (*рука, мужь, судь*, редомъ съ *осьдинь* слр. *осжденъ ьждали* и т. н.), а по-после изведнажъ разправя: „Езикътъ на нашия маскинъ спада къмъ централнитѣ говори, гдѣто имаме изяснение на ъ посока къмъ а. При все това, явява се редукция на другитѣ ясни вокали, бено на е въ и“ (61). Въ сжщность езикътъ на описания дамаскинъ еда къмъ североизточнитѣ български говори: та въ централнитѣ говори ѣсто *пристьпи, испьдень, пьтници, мька* и под. имаме *пристапи, испаден, тници, мака!* Изяснението на ж въ *а* у глаголитѣ (1. л. ед. ч. сег. вр.) имената отъ ж. р. не е белегъ на централнитѣ говори: отъ описанието Сливенския говоръ напр. авторътъ би видѣлъ, че вмѣсто стб. плетж, ж, (не) хъщж се изговаря *плитà, читà, (ни) щà* (но *плитът, чътът* од. въ 3. л. мн. ч.). А Сливенъ е доста далечъ отъ централнитѣ говори, кто и Котелъ...

Характеристиката на морфологията е достатъчно подробна, и въ нея ма такива невѣрности, каквито се забелѣзватъ въ фонетиката. Ала въ рфологията сж приведени между остатъцитѣ отъ инфинитива и между имеритѣ за сложни (описателни) времена и немалко изречения, които едставятъ интересъ отъ гледище синтаткично: аз я ща купи 76; да

я ща (дати ѭ χъштѫ) 76; щемь го исфрьли 65 б; а азе ща толкось трьпѣ ωти ще великь да бьде 60; дето сме досега седѣли вь тьма грѣховна каква сте магïа сториле 72; где го сте положиле 104 б и много подо Всички тия примери трѣбаше да се използуватъ, та да се кажеше нѣ за реда на думитѣ въ ржкописа, особено за прекжсването на син тичнитѣ групи (каква *сте* магïа *сториле*) и за мѣстото на енклитик (где *го сте* положили: где *сте го* положили).

Съвсемъ незадоволително е и казаното за чуждитѣ думи: въ сам образци на стр. 83—85 има немалко интересни думи отъ гръцки и тур произходъ, които авторътъ бѣше длъженъ да тури въ своитѣ кжси списъци; срв. на стр. 82 „така чиняше ката неделя“; калугере, ке. синорь, епархïа (стр. 83), ωти (84), „да са арнишим“, „панаг (85) и други.

На второ мѣсто намираме единъ хубавъ приносъ къмъ българск диалектология: „Костурскиятъ говоръ“ отъ Ар. Кузовъ (стр. 86—1 Статията съдържа и кратки географски и етнографски бележки, въ ко има и немалко интересни думи (с. 86—94). Освенъ следитѣ отъ назали въ Костурския говоръ, за които се говори отдавна въ науката, заслу да се подчертае и т. н. редукция на неударенитѣ гласни, присжща всички български говори въ различна степень, а не само на източн говори, както нѣкои сж наклонни да мислятъ. Между примеритѣ съ ре цирано *а* въ *ъ* (пънѝца, пъну́кла „чума“ ⁄ н. гр. *πανοῦκλα*, както е пазена думата и въ други български говори, бъчѝло) трѣба особено изтъкнемъ стъ̀рна вм. стрън̀ѫ, страна̀ съ яко характерната и за мн източни говори метатеза, срв. върта̀ вм. вр ъта̀, врата̀ наредъ съ о кновеното гърди вм. гръди, стб. гръди. За всеизвестната първа вока зация на еровет ѣ *ъ* 〉 *о*: то̀кмо, кро̀ток, сон...; *ь* 〉 *е*: ден, ден везден = вьсьдьнь. темнѝца, тѐшча *πενθερά*, тьшта) се говори до подробно, ала недостатъчно е загатнато за вокализацията на *ъ* 〉 *о* въ ръ, лъ у жителитѣ на Нестрамъ-колъ: „Въ говора на тая мѣстность въоб всѣки ъ билъ той етимологиченъ или замѣства *ж*, се изяснилъ въ *о*. Та ще кажатъ: зетот, торн, а и рока, коща“ (стр. 98). Освенъ п мера торн ⁄ търн, трънъ трѣбаше да се приведе поне единъ слу съ *ол* 〈 *ъл*, лъ (волк, солза..?).

По отношение на ринезма авторътъ поправя нѣкои грѣшки на предишни автори, като посочва думитѣ, въ които днесъ вече нѣма сл отъ ринезъмъ (не * *пънт*, * *рънка* и т. н., а *път*, *ръка*, така: *рет*, но *ренд* и под.). Тукъ е вмѣстена и твърде старинната дума *дрънг* „дълъгъ прж съ който се брулятъ плодове или на който се простиратъ дрехи“, заб вена въ речника на края, срв. дрѫгъ у Миклошича Lex. palaeoslov.-gr.-lat. отъ късни паметници. Турска е на своя редъ и думата *оръ̀нгва*, стар χорѫгы, χорѫгъвь, пропуската въ речника, но спомената въ етнографск бележки со значение „свадбарско знаме“: „Свадбата почва още отъ срѣд Въ недѣля всички съ коне, въоржжени и съ „орънгва“ отиватъ да взема невѣстата“ (стр. 91).

Авторътъ засѣга всички по-важни явления на вокализма (анти пация на мекостьта въ *седе̂ине*, *внка̂ине* и т. н., разни дисимилации и аси лации), ударението, морфологията и синтаксиса, а на край дава една п казка като образецъ отъ костурския говоръ (стр. 118—120) и малъкъ речн подъ заглавие: „По-рѣдки думи въ костурския говоръ“ (стр. 120—1 за славянската етимология извънредно ценен ъ.

Въ статията „Изчезване на инфинитивъ и остатъци отъ него въ б гарския езикъ“ (стр. 126—147) авторътъ, Йонко Илиевъ, разглеж въпросното явление само въ българския езикъ, като въ началото пжте споменува тракийската хипотеза на Миклошича Първенъ става д за „Синтактичното значение на инфинитивъ въ стб. езикъ“ (127—1 сетне за „Разлагане на инфинитивъ“ (130—138), особено въ случаи ка испльнишѧ сѧ дьнье родити єі (Лук. II, 6 въ Зогр., Мар. и Сав) сре испльнишѧ сѧ дьние да родитъ Асем., или вьзлѣзе на соукомаринѫ видѣтъ і Лук. XIX 4 Асем. и вьзлѣзе на сукомаринѫ да видитъ ісоуса ibid. Зогр. Мар. и

бни. Нататъкъ се разправя за „Инфинитивъ, съставна часть на описа-
лната бждеща форма“ (138 142) и на свършъкъ „Инфинитивъ въ днеш-
итѣ български говори“ (142—147).

„Трънчанитѣ и трънскиятъ говоръ“ отъ Д. Ив. Господинкинъ
държа на първо мѣсто географски и етнографски сведения (148—162),
олемични бележки противъ Белича и други сърби, които възъ основа
нѣкои езикови особености, познати и на сръбски, искатъ да изкаратъ
ъбски и трънския и всички северозападно български говори дори до
Искъръ (с. 162—165), поправки на неточности въ обнародванитѣ материали
трънския говоръ (167—170) и сетне описание на звуковетѣ и формитѣ
трънская говоръ (171—186). Въ приложение сж дадени 7 приказки
3 народни песни, записани фонетически съ ударения (187—197) и малко
Рѣчниче на нѣкои малко познати думи отъ Трънския говоръ“ (197—210).

Иванъ Атанасовъ е написалъ „Критиченъ прѣгледъ на литерату-
та и учебницитѣ по български синтаксисъ“ (стр. 316—376). Въ увода
дава доста подробна библиография (319—321) и сетне се посветяватъ
ть отдѣла на следнитѣ въпроси: предметъ и задача на синтаксиса, дефи-
иция на изречението, съставъ на изречението (подлогъ = субйектъ, ска-
емо = предикатъ), теория за копулата и за безличнитѣ изречения. Преди-
тивностьта на разнитѣ части на речьта не се засѣга никакъ, а за старин-
итѣ междуметни и други „неграматични“ изречения нѣма ни думица...

Въ езикознанието, разбирано най-широко, влиза и работата на Малчо
иколовъ: „Стилни особености въ Идилиитѣ на Петко Тодоровъ“
тр. 377—393). Посочва се, че П. Тодоровъ използува премного богатитѣ
зикови съкровища на българската народна поезия, твърде често безъ да
ари върху заетитѣ думи печата на своята индивидуалность. Присжтствието
толкова много заети елементи давало основание да се заключи, „че
торътъ повече цитира типични изрази и словосъединения, отколкото
ъздава нѣщо чрѣзъ вжтрѣшно вникване и усвояване“. Влиянието на про-
онародната поетическа речь рѣдко се изразява по напълно целесъобра-
енъ начинъ.

„Обстоятелствени думи (нарѣчия) въ българскитѣ народни говори“ отъ
р. Маждраковъ (стр. 394—512) представя само богатъ материалъ, раз-
едѣленъ: „I. Нарѣчия за начинъ“ 398—436), „II. Нарѣчия за количество“
36—448, „III. Нарѣчия за мѣсто“ (448—477), „IV. Нарѣчия за врѣме“
78—505). „V. Неопрѣдѣлени нарѣчия“ (505—510) и „VI. Турски думи като
рѣчия (510—512). Историята на разнитѣ видове наречия не се засѣга,
поради това навсѣкжде и особено въ отдѣла „неопредѣлени нарѣчия“
се вмъкнали доста недоразумения. Полезно щѣше да бжде, ако авторътъ
осочеше при отдѣлнитѣ „турски“ думи, кои сж отъ персийски, кои отъ
рабски, и кои атъ османско-турски, па и какви падежни форми или слово-
ъчетание се криятъ въ тѣзи „нарѣчия“, неразграничени ясно и отъ раз-
итѣ видове съюзи. За „нарѣчие“ се прогласява дори обрыщението *джанъм*
тр. „душо моя“, сжществителното *мерам* и много други.

„Типични числа въ българскитѣ народни пѣсни“ отъ Зорница
. Иванова (515—568) поднася примери изъ народната поезия, които
огатъ да бждатъ интересни и за езиковедеца. Най-сетне Христо Вака-
елски е изработилъ „Библиогафия. Съчинения по славянска филология
зикознание, етнография, литературна история и критика) въ българския
чатъ отъ 1910 до включително 1920 година“ (стр. 569—642). Състави-
лътъ се е мжчилъ да работи добросъвестно. Трудътъ му е донейде
доволителенъ, въпрѣки нѣкои пропуски, грѣшки, неточности и подобни.

2. Годишникъ на Софийския Университетъ, историко-фило-
гически факултетъ. Книга XVIII (1922) не съдържа статии изъ областьта
българското езикознание. Известенъ интересъ биха представяли: „Развой
класическата филология“ отъ Д. Дечевъ (стр. 3—20) и „Трако-келтски
зикови успоредици“ отъ сжщия авторъ (стр. 3—44): подъ № 7 се тълкува
рак. *Παδί-σαρα*, като се сближава *παδι-* съ гал. *padí* »pícea« и слав. *ka-
ити*, *кадило* „*θυμίαμα*“. *чадъ* „димъ“, лит. *kadagўs*, чеш. *kadík* и под.,
доевроп. * *q̯ᵘod-* : * *q̯ᵘed-* : * *q̯ᵘəd-* (стр. 22—23); за Хезихиевата глоса:

κολᾶ. εἶδος ὀρχήσεως ὃ καὶ ξιφισμός сравнена м. др. и съ слав. *коло* „хор въ кржгъ“ вж. стр. 25; подъ № 9 се сближава трак. *Τάρβος*, *Δαλα-τάρβ* съ келт. *tarvos*, ирл. *tarb* и т. н., лат. *taurus*, слав. *туръ* и под., стр. 25—27 въ № 15 трак. *Σαπ-* въ *Σαπαῖοι* въ Родопитѣ авторътъ подозира келт (среднобрет.) *sap-*. сравнявано съ лит. *sakaĩ*, слав. *сокъ* и др., стр. 39—40

Отъ книга XIX (1923) на сжщия Годишникъ трѣба да отбележим на първо мѣсто статията на Б. Цоневъ: Книжовни старини отъ Елена (стр. 61). На стр. 4—6 се дава откжслекъ отъ единъ влашки хрисовул отъ 1765. година, писанъ съ български букви. Следъ туй иде „I. Поп-Иоа ново или Банишко Четвероевангеле“ (7—30) съ доста подробно описани на интересенъ среднобългарски паметникъ, който съдържа редомъ форм съ вокализувани и невокализувани ерове, съ размѣсване и бърканиц на носовкитѣ и съ редъ звукови, морфологични и лексикални особеност (година по-често отъ часъ, пропжти, реснота, катапетазма и мн. други); на стр. 3 снимка отъ л. 23а. На стр. 31—33 „Откжслек от изборно евангеле“ (с снимка) и отъ стр. 34 до края: „Еленски дамаскин Студит“. Въ единъ увод авторътъ разглежда въпроса за разнитѣ преводи на Дамаскиновото „Съкро вище“ (I. Средногорски, II. Македонски или Григориевъ, III. Светогорск или Бакачичевъ, IV. Рилски или Иосифовъ, V. Пазарджишки, VI. Ломски ил попъ-Пунчовъ, VII. Родопски или попъ-Киряковъ преводъ), изброява не малкото преписи на средногорския преводъ, който се оказва най-разпростра ненъ, сетне дава подробно съдържание на Еленския дамаскинъ и съпостав текстови откжслеци отъ Еленския, Коприщенския и Люблянския дамаскинъ за да покаже, че имаме работа съ единъ преводъ. Преводачътъ на средно горския кржгъ дамаскини „ще е билъ родомъ българинъ, макаръ да пиш на доста правилна сръбска редакция“ (ресавска, стр. 54). „Това заключавам“ продължава авторътъ, „по многото граматични и лексикални отклонения наложени от новобжлгарската граматика и речник“; така напр. често ъ, ь, вмѣсто ресавското ѹ: събирати *съчiе; гьгнивь; лжкь; мьчем* моим и *лъком вжже* и т. н., различни новобългарски форми („кое дрѹго *по велико* зло“ „*еде кои* и *еде кои* боліаринь“; „*харь* не имашь“; „под *самари* велбѹжди“, по *възглавницѹ*; „сътворита *сѹлинары* велици“), размѣсване на падежитѣ и под

„Към тъй наречените панонски жития“ отъ А. Теодоров-Бала (кн. XIX. стат. 8. стр. 31) съдържа: „1. юноше или юношж“ (стр. 5—7: юнош стои вм. среднобълг. юноша вин. пад. ед. ч. вм. старобълг. юношж, коет у Шафарика Ż. sv. Kon. се и наистина явява подъ форма юношоу). „2. бѣ прѣ држжа или прѣдрьжаи?“ (стр. 7—9). „3. Защо сьнмь?“ (стр. 9—10: брани Микло шичовия сънмъ вмѣсто Шафариковия сьборь и Пастрънковия сънъмъ въ ЖК а въ ЖМ пише сънъмъ, понеже така я срѣща въ ржкописитѣ; сънъмъ с отнася къмъ сънмъ, както сънити къмъ сънти или снѣсте покрай съсѣте) „4. добрѣ дѣꙗ или добредѣꙗ?“ (стр. 10—14: мжчи се да докаже против Пастрънка, че добрь дѣꙗ можело да бжде зват. п. ед. ч. отъ добрь дѣи вмѣст правилното добре дѣю, измѣнено подъ влияние на добре или отъ нѣкоі преписвачъ). „5. добрѣ и или добреи?“ „6. Оправки“ (стр. 17: признава нѣко грѣшки, посочени отъ Пастрънка). „7. каза къ благодѣти или казакъ благо дѣтити?“ (18—21: брани засвидетелствуваното въ Миклошичовия речник благодѣтити въ ЖМ XVII „каза (заржча) да изблагодатятъ ...“). „8. оусждити 'arca condere'“ (стр. 21—27: противъ значенията »considerare«, »poraditi se« „обсудить“, »ornare« на оусждити авторътъ предлага »arca condere«, защото глаголътъ е отъ коренъ сжд- „дървенъ сждъ“, „ковчегъ“, »arca«). „9. Про пуска въ ЖК гл. XI?“ (стр. 27—31).

Въ „Бурел. Антропогеографски изучвания“ отъ Д-р Крум Дрончилов (стр. 250) се намиратъ събрани твърде много мѣстни названия отъ покраината Бурел, югозападно отъ Драгоманъ, на самата сръбско-българска граница (105—115 и passim), както и бележки за говора и носията съ оригиналнитѣ имена на разнитѣ части отъ облѣклото (138—148).

Къмъ класическата филология и сравнителното езикознание се отнася „*Βέδυ*, като тракo-фригийско божество“ отъ Д. Дечевъ (стр. 11), дето се доказва, че думата е била обяснена съ *ὕδωρ* и *τὸ ναερόν*, което сетне е било криво замѣнено съ думата за въздухъ.

„Кжм изследването на т. н. хетероклизия въ индоевропейските езици“ от Ст. Младеновъ е написано по поводъ на Петерсоновата книга »Studien über die indogermanische Heteroklisie« (Lund, 1921) и засѣга немалко славянски думи, въ които могатъ да се криятъ следи отъ хетероклизия, напр. въ думата *сладъкъ*, лит. *saldùs* и *сланъ* срещу общогерм. *salt* отъ **sald*, староирл. *salann*, лат. *sal*. *salis*, гр. *ἅλς* и т. н. или въ староинд. *svàr-*, лат. *sol*, гр. *ἥλιος*, герм. *sunna*, слав. *слъньце;* гр. *κέρας*, лат. *cornu*, староинд. *ṛ́nga-*, слав. *сьрна*, чеш. *srna*, пол. *sarna* и т. н. Къмъ хетероклитичнитѣ форми съ *-i-* въ староинд. *pálita-* „сивъ“, гр. *πελιός* и под. славистътъ ще трѣба да притури и праслав. **polvъ* отъ **pol-ṷ-os* въ староб. плавъ и сроднитѣ думи (стр. 9). Съ хетероклизия трѣбало да се обясни и пол. *warga* „устна“ срещу староисл. *vǫrr*, старопрус. *warsus*, гот. *wairilō*, англос. *weleras*, старофриз. *were* „устна“, па и слав. *свиньць*, лит. *szvìnas*, гр. *κύανος* и под. Въ глава V. на книгата си Петерсонъ се занимава съ думитѣ лат. *vesper*, слав. *вечеръ* и арм. *gišer*, като не е наклоненъ да приеме предложеното отъ Пота и прието отъ Бругмана мнение, споредъ което тия думи сж сложни и криятъ въ себе индоевроп. **ṷe-*, староинд. *ava-* „надолу“ и глаголи отъ рода на староинд. *sphuráti* „трепере, трепти“, гр. *σκαίρω* „играя“ и под. Срещу Петерсоновото възражение: »Ein Epithet der untergehenden Sonne mit der Bedeutung ‚herrabzitternd, hinwegzuckend‘ kommt mir sehr gekünstelt vor« (стр. 232) авторътъ посочва изъ българската народна поезия примери като слънцето трепти, захожда, слънцето трепти да зайде и др., като се позива и на известнитѣ оптически въз-приятия (31—32).

3. Издания на Българската академия на наукитѣ. Отъ „Списание на Бългрската академия на наукитѣ“ излѣзе презъ 1922. год. книга XXIV., клонъ историко-филологиченъ и философско-общественъ 13., а презъ 1923. година — книги XXVI., XXVII. и XXIX., клонъ истор.-филологиченъ и филос.-общественъ 14, 15 и 16. Въ кн. XXIV. е обнародвана статията „Произходъ на павликянитѣ споредъ два български ржкописа“ отъ Йорд. Ивановъ (стр. 20—31). На стр. 21—22 сж дадени текстове отъ ржкописитѣ. За проучването на Ботйовия езикъ сж важни двете статии на Ив. Хаджовъ: „Поправки и прѣработки въ стихотворенията на Ботева“, стр. 193—254 и „Ново издание на Ботевитѣ стихотворения“, стр. 255—284, все въ книга XXIV (13). Статията „Къмъ въпроса за старобългарското болярство“ отъ Ю. Трифоновъ въ кн. XXVI. (14.), стр. 1—70., се занимава и съ етимологията на името („I. Произходъ на думата *болярин*ъ“ стр. 2—26), като дава прегледъ на разнитѣ мнения, изказвани отъ началото XIX. векъ насамъ (скандинавска, славянска, тюркска, келтска теория). Авторътъ отхвърля всички други теории (и келтската: споредъ Шахматова *боляринъ*, *бояринъ* е отъ староирл. *bó-airech* „господарь на крави“), а е наклоненъ да приеме тюркската, която има нѣколко разклонения. Отъ тѣхъ Трифоновъ предпочита онова, което все пжтемъ сж застжпяли Хилфердингъ, Маркквартъ и Брандтъ, а именно, че слав. *болярин*ъ е образувано отъ множественото число на тюрк. *βοιλα-*, именно *βοιλαλαρ*, съ прехвръляне на мекостьта *βολιαλαρ* и после съкратено въ *βολλιαρ*, съ дисимилация или хаплология. Що се отнася до прабългарското или тюркско *βοιλα-*, то може споредъ автора да стои въ връзка съ тюрк. *boj* „ръстъ“, *bojlu* „високъ, йзръстенъ“, както допущаше още Миклошичъ, стр. 22—23. Трѣба да се излиза отъ формата зам ножествено число, защото „множественото число въ дадения случай се е налагало отъ обстоятелството, че болярите първоначално сж били корпорация, та за тѣхъ се е говорило повечето въ множ. число“ (с. 23). — „Изъ живота на Раковски въ Цариградъ“ отъ Д-ръ В. Сл. Киселковъ въ сжщата XXVI. (14.) книга, стр. 71—117, съдържа м. др. и нѣкои оригинални писма на Раковски, които биха представяли интересъ въ езиково отношение.

Въ „Единъ хърватски правно-исторически рѣчникъ“ отъ С. С. Бобчевъ, книга XXVII. (15), стр. 114—131, имаме рефератъ за труда на Vladimir Mažuranić: Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik ... Zagreb 1908—1922, безъ особенъ огледъ на лингвистичната страна. — В. Н. Златарски въ „Най-стариятъ исторически трудъ въ старобългарската книжнина“, сжщата

книга, стр. 132—182, дава м. др. и текста на прочутитѣ Историкии към поучителното Евангелие на българския епископъ Константинъ стр. 177 - 18 заедно съ факсимиле на три страници отъ стариння преписъ.

„Бесѣдата на Козма Пресвитера и нейниятъ авторъ“ отъ Ю. Три фоновъ въ книга XXIX. (16.), стр. 1—77, засѣга пѫтемъ и езико въпроси; така на стр. 44—45 авторътъ се опитва да докаже, че Козма е дей ствувалъ въ западна България, и то възъ основа на това, че употрѣбенат у Козма дума пастоухъ се срѣща днесъ като архаизъмъ въ западна Бъл гария, макаръ и съ особено значение „жребецъ“! Авторътъ се спир и върху особеноститѣ на Козмовитѣ цитати изъ Апостола и съ редица срав нения доказва, че Козма си е служилъ съ текстъ отъ втората редакция, коят се оказва сѫщо българска, а не руска, стр. 63—69.

Отъ „Сборникъ за народни умотворения и народописъ Академията издаде презъ 1923. година книга XXXV: „Сѣверна Добруджа Етнографски наблюдения и народни пѣсни“. отъ М. Арнаудовъ, професор въ Софийския Университетъ, стр. 423, цена 80 лева. Въ увода не липсуват твърде интересни, ала за жалость съвсемъ кѫси бележки за говоритѣ н българското население въ тази область (т. н. „гребенци“, „шиковци“). З правописа си авторътъ казва (с. 49), че е „изобщо фонетически“ и че „п практически съображения — за удобство при четенето“ правѣлъ „известн отстѫпки отъ принципа“, безъ обаче „да изневѣрява на произношението“ Всѣкамъ авторовиятъ правописъ не е на мѣста строго фонетически, какт би го изисквала точностьта на диалектологичното изучване.

Отъ „Български старини“ презъ сѫщата 1923. година Акаде мията издаде книга VII: „Свищовски дамаскинъ, новобългарски паметник отъ XVIII. вѣкъ“ отъ Д-ръ Л. Милетичъ; стр. IV + 308 и 11 страниц факсимилета, цена 80 лева. За това издание вж. отдѣленъ отзивъ отъ писач на тѣзи редове въ Slavia год. IV.

4. Две издания на Народната Библиотека въ София.

А. Както е известно, въ 1910. година излѣзе „Описъ на рѫкописит и старопечатнитѣ книги въ Народната Библиотека въ София, състави проф Б. Цоневъ“. Не отдавна, съ дата 1923. излѣзе продължението на тоя труд за постѫпилитѣ въ по-ново време славянски рѫкописи съ следния наслов на първа страница: Professeur B. Conev. Manuscrits slaves de la Bibliothèqu Nationale de Sofia. Volume II. Опис на славянските ръкописи въ Софий ската Народна Библиотека. Състави професор Б. Цонев. Том II. С прило жение на 52 автотипни снимки. Издание на Библиотеката. София, 1923. In 4 стр. XVI + 552. Цена 750 лева.

Описани сѫ, повечето доста подробно, надъ 350 рѫкописа, отъ коит два отъ XII.—XIII. в., 19 — отъ XIII. в., 6 — отъ XIII.—XIV. в. и т. н.; 151 от българска редакция, 149 — отъ сръбска, 46 — церковно-славянска или руска 16 — смѣсена. Ценни сѫ и снимкитѣ, особено отъ по-стариннитѣ рѫкописи напр. № 551 (описанието започва съ № 452 като продължение на томъ I миней — прологъ отъ XII.—XIII. в. № 554, осмогласникъ отъ сѫщето време № 453, псалтирь отъ XIII.—XIV. в., № 497, Пирдопски апостолъ отъ XIII. в всички среднобългарски, и други. За историята на българския езикъ сѫ отъ значение многобройнитѣ извадки отъ разнитѣ рѫкописи.

Б. Не по-малко ціненъ е и: „Опис на старите печатани бжлгарски книги (1802—1877 г.), сжставен от Валерий Погорелов, професор на Дон ският Университет (Русия). София, 1923. (Отгоре: Народна Библиотека въ София. Директор Ст. Станимиров. — Гол. 8-на стр. VI + 795. Цена 140 лева

Книгитѣ се описватъ по хронологически редъ — споредъ годинит на издаването имъ. Започва се съ *Εἰσαγωγικὴ διδασκαλία, περιέχουσα Λεξικὸ τετράγλωσσον* на хаджи Даниилъ, издание отъ 1802 година, съ прочутит *Βουλγάρικα* отъ средна Македония. Извънредно важни сѫ извадкитѣ от книжкитѣ на северомакедонскитѣ писатели даскалъ хаджи Исакимъ Кър човски и йеромонахъ Кирилъ Пейчиновичъ отъ 1814—1819 и 1840. Всичк тѣзи книжки отъ началото на 19. векъ сѫ писани на простонароденъ бъл гарски езикъ съ типични особености на западнитѣ говори. По извадкит

отъ тия и отъ другитѣ книги до 1877. год. може да се следи доста добре и развоятъ на новобългарския книжовенъ езикъ.

5. Нѣкои статии въ Училищенъ прегледъ, издава Министерството на Народното Просвещение.

Година XX. (1921) стр. 229—242: Нѣколко думи за добритѣ страни на умѣренитѣ правописни реформи отъ Ст. Младеновъ. — XX., 441—456: Научното дяло на Димитр Матов от проф. М. Арнаудов (спира се и върху езикословнитѣ работи на Матова).

Год. XXI. (1922). За Institutiones linguae slavicae на Й. Добровски и за особеното значение на Караджичовия „Додатак" се говори въ: Стогодишнината на две книги, особено важни за насъ отъ Ст. Младеновъ, стр. 677—684. За Slavia I. seš. I. писа проф. М. Попруженко, XXI, 614—617.

Год. XXII. (1923) стр. 246—255: „Бѫлгарското влияние вѫрху езика на македонските власи (Бележки по повод на Antologie aromăneascǎ отъ Т. Papahagi)" отъ Ст. Младенов. Отъ сѫщия: Бележки къмъ една старобългарска граматика (T. Lehr-Spławiński, Zarys gramatyki języka staro-cerkiewnosłowiańskiego, стр. 670—681; „Просветни Гласник" и сръбскитѣ учени — филолози и етнографи, стр. 779—794 (засѣга м. др. Беличовата книга La Macédoine и критиката на N. v. Wijk).

Година XXIII. (1924.) стр. 1—12: Културно-исторична и езиковна взаимность у балканскитѣ народи отъ Ст. Романски; стр. 78—82: Нова книга за македонскитѣ говори отъ сѫщия (за A. Mazon. Contes slave de la Macédoine sud-occidentale). Въ „Книгописъ" (стр. 94) бележка за Slavia ročn. II, seš. 1 съ кѫсъ рефератъ за статията на В. Златарски (Намѣрениятъ въ Албания надписъ съ името на българския князъ Бориса-Михаила). На стр. 457—461: Нова граматика на сърбохърватския езикъ (за книгата на A. Meillet и A. Vaillant отъ редицата граматики на Institut d'études slaves въ Парижъ) отъ Ст. Романски. За „Български народни пѣсни отъ Македония. Събралъ Панчо Михаиловъ. Съ предговоръ отъ проф. М. Арнаудовъ. Издава Щипското благотворително братство въ София. 1924, стр. XV + 295, цена 100 лева е написалъ рецензия Вел. Йордановъ, стр. 235—238.

6. Една миниатурна книжица по история на български езикъ. Въ „Малка Енциклопедическа Библиотека". издавана въ София отъ Ст. Чилингировъ, се яви като № 17 мъничко книжленце (in 32⁰) съ насловъ: Проф. Б. Цоневъ, хиляда години български езикъ. София, 1924, стр. 48. Това е общедостѫпно изложение на нѣкои въпроси, разгледани въ първия томъ на „История на българский езикъ" отъ сѫщия авторъ, за която вж. Slavia II. 404 сл.

7. Единъ юбилеенъ сборникъ. Въ Юбилеен сборник на Учено-любива дружина „Искра" в гр. Казанлѫк по случай 50-годишния ѝ живот и културно-просветна дейност 1873—1923" (под редакцията на Г. Дочев и Ст. П. Василев, издание на „Искра" 1923, 8⁰) стр. 202—211 е напечатана статия „Казанлѫшкия говор" отъ Ст. Младенов. Авторътъ разглежда накѫсо звуковитѣ, морфологичнитѣ и лексикалнитѣ особености на тоя говоръ, като има предъ очи и казаното отъ проф. Милетича въ »Das Ostbulgarische«.

8 „Годишник на Народната Библиотека в Пловдив 1922" (Annuaire de la Bibliothèque Nationale à Plovdiv 1922) излѣзълъ въ София, 1924, съдържа въ неофициалната си часть м. др.: Ст. Младенов, Две антични имена на реки в българските земи 1. Asamus — Осъм. 2. Naissus — Нишава, стр. 41—54.

9. Г. Д. Баласчевъ, Най-старата словенска държава на Балканския полуостровъ презъ VII и VIII в. и нейния етнически съставъ съ две карти (София, 1924, 8-на стр. 20) сближава сегашнитѣ македонски и български имена на градове и реки съ тракийскитѣ прототипове, обаче безъ книгописни посочвания и безъ етимологични обяснения (стр. 15—17).

София. *Ст. Младенов.*

První sjezd slovanských geografů a ethnografů.

Po válce a neklidných letech konsolidace jednotlivých států a národů Slované hlásí se s výsledky své vědecké práce na forum mezinádní. Příprav k tomuto významnému sjezdu — jehož iniciativní návrh prof. Cvijiće z Běle hradu byl vřele přijat na půdě československé — datují se již od r. 1922 avšak uskutečnění podařilo se teprve r. 1924., po zajištění podpory vlád republiky Československé, a v dobách již klidnějších. Protektorát sjezdu přija pan president T. G. Masaryk. — Organisační výbor sjezdu, složený z věhlasnýc odborníků, a to pp. profesorů Cvijiće, Niederle, Purkyně a Švambery, vyda své první oficielní provolání v lednu (I.) 1924, v němž mimo jiné vytkl tent přední úkol sjezdu: »Podati ve velkých rysech obraz toho, co na poli slovansk georafie a ethnografie jak v celku tak v jednotlivých disciplinách bylo vykonán a ukázati, jakou účast má slovanská geografie a ethnografie na celkovén pokroku a rozvoji těchto nauk, dále stanoviti programy systematické práce d budoucna, zajistiti vzájemné přátelské styky a vzájemnou podporu mezi odbo níky všech slovanských národů a států, a utvořiti trvalou a pevnou organi saci, jež by byla s to zjednati si patřičnou váhu v mezinárodních otázkách svéh odboru.« — A můžeme předem říci, že úkol tento vzal zde dobrý a pevn počátek, že zdar sjezdu byl nejlepší odpovědí několika pesimistům, kteří nedo vedli si očistiti ideální pojem vědy z předsudků snad politických. — Práce př pravné pokračovaly s velikým urychlením; organisační výbor, jenž se sestav za předsednictví p. prof. J. Polívky s jednatelem prof. Švamberou, mus hleděti dvojím směrem: do ciziny, aby zajistil účast jak největšího počtu slovan ských odborníků, a nalezl tam plné pochopení, a tady doma, aby připrav pečlivě vše, čeho bylo třeba ke sjezdu s několika sty účastníků. V únoru (II.) 192 bylo rozesláno nové provolání, v němž se oznamovaly některé formality člensk cestovní a ubytovací. A téhož měsíce pozorujeme již dělbu na jednotlivé sekc a to: I. pro kartografii, geofysiku, geodesii, hydrografii, meteorologii a klimat logii II. pro geomorfologii a geologii, III. pro geobotaniku, IV. pro anthrop geografii a hospodářskou geografii, V. pro antropologii, ethnologii, demogra a sociologii, VI. pro regionální geografii, VII. pro školskou geografii, VIII. organ sační, vesměs s jednotlivými předsedy a jednateli. Zájem o sjezd vzrůsta množily se přihlášky členů, účastníků, prelegentů; dobrý a hladký průbě sjezdu byl možný jedině po důkladných připravách organisačních a pilné prá v jednotlivých sekcích.

Předseda sekce ethnografické (V.), prof. M. Murko, jako ředitel seminá pro slovanskou filologii i jako redaktor »Slavie«, záhy získal spojení s vedo cími slovanskými činiteli a sekci tuto neúnavně a obětavě vedl. První schů výboru sekce V. konala se dne 26. února (II.), druhá dne 8. dubna (IV a mezi tím vedla se korespondence se slovanskými ethnografy. Pak ješte konaly schůze dne 28. dubna (IV.), 19. a 26. května (V.) 1924, kterých vždy účastnil předseda sjezdu prof. Polívka. V dubnu (IV.) 1924 předsednict sekce V. oznámilo tiskopisem zájemníkům, že hlavní obory, ze kterých se ma konati přednášky na sjezdu v sekci pro ethnografii, anthropologii, demogra a sociologii, byly stanoveny takto: 1. soudobý stav badání o materielní ku tuře lidové, 2. soudobý stav badání o lidovém podání slovesném u Slova (lidová píseň, zvykosloví, próza, bájesloví, víra), 3. praehistorický národo slovanských zemí, 4. sociální rozvrstvení (mir, zadruga, plémě, bractvo), 5. fysic anthropologie slovanských zemí, 6. musejnictví slovanské, 7. zeměpis ve služb národopisu. — Jeden večer bude věnován lidovým písním slovanským a jed večer fotografii a filmu ve službě anthropologie a ethnografie. Oznámeno rovn že po sjezdu bude uspořádána exkurse na Slovensko. —

Hosté se sjížděli v prvních dnech června (VI.), takže 3. t. m. byl prv přátelský seznamovací večer ve velkém sále »Měšťanské Besedy« v Praz přítomné členy uvítal předseda tohoto společenského slovanského středis p. Dr. J. Fuhrich. Dne 4. června (VI.) o 10 hod. dopol. sjezd byl slavnost zahájen v Pantheonu »Národního musea« prof. J. Polívkou, jenž probrav gene sjezdu, poukázal na jeho význam a cíle. Čestným předsedou zvolen prof. Cvijić. Jménem vlády republiky Českoslolovenské uvítal sjezd ministr školství a n

rodní osvěty Dr. Ivan Markovič. — Za jednotlivé delegace promluvili pak: za bulharskou prof. Šišmanov, za československé národopisné pracovníky prof. J. Horák, za král. Srbů, Chorvátů a Slovinců generál Boškovič, za polskou delelegaci prof. Romer, za Ruskou Akademii věd. prof. Karskij, za ruské emigrační vědecké společnosti p. Novikov, za Ukrajinskou naukovou společnost Ševčenkovou p. Studynskyj, za Ukrajinskou svobodnou universitu a histor.-filolog. společnost prof. Kolessa. —

Záhy po zahájení sjezdu se ukázalo, že sekce V. odlučuje se jakostí, odborným zájmem i početností od celkového přírodovědeckého programu sjezdových prací, takže pro důkladnější dělbu materiálu vydělila ještě ze svého středu podsekci anthropologickou v čele s prof. Matiegkou. — Prof. M. Murko řídil práce sekce V. v naprosté shodě s jednotlivými delegacemi, takže jednání sekce V. přineslo pěkné výsledky a prošlo vesměs hladce a důstojně. Jednání bylo zahájeno dne 4. června (VI.) o 4. hod. odpol. Prof. Murko uvítal členy ze slovanských zemí, »že Jste se sešli v tak velikém počtu — pravil — je nejlepším důkazem jak cítíme všichni potřebu sbližování a společné práce ve slovanské ethnografii.« Sekce V. zasedala ve fysikálním ústavě Karlovy university. Téhož odpoledne byli zvoleni aklamací tito čestní předsedové. Aničkov (Bělehrad), Czekanowski (Lvov), Frankowski (Varšava), Karskij (Petrohrad), Kolessa, (Praha), Miletić (Sofia), Šišmanov (Sofia), Tkalčić (Záhřeb); potom byly absolvovány tyto přednášky: V. Aničkov: »Národopisné umění slovanské a veliké problémy estetické«, M. Arnaudov: »Slovanské a neslovanské v jihoslovanském folkloru«, Eug. Frankowski: »Organisace ethnografického badání«, F. Kolessa: Hlavní směry a methody ve výzkumu ukrajinského folkloru«. — Všeobecnou pozornost upoutala přednáška prof. Karského z Petrohradu: »Vývoj ethnografické práce v Rusku v letech 1915—1924.« Prof. Karskij referoval o zvláštní komisi, která byla založena r. 1917 za předsednictví Oldenburga „по изученію племенного состава населенія Россіи и сопредѣльныхъ странъ“, o místních ethnografických organisacích, a o „1-ой Всероссійской конференціи научныхъ обществъ по изученію мѣстнаго края“ v r. 1921; potom kriticky probral práce, jež tam vyšly od r. 1914 do 1924. —

Ve čtvrtek dne 5. června (VI.) přednášeli pp.: prof. Šišmanov: »Problémy bulharské ethnografie v souvislosti s obecně slovanskou«, J. St. Bystroń: »Methody výzkumů písní lidových«, E. Ljackij: »Zeměpisné rozšíření epické poesie ruské.« Prelegent poukázal na důležitost přesného označení zeměpisného místa (okres, vesnice, osada), odkud pochází pěvec byliny. Upozornil na rozdíly redakcí a zdůraznil důležitost zápisů, jež by se opíraly o přesné určení místa původu, neboť zvláštnosti dialektologické, ethnografické a melografické lze přičísti na vrub jen jednotlivých zeměpisných míst. Je tedy žádoucno sestaviti zvláštní mapu zápisů bylin. — Prof. Trubeckoj: »O metrice ruského epického verše« podal výsledky svých výzkumů, a referát jeho doplnil bibliografickými poznámkami prof. Karskij. Týž den odpoledne přednášeli: Bileckyj: »Desiderata vědeckého výzkumu ukrajinské národní poesie«, Bogatyrev: »Ethnografické cesty po Podkarpatské Rusi.« — Bogatyrev zdůraznil nutnost statických výzkumů, a vyšel z přesvědčení, že národní obyčeje, pohádky a víra žijí plně na Podkarpatské Rusi a lid si je zachovává; prelegent přimlouval se také za kartografii, aby zkoumání lidových obyčejů provádělo se současně se zřetelem k dialektologii. — E. Frankowski: »Magické cesty v obřadech polského lidu«, probral několik prvků lidové víry v moc čarodějovou a uhrančivých očí. — Podle programu dne byl pak na pořadí prof. Polívka, avšak dávaje přednost hostům, nechtěl pro pokročilost času a řadu jiných prelegentů přednášeti. Avšak požádán a srdečně byv pozdraven přítomnými, ujal se pak slova a vyložil »Některé přežitky ve slovanských, hlavně ruských pohádkách«. Práce tato je publikována ve »Věstníku národopisném československém«, roč. 1924. — Potom došla řada na hudební ethnografii v níž prof. Studynskyj přečetl lať Filareta Kolessy: »Recitativní formy v ukrajinské národní poesii«, . Orlov učinil pak zajímavý pokus o rehabilitaci Jana Prače: »Jan Prač a jeho význam pro ruskou píseň«. — Mistr Ludvík Kuba, akad. malíř a sběratel a vydavatel slovanských písní lidových, pronesl přednášku: »Přehled slovanské melografie a čeho jí třeba«. Nejnovějšími sběrateli a vydavateli písní národních

mezi slovanskými národy co do času jsou Rusové (anonymní sbírka z r. 1776) Avšak byly to práce menší; největší podal J. Prač z r. 1865 o 150 písních Když r. 1841 a 1843. J. E. Smoleř vydal sbírku písní lužických Srbů, obsahujíc 531 písní (texty i nápěvy) s řadou statí srovnávacích a jinou látkou národo písnou, byla tato skvostná, dvojdílná kniha prvou co do péče, rozsahu, vědeck výpravy. Poněvadž se tu jedná o nejmenší národ slovanský, pouze 150.00 čítající, je to zjev, jenž zasluhuje ocenění. Lužičtí Srbové s národem česko slovenským mohou se domnívati, že mají svoji látku bezmála vesměs sebrano při nejmenším v tom smyslu, že nic podstatně nového nelze čekati. Na Slovensk čeká práce ještě dosti, a chceme-li dobrati již celé politické území Českoslo slovenské republiky, dodáme, že literatura Podkarpatské Rusi rovná se témě nule. — Poláci byli šťastni, že měli svého O. Kolberga, jenž ve svém »Ludu« vytisk asi 10.000 písní (slov a nápěvů). Se sbírkami druhými, méně již významnými je to počet, jež Poláky činí nejbohatšími z národů slovanských. — Jihoslovan mají v západní části sebráno hojné látky (neboť jen sám přednášející zapsa zde více než 2000 nápěvů a textů); v částech východních a jižních je vša dosud práce přemnoho, již očekává právě snad nejkrásnější a nejcennější látk z celého Slovanstva. — Rusové, kteří byli co do času prvními, byly až do nedávn posledními. Skoro po celé století otiskovaly se bezmála výhradně písně z Prače Teprve v letech sedmdesátých Melgunov a později Palčikov učinili obrat, a t v kvalitě zápisu. Kvantita byla stále nízká. Příčina, že se v Rusku sbíralo mál vězela v obtížnosti předmětu. Ruská píseň je většinou mnohohlasný cho Jeho hlasy předně nejen že nejsou šablonovitým »accompagnimentem« ako dickým, nýbrž svobodně, kontrapunkticky vedenými živly, a druhé mění s neustále podle zákonů písně lidové, jež není útvarem definitivním, nýbrž orga nismem živoucím, tudíž stále se měnícím. Zde je zápis velmi obtížný, přísn vzato nemožný. Očekávalo se mnoho od záchytů fonografických, které sic všemu očekávání nevyhovují, nicméně snášejí hojně látky, při všech svých ne dostatcích velmi cenné. Fonografem koncem minulého století nastal důležit a prospěšný obrat, nicméně zůstává Rusko dosud sobě největším dlužníkem ze všeho Slovanstva. Ovšem je vinou fenomenu — jímž je podivuhodný rusk chor, zjev na světě snad jedinečný. — Prof. Ot. Zich vyložil »Nynější sta badání o lidové hudbě československé«.

Současně se sjezdem slovenských geografů a ethnografů konal se sjez československých národopisných pracovníků, jemuž také před sedal prof. Polívka, a jednatelem byl prof. J. Horák. Sekce V. v hojném poč zúčastnila se zahájení tohoto sjezdu v pátek dne 6. června (VI.) na radnic staroměstské za protektorátu primátora dra Baxy. Sjezd zahájil prof. Polívka jednatelskou zprávu podal prof. Horák, a uvítal slovanské hosty česky, rusky polsky a srbochorvatsky. —

Téhož dne odpoledne sekce V. pokračovala ve svých pracech. Přednášel Antonovič: »Vývoj formy ukrajinských dřevěných kostelů«. Sičynskyj »Dřevěné stavby na Podkarpatské Rusi«, Ščerbakivskyj: »Ethnografick význam ornamentu ukrajinských kraslic«. Po jeho přednášce upozornil na je některé nedostatky akademik N. P. Kondakov. — J. Húsek: »O slovensko ruské hranici«, přihlížel k dialektologii zeměpisné. — V sobotu dne 7. VI. před nášeli: Dr. Pankěvič: »Ethnografie a dialektologie Podkarpatské Rusi«, pro L. Miletič: »O původu sedmihradských Bulharů«. Romansky: »Ethnické pro blémy jižních Slovanů s hlediska jazykového«, Ivanov: »Topominia jména řek Vardar«. Václavík: »Chorvátský Grob« (s diapositivy). Stoilov: »Zvlášt nosti bulharského plemene se stanoviska folkloru«, A. Petrov: »Národopisn mapa starých Uher podle lexikonu ze sklonku XVIII. stol.«, v níž prelegen podal nejzávažnější výsledky svých dlouhodobých prací, jež začal ještě pře světovou válkou. —

Jednotlivé přednášky byly omezeny na 15—20 minut; pak se v případ potřeby vedly krátké rozhovory.

Z písemně ohlášených přednášek sekce V. nekonaly se buď pro nepří tomnost autorovu, nebo z jiné technické překážky, tyto: Trojanovič: »Hlavn rozdíly mezi Bulhary a sousedními národy«, Siškov: »Les Pomaks de Macédonie et de la Thrace Méridionales«, Moszyński: »Kijanka na Litv

Rusi«, Chotek: »Národopisné otázky slovenské vzhledem k zeměpisému rozložení« a »O účelném fotografování lidových typů s hlediska anthroologického«, Hnátek: »Lidové stavby v Polabí«, Hofman: »Fotografoání lidových staveb«. Přednáška Mogiljanského: »O museích v Rusku doby ruské revoluce« byla zařazena do sekce IV. Naproti tomu ve dnech ezdových přihlásili již uvedené přednášky pp. Miletić, Pankěvič a Ivanov.

V pátek dne 6. VI. konal se společně s účastníky sjezdu českoslonských národopisných pracovníků velmi zdařilý večer fotografie a filmu ve užbách ethnografie, ve velké posluchárně fysikálního ústavu. Bohatý a zajíavý program, který trval od 7. hod. až do půlnoci, nemohl býti ani celý vyčerpán. ýklad podali a ukázky předvedli: Okuněv: »Lidové umění středověké Makedonii«, Tkalčić: Ethnografické museum v Záhřebě«, Pospíšil: »Mečový nec na půdě slovanské«; zvláště poslední přednáška kustosa městského usea v Brně Dra Pospíšila, provázená výkladem a předvedením barevných hnografických filmů, byla vyslechnuta s velikým zájmem.

Jednotliví učenci přednášeli svým mateřským jazykem; bylo tedy předášek: ruských — osm, ukrajinských — sedm, bulharských — šest, polských — i, chorvatsky — jedna, československých — šest. Celkem tedy v sekci V. ylo předneseno 31 prelekcí.[1]) Nebylo nejmenších pochybností o tom, že jedacím jazykem může býti kterýkoliv a jen slovanský jazyk.

Redakci a vydání sjezdové publikace vyhradil si ústřední výbor, takže ají v ní býti otištěny všechny práce ze všech sekcí společně.

Účastníci sjezdu byli přijati v sobotu dne 7. VI. na recepci u pana presienta T. G. Masaryka ve Španělském sále na Hradě pražském, kde vyslechli oncert »Českého kvarteta«. Důstojnému protektorovi sjezdu byli představeni ynikající hosté a činitelé, s nimiž pan president besedoval u společného stolu pozdních hodin večerních.

Práce sjezdové byly ukončeny v neděli dne 8. června 1924 na plenární hůzi v poslanecké sněmovně Národního Shromáždění za předsednictví prof. Polívky. — Byla tam též přednesena řada usnesení v jednotlivých sekcích ž projednaných a přijatých. — Pro ethnografy a slavisty mají veliký význam to přijaté resoluce:

I. Návrh prof. Švambery, Romera a Cvijiće: »Sjezd slovanských geografů ethnografů pokládá za nutné utvořiti adresář slovanských geografů a ethnoafů, seznam ústavů a korporací těchto oborů, jakož i seznam sem spadajících ublikací periodických. Pokládá za vhodné uskutečniti tuto resoluci zároveň publikací prací tohoto sjezdu«.

II. Návrh prof. Sawického a spol. polských členů: »Nechť se kongres obrátí všechny vlády slovanských států se žádostí, aby 1. organisovali stálou stituci k výměně profesorů geografie a ethnografie mezi slovanskými univertami. Za tím účelem buď zřízena v každém státě alespoň jedna stolice rčená pro profesory výměnné. Výměna děla by se každá 4 léta, aby studucí mohli každého čtyřletí akademického poslouchati přednášky uvedených rofesorů, 2. aby všechny vysoké školy slovanské pořádaly navzájem exkurse druhých států slovanských, 3. aby každý slovanský stát zřídil zpravoajskou kancelář a výměnu publikací geografických a ethnografických, jakož map. Třeba se také obrátiti za tím účelem na vlády slovanských států s přáním, y státní vědecké ústavy dávaly těmto kancelářím k disposici vždy určitý čet exemplářů svých publikací za účelem jich distribuce mezi kanceláře uhých států slovanských, 4. aby byla v každém slovanském státě zřízena instice, která by usnadňovala slovanským učencům výzkumy, dávala jim vědecké rávy a usnadňovala jejich cesty.«

III. Návrh prof. Romera, Frankowského a spol.: Schůze zástupců jedtlivých slovanských národů navrhuje: 1. Sjezdy geografů a ethnografů zachoají ráz a směr, jenž jim byl dán prvními organisátory. 2. zvoliti delegaci geografů ethnografů, ve které by byly zastoupeny všecky slovanské národy, 3. delegace st pověřena vyhotovením statutu Sjezdu, který má býti schválen na příštím

---

[1]) Opravuji tím chybné zprávy A. P. Stoilova: „Известия на народния тнографски музей въ София“, 1924, str. 51—60.

sjezdu geografů a ethnografů, 4. delegaci sjezdu má uvésti v činnost výkonn výbor prvního sjezdu geografů a ethnografů v Praze, 5. nejbližší Sjezd slovanskýc geografů a ethnografů na pozvání delegace polské bude zasedati v r.1927 v Polsku.

IV. Návrh prof. Sišmanova: »Budiž v Praze založeno Všeslovanské národo pisné museum Safaříkovo a všeslovanská ethnografická knihovna s archiver hudebních fonogramů, rovněž i ústav pro informace, zprávy a vydávání přepisí Praha svou polohou se nejlépe hodí pro dotyčné museum a knihovnu. Mlad Československá republika, která sezvala první Sjezd slovanských zeměpisc a národopisců, zaslouží zajisté ze dvou příčin býti středem slovanského náro dopisu, a to jednak pro své vynikající učence v tomto oboru z dob dřívějšíc i dnešních, a též pro svou přístupnou polohu ve střední Evropě. — Se svý návrhem nehodlám řešiti všechny otázky, týkající se založení, funkcí, správ a vydržování budoucího všeslovanského ethnografického musea v Praze. - Hluboce jsem přesvědčen, že Všeslovanské Šafaříkovo Museum může hráti veliko roli nejenom jako vědecké centrum, ale i jako první pokus k vytvoření sp lečným úsilím všeslovanské kulturní instituce, sjednocující morálně všechn Slovany, nezávisle na politické názory a rozdíly.«

V. Návrh mistra L. Kuby: 1. Při hlavních státních knihovnách buďt opatřeny všechny melografické, knižně vydané materiály, t. j. notové zápis lidových tvoreb a theretická o tom pojednání, a nejen všecky slovanské, a i jinonárodní při nejmenším týkající se aspoň národů sousedních, a to k úče srovnávacího studia hudebně-národopisného, 2. buďtež tam, kde se to dosud n stalo, pořízeny fonografy pro sběratele melografie a zařízeny fonogramní archivy

VI. Návrh prof. Lázňovského: »Sjezd slovanských geografů a ethnogra vyjadřuje žádost, aby byl utvořen srovnávací slovník odborného názvoslo geografického a ethnografického.«

Společným úsilím prof. Polívky a Murky podařilo se zorganisovati zdařil exkursi na Moravu a na Slovensko, pro kterou vypracoval program a vykon přípravy prof. Chotek v Bratislavě. V týdnu od 8. do 16. června účastní navštívili Brno, Macochu, Bratislavu, Děvín, Chorvátský Grob, Trenčiansl Teplice, Turč. Sv. Martin, Tatranskou Lomnici, Tatry. — V Brně a na Maco podávali odborný výklad Dr. Absolon a Dr. Pospíšil, na Slovensku prof. Chote V Bratislavě konal se společný oběd s ministrem Dr. Kállayem, a večeře u st rosty města Dra Okáníka. V Turčanském Sv. Martině byla uspořádána veče v Národním domě.

Celá řada přednesených prací, referátů a zpráv v jednotlivých sekcíc naprostá shoda i solidarita všech členů, výměna názorů v osobním styk věcné a prospěšné resoluce dávají plnou záruku, že druhý sjezd v r. 192 bude míti týž úspěch a zdar jako tento první pražský, a že ethnografie bu rovnocenným předmětem s jinými odbornými vědami, že bude řetězem, vzájem spojujícím geografy a ethnograf,y že výsledky jeho práce budou ve prospě vědy slovanské a světové.

Miroslav Zelenka.

Silviu Dragomir, Românii din Serbia în sec. XII—XV (= L Roumains de la Serbie du XIIème au XVème siècle). Mémoire lu dan la séance publique de l'Académie Roumaine du 27 janvier, 192

Les Vlahes de la Serbie du moyen âge nous étaient déjà connus par l travaux de Stojan Novaković, Jireček et Kadlec. Dans son étude, M. Silv Drogomir tâche de réunir toutes les informations comprises dans 39 documen (émanant de: Štefan Nemanja, Štefan Uroš I, Uroš Milutin, Štefan Uroš I Štefan Dušan, Constantin Dejanović, du cneaz Lazar, du Patriarche Spiridi et du despote G. Brancovič), pour aboutir aux conclusions suivantes:

Les Vlahes de Serbie, attestés dans les documents du XIIème au XVè siècles, représentent les débris de la population roumaine, qui, au moyen âg était répandue dans toute la presqu'île balkanique. D'après Petantius (vers 15(les Roumains habitaient les montagnes et avaient de riches troupeaux. erraient avec leurs bestiaux: au printemps, ils montaient vers les pâturag de la montagne; vers l'automne, ils descendaient prendre leurs quartiers d'hiv Ces abris se trouvaient à leur proximité immédiate. A côté des Vlahes pasteu

on doit admettre une autre classe: celles des Vlahes s'occupant d'agriculture, qui possédaient des terrains dans les villages. Le document donné par Uroš Milutin au monastère de Saint-George, près de Serava, en Skoplje, dispose que les Vlahes fassent un jour de corvée à l'époque du labour, qu'ils moissonnent ce qu'ils labourent et qu'ils fauchent une portion de pré. Ils devaient payer certaines redevances en céréales ou en vin. Ils devaient travailler les vignes des monastères, chose à laquelle ils se connaissaient bien.

Le terme de »zemlja vlakom« suppose aussi des propriétaires établis. L'étendue de leurs proprietés est aussi attestée comme fixe dans les délimitations des fermes.

Quant à leur condition sociale, ils étaient partagés en deux classes: 1) les voïniks et 2) les voyageurs. Les premiers vivaient dans des conditions plus favorables, assimilables à celles de **поклоньници** du document de Prizren, tandis que les autres étaient obligés d'exécuter toutes sortes de corvées en rapport avec leurs occupations: ils devaient prêter leurs chevaux pour les transports des monastères et faire les routes de l'état serbe. Leur situation était identique à celle des *Βλάχοι οδῖται* de Kédrenos. En ce qui concerne leur organisation religieuse, le document de Štefan Provenčani soumet les Vlahes de son royaume à la juridiction de l'archevêque serbe, qui avait alors sa résidence, au monastère de Žiča. Il est sans doute question des Vlahes qui se trouvaient dans les contrées prises aux Byzantins. Or à cette époque même, le catalogue de l'archevêché de l'Ohride fait mention d'un épiscopat de Vlahes, qui devait être situé à Vranje, village conquis, avec toute la vallée de la Morave, par Nemanja. L'épiscopat des Roumains disparaît ensuite pour reparaître en 1335. Après la conquête des Turcs, il disparaît définitivement.

Tache Papahagi, Antologie aromănească, București, 1922 (Din publicaţiunile Casei Şcoalelor) XLVII + 519 p.

Le but de l'auteur est de donner un aperçu général de la vie littéraire de son peuple arroumain, cet intéréssant fragment de latinité balkanique.

L'anthologie est divisée en deux parties: l'une consacrée à la littérature populaire; l'autre à la littérature des écrivains en dialecte.

La section consacrée à la littérature populaire contient: des maximes, des énigmes, des poésies lyriques, des légendes, des contes, des traditions et des anecdotes. Les morceaux sont choisis — parmi les meilleurs — pour qu'on puisse entrevoir les côtés multiples et caractéristiques de l'âme et de la vie populaire des Arroumains: l'amour pour le charme de la vie pastorale; la vie errante des marchands, parcourant en caravanes de long en large les Balkans (de la Grèce jusqu'à la Bosnie et Buda-Pest, de l'Adriatique à Constantinople); la poésie du départ, pleine de tendresse mélancolique; les luttes vaillantes contre les brigands, qui les guettent au passage ou bien les combats sanglants contre les Turcs, pour sauvegarder l'autonomie de leur vie montagnarde. La seconde partie de l'anthologie contient des morceaux poétiques écrits en dialecte par les écrivains macédoroumains: George Murnu, professeur à l'université de Bucarest et membre de l'Académie roumaine, Marcu Beza, actuellement consul de Roumanie en Angleterre et lecteur à l'université de Londres; Nicolas Batzaria, ancien ministre des travaux publics en Turquie (1912), Nuši Tulliu, professeur dans un lycée de Kişinău (Bessarabie), Nicolas Velo, consul de Roumanie à Rouschiouk; Zicu A. Araia et George Ceara, instituteurs en Macedoine, Ivan Foti, journaliste à Bucarest, Constantin Balamace et F. Caciona, agriculteur.

Leca Morariu. Războiul Troadei după codicele Const. Popovici (1769). Cernăuţi 1923. P. 105.

On sait que Mr. M. Gaster a publié en 1894, dans la »Byzantinische Zeitschrift«, une version légendaire, grossièrement déformée, de l'ancienne matière (eine sagenhafte Vergröberung der alten Stoffe) du mythe troyen, version tirée, selon lui, d'un original byzantin, par un intermédiaire slave. L'intermédiaire slave serait attesté, dans la version roumaine, par le nom Pariš (au lieu de Paris). Les recherches de Gaster sur l'original de la légende roumaine ont été poursuivies

par Karl Praechter, dans la »Byzantinische Zeitschrift« III (p. 528 et W. Istrin, dans l' »Archiv für slav. Phil.« XIII (pp. 416—429).

Karl Praechter crut trouver un parent de la légende roumaine dans u »chronographe« grec, conservé à la bibliothèque de Berne, auquel auraient été adjoints des emprunts faits à Kédrenos, Malalas et Homère. Istrin trouva u autre »chronographe« grec, plus proche de la version roumaine. C'est le code no. 601, copié en 1570 et conservé au monastère Vatoped de l'Athos. Mais d'aprés Istrin, entre l'original grec et la version roumaine on doit supposer u intermédiaire slave, parceque — outre la forme Pariš déjà relevée par Gaster — le texte roumain contient une addition intéressante, qui manque dans le texte grec. Après avoir raconté l'invention de l'alphabet grec par Palamed — d'accor avec la rédaction grecque — le texte roumain seul ajoute: »et les autres lettres qui sont en plus dans l'écriture serbe, ont été inventées par Kiril de Palestina quand l'ange de Dieu lui eut dit, comme raconte l'histoire, d'aller au pays de Bulgares«. Cette interpolation ne pouvait être faite que par un serbe. Elle se trouvait donc dans la traduction serbe — inconnue jusqu'à présent —, mais qu'on doit supposer à la base de la version roumaine.

Mr. Leca Morariu publie une autre version, d'après un codex écrit en 1796 par Constantin Popovici, élève séminariste, à Cernăuţi. Mr. L. M. accompagne cette version d'une intéressante étude sur le milieu ambiant du copiste — la Bukovine occupée par les Autrichiens —, il relève l'importance du ms, résume les opinion de ses prédécesseurs et donne ensuite le texte de C. Popovici, avec des variantes du texte publié par Gaster et finit par une étude linguistique du texte édité.

En dehors de la version publiée par Mr. Leca Morariu on connait une autre version plus ancienne, publiée par Mateiu Voileanu, d'aprés un manuscri de 1748 (Codicele Mateiu Voileanu, Sibiiu 1891 p. 25. Le mot kinovic que Mr. L. M. déclare inexplicable, n'est pas, ce q'on à pensé (Daco-Romania III, p. 1021) »une faute à la place de kinovie, chinovie, monastère des moine menant une vie en comun, obšte žitie (ngr. *κοινόβιος, κοινοβία*)«, mai bien le nom propre Kanovic, attésté dans les chroniques byzantines:

εἰς ἓν ὡρμίσατο στομάτων τῶν τοῦ Νείλου
Κανωβικὸν ὀνομασθὲν ἐν χρόνοις τοῖς ὑστέροις

(Manasses: *Σύνοψις ἱστορική,* esl vers 1176—1177, Ière ed. Bonn

N. Cartojan.

Философија и религија Ф. М. Достојевскога. Студија І. Сп. Поповића У. Сремским Карловцима. 1923. Стр. 195. Ін. 8°. Цена 20 динара.

Предъ нами оригинальная попытка оцѣнить Достоевскаго какъ христіанскаго богослова, отнестись къ нему какъ къ церковному писателю и извлечь изъ его писемъ, замѣтокъ, публицистическихъ статей и художественныхъ произведеній его религіозную систему. Попытка должна быть признана очень удачной.

Книга Іустина Поповича написана съ пламенной любовью къ Достоевскому, на основаніи многолѣтняго вдумчиваго вчитыванья въ его созданія и обширнаго знакомства съ литературой о немъ, какъ русской, такъ и западноевропейской. Это не только лучшій на сербскомъ языкѣ трудъ о Достоевскомъ, изъ котораго сербскій читатель можетъ получить о немъ болѣе полное и правильное понятіе, чѣмъ изъ какой-либо другой сербской книги. Книга Поповича займетъ видное мѣсто вообще въ литературѣ о Достоевскомъ.

Начинается она трогательнымъ посвященіемъ „исповѣднику православія" и „великомученику" патріарху русскому Тихону. Далѣе слѣдуетъ введеніе. Въ немъ авторъ указываетъ, что Достоевскій вѣченъ (1) именно потому, что онъ всѣ проблемы человѣчества рѣшаетъ въ масштабѣ вѣчности (1—3). Основная точка зрѣнія Достоевскаго на міръ и жизнь религіозная (4). Но на пути къ Богу онъ пережилъ такой бунтъ противъ Бога и міра, такія бездны невѣрія, въ сравненіи съ которыми „всѣ старыя и новыя философіи атеизма лишь pleasant sunday-afternoon literature" (5). Лишь послѣ многихъ душевныхъ бурь онъ нашелъ успокоеніе во Христѣ (6—9). Поповичъ ставитъ своей задачей выяснить тайну личности Достоевскаго: начала, лежавшія въ основѣ его бунта, и причины принятія им

затѣмъ Бога и міра (9). Авторъ не скрываетъ отъ себя трудности этой задачи. Трудность зависитъ и отъ предмета изученія, такъ какъ „Достоевскій наиболѣе загадочный въ крайне сложномъ уравненіи славянской жизни", и отъ метода работы, такъ какъ „Достоевскаго нельзя изучать безъ муки, рыданія и слезъ" (10). Книга Поповича, дѣйствительно, написана съ такимъ подъемомъ, который свидѣтельствуетъ, что авторъ на дѣлѣ примѣнилъ этотъ методъ и сопережилъ съ Достоевскимъ и глубины отчаянія и восторгъ примиренія.

Первая часть посвящена ученію Достоевскаго о человѣкѣ, о злѣ въ мірѣ и его демонологіи. Въ ней пять главъ. Первая на основѣ „Записокъ изъ подполья", которымъ авторъ придаетъ громадное значеніе, даетъ опредѣленіе человѣческой личности, выясняетъ ея границы и отношеніе къ міру (11—20). Вторая „Бунтъ" содержитъ прекрасный анализъ причинъ непринятія Иваномъ Карамазовымъ міра и Бога (21—41). Третья изображаетъ человѣкобога, какъ онъ сложился въ представленіи Ивана Карамазова (42—44). Кириллова (44—47). Ставрогина (47—50) и Раскольникова (51—55). Попытки человѣка стать человѣкобогомъ, по Достоевскому, логически неизбѣжно ведутъ къ распаду личности, сумасшествію и самоубійству (54—55). Четвертая и пятая главы излагаютъ ученье Достоевскаго о первопричинѣ зла в мірѣ, о дьяволѣ, сущности его природы, отношеніи къ Богу, міру и человѣку, задачахъ, методахъ и результатахъ его дѣятельности по отношенію къ отдѣльному человѣку и человѣчеству въ цѣломъ (55—77). Авторъ заканчиваетъ первый отдѣлъ своего труда утвержденіемъ, что Достоевскій лучше понялъ природу дьявола, чѣмъ Гете въ Мефистофелѣ. Въ произведеніяхъ Достоевскаго „ощущается[1]) присутствіе сатаны". Поэтому многіе критики отожествляютъ его со діаволомъ, даже съ легіономъ бѣсовъ. „Все это правда, говоритъ Поповичъ, но только такой Достоевскій могъ познать тайну природы діавола, познать его злоуміе, его сущность, его методъ; только такой Достоевскій могъ открыть, что діаволъ единственный обезличитель человѣческой личности и что всѣ обезличивающія теоріи и силы происходятъ отъ него" (76).

Вторая часть излагаетъ православную теодицею и христологію Достоевскаго И она состоитъ изъ пяти главъ. Глава первая: Анализируя человѣческую душу, Достоевскій находитъ въ ней какъ идею безсмертія, такъ и основанія признавать её истинной (79—81) Изъ идеи безсмертія онъ извлекаетъ и необходимость признанія Бога (80) Своего Бога Достоевскій нашелъ въ Христѣ (81—84). Значеніе Христа въ томъ, что онъ Богочеловѣкъ (84—85). Далѣе до конца главы излагается ученіе Достоевскаго о Христѣ (85—92). Слѣдующія три главы предлагаютъ тщательный анализъ по преимуществу тѣхъ идей, которыя Достоевскій воплотилъ въ Зосимѣ. Во второй главѣ выясняется значеніе вѣры (98), смиренія, самоотреченія (100—101, ср. и 111), воспитывающая и творческая сила молитвы (103, ср. и 141—142) и центръ моральнаго ученья Достоевскаго — чувство личной отвѣтственности каждаго за грѣхи всѣхъ (104—112). Въ третьей находимъ ученіе Достоевскаго о любви 113—130). Четвертая глава: во Христѣ личнымъ подвигомъ самоусовершенствованія (131, ср. и 94), въ особенности методами монашества (131—135, ср. и 95—96), личность излечивается отъ внутренняго разлада (133) и достигаетъ полной свободы (135). Человѣкъ возвышается до Богочеловѣка (140), постигаетъ высшій синтезъ жизни, достигаетъ разрѣшенія загадокъ добра и зла (137) и прочихъ проклятыхъ проблемъ бытія. Онъ любитъ весь міръ (141—148), находитъ рай уже на землѣ (147, 151) и благословляетъ жизнь (147).

Эта часть книги Поповича убѣдительно доказываетъ, что, вопреки мнѣнію многихъ критиковъ, нѣмецкихъ и русскихъ, Достоевскій побѣдилъ сомнѣнія и богоборчество и въ Христѣ и въ православіи нашелъ успокоеніе и примиреніе души.

Авторъ сопоставляетъ взгляды Достоевскаго по вопросамъ религіи и морали съ ученіемъ отцовъ церкви, въ особенности представителей

[1]) Курсивъ автора.

аскетизма. Цитаты изъ нихъ показываютъ полное совпаденіе сущности его идей съ мнѣніями наиболѣе проникновенныхъ представителей восточнаго православія. Правъ Bierbaum въ своемъ выводѣ: „Изъ Достоевскаго говоритъ Христосъ, и нужно возвращаться очень далеко въ прошлое развитія христіанской мысли, чтобъ дойти до человѣка, изъ котораго Христосъ говорилъ такъ сильно, какъ говоритъ изъ Достоевскаго. Я со своей стороны думаю, что такой человѣкъ — Францискъ Ассизскій.[1]) Еще болѣе правъ Іустинъ Поповичъ, утверждая, что этотъ Христосъ — Христосъ православія, Христосъ мистиковъ и аскетовъ Востока. Оригинальность и значеніе Достоевскаго сравнительно со своими предшественниками по идеямъ въ томъ, что подступы его къ этимъ идеямъ и пути, которыми онъ ихъ связываетъ, подступы и пути современнаго человѣка, исходящаго изъ идей и настроеній нынѣшней европейской культуры. Не говорю ужъ о формѣ, въ которой великій романистъ воплотилъ свое міровоззрѣніе.

Пятая глава знакомитъ насъ съ отношеніемъ Достоевскаго къ католицизму (155—169) и его ученіемъ о миссіи русскаго народа. (170—188). Католицизмъ, по его мнѣнію, подпалъ искушеніямъ, которыми дьяволъ пытался соблазнить Спасителя, возведя даже третье искушеніе — земнымъ царствомъ въ догматъ. Онъ подмѣнилъ Христа искусителемъ и тѣмъ въ корнѣ испортилъ всю западную культуру, которая въ сущности создана имъ. Поэтому на него падаетъ отвѣтственность за всѣ блужданія западноевропейскаго человѣка, за весь хаосъ въ Европѣ, за всѣ матеріалистическія, разрушительныя и богоборческія теченія въ ней. И роковая роль католицизма еще не закончена — онъ продастъ Христа до конца (160—161). На русскомъ народѣ лежитъ великая миссія спасти Европу и человѣчество, явивъ міру ликъ Христовъ. Онъ сдѣлаетъ это не потому, чтобъ онъ былъ лучше другихъ народовъ, а потому что въ силу историческихъ судебъ онъ сохранилъ православіе, единственное христіанское вѣроученіе, которое сберегло въ чистотѣ подлиннаго Христа.

Уже этотъ краткій обзоръ показываетъ, какъ полно охватываетъ книга Поповича религіозные и моральные взгляды Достоевскаго и какую массу матеріала предлагаетъ для ихъ правильнаго освѣщенія. Уже по одному этому она заслуживаетъ вниманія всякаго человѣка, интересующагося Достоевскимъ. *Владимиръ Розовъ.*

Толстой. Памятники творчества и жизни. 4. Редакция В. И. Срезневского. Москва, изд. Кооперативнаго товарищества изученія и распространенія твореній Л. Н. Толстого. 1923 г. 8°, 216 стр.

Вышедшая 4-я книжка сборниковъ „Толстой. Памятники творчества и жизни“ подъ редакціей Вс. Изм. Срезневскаго, одного изъ лучшихъ знатоковъ литературнаго наслѣдія Л. Н. Толстого, представляетъ совершенно исключительный интересъ.[2])

---

[1]) *Otto Julius Bierbaum. Dostojewski,* 2 Aufl., München, 1914. стр. 76. Цитата взята изъ книги Поповича, стр. 193.

[2]) В виду того, что „толстовскіе сборники“ стали выходить уже въ то время, когда Россія была отрѣзана въ значительной мѣрѣ отъ Запада, считаю не лишнимъ сообщить краткія свѣдѣнія о вышедшихъ ранѣе книжкахъ. — Кн. I-я, вышедшая подъ ред. В. И. Срезневскаго и А. Л. Бема въ 1917 г., содержала въ себѣ: Разсказъ Л. Н. Толстого о Федоткѣ, статью В. И. Срезневскаго: „Къ исторіи созданія Хаджи Мурата“, дневникъ А. Б. Гольденвейзера, изслѣдованіе Б. Л. Модзалевскаго „Родъ гр. Л. Н. Толстого“ и др. — Кн. 2-я, вышедшая въ 1920 г., заключала статьи: В. И. Срезневскаго „Изъ черновиковъ Николая Палкина, К. С. Шохоръ-Троцкаго „Къ исторіи созданія Божескаго и Человѣческаго“, А. М. Хирьякова „Около Толстого (Царство Божіе внутри васъ)“, А. Л. Бема „Обзоръ изданій педагогическихъ статей Толстого“ и „О Цвѣтникѣ“, К. С. Шохоръ-Троцкаго „Кругъ Чтенія Толстого и его краткая исторія“, письма Толстого и къ Толстому и рядъ воспоминаній. — Кн. 3-я, вышедшая уже въ 1923 г., содержала слѣдующіе статьи и матеріалы: В. И. Срезневскій „Замѣтка Толстого об

Особеннаго вниманія заслуживаетъ, опубликованная В. И. Срезнев-мъ, „Переписка Л. Н. Толстого съ В. П. Боткинымъ" (стр. 3—87). Она имаетъ сравнительно короткій періодъ съ 1857 г. по 1862 г. и заклю-тъ всего 16 писемъ Толстого и девять писемъ В. П. Боткина.

Это періодъ, для котораго у біографа Толстого сравнительно мало еріаловъ; поэтому переписка съ Боткинымъ, съ которымъ Толстой былъ нь близокъ, пріобрѣтаетъ большое значеніе. Изслѣдователь найдетъ нихъ, помимо благодарнѣйшаго біографическаго матеріала, свидѣтель-ующаго о раннемъ душевномъ ростѣ Толстого (поразительнѣйшее письмо Парижа отъ 5-го апр. 1857 г. подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣнной казни на эшафотѣ), свѣдѣнія о литературныхъ взаимоотношеніяхъ того мени (Островскій, Тургеневъ, С. Аксаковъ, Григоровичъ), данныя о лите-урной исторіи произведеній Толстого, надъ которыми онъ тогда ра-алъ („Альбертъ", „Люцернъ" „Семейное счастье", „Казаки") и цѣнныя заніяна рано сложившіеся общественно-политическіе взгляды Толстого.

Обстоятельныя и съ большимъ знаніемъ составленныя редакторомъ мѣчанія въ сущности являются исчерпывающимъ историко-литера-нымъ комментаріемъ къ перепискѣ.

Послѣднихъ дней жизни Л. Н. Толстого касается его дочь, А. Л. Тол-я, въ отрывкѣ своихъ воспоминаній „Объ уходѣ и смерти Л. Н. Тол-го" (стр. 131—184). Дочь Л. Н. Толстого можетъ быть поступила пра-ьно, что ограничилась пока опубликованіемъ воспоминаній, относящихся шь къ послѣднимъ днямъ жизни Толстого, съ момента его ухода, т. е. съ го октября 1910 г. Она осталась т. о. внѣ той тягостной для всѣхъ картины ра близкихъ Толстому людей, который былъ вновь вызванъ книгой Г. Черткова: „Уходъ Л. Н. Толстого". Кончина Толстого въ Астаповѣ, случайной станціи, окруженнаго тревожнымъ вниманіемъ всего міра, ва предстаетъ въ воспоминаніяхъ его дочери во всей трагичности. Воспо-анія производятъ пріятное впечатлѣніе своимъ тономъ и общимъ укло-мъ, въ которомъ ясно видно стремленіе избѣжать всего, что могло бы сти осужденіе и обвиненіе отдѣльныхъ лицъ; этимъ все вниманіе сосре-очивается на величіи самихъ событій послѣднихъ дней великаго писателя.

Воспоминанія И. В. Ильинскаго „Мои поѣздки въ Ясную Поляну" р. 88—130) относятся къ концу 90-хъ и нач. 900-хъ годовъ. Интересна ись о посѣщеніи Ясной Поляны 8-го октября 1900 г. о встрѣчѣ тамъ Максимомъ Горькимъ, посѣтившимъ тоже Толстого.

Своеобразный біографическій источникъ представляютъ собою записи люденій за Л. Н. Толстымъ, производившіяся тайной полиціей во время пребыванія въ Петербургѣ въ 1897-мъ году, съ 7-12 февраля, опублико-нныя В. И. Срезневскимъ въ статьѣ „Л. Н. Толстой въ Петербургѣ февралѣ 1897 г. (по даннымъ Петроградскаго Охраннаго Отдѣленія, . 184—197)."

Небольшая статейка Г. Гельда „О двухъ прилагательныхъ" въ романѣ на Каренина", (стр. 198—200) даетъ объясненіе прилагательнымъ вгюбическій" и „капуйское" и разъясняетъ ихъ появленіе романѣ.

К. Сивковъ сообщаетъ архивную справку о помѣстьѣ „Ясная Поляна" го владѣльцѣ Григ. Мих. Мининѣ въ нач. XVIII-го вѣка на основаніи ументовъ архива министерства юстиціи.

Сборникъ, какъ и предыдущіе, снабженъ тщательно составленными зателями: именнымъ, произведеній и писемъ Л. Н. Толстого.

А. Бемъ.

одѣ за малыми дѣтьми"; С. Л. Толстой „Юморъ въ разговорахъ Тол-го. Изъ дневника Т. Л. Толстой (Сухотиной)"; письмо Толстого къ Нико-о II о молоканахъ; текстъ гл. LXXX „Воскресенія"; О. И. Срезневская окторъ Бедекеръ, прототипъ Кизеветтера" англичанина въ „Воскресеніи" лстого, В. И. Срезневскій „Отраженіе въ русскомъ обществѣ отлученія лстого отъ церкви по свѣдѣніямъ департамента полиціи" и др.

Памяти Филипа Федоровича Фортунатова.[1])

1848—1914.

В числе собравшихся здесь языковедов я вижу главным образом членов бывшего Лингвистического общества, основанного В. К. Поржезинским в память величайшего русского лингвиста Ф. Ф. Фортунатова. Лишь немногие из нас принадлежат к числу учеников самого Ф. Ф-ча, большинство — это уже наши ученики, так сказать, его духовные внуки, которые в свою очередь с успехом воспитывают четвертое поколение лингвистов, его правнуков.

И вот уже 50 лет непрерывно процветают у нас в Москве занятия сравнительным языковедением, — конечно, не „рассудку вопреки", но, во всяком случае, „наперекор стихиям", разумея под этим всякого рода тормозы и подводные камни, на которые постоянно натыкалась в своем победном шествіи кафедра сравнительного языковедения.

Если принять во внимание, что эта в общем весьма уважаемая наука и во всем-то свете, в виду своей трудности, насчитывает лишь ограниченный круг специалистов, то как не воспользоваться случаем почтить память великого основателя и предка нашей русской лингвистической семьи? А случай этот — десятилетие со дня кончины Ф. Ф., последовавшей 20 сентября ст. ст. 1914 г. в деревне Косомме Петрозаводского уезда.

С своей стороны я хотел бы посвятить этот очерк не столько научным заслугам Ф. Ф., сколько личным воспоминаниям о нем. Действительно, что касается его научной деятельности, то, без сомнения, все вы знаете, что Фортунатов принадлежал, по своему выдающемуся критическому и созидательному уму и из ряда выходящим познаниям, к числу корифеев лингвистики, и что в состав его ближайших учеников, кроме русских и славян западных и южных, входили многочисленные представители разных стран Западной Европы. Вам известно и то, что вместе с самым замечательным из своих учеников, незабвенным А. А. Шахматовым, Ф. Ф. был духовным главой 2-го Отделения Академии Наук и вдохновителем широкого планомерного исследования истории русского языка и составления грандиозного русского словаря.

Но столь же несомненно, что бóльшая часть из вас очень мало знает о нем, как о человеке. А между тем полная оценка именно Ф. Ф-ча без этого условия немыслима. Он принадлежал к числу тех редких людей, которые рождаются раз в столетие: так велика была гармония между его изумительными умственными дарованиями и несравненными свойствами его любвеобильной души, и эта гармония, эта своего рода «la somma sapienza e il primo amore», была одной из главных причин, привлекавших к нему отовсюду многочисленных учеников и поклонников. Без преувеличения можно сказать, что многие из лингвистов любили учиться у него, между прочим, потому, что находились под чарующим, неотразимым обаянием, производимым его личностъю; да и вообще все, кто только побывал в его гостеприимном доме, или старались поддерживать постоянное общение с ним, или, если это почему-либо не удавалось, то все же они сохраняли на всю жизнь благодарное воспоминание о тех часах, которые они провели в обществе этого замечательного человека.

---

[1]) Речь, произнесенная в заседании Института языковедения и литературы при Московском Университете 26 октября 1924 г.

Таким образом, пора, давно пора хоть в слабой степени воскресить этот незабвенный, благородный образ. Когда-то большая семья учеников покойного теперь очень поредела: „иных уж нет, а те далече“, и лично на мне, может быть, более, чем на ком-либо другом, лежит эта обязанность, так как с молодых лет и до самой кончины Ф. Ф-ча я имел счастье особенно широко пользоваться его гостеприимством — и в Москве и в Петербурге и на его дачке в Петрозаводском уезде — и был почти что членом его дома. Я должен только оговориться, что предстоящая мне задача всегда меня смущала и не могла не смущать: авторам воспоминаний волей неволей приходится говорить о самих себе больше, чем следовало бы, и даже больше, чем бы хотелось. С другой стороны всегда является опасение, как бы по неосторожности не вульгаризировать возвышенного облика покойного сообщением мелких бытовых подробностей, которые с первого взгляда могут показаться тривиальными.

Итак, начинаю.

I.

Я поступил в Московский Университет в 1887 г. и сразу же окунулся в лингвистику, так как слушал на 1-ом курсе греческую диалектологию с упражнениями по Гомеру у Г. К. Ульянова, санскрит у В. Ф. Миллера и, наконец, введение в языковедение, фонетику и спряжение и.-европ. язз. у Ф. Ф. Фортунатова. Ф. Ф., только что женившийся на милейшей Юлии Ивановне, начал лекции позднее других, и мы, молодые студенты, успели получить от старших товарищей некоторые интересные сведения о нем, именно, что он — европейская знаменитость, что его недавно два университета — Московский и Киевский — почтили степенью доктора honoris causa, что он — человек сдержанный и молчаливый (Ф. Ф. с молодых лет страдал глухотой), но, вообще говоря, простой и доступный; строг на экзаменах, но широко допускает переэкзаменовки, вместе с тем очень сближается с теми молодыми людьми, которые серьезно интересуются его наукой.

И вот наступает первая лекция.

Перед нами человек средних лет (неполных 40) с весьма представительной и серьезной наружностью; заговорил он несколько глухим, слабым голосом, но его очень определенная речь, несколько абстрактная для начинающих студентов, при том лишенная какой бы то ни было аффектации, сразу внушила нам глубочайшее уважение. К его трудному языку мы мало по малу привыкли, а вместе с тем для нас стала увлекательной строгая, простая схема его курса, в котором он, как мы чувствовали, сообщал нам самое существенное и с его точки зрения вполне достоверное. Временами нас поражали напр. такие вступления к некоторым отделам курса: „прежде я смотрел на этот вопрос так-то и так-то, но теперь, по таким-то и таким-то основаниям, я нахожу свой прежний взгляд неправильным и смотрю на дело так-то.“ Нас, несомненно, возвышало в собственных наших глазах такое отношение к нам, людям весьма юным, общепризнанного великого ученого. Несколько позднее (в 1889 г.), когда мы, уже подготовленные студенты, слушали у Ф. Ф. специальный курс готского языка, однажды он пропустил свой очередной для этих лекций вторник и, явившись через две недели, начал лекцию так: „я убедился за это время в неправильности своего взгляда на дело; прошу считать прошлую лекцию несостоявшейся; взамен ее я прочту на ту же тему—другую.“

Некоторые из поклонников говаривали ему, что хорошо бы читать начальные курсы попроще, но он никогда с этим не соглашался, основательно находя, что будущие ученые должны с первых же шагов привыкать к трудной работе: здесь сказывалось не только его уважение к молодежи, но и понимание ее порывов вперед — недаром в числе его учеников был такой, правда, исключительно одаренный человек и ученый, как А. А. Шахматов, который привык понимать его не со студенческих лет, а еще задолго до окончания гимназического курса.

С другой стороны, даже в весьма специальных курсах по литовскому языку, которые посещались вполне подготовленными студентами, а главным

образом оставленными при университете и приезжими учеными, оставалась та же простая схема, тот же преобладающий догматический тон изложения без загромождения его ученой полемикой, или блестящими, но эфемерными гипотезами и тому подобной мишурой.

И это делал ученый, который обогатил науку не только глубокомысленными, но и до неожиданности остроумными теориями. В основе лежала здравая мысль, что молодой ученый должен воспитывать в себе вкус к положительному и только после такой предварительной школы выступать на путь самостоятельного исследования. Ф. Ф., без сомнения, радовался, когда его ученикам удавалось давать новые решения частных вопросов; но вполне естественно, что он ценил такие решения лишь в том случае, если они опирались на самостоятельное изучение тех областей, к которым эти частные вопросы относились. По вполне понятным причинам он не любил погони за оригинальностью, того, чему немцы дают тяжеловесное, но выразительное название »Geistreichigkeit«.

В особенности ему не симпатична была эта черта у людей, которые ставят себе задачей давать новые этимологии слов, где удача зависит иногда не от учености, но от счастливой случайности: напр. мне самому когда-то приходилось указывать, что один латинский грамматик, не имеющий ничего общего с научным языковедением, лучше объяснил латинское serenus, чем сам знаменитый Бругман.

Еще одна драгоценная особенность отличает лекции Ф. Ф-ча: отводя минимальное место полемике и библиографии, он сообщает в них многие из собственных выводов, теорий и догадок. Благодаря этому, ученый мир, особенно западно-европейский, всегда был заинтересован в приобретении этих подчас неудачно литографированных курсов. При этом Ф. Ф. был совершенно чужд тщеславия, слабости, свойственной многим даже крупнейшим ученым. Свои научные достижения он не торопился публиковать для закрепления за собой приоритета, но он спешил сообщать их, до печатания, своим слушателям и ученым друзьям, будучи проникнут возвышенной мыслью, что достижения эти, доставияющие их творцу личное, временами глубокое, но всетаки преходящее удовлетворение, еще более ценны с общественной точки зрения: разумеется, отрадно, что такому-то ученому удалось изобрести то-то и то-то, но еще отраднее и важнее, чтобы эти изобретения были толчком к дальнейшим новым шагам в науке. Ф. Ф. нисколько не опасался того, что эти не напечатанные теории могут в неопытных руках подвергнуться серьезному искажению (все равно, оне подверглись бы ему и в том случае, если бы оне были напечатаны), но он надеялся, что у его опытного последователя оне могут получить дальнейшее обоснование и развитие.

Вообще его самоотречение было прямо поразительно, и заграничные обладатели его лекций часто находили в его ранних курсах мысли, которые были высказаны в западно-европейской науке значительно позднее, а в поздних курсах то, чего в западно-европейской науке еще не высказывалось. Однако сам Ф. Ф. об этом говорить не любил, и от него лично могли узнать об этом только очень близкие к нему люди, да и то случайно. Напр. он всегда с большим интересом и сочувствием следил за ходом эволюции ныне знаменитого французского лингвиста Meillet, поражающего своей почти необъятной эрудицией и неиссякаемым ученым остроумием в связи с исключительной работоспособностью, и вот однажды он сказал нам: „я заинтересовался последними статьями Meillet (кажется, о видах в славянских языках), и мне приятно, что такой отличный ученый приходит к выводам, сходным с моими, хотя при этом точки отправления у нас не совпадают“.

Интересный отзыв о Ф. Ф-че я слыхал в Иене от известного лингвиста Дельбрюка: „Вы знаете, сказал он, я бывал в России, знаю ваш язык, имею понятие и о нравах. Я очень люблю русскую „широкую натуру“ (ich liebe sehr Ihre широкая натура), но эти ленивые русские! Как они не любят писать, как они, можно сказать, боятся печатного станка В бытность в Москве в 70-х годах я часто видался и беседовал с Форту-

атовым, тогда еще совсем молодым человеком. Сколько глубоких, плодотворных и блестящих мыслей в области сравнительного синтаксиса было ысказано им в наших беседах, но где оне напечатаны? Кое-что есть работах его учеников (Д., вероятно, имел в виду Г. К. Ульянова); это — rave Kerle, но им далеко до самого мастера".

Еще один характерный пример, тоже известный мне лишь случайно т самого Ф. Ф-ча. Один из его иностранных почитателей много занималсл полногласием. В один из своих приездов в Москву он обратился Ф. Ф-чу с просьбой сообщить ему систематически, шаг за шагом, во сех подробностях свои (неопубликованные) взгляды на этот счет: он их одвергнет в предполагаемой им книге детальному анализу, при чем в разичных пунктах ему, вероятно, придется резко полемизировать с Ф. Ф-чем. ам прямой человек, Ф. Ф. оценил по достоинству прямоту просителя изъявил полное согласие на удовлетворение его просьбы, полагая, что юдям, глубоко увлеченным наукой, вообще не следует отказывать, и даже езкая полемика со стороны человека, прошедшего правильную лингвиитическую школу, может принести несомненную пользу делу.

II.

Если замечательны были университетские лекции и семинарии Ф. Ф-ча, о не меньше он давал своим ученикам у себя дома на своих четвергах, оторые прямо вошли в пословицу и оставили у всех их посетителей удесное, неизгладимое воспоминание. Ведь и лекции и семинарии волей еволей ограничиваются определенной системой вопросов, при чем выстуать за ее пределы далеко не всегда возможно; между тем на четвергах сегда встречались люди с разной подготовкой, с разными, то более узкими, о более широкими горизонтами, представители разных отраслей индовропейского языкознания; здесь шла непринужденная беседа на всевозожные лингвистические темы: многому мы учились походя (припоминаю апр. очень тонкие беседы о русском произношении Ф. Е. Корша, А. А. Шахатова, В. Н. Щепкина и одного скандинавского слависта, поражавшего истотой произношения русской речи), и, не смотря на кажущуюся хаотичость этих бесед, мы, благодаря им, кое в чем превосходили своих задно-европейских сверстников. Конец 80-х и начало 90-х годов прошлого толетия были временем расцвета фонетических исследований, и многие олодые лингвисты того времени грешили односторонностью, не признавая ичего кроме фонетики. Между тем пестрота вопросов, о которых шла еседа в доме Фортунатова, предостерегала нас от этой узости и постоянно аводила на мысль о том, что многие отделы фонетики неудобно изучать не связи с морфологией, словообразованием и даже семасиологией.

Попасть на такие четверги и сделаться их регулярным посетителем ыло очень легко, так как Ф. Ф. сам изъявлял желание, чтобы они посецались молодежью, занимающейся языковедением, и поручал кому-нибудь з постоянных гостей привести новичка.

Так, я был введен осенью 1888 г. преждевременно погибшим бле-тящим молодым лингвистом И. И. Козловским, а в следующем году, по оручению Ф. Ф-ча, я привел к нему В. К. Поржезинского и С. Н. Севеерьянова. Последний заслуживает особого внимания. Бывший офицер, неолодой уже человек, отец семейства, С. Н. Северьянов заинтересовал нас, олодых людей, необыкновенным жаром, с которым он принялся, на поожении вольнослушателя, за филологические науки, хотя предварительной одготовки к ним он, разумеется, не имел. Он, можно сказать, с благоением слушал последние лекции Н. С. Тихонравова, успел наскоро вычиться древним языкам, с юношеской стремительностью приступил к изчению славянских языков и, наконец, в 1889 г. стал слушать вместе с нами отский язык. Сложная схема германских Lautverschiebungen привела его а первых порах в ужас, но, как человек настойчивый, он решил во что ы то ни стало справиться с ними и с этой целью начертал их на огромном исте ватмановской бумаги со всей возможной наглядностью, так что этот

импозантный чертеж производил впечатление не то родословного дерева, не то плана военных действий. Очевидно, не совсем доверяя нам, людям молодым, он просил показать его карту самому Ф. Ф-чу. Последний был прямо тронут этим рвением мало подготовленного, но сумевшего разобраться в трудностях любителя и пожелал познакомиться с ним. С первого же вечера у этих совершенно не похожих друг на друга людей завязалась глубокая дружба. В конце концов Северьянов лингвистом, конечно, не сделался, но из него вышел отличный палеограф и издатель рукописей и вообще большой знаток древне-русской письменности: он много работал в Петербурге под покровительством А. А. Шахматова и в Вене под покровительством В. В. Ягича и всюду ощущал на себе нежную заботливость Ф. Ф-ча. За то и сам С. Н платил Ф. Ф-чу за его внимание и расположение — мало сказать, любовью, скорее безграничным обожанием: как и для большинства из нас, Ф. Ф., его сверстник, был для него дороже отца родного.

III.

Итак, осенью 1888 г. девятнадцатилетним юношей, в сопровождении И. И. Козловского, я впервые попадаю на Фортунатовский четверг. В небольшой, очень скромно обставленной квартире на Малой Никитской мы застали многолюдное интернациональное общество и при том не из одних только лингвистов — по истине wer zählt die Völker, nennt die Namen, die gastlich hier zusammenkamen? Долгое время беседа вращалась исключительно около лингвистических вопросов, и я немедленно убедился в правильности слухов о чрезвычайной простоте Ф. Ф-ча. Как сейчас помню характерную фигуру одного из почтенных ныне здравствующих славистов с его грубоватым, но добродушным голосом: воспользовавшись наступившим перерывом, он, можно сказать, повел прямую атаку на хозяина, настойчиво допытываясь у него, почему он в своих лекциях по литовскому языку смотрит на такой-то вопрос так, а не иначе. Завязался оживленный спор, в котором Ф. Ф. сначала очень спокойно, а затем мало по малу воодушевляясь, шаг за шагом удовлетворил любознательность молодого ученого, при чем с величайшей деликатностью отнесся к его возражениям.

Такие споры бывали очень часто и на молодых людей они имели громадное нравственное влияние, воспитывая в них убеждение, что в служении науке на первом месте должна быть истина и только она одна.

Впрочем одними лингвистическими беседами дело не ограничивалось. У Ф. Ф-ча бывал по временам большой его почитатель В. О. Ключевский и почти постоянно Ф. Е. Корш; оба они обладали, каждый в своем роде, богатейшим запасом остроумия, блестки которого они умели подносить слушателям с искусством первоклассных комических актеров. Постоянно бывал на четвергах и младший брат Ф. Ф-ча, Степан Федорович, блестящий университетский лектор по вопросам (на которые тогда очень косились власти) западноевропейских и американских конституций и революций и несравненный преподаватель истории в средней школе, которому обязана своим образованием почти вся интеллигентная женская Москва. Первая часть вечера, повидимому несколько тяготила его, так как он был далек от лингвистики. Но около 12 ч. ночи гостеприимная и милая хозяйка, в те времена молодая красавица, Юлия Ивановна звала гостей к ужину, и тогда открывался полный простор и для юмора Ф. Е. Корша и В. О. Ключевского, и для увлекательного красноречия Степана Федоровича. Надо было только вызвать его на беседу исторического содержания, и это обыкновенно с успехом выполняли его соседи по столу Ф. Е. Корш и В. Е. Якушкин, умевшие удачными шутками подзадорить его. И тогда уже действительно „речи из уст его вещих сладчайшие меда лилися“: так образно и живо излагал он экспромптом то занимательные, то захватывающие эпизоды из западно-европейской истории.

IV.

Вообще трудно и выразить в словах ту научную и нравственную ользу. то высокое эстетическое наслаждение, которое на всю жизнь осталось в памяти членов этого кружка. Послушаем об этом голос иностранных гостей.

Два раза приезжавший в Москву в 90-х годах прошлого века шведский ингвист Т. Торбьёрнсон недавно опубликовал (пример, достойный подражания!) в Slavia (за 1923 г., т. II) одно ученое письмо к нему Ф. Ф-ча, свидеельствующее о его готовности идти на встречу научным стремлениям своих лушателей и о той деликатности, с которой он это делал: между прочим, этом письме он заранее допускает, что его молодой корреспондент может ешительно разойтись с ним во взглядах уже потому, что никакое письмо е заменит собою беседы или спора.

Равным образом, посещавший Ф. Ф-ча в 1902 г. в Москве, а затем оставший у него в 1907 году на его даче в Петрозаводском уезде проессор Иенского Университета Шрадер счел нужным поблагодарить Форунатовых за оказанное ему гостеприимство и научную поддержку на страицах Indogermanische Forschungen в статье »Hammelsonntag«, которая ыла внушена ему организованной Ф. Ф-чем поездкой в корельскую деевню в ближайшее к Ильину дню воскресенье (около 20 июля), когда ужское население, соблюдая исторический обычай (конечно, без участия равославного духовенства), приносит Ильє Пророку в жертву молодых арашков.

Известный славист, профессор Мюнхенского Университета Бернекер, веденный мною в Фортунатовский кружок осенью 1895 г, был поражен нтенсивностью научных интересов кружка и глубоко тронут вниманием всякого рода поддержкой, научной и нравственной, которую он неизменно стречал у Ф. Ф-ча. Ученик знаменитых лейпцигских профессоров и отичнейших людей Лескина и Бругмана, он с энтузиазмом заявлял, что Фортунатову он обязан не менее, чем своим лейпцигским патронам, и это увство глубокой приязни к Фортунатову до сих пор проявляется в его азных работах и заметках, помещаемых им в заграничных журналах по лавянской филологии.

Трогательно было (в 1894 г.) прощание с Ф. Ф-чем одного инотранного лингвиста и его юной, очень милой и талантливой жены. То адушие, с которым ее и ее мужа принимали у Фортунатовых, произвоило такое впечатление на ее отзывчивое серце, что в момент прощания она в слезах быстро взяла Ф. Ф-ча за руку и уже хотела ее поцеловать... Надо сказать, что хотя Ф. Ф. со своими густыми бровями и усами и прекрасной большой бородой всегда походил на патриарха, но в то время ему было всего около 46—47 лет ...

Совершенно был очарован Ф. Ф-чем и другой иностранный лингвист, отличный ученый и прев сходный, сердечный человек, профессор Боннкого Университета Сольмсен, гостивший в Москве в 1895 г. и до самой воей преждевременной и трагической смерти оставшийся близким другом Ф. Ф-ча. Когда к 1902 г., по случаю тридцатилетия университетской деятельости Ф. Ф-ча, его ученики и поклонники задумали почтить его сборником ченых статей, то Сольмсен превзошел всех его русских друзей, посвятив му не только специальную статью для сборника,[1]) но также целую и при ом прекрасную книгу »Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre« Strassburg, 1901), в предисловии к которой находятся следующие прочувствоанные строки: »Ich mag dieses buch, an dessen entstehen für mich viele reuden, aber auch so manche schmerzen hängen, nicht ausser hand geben, hne des werten mannes zu gedenken, mit dessen namen geschmückt ich es n die welt ziehen lasse. Der wunsch ihm die nächste grössere arbeit zu widmen

[1]) Интересно также, что в сборнике этом пожелали принять участие акие иностранные почитатели Ф. Ф-ча, которые не были знакомы с ним ично, именно парижский профессор Meillet и его ученик Gauthiot.

und ihm so meinen dank für die herzlichkeit zu bezeugen, mit dem er den fremden im fremden lande entgegenkam, reifte in mir in jenen unvergesslichen stunden, da wir, in dem stillen hause seitwärts der Nikitskaja um den traulichen theetisch sitzend oder in den lichten birkenhainen von Listvjany, den dunklen fichtenwäldern von Puschkino an lauen sommerabenden und in hellen sommernächten wandelnd, vergangenheit, gegenwart und zukunft unserer wissenschaft an uns vorbeiziehen liessen . . . Mögen ihm diese Blätter nun . . sagen, dass die gefühle der verehrung und zuneigung heute wie damals, als wir uns zum abschied die hand drückten, in ungeschwächter kraft fortleben.

Но доказательство своего уважения к Ф. Ф-чу Сольмсен дал еще раньше. В начале 1897 г., когда я жил в Бонне, мы получили из России экземпляры юбилейного сборника в честь Ф. Е. Корша. В нем, между прочим, была помещена статья Ф. Ф-ча об индоевропейских плавных, заключавшая в себе пересмотр всего вопроса и анализ возражений, сделанных на его первую замечательную статью (помещенную в Bezzenberger Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen около 1881 г.) различными учеными, в числе которых был и знаменитый берлинский профессор Иог. Шмидт. Сольмсен прочел статью с увлечением и тотчас же энергично принялся за ее перевод. Затем он написал единовременно письмо к Ф. Ф-чу с просьбой согласиться на напечатание этого перевода в Kuhn's Zeitschrift für vergl. Sprachforschung и к редактору этого журнала Иог. Шмидту с просьбой принять эту статью. Ответ обоих знаменитых ученых был одинаков: Иог. Шмидт писал, что считает для себя за честь приобрести такого сотрудника, а Фортунатов, что считает за честь видеть свою статью на страницах такого почтенного журнала.

V.

Но, повторяю, особенно полезно было происходившее на четвергах для нас, молодых студентов, и я позволю себе — для характеристики Ф. Ф-ча, но отнюдь не с автобиографическими целями — вкратце рассказать то, что случилось со мной на второй год моего знакомства с Ф. Ф-чем в 1889 г., т. е. ровно 35 лет тому назад.

В медальном сочинении о латинском склонении мне удалось придти кое к каким новым частным выводам, а по одному вопросу вступить в полемику с самим Ф. Ф-чем: между прочим, я установил, что редкие генитивы на *-os, -us (senatuos, nominus* и др.) встречаются почти исключительно в формулах, а, главное, я отказался принять объяснение, которое Ф. Ф. давал латинскому генетиву на -ī, выводя его из **oi̯o* с ослаблением первого *ŏ* в *ĭ*, а конечного в *ĕ* с выпадением *i̯* и стяжением *ĭĕ* в *ī*. Я с своей стороны ссылался на то, что *i̯* выпадало между гласными еще в праиталийскую эпоху, когда неударяемые гласные еще не ослаблялись, и таким образом *oi̯o* через посредство *ŏŏ* дало бы только *ō*. Некоторые из моих знакомых и отчасти родных порицали меня за смелость, с которой я, не достигший 21 года студент, решился полемизировать с первоклассным ученым; мне предсказывали или полный крах, или, во всяком случае большие неприятности; но я, как привыкший к атмосфере Фортунатовских четвергов, был все время спокоен. До декабря того же года я успел заметить в своей работе, уже поданной в Факультет, кое-какие погрешности, которые хотелось исправить, и вместе с тем у меня подобрались еще некоторые возражения против гипотезы Ф. Ф-ча, и я только не знал, как их довести — в деликатной, конечно, форме — до его сведения. Такой случай представился накануне оффициальной оценки медальных сочинений: после лекций по готскому языку Ф. Ф-ч сам отозвал меня в сторону и спросил, не мне ли принадлежит работа с таким-то эпиграфом. Ответив ему на это, я кстати попросил его принять мои исправления и дополнения. На другой день после факультетского заседания секретарь Факультета Р. Ф. Брандт сообщал мне, что Ф. Ф. остался доволен проявленной в сочинении самостоятельностью, а главу о родительном падеже считал даже достойной напечатания. Но и этим дело не ограничилось. Вскоре после

ого Ф. Ф. сказал мне, что еще раз прочтет мою работу и назначит мне собый день для беседы о ней. Беседа эта заняла несколько часов и, онечно, принесла мне огромную пользу. Нечего и говорить о том, до акой степени это подняло мои нравственные силы и повысило мое и без ого высокое уважение к моему благородному наставнику . . .[1])

Но допуская вполне самостоятельное отношение к себе со стороны воих учеников, он, при всей симпатии к ним, никогда им не мирволил напр. на диспутах всегда был опасным оппонентом, деликатно, но с твердостью выдвигая все замеченные им слабые стороны и погрешности диссерации. Возражения его бывали так вески и так продуманы, что диспуты его участием были по истине научными событиями в жизни нашего Факультета. Милейшая Юлия Ивановна, с свойственным ей тактом никогда е позволявшая себе вмешиваться в оффициальные отношения своего мужа его ученикам, шутила, что он уж слишком внимательно и долго читает иссертации, что таким образом не трудно и совсем оконфузить диспуанта, но он всегда отвечал ей с улыбкой, что и с родным сыном он потупил бы не иначе: „что хорошо, то хорошо, а что не хорошо, то не орошо . . ."

Совершенно так же поступал он и в еще более важные моменты жизни его учеников, именно когда ему приходилось рекомендовать их акультетам для занятия кафедры или вообще для какого-нибудь так или наче ответственного дела. Он мог ценить кандидата как ученого, мог юбить его как близкого к себе человека, но в своих оффициальных реомендациях он был сдержан и вполне правдив, не позволяя себе ни малейших преувеличений и вообще не оказывая никакого давления на факультеты, и это факультетами ценилось по достоинству: простое, не прикрашенное заявление Фортунатова, что такой-то, по его мнению, вполне одготовлен к такому-то ответственному делу, производило надлежащее печатление, т. е. в сущности более выгодное для рекомендуемого, чем ной красноречивый панегирик.

С своей стороны, мы, ученики Ф. Ф-ча, инстинктивно избегали беспоить его персональными просьбами: большой нравственной опорой и больюй честью для каждого из нас была уже самая принадлежность к его коле, которая пользовалась огромным престижем не только в России, но за границей. Вместе с тем в нас живо было сознание, что те духовные енности, которыми мы были ему обязаны, несравненно выше всяких ичных, хотя бы и крупных выгод. Даже большая близость к нему регуировалась своего рода как бы целомудрием: сильно развитая в нем деикатность невольно обязывала его друзей к тому же.

В результате деликатность сохранилась как руководящий принцип в отношениях его учеников друг к другу, и между ними никогда не бы-

---

[1]) Я очень жалею, что не могу и не имею времени подробно охаракеризовать отношения между Ф. Ф-чем и А. А. Шахматовым. Покойный . А. также отличался величайшей скромностью и деликатностью, и было рямо умилительно наблюдать, с каким глубоким уважением и нежностью ба эти замечательных человека обращались друг с другом. Для Шахмаова Фортунатов оставался на всю жизнь авторитетом не только в области ауки, но и в делах житейских; для Фортунатова это был преданнейший руг, к его великой радости блестяще продолжавший его дело и с своей тороны покрывший себя славой первоклассного ученого. Это однако исколько не мешало им в известных научных вопросах не сразу прихоить к соглашению. Об одной подобной сцене, характерной для Ф. Ф-ча, ассказывал П. Н. Сакулин. Однажды оба друга завязали в его присутствии орячий и продолжительный спор по какому-то крупному лингвистическому опросу, при чем оба остались непреклонными. Недели через 2—3 он снова аходит к Ф. Ф-чу и застает его в глубоком раздумьи. Ф. Ф-ч усадил остя, подсел к нему поближе и вдруг, с радостной улыбкой прикоснувись рукой к его плечу, сказал: „а знаете, Алексей-то Александрович, — едь он со мной согласился!"

вало случаев взаимного соперничанья, или неприязни. К счастью, эта тра диция перешла и на последующие поколения лингвистов, учившихся уж у учеников Фортунатова, так что, когда несколько лет тому назад был основано при Московском Университете Лингвистическое Общество, то ег в сущности следовало бы назвать содружеством в самом истинно значении этого прекрасного слова.

VI.

Как я уже говорил, Ф. Ф. прожил в Москве до осени 1902 г., а зате переехал в Петербург на службу в Академии Наук. Факультет наш дружн постановил ходатайствовать перед Советом о возведении его в звание по четного члена Московского Университета, а ближайшие ученики, с А. А. Ша матовым во главе, решили приветствовать его по прибытии в Петербур и поднести ему сборник научных статей, но сделать это, в виду скром ности юбиляра, в самой простой, беспритязательной и неутомительной дл него форме. Но Ф. Ф-чу предшествовала огромная заслуженная им слав и наши предположения приняли совсем иной оборот, так что, когда я и В. Поржезинский, вызванные А. А. Шахматовым, приехали в Петербург на кануне дня поздравления, то уже известно было, как много выдающихс петербургских и иногородних ученых желают принять участие в принесени ему поздравления. Пришлось в день празднества послать на подмогу пр слуге Фортунатовых двух швейцаров из Академии Наук. Их появлени разумеется, совсем смутило Ф. Ф-ча: он сразу догадался, что дело н ладно; а затем к назначенному часу вместо ожидаемых 10—15 челове вся квартира наполнилась поздравителями. У Ф. Ф-ча кое-как еще хвати сил выслушать адресы и приветствия, но оне совсем его оставили, ког ему пришлось отвечать. Сквозь слезы он сказал только: „дело не в мо заслугах, а в моем счастьи; я счастлив тем, что судьба посылала м в друзья стольких выдающихся людей“, и затем замолчал. Этот том тельный момент был удачно разрешен одним из академиков, человек военным, весьма кстати произнесшим Суворовскую фразу: „сегодня счасть да завтра счастье, надо когда-нибудь и уменье . . .“

На следующий день, при прощаньи с ним, мы просили его переда в наше распоряжение многочисленные телеграммы, полученные им России и из-за границы, предполагая напечатать их в том же Русск Филологическом Вестнике, где печатался юбилейный сборник, но в эт он нам решительно отказал.

Уже после этого импровизированного празднества состоялись в Сове Московского Университета выборы Ф. Ф-ча в почетные члены. Больш часть членов Совета (математики, юристы и медики), конечно, зна Ф. Ф-ча, как очень почтенного профессора Историко-Филологическо Факультета, но многие из них в первый раз услыхали о его мировой и вестности, о том, что Москва была своего рода Меккой для лингвист всех стран и что скромно задуманное чествование Ф. Ф-ча само соб обратилось в грандиозную манифестацию в честь русской науки. Поэто и выборы прошли с небывалым для громоздких заседаний Совета под емом: наш факультет поздравляли с таким сочленом и радовались то почету, который в лице Ф. Ф-ча выпал на долю Московского Университе

VII.

Хотя в Петербурге Ф. Ф. оффициально работал только в Академ Наук, но так же, как и в Москве, он постоянно был окружен ученика из местных ученых, которые знали о его готовности делиться сво научным достоянием и охотно ей пользовались. Так же, как и в Моск у него бывала молодежь и из нефилологов, и у гостеприимной четы Фо тунатовых она встречала и радушный привет и всякого рода поддерж Так же, как и в Москву, съезжались с разных концов России ко дню рождения (2 января) и ко дню именин (9 января) его бывшие учени

чтобы освежить в своей памяти чудесные дни своей молодости, проведенные под его непосредственным влиянием.

И таким авторитетом он пользовался всюду, между прочим, и среди бравых олонецких крестьян, среди которых он жил летом в маленькой деревне Косолме, расположенной в весьма живописной местности, на узком перешейке между двумя красивыми озерами (Конч-озеро и Укш-озеро), как раз на полдороге между Петрозаводском и знаменитым водопадом Кивачом. По своему обыкновению и здесь Фортунатовы делали много добра местному населению, особенно способной к учению молодежи: из их местных питомцев можно назвать напр. одного профессора философии, двух агрономов (один из них — с высшим образованием). Их приезд из Петербурга был радостью не для одних только косоломских детей и матерей, но и для всей обширной округи. Оба они, и муж и жена, пользовались там общей любовью, а на Ф. Ф-ча многие смотрели прямо как на святого и, подобно нам, очень считались с его мнением. Как то раз на наших глазах рослые северные богатыри в один праздничный день неосторожно переоценили свои силы, т. е., по просту говоря, перепились, а перепившись, передрались, да так, что дело могло кончиться катастрофически. Ф. Ф. смело вышел к дравшимся и несколькими укоризненными словами, произнесенными тихим голосом, сразу прекратил побоище: разъяренные противники, сильно сконфуженные его появлением, почесываясь и пошатываясь разошлись по домам.

Прямо трогательным было отношение его деревенских соседей к его кончине. Он умер почти внезапно, от удара. Вернувшись с короткой прогулки домой, — еле вошел он в комнату и снял шляпу, как повалился на постель и, не приходя в сознание, через несколько часов поздно вечером скончался. Как на беду, при пораженной горем и растерявшейся Юлии Ивановне не оказалось ее, в данный момент необходимой, приятельницы А. Я. Болтуновой, уехавшей на несколько дней к знакомым. Тогда сосед Фортунатовых, отличный и мужественный человек, бывший измайловский гвардеец, Павел Николаевич Савин, не долго думая, оделся, захватил на случай встречи с диким зверем топор, сел в лодку и в полнейшей темноте поплыл по неспокойному озеру, которое надо было пересечь; затем путь лежал по глухой болотистой тропинке в лесистом перешейке, отделявшем Конч-озеро от другого, которое то же необходимо было пересечь (там у Савина была вторая лодка), а после этого предстояло повторить всю эту нелегкую и опасную дорогу в обратном направлении. К утру А. Я. Болтунова была доставлена в Косолму . . .

Так оборвалась эта прекрасная жизнь, полная высоких стремлений и достижений, полная безграничной любви к людям. Десять лет прошло со дня смерти покойного, десятки лет со дня первого знакомства с ним, но и до сих пор малейшее воспоминание об этом светлом, кротком и в то же время величавом человеке приводит душу в истинное умиление и наполняет ее радостным сознанием, что и наша трагическая жизнь долгое время была озарена несравненным счастьем близости к такому великому нашему современнику.

Москва.

М. М. Покровский.

Вѣчная память славянскому витязю науки Никодиму Павловичу Кондакову.

Такъ еще недавно русскіе и иностранные газеты и журналы единодушно отмѣтили сочувственными статьями, 80-лѣтіе старѣйшаго русскаго археолога и ученаго изслѣдователя исторіи искусствъ Никодима Павловича Кондакова. Страницы Славіи также откликнулись на этотъ юбилей славянскаго ученаго, посвятивъ ему строки, въ которыхъ подробно были отмѣчены егоу ченыя заслуги какъ въ области отечественной археологіи, такъ и западной.

Съ тѣхъ поръ прошло всего три мѣсяца, и 17 Февраля, внезапно подкравшійся сердечный недугъ унесъ въ могилу эту исключительно богато одаренную натуру этого истиннаго, милостью Божьею, ученаго и гордость всего славянскаго міра, создавшаго цѣлую школу современныхъ русскихъ археологовъ и своими фундаментальными трудами обогатившаго міровую исторію искусствъ.

Размахъ научнаго творчества Никодима Павловича, достигавшій иногда пророческаго вдохновенія, далеко опережалъ его современниковъ, какъ у себя на родинѣ, такъ и на Западѣ. Его всегда привлекали изслѣдованія въ мало или совершенно нетронутыхъ областяхъ, и поэтому всѣ его работы носятъ нѣсколько піонерскій отпечатокъ.

Онъ шелъ впереди, прокладывая новые пути, ставя вѣхи, которыми затѣмъ руководствовались и русскіе и западные ученые. Несмотря на то, что среди его учениковъ и послѣдователей былъ рядъ такихъ выдающихся ученыхъ, какъ проф. М. И. Ростовцевъ, С. А. Жебелевъ, Д. В. Айналовъ, безвременно умершій Я. И. Смирновъ, Е. К. Рѣдинъ, и др., всѣ они, при самой ревностной любви къ наукѣ, не только не могли опередить своего учителя, но даже и догнать въ его неустанномъ стремленіи впередъ въ области знанія и пониманія сущности историческихъ процессовъ и связанныхъ съ ними различныхъ культурныхъ явленій. Его быстрый, и въ то же время тонкій, аналитическій умъ охватывалъ самыя разнообразныя стороны столь разросшейся нынѣ археологической дисциплины и исторіи искусствъ. Достаточно указать на его труды по классическому, античному искусству, эллинистическому и древне-христіанскому, искусству кочевниковъ и варваровъ, затѣмъ, византійскому, западно-европейскому среднихъ вѣковъ и эпохи Возрожденія, славянскому и русскому искусству, чтобы составить хотя приблизительное представленіе объ его разносторонней дѣятельности. Владѣя до тонкости своимъ предметомъ, изученію котораго была посвящена вся его жизнь, Никодимъ Павловичъ былъ, дѣйствительно, въ немъ полнымъ хозяиномъ, благодаря чему и могъ ставить для разрѣшенія все новыя задачи и вопросы, связанные съ исторіей искусствъ и культуры. Являясь однимъ изъ самыхъ крупныхъ знатоковъ Востока и его искусства онъ давно уже обращалъ свой остро-проницательный взглядъ въ эту сторону, угадывая какую доминирующую роль играетъ Востокъ въ общей исторіи культуры человѣчества.

За послѣднія пять лѣтъ своего невольнаго пребыванія за границей Никодимъ Павловичъ продолжалъ работать также неутомимо, какъ и прежде, когда къ его услугамъ была любовно имъ составленная большая и цѣнная библіотека. Его мощный духъ не зналъ устали и онъ стойко боролся со старостью ни на одинъ день не прерывая занятій «nulla dies sine linea» говаривалъ онъ сидя за письменнымъ столомъ,

гдѣ изъ подъ его пера выливались новыя работы, насыщенныя его необыкновенно обширной эрудиціей, и гдѣ каждое слово, дѣйствительно, представляетъ научную цѣнность.

Помимо законченныхъ уже за границей двухъ томовъ изслѣдованія по „Русской иконѣ" и большой монографіи объ „Итальянской Мадоннѣ", онъ прочелъ за время пребыванія въ Прагѣ, съ 1922 года, обширный курсъ о роли Восточной Европы, германскихъ, славянскихъ и кочевыхъ народностей въ исторіи образованія обще-европейской культуры, представившій какъ бы синтезъ его 60-лѣтнихъ занятій, и гдѣ онъ отводитъ большое мѣсто разбору такъ назыв. варварскихъ древностей. Роль варваровъ-кочевниковъ, пришедшихъ въ Европу со времени великаго переселенія народовъ и принесшихъ съ собою своеобразную и порою замѣчательную культуру, остается до сихъ поръ еще неоцѣненной.

Въ этомъ случаѣ велики заслуги русскаго ученаго, обратившаго свой научный интересъ на эту сторону средневѣковья, которая можетъ дать ключъ для пониманія и выясненія многихъ бытовыхъ и этнографическихъ явленій не только Восточной Европы, но и Запада. Опубликованіе этого курса безусловно внесло бы много цѣннаго въ эту, еще только начинающую обрисовываться въ общихъ чертахъ, область исторіи культуры. Наряду съ курсомъ и въ связи съ нимъ покойный профессоръ продолжалъ свои изслѣдованія и занятія, составляя рядъ отдѣльныхъ очерковъ „По исторіи культуры и искусства Восточной Европы". Таковы совершенно приготовленныя къ печати Древности восточныхъ кочевниковъ и Южной Россіи (скиѳо-сарматскія); Искусство средневѣковыхъ варваровъ въ Европѣ; Восточно-варварскія одежды византійскаго двора; Византійскія и Восточныя ткани средневѣковья; О звѣриномъ стилѣ въ средневѣковомъ искусствѣ и Древности Болгаріи. Уже одинъ этотъ перечень указываетъ, какъ глубоко анализировалъ Никодимъ Павловичъ вліяніе искусства кочевниковъ и варваровъ, пониманіе котораго, какъ одной изъ основныхъ силъ въ исторіи искусства и быта, онъ считалъ ключемъ для разгадки его византійскихъ формъ. Въ свою очередь на основѣ византійскаго искусства строилось послѣдующее средневѣковое, какъ европейское, такъ и передне-азіатское.

Опубликованная нынѣ въ Byzantion статья вышла уже послѣ смерти Никодима Павловича и является эксцерптомъ изъ очерка „Восточно-варварскія одежды Византійскаго двора". Въ ней онъ подробно разбираетъ происхожденіе „скарамангія" — этой загадочной одежды византійскихъ императоровъ, ведя его начало отъ наѣздническаго — ѣздового кафтана восточныхъ номадовъ. Другой любопытный экскурсъ въ область конскихъ уборовъ византійскихъ царей, въ которомъ онъ подробно разбираетъ пурпурную кисть — „ворворку" подъ уздою царскаго коня, появился въ «Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger», изданныхъ въ минувшемъ году въ Парижѣ по случаю его 80-лѣтія.

Много лѣтъ тому назадъ, во время своихъ путешествій по Италіи и въ результатѣ научныхъ занятій въ различныхъ библіотекахъ Никодимъ Павловичъ задумалъ большую работу по „Ранней итальянской миніатюрѣ". Внимательное и любовное изученіе многочисленныхъ памятниковъ этого ранняго художественнаго творчества, дало обширный матеріалъ для ученой монографіи, съ многочисленными рисунками, исполненными съ рукописей самимъ авторомъ. Въ ту пору, когда онъ началъ эту работу, матеріальная необезпеченность не позволила ему пользоваться услугами дорого стоившей фотографіи и онъ, обладая способностями къ рисованію, самъ тщательно срисовывалъ всѣ интересовавшія его изображенія. Однако, отвлеченный другими задачами, преимущественно, національной археологіи, онъ не имѣлъ времени закончить этотъ трудъ и лишь послѣдніе годы снова вернулся къ нему, окончательно подготовивъ его къ печати.

Другимъ, къ сожалѣнію, не вполнѣ законченнымъ трудомъ, для котораго онъ подбиралъ въ теченіе многихъ лѣтъ обширный матеріалъ,

сталсь обзоръ русскихъ кладовъ, который долженъ былъ составить I-ой томъ, вышедшихъ въ 1896 году „Русскихъ Кладовъ“, древностей елико-княжескаго періода. Первый томъ былъ посвященъ разбору быовыхъ предметовъ и особенно уборовъ византійской древности, а также амъ давались руководящія указанія методологическаго характера, каательно русскихъ древностей до-монгольскаго періода. Вторая часть олжна была обнимать русскія древности, въ составъ которыхъ вхоили памятники варварскаго искусства, а также разборъ восточныхъ ліяній и издѣлія мѣстныхъ мастерскихъ, причемъ большое вниманіе нъ удѣлилъ Перещепинскому кладу, а также древностямъ Пермскаго края, среди которыхъ важное значеніе имѣли серебрянныя съ рельефными изображеніями блюда. Въ своей статьѣ, посвященной 80-лѣтнему обилею Никодима Павловича, проф. Л. Нидерле высказывалъ надежду, что, когда этотъ трудъ будетъ оконченъ, онъ принесетъ опять много новаго и для исторіи славянскаго искусства.

Пребываніе въ славянскихъ странахъ — сначала на Балканахъ, а затѣмъ въ Чехіи пробудило въ немъ особый интересъ къ славянскому орнаменту, который издавна привлекалъ его вниманія, но, отвлекаемый очередными задачами, онъ не имѣлъ времени всецѣло имъ заняться. Разнообразіе и богатство формъ чешскаго орнамента и его красочной аммы, дало поводъ для спеціальнаго изслѣдованія и подбора матеріаловъ, а также составило предметъ особаго чтенія нѣкоторымъ лицамъ, спеціально интересовавшимся этимъ вопросомъ.

Среди многочисленныхъ замѣтокъ и выписокъ, которыя постоянно дѣлалъ Никодимъ Павловичъ, имѣя въ виду ту или иную изъ своихъ работъ, осталось много выборокъ съ его собственными комментаріями изъ различныхъ греческихъ авторовъ, касающихся, преимущественно, византійскаго двора и быта Византіи, которымъ покойный ученый придавалъ большое значеніе, указывая, что въ случаѣ, если бы ему самому не пришлось ими воспользоваться, то было бы желательно ихъ опубликовать, какъ матеріалъ чрезвычайно полезный для другихъ изслѣдователей. Если прибавить къ этому еще тысячи фотографій съ русскихъ иконъ, итальянской живописи и скульптуры, русскихъ и западныхъ древностей, служившихъ для него научнымъ аппаратомъ и восполнявшихъ отчасти отсутствіе необходимыхъ для справокъ книгъ и увражей, то, до извѣстной степени обрисуется картина той интенсивно научной работы, въ которую былъ всегда погруженъ этотъ во истину великій славянскій ученый, подвижникъ науки, мужъ правды и рыцарь чести до конца своихъ дней остававшійся на своемъ посту и служившій до послѣдняго вздоха высокимъ научнымъ идеаламъ.

Да будетъ ему вѣчный покой въ царствѣ истины и вѣчная память среди насъ.

Sigma.

Výtahy z časopisů.

Revue des études slaves. Tome troisième. Paris 1923. Stran 356.

Jovan Cvijić: Des migrations dans les pays Yougoslaves: l'adaptation au milieu (str. 5—26). Podav obecnou charakteristiku stěhování po vpádu tureckém (nazývá je proudy metanastasní), ukazuje autor na způsob a povahu adaptací nového prostředí s hlediska geografického, sociálního a ethnického (zejména probírá kapacitu assimilace různých skupin vystěhovaleckých) i ethnobiologického (sňatky, podmíněné leckdy i změnou náboženství, vedou k vytvoření nového typu individuality). — **N. van Wijk**: L'accentuation de l'aoriste slave (str. 27—47). Autor snaží se rekonstruovati akcentuaci 2. a 3. os. sg. aoristu v době před působením zákona Saussurova. Tvary thematické se zakončením _-e_ zachovaly touž intonaci a přízvuk jako tvary praes., protože jsou to pův. them. impf. (srv. s.-ch. _plȅte, trȇse_ a j.: přízvuk byl původně obecně na slabice kořenné). Pravidlo toto platí též o slovesech, která mají v praes. jinou (taženou) intonaci než v infinitivu (cf. _prédēš_ ⟨ _prę̂deši_, aor. _prȇde_ : _prȅsti_). Formy dvouslabičné a víceslabičné, zakončené slabikou dlouhou (_-nu, -i, -é, -a_), jsou také vesměs barytonické a slabiky kmenotvorné jsou tedy intonace tažené (srv. aor. _tȍnū, vȉdje_ nebo _pȋta, pȋsa, pȍkāza_); ale infinitiv týchž sloves má intonaci raženou, což je zjev baltoslovanský (srv. lit. _sãko, sãkė: sakýti_). Tyto aoristové tvary s dlouhou samohláskou koncovou připouštějí v kořenné slabice obojí intonaci. Intonaci taženou v 2. slabice mají též part. praes. na _-ę_ (srv. r. _гля́дя_) a z větší části i part. praet. na _-alъ_ (srb. _-ao_: srv. _ȍrao, kȍvao_) i na _-ilъ_ (srv. srb. _rȍdīl_, sln. _rodȋl_). Existují tu 2 kontrasty: 1. _*letělъ, *tonǫ́lъ_ : _*kȍvālъ, *rȍdīlъ_; 2. _*letělъ, *tonǫ́lъ_ : _*lȅtě, *tȍnǫ_. Tvary typu _nȍsī_ (_dȍnosī_), _chvâlī_ (_pȍchvālī_), aoristy sloves na _-a, -ě_, odvozených od oxyton (_igrati, bělěti_), kdež byl původně přízvuk na příponě odvozovací, vysvětluje autor přesunem přízvuku jako v srbchrv. _pȍtrī_, r. _nóзрu_. Aorist monosylabický měl touž intonaci jako part. na _-lъ_ a praes. na _-je-_ (je-li v srbchrv. dosti často cirkumflex m. akutu, je to při stejných jinak podmínkách tím, že »dans l'aoriste, c'est toujours le circonflexe qui a été le plus fort«). Ostatní osoby než 2. a 3. sg. aor. mají tutéž intonaci a týž akcent jako infinitiv. Původní komplikovaný systém přízvukování aoristu je zachován dosti věrně v srbchrv. Vliv tvarů s koncovkami _-ch, -smo, -ste, -šę_ na 2. a 3. os. sg. byl silnější, když jejich tvary byly zakončeny samohl. krátkou. Autor vyslovuje hypothesu, že 2. a 3. sg. aor. athematického byla zakončena v jisté době samohláskou krátkou po předposlední slabice dlouhé a dlouhou po předposlední krátké. Zákon Šachmatovův o zkracování koncových délek v psl. není bez výjimek. — **F. Ramovš**: Une isoglosse čakovo-kajkavienne (str. 48—58). Proti Belićovi (RES. 1, 1921, str. 20 sl.) snaží se dokázati, že isoglossa _di̯_ ⟩ _j_ v čak., kajk. a sln. se provedla v době společného života teprve na nynějším území jihoslovanském a nikoliv v době dřívější. Podle Ramovše znala sln. a všechna nářečí srb.-chrv. _ť, ď_ ještě na území balkánském; potom přišlo stadium _ť, j_ asi mezi 8.—10. stol. po Kr. Fonetický výklad slovanských palatalisací, o palatalisaci ve Frisínských památkách, o výsledcích _č, j_, vzniklých palatalisací, v nářečích slovinských. — **Petar Skok**: Slave et roumain (str. 59—77). Autor shledává, že probuzené národní vědomí o příbuznosti jazyka rumunského s jazyky románskými přivodilo i v lingvistice poněkud přehnanou snahu studovati pouze element latinský; studium pramene slovanského se naopak zanedbává, ač znalost taková byla by prospěšna na jedné i na druhé straně. Skok podává část svých pozorování slovníka rumun-

ského, a to v pěti odděleních: 1. přímé výpůjčky ze slovanštiny (náleží k nim i *gorun*, *-on*, o němž H. Barić v Južnoslov. fil. 2, 1921, str. 55—60 myslil, že je původu ibersko-ligursko-balkánského), 2. tvoření onomatopoická totožná s útvary slovanskými, 3. slova proniknuvší do rum. i do jazyků slovanských z téhož pramene cizího, 4. slova přejatá z rum. do slov., 5. slova původu latinského, jejichž semantický vývoj má významové obdoby na půdě slovanské. Proti Diculescuovu pokusu (ZrPh. 41, 420 sl.), hledajícímu germánský prvek v rumunštině. — **P. Šmidts**: Les chansons populaires lettonnes (str. 78—85). Souhrnný přehled některých rysů národních písní lotyšských, o sbírání jich, o jejich metru, motivech, době skládání, významu pro lingvistiku, pro studia mythologická a kulturní historii vůbec. — **Alexander H. Krappe**: La légende de Libuše et de Přemysl (str. 86—89). Verse této legendy, jak je známa z Kosmy a Dalimila, má mnoho podobností se starým podáním řeckým a římským, takže jest třeba hledati původ její v prameni společném, který autor našel v starobylém magickém ritu (srv. Revue Hispanique, t. 56, 1922). Pro versi známou z Marignoly lze připustiti vliv Justinovy epitome Pompeia Troga. — **M. J. Rouët de Journel**: L'oeuvre des Saints Cyrille et Méthode et la bibliothèque slave (str. 90 až 104). Historie díla, které vykonali od r. 1845 katoličtí jesuité ruského původu (J. Gagarin, J. Martynov, E. Balabin, Josef Pierling a zejména jeho syn Pavel Pierling) ve Francii k sblížení pravoslavného východu s katolickým západem. R. 1901 bylo nutno opustiti Paříž a uchýliti se do Bruselu, kamž přinesena i vzácná a bohatstvím knih i jiného materiálu jedinečná bibliotéka. Jak se dodatečně dovídáme (viz RES. 3, fasc. 3—4, str. 349), podařilo se úsilí p. Rouëta de Journel umístiti knihovnu tu opět v Paříži. — **N. Vulić**: Les recherches archéologiques dans les pays yougoslaves (str. 105—114). Přehled toho, co bylo vykonáno na tomto poli. — **Lubor Niederle**: Un travail nouveau sur la mythologie russe (str. 115—120). Oceňuje dílo V. J. Mansikky: Die Religion der Ostslaven I, Quellen, Helsinki 1922. »Ce sera le mérite de M. Mansikka d'avoir rendu la mythologie slave sensiblement plus étoffée et plus vivante qu'elle ne nous apparaissait jusqu'à présent«; zvlášť důležitá jest v práci Mansikkově část zkoumající staré výklady a instrukce proti stopám pohanství, jejíž znalost, kdyby byla bývala možná, byla by vedla i prof. Niederle k jistým změnám v kapitole věnované mythologii v jeho díle: »Život starých Slovanů«. — **Louis Réau**: L'art français en Pologne au XIXe siècle (str. 121—126). I. Les artistes français et la Pologne. II. Les artistes polonais à Paris. — **Paul Boyer**: Louis Leger (str. 127—132). — **Tadeusz Lehr-Spławiński**: De la stabilisation de l'accent dans les langues slaves de l'Ouest (str. 173—192). Autor podrobně probírá systém přízvukování polského, kašubského, čsl. a luž.-srb. a dospívá k tomuto výsledku. Přízvuk těchto jazyků se vyvíjel jednotným směrem; východisko jest viděti v tendenci přesunouti původní volný a pohyblivý přízvuk k začátku slova (jako v štok.). Ale přesunutí nenastalo, šlo-li o slabiky s intonacemi sekundárními. Tento stav, zachovaný dosud v severní kašubštině, se přeměnil morfologickou analogií (podle takových případů, kde se přízvuk pravidelně přesunoval) v systém přízvuku volného (částečně posunutého na počáteční slabiku slova, částečně nezměněného), ale nehybného, jak jej zachovaly dialekty kašubské střední. Převahou slov s počátečním přízvukem se stalo, že se přízvuk stabilisoval na 1. slabice, jak je patrno z jižní kašubštiny, luž.-srb., čsl. a z ojedinělých nářečí polských. Poslední stadium představuje polská paroxytonace, vzniklá zesílením vedlejšího přízvuku na předposlední slabice, který je dosud patrný v jižní kašubštině, v nář. luž.-srb. i čsl. (ne vlivem polštiny!). Centrum vývoje vidí autor na území polském. Odtud pronikla tendence k ustálení přízvuku všemi směry: čím větší vzdálenost, tím spíše zachována stadia vývoje staršího. Z jazyků západoslov. jen polabština se vyvinula úplně samostatně: dříve než k ni pronikly tytéž tendence jako k ostatním jazykům západoslov., přerušeno bylo přímé spojení s ní. — **A. Meillet**: Les formes nominales en slave (str. 193—204). Morfologie slovanského jména je podstatně odlišná od typu indoevropského. Během svého vývoje ztrácí duál, přísně zachovávaný ještě v prvních překladech 9. stol., zároveň s redukcí svých forem svou původní

platnost. Kategorie rodu, nesouvisící původně s formou substantiva, snaží se v ní projeviti, ale zároveň se ruší vlivem demonstrativ odlišení rodové v nepřímých pádech plurálu; vytvořením tvaru pro gen.-akk. (vlivem zájm. *togo*, jež je etymologicky zároveň akk. i gen.) opět se zavádí, aspoň z části, protiklad animé — inanimé, takže shoda s indevr. není přímá, ale má původ v novotách provedených v starém duchu. Ve flexi pádové jsou jazyky slovanské spolu s baltskými nejarchaističtější ze všech jazyků ide., novoty mají původ spíše v semantických změnách jednotlivých pádů; ale jako germánština a litevština, dospěla i slovanština v době historické svou cestou k vytvoření zvláštní flexe adjektivní, odlišné od flexe substantivní, v čemž je veliké odchýlení od stavu indoevropského. — **M. Rešetar:** Les semi-voyelles dans les formes à préfixes en slave méridional (str. 205—220). Pokud se týče osudu hlásek jerových v praefixech slov složených, jde srbochrvatština svou vlastní cestou, nejsouc ve shodě ani se slovenštinou ani se staroslovinštinou ani s novou bulharštinou a stýkajíc se zato s jazyky severoslovanskými. Není pochybnosti, že se tento stav datuje z doby společného vývoje. Autor chce ukázati, že »la loi de la position forte et de la position faible des jers ne suffit pas pour expliquer le traitement des jers dans les langues slaves modernes«. — **S. M. Kulbakin:** Du classement des manuscrits dits moyen-bulgares: manuscrits à *ŭ* vocalisé en *o* (str. 221—241). Podrobiv důkladné kritice Conevův pokus o klassifikaci střbulh. rkpů., pokus to založený především na kriteriích pravopisných, chce K. připraviti definitivní roztřídění budoucí, jsa si dobře vědom toho, že nepřišel dosud čas synthesy. Za hlavní měřítko volí jev fonetický: osud jeru (tvrdého) v silné posici. Vokalisace *ъ* > *o* se projevuje v ev. Dobromirově, v apošt. ochrid., žaltáři boloňském, triodu monastirském, oktoichu záhřebském, oktoichu sofijském, evang. zlomku sof., zlomku oktoichu Rumjanc. musea (s reservou), v zlomku ev. z Dragije (též hypotheticky), v triodu Kopitarově, apoštolu Tomićově a v parimejníku hludovském. Tyto rkpy jsou podrobně charakterisovány. Vysvítá, že zachovaly skorem všechny neporušené *ě*. Nicméně nutno rozeznávati tato pododdělení: 1. a): *ě* = *ě*; 1. b): *ě* > *e* (oktoich rumjanc. a snad části apoštola Tomićova psané druhou rukou); 1. c): *cě*, *dzě* > *ca*, *dza* (parim. hludovský). — **R. Ekblom:** Remarques sur l'accentuation du futur en lituanien (str. 242—253). O fysiologických podmínkách metatonie v koncových přizvukovaných slabikách v lit., theorie působení zákona de Saussurova-Fortunatovova (nesvědčí nutně pro baltoslov. jednotu), pozorování přízvuku lit. futura, též zvlášť o nezkrácených formách pronominálních jako *jós*, *tiė*, *tuó*. — **Jovan Cvijić**: Des migrations dans les pays Yougoslaves: leur conséquences (str. 254—267). I. Groupes métanastasiques en Serbie. II. Changements ethniques dans les hautes régions dinariques et en Dalmatie. III. Conséquences générales, ethniques et sociales, des migrations. »Národní jednota srbo-chrvatsko-slovinská se nezakládá tak jen na prvotním příbuzenství Srbů, Chrvatů a Slovinců; nemá ani jedině původ v existenci jednoho spisovného jazyka srbo-chrvatského a jediné literatury do jisté míry společné, jak se obyčejně myslí. Vytvoření jediného společného jazyka spisovného předcházela dlouhá perioda unifikace a splývání ethnického a ethnobiologického v době benátské a turecké. A proto má národní jednota hluboké základy, základy vskutku národní, a jest, hlavně v oblasti metanastasní, mnohem pevnější, než by se bylo lze domnívati podle jistých zjevů současnosti. — **G. Vernadskij**: Le césarévitch Paul et les francs-maçons de Moscou (str. 268—285). O organisacích zednářských v Rusku za vlády Kateřiny II., její stanovisko k nim (nepříznivé), o přátelských vztazích careviče (budoucího cara) Pavla I. k nim, o mocném vlivu zednářských myšlenek na tohoto vladaře: odtud nové pojetí postavení a úkolu carova, který má spojovati moc pozemskou s nadpřirozenými ctnostmi nejvyššího kněze. — **Louis Réau**: Les artistes russes à Paris au XVIIIe siècle (str. 286—298). Po stručném výkladu organisace tohoto pobytu charakteristika význačnějších umělců takto vzdělaných (architekti, sochaři, malíři, rytci). — **A. Meillet:** Vatroslav Jagić (str. 299—301). Zdůrazňuje jeho činnost vydavatelskou (»le rôle propre de Jagić a été d'introduire dans la philologie slave la précision, la rigueur, la description exacte«) a organisátorskou (»Jagić a occidentalisé la philologie slave«). »C'est lui qui a donné

à la philologie slave la rigueur de la philologie classique.« — **Chronique** (133—170, 302—345). — Nécrologie (str. 170—171, 345—348: Louis Leger, Adolf Hejduk, J. Urban Jarník, V. Jagić, N. F. Sumcov, N. V. Jastrebov, N. N. Sokolov, Jan Heidler) od A. Mazona. — Informations (str. 349—350) od A. Mazona. *J. K.*

Јужнословенски филолог. Књига II., св. 3—4. Београд 1921.

Љуб. Стојановић: О значењу и употреби глаголских облика у реченицама (str. 187—210). Stanoví po několika obecných poznámkách význam slovesných tvarů v dnešní srbštině, a to nejvíce podle svého vlastního citu jazykového. Protože tvary slovesné konstatují pouze jen tempus (neoznačuje se jimi, jak dlouho trvá přítomnost, minulost, budoucnost, ani vzdálenost mezi přítomností a minulostí neb budoucností, neoznačují se jimi rozdíly vidové), vychází autor při svém výkladu od příslušných časů a nikoliv od jednotlivých způsobů, jak se činí obvykle. Hledá tedy, jak se vyjadřuje přítomnost atd. Kondicionál nazývá St. vzhledem k jeho významu potencionálem. Proti způsobu uspořádání látky lze činiti některé námitky. — **Fr. Ilešič:** Zagrebački primerak Bohorićeve slovenske (slovenačke) gramatike, 1584 (str. 211—216). Popisuje tento exemplář, zejména pak podrobně se zabývá dvěma cyrilskými rukopisy na vnitřní straně jeho desek. Shledává, že byly pořízeny na území kajkavském, kdež se tedy cvičili též v cyrilici, ale pouze podle Bohorićovy grammatiky. Ta se dostala do Chorvatska přes území slovinské. — **А. Белић:** Српскохрватске гласовне групе *-jt-*, *-jd-* и прасловенско *-kti-*, *gti-* и *hti-* (str. 217—226). Vykládá složená slovesa jako *doći*, *dođem* v štok. z *doidem*, *doiti* > *dojdem*, *dojti* > *dō-jdem*, *dō-jti*, tedy tak, že hranice slabiky je před *j*. Čak. *dōjdem*, *dojti* je však z *dōi̯-dem*, *dōi̯-ti* (hranice slabiky je po *j*). Tedy *-jt-*, *-jd-* > *ć*, *đ*, ale *-j-t-*, *-j-d-* > *jt*, *jd*. Tak se vysvětlí na př. i srbchorv. *djevojka* z *di̯evojka* (starý diftong trvá), kdežto *đevojka* z *di̯evojka*, nebo srbchorv. *cvětje* z *cvět-je*, ale po 15. stol. *cvěće* z *cvě-tje*. Tyto případy jazyka srbského vrhají světlo i na vývoj psl. skupin *ktī*, *gtī*, *chtī*; i při nich měla hranice slabičná veliký význam. Bylo **pe-kti*, **mo-gtь*, **ver-chti* (psl. měla jen otevřené slabiky), odtud **pe-ḱtī*, **mo-ǵtь*, **ver-cḣti* > **pe-ṫi*, *mo-ṫь*, *ver-ṫi* > **peťi*, **moťь*, **verťi*, a dále vývoj stejný jako v **svěťa*. Silné měkčení v skupinách *kt*, *gt*, *cht* bylo způsobeno jen samohláskami řady *i* (*ь*, *ī*), ale nikoliv řady *e* (**plektešī* > *pletešī*). K těmto důmyslným a jasně odůvodněným vývodům připojena řada vedlejších (dial. a j.) poznámek. — **Fr. Ramovš:** O slovenskem novoakutiranem *ǫ̑* > *ọ́*, *ǫ́*, *ǫ̏* (str. 227—239). Podrobně řadí a vykládá případy přechodu *ò* v *ọ́* a dále v *ú* (ve většině nářečí), který nastal v zavřené slabice, v absolutním začátku a na konci slova. — **С. Кульбакин:** Акценатска питања (str. 240—253). Pokračování kritického rozboru novějších prací o slovanském akcentě (část IV.), rozbor studií Lehrových. — **Милош Ивковић:** Акцентски системи српско-македонских говора (str. 254—271). Srb.-mak. nářečí dělí na skupinu jhv., kostursko-tikvešskou, a sevzáp. Prozatím probírá paralelně přízvuk v prvních dvou skupinách dialektů, vytýkaje jeho povahu (jak působí na výšku tonu, kvantitu i kvalitu samohlásek i na souhlásky) a určuje jeho místo. Shledává, že nepřízvučné samohlásky v koncových otevřených slabikách podléhají méně změnám kvality než vokály v slab. zavřených téže polohy, jinak však nepřízv. samohlásky se po přízvuku (»a. интензитета«) redukují a dokonce leckde mizejí; souhláska, kterou se začíná nepřízvučná slabika, ztrácí svou explosivnost, takže zůstává jen implose, čímž je způsobena matethese konsonantu a vokálu (*сéло-мо* > *сéел-мо*). Pokud se týče místa přízvuku, měly jhv. dialekty přízvuk volný (разносложни), ale paradigmaticky ustálený (nepohyblivý); důležitá jest v nich ta zvláštnost, že se přízvuk posunuje z posledních slabik otevřených na slabiky předcházející, což se v skupině dial. kostursko-tikvešských týká i slabik zavřených. V těchto nářečích je tedy přízvuk volný, ale nemůže nikdy státi na slabice poslední. Také paradigmatičnost akcentu jest tu omezena, při trojslabičných a víceslabičných subst. fem. přibližuje se přízvuk dopředu (**цáрица* > *царица*), v impt. slož. sloves jest částečně přízvuk

na praefixu *(нóси:дóнеси)* a j. — **П. К. Булат:** Из живота речи (str. 272—284). Po úvodu, kde autor vytýká důležitost probadání jazyka po stránce semantické, sledováno užívání subst. *богъ* prozatím v kategorii označující přísahu, krajní kulminaci neb intensitu jednání (krajnost), zjevy přírodní a modlu. — **Л. А. Булаховскій:** К болгарскому ударенію (str. 285 až 294). Přenesení přízvuku v bulharštině událo se jen při změně skladu slova (*mêso : mesòto* a podle toho *mesò* atd.). Přízvuk přecházel na poslední slabiku slova dále složeného, nebyla-li redukovaná (*ржкнтѣ* proti *младостьтà*). Staré krátkosti před přízvukem trvají a obdržely (stejně jako délky před přízvukem) s následující slabiky novou intonaci, která se pak již neposunovala dopředu (*стàлътъ*, *вàлътъ*). Objasňování sporných případů. — **Прилози** (11—18). **A. Meillet:** *bratrŭ* et *sestra* (str. 295—296). Jména mužských bytostí, která vedle významu čistě rodinného mohla přijmouti i jistý význam sociální, byla podrobena různým změnám, po případě nahrazena výrazy jinými. Tak řecké subst. *φρᾱτηρ*, které časem dostalo význam »membre de la phratrie«, bylo nahrazeno ve významu »frère par sang« kompositem *ἀδελφεός*, *ἀδελφός*. Ve slovanštině nahrazen původní *r*-kmen odvozeným *o*-kmenem *bratrъ* ‚frère par sang', což svědčí o existenci instituce bratrstva (*bratrьja*) i na půdě slovanské. Smysl »phratrie« později zanikl a *bratrьja* označuje společnost pokrevních bratří, která měla v patriarším typu slovanského života význam sociální. Subst. *sestra* jest pouze útvar paralelní k *bratrъ*. Stejně významné jest i odstranění starého názvu pro otce na půdě slovanské. — **Т. Маретић:** Откле име Светозар? (str. 296—297). Toto dnes obvyklé pojmenování srbské rozšířilo se teprve z románu Vidakovićova »Љубомир у Елизиуму«, vytištěného r. 1814. Je to jméno úplně vymyšlené. — **Х. Барић:** Из балканскога речника (str. 297—299). 1. Srbchorv. *бȁлега* ‚zvířecí ekskrement', rum. *balegă* jest z alb. *baľε-gε* (vedle *bagεľε*) < *baľε-gε* < **bəlnō* + *gu̯ā* = ‚bláto + zvíře'. 2. Bulh. ***ватах***, ватаѣь, rum. *vătáh*, *vătáf* ‚pastýř' nelze odděliti od alb. *vétεhε* ‚das Selbst' a *véftε* (z **vétεfε*). Jest třeba vyjíti z alb. **vεtáh* < **swoitoskos*. Stejně konglutinovaný suf. *-oskо* jest též v arménštině, čímž přibývá nový společný znak alb. a rum. (srv. H. Pedersen, KZ. 36, 340 sl.). — **Љуб. Стојановић:** *Hâ*, *hâj* (str. 299—300), značící ‚узми', *hâme* ‚узмите'. odvozuje z isolovaného impt. *најми, најмите*, zkráceného podle *daj*, *dajte*. — **Fr. Kidrič:** Trije prispevki k zgodovini slovenskega pismenstva v 16. stol. (str. 301—308). 1. Trubarův Catechismus, první tištěná slovinská kniha, vyšel podle všeho roku 1561. 2. Rozbor všech bibliografických dat protestantského textu »Ta pervi psalm shnega trijemi islagami, 1579«. K. shledává, že autor a korrektor publikace byl sám Primož Trubar. 3. Slovinskou protestantskou pesmaricu z r. 1579 sestavil v Lublani Dalmatin bez Trubarovy pomoci. — **Ivan Koštiál:** Etimološke bilješke (str. 308—310), 1. Slovinské *kộmaj* ‚vix, aegre, non facile', resp. ‚demum, denique' odvozuje z *tъkoma*. 2. Slovenački »*finka*« ‚cunnus, vulva, feminal'. Je to vlastně zdrobnělé jméno *Fina*, *Pina* (odtud též *pinka*) z *Jožefina* neb *Josipina*. 3. Slovinské *punca* ‚dívka' je přejato z něm. *Punze(n)*, *Bunze(n)* téhož významu. Viz však k 2. a 3. etym. též ЈФ. III, 291. — **Х. Барић:** Стслов. *brěžda* ‚носећа' и лит. *berždžià* ‚јалова' (str. 310—311). Slova ta nejsou utvořena stejně. Slov. *brěžda* je z **bherdi̯ā*, ale lit. slovo je z **bhēr-ĝdhia*, kdež 2. část náleží ke kořeni **ghē(je)-* ‚býti prázdný'. — **Petar Skok:** Iz srpskohrvatske toponomastike (str. 311—318). Doklady a výklady pomístných jmen: *Gladnici* (od adj. *gladni*), *Godimiriščina* (od jména *Godimir*), *Gradac*, *Humac* (*chlьmъ*), *Jagodnije*, *Jarane* (odvoz od *jȁra* = stabuli genus, letní stanoviště pro ovce), *Jošani* (souvisí se subst. *jelьcha*). *Kalčina gorica* (hapl. z *Kalčinina gorica*. *Kalčina* = jméno zadarské šlecht. rodiny), *Kamen* (za lapis i petra). *Klobuk*, *Knež vrtal* (= knežev vrt.) — **Хроника. Х. Барић:** Јубилеј проф. А. Белића (str. 319—323). Podle stenografických zápisků otiskuje celou řeč Belićovu při této slavnosti. Jest velmi charakteristická pro osobnost i pro poměry v jihoslovanské slavistice. — **Белешке** (str. 324—325). — **Библиографија од 1914—1922** (str. 326—353). Viz Slavia II, str. 560. Zatím oddíly: I. Прасловенски језик (str. 330—345) a II. Акценатска питања (str. 345—353).

Књига III. Београд 1922—1923.

M Rešetar: Završetak *-u* u gen. sing. muških imenica u slovenskom jeziku (str. 1—6). V slovinštině mohou míti v gen. -acc. sg. koncovku *-u* jen subst. mask. buď sama původně *u*-kmenová (*sîn* atd.) aneb ta, která se jim nejvíce blíží: mask., v nom. sg. jednoslabičná, s tvrdým zakončením kořene a s psl. akcentem sestupným na dlouhé neb krátké slabice (podle *synъ* a *medъ*) a snad výjimkou i ta, která měla akcent na slabice koncové, lze-li přijmouti, že se ve *vol : volu* zachovala stopa 3. typu přizvukování psl. *u*-kmenů. Autor probírá případy odchylné, ale jsou to většinou odchylky jen zdánlivé. — **Љуб. Стојановић:** Реченичне конструкције без verbum-a finitum-a (str. 7—10). Nesprávně se mluví o vypouštění pomocného slovesa při part. ve větách bez určitého slovesa v srbštině. Při slovesích zvratných nastalo stažení (*ce je* > *ce* atd.), v případech ostatních jde o konstrukci čistě participiální, jíž se konstatuje především a hlavně dovršení jednání a minulost není na prvním místě. Taková vazba může být i při obyčejných adjektivech a jsou i případy bez participia i adj. (na př. *а кад дође Исус, нађе га (Лазара), а он већ четири дана у гробу*). — **Franjo Fancev:** O avtorstvu i postanju rječnika »Lexicon latinum... Zagrebiae 1742.« Prilog istoriji naše leksikografije (str. 11—25). Vlastní autorství celého sborníku toho, připisovaného dosud A. Jambrešićovi, přísluší Fr. Sušnikovi, což je patrné z předmluvy slovníka, z citátu historie záhřebské jesuitské koleje i z běhu života Sušnikova a Jambrešićova. Po Sušnikově smrti (1739) převzal vydávání a redakci slovníku A. Jambrešić, předchůdce ilyrského obrození v 19. stol. Sušnik i Jambrešić nahlíželi v díla lexikografů Mikalji a Della Belly. Z výkladů vedlejších: Jeronim Megiser čerpal z F. Vrančiće, Mikalja z Megisera, vydavatel Belostencova slovníku z Mikalji a Della Belly (jako Jambrešić). — **Г. Ильинскій:** Къ этимологіи имени *chъrvatъ* »хорватъ« (str. 26—30). Od dvouslabičné base **khereu*, jež je rozšířením ide. kořene **kher* ‚řezati' (odtud slov. **chorbrъ* > *chrabrъ*), a to z obměny **khr̥ŭu̯-* : *chrъv-atъ* ‚ozbrojený, obhájce'. Ukazuje se, jak se rozmanité podoby základu zachovaly na půdě slovanské (**khᵘr̥u̯* > **chъrv-* v str. *хорвате*, csl. *хорваты* a j., **khrou̯-* > **chrov-* v stč. *chrovati*, **khārū* > slov. **chārū-* v stč. u Dalimila *charvaty* z *char-ъv-aty*, slc. *charva* ‚obrana', *charvati se* a j.). Autor předpokládá i paralelní základy **k̑ereu̯* (lit. *šarvatas* ‚ozbrojený'), **kereu̯* (kaš. *Karwatk* aj.). — **А. Белић**: О промени ст. слов къи »qui« (str. 31—34). Jest třeba vyjíti od deklinace složené, podle níž zněly by gen. **kajego*, **kyjeję*, **kajego*, dat. **kujemu*, **cějeji*, **kujemu*, lok. *cějemь*, **cějeji*, **cějemь*. Pády tyto, obsahující v kmeni slabiku *-je-*, pozměněny byly podle nom.-acc. sg. n. *koje*, v němž rovněž slabika ta se nachází. Naznačené změny jsou psl. a předpokládají stadium deklinace složené s nezkrácenými (haplologií) tvary gen. dat. instr. sg. fem. a gen. du.: **novyjeję*, **novějeji*. **novǫjejǫ*, **novujeju*. — **Nikola Majnarić:** Jedna zanimljiva sintaktička pojava u ravnogorskom narječju (str. 35—40). Vedle náležitých tvarů slovesa *dȁt* (‚dare', praes. *dâm*, *dâš* atd.) užívá se v tomto nářečí i tvarů *dȁm*, *dȁš* atd., jež se vyvinuly v positivních odpovědích z affirm. partikule *dȁ* přidáním osobních koncovek *-m*, *-š*, *-ma*, *-šte*, *-ja*. Tím se vysvětlí: 1. přízvuk těchto tvarů, 2. ta okolnost, že se užívá slovesa takto přizvukovaného toliko v praesentu, 3. význam tohoto slovesa: *a)* v odpovědi vykonávání toho, čeho se týká otázka (na př. *a pišeš lepô? dȁm*), a odtud *b)* vykonávání jakékoliv dříve známé práce, t. j. funkce demonstrativního proverba (na př. dívky zpívají novou pěknou píseň; lidé sedící před domem na prahu vyslechnuvše ji, praví: *lepô dȁja*, t. j. lijepo vrše tu radnju, lijepo *to* čine, t. j. lijepo pjevaju). V zmíněném nářečí, náležejícím do oblasti kajkavské, začínají se přímé otázky partikulí *a* z *ak*, *ako*, zjev to neznámý z jaz. knižního. — **П. К. Булат:** Из живота речи (str. 41—47). Pokračování článku z předcházejícího sešitu. — **С. Кульбакин**: Акценатска питања (str. 48—70). Autor rozbírá některé starší práce, jež mu nebyly dříve přístupny (van Wijkovy články v Jag. Arch. 36, 321 sl. a 37, 1 sl., v RS. 9, 78 sl., Lehrovu kritiku van Wijkova článku o slovesích 4. třídy v RS. 9, 109 sl., dva články Trávníčkovy v RES. 1, 204 sl. a LF. 48, 104 sl. a studii Trubeckého v RES. 1, 171 sl.). Hojné samostatné výklady. Není oprávněna hypotesa o větším počtu sekundárních intonac stoupavých

na krátkém i na dlouhém vokálu (v č. *kůleś*, *vůle* může býti délka původu speciálně českého), zákon Šachmatovův o zkracování délek v psl. působil teprve po vzniku sekundárních intonací, nelze uznati metatonii způsobenou zánikem koncového -ъ, -ь v nom. -akk. sg., instr. sg., dat. a lok. plur. *o*-km. — **Прилози** (1—7). **Ivan Koštiál:** Stsl. *zajęcь* (str. 71—72). Jest třeba vyjíti od kořene **ĝhei-* (obsaž. též v sloves. *zijati, zěvati*), jímž dobře označeno rozštěpení horního pysku a vypoulené oči zaječí, tedy **ghōi̯n̥qos* (tvoření totéž jako v *měsęcь* z **mēsn̥qos*) ‚zvíře, které zívá'. Lit. *zuĩkis* je přejato z bělor. masc. *zajuk*. — **P. Skok:** Iz srpskohrvatske toponomastike (str. 72—77). Doklady a výklady pomístných jmen: *Kukljani* (čtení *Kokićane* není správné), *Lapčanj* (*lapьc + jane*), *Lojište* (prv. *lovište*), *Mitrovica* (pův. *Dmitrov grad*, *Dmitrovci*, adj. *mitrovački*); mjesna imena na *-ić*: označují původně členy rodiny, pak sídlo jejich, jest tak zakončena dobrá pětina srbchrv. místních jmen. — **В. Зрнић:** Неколико ситних прилога (str. 78). 1. *Бр̏чкô*, jméno městečka, je adj. neutr. od jména řeky *Бр̏ка*. 2. *Стӥга* je slovo charakteristické pro toto místo. 3. *Рй;еka*, jméno tamního potoka s pevným přízvukem ve všech pádech, i po předložce: *на Рй;еку*. 4. *Дйјеме* s tímto vokativním přízvukem ve všech pádech. 5. *Прија* m. *прије*, *пре* m. *при*. 6. Mezi mládeží šíří se tu ekavština. K ЈФ. 2, 117. Rostlina *цремуж* známa okolo Kazary. — **А. Белић:** Двојица, неколицина и слична образовања (str. 79—81). Při těchto subst. stojí v srbchrv. pouze jména životná, mask. gen., což se vysvětluje etymologií jich: *dvojica = dvoji + ca*, *nekolicina = nekolici + na*, *mnozina = mnozi + na*, ale *množina = mnog + ina*. — **Ђуро Шкарић:** Јужнословенска ријечица *ve* (str. 81—83) má původ v demonstrativním kmeni (stind. *va*, ř. *Fè*, lat. *ve* atd.). — **Fr. Ilešič:** Slovenske »etimologije« (str. 83—84). 1. Pol. »*banialuki*« ‚hlouposti' se rozšířilo vlivem básníka Morština. Souvislost tohoto pojmenování s jménem bos. města *Banjaluka* není jasná. 2. Uvádí dvě lidové polské etymologie jména Varšavy. — **Љ. Стојановић:** Допуна (str. 85) k článku О значењу и употреби глаголских облика у реченицама ЈФ. 2, 187—210. — **Хроника. А. Белић:** Ватрослав Јагић (str. 86—100). Podává kritický obraz, celé mnohostranné vědecké činnosti Jagićovy. Jagić je první mezi všemi slavisty, který rozvinul tak veliký a široký interes o celou oblast slavistiky. Jagić se nesmí ceniti pouze podle tří svých hlavních děl (Entstehungsgeschichte, Исторія слав. фил., Глаголическое письмо), neboť ta díla »nebyla by hodna nejlepší doby Jagićova talentu a Jagićovy duchovní energie. Na Jagiće je třeba hleděti v celém jeho díle. Tu teprve jeho vědecká postava nabývá svého pravého osvětlení. Pouze tak se jeví Jagićova práce ve svých pravých, neobyčejných rozměrech, vypínajíc se jako vysoká pyramida na poli slavistiky« (str. 97). — **А. Белић:** Главнији моменти из живота В. Јагића (str. 100—102). — **С. Куљбакин:** Библиографија Јагићевих радова од 1907 г. (str. 102—111). Pokračování bibliografie, kterou sestavil prof. Pastrnek v Zborniku u slavu V. J. 1908, 1—29. Bibliografii za l. 1908—1918 sestavili též M. Rešetar a Fr. Ramovš v Čas. za slov. jez. I. letnik, V—XI, za l. 1918—1923 též R. Nahtigal v Ljublj. Zvonu 1923, 9. št., str. 465—467. Omylem uvedena pod č. 146 jako práce Jagićova stať »Úvodem« v Slavii 1, 1922, 1—2. — Одјек Јагићеве смрти у Русији (str. 111—112). Referát o posmrtné schůzi v oděsském »Доме учёных«, kdež o Jagićově významu promluvili B. M. Ljapunov, P. A. Buzuk, R. M. Volkov a M. M. Kozlovskij, Jagićův spolupracovník, autor pojednání o Ostr. ev. — **О. Хујер:** Чешка филологија и лингвистика од 1907—1921 год. (str. 112—130). Přehled práce vykonané na poli bohemistiky od smrti Gebauerovy. — **Критика. А. Белић** posuzuje tyto práce: Trubeckého Essai sur la chronologie de certains faits phonétiques du slave commun (RES. 2, 217 až 234; str. 131—139: nesnáší se s ním v žádném bodě), rozpravu Maretićovu Jezik dalmat. pisaca 18. v. (Rad 209, 1915 173—240 a 211, 1916, 1—92; str. 143—154: zdůrazňuje velkou cenu Maretićova materiálu, z něhož odvozuje příslušné resultáty; v jazyku štok. dalm. spisovatelů 18. stol. vidí proti Maretićovi mluvu národní), Nachtigalovu studii Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung I. Substantiva auf Konsonanten (Heidelberg 1922; str. 170—174: uznává užitečnost knihy), práci Fancevovu Jezik hrvatskih

protestantskih pisaca 16. vijeka (Zagreb 1916; str. 192—195: »Као што се из свега види, студија г. Фанцева даје јасну слику о језику протестантских текстова; она може послужити као користан увод у њихово даље проучавање са језичке стране«). — **Љуб. Стојановић** píše o Petkovićově vydání starých srbských zápisů, nadpisů a listin (Народни Музеј у Београду, Писани Споменици I., Старине, Београд 1923; str. 139—141: část jednu z celkového počtu uveřejněných nadpisů nebylo třeba vydávati, recensent zkouší u některých správnost čtení, nesrovnává se s vnějším způsobem vydání). — **С. Кульбакин** rozbírá studii Jos. Páty Пловдивско Евангелие, срѣднобългарски паметникъ отъ 13. в. (София 1921; str. 141—143: památka ta je tak zajímavá, že zasluhuje širšího rozboru), článek Ekblomův Le développement des voyelles originairement nasalisées dans le moyen bulgare (MO. 12, 1918; str. 155—165: vyvrací hlavní předpoklady Ekblomovy, týkající se palatálnosti souhlásek, stupně nasalisace a ztotožnění hlásek ѫ i ѧ a nesouhlasí většinou i s jeho výkladem příslušného materiálu) a polskou mluvnici Lošovu [Część I. Głosownia historyczna. Lwów-Warszawa-Kraków 1922; str. 174—189: činí mu výtky nejrůznějšího druhu, třebas nepochybuje o prospěšnosti této knihy (zejména vzhledem k bohatému materiálu)]. — **A. Vaillant** referuje o dvou studiích Cancelových: Despre »Rumân« și despre unele probleme lexicale vechi Slavo-Române a Termenii slavi de Plug în Daco-Română (Bucarest 1921; str. 154). — **Владимир Ћоровић** mluví s uznáním o knize »Опис рукописа манастира Крушедола« (Сремски Карловци 1914) od Savy Petkoviće (str. 165—170; přál by si, aby srbská akademie organisovala bibliografický soupis starých jhsl. cyr. rkpů, k Petkovićovu katalogu přidává některé doplňky). — **Д. Анастасијевић** vypisuje přípravy k velkému slovníku řeckého jazyka (str. 189—191). — **Fr. Ilešić** referuje o rozpravě St. Słońského »Tak zwane perfektum w językach słowiańskich« (Prace fil. 10, 1923; str. 192). — **R. K.** podává zprávu o polské mluvnici A. Meilleta a H. Willmanové-Grabowské a o Mazonově mluvnici české. — **Bibliografie** (str. 197—297) obsahuje tyto další oddíly: III. Словенске етимологије (str. 199—229), IV. Српскохрватски језик (str. 229—288), V. Словеначки језик (str. 289—297), celkem č. 137—1021. V přehled mohly být tentokráte pojaty mnohé práce, které vyšly i r. 1923, ba i něco z r. 1924. V pozdějších svazcích bude doplněno i to, co dosud nemohlo býti zaznamenáno. *J. K.*

Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, roč. 1920, 1921, 1922 (v. str. 591)

Ani v jediném ze tří jmenovaných ročníků není původního článku, který by se obíral věcmi slovanskými nebo se jich dotýkal.

Posudky prací jinde vydaných:

Z. Gombocz: *1.* Bulhaři a Uhry. »Uj Magyar Szemle« 2 (1920) 176—183. *2.* Bulharská otázka a uherská pověst o Hunnech. »Magyar Nyelv« 17 (1921) 15—21. Rec. G. Czebe 1921, 220 n.:

Styky uhersko-turecko-bulharské dokazuje Gombocz z nejstarší vrstvy vypůjčených tureckých slov v maďarštině, která jsou turecko-bulharská. K těmto stykům došlo pravděpodobně v 5. a 6. století v krajinách severně od Kavkazu. G. předpokládá silnou vrstvu turecko-bulharskou v obyvatelstvu uherském, kterážto vrstva byla pak od Maďarů pohlcena. S těmito, nejspíše pontskými Bulhary uvádí G. ve spojení četná turecká jména v rodině Arpádově, jakož i zprostředkování pověstí o říši Attilově, víru v totožnost Maďarů a Hunnů a víru v původ uherského panujícího rodu od Attily. Tyto kombinace jsou ovšem zvláště ve své druhé části velmi nedostatečné, ale přece mají jakousi cenu pro výklad byzantských spisovatelů, kteří pojednávají o Bulharech a Uhřích a poměru jich k Hunnům a všeobecně pro jednotné posuzování »tureckých« nebo »hunnských« národů se strany Byzantinců.

Jar. Bidlo: Kultura byzantská, její vznik a význam. Sbírky Za vzděláním, sv. 84. V Praze 1917.

Rec. M. Paulová 1921, 466—468.

J. Melich: Bulhaři a Slované. »Magyar Nyelv«, 17 (1921) 1—15, 65—78. — Rec. Gy. Cz. 1922, 232.

Jako obyvatele krajiny u Dunaje a Tisy za doby, kdy Maďaři se zmocnili země (896), jmenuje neznámý jinak kronikář 13. století »sclaui« a »bulgari«, ty ztotožňuje Melich se slovanskými a tureckými živly pozdějšího vlastního Bulharska, kteréžto živly také Byzantinci před 10. stoletím rozlišují. Podle místních jmen označuje řeč bulharskou za řeč těchto původních obyvatelů. Hledě ku jménu »duka«, jež odpovídá byzantskému *δούκας*, dává M. onomu kronikáři za pravdu, že tato bulharská knížata byla pod svrchovaností byzantskou, jako již jejich praotec s pomocí a na radu řeckého císaře dobyl někdejší říše Attilovy. Toto poslední tvrzení je velmi slabě odůvodněno, ale jazykové důkazy jsou dosti přesvědčivé.

K. Stählin: Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte. Historia-Verlag, P. Schraepler. Leipzig: Heft 3. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürsten Kurbskij (1564—1579) 1921. Heft 4. A. Luther: Reise von Petersburg nach Moskau (1790) von A. N. Radischtschew, 1922.

Rec. F. Haase, 1922, 192 n.

F. Haase: Die religiöse Psyche des russischen Volkes. Leipzig u. Berlin, Teubner, 1921.

Rec. F. Wierčinski 1922, 202 n.

Bibliografický přehled.

a) Ze spisů uvedených v BNJ *1920*, str. 426—450:

P. Diels: Die Slaven. »Aus Natur- und Geisteswelt«, 740, Leipzig 1920. Kritik N. A. Bees tvrdí, že se tu D. namnoze zmýlil, následuje některých tendenčních spisů, a že rozhodně není správno jeho tvrzení na str. 66, že vypůjčených slovanských slov je v novořečtině dosti mnoho.

b) 1921, str. 224—263:

R. Lechat: Lettres de Jean de Tagliacozzo sur le siège de Belgrade et la mort de S. Jean de Capistran. »Analecta Bollandiana«, 39 (1921) 139—151. Listy tuto probírané jsou důležitým pramenem pro dějiny Bělehradu kol. r. 1456.

M. Haberlandt: Die Völker Europas und des Orients. Leipzig und Wien. Bibliogr. Institut 1920. Pojednává stručně o národopisu zemí balkánských a maloasijských.

E. Pittard: Les peuples de Balcan. Recherches anthropologiques dans la Péninsule de Balcan, spécialement dans la Dobroudja, Paris-Genève 1920.

J. Boucart: Les peuples de Balcan. »La Geographie«, 35 (1921) 329—342. Je to referát o díle předchozím.

L. Réau: L'art russe des origines à Pierre le Grand. Paris, H. Laurens, 1921.

F. Přikryl: Denkmale des heil. Konstantin und Method in Europa. Wien, Kirsch, 1920.

c) *1922*, str. 204—256:

E. Grip: Balkansagen, En Samling folksagor. Med tech av Einar Forseth. Stockholm, Sv. andelsförl, 1920.

Helmolt's Weltgeschichte, IV. Bd. Balkanhalbinsel. Leipzig u. Wien 1919. Kritik G. Miskolczi v Körösi Csoma-Archivum 1 (1921) 77—81 podává celkem nepříznivou kritiku tohoto svazku, chválí pouze část o dějinách Srbů a Chorvatů.

L. Leger: Les anciennes civilisations slaves. Paris, Payot, 1921. Je to práce, psaná podle spisů Niederlových. Zvláště zajímavy jsou poslední oddíly: »Le substratum slave de l'Allemagne«, »L'onomastique slave de l'Allemagne«.

S. Dragomir: Câteva urme ale organizatiei de Stat slavoromâne. »Dacoromania« 1 (1920/1921) 147—161.

A. Palmieri: La Serbia medioevale, l'apostolo serbo S. Sava e il cattolicismo. »L'Europa Orientale« 2 (1922) 238/9. Je to překlad článku, který vyšel v bělehradském časopise: Trgovinski Glasnik pod titulem »Sveti Sava i katolička Crkva«.

St. Zankow: Die Verwaltung der bulgarischen orthodoxen Kirche, Halle, Karras, 1920.

Dr. ***Karel Müller.***

Rejstřík osobní.

Abele A. 1—34, 586 n.
Abraham Wł. 332
Abramovič 487, 488, 496, 707
Absolon 770
Abul P. 587
Addison 622
Adrianova V. 164, 494 n., 568, 708, 711, 712, 717, 724
Afanasьev A. N. 189
Aquinský T. 272, 280, 314
Achmatova 731
Ajnalov D. 96, 104, 107, 769
Akimov 501
Aksakov I. S. a S. T. 579
Aksakov S. 739, 775
Alekseev M. 733
Alexej Komnin 613
Alexij, mitrop. 707
Alpatov M. 94—113
Amvrosij, bisk. 720
Anastasijević D. 797
Anatolij, bisk. 716
Andreev L. 738
Andrej, apostol 316—335
Andrej Bogoljubskij 326
Andreas, arcib. 591
Andronik Komnin 607
Aničkov E. V. 767
Annenkov 567, 735
Antokolьskij 182
Antonij novgorodskij 613 n.
Antonovič Dm. 768
Anučin D. N. 572 n.
Archangelьskij A. S. 50, 577
Aristotel 649
Arnaudov M. 764, 765, 767
Askolod 744 n.
Atanasov I. 761
Aventin 742
Avvakum, protopop 715
Aymes de Clavigny Jean 524
Azbukin E. P. 583
Babinger Fr. 523, 526, 532 n.
Badalić J. 162
Bagalij D. I. 718
Bagrij A. V. 577, 580, 581
Bachrušin A. 736
Bakalář M. 190
Balamace C. 771
Balasčev G. D. 765
Baluchatyj S. 724—739
Balzer O. 207
Bandtkie 543
Bănescu N., 549 n.
Barac G. M. 583
Baranyai Z. 571
Barbar L. 364—369
Bărbulescu I. 117, 583
Barić H. 179, 791, 794
Barsov H. 48, 744
Barsov E. V. 715
Bartoš F. M. 190, 588 n. 590
Batjuškov F. 738 n.
Batzaria 771
Baudouin de Courtenay 540
Bedržickij L. 578, 580
Bees N. 550 n., 592
Bejer Chr. 715
Beleckij A. I. 723
Beleckij L. T. 713 n., 717
Belić A. 191, 577, 581, 585, 765, 790, 793, 794, 795, 796
Bělinskij 184 n., 567, 578, 738
Beljaev M. 735, 738
Běljaev P. A. 569
Bělьčikov N. F. 566
Belostenec 795
Bělyj Andrej 567, 732
Bem A. 184—186, 546—549, 565—569, 774 n.
Bender H. H. 178 n.
Beneševič V. N. 498, 616, 707, 708
Berendts 499
Berent 166
Bergmann F. 190
Berić Jov. 646
Berneker E. 214, 215, 217[1], 268, 563
Besser 402
Beza M. 771
Bezzenberger A. 191
Bianu 172, 476
Bidlo J. 591
Bielski 720
Bierbaum 774
Bileckyj 767
Biljarskij 474, 477, 478
Birjukov P. 736
Biron 729
Bliziński J. 533
Blok A. 731 n.
Blok G. 730
Bobčev S. S. 763
Bobrinskij A. A. 96[4]
Bobrov S. 729
Bobrowski M. 544
Bodjanskij 46, 159, 160
Bogatyrev P. 161—165, 189, 760
Bogdan Joan 172, 476, 479, 579
Bogdanov A. 572
Bogoljubskij Andrej 607
Bogorodickij V. A. 6[2], 578, 583
Boguslavskij S. A. 496 až 498
Bohorić A. 793
Boratynskij 730, 739
Boris, car 506—508
Borodin 183
Borowy Wac. 534, 540
Borozdin A. K. 569
Bošković 767
Botkin V. P. 567, 775
Boyer P. 791
Božek Jar. 588
Brandt R. F. 569, 580, 584
Braun F. A. 579
Brjusov Val. 567, 728, 729, 731
Brodskij N. A. 337, 567, 733, 734, 736
Broch O. 31[1], 31[3], 33 465

Brok P. 572
Brückner A. 180 n, 193—224, 540, 563, 585, 590, 596
Brugmann K. 268[1]
Brun F. K. 57 n.
Bruno-Bonifaci, biskup 334
Brzozowski St. 541 n.
Budilovič Ant. S. 51, 59
Budilovič B. A. 751
Budimir M. 200
Būga K. 178, 576 n., 579, 581, 588
Bugoslavskij S. A. 724
Bulachorskij L. A. 794
Bulat P. K. 794, 795
Bulyčev N. V. 503
Burdin F. 736
Bureš O. 586
Burgemeister 401 n., 404—406, 410, 414, 417, 429, 431 n.
Burian Vác. 521—533
Burke A. 652 n.
Buslaev A. A. 751
Buslaev F. I. 560 sl., 574, 612, 714, 725, 726, 757
Buš V. 580
Buzuk P. A. 139—141, 270[1], 582, 601—605, 753
Bystroń J. St. 181, 760

Caciona F. 771
Cammelli G. 591
Cancel P. 114—121, 797
Capidan 116[1]
Cartojan N. 172, 770—772
Castelvecchio Rob. 735
Ceara George 771
Cicero 631[1], 649
Ciembroniewicz 166
Claude Lorrain 546—549
Collon M. 370, 382
Conev B. 762, 764, 765
Copinger W. A. 385[2]
Cuno 406 n.
Curzon Robert 592
Cvijić J. 766, 769, 790, 792
Cyps A. B. 536
Cyrill v. Konstantin
Czebe J. 571
Czekanowski Jul. 767

Ćorović V. 797
Čajkanović Ves. 620, 621, 622, 649
Čebyšev A. A. 585
Čech Sv. 71
Čechov A. P. 569, 585, 727, 735, 737, 738 n.
Čechov M. P. 738
Čelakovský Fr. L. 191, 544 n., 589
Čelakovský J. 579
Černobaev V. 619—654
Černojević Iv. 518
Černov S. 707 n.
Černý A. 543
Čertkov A. D. 477, 479
Čertkov V. 737, 775
Čihař V. 586—588
Čižinskij Step. 715
Črnčić J. 379
Čukovskij K. 731, 732
Čulkov G. J. 566, 730

Dalimil 586
Danilo, arch. 520
Danilov V. V. 577, 579
Danzass 592
Dečev D. 761, 762
Dehio 436
Delisle Léopold 370
Delьvig 730, 739
Della Bella 795
Demosthen 649
Dinges G. G. 751
Denis A. 65
Devreesse Robert 565
Dietrichson 392
Dimitrijević Stef. 519
Dimitrij, mitrop. 708, 716
Dionysij, mnich 592
Długosz 720
Dobiáš Jos. 588 n.
Dobrovský Jos. 72, 171, 274, 765
Dolenský A. 590
Dolgov 727, 736
Dolinin A. 569, 729, 733, 735
Domaszewski 590
Dorange A. 370, 382
Dorošenko D. 591
Doroškevič A. K. 713
Doroškevič O. K. 718
Dostoevskaja A. G. 186—188, 546—549, 732 n.
Dostoevskaja L. F. 187, 732
Dostoevskij F. M. 184—189, 568, 583, 727, 729, 731, 732 n., 739, 772—774
Dreves 280[1]
Driml V. 590
Drizin N. 568
Drogoszewski A. 169
Drončilov K. 762
Družinin A. V. 581
Duccio 108 n.
Dučić Nikifor 476, 479
Dufresne 385[2]
Duchesne E. 578
Dunaev 708
Durnovo N. N. 138 n., 225 až 271, 576—585, 695, 749, 750, 751 n., 754 až 758
Dvořák J. A. 191
Dyboski B. 181
Dygasiński A. 166
Đorđević Tih. 514, 516 n.

Eckhardt A. 571
Efimenko A. E. 569
Efrem, mitrop. 328
Efremov S. O. 718
Efros N. 736
Eisenberg 540
Eisenmann L. 586
Ejchenbaum B. 727, 729, 730, 731, 732, 737
Ekblom R. 35—44, 124—127, 191, 792, 797
Eliasberg Alex. 181
Endzelin J. 33, 179, 458, 581, 582, 586, 587, 588
Engelьgardt B. 734
Epifanij, mnich 329
Eremin J. P. 724
Evers J. F. 558
Evgenev-Maksimov V. 568, 569, 731
Evlachov A. 579, 726
Evseev J. 146, 491

Fabricij Dionisij 332 n.
Fancev F. 795, 796
Fatov N. 577
Feifalik 272, 283, 299, 300, 311, 394
Feldman W. 540
Feodos Grek 325
Feofan 506
Feofan Grek 106
Fet A. A. 730, 737
Figner V. M. 569
Filimonov G. D. 100[4], 574
Filipp, pop 474, 483
Filippovič P. 730
Fišer V. 569
Filípek V. 190
Flajšhans V. 190, 191, 272 n., 282, 297, 308, 588
Florinskij T. D. 569
Florovskij Ant. 551—559, 739—748

ontenelle de Bern. 620
ortunatov F. F. 138, 225, 228, 249, 250, 251, 254, 255, 260, 261, 262, 267, 268, 269, 577, 776—786
otij, mitrop. 616, 720
rancev V. A. 543, 578, 579, 581, 582, 584
rankowski E. 767, 769
reud S. 192
rič J. V. 590
riderik (z Nürnberka) 833 n.
rinta A. 589
ritzler Karl 552—559, 739—748
uhrich J. 766

abel M. 735
abelentz H. 110
agara Vas. 712
aj Lj. 588
anszyniec R. 181
authiot R. 752
aršin V. 727, 739
aster M. 771 n.
aszyński K. 540
avazzi M. 655—672
avriil Lesnovskij sv. 509
avrilović A. 621
ebauer J. 217[1]
edeonov S. A. 50
eitler L. 210, 460
elьd G. 775
eorgievskij A. P. 180
eorgievskij G. P. 580
eorgijević Bart. 521—533
eorgius Henrici 385
eorgius de Sclavonia 382—388
erasim, mitrop. 719
ercen A. J. 568
eršenzon M. O. 566, 568, 581, 728, 729, 730
esemann G. 546—549
iannopoulos N. I. 591
iljarov F. 320
ilьferding A. F. 53
incburg J. 182
inhardt K. 429
ippius V. 569, 732
los T. 191
nědič P. P. 569
oethe 181
oetz R. 592
ofman M. 728
ogolь 577 n., 727, 729, 732, 733, 738
olanov I. G. 580, 749 až 754

Goldschmidt H. 192
Golьdenvejzer A. 736, 767
Golovin, hr. 715
Gončarov I. A. 583, 733 n.
Gorbunov I. F. 735
Gorodcov V. A. 755
Gorьkij M. 737, 739, 768
Gornfelьd A. 732, 737
Gorskij A. V. 45, 46
Gospodinkin D. J. 761
Gostomski W. 169, 541
Grabiec 540
Graud-Graudevic Ž. 587
Grdanitchky Damaskin 511[1]
Gregor A. 191
Griboědov 569, 583, 732, 739
Grigorij, ieromonach 146
Grigorij, inok 159, 161
Grigorij Sinait 515
Grigorьjev A. 581
Grigorьev Ap. 568, 736, 738 n.
Grigorovič D. V. 731, 733, 739, 768
Grigorovič V. J. 46, 47
Grjaznyj-Ilьin 708
Grossman L. 188, 566, 568, 569, 729, 733, 735
Grot J. 734
Grot K. Ja. 579
Grueber B. 396, 401, 402, 403
Grumel V. 592
Grünenthal O. 141
Gruševsьkij A. S. 720
Gruševsьkij M. 487
Gruzinskij A. E. 568
Grzymała-Siedlecki A. 170
Gubrynowicz B. 536, 538 n.
Gudev 474, 480 n., 483
Gudzij N. K. 577, 583, 716, 722
Gvozdev A. A. 163
Gulbe A. 587
Gvido de Columna 710

Haas Fr. 445
Hájek z Hájku Tad. 524
Hancov V. 462—470, 695 až 706
Hanka V. 191, 299, 543 n.
Hanuš J. I. 69, 588, 590
Haškovec P. M. 586
Havlíček Borovský K. 65
Haupt A. 434, 439
Havránek B. 564
Havlík 288 n.

Hegel 68, 69, 70
Heidler J. 793
Heine 566
Hejduk A. 793
Henricus de Hassia 383 n.
Henricus de Oytta 383 n.
Herder 68
Hermann E. 34
Hermann M. 163
Herodot 646
Hesse Hermann 185 n.
Hesychios Jerusalemský 565
Hirt H. 672
Hitsch J. P. 592
Hnátek 769
Hoffmann E. T. A. 577, 583
Hoffmann N. 187
Hofman 769
Hoene-Wroński 539
Homér 649 n.
Horák J. 767, 768
Horatius 649
Hrubý J. 581
Hrubý V. 589
Hruševśkyj M. S. 140
Hujer O. 178—180, 190, 191, 563 n., 796
Hus Jan 312 n.
Húsek J. 761
Hýsek M. 191

Chadžov J. 763
Chalabaev K. 727
Charlampovič K. V. 348, 716
Chlebowski Br. 540
Chmielowski P. 169
Chod ko Al. 545
Chołoniewski St. 540
Chomjakov A. S. 746
Chotek K. 769, 770
Chrabr, mnich 47, 51
Chrzanowski Ign. 165 až 172, 533—542
Chumu Georgi 591
Chvorostinin Iv. kn. 710

Ignatov I. N. 583, 735
Ignatov S. S. 577
Ikonnikov V. S. 150, 707, 719
Ilešić F. 793, 796, 797
Iliev J. 760 n.
Ilьinskij G. A. 45—64, 191, 246, 248, 249, 250, 263—271, 564, 578 n., 579 n., 580, 582, 583, 585, 596, 795

Ilьinskij J. V. 768
Ilьinskij L. K. 503, 568, 569, 733
Ilovajskij D. J. 53 n.
Ioakim Osogovskij sv. 510
Ioann Grozryj 708
Ioann Osogovskij sv. 509
Ioann Rilskij 510
Iov, patr. 711
Istomin K. 569
Istrin V. 146, 147 n., 487 n., 493, 499, 502, 504, 726, 772
Ivan III. 94, 100
Ivanov J. 761, 763
Ivanov P. P. 759 n.
Ivanov-Razumnik 727, 732, 738
Ivanov Vjač. 567 n.
Ivanova Z. P. 761
Ivanovitch I. 592
Ivković M. 793
Izmajlov N. 585, 730
Jacimirskij A. J. 489 až 492, 579

Jackovskij 54
Jagić V. 47, 147, 150, 160, 191, 263, 373 n., 377, 382, 472, 477, 540, 564, 792 n., 796
Jakobson R. O. 272—315, 567, 753
Jakoubek ze Stříbra 190
Jakovlev M. A. 504
Jakub, slepec 305—308
Jakubec Jan 65, 191, 315
Jambrešić A. 795
Janka, doč Vsevoloda 328
Janko J. 586
Jannis, patriarch 141 n.
Jarho B. J. 75—93, 352 až 363
Jarcho V. I. 577, 578, 579, 581
Jarník J. U. 180, 191, 586, 793
Jaroslav Mudryj 552 n.
Jaroslav Osmomysl kn. 607
Jastrebov N. V. 793
Javorskij Ju. A. 578
Jaworski W. L. 540
Jazykov N. M. 739
Jedlička Benj. 190
Jedlička Bohdan 191
Jeran L. 47
Jespersen O. 31[3], 33
Jež T. T. 169
Jireček K. 301, 474, 484, 506
Jokl N. 447—456
Jordanov V. 765
Josek Otokar 590
Joung 589
Jugie 592
Jungmann Jos. 532
Jurjević Bart. (Gywrgyewych) v. Georgijević 522

Kačanovskij V. V. 149, 150, 151, 156[2], 157[1], 158
Kadlubovskij A. P. 502, 578
Kagarov E. 583, 584, 585
Kalita Ivan kn. 615—618
Kallaš V. V. 569
Kalousek J. 581, 590
Kalužnjackij E. 577
Karadžić Vuk 655, 657, 666, 667[7]
Karamzin 568, 706, 739
Karcevskij S. I. 752
Karinskij N. M. 493, 752, 753
Karneeva M. 581, 584
Karskij F. F. 138, 577, 581, 582, 583, 718, 767
Kartašev A. V. 328
Katenin P. A. 730
Katyrev-Rostovskij kn. 710 n.
Kazanovič E. 738
Kazanskij S. 582, 585
Kidrič Fr. 521—535, 794
Kignu-Delov 738
Kikanka P. 587
Kiprian, mitrop. 706
Kirěevskij J. V. 69
Kiselkov V. S. 763
Kjui C. A. 183
Klácel F. M. 69
Klaić V. 521, 589
Klaret 191
Kleiner Jul. 540
Kleinschnitzová F. 190
Klevenskij M. M. 569, 735
Kliment sv. 493, 506—508
Ključevskij B. O. 496, 748
Knjažnin V. N. 568, 732, 738
Kočubinskij Al. 48, 65
Kogan P. S. 565, 736
Kołaczkowski St. 536
Kolberg O. 768
Kolessa O. 767
Kollár J. 65—74
Kollinus z Chotěřiny Matouš 589
Kołodziejczyk 543
Kolosov M. A. 270[1]
Kolovrat hr. 66
Kolovrat Libštejnský 590
Komarovič V. 184 n., 733
Komenský J. A. 590
Kondakov N. P. 101, 560 až 563, 761, 769—771
Kondakov S. 181—183, 570, 574 n., 769—771
Koni A. F. 568, 731, 734
Konstantin Diogen 550
Konstantin Filosof 48, 49, 52, 53, 55, 56, 57, 141 n., 471, 507 n.
Konstantin Mih. z Ostrovice 524
Koper F. 414
Korolenko 588, 727, 737 n., 739
Korotyński W. 167
Korš F. E. 28[1], 579, 749, 754
Kos M. 370—391
Kosmas Pražský 220 n.
Kossakowski Jan 543
Kossinna G. 194
Kostić Drag. 513
Koševerov S. 736
Koštiál J. 794, 796
Košutić P. J. 751
Kot St. 540
Kovalenskij M. N. 577
Kramskoj I. N. 182
Krappe A. H. 221, 791
Krasiński 535
Kraszewski 539
Kremer J. 539
Křepinský M. 586
Križanić, sin Dražice 386 až 388
Krjukov V. N. 579
Krukovskij A. V. 578, 581
Krumbacher 149, 488
Krylov 739
Krymśkyj A. 139, 687, 695
Kuba L. 767, 770
Kubasov I. 730
Kubasov S. 710 n.
Kuftin B. A. 752, 755
Kulakovskij P. A. 578
Kulakovskij S. 582
Kul'bakin S. M. 459 až 462, 684—694, 753, 792, 793, 795, 796, 797
Kunik E. 47, 741
Kupalo Janka 503
Kurtz Ed. 591
Kurylo O. 692, 693
Kurz J. 180, 190—192, 585 n., 790—797
Kuzov A. 760

La Bruyère 631, 646 až 649
Lach-Szyrma 543
Lake Kirsopp 473
Lam St. 166, 540
Lamanskij 49, 55, 578
Lambertz M. 592
Lange J. 587
Lange T. 580
Lapšin J. J. 733
Laskirev Dm. 616
Latyšev V. V. 493 n.
Lavreckij A. 735
Lavrov 63, 150, 159—161
Lavrovskij N. 51
Lazar, srbský 515, 517
Lazarevskij B. 726
Lážňovský 770
Lebedev I. A. 582
Lebedincev F. 52
Leger L. 191, 370, 382, 578, 586, 591, 791, 793
Lehner F. J. 395—401, 415 n., 419—423, 434, 440 n., 443
Lehr-Spławiński T. 459 až 462, 585, 596, 695, 765, 791, 795
Lemke M. K. 568
Leonardus de Laybach 386
Leonid, arcib. 146
Lermontov M. Ju. 576, 578, 583, 727, 730, 739
Lessing 620, 652
Lev Grammatik 148
Levis of Menar 189
Libelt K. 539
Lichačev N. P. 104, 483, 501
Limanowski B. 540
Linschmann Th. 591
Liudprand 743
Ljackij E. A. 767
Ljapunov B. 582, 684 až 694
Ljatoševič Ivan 164, 717
Ljubavskij M. K. 710
Ljubomirov P. G. 709
Loboda A. 723, 724
Loks K. G. 569
Lomonosov M. 578
Longinov M. 731
Loparev Ch. M. 569, 707
Lopatto M. 729
Loś J. 585, 797
Lübeck 592
Lüders 673
Lukáš, kněz 589
Lukьjanskij B. E. 569, 577
Maculevič L. 97
Mácha K. H. 190
Máchal J. 543, 545, 588, 591
Machek V. 593—597
Majkov L. N. 710
Majkov Val. 184 n., 567, 731, 735, 739
Majnarić N. 795
Makarij, arcib. 57, 105
Makarij Bulgakov, mitrop. 488
Makarij Římský 496
Makoveckij D. 737
Maksimovič M. A. 579
Makušev V. V. 50, 62
Małecki A. 536—539
Malejin A. 581
Malewski Fr. 544 n.
Malyševskij J. J. 58 n.
Mandičev ъkij 487
Manuil Komnin 606—618
Mansikka V. J. 791
Marais P. 385[1]
Marek A. 190
Maretić T. 76[1], 794, 796
Markevič A. J. 49
Markov A. V. 320, 578, 579, 581, 582, 585, 609
Marković V. 505—521
Markovič Ivan 767
Marlinskij 735
Marquart 59
Marshall 591
Martini S. 108 n.
Masaryk T. G. 65, 68, 766, 769
Maštakov P. L. 503
Mathesius V. 585
Matiegka 767
Matuszewski Ignacy 170 až 172, 533 n.
Matveeva [illegible]. 578
Maxim Grek 707
Maze S. Ja. 752
Mazon A. 586, 765, 793
Maždrakov T. 761
Mažuranić V. 763
Medvědev 165
Medvedev P. 732
Medvědev Silьvestr 337
Megiser J. 795
Meillet A. 213, 257, 258, 264, 449, 596, 601, 673 až 684, 765, 791, 792, 794, 797
Mej L. A. 584, 739
Melich J. 571
Melьgunov Julij N. 768
Melьnikov P. J. 581
Menьšikov A. D. 715
Menьšikova M. D. 715
Menšík J. 586, 589
Mercati 591
Merežkovskij D. 185
Meringer R. 192, 217[1]
Methoděj 471, 507 n.
Metternich 66, 70
Meyer E. A. 35[2], 36, 40[1], 44
Meyer K. H. 585
Meyer-Lübke W. 191, 192
Mickiewicz Adam 543, 545
Michail, bulh. kn. 475
Michail VII. Duka 316, 327, 329
Michail, ierej 722
Michail, kn. Tverskoj 707
Michajlov P. 765
Mijatović 522, 530[1], 532
Mikalja 795
Mikkola J. J. 563, 580
Miklosich F. 57, 143 n., 150, 215, 478, 667[1]
Miletič L. 764, 768
Miljutin V. A. 567
Miller V. F. 609, 611 n., 615
Millet G. 108
Miloš Obilić 516
Milovidov 719
Milutin, srbský 154
Mindalev P. 581, 714
Mirotický Jan 524
Mitrofan, arcib. 613
Mjakotin V. 737
Mladenov S. 577, 599, 763, 765, 758—765
Modzalevskij B. 728, 729, 737
Mogiljanskij N. 572 n., 769
Mojzes S. 586
Mokłowski br. 414, 422
Molčanov A. E. 568, 734
Molière 732
Morariu Leca 771 n.
Moravus Jan (Bessa) 524
Moréri 385[2]
Moszyński 768
Mseriane L. Z. 580
Mstislav kn. 614
Mühlenbach K. 179
Much R. 200[1], 214
Mukařovský J. 586
Müler Jos. 590
Müller Karel 591 n.
Muratov 110
Murko M. 65, 69, 76, 159, 575, 766, 767, 770

Murnu 771
Musorgskij 183
Musulin S. 564
Mychalьčuk 462, 463, 577, 697
Myšeckij kn. 715

Nadeždin N. I. 742
Nahtigal R. 372, n., 796
Naštokin P. V. 566, 729
Naum sv. 506—508
Nazarevskij A. 580, 582
Nejedlý Zd. 272, 308, 312
Nejman B. V. 583
Nekrasov 184, 569, 577, 730 n., 733, 735, 739
Nemanja Stefan 512, 771
Němcová Božena 590
Nevostrujev K. 57
Niederle L. 194, 195, 196, 197, 198, 199, 201, 202, 203, 210, 213[1], 214, 219, 220, 394, 560, 571, 759, 771, 791
Niedermann M. 192
Niemcewicz J. U. 583
Nikifor, patriarch 148
Nikiforov A. I. 496, 714, 718
Nikita Choniat 608 n.
Nikita, patriarch 506
Nikitenko A. V. 728, 731
Nikolьskij A. I. 577
Nikolьskij N. K. 336, 338 n., 345, 493, 498
Nikolov M. 761
Norden 82[1]
Nováček V. J. 585
Novák Arne 65—74
Novák K. 191
Novaković St. 508, 551, 579
Novikov 767
Novikov N. I. 727
Novosilьcov N. N. 544

Obmiński 422
Obnorskij S. P. 577, 578, 579, 751
Obradović Dos. 619—654
Odoevskij A. 730
Odoevskij V. F. 566
Odrovanž Jacka (Giacint) 334
Ogarev N. P. 189, 730, 739
Ohijenko I. I. 583, 686
Oksman 188 n., 733, 734
Okuněv Nik. 769
Oldřich z Rožmberka 589
Oleg 745
Onegin A. 728
Orlov A. S. 504, 568, 581, 582, 710, 752
Orlov S. P. 767
Orzeszkowa 166, 169
Osokin N. A. 50
Ostoić Tihomir 621
Otrokovskij V. 582, 721, 724
z Ostrovice v. Konstantin
Ostrovskij A. N. 566, 581, 584, 727, 733, 735 n., 739, 768
Ostrožskij Klirik 720
Ozerov V. A. 581

Pachomenko 52
Palacký Fr. 65, 69, 72, 481, 588
Palčikov N. E. 761
Palicin Avraamij 709, 711
Palьmov I. S. 51
Panaev 735
Panaeva A. 731
Pankěvič 761
Papadopoulos 592
Papahagi T. 765, 771
Papée St. 168
Parfirij, biskup 48
Pastrnek Fr. 141—144
Páta Jos. 590, 797
Patera Ad. 272, 305, 315
Patsch 592
Paul K. 586, 588, 591
Pavel, apostol 323
Pavel iz Krbave 372, 374, 386—388
Pawlicki Josef 539
Payne Petr 589
Pedersen H. 268
Penev B. 364
Percov P. 732
Peretc Vl. 161—165, 336 až 351, 486—505, 568, 577, 580, 706—726
Perfeckij E. 487
Pervolьf 51, 144, 200
Peškovskij A. M. 752
Pěterson E. 587, 591
Peterson N. M. 752
Petersson H. 601, 763
Petković S. 797
Petković Vlad. 505, 506, 512[2], 515, 519
Petriščev A. 737
Petrov A. L. 722, 768
Petrov D. K. 494
Petrovskaja Ju. V. 138
Petrovskij M. A. 569
Petrovskij N. M. 494, 579, 583, 585
Petrus de Carniola 386
Petuchov E. 585
Philes Manuel 591
Philippi 99[1]
Pigoń St. 542—546
Piksanov N. K. 565 n., 569, 712 n., 726, 72[illegible] 730, 731, 732, 737
Pindar 649
Pisarev D. 738 n.
Piwowarczyk Jan 536
Pjast V. 732
Plākis G. 577
Platonov S. F. 57, 70[illegible] 710
Pleščeev A. N. 184 n., 73[illegible]
Pletnev 730, 731
Plevako I. M. 718
Poddubnyj I. P. 754
Podъjačev M. N. 578
Pogodin M. 47
Pogorelov V. 579, 764
Pogorelьskij A. 577
Pokrovskaja E. 733
Pokrovskij M. M. 776 a 786
Polikarp, igumen 325
Polivanov I. L. 566
Polívka J. 217, 766, 76[illegible] 768, 769, 770
Polockij Sim. 164, 717
Polonskij Jakov 731, 73[illegible] n., 735, 739
Ponomarev F. 580
Popov A. 149, 150, 15[illegible] 479, 489, 493, 499
Popov I. 736
Popov N. P. 711
Popović I. Sp. 772—77[illegible]
Popović P. 159, 646 n.
Poppel N. 94
Popruženko M. 765
Portugalov M. 734
Porzeziński W. 752
Pospíšil Fr. 762, 763
Potapov P. O. 495 n., 49[illegible] 581, 726
Potebnja 462
Potij Ipatij, bisk. 720
Poznanskij 585
Prač Jan 767 n.
Praechter 771 n.
Pražák Albert 543, 59[illegible]
Prěsnjakov 488
Priselkov M. D. 52, 32[illegible] 326, 327, 488, 497, 7[illegible]
Procenko 741
Procházka Matěj 49
Prochor Pšinskij sv. 509
Prokeš Jar. 590

okop A. 396, 399—401, 403, 432
ošek Jan 590
otopopov S. 737
us Bolesław 166 n.
utkov Kozma 739
zybyszewski St. 166
ell M. 327, 329
ırkyně 766
ıškin A. S. 566—568, 582, 583, 727—730, 739
ıškina N. N. 566

ıdčenko K. 619 n., 627, 629
ıdiščev A. N. 727, 729
ıdlov E. 733
ıdojčić Nik. 505
ıdonić Jov. 645
ıjnov 730
ık B. 586
ıkovski J. S. 763
ımovš F. 563, 790, 793, 796
ıstorgujev P. A. 752
ıwicz 540
au L. 791, 792
edin E. K. 769
epin I. E. 182
ešetar M. 373, 792, 795, 796
eymont 166, 170
ezanov V. I. 581
eger 47
mskij Korsakov 183
tschel Jiří 589
urik 743—745
odzevič S. I. 583, 735
oheim G. 192
ocher K. 585 n.
okycana Jan 589
oman IV. Diogen 510
omanový 558, 742
omanski S. 768, 765
omer 767, 769
ostafiński J. 201, 210¹
ostovcev M. I. 769
ostworowski K. H. 540
oudet 13 n., 17
ouet de Journal M. J. 791
ousseau 620
ozanov I. N. 569, 580, 730, 734
ozanov S. P. 501
ozov V. 145—161, 474 až 485, 505—521, 772 až 774
ozwadowski J. 200, 250¹, 465, 468, 596
Rožmitálu Lev 586

Rożniecki S. 215
Rublev A. 108 n.
Rychlík E. A. 582

Sadikov P. 708
Sadovskij P. 736
Sahánek S. 190
Sachnovskij V. 736
Sakař Josef 590
Sakulin 565, 567, 568, 726, 727, 729, 735
Salaba Jos. 590
Salač A. 191
Samuil bulh. 508
Sasinek 49
Saussure F. 127
Sava sv. srbský 512—514
Savčenko S. V. 578
Savina 568, 734
Savodnik V. 729
Sawicki 769
Sazonov N. 735
Sědelьnikov A. 316—335, 606—618, 752
Sedláček Aug. 590
Sedlák J. V. 586
Seliščev A. M. 752
Semennikov V. 727
Semper 394, 415
Severьjanov S. N. 138 n., 460, 779 n.
Schiller 540, 584
Schmid H. T. 191, 586
Schöndorf F. 592
Schröckh J. Mat. 644 n.
Schwentner E. 192
Sičynskyj V. 768
Sidorov A. A. 567
Siemieński L. 539 n.
Sienkiewicz H. 166, 168 n., 535
Sievers E. 3⁵, 4¹, 6¹, 17 n., 24, 31³
Sikorski Wł. 540
Silьvestr, igumen 323
Silviu Dragomir 770
Simeon Logofet 148 n., 160 n.
Simon, arcib. 350 n.
Simoni P. 713, 714
Simovyč V. 601 n., 687
Sinkell Georgij 148
Sinko T. 535
Sipovskij V. V. 580, 726
Sirelius 438
Sivkov K. 775
Skarga P. 722
Skerlić Jov. 621
Skok P. 121—124, 621, 790 n., 794, 796

Sköld H. 173—177, 563
Skorodumov L. N. 9¹
Skvorcov B. 581
Sládkovič A. 190
Slavejkov Petko R. 364 až 369
Slavineckij Epifanij 337
Slonimskij A. 732
Słoński S. 797
Smal-Stoćkyj S. 462—470, 695—706
Smirnov A. 726
Smirnov I. M. 492
Smirnov J. I. 769
Smirnov P. S. 715
Smirnov V. D. 504
Smetana Aug. 69
Smoleŕ J. E. 768
Snoj Andrej 471—473
Sobolevskij A. I. 55, 61, 63, 140, 147, 236 n., 246, 247, 248, 250, 270, 469, 476, 488, 492, 563, 577, 579, 580, 581, 582, 697, 711, 749, 752, 757 n.
Soden 470—473
Sokol V. 190, 589
Sokolov B. M. 498, 569, 581, 584, 609, 615, 754
Sokolov E. I. 490
Sokolov J. 734
Sokolov M. 51
Sokolov N. N. 580, 581, 583, 584, 695, 749, 750, 753, 754, 793
Sokolov Pl. 616
Sokolov V. M. 76¹
Solovьjev A. 582
Solovьev V. N. 716
Solovьev V. S. 733
Sommer F. 582
Sommerfelt A. 601
Spekke A. 586
Speranskij M. N. 487, 488, 495, 500, 503, 579, 728
Spicin 56
Spina 307
Spiridonov V. V. 568, 737, 738
Sreznevskij J. J. 49, 103, 143 n., 150
Sreznevskij V. J. 148, 568, 736, 767
Stáhlík J. 191
Stanojević Stan. 505
Stasov V. V. 181—183
Stavrovič A. 711
Steel R. 633
Stefan II. Lazarević 159, 518

Stefan Dušan 514
Stefan Prvovenčani 512, 771
Stoilov A. P. 598—600, 768
Stojanović Lj. 519, 793, 794, 795, 796, 797
Stojanović M. 656[1]
Storoženko A. V. 685
Strachov N. N. 187
Strejček F. 586, 591
Strozzi E. 586
Stryjkowski 720
Strzygowski Jos. 392 až 446
Studynskyj 767
Stumberg M. 587
Stumpf G. 419
Suchomlinov M. J. 50, 147
Suchotina-Tolstaja T. L. 737
Sumarokov 163, 567
Sumcov M. 718
Sumcov N. F. 793
Sušicьkyj T. P. 719, 720, 723
Sušnik F. 795
Svencickyj J. 191, 686
Svinьjin P. P. 577
Svitavský O. 586
Syčov N. 95[1]
Syńavśkyj O. N. 686, 690[1]
Syrku P. A. 551
Szabłowski 543
Szabo Károly 522
Szafran J. 539
Szober St. 585, 586, 676 až 684
Szyjkowski M. 586
Szymanowski W. 540

Šafařík P. J. 46, 56 n., 202, 205, 213[1], 215. 218, 219, 471, 532, 584
Šachmatov A. A. 52, 56, 138, 139—141, 146, 147, 248, 249. 255. 263. 322, 324, 330, 463, 488, 501 n., 687, 690, 693, 695, 701, 744, 748, 751
Šalina A. 587
Šambinskij S. 736
Ščeglov J. 738
Ščeglov P. 728
Ščeglova 164, 708, 717, 723
Ščepkin E. N. 747
Ščepkin V. N. 97, 577
Ščerbakivskyj V. 761
Šebánek J. 589
Šeffer P. N. 501
Šercer 620
Šeremetev B. 715
Šestakov 59
Ševčenko S. 579, 583
Šević M. 620
Ševyrev S. P. 474
Šimák J. V. 588, 590
Šimek F. 190, 191
Šiškov 768
Šišmanov J. D. 767, 770
Škarić Đ. 796
Škorpil H. 191
Šljapkin I. A. 162, 490, 569, 582, 715—717
Šmaha Jos. 589
Šmidts P. 791
Štelin 717
Štítný Tomáš 590
Štrekelj K. 122, 585
Štulc V. 47, 545
Štúr L. 588
Šuvalov S. V. 569
Švambera 759, 762
Švarc V. G. 182
Świadecki Jan 536
Świętochowski A. 166

Tarabrin J. M. 753
Tarnowski St. 540
Tatarskij J. 164
Tempka-Nowakowski 533
Teodorov-Balan 141—144, 762
Terentij, protopop 710
Ter-Mikol'jan S. 583
Ternovskij D. A. 581
Tešlák P. 191
Theodoret z Kyru 564
Theokritos 584
Tiander 744
Tichonravov N. 725, 726
Tille V. 181, 220
Timofej, igumen 159
Tischendorf 471
Titov F. 721
Titz K. 121—124
Tjutčev 566, 567, 730, 735, 739
Tkalčić 769
Todorov P. 761
Tolstaja A. L. 775
Tolstaja S. A. 734, 737
Tolstoj A. K. 734
Tolstoj L. N. 188, 540, 568, 727, 736 n., 739, 747 n.
Tomaševskij B. 727, 728, 729
Torbiörnsson T. 127—138, 457—459
Traub H. 589 n.
Trautmann R. 588, 595, 673—676
Trávníček F. 190, 585, 586, 795
Treimer K. 447—456
Trepperel J. 385[2]
Tretьjakovskij V. K. 165, 717
Trifonov Ju. 763—764
Trojanović S. 768
Trubar P. 794,
Trubeckoj N. S. 753, 767, 795, 796
Trubicyn N. 578
Truhlář Jos. 299, 300, 30[illegible]
Tulliu 771
Tunickij N. L. 63, 490 n
Turcerová H. 545
Turgenev I. S. 568 n., 581 585, 731, 733, 734 n. 737, 739, 775
Turkupul' J. 587
Tymčenko E. 577
Tynjanov 729, 733

Ullrich Joh. 402, 403, 41[illegible]
Undolьskij 149
Uroš Milutin 771
Uspenskij F. J. 51, 485
Uspenskij Gl. 733
Uspenskij Porfirij 516, 55[illegible]
Ušakov D. N. 579, 580 581, 695, 749, 753, 75[illegible]
Uvarova P. S. 574 n.

Václavek B. 191
Václavík 768
Vaillant A. 765, 797
Vajs Jos. 470—474, 564 n. 571
Vakarelski Ch. 761
Valedinskij J. 579
Varlaam (Vasilij), inok 70[illegible]
Varneke B. 569, 581, 584 585
Vasenko P. G. 709
Vasilьevskij V. G. 57 n 62, 148 n., 159, 160 n 744 n.
Vasilьjev L. L. 584
Vasmer M. 191, 237, 45[illegible]
Vasnecov V. M. 182
z Veleslavína D. A. 191
Veličkovskij Al. 716
Veličkovskij Ioann 716
Velo Nikolas 771
Vendryes J. 191
Venevitinov D. V. 577, 7[illegible]
Vengerov S. 727

asilevs 316, 327
ergilius 649 n.
erkhovsky Gl. 592
ernadskij G. 485 n., 549 až 551, 560—563, 746, 792
eselovskij A. N. 488
eselovskij Aleksej N. 569
eselovskij Ju. 568, 569, 725, 726
ětrinskij V. E. 569
nogradov N. N. 164, 751
nogradov V. 731, 732, 733
nokur G. J. 751
šenskij Iv. 720
šnevskij M. 569
truv 438
odnik B. 522, 532
oelcker 163
oileanu Mateiu 772
ok Petr z Rožmberka 590
olf Jos. 588 n., 590
olkelt 167
ondrák V. 191, 213, 293, 595, 596
oskresenskij Gr. A. 472, 569
ostre Simon 385[2]
oznesenskij A. 578, 580, 581
oznjak M. 487
ančić F. 795

Vsevolodskij-Gerngross 716
Vsevoložskij J. 735
Vulić N. 791
Vydra B. 586
Vysockij Arsenij 337

Wachholz L. 181
Wapowski B. 200
Weigand G. 449
Weingart M. 145—161, 474—486, 585, 586, 589 až 591, 596
Weinhold 394
Wesser 402, 417
Weyssenhoff 166, 534
v. Wijk N. 124—127, 173—177, 457—459, 790, 795
Willman-Grabowska H. 676—684, 797
Witkowski 169
Włodek L. 167
Wolfskron A. Ł. 403
Wukadinović 181
Wyspiański 533—536

Zabolotskij P. A. 569, 576, 583
Záhoř Zd. 590
Zakrzewski St. 218
Zaleski Z. 169
Zamotin J. J. 576, 583
Zan T. 544 n.
Zapletal F. 396
Zdziechowski M. 540, 541
Zejleř H. 590
Zelenin D. K. 583
Zelenka Mir. 542—546, 586, 766—770
Zelinskij T. 168 n.
Ziliňskyj J. 462, 695, 697
Zemka T. 721 n.
Zeyer Jul. 590
Zich Ot. 768
Zich St. 571
Zima L. 76[1], 78[1], 353[1]
Zlatarski V. N. 483, 591, 763 n.
Zmorovič A. 581
Zrębowicz Roman 542
Zubatý J. 190, 580, 583

Žalud Ant. 590
Ždanov J. N. 607, 609
Žebelev S. A. 570, 769
Žemčužnikov 739
Žeromski 166, 170—172, 540
Žirmunskij V. M. 565, 726, 729, 731
Žukovskij V. 739

Rejstřík věcný.

akcent 9—11, u přejatých slov 173 n.; — v litev. deklinaci 127—131, 136 n., konjugaci 131—135, 137, 457 n.; pošinování akcentu z akcentuační otevř. slabiky na předcház. krátkou slabiku v litev. 135 n., 137, 457; pošinování podle zákona Fortunatovova-Saussurova v litev. 137; — lotyš. akcent 577; — v stprus. konjugaci 457; — v slovan. jazycích 793, 795; — v bulhar. 794; — v srbsko-makedon. dial. 793 n.; — stabilisace akcentu v záp.-slov. jaz. 791; — vliv akcentu na kvalitu vokálů v malorus. dial. 697—700; — akcent v maďar. 174 n., 176.

albánština, slov. vlivy 447—449; — sandhiové jevy 452. — Arhiv za arbanasku starinu, jezik i etnologiju 179 n.

apokryf o Makarii Římském 496

archeologie ruská 183, 570, 574 n.

„Archivnoe dělo" 569

Assemanianus, fototypické vyd. 571

austroslavismus 72 n.

baltské jazyky, baltsko-slov. slovník Trautmannův 674—676; intonace dlouhých slabik 124—127.

Barlaam a Josafat v rus. lit. 578

Beseda Kosmy Presbytera 764

Bulharsko: dějiny XI.—XII. st. 549 n., literatura XIV. st. 477, ordy na Krymu 54.

bulharský jazyk, historie 765; klasifikace střbulh. památek 792; jazykové památky 762; hranice mezi srb. a bulh. 577; dialekty: kosturský 760, arnský 761, kazanlcký 765, lexikál. materiál z dialektů 761; topika z krajiny Burel 762.

byliny, apokryf. elementy v bylinách 581

byzantologie 145

byzantské umění 561—563

Bъlgarski starini 764

církevněslovanský jazyk, mluvnice Lehra-Spławińského 459—462; chrestomatie Georgijevského 180

Codex Venetus Marcianus N. 60[illegible] 148 n.

composita v slovanském překladě Ma[illegible] nassia 477—478

Cyril a Metoděj 791

cyrilice 373 n.

Časopis Národního musea 588 n.

Časopis pro moderní filologii a litera[illegible] tury 585 n.

Čechy: architektura církevní 392—446, církve kamenné 395—401, dřevěn[illegible] 401—414, literární styky česko-jiho[illegible] slovanské 530, česko-polské 543 n., politické myšlení 65, 71, 72, staro[illegible] český verš 272—315, staročeská písn[illegible] 272—315

československý jazyk, česká filolog[illegible] v l. 1907—1921 str. 796; česká mluv[illegible] nice Musulinova 564; čes. slova v ro[illegible] mán. jaz. 121—124; intonace v češ[illegible] 35 n.

československý rozkol 579

černy i rězy Chrabra 47, 52

čisaonica, míra 655—657

číslo v bulh. nár. poesii 761

damaskin v bulh. literat. 759

deklinace, lat. gen. sg. *o*-km. *-ī*, kon[illegible] son. km. *-os*, *-us* 782; — akcen[illegible] v litev. deklin. 127, 131, 136 n.; — zbytky duálu v lotyš. 587; — nomin. tvary v slovan. jazycíc[illegible] 791 n.; slož. deklinace adjekti[illegible] 795; — *-u* v gen. sg. sb. mask. v slo[illegible] vinštině 795; — pol. konc[illegible] nom. pl. *-i* ‖ *-owie* 681; gen. pl. s[illegible] mask. v pol. 681 n; *słudzy* ‖ *sług*[illegible] 682: mask. na *-a* v maloru[illegible] 693 n.; *-'a* v nom. sing. neutr. *tjo*[illegible] kmenů v maloruš. 702; — viz i pro[illegible] nomen.

Devgenievo dějanie 500

dialektologie ruská 749—757

dissimilace konsonantu *h* v češt. 190

Dobrudža 764

dominikáni v Kijevě 334 n.

Domostroj 581, 582

Dromitové 746

ická tradice o Manuilovi Komninu 606—618
os rus. 578
angelií překlad staroslověnský 470—474

lologu biedrības raksti 586—588
netika, svalové napětí při vyslovování hlásek 13 n.; vokály a konsonanty 23 n; difthongy 21 n., 24 n.; slabičné a neslabičné hlásky 23 n.; slabika 1 n.; dělení slabik 31 n.; — linguogramy výslovnosti rus. spis. jaz. 583.

llus (Kronika pol.) 221—223
ograf bavorský, jména zeměpisná u něho 217—220
ossy v kronice Manassia 479—483
dišnik na narodnata biblioteka v Plovdiv 765
dišnik na sofijskija universitet 761 a 763
avura německá na dřevě 106

brejské znaky 379, 389—391
teroklise v ide. jazycích 763
aholice 47, 372—382, 389—391
hilandarskoe Skazanie" 63

oždenie v Ierusalim i Egipet Vasilija Gagary 712

věstija na seminara po slavjanskata filologija pri universiteta v Sofija 758—761

rmo 593—595
žnoslovenski filolog 793—797

áštery Meteora, gramaty 550 n.
nenosloví: suffix *-ulā-* v ide. jaz. 594; — balt. *ia* a *io*- kmeny 582; — slovan. ethnická jména se suffixem *-itjo-* 197, na *-iči* 199; substant. na *-či* 579; — schorv. *dvojica*, *nekolicina* a pod.; — malorus. suffix *-śkyj* 693
njugace: akcent v litev. konjugaci 131—135, 137, 457 n.; akcentuace litev. futura 792; — akcent v st.-prus. konjugaci 457; — akcentuace slovan. aoristu a part. praet. na *lъ* 790; praes. slovesa *jesmь* 239, 251, 252; — zánik infinitivu a jeho zbytky v bulh. 760 n.; — part. praet. act. na *-le* a 3. sg. bez *-t* v rus. dial. pskov. 581
nsonantismus, albán. střídnice za ide. *li*, *tt* 454, 455; — litev. *š*-, slovan. *sk* | *χ* ze *sk*- 210; — zánik *i* před palat. vokálem v litev. 138; litev. *č*, *dž* < *ti*, *di* 138; — zánik *j*- na poč. slova v slovan. 255 n.; *ś*, *ź* v jaz. slov. 688; *g* > *h* v jaz. slov. 691; — střídnice za *ti*, *di* v schorv. a slovin. 790; *jt*, *jd*, *kt*, *gt*, *ht* v schorv. 793; — čes. *h* a jeho dissimilace 190; — assimilace ve skupinách konson. v pol. 678 n.; — rus. (pskov.) *gl* < *dl* 581; *sk* před *e*, *i* v struš. 216; malorus. *dž* < *dj* 693; *ś* v malorus. *-śkyj* 693; *r* v maloruš. 702
kříž arch. Alexeje (1359—89) 102
kroniky: 484, Amartoly 152, Judejská 147, Malaly 146—148, Manassije 152, 172, 474—484, Zonary 146, 149—159, 480—482, 499, byzantské v literatuře csl. 145—161, 474—487
„Kunhutina píseň" 272—286, 294—297, 314
kvantita, krácení akut. konc. vokálů v litev. 138; dloužení akcent. *ă*, *ĕ* v otevř. slab. středoslov. v litev. 138

latinské písmo v transkripci hlaholice 376—382, 389—391
legendy rus. o Jidáši Zrádci a Ondřeji Krétském 577; o apoštolovi Ondřeji 316—335; panonské 141—144
letopis Troická 706, v. kronika
Listy filologické 190 n.
litevský jazyk, Būgův slovník litev. 178; Benderův etymolog. slovn. litev. 178 n.
Ljudgoštinskij krest (1359) 102
lotyšský jazyk, Endzelinův slovník 179; mluvnice a slovník J. Langa 587; ražená intonace v lotyš. 6 n.; akcent 577; dialekty 587; národ. písně 791.

Maďaři, počátky národa maďarského 571
maďarština, akcent v maď. 174 n., 176
Manuil, jméno v staroruském užívání 608 n.
metathesa, slov. *tort*, *tolt* v rumun. slovích přej. ze slovanštiny 115 n.
metrika srbská národní 75 n.
mniśstvo: srbské středověké 505—521, slovanské 506, 509
mythologie, čes. pověst o Kroku, Libuši atd. 220 n.; ruská mythologie 583, 791; rus. Ekadъja, Ekatija 584

Narodna biblioteka v Sofii, rukopisy a staré tisky 764
Naučnye izvestija. Sbornik. 567—569
novgorodské fresky XIV. st. 106
numerale v jazycích baltskoslov. 675

Ochrid 508

Palea novgorodská (1477) 104—106, 110
paleografie cksl. 372—382, 389—391
panagiar novgorodský 98 n.
Paralipomenon Zonary 151, 159—161
Paraskevy Pjatnice socha 101
pasmo, míra 657—667
paterik: sinajský 492 n., kijevo-pečerský 493
Perun: 747, palice 330
písmo hlaholské, historie terminu hlaholice 583
poetika 565 n.
Polsko: literatura od r. 1863: 165—172, 533—542, polsko-české lit. styky, 543 n., nábož. písně 180, folklor 181, proces proti filaretům 542—546
polský jazyk, mluvnice Meilletova a Willman-Grabovské 676—684; — Słownik języka polskiego 180.
Pověst o Merkurii Smolenskom 713 n.
Pověstь vremennych lět 325
praeposice, jery na konci praeposicí v slov. jaz. 792; — čes. *s* a *z* 586; — *do*‖*di* a pod. dublety v maloruš. 601—604
predeno (motovilo), míra 667—670
přejímání řeči 585
přepsání, přeslechnutí atd. 192
prilepy 96 n.
pronomen, akcentuace pron. forem litev. 792; — slov. *jь* 239; deklinace slov. *kyjь* 795; — malorus. *toj, sej* 694
Psalterium sinaiticum, vydání S. Severjanova 138 n.

Revue des études hongroises et finno-ougriennes 571
Revue des études slaves 790—793
romantismus, ruský 583; r. německý a současná mystika 579
Rossijskaja Akademija Chudožestvennych nauk 565 n.
rumunský jazyk, slovan. prvky v rumun. a jiné vztahy k jaz. slov. 114 n., 117 n., 583, 790 n.
rumunská literatura 771
„Ruskoe more" 557 n.
Rusko: původ 551—559, 739—748, archeologie 574 sl., nauka 145, písmena 45—64, umění staré doby (západní vliv) 94—113, literatura: doba stará 486—505, 706—724, doba nová 724—739, význam klášterů 336—348, ukrajinský vliv 348—351, Dostojevský 184—189, literární badání 567 n., pověst staroruská 712 n., komedie XVIII. st. 567, dějiny divadla 161—165, 716 n., 723, letopis 324, 501, 706, lidové skazky a legendy 189, byliny 182, 606 n. vliv katolického západu 331 n. opisy klášterních knihoven XVII. st. 336—351, sloh východorománský 101, živopis 102 n., skulptura 95—102, miniatura 103—107, 111, ikonopis 108—111, epická poesie 767, píseň 768, staré osídlení řazanské oblasti 755; ženský šat v kasimov. a jelatom. újezdě 755.
ruský jazyk, Šachmatovovy a Krymského dějiny malorus. jaz. 139—141; Kuľbakinova hist. mluvnice malorus. 684—694; rus. dialekty a jejich zkoumání 580, 749 až 758; sev.-velkorus. a již.-velkorus. elementy v spisov. velkorus. jaz. 582; nová orthografie 584; lingvogramy rus. literár. výslovnosti 583; dialekt pskov. gubernie 583; dialekt kostrom. gubernie 584; terminy „maloruský" a „ukrajinský" 684 n.; klasifikace malorus. dialektů 695—706; poměr maloruš. k ostatní ruš. 685; bělorus. dialekty 584; význam kamory (cirkumflexu) v rus. památ. 16. a 17. stol. 584 n.
Russkij filologičeskij věstnik 576—585
rým srbský 75—93, 352—363

sandhi v albánštině 452, v polštině 679
Sborník Svjatoslava 1073 r. 148
Sbornik za narodni umotvorenija i narodopis 764
semasiologie, román. výrazy pro ‚pán' 191; — litev. a lotyš. výrazy pro ‚brambory' 192
Sigurd Fafnisbani, pověst o něm a její ohlasy v rus. eposu 577, 578, 579, 581
Sinajci 515 n.
Siony 100
Skazanije Abraamija Palicina 709
slabika, akcentuačně otevř. a zavř. slabiky 134; viz fonetika.
Slované, manželství u starých Slovanů 205—207; nejstarší slov. država na Balkáně 765; stěhování v jihoslov. krajích 790, 792; archeologie u Jihoslovanů 791
slovanské jazyky, baltskoslov. slovník Trautmannův 674—676; vztahy k rumun. 114 n., 583, 790 n.; intonace dlouhých slabik ve slov. 124—127; stabilisace akcentu v záp.-slov. jazycích 791
slovanské míry 655—672, texty v Toursu 370—391, vzájemnost u Kollára 65 až 74, národní písně 181, ethnografie 766—770, melografie 767 n.
Slovensko: ethnografie 588
slovinský jazyk, historická mluvnice F. Ramovše 563

ovo o čudě sv. Klimenta 493
ovo o pogibeli ruskija zemli 607 n.
ovo o polku Igorevě 502—505
ectator, časopis 622 n.
isanije na bъlgarskata akademija na naukitě 763
bsko: národní (lidová) metrika 75 n., verš 88—93, 352—363, západní vlivy u Obradoviče 619—654, mniššstvo středověké 505—521
bskochorvátský jazyk, právně-histor. slovník Mažuraničův 763; hranice mezi srb. a bulh. 577; intonace v schorv. 35 n.; akcent v srbsko-maked. dialektech 793 n.
aroslověnský překlad evangelií 470—474
aroslověnské žaltáře komentované 564 n.
ntax, o podstatě věty 585; — ide. slovosled 192; — literatura k bulh. syntaxi 761; — význam sloves. forem v schorv. 793, 796; věty bez slovesa v schorv. 795; — pol. *mię, cię, się* ve funkci genit. 683

ojanské mythy 771 n.
žbalice v. **zaplačky**

ćilišten pregled 765
gliči 746 n.
stav církevní Jaroslava Mudrého 552 n.

arjagové 743—747
ědomosti Moskovskago Gosudarstva 716
rš 12slabičný 75—80
achové 763 n.
kalismus, ide. *m̥, n̥* v albán. 456; — *ō* > *u* ve vulg. lat. 114 n; — *ā* > *ō* v litev. 138; — *u* > *o* dial. v lotyš. 586; — labialisace vokálů před *l* v slovan. 689; *e* na poč. slova v slovan. (dvojitost *e*‖*o*) 225—271, 689, před slabikou s *e* 250[1]; *e* > *ä* v slovan. po palat. konson. před palat. slabikou 248 n.; předsuté *i-* ve slovan. 196; slov. *u* z řec. *ω* 114, 115; *in, un* ve slovan. 461, vývoj *ę, ǫ* v jaz. slov. 691; jery před *j* ve slovan. jazycích 691; jery na konci praeposicí 792; — *e* na poč. slova v círk. slov. 461; — redukce vokálů v bulh. 598—600, 760; psl. *ę, ǫ* v střbulh. 797; *ǫ* v kotlen. damaskinu 759; jery v kostur. dial. 760; *ъ* a *ě* v střbulh. 792; — novoakut. *o* ve slovin. 793; — *e* v posses. adj. v česk. (*Malšev* a pod.) 190; přehláska *u* > *iu* a *o* > *ě* 190; psl. *ę* ve sloven. dial. 586; *r̥* > *ar* 210; — výslovnost pol. nosových vokálů 678; — vliv akcentu na kvalitu vokálů v malorus. dial. 697—700; difthongy v malorus. nářečích na Podlesí 462—470; labialisace vokálů před velár. konsonanty v maloruš. 693; akanije v maloruš. 697—700; *o-* > *e-* v rus. slovech přejatých z řečtiny 235—237; *e* > *a* dial. po palat. konson. 249; *e, o* > *i* v zavř. slabikách v maloruš. 467—469, 701, 704; difthong. výslovnost *ě, o* v jihovelkorus. dial. 584; *o* s cirkumflexem v rus. textech 16. a 17. stol. 584 n.; *o* > *i* na konci praeposicí *do-, zo-, nado-, po-* v maloruš. 601—604; výslovnost *e* v malorus. dial. 604; malorus. střídnice za psl. *ě* 528, 700, za pol. *i* 702, 704; rus. *ki, zi, chi* < *ky, gy, chy* 692

Wörter und Sachen 191 n.

zádonština 713
zaklínání a modlitby u podkarp. Rusů 578
zaplačky (tužbalice) srbské rým, aliterace 75—93, 352—363
Zbornik filoloških i lingvističkih studija A. Beliću 191
zednáři svobodní v Rusku za Kateřiny II. 792
Zerefer, pověst o Z. 579
Zographensis 191
zrcadlo v pověře 192

žaltáře staroslověnské komentované 564 n.
Žitie: Alexeje člověka božího 494 n., 708, Dimitrija car. 708, Feodosia Pečerského 325, Georgije Amastridského 58, Klimenta 507, Konstantina Filosofa 45—64, sv. Nikolaje 495, sv. Savy 513 n., Vasilije Nového 493

Rejstřík slov.

I. praslovanských a církevněslovanských

ašutь (csl.) 580
besěda 217
blagodětь 143
bľudo 578
bogъ 794
bojarinъ, boľarinъ 763
bratrъ 794
brěžda (csl.) 794
cěvь 579
čadь 761
čarodějь 142
čeχъlъ 580
čerьcь 580
čudinъ 205
čьpagъ (csl.) 579
čьrtъ 209
dobrodějь 142
duda, dudьka 211
e (interj.) 243
enufrija (csl.) 235
ese (interj.) 244, 245, 262, 270
eto (interj.) 244
fružьskyi 62, 64
golvьńa 579
gorazdъ 217
gordъ 116
gъnati 585
gъtъ 63
he (interj.) 243
ispolinъ 196
jadro 585
jagoda 582
jama 266
jarь 580
jaskъ, jaskyńi 217[1]
javorъ 454
jebati 239, 580
jeda 243
jedinъ, jedьnъ 240, 242, 243, 251, 252, 253, 262, 267–269
jedla, jedlь 240 n., 252
jed(ъ)va 240, 243, 244, 245, 248, 254, 262
jegda 239
jelenь 242, 248, 251
jelě 241
jeliko, jelišьdy 241, 242, 251, 252, 254
jelito 244
jelovo (csl.) 244
jelьcь 241, 252
jelьχa, jelьša 241, 244, 247, 254
jelьma, jelьmi (csl.) 243
jemľǫ 241, 251
jerębъ 242, 251, 252, 266 n., 271
jese 244, 245
jesenь 242, 248, 251, 270 n.
jesetrъ 242, 251
jesmь 239, 251, 252
jestьstvo 242
ješče 242, 243, 245, 248, 254, 261, 262
jeterъ (csl.) 243
jezero 242, 247, 251, 265, 270
ježe 240, 242, 246, 251, 254, 269
ježь, ježiti sę 240, 242, 247, 248, 251, 252
jьgъla 593–597
jьmel- 244, 248, 254, 262
kaditi 761
kalъ 673 n.
kapati 579
karь 215
kar 555 n.
kazati 143
kobyla, komonь 581
kolo 762
kopriva, kropiva 579
kǫsъ 674
krapľa 579
krepelъ 118
krъtъ, kъrtъ 209
kumirъ 215
kvasъ 580
kъnęzь 580
kъńiga 563
lata 582
ledva 243
lemešь 214
lěnьcь 585
liběvъ, libivъ 212
lobozъ, lobъzati 214
lopotivъ 212
lъkno 576
lьstь 576
malъžena 205 n.
mękъkъ 576
mętǫ 576
mělъkъ, mělь 201[1], 576
mogǫ 576
monisto 576
muχa, mъχa 576
mulъ 576
muna 576
murinъ 115
mъčati sę 576
mъzga 576
mьlčati 201[1]
mьža 576
nejęsytъ, nejęvěrъ 212 n.
neže 576
někъto 576
ni 577
noga 577
-nuriti, -nuŕati 194
nyrivъ 194
obьšlь (csl.) 580
oχidnovъ (csl. rus). 235
oklisiastъ (csl. rus.) 235
oksamitъ (csl. rus.) 235
oksapsalmъ (csl. rus.) 235
oktenija (csl. rus.) 235
oldьji 248
olějь 263
olni 248
olovo 244
ombolъ (csl. rus.) 235
omela 244, 248, 254
opętь 577
Opikurъ (csl. rus.) 235
Opimacha (csl. rus.) 235
opitemьja, opitimija 235
oporьkistъ, oporčistъ (csl. rus.) 235
orъmunьskъ (csl. rus.) 237
orьlъ 244, 262
ose (interj.) 244, 245, 262, 270
osika 244
Osopъ (csl. rus.) 235
ošče 243, 245
oto (interj.) 244
ovoštь 582
ože v. ježe
ǫtъka 577
pa- 208
polvъ 763
polьpěga 211
prušskyi 64
rakno (jihoslov.) 580
rěpъ, rěpij 241
riza 579
rosь, rosьskъ 57, 62
ruminъ, rumьskъ, rumьskyi 50, 115

ьskyi 50, 57, 62, 64
a 582
bati 208
tra 794
a 579
ra 210
lъ 578
vъ 201
ъ 762
dъkъ 763
nъ 763
dъ 143
linъ 196
ǫkъ, spruci 63
bati 216
borъ 215
ьženь, sьrženь 209
blo 216
žь 582
nьcь 763
ъ 'věž' 194
lnьce 585, 763
prǫkъ 63
rbati, sьrbati 208
rěbiti 144
na 763
tina 578
dinъ, štuždь (csl.) 205
djь 578
ъ 762
ǫditi 143 n.
796
čerъ 763
ьmǫžь 142
ati 580
torъ 675
ęcь 796
lodějь 142, 580
ovinъ 115

2. bulharských

тах, ватавь 794
дук (duduk) 211
ов 244
черга 579
чия (kočija) 122
рика (morika) 450
сънгва 760
тик 237
ница, пънукла 760
ор 579

3. srbskochorvatských

balega 794
cremuž 796
čisaonica 655 n.
čvor 579
da (partik.) 795
dijete 769
doći, dođem 793
duduk 211
dvojica 796
jemlješ 266
kaznьcь (stsrb.) 448
kočija 122
krčel, krčelo 118
krpel, krpeliti 118
lebetati, lebdjeti 212
lepetati, leptir 212
libiv 212
mnozina, množina 796
molika (dial.) 449
na, naj 794
nekolicina 769
omora 266
orebice (čak.) 271
pasmo 657 n.
predeno 667 n.
rbina 582
stabar 216
stuha (dial.) 449
voće 582
zduha (dial.) 449

4. slovinských

debər 585
finka 794
komaj 794
krčalo 118
krepeliti, krepelo 118
pinka 794
punca 794
strebati 208

5. českých

arkabuzirka 122
bosorka (dial.) 217
čněti 579
dráb, drabant 123
Erhard 190
hakovnice 122
houfnice 123
charva, charvati se, charviti (dial.) 210, 795
jaršiť sa (dial.) 241
jereš, jerš 241
kadík 761
kalupinka 586
kočí 121
krb 210
lekno 576
libový 212
lopot, lopotati se 212
merenda 586
mouniti 576
mula 576
obih 190
obr 204
oseň 271
Ouholice 190
ožanka 247
pasoch, posoch 190
paveza 123
sálati 585
škutiti 585
starati se 190
střebati 208
tlapa 585
trabant 123
výheň 580

6. lužickosrbských

gorniś (d.) 217
libotać so (h.) 212
lipotaś (d.) 212
votery (d.) 243

7. polských a kašubských

banialuky 796
bulba, bulwa 192
chaber 210[1]
charvańc (kaš.) 210
czchnąć 209
jełki 241
jersz 241
karczoch 192
kchnąć 209
łopotać 212
lubaszka 212
medł 209
moszcz 564
obrzym, obrzyn, olbrzym 205
pachoł 208
paruka 173
pasierb, pasirzb 207 n.
paweż 123
piękny 580
rdzeń 209
sarbać, serbać, sorbać 208
słota 202
słowień 201, 202
stolem, stoliman, stolin, stwolin 196, 205
warga 763
wiełot 196
wścibiać, wściubiać, wściupski 216
zgliszcze 579

8. ruských

авось 245
Алтих 236
арипей (dial.) 241, 242, 254
ахид (dial.) 236
варяжьское 331
велет, волот 196
власний (mrus.) 694
вожик (brus.) 251, 252
вот 244, 245
галка 579
діброва (mrus.) 585
евна, ёвна, ёвня (brus.) 239, 254
езеро (dial.) 270
елзать, елозить (brus.) 241
елкий (brus.) 241
ерепей (brus.) 241, 242
ерепениться 251
ерш 241
евня, евя (mrus.) 239, 242, 254
елозити (mrus.) 241
ерш (mrus.) 241
завше (mrus.) 688
йорж, йорш (mrus.) 241
ирій (mrus.) 580
їлкий (mrus.) 241
картохля (brus.) 192
кволий (mrus.) 585

кикимора 578
лабзить, лобзать 214
ламзать, ломзать 214
лахудра 577, 578, 579
лезеро (dial.) 270
лепетать 212
матаня 578
медлить 209
мелен 576
мзга 576
миздать 576
мозглый 576
москоть 564
мотор 576
музика, музыка, мусика 583
мулить 576
мур 576
нанич (mrus.) 694
ныра, проныра 194
Овдоким 236
Овдотья 236
овин 242, 254, 266, 580
Овсей 236
Овстрат 236
Овтих 236
оладья 236
Олгинья 236
Олег, Ольга 236, 261, 263
Олёна 236
Олизар 236
Олисафья 236
Олисей 236
олоньсь (strus.) 582
Олпат 236
Олфёр 236
омеж, омех, омешики 266
Омельян 236
Оноха 236
Опистимья 236
Опросинья, Офросинья 236
Опроско 236
Орша 556
оскеп 216
Остап 236
Офимья 236
Офимьян 236
Офрем 236
парикмахер 173
Польша 580
праця (mrus.) 694
присок (mrus.) 580
раллё (brus.), рілля (mrus.) 688
сербать 208
скила 585
стержень 209
стог 215
тировати (strus.) 582
тумак 578
хоравина 210
чванный 579
чех (strus.) 213
чолмоша 585
шиш 578
шишимора 578
щегла 579
щека 579
щи 579
щука 585
щупать 585
Якун 261[1]
ялозити (mrus.) 241

9. litevských

advos 248
amalos 248
antuka 577
apent 577
berždžia 794
eldija 248
epušis 248
erelis 248
iešmas 595
jauja 254
kadagys 761
kandu 674
kur 676
laibas, laibinti 211
luknė 576
magulas 576
manelis 576
mataras 576
maulioti 576
mazgoti 564
menčiu 576
miegoti 576
minkštas 576
myzgaruoti 576
mulas 576
munku, mukti 576
musos 576
naginė 577
nei 577
negi, negu 576
nėka(s) 576
nemiga 576
paslauga 201
pelkė 115
sakai 762
saldus 763
siela 579
slaugele, slaugyti 201
slykunas 203
slugti 201
sriebti, sriobti, sriuobti 208
sriuba 208
stabas, stabmeldis 215
surbiu 208
šarvas 210
šarvatas 795
švinas 763
vieta 580
zuikis 796
žemobuolys 192

10. lotyšských

alnis 248
iesms 595
kuožu 674
likste 576
maile 576
maurs 576
mîksts 576
musa 576
pogalīs 579
rubināt 582
sissis 578
sluga 201
stats 215
sulainis 448[1]
zemes ābuoli 192

11. staropruských

alne 248
assanis 248
ayculo 595
aysmis 595
kurtis 209
kurwis 209
muso 576
skurdis 209
slaiks 203
strigenos 209
warsus 763

12. staroindických

amīvā 266[1]
ava- 763
kālaḥ 673 n.
khādati 674
palitaḥ 763
bhāšatē 217
māšaḥ 453
jugalam 595
va 796
śr̥nga 763
sūpaḥ 579
sphurati 763
svar 763

13. iránských

k̓iunuga, činig (osset.) 563
māš (pers.) 453

14. arménských

gišer 763
knik̓ 563
kurm 215
hari, harkanem 254
maš 253
ozni 248
ur 676

15. řeckých

αἶκλοι 595
ἅλς 763
Ἀρχιπέλαγος 591
ἀσκός 217[1]
ἀχερούσια 247, 248, 265
βέλος 596[3]
ἐκκλησία 507
ἔστε 248
ἕτερος 269
εὐεργετεῖν 143
ζεύγλη 595
ἡέλιος 763
ἦτρον 585
καθολική 507
κέρας 763
κνώδοντες 674
κολᾶ 762
κύανος 763
μόσκος, μόσχος 564
ναός 507
ὄβελος 596
οἰκεῖος 507
ὁμοῖος 266
πάλκος 115
πελιός 763

ηλός 674
φέω 208
ῶς 57
αίρω 763
φράγγος 62, 63
άτηρ 794

16. albánských

ľege, bageľe 794
ešk 452
ľe 454
kε 451 n.
ndúre 451
šε 453
rϑ 115, 116
nuer 454
ekšľ-vi 451
snels 448
ľuš, kεľüš 454 n.
tét 116
m 451
gat 454
εłε, mułą 454
oδułε, motułε 453
ókεrε 451
uris, murizε 455
p 451
łε 451
ajε 452 n.
uar 119
avue 452
mε 455
ľur, šľor 456
ozε 453
ar, šparδε 453
łε 448
uvezε, trüezε 447 n.
ftε, vétεhε 794
rε, vεrí 454
šter 454

17. latinských

bo 581
ligo 673 n.
rnu 763
c 269
gulae 595
ustum 564
lus 115
l 763
l 763
rbeo 208
atium 453
ualidus, squalus 674

taurus 762
usque 248
ve 796
vesper 763

18. románských

archibugio (ital.) 122
arquebuse (franc.) 122
balegă (rum.) 794
baltă (rum.) 115
cetate (rum.) 116
cîrceie (rum.) 118
clamer (stfranc.), clamar (prov.) 192
cocârţeală (rum.) 118, 120
cocchio (ital.), coche (franc. špan.) 121, 122
corlobaie (rum.) 118
corman(ă), cormună (rum.) 119
cotigi (rum.) 121 n.
curmeá (rum.) 119
daltă (rum.) 115
dărăban, dorobanţ (rum.) 123
dominus 191 n.
draban (franc.) 123
gard (rum.) 116
gârloafă (rum.) 118
gîrniţă (rum.) 116
gorun, goron (rum.) 791
hăcuniţă (rum.) 123
molidv, molitf (rum.) 450
muscato (ital.) 564
obice (ital.) 123
obus (franc.) 122
palta (ital. dial.) 115
pavoză (rum.) 123
pistolese (ital.), pistoresa (špan.) 122
plug (rum.) 119
prag(e)ois, pragon, praguerie (franc.) 123
rumân (-în) 114, 116[1]
senior 191 n.
trabant (franc.) 123
vătáh, vătáf (rum.) 794

19. keltských

bó-airech (stir.) 763
fern (ir.) 454
salanu (stir.) 763
tarb (ir.) 762

20. germánských

artischocke (něm.) 192
asans (got.) 248
erdschocke (něm.) 192
grundbirne (něm.) 192
hackebusse (něm.) 122
haubitze (něm.) 123
kartoffel (něm.) 192
most (něm.) 564
parucke (něm.) 173
patate (něm.) 192
Ruma, Rumōneis (got.) 115
salt (pragerm.) 763
sarva (got.) 210
scaga (stangl.), schachen (něm.), skógr (stnord) 453
schlossen (něm.) 202
schlummer (něm.) 201
slāw (stangl.), slow (angl.) 201
slawan (got.) 201, 202
sluttr, sludd (norv.) 202
stütze (něm.) 215
sunna (pragerm.) 763
sūpan (stangl.) 579
vǫrr (stisl.) 763
wairilō (got.), weleras (stangl.) 763

21. neindoevropských

boila (βοιλα, tur.) 763
boszorka (maď.) 217
darabant (maď.) 123
düdük (tur.) 211
görög (maď.) 571
kep (protobulh.) 215
king (čín.) 563
koňov (mordvin.) 563
kormány (maď.) 119
könyv (maď.) 563
kumar- (fin.) 215
kumrā (syr.) 215
kunukku (assyr.) 563
tarabont (maď.) 123
urum (tur.) 114

22. Jména vlastní (osobní a geografická; viz i pod jednotlivými jazyky).

Abodritae 213 n.
Antai 203—205
Beskydy 216 n.
Bes(s)ové 216
Boruskoi 195
Brčko (sch.) 796
Budinoi 194
Čech 213
Δαλατάρβα (thrác.) 762
Dregoviči 197
Galindai 195
Gepidi 200
Humac (sch.) 794
Charb- (pol.) 210
Chrъvatъ, Chъrvatъ 198, 209, 795
Churdab (arab.) 203
Igilliones 196
Jarane (sch.) 794
Ještěd (čes.) 216 n.
Jošani (sch.) 794
Kladruby (čes.) 212
Kołdrąb (pol.) 212
Koledici 214 n.
Kolodruby (rus.) 212

Lemuzi 214 n., 586
Lojiště (sch.) 796
Luboša 221
Mitrovica (sch.) 796
Moskva (rus.) 564
Nemunas (lit.) 576
Neuroi 193 n.
Obodritae 213 n.
Oslava (čes.) 586
Παδίσαρα (thrác.) 761
Piengitové 216
Saloi 196
Σαπαῖοι (thrác.) 762
Sarbia, Sarbinowo, Sarbicko (pol.) 208, 209
Sarmunt 215
Sauaroi 214
Semnones 197 n.
Sěverjane 214
Sklavunos 202
Slované 199—203
Spaloi 196
Sporoi 196
Stauanoi 197
Stepenitz (něm.) 216
Stod (čes.) 215
Stodor 215
Sudinoi 195
Sulanes 196
Suobenoi 202
Sьrbъ 207—209
Τάρβος (thrác.) 762
Ugliči 197
Úslava (čes.) 586
Veletové 195 n., 204
Veneti, Wenden 194 n.
Wabnit (arab.) 203
Zirmunt 215